

РОССИЯ И РОССИЯНЕ В НОВОМ СТОЛЕТИИ:

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

*Исследования Новосибирской
экономико-социологической школы*

50-летию Института
ПОСВЯЩАЕТСЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN Branch
INSTITUTE OF ECONOMICS AND INDUSTRIAL ENGINEERING

RUSSIA AND THE RUSSIANS IN A NEW CENTURY: TIME CHALLENGE AND HORIZONS OF DEVELOPMENT

*Studies of the Novosibirsk
School of Economic Sociology*

Responsible editors:
academician T. I. Zaslavskaya,
doctor sociological science Z. I. Kalugina,
doctor sociological science O. E. Bessonova

NOVOSIBIRSK
PUBLISHING HOUSE OF THE Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

РОССИЯ И РОССИЯНЕ В НОВОМ СТОЛЕТИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

*Исследования Новосибирской
экономико-социологической школы*

Ответственные редакторы:
академик Т. И. Заславская
доктор социологических наук З. И. Калугина
доктор социологических наук О. Э. Бессонова

Новосибирск
Издательство Сибирского отделения
Российской академии наук
2008

УДК 330.101:316
ББК 60.5
Р76

Авторский коллектив

*В. А. Артемов, О. Э. Бессонова, С. В. Братюченко, М. И. Гаськова, Г. П. Гвоздева, Е. С. Гвоздева,
С. А. Ермаханова, З. И. Калугина, В. Ю. Комбаров, Л. В. Корель, П. Е. Лаврусевич, А. Р. Михеева,
О. В. Новохацкая, И. В. Октябрьская, С. Г. Саблина, Н. Е. Смирнова, С. В. Соболева, В. С. Тапилина,
О. П. Фадеева, И. И. Харченко, Т. Ю. Черкашина, О. В. Чудаева*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ),
грант № 08-06-07027, и Президиума Сибирского отделения РАН*

Р76 **Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и организации промышленного производства. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. — 748 с.**

Коллективная монография, являющаяся продолжением цикла работ Новосибирской экономико-социологической школы, содержит новые теоретические представления и эмпирические референты социальных сдвигов современного российского общества. В ней представлены оригинальные варианты объяснения российской реальности и обоснования горизонтов развития России с позиции общей теории институциональных трансформаций, модернизации и адаптации социальных систем. Дается оценка человеческого потенциала россиян как приоритетного ресурса и основного критерия развития общества; рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала; выявляются угрозы и риски человеческого развития, связанные с наркотизацией, алкоголизацией, детской безнадзорностью, депривацией и депопуляцией населения; обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

Книга адресована научным, деловым, административным кругам, студенчеству и всем интересующимся судьбами России.

A joint monograph, continuing a cycle of the works of the Novosibirsk school of economy and sociology, contains the novel theoretical concepts and empiric reviews of the societal shifts in the present Russian society. It reports the original variants explaining the Russian reality and substantiating the horizons of the development of Russia from a position of the general theory of institutional transformations, the modernization and adaptation of social systems. Human potential of the Russians is assessed as the main resource and criterion for social development. The problems and results of human potential “capitalization” are considered. The threats and risks of human development related to narcotization, alcoholization, child neglect, deprivation and depopulation are revealed. A new course of social and demographic policy is substantiated.

The book is intended for scientific, business, and administrative circles, students and those interested in the fortunes of Russia.

Рецензенты: доктор экономических наук Р. А. Гусейнов,
доктор экономических наук Г. А. Унтура,
доктор экономических наук А. С. Новоселов

Утверждено к печати Ученым советом
Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

УДК 330.101:316
ББК 60.5

ISBN 978-5-7692-1006-8

© Коллектив авторов, 2008
© ИЭОПП СО РАН, 2008
© Оформление. Издательство СО РАН, 2008

Оглавление

Предисловие	13
РАЗДЕЛ I	
<i>Социетальная трансформация в России: новый теоретический ракурс</i>	17
ГЛАВА 1. Парадигмальное переосмысление цивилизационного развития (<i>О. Э. Бессонова</i>)	19
ГЛАВА 2. Траектория развития цивилизационной матрицы России (<i>О. Э. Бессонова</i>)	40
ГЛАВА 3. Горизонты развития России в контексте новой парадигмы (<i>О. Э. Бессонова</i>)	62
Литература к разделу I	89
РАЗДЕЛ II	
<i>Социальные изменения, модернизация и адаптация в обновляющемся мире</i>	93
ГЛАВА 4. Эволюция, структуры сознания и матрицы развития в современных науках о человеке и обществе (<i>М. И. Гаськова</i>)	95
ГЛАВА 5. Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания (<i>Л. В. Корель</i>)	121
ГЛАВА 6. Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности (<i>Л. В. Корель</i>)	143
ГЛАВА 7. Адаптивные механизмы социальных систем: особенности строения и спецификация (<i>Л. В. Корель</i>)	170
ГЛАВА 8. Модернизация общества в зеркале субэлит: противостояние взглядов, суждений, позиций (<i>С. А. Ермаханова, Л. В. Корель</i>)	188
ГЛАВА 9. Социокультурные факторы модернизации: традиции и инновации, самобытность и универсальность (<i>С. А. Ермаханова</i>)	221
ГЛАВА 10. Механизм отчуждения от духовности в модернизи- рующемся российском обществе (<i>В. Ю. Комбаров</i>)	239
Литература к разделу II	255

РАЗДЕЛ III

Человеческий потенциал современного российского общества	263
ГЛАВА 11. Вызовы времени и человеческое развитие (<i>З. И. Калугина</i>)	265
ГЛАВА 12. Развитие человеческого потенциала России: кросскультурный и региональный аспекты (<i>Г. П. Гвоздева</i>)	281
ГЛАВА 13. Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития (<i>С. В. Соболева, О. В. Чудаева</i>)	299
ГЛАВА 14. Современные тенденции в сфере брака и семьи: опыт анализа на макро- и микроуровне (<i>А. Р. Михеева</i>)	312
ГЛАВА 15. Потенциал здоровья населения: российские реалии начала 2000-х годов (<i>В. С. Тапилина</i>)	335
ГЛАВА 16. Экономический потенциал населения России (<i>В. С. Тапилина</i>)	354
ГЛАВА 17. Личностный потенциал: что ценят в себе россияне (<i>Т. Ю. Черкашина</i>)	375
ГЛАВА 18. Человеческий потенциал коренных малочисленных народов Сибири (<i>З. И. Калугина, С. В. Соболева, В. С. Тапилина</i>)	389
ГЛАВА 19. Человеческий потенциал иммиграции (<i>С. В. Соболева, О. В. Чудаева</i>)	407
ГЛАВА 20. Этническая компонента в формировании человеческого потенциала Сибири (<i>И. В. Октябрьская, Н. Е. Смирнова</i>) ..	430
Литература к разделу III	446

РАЗДЕЛ IV

«Капитализация» человеческого потенциала россиян	455
ГЛАВА 21. Образовательные и профессиональные стратегии молодежи: сигналы среды и индивидуальные мотивы (<i>И. И. Харченко</i>)	457
ГЛАВА 22. Творческий потенциал научной молодежи: стимулы и барьеры его реализации (<i>Е. С. Гвоздева</i>)	493
ГЛАВА 23. Социальный капитал как фактор конкурентно- способности на российском рынке труда (<i>П. Е. Лаврусевич</i>)	511
ГЛАВА 24. Социальный капитал сибирского села (<i>О. П. Фадеева</i>) ...	534
ГЛАВА 25. Повседневные практики селян как отражение использования человеческого потенциала (<i>В. А. Артемов, О. В. Новохацкая</i>)	554
ГЛАВА 26. Социальная ответственность бизнеса как фактор развития человеческого капитала (<i>С. В. Братющенко</i>)	564

Литература к разделу IV	579
РАЗДЕЛ V	
Угрозы и риски человеческого развития и пути их преодоления	587
ГЛАВА 27. Демографическая безопасность России: факторы, проблемы, индикаторы (С. В. Соболева, О. В. Чудаева)	589
ГЛАВА 28. Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий (З. И. Калугина)	602
ГЛАВА 29. Образ сельской бедности: отражение статусной кристаллизации в сознании селян (С. Г. Саблина)	615
ГЛАВА 30. Сколько пьет Россия: объем, динамика, дифференциация и социальные аспекты потребления алкоголя (В. С. Тапилина)	640
ГЛАВА 31. Негативное потребление учащихся: риски и барьеры в обществе двойных стандартов (Г. П. Гвоздева, И. И. Харченко)	667
ГЛАВА 32. Риски детской безнадзорности в условиях трансформации брака и семьи (А. Р. Михеева)	698
ГЛАВА 33. Новый курс социальной политики как ответ на вызовы времени (З. И. Калугина, В. С. Тапилина)	709
ГЛАВА 34. Демографическая политика России (С. В. Соболева, О. В. Чудаева)	720
Литература к разделу V	738
Библиография (основные издания Новосибирской экономико-социологической школы, 2003—2008 гг.)	745
Сведения об авторах	748

Contents

Preface	13
PART I	
<i>Societal transformation in Russia: a novel theoretical foreshortening</i>	17
CHAPTER 1. Paradigmatic comprehension of civilized development (<i>O. E. Bessonova</i>)	19
CHAPTER 2. The trajectory of the development of the civilized matrix of Russia (<i>O. E. Bessonova</i>)	40
CHAPTER 3. The horizons of Russia development in the context of a new paradigm (<i>O. E. Bessonova</i>)	62
References to Part I	89
PART II	
<i>Social changes, modernization and adaptation in the reviving world</i>	93
CHAPTER 4. Evolution, structures of consciousness and matrices of development in the present sciences about human nature and society (<i>M. I. Gas'kova</i>)	95
CHAPTER 5. The Russian modernization project and adaptation: growth potential and creation limits (<i>L. V. Korel</i>)	121
CHAPTER 6. Adaptation in the unsteady world: from tradition to rationality (<i>L. V. Korel</i>)	143
CHAPTER 7. Adaptive mechanisms of social systems: the peculiarities of structure and the specification (<i>L. V. Korel</i>)	170
CHAPTER 8. Modernization of society in the mirror of subelites: opposition of views, opinions and positions (<i>S. A. Ermakhonova, L. V. Korel</i>)	188
CHAPTER 9. Social and cultural factors of modernization: traditions and innovations, originality and universality (<i>S. A. Ermakhonova</i>)	221
CHAPTER 10. The mechanism of estrangement from spiritual life in the modernizing Russian society (<i>V. Yu. Kombarov</i>) ...	239
References to Part II	255

PART III

Human potential of the present Russian society 263

CHAPTER 11. Time challenge and human development
(*Z. I. Kalugina*) 265

CHAPTER 12. The development of human potential of Russia:
crosscultural and regional aspects (*G. P. Gvozdeva*). 281

CHAPTER 13. Demographic and working potentials of Russia:
the present tendencies and prospects of development
(*S. V. Soboleva, O. V. Chudaeva*) 299

CHAPTER 14. The up-to-date tendencies in the sphere of marriage
and family: on the basis of macro- and microlevel analysis
(*A. R. Mikheeva*) 312

CHAPTER 15. Health potential of population: the Russian reals at the
beginning of the 2000s (*V. S. Tapilina*) 335

CHAPTER 16. Economic potential of the Russian population
(*V. S. Tapilina*) 354

CHAPTER 17. Personal potential: what the Russians
think of themselves (*T. Yu. Cherkashina*) 375

CHAPTER 18. Human potential of the aboriginal scanty population of
Siberia (*Z. I. Kalugina, S. V. Soboleva, V. S. Tapilina*) 389

CHAPTER 19. Human potential of immigration (*S. V. Soboleva,
O. V. Chudaeva*) 407

CHAPTER 20. Ethnic component of human potential formation in Siberia
(*I. V. Oktyabr'skaya, N. E. Smirnova*) 430

References to Part III 446

PART IV

«Capitalization» of human potential of the russians 455

CHAPTER 21. Educational and professional strategies of youth:
the signals of environment and individual motives
(*I. I. Kharchenko*) 457

CHAPTER 22. Creative potential of scientific youth: stimuli
and barriers of its realization (*E. S. Gvozdeva*) 493

CHAPTER 23. Social capital as a factor of competitiveness
in the Russian working market (*P. E. Lavrusevich*) 511

CHAPTER 24. Social capital of Siberian village (*O. P. Fadeeva*) 534

CHAPTER 25. Daily duties of villagers as a reflection of human potential
application (*V. A. Artemov, O. V. Novokhatskaya*) 554

CHAPTER 26. Social responsibility of business as a factor of human
capital development (*S. V. Bratyushchenko*) 564

References to Part IV 579

PART V

<i>Threat and risks of human development and the ways of their overcoming</i>	587
CHAPTER 27. Demographic safety of Russia: factors, problems, indicators (S. V. Soboleva, O. V. Chudaeva)	589
CHAPTER 28. Deprivation of rural population in the conditions of the failure of agricultural enterprises (Z. I. Kalugina) . . .	602
CHAPTER 29. The form of rural poverty: reflection of status crystallization in the consciousness of villagers (S. G. Sablina)	615
CHAPTER 30. How much the Russians drink: volume, dynamics, differentiation and social aspects of alcohol consumption (V. S. Tapilina)	640
CHAPTER 31. Pupil negative consumption: risks and barriers in the society of double standards (G. P. Gvozdeva, I. I. Kharchenko)	667
CHAPTER 32. Risks of child neglect in the conditions of marriage and family transformation (A. R. Mikheeva)	698
CHAPTER 33. A new course of social policy as a response to time challenge (Z. I. Kalugina, V. S. Tapilina)	709
CHAPTER 34. Demographic policy of Russia (S. V. Soboleva, O. V. Chudaeva)	720
References to Part V	738
Bibliography (main editions of the Novosibirsk economic and sociological school, 2003—2008)	745
Information about authors	748

Предисловие

Данная книга является продолжением цикла коллективных монографий, отражающих результаты исследований Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ), которая ставит во главу угла целостное восприятие социальных систем, выявление социальных механизмов и последствий трансформационных процессов на основе разработки такого понятийного аппарата, который позволяет учесть и понять реальные закономерности общественного развития.

Первая книга этого цикла — «Социальная траектория реформируемой России» (1999) послужила своеобразным вкладом в дискуссию об исторических судьбах нашего общества. В ней представлены логика развития НЭСШ как методологии исследования российского общества с позиции теории социального механизма, результаты эмпирических исследований реформирования крупных секторов экономики, а также изменений в социальной структуре общества.

В фокусе второй монографии «Россия, которую мы обретаем» (2003) была деятельностно-структурная концепция постсоветских трансформационных процессов, послужившая основой эмпирического анализа состояния российского общества конца 1990-х годов по трем осям: институциональная система, социальная структура, человеческий потенциал. Институциональный блок был неотъемлемым элементом в методологии социального механизма и ранее. Однако при изучении относительно стабильного советского общества он не находился в центре внимания исследователей. В условиях радикальных общественных перемен, в основном инициированных сверху, влияние социальных институтов на ход общественного развития неизмеримо возросло. Соответственно институциональный подход стал центральным направлением исследований НЭСШ и нашел свое применение в изучении макро- и микропроцессов в этот период. Благодаря реализации институциональной методологии были получены качественно новые результаты в исследованиях трансформационных процессов вплоть до разработки целостной институциональной теории хозяйственного развития России. Институциональная методология позволила органично увязать макро- и микроуровни исследований, потребовала расширения временных границ анализа и способствовала появлению новых его перспектив.

Теоретико-методологический подход НЭСШ начала 2000-х гг. аккумулировал научные достижения всех этапов и разных ветвей развития Школы. В этом смысле он был подготовлен всем ходом развития НЭСШ и стал новым этапом ее творческого пути, не возможным без интенсивного интеллектуального поиска главных теоретиков школы. Разработанные Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной концепции и теории, ставшие ядром отечественной версии экономической социологии, дали толчок развитию экономико-социологических исследований в России и открыли для них новую научную перспективу.

Таким образом, характерной чертой научного осмысления современных социальных процессов является устойчивое стремление к реализации целостного подхода к познанию российского общества, его отдельных элементов, сфер и «срезов», к разработке таких теорий, которые выявляют сущностные черты, связи, механизмы и закономерности трансформации общества и экономики.

В этот период в рамках Школы были разработаны *институциональная теория хозяйственного развития России* (д-р социол. наук О. Э. Бессонова); *теория институциональных матриц* (д-р социол. наук С. Г. Кирдина); *социолого-экономическая концепция трансформации свободы* (д-р социол. наук М. А. Шабанова); *вопросы теории, методологии и методики социологии адаптаций, в том числе социально-экономических систем* (д-р социол. наук Л. В. Корель); *новая парадигма сельского развития* (д-р социол. наук З. И. Калугина, О. П. Фадеева).

Предлагаемая читателю книга состоит из пяти взаимосвязанных разделов, отражающих как теоретические представления, так и эмпирические референты социетальных сдвигов современного российского общества. В первом разделе представлена интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития, открывающая новые перспективы для понимания исторического пути России и переосмысления «генетической» совместимости классического рынка с российской экономической системой. Теоретическое моделирование целостной картины мира осуществляется путем не механического проецирования западного взгляда на незападные реалии, а выстраивания ее на основе опыта и действительности той части мира, к которой геокультурно принадлежит наша страна. При этом концепции и понятия западной науки не отвергаются, а переосмысливаются, уточняются и достраиваются. Особое внимание уделяется исторической динамике и цивилизационной специфике развития российского общества, а также институциональным и социальным механизмам социетальных сдвигов.

Второй раздел книги погружает читателя в теоретико-методологические проблемы адаптации в трансформирующемся обществе. Здесь анализируются механизмы и характер адаптации по мере перехода общества от традиционного к современному типу, рассматриваются место и роль адаптивных процессов в модернизации российского общества,

а также требования, которые предъявляет модернизационный процесс к адаптации как социальных систем в целом, так и отдельных социальных групп. Роль социокультурных факторов (традиций и инноваций, самобытности и универсальности) в модернизационных процессах показывается на основе оценок, мнений и суждений субэлит.

Оценка уровня развития человеческого потенциала: демографического, трудового, экономического, личностного, производится на уровне как страны в целом, так и отдельных социально-демографических групп — молодежи, коренных малочисленных народов Сибири, этнических групп, иммиграции (третий раздел). Четвертый раздел книги посвящен проблемам «капитализации» человеческого потенциала.

Оригинальные авторские разработки, методики анализа, обобщение результатов конкретных социолого-статистических исследований, представленные в пятом разделе, позволили выявить угрозы и риски человеческого развития, связанные с наркотизацией, алкоголизацией, детской безнадзорностью, депривацией и депопуляцией населения, а также обосновать новый курс социальной политики, нацеленной на преодоление негативных тенденций в развитии человеческого потенциала и обеспечение демографической безопасности страны.

Авторы не всегда сходятся в оценках и прогнозах, что неизбежно при противоречивости и сложности современного общества.

В процессе подготовки рукописи мы не стремились к всеобщему единству мнений, предоставив авторам свободу изложения собственных взглядов и мыслей и надеясь на то, что читатель не упрекнет нас за многоголосье и разнообразие точек зрения.

Исследования авторского коллектива, результаты которых представлены в данной книге, реализовывались при финансовой поддержке отечественных и зарубежных научных фондов: Российского гуманитарного научного фонда (проекты: «Инновационные процессы в аграрном секторе: согласование интересов ключевых субъектов»; «Брошенные деревни в пореформенной России: механизмы возникновения и пути преодоления депривации сельских сообществ»; «Риски социального сиротства в изменяющейся России: детерминанты макро- и микроуровня»; «Анализ структуры и тенденций формирования социальных издержек в системе профессионального образования и на рынке труда»; «Социальные и личностные факторы риска употребления наркотиков среди студенчества»; «Социальные и личностные аспекты негативного потребления среди молодежи: факторы риска и защиты»; «Малочисленные коренные народы Северного Алтая: реальность и перспективы»; «Бета-регрессия в анализе иерархий социально-экономических объектов»), Российского фонда фундаментальных исследований, Президиума СО РАН, Сибирского отделения РАН (комплексные интеграционные проекты СО РАН: «Развитие человеческого потенциала Сибири в условиях социальных и экономических инноваций», «Азиатский вектор миграции

и проблемы сохранения социально-демографического и этнокультурного потенциала Сибирского федерального округа»; проект: «Сибирский потенциал экономики знания и роль среднего класса в ее развитии», осуществляемый в рамках Программы Президиума РАН «Экономика и социология знания»; Грант Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН «Субъективное качество жизни: индивидуальные и социальные возможности изменения»; Мирового банка («Бедные в экономической стратификации населения России») и др.

Кроме того, мы искренне признательны Президиуму СО РАН за финансовую поддержку ежегодных социологических экспедиционных исследований в районы Сибири.

Авторский коллектив выражает свою признательность группе математического обеспечения (рук. В. С. Костин), чьи оригинальные разработки способствовали снижению трудоемкости обработки социологической информации и повышению надежности выводов, а также научным рецензентам книги докторам экономических наук Р. А. Гусейнову, Г. А. Унтуре, А. С. Новоселову, чьи принципиальные замечания помогли улучшить логику и стиль изложения, повысить аргументированность отдельных положений авторов. Мы выражаем свою благодарность Н. С. Кошелевой, оказавшей неоценимую помощь в подготовке рукописи книги к изданию, а также Н. А. Лившиц, литературному редактору книги, значительно улучшившему авторский слог.

РАЗДЕЛ I

СОЦИЕТАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ: НОВЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАКУРС

ГЛАВА 1. Парадигмальное переосмысление цивилизационного развития

ГЛАВА 2. Траектория развития цивилизационной матрицы России

ГЛАВА 3. Горизонты развития России в контексте новой парадигмы

ГЛАВА 1

Парадигмальное переосмысление цивилизационного развития

Современная общественная наука обогатилась множеством новых теоретических подходов, помогающих объяснять отдельные фрагменты социальной реальности. Между тем существует потребность в теории, раскрывающей общие закономерности цивилизационного развития. В частности, отсутствует теоретическая рационализация нового курса российского правительства, направленного на возвращение государству роли активного хозяйственного субъекта. По существу, необходимо заново осмыслить «генетическую» совместимость классического рынка с российской экономической системой. Обществоведы пока не пришли к единому мнению относительно того, происходит ли временный краткосрочный «поворот назад», как считают сторонники западно-либеральной концепции, или осуществляется прогрессивное развитие в новых институциональных формах.

Дискуссия об историческом пути развития России практически не прекращалась весь трансформационный период. Однако несколько волн подобных обсуждений как в узких научных кругах, так и в широком информационном поле заканчивались одним и тем же результатом. Дискутанты делились на три группы: те, кто считает Россию западной страной, но с отсталым развитием и требующей модернизационных программ, вторая группа — это те, кто уверен, что Россия была направлена по восточному пути где-то в период Золотой Орды и теперь уже вряд ли с него свернет, и, наконец, группа «особистов» — сторонников самобытного евро-азиатского (промежуточного между Западом и Востоком) пути развития, который не поддается институциональной операционализации, а выражается в абстрактных терминах национальной специфики и русского менталитета.

Постоянно повторяющийся результат дискуссии связан с более чем столетним господством парадигмы двух путей цивилизационного развития, в рамках которой страны делятся на идущие либо по демократическому и рыночному пути, либо по авторитарному и нерыночному.

Парадигмы, как известно, имеют существенное значение при интерпретации фактов социальной действительности. Более того, они настолько проникают в сознание определенного поколения, что возникает ощущение: они и есть реальность. До поры до времени — пока не появится «аномалия», т. е. проблема, не решаемая средствами данной парадигмы. Именно к такому типу проблем и принадлежит характер истори-

ческого развития российской цивилизации. «Российские интеллектуалы постоянно разделены на либералов-западников и почвенников-традиционалистов. Своей непримиримой борьбой эти два лагеря не дают сложиться ни цивилизованному российскому патриотизму, ни укорененному на российской почве западничеству. В условиях современного глобализирующегося мира с его сложными и многообразными внутренними связями односторонность ведет к утрате эвристической ценности и способности адекватно понимать реальность» [Пантин, 2000. С. 2—3].

Невозможность однозначного соотнесения пути России ни с одним из двух названных вариантов развития, а также современный курс институциональных новаций и приобретение российской экономикой черт, не вписывающихся в уже известные науке типы хозяйственных систем, ставят под сомнение адекватность парадигмы двух путей цивилизационного развития.

Здесь представлена новая парадигма, разработка которой осуществлялась в три этапа (табл. 1.1).

Новая парадигма построена на следующих **фундаментальных принципах**:

холистическое (целостное) *восприятие* социальной реальности;
представление о *дуальности противоположностей* в рамках *единой целостности*;

объяснение развития на основе *циклической модели динамического равновесия*;

соотнесение двух противоположностей по принципу «*доминантности-компенсаторности*» — если одна из них доминирует, то вторая играет компенсаторную роль и наоборот;

видение *интегральной перспективы* как стремления к согласованному единству дуальных противоположностей.

Методологические отличия интегрально-институциональной парадигмы от традиционной представлены в табл. 1.2.

Живучесть традиционной парадигмы двух путей цивилизационного развития проявляется в том, что она воспроизводится в разных теоретических конструкциях и регулярно предстает в новом концептуальном анту-

Таблица 1.1

Этапы разработки интегрально-институциональной парадигмы цивилизационного развития

Этап	Годы	Уровень	Теория	Источник
I	1980-е	Средний	Теория жилищных систем	Жилье: рынок и раздача [Бессонова, 1993]
II	1990-е	Макро-	Теория раздаточной экономики	Раздаточная экономика России [Бессонова, 1997, 1999, 2006а]
III	2000-е	Мега-	Общая теория институциональных трансформаций	Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира [Бессонова, 2006б, 2007а]

Таблица 1.2

Сравнение новой интегрально-институциональной и традиционной парадигм цивилизационного развития

Черта парадигмы	Традиционная парадигма	Новая парадигма
Представление о социальной реальности	Фрагментарность, разделенность на сферы и структуры	Целостное, интегральное восприятие общества
Соотношение истории и современности	Разделенность истории и современности	История как жизненный цикл социальной системы
Соотношение локального и глобального	Разделенность глобального и локального, разобщенность теоретических и эмпирических исследований	Локальное — органическая часть глобального
Соотношение объективного и субъективного	Противопоставление объективного и субъективного, закономерного развития и активно-деятельностной субъектности	Активно-деятельностный субъект в границах объективных возможностей
Представление о закономерностях	Неотвратимая данность, регламентирующая общественный процесс и блокирующая свободу воли	Наличие эволюционной программы развития с широкими возможностями субъектов по качественной ее реализации
Базовая методология	Системная методология: конструирование систем	Матричная методология: выявление матриц и расшифровка программ развития

раже, не меняя при этом своих априорных догм, давно утративших связь с историческими фактами и современными реалиями [Бессонова, 2007б].

Необходимость смены парадигмы поставлена самой жизнью — исторический путь России и современный этап в ее развитии все еще остаются для общественной науки «аномалиями». В новой картине мира на основе интегрально-институциональной парадигмы дается качественно иное понимание цивилизационного развития вообще и траектории развития России в частности.

Структуры социальной реальности

Интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития базируется на синтезе цивилизационного, формационного и институционального подходов. В связи с изменением точки сборки категории этих подходов приобретают новое качество, увязываются между собой в единый научный язык, в результате чего создается целостная картина мира, в фокусе которой находятся цивилизационные матрицы (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Уровни социальной реальности

Уровень объекта	Институциональная конфигурация	Структура реальности
Глобальная цивилизационная матрица	Институциональный архетип	Глобальные сферы
Локальная цивилизационная матрица	Институциональное ядро	Реальные среды
Государство	Институциональная матрица	Социальные подсистемы

Глобальные закономерности развития человеческой цивилизации и универсальные этапы ее эволюции определяются **глобальной цивилизационной матрицей**. Каждое государство при этом имеет собственную **локальную цивилизационную матрицу**, которая преломляет общие закономерности для отдельных цивилизаций и определяет специфику прохождения всеобщих универсальных этапов развития. Локальная цивилизационная матрица формирует глубинные процессы эволюции, в то же время все разнообразие форм общественной жизни разворачивается в рамках **государства** и отражается в институциональной матрице (рис. 1.1). Закономерности понимаются как наличие эволюционной программы развития с широкими возможностями субъектов по качественной ее реализации, а не как неотвратимая данность, регламентирующая общественный процесс и блокирующая свободу воли.

Глобальная цивилизационная матрица

Под глобальной цивилизационной матрицей понимается саморазвивающаяся, саморегулируемая и самовоспроизводящаяся система выживания человечества. Глобальная цивилизационная матрица обеспечивает единство и целостность мира.

Центральный элемент глобальной цивилизационной матрицы — институциональный архетип, представляет собой набор универсальных способов координации коллективной деятельности, «очищенных» от специфики исторического времени и национальных особенностей народов.

Институциональный архетип (от греческого «арх» — начало, «типос» — образец) имеет дуальную природу — с одной стороны — рыночную, с другой — раздаточную. Это означает, что координация деятельности может строиться либо по типу рынка (горизонталь, паритета, партнерства), либо по типу раздатка (вертикаль, иерархии, соподчинения). Эти две стороны одного институционального архетипа представляют собой универсальные модели взаимодействия. Они равноценны и равнозначны. Более того, они никогда не существуют друг без друга и органично дополняют друг друга.

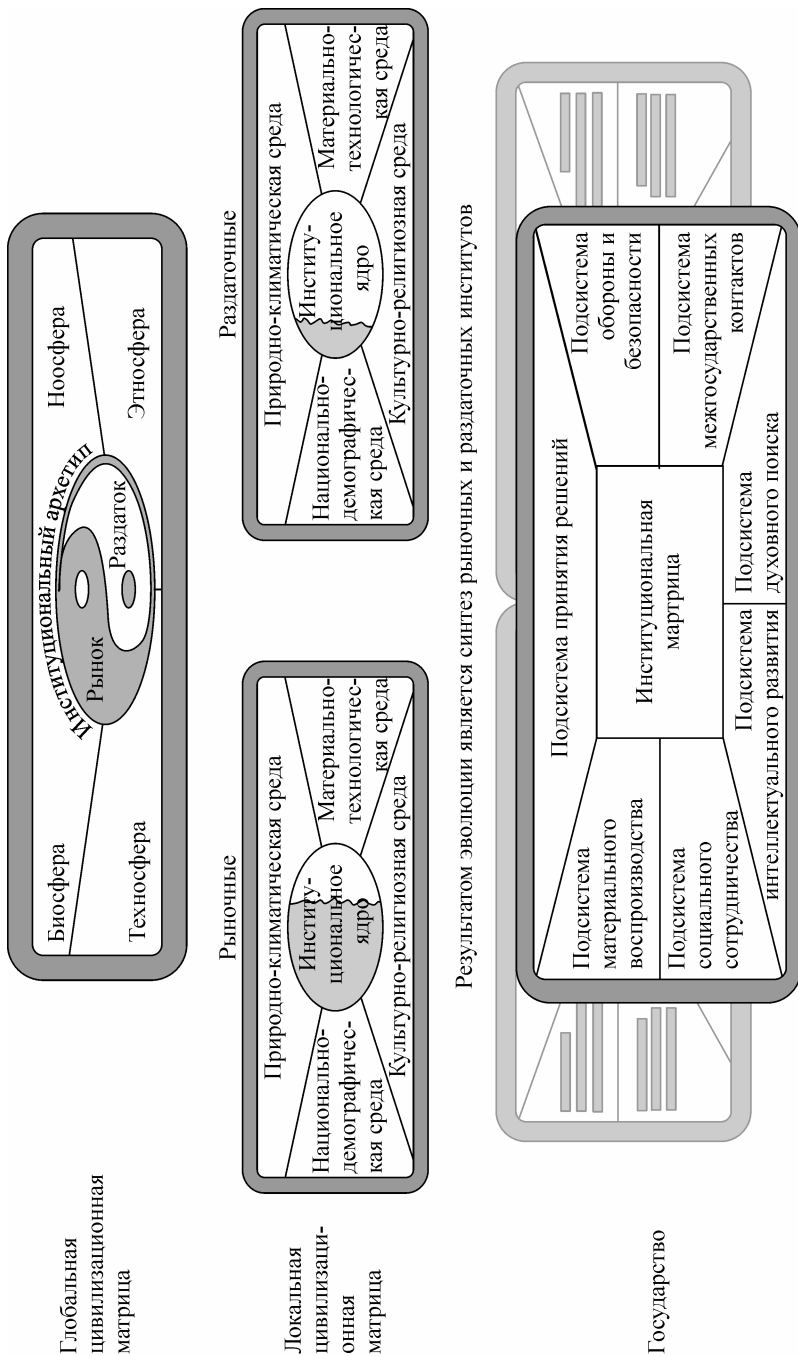

Рис. 1.1. Структуры социальной реальности.

Дуальность институционального архетипа выражается в том, что между его сторонами выстраиваются отношения доминантность—компенсаторность, т. е. в то время когда одна сторона доминирует, другая сторона институционального архетипа играет лишь компенсаторную, вспомогательную роль. Несмотря на взаимное нераздельное сосуществование и стремление к гармонизации, рынок и раздаток противопоставлены друг другу как конкуренты за координацию любого вида деятельности.

Рынок и раздаток — две стороны единого институционального архетипа, они не являются атрибутами конкретной исторической эпохи и имеют вневременной смысл. Государство, в экономике которого прева­лирует частная собственность, отношения купли-продажи и прибыль как стимул к развитию, осуществляет эволюцию на базе рыночного архетипа. Если же в хозяйстве доминирует общественно-служебная собственность, отношения сдач-раздач и жалобы как сигнал обратной связи, то это государство развивается на принципах раздаточного архетипа, независимо от исторической эпохи.

Институциональный архетип увязывает в единое органичное целое глобальные сферы, к которым относятся:

биосфера — экологическая система земного шара, представляющая собой единый природный комплекс, образованный живыми организмами и средой их обитания, связанными между собой обменом веществ и распределением энергетического потока;

этносфера — общность людей, объединенных языком, культурой и самосознанием, совместно проживающая в определенном территориальном ландшафте и сформировавшая неповторимый стереотип поведения и субъективную приверженность своему сообществу, способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды составляет человеческий потенциал этноса;

техносфера — совокупность материальных продуктов, удовлетворяющих сложившийся тип общественного потребления, созданных из природных веществ трудом человека для защиты от факторов природной среды. Основу техносферы составляет технологический уклад, в рамках которого осуществляется производственный цикл на базе исторически сформированных орудий труда, техники, профессионального мастерства и трудовой этики;

ноосфера — сфера «мирового разума» и общественного сверхсоздания, аккумулирующая творческую энергию, сопровождающуюся пассивными выбросами, насыщающая образами и архетипами коллективное бессознательное, в рамках ноосферы осуществляются духовный поиск и интеллектуальное развитие человечества, формируются научные и религиозные картины мира.

Локальные цивилизационные матрицы

Локальные цивилизационные матрицы строятся «по образу и подобию» глобальной цивилизационной матрицы, они формируются в реальных средах, обособлены и самодостаточны.

Центральным элементом каждой локальной цивилизационной матрицы является **институциональное ядро**, увязывающее в единую систему четыре **локальные реальные среды** (каждая сфера глобальной матрицы имеет проекцию в локальной матрице в виде соответствующей среды):

природно-климатическая среда — часть биосферы, локализованная в территориальных границах определенного государства, природно-климатические особенности которого выражаются в различиях пространственной протяженности, запасов природных ресурсов, географической близости к центрам роста мировой экономики, климатической нагрузки на экономику;

национально-демографическая среда — совокупность разных национальностей, объединенных единым языком, составляющих суперэтнос данной локальной цивилизации;

материально-технологическая среда — совокупность элементов техносферы определенного уровня развития, которого достигла данная локальная цивилизация в конкретный исторический момент;

культурно-религиозная среда — религиозная основа и совокупность уникальных культурных черт, составляющих духовный и интеллектуальный каркас данной локальной цивилизации.

Институциональный архетип глобальной цивилизационной матрицы на локальном уровне воплощается в институциональные ядра, которые состоят из базовых и компенсаторных институтов, а также формационного элемента.

Базовые институты — исходные институциональные элементы, в которых закрепляется сущность каждой из сторон институционального архетипа при проявлении их на поверхности локальной цивилизационной матрицы. Набор базовых институтов строго определен. Он является необходимым условием для адекватной реализации рыночного или раздаточного архетипа в конкретных социальных технологиях, с помощью которых осуществляется взаимодействие и координация человеческой деятельности.

К числу базовых институтов относятся: институт обмена*, институт собственности, институт обратных связей, или сигнальный институт. Базовые институты никогда не существуют в «чистом» виде, они прояв-

* Термин «обмен» обычно используется как синоним отношениям купли-продажи, однако на самом деле они соотносятся между собой как родовое и видовое понятия, т. е. отношения купли-продажи лишь одна из форм обмена, свойственная рыночному типу координации, другая форма обмена — сдачи-раздачи, свойственна раздаточному типу.

Таблица 1.4

Структура институционального ядра

Элемент институционального ядра	Рыночный тип	Раздаточный тип
Базовые институты обмена	Продажа Купля	Сдача Раздача
Базовый институт собственности	Частная собственность	Общественно-служебная собственность
Базовый сигнальный институт	Прибыль	Жалобы
Компенсаторный институт	Институт государственного регулирования и социального обеспечения	Институт рыночной торговли и частного предпринимательства
Формационный элемент	Частный труд	Служебный труд

ляются в конкретных формах определенной стороны институционального архетипа (табл. 1.4).

В случае доминирования раздаточных институтов компенсаторными выступают рыночные институты, представленные в виде института рыночной торговли и частного предпринимательства; если доминируют рыночные институты, то компенсаторным институтом выступает институт государственного регулирования и социального обеспечения, охватывающий всю совокупность раздаточных институтов.

Формационный элемент — своего рода стержень институционального ядра, который придает базовым институтам определенную форму на конкретном историческом этапе. Формационный элемент по своей сути — это модель трудовых отношений: для рыночных институциональных ядер — это модели частного труда как труд на частное лицо или частную организацию; для раздаточных институциональных ядер — модели служебного труда как труд на общество (государство) в том или ином виде. Если при частном труде работник управляется менеджером частной компании или собственно ее владельцем по внутренним правилам этой организации, то в случае служебного труда управление осуществляется государственными органами по правилам, единым для всего государственного хозяйства.

Государство

Государство — это: 1) практическая реализация локальной цивилизационной матрицы в территориальном пространстве жизнедеятельности определенного человеческого сообщества, 2) общественная система, регулируемая институциональной матрицей. Государство как социальная система распадается на семь подсистем, имеющих внутреннюю сис-

Таблица 1.5

Институциональная матрица

Правила	Форма проявления	Механизм контроля
Формальные	Законодательное оформление базовых и компенсаторных институтов	Административная и уголовная ответственность, прокуратура, суды
Неформальные	Нормы солидарности, привычки, традиции, обычаи	Репутация; сословная, профессиональная и религиозная этика; дружеские и семейные отношения

темную задачу, вследствие чего они и получили свои названия. Это подсистемы:

принятия и реализации решений (власть, управление, политика, идеология);

обороны и безопасности (армия, судебная система, правоохранительные органы, пенитенциарная система, структуры госбезопасности);

материального воспроизводства — раздаточная или рыночная экономика (народное хозяйство, отрасли, технологии);

социального сотрудничества (семья, социальное обеспечение, социально-групповое взаимодействие);

интеллектуального развития (образование, наука);

духовного поиска (религия, философия, культура, искусство);

межгосударственных контактов (внешняя политика, внешняя торговля, миграция).

В институциональной матрице совокупность форм базовых и компенсаторных институтов выражена в виде законодательных норм и правил конкретного исторического периода (табл. 1.5). Если локальная цивилизационная матрица имеет латентную природу, то институциональные матрицы — это упорядоченный и структурно сведенный воедино свод законов определенной эпохи, по которым можно определить уровень и этап развития цивилизационной матрицы.

Происхождение разных типов экономики

Окружающая реальность представляет собой многоуровневую структуру: на глобальном уровне — глобальные сферы, на локальном цивилизационном уровне — реальные среды как проекции глобальных сфер и на уровне государства — социальные подсистемы как преобразованные и вписанные в социальный контекст реальные среды. Изменения в глобальных сферах и реальных средах — источник Вызовов для цивилизационных матриц (рис. 1.2).

Институциональное устройство в виде триединой конфигурации: институциональный архетип — институциональное ядро — институциональная матрица, выражает «генную» природу цивилизационных мат-

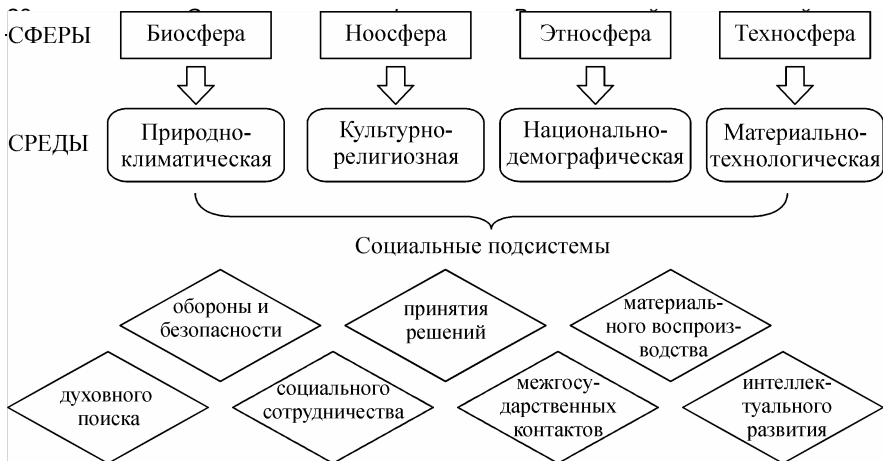

Рис. 1.2. Структура окружающей реальности.

риц и содержит эволюционную программу в виде ограничений на выбор траектории развития.

Институциональная природа рыночной и раздаточной экономики определяется уровнем объекта: на уровне глобальной цивилизационной матрицы «рынок» и «раздаток» представлены как две стороны институционального архетипа в виде универсальных принципов координации, на уровне локальной цивилизационной матрицы — в виде базовых и компенсаторных институтов институционального ядра, и на конкретном уровне государства — в виде реальных экономических отношений в законодательном оформлении институциональной матрицы (рис. 1.3).

Фундаментальным выводом общей теории институциональных трансформаций является правило происхождения рыночного или раздаточного типа экономики в определенном географическом ареале: доминирующей в институциональном ядре локальной цивилизационной мат-

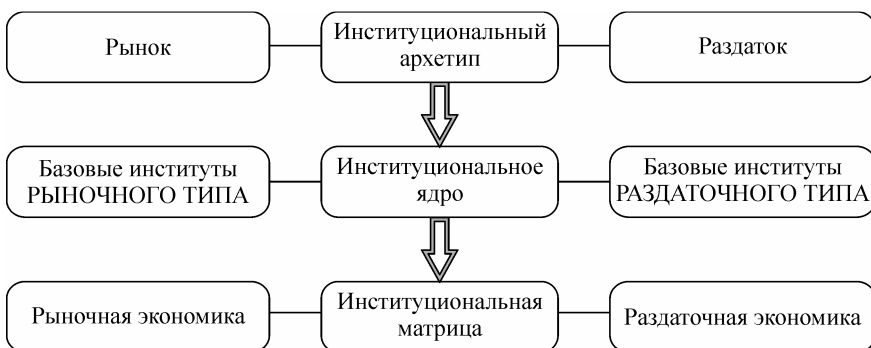

Рис. 1.3. Институциональная природа рыночной и раздаточной экономики.

Таблица 1.6

Парадигмальные различия категорий «распределение» и «раздаток»

Распределительная система	Раздаточная система
Искусственная, субъективная	Естественная, объективная
Внеисторическая, сконструированная диктаторами	Имеет длительную перманентную историческую протяженность
Отсутствуют сигналы обратной связи и механизм саморегуляции	Сигналы обратной связи (в форме жалоб) обеспечивают механизм саморегуляции
Обслуживает только авторитарные (тоталитарные) режимы	На определенном этапе развития, как и рыночная система, становится демократической
Антипод рынка, антагонизм с рыночными институтами	Сосуществует с рыночными институтами на принципах «доминантности-компенсаторности»
Государственно-принудительный характер труда	Служебная организация труда с базовой мотивацией служения

рицы становится та сторона архетипа, которая обеспечивает эффективное согласование всех реальных локальных сред: природно-климатической, материально-технологической, национально-демографической и культурно-религиозной. Другими словами, «рождение» того или иного типа экономики происходит на основе институциональной оптимизации параметров окружающей реальности.

Общая теория институциональных трансформаций оперирует новой категорией «раздаток» («раздаточная экономика»), которая может быть воспринята лишь как синоним широко используемой категории «распределение». Однако между этими двумя категориями существует принципиальная разница. При использовании в научном обороте категории «раздаток» (раздаточная система) осуществляется парадигмальный сдвиг: вводится иное представление о социальной реальности, чем то, которое «содержится» в категории «распределительная система» (табл. 1.6).

Глобальные закономерности цивилизационного развития

Цивилизационное развитие — это социально-исторический процесс реализации эволюционной программы, в рамках которого цивилизационные матрицы переходят с одного уровня развития на другой в пространстве, задаваемом тремя осями: формационной, институциональной и осью государственности, связанными друг с другом в определенной логике (рис. 1.4, табл. 1.7).

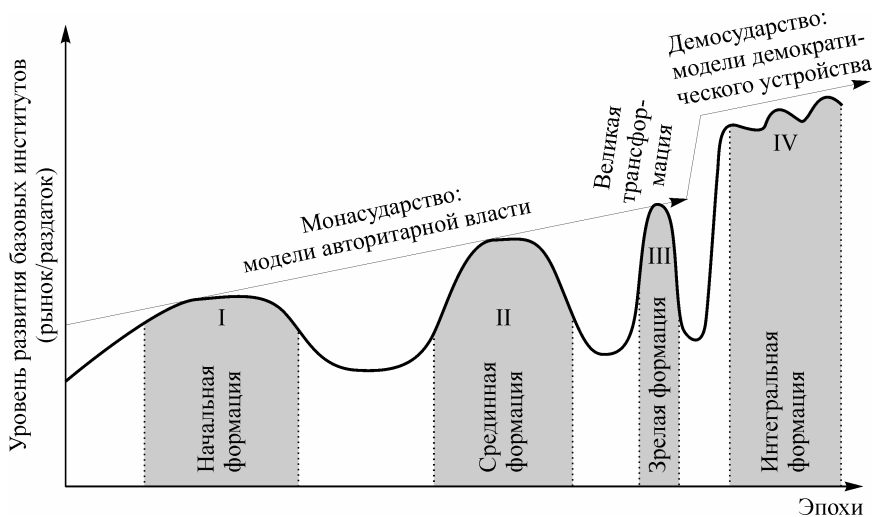

Рис. 1.4. Траектория цивилизационного развития.

Таблица 1.7

Оси цивилизационного развития

Ось развития	Объект развития
Формационная ось	Формации и трудовые модели
Институциональная ось	Формы базовых компенсаторных институтов
Ось государственности	Отношения государства и личности

Формационная ось развития

Формационная ось — это ось эволюции моделей трудовых отношений, изменения на которой проявляются в смене формационного элемента. Экономические периоды, в которых господствует определенный формационный элемент, называются **формациями** и представляют собой универсальные этапы развития, которые в своем собственном ритме проходит каждая локальная цивилизационная матрица.

Смена формационного элемента, а следовательно, и смена формаций происходят в том случае, когда он не привносит больше эффективных форм для развития институтов цивилизационной матрицы. Такой отработанный формационный элемент отвергается, и через этап активного поиска внедряется найденный, придающий новую форму и более высокое качество базовым институтам.

За всю историю существования локальные цивилизационные матрицы прошли три формации, трижды меняли формационный элемент, и некоторые из них «прорвались» к четвертой формации.

1-й формационный элемент — **рабская модель** трудовых отношений, при которой раб является орудием труда; он не имеет никаких прав

Таблица 1.8

Дуальные формации

Формация	Институциональный архетип	
	рыночный	раздаточный
Начальная	Начальная рыночная на частном рабстве	Начальная раздаточная на служебном рабстве
Срединная	Срединная рыночная на частном крепостном праве	Срединная раздаточная на служебном крепостном праве
Зрелая	Зрелая рыночная на частном найме	Зрелая раздаточная на служебном найме
Интегральная	Интегральная на частном контракте	Интегральная на служебном контракте

на свою рабочую силу и никаких прав личности. Рабская модель — основа *начальной формации*.

2-й формационный элемент — **крепостная модель** трудовых отношений, при которой основной производитель — крестьянин — существенно ограничен в правах на свою рабочую силу, у него также отсутствуют права личности, однако он имеет некоторое имущество для выполнения трудовых функций. Крепостная модель лежит в основе *срединной формации*.

3-й формационный элемент — **наемная модель** трудовых отношений, при которой работник полностью распоряжается своей рабочей силой, имеет права собственности на свое имущество, но права его личности защищены слабо. На базе наемной модели формируется *зрелая формация*.

4-й формационный элемент — **контрактная (договорная) модель** трудовых отношений, при которой участник трудового процесса имеет полный объем прав на свою рабочую силу и свое имущество, а также фиксированный набор гражданских прав с комплексом социальной защиты и социальными гарантиями. Контрактная модель цементирует *интегральную формацию* (табл. 1.8).

Институциональная ось развития

Институциональная ось — это ось развития базовых и компенсаторных институтов.

Институциональное развитие локальных цивилизационных матриц осуществляется в двойственной форме, связанной с дуальностью природы институционального архетипа. Институциональные ядра, состоящие из базовых институтов той или иной стороны институционального архетипа, не меняют своей природы на протяжении всего своего жизненного цикла. В этом своем качестве они постоянны, устойчивы и неизменны. В то же время они изменяются, но это изменение происходит на уровне форм и связано с отработкой формационных элементов.

Два типа институциональных ядер (рыночные и раздаточные) обусловливают двойственность природы формаций, что придает специфику внешне одним и тем же трудовым отношениям и организационно-правовым структурам.

Начальная формация базируется на рабской модели организации труда.

В рыночной начальной формации рабский труд носит частный характер, так как рабы принадлежат частным лицам и сами являются объектом частной собственности; общины функционируют в соответствии с законами частной собственности со всеми правами распоряжения и наследования наделов.

В раздаточной начальной формации община имеет общественно-служебный характер, земельные наделы не находятся в собственности ее членов и во многих случаях подлежат перераспределению. В раздаточных начальных формациях работники являются подданными государства и рабами этого государства («поголовное рабство»), т. е. рабство носит служебный характер. Служебное рабство — это такая модель трудовых отношений, при которой работник не принадлежит никакому частному лицу, и в этом смысле он является лично свободным. Однако он подвержен жесткой регламентации своей жизнедеятельности со стороны государства, которое предписывает ему обязательное трудовое участие в выполнении нормативных производственных заданий, устанавливает сферу деятельности, закрепляет за местом проживания и существенно ограничивает его имущественные права.

В основе *срединной формации* лежит крепостная модель организации трудовых отношений.

В рыночной срединной формации земельные владения являются частной собственностью, т. е. подлежат отчуждению (купле-продаже, дарению) и наследованию по завещанию. При этом крепостные крестьяне находятся в частной собственности землевладельцев (феодалов). Мануфактуры функционируют на основе частной собственности.

В раздаточной срединной формации поместная (вотчинная) земля является объектом управления государственных органов, так как по сути своей носит общественно-служебный характер. Она не может быть отчуждена без разрешения соответствующих ведомств и наследуется по правилам, регламентируемым государством. Крепостное право также имеет служебную природу: крестьяне «крепки» земле, а не владельцу. Мануфактуры являются объектом общественно-служебной собственности, даже при управлении частными лицами. Ведомства выделяют землю для их размещения, наделяют мануфактуры необходимыми ресурсами, прикрепляют рабочую силу в форме крепостной зависимости к месту службы, устанавливают цены на выпускаемую продукцию и определяют объем сдаваемых государству мануфактурных изделий.

Зрелая формация сформирована на наемной трудовой модели.

В ее рыночной модификации индустрия и сельское хозяйство функционируют на праве частной собственности и на частном наемном труде.

Раздаточная зрелая формация также построена на индустриальных технологиях, как и рыночная, но фабрики и заводы основаны на государственной собственности и наемном труде служебного типа. В сельском хозяйстве организации также функционируют под патронажем государственных органов управления.

Организации в рыночной зрелой формации работают на рынок и ориентируются на рыночную конъюнктуру. Организации раздаточной зрелой формации работают по плану и под руководством министерств и ведомств. Наемная модель трудовых отношений подразумевает использование труда работника согласно штатным расписаниям и должностным инструкциям с повременной или сдельной оплатой труда.

Интегральная формация реализуется на контрактной (договорной) модели трудовых отношений, в рамках которой действуют механизмы сосуществования рыночных и раздаточных форм. В рыночном архетипе контракты имеют частную природу, а в раздаточном — служебную. Контрактная модель состоит в заключении персональных контрактов с наемными работниками, в которых детально прописываются обязательства сторон и учитываются особенности профессиональной деятельности и конкретной выполняемой работы. Она обеспечивает большую гибкость в трудовых отношениях и соответствует новому технологическому этапу развития цивилизаций.

Жизненный цикл формационного элемента задает циклический характер институционального развития локальных цивилизационных матриц. Каждый институциональный цикл в зависимости от состояния формационного элемента представляет собой смену четырех фаз (табл. 1.9).

Институциональный цикл начинается с перинатальной фазы («натальная» — рождение, «пери» — около), в рамках которой происходит внедрение нового по отношению к предыдущему институциональному циклу формационного элемента. Институциональное ядро в этой фазе обновляется, базовые институты заново оформляются благодаря найденному формационному элементу. Принимаются законодательные документы (судебники, уложения, конституции, декларации) и устанавливаются новые правила, а вместе с ними и новая институциональная матрица. В перинатальной фазе осуществляется типовой исторический сюжет под названием реэволюция. Это бурный, иногда длительный период реорганизации собственности, политических революций, выстраивания новых социальных отношений на все последующее развитие цикла.

Таблица 1.9

Характеристика институциональных фаз

Институциональная фаза	Типовой исторический сюжет
Перинатальная	Реэволюция
Структурированная	Формация
Институционального исчерпания	Реформация
Трансформационная	Трансформация

В структурированной фазе соответствующая трудовая модель становится основой функционирования экономики на данном историческом этапе. Институциональное ядро принимает устойчивые формы, которые способны продержаться целые столетия. Они кодифицируются и упорядочиваются в институциональной матрице. В структурированной фазе разворачивается собственно формационный сюжет.

В фазе институционального исчерпания формационный элемент устаревает в связи с изменениями в локальных реальных средах и уже не обеспечивает эффективное функционирование экономической системы. Компенсаторные институты начинают активно проявляться в стихийных, нелегитимных формах. Институциональная матрица «отрывается» от реально происходящих экономических процессов. В фазе институционального исчерпания происходит реформация, т. е. эпоха реформ по совершенствованию устаревшего формационного элемента. Многочисленные реформаторские попытки приводят к осознанию полной его непригодности для дальнейшего использования.

В фазе институциональных трансформаций осуществляется поиск нового формационного элемента. Доминирующими в этой фазе становятся компенсаторные институты, которые обеспечивают базовым институтам необходимую область свободы для подбора эффективной трудовой модели. Институциональная матрица данного цикла отвергается, вырабатываются новые правила. Таким образом, в этой фазе происходит временное изменение природы институционального ядра: разворачивается институциональная среда, архетипически противоположная предыдущим фазам, в рамках которой происходит трансформация базовых институтов.

Ось государственности

Ось государственности указывает на характер отношений между государством и личностью. Выделяются три крупных эпохи в эволюции цивилизационных матриц по этой оси:

протогосударственная эпоха, в которой индивиды связаны друг с другом родственными узами и подчиняются старейшине;

монасударственная эпоха, в рамках которой доминируют принципы авторитаризма, единовластия, наследования престола, диктата властных органов по отношению к подданным, отсутствия гражданских прав и свобод (монархии, деспотии, империи, самодержавие, диктатуры);

демосударственная эпоха, которая выстраивается на принципах разделения властей, выборности политических органов и контроле управляемых над управляющими, наличии гражданских прав и свобод.

Главное различие между двумя последними эпохами (табл. 1.10) — сакральный характер власти в монасударственную эпоху сменяется на отношение к власти как к работе высшего управленческого персонала. Если в первом случае правитель — наместник Всевышнего на Земле (монарх) или носитель Высших идеалов (диктатор), то в демосударст-

Таблица 1.10

Сравнительные характеристики монасударства и демосударства

Характеристика	Монасударство	Демосударство
Механизм передачи власти	По наследству и пожизненно или узурпация власти, в том числе путем переворота	Выборность на определенный в конституции срок
Идейные основания власти	Религия или государственная идеология	Отсутствие государственной идеологии, конституционные принципы
Соотношение власти и церкви	Власть освящена церковью или официальной идеологией, противопоставленной церкви	Секуляризация, церковь отделена от государства
Права граждан	Отсутствие равноправия, ограничения прав	Всеобщее избирательное право, равенство перед законом
Свободы	Отсутствие или ограничения свободы слова и печати, цензура	Свобода слова, печати, демонстраций, свобода вероисповедания
Отношение власти к народу	Подданные, управляемые сверху, жалобы в форме челобитных, просьба о помощи	Свободные и равноправные граждане, жалобы как форма гражданского участия в управлении
Судебная система	Суды зависимы от власти	Независимые суды

венную эпоху руководитель государства — служащий верхнего звена управления.

Категория «власть», вообще говоря, относится только к монасударственной эпохе, а в демосударственную — она сменяется на «сферу принятия решений». В эту эпоху исчезает противопоставление «власть — народ» или «государство — общество», поскольку общество структурируется через государство, и эти структуры обслуживаются «топ-менеджерами», сменяемыми и подконтрольными обществу. (Метод формирования категорий приведен на рис. 1.5 [Бессонова, 1994].)

Соотношение между формациями, институциональными циклами и цивилизационными эпохами выглядит следующим образом: на монасударственную эпоху приходится три крупных институциональных цикла и соответственно три формации, а демосударственная эпоха распространяется на одну формацию. При этом качественные изменения на оси государственного развития приводят к преобразованию институциональных циклов: крупные многовековые циклы в монасударственную эпоху трансформируются в мелкие колебательные циклы, исчисляемые десятилетиями, в демосударственную эпоху.

Государство имеет структурирующее значение для двух последних эпох и для обоих типов цивилизационных матриц (рыночных и раздаточных). В монасударственную эпоху государства тяготели к имперским формам, они набирали мощь в структурированные фазы институционального цикла, которая ослабевала в фазы исчерпания, что впоследст-

ГО «господин» раздающий субъект	-	СУ «служба» служебный труд	-	ДАРСТВО «раздача» выделение ресурсов
МОНА «монархия» (деспотия, диктатура), моносубъектность	-	СУ служебный труд на принудительной основе	-	ДАРСТВО наделение ресурсами на иерархической основе
ДЕМО демос (народ, этнос)	-	СУ служебный труд на договорной основе	-	ДАРСТВО выделение ресурсов из бюджета и фондов на контрактной основе

Рис. 1.5. Метод формирования новых категорий на основе исходных смыслов «ГО-СУ-ДАРСТВО».

вии приводило к распадам империй в фазы трансформаций. При этом независимо от типа институционального ядра, рыночного или раздаточного, государство — неотъемлемая структура общества и экономики.

В том и другом случае государственные органы устанавливают нормы и правила функционирования экономики и контролируют их исполнение. Только в случае рыночных цивилизационных матриц устанавливаются правила рыночного типа, а в случае раздаточных цивилизационных матриц — раздаточного типа.

Переход от начальной формации к срединной, а затем и к зрелой происходил за счет изменений в локальных реальных средах, напрямую связанных с изменениями в технологических способах производства. Он характерен для всех цивилизационных матриц, независимо от типа их институциональных ядер — рыночного или раздаточного. При этом оставался неизменным монасударственный принцип построения цивилизационных матриц.

Однако накопленные изменения в глобальных сферах приводят к тому, что для перехода к интегральной формации нужен еще и цивилизационный прорыв, т. е. смена принципов построения локальных цивилизационных матриц от монасударственных к демосударственным. Он связан с внедрением информационных технологий, изменением баланса между биосферой и этносферой (осознанием возможности экологического коллапса) и возникновением новых форм социальных отношений — глобальных сетевых и виртуальных.

Такие условия кардинально изменяют и тип работника, который должен свободно и самостоятельно принимать решения в рамках отве-

денных ему полномочий, а не находиться под принуждением. Именно поэтому контрактная модель начинает доминировать в тех странах, которые полностью перешли на новые информационные технологии.

Если смена трудовых моделей имеет объективный характер, связанный с технологическими изменениями, то неизбежность перехода от монасударства к демосударству не столь очевидна. Эта неизбежность определяется контрактной трудовой моделью. Дело в том, что соотношение монасударства и первых трех формаций адекватно по признаку принуждения работника к труду. Все три первые формации построены, выражаясь языком классиков, на эксплуататорской и принудительной основе, чему соответствует и форма устройства государства — авторитарная власть с опорой на класс собственников в рыночных цивилизациях и на класс управленцев (номенклатуру) в раздаточных. Но контрактный труд и монасударство не совместимы из-за ограничений, которые накладываются на свободу и права личности. И в тех странах, в которых начинает доминировать контрактная модель труда, видоизменяется цивилизационная форма государства — превращаясь, словами М. Вебера, в «формально-рациональную», или по Д. Норту — в «контрактное государство». Предлагаемый термин «*демосударство*» объединяет демократические принципы функционирования государства как гаранта соблюдения контрактных отношений в трех сферах — межличностной, трудовой и политической, с одной стороны, и выражает сущность активной хозяйственной роли социально ориентированного государства, с другой.

Образ будущего цивилизационного развития

Глобальные закономерности развития цивилизационных матриц, выявленные на историческом материале, подтверждаются выводами универсального эволюционизма и объясняются действием **закона повышения информационной мощности и емкости социальной системы** (количества полезной информации, генерируемой и удерживаемой обществом в единицу времени и на единицу затрат поглощаемых внутренних и внешних ресурсов) [Глазьев, 1996].

Согласно основам универсального эволюционизма, социальные системы относятся к числу самоорганизующихся, т. е. способных повышать свой порядок, изменяя организацию. Именно поэтому в реальности наблюдаются усложнение социальных структур, их эволюция в направлении все более упорядоченных состояний и рост их информационной емкости.

Развитие любой системы представляет собой неравномерный циклический процесс, определяемый ее структурой. Этот процесс представлен в виде траектории жизненного цикла системы от начального состояния, в котором происходит формирование ее структуры, до состояния зрелости, в котором система реализует заложенный в ней потенциал

Таблица 1.11

Качественные характеристики глобальных институциональных циклов

Структурный элемент	1-й цикл	2-й цикл	3-й цикл	Новый гиперцикл
Биосфера	Человек — часть обожествленной им природы	Хозяйственное освоение	Покорение природы человеком	Гармонизация на основе осознания единства человека с природой
Этносфера	Племена, общины	Имперское объединение различных национальностей и народностей	Многонациональные государства с доминированием одной нации	Многонациональные государства с равенством наций
Ноосфера	Магическая и мифическая матрицы сознания	Религиозная матрица сознания	Рационалистическая матрица сознания	Интегральная матрица сознания
Техносфера	Аграрно-ремесленный технологический уклад	Аграрно-мануфактурный технологический уклад	Индустриальный технологический уклад	Постиндустриальное, информационное общество
Архетип	Синкретизм (неразделенность) рынка и раздатка Рабство	Размежевание рынка и раздатка Крепостное право	Идеологическое противостояние рынка и раздатка Наемный труд	Синтез рынка и раздатка Контракт
Формационный элемент				
Формация	Начальная	Средняя	Зрелая	Интегральная

в рамках изначально заданной структуры и соответствующего состояния окружающей среды.

Возможности дальнейшего развития системы, достигшей состояния зрелости, связаны с изменением ее структуры. При изменении структуры происходит перерождение системы и ее вступление в новый жизненный цикл, траектория которого определяется вновь образовавшимися связями между элементами системы.

По мере наращивания информационной сложности социальной реальности мощность социальных структур постепенно становится недостаточной, и система переходит в стадию упадка и последующих структурных изменений. Для возникновения в результате этих изменений нового качества необходимо, чтобы в переходном состоянии были наработаны элементы новых структур, без потери знаний о прежней структуре этой системы. Только тогда происходит становление целостного гиперцикла общественных отношений нового качественного уровня.

На основе качественных характеристик глобальных институциональных циклов развития цивилизационных матриц образ будущего мировой цивилизации — это переход на новый гиперцикл (табл. 1.11):

с мелкими колебательными циклами, осуществляющимися на основе поиска эффективного синтеза рыночных и раздаточных институтов;

с контрактной моделью трудовых отношений в контексте информационного технологического уклада;

с многонациональными государствами, перешедшими на уровень демосударства;

с доминированием интегральной матрицы сознания, в рамках которой изменяется отношение к окружающему миру, ищется гармония с природой и ликвидируется экологический коллапс;

с интегрально-холистической идеологией, синтезирующей религиозную и научную картину мира, благодаря чему преодолевается мировоззренческий кризис.

Четвертая формация — интегральная — привносит новое качество в развитие цивилизационных матриц. Интегральная формация строится на принципах демократии, гражданских прав и свобод в политике, либерализма — в экономике и гуманистической духовности — в идеологии. Главная черта интегральной формации заключается в деидеологизации рыночных и раздаточных способов координации человеческой деятельности, в признании их равноценности и равноправности для развития мировой цивилизации. Новая формация стремится гармонизировать рыночные и раздаточные механизмы, запуская те из них, которые эффективнее при определенных условиях. Только экономическая рациональность, а не идеологическое противостояние, диктует обществу использование как рыночных, так и раздаточных отношений.

ГЛАВА 2

**Траектория развития
цивилизационной матрицы
России**

К неизменным чертам локальной цивилизационной матрицы России относятся многонациональность, обширная территория, низкая плотность населения, суровый и разнообразный климат, невысокая урожайность, обильные полезные ископаемые или природные богатства, опасность внешних врагов. Поэтому в ареале российского государства сформировалось *институциональное ядро* с доминированием раздаточных институтов, а рыночные институты являются лишь вспомогательными, компенсаторными, проявляющими себя доминантными только в период институциональных трансформаций [Бессонова, 1997, 1999а, 2006а].

Эволюция институтов раздаточной экономики

Локальная цивилизационная матрица России сохраняет свои свойства на протяжении всей истории ее существования. Базовыми институтами являются институты раздачи и сдачи, общественно-служебной собственности, жалоб, а компенсаторным — институт рыночной торговли и частного предпринимательства.

Институт общественно-служебной собственности. Собственность (земля, средства производства, инфраструктура) носит *общественно-служебный характер*, т. е. отдельные ее части передаются хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами. Общественно-служебную собственность отличают два признака: 1) права по ее владению распределены между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полном объеме никому, 2) доступ к ней осуществляется в форме службы.

Институт общественно-служебной собственности выполняет функцию сбережения и обслуживания уже накопленного национального богатства, а также задает правила функционирования всех хозяйствующих субъектов, в его границах осуществляется координация сдаточно-раздаточных потоков.

На каждом институциональном цикле развития раздаточной экономики институт общественно-служебной собственности характеризовался определенными субъектами раздачи материальных и нематериальных

объектов, а также: объемом прав на их использование; основным типом хозяйственной организации; моделью управления; механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков.

Самым эффективным способом прокормления в России было получение земли. Князья с XI в. стали активно использовать этот стимул для привлечения на службу. С XIV в. связь между землей и службой становится неразрывной, постепенно правило *«кто служит, тот владеет землей»* приобрело и оборотную сторону — *«кто владеет землей, тот служит»*. Этот принцип заставлял российских государей расширять границы государства для все новых и новых земельных пожалований. Российская земля в этот период стала и условием, и целью службы, полностью приобретая характер служебной. В XX в., в советское время, когда вся территория государства носила общественно-служебный характер, ее обустройство вызвало к жизни «коммунальные» технологии в масштабных формах, что сделало ее нерасчленимой.

В основе экономической организации лежит *служебный труд* — участие в трудовом процессе на объектах общественно-служебной собственности и (или) выполнение определенных функций в интересах всего общества. Служебный труд носит обязательный характер, обусловленный внешними по отношению к каждому субъекту условиями, и означает выполнение им определенных, предписанных обществом функций и обязанностей.

Экономический механизм сдач-раздач связан с особыми трудовыми отношениями, которые начали формироваться еще в Древней Руси. В экономической науке разрабатывались представления только о наемном труде, в России же была создана служебная организация труда, а сам труд — производительный, управленческий, ратный — приобрел характер служебного. Колоссальный исторический материал о служебном характере труда в России до сих пор остается вне поля зрения российских исследователей, а ведь именно служебная организация труда и предопределила специфические экономические механизмы сдач-раздач.

И хотя обязательный труд — это не всегда труд принудительный, государство закрепляло за всеми слоями населения определенные обязательства. Схематично эти обязанности делились на два основных вида. Одни должны были служить по хозяйственным и военным делам, другие — кормить тех, кто служит. На протяжении всей истории служебная структура российского общества поддерживала это разделение обязанностей. «Государевы служилые люди» и «податное население» Российской империи сменялись «государственными служащими» и «рабочими-крестьянами» (аналог податного населения предыдущих эпох) в советский период.

Служебный труд подразумевает отдачу своего труда в разных формах в том объеме, в каком требуется, но и предполагает, что для осуществления службы создаются необходимые материальные условия, кото-

рые и раздаются. Потому принцип «от каждого по дати и каждому — по чину» является проявлением служебной организации общества, которая в скрытом виде содержит в себе отношения сдач-раздач. Одновременно в служебном труде содержится идея служения, каждый раз наполняющаяся новым смыслом и содержанием (царю, отечеству, народу, социализму). Служебный труд вызвал к жизни специфические организационные формы в виде ведомств. Это изобретение относится еще к удельному периоду российской истории, когда при дворце великого князя сложилась целая система административных служб, управители которых назывались в актах удельного времени «бояре введенные». Российские ведомства прошли сложный путь эволюции от «наказов» и «путей» княжеского периода через «приказы» Ивана Грозного и «коллегии» Петра I к министерствам советского периода. Логика спонтанного появления новых ведомств наглядно демонстрирует, как расширялись хозяйственные службы вслед за изменением границ Российского государства и расширением его внешних и внутренних задач. Именно ведомства позволяли структурировать сложную экономическую реальность и «переводить» ее в управляемые хозяйственные структуры.

Ведомственная организация потребовала определенного порядка по координации служебных функций внутри ведомств и породила иерархию служебных чинов. Каждому уровню иерархии предписывался определенный набор обязанностей и присваивался соответствующий чин. Впрочем, чины появились задолго до возникновения первых ведомств: уже в княжеской дружине каждый знал свое место. На определенных этапах функцию чиновников выполняли разные сословия. В княжеский период — бояре, которые руководствовались родословцем (особым списком, определяющим знатность рода и высоту чина). К XVIII в. их сменили дворяне, для которых правила занятия служебных мест определялись в «табели о рангах». В советский период чиновники стали именоваться по названию их служебного реестра — «номенклатура».

Обеспечение материальных условий для выполнения служебных обязанностей в рамках общественно-служебной собственности осуществляется через *институт раздач*. Объектами раздач могут выступать все виды материальных и нематериальных объектов: земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты. Институт раздач предопределяет формы владения материальными объектами, поскольку раздаче подлежат не только сами объекты, но и объем прав по их распоряжению, посредством которых определяются правила владения и использования этих объектов.

Тот объект, который включен в институт раздач, становится раздатком, т. е. перестает существовать вне контекста отношений раздаточной системы и начинает олицетворять собой всю ее институциональную среду. Раздаток является клеткой социально-экономического организма раздаточной системы, подобно тому как товар является слепком товарно-денежных отношений и рыночной системы.

На всем протяжении русской истории имущество отдельных граждан образовывалось в результате «пожалования», «дарствования», «государского даяния», «раздач». Во всех этих словах в явном или неявном виде содержится глагол «дать». Глава рода на Руси являлся, по выражению С. Соловьева, «раздателем пищи и одежды», а глава Российского государства, выделявший участки земли подчиненным владельцам во временное или наследственное управление, — величался государем, что напрямую означало «господин дарствующий». Все, что давалось в форме земли, продуктов и денег, называлось «жалование», «дача», «надел». Современный язык сохранил и демонстрирует сущность «дач», которыми сейчас называются выделенные за городом участки земли. Раньше наряду с земельными дачами были «хлебные дачи», «натуральные дачи» и «денежные дачи». Главная расходная статья государственной росписи XVIII в. — «окладные дачи» — перекочевала в современную финансовую систему под названием «окладов».

Правила и нормы раздач вырабатывались на протяжении всей истории формирования экономической системы. В начальный период раздачи проявлялись в форме жалования дружине, получавшей от князя пищу, одежду, коней и оружие. Земля в этот период не раздавалась, поскольку, по мнению С. Соловьева, дружине невыгодно было брать ее без населения, гораздо выгоднее было оставаться при князе и получать от него содержание непосредственно.

В удельный период земля становится главным объектом раздач. Принципы первых земельных раздач были выработаны в ситуации, когда князь решили обосноваться в определенных землях и им предстояло сделать выбор. В основу этого выбора легло два критерия. Согласно первому, князь мог владеть «той волостью, которой владел отец его». Однако только в том случае, если на родовой лестнице он занимал ту же ступень, что и отец. Таким образом, выработался принцип, по которому, выражаясь языком летописи, «владения волостями условливалось степенью на родовой лестнице». Эти два условия слились в одном слове и образовали исторически первое название землевладения — «вотчина», от слов «отчич» и «чин». Что означает передаваемое от отца владение, полученное отцом в соответствии с его родословным рангом.

Со второй половины XV в. вырабатывались правила раздачи земли для поместного землевладения. В. Ключевский записал эти правила следующей формулой: «оклад — по чину, дача — по вотчине, придача и к окладу, и к даче — по количеству и качеству службы». Из этой формулы видно, что раздаточная система вырабатывала более сложные принципы для обеспечения ее внутреннего развития и балансировки. С целью стимулирования «придача» зависела от продолжительности и исправности службы, а для ограничения дифференциации размер земельной дачи был обратно пропорционален вотчинам. К концу XVIII в., когда продвижение по службе осуществлялось уже не за заслуги, а за выслугу лет, формула раздачи земельного поместья свелась к раздаче по чину.

В начале советского периода были выработаны сложная нормативная база натуральных раздач и тарифная сетка денежных должностных окладов. Несмотря на внешне уравнивательные правила распределения материальных благ, итоги функционирования советской экономики выявили основной стандарт раздач этого периода: в соответствии с должностным положением. Выработанное на ранних этапах экономической эволюции правило раздач — «каждому по чину» — не потеряло в России универсального характера и является неотъемлемым принципом раздаточной системы. Таким образом, на протяжении всего исторического существования хозяйственной системы России институт раздач эволюционировал вместе со всей системой раздаточной экономики, при этом совершенствовалась законодательная база, менялись объекты и формы раздач, усложнялись правила и принципы раздач.

Выполнение производственных задач и формирование общественного богатства происходит через *институт сдач*. Институт сдач представляет собой обязательное дополнение института раздач, поскольку невозможно раздать какие-либо блага, предварительно их не аккумулировав.

Институт сдач представляет собой механизм сбора материальных благ и ресурсов с целью их последующего распределения через институт раздач. Институт сдач в раздаточной экономике накладывает дополнительные свойства на раздаток, т. е. на те вещи, блага, ресурсы, которые подлежат раздаче. А именно: раздаток — это объект, который не только подлежит раздаче, но и с которого обязательно должна производиться сдача продуктами, деньгами, трудом или службой (государственной или военной).

В российской истории сформировались следующие виды сдач: натуральные и (или) денежные сборы с трудоспособного населения, выполнение «повинностей», т. е. обязательный труд на общество, государственная служба по управлению хозяйством, военная служба.

Одновременно с выработкой правил раздач формировались способы пополнения доходов казны, сначала княжеской, затем государевой, впоследствии государственной. В России казна формировалась в основном за счет дани, подати, оброков. С приходом князей славянские племена сдавали им мед, меха и воск, а также выполняли разнообразные повинности. Сдаточные отношения в этот период приобрели форму дани и имели разнообразные воплощения в виде «урока», «полюдья» или «повоза». Старинное слово «данье», означающее вклад, принос, дар, выявляет сущность отношений сдачи. По смыслу — это добровольная или принудительная передача продуктов или труда. Это выразилось в финансовой категории «дань», которую русская финансовая система сохраняла вплоть до XVIII в.

В удельный период возникла специфическая форма сдачи продукции в виде «кормов». Областные управители того периода сами собирали мясо, печеный хлеб, сено, для чего в определенное время объезжали

свои округа. Доля собранного шла в казну в пользу князя и центральных управителей. В период реформ местного управления Ивана Грозного кормления сначала были нормированы, а затем и вовсе заменены государственным оброком. Вплоть до конца XIX в. российское население облагалось различными оброками. И дань, и оброк определяются в словарях через «подать» как наиболее распространенное и обобщенное название сдач. Производительное население Российской империи с точки зрения казны и называлось «податным». В отличие от двух первых наименований, в термине «подать» заложен принцип сдач в ответ на раздачу. Дело в том, что на разных этапах финансовых реформ шел поиск адекватной меры сдачи части произведенного продукта, о чем свидетельствуют периодические изменения податной единицы обложения. Главные принципы, которыми руководствовались реформаторы, состояли в поголовном обложении всего населения пропорционально возможностям каждого. Эти возможности, как правило, определялись величиной земельного надела и количеством трудоспособных членов семьи. Для обеспечения соответствия система выработала механизм передела через крестьянские общины. Ключевский, анализируя сущность общинного союза, видел в нем исключительно финансовый механизм, в котором земля в общине распределялась соразмерно с рабочей и податной мочью крестьян, т. е. земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого, и делилась принудительно. Таким образом, каждый должен был отдавать часть произведенной продукции в соответствии с выданными условиями производства (землей), т. е. «по-дати», по тому, что дано.

В современном языке аналогичные отношения передачи произведенного продукта для последующей раздачи выражаются термином «сдача»: сдача урожая, сдача объекта, сдача жилого дома и т. д. Плановая советская экономика также неукоснительно следила за тем, чтобы произведенная, а затем сданная государству продукция была пропорциональна тем ресурсам (основным и оборотным фондам), которыми располагала первичная экономическая организация. Другими словами, в плановой экономике также соблюдался принцип сдач «по дати», что объясняется не столько приверженностью традициям, сколько внутренней логикой раздаточных отношений.

Сигналы обратной связи, отражающие реакцию всех участников общественного воспроизводства на возникающие проблемы, передаются посредством *института административных жалоб*. Институт административных жалоб является проводником сигналов снизу вверх для всей хозяйственной системы в целом. Жалобы показывают, условно говоря, температуру хозяйственного организма и в этом смысле являются критерием успешности функционирования раздаточной экономики.

Еще во времена «полюдья» русские князья отправлялись с дружиной к подчиненным племенам, чтобы, по выражению Соловьева, «исполнять свои обязанности относительно народонаселения». По жалобам

своих подданных князь вершил суд и расправу, изменял величину дани. В период существования кормленщиков выработался порядок должностной ответственности по жалобам. История сохранила факты, когда по окончании срока очередного кормленщика обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли жаловаться на его действия, если находили их неправильными. В результате многие наместники, проигрывая такие тяжбы, лишались не только нажитых на кормлении «животов», но и старых своих наследных имуществ, платя убытки истцов и судебные пени.

На земских соборах XVII в. жалобы выражались в форме докладов представителей челобитчиков «обо всяких нуждах своей братии». При Петре I было создано специальное ведомство по приему челобитных и жалоб — рекетмейстерство. Право жаловаться давалось или отбиралось наряду с имущественными пожалованиями. Так, при Екатерине II право крепостного крестьянина жаловаться на помещика было отменено специальным указом.

В советский период жалобы также являлись главным сигнальным элементом. Поскольку любая жалоба включает три компонента: неудовлетворенность ситуацией, обоснование этой неудовлетворенности и просьбу о решении ситуации, вся совокупность жалоб в определенный период дает полную картину наиболее проблемных участков хозяйства. Так, в 60-е годы XX в., когда на фоне относительных успехов в производстве жилищной и социальной сферы сильно отставали в развитии, шел нескончаемый поток жалоб, вызвавший в конечном счете жилищную реформу.

Советская экономика довела до совершенства механизмы прохождения жалоб и принятия решений по ним. Каждый человек и каждый хозяйственник имели право жаловаться, но не каждая жалоба являлась руководством к действию. Необходима была критическая масса жалоб на каждом уровне, чтобы они перешли на следующий. Чем выше положение жалующегося, тем больший вес имела жалоба, поскольку чем выше уровень управления, тем для большего числа хозяйственных ячеек необходима была координация потоков сдач и раздач. В результате жалоба приобретала соответствующий вес, от которого зависели очередность и объем выделения ресурсов. Поскольку раздачи осуществлялись через систему нормативов и жалобы демонстрировали отклонения от принятых норм, количество жалоб выступало индикатором сбалансированности системы в целом и каждого ее уровня. А его минимизация была критерием поведения управляющих раздаточной системы. Она могла достигаться за счет изменения норм раздач, выделения ресурсов, смены руководства и раздачи обещаний.

От цикла к циклу совершенствовалась законодательная основа института административных жалоб, усложнялся и рационализировался порядок их прохождения, что привело к возникновению «иерархической жалобы» как проекции иерархической системы управления, по каналам которой осуществляет свой путь административная жалоба. Следствием

этого стало включение механизма жалоб во все структурные единицы раздаточной экономики с целью постоянной коррекции принимаемых решений.

Административные жалобы имеют сложную внутреннюю структуру и включают два типа жалоб — гражданские, поступающие от населения в органы управления, и управленческие, исходящие с нижних звеньев управления и передающиеся на более высокий уровень управления. Гражданские жалобы в свою очередь состоят из трех видов:

активные жалобы или жалобы-сигналы являются наиболее сильной формой выражения недовольства граждан состоянием дел. С такими жалобами население обращается в вышестоящие отраслевые органы управления, в органы местного управления, в органы центральной власти, к депутатам, в прессу, на радио и телевидение;

заявки и обращения, с которыми граждане обращаются со своей проблемой непосредственно в те организации, которые отвечают за решение данной проблемы. Этот вид жалоб характеризует меньшую, по сравнению с первой, остроту и напряженность проблемы;

латентные жалобы или осознаваемые проблемы представляют собой жалобы, высказываемые населением в тех случаях, когда их об этом специально спрашивают, например, в ходе опросов. Латентные жалобы выражают менее острые проблемы, к наличию которых население привыкло и не спешит обращаться в специальные организации. В то же время латентные жалобы представляют собой тот резервуар, в котором проблемы постепенно накапливаются и превращаются в жалобы-обращения и в жалобы-сигналы.

Раздаточная экономика находится в состоянии эффективного функционирования, если основу системы административных жалоб составляют жалобы-обращения. Увеличение доли латентных жалоб и жалоб-сигналов означает ухудшение экономического положения; в кризисном состоянии экономики латентные жалобы существенно преобладают.

Итак, жалоба представляет собой указание на нарушения в функционировании экономической системы. Во всех сферах раздаточной экономики определяется порядок учета жалоб всех хозяйствующих субъектов и населения. На государственном уровне определяются правила подачи жалоб, их регистрации, норматив времени для реагирования по жалобе на всех уровнях управленческой иерархии. Обслуживанием жалоб в каждом звене экономической системы занимаются специально выделенные для этих целей работники. Кроме того, в распорядке работы каждого руководителя фиксируется время для личного приема и разбора жалоб населения по его участку работы.

Если решение поставленных в жалобах проблем своевременно происходит на тех уровнях, куда они были направлены, экономическая система находится в состоянии устойчивого функционирования. Если же уровень жалоб превышает нормальный, то они накапливаются на уровне предприятий, отраслей, территорий, а затем «выплескиваются» в сред-

ства массовой информации или направляются прямо в центральные государственные органы. Когда такие жалобы приобретают массовый характер, они свидетельствуют о кризисе раздаточной экономики. Тогда осуществляются масштабные социально-экономические реформы с целью решения накопившихся проблем. Такие периоды представляют собой фазы институциональных изменений, поскольку в них осуществляется обновление институциональной среды экономической системы.

Движущим механизмом раздаточной экономики является механизм *координации сдаточно-раздаточных потоков*, означающий, что любой раздаче сопутствует сдача, т. е. раздача и сдача — две стороны одного экономического отношения; каждый субъект в раздаточной экономике стремится к максимизации своей доли как разнице между полученными раздачами и произведенными сдачами; на уровне общества существует стремление к балансированию потоков сдач-раздач, что в существенной мере определяет социальную, экономическую и научно-техническую политику общества.

В ходе эволюции раздаточная система выработала принципы сдаточно-раздаточных отношений: «от каждого — по дати, каждому — по чину». Но поскольку сама «дать» выдавалась по месту в должностной структуре, то в конечном счете функционирование раздаточного общества определялось соответствием сдач и раздач. Это означает, что любые отклонения от установившихся пропорций сдач-раздач вызывают настолько сильное стремление к балансированию отдаваемых и получаемых потоков, что можно говорить о существовании закона соответствия сдач и раздач.

По его логике, если объем раздач для какого-нибудь хозяйства или территории превышал объем сдач, то возникало активное стремление попасть именно туда. Это обстоятельство всегда использовалось российским правительством и при освоении новых территорий, и при создании новых отраслей. Так, по свидетельству Ключевского, в XVI в. заселение монастырских земель шло значительно успешнее, потому что земельные пожалования соединялись со щедрыми податными льготами. Общеизвестна и практика советской власти по изменению пропорций хозяйства путем перераспределения средств.

Первоначально правила сбора дани определялись княжескими уставами. Далее — координация потоков сборов и выдач происходила на двух уровнях: государственном (с помощью государственной росписи) и локальном (посредством «книг сборов и выдач», имеющихся у каждого помещика и монастыря). Затем план стал единой государственной «книгой» сдач-раздач, а вся разветвленная плановая деятельность оказалась необходимым элементом производственных раздаточных отношений в условиях всеобщего разделения труда. Таким образом, плановая система является продуктом развития общественного разделения труда на базе сдаточно-раздаточных отношений, результатом закономерного хода событий, а не искусственной идеей, привнесенной в экономическую практику России.

Финансовые институты раздаточной экономики предназначены для денежного обслуживания сдаточно-раздаточных потоков и, в конечном счете, для обеспечения эквивалентности между тем, что сдается, и тем, что раздается, на уровне отдельного индивида, социальных групп, регионов и всего государства в целом. К финансовым институтам прежде всего относятся денежное обращение, ценообразование, государственный бюджет.

Деньги в раздаточной экономике имеют иную природу, чем в рыночной: они — продукт не обменных взаимодействий, а отношений сдач-раздач. *Ценообразование* — второй важнейший финансовый институт раздаточной экономики. В процессе ее исторического развития сформировались два основных принципа ценообразования:

1. На все, что сдается или раздается, цена устанавливается административно на государственном уровне, при этом формируются отдельно сдаточные («закупочные», «приемные») цены и отдельно раздаточные («отдаточные») цены.

2. На все, что разрешено к продаже, цена формируется в результате сделки только в том случае, если не ущемляются интересы каких-либо групп населения, в противном случае государство вмешивается в процесс купли-продажи и устанавливает определенный тариф либо запрещает продажу. Причем это вмешательство может носить и эпизодический, и долговременный характер.

К числу финансовых институтов раздаточной экономики относится также *государственный бюджет*, посредством которого осуществляется балансировка всех установленных сдач и всех необходимых раздач в денежном выражении на определенный период. Бюджетная деятельность на государственном уровне (или составление росписей доходов и расходов) началась примерно в XVII в. Равенство совокупных доходов и расходов при небольшом уровне жалоб означало нормальное функционирование раздаточного хозяйства, в то время как дефицит государственного бюджета служил индикатором неблагоприятного положения экономики. Кризис раздаточной экономики, в частности, выражается в хроническом бюджетном дефиците.

Главное направление в развитии бюджетной деятельности состояло в постепенной координации и увязке сдаточных потоков со всеми предстоящими раздачами. Важнейший механизм, посредством которого осуществлялась эта координация, состоял в том, что каждая статья расхода соотносилась со специальным источником дохода. Вместе с тем существовала другая позиция по устройству бюджета, которая позже была реализована, — это принцип единства государственной кассы или принцип «общего котла».

Финансовые институты раздаточной экономики адекватны ее природе и потому имеют другие свойства, чем финансы и бюджет в рыночных экономиках. Деньги и цены обслуживают сдаточно-раздаточные процессы, государственный бюджет координирует и балансирует сово-

купные сдачи с общественно-необходимыми раздачами в денежной форме на определенный исторический период.

В экономической науке до настоящего времени деньги и цены связываются исключительно с развитием рыночных отношений. В теории столь общепризнана трактовка денег исключительно как атрибута рыночной экономики, что денежное обращение и ценообразование плановой экономики советского типа рассматривались в основном как феномен искажения «правильных» рыночных денег и цен. Между тем и деньги, и цены являются имманентным атрибутом раздаточной системы, поскольку обслуживают сдаточно-раздаточные отношения. Только при этом они имеют иное происхождение и иную природу. Первоначально роль денег на Руси выполняли «скот» и «куны». Согласно Ключевскому, древнейшую дань, о которой говорит начальная летопись, Русь платила своим князьям или сторонним завоевателям мехами, и вскоре термин «куны» получил значение денег, денежных знаков вообще.

Само слово «денга» имеет более позднее, татарское, происхождение. Им обозначалось все, что завоеванные племена вынуждены были отдавать в виде дани. Но и после окончания выплат дани татарам термин «деньги» использовался в русской финансовой практике как синоним сборов: данные деньги, стрелецкие деньги, ямские деньги. Поскольку деньги обслуживали и раздаточные потоки, достаточно широко использовались «денежные дачи». Ключевский подробно описывает принципы выдачи этих денежных дач в соответствии с «чином», поместным окладом, характером и ходом службы.

До образования Московского государства потоки сдач и раздач были натуральными. Однако с увеличением размеров страны для отдаленных районов натуральные сдачи заменялись денежными. И все же XVI—XIX вв. характеризовались преимущественно натуральными отношениями. В XX в. раздаточная система приобрела денежно-натуральный характер, поскольку к денежным окладам присоединялись натуральные раздачи. Их объем зачастую превышал денежную часть всех выдач, но на поверхности этого не было видно, как подводную часть айсберга.

Регулировка потоков сдач-раздач осуществлялась посредством цен, с их помощью менялось направление ресурсов из одного хозяйства в другое, от одной территории к другой. Эту практику начало осуществлять еще московское правительство в XVII в. В своем исследовании «Русский рубль XVI—XVIII веков в его отношении к нынешнему» Ключевский обратил внимание на то, что во времена царствования Михаила появилась возможность уловить высшие и низшие цены. Казна позволяла себе своего рода игру: взимала хлебные налоги иногда натурой, а в иных случаях деньгами, смотря по тому, как ей было прибыльнее, точно так же производила платежи своим служилым людям. Вскоре эта «игра» вылилась в двойную систему цен с разным денежным весом: одна — казенная отдаточная, другая — казенная приемочная.

Периодическая практика московских государей вылилась в сложную изошренную систему ценообразования советского периода, в основе которой лежал двойной стандарт цен: «сдаточные», по которым продукция сдавалась государству, и «отпускные», по которым она выдавалась. Таким образом, в ходе экономической эволюции раздаточная система, используя деньги как более удобный экономический инструмент, начала заменять ими натуральные потоки сдач-раздач. При этом цены стали выступать в качестве важнейшего инструмента координации денежных сдач и раздач.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства в раздаточной экономике занимает особое положение. Им охватывается вся торговая и предпринимательская деятельность частных лиц и хозяйствующих субъектов вне сферы государственного регулирования и управления. Его место и роль сравнимы с положением института государственного вмешательства в рыночной экономике. Оба эти института находятся в противоречивом единстве с господствующим типом отношений, являясь противоположными по существу, но выполняют важные функции, обеспечивая устойчивость экономической системы в целом.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства выполняет в раздаточной экономике следующие функции:

- 1) освоение тех сфер экономики, в которых государство не может или не хочет заниматься управлением и регулированием;
- 2) дополнение к тем сферам раздаточной экономики, в которых расширение действия раздаточных механизмов и государственного контроля сопряжено с огромными издержками;
- 3) выполнение задач общественного воспроизводства в тех случаях, когда раздаточные институты и механизмы находятся в кризисе;
- 4) инновационная функция или апробирование новых подходов, методов, технологий и их внедрение в экономическую практику.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства в основные периоды институциональных циклов включал не только торговлю промышленными и продовольственными товарами специальными группами населения, но и куплю-продажу (мену) объектов розданной собственности при условии, если на это имелось разрешение. Мена земельными участками была разрешена с древнейших времен и осуществлялась под контролем государства. В то же время меной часто в конце XVII в. прикрывались случаи купли-продажи, когда менялось имение большей стоимости на меньшую и при этом выговаривался придаток. Указ о единонаследии 1714 г. прекратил мену вместе с прочими способами распоряжения недвижимыми имуществами. Впоследствии, при восстановлении других способов, такое дозволение не было распространено на мену.

Купля-продажа земельных участков носила специфический характер в том смысле, что продаже подлежали земли, на которые их владельцы не имели полных прав собственности, и при покупке их новый владелец получал тот же ограниченный, а не полный объем прав. Мно-

жество лиц владели землей на праве вечного и потомственного владения, с правом отчуждения другим на том же праве. В таком случае акт купчей принимал характер и наименование посильной грамоты или отступной; именно через подобные сделки передавались тяглые участки. При этом вотчины, которыми владели на служебном праве, могли отчуждаться только с позволения действительного собственника этих имуществ — государства («с доклада»), в противном случае сделка не признавалась.

Институциональные механизмы типовых исторических сюжетов

Изменения форм базовых институтов происходят уже на протяжении трех институциональных циклов, каждая фаза которых имеет свой типовой сюжет и свои собственные механизмы развития (рис. 2.1).

I институциональный цикл, в основе которого лежала начальная формация с рабской моделью трудовых отношений в служебной форме, длился с конца IX в. и до конца XII в., процесс первичной трансформации пришелся на XIII—XV вв.

II институциональный цикл, опиравшийся на срединную формацию с крепостной моделью трудовых отношений в служебной форме, охватывал XV—XIX вв., очередная трансформация происходила с 1861 по 1917 г.

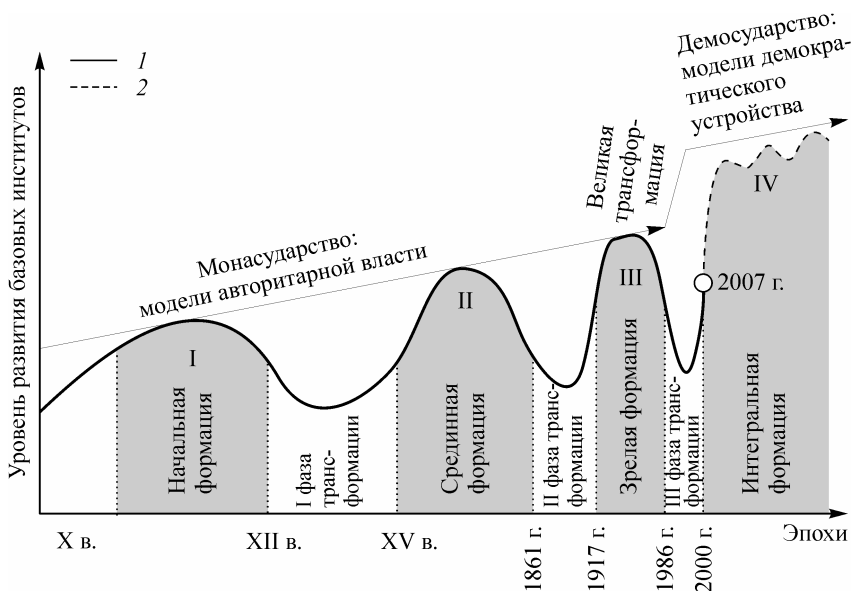

Рис. 2.1. Траектория развития цивилизационной матрицы России.

Траектории: 1 — факт, 2 — прогноз.

III институциональный цикл, базировавшийся на зрелой формации с наемным трудом в служебной форме, продолжался с 1917 до 1990 г., затем последовала трансформационная фаза — с 1991 по 2000 г.

Принципы выделения институциональных циклов в исторической ретроспективе базировались на типологии институциональной среды на разных этапах развития раздаточной экономики исходя из степени развития сдаточно-раздаточных отношений. В каждом цикле существует своя форма воплощения институтов раздаточной экономики, которая преобразуется в новые формы в следующем цикле. Формально каждый институциональный цикл начинается с новой формы государственности и с отрицания институциональной среды переходного периода.

Три институциональных цикла представляют собой три последовательные стадии развития институтов раздаточной экономики. Формы институтов раздаточной экономики совершенствуются для решения тех задач, которые стоят в каждый исторический момент времени перед обществом (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Характеристика фаз институционального цикла

Признаки	Перинатальная фаза	Структурированная фаза	Фаза институционального исчерпания	Фаза институциональных трансформаций
Базовые раздаточные институты	Разворачивание в новых исторических формах	Функционирование по устойчивым правилам	Появление дисфункций и конфликтов	Сворачивание Поиск и внедрение новых форм
Компенсаторные рыночные институты	Сворачивание	Вписывание с жесткими ограничениями, видоизменение классических форм	Выход из-под контроля, расцвет теневых и полулегальных форм	Выполнение функций базовых институтов, формирование квазирыночной среды
Институциональные механизмы	Национализации Коллективизации Социальной фильтрации	Базовый хозяйственный механизм: 1-й цикл — урочный 2-й цикл — тягловый 3-й цикл — плановый	Бюрократическое перераспределение Хозрасчета Приватизации	Институциональных инноваций Квазирынка
Типовой исторический сюжет	Революция	Формация	Реформация	Трансформация

Перинатальные фазы: реэволюция

В истории России наблюдалось три перинатальные фазы, с которых начинался каждый новый институциональный цикл. Состояние институционального ядра в этот период характеризуется как борьба за обновление и возвращение к доминанте исходного состояния. Базовые раздаточные институты после периода угнетения начинают возрождаться в обновленных формах и требуют своего «места под солнцем». Это выражается в сворачивании компенсаторных рыночных институтов, которые в период институциональных трансформаций брали на себя роль доминирующих базовых. На поверхности цивилизационной матрицы России периодически разыгрывается историческая драма, которую будем называть *реэволюция*. Это не только и не столько революция, хотя иногда революция (и не одна) становится частью процесса реэволюции. Это, в отличие от инволюции, не шаг назад, а возобновление на новом уровне — после трансформационного периода — естественного процесса эволюции, закономерного с точки зрения институциональной природы данной цивилизационной матрицы.

Вся перинатальная фаза протекает в борьбе и конфликтах, которые являются следствием реализации трех механизмов: национализации, коллективизации и социальной фильтрации.

Механизм национализации — процесс изъятия государством имущества у частных лиц и перевод его в общественно-служебную собственность. В процессе национализации происходит принятие новых норм функционирования общественно-служебной собственности.

Национализация подкрепляется **механизмом коллективизации**. Суть его состоит в переводе индивидуальных форм в общественно-служебные формы (кооперативные, арендные, откупные) под управлением государственных органов — в основном, на селе.

Третий механизм, также определяющий лицо перинатальной фазы, — **механизм социальной фильтрации**, с помощью которого частные лица возвращаются на службу государства независимо от их прежнего социального статуса. Для лиц, отказывающихся осуществить переход на государственную службу и оказывающих сопротивление, включается репрессивный механизм, являющийся органической частью механизма социальной фильтрации.

На первом институциональном цикле с 861 до 945 г. включительно княжеская власть переводила земли из собственности общин в собственность, работающую на общественно-служебных принципах по существу и княжескую по своей исторической форме. Это осуществлялось за счет внедрения механизмов сбора дани через погосты и введения урочных трудовых отношений. Одновременно формировались первичные хозяйственные организации — общинные миры и посады как базовые сельскохозяйственные и ремесленные единицы. Для тех местных князей и их соратников, которые отказывались переходить на службу «федер-

ральных» князей, применялся механизм социальной фильтрации с элементами репрессий в соответствующих исторических формах, а именно «примучивание», сжигание посевов и урожая, блокада.

Перинатальная фаза второго институционального цикла продолжалась довольно долго со времени Ивана III до конца правления Ивана Грозного. Национализация проходила в три этапа: первый — введение поместного права и отмена частных вотчин, затем «обояривание» общин, т. е. прикрепление крепостных крестьян через общину к поместным землям, и, наконец, национализация лавок и других торговых помещений в городах. В период царствования Ивана Грозного практически вся собственность, земля и недвижимость в городах и на селе перешла под управление ведомственных органов (приказов). Соответственно, все организационные формы — общины, поместья, посады стали функционировать как служебные, государственные. Все эти процессы сопровождалась социальной фильтрацией и репрессиями. Пики пришлись на времена Ивана III — борьба с новгородцами и на период Ивана IV — «опричнина». В совокупности все три механизма — национализации, коллективизации и социальной фильтрации — полностью изменили институциональную среду цивилизационной матрицы России, вернув ее к раздаточному институциональному ядру в усовершенствованных исторических формах.

На третьем институциональном цикле перинатальная фаза протекала стремительно, все механизмы работали в явном виде и предельно интенсивно с 1917 по 1922 г., а затем перешли в латентную форму в 30-е гг. XX в. Сначала наиболее активно происходили процессы национализации частной собственности и первый этап социальной фильтрации в форме репрессий против дворянского сословия, спровоцировавшие гражданскую войну. Затем, национализация имущества нэпманов, создание колхозов и совхозов как результат включения механизма коллективизации и, в заключение — повторная социальная фильтрация слоев, которые не смогли стать органической частью социально-служебной среды, сформировавшейся по итогам перинатальной фазы.

Структурированные фазы: формация

Структурированная фаза — основная фаза институционального цикла, в рамках которой работают базовые институты раздаточного типа в конкретно-исторических формах, определяемых формационным элементом. Институциональное ядро находится в устойчивом состоянии. На поверхности цивилизационной матрицы разворачивается определенный формационный сюжет, опирающийся на соответствующие трудовые отношения. Происходит замена механизмов перинатальной фазы механизмом структурированной фазы — **базовым хозяйственным механизмом**, принимающим разные исторические формы на всех трех институциональных циклах и обслуживающим модель трудовых отношений, на которой базируется определенная формация.

Хозяйственный механизм раздаточного типа имеет следующий набор элементов: единая система нормативов, ведомственная система управления, установленная центром система цен, общехозяйственное штатное расписание, система обязательной регистрации, директивные производственные задания, государственная форма организаций, безличная система финансирования, обеспечение жильем и социальными благами состоящих на службе у государства.

Эти элементы базового механизма раздаточной экономики имели место на всех трех институциональных циклах, но в разных исторических формах. Каждая форма базового механизма — это адаптация к новым трудовым отношениям, усовершенствованным технологиям, расширению экономического пространства. Однако сущность механизма остается неизменной для всего жизненного цикла цивилизационной матрицы России. Другими словами, механизм плановой экономики советского периода является третьей стадией эволюции базового механизма раздаточной экономики. Он сформировался на первом институциональном цикле в форме **урочного механизма** в X—XII вв. для обслуживания начальной формации, затем развился в форме **тяглового механизма** на втором институциональном цикле XV—XIX вв. для обеспечения функционирования срединной формации, и только в XX в. обрел форму **планового механизма** для реализации зрелой формации.

Структурированная фаза имеет самую длительную протяженность в рамках институционального цикла. Постепенно накапливались изменения в локальных реальных средах, и требовалась корректировка институциональных форм, которая вызывала реформы по совершенствованию элементов базового механизма. На первом институциональном цикле структурированная фаза началась во времена правления княгини Ольги, «установившей уставы и уроки». Однако в период княжения Владимира потребовалась и была проведена организационная реформа, усовершенствовавшая урочный механизм. На втором институциональном цикле эту роль взял на себя Петр I, обновивший все элементы тяглового механизма, потенциал которого, с небольшими корректировками во времена царствования Екатерины Великой, распространился на два века. На третьем институциональном цикле коррективы в функционирование планового механизма были внесены в 60-е гг. XX в. Адаптационный потенциал базового механизма позволял до определенной степени корректировать его формы. Однако в 80-е гг. XX в. окончательное устаревание институционального ядра привело к наступлению фазы институционального исчерпания.

Фазы институционального исчерпания: реформация

Фаза институционального исчерпания представляет собой логическое завершение структурированной фазы и определенного формационного сюжета. Накопленные изменения в реальных локальных средах

вступают в противоречие с устаревшим формационным элементом, что проявляется в ухудшающемся экономическом положении государства. В обществе происходит осознание неэффективности конкретной трудовой модели отношений и проводится серия реформ по изменению сложившегося положения. На поверхности цивилизационной матрицы в фазу институционального исчерпания разворачивается сюжет *реформации*. В отличие от реформ структурированной фазы, суть которых состояла в усилении раздаточного характера институциональной матрицы, реформы фазы исчерпания плавно свертывали объем базовых раздаточных институтов и расширяли спектр действия рыночных институтов. Однако и этого было недостаточно для преодоления нарастающего кризиса, поэтому институт рыночной торговли и частного предпринимательства спонтанно расширял спектр действия в нелегальных теневых формах. Реформы в фазу институционального исчерпания проводились по направлению усиления «хозяйственного расчета», т. е. предоставления все большей самостоятельности непосредственным субъектам хозяйствования. Логическим завершением этой серии реформ становилось включение механизма приватизации, с помощью которого объекты общественно-служебной собственности передавались в частные руки. Тем самым окончательно ликвидировалась доминирующая роль раздаточных институтов. Запуск **механизма приватизации** являлся своеобразным рубиконом между фазой исчерпания и фазой трансформаций.

Реформы по внедрению хозрасчета запускали бесконтрольно действующий **механизм перераспределения** ресурсов от непосредственных производителей к управленцам всех уровней. Этот тонкий латентный механизм действует на протяжении всей фазы институционального исчерпания, он приводит к резкой социальной поляризации и дифференциации материального положения управляемых и управляющих. Увеличение управленческого слоя и геометрический рост затрат на его содержание, с одной стороны, снижение реальных доходов населения и усиление кризисных тенденций в экономике, с другой, приводят к политической нестабильности и неизбежности осуществления радикальных мер по изменению соотношения базовых и компенсаторных институтов, введению частной собственности и отношений купли-продажи как базовых.

На первом институциональном цикле фаза институционального исчерпания началась с ликвидации «поочередного» правления князей и установления порядка закреплённости места правления за определенным князем. В период с XI по XII в. происходил процесс дальнейшей приватизации — дробление земли на уделы до тех пор, пока Киевская Русь не распалась как единое государство.

На втором институциональном цикле фаза институционального исчерпания началась с отмены обязательной государственной или военной службы для дворянства с переносом зоны его ответственности на организацию труда крепостных крестьян в своих поместьях (1762 г.). В течение века вплоть до 1861 г. происходил медленный процесс «отрыва»

помещичьих хозяйств от государства и крепостных крестьян от помещиков, который завершился так называемой отменой крепостного права, а по существу, окончательной приватизацией.

На третьем институциональном цикле фаза институционального исчерпания началась с введения хозяйственного расчета на предприятиях в середине 60-х гг. и этот процесс углублялся вплоть до приватизации 1991 г.

Фазы институциональной трансформации: трансформация

Фазы институциональной трансформации завершают институциональные циклы, в них происходит радикальное изменение формационного элемента и вызревает новая формация. Собственно, сам термин *транс-формация* означает преобразование формации и, следовательно, переход от одной формации к другой.

Характерная особенность фазы институциональной трансформации заключается в том, что она осуществляется в рамках компенсаторного института рыночной торговли и частного предпринимательства. Именно он определяет особенности институциональной среды в этот период и запускает **квазирыночный механизм**. «Рыночный», так как внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. «Квази» — поскольку существенные, глубинные свойства российского рынка не соответствуют типичным рыночным отношениям. В сущности, российский рынок периода институциональных трансформаций — это лишь рыночная форма с латентным раздаточным содержанием. Частные компании и фирмы квазирынка в массе своей не вырабатывают рыночно-ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать «связи в правительстве для контроля над конкуренцией» [Флигстин, 2007. С. 43].

В трансформационный период тотальные размеры приобретает коррупция на всех уровнях управления и во всех сферах. Масштабы оппортунизма в бизнесе существенно превышают «норму» рыночной институциональной среды, а хищническое использование всех видов ресурсов (пренебрежение экологией, невыплата зарплаты за сделанную работу, «проедание» основных фондов и т. д.) свидетельствует об отсутствии долгосрочной мотивации в бизнесе.

Коррупция в высших органах власти является производной от раздачи государственной собственности за цену, не соответствующую реальной ее стоимости, путем «назначения» собственников. Фактически был введен механизм общего совладения государственной собственностью чиновниками и предпринимателями. Отсюда непрерывный поток денег от олигархов к управленцам высшего уровня, воспринимаемый обществом как «взятки», а на самом деле представляющий собой передачу дивидендов от совместного владения бывшей государственной собственностью.

Второй вид коррупции связан с попытками получения государственного ресурса новыми фирмами, которые развернули свой бизнес в рамках вновь введенных рыночных правил. Фактически для этих фирм включен аукционный механизм — кто больше даст и будет давать весь период аудирования ресурсом, тот его и получит.

И наконец, взятки в рамках бюджетной и социальной сфер на самом деле означают введение рыночных отношений «явочным порядком». В фазу институционального истощения советского раздатка эти сферы уже были подвержены сильнейшей коррозии теневыми формами. А в трансформационную фазу, когда бюджетная и социальная сферы фактически перестали финансироваться государством, рынок бюджетных услуг за деньги в них был введен фактом необходимости выживания, причем в самой «дикой» форме.

Таким образом, коррупция на всех уровнях управления и во всех сферах — это и есть реальная рыночная среда трансформационной фазы раздаточной экономики. Такая рыночная экономика, в конечном счете, ставит нацию на грань исчезновения, а масштабный уровень оппортунизма приводит к «запретительным» транзакционным издержкам, в результате которых эффективный бизнес не может развиваться. Именно поэтому трансформационная фаза в циклическом механизме эволюции раздаточной экономики является переходной от одного этапа ее развития к другому.

Действительное предназначение квазирыночных отношений состоит не в переходе к рынку, т. е. другому типу экономики, а в том, чтобы создать такую институциональную среду, которая обеспечит необходимую область свободы для экспериментирования и включения **механизма институциональных инноваций**. С помощью этого механизма осуществляется подбор институциональных форм для обновления базовых институтов на следующем институциональном цикле.

Трансформационные фазы берут свое начало на фоне кризиса раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивает свою эластичность и не отвечает изменившейся материально-технологической среде и потребностям всех групп населения. Кризис институтов раздаточной экономики выражается в том, что они перестают обеспечивать координацию потоков сдач и раздач, как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означает, что весь совокупный объем сдач уже не может покрыть установившийся на определенном уровне объем общественно-необходимых раздач. При этом в явном виде проявляется дисбаланс того, что отдают и что получают разные социальные группы. Никакие внутренние экономические реформы уже не могут помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами.

Во всех трех институциональных циклах кризис проявлялся в резком социальном расслоении, экономическом спаде и политической неуправляемости. В такой ситуации наступают трансформационные фазы,

которые начинаются с преобразования института общественно-служебной собственности в институт частной собственности.

С самого начала трансформационной фазы происходит глубокая трансформация института общественно-служебной собственности посредством передачи прав на многие ее объекты частным лицам или коллективам в полное владение. На всем ее протяжении доминирующее положение занимает институт рыночной торговли и частного предпринимательства, развертывание которого состоит в заимствовании многих институциональных элементов из рыночной среды западноевропейских стран. В рамках трансформационной фазы институциональная среда раздаточной экономики усваивает новые элементы или находит для себя новые формы, на основе которых преобразуется в новое качество и к концу периода начинает вытеснять или ограничивать институт рыночной торговли и частного предпринимательства.

В первую трансформационную фазу возникшая частная собственность существовала в форме вотчин. Признаки вотчинного начала были следующие: князья (великие и удельные) отчуждали свои уделы по купчим и дарственным, завещали их сторонним лицам в целом и в частях. В конце второго институционального цикла (вторая половина XVIII в.) первый шаг на пути трансформации института собственности был связан с отменой обязательной службы для дворянства и передачей им полных прав собственности на поместья. Следующий шаг — отмена крепостного права и разрешение выкупа земельных участков бывшими крепостными крестьянами. В результате на второй трансформационной фазе, как и на первой, доминировал институт частной собственности. Третья трансформационная фаза началась также с преобразования отношений собственности посредством «ваучеризации» и создания разнообразных негосударственных и частных субъектов хозяйствования.

Трансформация института общественно-служебной собственности (в разных ее исторических проявлениях) в институт частной собственности создала необходимые условия для расширения института рыночной торговли и частного предпринимательства и его выхода из прежних нормативных рамок. Параллельно разворачиванию института рыночной торговли и частного предпринимательства в трансформационной фазе происходит сворачивание института административных жалоб, через которые население обычно артикулирует общественные проблемы и защищает свои права. Но несмотря на полуразрушенный институт жалоб, население продолжает обращаться в высшие органы власти.

Ценности и условия жизни подавляющего числа людей входят в противоречие с институциональной средой трансформационной фазы, в которой доминирует институт рыночной торговли и частного предпринимательства и прекращает действовать институциональный канал обратной связи через административные жалобы. Это выливается в поддержку большинством населения всех действий государства по восстановлению в новом качестве институтов раздаточной экономики. Конец

трансформационных фаз выглядит как сворачивание института рыночной торговли и частного предпринимательства на фоне разворачивания институционального ядра раздаточной экономики. Результатом является модернизация раздаточной экономики и начало нового институционального цикла ее развития.

В трансформационной фазе накануне нового институционального цикла происходит изменение государственности (Киевская Русь — Московско-Петербургская Россия — СССР — Российская Федерация) как знак полного отрыва от старых институциональных форм и переход к новым, что позволяет привести в соответствие политические институты с социально-экономическими институтами на новом историческом этапе.

Вместе с тем, трансформационные фазы не являются отклонением от поступательного развития институтов раздаточной экономики, а напротив, представляют собой имманентные фазы их развития. Институциональная среда раздаточной экономики по своему устройству достаточно сложна и, находясь в кризисном состоянии, не может быть реформирована по определенному плану группой даже самых достойных реформаторов. Поэтому в трансформационные фазы осуществляется спонтанное преобразование базовых институтов раздаточной экономики за счет вывода всех сфер из-под контроля государства и предоставления инициативы всем группам населения и всем хозяйствующим субъектам. В трансформационной фазе происходит столь глубокое преобразование институциональной среды, что каждый следующий этап развития раздаточной экономики воспринимается как абсолютно новое явление, слабо связанное с предыдущими историческими этапами. Между тем именно в трансформационные фазы происходит выбор дальнейшего направления институционального развития и находятся такие формы, технологии и способы, которые преобразуют устаревшие институты раздаточной экономики в новые, адекватные материально-технологической среде и потребностям общества.

В трансформационной фазе осуществляется поиск нового институционального стержня следующего этапа развития раздаточной экономики. Сначала эта будущая институциональная основа заимствуется из рыночной среды западноевропейской цивилизации и апробируется в рамках переходных периодов, а затем адаптируется к раздаточной среде, при этом отбрасывается все, что вступает с ней в конфликт.

В первую трансформационную фазу таким новым элементом, внесенным из европейского феодализма, были договорные служебно-поземельные отношения. Впоследствии они были преобразованы в государственные служебно-поземельные отношения и легли в основу всей институциональной системы раздаточной экономики Московско-Петербургского периода.

Феодализм характеризуется существованием принципа службы с земли за какой-либо феоде. Причем эта служба осуществлялась по свободному договору. В западной истории широко известны переходы

французских вассалов со своими владениями к английскому королю и от него обратно к королю Франции. Это означало признание подвластности земли высшему территориальному господству сюзерена, обусловленной личным подчинением ее собственника. Аналогичные отношения существовали и в удельный период русской истории. Однако в XVI в. по указу Ивана Грозного служба с земли была введена как всеобщее обязательное правило. При этом была установлена ее регламентация по нормам.

Во второй переходный период широкое распространение получили тресты, именно эта форма организации хозяйства легла впоследствии в основу советской раздаточной экономики, став стержнем ее административной модели управления. В период капитализма тресты существовали, несмотря на их монопольный характер, как частная форма организации. Однако в основе экономики советского периода тресты уже выступали как государственная форма. Государство в этот период представляло собой «трест трестов». Именно этот институциональный элемент, заимствованный из другой институциональной среды, преобразованный и пересаженный в раздаточную экономику, дал ей на третьем этапе новую жизнь и всем ее институтам новую форму.

Третья трансформационная фаза обогатит, как нам представляется, раздаточную экономику **контрактным правом**. Частно-контрактные отношения являются повседневным элементом хозяйственной практики западных стран и широко распространились в России. Однако одновременно идет апробация контрактов в государственной сфере, и уже возникла такая отрасль права как «административный договор». Под административным договором понимается основанный на административно-правовых нормах и выработанный в результате добровольного согласования воли двух (либо более) субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект государственной власти, многосторонний акт, устанавливающий взаимные права и обязанности его участников.

ГЛАВА 3

Горизонты развития России в контексте новой парадигмы

Уникальная ситуация в России на рубеже XX и XXI вв. характеризуется совпадением глобальных и локальных трансформаций, вызванных радикальными изменениями в сферах глобальной цивилизационной матрицы и одновременным переходом локальной цивилизационной матрицы России на новый эволюционный уровень. Именно эти процессы осмысливаются в категориях вызовов времени.

Изменения в глобальных сферах и вызовы цивилизационного развития

Вызов 1 — от глобальной цивилизационной матрицы: глобализация.

Новый этап развития глобальной цивилизационной матрицы изменяет представления человека о пространстве — от восприятия территории своего проживания как центра мироздания до осознания ее в контексте соседствующих с ней «миров». Период изолированности стран сменился глобальным процессом интернационализации, результатом которого стало своеобразное сжатие пространства. Глобализация выступает как новая стадия развития глобальной цивилизационной матрицы — объединяющей человеческой цивилизации, охватывающей все земное и даже околоземное пространство и преодолевающей в силу этого границы культур и расстояния в чисто физическом смысле. Ее главными чертами являются — всеохватность и комплексность изменений, интеграция глобального и локального в области культуры, укрепление сетевой структуры современных обществ.

Процесс глобализации активизировал процесс взаимовлияния цивилизаций друг на друга, и многие феномены жизни сегодня стали тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. В культурном плане Восток проникает на Запад, образуя анклавы символов и значений, отражающие определенный менталитет и тип мышления. Западные институты проникают на Восток, что выражается в последовательном и постепенном распространении там идей модернизации и вестернизации.

Глобальными стали одновременно и проблемы: это и угрожающий рост населения, голод, некачественное питание, бедность, ограниченные ресурсы, ядерная угроза. В повестке дня всего человечества также борьба с коррупцией, организованной преступностью, наркоманией, проституцией, детской беспризорностью, неизлечимыми болезнями [Гаськова, 2007].

Глобализация способствует тому, что идет процесс международной социальной интеграции, формируются международные институты, стандарты деятельности (Европейская хартия о местном самоуправлении, Европейское экономическое сообщество, Болонское и Копенгагенское соглашения).

Таким образом, «глобализация — это объективный процесс, возможно, высшая стадия эволюции человеческой цивилизации, ... дающая мировому сообществу принципиально иной набор цивилизационных ценностей и приоритетов» [Добреньков, 2004. С. 22].

Вызов 2 — от локальной цивилизационной матрицы: в условиях глобализации сохранить уникальность, самобытность, целостность и найти такое место в мировом сообществе, которое обеспечивало бы поступательное развитие.

Глобальные и локальные тенденции «в конечном счете, взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных случаях могут

прийти в столкновение» [Robertson, 1995]. Общий ответ локальных цивилизационных матриц — «глокализация»* как специфический, региональный сценарий глобализации, адаптирующий ее в национальные формы.

За счет усиления глобальных процессов многие локальные культуры выходят за рамки национальных границ напрямую в глобальный мир, обретая «второе дыхание» и придавая новое звучание процессу регионализации.

Что касается России, то в 90-е гг. XX в. «приходилось ежегодно утверждать наш федеральный бюджет в МВФ. Фактически страна была на грани потери государственного суверенитета. Из нас (России) хотели бы сделать службу безопасности по охране их трубопровода, проходящего по нашей территории» [Сурков, 2006. С. 8—9]. Следствием этого стала концепция «суверенной демократии»**, в которой российские идеологи пытаются найти балансы между открытостью и обособленностью, широкими международными связями и автономностью, структурированной целостностью общества и индивидуальной свободой.

Вызов 3 — от техносферы: перейти на новую технологическую основу экономики, которая сделает ее эффективной и повысит уровень жизни в рамках новой институциональной среды.

Информационно-технологическая революция конца XX в. породила ситуацию, при которой производство благ стало зависеть от технологических возможностей обществ, создавших микросхемы и компьютеры, повсеместные мобильные телекоммуникации, электронно-интегрированные, глобальные финансовые рынки, работающие в реальном времени. Новые информационные технологии обеспечивают сетевые инструменты, дистанционные коммуникации, хранение и обработку информации, координированную индивидуализацию работы, одновременную концентрацию и децентрализацию принятия решений. Информация и знания становятся стратегическим ресурсом, обуславливая способность общества к успешному развитию.

Структурно новая экономика включает в себя отрасли с высоким удельным весом нематериального, человеческого капитала, такие как информационно-коммуникационные технологии, образование, наука и интеллектуальные услуги (консалтинг). Именно поэтому ее называют «экономикой знаний». В странах, ориентированных на развитие экономики знаний, формируются инновационные системы как совокупности институциональных структур и механизмов для распространения и использования знаний. В ведущих странах мира развивается интеграция и усиливается координация государственных структур, бизнеса, науки, промышленности, образования.

Экономика России в ответ на этот вызов декларировала стратегическую цель перехода к инновационному развитию, построению экономи-

* Термин ввел Р. Робертсон. См.: <http://www.inache.net/znaki/gloc.html>

** Термин В. Суркова.

ки не на эксплуатации природных ресурсов и экспорте сырья, а на основе использования человеческого капитала и вывоза интеллектуального продукта.

Вызов 4 — **от биосферы**: требования к экологической безопасности планеты и к состоянию окружающей среды, на основании чего требуется выработать новое экологическое сознание.

Старое мировоззрение зиждилось на восприятии человеком природы как механизма, машины для освоения и использования в целях выгоды и удобства. Разум стал доминирующей составляющей и основой «прогресса». Человек, поверив в преобладающую значимость разума и потенциальное его могущество, стал активно вмешиваться в жизнь природы. Это привело к экологической катастрофе и поставило человечество перед дилеммой — чтобы выжить, надо поменять мировоззрение. В новом восприятии мира дерево жизни рассматривается как единый организм, представленный многоярусной системой структур, включающий планетарную экологическую систему и биоты — группировки взаимодополняющих надвидовых сообществ [Олдак, 2003. Т. 1. С. 46]. Будущее экологическое сознание включает необходимость управления процессом общественного развития в рамках сохранения целостности природных систем Земли.

Вызов 5 — **от этносферы**: предъявляются требования к самому человеку, поскольку причина эволюционного кризиса — это недостаточная «внутренняя эволюция» по сравнению с внешней материальной эволюцией.

До сих пор еще не осознано, что внутреннее развитие человека является сутью эволюционного процесса. Решение этого кризиса — в переходе на интегральное, холистическое мировоззрение: видение человека как микрокосмоса в мире, являющемся макрокосмосом, в «универсальной ответственности». Глобальные проблемы — это «порождение нашего индивидуального и коллективного поведения, и их истоки можно в значительной степени проследить до психологических причин — до наших убеждений, жадности, страхов, фантазий, защит, ошибочного восприятия. Мировые проблемы — это глобальные симптомы, состояние мира отражает состояние нашей психики» [Пути..., 1996. С. 259].

В условиях глобализации ни одно общество не может рассчитывать на выживание и укрепление жизнеспособности без опоры на развитый человеческий потенциал и без действенной установки на его рост. Именно поэтому на новом этапе в России поставлена задача обеспечения долгосрочных инвестиций в человека, в создание возможности для его самореализации [Сурков, 2006].

Вызов 6 — **от ноосферы**: потребность в новой интеллектуальной рационализации картины мира и переход к интегральной матрице сознания.

В развитии человеческого сознания выделяются следующие стадии (см. [Уилбер, 2002], а также главу 4 настоящей монографии):

архаическая (отсутствие индивидуализации сознания),
магическая (появление осознания собственной личности, языка, опора на магию и ритуальные заклинания),
мифическая (первоначальная конкретизация собственного Я в человеке, опора на богов, символы, мистерии),
религиозная (формирование монотеистической религии),
рациональная (развитие науки и философии),
интегральная (интегральное сознание должно стать основой нового тысячелетия).

В новой парадигме выделены глобальные институциональные циклы и формационные этапы развития мировой цивилизации, при этом каждому циклу соответствует своя доминирующая матрица сознания. Для доформационного периода характерны архаическая и магическая матрицы сознания, для начальной формации — мифическая, для средней — религиозная, для зрелой — рациональная. Интегральной формации соответствует интегральное сознание. В его основе лежит видение мира не просто как системной целостности, но целостности, которая включает в себя индивида, а вселенная рассматривается как сеть взаимосвязанных событий, в которой реализуется самоорганизующийся процесс эволюции.

Переход к новому интегральному сознанию возможен только через качественно обновленную систему образования. Образование на современном этапе рассматривается не как знание учебных предметов, а как фактор развития личности. Новая система образования базируется на компетентностном подходе, что означает переориентацию подготовки с трансляции знаний к формированию навыков. Необходимо создание условий для овладения комплексом компетенций, означающих потенциальную возможность выпускника к социальной адаптации и успешной профессиональной деятельности. В логике компетентностного подхода следует изменить и подготовку современного учителя, который должен быть способен формировать целостную систему знаний, умений, навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности.

Вызов 7 — от государственности: каждая локальная цивилизационная матрица должна найти свою форму демократических институтов для развития деятельностного потенциала общества и для беспрепятственного прохождения сигналов обратной связи.

Институт гражданства, обеспечивающий защиту граждан от произвола государственной власти, в западных странах зародился в XVIII в. В следующем столетии доступ к избирательному праву был расширен: гражданские права послужили основой для обретения политических прав. Это, в свою очередь, способствовало развитию в XX в. социальных прав, когда граждане начали использовать избирательное право для защиты от стихии рыночных сил путем более интенсивного государственного регулирования [Блок, 2004. С. 43].

На протяжении многих десятилетий активное избирательное право было напрямую связано с обладанием собственностью и способностью платить налоги. Участвовать в государственном управлении могли лишь те, кому было, что терять, и кто путем уплаты налогов вносил материальный вклад в организацию общественной жизни. Расширение избирательного права происходило постепенно, по мере роста благосостояния народа через поэтапное включение в число избирателей новых социальных групп. В итоге с 1918 по 1960-е гг. в Европе и Америке на основе возникновения всеобщего избирательного права и превращения монархии в декоративный институт возникло «демократическое государство».

Для России, так же как и для всего человечества, «необходимость демократии очевидна, ведь только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным» [Сурков, 2006. С. 13]. Фактически ответ на этот вызов цивилизационного развития дан в концепции «социального государства», реализуемого на Западе с 30-х гг. пошлого столетия и формируемого в России с начала 2000-х гг. Магистральным путем развития выбрано именно социальное государство, т. е. общественная система, построенная на демократических основах, в которой экономическая эффективность гармонируется с принципами социальной справедливости, а основой такой гармонизации выступает созданная на базе сочетания рыночных и раздаточных механизмов институциональная система, позволяющая максимально полно использовать и приумножить человеческий потенциал страны.

Вызов 8 — от институционального ядра: настоятельное требование о создании новой эффективной институциональной системы.

«Эффективная институциональная система — это такая институциональная система, которая обеспечивает экономический рост» [Норт, 1997. С. 178]. С целью преодоления экономических диспропорций и социальной поляризации в 60-е гг. XX в. родилась, по выражению Э. Кастелса, новая форма капитализма — «социальный рынок». Это ответ на вызовы, который дали западные цивилизационные матрицы, построенные на рыночном архетипе. Россия и цивилизационные матрицы, построенные на раздаточном архетипе, приходят к созданию экономической системы «либерального раздатка», в которой также сочетаются раздаточные и рыночные формы, но при доминировании институтов раздатка.

Проблемы и сигналы из реальной среды

Все эти глобальные вызовы накладываются на конкретную ситуацию в российском обществе, которая сложилась в начале XXI в. О том, что политика правительства в 1990-е гг. привела к существенным проблемам и фактически вызвала отторжение большинства россиян, свидетельствует, например, анкетный опрос населения пяти регионов России,

проведенный в 2002 г. по репрезентативной выборке [Рывкина, 2005]. Целью опроса было сравнение двух обществ — советского и постсоветского (табл. 3.1).

Из опроса также выяснилось, что подавляющее количество опрошенных считают: сейчас люди работают хуже, чем работали в советские времена; государство обязано помогать нуждающимся людям находить работу; нужно, чтобы условия для поддержания здоровья и лечения всех жителей страны были одинаковыми, независимо от того, богатый человек или бедный; в справедливом обществе все люди живут примерно одинаково. В результате 79 % не удовлетворенных своей жизнью породили 76 %, оценивших российское общество как несправедливое.

Как видно, оценки оказались в пользу советского государства. Жители страны недовольны не столько устройством государства как таковым, сколько тем, как чиновники руководят страной, т. е. той социально-политической системой, которая сложилась в России в результате их управленческой деятельности. Неприятие этой системы — бедности, дороговизны всего комплекса условий жизни, безработицы, игнорирования интересов простых людей — концентрируется в критическом отношении к государству и является косвенным показателем негативного отношения к российскому варианту капитализма [Там же].

Такое отношение к пережитым реформам объясняется огромным количеством проблем, которое накопилось в социальной сфере [Гон-

Таблица 3.1

Сравнительный опрос-оценка советского и постсоветского общества*

Вопрос/ответ	Доля ответивших
Нынешнее российское общество устроено более или менее справедливо, чем советское? (% к итогу)	
Более справедливо	19
Менее справедливо	57
Осталось таким же	11
Не знаю	13
Почему российское общество устроено менее справедливо? (%, допускалось несколько ответов)	
Усилились социальные различия между богатыми и бедными	65
Снизилась социальная защищенность людей	64
Потому что все решает узкая группа людей, приближенных к власти	44
Общественная собственность досталась немногим людям	37
Возникла безработица	29
Обострились различия между людьми разных национальностей	21
Власть не советуется с народом	15

* По [Рывкина, 2005].

тмахер, 2006]. Так, в медицине весь период 1990-х гг. отсутствовали стандарты лечения, не были разграничены бюджетное и страховое финансирование, не были нормативно установлены приемлемые объемы участия населения в финансировании медицинского обслуживания из собственных средств, здания больниц и поликлиник достигли сверхнормативной изношенности, медицинское оборудование в большинстве случаев морально и физически устарело, оплата труда медицинских работников достигла критически низкого уровня. В образовании примерно те же проблемы с образовательными стандартами, оплатой труда учителей, разграничением бюджетного и платного обучения. И в той, и в другой отрасли отсутствует приток молодых специалистов, и как следствие, преобладают кадры предпенсионного и пенсионного возраста.

Жилищная проблема в 1990-х гг. стала еще острее, чем была в советское время. Большинство нуждающихся в жилье не могут купить его ни при каких условиях в связи с неплатежеспособностью и крайне низким уровнем жизни, жилищное строительство в своих стандартах ориентируется исключительно на высокодоходные группы населения, категория «социального жилья» для инвалидов и ветеранов практически исчезла, граждане слабо защищены от махинаций при покупке и продаже жилья, уровень износа коммунальной инфраструктуры достиг критической отметки, а темп роста квартирной платы существенно опережает темп роста реальных доходов населения.

На конец трансформационной фазы в 2001 г. смертность превысила рождаемость в 1,7 раза. По прогнозам экспертов, к 2011 г. россиян станет на 10 млн меньше, чем в 2001 г., если не произойдет кардинальных изменений в демографической политике. Особенно резко, почти вдвое, может сократиться численность группы молодых, что создаст в ближайшем будущем проблемы с формированием армии и вызовет дефицит рабочей силы в производстве.

Либеральный раздаток — объективно обусловленный этап развития России

В ответ на крупные диспропорции в экономической сфере и резкое снижение качества человеческого потенциала с начала XXI в. был изменен курс социально-экономической политики Российского государства. В терминах предлагаемой теории — это курс на построение *либерального раздатка*, который станет основой интегральной формации в рамках развития цивилизационных матриц с раздаточным институциональным ядром. В настоящее время:

проводится реорганизация отношений собственности с переносом акцента на государственную форму;

внедряются новые организационно-правовые формы предприятий и компаний, сочетающих государственный статус с рыночно-ориентированным хозяйственным механизмом;

устанавливаются границы влияния частного бизнеса на общественную жизнь;

упорядочивается система ценообразования с введением государственной регламентации и тарификации цен на товары и услуги базовых отраслей хозяйства;

запускаются новые институциональные механизмы проектного типа, обрабатываемые в форме «национальных проектов», с ориентацией на конечный результат;

принимаются широкомасштабные долгосрочные целевые программы; восстанавливается стратегическое и среднесрочное планирование;

внедряются контрактные принципы и конкурсные механизмы осуществления государственных инвестиций;

перестраивается модель государственной службы по принципу «отделения» от бизнеса и выстраивания партнерских отношений со всеми потребителями государственных услуг, введением стандартов функционирования с ориентацией на решение социальных проблем;

отрабатываются функции государственного заказа и расширяются формы финансового обеспечения оказания государственных услуг;

организуется метод финансирования бюджетной сферы «по конечному результату»;

распространяются ипотечные формы обеспечения жильем социального и государственного типа (сертификаты, фиксированные на уровне себестоимости цены, существенное снижение процента, погашение долга в случае рождения детей);

совершенствуется механизм обратной связи, и повышается эффективность прохождения сигналов, расширены формы обращений — от индивидуальной жалобы, телефонов доверия и общественных приемных до горячих линий и телевизионных мостов с руководителями регионов и президентом страны.

Механизм либерального раздатка строится на служебных контрактах, конкурсных торгах, государственном заказе. Эти черты нового раздатка принесут соревновательность, конкурентный механизм, эффективный отбор при выборе тех или иных организаций, что будет способствовать оптимизации стратегических решений [Бюджетное послание..., 2007].

Основным документом, регламентирующим взаимоотношения между государственным заказчиком и подрядчиком, должен стать контракт, заключаемый на весь период реализации инвестиционного проекта. В этом контракте четко фиксируются обязательства подрядчика по сдаче объекта в эксплуатацию и обязательства государства по финансированию. При этом смета должна рассматриваться исключительно как составная часть конкурсной документации при проведении подрядных торгов. Важная особенность контрактов в либеральном раздатке — их служебный характер. Это означает, прежде всего, тот факт, что одним из участников этого контракта являются либо государственные органы

в качестве заказчика, либо государственные предприятия (корпорации) в качестве подрядчика. Служебный контракт содержит в себе правила функционирования объектов государственной собственности (нормативы, стандарты, правила расходования бюджетных средств), в нем выделяются норма рентабельности и цены.

Распорядители бюджетных средств будут наделены полномочиями самостоятельно определять формы финансового обеспечения и способы предоставления государственных услуг, включая их предоставление на основе государственного заказа. Кроме того, в пределах сметы, уже позволено вводить системы оплаты труда, отличные от Единой тарифной сетки. Применение таких методов должно обеспечить соответствие качества труда работника и уровня его оплаты в бюджетной сфере. Фактически выстраивается новый хозяйственный механизм: бюджетные ресурсы выделяются в нормативном объеме под результат, зафиксированный в служебном контракте, и, в отличие от советского раздатка, предоставляется свобода выбора расходования денежных средств в интересах повышения эффективности деятельности организации. Эта новая модель и являет собой тот искомый вариант «хозрасчета» в рамках целостного экономического организма, при котором самостоятельность базовых хозяйственных единиц сочетается с едиными стандартизованными правилами в общегосударственном масштабе.

В рамках национальных проектов идет попытка снять ограничения Единого тарифного кодекса: повышение заработной платы происходит не по должностной сетке, с сохранением пропорций между тарифными уровнями (что каждый раз раскручивает инфляцию), а по «узким местам», например, участковым врачам, детским врачам, врачам общей практики, медсестрам, работникам скорой помощи. Механизм расходования бюджетных средств не по штатному расписанию, а в соответствии с реальным вкладом каждого участника в процессе достижения поставленной цели — главная проблемная зона выстраивания либерального раздатка в России. Попытка ввести «коэффициент трудового участия» в рамках единого тарифного расписания еще в период советского раздатка в 80-х гг. XX в. привела лишь к еще большим деформациям в оплате труда и перекачиванию средств с уровня низовых работников на уровень управленцев.

Делалось это довольно просто: незаполненные места в штатном расписании распределялись между имеющимся персоналом, однако доплаты за совмещение ставок составляли гораздо меньше, чем оплата замещаемых мест. К примеру, сантехник в ЖЭУ, «закрывающий» три или четыре ставки, получал оплату не более чем в 1,7 раза больше стандартной (плюс некоторые добавки). В результате образовывалась «экономию фонда оплаты труда», которая и подлежала распределению между имеющимся числом занятых работников по КТУ [Бессонова, 1999а, б]. До этого момента практика не противоречила теоретическим предположениям советских экономистов, бьющихся над проблемой увязывания

качества и количества труда с его оплатой. Однако, вот что происходило далее: в число тех, кому распределялась экономия фонда оплаты труда по КТУ, входили и управленцы соответствующей низовой хозяйственной ячейки. При этом КТУ определялся уровнем оплаты труда по тарифной сетке, в которой уже была заложена четырехкратная дифференциация. В итоге львиная доля экономии фонда оплаты труда переключивалась в фонд оплаты управленческого звена.

Подробное напоминание этого дефектного механизма советского раздатка в настоящий момент имеет особенное значение, поскольку на первый план выходят преобразования в социально-бюджетной сфере. Именно выработка новой институциональной модели, которая блокирует «бюрократический перераспределительный» механизм, сохраняющий свои корни до сих пор, является стратегической задачей перехода от устаревшего неэффективного раздатка советских времен к либеральному раздатку. Эта блокировка важна для выстраивания мотивации всех работников на конечный результат и производительный труд.

При реализации национальных проектов отлаживается новый механизм раздачи ресурсов эффективным субъектам, выборочно и достойным, а не всем «сестрам по серьгам», как это было в советское время. В рамках проекта «Образование» стали выделяться гранты лучшим учителям, гранты школам, в которых внедряются передовые методики обучения, гранты и стипендии талантливой молодежи, гранты вузам, ведущим активную инновационную деятельность.

Государство вновь признает свою ответственность в функционировании социальной инфраструктуры развития общества. Намечено оснащение поликлиник новым диагностическим оборудованием, а школ — учебным оборудованием, запланирована закупка современных машин скорой помощи и школьных автобусов для села, строительство новых федеральных центров по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи, интернетизация школ. Государство также берет на себя роль обеспечения инновационных центров развития, таких как национальные университеты, технопарки, наукограды, бизнес-школы по подготовке топ-менеджеров и для частных компаний, и для государственного управления.

Внедряемая система одноканального финансирования в сфере здравоохранения и система нормативно-подушного финансирования в сфере образования имеют цель увязки результатов деятельности учреждения и суммы выделяемых ему средств. **Либеральный раздаток в здравоохранении** означает по-прежнему «бесплатное» (через систему налогообложения) предоставление медицинских услуг, в размере, определяемом государственным социальным пакетом. В отличие от советского раздатка граждан будет иметь право выбора участкового врача, поликлиники, больницы, страховой компании. Сохранится сектор платной медицины по всем видам медицинских услуг в частных клиниках для высокодоходных групп населения. Вне государственной сферы бесплат-

ного обеспечения останутся услуги, связанные с личным потребительским вкусом, с повышенным качеством и не входящие в базовый социальный стандарт (косметология, борьба с лишним весом, люксовое протезирование, пластическая хирургия и т. д.).

Либеральный раздаток в образовании также предполагает бесплатное обязательное среднее образование и наличие бюджетных мест в высших учебных заведениях, что повлечет возрождение механизмов распределения выпускников на хозяйственные объекты, в соответствии с насущными потребностями государства, на срок до 2—3 лет. Но, по сравнению с раздаточными механизмами советского периода, изменятся принципы финансирования — средства образовательных учреждений будут формироваться не по затратным нормативам, а по количеству обучаемых и распределяться между субъектами образовательного процесса (педагогами и т. д.) по качеству подготовки учащихся.

А каким будет **жилищный сектор** в экономике **либерального раздатка**? В Минрегионразвития разработан проект «Долгосрочной стратегии массового строительства жилья для всех категорий граждан», рассчитанной до 2025 г., предусматривающей широкомасштабное строительство социального, индивидуального и наемного жилья. В ее основе лежит раздаточный механизм: муниципалитет будет формировать заказ строительным компаниям, оплачивать их услуги за счет госкредитов, выдаваемых на срок до 50 лет, а затем распределять жилье среди нуждающихся. При этом подрядчикам придется выиграть лишь один конкурс — на строительство жилья определенных качества и цены. Согласно этой программе, социальный сектор будущей жилищной системы вновь займет значимое место: на социальный найм придется до 80 % сдаваемых площадей.

Если сравнить проектируемый в данном документе жилищный сектор с советским периодом, то видно, что в основе будущей жилищной системы доминирует тот же раздаточный принцип. Однако это уже качественно иной жилищный раздаток, учитывающий все категории населения через их платежеспособность и выстраивающий разнообразные механизмы обеспечения жильем для разных доходных групп. Уже разрабатываются и внедряются новые формы служебного и ведомственного жилья.

Либеральный раздаток в жилищной сфере позволит решить проблемы, которые не мог решить раздаток советского периода. Если вспомнить ситуацию 20-летней давности, текучесть кадров напрямую была связана с предоставлением жилья, кадры «переманивались» с помощью обещания жилья во вредные и трудозатратные производства. Как широко известно, после получения жилья через 2—3 года работник увольнялся, сохраняя его за собой, и искал место менее напряженной работы. В связи с этим жилье стало выдаваться после все более длительного срока «стояния» в ведомственной очереди. Фактически, жильем работник стал «награждаться» за нелегкий и добросовестный много-

летний труд, срок которого в связи трудовым дефицитом все увеличивался (с 8 лет до 12, а порой и 18 лет). При этом, работая на предприятии, семья должна была жить в тяжелых жилищных условиях (в бараках, с родителями, или снимая у «бабушек»).

Как может изменить эту ситуацию либеральный раздаток в жилищной сфере? Его ключевым компонентом должна стать социальная и служебная ипотека, помимо прямой раздачи жилья социально незащищенным группам населения (инвалидам, ветеранам и т. д.) и лицам, состоящим на военной службе у государства (войска, внутренние органы правопорядка и т. д.). Социальная и служебная ипотека должна развязать узлы старого раздатка. Работник сразу получает жилье в ипотеку от предприятия или организации под низкий процент (в случае социальной ипотеки) или без процента (в случае со служебной ипотекой) под условие его работы в течение определенного периода времени, фиксируемого как в ипотечном контракте, так и в его трудовом договоре.

За период отработки, при условии рождения детей, предприятие погашает его задолженность в определенных пропорциях. А поскольку нанятый работник уже живет в приличном жилье, то высока вероятность регулярного прибавления семейства, стимулируемого не только жилищными условиями, но и бонусами демографической государственной программы. В конце трудового срока, установленного договором, жилье переходит в собственность работника, и он может распоряжаться им по своему усмотрению, как и своей рабочей силой, т. е. имеет выбор либо остаться на данном предприятии, либо устраивать свой карьерный рост по своим способностям или потребностям (часто жилищные стратегии заставляют пренебрегать собственными творческими способностями в связи с обязательствами перед семьей и детьми). Если же работник решил разорвать отношения с предприятием раньше срока, то остаток суммы по ипотеке ему придется доплачивать по рыночной стоимости квадратного метра и коммерческой процентной ставке, что должно быть оговорено в трудовом договоре в момент его заключения.

Другими словами, старый раздаток «мучился» из-за неявно сформулированных «правил игры» в жилищной сфере, в рамках которых жилищные стратегии основных игроков (предприятия, государства и работников) были зачастую разнонаправленны, что вызывало конфликтность, непрекращающийся поток жалоб и низкую трудовую мотивацию. Новый либеральный раздаток в жилье обеспечит ясными правилами всех субъектов жилищной сферы на основе апробированных в трансформационную фазу институтов частной ипотеки, которые будут преобразованы в социальную и служебную ипотеку. Частная ипотека сохранится для обеспеченных слоев населения, приобретающих второе или дополнительное жилье как инвестиции в недвижимость.

Просматривается **модель либерального раздатка и в науке**. Вместо бюджетного распределения средств, строго расписанных по статьям

расходов на основе пятилетних планов научно-исследовательских работ в советский период, вводится субсидиарное финансирование под фундаментальные проекты на конкурсной основе. В рамках проектных средств руководитель сам определяет направления их расходования с целью достижения поставленных задач самым эффективным способом, с учетом конкретной обстановки и специфики научного характера деятельности. Эта модель позволяет совместить полную научную самостоятельность с единой системой управления научно-исследовательской деятельностью, что позволит концентрировать средства на важнейших направлениях развития науки. Уже введены изменения в оплате труда научных сотрудников, которая будет включать дополнительные бонусы за публикации в рецензируемых журналах, участие в интеграционных проектах и т. д. Другими словами, будет стимулироваться результативность научного труда, а не только сам факт научного процесса, зафиксированного в разрядной тарифной системе.

Проектный подход станет одним из основных механизмов либерального раздатка. Национальные проекты — это начальный этап выстраивания отношений по типу либерального раздатка в бюджетной сфере: российское государство после трансформационной фазы активно вмешалось в дела каждой из социальных сфер с целью «заткнуть» самые вопиющие прорехи, но, главное, найти формы, которые обеспечат эффективный механизм функционирования. С их помощью осуществляется переход к единой стратегической программе развития страны, разложенной на плановые средне- и краткосрочные действия в форме проектов. Фактически, проектный подход — это интегральная форма эффективного использования ресурсов для реализации поставленной цели, использующая программно-целевой подход в виде региональных комплексных программ и территориально-производственных комплексов, идеи которых были развиты еще в советские времена выдающимися сибирскими экономистами.

К институциональным инновациям, экспериментально опробуемым в рамках национальных проектов, можно отнести:

- родовые сертификаты и материнский капитал,
- государственную поддержку молодым семьям и молодым сельским специалистам в приобретении или строительстве индивидуального жилья с помощью ипотечных кредитов,

- предоставление государственных гарантий по кредитам на обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой и субсидирование процентной ставки по таким кредитам,

- развитие инфраструктуры рынка ипотечных ценных бумаг и рефинансирования ипотечных жилищных кредитов.

К новым организационным формам, способным переломить негативные экономические тенденции, относятся Банк развития и внешнеэкономической деятельности, Инвестиционный фонд РФ, Стабилизационный фонд РФ, преобразованный в Резервный фонд и Фонд будущих

поколений, Российская венчурная компания, система Федерального казначейства, осуществляющая в соответствии с едиными стандартами и процедурами кассовое обслуживание исполнения бюджетов.

В экономике либерального раздатка роль государства существенно изменяется: от производителя ресурсов, когда государство напрямую участвует в производстве товаров и услуг, к роли заказчика, когда субъекты экономической деятельности сами могут планировать свою деятельность, ориентируясь на заказ государства, при этом государство выступает двигателем идей и координатором действий других субъектов экономики. Уже в настоящее время реализация приоритетных проектов привела к долгосрочному планированию и бюджетированию [Медведев, 2007]. Короткие горизонты планирования — это существенный признак неэффективности государства в создании условий для нормальной долгосрочной экономической деятельности. Вот почему в государственных программах и правительственных документах уже очень часто возникает слово «план», план социально-экономического развития [Дворкович, 2007].

Планирование в условиях либерального раздатка будет существенно отличаться от предыдущего опыта. В его рамках не будет больше предписываться исполнение сотен тысяч параметров, включая номенклатуру товаров в торговле. Новое планирование создаст стимулы для оптимизации бюджетных расходов, поскольку при среднесрочном прогнозировании повышается гарантия стабильности финансирования действующих обязательств государства, в том числе капитальных расходов. «Успех может быть достигнут... путем создания системы стратегического (индикативного) планирования» [Полтерович, 2007. С. 21].

В экономике будущего либерального раздатка используются институциональные формы, заимствованные из западной экономической системы и апробированные в период рыночных трансформаций в России. Такой важной институциональной инновацией являлось заимствование идеи частной корпорации в ее зрелой мультидивизионной форме. Но, перенесенная в среду российской реальности, она была преобразована в государственные корпорации, в которых рыночно-ориентированный хозяйственный механизм совмещен с национальными интересами, что воплощено в их государственном статусе. Именно госкорпорации станут доминирующей организационной формой либерального раздатка.

Перинатальная фаза закончится, когда найденная новая организационно-правовая форма станет воспроизводственной основой нового институционального цикла. На эту роль как раз и претендует государственная корпорация с отработанными в трансформационную фазу механизмами вертикальной интеграции, контрактной моделью трудовых отношений и договорными механизмами межхозяйственных связей. С 2010-х гг. Россия выйдет в структурированную стадию либерального раздатка, лежащего в основе интегральной формации в рамках траектории развития цивилизационных матриц с раздаточным институциональ-

ным ядром. Этот тип экономики синхроничен с экономикой социального рынка, реализуемой рыночными цивилизационными матрицами со второй половины XX в.

Итак, с точки зрения общей теории институциональных трансформаций на рубеже XX и XXI столетий Россия переживает великую трансформацию, как это происходило с западной цивилизацией со второй половины XIX до первой половины XX в. [Полянши, 2002], поскольку изменения осуществляются одновременно по трем осям:

формационной — наемная модель трудовых отношений трансформируется в договорную (контрактную), а зрелая формация заменяется интегральной;

институциональной — наступает новый институциональный цикл на основе институциональной матрицы, сочетающей доминирующие раздаточные отношения с рыночными механизмами;

государственности — происходит переход от монархического принципа построения государства к демократическому, т. е. осуществляется преодоление сакральности власти и формируется механизм равноправного диалога в обществе.

Таким образом, главная характеристика современного этапа институционального развития России связана с изменением позиции государства в экономике, которое из стороннего наблюдателя вновь превращается в активного экономического субъекта. Новые функции государства повлекли за собой существенную модификацию «правил игры» и формирование иной, по сравнению с 1990-ми гг., институциональной системы. В связи с этим на повестку дня экономической и социологической науки очередной раз вышел вопрос о сущности государства, его функциях в экономике и месте в обществе. Именно поэтому важно по-новому взглянуть на роль и функции государства в западном обществе. Общее место мейнстрима экономической теории состоит в умалчивании фактической роли государства в становлении и поддержании рыночного порядка в прошлом и активном хозяйственном вмешательстве государства в регулирование рынка в XX в. И те, кто пытается осмыслить этот феномен через категорию «социальное государство», сталкиваются с жесткой позицией экономического мейнстрима.

Западный путь к интегральной формации

С точки зрения новой парадигмы цивилизационного развития на Западе в 60-х гг. прошлого века была построена новая экономическая система — «социальный рынок», в которой существенное значение имеет государственная экономическая и социальная политика.

Социальный рынок — это экономическая система, опирающаяся на интеграцию базовых рыночных институтов и компенсаторных раздаточных институциональных практик в форме широкомасштабных социальных программ, общественных секторов, бюджетной поддержки низ-

корентабельных отраслей и государственных инвестиций в инфраструктуру и новые технологии.

Но главное — в ней модифицирована сама основа рыночной экономики введением ограничений на права владельцев собственности по непроизводительному, нерациональному ее использованию, в результате чего институт частной собственности преобразовался в институт эффективного собственника. В законодательстве США после кризиса 1929—1933 гг. был введен комплекс прав собственника и новые законы о наследовании. Собственников ограничили в правах на общественно бесполезное «проедание» капитала или на неэффективное управление принадлежащими им предприятиями. Социализация наследования в США состояла в ограничении прав наследников на нерациональное либо неэффективное использование частного производственного капитала. Сыновья, наследники фермеров в США, в результате принятия в 1930-х гг. законов об эффективной собственности потеряли право получать землю и другие средства производства от отца. Они обязаны сдать государственной комиссии экзамен на умение вести хозяйство и лишь после этого могут выкупить ферму отца по общей процедуре, с предоставлением им приоритета. При отсутствии наследника фермер либо его родственники не имеют права продать землю по своему усмотрению. Решение о продаже принимают по строго прописанной процедуре земельные органы, контролирующие эффективное ведение частного фермерского хозяйства [Амосов, 2006].

«Фактически, не существует такой единой однородной субстанции как “капитализм свободного рынка”. Существующие рыночные общества характеризуются весьма различными способами структурирования хозяйственных институтов. В реальности нигде нет и не может быть той рыночной экономики, о которой пишут в учебниках» [Блок, 2004. С. 48].

«Капитализм по теории XIX и начала XX веков уже не соответствует современным экономическим структурам, существующим в стабильных демократических системах. Реальная практика не соответствует представлению о том, что свободное предпринимательство или капитализм представляют собой лишь частную собственность на компании и фирмы, а не всеобъемлющую систему правовых институтов, ответственных за функционирование рыночных отношений» [Салливан, 1984. С. 28].

Хозяйство США часто приводят в качестве примера системы свободного предпринимательства, в которой конкуренция обеспечивает эффективность и динамичность развития фирм. Однако в действительности американское федеральное правительство и власти штатов напрямую вовлечены в организацию хозяйства. А поскольку, согласно распространенному в США представлению, вмешательство государства должно быть сведено к минимуму, воздействие государства остается «за кадром». (О том, что государство играет существенную роль в рыночных экономиках, свидетельствуют данные табл. 3.2 [Салливан, 1984].)

Компьютерная революция 80—90-х гг. XX в., ведущая роль в которой принадлежала фирмам Силиконовой долины, является символом предпринимательского капитализма. Однако тщательное изучение фактов американскими экономистами показывает, что на протяжении последних 50 лет в формировании исследований и образовательных программ, в приобретении продукции компьютерной отрасли непосредственное участие принимало государство. Более 70 % финансовой поддержки научных исследований в машиностроении, вычислительной технике проходило по линии федерального правительства.

Фирмы пользовались доверием у кредиторов, поскольку обладали надежным рынком сбыта в лице государственных органов. Такое вмешательство в работу рынков программных продуктов и рынка труда в Силиконовой долине принесло обществу ощутимую пользу. Участие государства в подготовке инженеров, финансировании инноваций и поощрение перехода на новые технологии стимулировало экономический рост и накопление богатства во всех секторах хозяйства. Сейчас подобное явно наблюдается в отрасли биотехнологий [Флингстин, 2007. С. 41—60].

В США ликвидированы финансовые, а затем и любые холдинги. Приняты антиспекулятивные законы, предусматривающие законодательные и административные процедуры регулирования уровня и паритетов цен для частных фирм. С 1960-х гг. введено централизованное планирование по тщательно отработанным и законодательно утвержденным публичным процедурам. Правда, по идеологическим соображениям они не называются плановыми органами, однако занимаются распределением бюджетных средств между целевыми программами. Например, авиастроение с 1928 г. является объектом государственного планирования, и сегодня там разрабатываются поддерживаемые из бюджета текущие и долгосрочные программы развития авиастроительной макротехнологии.

Жилищную проблему западные страны решали на основе общенациональных целевых программ, на которые выделялись огромные средства из бюджета. Например, национальные государственные программы в США и ФРГ предусматривали возможность приобретения благоустроенного жилья по льготному кредиту, предоставляемому на 30—40 лет

Таблица 3.2
Общие расходы правительств относительно ВВП в 1984 г., %

Страна	Доля
Швеция	71,1
Израиль	64,0
Дания	61,2
Бельгия	61,1
Нидерланды	60,3
Ирландия	59,7
Норвегия	53,8
Австрия	52,4
Франция	50,9
ФРГ	50,5
Англия	49,4
Финляндия	42,9
США	38,3

(для молодых семей в возрасте до 30 лет, главы которых имели квалифицированную работу) [Амосов, 2006].

Функции современного государства чрезвычайно разнообразны:

создание и воспроизводство общественных благ, т. е. тех товаров и услуг, которые не могут быть произведены с целью извлечения прибыли отдельными предпринимателями (городские парки, маяки, дамбы, мосты и т. д.);

сокращение негативных последствий, которые возникают в результате частной хозяйственной деятельности (загрязнение окружающей среды, вредные условия труда, опасные продукты);

государственное образование (если образование обеспечивается только рынком, многие не смогут его себе позволить);

производство общественно-необходимых благ на государственных предприятиях, а также через субсидии частным производителям или совместное производство государственными и частными агентствами;

макроэкономическая стабилизация для смягчения влияния бизнес-цикла в форме поддержки постоянного доступа к кредитам, а также через учреждение институтов кредитования, регулирование банковской сферы и препятствование вывозу золота;

преодоление рыночных процессов в сфере распределения — явление «декоммодификации» рабочей силы, означающее обеспечение ее источниками дохода помимо тех, что предоставляет рынок (введение государственного обеспечения в случае болезни, инвалидности и старости, социальное страхование);

стимулирование национальной промышленности посредством установления таможенных пошлин, построения инфраструктуры как средства стимулирования частных инвестиций, поддержания высокого уровня инвестиций в производство во всей экономике за счет государственных средств;

содержание оборонного комплекса, разработка высоких технологий, освоение космоса, добыча полезных ископаемых (на 2007 г. 80 % мировой добычи нефти и газа осуществлялось госкомпаниями);

контроль и регулирование некоторых элементов ценового механизма, в частности, через налоговые системы.

Исходя из активности государства в экономике, обычно выделялись следующие типы рыночных экономик:

либеральная рыночная экономика, где государство не демонстрирует активную роль (США, Великобритания, Ирландия);

координируемая рыночная экономика, где государство играет активную, но преимущественно косвенную роль (Германия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Норвегия, Финляндия, Австрия);

рыночная экономика, находящаяся под влиянием государства, где оно играет активную и непосредственную роль (Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция, Япония, Южная Корея, Тайвань);

на другом полюсе — социалистическое государство, функции которого расширены до существенных ограничений рыночных отношений или даже полной их отмены, чтобы преодолеть несправедливость, вызванную рыночным распределением ресурсов.

Вместе с тем новый подход, зародившийся в рамках западной экономической социологии, — «парадигма реструктурирования рынка» (Блок, Флигстин) — исходит из того, что действия государства всегда играют ключевую роль в формировании хозяйства и позиционировать государство как нечто за рамками хозяйственной деятельности — бессмысленная задача. Государства устанавливают общие институциональные правила использования производственных активов и законодательные рамки, регулирующие отношения между работодателями и наемными работниками, обеспечивают средства платежа для экономических расчетов, поддерживают границу между своей территорией и остальным миром. Действия государства необходимы для построения хозяйства.

В дальнейшем функции государства будут только усиливаться по трем причинам.

Во-первых, западные государства продолжают отстраивать новый тип экономической системы на технологической информационной основе. «В процессе перехода к новому типу хозяйства государство должно играть абсолютную ведущую роль в формировании прав собственности. При этом общества могут выбирать из целого ряда сочетания рынков и действий государства, поскольку адекватный уровень функционирования экономики может быть достигнут на основе множества таких сочетаний» [Блок, 2004. С. 48].

Во-вторых, в экономике, основанной на знаниях, движущей силой инновационных процессов является целенаправленная государственная политика: государство принимает активное участие в формировании всех элементов национальных инновационных систем, посредством создания институциональных условий для развития научно-технической сферы, а также введения льгот и преференций для частного сектора, инвестирующего в развитие науки и широко использующего инновации.

В-третьих, в рамках нового институционализма доказано, что рыночная система содержит в себе элементы оппортунизма (а не только рационализм и протестантскую этику). Экономическая наука включила в базовые постулаты тезис о том, что «оппортунизм является трудноуловимой и всепроникающей особенностью человеческой природы, которую всегда следует принимать во внимание при исследовании экономической организации» [Уильямсон, 1996. С. 35], при этом под оппортунизмом понимается преследование личного интереса с использованием коварства (такие формы как ложь, воровство и мошенничество) [Там же. С. 97]. Например, в 1960-е гг. в США была создана Комиссия по ценным бумагам и биржам вследствие предшествующих многочисленных нарушений и «оппортунистического характера рынков облигаций, господствовавшего в 1980-е годы» [Аболафия, 2003. С. 65, 67].

Социальный рынок — результат длительного исторического развития рыночного институционального ядра западной цивилизационной матрицы. Траектория развития рыночной экономики в рамках цивилизационной матрицы Запада представлена на рис. 3.1.

Экономическая эволюция Запада — это циклическое развитие рыночных институтов, которые на каждом цикле принимали определенные формы, соответствующие конкретно-историческому этапу. Форма рыночных институтов определялась соответствующей трудовой моделью.

Первый институциональный цикл — в его основе начальная формация, которая базировалась на рабской модели организации труда. Рабский труд носил частный характер, так как рабы принадлежали частным лицам и сами являлись объектом частной собственности; нормы работы устанавливались землевладельцем, и контроль за их выполнением осуществлял его управляющий.

На первом цикле уже была создана первичная рыночная инфраструктура, характеризующаяся наличием частной собственности на землю. Организация и управление производством осуществлялись крупными землевладельцами; часть продуктов продавалась на рынке сельхозпродуктов. Значительная часть оборудования и инвентаря как в поместье, так и в городском доме покупалась, что означало наличие рынка средств производства. Существовали также земельный рынок и региональные рынки трудовых ресурсов, где устанавливались цены на рабов

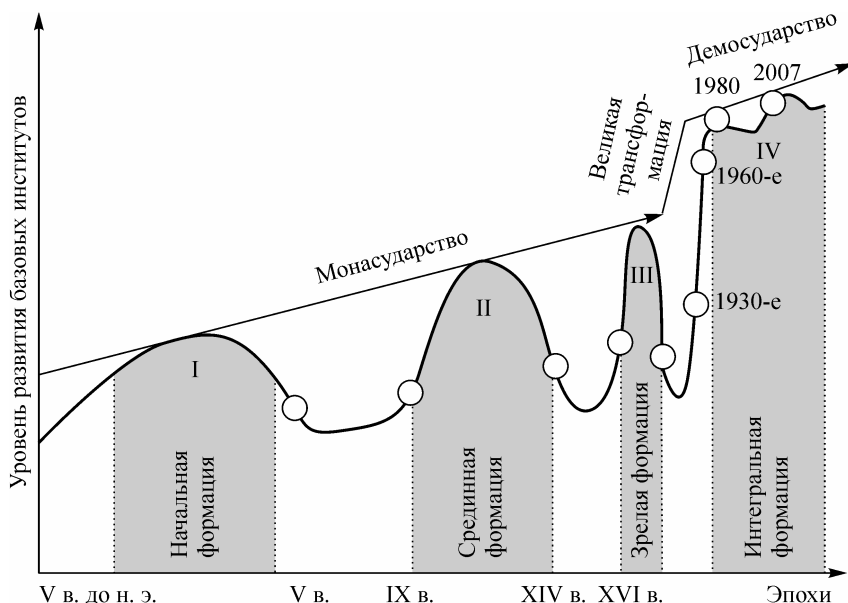

Рис. 3.1. Траектория развития цивилизационной матрицы Запада.

разных специальностей, батраков и наемников. Налогообложение осуществлялось в форме общественных литургий. Наличие первичной рыночной инфраструктуры позволило историку Э. Мейеру назвать экономику этого периода «античным капитализмом» [История..., 1989. С. 11].

В основе срединной формации и **второго институционального цикла** лежала крепостная трудовая модель. Земельные владения являлись частной собственностью, т. е. подлежали отчуждению (купле-продаже, дарению) и наследованию по завещанию. Крепостные крестьяне, у которых был свой собственный надел, также находились в частной собственности землевладельцев (феодалов). Мануфактуры функционировали на праве частной собственности. Феодал являлся верховным владельцем земли, «сеньором», главным занятием которого была служба королю, знати, церкви или служба в войске. Он содержал штат управляющих и надсмотрщиков. Крестьянин обрабатывал господскую землю своими орудиями и выполнял многообразные повинности, включающие в себя все виды ренты: отработочную, продуктовую и денежную, из которых доминировала денежная.

В средние века рынки были прикреплены к месту: некоторые из них функционировали периодически, как местные городские рынки, однако крупные ярмарки могли ежегодно длиться по несколько недель или месяцев. Для открытия рынка или ярмарки нужна была лицензия, поскольку устройство рынков столь же жестко регламентировалось, как и деятельность гильдий, которые устанавливали монополии на большинство видов производства и торговли. На рынке продавцы почти без исключений предлагали то, что они сами произвели, а покупатели приобретали лишь для собственного пользования. В этом была основная специфика рыночных институтов срединной формации.

Внутри поместья также существовали денежные отношения. Деньги нужно было платить за услуги, которые мог оказать только сеньор: за использование мельницы, хлебопекарни, винного пресса, лесопилки. Существовала торговля между поместьем и внешним миром: часть производимого в поместье продавалась вовне, а закупалось оружие, одежда, украшения. Крестьяне сами отвозили продукты на рынок и сами их продавали. Характерной особенностью средневекового рынка (как в поместье, так и в городе) было то, что крестьянин, кузнец, мельник и ремесленник были равным образом обязаны предоставить услуги всякому, кто пожелал заплатить, причем по установленной законом цене.

Зрелая формация в **третьем институциональном цикле** была сформирована на основе наемной трудовой модели и праве частной собственности, как и в предыдущих циклах. Отношения найма по своей структуре являются отношениями административного подчинения. В результате найма нанимаемый признает административную власть работодателя, относящуюся к связанным с работой предписаниям. Обязательной основой его поведения является выполнение приказов и указаний, которые поступают к нему от руководства организации.

По европейскому статуту о ремесленниках 1563 г., который относился и к сельскохозяйственным рабочим, организация труда покоилась на трех столпах: законодательном принуждении к труду, семилетнем сроке ученичества и ежегодном установлении размеров заработной платы государственным должностным лицам. В течение двух с половиной столетий статут о ремесленниках служил правовой основой общенациональной организации труда, опиравшейся на принципы регулирования и патернализма [Поланьи, 2002. С. 101—103].

Частный наемный труд был ограничен в свободе передвижения ценом оседлости (Акт оседлости 1662 г.), регламентировавшим место жительства простых людей и до предела ограничивавшим их свободу передвижения (по образному выражению К. Поланьи, имело место приходское крепостное право). Ценз оседлости был отменен только к самому концу XVIII в. Другими словами, наемный рабочий этого периода был лично свободен и пользовался равенством перед законом, но не имел права свободно выбирать род занятий для себя и своих детей, не мог селиться, где ему угодно, и обязан был работать.

В период зрелой формации с середины XVI в. до середины XVIII в. происходил рост торговли, а также развивались институты, ее обслуживающие, с помощью которых осуществлялся постепенный переход от средневековой практики торговли на условиях, определяемых традицией и законом, к свободной рыночной торговле, когда цены вырабатываются соглашением между продавцом и покупателем. В самом конце была изобретена публичная корпорация, которая позволяла инвесторам распределять коммерческий риск и с необходимостью произвела на свет рынок акций промышленных предприятий (1890-е гг.).

Интегральная формация реализуется на контрактной модели трудовых отношений, имеющих в рыночной экономике частную природу. В наемной модели нанимается работник как специалист, заполняющий позицию в штатном расписании, а в контрактной — заключается договор на выполнение определенного вида работы с конкретным физическим лицом.

Основное значение юридического контракта состоит в обеспечении рамок:

почти для каждого типа групповой организации и почти для каждого типа эпизодической или перманентной связи между индивидами и группами;

хорошо приспособляемых к изменениям в условиях реализации контракта;

которые никогда точно не определяют реальные рабочие отношения, но которые дают возможность установить примерные ориентиры для упорядочивания колебаний этих отношений.

Юридический контракт является путеводителем при сомнениях относительно путей дальнейшего развития рабочих отношений и выступает в роли последней инстанции, куда можно обратиться, когда

эти отношения перестают фактически работать [Уильямсон, 1996. С. 32].

Кроме того, в 70-х гг. XX столетия происходит вытеснение профсоюзов путем предоставления работникам на основе индивидуально заключаемых контрактов льгот и выплат, гарантирующих во многих случаях весьма высокий уровень социальной защищенности, повышение профессионального статуса и качества жизни [Мальков, 1997. С. 243].

Организация больших промышленных корпораций претерпела значительные изменения между 1920 и 1960 гг., когда стало обычным разделение принятия стратегических решений и оперативного контроля и управления. Функции управления были децентрализованы и переданы более или менее автономным подразделениям материнской корпорации. Именно с этого момента появилась институциональная концепция фирмы как «управляющей структуры, а не как производственной функции» [Розенберг, 1995. С. 324]. С 60-х годов XX в. западные станы начали строить интегральную формацию, базовой организационной формой которой стала фирма как управляющая компания.

Таким образом, на всех трех циклах государство играло активную роль в выстраивании институциональных систем рыночного типа. «Георетики XIX века и их современные последователи совершенно необоснованно преувеличивали разрыв между докапиталистическими и капиталистическими обществами. Между тем в обоих случаях государства играли чрезвычайно важную роль в формировании хозяйственной деятельности, в обоих случаях экономика на фундаментальном уровне структурировалась действиями государства» [Блок, 2004. С. 48]. Опираясь на исторические факты, установлено, что меркантилизм как форма экономического порядка в Европе до XIX в. был связан с соглашениями, направленными на сохранение системы взаимной выгоды между правительством и деловыми кругами [Салливан, 1984. С. 15].

Между тремя институциональными циклами в Европе, как и в России, пролегли трансформационные фазы.

Первая трансформационная фаза (V—IX вв.). После распада Римской империи и до возникновения средневековых империй шла непрерывная война, одна из целей которой — охота за людьми, поскольку использование рабского труда сервов являлось основным источником извлечения прибыли. «После V века, когда империя распалась и наступили темные века, в течение пяти столетий Запад пребывал в упадке» [Розенберг, 1995. С. 27].

Вторая трансформационная фаза (XIV—XVI вв.). В этот период также распадались империи и формировались национальные государства. «Установлено, что уже в XIV веке имел место кризис институтов феодализма, и этот кризис так и не был никогда окончательно преодолен. С другой стороны, стало общим суждение, что капитализм начался в конце XVI века. М. Добб утверждает, что если определять капитализм как новый способ производства, при котором капитал экстенсивно во-

влекается в процесс производства в форме отношений между капиталистом и наемными работниками, то такого рода система прослежена только с конца XVI века. Таким образом, образуется двухсотлетний разрыв между началом упадка феодализма и началом подъема капиталистического способа производства. М. Добб называет этот период переходным» [Там же. С. 110].

Вторая трансформационная фаза была эпохой катастроф: войны, эпидемии чумы, неурожая и резкое сокращение населения. И только к 1660 г., когда население Европы опять достигло уровня 1347 г., рыночный феодализм уступил место новому экономическому порядку, базирующемуся на ценообразовании не в соответствии с законом и обычаем, а на механизме торга между продавцом и покупателем [Там же. С. 72, 74].

Третья трансформационная фаза (XIX—начало XX вв.). XIX век — период саморегулирующегося рынка, который возник в ходе промышленной революции для ее осуществления. Была сформирована новая институциональная среда в виде свободного перемещения труда и капиталов. Фактически, свободный от государственного вмешательства рынок стал переходом к новой модели развития западной цивилизации. Это была временная преходящая форма, благодаря которой и произошла Великая трансформация.

Побочными следствиями саморегулирующегося рынка стали системный кризис 1930-х гг., идеология фашизма и социалистические течения, которые не могли быть преодолены в его рамках. Потребовалась достаточно радикальная перестройка самих основ рыночной экономики. «Действительно, если мы рассмотрим последние 200 лет, то увидим, что XIX век проходил под знаменами частной собственности, рыночной экономики. Затем с 1920 по 1980 год доминирующей экономической концепцией был государственный протекционизм. Росла популярность теорий о провалах рынка, внешних эффектах, связанных с производством общественных благ, неравенстве и асимметрии информации» [Йоханнес, 2006].

Таким образом, в трансформационные фазы роль государства снижалась до минимума, а в структурированные фазы описанных выше институциональных циклов повышалась до максимального уровня, возможного в конкретный исторический период. И если в две первые трансформационные фазы эти процессы происходили под влиянием исторических явлений более глобального порядка (распад империй), то в третью фазу — это была осознанная политика правительств под знаменами либеральной идеологии.

В результате Великой трансформации рыночная модель приобрела новые черты и придала иное качество всей социально-экономической системе, но обнаружились существенные диспропорции в уровне жизни населения. Это способствовало, как уже упоминалось, возникновению новых идеологий в противовес идеологии либерализма — фашизма и социализма. Их разворачивание в политические системы стало угрозой

для развития всей западной цивилизации. Кроме того, в 1930-е гг. свободный саморегулирующийся рынок был охвачен системным кризисом, выбраться из которого помогло только государственное вмешательство (политика занятости и т. д.). Все эти факторы в совокупности привели к преобразованию свободного рынка в «социальный рынок», который синтезировал идею либерализма и социализма в форме социальных программ, с целью блокирования фашизации западного менталитета.

О том, что практика вмешательства государства в экономику характерна для всей западноевропейской экономической истории, свидетельствует тот факт, что и в начале XIX в., и ранее западные правительства очень активно способствовали развитию производства и торговли. Правительства внедряли правовые механизмы, обеспечивавшие возврат кредитов и выполнение соглашений, субсидировали сооружение каналов, железных и шоссейных дорог, защищали с помощью тарифов и льгот национальную промышленность от иностранной конкуренции, предоставляли монопольные права новым отраслям, выдавали патенты на новые изобретения, а также поддерживали партнерство с капиталистами в форме особых механизмов военных поставок.

И только в XIX в. стало «немодным» регулировать торговлю, облагать ее значительными налогами, контролировать цены или заработную плату или стремиться к сглаживанию заметных различий в доходах. Именно в это время умерли старые формы торговли в виде «привилегированных (регулируемых) компаний» и было признано, что старая традиция жесткого контроля над образованием корпораций не должна прилагаться к акционерным компаниям [Розенберг, 1995. С. 31, 207].

Эту мысль отчетливо проводит в своем классическом труде «Великая трансформация» К. Поланьи. «Начиная с XVI века рынки становятся более многочисленными и крупными. В эпоху меркантилизма они превратились фактически в главный предмет заботы правительств, однако никаких признаков того, что рынки будут всецело управлять жизнью человеческого общества, по-прежнему не замечалось. Напротив, регламентация и регулирование никогда еще не были такими строгими, а идеи саморегулирующегося рынка не существовало в принципе. Общество XIX века, в котором хозяйственная деятельность была выделена в особую сферу и приписана характерному только для нее, собственно экономическому мотиву, стало, в сущности, поразительным исключением из правила» [Поланьи, 2002. С. 68, 85].

Институциональной основой свободного рынка в период Великой трансформации были: децентрализация власти и ресурсов, необходимых для экспериментирования; практическое отсутствие политических и религиозных препятствий к экспериментированию; стимулирование экспериментаторов, имеющих возможность присваивать прибыль, получаемую в случае успеха, и рисковавших большими убытками в случае провала. Это способствовало в частности, тому, что массовая инкорпорация в Европе осуществилась за одно десятилетие [Розенберг, 1995. С. 39, 209].

Такими же чертами характеризовалась и третья трансформационная фаза в России, в рамках которой в результате экспериментирования были найдены новая трудовая модель и те организационные формы, которые позволяют создать эффективную институциональную систему либерального раздатка.

В период XIX—начала XX вв. произошел, по распространенной оценке, «беспрецедентный прогресс в политической жизни Запада»: на смену абсолютным монархиям пришли республиканские и демократические правительства. Этот процесс назван в новой парадигме процессом перехода от монасударства к демосударству. И подобно тому, как переход к демократической системе означал полное изменение основной тенденции эпохи, так и превращение в конце XVIII в. регулируемых рынков в рынки саморегулирующиеся повлекло за собой полную трансформацию структуры западного общества, или Великую трансформацию (по К. Поланьи [2002. С. 85]).

Синхронизация развития России и Запада

Если сравнить циклы развития России и Запада (рис. 3.2), то можно говорить о синхронизации их развития со сдвижкой на один цикл. Действительно, в IX—XII вв. в России господствовала начальная формация, в Европе — срединная, в XVI—XIX вв. в России развилась срединная формация, в Европе — зрелая. В XX в. Россия проходит зрелую форма-

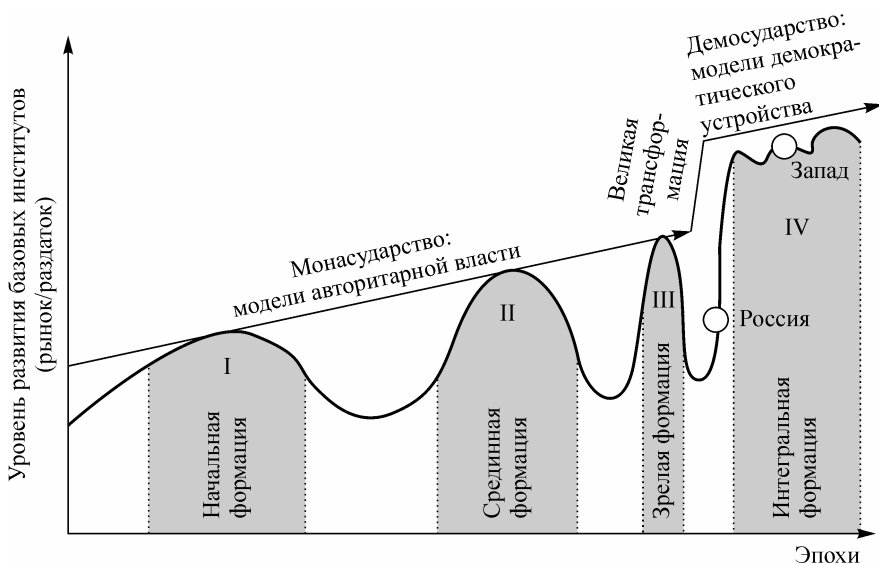

Рис. 3.2. Запад и Россия на траектории цивилизационного развития в 2007 г.

цию, а Европа и Америка, пережив Великую трансформацию, начали переход к интегральной формации.

С одной стороны, при поверхностном взгляде может показаться, что этот факт подтверждает позицию сторонников «догоняющего развития». Однако при более глубоком рассмотрении напрашивается совершенно другой вывод. Дело в том, что три институциональных цикла и выход на уровень интегральной формации — это эволюционная программа, заложенная в глобальной цивилизационной матрице для развития всего человечества, а локальные цивилизационные матрицы реализуют ее в своих ритме и темпе. И если сравнить сроки, за которые была реализована одинаковая часть этой программы на Западе и в России, то выяснится, что Россия в 2 раза быстрее реализует эволюционную программу.

Формационная история Запада датируется с V в. до н. э. и по XX—XXI в. — 2500 лет — столько прошло времени до достижения Западом интегральной формации. А Россия затратила на аналогичный путь время с IX по XX—XXI вв., т. е. 1100 лет.

Таким образом, эволюция России значительно динамичнее, чем Запада. Более того, в настоящее время фактически сформирован «зародыш» институционального ядра либерального раздатка. После его созревания и обретения зрелых форм Россия выйдет в структурированную фазу и наберет существенное ускорение в своем развитии для совершения очередного скачка, как это происходило на всех трех институциональных циклах до сих пор. Все это дает основание полагать, что в ближайшем будущем развитие России и Запада не просто синхронизируется, но и совпадет в пространстве интегральной формации.

«Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, — размышлял Л. Гумилев, — и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за “своих” друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения. Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт» [Гумилев, 1992. С. 299].

Литература к разделу I

Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход// Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 2. С. 63—72.

Амосов А. И. О победе социального хозяйства в XX в.// Экономическая наука современной России. 2006. № 4. С. 36—49.

Бессонова О. Э. Жилье: рынок и раздача/ Отв. ред. Т. И. Заславская. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1993.

- Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика как российская традиция// *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 37—48.
- Бессонова О. Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1997.
- Бессонова О. Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1999а.
- Бессонова О. Э.* Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере// *Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина*. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1999б. С. 350—359.
- Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006а.
- Бессонова О. Э.* Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира// *Общественные науки и современность*. 2006б. № 2. С. 130—142.
- Бессонова О. Э.* Траектория развития России в контексте общей теории институциональных трансформаций// *Регион: экономика и социология*. 2007а. № 4. С. 88—108.
- Бессонова О. Э.* Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы// *Экономическая наука современной России*. 2007б. № 2 (37). С. 23—33.
- Блок Ф.* Роли государства в хозяйстве// *Экономическая социология*. 2004. Т. 5, № 2. С. 37—56.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 томах. М.: Прогресс, 1986.
- Бюджетное послание* Президента Федеральному собранию РФ о бюджетной политике в 2008—2010 гг./ <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=66865>
- Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гаськова М.* Интегральный подход в исследовании религии: опыт использования новой парадигмы знания: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2007.
- Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- Глазьев С. Ю.* Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии// *Социологические исследования*. 1996. № 6. С. 50—62.
- Глобальные проблемы человечества и поиск путей устойчивого развития*. М., 2000.
- Гонтмахер Е.* Приоритетные национальные проекты (попытка политэкономического осмысления)// *Неприкосновенный запас*. 2006. № 6/ <http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=80018206>
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России. М.: Экопрос, 1992.
- Гумилев Л. Н.* Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1991.
- Дворкович А.* О различных моделях государственного участия в экономике. II Ежегодная российско-китайская конференция «Роль государства в экономике XXI в.». 2007/ <http://www.cefir.ru/download.php?id=558>

- Добренков В. И.* Глобализация и современный мир. М.: МАКС Пресс, 2004.
- Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе// Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5—16.
- Институциональная экономика/* Под ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005.
- История древнего мира/* Под ред. И. М. Дьяконова и др. Кн. 1. М.: Наука, 1989.
- Йоханнес Л.* Изменение соотношения роли государства и рынка: история, системы, границы// II Ежегодная российско-китайская конференция «Роль государства в экономике XXI в.», 2006/ <http://www.cefir.ru/download.php?id=669>
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура/ Под ред. О. Шкаратана. М.: ГУ—ВШЭ, 2000.
- Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЭИС, 2000.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. В 5 томах. М.: Мысль, 1987.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1997.
- Медведев Д.* Нацпроекты: от стабилизации к развитию, 2007/ <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=273473&soch=1>
- Мальков В. Л.* К вопросу о генезисе нового менеджмента: теория и практика// Этика и организация труда в странах Европы и Америке. Древность, средние века, современность. М., 1997. С. 239—278.
- Мионов В.* Новые пятилетки в экономике, 2007/ <http://www.kreml.org/opinions/147573809>
- Норт Д.* Институты, институциональное развитие и функционирование экономики. М.: Начала, фонд экономической книги, 1997. С. 239—278.
- Олдак П. Г.* Духовно-гражданское просветительство. В 5 вып. Новосибирск: Сибирский родник, 2003.
- Пантин В.* Сможет ли российская наука понять, что происходит в России?// Pro et contra. Т. 5. Весна 2000. Гл. 1.
- Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Полтерович В. М.* О стратегии догоняющего развития для России// Экономическая наука современной России. 2007. № 3. С. 17—24.
- Пути за пределы «эго».* М.: Открытый мир, 2006.
- Розенберг Н., Бирдцелл Л. Е.* Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск: Экор, 1995.
- Рывкина Р. В.* Социальная справедливость и общественное мнение// Свободная мысль — XXI. 2005. № 10. С. 70—80/ http://www.polit.ru/research/2005/10/12/ryvkina_print.html
- Ротбард М.* Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003.
- Салливан Дж. Д.* Рыночный подход к демократическому развитию: взаимосвязь. 1987/ <http://www.cip.nsk.su/files/attachment/CIP038.DOC>
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Сравнительное изучение цивилизаций.* Хрестоматия. Составитель Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы.* Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 1999.

- Сурков В. Ю.* Основные тенденции и перспективы развития России. М.: Современная гуманитарная академия, 2006.
- Сурков В. Ю.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии. 2007/ <http://www.kreml.org/opinions/152681586>
- Уилбер К.* Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, отношенческая контракция. СПб.: Лениздат, 1996.
- Флигстин Н.* Государство, рынки и экономический рост// Экономическая социология. 2007. Т. 8, № 2. С. 41—60.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity// Global Modernities/ Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L., 1995.

РАЗДЕЛ II

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ В ОБНОВЛЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

-
- ГЛАВА 4. Эволюция, структуры сознания и матрицы развития
в современных науках о человеке и обществе
- ГЛАВА 5. Российский модернизационный проект и адаптация:
потенциал роста и пределы созидания
- ГЛАВА 6. Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности
- ГЛАВА 7. Адаптивные механизмы социальных систем:
особенности строения и спецификация
- ГЛАВА 8. Модернизация общества в зеркале субэлит:
противостояние взглядов, суждений, позиций
- ГЛАВА 9. Социокультурные факторы модернизации: традиции и
инновации, самобытность и универсальность
- ГЛАВА 10. Механизм отчуждения от духовности
в модернизирующемся российском обществе

ГЛАВА 4

Эволюция, структуры сознания и матрицы развития в современных науках о человеке и обществе

Рассмотрим в рамках некоторых предложенных на сегодняшний момент интегральных, или холистических, подходов классификации существующих мировоззрений, которые наиболее насущны для человека на определенном этапе развития, и попытаемся показать, как они могут быть применены* к изучению современной российской общественной жизни. Российское общество претерпело кардинальные изменения всей политической системы, в нем происходит поиск новых путей интеграции, формируются определяющие ценности и идеология, которая могла бы лечь в основу общества, став основным его скрепляющим элементом, и анализируемые ниже подходы дают блестящие возможности для такого поиска.

Актуальность данной темы с чисто научной, академической точки зрения обусловлена формированием новой холистической постнеклассической парадигмы в области наук о человеке и обществе**. Холистическая концепция мира (в отличие от редукционистской) долгое время была вне классической науки. В области социальных наук с XVII по первую половину XX в. доминировали школы материализма, бихевиоризма, позитивизма и естественнонаучный метод, для которых, упрощенно выражаясь, «научно» значимыми являлись только «материальные» факты, поддающиеся эмпирической проверке. Душа и ценности

* Причина, по которой мы предпочитаем в данном случае употребить формулировку «попытаемся», заключается в том, что для серьезного изучения данного вопроса требуется, на наш взгляд, проведение репрезентативного эмпирического обследования на основе методологии интегральных подходов, рассматриваемых ниже (в частности, используя теорию Д. Бека). Это — дело будущего. В настоящей же работе сделан лишь шаг в обосновании значимости и изложении ключевых принципов некоторых подходов в применении к современной действительности.

** Холон по-гречески означает целое. Уилбер определяет его как то, что является целым на одной стадии и становится частью объемлющего целого на следующей (например, клетка и организм) [Уилбер, 2004]. Постнеклассика избирает своим объектом «исторически развивающиеся системы с включенным в нее человеком» (см. [Степин, 2001]. Цит. по [Тарасевич, 2004. С. 110]). «Человек интегрирован в подобную систему *не фрагментарно, как, например, homo oeconomicus, а тотально и непрерывно-бесконечно...*» [Там же]. Более подробно данный вопрос раскрыт в статье [Гаськова, 2005].

человека являлись некими иллюзорными фантомами, не достойными серьезного внимания. Именно тогда была также заложена дуалистичность мышления (субъект—объект, душа—тело и пр.). Школы же совершенно иного направления (феноменология, гуманистическая психология, экзистенциализм и пр.) отстаивали значимость жизненного мира человека, что было одним из шагов в формировании обсуждаемых в статье подходов. А в области физики толчком для развития холистической парадигмы послужили открытия квантовой механики, где «каждая частица обладает абсолютной “свободой воли”; ансамбль квантовых частиц уже образует вполне закономерное пространственно-временное целое». Причем, стоит подчеркнуть, что картина мира без учета сознания не получает цельного, холистического выражения [Швебс, 1998. С. 3].

Данные изменения в науке не обходят стороной и Россию, что представляется особенно значимым, так как социальные и гуманитарные науки в нашей стране в течение XX в. находились под жестким идеологическим прессингом; у ученых не было возможности взаимодействовать с коллегами из-за рубежа, получать доступ к последним исследованиям. Сегодня, тем не менее, можно говорить о больших изменениях, касающихся открытости научного сообщества. Интегральные подходы разрабатываются в некоторых научных школах России, что видно из нижеприведенной табл. 4.1. В данной таблице систематизированы существующие на сегодня интегральные подходы, большая часть из которых разрабатывается в последние десятилетия.

Таблица 4.1

Интегральные подходы

Школа/теория	Представитель	Основные положения
1	2	3
1. Голографическая концепция	Д. Бом	«Мир структурирован аналогично голограмме, особенность каждой точкой содержать в себе все изображение». Сознание — неотъемлемый ее компонент. Материя и сознание — взаимосвязанные проекции более высокой реальности, не являющейся в чистом виде ни материей, ни сознанием [Черникова, 1999. С. 31]
2. Концепция глобального эволюционизма	Э. Янч	Мир — самоорганизующийся процесс эволюции, включающий сознание человека, ответственного за эволюцию

Продолжение табл. 4.1

1	2	3
3. Синергетика	Социосинергетика (Е. Н. Князева, Е. Я. Режабек, В. П. Бранский); синергетика истории (С. Гомаюнов); синергетика культуры (М. С. Каган); холистско-эмерджентная или синергетически-эволюционная теория (В. Аршинов, В. Буданов, А. Суханов и др.)	Основана на естественнонаучном знании, вовлекающем идеи физики, химии, биологии, математики и пр. Стремится к синтезу науки, философии и религии. Фокусируется на изучении процессов самоорганизации сложных систем и использовании «модели саморазвития человека в самоорганизующемся мире» [Василькова, 1999. С. 52]
4. Парадигма предписывающего действия познания (enactive paradigm of cognition. Перевод наш. — М. Г.)	Ф. Варела	Исследовательский акцент — на развитии биологических и социальных систем. Биологическая модель развития системы как организма. Организм воспринимается одновременно как формирующий и формируемый окружающей средой. Стремление к синтезу науки и ежедневного непосредственного опыта (в феноменологии называемого жизненным миром). Ключевым аспектом является идея о фундаментальной взаимообусловленности двух вышеперечисленных частей
5. Многомерная социология	Дж. Александер	Интеграция «коллективистского» (системного) подхода с микросоциологическим исследованием мотиваций. Выделение индивидуального (микроуровень) и коллективного (макроуровень), а также материального (объективного) и идеального (субъективного) уровней при анализе социальной реальности. Александером предпочтено, тем не менее, отдается макроподходу
6. Интегральная модель социальной реальности	Дж. Ритцер	Выделение и интеграция четырех уровней социальной реальности: макрообъективного, макросубъективного, микрообъективного и микро-субъективного

Продолжение табл. 4.1

1	2	3
7. Интегративная* теория «социального действия и социальных систем»**	Ю. Хабермас	Акцентирует дифференциацию между «жизненным миром» и социальными системами и подсистемами [Социология, 1996]. На гносеологическом уровне — стремление связать теорию действия и теорию систем, а на онтологическом — обосновать связь между жизненным миром и социальной системой
8. Интегральная социология	П. Сорокин	Гипотеза о формировании в настоящее время интегральной теории познания (интегрирующей науку, религию и изящные искусства) и интегрального социокультурного строя; формулирование интегральной теории человеческой личности
9. Универсумная социология	В. Г. Немировский	Предмет исследования — «эволюционирующий посредством человека социум в единстве его природных, социальных, духовных связей и проявлений, относящихся как к объективной реальности (внешнему миру), так и реальности субъективной (внутреннему миру, микрокосму)» [Немировский и др., 2003. С. 63]. Стремится к синтезу естественнонаучного, социогуманитарного знания и идей, заложенных в различных религиозных системах. Признание общества (социальной реальности) неотъемлемой частью высокоорганизованной Вселенной
10. Русская философия русский космизм	В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Чижевский	Человек — микрокосм в мире макрокосма. Понимание природы как единой, живой, активной сущности. Несводимость природы ни к материи, ни к энергии
русская философия Серебряного века	А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, И. А. Ильин и др.	Помимо прочих идей, разработанные концепции «целостного разума» (синтеза веры и рассудка) и «цельного знания» (сочетание эмпирического, рационального и мистического видов познания)
учение о «живой этике»	Н. К. Рерих	Понимание человека как неразрывно взаимосвязанного с планетой и космосом

Продолжение табл. 4.1

1	2	3
11. Даосизм		Основополагающая идея о недUALности и целостности мира и жизненных феноменов
12. Глубинная экология	Т. Роззак и др.	«Покоится на интуитивном схватывании целостности мира, ориентирует на развитие человеческой чувствительности через сознательную трансформацию сознания» [Черникова, 1999. С. 32]
13. Ноосферная наука	И. В. Черникова, В. И. Кабрин и др.	Интегрирует различные аспекты (психологический, научный, философский, экологический, этический) системы человек—природа. Использует системный и исторический методы. «Концепция, в которой находит отражение единство мира и человека, природа понимается как самоорганизующаяся целостность» [Черникова, 1999. С. 27]
14. Гуманистическая психология	А. Маслоу	Понятие целостной личности, сформулированное на основе разработанной «пирамиды» человеческих потребностей. Уделение особого внимания «даоистическому» пониманию объективности и холистическому методу в науке, интегрирующему чувственный, абстрактный и вербальный аспекты человеческой деятельности
15. Интегральная парадигма	Ж. Гейсер	Уделение особого внимания «интегральному» уровню индивидуального и общественного сознания, формирующемуся, согласно гипотезе автора, в настоящее время. Привлечение данных из области точных, естественных наук, из религии, философии и пр.
16. Аналитическая психология (послужившая также фундаментом для более позднего формирования трансперсональной психологии)	К. Г. Юнг	Идея архетипа («предсуществующей формы») в бессознательном психики, с помощью которого проявляется, помимо прочего, общность человечества, целостность мира; гипотеза о «синхронистичности» сознания и материи (психического и физического). Человек, воспринимаемый как микрокосм

Окончание табл. 4.1

1	2	3
17. Трансперсональная психология***	С. Гроф Е. А. Торчинов К. Уилбер Р. Уолш и др.	Исследование трансперсонального опыта с помощью холотропного дыхания и ЛСД-терапии Обоснование необходимости дополнения традиционного социологического подхода к религии трансперсональным и осуществление этого с помощью историко-культурологического анализа традиционных религий Интеграция трансперсональных исследований с точными науками и науками о человеке и обществе, а также с религией, искусством и др.

* К так называемым интегративным теориям в социологии, получившим особое развитие в последние десятилетия XX в., относят также теории Э. Гидденса, Р. Коллинза, М. Хетчера, Б. Хиндеса, Р. Эмерсона, Р. Берта, Р. Будона и др. К интегративной социологической парадигме относят и работы К. Маркса. Однако, мы не включили их в данную таблицу. Во-первых, потому, что это макроподходы, игнорирующие «человека ноэтического», духовную его составляющую. Во-вторых, в них нет четко выраженного стремления включить в объект исследования бессознательный, «иррациональный» пласты психики человека и интегрировать ненаучное знание с позитивистской наукой. В них также нечетко прослеживается идея целостности Универсума, единства мира и человека. (Вышеперечисленное, однако, не относится к теории П. Сорокина.) Однако, мы считаем правомерной точку зрения, что проблема микро- и макроинтеграции играет важную роль в современной социологии, и ее решение, возможно, будет означать переход к качественно новому уровню социологии [Социология, 1996. С. 41]. Что касается подхода К. Маркса, то его опора на материалистическую философию, исторический и экономический детерминизм подверглись пересмотру в современной постнеклассической науке.

** Вышеперечисленные теории (1—7), на наш взгляд, «тяготеют» к макроподходам, а теории и школы 11—17 — к микро. Однако, данное разграничение весьма условно, так как холистические подходы по своей сути подразумевают интеграцию «внутреннего» с «внешним».

*** Перечисленные подходы объединены исследованием трансперсонального (глубинного духовного) опыта. Трансперсональный опыт — это переживания, в которых чувство самооткровенности выходит за пределы индивидуальной самости, «охватывая все человечество в целом, жизнь, дух и космос» [Козлов, Майков, 2000. С. 7]. (Однако, стоит отметить, что, к примеру, К. Уилбер не согласен с некоторыми положениями С. Грофа, т. е. в данной научной школе нет единства и полного согласия.)

В более практической сфере рассмотренные более детально ниже и сравнительно новые теоретические подходы Д. Бека, Ж. Гибсера, К. Уилбера могут быть использованы при *формировании модели управления в любом общественном институте и организации*, а также в процессе разрешения конфликтов, что крайне важно в нестабильных, кризисных ситуациях и многонациональных типах обществ. С мировоз-

зренческой точки зрения хотелось бы подчеркнуть, что обсуждаемые подходы менее всего заинтересованы в объяснении, скажем, каких-либо манипулятивных приемов по отношению к работнику, а в первую очередь акцентируют определяющую значимость человеческого фактора и гуманизма.

Среди самих холистических подходов, несомненно, имеются определенные различия. Те из них, которые являются объектом нашего исследования, стремятся изучать человека в его целостности, учитывая как его внутренний мир, сознание, так и то, как оно проявляется и взаимосвязано с его физиологией, а также с культурой, социальной структурой и материально-технической базой* в развитии общества, — в этом и заключается их принцип холизма.

Причем такие рассматриваемые ниже исследователи, как Г. Бек, Ж. Гибсер, К. Уилбер и др., выдвинули гипотезу не только о тесной взаимосвязанности перечисленных аспектов жизни человека и общества, но и об универсальной последовательности определенных этапов в развитии (больше фокусируясь на развитии сознания). Важно, что гипотеза основана на большом массиве не только теоретических, но и эмпирических данных. Также вышеупомянутые ученые постулируют появление на современном этапе человеческого развития новой стадии, называемой Ж. Гибсером «интегрально-аперспективной»**, Д. Беком — интегративной, а К. Уилбером и П. Сорокиным — интегральной.

Обращение к современным интегральным, холистическим подходам имеет двоякое значение. Во-первых, данные теории (за некоторыми исключениями) являются практически не известными российскому читателю, так как сформировались в последние десятилетия и являются частью новой, формирующейся парадигмы знания. Во-вторых, в связи с кардинальной трансформацией политической системы, образованием

* И именно в необходимости отслеживания изменений, происходящих в каждой из этих областей, и их корреляции друг с другом видит такой исследователь, как, к примеру, К. Уилбер, ключевую составляющую своего интегрального подхода. В этом состоит его отличие от редукционистских подходов, в которых поведение человека сводится к стимулу и реакции (бихевиоризм). «Редукционизм проявляется прежде всего в стремлении представить эволюционно высшие процессы по аналогии с эволюционно низшими, свести законы жизни человеческого общества к законам природы, человеческую жизнь — к функциям выживания, а **человеческую личность — к одностороннему экономическому человеку** (Выделено нами. — М. Г.)» [Тарасевич, 2004. С. 108]. Сегодня также можно говорить о развитии **универсальной экономики**, «синтетическом» направлении в фундаментальной экономической науке, в которой акцент делается на междисциплинарных исследованиях. В постнеклассической парадигме, формирующейся в последнее время, «экономическая синергетика» могла бы стать теорией и методологией экономики, объектом изучения которой является «экономика как сложная самоорганизующаяся человекообразная система в контексте эволюции интеграционных и универсальных систем» [Там же. С. 116].

** То есть учитывающей более одной перспективы.

рыночной экономики в России сформировалась практика предпринимательской деятельности. Зачастую, однако, собственники и руководители предприятий не осознают и не учитывают значимость человеческого фактора, не воспринимают человека как ключевой ресурс, а иногда и злоупотребляют своей властью. Это проявляется в том, что сегодня в России широко распространены нарушения трудового законодательства: к примеру, работникам частных предприятий не предоставляются ежегодные отпуска, не осуществляются налоговые выплаты в пенсионный фонд и не оплачиваются больничные листы. Не продуманы система поощрений в коллективе и стиль взаимоотношений (авторитарный тип управления в компании в противоположность демократическому, в котором принятие решения делегируется работнику). При приеме на работу предъявляются требования (в отношении пола, возраста и пр.), которые считаются дискриминационными. Рассматриваемые ниже подходы позволяют обратиться к сознанию и потребностям человека, ключевым факторам его деятельности в обществе. К примеру, подход Д. Бека, учитывающий сознание и потребности человека, используется сегодня в мире на предприятиях в сфере управления человеческими ресурсами.

Сегодня многими мыслящими людьми признается, что в основе разрушения советской системы «лежала неадекватно низкая оценка роли человеческого фактора общественного развития» [Заславская, 2004. С. 9]. «Характерная для современного мира тенденция к информатизации и интеллектуализации экономики и общества означала серьезное повышение роли личности в общественном развитии. В советском же обществе статус человека был низведен до ничтожной частички громадных “трудовых ресурсов” государства» [Там же]. Однако, признавая данный факт, авторам не всегда удается отойти от марксистско-ленинских постулатов и от поиска исключительно экономических детерминант в анализе общественной жизни (данные аспекты являются крайне не значимыми, но не единственно важными).

Несмотря на некоторые существующие различия в названии этапов развития сознания и детали в их интерпретации, вышеперечисленные авторы, как и некоторые другие (как, например, Р. Белла и не менее десятка других), несомненно, имеют много общего и создают у читателя некое согласованное представление об общей картине развития. Можно сказать, уровни развития в работах анализируемых авторов трансформируются, начиная с тех, на которых (пользуясь терминологией А. Маслоу) человек фокусируется преимущественно на удовлетворении базовых потребностей с ярко проявленными инстинктами выживания, через уровень «развитого эгоизма», индивидуализма и рационализма к интегральному уровню. На последних уровнях в человеке ярче проявлено стремление к заботе об окружающем мире, к воплощению в жизнь чувства любви, заботы, к самореализации. Причем интересно отметить тот факт, что данные исследователи утверждают и доказывают на основе многочисленных эмпирических исследований, что сознание и по-

требности человека развиваются строго по траектории от материалистических к «идеальным» и, наконец, к интегральным, и их невозможно обойти. Также в анализируемых подходах показано, что чем дальше человек продвинулся в своем развитии, тем шире становится круг людей, которых он воспринимает «своими». Для человека, реализовавшего высшие потребности, такие люди включают в себя не только близких родственников и даже не соотечественников, но жителей иных стран и континентов.

Стоит подчеркнуть, что все структуры сознания одновременно присутствуют в современном человеке. Только те из них, которые являются сбалансированными и зрелыми, могут влиять на интеграцию, формирование целостности в человеке и обществе. Кроме того, необходимо отметить, что на уровне индивидуального сознания в разных ситуациях в человеке активизируется одна из этих стадий; средний уровень развития сознания в определенном обществе может не совпадать со стадией, на которой функционируют отдельные его индивиды. Стадии не «лучше» или «хуже» одна другой: они все необходимы, и без возникновения и развития более ранних не было бы последующих; они также не являются инструментом для измерения интеллекта или морального развития, поскольку на каждой стадии индивиды способны совершать зло и добро. Необходимо также отметить, что на каждом уровне присутствуют разные методы познания.

Этапы развития сознания в интегральных подходах. Теория Жана Гейсера

Швейцарский философ, лингвист и поэт Жан Гейсер (1929—1973) — один из основателей интегральной парадигмы. Он повлиял на научное мышление последующих поколений ученых, работающих в рамках данного направления исследований. В своих трудах он обращается к фактам из области естественных наук, физики, философии, религии, архитектуры, музыки и других областей человеческой культуры.

По Гейсеру, развитие человеческого сознания проходит пять стадий — архаическую, магическую, мифическую, рациональную и интегральную, причем переходы от одной к другой происходили (и происходят) скачкообразно, а не последовательно. Стадии развития зачастую коррелируют с индивидуальным развитием человека, его самости, эго, его личности. Эти этапы трансформации включают в себя структурные изменения как в разуме, так и в теле человека. Гейсер отмечает, что различные структуры сознания проявляются также в том, как человек в этот период понимает пространство и время.

Ученый выделяет следующие структуры в развитии сознания человека:

1. *Архаическая* структура (сформировалась приблизительно 200 тыс. лет назад и присутствует в сознании каждого современного человека).

Сознание на данном этапе еще не является таковым в современном понимании данного термина. В широком смысле слова его следует интерпретировать как «бодрствующее присутствие» [Gebser, 1986. P. 42. Перевод наш. — М. Г.]. Сознание достаточно недифференцировано; оно просто присутствует в происходящем вокруг. (Сегодня данная стадия, вероятно, наиболее всего выражена у маленьких детей.)

2. *Магическая* структура (сформировалась приблизительно от 200 тыс. до 50 тыс. лет назад). Эта стадия характеризуется пятью основными характеристиками [Mahood, 2006]: отсутствием сформировавшегося эго; вневременностью и внепространственностью; унитарным миром; слитностью человека с природой; его магической реакцией на мир. «Магическая структура является наиболее жизнеспособной и насыщенной эмоционально по сравнению с другими. И, так как мы живем в крайне нестабильное время, характеризующееся в некоторых случаях катастрофами глобального уровня, именно в подобные периоды эмоции всплывают на поверхность сознания, активизируя магические пласты психики» [Mahood, 2006. Перевод наш. — М. Г.]. Данный процесс особенно характерен для современной России, которая не только является частью глобальных изменений (и переживает проблемы глобального характера), но и проходит трансформацию, затронувшую каждый аспект жизни человека. Сегодня можно отметить тот факт, что в определенной степени происходит активизация магического сознания во многих странах мира: к примеру, распространяются оккультные и подобные им движения; в обыденном сознании человека присутствует вера в магические ритуалы и заклинания. В России удельный вес в населении тех, кто верит в Бога, резко выше удельного веса тех, кто верит непосредственно в различные идеи и догматы, в православном и общехристианском учении неразрывно связанные с верой в Бога (в загробную жизнь, существование дьявола, в ад, в рай и пр.). Еще одна черта религиозности в России, согласно выводам исследователей, — это очень широкое распространение разных «парарелигиозных» идей (переселение душ, магия, колдовство и пр.), вера в которые в настоящее время более распространена, чем вера в основные элементы христианского вероучения. Причем интересно, что человек может одновременно называть себя православным христианином и верить, скажем, в действенность астрологии или переселение душ [Старые церкви, 2000. С. 17].

А по мнению Александра Меня [2003. С. 71], глубокого религиозного мыслителя нашего времени, именно магическое мировоззрение является основой для тенденции к обожествлению определенного и зачастую не самого достойного человека, формированию культа личности, что нашло свое выражение, в частности, в культе личности Сталина. «Есть основания думать, что этому культу предшествовали первобытные формы власти, опиравшиеся на магию, на магизм как систему взглядов. Магизм исходил из убеждения, что существует извечный космический порядок, которому человек должен подчиняться и на который

он все же способен влиять с помощью магических обрядов». В такой системе особой властью обладает человек, умеющий принудить космические силы служить своим корыстным интересам. Это вера в то, что особые силы и полномочия принадлежат каким-либо предметам внешней среды или особым людям.

Контент-анализ стихотворений, воспевающих Сталина, а также биографических источников и материалов, проведенный психологом Л. Н. Джрнзяном, позволил автору сделать вывод, что в описаниях руководителя страны прослеживается вера в сверхъестественные связи между естественными явлениями и в реальное бытие сверхъестественного существа (Сталина) [Немировский и др., 2003. С. 325].

3. *Мифическая* структура (сформировалась от 50 тыс. до 1 тыс. до н. э.). Мифы/мифологемы являются основной формой выражения данной структуры сознания, характеризующейся распространением мистерий и верой в различных богов-покровителей. Одним из самых ярких примеров может послужить Египетская цивилизация с бесчисленным пантеоном богов [Feuerstein, 1987. P. 75. Перевод наш. — М. Г.]. А в России сегодня, к примеру, популярен клуб фанатов американского мультфильма «Король Лев» и другие группы подобного рода, которые привлекают людей не только подросткового возраста, но и вполне зрелых. Стоит отметить, что мифами наполнена жизнь любого общества: в Советском Союзе, к примеру, был распространен миф о построении «светлого будущего», в то время как реальный, «материальный» уровень жизни населения был крайне низкий.

4. *Ментальная* (mental) структура. Стадия 1 — эпоха господства философии и теологии. Стадия 2 — развитие науки и перспективного мышления. С помощью развивающегося абстрактного мышления и систематизации знания, становящихся постепенно доминирующими и наиболее значимыми на ментальной стадии, человек использует свой разум, чтобы завоевать окружающий мир и стать его хозяином. В религии догма заменяет символы предыдущего времени. Метод заменяет мистерии вместе с растущим желанием человека к исследованию. Эго человека уже развито в полной форме. Недостатки данного этапа — одиночество, изолированность, отчуждение человека. Основной тезис Гегсера: стресс и хаос в Европе с 1914 по 1945 г. были не чем иным, как симптомами конца эффективности данной структуры сознания — именно метафизические предпосылки рационализма с необходимостью привели к данному результату. «Свободная от ценностей» онтология, такая как материализм, ведет в итоге к жизни без ценностей», — говорит Гегсер [2005. Перевод наш. — М. Г.]. Данный этап в развитии характерен дуалистическим мышлением (тело—разум, субъект—объект, материальное—идеальное). В философии определяющее значение приобретают рационализм и приверженность разуму. То, что человек может сделать, становится более значимым, чем то, что он открывает с помощью созерцания и взгляда внутрь себя. Технологические изобретения, до определенной

степени облегчив жизнь человека, создают одновременно с этим серьезнейшие проблемы. Маслоу отстаивал совершенно идентичную точку зрения. Индивид, у которого доминирующей является рациональная структура, подавляет все остальные структуры, которые рассматриваются им как иррациональные и поэтому несущественные [Там же].

Данной стадии, по всей видимости, соответствуют период индустриализации (в частности, в СССР), индустриальное общество, эпоха модерна, позитивистское направление в науке.

5. *Интегральная* (integral) стадия. Гёбсер предполагал, что человечество находится на пороге нового этапа мышления, названного им интегральным. Данная структура интегрирует все предыдущие, и только она обладает данной способностью. Идеи «арациональности» (в противоположность рациональности), «аперспективности» (в противоположность одной существующей перспективе мышления, или «узкой щели», сквозь которую интерпретируется реальность), а также «диафании»* (отчетливого признания целого, а не только его частей) являются важными характеристиками данного этапа [Уилбер, 2004]. Именно эта структура сознания даст нам возможность преодолеть дуализм ментальной структуры. Интегральная структура сознания, переход к которой переживает человечество, требует новых возможностей, новых процессов развития и новых методов [Там же].

Говоря о развитии данной структуры сознания (так же как и о соответствующем ей определенном типе социокультурного строя), хотелось бы в данном случае вспомнить идеи социолога П. Сорокина, очень перекликающиеся с мыслями рассматриваемых ученых. Сорокин также развивал идеи интегральной культуры и интегрального типа сознания (разработанные им на основе анализа большого количества статистического материала в книгах «Социокультурная динамика», «Главные тенденции нашего времени» и др.).

Сегодня, по мнению Сорокина, человечество переживает кризис чувственной культуры во всех сферах общественной и индивидуальной жизни и формирование интегральной культуры. Этот процесс происходит во всех сферах социальной жизни и культуры — в науке, философии, религии, искусстве, политике, экономике, и в душе человека. Основной принцип интегральной культуры гласит, что истинной реальностью-ценностью является Бесконечное Многообразие, которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, не отделимые одна от другой. Социолог обращает внимание как на эмпирические, так и на сверхэмпирические аспекты истинной реальности-ценности. «А в биологических, психологических и социальных науках в противоположность устаревшим, хотя еще и используемым, клише механистической, материалистической и детерминистской биологии, психологии и социологии, восходящие значительные теории в этих дисциплинах ясно

* Diaphany.

показывают, что феномены жизни, организм, личность, разум и социокультурные процессы не редуцируемы и не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности. Согласно этим теориям, они имеют, кроме своего эмпирического аспекта, гораздо более важные рациональные и даже сверхчувственные и сверхрациональные аспекты (Курсив наш. — М. Г.)» [Сорокин, 1997. С. 32].

Помимо прочих факторов, в пользу данной тенденции говорят, по мнению П. Сорокина, разрастание социальных институтов «семейного» типа, таких как Общество братьев, гуттериты, меннониты и пр.; формы возрастающего социального сотрудничества, услуг и взаимопомощи в больших и малых городах и деревнях. Возникающий строй также предполагает перемены во властных организациях.

«Новый нарождающийся социокультурный строй обещает обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты. Такое объединение означает конец разделения и конфликта науки, религии и изящных искусств, характерных для эпохи чувственного строя» [Там же. С. 86]. В основании нового социополитического строя будут лежать современное научное знание и аккумулярованная мудрость человечества, считал П. Сорокин [1997. С. 75]. Данная идея является одной из ключевых для интегральных подходов (см. табл. 4.1). В частности, А. Маслоу [1997] призывает экономистов, так же как социологов и политологов, к необходимости признать существование и значимость и материалистических ценностей. Это важно не только для экономической теории, восполняющей редукционизм, и не только для практики управления организацией, сколько для самого общества, его культурной (в широком понимании данного термина) составляющей, для возможности осознания человеком смысла своей деятельности, помимо сугубо потребительского.

Интегральный социокультурный строй воодушевляется не «борьбой за существование и взаимным соперничеством», как в значительной степени были мотивированы договорной, тоталитарный и олигархический строй, но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, подразумевающей такие отношения, считал П. Сорокин [1997]. А. Маслоу пишет о значимости такого (перекликающегося с идеей П. Сорокина) феномена, как *синергизм*. Синергизм — это «социально-институциональные условия, способствующие слиянию эгоизма и альтруизма таким образом, что когда я преследую свои эгоистические цели, я автоматическим образом помогаю другим, а когда я стараюсь быть альтруистичным, меня неминуемо ждет поощрение, — словом, когда преодолевается и разрешается дихотомия, противоречие между эгоизмом и альтруизмом... Любое общество, вне зависимости от уровня его развития, зиждется на данной общей социальной тенденции» [Маслоу, 1997. С. 33]. В связи с этим Маслоу [Там же. С. 152] выдвинул

гипотезу о том, что «хорошее» общество — это общество, в котором добродетель вознаграждается; чем больше синергизма в обществе или в какой-то его части или во взаимоотношениях между двумя людьми или внутри человека, тем ближе мы оказываемся к высшим ценностям; обедняют же нас те условия в обществе или в нашем окружении, которые настраивают нас друг против друга, которые приводят в антагонизм наши личные интересы и интересы других его членов, делают их взаимоисключающими, такие условия, при которых базовые потребности человека удовлетворяются недостаточно или удовлетворяются за счет потребностей других членов обществ. К позитивным факторам, способствующим синергии, Маслоу относит благотворительные организации, а также прогрессивный подоходный налог (данный налог распределяет удачливость человека во благо всего общества) и пр.

Интегральной стадии в развитии сознания соответствует постиндустриальное общество. Помимо приоритета, который в постиндустриальном обществе отдается высоким технологиям и развитию науки, одной из его характерных черт является значимость человека, его духовного мира (что и является фокусом нашего исследования). Сорокин считал, что корнями основных перемен являются духовная сфера человека (наука, культура, идеология, образование, этика, религия, идеология), социальные отношения. Возможно, в постиндустриальном обществе приоритет будет отдан духовным ценностям [Яковец, 1999. С. 12]. В современном обществе интегральное сознание/культура проявляется в точных и социальных науках через формирующиеся в последние десятилетия интегральные/холистические подходы; в некоторых новых религиозных и духовных движениях и пр.

Матрицы развития согласно теории Дона Бека

Подход, применяемый Бекем и его последователями, сегодня также и на практике, был разработан совместно с Т. Коуэном в последние десятилетия XX в. и почерпнул многое у К. Грейвза. Подход Бека в определенном смысле является развитием идей, заложенных А. Маслоу и Ж. Гибсером: в нем выделяется восемь стадий в развитии сознания, которые по своей внутренней логике коррелируют со стадиями, описанными выше.

Уровни «самобытия» Бек и Коуэн называют матрицами ценностей (value memes). Каждая матрица — это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль, стратегия адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры одеваться и до форм государственного управления [Уилбер, 2004. С. 69]. Она является ключевой характеристикой сознания, «кодом» в развитии человека/группы людей. Данные матрицы можно сравнить с матрешкой, где каждая последующая включает в себя предыдущую (рис. 4.1). При чем, как и в теории Гибсера, они могут активизироваться при соответствующих обстоятельствах.

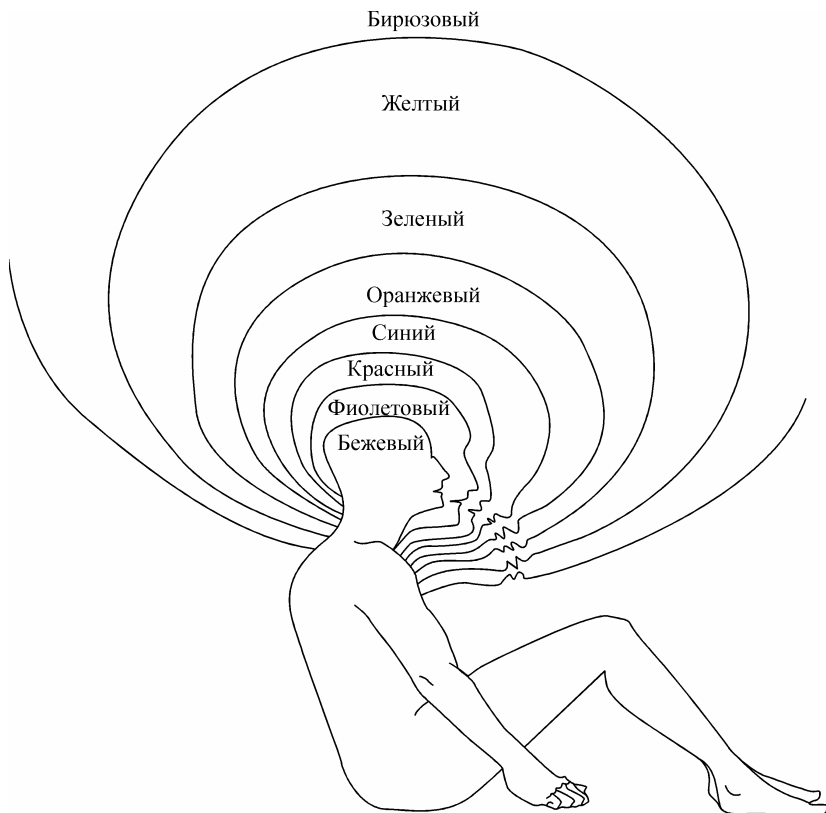

Рис. 4.1. Диаграмма Грейвза: холоны возрастающего развития (по [Уилбер, 2004. С. 70]).

1. Согласно теории Бека, описанной в книге «Спиральная динамика» (Цит. по [Уилбер, 2004. С. 70—76]), первый уровень называется «архаически-инстинктивным» (условно обозначен бежевым цветом), на котором приоритетно физическое самосохранение. Преимущество отдается пище, воде, теплу, сексу и безопасности. Сегодня 0,1 % взрослого населения земного шара, 0 % власти отнесены исследователями к данной матрице. Данная матрица очень близка в своей сущности архаической стадии в развитии сознания Ж. Гейсера; а если сравнить ее с человеческими потребностями, описанными в теории А. Маслоу, то на этой стадии человек стремится удовлетворить свои базовые потребности — преимущественно физиологические и наиболее значимые для поддержания жизни.

2. «Магически-анимистический» уровень (см. рис. 4.1, фиолетовый цвет). Людям, функционирующим на данном уровне, представляется,

что землю переполняют злые и добрые магические духи, которые оставляют за собой благословения, проклятия и обладают колдовскими чарами, определяющими все события. Общности формируются по типу этнических племен. Духи предков связывают племя воедино, и политические связи устанавливаются в соответствии с принципом кровного и племенного родства. Проявляется в вере в злое колдовство, в талисманы удачи, при кровной мести, в этнических верованиях. Он распространен в странах третьего мира, бандах, корпоративных «кланах» и др. К нему относятся 10 % населения Земли, 1 % власти. По своей сути характеристики данной матрицы близки к «магическому» уровню сознания в теории Ж. Гейсера, описанному выше.

3. «Уровень богов силы» (красный) — характерен развитием самости — могущественной, импульсивной, героической, эгоцентрической. Мир видится как опасные джунгли, полные врагов. Герой покоряет и подчиняет других силой, хитростью. Наблюдается в феодальных королевствах. Эпические герои, неистовые рок-звезды и др. характеризуют данный уровень. Он является доминирующим у 20 % населения Земли, 5 % власти.

4. «Конформистский стандарт» (синий). Люди, функционирующие на данном уровне, считают, что в жизни есть смысл, направление и цель и все определяется всемогущим Другим или Порядком. Порядок основан на абсолютистских и неизменных понятиях «правильного» и «неправильного». Жесткая социальная иерархия, патернализм. Существует только один правильный образ мышления. Импульсивность контролируется посредством вины; буквалистские и фундаменталистские убеждения. Часто бывает «религиозным», но может быть и светским. Наблюдается в исламском фундаментализме, «моральном большинстве», пуританской Америке, при фанатическом патриотизме и пр. Доминирует у 40 % населения Земли, 30 % власти. Можно предположить, что данный образ мышления и поведения вызван потребностью в ощущении безопасности, выделенной А. Маслоу в качестве одной из наиболее существенных и неотъемлемых. Данная потребность в данном случае удовлетворяется, возможно, благодаря избранию одного четко определенного и не опровергаемого человеком пути в жизни.

Характеристики стадии конформистского стандарта, по всей видимости, коррелируют в социально-политическом отношении с таким типом общества, который в социальных науках носит название традиционного: в нем существует тенденция к авторитаризму, преобладают коллективистские установки, высокую значимость имеет традиция.

По нашему мнению, матрица «конформистского стандарта» ярко проявилась в советском режиме (который некоторые исследователи относят к традиционному типу общества). Ключевой характеристикой данного периода была превалирующая значимость государства перед свободой и инициативой индивида — не творческое самовыражение, трудолюбие, активность рассматривались как залог процветания госу-

дарства, а система принуждения, включение механизмов страха и зависимости.

И сегодня в России существуют социальные группы, в практике и сознании которых доминирует матрица конформистского стандарта, поскольку отношения там построены на традиции, наличии нужных «знакомых» в большей степени, чем на значимости профессиональных качеств, деловой активности (к таким группам можно отнести армию, милицию, государственных служащих и пр.). Современные коммунистические и консервативно-патриотические силы также, на наш взгляд, отражают ценности синей матрицы.

5. «Научный прогресс» (оранжевый). На этой волне самость «спасается» от стадного менталитета предыдущего уровня и ищет истину и смысл с индивидуалистической точки зрения — экспериментальной, объективной, механистической, операциональной. Мир здесь представляется рациональной машиной, функционирующей в соответствии с естественными законами, которые можно изучить и освоить, а затем манипулировать ими в собственных целях. Человек, в сознании которого доминируют ценности данной матрицы, ориентирован на личный успех и карьеру. Наблюдается: в эпоху Просвещения, в нарождающемся среднем классе во всем мире, в холодной войне, индустрии косметики и моды, материализме, либеральном индивидуализме, и очень близка по своей сути «ментальной» матрице в теории Ж. Гейсера. Она является доминирующей у 30 % населения, 50 % власти.

В современной России происходит развитие рыночной экономики, в которой особо значимыми являются такие личностные черты, как предприимчивость, активность, готовность идти на риск и пр. Однако, как было отмечено в исследовании Т. И. Заславской, ответственность и самостоятельность присущи лишь незначительной, наиболее социально продвинутой части российского населения [Заславская, 2004]. Следует отметить к тому же, что в политическом отношении оранжевая матрица, которая, на наш взгляд, ярче всего выражена в сознании либерально-демократических сил, также находится в явном меньшинстве. В состав Думы нового созыва не прошли либеральные силы (партия ЛДПР по своей сути не является таковой, а скорее тяготеет к националистическим и социально-патриотическим силам).

«Большая часть российского общества настроена по отношению к либерально-демократическим реформам консервативно. Экономической системе, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, отдают предпочтение 33 % опрошенных при 52 % высказывающихся за государственное планирование и регулирование экономики. Согласно опросам, проведенным в 2000 г., лишь немногим больше четверти россиян были согласны с необходимостью обеспечить независимость ветвей власти, в то время как “сосредоточение всей полноты власти в одних руках” предпочли бы три пятых. Демократию по образцу западных стран поддерживали 26 % граждан, а политическую систему

советского типа — 42 %» [Общественное..., 2000. С. 68, 83. Цит. по Заславская, 2004. С. 11] — подобная характеристика массового политического сознания отмечается многими исследователями [Вишневский, 2004; Филатов, Фурман, 1992; и др.].

Тем не менее, можно предположить, что складывающаяся социально-политическая система в России (принципы рыночной экономики, демократические принципы прав и свобод и пр.), на наш взгляд, создают базу для формирования ценностей «оранжевой» матрицы. Психологи отмечают существующую «закономерность», согласно которой требуется больше времени для трансформации массового сознания по сравнению с социальной трансформацией в обществе. А Р. Инглхарт на основе проведенного крупнейшего всемирного исследования ценностей [Inglehart, 1999] утверждает, что должно смениться как минимум одно поколение, прежде чем произойдут устойчивые изменения ценностей. Вне зависимости от того, насколько удастся России в ближайшие годы приблизиться к «идеальному типу» демократического политического режима, возвращение к тоталитаризму вряд ли возможно.

6. «Восприимчивая самость» (зеленый цвет), которую еще называют плюралистическим релятивизмом. Для нее характерны идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем. Человеческий дух должен освободиться от алчности, догматизма, разобщенности; чувства и взаимный интерес преобладают над холодной рациональностью; забота о земле, жизни как значимая черта. Противостояние иерархии, установление горизонтальных связей. Акцент делается на диалоге и взаимоотношениях. Плюралистические и релятивистические системы ценностей. Гармония, обогащение потенциальных возможностей каждого человека. Наблюдается: в движении глубинной экологии, постмодернизме, при защите прав человека, экуменическом движении и пр. 10 % населения Земли, 15 % власти.

Можно предположить, что при жесткой формализации отношений, патернализме, чрезвычайно низкой значимости человеческой жизни (присутствовавших, к примеру, в Советском Союзе) маловероятными становятся развитие и расцвет в полной мере тех характеристик, которые присущи для матрицы плюралистического релятивизма. Для них остается место лишь в частной сфере жизни личностных взаимоотношений. Важной в советское время была ценность общности (однако она не была основана на признании значимости плюрализма, уважения к «другому»). Сегодня в России «островки» данной матрицы проявлены в экуменическом и экологическом движениях. Некоторые исследователи отмечают существование группы людей, названной эклектиками, — это к примеру, люди, проявляющие одинаково сильный интерес к различным религиям и лишенные догматизма либо фанатизма [Старые церкви..., 2000].

7, 8. Это уровни «мышления второго порядка». К ним относятся 1 % населения Земли и 5 % власти. На данном этапе развития человек спо-

собен охватить умом весь спектр внутреннего развития, понять значимость существования всех других матриц и сделать шаг к целостному видению процесса развития человечества, взаимозависимости людей.

Седьмой уровень называется Бекон интегративным (желтый цвет). На нем различия и множественность интегрируются в целостную систему. И, наконец, восьмой уровень холистический (бирюзовый). Он характеризуется синтезом чувства и знания, целостностью восприятия. Желтая и бирюзовая матрицы по своей сути очень близки интегральной структуре сознания в теориях Ж. Гейсера (рассмотренной выше) и П. Сорокина. А сравнивая вышеописанную классификацию развития сознания с человеческими потребностями в теории Маслоу, можно предположить, что на матрицах 7 и 8 индивид способен реализовать свои высшие потребности — высшие переживания любви, красоты, единения с божественным и пр.

Основные религиозные заповеди и в особенности заповедь «возлюби врага своего», характерная как для христианства, так и для буддизма и других религий, являются проявлением мышления такого порядка. Это призыв любви к человеку вне зависимости как от его отношения к нам, так и от нашего мнения (нашей точки зрения, нашей «перспективы»). Хорошей иллюстрацией в данном случае был бы пример деятельности Далай-ламы XIV: несмотря на то, что современный Китай разрушил тибетскую культуру, изгнал тибетцев со своей земли и продолжает политику истребления тибетского народа, их религиозный лидер не только не стремится начать ответные военные действия, но постоянно ищет возможности для примирения; он практикует не только медитацию прощения, но также специальный вид медитации, в которой он забирает на себя негативные эмоции китайцев и отдает им любовь и прощение [Его Святейшество..., 2005]. Осознание глубокой взаимозависимости, взаимосвязанности людей всего мира также создает основу для подобного мировоззрения.

Развитое интегральное сознание присуще матери Терезе, М. Л. Кингу, М. Ганди, Иисусу и др. Это — личности, которые отказались от приоритета собственного «Я» ради других. Они создают «зоны», свободные от социальных, политических, экономических и идеологических уз. Живя с чувством причастности к высшей силе, которая объединяет и трансформирует мир, такие люди часто являются губительными для различных социальных структур (включая религиозные), которые обычно придают чувство безопасности и значимости и обеспечивают индивидуальное и общее выживание. Многие люди на этой стадии умирают от рук тех, кого они надеются изменить. Часто они получают признание и почитание только после смерти [Miller, 1986. Перевод наш. — М. Г.].

Подводя некий итог, можно отметить, что в современной России, по всей видимости, можно отметить как минимум три тенденции в развитии структур сознания. Во-первых, это наблюдаемый сегодня и выражаемый формирующимся средним классом путь (эгоистического) инди-

видуализма, рационализма, интересов в росте материального благополучия (возможно, и за счет других). Во-вторых, это реакционный фундаментализм, озлобленный против преуспевающих, восхваляющий прошлое, выражаемый людьми, не сумевшими адаптироваться в новых условиях, не приемлющими происходящих изменений в современной России (матрица «конформистского стандарта»). В-третьих, можно говорить о существующей тенденции развития «нематериальных ценностей», выражаемой сегодня группами милосердия, оказывающими безвозмездную помощь, отчасти экологическим и некоторыми новыми движениями, и пр. Последняя тенденция наименее распространена и вряд ли, как нам представляется, станет доминирующей в ближайшем будущем.

Успешной адаптацией человека в коллективе/обществе можно считать ситуацию, когда уровень развития индивида соответствует общему среднему уровню развития (данная идея была высказана К. Уилбером в некоторых работах [Wilber, 2000; et al.]). Межличностный и межгрупповой конфликт наступает при несовпадении ценностей носителей различных уровней сознания. И подход Бека является одной из попыток найти способ его преодоления, интегрировать все существующие матрицы развития в определенной организации.

В данном подходе делаются попытки учесть все существующие в определенном коллективе (либо обществе) уровни сознания и удовлетворить потребности, являющиеся для них ключевыми. В организации, к примеру, это делается посредством разработки целого ряда мер и последующего их донесения до работников в наиболее доступной для них форме (видео, мультфильмы и пр.). Акцент делается на позитивной стороне рабочего процесса и отношений в коллективе. Цель — сплотить людей и получить наиболее эффективный результат работы.

В 80-х годах в Южной Африке был период социально-политических беспорядков. Существовали также трудности с экспортом продукции и межрасовое напряжение. В 1980 г. Дон Бек был приглашен в ЮАР в одну из крупнейших компаний Middelberg Steel & Alloys для проведения семинара по ценностям для топ-менеджеров с целью повысить эффективность управления. Непосредственным результатом консультаций явилось создание общей корпоративной стратегии во всех областях бизнеса — от производства до продаж/маркетинга и технологий, финансов, охраны здоровья и труда. Именно в этот период компания выиграла большое количество государственных наград, в том числе за высокую продуктивность и экспорт.

Программа включала в себя следующие пункты: свод правил по условиям занятости (включающие в себя процесс отбора работников, специальные тренинги, дополнительное образование, решение спорных вопросов и пр.); правила безопасности (тренинги по безопасности работы, оказание первой помощи, обращение с оборудованием и пр.); нормы поведения (вопросы небрежности, нечестности, неподчинения и пр.); пра-

вила оплаты труда (включающие, помимо прочих, должностные инструкции, оценку качества работы, продвижение по служебной лестнице) и др. [Middleberg..., 2005].

Подход Д. Бека был также использован и в 2000 г. в ЮАР в данной компании и некоторых других. Стоит обратить внимание на разработанные с учетом имеющихся и изученных «типологий» работников «Ценности нашей компании» [Там же]:

«Мы уважаем личность человека и предоставляем ему безопасные условия для работы» (что соответствует потребностям матриц 2 и 4)

«Мы придерживаемся принципов честности во всех взятых на себя обязательствах» (матрицы 6 и 4)

«Мы производим качественную продукцию» (матрицы 4 и 5)

«Мы одобряем и поощряем способности и амбиции» (5, 6, 7)

Президент Управляющий директор Менеджер/Руководитель

Данная инициатива доводилась до сотрудников на специальных брифингах и с помощью других средств. Это был стратегический подход к изменению ценностей в компании.

Вышеописанный подход может применяться не только в процессе управления организацией. Он доказал свою эффективность в ослаблении межрасовых конфликтов и противоречий. Понимание теории спиральной динамики Бека дает также новое направление в анализе социальных/политических/экономических вопросов и новое понимание динамики устойчивого развития. На основе матриц Бека можно проанализировать источники угроз, возникающих в определенном обществе, и прийти к возможному варианту их решения. Эта теория особенно полезна в развивающихся многонациональных обществах.

Так, ученый показывает в своих работах, какие существуют угрозы для устойчивого развития различных типов обществ, исходящие от разных уровней, и какими могут быть способы борьбы с ними/их предотвращения, привлекая другие матрицы — т. е. используя разработанную им методику «спиральной динамики»*. В странах развитого мира доминирует синяя матрица (закон и порядок, подотчетное и регулярно избираемое правительство); присутствуют также оранжевая (стимул к предпринимательству) и зеленая (гуманная забота о менее удачливых), пишет Бек. В слабо развитых обществах преимущественно развит фиолетовый сектор (определяющую роль в котором играют племенные/этнические признаки), а также красный (не имеющие корней, недавно урбанизированные секторы). «Ценности зеленой и интегрированной желтой матриц существуют в таких типах обществ, однако они находятся в явном меньшинстве и часто ограничены университетскими городками,

* Ученый использует термин «спиральная динамика», вероятно, из-за того, что эволюцию сознания можно сравнить с развитием по спирали: существующие стадии невозможно обойти, «перескочить»; они являются последовательными и взаимосвязанными.

находящимися в контакте с развитым миром» [Ibid. Перевод наш. — М. Г.].

К примеру, сегодня в России при использовании природных ресурсов и ведении бизнеса предприниматели зачастую не учитывают влияющие собственной экономической деятельности на окружающую среду; ради кратковременной выгоды могут уничтожаться уникальные природные комплексы. Основным интересом — получение максимальной выгоды (оранжевая матрица), используя для этого любые средства (что наиболее характерно сегодня для олигархических кругов). Руководители предприятий, несущие ответственность за принятие ключевых решений в сфере бизнеса и природопользования, не задумываются о долгосрочной перспективе и возможных последствиях деятельности, ведущей к загрязнению атмосферы, истреблению редкой флоры и фауны*, изменению климата, истощению жизненно важных ресурсов. Данная проблема может быть урегулирована (административными) решениями, исходящими из синей матрицы, так как для нее более всего характерно соблюдение устанавливаемых правил, дисциплины, порядка. Существующая сегодня в развитых странах практика организации сбора, переработки/удаления отходов (желтая матрица) полезна в предотвращении разрушения окружающей среды. В современной России возникла к тому же проблема большого разрыва в уровне жизни наиболее состоятельных и беднейших слоев населения; появились люди, не имеющие места жительства, что ведет к распространению болезней, преступности (красная матрица). Таким людям могут помочь государственные программы устойчивого развития (синяя матрица), позволяющие им найти работу и содержать себя (оранжевая матрица). В целом принимаемые меры включают в себя целенаправленные действия и программы правительства, благодаря которым создаются такие условия, в которых группы людей с доминирующей фиолетовой/красной матрицами проводятся через эволюционные стадии до достижения ими оранжевой матрицы (способствующей экономическому процветанию и самообеспеченности) [Linscott, 2005]. Однако это не означает, что какие-либо матрицы имеют преимущество — все они важны в жизни планеты.

Вышеуказанные принципы в решении проблем общества/организации перекликаются с ключевыми идеями «теории организации» А. Маслоу, также используемыми сегодня на практике. Помимо прочего, она повлияла на создание концепции обогащения труда, применяемой в компаниях Fillips, Volvo и др. Применяя теорию Маслоу [1997] в области управления, уровень здоровья организации можно оценить при помощи техники исследования недовольств и жалоб, техники определения места этих жалоб в мотивационной иерархии. Жалобы у человека

* Одним из примеров может послужить завод на Байкале, перерабатывающий целлюлозу: отходы, выбрасываемые в озеро, разрушают его уникальную природную среду, ставят под угрозу существование редких видов рыб.

есть всегда, но особенно тревожной является ситуация, когда у работников не удовлетворены базовые потребности (плохое жилье, холод, опасные условия труда и пр.). Единственным мерилom эффективности управления является уровень жалоб — какие потребности он отражает. Маслоу [1997] призывает относиться к работнику как к «самоцельному» (т. е. уникальному, неповторимому и равному по ценности любому другому человеку), представляющему собой наиболее значимый ресурс, а не средство для манипуляции, не инструмент для достижения цели. Такое отношение практикуется сегодня в «гуманистически» настроенных организациях.

Некоторые аспекты интегральной теории Кена Уилбера

Подводя итог рассмотренным выше интегральным подходам, хотелось бы затронуть ключевые аспекты подхода Кена Уилбера, современного американского ученого, основавшего Институт интегральных исследований в США и внесшего особый вклад в развитие интегральной методологии исследования. Понимание Уилбером уровней развития — это некий синтез существующих сегодня интегральных подходов. Сознание *не* находится только в организме, пишет Уилбер [2002]. *Скорее, сознание — это дело всех четырех секторов* (рис. 4.2). «*Вся суть четырехсекторного анализа состоит в том, что все те сферы, которые в традиции, как правило, представлены в качестве бесплотных, трансцендентных и нематериальных, в действительности имеют корреляты в материальной сфере*» [Там же. С. 459].

Обсуждаемые структуры сознания можно назвать видами мировоззрений, рассматриваемыми Уилбером в своих работах. Мировоззрения — это, по словам Уилбера, обозначение того, как выглядит мир на определенном уровне развития. Мировоззрения не являются бестелесными структурами: они, как и культурные факторы, взаимосвязаны с материальными компонентами общества, производительными силами и пр. Техничко-экономическая база устанавливает широкие пределы, в рамках которых разворачиваются мировоззрения. Каждой стадии в развитии мировоззрения соответствует определенный уровень технико-экономического развития системы (нижняя правая часть рис. 4.2):

«фуражной» стадии (подбор падали, охота, собирательство) соответствуют архаическое мировоззрение, доконвенциональный и доличностный уровни развития;

ранней и поздней садоводческой стадиям — «магическое», «эгоцентрическое» мировоззрение;

ранней и поздней аграрным стадиям — раннее и позднее мифическое, «этноцентрическое» мировоззрение;

индустриальной стадии — «мироцентрический» рационализм;

информационной стадии — «интегрально-аперспективный» или экзистенциальный уровень [Уилбер, 2002. С. 241].

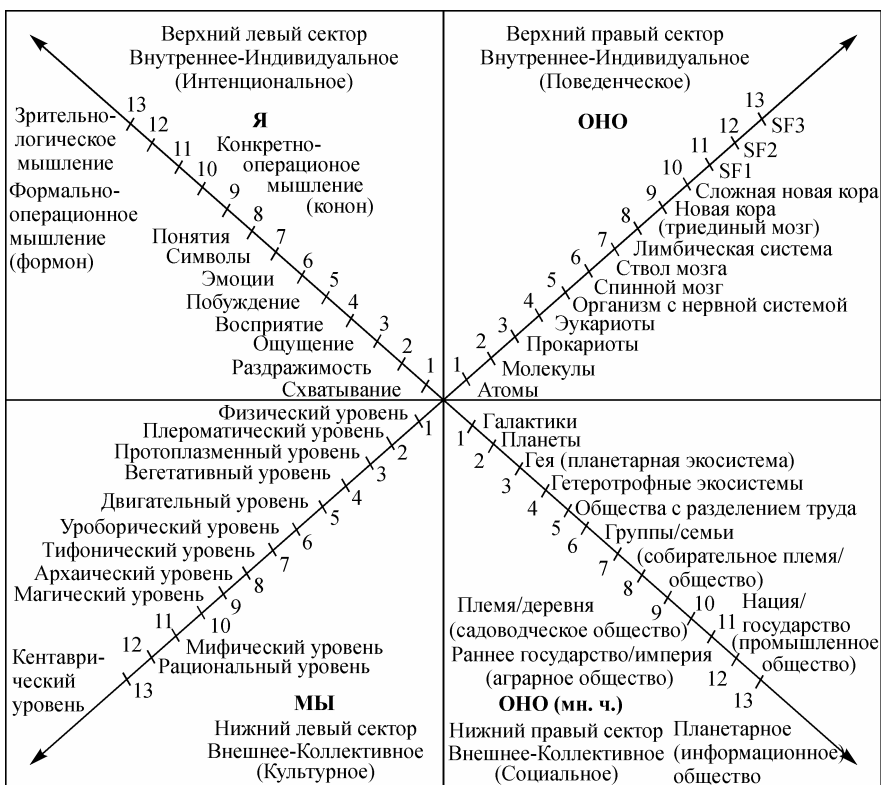

Рис. 4.2. Четыре сектора [Уилбер, 2004. С. 86]. Изображены внутренняя и внешняя стороны жизни индивида и коллектива. Верхняя половина этой диаграммы относится к индивиду, нижняя половина — к сообществу или коллективу; левая половина — к внутреннему (субъективное, сознание), правая — к внешнему (объективное, материя).

Очень важным, на наш взгляд, является вскрытый К. Уилбером механизм общественных изменений в контексте интегрального подхода: он связан с конфликтом парадигм (в понятие парадигма входят не только набор теорий, но и социальная практика, социальные изменения). Вместе с естественным процессом эволюции сознания (левая часть рисунка) и материально-технической сферы (правая часть) происходит взаимодействие и противостояние различных уровней развития. Можно также говорить о столкновении парадигм внутри одного общества, так как, по мнению Уилбера, ни в одном обществе не существует единого монолитного технологического способа производства и единого монолитного мировоззрения. Мы всегда видим некий спектр различных «базисов и надстроек». Так, например, в США наравне с существующей информационной и индустриальной стадиями присутствует и аграрная

(скажем, фермерство). Именно благодаря тому, что изменения в сознании происходят намного дольше, чем изменения в материально-технической и экономической областях, происходят революции — социальные, политические и пр.

Весьма обоснованной представляется точка позиция Уилбера относительно того, что «в современных западных странах основные культурные войны происходят не только в рамках традиционных, модернистских и постмодернистских ценностей, но также между техноэкономическими образцами производства, включающими в себя стадии фермерства, индустриализации и информационную с соответствующими стадиями мировоззрений — мифическим, рациональным и плюралистическим. В незападном мире основные конфликты происходят между “племенно-фуражной” и “мифически-аграрной” стадией с одной стороны, и “модернистской индустриальной” вместе с “постмодернистской-плюралистической” с другой» [Wilber, 2005. Перевод наш. — М. Г.]

Идеи Уилбера имеют особую значимость в том числе и для социологии знания. В свое время социолог В. Г. Немировский отметил, что проблема классической социологии заключается в том, что данная наука не может ответить на вопрос, каким образом общество, находясь в непрерывном движении, регрессивных и прогрессивных изменениях, может одновременно представлять собой стабильную, интегрированную систему, наделенную эффективным механизмом саморегуляции [Немировский и др., 2003]. А модель Уилбера, таким образом, снимает данную проблему, так как в ней заложены принципы **системности** (выраженный в синтезе индивидуальной, культурной и социальной составляющей) и **развития** (выраженный в представленных эволюционных стадиях развития в каждом из секторов, взаимосвязанных друг с другом).

* * *

Таким образом, вышеописанные подходы вводят новый ракурс в изучение человеческого развития, включая в него эволюцию сознания как неотъемлемый элемент, коррелирующий в свою очередь и с материально-техническим, и культурным развитием цивилизаций (именно сознание предлагает сделать объектом исследования социологии, к примеру, и проф. Ж. Тощенко).

В области управления данные подходы дают возможность подойти к человеку, рассматривая его как ценный ресурс и самоценное существо, а не только как объект, обладающий неким внешним отношением полезности; поэтому, несомненно, можно утверждать, что проанализированные выше подходы являются глубоко гуманистичными по своей сути. В сфере социологии труда учет данных факторов расширяет границы рассмотрения человека, вводя новые элементы — его духовность, самосознание, что дополняет концепции «человека экономического», «человека технократического» и пр., изучая его во всей целостности и вос-

полная «бессубъектность экономической жизни»*, характерную для советского общества.

Сегодня существует достаточно много политологических и социологических работ, в которых детально изучены недостатки (и достоинства) социальной структуры и политического режима как современной России, так и советского времени. Более интересным представлялся бы анализ коррелирующих с ними стадий развития сознания, стремление увидеть в них внутреннюю динамику и в то же время целостность (заключающуюся во взаимосвязанности и взаимозависимости духовной и «материальной» составляющих как в жизни индивида, так и в жизни общества) — в этом и состоит суть интегрального подхода. Он позволяет дополнить анализ социально-экономических, социокультурных, политических сил анализом массового сознания, отойти от идеи экономического детерминизма (и таким образом избежать редуционизма, т. е. сведения комплексной социальной жизни к одному или нескольким факторам). Мы попытались сделать первый шаг в осуществлении данного подхода. Подобное направление исследований представляется нам необходимым еще и потому, что современные интегральные и холистические теории практически не знакомы российскому читателю и обществу.

Как было показано выше, сознание имеет свою, *внутреннюю логику развития*. И социально-политическая трансформация общества, скорее всего, также следует внутренним законам эволюции (являясь базой для изменения сознания). Это не стихийное изменение, а реализация механизмов развития, заложенных в любой системе (социальной, биологической и пр.), — в случае современной России можно говорить о трансформации от замкнутой тоталитарной к открытой демократической системе. (Хотя данные политические режимы являются скорее «идеальными типами»). Чрезвычайно мудрой представляется в данном случае детально обоснованная мысль П. Сорокина [1997] о конвергенции социальных систем (России и США): как в России присутствовали некоторые черты демократической системы, так и в США — тоталитарной.)

Процесс эволюционного развития не означает, что, утрированно выражаясь, кто-то должен взять и провести страну от несвободы к свободе (в случае с современной Россией), потому что каждому необходимо самому пройти заложенные в нас этапы внутренней трансформации. Человек только сам должен суметь взять ответственность за свою жизнь — хотя, несомненно, большую роль играют решения высокопрофессионального лидера. И поэтому так важно внутреннее развитие человека как имеющего непосредственное влияние и на систему.

* Фраза Ж. Т. Тощенко [Социология..., 2004. С. 95].

ГЛАВА 5

Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания**Векторы модернизации и устойчивость роста**

Глобализационный императив XXI в. выдвигает жесткое требование к модернизации российского общества — она должна осуществляться в высоком темпе и в режиме устойчивого роста. В противном случае существует угроза оказаться в непривлекательной роли «вечно отстающих» и «вечно догоняющих», отстать «навсегда» от цивилизованных стран, уже вступивших в начальную фазу постмодернити, т. е., в конечном счете, оказаться на задворках истории.

В контексте исторических вызовов такого рода наша цель состоит в уяснении ряда частных теоретических и прикладных вопросов, связанных: 1) с местом и ролью адаптивных процессов в модернизации российского общества, обеспечении его устойчивого роста; 2) теми требованиями, которые предъявляет модернизационный процесс к адаптации (адаптивности, адаптивным ресурсам, потенциалу, капиталу) как социальному феномену.

В конце XX в. Россия предприняла новую попытку включиться в очередной исторический виток радикальных трансформаций. Направленность и суть его, как и ряда предыдущих проектов, в том числе реформ Петра I, «сталинской» индустриализации и пр., заключается в стремлении политических лидеров к тотальному всестороннему преобразованию институциональной среды, отвечающему их представлениям о смысле вызовов нового времени, и почти всегда — в полном или частичном отказе от традиционных форм социальности, в скрытой или явной ориентации (оглядке) на западные образцы («соревнование с Западом»).

В соответствии с этим императивом гипотетически ожидаются с той или иной долей вероятности и уже реализуются следующие векторы движения российского общества. В отношении *материально-технического базиса* — его коренная реконструкция, переориентация экономики страны с добывающих на обрабатывающие отрасли, внедрение передовых новейших информационных и нанотехнологий; *экономических институтов* — диверсификация форм собственности, универсализация рынка и денег, утверждение принципов свободной конкуренции; *политических институтов* — укрепление принципов парламентаризма, многопартийности, демократии, гласности, выборности органов управ-

ления, разделение законодательной и исполнительной власти; *правовых институтов* — обеспечение прав, свобод, безопасности и равенства всех граждан перед законом взамен беззакония и произвола и т. д.; *социальных институтов* — становление открытой стратификационной системы, высокой социальной и территориальной мобильности населения; *социокультурной сферы* — рост образовательного потенциала населения, смена гомогенного типа культуры на гетерогенный, характеризующийся большим количеством субкультур с различными нормами и ценностями, переориентация сознания с религиозно-мифологического на рациональный тип, ценностей человека с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные (замечу, что эти черта присуща лишь позднему модернити), актуализация ценности знаний и информации, ослабление традиционных ценностей семьи, религии, морали, рост индивидуализма и индивидуализации и пр.; *демографических институтов* — актуализация ценности человеческой жизни, снижение смертности, утверждение нуклеарной модели семьи взамен многопоколенной, нормы неоднократного вступления в брак вместо однобрачия, нормы одно-двудетности семьи вместо многодетности, а также перераспределение ролевых обязанностей мужа и жены в семье в направлении усиления эгалитарности их ролевых позиций и отношений и т. д.; *экологической сферы* — актуализация ценности природной среды, акцент на природоохранную деятельность в природопользовании, сбережение уникального многообразия флоры и фауны, чистоты воздушного и водного бассейнов и т. д.

Каждый из этих векторов модернизации в реальном времени и реальном российском социальном пространстве, как свидетельствуют статистические данные, далеко не всегда движется означенным курсом — он либо остается в зачаточном состоянии, либо, начав движение, останавливается, либо начинает перемещаться, что называется, «вкривь и вкось», либо вообще дает задний ход; иными словами, движение векторов модернизации осуществляется асинхронно, несогласованно, вразнобой. Так, в научной литературе неоднократно отмечалось отставание социокультурных процессов от экономических и политических, а также тот факт, что проведение экономических преобразований нередко опережало разработку их надежного правового обеспечения. Более того, ситуация осложняется глубокой рассогласованностью и асимметричностью модернизации в российском региональном пространстве. Каждый российский регион по совокупности своих модернизационных характеристик практически не имеет точных аналогов среди других регионов — в каждом отдельном случае присутствует яркий самобытный экономический и социокультурный контекст, что провоцирует глубинные устойчивые спецификации региональных моделей модернизации (А. Вишневский, С. Лавровский, Н. Михеева, И. Корель, Л. Корель и др.).

В свете вышеизложенного весьма актуальной для России является проблема кристаллизации модернити, поскольку именно кристаллиза-

ция обеспечивает необратимость и устойчивость модернизационных преобразований. Под *кристаллизацией модернити* мы понимаем процесс и результат образования в обществе *устойчивых, взаимоупорядоченных и взаимосвязанных модернизационных форм* как в рамках отдельных направлений, аспектов, сторон, профилей, векторов модернизации — экономического, политическом, социокультурном, духовном, демографическом, экологическом и т. д., — так и модернизационного процесса в целом, т. е. в единстве и многообразии всех его сторон. Заметим, что кристаллизация модернити обеспечивается *консистентным* характером модернизационных процессов (термин «консистентность» в данном случае заимствован из теории статусной кристаллизации, предложенной У. Ландейкером; см. [Landecker, 1963]). *Консистентная модернизация* — это гармоничное, взаимоувязанное, согласованное протекание модернизационных процессов как в разных сферах общественной жизни — экономической, политической, социокультурной, духовной, демографической, экологической и т. д., так и разных региональных или социальных пространствах, обеспечивающее кристаллизацию модернити. В свою очередь, *нонконсистентную модернизацию* можно определить как рассогласованное, негармоничное, противоречивое, несовместное, асинхронное течение модернизационных процессов (в разных сферах общественной жизни — экономической, политической, социокультурной, духовной, демографической, экологической и т. д., либо в разных региональных и социальных пространствах), сопровождающееся модернизационными тупиками, конфликтами и социальными потрясениями, осложняющими кристаллизацию модернити. (См. ниже главу 7 «Модернизация общества в зеркале субэлит...».) Нонконсистентная модернизация дезориентирует субъекта адаптации, поскольку модернизационное поле предстает перед ним не единым, органичным и цельным, а разрывным, противоречивым и разнонаправленным. Это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет ход его адаптации, поскольку ему одновременно приходится приспосабливаться к разнонаправленным в модернизационном отношении процессам (движение вперед, вспять, в сторону), а с другой — вносит неизбежный диссонанс в структуру его сознания (и поведения), делая ее фрагментарной, разрывной и нецельной.

Однако, несмотря на «модернизационный разнობой» и противоречивую региональную динамику, совокупность означенных выше векторов модернизации (см. выше) все же очерчивает динамичное поле состоявшихся и будущих (ожидаемых) общественных преобразований модернизационного толка, а значит, и то социальное пространство, в границах которого уже осуществляется и, видимо, будет осуществляться в ближайшие полвека (с тем или иным успехом) *адаптация* всех индивидуальных и корпоративных акторов, социальных и территориальных групп, наций, институтов, социальных систем, наконец, российского общества в целом.

В свою очередь, процесс адаптации уже сегодня определяет и будет определять в будущем (стимулировать, тормозить, корректировать, менять, блокировать) ход модернизации российского общества. Однако в действительности при более близком рассмотрении характер пересечений этих двух феноменов (адаптации и модернизации) в социальном пространстве весьма сложен и нуждается в конкретизации. Остановимся на этой тезе подробнее.

Адаптация и модернизация: векторы взаимодействий

Обратимся к истории вопроса. Сопряженность, взаимосвязь, когерентность адаптивных и модернизационных процессов неизменно подчеркивалась учеными-социологами. Г. Спенсер, Т. Парсонс, Н. Смелзер — представители структурно-функционального подхода — рассматривают историю общества и модернизацию как процесс структурно-функциональной дифференциации и образования соответствующих форм интеграции, включая *лучшую адаптивность*, эффективную организацию и новые социальные образцы; С. Айзенштат определяет «модерную систему» как систему, способную обеспечить и поддерживать постоянные перемены, а значит — обладать *высокой адаптивностью* к ним, А. Тоффлер разрабатывает всемирно известную концепцию футурошока и культурышока — социальных феноменов, продуцируемых быстрыми общественными переменами и *ограниченностью адаптивного потенциала населения*. Э. Гидденс концентрирует внимание на модернити в контексте все возрастающей рефлексивности общества, не обеспечивающей, тем не менее позиции контроля над окружающей реальностью, а следовательно, и должного *наращивания адаптивных ресурсов*, адаптивности самого общества. Р. Инглхарт развивает идею о социокультурной ригидности населения к процессам модернизации (т. е. состояния, при котором *снижена приспособляемость, переключаемость психических процессов к меняющимся требованиям среды*), так как люди находятся в тисках усвоенных в ходе социализации социокультурных образцов, преодолеваемых только в ходе смены поколений. И, наконец, П. Штомпка, в свою очередь, артикулирует весьма важный тезис о том, что если в XIX—первой половине XX вв. (период кристаллизации модернити) социальные изменения и развитие рассматривались исключительно в увязке с проблемой общественного прогресса, то позднее — главной в данном контексте стала проблема *социальной травмы*, вызванной *болезненными процессами вынужденной адаптации* — пересмотра и крушения ценностей, потерей жизненных ориентиров в эпохи перемен и пр.

Что вносит модернизация в адаптивный процесс?

1. Модернизация формирует экономическое, политическое и социокультурное пространство будущих адаптаций, задает их ориентиры, метрику, определяет русло приспособительных процессов, а также диапазон возможного маневра. Она инициирует, творит адаптацию индиви-

дуальных и коллективных агентов, групп, классов, создает специфическую конфигурацию структуры их приспособительных отношений, образующей динамичное социальное поле адаптаций (структурированное и структурирующее пространство позиций).

2. Модернизация ускоряет темп, задает ритм мирового развития, а значит, и активизирует адаптивный процесс. Этот факт стал очевиден лишь в середине минувшего века. Общественное осознание все возрастающих темпов социального развития пришло лишь совсем недавно, на позднем этапе модернити, лишь в середине XX в. [Уайтхед, 1990. С. 258, 490].

Столь высокий темп общественных изменений в эпоху модернити, как уже отмечалось выше, создал небывалый в истории массовый феномен, диагностированный лауреатом Нобелевской премии Алвином Тоффлером как «футурошок». Футурошок есть болезнь индивида, наступающая из-за страха перед неизбежностью социальных изменений и неспособностью приспособления к требованиям среды. Само понятие «среда» в складывающихся условиях стало эфемерным, так как оно предполагает определенную «незыблемость» основных параметров условий жизни. Между тем социальная среда второй половины XX в. во многих странах мира под воздействием процессов модернизации и глобализации характеризуется высокоскоростными изменениями. Условия жизни меняются столь быстро, что человек не успевает зафиксировать их системное единство, предугадать траекторию их развития [Тоффлер, 1997]. Отсюда — пробуксовывание адаптаций, разного рода адаптивные тупики, кризисы и катастрофы. На событийной поверхности жизни ясно проявляется феномен «неуправляемого дрейфа» актора — попадания его в поток неконтролируемых событий, из которого выйти нельзя, но можно либо ослабить негативные последствия этой ситуации через механизмы «защиты», «ухода», либо усугубить их через механизм «тотального отрицания» (аутизм, наркомания, суицид и пр.).

3. Модернизация меняет доминанты и направленность поведения акторов адаптационного процесса в исторической перспективе. Можно отыскать множество систем координат, позволяющих фиксировать подобные перемены (например, в трудах М. Вебера, К. Маркса, З. Фрейда, К. Юнга и др.). В качестве примера воспользуюсь трудами Стэнфордского исследовательского института. Согласно его разработкам, в истории существует три социально-психологических типа человека по направленности интересов. Первый тип объединяет людей, движимых поиском средств к существованию; они могут быть бедны, а могут иметь достаток, однако главное для них — финансовая и имущественная безопасность. Они — «остаточный продукт философии сельскохозяйственной эпохи» и аграрной культуры. Второй тип включает людей, ориентированных на внешний мир, они «жаждут уважения и социального статуса в качестве внешних символов успеха», по убеждениям являются материалистами и выступают «движущей силой экономически преуспе-

вающих обществ». Третий тип — лица, ориентированные на внутренний мир, т. е. самореализацию, творчество, обостренное восприятие, этические проблемы. Они ищут путей «проявить свою истинную сущность и оставить свой след в жизни» и являются приметой грядущего постмодерна [Хэнди, 1999. С. 181—183].

В рамках данной концепции естественно предположить, что в ходе модернизации меняется, во-первых, соотношение самих субъектов адаптации, т. е. господствующих социально-психологических типов. В аграрном обществе, а также в начальных стадиях модернизи преобладал социально-психологический тип, движимый поиском средств к существованию. В стадии зрелой модернизи усиливаются ведущие позиции людей, ориентированных на внешний мир. И наконец, становление эры постмодернити сопровождается экспансией третьего социально-психологического типа — восприятие жизни которого определяется ориентацией на мир внутренний. Во-вторых, трансформируются конечные цели адаптивного поведения. В аграрной культуре таковыми выступала удовлетворенность некоторым объемом средств существования. Человек вынужден был осуществлять поиск таких средств и способов взаимодействия с внешним миром, которые обеспечивали бы ему желаемый достаток — возможность физического выживания. В стадии зрелой модернизи конечной целью (адаптации) выступал социальный статус и престиж. По мере вхождения в эру постмодернити таковой целью все чаще выступает гармония внутреннего мира, достигаемая через самовыражение и самореализацию.

4. Модернизация дифференцирует возможности адаптации людей, относящихся к разным социально-психологическим типам. К. Юнг мы обязаны констатацией важнейшего для социологии тезиса о существовании различных социально-психологических типов людей, обладающих заметными отличиями в социальном поведении, в том числе, как можно предположить, и адаптивного плана. Конечно, в первую очередь, речь пойдет о делении людей на экстравертов и интровертов. Если первый обращен своей личностной структурой вовне, к окружающему его миру, то второй «зациклен» на самом себе. То, что для одного представляет ценность, для другого — пустое место. Эти типы довольно легко распознать и они довольно часто встречаются в «чистом виде» в реальной практике [Юнг, 2002].

Естественно предположить, что в ходе адаптации экстраверты ориентированы большей частью на гармонию с внешней средой и в угоду этой гармонии способны идти на «внутренние» подвижки, разного рода уступки и компромиссы в своих личностных предпочтениях и установках. Иное дело интроверты, они, в свою очередь, стремятся сохранить прежде всего внутреннее равновесие, хотя бы и в ущерб сбалансированности своих отношений с внешним окружением. Для первых особенно важна внешняя адаптация (гармония с миром), для вторых — внутренняя (гармония с самим собой).

Думается, что в условиях постмодерна (в сравнении с модерном) интроверты несомненно получают лучшие шансы для раскрытия своего внутреннего потенциала, гармонизации отношений с внешней средой, поскольку окружающий мир для них предстанет менее агрессивным, более разнообразным, многоликим, поливариантным, а содержанием идеологии этого мира станет гуманизм взамен социоцентризма. В свою очередь экстраверты в эпоху постмодерна будут ожидать несколько иная судьба — сложности выстраивания ориентаций, поиска «значимого большинства», самоидентичности, выбора идентификатора. Сложности эти порождены будут увеличением социального разнообразия, расширением диапазона разного рода микросред, форм и видов деятельности и т. д. Если же вспомнить другой универсальный процесс, охватывающий ныне все уголки земного шара, — глобализацию, то естественно предположить, что к нему наиболее легко будут адаптироваться экстраверты, поскольку они по природе своей ориентированы на окружающий их мир. Интровертов же будет пугать (огорчать?) расширяющаяся перед ними вселенная, требующая необходимых отвлечений от сосредоточенного анализа внутренних переживаний, чувств и состояний.

5. Под влиянием модернизационных процессов меняются главные историко-характерологические особенности процессов адаптации. Если рассматривать их в зеркале веберовской теории социального действия, то в исторической перспективе ясно обозначится тенденция ослабления элементов традиционной и аффективной направленности адаптивной реакции и, одновременно, усиления элементов ценностно-рационального и целерационального толка. (См. об этом главу 6 «Адаптация в меняющемся мире: от традиции к целерациональности».)

А сейчас попытаемся уточнить и конкретизировать, что вносит адаптация в модернизационный процесс, какие функции при этом она выполняет?

1. Адаптация обеспечивает, обслуживает, созидает модернизацию, поскольку речь идет о полном отказе общества от традиционной социальности и экспансии социальности современной. Другого процесса, ответственного за эту миссию, попросту нет. Такие социальные процессы, как ассимиляция, аккомодация, включение, вовлечение, интериоризация, экстериоризация, натурализация, подражание, заражение и пр., являются либо разновидностями (формами) адаптации, либо ее агентами (инструментами, подмеханизмами и пр.).

2. Адаптация, наряду с другими факторами, участвует в детерминации двух главных параметров модернизации: ее скорости, темпа и ритма, а также характера протекания (конфликтная—бесконфликтная, внутренне противоречивая—согласованная, полная—частичная, активная—пассивная, устойчивая—неустойчивая, эффективная—неэффективная, высокочрезвычайная—экономичная и т. д.). Быстрая успешная адаптация к быстроменяющейся среде ускоряет внедрение разного рода передовых инноваций и трансформаций, а значит, и ход модернизации

в целом. В свою очередь разного рода адаптивные конфликты, кризисы, разрывы, катастрофы наряду с высокозатратными, неэкономичными, малоэффективными, противоречивыми, неустойчивыми и пр. адаптациями способны блокировать и провалить модернизационный процесс в целом.

Неизменным фактором, тормозящим адаптацию к инновационным преобразованиям, исторически всегда выступало и выступает сознание человека, которое противится всему чужому и неизвестному. Обратимся к К. Юнгу: «Я уже упоминал о распространенном среди первобытных людей “мизонеизме” — так антропологи называют глубокий суеверный страх нового, тождественный реакции дикого животного на неблагоприятную ситуацию. “Цивилизованный” человек, однако, зачастую реагирует на новые идеи весьма сходным образом, воздвигая психологические барьеры, чтобы защититься от шока встречи с чем-то новым... Многим философам, ученым и даже литераторам, шедшим непроторенными путями, пришлось испытать на себе врожденный консерватизм своих современников» [Юнг, 2002. С. 23—24].

3. Адаптация является ключевым основополагающим понятием в определении общества устойчивого роста, в том числе и модернизирующегося.

Согласно представлениям ряда западных ученых, концепт устойчивого роста означает, что общество должно быть дальновидным и гибким настолько, чтобы нормально функционировать в течение жизни многих поколений, не подрывая системы своего материального и социального обеспечения [Мидоуз и др., 1999. С. 593]. Близко ему по смыслу и определение, предложенное Всемирной комиссией по охране окружающей среды и развитию, согласно которому общество устойчивого роста — это такое общество, которое «удовлетворяет сегодняшние потребности, не ставя под угрозу возможности удовлетворения потребностей будущих поколений» [Там же]. Оба определения акцентируют момент озабоченности судьбой нынешних и будущих поколений, однако первое имплицитно содержит упоминание об обязательной адаптивности общества, вводя императив его «дальновидности и гибкости».

Попытаемся синтезировать, конкретизировать и расширить эти ясные и лаконичные определения, напрямую вводя в них ключевое и очень важное в нашем дискурсе понятие — адаптация. Для этого воспользуемся одним из многих определений базового понятия «общество», семантически связанным с понятием «адаптация», в котором общество определяется «как огромное собрание элементов, взаимно адаптирующихся и передапतिрующихся друг к другу так, чтобы сохранить себя в условиях движущегося равновесия» [Seligman, Johnson, 1967. P. 435—437].

Итак, общество устойчивого роста — это такое «дальновидное», *гибкое и адаптивное общество, которое, постоянно наращивая адаптивный ресурс, обеспечивает плавный переход от низших ступеней раз-*

вития к высшим (более совершенным, продвинутым, устойчивым, перспективным), при этом, выходя на новый виток роста, (а) не подрывает системы экономического, социокультурного и духовного воспроизводства нынешних поколений и, кроме того, (б) не ставит под угрозу возможности удовлетворения экономических, социокультурных и духовных потребностей поколений будущих.

В этом определении важны четыре нарратива: дальновидное и гибкое адаптивное общество..., наращивание адаптивного ресурса..., плавный переход..., система воспроизводства нынешних и будущих поколений. Конкретизируем их. Итак, речь идет о стабильности и устойчивости роста (развития). Что для этого нужно? Комбинация каких требований адаптивного толка обеспечивает стабильность и устойчивость роста, в том числе, модернизационного?

Условия устойчивого роста: адаптивный ракурс

Во-первых, стабильность и устойчивость роста общества немислимы без успешной адаптации к происходящим изменениям основной массы индивидуальных и корпоративных акторов, социальных групп, наций, институтов, систем, структур и пр., поскольку вне адаптации исключена возможность существования самого общества, согласно приведенному выше определению последнего.

Кризисы адаптации в условиях крупных модернизационных перемен свидетельствуют о подрыве систем экономического, социокультурного и духовного воспроизводства нынешних поколений, а значит, способны похоронить любые мечты о стабильности и устойчивости движения данного общества.

Во-вторых, поскольку устойчивость роста представляет собой совокупность непрерывно «возрастающих», по своим конкретным значениям, параметров, сохраняющих связность, т. е. некоторую формально трудно фиксируемую взаимозависимость, то и движение модернизирующегося общества от «плохого» (некачественного, малоэффективного, отсталого, примитивного и пр.) «к хорошему» (качественному, высокоэффективному, передовому, сложному и пр.) не должно идти через «ужасное» — коллапс, разрушение, откат назад по каким-либо позициям.

В качестве примера движения от «плохого» к «хорошему» без промежуточного пункта под названием «ужасное» обратимся к старинной практике строительства новых домов в деревнях России, сохраняющейся по сию пору. Когда возникает потребность возвести новый большой дом на месте старого, то строительство нового дома начинают вести поверх старого таким образом, что старый дом во время строительства оказывается внутри строящегося нового, что дает возможность сельской семье продолжать проживать в нем, вести привычный образ жизни, никуда не съезжая. По завершении строительства старый сруб разбирают и семья оказывается на старом месте в новом доме. Такого рода строи-

тельная идеология выглядит заманчивой и для обществ, осуществляющих модернизационные преобразования.

Процесс *адаптации* в модернизирующихся обществах также не должен представлять собой череду адаптивных кризисов, социальных травм и шоковых состояний субъекта адаптации, т. е. вести его от «плохого» — дезадаптации (напряжение и дисгармония со средой, невозможность достигать целей в конкретных условиях «устаревшей» среды, рассогласованность интерпретативной картины мира и объективной социальной реальности и пр.) к «хорошему» — адаптации (гармония со средой, возможность достигать целей в конкретных условиях среды, согласованность интерпретативной картины мира субъекта и объективной социальной реальности и пр.) через «ужасное» (кровь, голод, психодрамы, разрушения, суицид и пр.).

В-третьих, стабильность и устойчивость модернизационного роста общества означает, что оно способно решать сегодняшние задачи, не причиняя ущерба будущим поколениям, т. е. не ставя под угрозу реализацию их материальных, социокультурных и духовных интересов, в том числе приспособительного характера, не ограничивая репертуар средств и способов их будущих адаптаций через уничтожение невоспроизводимых уникальных био- и георесурсов. Тезис этот при всей простоте и очевидности не инкорпорирован сегодня в систему миропредставлений политических, экономических и управленческих элит. Надежными носителями этой мудрости обычно выступали и выступают представители «народной культуры» ряда современных цивилизаций — малочисленные народности российского Севера, индейские племена Северной и Южной Америки, многие африканские народы и пр., т. е. в первую очередь те, чья социальная и хозяйственная жизнь находилась и находится в гармоничном единстве с природой, разворачивается на лоне природных ландшафтов и в полной мере определяется ими.

Уместно вспомнить, что Зигмунд Фрейд в своих исследованиях цивилизации, катастроф и прогресса пришел к трагическому заключению, что прогресс и катастрофа — две стороны одной медали. Прогресс непреодолим, неостановим и давно уже превзошел порог инстинкта самосохранения человечества. За этим порогом человечество поджидают настоящие и будущие космические, техногенные, экологические и другие катастрофы. Это обстоятельство делает проблематичной саму возможность учитывать и гарантировать соблюдение интересов настоящих и будущих поколений, обеспечить устойчивость развития. Для того чтобы избежать угроз и рисков грядущих катастроф, человечеству придется неизменно подстраховывать (обуздывать?) и непрерывно контролировать свою неизбежную тягу к прогрессу.

В-четвертых, стабильность, и устойчивость роста обеспечивается, гарантируется, подкрепляется и сопровождается постоянным наращиванием адаптивного ресурса (потенциала) общества. В этой связи следует вспомнить известный постулат Парсонса, увязывающий общественный

прогресс с повышением адаптивной способности общества, причем последняя выступает в качестве мерила общественного развития. Согласно Парсонсу, развитие человеческих обществ неизбежно идет по линии все возрастающей адаптивной способности. Чем выше ступенька, на которой стоит конкретное общество, тем шире становится спектр социокультурных образцов, которыми оно владеет для обеспечения своего выживания, для адекватного ответа на вызовы времени, изменения среды и пр. [Парсонс, 2000]. Расширение спектра социокультурных образцов связано с технологическими прорывами, научными открытиями и достижениями в самых разных областях знания — физике, химии, математике, информатике, биологии, политике, экономике, медицине, экологии и т. д.

Т. Парсонс строит свою теорию все возрастающей адаптивной способности человеческого сообщества, убедительно иллюстрируя ее всем ходом мировой истории. Первоосновой этого процесса выступает, по его мнению, все расширяющаяся во времени дифференциация и специализация экономических и социальных институтов. В исторической вертикали, рассмотренная в границах крупных исторических периодов, адаптивная способность человеческого сообщества несомненно неизменно возрастала. Эта общая тенденция пробивала себе дорогу через разного рода драматические отклонения и отрицания — уход с исторической арены большого числа обществ и государств, постепенно (или вдруг) утративших способность адаптации к новым вызовам времени. Подобные факты лишают нас слепого исторического оптимизма, веры в фатальную неизбежность желаемого — неперменного наращивания адаптивного потенциала, всепобеждающей адаптивной способности человека и общества.

Мы поставили пункт о наращивании адаптивных ресурсов человеческого сообщества на четвертое место не по значимости, а по причине композиционной необходимости структурирования текста, поскольку далее вниманию читателя будет предложена более детальная характеристика понятий адаптивный потенциал и адаптивный капитал, столь актуальных для модернизирующегося российского общества. Таким образом, настоящий пункт является логическим мостиком к следующему параграфу.

Адаптивный потенциал и адаптивный капитал как операциональные социологические категории

Адаптивный потенциал — слабо разработанная в социологии научная категория. Тем не менее она обладает мощным эвристическим зарядом и способна, в частности, указать некий ориентир к переходу от концептуальных рассуждений к конкретным операциональным процедурам, критериям, оценкам и измерениям, до которых, правда, и науке, и общественной практике еще очень далеко. Она означает степень «мощности» (меру способности) субъекта в отношении возможных адаптаций и

представляет собой совокупность свойств, качеств, характеристик (ресурсов), существующих у адаптанта в скрытом виде и «задействуемых» (актуализируемых) им в ходе адаптации. Адаптивный потенциал имеет две важные «разнонаправленные» составляющие: способность к сопоставлению среде с последующей перестройкой среды «под себя» (экстериоризации) и способностью быть ассимилированным средой с последующим поглощением ею (интериоризации) [Корель, 2005. С. 401—402]. И в том, и в другом случае мы будем свидетелями одного и того же процесса — адаптации. Правда, в одном случае работает адаптивный механизм экстериоризации, в другом — интериоризации.

Надо ли говорить, что соотношение этих двух составляющих не является константной величиной, а варьирует в разных диапазонах как (1) у разных субъектов, находящихся в одной адаптивной ситуации, так и (2) у одного и того же субъекта, переживающего в течение своей жизни разные адаптивные события.

Приведем примеры, раскрывающие суть первой позиции. Организаторы и участники всевозможных модернизационных (революционных, инновационных) начинаний, преобразований и переворотов являются зачастую легко узнаваемыми знаковыми фигурами адаптирующихся субъектов (индивидуальных или корпоративных акторов, систем, обществ), перedefиляющих мир «под себя». В то время как субъекты адаптации, принимающие жизнь такой, каковая им навязывается извне, являют собой второй тип — адаптантов-ассимилянтов. Приведем и другой пример. Известно, что люди, попавшие в исправительную зону, поразному начинают вести себя там: одни сразу и полностью принимают существующие порядки, язык, символы, отношения доминирования, негласную социальную иерархию, установленную «ворами в законе», другие, напротив, способны переломить эту иерархию, разрушить устоявшиеся структуры межличностных отношений, переменить правила игры, подчинив и то, и другое, и третье своим интересам.

Заметим, что деление адаптантов на тех, кто преобразует среду — экстериоризирует ее, и тех, кто ее ассимилирует — интериоризирует в ходе адаптации, не является постоянным, абсолютным и окончательным. Все определяется ситуацией. Многообразие адаптивных ситуаций побуждает адаптирующегося субъекта в одних случаях использовать модель экстериоризации, в других — интериоризации. Хотя теоретически, видимо, возможно существование двух полярных типов — тех, кто во всех адаптивных ситуациях предпочитает придерживаться стратегии экстериоризации — навязывания внешнему миру своих условий, и тех, кто, напротив, придерживается стратегии интериоризации — включения в среду через усвоение ее особенностей, ценностей, смыслов, символов, знаков, правил и пр. Так, Наполеон Бонапарт, наверное, мог бы быть причислен к первой группе, поскольку был харизматичен, авторитарен, деспотичен и не только обустроивал свою жизнь «по своему хотению», но и перedefилявал общественную и политическую жизнь Европы соглас-

но своим представлениям, идеям и принципам, демонстрируя тем самым экстериоризационную модель поведения. Однако большую власть над ним имела его жена Жозефина, к рекомендациям и желаниям которой он неизменно прислушивался (интериоризировал их). Наверное, каждый из нас в своей жизни не раз имел возможность наблюдать такие семьи, главы которых имели неограниченную власть на возглавляемых ими предприятиях, однако в приватном кругу ими уже командовали и заставляли приспосабливаться к тому, что пожелают, уже другие — их малолетние дети и внуки.

Или другой исторический сюжет на эту тему. Обратимся к страницам русской истории. Вот что пишет Н. Костомаров об Александре Невском, успешно разбившем шведов, но покоровшемся монгольским завоевателям.

«Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть северною Русью, но не мог он с теми средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти монголов. Надо было избрать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических людей — другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков, усвоить рабские свойства. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр, как передовой человек своего века, понял этот путь и вступил на него. Еще его отец Ярослав отправился в Орду, но не воротился оттуда» [Костомаров, 2006. С. 82—83].

Частным случаем более общего понятия — адаптивный потенциал является другое понятие — адаптивный капитал, совсем не разработанное в современной социологии, однако крайне важное как для политиков, определяющих модернизационную стратегию развития, так и для ученых, исследующих модернизационный процесс.

Под адаптивным капиталом здесь и далее будем понимать репертуар фактических, потенциальных и виртуальных (могущих или должных проявиться при определенных условиях) ресурсов и активов, который обеспечивает не только выживание (гомеостазис), но и развитие (гомеорезис) адаптирующихся социальных систем (единиц, образований) в меняющихся условиях.

Отметим, что понятие адаптивный потенциал — весьма общее по своей природе; оно предполагает лишь некоторую потенцию (потенциальную способность) к приспособливанию, не выдвигая к субъекту адаптации требований и претензий относительно обязательного достижения *полной адаптации* как состояния гомеостазиса или, более того,

гомеорезиса системы. Иное дело понятие «адаптивный капитал», оно акцентирует момент обязательного развития, т. е. гомеорезиса адаптирующей системы, что представляется исключительно важным для устойчивого развития модернизирующегося российского общества XXI в.

Поскольку, согласно К. Марксу, капиталом является стоимость, приносящая прибавочную стоимость, мы попытались в табл. 5.1, при всей ее условности, дать сжатую характеристику разновидностей социального (общественного) капитала, выделяя в нем экономическую, социальную, культурную, политическую, человеческую составляющие и добавив, в качестве производной, адаптивную составляющую. Примечательно, что капиталы существуют не в безвоздушном пространстве и обладают способностью взаимной конвертации, что неоднократно отмечалось в социологической литературе [Bourdieu, 2001. P. 106; Радаев, 2003. С. 15]. Этот тезис является ключевым для наших дальнейших рассуждений.

В центре внимания в данной таблице находятся, во-первых, специфические ресурсы, лежащие в основе каждого вида капитала, во-вторых, характер прибыли (приращения, «выгоды»), получаемой в ходе «воспроизводственного цикла» конкретного капитала, и, наконец в-третьих, модель (точнее, результат) конвертирования этой прибыли в «адаптивный капитал». И действительно, по сути все разновидности социального капитала — экономического, социального, культурного, политического — в сумме представляют собой не что иное как адаптивный капитал общества (социума) в конкретный исторический период, а значит, в общем случае «задают» границы преобразований, в рамках которых общественные переустройства ведут не к стагнации, тем более не к упадку, а к устойчивому развитию социальной системы без трагических сбоев и катаклизмов.

Как видим, понятие адаптивный капитал является однопорядковым, родственным и во многом релевантным по смыслу таким понятиям, как капитал экономический, социальный, культурный, политический, человеческий и др., во всяком случае, он тесно сопряжен с ними в силу уникальной природы адаптации. Ведь социальной системе для адаптации, как правило, нужны ресурсы и капиталы самого разного профиля — экономические, социальные, культурные, политические, человеческие и т. д., поскольку именно они задействуются и реализуются в ходе адаптации, обеспечивая степень ее успешности. Примечательно, что в ходе адаптации каждый из этих капиталов конвертируется в адаптивный капитал и обеспечивает его наличие и прирост. В свою очередь, прирост адаптивного капитала системы (приспособительной мощи, силы, репертуара средств), реконвертируясь, обеспечивает (гарантирует) приращение всех других видов ее капитала — экономического, социального, политического, культурного, человеческого и пр., поскольку, чем выше уровень адаптивности (последняя напрямую зависит от объема адаптивного капитала. — Л. К.) системы, тем более успешно она преодолева-

Таблица 5.1

Виды социетального капитала и адаптация

Вид социетального капитала	Ресурсы и активы (реальные, потенциальные и виртуальные)	Тип прибыли, приращения, прироста, выгоды	Вклад в адаптацию (умножение адаптивного капитала)
Экономический	Материальные (производственное оборудование, здания, сооружения, товары и пр.) и финансовые активы, деньги	Прибыль в форме товаров и денег	Обеспечение материальными и финансовыми ресурсами
Социальный	Сеть взаимоотношений, существующих между людьми, нормы этих отношений и доверие, т. е. все, что позволяет участникам отношений действовать совместно более эффективно в достижении общих целей [Putnam, 2000]	Социальная выгода, возникающая ввиду того, что все участники отношений действуют более эффективно в достижении общих целей	Укрепление доверия, солидарных начал, взаимопомощи и поддержки, позволяющих повысить уровень успешности (эффективности) адаптаций
Культурный	Материальные (архитектура, тексты, холсты, посуда и пр.), духовные (знания, культурные коды, знаки, символы, идеи, ценности) компоненты, практические навыки и образцы поведения	Приращение культурных благ на базе уже имеющихся, совершенствование поведенческих образцов, развитие системы ценностей	Расширение, обогащение и обновление адаптивного репертуара — набора способов, средств и инструментов адаптации
Политический	Власть как возможность реализовывать свою волю, несмотря на сопротивление	Выгода: расширение возможностей контроля над средой, доступа к информации и пр. благам	Наделение способностью при помощи властных рычагов вмешиваться в ход событий, чтобы изменить их в своих интересах (экстериоризировать)
Человеческий	Ресурсы: генетические, психофизиологические, интеллектуальные, эмоциональные, аксиологические, символические (знания), духовные и пр.	Выгода: расширение возможностей контроля над средой, доступа к разного рода благам и созидательной деятельности	Обогащение и расширение адаптивного репертуара через развитие и совершенствование человеческого капитала в ходе созидательной деятельности

Примечание. Частично использованы материалы статей: Радаев В. В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация// ОНС. 2003. № 2. С. 3—16; Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов// Там же. 2003. № 2. С. 33—41; Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000; Bourdieu P. Forms of Capital// The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.

ет новые вызовы времени в экономической, социальной, культурной, политической и др. сферах, открывая эксклюзивные возможности и перспективы для наращивания, совершенствования и развития специфических ресурсов и активов (капиталов) каждой из данных сфер.

Уроки российской модернизации или архитекторы преобразований в модернизационном поле России

Социальная драма последних десятилетий разыгралась в России потому, что на старте радикального модернизационного переустройства общества архитекторы преобразований, занимая в большинстве своем значимые государственные посты, во-первых, руководствовались принципом примата частных интересов перед общественными, что является атрибутивной характеристикой обществ с низким социальным капиталом (отсутствие доверия между взаимодействующими индивидуальными и корпоративными субъектами, солидарных начал, осознания необходимости инкорпорирования общественных интересов и пр.); в результате страна оказалась разграблена и разорена самими же архитекторами преобразований и их ближним кругом.

Во-вторых, архитекторами преобразований не были четко отрефлексированы и соотнесены между собой объемы ожидаемых преобразований и реальные величины адаптивного капитала социальных групп, требуемого для обеспечения устойчивого поступательного развития страны. Адаптивного капитала оказалось явно недостаточно для реализации столь масштабного амбициозного модернизационного эксперимента — перехода России к стадии кристаллизации модернити, разворачивающегося на фоне крупных экономических и политических преобразований всего общественного уклада жизни. Одновременно игнорировалось и критическое состояние важнейшего фактора развития — социального капитала общества.

Неудачи реформирования мотивировали архитекторов преобразований к выработке стратегии самозащиты. Слабо осведомленные о законах и механизмах адаптации социальных систем, в качестве «охранной грамоты» (в целях самозащиты) они прибегли к рассуждениям о неизбежности разного рода жертв: «пролития крови», тотального обеднения народа и прочих социальных бед, для него уготованных. Сами же архитекторы-реформаторы, находясь «у руля», де-факто оказались в политическом и правовом отношении самой защищенной, а в экономическом — самой процветающей частью общества, подтверждая истинность правила «кому война, а кому мать родна».

Неудивительно, что средства масс-медиа в такие периоды активно вбрасывают в информационное поле и тиражируют спасительную идею об обязательных жертвах, сопутствующих крупным преобразованиям, призывы «терпеть» во искупление исторических грехов, поскольку иного не дано. Сентенции эти сродни религиозной практике разного рода

жертвоприношений, укорененной в длинном ряду священнодействий многих конфессий и отдельных мировых религий как далекого прошлого, так и сегодняшних. Думается, что эта спасительная идея в автоматическом режиме извлекается не иначе, как из глубин коллективного бессознательного. (Невольное вспоминаются настойчивые призывы П. Бурдьё к социологии «пролить свет на структуры национального культурного бессознательного» [Бурдьё, 2007. С. 50].)

Аналогию с религией можно продолжить, и это действие проливает свет на весьма потаенные стороны модернизации «сверху», т. е. управляемой модернизации. Если взглянуть внимательнее в тексты Пьера Бурдьё, мы увидим, что формирование «поля модернизации» оказывается сродни формированию «поля религии». И то, и другое является «результатом монополизации корпорацией специализированных служителей», в одном случае — «культы права сношения со сверхчувственным миром», в другом — культы права выбора (детерминации) высшей идеологии, целей и стратегии модернизации. Эти служители получают (добиваются, достигают через конкуренцию либо наследуют) социальное признание в качестве эксклюзивных носителей специфической компетенции, необходимой для производства специально организованной совокупности в случае религии — тайных (а значит, редких, скрытых) знаний, в случае модернизационных преобразований — эксклюзивной информации, эксклюзивного права выбора важнейших управленческих решений и эксклюзивного контроля над ситуацией. Данный процесс объективно связан в обоих случаях с «исключением» особого рода из этих двух пространств (религиозного и модернизационного) всех тех, кто наделяется статусом обычного гражданина, человека, мирянина, т. е. профана, лишённого в одном случае религиозного, в другом — управленческо-информационного капитала, и признающего законность этой экспроприации, поскольку либо не замечает ее как таковую, либо не видит легитимных каналов, способов, путей ее устранения [Бурдьё, 2007. С. 19—20]. По сути дела мы встречаемся здесь с феноменом отчуждения больших масс населения от контроля над ситуацией, от понимания глубинной сути и смысла проводимой элитами политики, что является косвенной причиной упрощения и примитивизации жизненных установок и стандартов поведения многих групп. (См. ниже главу 10 «Механизм отчуждения от духовности в модернизирующемся российском обществе».)

В кризисных ситуациях, вызванных тактическими и стратегическими ошибками курса модернизации, архитекторы модернизационных преобразований для удержания своих позиций во власти прибегают к старым изведенным способам дезавуирования подлинного смысла происходящего: «валят с больной головы на здоровую», кричат: «держи вора» и пр. Они также прилагают недюжинные усилия, чтобы вызвать у основной части общества «чувство исторической вины» — «а судьи — кто?» — за прошлое (минувшие режимы и политические устройства), за настоящее (неумение быстро освоиться в новых условиях: отказаться от

«устаревших» ценностей, этических норм, мировоззрения, мировосприятия, социальных практик и пр. в пользу новых, зачастую сомнительного свойства). Дело в том, что носители комплекса исторической вины легко делаются удобными объектами социального и политического манипулирования, превращаются в аморфную массу, не способную ни к рефлексии, ни к активному действию, ни к самозащите. Синдром приобретенной беспомощности провоцирует социальное оцепенение и депрессию.

Так случилось в России в 90-х гг. XX в. В результате преобразований тех лет страна не только не сумела приблизиться к стадии кристаллизации модернити, но и оказалась отброшенной в модернизационном плане далеко в прошлое.

Социетальный капитал и российский модернизационный проект

Российский модернизационный проект начал реализовываться в 90-е гг. прошлого века при крайне низком экономическом капитале общества (неэффективность производства, бедность населения, финансовый кризис, крах банковской системы, международные задолженности и пр.), столь же низком социальном капитале (отсутствие солидарности, доверия и толерантности между индивидуальными и корпоративными акторами, этническими общностями, размытое нормативное пространство, десоциализация, социальная апатия и пассивность, пр.). Низкими были и остальные виды общественного капитала: политического (беспомощность и самодискредитация власти, устаревшие политические проекты, идеологический кризис, отчуждение народа от органов государственной власти и правосудия, политические анекдоты и пр.), культурного (отсутствие мотивации к производительному труду, ценностные деформации и разрывы, мифологический тип сознания, идеологическое засилье, жесткая цензура, клановая и групповая замкнутость, напряженность и пр.) и человеческого (алкоголизм, наркомания, преступность, генетические и психические деформации, низкая продолжительность жизни и пр.). В этих условиях не могли быть запущены и реализованы социально здоровые институциональные механизмы конвертации социетальных капиталов в капитал адаптивный и, соответственно, институциональные механизмы реконвертации адаптивного капитала в другие разновидности капитала социетального, что привело в 90-е гг. к адаптивному кризису российского социума, российский общества как социетальной системы и отодвинуло начало реализации нового модернизационного проекта.

Важнейшие объективные индикаторы адаптированности населения, каковыми выступают, в частности, показатели смертности, психического здоровья населения, а также уровень преступности, эмиграции и др., позволяют утверждать, что в 1991—2004 гг. значительная часть россиян перманентно находилась в глубоком адаптивном кризисе и стрессе.

Так в 1991—1995 гг. (период коренной ломки социально-экономических и политических институтов, ценностных разрывов и др.) в ответ на шоковую терапию общая заболеваемость психическими расстройствами выросла с 259 до 320 случаев на 100 тыс. населения (причем авторитетнейшие российские профессионалы в области психиатрии, с мировыми именами — Т. Дмитриева и В. Положий — утверждают, что реальные данные носили более драматический характер: действительное число заболевших было выше в 100 раз), число зарегистрированных преступлений — с 1462 до 1860 на 100 тыс. населения (реальный уровень преступности был выше в десятки-сотни раз), кроме того начался цикл «статистического зашкаливания» показателей смертности и эмиграции. Максимальных значений за всю историю России достигли показатели самоубийств.

Грабежи, заказные убийства, проституция, коррупция, подлоги, взятки, «подставы» со стороны партнеров по бизнесу стали нормой социальных, экономических и политических взаимодействий, знаковым символом социальной ситуации в России конца предыдущего и начала нынешнего веков. Неспособность больших социальных групп в российском обществе решать возникшие адаптивные проблемы в правовом и нормативном поле привела к массовому исходу индивидуальных и корпоративных акторов за пределы этих полей, длящемуся по сию пору; а кроме того, к появлению и массовизации в российском обществе нового социального феномена, обозначенного нами как «нормы адаптивного оправдания» [Корель, 2005. С. 134, 400].

Норма адаптивного оправдания — это социокультурные образцы, с помощью которых люди оправдывают осуществление каких-либо запретных желаний и действий адаптивного плана (собственных или чужих), противоречащих существующим моральным нормам, однако необходимых, с точки зрения людей, для выживания в изменившихся условиях. Нормы адаптивного оправдания создаются там и тогда, где и когда в ходе адаптации происходит частое нарушение моральных норм без последующих санкций со стороны ближайшего социального окружения, формальных и неформальных социальных институтов, а нарушение самих этих норм оказывается целесообразным, поскольку обеспечивает поддержание социальной и физической жизнеспособности самого адаптанта.

Обращаясь к первоисточкам этих явлений, следует заметить, что нормативно-правовой нигилизм, присущий «архетипу» российского этноса, уходит корнями в глубь истории, он обращен на почве интуитивного понимания того, что правовые нормы и законы — «от лукавого», поскольку де-факто обслуживают в первую очередь интересы верхов (власть имущих, «богатых», «начальников») и агрессивны по отношению к «простым людям», а потому несправедливы и безнравственны по своей сути. (И, действительно, во все времена на Руси пирамида правовой защищенности была копией, опрокинутой с ног на голову, иерархи-

ческой пирамиды власти и богатства социальных групп.) Помимо этого большое разнообразие жизненных укладов, вызванное существованием российского этноса в границах огромнейшей территории с разными географическими и природно-климатическими условиями, уникальными социально-хозяйственными и культурно-историческими практиками делало проблематичным прописывание основных универсальных законов общего назначения — единых, равно действенных и актуальных для столь разнообразных жизненных укладов. Значительная сфера социального регламентировалась и контролировалась религией, местными, партикулярными обычаями, нравами, порядками, установившимися в границах той или иной конкретной территориальной, религиозной, национальной или какой-либо иной общности (например, поморы, староверы, казаки и пр.), что инициировало мысль об относительности самих норм, правил и законов.

Отсюда три важных социально-правовых следствия. *Во-первых*, присущие русскому человеку активные бесконечные поиски «правды—истины» за чертой закона в пространстве личностных нравственных императивов, представлений и смыслов. Не удивительно, что то тут, то там мы встречаем в исторической ретроспективе России «русский бунт — бессмысленный и беспощадный». *Во-вторых*, образование устойчивого сложно сегментированного поля социальных норм, правил, установлений и символов, господствующих на тех или иных территориях, в тех или иных социальных сословиях, слоях и группах вместо единого и универсального. В качестве позитивного приведу такой уникальный пример. Известен исторический факт, что русское купечество второй половины XIX в. избегало формализации в торгово-промышленных делах и нередко заключало важные сделки «на словах», не прибегая к разного рода распискам и контрактам, этого было достаточно, нарушивший слово оказывался в жесткой социальной изоляции со стороны купечества, а потому вынужден был закрывать свое дело и уходить в другие сферы хозяйственной жизни. К сожалению, эта норма доверия между взаимодействующими субъектами, номинированная в XX в. как «социальный капитал», не прижилась в других социальных сегментах российского общества, а в конечном счете была разрушена с приходом Октябрьской революции. *В-третьих*, культивируемое православием всепрощение и принцип «не судите и не судимы будите», народной культурой — вековая мудрость «от тюрьмы да от сумы не зарекайся», доброжелательность и сердечность к беглым заключенным — «хлебом кормили крестьянки меня, парни давали махорку» (известная русская песня о беглом каторжанине), светской культурой — «милость к падшим призывал» исторически вырабатывали в социальном генокоде народа известную терпимость и снисходительность к разного рода девиациям экстремального толка, «к заблудшим овцам».

Однако вернемся к реалиям конца XX—начала XXI вв. и для проникновения в суть психики российских масс последнего десятилетия XX в. обратимся к учению З. Фрейда о взаимосвязи Оно и Я. Прибегнем к цитате «...Я является той частью Оно, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к воспри-

ятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которой окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для Я стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его (Внешний мир. — Л. К.) для блага Оно, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, Я должно наблюдать за внешним миром, откладывать в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалить из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению Оно Я владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в Оно, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха... Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно — неукротимые страсти» (Курсив наш. — Л. К.) [Фрейд, 1991. С. 346—347]. Иными словами, именно Я обеспечивает приспособленность личности к условиям среды, наблюдает за характером изменений во внешнем мире, откладывает в следах своих восприятий правильный его образ, постоянно проводя сверку этого образа с реальной картиной мира. В свете рассуждений такого рода становится понятным, что в эпохи радикальных ценностных перемен, сопровождаемых аномией, «реальная картина мира» размывается, Я оказывается в состоянии подавленности и растерянности, поскольку не получает адекватные сигналы из внешнего мира — последние имеют вид хаотических, неопределенных, бессистемных, противоречивых требований. Эту ситуацию Оно использует в своих интересах. Ощущая слабость и растерянность Я, Оно усиливает давление из глубин душевной жизни, «изнутри» на Я. В результате «корковый слой, которым окружен комочек живой субстанции» (т. е. Я) разрушается, дает брешь, и Оно «из недр души» выливается наружу, захватывая все новые бастионы Я, в результате чего часть Я вновь «превращается» в Оно (бессознательные инстинкты). Иными словами Оно торжествует: ему удается совершить успешную агрессивную экспансию по отношению к Я.

Думается, что именно поэтому в быстро реформирующихся обществах, т. е. таких, в которых преобразования осуществляются не только без оглядки, но и вопреки доминирующим ценностям и традиционной культуре, человек зачастую превращается в животное худшего толка — наступает падение морали и нравственности, разврат и преступность правят бал. Этот тезис является аргументом в пользу эволюционных в противовес революционным преобразованиям и предьявляет жесткие

требования к характеру проведения любых трансформаций, в том числе и модернизационного плана.

Таким образом, З. Фрейд, удивительным образом углубляя учение Дюркгейма об аномии, убедительно и по-новому объясняет устройство механизма «падения нравов» в эпоху крупных перемен. Хотя тезис о преимуществах эволюционного развития давно стал очевиден для просвещенных масс и политиков, тем не менее обращение к фрейдовской теории личности позволяет обнаружить и объяснить новые аргументы в его защиту.

Итак, все описанные выше явления, процессы и нормы вызвали существенное понижение уровня социального капитала (доверия) в обществе, и без того бывшего низким. В то же время именно этот капитал — социальный — вполне обоснованно рассматривается рядом ведущих социологов мира как основа и экономического процветания, и демократизации любого модернизирующегося общества, т. е. является первичным по отношению к экономическому и политическому капиталу. В обществах же с низким уровнем социального капитала (доверия) государственная регламентация хотя и способна поддерживать хозяйственную эффективность, но не способна привести к позитивным переменам в социальном целом (см., например, [Фукуяма, 1999. С. 123—162]).

В 1996—1999 гг. (период фактической «легитимизации» криминальной приватизации, осознания большинством населения необратимости свершившихся перемен, «дефолт» и пр.) психическое здоровье населения продолжало ухудшаться: в 1999 г. — 375 случаев заболеваний на 100 тыс. населения, преступность же достигла максимального значения — 2052 случаев на 100 тыс. населения. Аналогичные тенденции наблюдались с показателями смертности и эмиграции. Социальный капитал как выражение доверия в обществе (к власти, к партнерам и пр.) продолжал сдавать позиции.

В 2000—2004 гг. (период относительной стабилизации экономической и политической ситуации на фоне роста терроризма, продолжающихся военных действий в Чечне и т. д.) кардинального перелома в картине психического здоровья населения, преступности, смертности и эмиграции не происходит, хотя с 2003 г. и начался период некоторого снижения уровня самоубийств в России. (Увы, забегая вперед, замечу, что и в 2007 г. этот показатель продолжал оставаться катастрофическим — в мировом рейтинге Россия занимала по нему трагическое 2-е место.) В целом, объективные статистические данные свидетельствовали о том, что российскийское общество как социальная система и его население продолжали находиться под тяжелейшим прессом высочайших адаптивных нагрузок, де-факто приблизившихся по своим значениям к критически опасной черте — верхнему абсолютному порогу адаптации, за гранью которого царит роковое пространство тотальных дисфункций, дезинтеграции и распада. Попав в подобное пространство на

один-другой десяток лет, общество навсегда утрачивает возможность существовать в биологическом, антропогенном и социальном качествах.

Напомним, что в социологическом и психологическом дискурсах под верхним абсолютным порогом адаптации (не путать с понятием верхний абсолютный порог адаптивного потенциала!) понимается максимальная величина, граница внешних (со стороны среды) или внутренних (со стороны системы) изменений, за пределами которой социальная система утрачивает возможность адаптации.

Однако России, балансирующей на столь опасной грани, видно, исторически суждено было избежать столь трагического исхода.

Начиная с 2005 г. по настоящее время в целом ситуация начинает очень медленно и постепенно меняться по ряду показателей, в первую очередь экономических, в лучшую сторону: растет ВВП (по его размерам в 2007 г. Россия вошла в семерку самых развитых стран мира), актуализируется демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости (в 2007 г. коэффициент рождаемости достиг максимальной за последние 15 лет величины), в разы увеличивается зарплата участковых врачей-терапевтов и педиатров, а кроме того, врачей скорой помощи, «ответственных» за здоровье населения (в том же 2007 г. коэффициент смертности достиг минимальных, начиная с 1999 г., значений), растут доходы, разворачивается жилищное строительство, ипотечное кредитование жилья, наращивается борьба с коррупцией, причем на самых верхних этажах власти. С 2005 по 2007 г. в 10 раз сократилось число случаев терроризма в стране (2005 г. — 205, 2006 — 130, 2007 — 25). Впервые за многие десятилетия возникает доверие в обществе к высшему символу государственной власти — президенту.

Однако о кардинальных переменах в жизни общества — устойчивых во времени, существенных и позитивных — говорить еще рано. Россия XXI в. живет в ожидании эры стабильности, прогнозируемости внешних и внутренних вызовов, актуализации социального и творческого капитала народов, ее населяющих, созидания и процветания.

глава 6

Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности

Вопрос о том, как меняются механизмы и характер адаптации по мере перехода общества от традиционного к современному типу остается неисследованным. Прирост любого научного знания в этой слабо изученной области, помимо теоретического, имеет и большое практическое значение, поскольку трансляция соответствующих идей в те пласты об-

щества, которые принимают ответственные управленческие решения (прежде всего политические элиты), могла бы помочь им отрефлектировать знаковую проблему — ныне слабо осознаваемую — дезадаптивности больших групп населения (социальных структур, общества в целом) к быстро меняющемуся глобализирующему миру. И, как результат этой рефлексии, у общества, наконец, возможно бы появился шанс избежать глубочайших социальных потрясений и катаклизмов, снизить градус общественного напряжения — вечных спутников, сопровождающих структурные сдвиги, которыми так богат наш быстроменяющийся современный мир.

Данную научную проблему можно было бы рассматривать, находясь в зоне разных теоретических подходов и научных школ. Мы же попытаемся здесь обратиться к сокровищнице идей М. Вебера, К. Юнга, Г. Беккера, Э. Гидденса, отчасти К. Уилбера и ряда других ученых, содержащей мощный эпистемологический ресурс с точки зрения познания исторической динамики процессов адаптации.

Согласно теории социального действия М. Вебера, магистральной линией общественного развития является ослабление элементов традиционной и аффективной направленности и, одновременно, усиление ценностно-рационального и целерационального начал социального поведения его акторов; причем рационализация социального действия — это тенденция самого исторического процесса. Реально протекающее поведение актора, по М. Веберу, ориентировано, как правило, в соответствии с двумя или более видами действия: в нем имеют место и целерациональные, и ценностно-рациональные, и аффективные, и традиционные моменты. Однако в разных типах обществ те или иные виды действия становятся преобладающими: в традиционных обществах преобладают традиционный и аффективный типы ориентации действия, в индустриальном — целе- и ценностно-рациональный с тенденцией вытеснения второго первым [Вебер, 1990. С. 630].

Адаптивное поведение, являясь в полной мере поведением социальным, может быть подвержено такого же рода типологизации со стороны исследователя, также в реальной исторической практике заключает в себе, в той или иной комбинации, элементы разных типов социального действия, а кроме того, имеет те же самые тренды в исторической вертикали: движение от традиционного типа ориентации к целерациональному. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Традиционные и аффективные адаптации

Следуя в фарватере идей М. Вебера и К. Юнга, можно предположить, что в традиционных обществах адаптация осуществлялась, как правило, в рамках уже существующих праформ, архетипов, а главным образом, традиции — готовых клише, шаблонов и стереотипов адаптивного поведения, т. е. по негласно установленному порядку.

Обратимся к традиции, понимаемой как то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений [Ожегов, 1994. С. 700]. Такие социальные институты, как обычаи, обряды, неформальные правила и пр., регламентировали трудовое и бытовое поведение людей, предоставляя им «готовые рецепты» для решений не только их обыденных повседневных дел, но и достаточно редких, а то и непредвиденных проблем, предполагающих «адаптивный момент». В разных культурах были свои специфические наработанные способы адаптации к вхождению «во взрослую жизнь», утрате близких, неверности супругов, возникающим хозяйственно-экономическим проблемам, последствиям войн, эпидемий, пожаров и природных катастроф. Например, во Франции в XVI—XVII вв. в крестьянских семьях существовал такой обычай: сын мог привести в дом родителей невесту только тогда, когда его отца или матери уже не было в живых. Две семьи не могли сидеть на одном земельном наделе — иначе не выжить. Поэтому крестьяне конца средневековья поздно женятся и поздно обзаводятся детьми [Всемирная история..., 1994].

Общим же для всех народов и наиболее универсальным традиционным способом адаптации к неблагоприятным обстоятельствам (истощение земель, охотничьих угодий, золотых запасов, награбленных в ходе завоеваний, набеги враждебных племен и др.) издавна являлась миграция — бегство или постепенное перемещение по континентам в поисках лучших мест обитания. Вспомним, например, знаменитое «Великое переселение народов» — передвижение «варваров» из Северного Причерноморья в Причерноморье IV—V вв.; движение в IV в. гуннов (кочевников монгольского и тюркского происхождения из Азии), сперва подчинивших кочевые и полукочевые племена, жившие между нижней Волгой, Доном и Кавказом, в том числе аланов, затем перешедших Дунай и вторгшихся в пределы Римской империи.

Справедливости ради отметим, что, как показывает история, уже в древние времена были исключения из этого общего правила, имели место и иные «не традиционные» модели адаптивного ответа на оскудение мест обитания, земель, охотничьих угодий, лесов, водоемов. Сравним, например, разные модели приспособления (адаптации) народов Шумера и Китая, вызванные увеличением антропогенного давления на окружающую среду. В древнем Шумере от чрезмерного полива произошло засоление почв в низовьях Тигра и Евфрата, урожайность упала. Тогда люди бросили свою землю и ушли с насиженных мест, выражаясь современным научным языком — эмигрировали, рассредоточились по миру. «Культура Шумера рухнула, о ней забыли, и только в 20-х годах прошлого столетия археологи установили существование одной из самых старых земледельческих цивилизаций древнего мира. Китайцы оказались умнее шумеров: когда население возросло и его стало нечем кормить, они научились выращивать рис в чеках, залитых водой, и разводить в них рыбу. Продуктивность земли увеличилась во много

раз. Страна вышла из экологического кризиса, более того, разбогатела, и тогда ярко вспыхнула древнекитайская цивилизация» [Моисеев, 1995. С. 6—7]. Итак, в нашем примере шумеры продемонстрировали миру традиционную модель адаптивной реакции «на вызовы среды» (истощение земель), а китайцы — рациональную (о ней мы поговорим ниже).

По мере развития общества и человека, его духовных и эмоциональных начал, его индивидуализации (отделение себя от общности) в адаптивном поведении все чаще стали возникать протестные элементы, направленные против традиции или идущие в обход ее, и одновременно усиливаться моменты аффективности — в данном случае избирательности и предпочтительности того или иного варианта адаптивного выбора под «давлением» чувств, внутренних импульсов, эмоций, настроений, переживаний (таких как страх, гнев, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, мстительность, почтение, преданность, различные стремления и т. д.). Иными словами, человек все чаще стал сам делать свой выбор, освобождаясь от традиции, а основу его зарождающейся избирательности составляла возникшая потребность прислушивания к внутреннему голосу чувств, сердца, чтобы поступить так, как хочет Самость (самопознание смысла жизни): «хочу — не хочу», «нравится — не нравится».

Напомню, что эмоции характеризуют оценочное отношение индивида к явлениям окружающего мира (в том числе к отдельным условиям, которые способствуют или препятствуют осуществлению деятельности, к конкретным достижениям в ней, к сложившимся и возможным ситуациям и т. д.) и находят свое выражение в знаке (положительный—отрицательный) и модальности (удивление, радость, отвращение, негодование, тревога, печаль и т. д.) [Психология, 1990. С. 461—463].

Вебер использует термин «аффективный», а не «эмоциональный», видимо, для того чтобы обозначить, акцентировать исходную историческую «точку» траектории развития эмоций человеческого сообщества: от неосознанных и неконтролируемых сильных переживаний (аффектов) ко все более осознаваемым и контролируемым. Речь здесь идет о спонтанных реакциях, инстинктивных, бесконтрольных влечениях и эмоциональных порывах, возникающих в подсознании человека, вырывающихся наружу и преодолевающих волю сознания. Эти проявления (аффекты) свойственны не только первобытным людям, чье сознание недостаточно развито, а потому они не готовы противостоять эмоциональным порывам, но и представителям более позднего исторического периода — аграрного общества, а, кроме того, современным цивилизованным людям, которые должны понимать силу своих инстинктивных влечений и свою слабость перед эмоциями, автономно возникающими в их подсознании. По мнению А. Яффе (ученицы К. Юнга), увы, но и для цивилизованного человека весьма «велик риск того, что из подсознания вырвется и проделает свою смертоносную работу негативный импульс,

преодолевший волю сознания» [Яффе, 2002. С. 211]. Однако рациональные начала, рефлексия, расширяют спектр способов и средств самоконтроля, что делает современного человека, по сравнению с представителями минувших поколений, более свободным и более «защищенным» от тех необузданных эмоциональных порывов, которые уходят корнями в личностное и коллективное бессознательное.

Ценностно-рациональные адаптации

Позднее в стадии «эмбрионального развития» модернити, растянувшейся на несколько столетий и предшествующей начальному этапу модернизации, датируемому концом XVIII в. (годами Первой промышленной революции в Англии), на авансцене истории стали появляться, а позднее закрепляться в качестве социально типических ценностно-ориентированные модели адаптивного поведения. Их распространение связано с ростом влияния мировых религий, обусловленным экспансией города; это способствовало преодолению пространственной рассредоточенности сельского населения, затрудняющей экономической и символический обмен, осознанию коллективных интересов, ценностей и норм (К. Маркс, П. Бурдьё), общему росту просвещенности, образованности и духовности людей, а помимо религиозных корней, уходящих в толщу веков, опиралось на духовные достижения великих эпох Возрождения, Научной революции и Просвещения.

Ценностно-рациональные адаптации «основаны на вере в безусловную — эстетическую, этическую, религиозную или любую другую — *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер. С. 628]. «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предпочтениях, благочестии или важности предмета любого рода» [Там же. С. 629].

Ценностно-рациональные адаптации имеют для достижения адаптивного успеха одно существенное ограничение — господствующие в культуре (субкультуре) и интериоризированные актором ценности и нормы. Они почти всегда ограничивают арсенал возможных средств и способов достижения адаптивной цели (гармонизация отношений с внешним миром, умение ставить цели и достигать их в каких-либо конкретных условиях), а кроме того, способны корректировать и саму адаптивную цель, т. е. задают жестко ограниченный адаптивный коридор.

Ценностно-рациональные адаптации всегда подчинены заповедям или требованиям, в следовании которым видит свой долг субъект адаптивного процесса. Так, свыше двух тысячелетий в христианском мире как минимум семь библейских заповедей (из десяти) очерчивают нормативное пространство допустимых моделей социального поведения, в том числе адаптивного плана, поскольку содержат императив, обяза-

вающий, чтобы способ выживания «в земной юдоли» не противоречил непреложным правилам. Вспомним их: 2. «Не сотвори себе кумира, и всякаго подобя...», 5. «Чти отца твоего и мать твою...», 6. «Не убий», 7. «Не прелюбы сотвори», 8. «Не укради», 9. «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», 10. «Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближнего твоего».

Сами же ценности — богатство, власть, красота, свобода, знание, честь, достоинство, искусство, информация, общение, путешествия, самореализация, спасение души, аскеза, здоровье, семья и пр., — их актуальный набор, приоритеты и иерархия в веках и историях разных народов оказывались весьма динамичными и многогранными в своих существенных чертах и проявлениях, что позволило социологам сделать заключение об отсутствии в историческом контексте «трансцендентального рационального базиса ценностей» [Гидденс, 1999. С. 108].

Данный класс адаптаций представлен сегодня, в том числе, во многих цивилизованных странах мира, переживающих или завершающих стадию кристаллизации модернити, однако время его уходит.

Распространение ценностно-рациональной модели адаптации в границах какого-либо конкретного общества не является тотальным, оно охватывает те или иные социальные группы в большей или меньшей степени, поскольку одновременно имеют распространение и другие адаптивные модели, т. е. общество неизбежно оказывается дифференцированным (стратифицированным) и по данному основанию. Кроме того, ценностно-рациональные модели адаптации имеют спецификации, обусловленные разным уровнем интериоризации и «преданности» определенному типу ценностей тех или иных социальных групп, даже если эти ценности и носят в конкретном обществе так называемый всеобщий характер. Помимо общекультурных ценностей отдельные социальные группы выступают носителями эксклюзивных (порой альтернативных) ценностей, обусловленных существованием в обществе различных суб- и контркультур. И первые, и вторые, и третьи — очерчивают специфические адаптивные коридоры для своих агентов.

Ценностно-рациональное адаптивное поведение человека (актера) имеет двойственную направленность. Во-первых, оно всегда устремлено к сохранению (сбережению) некоей ценности, весьма важной для него по каким-либо причинам (богатство, слава, власть, свобода, достоинство, спокойная совесть, исполнение священного долга и пр.). Во-вторых, оно ориентировано на максимальный успех «выживания», поскольку в каждом человеке заложены ответственные за этот процесс: а) биологическая программа в виде природных инстинктов; б) структуры подсознания, в том числе, коллективное бессознательное, включающее в себя архетипы, т. е. древние фундаментальные структуры, составляющие социальный генокод, сформированный множеством предшествующих поколений в ходе их адаптаций и, наконец; в) рациональные, в противовес иррациональным, начала.

Рациональность человека проявляется в навыках мышления практического — постановка целей, нахождение средств их достижения, выработка планов, проектов и пр., мышления репродуктивного — применение готовых знаний и умений и мышления творческого — создание новообразований и инноваций, касающихся мотиваций, оценок и смыслов, образцов поведения, разного рода материальных и духовных благ. Рациональность отдельного человека, как и всего общественного уклада жизни, дает возможность оценивать ситуацию и свои шансы на успех, формулировать (и обновлять) цели, находить (и обновлять) средства их достижения и, наконец, достигать этих целей.

Понятно, что в определенных «идеальных» ситуациях векторы этих направленностей — ценностных и рациональных — могут совпадать абсолютно. Это возможно в том случае, когда внутренние диспозиции и установки актора (человека) окажутся максимально приближены к условиям, ожиданиям и требованиям изменившегося мира. Иными словами, произошедшие во внешнем мире изменения будут не противоречить имеющимся у человека ценностям, а наоборот, развивать и подпитывать их, раскрывать их внутренний потенциал и таким образом стимулировать их направленность («работу») в нужное русло.

Но может иметь место и альтернативная ситуация, когда адаптивный успех («выживание») обеспечивается только в случае полного или частичного отказа от ценностей. Такого рода адаптивные диссонансы чреваты, как правило, весьма неблагоприятными исходами. (Речь здесь идет о глубинных ценностях, действительно присущих человеку, а не о тех, которые он декларирует на вербальном уровне, либо пребывая в состоянии искреннего самообмана и самозаблуждения из-за несовершенной поверхностной саморефлексии, либо сознательно прибегая к лжи и мимикрии, вводя в заблуждение окружающий мир.) Ситуация разрешается либо ценой полной или частичной утраты ценностей — отсюда разного рода сбои, надломы и разломы в ценностной системе, утрата жизненных целей, фрустрация, либо (при сбережении ценностей) — кризисом адаптации как таковой при «сохраненном» наборе ценностей. Получается нечто в виде амплитуды раскачивающегося маятника: одна ее точка — сохранить ценности, но потерпеть адаптивное фиаско (утратить комфортность существования, полноценную встроенность в среду и пр.), вторая — адаптироваться, но поменять ценности в интересах «целесообразности».

В качестве примера обратимся к российскому социальному контексту. Жизненные судьбы первой группы — т. е. тех, для кого приоритетом в дуальности ценность — рациональность выступила ценность, — показывают, что именно эти люди расплатились за свою неадаптивность к постсоветской России психическим и физическим здоровьем и, наконец, годами самой жизни, являющейся во все века одной из наивысших ценностей (наряду с честью, добром, любовью). Это подтверждает широко известный ныне в странах СНГ феномен высокой

смертности как результата неадаптивности населения к неумело проводимым модернизационным преобразованиям. Хотя одна часть населения вынужденно поменяла поведение, но не поменяла ценности (прецедент адаптивного диссонанса или адаптивной асимметрии), а другой удалось найти социальные ниши и не поменять ни того, ни другого, — исход для данной социальной группы получился по сути один — социальный и психологический дискомфорт, депрессия, бедность на грани нищенства и неоправданно ранний уход с исторической сцены.

Что касается второй группы — т. е. тех, для кого приоритетом в рассматриваемой выше дуальности выступала рациональность, — то им выпало три дороги. 1. Искренний и глубокий пересмотр жизненных ценностей, отказ от прежних ценностей, взглядов на общественное развитие, на историю России, предполагающие порой длительную внутреннюю интеллектуальную и духовную работу. Она завершается интeриоризацией новых ценностей, новых «условий игры», признанием прошлых взглядов и ценностей в качестве ошибочных. 2. Сознательный самообман, рационализация предательства прежних ценностей: «тогда я верил в одни ценности, а сейчас верю в другие, потому что время пришло другое», «время такое было, надо было подстраиваться, иначе не проживешь» и пр., — этот путь короче и психологически легче первого. 3. И, наконец, феномен легкой, почти мгновенной смены ценностей, затронувший значительную часть постсоветского общества, В. Э. Шляпентох назвал его «сменой кассет».

Репрезентативных социологических обследований по соотношению представительности этих трех данных групп в постсоветской России не проводилось, однако среди большого числа чиновников, партработников, ученых-обществоведов и прочих «бойцов» идеологического фронта доперестроечной России третья модель «рациональности» оказалась, по всей видимости, наиболее массовой.

Обратимся к трудам В. Э. Шляпентоха, объяснившего феномен быстрой «смены» ценностей на примере советской и постсоветской эпох следующим образом: «Именно тогда, наблюдая мгновенную, буквально мгновенную (есть английское слово “overnight” — “за одну ночь”) идейную трансформацию многих людей, я понял, как не правы те, кто оценивает сознание как непротиворечивую систему, которая базируется на глубинных ценностных ориентациях человека и которая так же устойчива, как гены. В действительности, размышляя я тогда, сознание обладает набором идеологических “кассет”, которые пускаются в ход, как только индивидуум попадает в новую ситуацию. За один день мои знакомые заменили одну “кассету”, которую они использовали для демонстрации своих либеральных взглядов (поддержка “пражской весны”, либеральных реформ в стране, самиздата, бардов), другой: стали рассуждать об опасности ревизионизма, идеологических диверсий с помощью самиздата и бардов, об угрозе социализму и интересам СССР в Чехословакии. Много лет спустя я наблюдал новую массовую смену “кассет”

в Москве. На этот раз многие знакомые из убежденных марксистов и членов партии почти с такой же скоростью превратились в яростных антикоммунистов и православных верующих, не признающих ни одного положительного явления в советском обществе или марксизме» [Шляпентох, 2003. С. 175].

Как мне представляется, есть базовые, глубинные ценности, имеющие неизменный, глубокий, имманентно присущий человеку характер, а кроме того, есть и другие ценности — лежащие на поверхности сознания, они легко подвергаются разного рода флуктуациям и взаимопереходам одна в другую. Первые ценности — или ценности первого порядка — это цели-ценности, они составляют ядро личностной структуры, постоянны и сопровождают актора всю его жизнь. Скупец никогда не откажется от богатства, честолюбец — от славы, властолюбец — от власти, трудолюбец — от труда, гедонист — от наслаждений, монах или верующий — от спасения души, служения Господу, воин — от исполнения священного долга служения Родине, родители — от моральных обязанностей перед детьми, дети — от моральных обязанностей перед родителями и т. д. (речь идет здесь об идеальных типах «веберовского толка»).

Достичь же цели-ценности можно лишь посредством ценностей второго порядка, а именно ценностей-средств (норм), т. е. тех ценностей (прежде всего идеологического или мифологического характера), придерживаясь которых и двигаясь в коридорах которых (индивидуализм — коллективизм, традиция — новация, национализм — космополитизм, идеализм — материализм, законопослушность — правовой нигилизм, единомыслие — плюрализм, солидарность — разобщенность, конкуренция — сотрудничество, демократизм — авторитаризм, конформизм — неконформизм, свобода — порядок, гармонизация отношений с природной средой — агрессия по отношению к природной среде, религиозность — атеизм и пр.), актор только и может достичь собственных целей-ценностей (власть, богатство, наслаждение, слава, труд, спасение души, моральные обязанности и пр.) в данных конкретных исторических условиях. Ценности-средства (нормы) меняются в том случае, если в условиях трансформации внешнего мира они перестают обеспечивать достижение целей — ценностей. Так, например, богатство в тоталитарной России «законным» образом можно было приобрести либо непосредственно работая на идеологическом фронте, служа коммунистической идеологии, либо, занимаясь другой профессией, неизменно декларируя и подтверждая во всеуслышание личную приверженность коммунистическим идеалам. Понятно, что в условиях рынка модель, эксплуатирующая коммунистическую идею, перестала быть гарантом материального благополучия — в этом качестве она сохранила свой ресурс лишь для «избранных» коммунистов-политиков высшего уровня. Приобрести же финансовые капиталы оказалось возможным, лишь отказавшись от коммунистической доктрины и уже эксплуатируя новые идеологические идеи и образцы либерального и рыночного толка.

Быстрота, мгновенная смена старых ценностей-средств (норм) на новые диаметрально противоположные (альтернативные) стала гарантом успеха в новом обществе. Благодаря этому многие социальные группы, в первую очередь лица идеологического фронта, продолжили свое благоденствие уже в новых условиях. Они не только сохранили свой имущественный и властный статусы, но и преумножили свои богатство и власть в условиях реформы, начав эксплуатировать новые ценности-средства. Для этого понадобилось лишь сменить «кассету», т. е. одни ценности-средства (коллективизм, патриотизм, общественная собственность на средства производства и пр.) заменить на другие (индивидуализм, космополитизм, частная собственность на средства производства и пр.). Их же доминантными целями-ценностями по-прежнему оставались богатство и власть.

История России и других государств не раз предьявляла миру примеры того, как легко этот достаточно массовый тип людей встраивается в любую политическую систему (фашизм, коммунизм, демократия), интериоризирует ее, естественно, на поверхностном уровне, чтобы при случае легко было перестроиться, и для достижения своих доминантных целей транслирует в массы любые ее доктрины, мифы и лозунги.

В то же время многие рядовые коммунисты, целью-ценностью которых действительно выступал патриотизм, труд на благо родины, не смогли сменить ни цели-ценности, ни ценности-средства и быстро стали уходить с исторической арены, находясь в разладе с новыми порядками.

Мне вспоминаются респонденты, которых случилось опрашивать на о. Сахалин во время социологического обследования «Моя жизнь на пороге рынка» в 1992 г., организованного научно-консультационным центром «Мнение» г. Южно-Сахалинск (руководитель Л. П. Кейш). Речь идет в первую очередь о статистически представительной группе мужчин-респондентов пенсионного возраста, которые не могли скрыть слез и плакали, что называется, «в открытую», переживая за судьбу родины, за утрату старых ценностей (коллективизм, бессеребренничество, патриотизм, принцип «человек человеку друг, товарищ и брат», а не волк и пр.), за «пересмотр» взглядов на историю страны, в первую очередь Великую Отечественную войну, забвение трудового подвига народа в послевоенный восстановительный период и т. д. Они торопились раскрывать ящики в столах и шкафах, показывали свои награды за военный и ратный труд, как бы пытаясь убедить опрашивающего их социолога в величии и подлинности минувшей истории, хотя социологический инструментарий не предусматривал вопроса про «награды» и был направлен в основном на оценку проводимых в России современных преобразований. Эта группа не была склонна отказываться от прежних взглядов и ценностей и тяжело переживала за судьбу Родины.

Существует и несколько иное объяснение мгновенных превращений человека. Быстрая смена «идолов» и мифов объясняется фактом «раздвоенности» современного цивилизованного человека. Дело в том, что

его сознание — это часть психики, которая радикальным образом отделилась от первичных инстинктов, но они никуда не делись, а лишь утратили контакт с сознанием и вынуждены напоминать о себе окольными путями. Как результат, возникает следующая ситуация, описанная К. Юнгом: «Человеку нравится считать себя хозяином своей души. Но коль скоро он не способен контролировать свои настроения и эмоции или осознавать мириады тайных путей (способов), которыми образования подсознательного пользуются, чтобы добиться от нас нужного им решения или порядка, он определенно не может считаться хозяином своей судьбы. Эти неосознаваемые факторы существуют благодаря самостоятельности архетипов. *Современный человек защищает самого себя от столкновения с собственной раздвоенностью путем создания системы изолированных участков, где он размещает в определенном порядке происходящие с ним и вокруг него события. Тем самым они как бы хранятся в разных ящичках и не пересекаются*» (Курсив наш. — Л. К.) [Юнг, 2002. С. 72].

Эта черта современного «цивилизованного» мышления свидетельствует о том, что разлад личности достиг угрожающего, порогового уровня, за пределами которого личность утрачивает возможность адекватной ориентации в жизненном пространстве, а отсюда и рациональность ее не может состояться в полной мере и, более того, принимает превращенные квазиформы. «Если взглянуть на мгновение на человечество как на отдельную личность, то мы увидим, что его несут по течению неосознаваемые силы, и оно тоже склонно запрятывать некоторые проблемы подальше по разным ящикам стола... Ведь человечеству угрожают им же порожденные проблемы, представляющие смертельную опасность и выходящие из-под его контроля» [Там же. С. 72—73].

Целерациональные адаптации

По мере развития общества и человека, завершения процесса кристаллизации модернизации и возрастания «рефлексивности модернизи» (Гидденс) в адаптивных процессах все больше усиливаются элементы целерациональности. В свою очередь целерациональные адаптации все чаще начинают претендовать на роль доминирующих, вытесняя собой адаптации ценностно-рационального толка. Не лишним будет напомнить, что традиционные и аффективные адаптации хотя и уходят в прошлое, однако еще долгое время сохраняют свое присутствие в отдельных группах и субкультурах.

Вопрос о рациональности любого социального действия не является таким уж простым и очевидным. Целерациональные адаптации, если строго придерживаться веберовского подхода, должны включать в себя в качестве обязательных элементов, во-первых, рационально направленные и регулируемые (корректируемые под влиянием новой информации) адаптивные цели, а во-вторых, ожидание в ответ на собственные

адаптивные действия определенного поведения других акторов, составляющих социальный контекст или социальное поле, и при использовании актором этого ожидания «как условия» или «как средства» достижения цели.

Формирование целерационального типа поведения связано, по Веберу, с исторической встречей в определенный период и в определенном районе мира нескольких феноменов, содержащих в себе рациональные моменты. Это, во-первых, античная наука, особенно математика, дополненная в эпоху Возрождения экспериментом и приобретающая — со времен Галилея — характер новой экспериментальной науки, внутренне связанной с техникой. Во-вторых, рациональное римское право, которого не знали прежние типы общества и которое получило свое дальнейшее развитие в Средние века. В-третьих, рациональный способ ведения хозяйства, возникший благодаря отделению рабочей силы от средства производства и, стало быть, на почве того, что К. Маркс назвал «абстрактным трудом» — трудом, доступным количественному измерению. Фактором, позволившим синтезировать эти элементы, оказался, согласно Веберу, протестантизм, создавший мировоззренческие предпосылки для осуществления рационального способа ведения хозяйства (прежде всего для внедрения в экономику достижений науки и превращения последнего в непосредственную производительную силу). Суть мировоззренческих предпосылок протестантизма составляла убежденность в том, что каждая профессия как божье предназначение есть призвание, которое человек должен выполнять со всем тщанием, а экономический (или профессиональный) успех — это подтверждение предызбранности к спасению [Вебер, 1990. С. 44—60; Гайденко, 1990. С. 23]. Уместно вспомнить в этой связи слова пуританского проповедника Бакстера (1651—1691): «...если Бог вам указывает путь, на котором вы без вреда для души вашей или для других законным путем можете заработать больше, чем на другом пути, и вы это отвергнете и выберете менее доходный путь, тогда вы вычеркнете одну из целей вашего призвания, вы отказываетесь быть управляющим Бога и принимать его дары, чтобы иметь возможность употреблять их для него, если он того захочет. Конечно, не в целях плотского удовольствия или греха, но для Бога должны вы работать, чтобы разбогатеть» [История..., 1952. С. 124].

Причина замены обычаев на целерациональное поведение состоит в том, что «ориентация только на собственные и чужие интересы» способствует достижению желаемого эффекта, которого обычно пытаются — очень часто тщетно — добиться с помощью норм» [Вебер, 1990. С. 635]. Дело здесь в том, что «...индивид, не ориентирующийся в своем поведении на интересы других, — не “считающийся” с ними», вызывает противодействие этих других, вследствие чего может быть нанесен урон его собственным интересам, в общем же случае — приходит к не желаемому и не предполагаемому им результату. «В качестве примера можно привести ценообразование на “свободном” рынке. Индивиды,

интересы которых связаны с рынком, ориентируют свое поведение, рассматриваемое ими как “средство”, на собственные *типические* субъективные хозяйственные интересы в качестве “цели” и на столь же типические ожидания предполагаемого поведения других в качестве “условий” для достижения этой цели. По мере того, как они действуют таким образом — чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, — возникают единообразие, регулятивность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся “обязательными” в определенном кругу» [Вебер, 1990. С. 635].

В этом состоит выгода, прагматичность и историческая целесообразность отказа от ценностно-рациональной модели социального (в том числе адаптивного) поведения в пользу целерациональной. Место же адаптации в этом процессе Вебер определил следующим образом: «*Одним* из существенных компонентов “рационализации” поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям *планомерной адаптацией* к констелляции интересов» [Там же. Курсив в слове «адаптацией» наш. — Л. К.]

Обращаясь к недавней практике реформирования социальных льгот, проводимого российским министром М. Зурабовым, несложно заметить, что монетизация льгот не была успешной, поскольку отсутствовала процедура «констелляции интересов» — абсолютно не учитывались реальные интересы и предпочтения самих групп пенсионеров, что и вызвало бурный общественный протест с их стороны.

Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу... Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть в свою очередь ориентирован ценностно-рационально — тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид также может включить конкурирующие и сталкивающиеся цели — без ценностно-рациональной ориентации на «заповеди» и «требования» — просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их *сознательно* взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип предельной полезности). Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна* и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее *самодовлеющая ценность* поведения.

Увы, самодовлеющая ценность поведения весьма важна для тех, кто обладает чувством долга, ответственности перед собой и другими, совестью, нравственностью, порядочностью и пр.

Здесь необходим комментарий следующего содержания. Ф. Сиксел вслед за Н. Луманом полагает, что человек действует в плане *адаптации-рациональности*, если он принимает условия, поставленные некоторым институтом. Это обычно бывает, когда, например, научный работник имеет дело с бюрократической организацией, ведающей распределением денег на исследования. Он не спорит с этой организацией относительно порядка распределения финансов, он подчиняется ему [Sixel, 1988. P. 104]. Н. Луман в данном случае использует пример Адама и Евы, чтобы противопоставить адаптационно-рациональному аспекту — моральный императив. Ева реагирует на проклятие Бога рожать детей в страдании путем адаптации-рациональности, а именно: она принимает это бремя, и в этом принятии способна сохранить свой интерес, т. е. избегать беременности. Адам выбирает мораль, он убеждает Еву уважать Бога. По мнению Н. Лумана, адаптация-рациональность есть форма рациональности в современном, высоко дифференцированном обществе — не спорить с решением и приспособливаться к нему. Трудно согласиться с этим примером. Осмелимся отметить подчас роковые последствия «рациональностей» данного вида для актора. Ведь «Ева», движимая инстинктом материнства, может иметь «интерес», направленный на детей, т. е. естественное желание иметь их как можно больше. Однако вынуждена отказать себе в этом намерении, чтобы избежать физических страданий, связанных с родами. В рамках наших представлений такого рода адаптации-рациональности вернее относить к адаптивной мимикрии, или же к аккомодации. А от них — весьма далеко до полноценной (успешной, внутренне гармоничной) адаптации.

Замечу, что определенную подсказку в решении данной проблемы дал М. Вебер, упомянув категорию предельной полезности. И именно его идеей воспользовался Г. Беккер, рассмотрев и изучив феномен максимизации функции полезности, позволяющий пролить свет в том числе и на проблему целерациональной адаптации (Подробнее об этом см. [Корель, 2005. С. 370—373]).

Целерациональные адаптации в свете теории «человеческого капитала» Г. Беккера

Свою знаменитую статью «Экономический анализ и человеческое поведение» Г. Беккер открывает афоризмом Дж. Шоу, в сжатом виде отражающим суть его центральной идеи, «Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом». Эта идея, как отмечает Г. Беккер, базируется в известной степени на методологических спецификациях Маркса: «Маркс и его последователи применяли “экономический” подход не только к поведению на рынке, но и к политике, браку

и другим формам нерыночного поведения» [Becker, 1987. P. 3—17; Беккер, 1993. С. 30].

Экономический подход, по Г. Беккеру, способен одинаково успешно проникать в сущность различных форм человеческого поведения и объяснять их. Он уникален по своей мощи, потому что способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения, а значит, как мы полагаем, в том числе и адаптивного.

Этот подход предполагает максимизирующее поведение в более явной форме и в более широком диапазоне, чем другие подходы, так что речь может идти о максимизации функции *полезности* или богатства все равно кем — семьей, фирмой, профсоюзом или правительственными учреждениями. Предполагается также, что предпочтения не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам.

Максимизирующее поведение и стабильность предпочтений, по Г. Беккеру, являются не просто исходными предпосылками, но могут быть выведены из «концепции *естественного отбора пригодных способов поведения* в ходе эволюции человека» (Курсив наш. — Л. К.) [Беккер, 1993. С. 27]. И далее цитата, иллюстрирующая данный подход. «Хорошее здоровье и долгая жизнь представляют собой важные цели для большинства людей, но каждому из нас достаточно минутного размышления, чтобы убедиться, что это цели далеко не единственные: иногда лучшим здоровьем или большей продолжительностью жизни можно пожертвовать, потому что они вступают в конфликт с другими целями. Экономический подход подразумевает, что существует “оптимальная” продолжительность жизни, при которой полезность дополнительного года жизни оказывается меньше, чем полезность, утрачиваемая в результате использования времени и других ресурсов для его достижения. Поэтому человек может быть заядлым курильщиком или же пренебрегать физическими упражнениями из-за полной поглощенности своей работой, причем не обязательно потому, что он пребывает в неведении относительно возможных последствий или “не способен” к переработке имеющейся у него информации, а потому, что отрезок жизни, которым он жертвует, представляет для него недостаточную ценность, чтобы оправдать издержки, связанные с воздержанием от курения или с менее напряженной работой» [Там же. С. 31]. Согласно экономическому подходу человек решает вступить в брак, когда ожидаемая полезность брака превосходит ожидаемую полезность холостой жизни или же дополнительные издержки, возникающие при продолжении поиска более подходящей пары. Точно так же человек, состоящий в браке, решает прервать его, когда ожидаемая полезность возвращения к холостому состоянию или вступления в другой брак превосходит потери в полезности, сопряженные с разводом (в том числе из-за разлуки с детьми, раздела совместно нажитого имущества, судебных расходов и т. д.).

Основываясь на идеях Г. Беккера, можно предположить, что модель адаптации человека (любой социальной системы) — это модель выбора такого варианта адаптивной траектории, которая обеспечивает максимальный прирост полезности (с точки зрения достижения адаптивной цели) либо на каждом шаге адаптации, либо в перспективе, — решение этого вопроса лежит в области субъективных обстоятельств, предпочтений, значений и смыслов адаптирующегося.

Требует уточнения в данном контексте категория «максимальный прирост полезности». Что имеется в виду? Какие критерии полезности могут быть использованы? Речь идет, в первую очередь, о восстановлении утраченных ценностей — «параметров жизни», наиболее социально значимых для человека. Ими выступают прежде всего универсальные жизненные ценности — доход, любимая профессия, квартира, социальная защищенность, свобода, возможность поддержания здоровья, семья, престиж, власть и т. д. Адаптивный механизм должен работать таким образом, чтобы либо восстановить планку «полезности» на прежнем уровне, либо превзойти ее. При этом один адаптант предпочтет стратегию «медленного и постепенного» продвижения к цели, наращивая «максимизируемую полезность» на каждом шаге. Другой — добьется цели одним рывком, но при этом будет долго разрабатывать стратегию ее достижения.

Наверное, каждый российский ученый, адаптирующийся к рынку в постсоветский период, сравнивал полезность разных вариантов адаптивного поведения и стремился найти такой, который бы обеспечивал ему максимальную величину этой полезности. Польза отъезда за рубеж — это безбедное существование, возможность заниматься своей научной проблемой в условиях надежного материально-технического обеспечения, познакомиться ближе с иной природной и социокультурной средой и пр. Потери, связанные с отъездом, — это разрыв с привычным социальным окружением, родными и друзьями, языковой средой, ущербный статус «иммигранта» в чужой стране и пр. Подобные адаптивные задачи решали все слои населения. Студенты взвешивали «полезность» альтернативных вариантов: продолжение учебы либо высокооплачиваемая работа на фирме, не предоставляющая, однако, время для занятий. Колхозник размышлял о том, остаться в колхозе или стать фермером, и т. д. А кто-то раскидывал умом, насколько окажется полезным уход в криминальные структуры, и соотносил положительные стороны такого ухода с отрицательными. «Экономический подход исходит из посылки, что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что “прибыль” от решения стать преступником — приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так

и денежными, — превосходит “прибыль” от занятия другими профессиями. Рост выгод или сокращение издержек преступной деятельности увеличивают число людей, становящихся преступниками...» [Там же. С. 33—34]. Г. Беккер полагает, что уголовные преступления вроде краж и грабежей совершаются в основном менее состоятельными людьми не вследствие аномии и отчуждения, а из-за недостатка общего образования и профессиональной подготовки, что сокращает для них «прибыль» от занятия легальными видами деятельности [Там же].

Вооружившись экономическим подходом Г. Беккера, нетрудно понять, почему адаптации в неправовом поле оказались столь распространенными в России, а также уяснить феномен массового появления «новых русских» — людей без образования, но с большими капиталами.

Религиозное сознание и религиозные практики в современной России: абрис ситуации в контексте проблемы рациональности

Рассматривая вопрос о традиционных и рациональных типах адаптивного поведения, мы не можем обойти вниманием феномен религии. Его основным предназначением является установление взаимоотношений с тем «высшим», что находится за предела человеческого разума. На протяжении всей истории человеческого общества этот феномен выступал и выступает важным институциональным средством адаптации к происходящим изменениям. По утверждению Дж. Мердока, культура, а религия является ее органической частью, представляет собой символическую адаптацию людей к окружающим условиям, обстоятельствам среды и исторического момента [Мердок, 1997. С. 52—53].

Отцы-основатели мировой социологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс и др.), впрочем, как и современные ученые (П. Бурдьё, П. Бергер, Н. Лукман и др.), неизменно подчеркивали влияние религии на экономические, политические и социокультурные процессы в обществе, на его социальный порядок, стабильность, интеграцию, солидарные взаимодействия индивидуальных и корпоративных акторов, ответственных групп и т. д.

В России в период шоковой терапии и последовавшее за ним десятилетие (сначала экономического провала, затем стагнации и медленного подъема) в религиозном сознании и религиозных практиках больших групп населения произошли значительные, порой противоречивые, разнонаправленные изменения.

Во-первых, в массовом порядке состоялся исход из поля так называемой социальной религии — в данном случае советской коммунистической идеологии, точнее будет сказать, мифологии. Создатель теории социальной религии немецкий ученый Альфред Вебер полагал, что источником социальной религии, разновидностями которой, по его мнению, выступают демократический капитализм, демократический социа-

лизм, советский коммунизм, явилась декларация прав человека (1776 г.) с ее религиозно-социальным содержанием как выражением нового типа человека. Этот тип человека начиная с середины XIX в. полемизировал с вновь возникающей социальной структурой, при этом полностью разрушались конкретные формы воплощения старых душевно-духовных (т. е. относящихся к духу и душе) абсолютов и исчезала основанная на трансцендентальной религии форма существования человека (см. [Краткая философская энциклопедия, 1994. С. 429]). По представлению ученого: «Эта социальная религия в дальнейшем занимает место трансцендентальной религии; являясь идеальной (т. е. базирующейся на идее, а кроме того, стремящейся к идеалу. — Л. К.), она формирует в невиданных масштабах практически-динамические преобразующие силы современного человеческого бытия. Ни одна трансцендентальная религия, за исключением разве ислама, не обладает в настоящее время такой силой, которая хотя бы в незначительной мере была бы сравнима с преобразующей силой социальной религии» [Weber, 1950. S. 423].

Трудно не согласиться с А. Вебером, тем более если вспомнить, что именно эта сила помогла советскому народу в исключительно короткий исторический период (менее 20 лет) не только полностью восстановить разрушенные Второй мировой войной города и села, народное хозяйство страны, но и преумножить ее экономический потенциал, достичь грандиозных достижений в точных и естественных науках, открыть эру космических полетов. В то же время начавшаяся 20 лет назад знаменитая перестройка, а затем шоковая терапия, фетишизирующая деньги, материальный успех в ущерб духовному, не только лишенная фундаментальных элементов какой бы то ни было «социальной религии», но к тому же поправшая естественные законные интересы и права человека (право на труд, на вознаграждение за труд, на физическую безопасность и пр.), привели к разрухе, которая по своим экономическим и демографическим масштабам в одних отношениях превзошла, в других — оказалась сопоставима с трагическими последствиями Великой Отечественной войны. На этом фоне вполне закономерно обозначила себя проблема нарастания отчужденности от духовности, спровоцированная погоней за потребительскими благами и материальным успехом. (См. ниже главу 10 «Механизм отчуждения от духовности в модернизирующемся российском обществе».)

Во-вторых, с закатом эпохи социальной религии советского образца на рубеже 80—90-х гг. XX в. одновременно в России актуализировались, стали возвращаться и вновь наращивать свое влияние традиционные трансцендентальные религии — православие, ислам, буддизм, иудаизм, католицизм. Подтверждение тому — активное строительство новых храмов, мечетей, костелов, синагог, не вмещающих ныне всех желающих во время религиозных празднеств, участие первых лиц государства в исполнении религиозных практик. Согласно закону «природа не терпит пустоты», наступила, образно выражаясь, эпоха ренессанса тра-

диционных трансцендентальных религий, отката назад — к религиозным первоосновам.

Проблема религиозного ренессанса в современной России не раскрыта в полной мере. Здесь мы хотели бы, апеллируя к трудам Макса Вебера, обратить внимание лишь на один момент — идею спасения и ее место в данном процессе (имеется в виду религиозный ренессанс) в контексте рациональности. Дело в том, что потребность в спасении, «сознательно культивируемая в качестве содержания религиозности», всегда и повсюду возникала «как следствие попытки *систематической практической рационализации реальностей жизни*» (Курсив мой. — Л. К.), как следствие притязания показать, «что мировое устройство (во всяком случае постольку, поскольку оно затрагивает интересы людей) носит в той или иной мере *осмысленный характер*» [Вебер, 1990. С. 338]. Стремление к спасению, идея спасения возникли как результат рефлексии проблемы несправедливости страдания, как постулирование необходимости «справедливого распределения индивидуального счастья в мире». Причем, «...чем интенсивнее рациональное мышление занималось проблемой справедливого распределения благ по заслугам, тем невозможнее представлялось ее мирское решение и тем вероятнее и тем осмысленнее решение внемирское» [Там же]. Обратившись к ситуации в современной России, несложно обнаружить, что огромное неравенство, этически не мотивированное в распределении счастья и горя, материальных благ и бед, активировало в сознании людей проблему расплаты и проблему спасения. Дело в том, что мирская жизнь предстает безнадежно иррациональной, бессмысленной, жестокой и несправедливой пред всяким, кто пытается ее хоть как-то осмыслить в рамках универсальной общечеловеческой этической системы координат. И если прежняя авторитарно-социалистическая система хотя бы декларировала, пусть для будущих поколений, идею «света в конце тоннеля» — светлое коммунистическое будущее, то брошенные в дикий рынок люди оказались без спасительной идеи (мировоззренческой платформы), которая хоть как-то помогала бы им осмысливать и рационализировать их существование и назначение на земле, объяснять феномены неизбежного страдания и несправедливости в земной юдоли. В этой ситуации вполне естественным явилось обращение людей к существующим уже столетия и даже тысячелетия фундаментальным традиционным религиям, где проблема добра и зла, несправедливости в распределении земных благ и горя осмысливается и находит тот или иной тип рационального объяснения, толкования, решения и аргументации. Вспомним хотя бы то утешение, которое посылает неумиющим христианам библейская сентенция: «Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай», или понятие кармы в буддизме — «закона возмездия», по которому в соответствии с суммой добрых и злых дел живому существу предопределяется судьба в последующих перевоплощениях.

Не случайно, по данным репрезентативного социологического обследования, проведенного нами в 1992 г., т. е. на входе в рынок, на альтернативный вопрос: «Что дает Вам вера в Бога?» — 37 % опрошенных сказали, что она сохраняет надежду на справедливость, на то, что зло будет наказано, а добро — вознаграждено, 29 — дает силы терпеливо переносить невзгоды, 20 — духовно обогащает, облагораживает душу, учит любить ближнего, 18 — помогает в беде, исцеляет от болезней, 15 — облегчает душу, дает возможность покаяться в грехах, 11 — наполняет жизнь смыслом и еще 11 % — дает надежду на жизнь после смерти* [Корель, 2005]. Как видим, самая значительная часть респондентов оказалась наиболее чувствительна именно к проблеме справедливого воздаяния всем по их заслугам.

В-третьих, одновременно в России на фоне реабилитации в общественном сознании трансцендентальных религий активировались старые и стали нарождаться новые религиозные секты, в том числе тоталитарного типа — эффект пролонгирования тоталитарной ментальности советского образца на новое время. По данным экспертов, сегодня в России насчитывается более полутора тысяч религиозных сект, причем около 80 % из них — тоталитарного толка. Носители, в том числе наследники, мифологического сознания, сформированного в эпоху советского тоталитаризма, утратив старый идол, занялись поиском новой религиозной ниши, в границах которой они имели бы возможность «разместить» свою тоталитарную ментальность: обрести новый объект поклонения и мифологизации, следовать нормам поведения, принятым в тоталитарных сообществах и т. д. Им равно чужды и христианство, и ислам, и иудаизм, и буддизм, а их идентичность обращена к религиозным образованиям исключительно тоталитарного типа.

Перечисленные выше процессы, происшедшие в религиозном сознании и практиках, внесли заметные изменения, коррективы, подвижки (до сих пор не отрешенные наукой) в конструирование интерпретативной картины мира, габитусов, жизненных смыслов и символов многих социальных групп в современной России. Одни обратились к Богу, другие — к Маммоне, одни идентифицировали смысл жизни с духовными началами, другие — с материальным успехом.

Однако следует подчеркнуть, что интериоризация социальными группами религиозных учений и ценностей все же осуществляется зачастую на поверхностном формальном уровне, не затрагивая глубин сознания и поведенческих стереотипов (что подтверждено исследованиями многих российских социологов: В. Немировского, Г. Солодовой, Л. Корель и др.). Кроме того, необходимо напомнить, что при переходе от традиционного общества к модернити и далее к постмодернити (этот путь еще предстоит пройти России) объективно нарастает многообразие религиозных систем, внецерковных форм религии (П. Бергер, Н. Лукман

* Можно было дать несколько ответов.

и др.), к которому общество оказывается далеко не всегда готово, а значит, в определенной степени возрастает и потенциал внутренних и внешних конфликтов, связанных, в частности, с вопросами власти, влияния, давления, самоопределения, позиционирования и взаимодействий всех этих религиозных образований в общественной жизни в контексте диакризиса «свой — чужой».

Заканчивая рассмотрение данного сюжета, хотелось бы подчеркнуть, что сегодня в стране возник и на глазах формируется абсолютно неизученный рынок религиозных услуг, на котором «правят бал» классические законы рынка: разворачивается жесткая конкуренция за потребителя религиозных услуг, за обладание монополией распоряжаться ценностями спасения, одновременно актуализируется погоня за прибылью, циркулируют значительные финансовые и материальные средства, что дезорганизует и, в определенном смысле, дискредитирует работу самих религиозных образований, отвлекая от высокой духовной миссии, а кроме того дезориентирует потенциального заказчика духовных услуг. Весь этот круг явных и латентных социальных проблем и «белых пятен» свидетельствует о необходимости углубленного и тщательного изучения религии как социологического феномена и инструмента адаптации социальных групп в контексте современных российских реалий.

О тенденциях и перспективах адаптации в модернизирующемся мире

Первый тезис. В русле обсуждаемой проблемы считаем возможным высказать следующую научную гипотезу. Каждый из рассмотренных выше типов адаптивного поведения не является неизменным во времени, а эволюционирует «внутри себя», подчиняясь смыслу и логике тех изменений, которые происходят в традициях, ценностной, эмоциональной, когнитивно-рациональной, мировоззренческой сферах жизни человека на разных этажах исторической вертикали. Так, следуя в фарватере идей К. Уилбера, фиксирующего доконвенциальный, конвенциальный, постконвенциальный и постпостконвенциальный этапы в развитии эмоций, морали, когнитивной компоненты и мировоззрения, целесообразно было бы выделять в ряду аффективных, ценностно-рациональных и целерациональных моделей адаптации их исторические разновидности — доконвенциальную, конвенциальную, постконвенциальную и постпостконвенциальную (цит. по: [Гаськова, 2005]). В этом случае, применительно к аффективным адаптивным моделям, содержанием и спецификацией первого этапа — доконвенциального — выступит актуализация импульсивных самоощущений, самозащитных реакций, второго — чувство принадлежности, причастности к «целому», третьего — глобальная забота, вселенская любовь, четвертого — трансцендентальные переживания (любовь-блаженство). Что касается целерациональных адаптивных моделей, то здесь также можно рассуждать о доконвенци-

альном этапе, атрибутивным признаком которого выступят сенсомоторные и дооперационные процессы в когнитивной сфере, конвенциональном — оперирование конкретными схемами, правилами и ролями, постконвенциональным — опора на формальную логику, рациональность и т. д. Аналогичные изменения на протяжении веков проходили и ценностные структуры, вектор развития которых был направлен от доминирования материальных к акцентуации высоких духовных ценностей (сообразно известной пирамиде потребностей Маслоу).

В свете вышеизложенного, содержание моделей адаптации, которым в будущем предстоит расширить и обогатить адаптивный фонд человечества, будет, в конечном счете, определяться характером развития эмоциональной, ценностной, когнитивно-рациональной и мировоззренческой сфер человека по мере перехода миросистемы от доконвенциональной к конвенциональной, затем к постконвенциональной и далее к постпостконвенциональной эре (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Трансформация смыслообразующих констант типов адаптации на разных этапах развития индивида/общества

Ориентации адаптивного поведения (адаптаций)	Этап развития индивида/общества			
	доконвенциональный	конвенциональный	постконвенциональный	постпостконвенциональный
Традиции	Микролокальные, доминирование индивидуально-го опыта, неустойчивые	Коллективный опыт и образцы локальных социальных образований	Макролокальные, предполагающие возможность выбора из многих вариантов	Уход от традиций
Эмоции	Защитные нужды, импульсивные самоощущения	Чувство принадлежности	Глобальная забота	Трансцендентальная любовь
Ценности	Физиологические	Принадлежность к сообществу, дружба, уважение, признание, статус, престиж и пр.	Творческая активность, самореализация, новые знания	Обретение трансцендентального смысла и переживаний
Рациональность (когнитивность)	Сенсомоторное, дооперационное познание	Схемы, правила, роли	Формально-рациональное, зрительно-логическое	Гнозис, савикальпа, праджня

Примечание. В таблице использованы материалы книги К. Уилбера (цит. по [Гаськова, 2007]).

Тезис второй. Сегодня в современной научной литературе идет уточнение, осмысление и развитие научной гипотезы о «сегментарности ментальных миров» и структур сознания в ряде обществ (см. [Вовель и др., 1998; Фирсов, 2005; Гаськова, 2005; и др.]), а следовательно, продолжая этот ряд, добавим, и типов социального действия. Де-факто этот социальный феномен присущ и модернизирующейся России, где существует многообразие ментальных картин мира, структур сознания и типов социального действия народов, ее населяющих. Проживая в одно время в границах одного государства, народы эти представлены многими социальными группами, которые располагаются как бы на разных хронологических этажах эволюционного процесса (исторической вертикали).

Обратимся, например, к трудам Б. Фирсова: «Одна из важных черт российской истории — наложение *разновременных* политических, социальных, социокультурных структур. В этой толще гаснут любые импульсы перемен, на любой тип действия находится свой тип противодействия, своя форма мимикрии, *приспособления* к внешним обстоятельствам» (Курсив наш. — Л. К.) [Фирсов, 2005. С. 375]. Драма этой ситуации заключается, в частности, в том, что в результате в России «имеет место периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном (и том же) времени, которое они не могут назвать “своим”» [Там же].

Как результат, в стране «...возникают очаги молчаливого сопротивления, которое опирается на инерцию ментальности, не способной к перекраиванию картины мира синхронно с общественными преобразованиями и переменами, в какой бы форме (революция, исторический перелом, рывок в развитии, “большой скачок”, реформы и т. д.) они не выступали. Здесь вступают в силу долговременные ментальные структуры (“темницы долгого времени” по Ф. Броделю), которые более всего противодействуют изменениям и сохраняются при смене поколений» [Там же].

Многообразие ментальных карт мира, структур сознания и типов социального действия обусловлено в России, во-первых, «исторической памятью» поколений — социокультурным следом веков минувших (наиболее ярко он представлен в провинции, сельской местности, национальных и религиозных образованиях, старших возрастных группах населения), во-вторых, глубоким социальным расслоением общества — феномен бразилификации социальной структуры, — предопределяющим разные образцы социализации, разный доступ к информации, власти, универсальным благам и ценностям современности, и, наконец, региональными природно-климатическими, историческими, экономическими, демографическими и социокультурными особенностями страны, порождающими и поддерживающими пространственную рассогласованность и асинхронность траекторий ее развития.

Факт упомянутой выше «сегментарности» уже предопределяет, и будет предопределять в перспективе, не только разнообразие реализуе-

мых типов адаптивных моделей (синтезируя идеи М. Вебера и К. Уилбера, их можно насчитать в «чистом виде» 16), механизмов, стратегий и результатов, имеющих отношение к модернизационным преобразованиям, но и градус адаптивного напряжения в обществе, продуцируемого межличностными, межгрупповыми конфликтами и рассогласованиями, в основе которых — несовпадение или противоречие ментальных картин мира, матриц ценностей, структур сознания, типов социального действия адаптирующихся индивидуальных и корпоративных акторов.

Налаживание в этих условиях устойчивых взаимодействий, социальных структур, надежных социальных сетей, социального доверия в обществе становится весьма проблематичным. Человеческое сообщество в данном случае подобно сообществу зверей в тесном зоопарке без клеток, где все виды животных хаотично и безрезультатно пытаются наладить жизнь по своим «законам», согласно своей природе, однако не могут, потому что постоянно натываются на конкурентов и мешают друг другу.

В этой связи можно высказать следующее предположение. Чем быстрее и чем дальше уходит общество в своем развитии в течение жизни одного поколения, тем менее однородным и тем более сегментарным оно становится в связи с наличием длинного шлейфа реальных социальных структур и групп, чьи социальные времена (а каждому из времен свойствен неповторимый конгломерат ментальных картин мира, структур сознания, типов социального действия людей) остались в прошлом.

Возникает громоздкая сложная архитектура общества из структур и групп, располагающихся на разных этажах социальной истории. Эти структуры и группы, полностью или частично «пережившие свое время» (аналог феномена Дон Кихота Ламанчского, чей идеал остался в прошлых веках), порождают сложный узел адаптивных проблем, требующих решения, а значит, обществу нужно научиться справляться с этой ситуацией, либо контролируя, «притормаживая» свое развитие, либо наращивая адаптивные ресурсы подобных структур и групп.

Тезис третий. Рассуждая о типах адаптивного поведения в дискурсе модернизации, трудно обойти вниманием такую научную категорию как рефлексия (и саморефлексия). Напомню, что рефлексия представляет собой процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения; она является неотъемлемым базовым элементом как ценностно-рациональной, так и целерациональной модели поведения, причем с приходом эры модернизации роль этого процесса все более возрастает.

Неотъемлемая черта модерни — присутствие свободного, самостоятельного индивидуального взгляда на мир, постоянная рефлексия со стороны отдельных социальных акторов (индивидуальных или корпоративных) и общества в целом (напомню, что возникновение и развитие социологии в эпоху модерни есть подтверждение подобной рефлексии).

сии) — казалось, должна была бы помочь снять проблему неадаптивности в будущем.

Однако в эпоху модернити в полной мере проявил себя альтернативный вариант — предъявление актерам усложненных «завышенных» адаптивных требований, с которыми они не в силах справиться посредством нарастающей рефлексивности. [Гидденс, 1999; Тоффлер, 1997]. Такая опасная реальность катализируется существованием разного рода рефлексивных ловушек.

Уровень адаптации актора, благодаря совершаемой им процедуре рефлексивности, может не только не вырасти или остаться неизменным, но и понизиться, поскольку новое знание об общественной жизни к моменту «адаптивного ответа» со стороны актора может оказаться неактуальным либо из-за быстрых перемен, произошедших в окружающем мире вследствие непрерывного процесса рефлексивности со стороны многих других акторов, действующих в этом мире и меняющих его, либо из-за перемен в иерархии ценностей самого актора, обусловленных новациями в познавательной ориентации, создаваемыми изменяющимися взглядами на социальный мир.

Есть и другой момент. Все было бы проще, как отмечает Э. Гидденс, — если бы новое знание всегда достигалось (могло достигаться) на «трансцендентальном рациональном базисе ценностей». Но подобного базиса не существует, а потому перемены мировоззрения, происходящие от привносимых знаний или вновь осмысленного жизненного опыта, способны вызывать и нередко вызывают изменения в ценностных ориентациях [Гидденс, 1999. С. 108].

Аксиологической инновацией, например, явились в конце XX в. экологические ценности — чистота воздушного и водного бассейнов, натуральные продукты питания и пр. — абсолютно не актуальные и не отрефлексированные обществом еще несколько десятилетий назад, но упорно перемещающиеся на верхние позиции ценностной шкалы в последние годы в свете новейших научных достижений экологического характера.

Пространство же возможного дрейфа ценностей секуляризованного христианского мира очерчивается, по большому счету, границами аксиологической дихотомии — коммунитарное редистрибутивное идеократическое общество, базирующееся на традиционной системе ценностей (коллективизм, этатизм и государственный патернализм, родственные узы, межличностное доверительное общение, аффективность, открытость, особое понимание и приоритет духовности и др.), и современное субсидиарное рыночное западное общество, опирающееся на синтез либерально-консервативных ценностей (индивидуализм, рационализм, богатство, успех, социальный престиж и др.).

Примечательно, что агрессивная экспансия рефлексивности не только со стороны поставщиков экспертного знания об общественной жизни (социологов, философов, политологов, социальных психологов),

но и просвещенных обывателей, ныне «до зубов» вооруженных информацией, благодаря масс-медиа, сети Интернет, включенности в «мировую информационную паутину», с одной стороны, в известном смысле, облегчает, с другой — делает проблематичным контроль над своей судьбой любого из акторов в быстро меняющемся окружающем нас мире. С максимальной быстротой умело просчитывать ходы, планировать и разбивать на логические этапы социальное действие — «свое» и «значимого» в каждой конкретной интеракции «другого» (партнера, коллеги, конкурента) — умело отделять в нем субъективные эмоции, страсти, привязанности, случайности от объективных условий и последствий и т. д. — удел лишь избранных. Что касается массового актора, то для него попытка взять верх над непредвиденными обстоятельствами, подчинить их себе становится столь же проблематичной, как и движение к постоянно ускользающей линии горизонта. Отсюда — угроза все того же «потолка адаптации» и полных опасностей «адаптивных порогов» [Корель, 2005. С. 306, 401].

Социальный парадокс в образе пресловутого порочного круга рефлексивность—адаптация заключается в том, что, с одной стороны, рефлексивность модернизировать усложняет адаптацию для актора ввиду инициирования непредвиденных, трудно просчитываемых и прогнозируемых ситуаций, порождающих адаптивные тупики, ловушки и патовые ситуации (связанные, как уже отмечалось выше, в том числе и с необходимостью перемен в собственной иерархии ценностей, а кроме того, с переменами, которые надлежит учитывать, в иерархии ценностей и стереотипах поведения других акторов). С другой стороны, неопределенность адаптивной реальности — отсутствие в пространстве социальных практик относительно устойчивых моделей адаптации (все динамично, все меняется, все привязано к случаю, к конкретной ситуации и пр.) — в свою очередь вносит черты дезорганизации и порождает пробуксовку как самой модернизации, так и рефлексивности модернизировать.

Понятно, что задача заключается в том, чтобы снять проблему противостояния адаптации и рефлексивности модернизировать. Но для этого необходимо постоянно отслеживать и поддерживать режим их взаимной сопряженности и благоприятствования. Во всяком случае, как минимум, иметь в виду существование самой этой проблемы.

А теперь уместно было бы вспомнить одно из базовых положений психоанализа З. Фрейда. Оно гласит: «Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология — наукой о содержании

сознания... Согласно его (психоанализа. — Л. К.) определению, психическое представляет собой процессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания» [Фрейд, 1991. С. 11].

Следуя этому постулату, можно высказать предположение, что одной из «сфер интересов» рефлексивности модернити в XXI в. продолжает оставаться сфера бессознательного. Декодировка природы бессознательного — распознавание той части бессознательного, которое переводится в сознательное либо легко, либо с большим трудом, либо вообще не переводится, выявление возможностей, условий и технологий перевода части бессознательного в сознательное (З. Фрейд называет переводимую часть бессознательного в сознательное — предсознательным) — должна существенно расширить горизонты познания и самопознания психики человека и масс, а значит обогатить их адаптивный потенциал и ресурсы в эру модернити.

Стратегическая цель состоит в том, чтобы укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле восприятия и перестроить его (Я) организацию так, чтобы оно могло освоить новые части Оно. Там, где было Оно, должно стать Я [Там же. С. 349]. Продвижение к этой цели сделает Я более автономным и самостоятельным по отношению к Сверх-Я и Оно, способным не только интериоризировать, но и экстериоризировать микросреду — Сверх-Я и Оно, возрастет свобода выбора, а значит, возрастут шансы успешной адаптации Я к внешней среде.

Двигаясь в фарватере идей З. Фрейда и К. Юнга, особо следует отметить тот факт, что все перечисленные типы адаптивной реакции (от традиционной до целерациональной) в большей или меньшей степени базируются на фундаменте «бессознательного». И от этого никуда не уйти. По всей видимости, первые из перечисленных типов адаптивной реакции опираются на бессознательное в большей, вторые — в меньшей мере ввиду нарастания рефлексивности и саморефлексивности индивида (и общества) в ходе кристаллизации модернити. Эта рефлексия (и саморефлексия) способствует постижению актором двух уровней бессознательного — личностного и коллективного, — а значит, вооружает его в ходе исторического процесса новыми возможностями контроля и самоконтроля за адаптивным поведением и его контекстами.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что со временем успехи современной науки, не в последнюю очередь социологии и психологии, помогут человечеству обрести баланс между извечной тягой к прогрессу и наращиванием в соответствующих объемах адаптивных ресурсов, включающих физическое и ментальное здоровье, интеллектуальное развитие, навыки рефлексии, социальной солидарности и коммуникации, знания о мире, человеке, обществе и т. д.

ГЛАВА 7

Адаптивные механизмы социальных систем: особенности строения и спецификация

В связи с переносом центра тяжести социально-экономических реформ в России на низовые этажи территориально-управленческой иерархии, либерализацией условий деятельности индивидуальных и корпоративных акторов, территориальных общностей особое значение для последних приобретает проблема адекватного самоориентирования и самопозиционирования в современном динамичном пространстве экономических, социальных и политических вызовов, обусловленных процессами глобализации.

По сути дела, главной здесь становится проблема самостоятельного выбора конструктивных вариантов приспособления к быстроменяющейся реальности, разработки и реализации собственной адаптивной стратегии в непрерывно обновляющихся экономическом и социокультурном пространствах.

В этих условиях многократно возрастают и требования к уровню профессиональной компетенции и ответственности агентов всех управленческих звеньев (в первую очередь представителей высшего менеджмента), предполагающие, в том числе, и немалые социологические познания в области законов адаптации социальных систем разного уровня.

К сожалению, социологическая наука не готова вооружить сегодня управленцев сколько-нибудь внятными теоретическими подходами, конструкциями и практическими предложениями, касающимися особенностей адаптации систем низового уровня (например, регионов), выступающих частью адаптирующихся систем более высокого уровня (например, федерации). Наверное, это дело ближайшего десятилетия.

Не подвергающийся сомнению, непреложный факт заключается в том, что адаптивный потенциал любых социальных систем и образований, в том числе региональных, не беспределен, адаптивные ресурсы ограничены, а адаптивные механизмы, определяющие в конечном счете эффективность приспособления, остаются трудно познаваемой «вещью в себе», «черной кошкой», которую мы хотим обнаружить в «темной комнате».

Здесь нам как раз и хотелось бы обсудить в первом приближении универсальный вопрос об иерархичности внутреннего устройства адаптивных механизмов социальных систем разного типа, полагая, что содержащаяся в ней информация способна обогатить представления ученых и практиков об этом сложном предмете.

Определение социального механизма адаптации

Проблема механизмов адаптации остается одной из самых сложных и слабо разработанных в современной теоретической социологии. Интерес к ней носит волнообразный характер. Пик увлеченности пришелся, пожалуй, на 60—70-е гг. прошлого столетия. В эти годы был заложен надежный теоретический фундамент интерпретаций базового термина «адаптация», а кроме того, в общих чертах обозначен обширный ареал возможных направлений поиска законов о сути и смысле, устройстве и функционировании адаптивных механизмов в рамках самых разных научных подходов, в первую очередь, системного и популяционного. Сегодня, к сожалению, проблема эта оказалась на периферии исследовательских интересов, а вектор социологической мысли устремлен не столько к познанию внутреннего устройства этого сложного феномена, сколько к накоплению разного рода эмпирических сюжетов, затрагивающих те или иные стороны адаптации. Благо современная российская действительность в обилии предоставляет такой материал. Задачу данной публикации мы видим в том, чтобы, во-первых, попытаться возродить и некоторым образом инициировать интерес научного сообщества к изучению проблемы внутреннего «устройства» адаптивного механизма (с целью необходимой передислокации научных сил), во-вторых, затронуть концептуальные вопросы, связанные с иерархичностью механизмов адаптации.

Центральной и наиболее сложной проблемой в изучении любого социального процесса является адекватное представление его механизма. Термином «механизм» в российской языковой практике определяется обычно «внутреннее устройство объекта, приводящее его в движение» [Ожегов, 1994. С. 300], или же «совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление» [Словарь..., 1989. С. 316]. Второе определение несколько ближе по смыслу душе социолога, поскольку изучение состояний и процессов является его основным занятием. Р. Будон, давая определение социального механизма, мастерски использует элементы и того, и другого, синтезируя их следующим образом: «Объяснение социального явления означает выделение более или менее сложного набора каузальных положений, ответственных за это явление. Такие наборы соответствуют тому, что мы обычно называем социальными механизмами» [Будон, 1998. С. 109—110]. Итак, набор каузальных положений, ответственных за конкретное социальное явление, и назовем, следуя в фарватере идей Р. Будона, социальным механизмом. Опираясь на данное представление и богатое разнообразие научных интерпретаций термина «адаптация», попытаемся дать определение механизма социальной адаптации, учитывая, в меру своих возможностей, мультипарадигмальный и поликонцептуальный фон теоретической социологии, а также органическую встроенность проблематики адаптации в контекст разных теоретических подходов и ракурсов.

Механизм социальной адаптации — это симбиоз уникальных каузальных состояний, явлений и процессов: 1) существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных факторов (детерминант, регуляторов, факторов-аттракторов и т. д.), 2) актуализирующихся в определенной последовательности, 3) направленных на:

восстановление *гомеостазиса* системы, вследствие нарушенного равновесия в рамках бинарной оппозиции система — среда (Бернар, Кеннон, Селигман, Джонсон, Крозье и др.),

гомеорезис, рост приспособленности системы к среде посредством совершенствования внутренней структуры, перехода системы на более высокие стадии развития, а также развитие и совершенствование самой бинарной оппозиции система — среда (Царегородцев и др.),

купирование дисфункций системы, повышение эффективности функционирования системы в данной среде, в том числе и через «сдвиг в функции или форме» (Encyclopedia Americana, 1963, vol.1, Мертон, Гумилев Л. и др.),

восстановление в изменившихся условиях достигаемости *целей* индивидуальными или корпоративными акторами, предпочтительно с минимальными энергетическими и социальными затратами (Вебер, Беннет и др.), наличие *надежного набора решений* (Добжанский, Джочим и др.),

устранение рассогласованности, несоответствий, разрывов, противоречий, конфликтов во *взаимодействиях* индивидуальных или корпоративных акторов и, напротив, установление состояния консенсуса, согласованности, гармонизации их интересов, действий и социальных ожиданий (Вебер, Х. Инглиш, А. Инглиш и др.),

устранение рассогласованности, несоответствий, разрывов, противоречий, конфликтов между: а) экономическим базисом и надстройкой, уровнем развития производительных сил и производственных отношений (Маркс), б) разными подсистемами общества — экономической, социальной, политической, культурной, правовой, демографической и т. д., в) материальной (орудия труда, вещи, здания, транспорт и пр.) и нематериальной (обычаи, убеждения, философские системы, законы и формы правления) культурой (Огборн и др.), институтами формальными и неформальными (Норт) и т. д.,

преодоление противоречий между неторопливыми «естественными» биологическими ритмами человека и ускоренными ритмами жизни, навязанными ему агрессивной быстро развивающейся технотронной и социальной средой (Дюссер, Гюан, Сен-Марк и др.), между биологическими инстинктами человека как вида и социокультурными требованиями, предъявляемыми ему обществом (Фрейд),

преодоление разрывов и несоответствий в *социокультурных образцах*, в *ценностно-нормативной системе* общества, рост приспособленности социальных норм к изменившимся обстоятельствам (Козер и др.),

преодоление возникшего в новых условиях объективного состояния (либо субъективного ощущения данного состояния таковым) социально-

го дискомфорта, отчуждения, изоляции, депривации, эксклюзии, утраты идентичности, дезорганизации, дезинтеграции, разобщенности, дисбаланса и, более того, достижение состояния (либо субъективного ощущения состояния такого) социального *комфорта*, социальной *идентичности*, *интегрированности*, *солидарности*, *инклюзии* (включенности), обладания, полноценности, организмичности, *сбалансированности* и т. д. (Дюркгейм, Сорокин, Маслоу, Гидденс, Фромм, Кули и др.),

преодоление социально-психологических патологий разного рода — *тревог*, *страхов*, напряженностей, негативного мироощущения, *трагического мировосприятия*, бессилия, *пессимизма*, апатии и т. п. (Левинский, Шибутани, Фромм и др.),

«переход» (перевод) ситуационного поведения адаптанта, представляющего собой пробную, подчас случайную реакцию на новые вызовы времени, в разряд устойчивых *социальных практик* (Хоманс),

освоение (освоенность) новых *ролей* либо восстановление нарушенных старых социально-ролевых предписаний, связей и отношений (Линтон, Мертон, Мид, Гофман и др.),

преодоление *гистерезиса* — эффекта несоответствия, запаздывания изменений габитуса (т. е. ментальных или когнитивных структур, посредством которых люди действуют в социальном мире; системы структурированных и структурирующих диспозиций, которая образована практикой и постоянно нацелена на практические функции) в связи с физическим перемещением в принципиально иную социальную среду (поле) (Бурдьё),

сокращение диапазона рассогласованности, разрывов между *интерпретативной картиной мира* субъекта и социальной реальностью (Гадамер, Гарфинкель и др.),

включение индивидуального или корпоративного актора в новые модели связей, новые или скорректированные *сети*, *сетевые структуры* из-за необходимости их обновления или ввиду их утраты (Уэлман, Берг, Грановеттер и др.),

восстановление *разрушенной диалектики* (консенсуса, способности к коммуникации и достижению понимания) между *системой* (понимаемой как внешний взгляд на общество «с наблюдательной позиции кого-то извне»; структурные характеристики такого рода системы — семья, судостроительство, государство, экономика и др.) и *жизненным миром* (тракуемым как взгляд изнутри, точка зрения действующих субъектов на общество), проявляющейся в увеличении власти первой над последним (Хабермас) и т. д., и т. п.,

дифференциацию системы, суть которой состоит в постепенном ее (системы) освобождении от аскрипции (феномен сплава независимых функций в одной и той же структурной единице) и в результате этого — росте ее (системы) приспособленности к окружению (Парсонс).

Данное определение социального механизма адаптации — много-ступенчатое, амбициозное, претендующее на широту подхода и все же

весьма ограниченное, с точки зрения очевидной всеобъемлющей широты данного феномена несомненно вызовет справедливую критику. Более того, определение это является яркой иллюстрацией полного отчаяния его автора. Ведь оно исполнено в жанре «социологической окрошки» (или «социологического компота») и представляет собой попытку по кусочкам соединить многие идеи и подходы, которые можно использовать, чтобы пролить свет на социальное видение механизма адаптации. Однако, несмотря на явные недостатки, оно содержит и заметные удобства (преимущества) для пользователя, поскольку выполнено в технике «пазла». Любой исследователь, фокусирующий свой предметный интерес на одной из сторон адаптации, на одном из многих научных ракурсов, может с легкостью отбросить ненужные ему сюжеты и собрать из предлагаемых ему деталей (блоков) любое, соответствующее его задачам, определение механизма социальной адаптации или же сконструировать по предлагаемой схеме собственное определение, опираясь на иные, не содержащиеся в нашем определении, социологические сюжеты и концептуальные подходы.

«Механизменный» подход к анализу адаптаций состоит в выяснении многих групп вопросов, имеющих универсальный характер. 1. Результатом какой цепи событий, состояний, явлений, процессов она является? 2. Какие главные стадии проходит? 3. Под воздействием каких сил (рычагов, детерминант, факторов, факторов-аттракторов, катализаторов и пр.) возникает и развивается? 4. Какие адаптивные ресурсы задействует? 5. С помощью каких средств осуществляется? 6. Какие противодействующие силы и барьеры преодолевает и какими средствами? 7. Каковы естественные пределы пространства функционирования конкретного механизма? 8. Какова, наконец, эффективность данного механизма адаптации с точки зрения целого ряда критериев — экономичность, скорость, результативность и пр.? И так далее...

Для изучения этой группы вопросов, на наш взгляд, в систему социологических понятий следует ввести ряд дополнительных терминов. Так, описание адаптивных механизмов предполагает поиск и обнаружение *адаптера*. Это главный блок в механизме адаптации, его несущая конструкция, та самая, которая создает адаптацию (термин этот широко используется в естественных науках, например, в медицине). Целесообразно выделение и *адапализаторов*, т. е. совокупности элементов, факторов, условий, регуляторов, детерминант, повышающих адаптивную способность, помогающих раскрыться адаптивному потенциалу, ускоряющих адаптивный процесс. В свою очередь под *адаптивной технологией* следует понимать совокупность конкретных методов и процедур реализации того или иного адаптивного механизма (в соответствии со словом технологический — относящийся к технологии, к обработке материала, изделия по строго установленной технологии), термин этот включает моменты самоуправления, а также управленческого воздействия «со стороны».

Ниже вниманию читателя будут предложены две концепции, касающиеся *архитектоники* адаптивного механизма, а также концепция спецификации адаптивных механизмов. Концепции эти имеют достаточно универсальный характер и могут быть использованы в социологических исследованиях адаптационных процессов многих социальных систем — организаций, институтов, социальных групп, территориальных общностей, обществ, цивилизаций и пр.

Концепция постепенного включения разных по глубине механизмов адаптации

Эта концепция зародилась в естественных науках, медицине. Здесь мы попытаемся несколько переосмыслить отдельные позиции данной концепции «в социологическом ключе» и таким образом интегрировать ее (концепцию) в социологическое поле «идей, смыслов и представлений» об адаптациях.

Важный момент — в зарубежной научной литературе отмечается специфическая архитектоника адаптивных механизмов. Они иерархически упорядочены, в том смысле, что а) более глубокие механизмы связаны с большей структурной модификацией и происходят более медленно и б) если данный механизм эффективен, адекватно реагируя на импульсы среды, то включение более глубоких механизмов можно предвратить. Структура отдельного механизма определяет диапазон условий среды, или пертурбаций, на которые он может отвечать. Характером среды и ее изменений, в свою очередь, определяется, какой механизм (или вообще никакой) может быть эффективным и на какой глубине, вероятно, будет находиться такой эффективный механизм [Slobodkin, 1968, 1974].

В унисон идеям зарубежных исследователей, а также российских патофизиологов И. Р. Петрова и В. Б. Лемуса [1966], выделяющих адаптационные механизмы разной глубины, рассмотрим **теоретическую концепцию ступеней адаптивного механизма**, верную, на наш взгляд, не только для биологических, но и для социальных систем разного уровня. Для начала введем новое понятие — ступени включения адаптивного механизма. Оно означает последовательность, очередность, уровни задействования адаптивных механизмов (подмеханизмов) разной глубины в результате давления со стороны среды и в зависимости от его силы.

Уровни включения адаптивных механизмов разной глубины имеют, как минимум, четыре главные ступени. **Первая ступень адаптивных механизмов — это предохранительные барьеры** адаптирующегося субъекта, т. е. те внутренние структуры (в медицине они именуется «морфофизиологическими»), которые априори защищают, страхуют его от «флуктуаций» многих социальных факторов среды. В границах этих флуктуаций субъект адаптации оказывается *преадаптирован* (т. е. обла-

дает свойством, имеющим приспособительную ценность для еще не осуществленных форм взаимодействия со средой) или *постадаптирован* (т. е. обладает свойством, некогда имевшим приспособительную ценность, затем утратившим эту ценность в силу каких-либо обстоятельств и, наконец, вновь вернувшим, обретшим, возродившим ее в новых условиях), а сами адаптации носят весьма поверхностный характер, не затрагивая глубинных процессов, связанных со сдвигами в поведении или внутренней структуре самого адаптанта. Такого рода защитные барьеры делают адаптацию почти не заметной для субъекта. Например, летом, покидая дом в ненастье, мы берем с собой зонтик или плащ; зимой, когда случается гололедица, мы стараемся чаще ездить на транспорте, нежели ходить пешком по не посыпанным песком улицам; когда меняются курсы валют, стремимся избавиться от невыгодных валют; когда обостряются наши отношения на работе с руководством, одни из нас стараются не попадаться ему на глаза, вторые же наоборот, стремятся продемонстрировать свое рвение к работе и т. д.

Приведем и другой пример. Если речь идет о таком социально-территориальном образовании (системе), как регион, то и здесь на первой ступени включения адаптивного механизма сперва активизируются его внутренние резервы, или «потенциальные активы» (финансовые, экономические, политические, социальные и др.).

Когда потенциал защитных барьеров оказывается исчерпанным, а адаптация не происходит, включается вторая ступень адаптивного механизма.

Вторая ступень адаптивных механизмов — защитные формы регулирования трансформирующего и преобразующего плана — актуализируется под воздействием крупных сдвигов в «среде» или заметных «внутренних» перемен (т. е. «сильных раздражителей», мед.) и делится на следующие подступени: 1) простые, элементарные, «естественные» защитные формы реагирования (аналог условных рефлексов в медицине) и 2) сложные, многообразные по составу входящих элементов защитные формы реагирования. Понятно, что последние подключаются в том случае, когда репертуара форм реагирования (социокультурных образцов) первого типа оказывается недостаточно для успешного завершения адаптации.

Представим, к примеру, такой сюжет. Некто потерял работу на производстве, не сумев найти общий язык с непосредственным начальником. Простые элементарные формы реагирования в этой ситуации — активный поиск подходящей работы на своем же предприятии либо в месте своего проживания. Когда такого рода поиск не удается, включаются более сложные защитные формы реагирования — выезд в поисках подходящей работы в другой регион страны или даже за рубеж.

Если же речь идет о социально-территориальном образовании (системе), каковым выступает регион, то на второй ступени включения адаптивного механизма можно ожидать уже таких более сложных пове-

денческих решений, как, например, поиск инвесторов «на стороне», заем финансовых средств, активизация иммиграции рабочей силы и пр.

Содержание **третьей ступени адаптивных механизмов составляет «актуализация компенсаторных процессов»**. Она возникает в том случае, когда спасительного действия механизмов второй ступени оказывается недостаточно, а риск будущего адаптивного поражения становится весьма реальным. Подтягивание компенсаторных процессов к решению адаптивных задач — это, как правило, способ «адаптивного выживания» отдельных частей адаптирующейся системы либо за счет своей собственной деформации (чаще всего, негативного, опасного, патогенного характера), либо за счет агрессивной разрушающей деформации уже других частей системы или же системы в целом. Компенсации могут (1) разворачиваться в последовательном порядке — одна за другой, при этом каждый раз последующая как бы подстраховывает и «выручает» предшествующую, (2) начать действовать одновременно и согласованно либо (3) вразнобой и хаотично (в случае, когда адаптирующаяся социальная система переживает состояние «паники»). Как долго могут работать адаптивные механизмы в компенсаторном режиме? Во-первых, пока жива сама адаптирующаяся система, ведь компенсаторные процессы выводят систему за пределы тех параметров жизнедеятельности, в границах которых она «полноценна», «здорова» и сохраняет свою жизнеспособность. Во-вторых, адаптирующаяся система сможет отказаться от помощи компенсаторных процессов в том случае, если со временем сила давления среды вернется к первоначальным параметрам (или во всяком случае значительно ослабнет).

В качестве иллюстрации продолжим грустную историю о человеке, потерявшем работу и уехавшем в другой регион или за рубеж. Увы, на новом месте его также ожидают проблемы. Подходящей работы нет, смена места жительства, непривычный климат, иная (а может быть, и враждебная) социокультурная среда подорвали его здоровье, и, не имея медицинской страховки, он должен прибегнуть к механизмам адаптивного выживания компенсаторного плана (например, переехать из элитного района в трущобы, сменить просторную квартиру на тесную, снизить качество питания, завести долги, начать распродавать ценные вещи и т. д.). Иными словами, проблемы своего здоровья (лечения) он решает посредством ухудшения, «за счет» своих жилищных условий.

Для иллюстрации третьей «компенсаторной» ступени адаптивного механизма обратимся к результатам анализа адаптации региональных рынков труда России к экономическим преобразованиям 1990-х гг. Как удалось установить, в условиях экономической дезорганизации и спада в те годы осуществлялась парадоксального вида «штопка» зияющих дыр института рынка труда (безработица, напряженность) за счет компенсаций особого типа — сбоя функционирования других институтов, например, финансовых. Чем больше финансовых средств регион оставлял у себя, не выплачивая в консолидированный бюджет налоги на

прибыль, акцизы и пр., тем благополучнее складывалась у него ситуация в сфере занятости. Лоббирование финансовых интересов сильными региональными лидерами на федеральном уровне неизменно оказывало положительный эффект на состояние регионального рынка труда, его адаптацию к происходящим в стране переменам, разрушая тем временем финансовые институты в стране. Иными словами, одни экономические институты решали свои проблемы за счет других [Корель, Корель, 1999].

Заметим, что в режиме декомпенсации адаптирующейся системы — неспособности ее приспособительных устройств компенсировать сбои в функционировании одних ее элементов, частей, структурных блоков за счет поддерживающего эффекта других — наступает разрушение и распад этой системы, а значит, и выход ее из адаптивного пространства. Декомпенсация может возникнуть как из-за отсутствия в адаптирующейся системе необходимых структур, способных работать в компенсационном режиме, так и ввиду исчерпания компенсаторных ресурсов, вызванного длительностью задействования компенсаций.

Однако стадия актуализации компенсаторных процессов не всегда завершается столь драматически. По большому счету, предназначение ее состоит в том, чтобы: 1) либо *переждать*, когда иссякнет возмущающее воздействие неблагоприятного фактора, и вернуться к исходному «доадаптивному состоянию», 2) либо, оттянув время, *подготовиться* к более адекватному ответу на вызов среды (например, пересмотреть и скорректировать концептуальный образ мира, отыскать новые более совершенные способы реагирования на агрессию со стороны внешней среды и т. д.), а значит, в этом случае социальная система на протяжении всех трех стадий должна осуществлять в «автономном параллельном» режиме поиск и отбор наиболее эффективных образцов адаптивной реакции инновационного плана, причем таких, которые обеспечат гомеорезис (развитие) системы.

Итак, на смену третьей приходит **четвертая стадия** — «**активация инновационных процессов**». Эта стадия становится возможной лишь в том случае, если адаптирующаяся система *наделена способностью противостоять внешним и внутренним воздействиям путем преобразования своей структуры и функций*. В социологической практике содержание этой ступени составляет, как правило, интернализация новых, соответствующих измененным требованиям среды, ценностей, норм, габитусов, социальных практик, ролей, сетей, стереотипов поведения, интерпретативных картин мира и многое другое. Впрочем, момент экстернализации (экстерниоризации) также может иметь место.

Существует большое число разнообразных социологических теорий социального изменения, акцентирующих внимание на инновационном аспекте. В качестве иллюстрации обратимся, например, к парадигме эволюционного изменения Парсонса и его идеям о динамическом равновесии системы. Предложенная им схема такова: противодействующие силы проникают в сбалансированную систему, выполняя функцию сти-

мулов; сбалансированная социальная система *адаптируется* к таким возмущающим воздействиям, вводя их в функционирующую систему и устанавливая новый уровень равновесия [Парсонс, 1994, 1996].

Подытожим ключевые идеи данной концепции.

1. В ходе адаптации социальной системы к изменениям в среде выделяются четыре ступени адаптивного механизма — барьеры, защита, компенсация, инновация.

2. Эффективный адаптивный ответ может быть найден во время нахождения субъекта адаптации на любой из ступеней (стадий) адаптивного механизма. Причем каждая последующая ступень актуализируется только в том случае, если на предыдущей не было найдено эффективное адаптивное решение.

3. Ареал ответственности (действия) каждой ступени адаптивного механизма ограничен величиной ее адаптивного потенциала, объемом адаптивных ресурсов, репертуаром наличных социокультурных образцов и пр.

4. Включение адаптивных механизмов разной глубины определяется величиной нагрузки (давления) со стороны среды. Иными словами, от силы давления среды зависит порядковый номер ступени, на которой субъект адаптации находит эффективное адаптивное решение. Чем выше давление среды, тем выше вероятность поэтапной актуализации всех четырех ступеней. При слабом и умеренном давлении достаточно включения механизмов I и II ступеней, сильным и сверхсильном — требуется активизация механизмов III и IV ступеней.

5. В границах I, II и III ступеней адаптивного механизма система имеет шанс обрести адекватный адаптивный ответ на основе актуализации «запасника», «схрона» готовых эффективных форм адаптивного реагирования (аналогично тому, как перетряхивая старый гардероб, мы можем обнаружить в нем, помимо всего прочего, совершенно новое платье или новую материю вместе с выкройками, ножницами и швейной машинкой). Тем не менее, думается, что, находясь на компенсаторной (III) ступени адаптивного механизма, система ограничена в возможностях широкого маневрирования, поскольку в данном случае затрагивается режим функционирования глубинных базовых функциональных блоков, массовое переустройство которых «на ходу» представляется проблематичным и чревато риском тотальной декомпенсации.

6. Гибель системы наступает в результате исчерпания лимита ресурсов всех четырех ступеней.

7. Описываемая конструкция адаптивного механизма в целом статична. Динамизм ее состоит исключительно в возможном обогащении и расширении, в известных границах, поля действия структурных элементов каждой из двух первых ступеней. Что касается содержания IV ступени — инновации — то механизм ее возникновения остается за кулисами данного концептуального анализа и предполагает специальные изыскания. Увы, один из самых интересных элементов адаптивного меха-

низма остается неразгаданным в рамках данной концепции. Но это и понятно, поскольку, зародившись в медицине, она оказалась скорее направленной на выяснение обстоятельств нарушения и восстановления гомеостаза организма, подверженного воздействию неблагоприятных условий среды, нежели на его гомеорезис.

При определенной ограниченности исходного замысла обсуждаемой концепции, она все же содержит глубокие и верные идеи о многоступенчатой системе защиты адаптирующегося субъекта, попавшего под пресс крупных преобразований, о высокой целесообразности и экономичности устройства его адаптивного механизма.

Многочисленные труды социологов и экономистов о способах и путях рыночных преобразований в России дают наглядную картину того, что в период шоковой терапии враз были сметены и адаптивные барьеры, и защитные формы адаптивного реагирования многих социально-экономических, политических, демографических и социокультурных институтов, организаций, регионов, территориально-национальных общностей, групп и отдельных людей. Все эти образования в ходе адаптации попали в плен затяжной полосы разного рода компенсаций (бартер вместо товарно-денежных потоков, «понятия» вместо отсутствующих законов, мыльные оперы взамен реального жизненного мира, труд бессмысленный и спекулятивный взамен созидательного, производство символов и знаков взамен производства материальных и духовных благ и т. д.) и декомпенсаций (о чем свидетельствует банкротство многих тысяч предприятий, разрушенные интерпретативные картины мира психически больных людей, переполнивших больницы, суицид, агрессия, террор и войны), длящихся и по сю пору. Стратегическое направление развития России в адаптивном ракурсе в ближайшее десятилетие, видимо, будет являть собой не что иное как последовательное восстановление режима компенсаций в зонах воцарения декомпенсаций и утверждение режима действия инновационных начал взамен компенсационных механизмов.

Концепция спецификации адаптивных механизмов, обслуживающих разные адаптивные стратегии: развитие, защита, уход, реверсия

Адаптивные механизмы при всем их многообразии можно свести к четырем основным типам, в соответствии с тем, какие принципы (как осознаваемые, так и неосознаваемые) исходно были заложены в реализуемую адаптивную стратегию и какой результат в итоге был получен — развитие, реверсия, защита или уход адаптанта от перемен. Обратимся к существованию каждого из механизмов.

Механизм **адаптации-развития** имеет место в тех ситуациях, когда субъект адаптации (агент, индивидуальный или корпоративный актор, социальная система) конструктивно относится к прогрессивным общественным изменениям, готов к корректировке (или изменению) жизнен-

ных целей и (или) средств их достижения. В основе этого механизма лежат процессы освоения (осваивания) инноваций — новых целей, новых средств достижения старых целей, новых средств достижения новых целей, овладения новыми ролями, моделями поведения, а также корректировки или создания нового субъективного образа мира, релевантного изменившимся условиям. Процессы эти, в свою очередь, осуществляются посредством рефлексии, обучения, заимствования, подражания «успешным другим» и т. д. (табл. 7.1). В результате происходит совершенствование внутренней структуры субъекта адаптивного процесса.

Таблица 7.1

Виды адаптивных механизмов

Развитие (адаптация как развитие)	Защита (адаптация как защита)	Уход (адаптация как уход, уклонение)	Реверсия (адаптация как откат назад, как регресс)
1. Освоение новых средств достижения старых целей 2. Освоение новых целей и средств их достижения 3. Корректировка старого или конструирование нового позитивного субъективного образа мира, релевантного изменившимся условиям 4. Совершенствование внутренней структуры субъекта адаптивного процесса с учетом новых требований	1. Агрессия (в явной или скрытой форме) 2. Сопротивление (скрытое или явное) 3. Мимикрия 4. Аккомодация 5. Вымещение 6. Дискредитация 7. Терпение 8. Компенсаторность 9. Сбережение сложившегося субъективного образа мира, релевантного прежним условиям 10. Сохранение внутренней структуры субъекта адаптации	1. Поиск и обретение социальной ниши 2. Физическое перемещение в иную среду: а) эмиграция за пределы страны (города, села и пр.); б) увольнение с предприятия, фирмы и пр. 3. Отчуждение 4. Аутизм 5. Вытеснение 6. Корректировка субъективного образа мира, ослабляющая релевантность адаптанта прежним условиям существования, но и не формирующая его релевантность новым условиям 7. Деформация (в сторону упрощения) внутренней структуры субъекта адаптации	1. Занижение требований к себе 2. Занижение уровня потребностей 3. Понижение социальных позиций в обществе 4. Занижение или распад социальной сети 5. Ограничение выполняемых в обществе функций 6. Деформация-разрушение старого, невозможность конструирования нового позитивного субъективного образа мира (или же создание его враждебного образа) 7. Упрощение внутренней структуры субъекта адаптивного процесса

Механизм **адаптации-защиты** включается тогда, когда субъект адаптации: а) не в состоянии достичь старых целей в новых условиях, в том числе новыми средствами, б) не считает возможным или не способен интериоризировать новые цели, новые средства, либо то и другое вместе. Механизм этот многолик и объединяет в себе достаточно разнообразные процессы:

социальную агрессию (применение силы, активное противодействие, активный протест — например, забастовки, демонстрации, открытый саботаж и т. д.);

социальное сопротивление или противодействие (неподчинение, скрытый саботаж и т. п.);

социальную мимирию (внешнее «подстраивание» под социальный ландшафт при внутреннем его отторжении и сопротивлении ему);

аккомодацию (процесс формирования приспособлений в конфликтных ситуациях, связанный с сознательными обоюдными усилиями адаптирующихся сторон выработать такие соглашения, которые способны отсрочить конфликт и сделать отношения более сдержанными; иными словами, приведение конфликтных элементов в состояние взаимной терпимости, толерантности);

социальное вымещение (переориентацию отрицательного импульса с одного объекта, недоступного для ответного действия, на другой, более достигаемый; например, отрицательное отношение к реформам может проявляться в бойкоте выборов, голосовании «против всех»; адаптивные неудачи предпринимателя в бизнесе — вызвать необоснованное увольнение подчиненных и т. д.);

социальную дискредитацию (приношение, умаление авторитета, подрыв доверия к другим для оправдания собственного поражения, например, умаление авторитета осуществляющих реформы властей с целью сохранения самоуважения, позитивного «Я-образа» в условиях собственных адаптивных неудач);

социальную проекцию (бессознательное или сознательное приписывание контрагенту по адаптивному процессу собственных негативных желаний, интересов, намерений социального плана, такого рода процесс расширяет спектр адаптивных средств, выводя их за рамки права и морали, поддерживает позитивный «Я-образ»);

социальное терпение (безропотное и стойкое перенесение неприятных, нежелательных социальных испытаний, невзгод, надежда «переждать» ситуацию: «авось, со временем все переменится»);

компенсаторность (реакцию субъекта адаптации в условиях декомпенсации, т. е. неспособности приспособительных устройств отдельных его подструктур компенсировать вызванные давлением со стороны среды болезненные, повреждающие или разрушительные изменения; суть данной реакции состоит в возмещении функций поврежденных элементов структуры за счет нестрадавших);

социальную конверсию (умаление субъектом значимости чувствительных для него по своим негативным социальным последствиям адаптивных событий);

сохранение ментальной карты мира, его сложившегося субъективного образа, релевантного прежним условиям и т. д., при возможной деформации (или корректировке) поведенческих стереотипов.

В ходе актуализации данного механизма субъект адаптации стремится сохранить свою внутреннюю структуру, свою диспозицию в социальном поле.

Механизм **адаптации-ухода**, как и предыдущий, задействуется тогда, когда субъект адаптации: а) не в состоянии достичь старых целей в новых условиях, в том числе новыми средствами, б) не хочет или не способен интериоризировать либо новые цели, либо новые средства, либо то и другое вместе. Однако внутреннее содержание этого механизма составляют процессы иного плана — выхода из силового поля неблагоприятных изменений среды, на которые невозможно оказывать корректирующее воздействие. Определяющими здесь являются ощущения бессилия, потребность в самоотстраненности, самоизоляции. Каковы же конкретные способы такого «выхода»? К ним относятся:

поиск и обретение социальной ниши, т. е. локальной среды, в которой еще можно жить по-старому, поскольку инновации ее не коснулись (например, известно, что реформирование общества начинается со стороны, на периферии государства жизнь еще долго идет по старым порядкам; впрочем, любая реформа всегда сегментирована и долгое время оставляет экономические и социокультурные зоны, свободные от своего воздействия);

физическое перемещение в иную среду, например, эмиграция как «физический уход» из пространства нежелательных социальных перемен или увольнение с предприятия либо фирмы, адаптироваться к порядкам в которых трудно или невозможно;

отчуждение (состояние отрешенности от происходящих изменений, адаптивных проблем);

аутизм как крайняя форма отчуждения (уход от контактов с окружающей действительностью и погружение в мир собственных переживаний);

вытеснение (стремление забыть те социальные изменения, адаптивные события и факты, которые неприятны, болезненны или таят угрозу для субъекта адаптации; осуществляется через занятия экстремальными видами спорта, погружение в быт, употребление алкоголя или наркотических средств, уход в работу — трудоголизм и т. д.);

корректировка субъективного образа мира, ослабляющая релевантность адаптанта к прежним условиям и т. д., но и не формирующая его релевантность новым условиям.

Использование данной модели адаптивного механизма приводит к деформации внутренней структуры субъекта адаптации.

К механизму **адаптации-реверсии** субъект адаптации прибегает в том случае, когда, как и в двух предыдущих, он: а) не в состоянии достичь старых целей в новых условиях, в том числе новыми средствами, б) не считает возможным или не способен интериоризировать либо новые цели, либо новые средства, либо то и другое вместе. Составляющими этого механизма выступают следующие «негативные» процессы:

- занижение требований к себе;
- занижение уровня потребностей;
- примитивизация быта, моделей и образцов повседневной жизнедеятельности;
- локализация, ограничение (или распад) социальной сети;
- утрата значимых социальных позиций, обеднение набора выполняемых в обществе функций, ролей и пр.;
- деформация, разрушение старого, невозможность конструирования нового позитивного субъективного образа мира (или же создание его враждебного, агрессивного образа) и т. д.

Действие этой модели механизма провоцирует упрощение, примитивизацию внутренней структуры адаптанта.

Такова в общих чертах *концепция спецификации адаптивных механизмов*, обслуживающих разные адаптивные стратегии. В ней мы попытались выделить и описать четыре важнейшие типа адаптивных механизмов, характеризующиеся принципиальными, существенными различиями: 1) адаптация как развитие, 2) адаптация как защита, 3) адаптация как уход (уклонение), 4) адаптация как реверсия. Данная концепция имеет универсальный характер и приложима в той или иной мере практически ко всем адаптирующимся социальным субъектам: индивидуальным и корпоративным акторам, территориальным общностям, региональным образованиям, социальным системам разного уровня и пр., хотя, разумеется, необходима должная «привязка» понятийных и эмпирических индикаторов к конкретному классу адаптирующихся субъектов. Кроме того, подчеркнем следующее: если первую модель следует рассматривать как позитивную, обеспечивающую совершенствование внутренней структуры субъекта адаптации, то последняя — является безусловно негативной по своей направленности и содержанию. Вторая и третья модели, в зависимости от событийного контекста, могут иметь как нейтральный, так и негативный характер. *В постсоциалистической России в ходе реформирования наибольшее распространение получили вторая, третья и четвертая модели.* Это подтверждается результатами государственной статистики, фиксирующей состояние экономической, демографической и социокультурной подсистем общества, а кроме того, данными многих социологических исследований, проведенных, в частности, в отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН, Институте социологии РАН, ВЦИОМ, Левада-Центре и др. (см., например, работы Г. Гвоздевой, М. Горшкова, Т. Заславской, З. Калугиной, П. Козыревой, Н. Лапина, Ю. Левады, Н. Римашевской, Н. Тихоновой, Ж. Тощенко, В. Ядова и др.).

Комбинаторная концепция иерархичности адаптивных механизмов

Смысл данной концепции, назовем ее комбинаторной, станет понятен, если мы вспомним об устройстве русской складной матрешки, позволяющем уяснить, как адаптивные механизмы могут быть «вложенными» один в другой. В данном случае в основе упорядочения механизмов лежит принцип генерализации — от частного к общему, от малого к большому.

Истоки этой концепции восходят к трудам К. Маннгейма. В своей книге «Человек и общество в век преобразования» [Маннгейм, 1991] он высказал замечание, интерпретируя которое, можно заключить, что в условиях крупных общественных перемен перед индивидом возникает дилемма: либо выстроить самостоятельную индивидуальную стратегию адаптации, не оглядываясь на способы и направления адаптации социальных групп, социальных организаций, в которые он входит, либо поступить прямо противоположным образом — войти в фарватер адаптивных стратегий этих групп и организаций и совместно с ними осуществлять процесс адаптации. В начале 1990-х гг., занимаясь эмпирическим изучением адаптивного поведения общественных групп, мы получили возможность убедиться в правильности этого заключения. Позднее возникло соображение о необходимости презентации этих идей в виде соответствующей концепции.

Итак, в ходе адаптации институтов (и организаций) к изменениям среды входящие в них индивиды (социальные группы) могут либо органично, так сказать, автоматически, влиться в «институциональный», «организационный» или «групповой» адаптивный процесс, прилагая усилия к выработке собственной стратегии адаптивного поведения лишь в определенных границах (многие стратегические вопросы об их адаптациях принимаются вне сферы их компетенции), либо же попытаться выработать свои индивидуальные (групповые) стратегии адаптации самостоятельно, вне зависимости от институциональной и организационной сред. В первом случае все проще: адаптирующийся субъект подобно песчинке, подхваченной гигантской морской волной, несется в общем потоке воды и песка, направляемый преимущественно чужой волей — волей волн. А его адаптация — есть, в значительной мере, результат адаптивных решений, принимаемых структурами более высоких уровней, в которые он входит, таких как группа, организация, институт, общество. Во втором случае — адаптивная инициатива, ответственность и риски — становятся прерогативой исключительно самого адаптанта.

И тем не менее, какова возможная диспозиция адаптаций в первом случае? Конечно, все не так уж однозначно, как в примере с морской волной. Момент индивидуального выбора, относительной самостоятельности все же присутствует и здесь. В силу этого обстоятельства, как представляется, адаптации такого рода могут быть: 1) синхронными

(совпадающими во времени) и однонаправленными (с точки зрения содержания действия, конечной цели), 2) асинхронными, но однонаправленными, 3) синхронными, но разнонаправленными и, наконец, 4) асинхронными и разнонаправленными. Понятно, что результаты реализации этих четырех моделей адаптации будут разными.

В данном контексте важно отметить не только универсальный факт адаптивного влияния структур (образований) высшего уровня на характер адаптации структур более низкого уровня в режиме «лестницы, ведущей вниз» (например, социетальной адаптации на институциональную, институциональной на организационную, организационной на групповую, групповой на индивидуальную), но и встречный (обратный) процесс — воздействие последних на первые (феномен «лестницы, ведущей вверх»). Ведь в определенном смысле индивидуальные адаптации созидают групповые адаптации, групповые адаптации участвуют в формировании организационных адаптаций, организационные адаптации оказываются задействованными в институциональные адаптации, а институциональные — в социетальные.

Вот один из возможных конкретных примеров — ситуация в науке в России 1990-х гг. Институт науки реорганизовывался, трансформировался, перестраивался в связи с резким сокращением государственного финансирования. Шел поиск новых источников финансирования: создались международные исследовательские центры, технопарки, «дочерние фирмы» прикладной направленности и пр. В этих условиях одна часть работников науки приняла новые «институциональные условия игры», влилась в общий ход преобразований, не предпринимая собственных адаптивных инициатив, однако находясь в фарватере уже заданных адаптационных стратегий групп, лабораторий, отделов, организаций и институтов. Вторая — одновременно подключилась к параллельному самостоятельному поиску дополнительных способов выживания вне рамок данного института: занялась предпринимательской деятельностью, всякого рода подработками на стороне, уехала на временные заработки за рубеж и т. д. Третья — предпочла решать свои проблемы сама за пределами данного института: вовсе ушла из сферы науки в предпринимательский сектор, пополнила ряды государственных чиновников, политиков, отбыла на постоянное жительство за рубеж («утечка мозгов») и пр.

В первых двух случаях принадлежность ученого к адаптирующемуся институту, лаборатории, группе как бы автоматически включала его в их адаптивные процессы и тем самым «облегчала» адаптивную задачу, сберегая адаптивные ресурсы, снижая адаптивные риски, упрощая поиск индивидуальной стратегии выживания и пр., т. е. архитектоника механизма их адаптации оказалась сродни устройству русской «матрешки», хотя матрешки эти разные. Матрешка второго типа — более устойчива в социальном плане, ее социальные риски значительно ниже, согласно пословице: «ласковое дитя двух маток сосет».

В третьем случае — «уход на свободные хлеба» — ситуация уже принципиально иная, она требует затрат больших объемов адаптивных ресурсов и сопряжена с повышенными рисками из-за отсутствия (утраты) поддерживающих, патерналистских структур более высоких уровней.

Замечу, что речь в данном случае идет о комбинаторном устройстве ряда адаптивных механизмов, а также о некоторых сопутствующих ему предпочтениях для субъектов адаптации. Вопрос об его относительной успешности или эффективности по сравнению с другими здесь не рассматривается. Данные позиции — успешность, эффективность — определяются подчас совсем другими факторами, нежели уровень «комбинаторности» (т. е. включенности либо невключенности в адаптивный процесс более общих структур), в частности, возможной способностью субъекта адаптации искусно выбрать правильную стратегию «сочетания» этих элементов адаптивного поведения — «попасть в яблочко», или, иными словами, «пройти по лезвию бритвы», балансируя между ошибкой изоляции и ошибкой интеграции в какую-либо структуру (группа, организация, институт и пр.). Ведь справедливости ради стоит заметить, что неадекватные модели адаптации крупных институтов, организаций и групп способны сыграть подчас роковую роль для тех субъектов, кто находится исключительно в фарватере их адаптаций.

Описанная выше комбинаторная модель механизма адаптации полностью верна и для регионов. Последние могут вести самостоятельный адаптивный поиск в быстроменяющихся экономическом и социокультурном пространствах, а могут целиком полагаться в этом вопросе исключительно на волю и стратегические разработки федерального центра. Полагаю, что позиция конкретного региона в этом вопросе должна определяться с учетом доминирующего типа отношений, выстроенных между ним и федеральным центром.

Можно выделить четыре типа отношений такого рода. 1. Отношения носят *отчуждающий* характер. Центр озабочен вопросами собственного процветания, а периферия — собственного выживания. Неотрефлексированы, а потому отсутствуют единство, общность интересов, идей, значений, смыслов, символов, наконец, солидарность; как альтернатива присутствуют конфликт интересов, напряжение, разногласия, непонимание; нормой взаимодействия является в общем случае оппозиция, а в худшем — эксплуатация центром периферии. Господствуют центробежные силы. 2. Характер отношений между федеральным центром и регионом — *проникающий* (или *малорефлексивный*), т. е. имеет место слабое понимание общности интересов, насущной необходимости солидарности, объединения, интеграции целей, задач, ценностей, идей, значений, смыслов и символов; сохраняется конфликт интересов, а также неэквивалентный социальный и экономический обмен в пользу центра. Преобладают центробежные силы. 3. Тип отношений между федеральным центром и регионом — *взаимоориентированный* (или *соединяющий*). В этом случае как нормативный принцип начинает укоренять-

ся консенсус интересов, ослабевают конфликты; формируются устойчивые позитивные солидарные взаимодействия на основе осознания общности цели, ценностей, идей, смыслов и символов; социальный, культурный и экономический обмен приобретает взаимовыгодный характер. Центробежные силы угасают. 4. Отношения между федеральным центром и регионом имеют *интеграционный* характер. Господствуют надежные механизмы купирования остроты конфликтов. Рефлексируется и утверждается понимание общности интересов, ценностей, целей и средств их достижения, актуализируются и интенсифицируются масштабные экономические и социокультурные связи и взаимодействия, построенные на взаимовыгодных условиях и пр. Активизируются центростремительные силы.

Думается, что при равных прочих обстоятельствах, для того чтобы сохранить себя в экономическом и социокультурном пространствах, а главное — выжить, регионы, имеющие модели отношений с федеральным центром 1 и 2, должны проявлять большую агрессивность, креативность, самостоятельность и активность (нежели регионы, которые можно отнести к моделям отношений 3 и 4) в выборе адаптивной стратегии в ответ на вызовы модернизационных и глобализационных процессов XXI в.

Предложенные вниманию читателя две *концепции иерархичности адаптивных механизмов*, первая — структурирующая их по глубине, последовательности и этапам включения, вторая — по комбинации, «вложенности» одного механизма в другой, а также третья *концепция о спецификации адаптивных механизмов, обслуживающих разные адаптивные стратегии*, проливают свет лишь на небольшой сегмент, визуально наблюдаемый и «очевидный», огромного непознанного пространства проблем устройства и функционирования социальных механизмов адаптации. Это — надводная часть айсберга. Конструктивный познавательный интерес социологов к подводной его части несомненно должен привести к разгадке многих глубинных тайн этого сложного феномена.

ГЛАВА 8

Модернизация общества в зеркале субэлит: противостояние взглядов, суждений, позиций

Партнером и ближайшим соседом России в геополитическом пространстве является Казахстан, с которым она имеет тесные социально-экономические и культурные связи, а кроме того, и самую протяженную из стран СНГ общую границу. Совсем недавно (менее 20 лет назад) обе

страны являлись частями единого государства — СССР с общей историей, едиными экономической и политической системами, близким укладом жизни и специфическими чертами «советской» ментальности. Эти обстоятельства порождают ныне определенную тождественность (общие признаки, близость) проблем и характера социально-экономических и политических преобразований, проводимых уже порознь, а потому неизбежно активизируют повышенный интерес российской научной общественности к тем процессам, которые происходят в Казахстане и, в частности, самому важному и фундаментальному из них — модернизации. Данное исследование как раз и является продуктом такого рода заинтересованности и вносит свою скромную лепту в изучение этого сложного и противоречивого процесса.

Напомним, что Казахстан уверенно вступил в силовое поле модернизационных процессов еще во второй половине XX в., находясь в составе СССР. За исторически короткий отрезок времени тогда были преодолены начальные стадии модернизации — заложен фундамент добывающей и легкой промышленности, осуществлены крупные преобразования в социокультурном пространстве, перекинувшие мост из поля господства вечной «традиционности» в будущее. Начало 90-х гг. XX в. отмечено утратой ряда позиций, завоеванных на шкале модернизации, и ознаменовалось промышленным спадом, падением профессионально-образовательного уровня населения, в том числе и из-за массового оттока из страны высококвалифицированных русскоязычных специалистов, безработицей, снижением уровня жизни, утратой социальных гарантий, правовой и социальной незащищенностью многих групп населения, в первую очередь малообеспеченных, и пр.

Во второй половине 90-х гг. ситуация постепенно начала изменяться к лучшему. Благодаря экономическим реформам модернизационного толка уже в 1998 г. было приватизировано около 90 % промышленных предприятий, причем во многих случаях с участием иностранного капитала. В 2001—2002 гг. в республике — первой из стран СНГ — проведена реформа банковской системы, железнодорожного транспорта, электроэнергетики, ЖКХ [Кузьмина, 2007. С. 156].

Согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике, в результате подъема экономики ВВП на душу населения достиг в 2005 г. величины 3703 долл. (для сравнения: этот показатель в 1995 г. составлял 1052,4 долл. на душу населения).

В том же году 73,1 % занятого населения Казахстана работало на предприятиях частной формы собственности и только 24,5 % — государственной (2,4 % были заняты на предприятиях, находящихся в собственности других государств, их юридических лиц и граждан). А доля самозанятых (т. е. лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой) составила 36,1 % занятого населения, т. е. существенно выросла (почти на 20 п.п.) по сравнению, например, с 1995 г., когда эта доля равнялась 16,6 %. [Статистический ежегодник..., 2006]. Приведенные данные сви-

детельствуют об относительно высокой предпринимательской активности граждан, хотя и носящей подчас, видимо, «вынужденный» характер. Так, можно предположить, что женщины, спасаясь от безработицы (их удельный вес среди безработных составлял 58 %, а среди работников по найму только 46 %, по данным за 2003 г.), более энергично устремляются, не видя перед собой иных перспектив, в сектор самозанятости, где их присутствие более заметно, по сравнению с мужчинами (52 % против 48 %). Можно, однако, выдвинуть и альтернативную — сомнительную, на наш взгляд — гипотезу, предположив, что женщины Казахстана более склонны к свободе, риску, предпринимательству и инновациям, чем мужчины, которые тяготеют к работе «по найму» [Женщины..., 2004. С. 70].

В целом приведенные выше данные свидетельствует о позитивных сдвигах в сфере экономики, обеспечиваемых либерализацией экономических институтов. И все же индекс экономической свободы (ЭС), ежегодно рассчитываемый организацией The Heritage Foundation, фиксирует все еще недостаточно высокие позиции Казахстана в общемировом рейтинге, хотя и на фоне обнадеживающих трендов: 2005 г. — 130-е место среди 155 стран, 2007 г. — 76-е среди 157 (для примера, Россия занимает 120-е место, Украина — 125-е)*.

Определенные успехи модернизационного плана достигнуты и в политической сфере. Конституционная реформа, проведенная в 2007 г., предусматривает трансформацию политической системы из президентской в президентско-парламентскую, что означает переход к более демократичной и институционально устойчивой форме, к смещению властного центра от исполнительной к законодательной ветви. На данный момент в стране действуют девять партий: Народно-демократическая партия «Нур Отан», Демократическая партия «Ак Жол», Коммунистическая Народная партия Казахстана, Партия патриотов Казахстана и др.

В XXI в. для адекватного ответа на вызовы глобализации Казахстана, как и России, предстоит дальнейшее движение сначала в направлении зрелого модернити, т. е. формирование открытого общества, подъем промышленного производства и благосостояния народа, утверждение свободной от диктата государства рыночной экономики, укрепление основ развитой представительной демократии, гарантий прав и свобод граждан, утверждение идеологии социоцентризма и т. д., а затем и постмодернити, важнейшими атрибутивными признаками которого являются следующие: 1) установление хозяйственной системы, основанной на производстве и использовании интеллектуального капитала, как своей важнейшей цели, введение, помимо традиционных чисто экономических и экологических соображений, нового важного критерия оценки прогрессивности внедряемых технических новшеств, предполагающего ответ на вопрос: способствуют ли эти новшества расширению

* <http://www.heritage.org/research/features/index/countries.cfm>

сферы свободы и самореализации индивида или выступают источником новых опасностей и порабощений; 2) экспансия непосредственной демократии и самоуправления; 3) укоренение идеологии гуманизма; 4) признание полицентричности и поливариантности ценностных структур и ментальных миров человечества и человека и т. д. Скорость и успешность продвижения к этим рубежам — символизируемым терминами «зрелого модернити» и «постмодернити» — в значительной мере будут зависеть от экономической, политической и социокультурной стратегии, реализуемой современными политическими и экономическими элитами.

Следует заметить, что в XXI в. в условиях глобализации и модернизации миросистемы в целом роль и ответственность элитарных групп, задействованных в процессах выбора и реализации стратегических управленческих решений самого высокого уровня, многократно возрастают в сравнении с предшествующими эпохами. Усиливаются и риски катастрофических исходов, спровоцированных неверными «ходами» управленческих элит в пространстве модернизационных и глобализационных процессов. Во-первых, на кон ставятся невиданные по объему в истории гигантские материально-технические, финансовые и человеческие ресурсы. Во-вторых, возрастает неопределенность (энтропия) самой миросистемы, непредсказуемость будущего, провоцируемая ослаблением (частичной утратой) контроля над использованием научно-технических достижений, экологическими и природными катаклизмами (Э. Гидденс [1994], У. Бек [2000]), противостоянием и столкновениями этносов и цивилизаций (С. Хантингтон [2003]) и т. д.

Все возрастающая роль элитарных групп в общественном развитии, в процессах модернизации и глобализации мира предполагает тщательное изучение их менталитета, образа мыслей, структуры сознания, ценностей, господствующих идеологий, расстановки сил, палитры мнений. Особенно это актуально для стран СНГ, делающих свой исторический выбор в переломную эпоху.

Цель настоящего исследования — попытаться выявить (через оценки, мнения, суждения, предпочтения) отношение субэлитарных групп, выступающих активным субъектом модернизационного поля современного Казахстана и одновременно первичным резервом для пополнения (или замещения) элит, к фундаментальным и текущим проблемам модернизации современного казахстанского общества.

Центральной гипотезой исследования выступает следующее предположение. Сложность, противоречивость, потенциальная возможность многовариантного хода развития модернизационных преобразований в Казахстане, многообразие культур и этносов, населяющих страну, наконец, реальные трудности модернизационных процессов должны активировать и порождать наличие альтернативных суждений и позиций экспертов — представителей субэлит — относительно широкого круга проблем, связанных с различными аспектами модернизации (в том чис-

ле представлений о доминирующем факторе модернизации в контексте триады экономика—политика—культура, наиболее предпочтительных моделях модернизации по линии деакриза Восток—Запад, самобытное — заимствование, социальных силах, тормозящих и активирующих модернизационный процесс, цивилизационной идентичности казахстанского общества и пр.), что способно не только указать на наличие специфических социальных, социокультурных, социально-политических напряжений в обществе, провоцируемых отсутствием явного социального консенсуса относительно принципиальных вопросов, связанных с модернизацией, но и выступить дополнительным аргументом в пользу легализации и утверждения идеи (представления) о глубоком противостоянии, расколе ментальных мировоззренческих платформ элитарных групп казахстанского общества.

Мы исходили из убеждения, что в условиях, когда Казахстан превращает в жизнь столь амбициозный модернизационный проект, действия субэлит — людей и социальных групп, имеющих власть (или непосредственный доступ к власти), вовлеченных в управленческую деятельность в разных сферах занятости населения, — их прямое отношение к происходящим переменам, их видение ситуации и способность влиять на взгляды и действия широких слоев общества во многом определяют вектор развития казахстанского общества. Иными словами, цели, формы, темпы и характер модернизационных преобразований в стране зависят, в частности, от готовности относительно узких групп соотносить их как со своими приватными интересами, так и с устремлениями других социальных субъектов (групп) и попытаться найти путь к межгрупповому компромиссу и солидарности в меняющейся реальности.

Актуальность подобных исследований состоит, как нам представляется, и в накоплении фактологических данных о модернизации в современном мире, необходимых, с одной стороны, для иллюстрации и эмпирической верификации теоретико-концептуальных взглядов на модернизацию, во множестве представленных в теоретической социологии XIX—XX вв., с другой — для коррекции хода модернизации, проводимой нередко в самых разных обществах с большими социокультурными, политическими и экономическими издержками.

Методологические основания работы и гипотетические предположения

Методологической основой работы является, во-первых, теоретическое представление о полиструктурности и многофакторности процесса модернизации, разрабатываемое отечественными и западными социологами (Р. Инглегарт, З. Т. Голенкова и др.). Суть его состоит в том, что модернизация рассматривается как социологический феномен, имеющий множество проекций и измерений: экономическое, социокультурное, политическое, правовое, демографическое и др. Причем по сию по-

ру актуальна полемика по поводу приоритетности самих факторов и детерминант, де-факто выступающих локомотивами модернизации в разных странах мира. Центральный вопрос: «Какой из факторов в качестве лидирующего — экономический, политический или социокультурный — обеспечивает поступательное движение модернизации?» не выходит из зоны острых научных дискуссий.

Вторым теоретико-концептуальным конструктом нашей работы выступает ряд положений из теории элиты, согласно которым именно высшие привилегированные слои, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры, обладающие позициями власти в организациях и институтах, детерминируют социальную жизнь (Т. Дай, А. Этциони), а значит, и модернизационные процессы в обществе. А. Тойнби, например, определяет элиты как творящее историю творческое меньшинство общества в противоположность его нетворческому апатичному большинству. Теоретики «элитного плюрализма», в свою очередь, полагают, что элиты — это сравнительно небольшие группы лиц, занимающие ведущее положение в какой-либо из сфер жизни — политической, экономической, культурной, получившие «наивысший индекс в области своей деятельности» (В. Парето), что дает возможность говорить и о разных элитах — политических, экономических, культурных и пр. В рамках управленческого подхода под элитами понимаются прежде всего наиболее квалифицированные специалисты, менеджеры и высшие служащие в системе бюрократического управления.

Мы отобрали здесь лишь небольшой пласт представлений о понятии «элиты», причем именно в наибольшей мере, на наш взгляд, акцентирующий те характерологические черты современной элиты (ведущее положение в обществе, высокий образовательно-профессиональный статус, управленческие функции, власть, ответственность и др.), которые, с одной стороны, поддаются определенной операционализации, с другой, содержат в себе конструктивный эвристический ресурс, актуальный для исследования процессов модернизации. Заметим, что и научные, и бытовые представления об элитах размыты и субъективны, общепризнанные четкие границы «элиты» отсутствуют, и в каждом частном случае исследователю предстоит самоопределяться в этом непростом вопросе.

С термином «элита» тесно связан другой, близкий и родственный ему по смыслу — субэлита, который и будет центральным в нашем исследовании. Он является производным от базового — «элита» и имеет отношение к более низшим структурным уровням последнего. Приставка «суб» имеет, как правило, два значения: 1) «находящийся под чем-нибудь или около чего-нибудь», 2) не основной, не главный, подчиненный кому-чему-нибудь. В данной работе актуализируется первое значение.

Дихотомия «элиты — субэлиты», природа их связи, взаимные позиции не столь уж просты, как представляется поверхностному взгляду, противоречивы и не однозначны. В стабильных обществах, в отли-

чие от обществ, переживающих разного рода революции, бифуркации, структурные кризисы, «сломы» и «надломы», как правило, элиты черпают резервы и пополняются в первую очередь за счет своих субэлит. Иными словами, субэлиты выступают в качестве ресурсного обеспечения, поставщика «кадров» для элит. Сами же элиты периодически вынуждены либо потесниться, либо попросту уступить свое привилегированное место субэлитам. Например, переместиться под напором «племени младого незнакомого» на ступеньку вниз по социальной лестнице (наиболее часто встречающийся в социальной практике феномен). В каком-то смысле можно утверждать, что субэлиты — это, нередко, элиты вчерашнего дня.

Исторически элитам и субэлитам присущи взаимодействия как солидарные, направленные на решение общих задач, достижение единой цели, так и конкурентные, обусловленные соперничеством за статус, привилегии, власть, престиж и богатство. Поэтому при оценке результатов общественных деяний элит, выстраивании своей собственной поведенческой линии субэлиты находятся, как правило, под воздействием двух разнонаправленных противоречивых сил и, как следствие, в результате занимают двойственную позицию по отношению к элитам. С одной стороны, под воздействием «духа сотрудничества» у них рождается желание поддержать, одобрить, угодить, содействовать, оправдать, услужить «родным» элитам. С другой стороны, под напором «духа соперничества» возникает стремление осуществлять неусыпный негласный контроль, обнаруживать ошибки, обличать, осуждать, «приговаривать» «свои» элиты и даже выжидать момент, когда можно начать открыто и агрессивно противодействовать им. В результате с авансцены театра власти, богатства и престижа на подмостки сцены сходят попеременно то одни, то другие социальные группы: элиты становятся субэлитами, а субэлиты, в свою очередь, поднимаясь на авансцену, — элитами. (Такого рода перемещения легко просматриваются в политических элитарных группах западных стран с развитой демократией). И те, и другие группы объединяет стратегическая общность целей, ценностей, смыслов, а разъединяют обычно а) второстепенные детали, искусственно возведенные в ранг «первооснов», б) формы, а не смыслы и сущности и, наконец, в) конкуренция как результат соперничества амбиций и честолюбий.

Стоит заметить, что в обществах, преодолевающих зоны социальной турбулентности, точки бифуркации, революционные ситуации, смена элит носит, как правило, более радикальный характер. В подобных случаях с самых нижних этажей социальной пирамиды на самые верхние ее позиции устремляются потоки людей, а навстречу им с катастрофической скоростью падают вниз элиты и субэлиты, согласно формуле «кто был ничем, тот станет всем».

Краткий экскурс в проблему, с одной стороны, идентичности, сходства, подобия, с другой — различий, взаимной отчужденности и авто-

номии элит и субэлит служит обоснованием предположения о несостоятельности тотального отождествления социальных диспозиций этих групп в модернизационном поле, несмотря на их подчас обманчивую социальную близость. (Это гипотетическое утверждение нуждается в специальной углубленной верификации; однако мы вынуждены изложить его здесь в превентивных целях: чтобы подстраховаться от возможных обвинений в ошибке «отождествления» или ошибки «подмены» понятий «элиты» и «субэлиты»).

О выборке экспертов и социологическом инструментарии

Для исследования наиболее проблемных вопросов модернизации в современном казахстанском обществе в июне—августе 2006 г. в отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН было проведено социологическое исследование, направленное на изучение экспертного мнения субэлит о состоянии и перспективах модернизации казахстанского общества.

Согласно нашим представлениям, субэлиты, как и элиты, в силу занимаемых ими социальных позиций, предоставляющих в том числе уникальные информационные и административно-управленческие ресурсы, как никакие другие группы должны располагать отрефлексируемым спектром представлений, суждений, убеждений, взглядов, воззрений, соображений, мнений о модернизации казахстанского общества. Выбор же в качестве единицы социологического наблюдения субэлит был вызван, во-первых, ограниченностью финансовых и временных ресурсов и средств, во-вторых, большей «доступностью» субэлит в организационном аспекте для социологических опросов в сравнении с элитами и, в-третьих, достаточно высоким уровнем компетентности и власти субэлит, не столь уж многим уступающих в этом отношении «элитам».

В качестве экспертов — представителей субэлит — выступил высококвалифицированный управленческий персонал преимущественно высшего звена, занятый в сферах: 1) государственной службы, 2) торгово-промышленного бизнеса, 3) науки, культуры и высшего образования, 4) социальной работы и социальных услуг, а кроме того, профессионально-компетентные специалисты высокого ранга, занятые в данных четырех сферах. Таким образом, в выборку вошли представители ключевых (с точки зрения общественных преобразований) субэлитарных групп — агентов модернизационного процесса.

Выборка экспертов, позиционируемых нами в качестве представителей субэлит, носила целевой характер. При ее построении использовался метод «снежного кома». Объем выборки составил 260 человек. Выборка имела в целом равнопредставительный характер: численность экспертов, занятых в каждой из четырех основных сфер деятельности, получилась примерно равная.

Эксперты на момент опроса проживали и работали в следующих городах: Алматы, Астана, Жезказган, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Тараз (Джамбул), «центр тяжести» в обследовании приходится на Алматы и Астану (в них опрошено 242 чел.). Мужчины в выборочной совокупности составили 42 %, женщины — 58 %. Средний возраст экспертов — 40 лет. Все эксперты с высшим образованием, из них 7 % имеют два высших образования, а каждый седьмой — научную степень. В составе опрошенных в большом перевесом доминируют казахи (178 чел.).

Специально для данного исследования была разработана оригинальная социологическая анкета: «Модернизация казахстанского общества: взгляд эксперта», включившая более семидесяти вопросов, сгруппированных в семь блоков: 1) общие сведения об экспертах; 2) Казахстан в процессе модернизации; 3) модернизация, политика и право; 4) культура и модернизация; 5) социальные качества населения и модернизация (модернизационный потенциал населения); 6) модернизация и социальные группы (группы, лоббирующие и тормозящие модернизацию); 7) дополнительные сведения об экспертах (ценностные ориентиры и личностные предпочтения в сфере образования, семьи и культуры).

В данной публикации мы сфокусировали свое внимание на втором разделе анкеты. Перейдем к результатам экспертного опроса.

Казахстанское общество является сегодня традиционным или современным?

Центральной характеристикой любого общества является распознавание его места в границах континуума «традиционное—современное».

К традиционным относят обычно общества технологически примитивные, бедные, к которых разделение труда и специализация находятся на примитивном уровне, родство является главным социальным институтом, большинство ролей связано с родством, господствуют натуральное хозяйство и однородная культура, социальная структура — закрытая, тип расселения — преимущественно сельский и т. д. К современным — технологически развитое, процветающее, со сложным разделением труда и глубокой специализацией, кровнородственные связи отошли на второй план, родство становится второстепенным социальным институтом, каждый выполняет в таком обществе множество ролей, широкое распространение получают средства массовой информации и коммуникации (радио, телевидение, книги, газеты, фильмы и пр.), политический режим — представительная демократия, тип расселения — преимущественно городской, социальная структура — открытая, предполагающая свободную циркуляцию по пирамиде социальной иерархии.

Эксперты в своей массе (80 %) полагают, что казахстанское общество сегодня является либо уже современным, либо скорее современным, чем традиционным. Доминирование в обществе традиционных начал подчеркнули лишь 14 % опрошенных.

В вопросе о позиционировании современного казахстанского общества в континууме «современное—традиционное» четко обозначилась полярность взглядов наших экспертов. Один полюс — объединил «оптимистов», т. е. позитивно настроенную четверть всех опрошенных (26,2 %). Они решительно определили состояние казахстанского общества как «современное, современное, современное» и только. Второй же полюс образовали «пессимисты» — малая часть экспертов (2 %), без оговорок назвавшие это общество «традиционным». Налицо мощный крен в пользу «оптимистов». Модальной (преобладающей) же явилась осторожная точка зрения тех, кто определил казахстанское общество как «скорее современное, чем традиционное» (54 %), что близко по смыслу тезе «переходное, на завершающем этапе». В свою очередь каждый восьмой (12 %), утверждая, что казахстанское общество является сегодня «скорее традиционным, чем современным», по сути дела позиционировал его в качестве «переходного, на начальном этапе».

Глубокие расхождения экспертов во мнениях о типе казахстанского общества в континууме «современное—традиционное» являются, с одной стороны, эхом научных и политических дискуссий о статусе современного Казахстана (М. С. Аженов, Ф. М. Жармакина, Н. А. Назарбаев, О. В. Нечипоренко, А. Н. Нысанбаев и др.), с другой, результатом личностного «эксклюзивного» осмысления казахстанских реалий с опорой на собственные жизненные впечатления, иными словами, плодом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Далее экспертам было предложено аргументировать свою точку зрения относительно выбранной ими характеристики казахстанского общества. Об этом был задан соответствующий вопрос в открытой форме, т. е. наводящие подсказки в нем отсутствовали, а значит, эксперты самостоятельно должны были продуцировать и формулировать свои соображения, доводы и резоны.

В результате выявилась следующая палитра аргументов. Сторонники идентификации казахстанского общества как «современного» или «скорее современного, чем традиционного» чаще всего отмечали (в порядке убывания) экономические достижения страны, высокие темпы экономического роста, открытый светский характер общества, движение к демократическому и гражданскому обществу, расширение политических и религиозных свобод, образованность населения, интеграцию в мировую экономику, оснащенность производства современными технологиями, успешную интериоризацию западного опыта и пр.

В свою очередь эксперты, позиционирующие казахстанское общество в качестве «традиционного» и «скорее традиционного, чем современного», объяснили свою точку зрения сохранением традиционных уклада жизни и ментальности, проявляющихся, в частности, в доминировании клановых и родственных связей и отношений в социальной, экономической и политической жизни, отсутствием развитой сети современных городов, не компенсируемой двумя «анклавами» — Астаной

и Алматы, наличием повсеместной бедности, отсутствием системы гарантированной занятости, неразвитостью демократии, сырьевым характером экономики, отсталостью страны в технологическом плане и т. д.

Известно, что в исторической практике модернизация имела множество «ликков», в зависимости от конкретной страны или эпохи, в которую она осуществлялась: ускоренная, догоняющая, частичная, рецидивирующая, органическая, патологическая и т. д., и т. п. В нашей анкете экспертам было предложено визуально определить одной—двумя красками-ассоциациями наиболее яркую черту модернизации современного казахстанского общества. Для этого был представлен специальный набор подсказок: одни из них носили положительный оттенок (ускоренная, эффективная, согласованная, бархатная), другие — призваны были отразить элементы критического восприятия (частичная, противоречивая, запаздывающая, неэффективная). Образ модернизации современного Казахстана оказался описанным четырьмя ключевыми дефинициями: «Ускоренная, эффективная, но, однако, частичная и противоречивая» (табл. 8.1). В целом по блоку ответов положительные высказывания составили 64,2, а отрицательные — 49,2 %. Таким образом, на современном этапе стратегическую рекомендацию экспертов архитекторам казахстанской модернизации можно было бы сформулировать следующим образом: *«Сохраняя высокий темп и эффективность, купировать возникающие противоречия и расширять горизонты модернизационных преобразований, обеспечивая их полноту и внутреннюю согласованность».*

Таблица 8.1

Атрибутивные характеристики модернизации Казахстана, отмеченные респондентами

Определения модернизации	Количество ответов, % к числу ответивших
Позитивные:	
Ускоренная	36
Эффективная	24
Согласованная	16
Бархатная	12
В целом по блоку	64,2
Негативные:	
Частичная	22
Запаздывающая	14
Противоречивая	19
Неэффективная	4
В целом по блоку	49,2

Примечание. Можно было дать несколько вариантов ответа.

Экономика, политика или культура определяют ход модернизации?

Мировая практика модернизационных процессов демонстрирует многообразие конкретных вариантов моделей модернизации в разных обществах. Оно обусловлено различиями в цивилизационной идентичности обществ, специфике исторического момента, а кроме того, мировоззренческими предпочтениями политических элит, определяющих основные контуры и смыслы инновационных преобразований, а также в готовности социальных групп к обновлению социальных практик и т. д. До сих пор проблема многообразия моделей модернизации, определение границ наиболее адекватных и оптимальных (минимальные издержки при максимальных результатах) моделей модернизации в конкретных экономических, политических и социокультурных обстоятельствах остается не отраженной научным сообществом.

Центральный вопрос — о главном движущем факторе развития общества, т. е. таком, который выступает его локомотивом, обеспечивая уверенное поступательное движение, — является предметом острых научных дискуссий на протяжении двух минувших столетий. Важность экономических, политических и социокультурных преобразований отмечалась многими учеными, однако расстановка приоритетов была разной. К. Маркс — представитель диалектического материализма и системно-структурной социологии, отстаивал позиции экономического детерминизма, полагая, что развитие экономической системы (базиса) является первичным и влечет за собой перемены в надстройке — социокультурной и политической системах общества.

Альтернативной точки зрения придерживался М. Вебер — отец-основатель интерпретативной социологии. Он отмечал доминирующую роль культуры в жизни общества. Согласно представлению Вебера, встреча (соединение) трех социокультурных факторов на территории Европы — протестантская этика, точные науки (особенно математика) и римское право способствовала зарождению и расцвету капитализма, что благоприятствовало как промышленной, так и демократической революции, а стало быть, экономическим и политическим переменам.

Культура, согласно М. Веберу, имеет самостоятельное значение и не представляет собой вторичное явление в рамках экономической системы. Она способна формировать экономическое поведение, равно как и испытывать на себе его воздействие [Вебер, 1990. С. 61—208].

Интерес представляет и трактовка С. Хантингтона парадигмы модернизации. По его мнению, на первый план выступают сдвиги в сознании представителей модернизирующихся обществ. Модернизация, пишет С. Хантингтон, неосуществима до тех пор, пока люди не начинают ощущать возможность перемен. Согласно его мнению, «модернизация прежде всего подразумевает веру в человеческую способность посредством осмысленной деятельности изменить свое природное и социаль-

ное окружение. “Сознание перемен” начинает формироваться, когда люди убеждаются в возможности понять общество и природу, и восприятие этой возможности превращается в убежденность, что общественная жизнь и природная среда могут контролироваться человеком в соответствии с теми целями, которые он ставит перед собой» [Хантингтон, 2004].

Существует множество оттенков и деталей во взглядах ученых, размышляющих о факторах, лежащих в основе модернизационного процесса либо катализирующих его (П. Бергер, Т. Парсонс и др.). По представлению некоторых современных исследователей, занимающих «соглашательскую позицию», три рассматриваемых нами фактора: экономический, политический и социокультурный — взаимопереплетены и действуют сообща, хотя в разных исторических и географических ситуациях любой из них может возобладать над другим (М. Уотерс, Р. Инглегарт и др.).

В контексте такого рода дискуссий мы сочли целесообразным выяснить позицию наших экспертов по данной проблеме с помощью следующего вопроса анкеты: «Преобразования какого рода — экономические, культурные или политические — должны лидировать и определять облик модернизации Казахстана и выступать локомотивом модернизации?».

Большинство экспертов (62 %) полагает, что экономические преобразования в стране должны главенствовать и вести за собой другие (культурные и политические). Высокая доля поддержавших эту позицию объясняется, видимо: 1) укорененностью марксистской традиции в мировоззренческой системе субэлит, представляющей собой своеобразный идеологический шлейф советской эпохи, а кроме того, 2) яркими успехами Китая, выбравшего именно такой путь обновления и модернизации. Эксперты аргументируют свою позицию тем, что «экономика создает благосостояние общества и стабильность в государстве», «формирует позитивные настроения социальных групп, их уверенность в завтрашнем дне», ссылаются на: 1) экономические успехи Казахстана и 2) опыт Китая и других стран, а кроме того, напоминают, что «глобализация требует экономической конкурентоспособности страны».

В свою очередь около четверти экспертов (23 %) считает, что главенствовать и определять ход модернизации должны политические преобразования. Политика — «всему голова», она «определяет стратегию и тактику развития общества», в том числе экономическую и социокультурную, «обеспечивает стабильность общества». Продолжая и детализируя рассуждения экспертов, следует отметить, что политические преобразования модернизационного толка — демократические принципы организации общественной и политической жизни, гарантирующие права и гражданские свободы, — избавляют человека от гнета «вечно вчерашнего»: диктата коллективных безличностных структур, отсутствия индивидуального выбора, доминирования целого над частью и т. п., и тем самым пробуждают в нем активные созидательные начала, актуализируют

его инновационный потенциал. В противном же случае возникает угроза торможения инноваций, искажения смысла и сути самих модернизационных преобразований как в экономике, так и в культуре (феномен разного рода квазимодернизаций: патологических, декларативных, мимикрических и пр. модернизаций).

Примерно каждый восьмой (13 %) эксперт высказался в пользу ведущей роли социокультурного фактора. Наиболее частые ответы: «культура составляет основу жизни всякого общества», «при отсутствии изменений в сознании населения модернизация остается лишь слепым копированием чужого опыта», «рост культурного уровня населения позволит всем гражданам на равных участвовать в преобразованиях общества» и т. д. Эти эксперты, видимо, находятся под обаянием факта возросшего влияния, начиная с последней трети XIX в. и особенно первой половины XX в., интеллектуально-культурной сферы на социальные трансформации обществ.

Раскрывая, поддерживая и дополняя позицию экспертов данной группы, следует подчеркнуть два момента.

1. Нужно не забывать, что сама культура представляет собой уникальную стратегию *адаптации* ее народа, а потому исторически подвержена внутренним поступательным системным изменениям. И, что важно, преимущественно таким, которые сберегают ее «ядро», первооснову и сущность. Деформация же, разрушение культуры под воздействием агрессивных чужеродных внешних факторов, таких, например, как неорганическая модернизация, уничтожают уникальный самобытный репертуар (фонд) адаптивных способов, инструментов и форм (наработанных тысячелетиями и наиболее эффективных, целесообразных и органичных для данного социума), тем самым делая социум беспомощным, ущербным, дезориентированным и *дезадаптивным* на относительно длительный исторический период, что чревато катастрофическим исходом. Таким образом, ход модернизационных процессов в общем случае должен осуществляться преимущественно в социокультурных рамках и национальном контексте конкретного общества.

2. Более того, без создания специфической социокультурной среды, для которой характерны нормы доверия, солидарности, ответственности, творческой активности, трудолюбия, профессиональной компетентности, предприимчивости, рациональности и пр., любые начинания модернизационного толка, в том числе и в экономической сфере, обречены на неизбежные сбои, тупики, высокие социальные и экономические издержки. По мнению американского социолога Ф. Фукуямы, чтобы институты демократии и рыночной экономики могли действовать эффективно, «они должны сосуществовать с определенными досовременными (pre-modern) культурными устоями, которые и обеспечат их надлежащее функционирование. Закон, договор, экономическая целесообразность необходимы, но недостаточны в качестве основы стабильности и благополучия постиндустриальных обществ; к ним следует добавить такие

понятия, как принципы взаимности, моральные обязательства, долг перед обществом и доверие, которые основаны на *традициях и обычаях*, а не рациональном расчете (Курсив наш. — С. Е., Л. К.). Все эти понятия в условиях современного общества — не анахронизмы, а необходимые условия его успешного развития» [Фукуяма, 1999. С. 129—131]. Ф. Фукуяма вводит понятие «общественный капитал», понимая его как реальные возможности, возникающие перед обществом (или его частями) благодаря наличию доверия между людьми, отдельными социальными группами, организациями и прочими его образующими. Общественный капитал «обычно создается и передается посредством культурных механизмов — через религию, традиции и исторические обычаи» [Там же. С. 134] и предполагает приоритет общественных добродетелей, а не индивидуальных. Приобретение же общественного капитала «требует *адаптации к моральным нормам* (Курсив наш. — С. Е., Л. К.) определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность» [Там же. С. 135].

Ключевой же характеристикой понятия «общественный капитал» выступает доверие, т. е. «возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами» [Там же. С. 134]. Доверие определяется социокультурными факторами, возникает на основе общепринятых этических норм и ценностей и имеет «высокую и вполне конкретную экономическую ценность» [Там же].

В унисон идеям приверженцев приоритета социокультурных факторов перед экономическими и политическими Ф. Фукуяма утверждает, что способность к слаженному взаимодействию в рамках общества зависит от ранее сформировавшихся обычаев, традиций и норм, которые и влияют на формирование рынка, а также, что «успешное развитие рыночной экономики не является причиной стабильной демократии, а скорее само определяется наличием ранее сложившегося общественного капитала. Если общественный капитал имеется в изобилии, успешно будут развиваться и рынки, и демократическая политическая система, и тогда рынок действительно сможет выполнять роль школы общественного поведения, способствующей укреплению демократических институтов. Это особенно относится к новым индустриальным странам с авторитарной формой правления, где люди имеют возможность освоить новые формы социализации в пределах фирмы до того, как они будут применены в политической сфере» [Там же. С. 156]. Иными словами, и под экономикой, и под демократией Фукуяма подводит общий фундамент — общественный капитал, формирующийся в недрах социокультурной системы, который и определяет, в конечном счете, эффективность как демократических политических институтов, так и институтов рынка.

Однако вернемся к вопросу о соотношении факторов, определяющих модернизационный процесс, точнее, о главном факторе модернизации

ции. Наконец, баланс экономических, политических и культурных преобразований, не отраженный в подсказках анкеты, был отмечен 2 % опрошенных. В данном контексте уместно вспомнить положение Р. Инглгарта о «круговой» взаимосвязи экономики, политики и культуры. По его мнению, в долгосрочной перспективе изменения в культуре являются реакцией на преобразования экономического, технического и политического характера, а потому культура не может долго оставаться неизменной. Хотя перемены в сфере культуры являются реакцией на развитие социально-экономической, политической и технической среды, они сами (перемены в культуре), в свою очередь, формируют эту последнюю (т. е. среду) [Инглгарт, 1999. С. 249—250]. Невольно возникает ассоциация с неразрешимой вечной загадкой о «первичности» курицы или яйца.

Итак, в целом мнение экспертов склоняется в пользу экономического фактора, который рассматривается в качестве главного, с точки зрения модернизационных преобразований. Это не удивительно, если учесть позицию по этому вопросу властвующей политической элиты Казахстана, в том числе президента Казахстана Н. Назарбаева.

Реальные модернизационные процессы в современном Казахстане осуществляются по принципу «сначала экономика, потом политика», что неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент страны. В своих посланиях и выступлениях президент утверждает, что «экономика остается главным приоритетом нашего развития, а достижение максимально высоких темпов экономического роста — основной задачей» [Назарбаев, 2004, 2005].

Тем не менее в палитре мнений наших экспертов наличествуют и интенции иного толка — акцентирующие роль политики и культуры в модернизации страны (36 %). Это свидетельствует о внутренней дискуссии, которую явно или неявно ведут между собой элитарные группы, об отсутствии единства в их мнениях. Одна часть поддерживает, судя по всему, тот курс модернизации, который проводится в стране, другая — вольно или невольно оппонирует ей в этом вопросе, занимая независимую самостоятельную, отличную от правящих верхов позицию. Факт многополярности суждений экспертов является доказательством свободы выражения мнений, взглядов, позиций, а значит, в известной мере, и признаком демократичности политического устройства страны, гарантией того, что «единомыслие» — болезнь автократических тоталитарных режимов и обществ с тем или иным успехом, но, видимо, преодолевается в современном Казахстане.

В экономике, политике или культуре казахстанского общества произошли наиболее заметные сдвиги в последние годы и почему?

Приоритет экономики в модернизации страны, провозглашенный правящей элитой Казахстана, принес свои закономерные практические

результаты. На вопрос «В какой сфере общественной жизни Казахстана — экономике, политике или культуре — произошли наиболее заметные сдвиги модернизационного плана в последние 15 лет?» 75 % экспертов назвали именно экономику, 18 % — политику, и лишь 4 % — культуру. За этими цифрами просматривается в первую очередь концентрация усилий правящих элит страны на решении экономических проблем при одновременном пренебрежении вопросами социокультурного плана.

Однако, думается, что есть и другие моменты, объясняющие в данном случае примат экономических достижений перед всеми остальными. Достаточно обратиться к научному наследию: вспомнить, например, теорию «культурного лага» У. Огборна или гипотезу «трех часов» Р. Дарендорфа, в которых отмечается, что скорость, темп и ритм социальных изменений неодинаковы в разных областях социальной жизни, причем сфера нематериальной культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменений и длительным сохранением прежних условий, в то время как перемены в других сферах жизни общества, например экономике, уже произошли. Возможно, что и в Казахстане имеет место феномен культурного запаздывания, поэтому изменения в материальной жизни общества опережают трансформацию нематериальной культуры (традиций, обычаев, привычек, убеждений, философско-мировоззренческих систем, этических норм, законов и форм правления). Заметим, что эти теории сродни представлениям К. Маркса о базисе и надстройке и представляют собой, по сути, вариации его теоретических воззрений.

Тотальное отставание социокультурной составляющей — неизбежность и тормоз модернизации?

Доктрина фатального отставания социокультурной сферы от экономической (а нематериальной культуры от материальной) фиксирует производность, зависимость, вторичность первой по отношению ко второй. В развитие этих представлений в социологии утвердилась и теза, которая гласит, что социокультурные образования по природе своей ригидны и неподатливы к изменениям, а потому неизбежно цепляются за традицию и сопротивляются любым преобразованиям модернизационного толка. Иными словами, социокультурные факторы выступают неизбежным тормозом модернизации, а потому «вредят ей», что плохо.

Сверх того в социологии имеют место и более радикальные взгляды на социокультурную модернизацию. Они ставят под сомнение сам тезис о целесообразности ее как таковой. В данном контексте имеет смысл обратиться к воззрениям одного из теоретиков модернизации П. Бергера, который неоднозначно оценивает современность. Он полагает, что, с одной стороны, она освободила людей от жесткого контроля со стороны разного рода общностей: семьи, клана, племени и т. д., увеличила их

власть над природой, сделала более успешным управление человеческими делами, а с другой — лишила человека корней, превратила его в «бездомного», разрушила символический универсум религии. П. Бергер выступает «за» поддержку модернизации в сфере экономики и технологии, но «против» модернизации в области культуры, искусства и особенно религии. Иными словами, исключает позитивный потенциал и надобность социокультурной составляющей модернизации [Berger, 1979. P. 211]. В этой связи в качестве аргумента примиряющего характера, сближающего альтернативные позиции ученых, хотелось бы вспомнить английскую мудрость: «Традиции должны меняться, чтобы оставаться неизменными».

Как видим, в целом, по оценкам экспертов, складывается достаточно позитивная картина, согласно которой Казахстан является современным модерным обществом. Однако, когда мы попытались детализировать картину и попросили экспертов оценить уровень модернизованности конкретных сфер общественной жизни, то картина вмиг утратила свои радужные краски (табл. 8.2). Остановимся на этом вопросе подробнее.

Таблица 8.2

**Индикаторы модернизации Казахстана и их оценки,
% экспертов, присвоивших данный балл**

Индикаторы (измерения, проекции, векторы, направления) модернизации	Оценки по пятибалльной шкале					Средняя оценка, баллы
	5	4	3	2	1	
1	2	3	4	5	6	7
Экономические:						
<i>Собственность</i>						
1. Многоукладность экономики (наличие разных форм собственности)	14	41	38	6	1	3,6
2. Существование (наличие) института частной собственности	20	42	28	7	3	3,7
3. Неприкосновенность частной собственности	9	26	39	21	5	3,1
<i>Рынок и предпринимательство</i>						
4. Свобода для частной инициативы и предпринимательства	15	32	36	15	2	3,5
5. Свободная конкуренция на рынке труда	11	24	36	22	7	3,1
6. Свободная конкуренция на рынке товаров и услуг	18	31	35	11	5	3,5
<i>Статус регионов</i>						
7. Экономическая самостоятельность регионов страны	7	21	45	20	7	3,0
<i>В среднем по группе</i>	13,4	31,0	36,7	14,6	4,3	3,3

Окончание табл. 8.1

1	2	3	4	5	6	7
Политические:						
1. Свобода печати	6	26	40	22	6	3,0
2. Возможность открыто высказывать свои политические взгляды	5	21	42	25	7	2,9
3. Наличие оппозиции, которая бы контролировала президента и правительство	5	11	28	34	22	2,4
<i>В среднем по группе</i>	5,3	19,3	36,7	27,0	11,7	2,8
Правовые:						
<i>Тип правовой системы</i>						
1. Развитая правовая система, провозглашающая и гарантирующая обеспечение интересов граждан	3	17	50	23	7	2,9
2. Равенство всех граждан перед законом	12	13	38	28	9	2,9
<i>Статус судопроизводства</i>						
3. Независимость суда	5	11	35	35	14	2,6
<i>Гражданские свободы</i>						
4. Свобода вероисповедания	54	37	7	2	0	4,4
5. Свобода передвижения по стране и за ее пределы (выезд за рубеж)	44	36	13	5	2	4,2
<i>Правосознание населения</i>						
6. Высокая правовая культура населения	2	11	44	32	11	2,6
<i>В среднем по группе</i>	20,0	20,8	31,2	20,8	7,2	3,3
Социальные и социокультурные:						
1. Открытая стратификационная система (свобода перемещения по иерархической социальной лестнице)	6	24	40	24	6	3,0
2. Равенство жизненных шансов для всех граждан	10	19	36	30	5	3,0
3. Участие рабочих в управлении предприятием	4	17	32	34	14	2,6
4. Толерантность к людям иной национальной культуры	35	38	22	3	2	4,0
<i>В среднем по группе</i>	13,8	24,5	32,5	22,7	6,5	3,2
Итого по всем индикаторам	14,3	24,9	34,2	19,9	6,7	3,2

Уровни модернизованности разных сторон общественной жизни Казахстана по оценкам экспертов

Процедура оценки модернизации конкретных сфер общественной жизни состояла в следующем. Вначале были выделены четыре типа теоретических индикаторов модернизации — экономический, политический, правовой, социальный. Далее каждый из них был операционализирован посредством индикаторов понятийных. В результате экономический вектор объединил семь, политический — три, правовой, в нашем случае в значительной мере тяготеющий к политическому, — шесть и, наконец, социальный — четыре понятийных индикатора. Заметим, что подбор и отбор понятийных индикаторов — сама по себе непростая задача. С одной стороны, исследователь стремится к полноте их представления, с другой, на него накладывает ограничения формат социологического инструментария (в нашем случае анкеты). Мы стремились отразить наиболее яркие, важные и, одновременно «классические», на наш взгляд, стороны современной модернизации. Отбор понятийных индикаторов носил по сути полусубъективный-полуобъективный характер. «Субъективный», потому что в нем нашли отражение наши индивидуальные предпочтения, «объективный» — поскольку в нем в той или иной мере аккумулированы аргументированные теоретические воззрения большого числа ученых. Понятно, что в дальнейшем список понятийных индикаторов может быть расширен, углублен и детализирован.

Предложенный вариант «прикрепления» ряда понятийных индикаторов к теоретическим не является безупречным и абсолютным ввиду сложности разграничения правового, политического и социального полей. Однако мы сочли возможным остановиться именно на данном варианте структурирования пространства индикаторов, хотя не исключаем и другие его версии. (Самым «проблематичным» и «уязвимым» в нашем случае является «разъединение» гражданских свобод и разнесение их по трем блокам индикаторов — экономических, политических, правовых — в соответствии с содержанием и ролью в конкретных сферах общественной жизни). В результате на базе выделенных нами понятийных индикаторов экспертам и предстояло оценить в баллах (от 1 — низший балл до 5 — высший) современный уровень модернизационных преобразований в Казахстане.

Какие главные черты в оценках модернизации обращают на себя внимание? **Во-первых**, налицо низкая средняя «интегральная» отметка всех 20 индикаторов, она составила лишь немногим более 3 баллов (3,2). Не удивительно поэтому, что «тройка» стала самой «востребованной» оценкой у наших экспертов.

Во-вторых, озадачивает высокая проблемность *политического поля* как такового. Наиболее низкие баллы получили его индикаторы: «возможность открыто высказывать свои политические взгляды» (лишь 5 % экспертов выставили самый высший балл, средняя же оценка составила

2,9 балла), «наличие оппозиции, которая бы контролировала президента и правительство» (5 % и 2,4 балла), «свобода печати» (6 % и 3,0 балла).

В этой связи хотелось бы напомнить о важности политического фактора в модернизационных процессах современности. Корректируя положения марксизма в контексте новых социально-экономических и политических реалий времени, даже неомарксисты вынуждены ныне признавать не только все возрастающую роль политики в жизни общества, но и, порой, ее первенство над экономикой.

В-третьих, весьма проблемным является и *правовое поле*. Его чисто внешнее «интегральное» благополучие (средний балл — 3,3) обеспечивается уникальной ситуацией, аналогичной «средней температуре» в больнице: один умер, у другого — жар, а потому средняя температура не выходит за пределы нормы 36,6. Высокие баллы у индикаторов, условно названных нами «гражданские свободы», — здесь 54 и 44 % экспертов соответственно оказались единодушны в проставлении высшей отметки 5 баллов таким индикаторам, как «свобода вероисповедания» и «свобода передвижения по стране и за ее пределы», — по сути гасят (маскируют, нивелируют) острокритическое положение у других «правовых» индикаторов, таких, например, как «развитая правовая система, провозглашающая и гарантирующая обеспечение интересов граждан» (высшую оценку 5 баллов выставили 3 % экспертов, средний балл равен 2,9), «независимость суда» (5 % и 2,6 балла), «высокая правовая культура населения» (2 % и 2,6 балла).

Столь низкие баллы этих индикаторов свидетельствуют по сути о некоем «параличе» судебной-правовой системы, без нормального функционирования которой модернизация неизбежно принимает уродливые патологические и квазиформы. Истоки этого паралича имеют, с одной стороны, объективный характер — неразвитость правовых институтов как таковых, с другой — субъективный, обусловленный слабой правовой грамотностью населения, низкими характеристиками общественного капитала. Думается, что это общая болезнь стран СНГ, наследующих социально-правовые практики и институты советского времени, когда повсеместно господствовало «телефонное право» и разного рода «адресные» (двойные, тройные и прочие) стандарты, дифференцирующие людей, пытающихся решать ту или иную свою проблему в рамках советского судопроизводства, согласно их месту во властной иерархии. Отсюда — отсутствие доверия к судопроизводству, к правовым институтам в целом, игнорирование законов, установлений и правил.

В-четвертых, аналогичная картина «средней температуры в больнице» наблюдается и в группе *социальных индикаторов*, где ситуацию «в лучшую сторону» выправляет индикатор «толерантности к людям иной национальной культуры» (35 % экспертов присвоили ему высший балл, средняя оценка — 4 балла). Всем остальным индикаторам данной группы: «открытая стратификационная система», «равенство жизненных шансов всех граждан», «участие рабочих в управлении предприятием»

не удалось преодолеть заветную грань в 3 балла (средние оценки, представленные экспертами, составили 3,0, 3,0 и 2,6 балла соответственно).

Особо стоит остановиться в этой связи на таком индикаторе модернизации, задействованном в нашем проекте, как «участие рабочих в управлении предприятием». На первый взгляд, он носит частный характер, но по сути отражает степень интегрированности работников в свое предприятие, уровень их включенности и заинтересованности в делах производства, открывающиеся возможности самореализации личности, что также является весьма ярким атрибутивным признаком развитого модерни (классический пример — Япония). Однако, согласно нашим экспертным данным, в современном Казахстане проблема формирования корпоративного духа работников, их встроенности в дела своего предприятия остается не только не решенной, но, судя по всему, не отрефлексированной в должной мере. В то же время современная общественная трансформация (речь идет об этапе зрелого и позднего модерни) инициируется изменениями, происходящими прежде всего на индивидуальном, а часто даже социопсихологическом уровне, многие экономико-хозяйственные, экологические, политические закономерности и отношения в этих условиях нередко приобретают новое содержание и новое, существенно более важное значение. Именно личностные факторы оказывают мощное влияние на ход и направления зрелой модернизации, именно роль и значение человека как субъекта производства и творческой деятельности, как активной духовной личности определяют основные характеристики и тип модернизации общества.

Итак, факторами-лидерами модернизации казахстанского общества среди всех 20, анализируемых в нашем проекте, выступают пять следующих: «свобода вероисповедания» (средняя оценка — 4,4 балла), «свобода передвижения по стране и за ее пределы» (4,2), «толерантность к людям иной национальной культуры» (4,0), «существование института частной собственности» (3,7), «многоукладность экономики» (3,6). Три первых из них отражают состояние отдельных сторон правового поля казахстанского общества, а также социокультурного климата, как видим, весьма благополучного; два последних имеют экономическую природу. Думается, что в отношении высоких оценок первого («свобода вероисповедания») и третьего («толерантность к людям иной национальной культуры») из выше упомянутых индикаторов следует проявить осторожность и отнестись критически. Дело в том, что львиная доля экспертов в нашей выборке являются представителями титульной нации, а потому вряд ли способны ощущать, что называется, «на себе» недружелюбие, настороженность, отсутствие толерантности со стороны представителей других национальностей, не столь многочисленных по составу. Видимо, факт бессознательного приукрашивания реальной ситуации, слабой отрефлексированности проблемы этнических взаимодействий вполне может иметь место; тем более, если вспомнить недавний мощный миграционный исход русскоязычного населения из Казахстана.

Хотелось бы надеяться, что в перспективе полоса этнической, культурной и религиозной нетерпимости и предвзятости в казахстанском обществе действительно будет преодолена, а отношения между представителями разных этнических и социокультурных групп перейдут в устойчивое русло цивилизованного диалога. Этому должны способствовать и специфические исторические предпосылки: издревле в степях Казахстана населяющие его народы придерживались разных религиозных воззрений и практик; здесь мирно сосуществовали и христианство, и буддизм, и зороастризм, и манихейство, а традиции тенгрианства для простого народа немногим уступали исламу. Кроме того этому безусловно содействуют сегодня и артикулируемые политической элитой идеи о том, что сила и жизнеспособность общества заключена в единении его многонациональных и многоконфессиональных начал.

Что касается двух экономических факторов-лидеров, получивших максимальные оценки наших экспертов, то следует заметить, что они являются чрезвычайно важными, базовыми для успеха экономической модернизации в целом. Развитие рынка и предпринимательства, частной инициативы, экономических свобод невозможно без многоукладности экономики, существования и надежного функционирования института частной собственности и пр. В то же время, как выяснилось, два этих фактора не являются гарантом благополучия экономической модернизации в целом. Например, при относительно высокой оценке признания «существования института частной собственности» как такового (3,7 — средний балл), «неприкосновенность частной собственности» получает существенно более низкую оценку (3,1). Это свидетельствует о наличии социально-экономических и правовых коллизий, связанных с функционированием института частной собственности, слабости механизмов его защиты. Институт этот де-факто существует, однако гарантии неприкосновенности его не обеспечены в полной мере, «отстают» от темпов развития самого института, что безусловно снижает предпринимательскую активность.

Неважно обстоит дело и со «свободой конкуренции на рынке труда», также получившей оценку (3,1) ниже средней. Видимо, можно высказать предположение, что существование в казахстанском обществе «азиатской» специфики экономических взаимодействий, базирующейся на примате семейно-родственных отношений, традиций клановости, трайбализма, все же оказывает заметный парализующий эффект на формирование цивилизованных рыночных институтов.

Общий же вывод состоит в том, что модернизация казахстанского общества далека от завершения и осуществляется по разным направлениям неравномерно. Эта неравномерность зафиксирована в сравнительных балльных оценках разных групп индикаторов модернизации: экономических, политических, правовых, социальных в целом (диапазон колебаний от 3,3 до 2,8), а кроме того, она присутствует и «внутри» каждой из данных групп. Разрывы, рассогласованность, асинхронность

модернизационных процессов в разных сферах общественной жизни, зафиксированные в ходе экспертного опроса (в частности, отставание политической составляющей модернизации от других ее составляющих, «провалы» в системе правовых индикаторов модернизации), указывают на то, что модернизация казахстанского общества нуждается в коррективах, направленных на устранение этих изъянов. В противном случае в обществе будут нарастать ценностные и институциональные несоответствия, тупики и диссонансы, провоцирующие перманентную системную нестабильность общества.

Эти разрывы, рассогласования и асинхронность в *теоретическом контексте* можно интерпретировать как признак (критерий) отсутствия *кристаллизации модернити* и одновременно — как *внутреннюю неконсистентность* (несогласованность, несовместимость) отдельных сторон (аспектов) последней. (О кристаллизации, консистентной и неконсистентной модернизации см. выше главу 5 «Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания».)

Выбор варианта модели модернизации: «Восток или Запад?», «Самобытное или заимствованное?»

Теоретики модернизации считают доказанным тот факт, что модернизация многолика, включает в себя большое разнообразие воплощающих ее моделей, подверженных переменам, и что к ней ведут многие пути. Множественность обликов модернизации отмечается Ш. Эйзенштадтом, Дж. Джермани, Дж. Коулменом и др.

Модернизационный императив предполагает для всякой страны, вступающей на путь модернизационных преобразований, следующую альтернативу: воспользоваться уже готовыми вариантами (и если «да», то какими?) либо предпочесть разработку собственной модели инновационных трансформаций.

Понятно, что «готовые варианты» приложимы только в тех случаях и к тем обществам, которые имеют примерно ту же цивилизационную идентичность, что и общество, выступающее «образцом», показательной типологической моделью модернизации. Иными словами, общество, делающее свой выбор конкретной модернизационной модели, и общество, выступающее в качестве носителя искомой модели модернизации, должны быть «родственными», близкими по своей внутренней природе в экономическом, социокультурном и политическом отношениях. В противном случае бездумное заимствование «чужеродного» модернизационного образчика чревато угрозами разного рода пато-, квази- и антимодернизаций.

Важной цивилизационной осью дифференциации моделей модернизации является оппозиция Запад—Восток. Определение модернизационно-цивилизационной идентичности казахстанского общества в рамках данной оппозиции (диакризиса) представляется весьма важ-

ным, с точки зрения выбора наиболее приемлемых для него моделей модернизации.

Однако представления о цивилизационной идентичности современного казахстанского общества не являются единообразными и остаются областью дискуссий и обсуждений. Одни ученые и общественные деятели современного Казахстана (А. Н. Нысанбаев, В. Алесин и др.) делают акцент на тяготении и причастности казахстанского общества сразу к двум мировым цивилизационным центрам — Европе и Азии, а отсюда — его сложной евразийской природе, его роли в качестве самостоятельного субъекта системы баланса цивилизаций, культур, народов, религий и государств. Вторые обращают внимание на то, что в цивилизационном ракурсе казахское общество являлось в древности и сейчас является сугубо восточным обществом, которое ныне представляет собой «отколовшуюся часть российско-советской империи и заблудившееся дитя мусульманской цивилизации» (Ф. Жармакина и др.). Третьи подчеркивают, что современные казахи являются в первую очередь европейцами, а не азиатами, прежде всего по воспитанию, образованию и культуре (Н. А. Назарбаев и др.).

Неоднозначность позиций обществоведов и политиков относительно цивилизационной идентичности казахстанского общества позволила нам выдвинуть гипотезу о том, что и казахстанская субэлита, в лице наших экспертов, также пребывает сегодня в состоянии неоднозначности оценок, противостоит и раскола в своих представлениях о наиболее предпочтительных моделях модернизации по линии Восток—Запад и Самобытное—Привнесенное (заимствованное).

Для проверки этой гипотезы экспертам предстояло ответить на вопрос: «Какая модель модернизации наиболее предпочтительна, на Ваш взгляд, для Казахстана?» (табл. 8.3).

Таблица 8.3

Доли лиц, отдавших предпочтение конкретной модели модернизации, а также указавших, какая модель модернизации реализуется в современном казахстанском обществе, % к числу ответивших

Модель модернизации	Модель модернизации		Дельта (В—А), проц. пункты
	предпочитаемая А	реальная В	
Западная (развитые страны)	28,5	46,9	+18,4
Восточная японского образца	8,5	2,3	–6,2
Восточная китайского образца	6,0	0,8	–5,2
Восточноевропейская (постсоциалистическое пространство)	12,0	22,3	+10,3
Национальная, самобытная	39,0	26,2	–12,8
Смешанная, сочетающая разные элементы нескольких моделей	6,0	1,5	–4,5
Итого	100	100	0

Наибольшую привлекательность для экспертов представляет *национальная самобытная «адаптированная» модель* модернизации: 39 % экспертов назвали ее как наиболее предпочтительную. Смысл данной модели состоит в опоре на традиционные институты, социокультурные, национальные и ментальные особенности и ценности казахстанского общества, его историю, экономику и реальное положение в современной миросистеме в ходе модернизации. Почти половина ответов экспертов-сторонников данной модели модернизации (47 %) содержит ссылку на политическую и экономическую независимость, обеспечиваемую именно данной моделью модернизации, а 36 % — на сохранение национальной самобытности общества. Следует заметить, что такого рода соображения находили и находят отзвуки и в теоретической социологии: во второй половине 1960-х гг. здесь окончательно сложилась теоретическая концепция «модернизация в обход модернити», содержание которой составляет идея о возможности реализации такого модернизационного проекта, который бы осуществлялся при сохранении национальной культуры без жесткого навязывания обществу западных ценностей (А. Абдель-Малеk, А. Турен, Ш. Эйзенштадт и др.). По сути дела речь идет о том, чтобы, выражаясь языком А. Турена, навести мост между Разумом и Культурой, Современностью и Национально-культурной идентичностью народов, между Развитием как универсальной целью и Образом жизни как ценностным выбором, экономическим развитием и социальными преобразованиями [Touraine, 1988. P. 451].

Одновременно весьма представительной оказалась и доля тех экспертов (29 %), кто без оговорок предпочел *западную модель* модернизации — «вестернизационную». Главным преимуществом этого вида модернизации являются, по их мнению, высокие *темпы* преобразований, обеспечивающие и гарантирующие не только выживание, но и успех в конкурентной борьбе за статус, политическое и экономическое влияние в жестком глобализирующемся мире (73 % ответов), согласно поговорке «кто не успел, тот опоздал».

Лишь каждый восьмой эксперт высказался в пользу *восточноевропейской модели* модернизации, разворачивающейся, с теми или иными отклонениями и особенностями, на постсоциалистическом пространстве. Аргументация в ее поддержку со стороны экспертов заключалась в том, что при реализации данной модели страна получает возможность, во-первых, сохранить свою политическую и экономическую независимость (32 % ответов), во-вторых, сберечь черты национальной самобытности (29 %) и, наконец в-третьих, обеспечить динамичные темпы модернизации (23 %).

Еще меньше среди экспертов оказалось апологетов моделей модернизации *японского* (8,5 %) и *китайского* (6 %) образцов. В первом случае приверженцы данной модели апеллируют к возможности страны осуществлять модернизацию либо целиком в рамках традиционной национальной культуры, либо учитывая черты национальной самобытно-

сти ($18,2 + 36,4 = 54,6$ % ответов). Во втором случае большая часть экспертов указывает на возможность сохранения политической и экономической независимости страны (46,7 %), а кроме того, быстрые темпы модернизации (26,7 %).

Как видим, де-факто для большей части наших экспертов существуют два полюса модернизационного притяжения. Один из них — Запад (вместе с Восточной Европой): 40,5 % экспертов высказались в пользу этого типа моделей. Другой — национальная самобытная казахстанская модель: за нее высказалось 39 % экспертов. На этом фоне суммарная роль Востока (Китая и Японии) как одного из возможных полюсов модернизационного притяжения невелика (предпочтение ему отдало только 14,5 % экспертов). Территория современного Казахстана много столетий либо находилась в зоне влияния России, либо была ее частью, что не могло не сказаться на формировании специфической национальной идентичности, социокультурной интенции и менталитета народов, ее населяющих. Эти два полюса формируют два течения, два разнонаправленных вектора, которые тянут общество в разные стороны. И у той, и у другой стороны в пользу своей точки зрения есть в запасе свои сильные аргументы и резоны. Следовательно, можно говорить о фундаментальных основаниях своеобразного мировоззренческого раскола казахстанской субэлиты и, видимо, общества в целом по отношению к модернизационно-цивилизационному выбору.

Далее мы попросили экспертов ответить на вопрос «Какая из моделей модернизации де-факто реализуется в Казахстане?», а затем сравнили два ряда распределений: реальные и предпочитаемые модели модернизации. Как оказалось, эти ряды не идентичны. По оценкам экспертов, западная и восточноевропейская модели модернизации гораздо чаще (на 18,4 и 10,3 процентных пункта соответственно, т. е. в сумме на 28,7 п.п.) позиционируются в качестве реальных, нежели номинируются в качестве предпочитаемых. (В целом около 70 % экспертов полагают, что в реальной модернизационной практике современного Казахстана осуществляется либо западная, либо восточноевропейская модель.) Иное дело с национальной самобытной моделью. В качестве реальной (фактической) ее упоминают гораздо реже (на 12,8 п.п.), чем в качестве предпочитаемой. Лишь 26,2 % определили действующую (реальную) модель модернизации как национально-самобытную. Расхождение желаемого и действительного свидетельствует об определенном градусе общественного напряжения, в основе которого лежит неудовлетворенность отдельных групп населения курсом реформирования, продуцирующим угрозу экспансии моделей модернизации западного и восточноевропейского образцов. Выразителями этих взглядов в нашем обследовании и выступили эксперты — представители субэлиты современного казахстанского общества. Они, наряду с элитами, являются генераторами, проводниками и трансляторами цивилизационно-модернизационных напряжений данного типа.

Барьеры и препятствия модернизации казахстанского общества

Какие главные факторы, по мнению экспертов, препятствуют успешной модернизации Казахстана? Ответ на этот вопрос содержится в табл. 8.4. Для начала отметим, что каждый эксперт упомянул в среднем 2,6 фактора, тормозящих модернизацию (максимальное число ответов, согласно анкете, не должно было превышать трех). Самым мощным в этом ряду выступила группа факторов, условно получившая обобщенное название «человеческий фактор» (его суммарный процентный балл составил 79,6 %). В этот фактор вошли следующие: коррумпированность работников государственного аппарата (фактор-лидер во всей совокупности факторов, его упомянули 58 % респондентов), общая бедность населения, препятствующая его экономической активности (20,4 %), недостаток людей с деловой хваткой, способных организовать бизнес (15 %), приверженность населения традиционным социокультурным образцам, противоречащим новым демократическим и либеральным ценностям (7,3 %).

Примечательно, что представительность в обществе различных в модернизационном отношении социально-психологических типов выглядит, по мнению экспертов, следующим образом: 33 % составляют модернисты-рационалисты, т. е. те, кто обладает даром успешно действовать в непредсказуемых и сложных ситуациях, готовы взять на себя значительный риск и начать новое дело, способны сопоставлять затраты и результаты, обладают навыками калькуляции и пр.; 39 % являются комбинаторами, т. е. сочетают в себе как рациональные, так и традиционные начала в сознании и поведении; и, наконец, 28 % номинируются как традиционалисты, т. е. находятся под непосредственным мощным влиянием культурных, социально-экономических особенностей своей страны, во всем придерживаясь глубоко укоренившейся традиции.

«Неправильная экономическая политика» — является вторым по мощности фактором, сдерживающим модернизационный процесс (суммарный процентный балл составил 74,2 %). В этот ряд мы включили следующие индикаторы: нецелесообразное использование национального богатства, в том числе природных ресурсов (на него указали 51,5 % экспертов), упор на развитие сырьевых секторов экономики в ущерб несырьевым (29,2 %), слабое развитие свободных экономических зон (8,1 %).

«Слабость правовых институтов, отсутствие правопорядка» занимает третью позицию по частоте упоминаний (суммарный процентный балл 33,5 %) в качестве фактора, тормозящего модернизацию. Он объединил два индикатора: отсутствие порядка в правовой сфере, в судопроизводстве (18,5 %), а также необходимой законодательной базы сопровождения реформ, модернизационных начинаний (15,4 %).

Четвертую позицию занял фактор, получивший наименование «технологический застой» (суммарный процентный балл 27,3 %). Он объе-

Факторы, в наибольшей мере препятствующие успешной модернизации Казахстана

Фактор	Количество ответов, % к числу ответивших
«Человеческий фактор»	
В целом	79,6
в том числе:	
коррупционность работников государственного аппарата	58,0
общая бедность населения, отсутствие у населения денежных средств	20,4
недостаток людей с деловой хваткой	15,0
приверженность населения традиционным социокультурным образцам, противоречащим новым демократическим и либеральным ценностям	7,3
Неправильная экономическая политика	
В целом	74,2
в том числе:	
нецелесообразное использование национального богатства, природных ресурсов	51,5
упор на развитие сырьевых секторов экономики в ущерб не сырьевым	29,2
слабое развитие (отсутствие) свободных экономических зон	8,1
Слабость правовых институтов, отсутствие правопорядка	
В целом	33,5
в том числе:	
отсутствие порядка в правовой сфере, в судопроизводстве	18,5
отсутствие необходимой законодательной базы	15,4
Технологический застой	
В целом	27,3
в том числе:	
слабое развитие технопарков	15,4
недостаточный приток передовых иностранных технологий	12,3
Непродуманность модернизационной стратегии в целом	15,0

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

динил два индикатора: слабое развитие технопарков (15,4 % экспертов указали на это обстоятельство) и недостаточный приток передовых иностранных технологий (отмечен 12,3 % экспертов).

И, наконец, «непродуманность модернизационной стратегии в целом» была отмечена каждым седьмым экспертом.

Как видим, в нашем исследовании высветились две главные беды модернизации в современном Казахстане — *коррупционность ра-*

ботников государственного аппарата и нецелесообразное использование национального богатства, в том числе природных ресурсов. Можно предположить, что они тесно связаны между собой: институт коррупции обслуживает экономические интересы и нужды групп влияния, рвущихся к овладению и распоряжению национальным богатством государства, нецелесообразное же использование национального богатства в свою очередь состоит, отчасти, и в том, что подпитывается, «содержится» институт коррупции, а сами агенты коррупции «включаются в долю».

Разрабатывая теорию общественного капитала, Ф. Фукуяма отметил, что «страна с небольшим общественным капиталом не только будет иметь мелкие слабые и нерентабельные компании, она будет страдать от широкого распространения коррупции среди правительственных чиновников и неэффективности системы государственного управления. Признаки подобного положения наблюдаются в Италии, где видна прямая связь между раздробленностью общества и коррупцией, особенно по мере продвижения из северной и центральной частей страны в южные регионы» [Фукуяма, 1999. С. 158]. В унисон этой идее Дж. Гелбрейт утверждает, что: «Экономическая система функционирует эффективно только в рамках жестких правил поведения. Первым из них является *всеобщая честность* — правда должна в полном объеме доводиться до сведения вкладчиков, общественности и, как уже подчеркивалось, потребителя (Курсив наш. — С. Е., Л. К.)» [Гелбрейт, 1999. С. 34].

По данным Всемирного банка, в котором проводились исследования коррупции в странах с переходной экономикой (бывшие социалистические страны и Турция), уровень коррупции наиболее высок в тех из них, где политика менее действенна, а органы власти менее эффективны. Причем коррупционные схемы сложнее в тех странах, где переходный период все еще находится на относительно ранней стадии.

Согласно тем же данным, в Казахстане в 2002—2005 гг. наблюдалось скромное, но заметное снижение «коррупционного налога» (измеряемого в процентах от годового дохода компании), что внушает некоторый оптимизм [Доклад..., 2006].

Как видно, правящей политической элите Казахстана следует продолжать курс на укрепление этих положительных сдвигов и активизацию усилий по «антикоррупционной терапии общества».

Факторы, стимулирующие и катализирующие модернизацию казахстанского общества

Помимо факторов, тормозящих модернизацию, есть и другие «антонимичные» первым, т. е. те, которые стимулируют, катализируют и активизируют данный процесс в современном Казахстане (табл. 8.5). В среднем каждый эксперт посчитал нужным для себя выделить в каче-

Таблица 8.5

Факторы, в наибольшей мере способствующие успешной модернизации Казахстана

Фактор	Количество ответов, % к числу ответивших
Экономический блок	
В целом	90,0
в том числе:	
богатые природные ресурсы страны	55,4
иностранные инвестиции в экономику страны	48,1
развитие рыночных отношений	30,0
единое экономическое пространство с Россией и др. странами СНГ	26,2
свободные экономические зоны	5,0
Активизация информационных потоков, коммуникаций и международных взаимодействий	
В целом	33,5
в том числе:	
информационные сети (Интернет), современные виды коммуникаций	21,5
встраивание в мировой глобализационный процесс	8,5
опора на успешный опыт других государств	6,2
Развитие политических институтов (свободные выборы власти и пр.)	32,7
Человеческий фактор	
В целом	23,1
в том числе:	
рост квалификации управляющей элиты	11,2
преодоление устаревших традиционных социокультурных образцов и замена их новыми, отвечающими современным требованиям	6,9
высокий уровень активности населения	6,9
Технологические прорывы (рост технологического уровня производства)	15,0
Развитие правовых институтов	
В целом	9,6
в том числе:	
наведение порядка в правовой сфере, в судопроизводстве	5,0
расширение прав и свобод граждан	4,6

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

стве главных порядка трех таких факторов (2,8), что соответствовало ограничению, заданному в анкете («не более трех ответов»). Особое место в ряду этих факторов занял экономический блок. Он является главным в модернизационном отношении (суммарный процентный балл достиг максимальной отметки 90 %). Две составляющие данного блока — богатые природные ресурсы страны, иностранные инвестиции в экономику — отмечены были, по сути, каждым вторым экспертом. Это — лидеры в ряду всей совокупности факторов, обеспечивающих модернизационный процесс. Заметно «хуже» обстоит дело с факторами иной природы, такими как «активизация информационных потоков, коммуникаций и международных взаимодействий» (суммарный процентный балл — 33,5 %), «развитие политических институтов» (32,7 %), «человеческий фактор» (23,1 %). И, наконец, весьма слабо проявили себя следующие детерминанты: «рост технологического уровня производства» (15,0 %), а также «развитие правовых институтов» (суммарный процентный балл — 9,6 %).

Итак, подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что модернизация в Казахстане стоит на трех китах — экономике (богатые природные ресурсы, участие иностранных инвестиций, развитие рыночных отношений), *информации и коммуникации*, а также *политике* (при всей противоречивости развития политических институтов), которые и вытягивают общество из трясины «вечно вчерашнего». Однако, к сожалению, в характере самой модернизации ярко просматриваются черты «вчерашнего дня»: 1) крен в сторону сырьевых, добывающих производств, в ущерб развитию высокотехнологичных отраслей экономики; 2) отсутствие опоры на *человеческий фактор* — недостаток полноценных социальных агентов (актеров, субъектов) модернизационного процесса, поскольку значительная часть населения в трудовой и бытовой практике придерживается устаревших социокультурных образцов, демонстрирует низкий уровень деловой и социальной активности, к тому же бедна и недостаточно интегрирована в инновационные процессы и структуры; 3) слабая модернизация *правовых институтов*, осуществляющаяся к тому же в условиях деформированного правосознания населения (45,4 % наших экспертов полагает, что «в обществе действует лишь один закон — сила денег»). Иными словами, модернизация в Казахстане осуществляется «сверху» в формате и границах стереотипов «традиционного толка» (иными словами, устаревших образцов тоталитарных режимов середины XX в.).

Готовность людей к модернизационным преобразованиям

Примечательны в этом контексте расхождения в ответах экспертов на вопрос «Как Вы оцениваете готовность казахстанского народа к модернизационным процессам?». Около трети экспертов (30,5 %) с опти-

мизмом ответило, что «народ готов к модернизации и вместе с политической элитой участвует в этом процессе»; половина экспертов (51,4 %) критически настроена по отношению к управленческой элите и утверждает, что «народ готов к модернизации, но проводимая в стране элитами политика не дает казахстанскому народу возможности реализовать свой потенциал, и, наконец, 17 % экспертов винит не элиты, а народ, полагая, что «народ не готов к модернизации, хотя проводимая элитами политика создает все условия для участия его в процессах модернизации».

Эти данные косвенно свидетельствуют о высокой степени неудовлетворенности ходом модернизации в Казахстане той части общества, интересы которой представляют две трети наших экспертов. Причем основные претензии адресованы элитам, блокирующим модернизационный потенциал общества, вместо того, чтобы его раскрывать, созидать и стимулировать. Симметричные обвинения, хотя и менее массовые, звучат и в адрес народа, чей «парализующий» модернизацию эффект заключается в субъективной неготовности к ней. Таким образом, налицо разрыв, конфликт, противостояние между элитами и народом, причем каждый из контрагентов попеременно оказывается то виновником сбоев модернизации, то ее потенциальным творцом, созидающим началом в зависимости от позиции, занимаемой экспертом. Итак, значительная часть экспертов отметила опасные коллизии (конфликты, столкновения) модернизационного толка. Оставшаяся, существенно меньшая часть (треть), усматривает иное, диаметрально противоположное по смыслу положение — единство и солидарные взаимодействия элит и народа.

Разъединение элит и народа, зафиксированное в нашем исследовании, отчасти созвучно тем процессам разобщения, разделения, отчуждения, о которых писал А. Турен. «История модернизируется представляет собой историю медленного, но непрерывного нарастания разрыва между личностью, обществом и природой», при этом наиболее опасны, с его точки зрения, разделенность социума и активного субъекта, феномен роста отчужденности человека от общества, выступающей непосильной платой за материальный и экономический прогресс [Touraine, 1992. P. 199].

Тем не менее, думается, что ряд новых конструктивных процессов — активизация межстрановых информационных потоков и международных взаимодействий, энергичное встраивание Казахстана в мировой глобализационный процесс (на что указывают наши эксперты) — со временем несомненно внесет в модернизацию казахстанского общества черты эффективной креативной инновации, катализирующей человеческий потенциал, стимулирующей технологические прорывы и, одновременно, сберегающей лучшие социокультурные образцы и практики народа, его страну. Противостояния же, столкновения и дискуссии субэлит по поводу приоритета экономических либо социокультурных начал, выбора наиболее предпочтительной модели модернизации в континуумах Запад—Восток, Самобытное—Займствованное, а также характера мо-

дернизационной стратегии в целом будут решаться в рамках политических и научных дискуссий, при поддержке и с учетом мнений всех социальных групп населения в режиме общественного консенсуса. Эти процессы неизбежно приведут к росту кристаллизации модерни и, одновременно, преодолению признаков неконсистентности последней в современном казахстанском обществе.

ГЛАВА 9

Социокультурные факторы модернизации: традиции и инновации, самобытность и универсальность*

О социокультурных основаниях модернизации

Цель нашего исследования состояла в выявлении роли социокультурных факторов в модернизационных процессах казахстанского общества на основе оценок, мнений и суждений субэлит о началах традиции и инновации, самобытности и универсальности в его развитии. Эмпирической базой выступили результаты экспертного опроса «Модернизация казахстанского общества: взгляд эксперта» (подробнее о выборке экспертов и социологическом инструментарии см. в главе 8 «Модернизация общества в зеркале субэлит: противостояние взглядов, суждений и позиций»).

Опыт модернизационных преобразований в трансформирующемся обществе, рассмотренный в социокультурном аспекте глазами субэлит общества, важен не только для Казахстана, но и для России, поскольку между странами существует давняя «органическая» связь. Как известно из истории, присоединение Казахстана к России происходило в период с 30-х гг. XVIII в. по 60-е гг. XIX в. С тех пор произошли проникновение и взаимовлияние культур, интеграция хозяйственных практик, слияние исторических судеб и т. д. Используя исторические аналогии, некоторые исследователи даже усматривают в некоторых аспектах современной политической ситуации Казахстана позитивный опыт петровских преобразований [Власов, 2006].

Модернизация имеет множество определений, среди которых наиболее распространены следующие варианты. Во-первых, те, в которых

* Исследование поддержано грантом фонда Сороса SSGP 2005/2006 (проект № В 9064).

модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т. д.; во-вторых, такие, в которых модернизация предстает как процесс и результат усилий незападных стран, стремящихся догнать ведущие, наиболее развитые страны Запада, сосуществующие с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального мирового сообщества, и, наконец, в-третьих, как центростремительное движение стран от периферийных окраин социокультурной, политической и экономической жизни современной миросистемы к ее центру. Применительно к современному Казахстану можно использовать все эти толкования. По словам главного идеолога модернизации Казахстана Н. Назарбаева, сегодня страна «переходит из разряда стран “догоняющего развития” в позицию “состоявшегося государства”, готового принять участие в конкуренции на международной арене» [Выступление..., 2006]. Несмотря на «догоняющий» характер модернизации, Казахстан настроен на собственный путь развития, о чем свидетельствуют политические процессы в стране.

Модернизация в области экономики и политики тесно связана с социокультурными особенностями населения модернизируемой страны. Основу социокультурной модернизации общества составляет формирование определенного типа сознания и детерминируемых им поведенческих практик индивидов, влекущее за собой соответствующее изменение общественных институтов.

В последнее время все большее число ученых, журналистов, политиков и практиков уделяет внимание культурным ценностям и установкам, способствующим или препятствующим, в частном случае, модернизационным процессам, в общем — прогрессу. Этим людям можно считать интеллектуальными наследниками следующих ученых: Алексиса де Токвиля, который полагал, что за работоспособностью американской политической системы стояла культура, удивительно подходящая для демократии, Макса Вебера, объяснявшего подъем капитализма в первую очередь культурными факторами, коренящимися в религии, Эдварда Банфилда, обнажившего культурные причины убогости и авторитаризма в Южной Италии и сделавшего из этого частного примера далеко идущие выводы общего характера (см. [Харрисон, 2002]).

Значительное внимание изучению культуры уделялось еще в 1940-е и 1950-е гг. Ученые, анализируя различия между социальными системами и разъясняя политические и экономические особенности последних, усматривали в культуре фактор особой важности. Несколько угасший в 1960-е и 1970-е гг. интерес академического сообщества к проблемам культуры начал быстро возрождаться в 1980-х гг.

Со временем, исследуя особенности модернизации, политической демократизации, военной стратегии, поведения этнических групп, а также конфигурацию международных альянсов и конфликтов, специа-

листы стали все более активно обращаться к культурным факторам. В научном мире развернулась баталия между теми, кто видел в культуре главный (хотя и не единственный) и часто препятствующий фактор социального, политического и экономического развития, и их противниками, отстаивающими традиционные трактовки и представленными приверженцами приоритетной роли личной выгоды — среди экономистов, «рационального выбора» — среди политологов, социологов и т. д. неореализма — среди международных [Хантингтон, 2002].

По-видимому, наиболее точная характеристика роли культуры в развитии человечества принадлежит Даниэлю Патрику Мойнихэну, который утверждал, что с точки зрения консерватора именно культура, а не политика определяет успех того или иного общества. В свою очередь, либерал полагает обратное: политика способна преобразовывать культуру и ограждать ее от самой себя.

Термин «культура», как известно, в различных дисциплинах и разных контекстах имеет самые разнообразные значения. Достаточно сказать, что еще в 1952 г. американские антропологи А. Кребер и К. Клакхон проанализировали более 150 определений, каждое из которых отражало важную сторону понятия культуры.

Выделяют «высокую» и «массовую» культуру; народную культуру, культуру элиты, культуру и жизненный стиль среднего класса. Британский социолог Р. Уильямс предложил трехуровневую теоретическую модель культуры: «живая» культура, существующая для данного общества здесь и сейчас; документированная культура, отраженная в сохранившихся произведениях и интерпретациях; культурная традиция, в которой неизбежна постоянная культурная селекция содержания первых двух уровней. В этой модели Уильямс впервые формулирует еще одну ключевую проблему изучения культуры — проблему селективной традиции, социального отбора того, что является культурно-ценным и что таковым не является.

Социологи традиционно разрабатывали проблематику культуры в рамках различных направлений социальной теории. Более чем вековая научная традиция, специфика понятийного аппарата и методов социологии в исследованиях культуры создали значительный объем теоретических и эмпирических знаний о культуре. Следует отметить, что в социологической теории понятие «культура» трактуется в двух основных значениях: 1) как механизм социальной интеграции и регуляции — Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс; 2) как особая социальная сфера (сфера духовного производства), включающая прежде всего социальный контекст мира искусства (К. Манхейм, Р. Уильямс, Г. Маркузе, Т. Адорно, П. Бурдьё и др.).

Скептический взгляд на ту роль, которую культурные ценности играют в социальном прогрессе, разделяют в основном представители двух дисциплин: экономики и антропологии. Для традиционного экономиста культура представляет собой слабо подверженную количествен-

ному определению и в силу этого закрытую для анализа совокупность факторов, ограничивающих экономическое поведение [Харрисон, 2002; Радаев, 2005].

Главной проблемой для многих антропологов, а также находящихся под их влиянием ученых и специалистов, остается традиция культурного релятивизма, господствовавшая в их дисциплине на протяжении XX в. и не признающая «внешней» объективной оценки чужих культур «со стороны» [Харрисон, 2002. С. 24—25].

Разумеется, с культурой трудно иметь дело, причем как политически, так и эмоционально. Изучение культуры представляет собой и трудную эпистемологическую проблему, поскольку феномен этот трудно поддается формализованному описанию, его нелегко операционализировать и измерить. Кроме того, она состоит в запутанных причинно-следственных отношениях с такими явлениями, как политика, общественные институты, экономическое развитие [Там же]. Несмотря на многообразие трактовок культуры исследователи процессов модернизации, задаваясь вопросом, каким образом культура воздействует на социальное развитие, определяют культуру в таких сугубо субъективных терминах, как ценности, установки, верования, знания и навыки, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества [Инглегарт, 1999; Хантингтон, 2002].

Экономическая социология придерживается той точки зрения, что культура не является чем-то внешним по отношению к хозяйственной сфере. Культурные факторы, активно влияя на хозяйственное действие, являются его встроенным элементом. А также социокультурные факторы являются переменной величиной, они варьируются от сообщества к сообществу, от одного исторического периода к другому. В итоге то, что определяется (здесь и сейчас) как желаемое или рациональное, имеет конкретно-историческое культурное наполнение и в иных условиях способно выглядеть иначе. Средства, которые приходят в голову, когда приступают к решению той или иной проблемы, формируются культурой, — считает Ф. Доббин [2004. С. 607—631].

Модернизационный потенциал казахстанского общества

Т. И. Заславская выделяет четыре относительно самостоятельных элемента человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный. «Социокультурный потенциал государства отражает уровень образования населения и особенности национального менталитета, влияющие на развитие общества. Это прежде всего характер нормативно-ценностного сознания, особенности политических убеждений и верований, уровень морали и нравственности, типы мотивационного комплекса и способы поведения людей» [Заславская, 2004. С. 170].

Мы, в свою очередь, использовали понятие модернизационного потенциала, социокультурный аспект которого включает в себя следующие эмпирические референты: уровень образования, политическую грамотность и активность, способность и готовность социальных групп воспринимать и осваивать инновации, а также преобладающую систему ценностей.

Как показали данные социологического опроса, большая часть экспертов оценивает модернизационный потенциал общества как средний (73 %). Высоким он представляется в оценках 17 % и низким — 10 % экспертов. Те, кто оценил модернизационный потенциал казахстанского населения как *высокий*, в числе своих аргументов чаще всего называют высокий интерес населения к образованию, открытость и восприимчивость к инновациям, толерантность, политическую и правовую грамотность и активность и высокую заинтересованность и мотивацию на улучшение своей жизни.

Группа экспертов, для которых модернизационный потенциал казахстанского населения представляется *средним*, также отметили высокий образовательный и инновационный потенциалы населения. Они также выражают обеспокоенность снижением качества и уровня образования населения, профессионализма преподавателей, коррупцией в сфере образования, низкой востребованностью кадров, недостаточной активностью народа в общественно-политической жизни государства, пассивностью и невысокой готовностью к инновациям, равнодушием людей к их восприятию и освоению, а также невысоким уровнем правовой и политической грамотности. Указываются также проблема социального неравенства, бедности, отсутствие доступа к образованию, компьютерным технологиям для ряда слоев общества, отсталость села, тянущего страну в день вчерашний. Некоторые отмечают недоверие к власти, отсутствие реальных результатов модернизационного плана. Есть эксперты, которые считают, что для модернизации страны нужны время и постепенность ее проведения.

Отметившие модернизационный потенциал казахстанского населения *низким*, апеллируют к бедности, высокому правовому нигилизму, недостаточному уровню политической грамотности, пассивности и безразличию народа к политическим процессам, недостаточной готовности людей к инновационной экономике, отсутствию доверия к власти, неэффективности законов, а также низкому качеству образования и коррупции в системе образования, в том числе в сельских школах.

Таким образом, в оценках экспертов модернизационный (социокультурный) потенциал предстает как средний. Безусловным преимуществом Казахстана на данном этапе развития является высокая доля образованных людей. Модернизация государства и общества, построение независимого государства невозможны без подготовки слоя квалифицированных управленцев. Отсутствие достаточных ресурсов для решения этой задачи на национальной почве стимулировало открытие программы

подготовки кадров в лучших университетах мира. В 1993 г. указом президента Республики Казахстан была учреждена стипендия для подготовки кадров за рубежом. Несмотря на кризисные годы, Казахстан на постсоветском пространстве был первой страной, которая позволила себе обучение кадров за границей. Такой шаг был вызван осознанием необходимости кадров, «вооруженных» зарубежным опытом, для претворения реформ в казахстанскую реальность. Одной из основных целей программы было формирование будущей управленческой и бизнес-элиты Казахстана. К 2006 г. по программе «Болашак» на учебу направлено более 800 человек, из них 100 отсеялись по различным причинам [Пархоменко, 2006]. Одним из условий программы является отработка после учебы не менее пяти лет в стране. Почти все выпускники программы трудоустроены в крупных казахстанских банках и промышленных структурах, министерствах и администрации президента. О том значении, которое придается программе руководством страны, говорит тот факт, что по личной инициативе Н. Назарбаева за выпускниками программы резервируется место одного из заместителей министра. Несмотря на опасность, что значительная часть студентов предпочтет обрести новое, более благоустроенное место жительства за рубежом, за все годы существования программы «Болашак» невозвращенцев были единицы — менее 4 % от общего числа [Власов, 2006].

Переход к принципиально другой социально-экономической парадигме, смена мировоззренческой оптики, установка на принципы и ориентиры, которые прежде подвергались беспощадной критике и разоблачались как «буржуазные», привели к появлению множества противоположных векторов, выражающих отношение различных этносов, социальных слоев к исторически масштабным потрясениям, преобразившим повседневный уклад и привычные жизненные практики миллионов людей. Некоторые исследователи обнаруживают раскол в общественном сознании [Нысанбаев, 2006], другие — раскол среди самих казахов, которых можно разделить на городских и аульных, где первые демонстрируют модернистскую культуру, а вторые — консервативные, националистические настроения [Мнения..., 2007], русскоязычных и казахоязычных, третьи указывают на огромный слой сельского населения. Отметим, что 57 % населения Казахстана проживают в городской, а 43 % — в сельской местности.

А. Н. Нысанбаев полагает, что накануне знаменательных, судьбоносных событий общественное сознание в известном смысле уже было подготовлено к восприятию и участию его носителей в решающих социальных трансформациях, хотя оно и было неоднородным, противоречивым по своему мировоззренческому настрою. Определенная часть населения придерживалась марксистских догм, заученных идеологических формул, тиражировавшихся и в школьных учебниках, и в официальной прессе. Но были и те, кто помнил о сталинских «чистках», о гибели цвета казахской интеллигенции, геноциде, постигшем казахский народ.

«Можно с уверенностью сказать, что благостные нотки общего идеологического фона сопровождались мощными критическими аккордами, которые становились особенно звучными в периоды оттепели, а позже — перестройки. Так что общественное сознание в ценностном аспекте было подготовлено к грядущим переменам» [Нысанбаев, 2006. С. 8—9].

Отношение казахстанцев к модернизационным изменениям в обществе

Отмеченный раскол в общественном сознании казахстанцев обнаруживается и в результатах экспертного опроса относительно отношения и восприятия населением модернизационных изменений. Так, что касается отношения казахстанцев к происходящим в стране в последние 15 лет изменениям, практически каждый второй эксперт полагает, что население относится к ним с осторожностью, примерно каждый пятый — что равнодушно. Каждый четвертый эксперт отмечает энтузиазм и каждый третий — восприятие этих изменений с охотой; относящихся со страхом и сопротивлением весьма мало (табл. 9.1).

Возможно, причинами такой пессимистичной картины являются коррумпированность госструктур, что неоднократно было зафиксировано в ходе опроса, резкое социальное расслоение общества и др. Примечательно, что некоторые политики признают, что «впечатляющие макроэкономические показатели большинство населения на себе не ощущает» [Интервью..., 2006].

Казахстанский социолог С. Жусупов считает, что правящие элиты в настоящий момент слабо ориентированы на процесс модернизации. «Мы имеем восточно-европейские аналоги относительно того, какой должна быть надстроечная система, выстроили некий базис, и ряд государств получил статус стран с рыночной экономикой, но надстройка у нас фактически советская. Так или иначе потребуется время. Часто говорят, что население не готово и ментальность населения совершенно неадекватна рынку. Я думаю, что проблема все-таки в другом: далеко не рыночная, а квазирыночная ментальность как раз таки у правящих элит. Поэтому им потребует-

Таблица 9.1
Распределение ответов экспертов на вопрос «Как основная часть населения Казахстана воспринимает происходящие в стране изменения в последние 15 лет?»

Ответ	Количество ответов, % к числу ответивших
С осторожностью	43
Равнодушно	28
Охотно	35
С энтузиазмом	23
Со страхом	6
С сопротивлением	3
Всего:	138

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

ся, наверное, существенный период времени, чтобы именно у них сформировалось понимание того, какой должна быть надстройка, каким должен быть процесс эффективного управления и т. д. Ситуация с “цветными” революциями далеко не случайна, это абсолютно закономерный феномен. Там, где идет процесс стагнации (а фактически мы видим либо процесс стагнации, либо ситуацию “стоячего болота”), рано или поздно происходит коллапс», — предупреждает он [Жусупов, 2005].

По мнению другого казахстанского ученого, огромный слой «обывателей» с низким уровнем культуры и политической, в частности, пассивным отношением к происходящим событиям, замкнутых на интересах собственного выживания в условиях рыночной экономики, представляет тормозящий фактор [Нысанбаев, 2006].

В свете вышесказанного представляют интерес ответы экспертов на эти вопросы.

Социальные качества населения — одна из важнейших социокультурных составляющих общества, характеризующая его устойчивость, модернизационный потенциал и, в немалой степени, определяющая социально-экономическое положение самих людей. Вопрос о социальных качествах населения может решаться как минимум в двух проекциях. Во-первых, во «внутренней», т. е. на основе представления самих людей о важных, желаемых, дефицитных, преобладающих и т. д. качествах самих себя. Во-вторых, во «внешней», т. е. на основе экспертной (или в другой форме) оценки со стороны, но исходя из достаточно точного определенного и зафиксированного (а не просто имеющегося в сознании исследователя или какой-то части людей) представления о преобладающих качествах данной социальной общности.

Деятельностный потенциал общества выражается в активности, энергии и деловых качествах социальных акторов (индивидов, организаций, групп), преобладании инновационных или традиционных форм мышления и способов деятельности, а также объективных возможностей граждан свободно реализовать свои социальные и творческие потенции, вести активную, здоровую, полноценную жизнь [Заславская, 2004].

Многие казахстанские ученые и исследователи обращают внимание на проблемы культуры, ментальности, языка прежде всего казахов как государствообразующей нации и пытаются найти в историческом прошлом Казахстана культурные особенности, отвечающие современным требованиям демократии и рынка. В последнее время актуализируются идея степной цивилизации и роль кочевничества в процессах казахстанской модернизации (Г. Есим, А. Нысанбаев и др.). Так, казахстанский академик А. Нысанбаев задается вопросом: как совместить ценности, связанные с переходом к рыночной экономике и правовому, демократическому государству — право на собственность, чувство хозяина, индивидуализм, рационализм, личная ответственность и инициатива, — с традиционными ценностями коллективизма и социальной солидарно-

сти, которые укоренены в национальном менталитете этносов Казахстана. Поскольку модернизация предполагает, что Казахстан должен учитывать свои культурные традиции, самобытные особенности, каким же образом совместить не совместимые на первый взгляд базовые ценности: индивидуализм и коллективизм, свободу и приверженность к патернализму? Он считает, что ответ кроется в особенностях казахского обычного права, степной демократии и соответствующего им менталитета. Вроде бы нет нужды противопоставлять вышеназванные понятия, поскольку историческое прошлое казахов дает удивительные социальные образцы того, как несовместимое становилось совместимым и индивидуальная свобода сочеталась с принципом коллективизма, родовым мировоззрением [Нысанбаев, 2006. С. 18—19]. Сложившаяся в Степи цивилизация впитала в себя черты как Востока, так и Запада. Феномен номадизма оригинально сочетает коллективистское и индивидуалистическое, эгалитарное и либеральное начала. Для политической культуры номадов неприемлемо полное доминирование как корпоративизма, так и индивидуализма. В итоге кочевник превращается в некоего «кентавра» — переплетение индивидуализма и корпоративизма, берущее начало от имплицитно присущего ему лично-родового самосознания, составляющего квинтэссенцию цивилизационной ментальности номадизма [Абенов и др., 1996. С. 16; Нысанбаев, 2006. С. 20].

По мнению А. Нысанбаева, казахскому народу присущи следующие качества: свободолюбие, проявлявшееся в незакабаленности деспотическими устоями, сравнительной свободе и равенстве женщин, уважительном отношении к личности и отсутствии раболепного поклонения власти; установка на компромисс как одна из базисных категорий в менталитете, связанная с кочевым прошлым казахов. При этом он отмечает особую роль тенгрианства как религиозной концепции, которая проповедовала гармонию и призывала к взаимопроникновению, взаимодействию противостоящих сторон. Кочевники перенесли эту установку на систему социальных отношений. Позднее ислам закрепил тенгрианство как систему политических ритуалов, как форму иерархического подчинения и рычага политического давления. Именно в период развития ислама, его масштабного проникновения во все сферы общественной жизни компромисс стал составляющей частью политической культуры казахов. Этому способствовала также присущая казахам вера в предначертанность судьбы, в незыблемость устоявшихся традиций и законов Природы. Уступчивость и компромисс у казахов означали нечто большее, чем просто соглашение на основе взаимных уступок. Принцип компромисса как категория равновесия и стабильности проник в политическую сферу казахского общества. Данный принцип есть сумма формальных, на первый взгляд, ритуалов и условностей, составляющих предпосылки для гармоничного развития всего общества. Принцип компромисса блокирует резкие политические маневры и принуждает участников политического процесса к послушанию и примирению. В некотором роде этот

принцип иногда выступает как стабилизатор общественно-политических отношений, как механизм балансирования в деятельности политической системы [Нысанбаев, 2005].

К числу достаточно серьезных факторов модернизации можно отнести рост политизированности населения. С. Е. Жусупов глубоко не согласен с утверждением, что казахстанское население пассивно и не политизировано. Определенную, достаточно серьезную, с его точки зрения, лепту вносят трайбалистские тенденции, особенно ярко проявляющиеся на областном, городском, районном уровнях. Этот феномен в начале 1990-х гг. был очень слабо проявлен. В отсутствие нормальных институтов гражданского общества роль такого регулятора фактически сейчас приняли родоплеменные связи [Модернизационные процессы..., 2006].

Напомним, что, согласно нашему опросу, представительность в обществе различных в модернизационном отношении социально-психологических типов выглядит, по мнению экспертов, следующим образом: 33 % составляют *модернисты-рационалисты*, 39 % являются *комбинаторами*, т. е. сочетают в себе как рациональные, так и традиционные начала в сознании и поведении и, наконец, 28 % номинируются как традиционалисты, т. е. находятся под непосредственным мощным влиянием культурных, социально-экономических особенностей своей страны, во всем придерживаясь глубоко укоренившейся традиции.

Осуществление коренных преобразований казахского общества должно происходить не как бездумное копирование западного опыта модернизации и трансформации, а на основе конкретно-исторических условий развития Казахстана в условиях глобализации. Поэтому для становления гражданского общества в Казахстане, раскрывающего творческие способности личности, важно использовать положительный в этом смысле потенциал нашего прошлого, как советского, так и традиционного, сформированные им ценности, на основе которых возможен консенсус, становление и развитие институтов гражданского общества, — считает А. Нысанбаев [2006].

Вопрос о социокультурных особенностях казахстанцев является предметом дискуссий казахстанских ученых и исследователей. На этот счет у ученых не существует однозначного взгляда.

Некоторые считают, что в Казахстане утвердились рыночные методы экономического хозяйствования, появился национальный капитал, расширяется предпринимательский класс и многое другое, что формирует соответствующее общественное сознание и благодаря чему в обществе уже начал изживаться государственный патернализм, на смену которому приходит достаточно зрелая предприимчивость. Рыночное сознание овладело умами практически всего работоспособного населения и способствует подъему уровня жизненных запросов и социальных стандартов казахстанцев [Ашимбаев и др., 2005].

Преодоление патерналистских настроений у казахстанцев отмечает Н. Назарбаев, который считает, что казахстанцы смогли избавиться от

устаревших стереотипов поведения [Назарбаев, 2001]. Одновременно он считает неприемлемым абсолютизировать роль нефтедолларов в развитии страны, поскольку такой подход способен отбросить страну назад. Люди должны научиться жить и работать так, как будто нет доходов от нефти. Успех человека он связывает с накоплением человеческого капитала. А Национальный фонд создан в качестве сбережений для будущих поколений и резерва в случае кризисных ситуаций. Государство должно заботиться только о тех, кто в силу возраста или состояния здоровья не может работать и самостоятельно получать доходы. Это основной принцип наших реформ [Назарбаев, 2004].

Казахстанский социолог М. Аженов отмечает сильное влияние рынка на изменение образа жизни казахстанского народа, на психологию, быт, уклад и стиль жизни и т. д. [Аженов, 2005].

Под натиском общественных перемен в социокультурных практиках и сознании населения неизбежно появляются новые характерологические признаки. Природа, порядок и механизмы внедрения инноваций различны. С. Алимova [2005] полагает, что культуру казахстанского общества отличают фрагментарность, мозаичность, присутствие разнообразных, разноплановых, иногда и диаметрально противоположных ценностей, установок и ориентаций социальных групп. Вербальный выбор в пользу модернизационных ценностей не всегда сопровождается соответствующими изменениями в сознании и поведении людей. Активная жизненная позиция, постулируемая модернистской культурой, затушевывается и в значительной степени «гасится» старыми стереотипами. Российский ученый Л. В. Корель называет феномен рассогласования сознания и поведения адаптивной асимметрией, когда люди вынуждены менять сложившиеся стереотипы поведения на «рыночные» (уходить в фермеры, предприниматели, «челноки», заниматься перепродажей и пр.), а сознание продолжает оставаться прежним [Корель, 2005].

О. В. Нечипоренко и А. Н. Нысанбаев [2005] полагают, что модернизационные изменения в постсоветских обществах протекают нелинейно и являются крайне противоречивыми. Соответственно, ученые считают, что социальные практики, вырабатываемые обществами в ответ на вызовы «извне», состоят из следующих разнородных компонентов: архаичные структуры традиционного типа, т. е. той самой традиции, оппозицией которой выступают разворачивающиеся процессы модернизации; промежуточные структуры, сформированные в советский период; переходные структуры, создаваемые современным этапом модернизации.

Как видим, позиции обществоведов и политиков относительно социокультурных характеристик казахстанского народа не однозначны.

В свою очередь на вопрос «Освоила ли основная часть населения Казахстана в настоящее время рациональный рыночный принцип поведения в вопросах собственности и финансов: “ресурсы должны рабо-

тать, а не растрачиваться впустую, деньги должны делать деньги”?)» ответы экспертов распределились следующим образом. Практически каждый пятый эксперт (18 %) полагает, что большинство населения уже освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения и действует согласно им. По мнению 43 % экспертов, большинство населения еще не освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения, *но со временем освоит*. По оценкам 7 %, большинство населения еще не освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения *и не освоит в ближайшей перспективе*. Каждый четвертый (25 %) считает, что большинство населения ничего не имеет — ни собственности, ни финансовых сбережений, а потому живет одним днем. Остальные 7 % полагают, что в стране нет цивилизованного рынка, поэтому рациональные рыночные принципы здесь не работают, а действуют совсем другие законы, типа «кто смел, тот и съел».

При определении экспертами наиболее необходимых для успешной адаптации населения к модернизационным процессам *культурных образцов* были получены следующие результаты. В числе первостепенных культурных образцов в структуре ответов оказались следующие: умение приспосабливаться к инновациям, воспринимать новое (46 %); умение ориентироваться в рыночном пространстве (40); рационализм, способ-

Таблица 9.2

Распределение ответов на вопрос: «Какие новые культурные образцы из приведенных ниже должно усвоить казахстанское население в первую очередь, чтобы успешно адаптироваться к модернизационным процессам?»

Культурный образец	Количество ответов, % к числу ответивших
Умение приспосабливаться к инновациям, воспринимать новое	46
Умение ориентироваться в рыночном пространстве	40
Рационализм, способность ставить цели и находить средства их достижения в изменяющемся мире	36
Навыки владения современными информационными технологиями	34
Высокая деловая активность, склонность к производству разного рода инноваций	34
Знание иностранных языков	27
Гибкость и толерантность к чужим взглядам и культурным образцам	19
Навыки успешной ориентации в правовом пространстве	18
Навыки поведения эффективного собственника, хозяина	8
Корпоративность	4

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

ность ставить цели и находить средства их достижения в изменяющемся мире (36); навыки владения современными информационными технологиями (34); высокая деловая активность, склонность к производству разного рода инноваций (34); знание иностранных языков (27 %). Не менее важные в рыночных условиях навыки успешной ориентации в правовом пространстве в этом списке составили лишь 18 % (табл. 9.2).

Можно ли считать, что эксперты оценивают правовую культуру казахстанского населения достаточной, чтобы не указывать ее в качестве первостепенных культурных образцов для успешной адаптации к модернизационным процессам? Вряд ли, если учесть их оценку правовой культуры казахстанцев. Высокой или скорее высокой она представляется для 27 % экспертов и низкой и скорее низкой, соответственно, для 73 %.

Оценка экспертами социальных качеств, присущих казахстанскому народу в целом, выглядит следующим образом (табл. 9.3). По сути, пе-

Таблица 9.3

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере казахстанскому народу в целом присущи следующие социальные качества?», % экспертов, присвоивших данный балл

Социальные качества, присущие казахстанскому народу	Оценки по пятибалльной шкале					Средняя оценка в баллах
	5	4	3	2	1	
Толерантность	23	38	27	9	3	3,7
Оптимизм (вера в благополучный исход любого дела)	16	38	34	10	2	3,6
Честность (готовность выполнять взятые на себя обязательства, отвечать за свои поступки, не скрывая информацию негативного плана о себе)	6	20	43	21	10	2,9
Стремление к лидерству	21	37	28	13	1	3,6
Вера в свои силы	13	31	42	11	3	3,4
Инициативность, активность	9	32	46	10	3	3,3
Стремление к равенству и справедливости	13	27	39	15	6	3,3
Индивидуализм	8	30	40	16	6	3,2
Стремление к новаторству, инновациям	7	29	42	20	2	3,2
Соблюдение законов, следование законам	5	26	38	24	7	3,0
Корпоративность, коллективизм	7	25	44	20	4	3,1
Стремление к богатству как самоцель (стремление зарабатывать и стремление инвестировать)	26	40	24	9	1	3,8
Рациональность	7	24	51	17	2	3,2
Трудолюбие	10	31	34	21	4	3,2
Бережливость	5	26	40	22	7	3,0
Готовность к риску	5	18	49	21	7	3,0
В среднем по всем	11,3	29,5	38,8	16,2	4,2	3,3

Примечание. Оценка 5 баллов присваивалась наиболее часто встречающемуся, а 1 балл — наиболее редко встречающемуся качеству.

речень всех качеств, указанных в таблице, свойствен, в первую очередь, модернистской культуре. Колонки со средним баллом 3 и ниже свидетельствуют о существенной мере удаленности народа от модернистских качеств. Если мы обратимся к колонке «средняя оценка в баллах», то также станет ясно, что в целом картина не является оптимистичной, а население по своим качествам находится только на полпути к «требуемым» модернизацией.

Одной из отличительных особенностей казахстанского народа считается толерантность. На фоне существующего мнения о казахстанском народе как о толерантном оценка в 3,7 балла выглядит невысокой.

В условиях модернизации общества традиционные ценности могут иметь как положительное, так и отрицательное значение для успешной адаптации людей к рыночным условиям. В связи с этим была попытка выявить традиционные качества казахстанского населения, в наибольшей мере противодействующие ходу модернизации в стране (табл. 9.4).

Таблица 9.4

Распределение ответов на вопрос: «Какие традиционные качества казахстанского населения, на Ваш взгляд, в наибольшей мере противодействуют ходу модернизации в стране?»

Ответ	Количество ответов, % к числу ответивших
Трайбализм (клановость)	37
Склонность во всем уповать на власть	36,5
Отсутствие интереса к общественным и политическим вопросам	32
Нерасторопность, медлительность	28,5
Вялость, пассивность, покорность	28
Терпеливость взамен активности, поиска новых способов выживания	26,5
Добровольное повиновение тому, кто сильнее	22,3
Привычка довольствоваться малым	22,3
Цепи родственных связей и обязательств	21
Боязнь всего нового	20,4
Склонность решать жизненные проблемы в обход закона	16,9
Неготовность (неспособность) к конкуренции, отсутствие бойцовских качеств	14
Следование эмоциям, иррациональность	12
Жизнь интересами «одного дня»	10,8
Расточительность	10,4
Несвобода, зависимость от мнений, оценок старшего поколения, повиновение	5,4
Повышенная эмоциональность	3,5
Бессребреничество (бескорыстие)	2,5

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

В первую очередь эксперты отмечают такие качества, как трайбализм (клановость) (37 %) и патернализм (склонность во всем уповать на власть) — 36,5 %.

Однозначного определения понятия «трайбализм» в научной литературе не существует, каждый исследователь вкладывает в него различную смысловую нагрузку. Трайбализм (английское *tribalism*, от латинского *tribus* — племя) — это идеология родоплеменного обособления (сепаратизма), стремившаяся законсервировать отжившие атрибуты первобытно-родового строя (обычаи, первобытные верования, племенные языки, структуру племенного самоуправления и др.) [Валеев, 1994]. Одни авторы рассматривают трайбализм как использование родоплеменных институтов в политических интересах. Другие считают, что трайбализм — это механизм рекрутирования кадров по клановому признаку, который ярко проявляется в ходе избирательных кампаний, и клановость рассматривается как внутренняя расчлененность государственного аппарата на организованные группы влияния. При этом проводится следующая классификация клановости: родовая, посткоммунистическо-партийная и финансово-промышленная [Кланы..., 2000]. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что термин «трайбализм» носит собирательный характер. Под ним подразумевают, в основном, дифференциацию общества по родоплеменным и кровнородственным признакам, а также по группам интересов с целью достижения определенного положения.

Однако, несмотря на широкий резонанс, этот казахстанский феномен до настоящего времени так и не получил целостного и системного исследования. Некоторые исследователи считают, что современные представления о трайбализме часто носят гиперболизированный характер, ему придается доминирующее значение, прежде всего, при рекрутировании политической элиты страны.

Выделяют политический, социальный, историко-культурный аспекты трайбализма. Под *политическим трайбализмом* подразумеваются явления, представляющие собой проникновение организованных групп, сформированных по родоплеменному признаку, в систему государственной власти, и оказывающие влияние как на государственную, так и на региональную политику. Характерно, что эти группы практически не связаны ответными обязательствами перед государством. Кроме того, следует определить грань, которая отделяет клановость, организованную на основе родоплеменного деления, от сформированных групп интересов по экономическим, корпоративным принципам и представлений этих различных интересов на политическом уровне.

Как известно, в кочевом обществе казахов система социальных отношений базировалась на принципе генеалогического родства, происшедшего из традиционных представлений номадов о праве первородства и старшинства. При этом важную роль в социально-правовом ранжировании кочевого населения играли исторически сложившиеся понятия

«старших» и «младших» племен. Сильные (старшие) роды и племена выступали в качестве ядра казахских военно-потестарных объединений. Вокруг них интегрировались менее сильные (младшие) племена и рода, и на этой основе складывалась система статусного ранжирования разного рода субъектов властных отношений. Поэтому степень влияния иерархии родов и племен на процесс принятия решений во властных структурах зависит от наследия институтов прошлого и политических калькуляций настоящего; само знание генеалогии не является атрибутом трайбализма.

Историко-культурный трайбализм — это сохранение принципов действия институтов прошлого, созданных на основе родового деления, на современном этапе.

Социальный трайбализм — это тип участия определенных групп на основе генеалогических связей в социальной поддержке членов рода через существующие институты взаимопомощи. Род становится важнейшим социальным актором, основанным на чувствах родственной связанности, представляет собой некую корпорацию, внутри которой происходит тесное и регулярное общение на основе установленных ритуалов. В основе социального трайбализма лежит баланс рода и нации. Таким образом, казах всегда интегрирован в малую родовую общину.

Наиболее тесные родственные отношения характерны для жителей сельской местности. Однако, как отмечают исследователи, с развитием процессов урбанизации и массовой миграции казахов в города вместе с людьми были перенесены и клановые взаимоотношения. В настоящее время жузово-родовая разбивка казахстанского общества постепенно теряет свою актуальность как политический институт и не оказывает сильного влияния на политическое состояние общества, прежде всего, на процесс рекрутирования высшего эшелона власти [Умбеталиева, 2001].

Данные табл. 9.5 свидетельствуют, что изменения в сознании и поведении населения за последние 15 лет носят противоречивый, двойственный характер: большая часть ответов экспертов (43,9 %) приходится на негативные изменения (безнравственность, противоправность, жестокость, лживость, корысть и т. д.), несколько меньшая (38,9 %) содержит информацию о позитивных переменах (активность, открытость, бескорыстие и пр.), и, наконец, 17,2 % ответов носит противоречивый, скорее нейтральный, характер, им может быть присвоен разный знак, в зависимости от мировоззренческих позиций «оценивающего». В целом же картина довольно грустная. Общественные преобразования, которые активизируют и продуцируют по большей части самые низменные начала в человеке (недоверие, агрессию, корысть, бездуховность и пр.), а значит, уничтожают одновременно общественную солидарность и толерантность — т. е. тот цемент, который скрепляет членов общества в единое целое и является, по определению Ф. Фукуямы, его социальным капиталом, созидающим надежный устойчивый успех экономиче-

Распределение ответов на вопрос «Какие изменения в сознании и поведении населения произошли в последние 15 лет в Казахстане под влиянием рыночных реформ? Какими стали люди?»

Изменения, произошедшие с людьми. Люди стали:	Количество ответов, % к числу ответивших
более активными	43,8
более рациональными	41,9
у людей появилась вера в будущее, уверенность в завтрашнем дне	33,8
<i>более практичными, прагматичными</i>	26,5
более открытыми	19,2
более бескорыстными	2,7
<i>забыли о нравственности</i>	26,5
<i>легко идут на противоправные действия для достижения своих целей</i>	24,6
«меняют» традиционную национальную культуру на культуру Запада	23,5
<i>глухи к чужой беде</i>	20
<i>более корыстными, алчными</i>	17,3
<i>утрачивают духовность, становятся бездуховными</i>	15,8
<i>исчезла взаимопомощь, чувство корпоративности</i>	15,8
<i>более жесткими, соревновательными</i>	15,4
<i>более лживыми, нечестными</i>	15,4
стали меньше следовать традициям, национальным обычаям	12,3
<i>более завистливыми</i>	9,2
Всего:	363,7

Примечание. Жирным шрифтом отмечены положительные качества, курсивом — отрицательные и обычным — нейтральные.

ских и социокультурных преобразований, — вряд ли в полной мере оправдывают себя.

Представляют также интерес ответы на вопрос «Какая культура наиболее предпочтительна Вам лично?». 44 % экспертов предпочитают традиционную национальную культуру, поскольку она привычная и близкая, создана предками и ее, по мнению респондентов, необходимо сберечь, несмотря на разрушительный напор глобализации. 30 % выбрали современную культуру общеевропейского типа, так как она имеет глубокие культурно-исторические корни гуманистического характера. 21 % экспертов указали на современную культуру восточного образца, поскольку она наиболее близка по духу традиционной национальной культуре. Современная культура североамериканского типа оказалась предпочтительной всего лишь для 1,5 % экспертов, при этом было указано, что ее достижения в наибольшей мере формируют сегодня социо-

культурный облик мира. Остальные 3,5 % экспертов наиболее желаемым видят синтез национальной культуры с лучшими элементами мировой культуры.

Одновременно нам хотелось уточнить отношение экспертов к западной модели развития. Для этого был задан вопрос «Некоторые полагают, что Казахстан развивается по западному пути развития. Что Вы думаете по этому поводу?», на который 58 % экспертов ответили, что страна развивается по своему собственному пути. Более четверти (27 %) экспертов считают, что страна выбрала западный путь развития и это оправданно. Каждый десятый эксперт полагает, что страна выбрала западный путь развития, но это неоправданно. Еще 5 % из них указали на многовекторный характер современного развития Казахстана.

Несколько обнадеживают ответы экспертов на своего рода итоговый вопрос: «В какой мере жизненный успех современного жителя Казахстана определяется его личными усилиями, качествами и способностями, а в какой — внешними условиями и обстоятельствами, не зависящими от него?». Ответы на данный вопрос можно интерпретировать как оценку степени свободы человека и либерализации общества. Около половины (44 %) ответило, что жизненный успех современного казахстанца *в равной мере* определяется как его личными качествами и усилиями, так и внешними условиями и обстоятельствами; практически каждый пятый (22 %) эксперт полагает, что в большей мере определяется его личными качествами и усилиями, нежели внешними условиями и обстоятельствами; 15 % экспертов считают, что жизненный успех целиком определяется личными качествами и усилиями, такое же количество экспертов считает, что он в большей мере определяется внешними условиями и обстоятельствами, нежели его личными качествами и усилиями. Доля же тех, кто уверен, что жизненный успех целиком зависит от внешних условий и обстоятельств, составила лишь 4 %.

Конечно, в сравнении со стабильными развитыми обществами, в которых, как правило, свыше 70 % опрошенных обычно уверены, что их жизненный успех целиком определяется личными усилиями, этот результат неубедителен. И все же, если учесть исторический момент — период перехода, транзисии — эти цифры внушают надежду.

Казахстан сегодня — это молодая развивающаяся страна с грузом социокультурных традиций, представляющих собой синтез национальных культур многих народов, его населяющих, и специфического культурного следа социалистической эпохи — коммунитарного редистрибутивного идеократического общества, базирующегося на традиционной системе ценностей (коллективизм, этатизм, государственный патернализм, родственные узы, межличностное доверительное общение, аффективность, открытость, особое понимание и приоритет духовности и др.). Это накладывает отпечаток на характер, содержание и темп модернизации.

ционных процессов, делая проблематичной разработку универсальной стратегии развития, которая бы устроила в равной степени все группы населения: и тех, кто ориентирован на западную культуру, и тех, кто связывает будущее страны исключительно с традиционной национальной культурой.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что казахстанский модернизационный проект разворачивается на фоне противостояния фундаментальных оппозиций — традиций и инноваций, самобытности и универсальности. Данная ситуация привносит дополнительные элементы борьбы, конкуренции и рассогласований в общественную жизнь, порождает полярность интересов, взглядов, оценок, мнений субэлит и стоящих за ними социальных групп. В этих условиях перед обществом с необходимостью возникает задача повысить способность воспринимать и ассимилировать внутренние (социокультурные) и внешние трансформирующие его импульсы, органично включить их в модернизационный процесс, разработав механизмы не только предотвращения, но и использования подобных конфликтов и напряжений в созидательных целях.

ГЛАВА 10

Механизм отчуждения от духовности в модернизирующемся российском обществе

Нигде буржуазная надежда на «счастье через потребление» не является столь живучей, как в тех странах, которые все еще не достигли осуществления этой буржуазной мечты.

Эрих Фромм

Цель данной главы состоит в уточнении и артикуляции ряда концептуальных идей, а также современных российских социальных практик, связанных с феноменом отчуждения, его природой и проявлениями. В фокусе внимания — переходный этап в развитии российского общества — модернизация экономических, политических и социальных институтов, а также культурной сферы. Термин «отчуждение» полисемантичен, междисциплинарен, история его изучения длится более столетия, и находится он в поле зрения как минимум четырех наук: философии, социологии, психологии и экономики. Каждая из наук имеет свои дискурсы и традиции в его исследовании. Осмысливая их, я попытаюсь изложить здесь свое понимание этого феномена, выделяя в нем в качестве частного проявления аспект отчуждения от духовности.

Социология определяет отчуждение (alienation) в одних случаях как процесс, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их, в других — как ощущение индивидуумом (или группой) отрешенности от ситуации, какой-либо общности, культуры и пр.; в границах эмпирических исследований — зачастую как сопоставление условий труда и удовлетворения от работы и т. д. [Джери, Джери, 1999. С. 539—542; Социология, 2003. С. 702]. В Философском энциклопедическом словаре [1983] дается следующее толкование: «Отчуждение — социальный процесс, присущий классово-антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Истоки отчуждения — в относительном обособлении индивидов в производстве и возникающей на этой основе частной собственности, в антагонистическом разделении труда. Отчуждение является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих способностей и связано с овеществлением и фетишизацией социальных отношений» (С. 472). Отчуждение (в психологии) — это проявление таких жизненных отношений субъекта с миром, при которых продукты его деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы, являясь носителями определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому (от несходства до неприятия и враждебности). Это выражается в соответствующих переживаниях субъекта: чувствах обособленности, одиночества, отвержения и потери Я [Психология, 1990].

Феномен отчуждения, имеющий отношение как к объективной реальности, так и к ее субъективному восприятию и конструированию, как к обществу (или миру в целом), так и к отдельному человеку (и первое, и второй одновременно или попеременно могут выступать в роли и отчуждающего, и отчуждаемого), с той или иной долей притягательности, неизменно и заслуженно привлекал внимание мэтров научной мысли: Гегеля, Маркса, Фрейда, Юнга, Фромма и других. Так, Маркс акцентировал внимание на отчуждении рабочего, берущем свое начало в процессе производства. Труд становится противостоящей ему самостоятельной силой [Маркс, Энгельс, 1975]; Фрейд обогатил мир представлением об отчуждении как феномене, используемом для объяснения патологического развития личности в чуждой и враждебной (ее естественной природе) культуре [Фрейд, 2001]; Фромм существенно расширил сферу применения этого понятия. Согласно его представлениям, отчуждение индивида выступает в пяти формах: отчуждение от ближнего, от работы, от потребностей, от государства, от себя [Фромм, 1986]. Зиммель видел «трагедию культуры» в противоречии между творческим процессом и объективированными формами культуры [Теория ..., 1999].

В обществе, где главной целью человеческого бытия выступают *деньги*, происходит обесценивание интеллектуальных, эстетических,

этических и прочих ценностей, отчуждение превращается в универсальный модус существования, где проявляются все его формы. Отсюда — сложные лабиринты смыслов, разнообразие экспликаций и интерпретаций, до сих пор не упорядоченные, не систематизированные и не отрефлексированные наукой в должной мере.

Одной из основных проблем человека в современной модернизирующейся и глобализирующейся миросистеме является проблема бессмысленности существования, потери контакта с миром и самим собой. Дело в том, что проблема смысла жизни тесно связана с ощущением личностной идентичности. Вопрос «в чем состоит смысл моей жизни?» почти полностью совпадает с вопросом «кто я такой?». В немалой степени ощущение бессмысленности существования связано с *переходным периодом современной культуры*. Так, американский психолог Э. Эдингер полагает следующее: «По-видимому, мы проходим период коллективной психологической переориентации, сопоставимый по масштабу с периодом возникновения христианства на руинах Римской империи. Упадок традиционной религии сопровождается увеличением числа свидетельств об общей дезориентации. Мы утратили ориентиры. Христианство представляет собой систему великих символов, которая, по-видимому, утратила способность определять все обязанности людей или раскрывать их высшие потребности. Это привело к повсеместному распространению ощущения бессмысленности и отчуждения от жизни. Еще неизвестно, появится ли новый коллективно-религиозный символ» [Эдингер, 2000]. На мой взгляд, такой символ в своем роковом обличье уже существует. Это деньги и другие сомнительные ценности общества потребления.

Два жизненных сценария

Именно в условиях буржуазного общества категория отчуждения характеризует у Гегеля специфическое отношение человека к созданной им реальности. В «Феноменологии духа», анализируя буржуазное общество — мир «отчужденного от себя духа», Гегель отмечает, что действительность предстает для индивида как «...нечто непосредственно отчужденное...»; самосознание «...создает свой мир и относится к нему как к некоторому чуждому миру» [Гегель, 1959. С. 263—264]. Спустя более чем столетие после Гегеля мы можем говорить не только об ощущении отчуждения от окружающего мира, но и о коренной деформации человеческой природы в целом, полном удалении от нее, от своего Я. Этот вид отчуждения я называю **глубинным отчуждением**. Эрих Фромм, занимавшийся ключевыми проблемами человеческого существования, ввел в научный язык дихотомию терминов «быть—иметь» [Фромм, 1986. С. 91]. Индустриализация и механизация повседневной жизни, смысл которой для большинства состоит в достижении комфорта и максимального удовлетворения витальных потребностей, привели к форми-

рованию так называемого общества потребления — массового потребления информации, пищи, природных ресурсов и материальных объектов. С полным правом такое общество можно охарактеризовать как общество с одним главным мотивом — *иметь (первый жизненный сценарий, целью которого является обладание)*. Именно он, по моему мнению, приводит общество в состояние отчуждения. Отчуждение масс по принципу глубинного отчуждения я называю **массовым глубинным отчуждением**.

Создание транснациональных экономических корпораций вследствие глобализации способствовало распространению потребительской стратегии жизни далеко за пределы капиталистических государств. Примером могут служить страны Восточной Европы, Латинской Америки, Китай и Россия. Включенная в глобальное сообщество Россия в данный момент переживает настоящий потребительский бум. Дефицит товаров и услуг во времена коммунистического режима создал вакуум, который в настоящее время большинство россиян стараются заполнить как можно быстрее. Автомобили, жилье, оргтехника, валютные сбережения, одежда и продукты питания — вот на что направлен основной мотив жизни россиян. Подтверждением этому могут служить объемы продаж данных предметов, а также количество выданных кредитов населению на их приобретение.

Так, согласно исследованию ВЦИОМ в июле 2007 г. [ВЦИОМ..., 2007], число россиян, стремящихся воспользоваться кредитными услугами, за год увеличилось более чем вдвое — с 13 до 28 %. Цели, ради которых респонденты собираются взять кредит, — это, прежде всего, покупка аудио-, видео- и бытовой техники, мобильного телефона (6 %); недвижимости — квартиры, дома, земельного участка и т. п. (6 %); неотложные нужды; ремонт квартиры или дома; приобретение автомобиля (по 4 %); покупка мебели; компьютерной техники; образовательные, медицинские услуги (по 2 %). Чем лучше респонденты оценивают свое материальное положение, тем больше среди них потенциальных заемщиков. Если среди плохо материально обеспеченных только 22 % опрошенных планируют брать банковский кредит, то в группе среднеобеспеченных — 28 %, а в наиболее благополучной в финансовом отношении группе — 36 % [Там же]. Цифры говорят сами за себя. Чем более обеспечен россиянин, тем выше у него потребность в средствах, а, следовательно, в приобретении товаров. Иными словами, чем беднее человек становится как Человек (носитель духовности), тем выше его потребность в деньгах. Власть же его денег находится в обратно пропорциональной зависимости к массе предметов производства (чем больше последних, тем ниже власть первых). В свою очередь потребности растут по мере того, как прибывает сила денег. Враждебными по отношению к человеку становятся такие же люди, как и он сам, жизнь которых подчинена идолам денег и товаров, в поклонении которым они черпают свою силу. Отчужденные, люди продолжают свою борьбу.

Даже в результате научно-технического прогресса и модернизации российского общества массовая установка на обладание не претерпевает изменений, так как предметом обладания стала отныне информация, а также знаки и символы, которые продаются и покупаются столь же интенсивно, как и реальные вещи. Занимая весь объем жизни современного россиянина, мотив потребления отчуждает его от активности, направленной на развитие потенций, которые заложены в человеке от природы. В большинстве своем в современных условиях они остаются нереализованными, оставляя индивида одномерным, отчужденным от своего истинного Я, ведь для последнего жизнь заключена не только в потреблении материальных благ. Наиболее наглядно свойственное современному человеку глубинное отчуждение можно продемонстрировать на примере знаменитого символа Инь—Янь. Выбирая лишь одну сторону своего бытия (витальные потребности, потребление) — одну половину символа гармонии и развития, человек отчуждается от другой, присутствующей ему изначально стороны жизни, со свойственными ей любовью, духовностью, преобразованием и творчеством.

Поскольку общество, в котором мы живем, большей частью подчинено приобретению собственности и извлечению прибыли, многие считают обладание наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым для человека образом жизни. Ориентированный на обладание современный человек становится отчужденным от потенций, заложенных в него природой или богом. Включаясь во всеобъемлющий процесс потребления, человек отказывается от реальной активности, которая свойственна ему как характерная черта. Быть активным — значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми — хотя и в разной степени — наделен каждый человек. Постсовременность, орудием которой выступают средства массовой информации и номенклатурная система власти, превратила человеческое сообщество в массу, в импловивное* нечто, иными словами, способное только впитывать поглощать, без возможности развиваться, обновляться и расти. Эту массу Жан Бодрийар назвал «молчаливым большинством» [Ясперс, Бодрийар, 2007]. Масса не имеет ни скрытых сил, которые бы высвобождались, ни устремлений, которые должны были бы реализовываться. Одурманенные средствами массовой информации и интериоризированным рыночным сознанием, люди нашей эпохи превратились в массу, потребляющую все без разбора. Массам чужда духовная жизнь, и даже так называемые духовные ценности поглощаются большинством в виде массовой культурной пищи. Кинематограф, искусство, литература, и даже религия сегодня (духовна ли она в наше время?) — это продукты, предназначенные для утилизации в один момент имеющими средствами потребителями. Высо-

* То есть не «взрывающееся», не распространяющееся вовне, а, наоборот, вбирающее, втягивающее в себя.

кое искусство теряет смысл, превратившись в товар массового спроса. Подстегиваемый темпами глобализации конвейер производства товаров и услуг ежедневно преподносит новые и новые порции для жаждущей поглощать массы. Таким образом, в наше время мы стали свидетелями массового отчуждения людей, полного разрушения или отрицания социального как такового.

Уносимая вихрем глобализации эта масса смещается с орбиты, на которой возможно проявление истинной активности в поле занятости. Повсеместная занятость и отсутствие активности — вот современная характеристика общества потребления. Действуя на основе установок, интериоризированных в сознание через процесс социализации в обществе, направленном на потребление, мы посвящаем свою жизнь *отчужденной активности*. Отчужденная активность существует там, где нет места спонтанности и проявлению творческого начала в процессе труда. Люди работают только ради того, чтобы получить за это деньги, которые затем можно будет потратить на приобретение вещей, которыми можно будет впоследствии обладать. Обладание становится в наше время конечным результатом любой деятельности. Идентификация с вещами придает единственный смысл существованию человека в нашу эпоху. Чем дороже и ценнее вещь, тем больше я значу. Для обладания вещами достаточно просто хорошо функционировать, быть конкурентноспособным, обменивать самого себя как товар и при этом оставаться ничем. Такой человек превращается в вещь, полностью отчуждаясь от своей человеческой творческой природы, ограничивая свое «я» от проявления его потенциалов, направленных на развитие, творчество и любовь. Абсолютно логично, что в результате такая отчужденная деятельность характеризуется отсутствием у работника (в повседневной жизни у актора любой деятельности) ощущения себя как деятельного субъекта своей активности, скорее он воспринимает результат своей активности как нечто такое, что находится вне его, выше него, отделено от него и противостоит ему. При отчужденной активности я, в сущности, не действую, действие совершается надо мной внешними силами. Так, активность, направленная на достижение выгоды, результатов труда (деньги), не приносит удовлетворения от самого процесса деятельности. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность.

Напротив, в случае неотчужденной активности человек ощущает самого себя как субъекта своей деятельности. Неотчужденная активность — это процесс рождения, создания чего-либо и сохранения связи с тем, что создано. При этом подразумевается, что активность есть проявление потенциалов индивида, что он и его деятельность едины. Такую неотчужденную активность можно назвать продуктивной активностью. Продуктивная активность не обязательно та, которая приводит к созда-

нию чего-то нового и оригинального или конечного результата. Скорее, речь идет о качестве этой активности, о деятельности, в процессе которой человек получает удовлетворение в самом ее процессе, независимо от результата этой деятельности. Эта активность есть продуктивная, прежде всего для самого человека, так как позволяет развивать его творческий и личностный потенциал. Быть неотчужденным — это значит обновляться, расти, изливаться, любить, испытывать глубокий интерес, отдавать. Неотчужденный мотив человеческого существования мы можем назвать, противопоставляя его обладанию, мотивом *быть*. Ориентация на бытие — это *второй жизненный сценарий*, осуществление которого не приводит к отчуждению, личному или массовому.

Отчужденная и неотчужденная активность (во всех сферах жизни): критерии

Придавая легкую аллегоричность двум понятиям: быть и иметь, можно сказать, что одно из них связано с жизнью, другое со статичностью, бездушным и механистичным функционированием. Обладание уводит нас из настоящего и заставляет проявлять свою активность (отчужденную в данном случае) с целью будущих накоплений и потреблений, отчуждает индивида от настоящего. Бытие позволяет нам дышать каждым настоящим моментом, в котором человек способен проживать свою жизнь таким, каким он является от природы, проявлять свои духовные качества, развиваться, расти, иными словами пребывать в состоянии истинной активности, не направленной на стяжание. В одном случае мы **приобретаем, извлекаем прибыль и властвуем, в другом испытываем свободу и независимость**. Наши зависимости от материальных источников самоидентичности и страх потерять накопленное держат нас в капкане, не давая двигаться спонтанно, свободно и синхронно внутреннему источнику жизни. Привязанности удерживают отчужденного человека вдали от божественного (трансцендентного), парализуя его духовное развитие. Как мы видим, отчужденность от реальной жизни проявляется еще и в отчужденности от настоящего, которая проявляется в ориентации на будущее (то, чем я буду обладать), а также на **прошлое** (то, что я уже имею). Это те моменты, когда люди не могут позволить себе жить свободно. Они становятся заблокированными от радости настоящего момента, поскольку боятся, что потеряют то, что уже имеют. Держась за свою привычную (отчужденную) личность, люди еще больше отдаляют себя от контакта со своим «глубинным Я». Кристина Гроф, представитель новой парадигмы в гуманитарной науке, как и ее муж Станислав Гроф, говорит о настоящем так: «Настоящий момент — это окно в божественное. Мистики говорят нам, что предмет наших духовных поисков находится прямо здесь и сейчас, но из-за наших внутренних барьеров мы большую часть времени не можем его видеть. Некоторые из этих барьеров связаны с нашими привязанностями,

а также с негибкостью и страхом, которые эти привязанности порождают» [Гроф, 2003. С. 169].

Этот страх, порожденный мыслями о потере объектов обладания, приводит к мыслям об опасности, которую представляют собой другие люди. Укореняется мысль о том, что они могут отнять у человека то, что он имеет. Чтобы предотвратить такие поползновения на свою собственность, людям приходится стремиться ко все большему могуществу и становиться агрессивными. Это приводит к **антагонизму и взаимному отчуждению**: как для отдельных индивидов, так и для целых народов. Ибо пока народы будут состоять из людей, мотивированных преимущественно на обладание и алчность, они не смогут избежать войн. Наоборот, при ориентации на бытие частное обладание (частная собственность) не имеет аффективного значения, ибо нет нужды владеть тем, чем наслаждаешься или даже просто пользуешься. Речь не идет о полном отказе от частной собственности, который был в Советском Союзе. Речь идет о праве человека на личное, но без заикленности на чрезмерное и бесконтрольное обладание. При ориентации на бытие не один человек, а миллионы людей способны разделить радость от одного и того же объекта. Это не только позволяет избежать борьбы, но и создает условия для одной из самых глубоких форм человеческого счастья — счастья разделенной радости. Ничто так не объединяет людей, как общность идей, наслаждение одним и тем же музыкальным произведением, картиной, каким-либо символом, соблюдение одних и тех же ритуалов и общее горе. Такие общие переживания создают и поддерживают живые отношения между индивидами. Это приводит к **солидарности и идентичности**.

Солидарность дает человеку ощущение истинной **радости**. Она способствует творческой деятельности — неотчужденной активности. Это не пиковое переживание, которое внезапно возникает и также внезапно прекращается после приобретения вещи, потребления или удовлетворения потребности обладания. Радость — это скорее ровное эмоциональное «плато», то состояние, которое сопровождает продуктивное проявление самых важных человеческих способностей. Радость — это ровное бытие. Напротив, исступленное состояние, сиюминутное пламя удовлетворения желания обладать можно охарактеризовать словом **удовольствие**. Удовольствие всегда временно, а радость — бесконечный процесс приближения к цели стать самим собой.

Для отчужденного человека быть самим собой значит быть тем, чем он обладает. **Страх смерти** — это страх потери объектов, которые имеет индивид. Это паническое чувство расставания со своей собственностью, телом как вместилищем удовольствий, со своей идентичностью с материальными объектами. Напротив, чем в большей мере человек освобождается от жажды наживы во всех ее формах, тем слабее будет страх смерти: ведь тогда нам нечего терять. Не испытывая привязанностей к материальным объектам, потеря которых не угрожает потерей

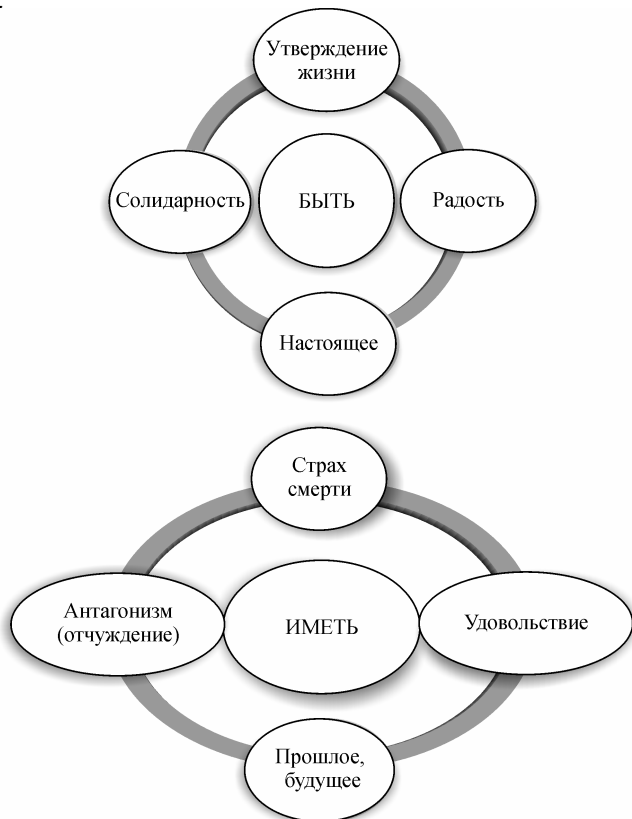

Рис. 10.1. Отчужденная и неотчужденная активность.

жизни и ее смысла, человек реализует утверждение жизни. Схематически отчужденная и неотчужденная активность представлена на рис. 10.1.

Отчуждение в поле экономических отношений

Упомянув концепцию социального капитала в связи с преодолением отчуждения в целях сохранения социальных ресурсов (например, в процессе производства), уместно обратить внимание на тот факт, что в настоящее время в модернизирующейся России широкое распространение получили нарушения хозяйствующими субъектами правовых норм и этических правил экономического поведения и в частности требований социальной справедливости. В этих условиях система государственного регулирования нуждается в мощной институциональной поддержке, ориентированной на повышение уровня социальной справедливости в экономических отношениях. Эффективность национальной экономики и построение гражданского общества в России во многом зависят от того, насколько соблюдаются принципы социальной справедливости во всех

сферах общественной жизни, включая экономику. Так, социальную справедливость в экономических отношениях можно рассматривать как особый вид социально-экономического института [Петросян, 2007]. Именно отсутствие социальной справедливости в отношениях работник–работодатель приводит к формированию отчуждения в сфере экономических отношений, в том числе на производстве. Оплата труда, формы и способы материального стимулирования, не соответствующие реальным результатам труда и индивидуальному трудовому вкладу работников предприятия, приводят к формированию отчуждения в сфере экономических отношений. За примером далеко ходить не надо — «уравниловка», слово, значение которого понятно всем, кто столкнулся с отчуждением в процессе труда. В настоящий момент в России не институализированы принципы социальной справедливости в сфере экономических отношений, в частности в сфере производства и хозяйствования. Разработка и внедрение таких регуляторов могли бы решить многие проблемы, с которыми сталкивается отчужденный и незащищенный человек в процессе работы по найму.

В сфере западной науки эта идея находит свое применение. Уместно вспомнить Джереми Рифкина, президента Фонда изучения экономических тенденций и уважаемого консультанта лидеров большой политики и бизнеса в области построения экономических отношений, как на макро-, так и на микроуровне. В результате эксперимента Рифкина, и весьма удачного, авиакомпании American Airlines теперь управляется ее сотрудниками. Имея доступ к процессу регулирования, оценки и построения процесса труда, они обретают реальную уверенность в том, что их труд приносит пользу. Также они осознают, что работают над достижением тех целей, которые были определены ими самими. В некотором роде, ощущая компанию как «свою собственную», люди получают реальное удовлетворение от процесса труда, намного большее, чем в традиционных организациях. Налицо факт снижения уровня отчуждения в сфере занятости [Rifkin, 1996].

Практически все ведущие бизнесмены и большинство экономистов продолжают утверждать, что впечатляющие технологические достижения Третьей промышленной революции принесут благие плоды: позволят снизить стоимость продукции, стимулируют потребительский спрос, создадут новые рынки, а также дадут возможность большему числу людей найти себе хорошо оплачиваемые рабочие места в новых сферах занятости, связанных с высокими технологиями. Но Рифкин оценивает ее результаты более скептически. Очевидно, что чем ближе осуществляется технологической утопии, тем менее привлекательным предстает грядущий мир. Силы рынка по-прежнему ориентированы на рост производства и прибыль, а досуг вытесняемых из сферы занятости людей ничем не обеспечен. Новые технологии могут привести и приводят к росту безработицы и депрессии в глобальном масштабе. Похоже, что мысли Маркса о превращении работающего человека в отчужденный придаток

машины или станка становятся реальностью. Выброшенные в сферу досуга люди погружаются в сферу бездействия, так как им в своей массе нечем будет занять свою жизнь, помимо бездумного потребления. Отчужденным от труда и сферы социальных контактов, без смысла к существованию, даже без видимой занятости, людям останется только погрузиться в мир экзистенциальных переживаний о жизни, смерти и одиночества. У технологической революции есть еще одна сторона. Эта революция позволяет значительно расширить возможности контроля со стороны менеджеров над процессом производства [Rifkin, 1996]. А это значит, в свою очередь, что процессам социальной справедливости на производстве будет нанесен серьезный удар. Положение работника по-прежнему будет плачевным через его зависимость и страх потерять рабочее место, число которых сокращается со световой скоростью. «Расширяющаяся пропасть между представителями высшего менеджмента и остальными имеющими работу американцами, — пишет Рифкин, — создает глубоко поляризованную Америку, в которой небольшая космополитическая элита живет среди беднеющих трудящихся и безработных, это представляет угрозу для политической стабильности страны в будущем» [Rifkin, 1996]. Схожие процессы, на мой взгляд, происходят и в России за счет растущей армии менеджмента.

Модернизация или модернизационный тупик?

Модернизирующееся российское общество находится сегодня в сетях многих ловушек и тупиков, попав в которые оно ограничивает свои возможности успешно пройти стадию кристаллизации модернити и вступить в новую эпоху — постмодернити. (См. об этом, в частности, главу 5 настоящей монографии «Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания».) Выход из такого рода тупиков и ловушек чреват необратимыми потерями и социального времени, и социальных ресурсов, а значит, непосредственно таит угрозу для России в XXI в. «отстать навсегда» от передовых стран мира. Отчуждение от духовности в современной России и есть, на мой взгляд, фундаментальный модернизационный тупик, который угрожает не только ее развитию, но и ее существованию в долгосрочной перспективе.

Многие современные ученые развивают идею о том, что глобализация и модернизация представляют собой сегодня по сути вестернизацию, а вектор трансформационных процессов исходит из США и Западной Европы. Это соответствует представлением основателя концепции эволюционного развития/модернизации Талкота Парсонса об эволюционных универсалиях (evolutionary universals) как необходимых условиях модернизации и эволюции социальных систем, достижения более высоких уровней общественного развития. Эти универсалии представляют собой технологии, капитал и западные ценности. В наиболее сильной форме глобализация проявляет себя как вестернизация при модернизации.

ции стран третьего мира, в число которых, по мнению ряда ученых (Т. Шанин, Е. Ясин и др.), входит и Россия. Так, Самюэль Хантингтон, противопоставляя Запад и Не-Запад, убедительно доказывает, что вестернизация является неизбежной для государств, пытающихся совершить модернизационный рывок [Хантингтон, 2003]. *Сама же модернизация для этих стран выступает в качестве механизма адаптации к изменяющимся условиям и стандартам современной миросистемы.*

В своих поздних работах Парсонс акцентирует внимание на четырех компонентах эволюционного развития/модернизации (см. [Mouzelis, 1999. P. 145]). Это: дифференциация (differentiation), адаптация (adaptive upgrading), включение (inclusion) и объединение ценностей (value generalization). Это значит, что:

структура социальной системы дробится на две или большее количество единиц (структур), которые отличаются по их особенностям и функциональному значению для системы (**дифференциация**);

эти единицы функционируют максимально эффективно, так как имеют теперь более широкий диапазон ресурсов и возможностей в их собственной сфере, чем до дифференциации. Это освобожденное от прежних ограничений функционирование протекает успешно, если деятельность этих подструктур не ограничивают друг друга (**адаптация**);

как только мы имеем дифференциацию и адаптацию, перед нами встает проблема **включения** деятельности этих элементов в общее целое;

для осуществления процесса включения в структуре должны наличествовать обобщенные ценности, для того чтобы различные элементы в обществе имели возможность получить ориентации для их новых образцов действия. Когда сеть социально структурированных ситуаций становится более сложной, ценности должны быть изложены на более высоком уровне общности, чтобы гарантировать социальную стабильность (**объединение ценностей**).

Как показывает история стран Западной Европы и США, при реализации этих принципов возникают универсальные проблемы, не решение которых может завести общество в модернизационные тупики. Задача справиться с этими вызовами сейчас стоит и перед Россией. На ее примере мы видим, что в институты общества (его социальную ткань, жизненный мир и пр.), устанавливаемые на основе социального взаимодействия, опосредованного языком, проникают, начинают в них действовать и доминировать элементы, идеи, смыслы, стандарты, модели, приущие экономической и административно-государственной сферам. Социальные решения принимаются, исходя из интересов не совместно живущих людей, а бюрократических технико-экономико-административных институтов. Социальность и рациональность срачиваются. Человеческое поведение все дальше отходит от системы норм, сформировавшихся на моральной и духовной основе. Проникая через сферы экономики и управления в сферу социальных отношений, государство отчуждает последнюю от культуры (духовности) и тормозит институциональ-

ную дифференциацию. Взамен больших идеологий прошлого, прямо и открыто формулирующих интересы того или иного класса, сегодня общество объединяется системой вещей, комфортом, рынком. Проблемная дифференциация социальных институтов и подмена универсальных моральных и духовных ценностей потребительскими порождают отчужденные духовности и ставят модернизационный проект под угрозу, тормозя тем самым приход постмодернити. Последний, как известно, напротив, провозглашает ценности социальной свободы, самовыражения, плюрализма и духовного развития.

Анализируя схожие проблемы в обществах, которые находятся уже на стадиях позднего капитализма, исследователи видят выход из сложившейся ситуации в возвращении морального, ценностного и духовного сознания в структуры действий так называемого общества потребления. Например, Юрген Хабермас хотел бы связать вместе «разум, нравственность и демократию» [Хабермас, 2000].

Есть ли пути преодоления отчуждения?

Как демонстрирует нам история, потребность в духовности и понимании божественного, потребность в достижении надличностного источника истины, целостного развития личности не покидает человека. Она становится нитью Ариадны, которая способна вывести человечество из кризиса, порожденного потребительством и забвением. В определенном смысле сам факт насыщения и перенасыщения в сфере витальных (базовых) потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время существовала иллюзия и ложная надежда на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен изменить качество жизни, принося благополучие, удовлетворение и счастье. Напротив, налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками, алкоголизм, преступность, терроризм и насилие в семье. Наблюдаются повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция. Осознание краха философии мейнстрима ознаменовало в жизни многих людей поворотный пункт. Они начинают интересоваться альтернативой и обретают ее в духовном поиске. Изменения в сознании, казалось бы, такого безжизненного образования, которые мы назвали массой, дают надежду на возможность изменить существующую мировую ситуацию.

В знаменитом трансатлантическом диалоге Эрвина Ласло, Станислава Грофа и Питера Рассела как раз идет речь о том, как можем мы изменить мир и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти обуреваемый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри». Так, Ласло говорит: «...такое впечатление, словно что-то в коллективной психике человечества включает предупреждающий сигнал, служащий стимулом к изменению» [Гроф и

др., 2004. С. 22]. Глобализация, при всех своих отрицательных моментах, так или иначе, способствует тенденции осознания кризиса человечества в наше время. Именно терроризм (маркер глобальных изменений) заставил многих задуматься о том, что современный мир хрупок, глобальные катастрофы — о глобальном потеплении и той ответственности, которую несет человек, отчуждаясь от природы, обладая ею как вещью, используя ее и уничтожая. Мода на здоровое питание и образ жизни, экологичное топливо, научные конференции и массовые акции в поддержку экологического общества показывают, что изменения в сознании людей (эволюция сознания) происходят. Но, как правило, это прерогатива развитых стран. Страны третьего мира, в том числе и Россия, отнюдь не находятся в авангарде. Уже отмечено выше, что они только вступают в эру потребления и вынуждены пожинать все отрицательные моменты модернизации. В поле экономики один из возможных выходов видится в возможности использовать деятельность миллионов людей в конструктивных целях за пределами частного (первого) и публичного (второго) секторов. Таланты и энергию этих людей можно направить на воссоздание локальных сообществ и на создание «третьей силы», не зависимой от рынка и публичной сферы. Третий сектор, который называют также независимым или добровольным, — это сфера, в которой доверительными отношениями порождаются общинные связи, в которой отдача собственного времени другим людям заменяет искусственные рыночные связи, базирующиеся на продаже себя и своих услуг. Третий сектор по праву можно назвать сектором неотчужденного бытия. Социальные службы, женские клубы, молодежные организации, группы по защите гражданских прав, организации по защите окружающей среды, организации, заботящиеся о животных, театры, оркестры, художественные галереи, библиотеки, музеи и т. п. — все это было создано первоначально в третьем секторе. Обращаясь в подобные организации, можно восстановить подлинную социальность, обрести искомый статус, почувствовать себя нужным и способным создавать что-то «своими руками», проявлять альтруизм. Иными словами, можно позволить себе быть собой целиком и полностью, развивать свои способности и значимые для человека компоненты его личности, что невозможно в обычной, рутинной жизни, при выполнении навязанных ролей с целью добиться успеха, достатка и так далее.

Таким образом, **вывод** состоит в следующем: есть основания предполагать, что сегодня отчуждение в России приобретает массовый характер. Беря начало в сознании отдельных людей, оно пронизывает собою все социальное тело. Отчуждение от духовных и нравственных ориентиров сегодня подкрепляет предположение о том, что Россия находится на потребительской и массовой стадии развития социума. Вследствие глобализации и формирования всемирной экономической системы повсеместное распространение получает стратегия жизни общества потребления. Эта стратегия, главным смыслом которой является

обладание и потребление материальных продуктов, а также знаков и символов, приводит к развитию *глубинного отчуждения* отдельно взятого человека, глубинного отчуждения миллионов людей — *массового глубинного отчуждения* и как формы протеста *самоотчуждения*.

Как бы то ни было, существование полностью неотчужденного человека в наше время не представляется возможным. Пытаясь определить степень отчужденности, нам придется двигаться в системе координат: где ось абсцисс — это модусы бытия и ось ординат — степень их выраженности. В качестве делений на оси абсцисс будут выступать свобода, критический разум, независимость; внутренняя активность; настоящее; утверждение жизни; радость; солидарность — характеристики неотчужденного человека. А также приобретение, власть, извлечение прибыли; направленность на прошлое и будущее; страх смерти; удовольствие; антагонизм — показатели отчужденной жизни.

В общем виде отчуждение от духовности в современном глобализирующемся и модернизирующемся мире, на мой взгляд, можно представить следующим образом:

I. Глубинное отчуждение: Существование по принципу обладания. отождествление себя с имеемым капиталом: деньгами, вещами, знаками, символами, знаниями, образованием, значимыми и одобряемыми социальными позициями. Потеря своей истинной человеческой природы, ориентированной на целостное развитие личности. Игнорирование духовной составляющей личности. Приоритет удовлетворения витальных (базовых) потребностей через потребление. Люди — «вещи».

II. Массовое глубинное отчуждение: Глубинное отчуждение, присутствующее большим социальным группам, классам, стратам, массам. Общество потребления.

III. Самоотчуждение (осознанное отчуждение): Неприятие массового глубинного отчуждения, проявляющегося в социальном характере общества и его социально-экономической системе. Отказ от контакта с массовой культурой потребления и обладания. Носит внутренний характер и является *осознанной* формой отчуждения.

Таким образом, располагая опытом и примерами формирования общества потребления в развитых странах, мы имеем возможность свести до минимума «побочные и негативные эффекты» модернизации в России. Преодоление отчуждения представляется трудным, но возможным. Трудным потому, что, манипулируя массовым сознанием, экономическая элита, которая в России является еще и политической (нонсенс для развитых стран), крайне не заинтересована в просвещении миллионов россиян, жаждущих потреблять и приобретать товары и услуги. Когда власть и бизнес сосредоточены в одних руках, возможности одной сферы используются для реализации другой. Поскольку многие СМИ в нашей стране являются подконтрольными государству, потребности, стиль жизни и мышление соотечественников напрямую формируются жаждущей обогащения элитой. Отчужденность рядового человека от

власти, от процесса развития государства, от возможности влиять на его стратегии не позволяет изменить эту ситуацию. Даже если бы это было возможно, на это были бы способны не многие, так как масса (вспоминая слова Бодрийара), одурманенная футболом и рекламой, не способна на что-либо помимо поглощения, потребления и утилизации. Но эта масса подвержена распаду. Население России сокращается. Отчуждение, его разрушающее, уничтожает стремительными темпами то, что принято называть «социальным капиталом». Произвол на производстве по-прежнему заставляет работников быть зависимыми от своих работодателей, теряя смысл и радость бытия, масса людей выбирает алкоголь и другие средства одурманивания. Думая об удовлетворении первичных потребностей, люди не в состоянии выстраивать контакты на основе понимания, любви и доверия. В обществе, где идет битва за материальные блага и социально-статусные позиции, тысячи людей оказываются выброшенными на обочину. Этот «социальный мусор» (Бодрийар) есть не что иное, как отходы социального, то, что еще вчера было социальным капиталом. Испарение социального приносит убытки на производстве. Замыкаясь в себе и для себя, человек перестает быть носителем социального капитала. Таким образом, на мой взгляд, ориентация на быструю наживу и обогащение, которая до сих пор главенствует в умах российской экономической элиты, в состоянии распылить социальный капитал за короткие сроки. Даже серия пока не давших ожидаемых результатов национальных проектов показывает, что вопрос жизнеспособности нации лежит гораздо глубже — в сфере сознания человека. Пока уровень сознания индивида диктует ему поступать в соответствии с программой, в основе которой заложена отчужденная активность, это будет приводить к сокращению человеческих ресурсов. Пока существует порочный круг: элита — СМИ — потребители, которые под воздействием СМИ поддерживают элиту в процессе квазивыборов, будет происходить угасание социального (социальная энтропия), так как социальные изменения взаимодействуют с изменением социального характера. Социальный характер по Фромму — это взаимодействие индивидуальной психической сферы и социэкономической структуры. Социэкономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они должны делать. Осознание этих процессов политическими лидерами, возможно, позволит избежать «застревания» России в потребительском поле отчуждения и выведет ее на более цивилизованный уровень развития государства, сохраняя и преумножая социальный капитал.

Литература к разделу II

Глава 4

- Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999. 477 с.
- Вишневский А. Г.* Модернизация или контрмодернизация: чья возьмет?// *Общественные науки и современность*. 2004. № 1. С. 17—25.
- Гаськова М. И.* Методологические и эпистемологические принципы интегральной парадигмы// *Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых*. Сб. докл. науч.-практ. конф-ции. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 179—192.
- Его Святейшество Далай-Лама, Чен В.* *Мудрость прощения*. София, 2005. 287 с.
- Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. 568 с.
- Заславская Т. И.* Современное российское общество: проблемы и перспективы// *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 5—15; № 6. С. 5—19.
- Козлов В., Майков В.* Основы трансперсональной психологии. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 2000.
- Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
- Мень А.* Культ личности как пережиток магизма// *Магия, оккультизм, христианство*. М.: Фонд имени А. Меня, 2003. С. 69—75.
- Немировский В. Г., Невирко Д. Д., Гришаев С. В.* Социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. М.: РГГУ, 2003. 557 с.
- Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 351 с.
- Социология. Основы общей теории/ Под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева и др.* М.: Институт «Открытое общество», 1996.
- Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании россиян/ Под ред. проф. К. Каарияйнена и проф. Д. Е. Фурмана.* СПб.; М.: Летний сад, 2000. 248 с.
- Тарасевич В.* Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке// *Вопросы экономики*. 2004. № 4. С. 107—117.
- Уилбер К.* Око Духа. М.: Изд-во Ин-та трансперсональной психологии, 2002. 476 с.
- Уилбер К.* Интегральная психология. М.: АСТ, 2004. 412 с.
- Филатов С. Б., Фурман Д. Е.* Религия и политика в массовом сознании// *Социологические исследования*. 1992. № 7. С. 3—12.
- Черникова И. В.* Формирование холистического мировидения в ноосферной науке// *Психологический универсум образования человека ноэтического: Сб. статей*. Томск: Водолей, 1999. С. 27—39.
- Швебс Г. И.* Холистическая научно-эзотерическая доктрина мироздания// *Сознание и физическая реальность*. 1998. Т. 3, № 5. С. 3—15.
- Яковец Ю. В.* Научное наследие Питирима Сорокина фундамент парадигмы обществоведения XXI века// *Социологические исследования*. 1999. № 6. С. 3—13.
- Feuerstein G.* Structures of consciousness: The genius of Jean Gebser: An introduction and critique. Lower Lake, CA: Integral Publishing, 1987.
- Gebser J.* 2005/ http://en.wikipedia.org/wiki/Jean_Gebser

- Gebser J.* The Ever-present origin. Athens, OH: Ohio University Press, 1986.
- Inglehart R.* Globalization and Postmodern Values// The Washington Quarterly. 1999. V. 23(1).
- Linscott G.* Sustainable Development Strategy in a Country of Partial Development Viewed From the Values Perspective of Spiral Dynamics. 2005/ <http://www.globalva-luesnetwork.com>
- Mahood Ed., Jr.* The Primordial Leap and the Present: The Ever-Present Origin An Overview of the Work of Jean Gebser. 2006/ <http://www.gaiamind.org/Gebser.html>
- Middleberg Steel & Alloys* United program. 2005/ <http://www.globalvaluesnetwork.com>
- Miller C.* Fowler's Stages of Faith in Profile// J. W. Conn (ed.). Women's Spirituality: Resources for Christian Development. 1986. P. 226—232.
- Sorokin P.* Social and Cultural Dynamics. V. I: Fluctuation of forms of Art; V. II: Fluctuation of Systems of Truth; V. III: Fluctuation of Social Relationships: War and Revolution; N. Y.: American Book Company, 1937.
- Wilbe K.* Sex, Ecology, Spirituality: The Spirit of Evolution. Boston; London: Shambhala, 2000. P. 851.
- Wilber K.* An Integral Age at the Leading Edge. 2005/ <http://wilber.shambhala.com>

Глава 5

- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетея, 2007.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э.* Последствия модернити// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101—122.
- Демографический ежегодник России.* М.: Госкомстат России, 2004.
- Дмитриева Т., Положий В.* Психическое здоровье населения в условиях реформирующегося общества// Экология человека. 2000. № 4.
- Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей М.: Эксмо, 2006.
- Корель Л.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Мидоуз Д., Мидоуз Д., Рандерс Й.* За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее?// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 572—595.
- Мужчины и женщины России.* М.: Госкомстат России, 1998.
- Мужчины и женщины России.* М.: Госкомстат России, 2004.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Радаев В.* Понятие капитала, формы капитала и их конвертация// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5—18.
- Регионы России: Социально-экономические показатели.* М.: Госкомстат России, 2003.
- Регионы России.* Т. 2. М.: Госкомстат России, 1998.
- Регионы России.* Т. 2. М.: Госкомстат России, 2003.
- Стрельникова Л.* Социальный капитал: типология зарубежных подходов// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 33—41.

- Тоффлер А.* Футурошок. СПб.: Лань, 1997.
- Труд и занятость в России.* М.: Госкомстат России, 1998.
- Труд и занятость в России.* М.: Госкомстат России, 2004.
- Уайтхед А.* Избранные работы по философии М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.
- Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Инноземцева. М.: Academia, 1999. С. 123—162.
- Хэнди Ч.* Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Инноземцева. М.: Academia, 1999. С. 163—184.
- Юнг К.* Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2002.
- Bourdieu P.* Forms of Capital// The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.
- Landecker W.* Class crystallization and class consciousness// American Sociological Review. 1963. V. 28.
- Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000.
- Sichel F.* Crisis and Critique. Leiden, 1988.
- Seligman E., Johnson A.* (Eds.) Encyclopaedia of the Social Sciences. V. 1. Adaptation. N. Y.: McMillan Co., 1967.

Глава 6

- Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение// THESIS. Зима '93. М.: Начала-Пресс, 1993. С. 24—40.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вовель М., Гуревич А., Рожанский М.* Ментальность// 50/50. Опыт словаря нового мышления/ Под общей редакцией Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Прогресс-Рауот, 1998.
- Всемирная история (энциклопедия).* Т. 1. М.: Аванта+, 1994.
- Гайденок П.* Социология Макса Вебера// М. Вебер. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990.
- Гаськова М. И.* Интегральный подход в исследовании религии: опыт использования новой парадигмы знания: Дисс. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2007.
- Гаськова М. И.* Эпистемологические и методологические принципы интегральной парадигмы// Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005.
- Гидденс Э.* Последствия модернити// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Инноземцева. М.: Academia, 1999.
- История средних веков.* Т. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952.
- Корель Л.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Краткая философская энциклопедия.* М.: Прогресс, 1994.
- Мердок Дж.* Фундаментальные характеристики культуры// Антология исследования культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 49—56.

- Моисеев Н.* Современный антропогенез: цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ// Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3—30.
- Ожегов С.* Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.
- Психология.* М.: Политиздат. 1990.
- Тоффлер А.* Футурошок. СПб.: Лань, 1997.
- Фирсов Б.* Ментальные миры современного российского населения// Российская идентичность в условиях трансформации. М.: Наука, 2005.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.
- Шляпентох В.* Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.
- Юнг К.* Человек и его символы. М.: Серебряные нити. 2002.
- Яффе А.* Символы в изобразительном искусстве// К. Г. Юнг. Человек и его символы. М.: Серебряные нити. 2002.
- Becker G.* Economic Analysis and Nutan Behavior// Advances in Behavioral Sciences/ L. Green, J. Ragel (eds.). Norwood, N. J.: Ablex Publ. Corp., 1987. V. 1, 7.
- Sicvel F.* Crisis and Critique. Leiden, 1988
- Weber A.* Kulturgeschichte als Kultursoziologie. 1950.

Глава 7

- Будон Р.* Социальные механизмы без черных ящиков// Социология на пороге XXI века/ Пер. с англ. Т. В. Дорофеевой, С. В. Дробчик и др.; под ред. С. И. Григорьева. М.: Интеллект, 1998.
- Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса. М.: Наука, 1983.
- Козырева П. М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX—XXI веков. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Корель И., Корель Л.* Региональные рынки труда и макроэкономические факторы развития// Современное состояние и перспективы занятости рынка труда в России. М.: АКЦИКОМ, 1999. С. 74—76.
- Корель Л. В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Мангейм К.* Человек и общество в век преобразования. М.: ИНИОН, 1991.
- Ожегов С.* Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.
- Парсонс Т.* Функциональная теория изменения// Американская социологическая мысль/ Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464—481.
- Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения// Американская социологическая мысль/ Под ред. В. И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 344—402.
- Петров И. О., Лемус В. Б.* Общее учение о болезни// Многотомное руководство по патологической физиологии. Т. 1. М.: Медицина, 1966.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории/ Пер. с англ. А. Бойкова и А. Лищицына. М.; СПб.; Н. Новгород и др.: Питер, 2002.
- Российская идентичность в условиях трансформации/* Под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой. М.: Наука, 2005.
- Словарь иностранных слов.* М.: Русский язык, 1989.

- Философские проблемы теории адаптации/* Под ред. Г. И. Царегородцева. М.: Мысль, 1975.
- Encyclopedia Americana*. V. 1. Adaptation. N. Y.: Chicago, 1963.
- Seligman E. R., Johnson A.* (eds). *Encyclopaedia of Social Sciences*. V. 1. P. 435—437. Adaptation. N. Y.: The Macmillan Company, 1967. P. 135—437.
- Slobodkin L. B.* Towards a predictive theory of evolution// *Population Biology and Evolution/* R. C. Lewontin (ed.). Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1968.
- Slobodkin L. B., Rapoport A.* An optimal strategy of evolution// *Quarterly Review of Biology*. 1974. V. 49, N 3.

Глава 8

- Аженов М. С.* Глобализационные ценности и Казахстан// *Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: Материалы II Конгресса социологов Казахстана*. Ч. I/ АП Республики Казахстан: Ассоциация социологов Казахстана. Астана, 2005. С. 27—30.
- Бек У.* Общество риска: На пути к иному модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гелбрейт Дж.* Справедливое общество// *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/* Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 226—242.
- Гидденс Э.* Судьба, рок и безопасность// *Thesis*. 1994. № 5. С. 107—134.
- Гидденс Э.* Последствия модернити// *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/* Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 103—122.
- Голенкова З. Т.* Теории модернизации// *Российская социологическая энциклопедия/* Под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 552—553.
- Доклад* Всемирного банка «Борьба с коррупцией в переходный период. Кто добивается успеха и почему?». 2006// [http:// www. woeldbank.org/eca/act3](http://www.woeldbank.org/eca/act3)
- Жармакина Ф. М.* Формационная специфика Казахстана// *Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития/* Под ред. В. С. Шмакова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 61—73.
- Женщины и мужчины Казахстана. Гендерная статистика.* Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2004.
- Инглетарт Р.* Модернизация и постмодернизация// *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/* Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261—291.
- Иноземцев В. Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире// *Там же*. С. 3—63.
- Кузьмина Е.* Возможности региональной интеграции в Центральной Азии// *Мир перемен*. 2007. № 2. С. 153—167.
- Назарбаев Н. А.* К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации. Послание Президента Республики народу Казахстана. Астана. 2004// [http:// missions.itu. int/ -kazaks/rus/info/info/09.htm](http://missions.itu.int/-kazaks/rus/info/info/09.htm)
- Назарбаев Н. А.* Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента Республики народу Казахстана. Астана: Елорда, 2005.

- Нечипоренко О. В., Нысанбаев А. Н.* Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ/ Под ред. В. С. Шмакова. Новосибирск: Нонпарель, 2005.
- Статистический ежегодник Казахстана.* Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2006.
- Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 126—162.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Berger P. L.* The Heretical Imperative. Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N. Y., 1979.
- Touraine A.* Modernity and Cultural Specificities/ Modernity and Identity: Symposium. Culture, Economy and Development// International Social Science Journal. 1988. November.
- Touraine A.* Critique de la modernite. Paris, 1992.

Глава 9

- Абенов Е. М., Арынов Е. М., Тасмагамбетов И. Н.* Казахстан: эволюция государства и общества. Алматы: ИРК, 1996.
- Аженов М. С.* Глобализационные ценности и Казахстан// Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: Материалы II Конгресса социологов Казахстана. Ч. 1/ РК; Ассоциация социологов Казахстана. Астана, 2005. С. 27—30.
- Алимова С. Б.* Амбивалентность социокультурной динамики Казахстана в условиях глобализации// Там же. С. 38—42.
- Ашимбаев М., Косиченко А., Нысанбаев А., Шоманов А.* Национальная идея: предложение к обсуждению// Analytic. 2005. № 1. С. 3—8.
- Валеев Д. М.* Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа: Китап, 1994.
- Власов А.* Программа «Болашак» и заветы Петра Великого. 2006// www.apn.kz/publications/print5335.htm
- Выступление Президента Н. А. Назарбаева на открытии первой сессии Парламента Республики Казахстан четвертого созыва.* 2006// http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=62273737DC5D55CB4625734A0030D88E&lang=ru&L1=L2&L2=L2—16
- Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
- Доббин Ф.* Формирование промышленной политики// Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики/ Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 607—631.
- Жусупов С. Е.* Управленческая модернизация процесс перманентный// Бюллетень МИСП. 2005. № 7—8// http://www.iimp.kz/default.aspx?article_id-913
- Заславская Т. И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

- Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261—291.
- Интервью Д. Назарбаевой* журналу «Правила игры». 2006// http://www.apn.kz/?chapter_name=advert&data_id=358&do=view_single, 2006.
- Кланы в государствах Центральной Азии: традиции и современность*// Центральная Азия: политика и экономика. 2000. № 2. С. 6—9.
- Корель Л. В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии, методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Косиченко А. Г.* Влияние глобализации на культуру и ценности человека. 29.12.2001// www.kisi.kz/site.html?id=743
- Мнения по поводу модернизации казахского стандарта.* 2007// <http://www.dialog.kz/?lan=ru>, 23.07.2007
- Модернизационные процессы в Казахстане.* 2006// Дискуссионный клуб «Политон». <http://www.club.kz/index.php?lang=ru&mod=discuss&submod=large&article=215>. 26.10.2006.
- Назарбаев Н. А.* 10 лет, равные столетию. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвященном 10-летию независимости Республики Казахстан. Астана: Атамұра, 2001.
- Назарбаев Н. А.* К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации. Послание Президента Республики Народу Казахстана. Астана, 2004// <http://missions.itu.int/~kazaks/rus/info/info09.htm>. <http://missions.itu.int/~kazaks/rus/info/info/09.htm>. 10.05.2006.
- Нечипоренко О. В., Нысанбаев А. Н.* Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ/ Под ред. В. С. Шмакова. Новосибирск: Нонпарель, 2005.
- Нысанбаев А. Н.* 15 лет независимости Казахстана: становление нового общественного сознания. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2006.
- Нысанбаев А. Н.* Цивилизационные традиции и менталитет казахского народа// Казахская цивилизация. 2005. № 2. С. 8—13.
- Пархоменко М.* «Болашак» путь устремленных// Казахстанская правда. 2006. 7 февр.
- Радаев В. В.* Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- У нас сила власти всегда была выше силы закона.* Интервью с А. Байменовым. 2006. www.polit.ru/analytics/2006/09/20/korrupt_kazah.html
- Умбеталиева Т. Б.* Явление трайбализма в Казахстане// Казахстан-Спектр. 2001. № 3. С. 35—46.
- Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 126—168.
- Хантингтон С.* Предисловие. Культуры — это серьезно// Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 9—14.
- Харрисон Л.* Введение. В чем значение культуры?// Там же. С. 15—37.

Глава 10

- ВЦИОМ*: Число россиян, планирующих взять кредит, удвоилось. 2007// <http://top.rbc.ru/retail/17/08/2007/113642.shtml>
- Гегель Г.* Сочинения. Т. 4. М.: Соцэкгиз, 1959.
- Гроф К.* Жажда целостности: наркомания и духовный поиск. М.: АСТ, 2003.
- Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания. Трансатлантический диалог. М.: АСТ, 2004.
- Джери Д., Джери Д.* Большой толковый социологический словарь, Т. 1, М.: АСТ, 1999.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 42. М.: Прогресс, 1975.
- Петросян Д.* Социальная справедливость в экономических отношениях// Вопросы экономики. 2007. № 2.
- Психология.* М.: Политиздат, 1990.
- Социология.* Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003.
- Теория общества.* М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999.
- Философский энциклопедический словарь.* М.: Сов. энциклопедия, 1983.
- Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М.: АСТ, 2001.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, СПб. отд-ние, 2000.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Эдингер Э.* Эго и архетип. М.: PENTAGRAPHIC, 2000.
- Ясперс К., Бодрийар Ж.* Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007.
- Mouzelis N.* Modernity: a non-European conceptualization// The British Journal of Sociology. 1999. N 1.
- Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York: G. P. Putnam's Sons, 1996.

РАЗДЕЛ III

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

-
- ГЛАВА 11. Вызовы времени и человеческое развитие
- ГЛАВА 12. Развитие человеческого потенциала в России:
кросскультурный и региональный аспекты
- ГЛАВА 13. Демографический и трудовой потенциал России:
современные тенденции и перспективы развития
- ГЛАВА 14. Современные тенденции в сфере брака и семьи:
опыт анализа на макро- и микроуровне
- ГЛАВА 15. Потенциал здоровья населения: российские реалии
начала 2000-х годов
- ГЛАВА 16. Экономический потенциал населения России
- ГЛАВА 17. Личностный потенциал россиян: что ценят в себе
россияне
- ГЛАВА 18. Человеческий потенциал коренных малочисленных
народов Сибири
- ГЛАВА 19. Человеческий потенциал иммиграции
- ГЛАВА 20. Этническая компонента формирования человеческого
потенциала Сибири

**Эволюция взглядов на роль человека
и человеческого капитала в общественном развитии**

Английский историк и философ Арнольд Джозеф Тойнби, пытаясь постичь закономерности исторического развития, пришел к выводу о том, что динамика цивилизации (ее возникновение, расцвет и упадок) во многом зависит от того, как общество отвечает на возникающие проблемы, т. е. вызовы. *Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу.* Причиной упадка культур (цивилизаций, обществ) Тойнби считает утрату творческого подхода к возникающим проблемам [Тойнби, 1990].

В русле этой концепции звучит мысль американского историографа А. Гершенкрона о том, что ни одно поколение не может быть избавлено от творческой задачи нахождения своих собственных ответов и определения своего собственного будущего, несмотря на предшествующий исторический опыт. Исторический опыт, по мнению цитируемого автора, нельзя преувеличивать. Все, что может быть достигнуто, — это извлечение из обширной кладовой прошлого ряда разумных вопросов, которые можно задать по поводу текущих проблем [Гершенкрон, 2004].

Иными словами, исторический опыт помогает понять нынешний день, но не диктует способы решения возникающих проблем. *В каждый данный момент каждое данное общество должно находить свои оригинальные решения.* Трансформирующаяся Россия не является в этом отношении исключением.

Автор теории раздатка О. Э. Бессонова, размышляя о закономерностях развития человеческой цивилизации и универсальных этапах ее эволюции, приходит к выводу о том, что они определяются глобальной цивилизационной матрицей. Каждое государство при этом имеет собственную локальную цивилизационную матрицу, которая преломляет общие закономерности и определяет национальную специфику прохождения всеобщих универсальных этапов развития. Центральным элементом глобальной цивилизационной матрицы является институциональный архетип, т. е. набор универсальных способов координации коллективной деятельности, который увязывает в единое органичное целое глобальные сферы — биосферу (природный комплекс), этносферу (человече-

ский потенциал), техносферу (материальные продукты труда), ноосферу (культурно-интеллектуальный ресурс) [Бессонова, 2006].

Таким образом, исследователь не только высказывает мысль о диалектическом сочетании общего и специфического в общественном развитии, но и с позиции нового осмысления картины мира рассматривает человеческое развитие (человеческий потенциал, культурно-интеллектуальный ресурс) как неотъемлемый элемент эволюции и цивилизационных трансформаций.

С позиции современной общетеоретической парадигмы человеческая история рассматривается не как естественно-исторический, а как социально-исторический процесс, который не имеет жестко заданного вектора и подвержен влиянию со стороны активных социальных субъектов. Наиболее последовательно этот подход реализован академиком Т. И. Заславской в рамках разработанной ею деятельностно-структурной концепции трансформации российского общества. Анализируя социальные силы общественных преобразований в России, она выделяет социальные слои и группы, различающиеся социальным статусом, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на трансформационный процесс, а следовательно, и силой влияния на ход событий. Изучение социально-трансформационной структуры общества позволяет понять, кто несет ответственность за изменение общественного устройства. Оно показывает, какие социальные силы — осознанно или бессознательно — содействуют обновлению и модернизации общества, а какие — его стагнации и деградации [Заславская, 2002, 2004; Россия..., 2003].

Приверженцы современных деятельностно-активистских теорий (Дж. Александер, М. Арчер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка и др.) подчеркивают другую сторону диалектического процесса, а именно — воздействие быстро меняющегося мира на самого человека, выдвигая на первый план свойства рефлексивности социальных субъектов, их способность отвечать на непредвиденные внешние и внутренние вызовы (эмерджентные события).

В эпоху постмодерна, характерной чертой которого становится нелинейность социокультурной динамики, в общественном сознании формируется чувство фрагментации и дисперсии (рассеивания) социальной реальности, истина приобретает контекстуальный характер; мир, по выражению Э. Гидденса, ускользает из рук. В этом ускользающем мире выживают и адаптируются лишь те системы и акторы, которые способны проявить большую рефлексивность по сравнению с этапом модерна. При этом очерчиваются определенные рамки воздействия человека на ход истории [Гидденс, 2004].

Концепция неоинституционализма также выдвигает на передний план не сами институты как структуры, а процесс их становления, где главными героями становятся субъекты, поддерживающие или изменяющие их. «Сильно ресурсные» социальные субъекты начинают фор-

мулировать и закреплять новые правила социальных взаимодействий, отвечающих их интересам, что позволяет им расширить поле своего экономического и политического влияния и наращивать свой капитал: экономический, политический, социальный, культурный [Ядов, 2006; Норт, 1997].

Таким образом, активная роль человека, социальных акторов в меняющемся мире связывается с обладанием ими различными ресурсами, востребованность и использование которых приносит индивиду, группе, обществу ту или иную выгоду или пользу и превращает ресурсы в капитал.

Ресурсный подход в исследовании социальных акторов

Согласно П. Бурдьё, различают *экономический, культурный и социальный капиталы*, которые могут находиться в трех состояниях: *инкорпорированном, объективированном и институционализированном* и конвертироваться в другие виды капиталов. *Экономический капитал* конвертируется непосредственно в деньги и институционализируется в форме прав собственности. *Культурный капитал* при определенных условиях может конвертироваться в экономический капитал и институционализируется в форме образовательных квалификаций или компетенций, не отделяемых от человека. В этом контексте понятие культурного капитала П. Бурдьё перекликается с понятием человеческого капитала Г. Беккера. Накопление культурного капитала происходит в течение длительного времени. В объективированном виде он предстает в форме культурных товаров (книги, картины, словари и т. д.), а его ценность определяется дефицитностью данного вида капитала [Бурдьё, 2004].

*Социальный капитал** представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания. Прежде всего — это деловые, предпринимательские и организационные сети. Воспроизводство социального капитала предполагает непрерывающуюся работу по установлению социальных связей. Социальный капитал может конвертироваться в экономический капитал и институционализироваться, например, в форме аристократического титула. Иными словами, социальный капитал может конвертироваться в *символический капитал* [Бурдьё, 2004].

По мнению Дж. Коулмана, *нормы, личное доверие, социальные связи и социальные организации*, которые формируют, направляют и регулируют действия индивида — важны для функционирования не только общества, но и экономики в целом. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен, поскольку способствует достижению

* Подробнее о социальном капитале см. главу 23.

определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно [Коулман, 2001]. Социальный капитал содействует упрощению определенных действий путем получения информации, формирования доверительных обязательств и ожиданий внутри социальной сети. Он отражает ценность социально-статусных позиций и связей человека как ресурса, мобилизуемого им для достижения определенных целей. Социальный капитал менее осязаем, чем другие формы капитала, так как он существует только во взаимоотношениях индивидов [Коулман, 2001; Бурдые, 2004; Соболева, 2006].

Наряду с социальным капиталом Дж. Коулман выделяет *финансовый, физический и человеческий капиталы*. Человеческий капитал менее осязаем по сравнению с физическим, воплощенным в очевидных материальных формах. Человек, затрачивающий время и ресурсы на создание этого капитала, получает выгоды от него в форме высокооплачиваемой работы, работы с более высоким статусом, а следовательно, и большего удовлетворения от нее и от лучшего понимания окружающего мира [Коулман, 2001].

Значимость человеческого капитала в общественно-историческом развитии общества отражена в ряде концепций: теории человеческого капитала, устойчивого развития, экономики знания и других. В экономической теории проблемы человеческого капитала нашли отражение в работах А. Смита, А. Маршалла, Дж. Милля, К. Маркса и др. Теория человеческого капитала как самостоятельное направление экономической и социологической науки сформировалось в середине 50—60-х годов прошлого столетия благодаря трудам лауреатов Нобелевской премии Т. Шульца и Г. Беккера, послужившим отправной точкой для разработки теории человеческого капитала и методологии определения эффективности инвестиций в человеческое развитие. Ими были выделены две основные формы человеческого капитала в виде общих и специфических знаний и навыков, а также был поставлен вопрос об интеллектуальной ренте, получаемой работниками в зависимости от объема и специфики знаний, умений и накопленного производственного опыта. По расчетам экономистов, уровень интеллектуальной ренты в цене современных российских высокотехнологичных изделий может составлять от 50 до 70 % [Зайцева, 2004]. Но понятие интеллектуального капитала как самостоятельного фактора производства воспринимается не всеми экономистами и социологами и рассматривается как спорная категория, характеризующая скорее качество рабочей силы, а не специфический вид капитала [Логачев, Жернов, 2006].

Предложенный видными западными социологами П. Бурдые, М. Каселсом, У. Беком, Д. Грузски, Э. Соренсенем и другими ресурсный подход стал широко использоваться не только в экономических, но и в социологических исследованиях. Так, логика и эвристические возможности ресурсного подхода рассмотрены Н. Е. Тихоновой при анализе новой теоретической парадигмы в стратификационных исследованиях

[Тихонова, 2006]. В качестве оснований стратификации в современном обществе выделяются объем и структура ресурсов (активов, капиталов), которыми располагают индивиды. Помимо экономического капитала в качестве критерия стратификации стали рассматривать человеческий, социальный и культурный капиталы. Иными словами, качество человеческого капитала в современных условиях становится не только важнейшим фактором экономического роста, но и критерием социальной стратификации. Эффективность его использования во многом зависит от усилий самого индивида, а не только от созданных институциональных условий. Хотя данный теоретический подход еще не получил широкого распространения, есть примеры его плодотворного использования в России.

О. И. Шкаратан разработал теоретико-методологическую основу разделения ресурсных потенциала и капитала. Им же сделан вывод о том, что в разные исторические эпохи востребованы разные виды капиталов. Кроме того, в современном обществе в качестве рентоприносящих активов могут выступать характеристики индивида, не выступавшие еще 50—70 лет назад как значимые виды ресурсов. Среди них называются не только богатство и знания, но и пол, возраст, здоровье, связи, которые рассматривались П. Бурдьё в качестве инкорпорированных видов капиталов, а А. Соренсеном как «рентоприносящие активы» (см. [Тихонова, 2006]). Проблемам различий понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» посвящены многие работы отечественных экономистов и социологов [Щетинин, 2001; Майбуров, 2003; Заславская, 2005; и др.].

Рассматривая *совокупный капитал* индивидов и групп в качестве основного критерия дифференциации общества, академик Т. И. Заславская включает в его состав следующие виды капиталов:

политический (административный, бюрократический), выражающийся в объеме и значимости властных и управленческих полномочий, уровне принимаемых решений;

экономический, измеряемый масштабами собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния;

социальный, измеряемый широтой, прочностью и престижностью социальных связей субъектов, уровнем их включенности в общественные структуры, социальные и информационные сети, богатством и насыщенностью образа жизни;

культурный, отражающий качество воспитания, уровень образования, профессионализма, эрудиции, ценность жизненного опыта субъектов [Радаев, 2002; Заславская, 2004].

Таким образом, историки и философы, экономисты и социологи при всей неоднозначности трактовки признают значимость человека как социального актора в общественно-исторической динамике, а его развитие, релевантное вызовам времени, — решающим фактором экономического роста и социального прогресса современного общества.

Вызовы времени и задачи человеческого развития

Какие же внешние и внутренние вызовы стоят перед современным российским обществом, какие задачи по развитию человеческого капитала при этом ставятся?

К **внешним вызовам** можно отнести, во-первых, расширяющийся и углубляющийся *процесс глобализации*, захватывающий в свою орбиту все стороны жизнедеятельности отдельных государств, в первую очередь экономику, политику, культуру, идеологию, информационную инфраструктуру. Несмотря на это, по мнению авторов фундаментального труда «Глобальные трансформации», до сих пор нет убедительной теории глобализации, как нет и точного определения данного термина. Понятие глобализация появилась в работах французских и американских авторов в 60-х гг. XX в., а сегодня вошло во все основные языки мира. Авторы упомянутого труда выделяют три концептуальных подхода к глобализации, различающиеся пониманием ее сути, доминирующих черт, мотивов и движущих сил, а также моделей стратификации и путей развития глобализирующегося мира. Глобализация рассматривается как процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной жизни, — от культурной до криминальной, от финансовой до духовной [Хэлд и др., 2004].

По мнению Э. Гидденса, глобализация во многом явление не только новое, но и революционное. Глобализация перестраивает образ жизни людей и приводит к крайне неоднозначным последствиям. Они способствуют возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни и культуру в большинстве регионов мира [Гидденс, 2004]. Происходит «перемешивание культур» при слабом сохранении их локально-национальной идентичности [Покровский, 2000]. Иными словами, процесс глобализации усиливает взаимовлияние цивилизаций, глобальными становятся и проблемы: международный терроризм, бедность, голод, рост населения [Глобальные проблемы..., 2000].

Вторым не менее существенным вызовом времени является *переход от индустриальной к постиндустриальной стадии развития*, этот переход предъявляет новые требования к человеку. Э. Гидденс характеризует современное общество как менее зависимое от традиций и природы и требующее от человека самостоятельных решений, в том числе и в повседневной жизни. Этот период специалисты называют антропоцентризмом (от греч. *anthropos* — человек). Парадигмой антропоцентричного развития является удовлетворение растущих общественных потребностей и восстановление экологического баланса за счет роста интеллектуального содержания производимых товаров и услуг [Шахназаров, 2007]. В эту эпоху массовым становится новый тип труда — труд индивидуально-творческий, решающая составляющая которого — социокультурная. Современному этапу глобализации соответствует «граждан-

ский тип социальной конфигурации», приходящий на смену теократическому патерналистскому типу. Сердцевиной гражданского принципа является внутренний, самостоятельный, инициативный тип консолидации общества [Глинчикова, 2007].

Специалисты в области социальных изменений, исследуя механизм модернизации обществ, обращают внимание на важность соответствия доминирующего типа личности происходящим социальным изменениям. Современная личность как особое сочетание свойств включает: 1) независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления, 2) внимание к общественным проблемам, 3) способность приобретать новый опыт, 4) веру в науку и разум, 5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий, 6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний. Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт. В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве; внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большое понимание ценности самосовершенствования и осознание настоящего как особо значимого измерения человеческого существования [Штомпка, 1996]. Становление современной личности, по мнению ученого, — важный фактор модернизационных процессов.

На вызовы глобализирующегося и изменяющегося мира Объединенная Европа ответила модернизацией образования. Мультилингвизм, мультикультура, развитие международных связей, новые требования рынка труда, необходимость сохранения демократического открытого общества и т. д. вынудили Совет Европы принять решение о переходе на компетентностный подход в образовании. Согласно новой концепции образования, молодые европейцы должны овладеть пятью ключевыми компетенциями, адекватными вызовам времени:

политические и социальные компетенции, такие как способность принимать ответственность, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно, участвовать в поддержке и улучшении демократических институтов;

компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе: способность жить с людьми других культур, языков и религий;

компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией, необходимой для работы и социальной жизни. В этом контексте все большую важность приобретает владение более чем одним языком;

компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества, понимание и применение способов критического суждения в отношении информации, распространяемой массмедийными средствами и рекламой;

способность учиться на протяжении жизни [Зимняя, 2004].

Российская система образования также перестраивается в этом направлении, хотя ясности относительно нового подхода пока нет. Образование в современную эпоху — это процесс, посредством которого люди приобретают способность постоянно изменять необходимые навыки для решения возникающих задач и обращаться к источникам для обучения этим навыкам. Человек должен уметь перепрограммировать себя в соответствии с бесконечно изменяющимися задачами. Поэтому важнейшим видом ресурсов в эту эпоху являются, по мнению М. Кастелса, знания и информация [Кастелс, 2000].

К числу **внутренних вызовов** необходимо отнести формирование *новой модели социально-экономических отношений*: переход от плановой социалистической системы производственных отношений к рыночной, *построение гражданского общества, формирование экономики, основанной на генерации, распространении и использовании знаний* [Макаров, 2003; Мильнер, 2003; Клейнер, 2005]. Хотя очевидно, что любая экономика в индустриальном, до- или постиндустриальном обществах базируется на знаниях. Специфика современной ситуации заключается в возрастании роли знаний и информации в производстве продуктов и услуг. Обобщающим показателем развития «экономики знаний» является предложенный в 2004 г. Всемирным банком индекс экономики знаний (ИЭЗ), который представляет собой среднее из индексов институционального режима, образования, инноваций, информационной инфраструктуры и коммуникаций. По расчетам Всемирного банка, первое место по уровню развития «экономики знаний» принадлежит Швеции (ИЭЗ = 9,25), второе — США (8,69), Россия находится на девятом месте (5,69)*.

Во всех развитых странах с каждым годом увеличивается число работников интеллектуального творческого труда, и все большее число исследователей считает человеческий капитал самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Спрос на высококвалифицированную рабочую силу настолько велик, что во многих странах, в том числе и в России, наблюдается ее дефицит. Так в США в 2000 г. дефицит специалистов в области информационных технологий составил 844 тыс. человек, в Германии в национальном секторе информационных технологий не менее 150 тыс. рабочих мест были вакантными [Камышева, 2004].

Готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами академик Т. И. Заславская называет человеческим потенциалом общества. В условиях глобализации ни одно общество не может рассчитывать на выживание и укрепление жизнеспособности без опоры на развитый

* <http://info.worldbank.org/etools/kam2004/>

человеческий потенциал и без действенной установки на его рост. В связи с этим одной из важнейших задач современной России является преодоление сложившихся тенденций к снижению человеческого потенциала страны.

Человеческий капитал и экономическое развитие

Анализ показал, что экономический рост во многих странах мира обусловлен вложениями в человеческое развитие. Чем выше доля образованных людей в численности населения страны, тем выше темпы экономического роста. Увеличение ассигнований на образование на 1 % ведет к увеличению валового внутреннего продукта страны на 0,35 % [Мэддисон, 2005].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2004 г. пришла к выводу, что увеличение среднестатистического срока обучения на один год приводит к повышению ВВП данного государства на 3—6 %. По данным исследования Всемирного банка, проведенного в 2004 г. (был проанализирован опыт 92 стран мира в период с 1960 по 2000 г.), увеличение продолжительности сроков обучения населения на 20 % обеспечивает 0,15 % роста экономики государства.

Методология оценки вложений в человеческий капитал и нормы отдачи от этих вложений была впервые разработана нобелевским лауреатом в области экономики Г. Беккером. Сейчас уже ни у кого не возникает сомнений в том, что высшая школа — это высокопроизводительная отрасль, которая дает не только значительный социальный, но также и мощный экономический эффект. Она обеспечивает через определенный промежуток времени гарантированный возврат инвестированных средств, в виде больших налоговых поступлений с более производительного человеческого капитала. По расчетам отечественных экономистов, увеличение финансирования системы образования на 1 % от ВВП, т. е. с 3 до 4 %, а внутренних затрат на НИОКР — на 2 %, т. е. с 1 до 3 % от ВВП (при средней норме отдачи от инвестиций в образование — 10 %, а от инвестиций в науку — 15 %) может обеспечить ежегодный прирост ВВП на 0,4 % по сравнению с 2001 г. [Майбуров, 2003].

В число статистически значимых факторов, определяющих инновационный потенциал региона, входят показатели, характеризующие качество человеческого потенциала. К ним относятся численность научно-исследовательского персонала, приходящаяся на единицу экономически активного населения, численность исследователей с учеными степенями, аспирантов, докторантов и др., т. е. занятых креативной деятельностью. Величина человеческого капитала является одним из факторов, позитивно влияющих на производительность труда в регионе [Амосенок, Бажанов, 2006; Гвоздева, Штерцер, 2006].

Знаменитый американский социолог Р. Флорида — автор нашумевшего бестселлера «Креативный класс: люди, которые меняют буду-

щее» наглядно показал, что мощнейшим фактором регионального развития в эпоху становления экономики, основанной на знаниях и инновациях, становится так называемый креативный класс, т. е. люди талантливые, способные на генерацию новых идей. Опираясь на конкретные социолого-статистические исследования, он показал, что капитал сегодня направляется не только и не столько в места с высокой концентрацией физического или финансового капитала, а в первую очередь в места с высокой концентрацией креативных людей.

По оценкам Р. Флориды, в России около 13 млн человек заняты креативной трудовой деятельностью. По абсолютному числу работников, занятых креативной профессиональной деятельностью, Россия занимает, по его расчетам, второе после США место в мире, по доле в составе рабочей силы — 16-е, а по мировому индексу креативности — 25-е место [Флорида, 2005]. Иными словами, Россия обладает мощным социальным ресурсом для своего развития. От того, сумеет ли она им воспользоваться, зависит будущее страны.

Есть ли креативный класс в России?

Что же такое креативный класс, в чем состоит его отличие от среднего класса, в каких отраслях и регионах он сосредоточен, каковы перспективы его использования в России? Попробуем разобраться в этих вопросах.

Признавая главенствующую роль социального субъекта в общественных преобразованиях, современные социологические концепции ставят проблему выявления *модального типа личности*, т. е. доминирующего в том или ином обществе, и формирования *базового типа личности*, отвечающего вызовам времени и типу культуры того или иного общества.

Проведение эмпирического кросскультурного исследования, осуществленного американским социологом А. Инкелесом, позволило выделить наиболее характерные черты базового типа современной личности:

- открытость экспериментам, инновациям и изменениям;
- принятие плюрализма мнений и его одобрение;
- индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам;
- большая ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое;
- переход от внешнего к внутреннему контролю своей жизни и поступков;
- готовность к мобильности — географической, социальной, культурной;
- ориентация на меритократическую систему распределения;
- высокая ценность образования и обучения;
- уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус, толерантность к «отвергаемым» группам [Inceles, 1976; Ядов, 2006].

По существу, это черты креативной личности, которой посвящена упоминаемая выше книга Р. Флориды.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., креативной деятельностью в России было занято около 16 млн человек. В их число вошли специалисты с высшим образованием научного и инженерного профиля, врачи, учителя, юристы, экономисты, журналисты, деятели литературы и искусства, прочие специалисты с высоким уровнем квалификации. Согласно классификации Р. Флориды, к креативным занятиям относится также труд управленцев. К ним можно отнести руководителей предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, включая малые предприятия, а также представителей органов власти и управления (табл. 11.1).

Доля занятых креативным трудом (уровень креативности) в России достаточно высока и составляет в среднем 26,4 % от численности занятых, в Сибирском федеральном округе (СФО) и Новосибирской области (НСО) чуть ниже — около 25 %.

Иными словами, подтверждается вывод Р. Флориды о достаточно высоком уровне креативности российской экономики. Хотя в нашем контексте точнее было бы говорить о потенциале креативности, поскольку занятость креативными видами деятельности предполагает, но еще не означает саму креативную деятельность, т. е. производство нового знания, новых идей.

Но дело не только в том, что все больше людей занимаются умственным трудом, растет интеллектуальное содержание всякого труда, будь то в сельском хозяйстве, промышленности, учреждениях или в свободных профессиях. По данным социологического обследования

Таблица 11.1

Население России трудоспособного возраста, занятое креативной деятельностью, 2002 г.

Группа занятого населения	РФ		СФО		НСО	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Городское и сельское население в возрасте 15—64 лет, занятое в экономике, всего	59652,4	100	8096,8	100	1159,5	100
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	6925,9	11,6	906,3	11,2	149,1	12,8
Специалисты высшего уровня квалификации	8870,4	14,8	1105,7	13,6	172,3	12,9
Итого заняты креативной деятельностью	15796,3	26,4	2012,0	24,8	321,4	24,7

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 6, 102, 114. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

городского и сельского населения Новосибирской области, проведенного ИЭОПП СО РАН в 2006 г.*, около 60 % работников в городе и селе положительно ответили на вопрос о том, приходилось ли им в ходе работы искать новые подходы, методы, способы решения производственных задач.

Однако, как ни парадоксально это звучит, в эпоху становления экономики знаний профессиональные навыки и знания работников не всегда востребованы и эффективно используются. Примерно каждый пятый в городе и каждый десятый работник на селе указали на то, что их квалификация, опыт и знания практически не востребованы на нынешней работе. Отчасти это можно объяснить тем, что у половины опрошенных горожан и сельских жителей работа не соответствовала полученной специальности. При этом у 48 % городских и около 70 % сельских работников, по их мнению, отсутствуют перспективы для профессионального и карьерного роста на их работе. Между тем специалисты отмечают, что информация и знания отличаются от денежных, природных, трудовых и технических ресурсов своей недолговечностью, способностью к устареванию, что требует их постоянного возобновления и обновления [Стюарт, 1999].

В целом по стране можно отметить достаточно высокую востребованность образования в народном хозяйстве, проявляющуюся в высокой степени включенности лиц с высшим образованием в креативные виды деятельности (табл. 11.2).

Анализ уровня креативности среди разных возрастных когорт занятых показал его рост в период до 30 лет, стабилизацию в возрасте от 30 до 54 лет и новый подъем в возрасте от 55 до 64 лет (рис. 11.1).

Таблица 11.2

Уровень профессионального образования занятых креативной деятельностью, 2002 г., % к числу лиц, имеющих соответствующее образование

Уровень профессионального образования	Руководители всех уровней	Специалисты высшего уровня квалификации	Итого заняты креативной деятельностью
Послевузовское и высшее	25,3	45,6	70,9
Неполное высшее	15,3	19,4	34,7
Среднее	10,3	7,6	17,9
Начальное	3,9	2,2	6,1

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 132, 133. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

* Всего опрошено 717 чел., в том числе 412 чел. — жители г. Новосибирск, 305 чел. — сельские жители Новосибирской области. Полевой этап исследования выполнен «ROMIR MONITORING. Новосибирск».

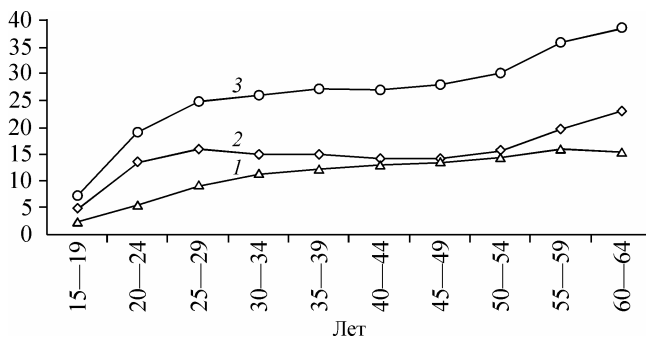

Рис. 11.1. Доля занятых креативной деятельностью в экономике России по возрастным группам, %.

1 — руководители; 2 — специалисты высшей квалификации; 3 — итого заняты креативной деятельностью.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 6, 7. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

Последний факт свидетельствует, на наш взгляд, не столько об уровне творческой активности старшего поколения, сколько о снижении уровня профессионального образования среди молодых работников. Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала парадоксальный факт уменьшения уровня профессионального образования молодого поколения по сравнению со старшим. Особенно четко эта тенденция проявилась в сельской местности и характерна для мужчин. В целом в сельской местности уровень креативности занятых заметно ниже по сравнению с городом (табл. 11.3, рис. 11.2).

Таблица 11.3

Численность населения с высшим образованием в расчете на 1000 человек соответствующего возраста

Возрастная группа, лет	Все население	Город	Село	Мужчины	Женщины
Всего	157	185	73	152	161
20—24	116	132	60	96	135
25—29	210	244	94	182	236
30—34	208	244	97	181	237
35—39	215	255	106	191	238
40—44	206	242	103	186	224
45—49	199	231	103	188	209
50—54	198	225	107	199	197
55—59	217	247	114	220	215
60—64	160	196	68	186	142
65—69	134	171	50	161	118
70 и более	83	110	26	119	69

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 16, 18, 22. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 3. Книга 1).

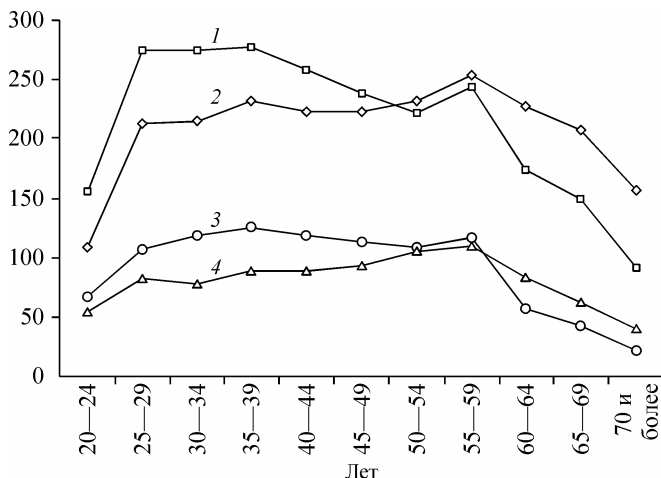

Рис. 11.2. Численность населения с высшим образованием в расчете на 1000 человек соответствующих возраста и места проживания, 2002 г.

1 — городские женщины; 2 — городские мужчины; 3 — сельские женщины; 4 — сельские мужчины.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 16, 18, 22. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./Федер. служба гос. статистики; Т. 3. Книга 1).

Причиной такого явления может быть уход молодежи в сферы высокодоходной деятельности — игорный, охранный, «челночный» бизнес и другие. Занятость женщин креативными видами деятельности выше по сравнению с мужчинами — 31 и 22 % соответственно. Можно сказать, что креативность в России имеет «женское лицо» (рис. 11.3).

Гендерные различия в креативности проявляются в большей занятости женщин на должностях, требующих высшей квалификации, по сравнению с мужчинами. Занятость мужчин и женщин на управленческих должностях примерно равна. В 2002 г. в экономике России на руководящих постах были заняты 10 % женщин и 13 % мужчин, а среди специалистов высшей квалификации — 20 и 9 % соответственно.

«Феминизация» креативности в России может быть следствием как перемещения кадров, в первую очередь мужчин, в сферы деятельности, не требующие высокой квалификации, так и повышения социальной активности женщин.

По данным социологических опросов, в настоящее время восемь из десяти россиянок ориентированы на карьеру. В результате исследования образовательных и профессиональных стратегий молодежи выявлены статистически значимые гендерные различия в предпочтительных способах достижения успеха. Более высокая доля женщин наблюдалась

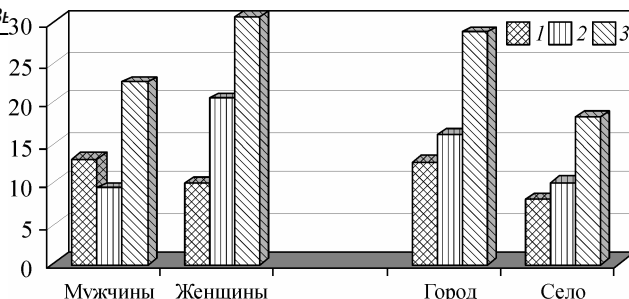

Рис. 11.3. Уровень креативности по гендерным группам и месту проживания занятых в экономике России в возрасте 15—64 лет, %.

1 — руководители; 2 — специалисты высшей квалификации; 3 — итого заняты креативной деятельностью.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 6, 8, 12. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

в группе, ориентированной на использование своего человеческого капитала, в первую очередь, образования, и готовность вкладывать деньги в него, жертвовать отдыхом ради карьеры. Мужчины были склонны согласиться ради заработка на любой труд, в том числе и тяжелый, а также использовать рискованные и полукриминальные действия для достижения своей цели [Харченко, 2007].

Наблюдаемое повышение социальной активности женщин в период рыночных реформ в России обусловлено также тем, что в условиях высоких масштабов безработицы женщины нередко становились единственными кормильцами в семье и брали всю ответственность за ее благополучие на себя.

Таблица 11.4

**Креативность занятых в экономике (по виду занятости),
% к категории занятых**

Вид занятости	Руководители всех уровней	Специалисты высшего уровня квалификации	Итого заняты креативной деятельностью
Работающие по найму	10,1	15,3	25,4
Работающие не по найму	38,1	6,6	44,7
Женщины, работающие по найму	9,0	21,0	30,0
Женщины, работающие не по найму	34,0	9,0	43,0
Мужчины, работающие по найму	12,6	10,7	23,3
Мужчины, работающие не по найму	44,6	5,5	50,1

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 208, 210, 212. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

Ориентируясь на получение высшего образования и профессиональную карьеру, женщины, в отличие от мужчин, смогли адаптироваться к условиям рынка и найти применение своим знаниям и опыту. Так, среди работающих не по найму женщин более трети занимают руководящие должности. Это говорит о том, что женщины уверенно входят в сферу частного бизнеса (табл. 11.4).

Анализ выявил также региональную дифференциацию в уровне креативности экономики*. Налицо зоны высокой и низкой креативности. Самый высокий ее уровень зафиксирован в Москве и Санкт-Петербурге, где в основном сосредоточены кадры высшей квалификации. Заметно отстают от них восточные регионы страны, а также Южный федеральный округ. Несколько лучше ситуация в Северо-Западном и Центральном федеральных округах. Низкий уровень креативности в восточных регионах страны не отвечает задачам формирования инновационной экономики и может послужить тормозом их дальнейшего развития (рис. 11.4).

Таким образом, исследования показали, что общество, накапливая и развивая интеллектуальный капитал нации, умножает свои возможности для экономического роста и социального прогресса. Наблюдающиеся

Рис. 11.4. Зоны креативности (1 — низкая, 2 — средняя, 3 — высокая) по федеральным округам Российской Федерации.

Источник: Занятия населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 36, 54, 66, 80, 96, 102, 120. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т. 9).

* Уровень креативности по федеральным округам, Москве и Санкт-Петербургу рассчитан по доле (%) специалистов высшей квалификации и руководителей всех уровней в общей численности занятых в экономике данного региона.

негативные тенденции в демографическом развитии страны, внешние и внутренние вызовы, стоящие перед страной, выдвигают в качестве главной задачи социальное развитие страны, инвестиции в человека.

ГЛАВА 12

Развитие человеческого потенциала России: кросскультурный и региональный аспекты

Основная задача главы — показать место России в мировом процессе развития на рубеже XX и XXI вв. Отвечает ли траектория ее движения в период с 1990 по 2006 г. целям развития, по каким осям осуществляется поступательное движение, а по каким — регресс?

Исключительно сложно сравнивать развитие стран и регионов, различающихся культурой, историей, традициями, масштабами, временем их возникновения, имеющимися природными ресурсами, особенностями местоположения и климата, сложившимися связями. И все же при оценке изменений в области развития можно ориентироваться на критерий, предложенный еще в 1937 г. Франклином Д. Рузвельтом: «Наш прогресс проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало». Именно такой подход использует Программа развития ООН (ПРООН), разрабатывая простые сопоставимые показатели для измерения отдельных сторон развития.

В качестве информационной базы использованы данные Федеральной службы государственной статистики России и данные ПРООН, содержащиеся в ежегодных «Докладах о развитии человека», в которых анализируется и обобщается преимущественно официальная информация разных стран.

Цели в области развития: мировые и национальные приоритеты

На протяжении 90-х гг. прошлого столетия многие международные организации, включая программы Организации Объединенных Наций, действовали, исходя из убежденности, что рыночные механизмы в условиях глобализации способны обеспечить стабильный экономический рост, в том числе бедным и развивающимся странам. В свою очередь, экономический рост приведет к существенному улучшению в области образования, здравоохранения, питания, обеспечения жильем и в целом к значительному росту благосостояния, сокращению бедности. Такая

теория оказалась слишком оптимистичной для реального развития, хотя в ряде регионов мира развитие в целом укладывалось в ее рамки. Например, экономический рост в Юго-Восточной Азии привел к заметному сокращению нищеты в таких странах, как Индия, Китай, Таиланд. Но в наименее развитых странах Африки, в некоторых странах Восточной Европы и СНГ, в Латинской Америке рыночные реформы и глобализация не привели к решению наболевших проблем, к улучшению условий и продолжительности жизни, к сокращению бедности.

Итак, несмотря на экономический рост в большинстве стран, к 2000 г. положение многих районов мира и групп населения не улучшилось, но ухудшилось. Со всей очевидностью проявилась необходимость активизировать усилия ООН, направленные на устойчивое развитие, обеспечивающее уменьшение бедности, улучшение здоровья населения, экологическую безопасность, сохранение мира.

Поэтому на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г. руководители 189 стран мира приняли Декларацию тысячелетия ООН, сформулировав конкретные количественно измеряемые ориентиры, достижение которых будет способствовать развитию человеческого потенциала в период до 2015 г. (табл. 12.1). Особенность этого документа в том, что были определены не только наиболее приоритетные задачи, но и круг тех стран, которые нуждаются в первоочередной помощи в их достижении. Причем достижение целей является обязанностью не только самих развиваемых государств, но и тех, кто помогает. Помощь перестает быть благотворительностью, она становится основой, строительным материалом укрепления прав человека: на образование, на долгую, здоровую жизнь, на достойный уровень жизни. Ответственными и подотчетными в этой деятельности становятся не только правительства, но и сами граждане, предприятия и международные организации, оказывающие поддержку в развитии.

Партнерские взаимодействия между богатыми и бедными странами регулирует Йоханнесбургский план действий по устойчивому развитию, принятый в 2002 г. Он обязывает богатые государства-члены ОЭСР участвовать в решении проблемы бедности, неравенства между мужчинами и женщинами, в обеспечении доступности услуг образования и здравоохранения, в улучшении состояния окружающей среды в наименее развитых странах. Делается это за счет расширения объемов финансовой помощи бедным странам, аннулирования части их внешней задолженности, расширения торговли и передачи им новых технологий.

Цели и задачи развития РФ были сформулированы авторами «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации: 2005», исходя из реального положения в различных сферах жизни (см. табл. 12.1). В частности, цель 2 — «обеспечение всеобщего начального образования» — в той постановке, которая была принята в Декларации тысячелетия, для России считается в целом достигнутой. Стоит задача доступности качественного образования, востребованного на рынке труда, для социально незащищенных групп населения.

Таблица 12.1

Мировые и национальные приоритеты в области развития в 2000—2015 гг.

Ключевые условия развития человеческого потенциала	Цели развития Декларации тысячелетия (ЦРТ)	Национальные приоритеты и цели развития, адаптированные для России	
		цели	задачи
1	2	3	4
Достойный уровень жизни	Цель 1: сокращение масштабов нищеты и голода	Цель 1: снижение уровня бедности и ликвидация голода	сократить уровень общей бедности в 2 раза и ликвидировать крайнюю бедность среди немаргинальных групп населения обеспечить бедным доступ к продуктам питания
Образование	Цель 2: обеспечение всеобщего начального образования	Цель 2: повышение доступности образования	вовлечь в образование и социализацию социально незащищенные группы населения обеспечить доступ к дошкольному образованию детям из малообеспеченных семей и детям, проживающим в селах выравнивать финансирование и доступность образования между регионами и внутри них обновить содержание общего среднего образования с целью развития навыков практического применения знаний переориентировать профессиональное образование на требования современной экономики и рынка труда
Равноправие, в том числе гендерное	Цель 3: поощрение равенства полов, расширение прав и возможностей женщин (в первую очередь в сфере образования)	Цель 3: поощрение равенства мужчин и женщин, расширение прав и возможностей женщин	ликвидировать неравенство между полами на всех уровнях образования обеспечить равные возможности доступа женщин и мужчин к политическим институтам ликвидировать дискриминационную практику в области труда и занятости создать систему реальных механизмов предотвращения насилия в отношении женщин снизить воздействие неблагоприятных социально-экономических факторов на здоровье и продолжительность жизни, особенно мужчин

Окончание табл. 12.1

1	2	3	4
Долгая и здоровая жизнь	Цель 4: сокращение детской смерт- ности Цель 5: улучшение охраны материнства Цель 6: борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и др. болезнями	Цели 4 и 5: снижение материнской и детской смертности Цель 6: борьба с ВИЧ/ СПИДом, туберкулезом и др. заболе- ваниями	увеличить продолжительность жизни и снизить смертность усилить ориентацию общества на здо- ровый образ жизни снизить смертность детей до 5 лет хотя бы на 50 % (до 11 %) снизить материнскую смертность хотя бы на 50 % остановить распространение ВИЧ/ СПИДа, туберкулеза и сократить за- болеваемость ими
Экологи- чески ус- тойчивый рост	Цель 7: обеспечение экологически устойчивого роста	Цель 7: обеспечение экологически устойчивого роста	включить принципы устойчивого раз- вития в стратегии и программы стра- ны, предотвращать потери природ- ных ресурсов обеспечить население чистой питьевой водой улучшить качество жилищных условий
Благо- приятные глобаль- ные эконо- миче- ские условия	Цель 8: укрепление партнерских отношений между богаты- ми и бедными странами	Цель 8: участие в глобальном сотрудниче- стве, отве- чающем на- циональным интересам страны	содействовать созданию благоприят- ных международных условий для достижения целей развития содействовать приоритетному решению глобальных проблем, национальные проявления которых наиболее чувст- вительны и болезненны для России наращивать вклад России в междуна- родные программы помощи разви- тию в качестве государства-донора

Источники: UNDP, 2003. P. 28; ПРООН, 2005б. С. 221.

Хотя рост образованности населения крайне важен в контексте перехода к экономике, основанной на знаниях, особую актуальность приобрели цель 1 «снижение уровня бедности» и цели 4, 5 и 6, направленные на увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни населения. Цель 3 «поощрение равенства полов, расширение прав и возможностей женщин» в национальном контексте также является более масштабной, поскольку основные права российским женщинам были предоставлены в начале XX в. Гендерное неравенство в последние годы усилилось в сфере труда. Особенностью также является необходимость

создания условий для ускоренного роста средней ожидаемой продолжительности жизни российских мужчин.

Траектория развития России влияет на геополитическую расстановку сил, социально-экономический и культурный облик современного евро-азиатского континента и всего мира. Оценивая ключевые предпосылки и условия развития человеческого потенциала, попытаемся высветить место России в потоке развития разных стран. Для этого сопоставим достигнутый уровень развития РФ с некоторыми группами стран мира, а также посмотрим тенденции развития на фоне изменений в других государствах.

Достигнутый уровень развития человеческого потенциала

Такие составляющие развития, как достойный уровень жизни, образованность и продолжительность жизни населения, в обобщенном виде отражаются в индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП). Этот комплексный индикатор хорош тем, что вбирает в себя экономические и социальные показатели, а также пригоден как для региональных сопоставлений в определенный момент времени, так и для изучения тенденций. Напомним, что он принимает значения от 0 до 1 и рассчитывается как среднее из трех индексов: долголетия, образованности и душевого ВВП. Исходные четыре показателя для расчета этих трех индексов представлены в табл. 12.2, методика расчета приведена в [ПРООН, 2006].

Если оценивать положение РФ по сравнению с отдельными регионами мира на основе индекса развития человеческого потенциала, Россия практически находится на границе перехода в категорию стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (для которых ИРЧП > 0,8). Однако один из важнейших определяющих развитие компонентов, а именно долголетие, остается на недопустимо низком уровне — 65 лет. Многие развивающиеся страны, например арабские, латиноамериканские и восточно-азиатские, обогнали Россию по этому показателю в среднем на 2—7 лет. По ожидаемой продолжительности жизни Россия на 1,5 года отстает от среднего уровня, достигнутого среднеразвитыми странами, и на 12 лет — от стран с высоким индексом человеческого развития (см. табл. 12.2 и 12.3).

Исходя из теоретических представлений, все три основные компоненты одинаково важны для развития, т. е. значения индекса долголетия, душевого ВВП и образованности должны быть приблизительно равны. В 2004 г. их фактические значения для России составляли соответственно 0,67, 0,77 и 0,95. Поэтому преждевременно говорить о достижении качественно нового уровня развития нашей страны, если людям в среднем предстоит прожить короткую жизнь. Если сравнить достижения России и развивающихся стран, то наша страна ушла вперед только по показателям, характеризующим образование и объемы произ-

Таблица 12.2

Индекс развития человеческого потенциала России и отдельных групп стран, 2004

Страны и группы стран мира	ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Реальный ВВП на душу населения, ППС в долл. США	Индекс душевого ВВП	Уровень грамотности, %	Охват обучением*, %
Промышленно развитые страны ОЭСР	0,923	77,8	27571	0,94	Не опр.	89
В том числе Норвегия	0,965	79,6	38454	0,99	Не опр.	100
Центральная, Восточная Европа и СНГ	0,802	68,2	8802	0,75	99	83
В том числе Россия	0,797	65,2	9902	0,77	99	88
Все развивающиеся страны	0,679	65,2	4775	0,65	79	63
В том числе наименее развитые страны	0,464	52,4	1350	0,43	64	45
Арабские государства	0,680	67,3	5680	0,67	70	62
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	0,760	70,8	5872	0,68	91	69
Латинская Америка и Карибский регион	0,795	72,2	7964	0,73	90	81
Южная Азия	0,599	63,7	3072	0,64	61	56
Страны Африки к югу от Сахары	0,472	46,1	1946	0,50	63	50
Мир в целом (177 стран)	0,741	67,3	8833	0,75	Не опр.	67

* Здесь и далее имеется в виду совокупный валовой коэффициент числа поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения, он рассчитывается как отношение общего числа учащихся на всех ступенях обучения вне зависимости от возраста к общей численности населения в возрасте 5—24 лет. Уровень грамотности населения в возрасте 15 лет и старше для развитых стран не рассчитывается, при определении ИРЧП принимается равным 99 %.

Источник: ПРООН, 2006. С. 283—286. Приведены также данные по Норвегии, достигшей к 2004 г. самого высокого уровня развития.

водства на душу населения. Динамика и уровень последнего показателя определялись как благоприятной конъюнктурой мировых цен на нефть, так и ростом потребления домашних хозяйств и инвестиционного спроса внутри страны. Как показано в докладе, подготовленном Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством В. В. Ивантера и М. Н. Узякова, в перспективе действие благоприятных факторов будет ослабевать, а опережающий рост импорта будет выступать мощным замедляющим рост фактором. Для дальнейшего экономического роста предстоит преодолеть, по крайней мере, следующие важнейшие барьеры и ограничения:

Таблица 12.3

Демографические тенденции: увеличение продолжительности жизни и рост численности населения мира в 1975–2015 гг.

Страны и группы стран мира (уровень развития в 2004 г.)	Ожидаемая продолжитель- ность жизни при рождении, лет		Годовые темпы роста численности населения, %		Доля населения, проживающего в стра- нах с разным уровнем ИРЧП, % к населению мира		
	1970— 1975	2000— 2005	1975— 2004	2004— 2015	1975	2004	2015
Страны с высоким уровнем развития (ИРЧП = 0,800 и выше)	70,6	77,7	0,8	0,5	25,2	20,3	19,1
В том числе США	71,5	77,3	1,0	0,9	5,4	4,6	4,5
Страны со средним уровнем развития (ИРЧП от 0,500 до 0,799)	57,4	66,9	1,7	1,1	68,4	70,6	70,5
В том числе							
Россия	69,7	65,4	0,2	-0,5	3,2	2,3	1,9
Китай	63,2	71,5	1,2	0,6	22,8	20,5	19,3
Страны с низким уровнем развития (ИРЧП ниже 0,500)	44,4	45,6	2,8	2,3	6,4	9,1	10,4
В том числе Нигерия	42,8	43,3	2,7	2,0	1,4	2,0	2,2
Весь мир	59,9	67,0	1,6	1,1	4073,7*	6389,2*	7219,4*

* Численность населения, млн человек.

Источник: ПРООН, 2006. С. 297—300, 315—318.

«отсутствие эффективной системы перелива капитала, не позволяющее в условиях избытка финансовых ресурсов профинансировать развитие обрабатывающей промышленности;

низкая заработная плата в производственной сфере экономики, препятствующая росту эффективности производства и распространению инноваций;

общее технологическое отставание российской экономики, не позволяющее обеспечить должную конкурентоспособность продукции и услуг» [Ивантер, Узяков, 2007. С. 219].

Динамика развития человеческого потенциала

Место России в мире с точки зрения масштаба человеческого потенциала зависит также от демографических тенденций, в частности, от соотношения темпов роста численности ее населения и других стран и регионов мира. Прогноз на перспективу до 2015 г. показывает, что быстрее всего растет население в странах с низким уровнем развития чело-

веческого потенциала. Годовой темп прироста населения в них составит 2,3 %, тогда как в странах с высоким уровнем развития только 0,5 % (см. табл. 12.3). Это означает, что и относительно, и абсолютно все больше населения будет сталкиваться с проблемой бедности, с отсутствием условий для развития. В соответствии со сложившимися тенденциями, в 2015 г. в странах с низким уровнем развития человеческого потенциала будет проживать 737 млн человек, тогда как в 1975 г. было 255 млн. Мировое сообщество стремится изменить такие тенденции, в частности, на это нацелена Декларация тысячелетия.

Хотя численность населения заметно увеличится и в странах с высоким уровнем развития, но его доля за 40 лет сократится с 25 до 19 % относительно мирового населения.

По прогнозу ПРООН, абсолютно сократится население стран Центральной, Восточной Европы и СНГ (с 2004 по 2015 г. на 8,5 млн чел.). На их долю будет приходиться всего 5,5 % населения мира, в том числе на Россию — 1,9 %. В 1975 г. было соответственно 9,0 и 3,2 % (рассчитано на основе [ПРООН, 2006. С. 299, 300]). Каждая из таких стран, как Бангладеш и Нигерия, превзойдет по численности население России, которая потеряет около 7 млн человек за 10 лет. Наибольшая скорость снижения численности населения прогнозируется в Украине: ежегодное сокращение на уровне 1,1 %, или на 5 млн человек за 10 лет.

Тем самым для нашей страны и стран СНГ исключительно важно улучшение условий жизни, что в целом будет способствовать увеличению продолжительности жизни. Целевыми показателями, ориентированными на рост долголетия, является снижение на 50 % материнской смертности и смертности детей до 5 лет, а также снижение заболеваемости ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и другими болезнями.

Как показано на рис. 12.1, имеется обратная зависимость между расходами на здравоохранение в странах и рисками, связанными со смертностью детей и матерей, с распространением заболеваемости туберкулезом.

Эти расходы в странах Центральной, Восточной Европы и СНГ значительно меньше, чем в промышленно развитых странах, например, в России — в 10 раз меньше, чем в США, и в 7 раз — по сравнению с Норвегией (табл. 12.4). Высокий уровень заболеваемости туберкулезом также обусловлен социально-экономическими причинами: в наименее развитых странах распространение заболеваемости составляет 456 случаев на 100 тыс. человек. В России в среднем он выше, чем в некоторых группах стран, таких как Латинская Америка и Карибский регион, Арабские государства, Центральная, Восточная Европа и СНГ (соответственно 160, 83, 125 и 124 случая на 100 тыс. населения). Имеется большой резерв в части наращивания государственных расходов на здравоохранение в России. Их существенный рост — необходимая мера для улучшения качества жизни и увеличения ее продолжительности.

Рис. 12.1. Зависимость уровня заболеваемости туберкулезом и смертности детей и матерей от расходов на здравоохранение в странах, различающихся по рейтингу ИРЧП (указано место страны на 2004 г.).

1 — детская смертность, на 1 тыс. живорожденных, 2004 г.; 2 — материнская смертность, на 100 тыс., 1990—2004 гг.; 3 — заболеваемость туберкулезом, на 100 тыс. чел., 2004 г.; 4 — расходы на здоровье на душу населения (ППС в долл. США), 2003 г.

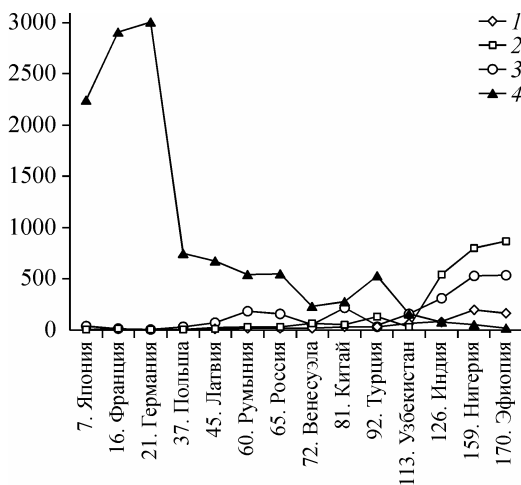

Таблица 12.4

Расходы на образование, науку и здравоохранение в некоторых странах мира

Рейтинг* по ИРЧП	Страна	Государственные расходы на образование, % ВВП		Расходы на здравоохранение, 2003 г.			Расходы на НИОКР, % ВВП, 2000—2003
		1991	2002—2004	государственные, % ВВП	частные, % ВВП	на душу населения, ППС в долл. США	
1	Норвегия	7,1	7,7	8,6	1,7	3809	1,7
7	Япония	Не опр.	3,7	6,4	1,5	2244	3,1
8	США	5,1	5,9	6,8	8,4	5711	2,6
16	Франция	5,6	6,0	7,7	2,4	2902	2,2
21	Германия	Не опр.	4,8	8,7	2,4	3001	2,5
37	Польша	5,2	5,8	4,5	2,0	745	0,6
45	Латвия	4,1	5,4	3,3	3,1	678	0,4
60	Румыния	3,5	3,6	3,8	2,3	540	0,4
65	Россия	3,6	3,7	3,3	2,3	551	1,3
72	Венесуэла	4,5	Не опр.	2,0	2,5	231	0,3
81	Китай	2,2	Не опр.	2,0	3,6	278	1,3
92	Турция	2,4	3,7	5,4	2,2	528	0,7
113	Узбекистан	9,4	Не опр.	2,4	3,1	159	Не опр.
126	Индия	3,7	3,3	1,2	3,6	82	0,8
159	Нигерия	0,9	Не опр.	1,3	3,7	51	Не опр.
170	Эфиопия	3,4	4,6	3,4	2,5	20	Не опр.

*Рейтинг стран с высоким уровнем развития с 1 по 63, со средним — с 64 по 146, с низким — со 147 по 177.

Источник: ПРООН, 2006. С. 301—304, 315—322, 327—330.

Реализуемые в стране национальные проекты, конечно, ориентированы на достижение основных целей и дают первые результаты, однако ресурсы, расходуемые на поддержание и развитие человеческого потенциала, явно недостаточны. Это относится и к образованию, и к науке, и к здравоохранению. Чтобы России действительно перейти в разряд развитых стран, следует в 1,5—2 раза увеличить долю государственных расходов в ВВП, направляемых в эти сферы. В США и Германии, например, совокупная их доля составляет 15—16 %, а в России около 8 % ВВП (табл. 12.4). Решить проблему за счет расходов населения не удастся, поскольку уровень доходов большинства россиян низок. Напротив, в государстве средства накоплены благодаря высоким ценам на энергоресурсы, но пока не используются для развития.

Задача доступности качественного образования, востребованного на рынке труда, решается в ходе реформирования общего среднего и высшего звеньев. Предусматривается переход на нормативно-подушевое финансирование школьного образования, переориентация профессионального обучения на использование знаний и навыков в практической инновационной деятельности.

Отметим важную тенденцию, характерную для промышленно развитых стран. Во многих из них за последние 15 лет изменилось распределение государственных расходов по уровням образования: все больше средств сосредотачивается для решения проблем высшего образования. Например, в Норвегии, Канаде, Финляндии на высшую школу идет около трети расходов на образование, в то время как в Португалии, Польше, Словакии, Болгарии — менее 20 %. Очевидно стремление наиболее развитых стран перестроить экономику на основе новейших знаний и технологических достижений.

В России приток средств в данную сферу осуществляется за счет увеличения доли платного высшего образования и технического переос-

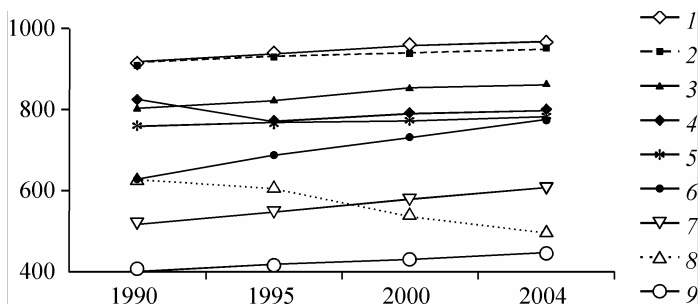

Рис. 12.2. Динамика индексов развития человеческого потенциала, 1990—2004 гг. (приведен ИРЧП·1000).

1 — Норвегия, 2 — США, 3 — Польша, 4 — Россия, 5 — Венесуэла, 6 — Китай, 7 — Индия, 8 — Свазиленд, 9 — Нигерия.

Источник: ПРООН, 2006. С. 288—291.

нашения университетов, роста финансирования в рамках национального проекта «Образование».

Обобщенное представление о динамике стран, достигших разного уровня развития, дает рис. 12.2. Высокими темпами наращивали свой потенциал страны Восточной Азии и Тихоокеанского региона, некоторые страны Южной Азии, где довольно быстро росло производство (табл. 12.5) и увеличивалась продолжительность жизни. Например, го-

Таблица 12.5

Экономический рост, новые технологии и загрязнение окружающей среды

Страны и группы стран мира	Годовые темпы прироста ВВП на душу населения, %, 1990—2004	Доля пользователей, % населения, 2004 г.				Потребление энергии, 2003 г.		Объем выбросов диоксида углерода на душу населения, т, 2003 г.
		магистральными телефонными линиями	сотовыми сетями	сетью Интернет	на душу населения, кВт·ч	доля традиционных видов топлива, %		
Промышленно развитые страны ОЭСР	1,8	49	71	48	8777	5	11	
В том числе								
Норвегия	2,5	67	86	39	25295	6	10	
США	1,9	61	62	63	14057	3	20	
Центральная, Восточная Европа и СНГ	0,9	23*	46	14	3432	4	6	
В том числе Россия	-0,6	25*	52	11	6303	3	10	
Все развивающиеся страны	3,0	12	18	6	1157	26	2	
В том числе наименее развитые страны	1,6	1	3	1	114	78	0	
Арабские государства	1,3	9	17	6	1977	17	4	
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	5,8	20	26	9	1418	11	3	
Латинская Америка и Карибский регион	1,1	18	32	12	1932	23	2	
Южная Азия	3,3	4	4	3	598	25	1	
Страны Африки к югу от Сахары	0,3	1*	8	2	522	81	1	
Мир в целом	1,4	18*	23*	12*	2490	22	4	

* Приведены данные за 2003 г.

Источники: ПРООН, 2006. С. 327—334, 353—356; ПРООН, 2005а. С. 284—287.

довые темпы роста объема производства на душу населения в период 1990—2004 гг. составили в Индии 4,0 %, в Китае — 8,9, в Камбодже — 5,0, а во Вьетнаме — 5,5 %. Наоборот, резко сократились темпы роста ВВП на душу населения в Республике Молдова (–5,3 %), в Туркменистане (–4,4), в Демократической республике Конго (–6,0 %).

Средняя продолжительность жизни в быстро развивающихся странах этих регионов росла опережающими темпами. Так, если в среднем в мире за предшествующие 30 лет она увеличилась на 7 лет, то в Китае — на 8, в Индии — на 13, в Камбодже — на 16, а во Вьетнаме — на 20 лет [ПРООН, 2006].

Россия, напротив, утратила свои позиции среди развитых стран. Произошло это из-за падения производства и снижения ожидаемой продолжительности жизни при рождении. При пересчете ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности валют ежегодное снижение составило 0,6 % за период с 1990 по 2004 г. Наивысшее значение этого показателя было достигнуто в 1989 г., и оно превышало на 15 % душевой объем производства в 2004 г. К настоящему моменту этот максимум снова достигнут, хотя ежегодный прирост промышленного производства несколько замедлился (рис. 12.3). В 2005—2006 гг. он составлял около 4 %, в то время как в предыдущие 2 года — примерно 8 % [Всемирный банк, 2007; Росстат, 2007]. Тем не менее, результаты последних двух лет позволяют сделать вывод о возвращении Россией статуса развитой страны, поскольку экономический рост сопровождался повышением уровня рождаемости и увеличением ожидаемой продолжительности жизни [Росстат, 2007]. Однако наша страна заметно уступает в динамике другим восточноевропейским государствам, например, Польше (см. рис. 12.2).

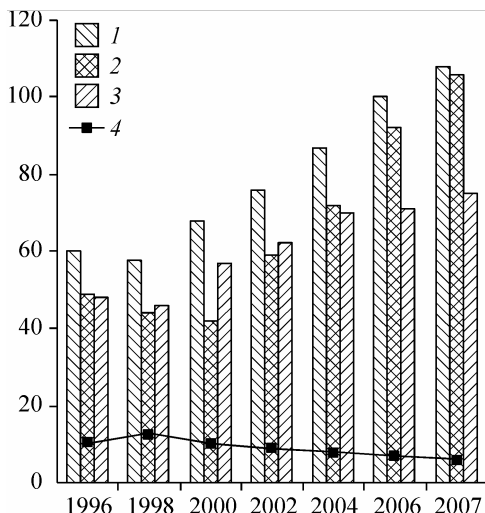
В качестве примера быстрого снижения уровня развития приведена траектория движения Свазиленда. В этом государстве резко сократилась ожидаемая продолжительность жизни при рождении (с 49,6 лет в 1970—1975 гг. до 33 лет в 2000—2005 гг.) в связи с ухудшением здоровья. В частности, треть населения в возрасте 15—49 лет ВИЧ-инфицированы и очень высок уровень распространения заболеваемости туберкулезом, — 1120 случаев на 100 тыс. населения. Хотя по России соответствующие показатели значительно ниже (1,1 % ВИЧ-инфицированных и 160 заболевших туберкулезом на 100 тыс. чел.), однако они многократно превышают уровни, характерные для таких менее развитых стран как Беларусь, Колумбия, Турция, Туркменистан, Египет [ПРООН, 2006]. Исправление сложившегося положения — один из факторов развития человеческого потенциала нашей страны.

Экономический рост в значительной степени определяется распространением и созданием новых технологий, связан с увеличением потребления энергетических ресурсов и приводит к загрязнению окружающей среды. И потребление ресурсов, и загрязнение воздуха происходят крайне неравномерно (см. табл. 12.5) и требуют международного

Рис. 12.3. Динамика индикаторов социально-экономического развития России: в 1996—2007 гг., индексы: 1990 = 100 %.

1 — индексы ВВП на душу населения; 2 — индексы реальной зарплаты; 3 — индексы промышленного производства; 4 — уровень безработицы, %.

Источники: Госкомстат, 1997. С. 61, 694, 702, 749; Госкомстат, 2000. С. 16; Госкомстат, 2003. С. 32, 661, 664, 675; Росстат, 2006б. С. 770, 771, 787; Росстат, 2007. С. 36, 138, 778, 793; Путин, 2008.

контроля, чтобы снижать риски экологических кризисов и изменения климата. Действительно, на 63 страны с высоким уровнем развития человеческого потенциала приходится 55 % от общего объема выбросов диоксида углерода, а на 31 страну или регион с низким уровнем ИРЧП — менее 1 %. Больше всего доля выбросов у США (23 % мирового объема), Китая (16,5), России (5,9), Индии (5,1), Японии (4,9) и Германии (3,2). За период с 1980 по 2003 г. количество выбросов на душу населения увеличилось в среднем по миру и по странам ОЭСР на 300 кг, в Южной Азии — на 700 кг, в арабских государствах — на 1200 кг, в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе — на 1500 кг. В Латинской Америке выбросов не стало больше, а в Центральной, Восточной Европе и СНГ сокращение составило 3900 кг на человека. Одна из главных причин — сокращение и изменение структуры производства в России и других странах СНГ. Фактически мир от этого выиграл, но эта группа стран не получила никаких компенсаций от государств, наращивающих производство и загрязняющих окружающую среду.

Велик технологический разрыв между странами: многие развивающиеся государства заметно отстают по доступности средств связи, по расходам на научные исследования и по количеству научных работников, не говоря уже о выданных гражданам патентах на изобретения. Например, в Южной Азии на 1 млн человек приходится 132 занятых в научном секторе, в Латинской Америке — 306, в Центральной, Восточной Европе и СНГ — 2204, а в странах ОЭСР — 3108 человек. В технологическом отношении Россия пока что опережает большинство развивающихся стран и стран Центральной и Восточной Европы. Важно, что по доле работников, занятых научными исследованиями и конструкторскими разработками, наша страна уступает только странам ОЭСР с вы-

соким уровнем дохода, в которых на 1 млн населения приходится 3748 научных работников, что на 12 % больше, чем в России. По количеству выданных патентов на миллион человек мы примерно в 5—6 раз отстаем от Японии и Кореи, в 2 раза от США, Швеции и Финляндии, на 17 % от Германии и Франции и в 5 раз опережаем Австралию, в 4 раза — Канаду, в 2 раза — Великобританию [ПРООН, 2006].

По душевому потреблению энергии Россия находится на уровне Испании, несмотря на более суровый климат. Многие развитые государства расходуют заметно больше энергии, например, Норвегия — в 4 раза, Канада — в 3, а Австралия — в 1,8 раза. Различия в потреблении энергии на душу населения между странами с высоким и низким уровнем развития нарастают. Если в 1980 г. житель развитой страны в среднем потреблял энергии в 34 раза больше, то в 2003 г. — в 52 раза. Вместе с тем традиционные виды топлива составляют основную часть потребляемой энергии в наименее развитых странах, что приводит к вырубке лесов, например, в Африке. В этих условиях население менее развитых государств страдает от последствий ухудшения окружающей среды, хотя мало ее загрязняет.

Региональное неравенство внутри страны

В России основная нагрузка в решении социальных проблем лежит на региональных властях, и далеко не все регионы имеют для этого средства. Поэтому общенациональные стандарты жизни и обеспеченность населения услугами не могут быть достигнуты без выработки социально-экономической политики, учитывающей региональные особенности развития. «Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг.» целиком посвящен анализу проблем и достижений регионов. Используя данные по некоторым регионам всех федеральных округов, здесь покажем лишь масштаб регионального неравенства в развитии человеческого потенциала (табл. 12.6).

Прежде всего нужно определить наибольшие вариативные составляющие человеческого развития. Грамотность взрослого населения мало различается по регионам, минимальный ее уровень — в Республике Ингушетия (96 %). Здесь также самая низкая полнота охвата обучением в возрасте 7—24 лет. Из всех федеральных округов России Южный наиболее проблемный по образованности населения, Сибирский и Уральский имеют довольно высокие показатели.

Существенны межрегиональные различия в продолжительности жизни: между республиками Ингушетия и Тыва разница составляет более 19 лет. Показательно, что оба эти региона экономически самые слабо развитые. В среднем продолжительность жизни прямо зависит от уровня доходов в регионе; она меньше, если население проживает в Сибири или на Дальнем Востоке. Средняя продолжительность жизни населения как в Республике Тыва (56,5 лет) характерна для стран с низ-

Таблица 12.6

Индекс развития человеческого потенциала в отдельных регионах РФ, 2004

Рейтинг*	Федеральные округа и регионы РФ	ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	ВРП на душу населения, ППС в долл. США	Индекс ВВП	Уровень грамотности, %	Доля учащащихся в возрасте 7—24 лет, %
	Россия в целом	0,781	65,3	9922	0,767	99	74
	Центральный						
1	Москва	0,873	70,8	17091	0,858	100	100
6	Липецкая обл.	0,798	65,7	13732	0,822	98	71
74	Ивановская обл.	0,717	62,4	3992	0,615	99	75
	Северо-Западный						
3	Санкт-Петербург	0,817	67,3	10133	0,771	100	93
55	Ленинградская обл.	0,740	62,0	10235	0,772	100	50
73	Псковская обл.	0,718	60,6	5634	0,673	99	68
	Приволжский						
4	Республика Татарстан	0,812	67,7	12325	0,804	99	78
49	Пензенская обл.	0,744	65,7	4958	0,652	98	73
	Южный						
27	Краснодарский край	0,763	67,5	6469	0,696	99	67
71	Республика Адыгея	0,725	67,8	3161	0,576	99	69
78	Республика Ингушетия	0,687	75,9	1360	0,436	96	41
	Уральский						
2	Тюменская обл.	0,867	66,6	44775	1,000	99	74
17	Челябинская обл.	0,773	64,6	9131	0,753	99	73
68	Курганская обл.	0,730	63,9	4858	0,648	98	71
	Сибирский						
5	Томская обл.	0,799	65,4	12512	0,806	99	78
16	Новосибирская обл.	0,773	65,6	7519	0,721	99	79
79	Республика Тыва	0,668	56,5	3125	0,574	99	73
	Дальневосточный						
8	Республика Саха	0,790	64,2	11680	0,795	99	78
61	Приморский край	0,736	63,0	5606	0,672	100	72
70	Амурская обл.	0,726	60,3	6334	0,692	99	70

* Рейтинг приведен по 79 регионам, для которых рассчитан ИРЧП.

Источник: ПРООН, 2007. С. 128—131.

ким уровнем дохода и ИРЧП, например, для Камбоджи и Судана. В таких странах валовый национальный доход на душу населения в год превышает 825 долл. США, т. е. почти в 4 раза ниже, чем в Тыве. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в 59 странах с низким уровнем дохода в 2004 г. составила 58,7 лет, что близко к показателям по Амурской, Псковской, Читинской и Иркутской областям.

Очевидно, что выравнивание возможностей развития человеческого потенциала требует достижения более высоких доходов и показателей обеспеченности услугами здравоохранения в восточных районах страны. Но это сможет лишь отчасти компенсировать неблагоприятные климатические условия, что видно на примере Тюменской области, в которой доходы выше, чем в Курганской, в 9,2 раза, а продолжительность жизни больше только на 2,7 года (см. табл. 12.6).

В наибольшей степени дифференциация между регионами в возможностях для развития зависит от объема валового регионального продукта на душу населения. В масштабах страны различия огромны: в Тюменской области в расчете на человека создается продукции в 33 раза больше, чем в Ингушетии. В каждом из федеральных округов разница составляет от 2 до 9 раз. Такая неравномерность в производстве означает незавершенность перехода к качественно иному — высокому — уровню развития в большинстве регионов. Если опираться на их собственный потенциал, только четыре субъекта РФ (Москва, Тюменская область, Санкт-Петербург и Татарстан) можно считать достигшими высокого уровня развития (ИРЧП > 0,8). А в Тюменской и Липецкой областях индекс дохода превысил значение ИРЧП, т. е. имеется потенциал роста, опираясь на который в регионе легче решать и все другие проблемы. Все остальные регионы страны находятся на среднем уровне развития ($0,5 \leq \text{ИРЧП} < 0,8$).

Огромная ответственность в разработке приемлемой политики социально-экономического развития ложится на федеральные власти, которые должны использовать разные рычаги и ресурсы, учитывая особенности регионов. Также регионы должны самостоятельно сосредоточить усилия на достижении своих особых целей развития. Критериями успешности политики могут выступать, во-первых, рост индекса развития человеческого потенциала страны и большинства регионов, во-вторых, уменьшение межрегиональных различий по этому показателю, в-третьих, прекращение оттока населения из азиатской части страны в европейскую.

В последние годы наблюдается рост ИРЧП России, но, как показала Н. Зубаревич, несмотря на инерционность развития, неравенство между регионами по ИРЧП за 2002—2004 гг. увеличивалось. Душевой ВРП и продолжительность жизни быстрее растут в благополучных регионах. Вместе с тем, рост расходов государства на охрану здоровья детей и матерей, на родовспоможение позволил в последние годы сократить региональные различия в младенческой смертности. Только четверть на-

селения (26 %) живет в регионах с уровнем ИРЧП выше среднего по стране, 6 % — в отстающих регионах с ИРЧП ниже 0,730, а основная часть (68 %) — в регионах, экономические ресурсы которых недостаточны для социального развития [ПРООН, 2007].

Повышение производительности труда и на этой основе рост ВВП в регионах — такой путь решения задачи развития человеческого потенциала наиболее приемлем для России. Когда же большинство российских регионов смогут причислить себя к развитым территориям, какие для этого «планки» нужно достигнуть в увеличении продолжительности жизни, в росте производства? Чтобы получить ответы на эти вопросы, был построен прогноз основных параметров человеческого развития на примере Новосибирской области Сибирского федерального округа, исходя из предположения мобилизации всех ресурсов для этого (табл. 12.7). Предполагались значительные усилия по внедрению новых технологий, в том числе строительство технопарка в новосибирском Академгородке, ускоренное развитие производственной и социальной инфраструктуры, активное жилищное строительство, устойчивый рост сельскохозяйственного производства области. Новый импульс развития получат наука, сферы высшего и общего образования, здравоохранения.

Валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения Новосибирской области рассчитан на основе показателей роста реального ВРП на перспективу [Суспицын, 2006]. Ожидаемая продолжительность жизни в области определена на основе достижений в отдельных регионах

Таблица 12.7

**Прогноз индекса развития человеческого потенциала
Новосибирской области: мобилизационный вариант**

Показатель	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2025 г.
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	66,5	68	69	71
Уровень грамотности, %	99	99	100	100
Полнота охвата обучением (7—24 лет), %	79	82	87	94
ВРП на душу населения Новосибирской обл., цены 2005 г., ППС 2002 г., в долл. США	7300	10811	16217	35921
ВРП на душу населения Сибирского федерального округа, цены 2005 г., ППС 2002 г., в долл. США	10356	14865	21381	49437
Отношение ВРП на душу населения Новосибирской обл. к среднесибирскому, %	70,5	72,7	75,8	72,7
Индекс образования	0,923	0,933	0,957	0,980
Индекс долголетия	0,692	0,717	0,733	0,767
Индекс дохода	0,716	0,782	0,849	0,982
Индекс развития человеческого потенциала	0,777	0,811	0,846	0,910

При построении прогноза использована информация: ПРООН, 2005б. С. 198—199; Росстат, 2006а. С. 24—26; Росстат, 2006б. С. 36, 774, 784; Суспицын, 2006. С. 3—14.

страны в 2002 г.: 68 лет — в Москве и Татарстане, 69 — в Карачаево-Черкесской Республике, 71 — в Дагестане. Также учитывалась прямая зависимость между ростом ВРП и продолжительностью жизни, особенно если будут осуществляться планируемые мероприятия в рамках национальных проектов.

Благодаря преимуществу в образованности населения и экономическому росту к 2010 г. Новосибирская область войдет в число регионов с высоким уровнем развития (ИРЧП = 0,811). В дальнейшем рост валового регионального продукта на основе повышения эффективности труда позволит устойчиво повышать уровень доходов населения. ВРП в расчете на душу населения к 2025 г. почти достигнет уровня показателя в США в 2004 г., превысив уровень Швейцарии, Канады и Японии, т. е. прогнозируется отставание от наиболее развитых экономик мира не более чем на 20 лет.

* * *

Итак, проведенный аналитический обзор показал, как непросто России соответствовать вызовам XXI в., когда глобализация дала дополнительные шансы и стимулы многим развивающимся странам и обнажила наши уязвимые стороны. Несмотря на утрату некоторых своих позиций, для России переход в категорию стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала является задачей, достижимой в ближайшей перспективе. Но это потребует значительных усилий, как властей, так и самих граждан в большинстве регионов страны. К сожалению, в период с 1990 по 2006 г. России не удалось сохранить демографический потенциал, что проявилось в сокращении численности населения, короткой продолжительности жизни, особенно мужчин, а также высокой заболеваемости и смертности. Низкая эффективность труда сдерживала развитие, но после кризиса рост экономики России с 1999 до 2007 г. позволил вновь достичь уровня 1990 г., открыв тем самым перспективу движения к более значимым целям.

Наиболее проблемной составляющей развития человеческого потенциала остается долголетие. В первую очередь необходимо расширить возможности россиян прожить долгую и здоровую жизнь. Как показывает прогноз, даже в 2025 г. индекс долголетия в большинстве регионов страны не достигает критического значения 0,800, в то время как в странах ОЭСР он уже в 2004 г. был равен 0,880. Добиться сокращения бедности, снижения смертности детей и матерей, увеличения продолжительности жизни, особенно мужчин, невозможно без технологической перестройки, без перехода к экономике знаний, когда эффективность труда существенно возрастет, и квалифицированный труд будет достойно оплачиваться.

глава 13

Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития

Демографическая ситуация в современной России классифицируется как кризисная и кратко характеризуется одним словом — депопуляция. Этот процесс идет уже довольно давно, и его начало совпадает с началом либеральных реформ в России.

Естественный прирост населения России

Динамика естественного прироста населения России наглядно иллюстрирует успех, хотя и кратковременный, пронаталистской демографической и антиалкогольной политики 1980-х гг., а также исключительно негативное и долговременное воздействие на демографическую ситуацию в России прозападных реформ (рис. 13.1). Кризис 1998 г. еще более усугубил ситуацию. Однако стоило властям уделить даже весьма небольшое внимание нуждам граждан и отказаться от реформистской риторики, как это тут же положительно отразилось на демографических показателях. Таким образом, мы видим, что демографическая сфера весьма чувствительна к внешним воздействиям, как позитивным, так и негативным.

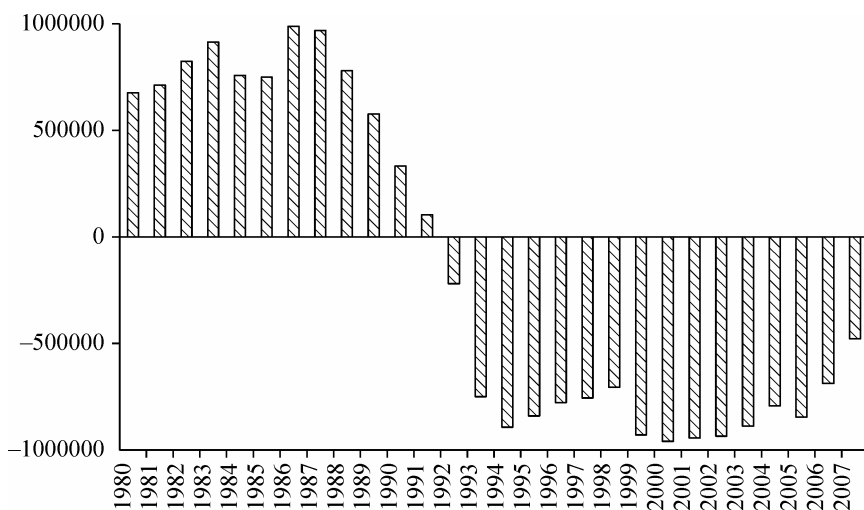

Рис. 13.1. Естественный прирост населения России, 1980—2007 гг., чел.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 58.

За 1992—2005 гг. только за счет превышения смертности над рождаемостью Россия потеряла свыше 11 млн человек. В период 1992—1999 гг. естественная убыль в среднем составляла свыше 700 тыс. человек ежегодно, а в 2000—2005 гг. — около 900 тыс. человек ежегодно. Ни одна страна в мире даже близко не имеет таких потерь населения в «мирное» время. *Это дает основание определить демографическую ситуацию в стране как чрезвычайную, а сохранение собственного населения должно рассматриваться, по нашему мнению, в качестве главного национального проекта.*

Следует отметить, что за общими средними показателями убыли населения скрываются весьма существенные территориальные различия. При средней по России убыли $-5,9\%$ во многих автономных округах и национальных республиках, даже в суровых по климатическим условиям, имеется высокий естественный прирост. В то же время исконно русские территории Центрального и Северо-Западного округов со старым населением охвачены сильнейшей депопуляцией, особенно на селе (табл. 13.1).

Таким образом, депопуляция русских в России еще более интенсивная, чем в среднем по стране. Об этом же свидетельствуют и данные переписей населения. Традиционно растущая из года в год численность русского населения России в 90-е гг. прошлого столетия при массовом притоке в Россию русского населения из государств, образовавшихся после распада СССР, впервые за несколько десятилетий претерпела сокращение. Если в межпереписной период 1979—1989 гг. численность

Таблица 13.1

Естественный прирост населения по регионам России, 2005 г., %

Регион	Всего	Город	Село	Регион	Всего	Город	Село
Чеченская Республика	19,8	30,5	14,3	Псковская область	-15,7	-11,4	-24,5
Республика Ингушетия	10,2	10,3	10,1	Тульская область	-14,2	-13,2	-18,6
Республика Дагестан	9,6	7,9	10,8	Тверская область	-13,8	-11,2	-21,4
Ямало-Ненецкий АО	7,7	7,5	9,1	Ивановская область	-13,3	-12,6	-16,2
Ханты-Мансийский АО—Югра	6,4	7,5	4,0	Новгородская область	-13,2	-10,1	-20,4
Республика Тыва	5,4	4,1	6,7	Смоленская область	-13,0	-9,6	-21,3
Таймырский АО	4,6	3,0	7,6	Рязанская область	-11,9	-8,6	-19,2
Республика Саха	4,1	3,7	4,8	Российская Федерация	-5,9	-5,4	-7,4

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2008. С. 72—91.

русского населения в России увеличилась почти на 10 млн человек, то в межпереписной период 1989—2002 гг. она сократилась на 4 млн, вследствие чего доля государствообразующего этноса России стала составлять только 79,8 % от всей численности населения России при 82,6 % в 1979 г.

Очень важно отметить, что отрицательный естественный прирост населения в России наблюдается при положительном миграционном приросте за счет обмена населением с зарубежными странами, составлявшем в 1990-е гг. от 200 до 800 тыс. человек в год (табл. 13.2). Однако этот миграционный прирост не смог компенсировать тех потерь, которые были связаны с превышением смертности над рождаемостью.

Сокращение численности населения в России происходит на фоне роста численности населения других стран мира. Так, например, население США только за 1990-е гг. выросло на 32,7 млн человек (это почти на 5 млн больше, чем численность населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, вместе взятых) и продолжает увеличиваться с темпом 1 % в год. По прогнозу Бюро переписей США, к 2030 г. население этой страны увеличится еще на 30 % по сравнению с 2000 г. и составит более 360 млн человек. В России же к началу 2025 г. численность населения может составить около 136 млн человек, сократившись по сравнению с началом 2007 г. еще на 6 млн человек [Демографический ежегодник..., 2007].

Сложившиеся в последние десять лет показатели рождаемости не обеспечивали уровень простого воспроизводства населения лишь на 40 % и менее. И хотя после 2000 г. много говорят о наметившемся в России приросте численности новорожденных, который даже объявляется некоторыми министрами и политиками успехом демографической политики, следует отметить, что этот прирост произошел в большей степени из-за структурных сдвигов и объясняется временным увеличением в населении доли женщин фертильных (плодовитых) возрастов,

Таблица 13.2

Динамика миграционного прироста населения России, 1990—2006 гг., тыс. чел.

Миграционный прирост	1990 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2005 г.	2006 г.
За счет населения зарубежных стран	183,8	252,9	440,2	845,7	519,5	213,6	35,1	107,4	132,3
В том числе стран СНГ и Балтии	287,2	355,7	553,7	914,9	612,2	266,8	74,6	133,3	144,1
других зарубежных стран	-103,4	-102,8	-113,5	-69,2	-92,7	-53,2	-39,5	-25,9	-11,8

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 411, 457.

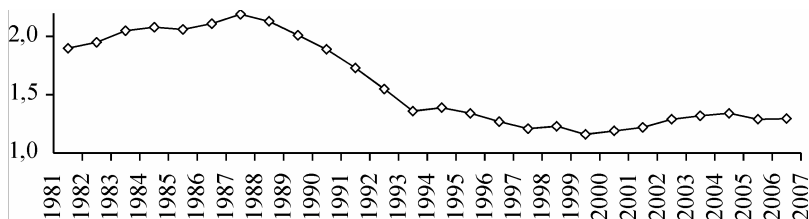

Рис. 13.2. Суммарный коэффициент рождаемости в России, 1981—2006 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 87.

родившихся в последнюю волну увеличения рождаемости в 1980-е гг. Суммарный же коэффициент рождаемости в 2006 г. составлял 1,296 родившихся детей в среднем на одну женщину в течение жизни и даже несколько понизился по сравнению с 2003—2004 гг. (рис. 13.2).

Важнейший «вклад» в депопуляцию России вносят аборт, не только значительно сокращая рождаемость, но также и повышая материнскую смертность. Россия была первой страной в мире, узаконившей аборт, вскоре после революции. В других странах легализация аборта началась гораздо позднее как следствие «сексуальной революции». Для сравнения, в США аборт были легализованы только в начале 1970-х гг., а в некоторых странах, в том числе европейских, они запрещены до сих пор.

Ежегодное число абортов в России до сих пор является одним из самых высоких в мире. Так, в 2005 г. в России только по официальной неполной статистике было прервано 1732 тыс. беременностей, что превысило число рождений на 275 тыс. чел. Если бы удалось сохранить хотя бы часть из этих беременностей, никакой депопуляции в стране бы не было. Причем в первой половине 1990-х, когда раскручивался маховик депопуляции, ситуация с абортами была еще хуже: из трех беременностей сохранялась только одна, а общее число прерванных беременностей составляло в 1990 г. 4103,4 тыс. Это говорит о глубочайшем моральном кризисе общества. *Аборты ежедневно уносят тысячи жизней*, но общество не бьет по этому поводу тревогу.

Оценка демографических потерь, связанных с абортами, показывает огромные резервы восстановления численности российского населения в XXI в. и возможности роста ее демографического потенциала.

Смертность населения как важный фактор сокращения демографического и трудового потенциала

В последние десять лет в России ежегодно умирают более 2,2 млн человек, в том числе более 1 млн человек трудоспособного возраста, 80 % которых составляют мужчины. При этом смертность мужского населения в молодых группах трудоспособного возраста в 3—5 раз пре-

вышает уровень смертности женщин аналогичного возраста и находится, по оценкам демографов, на одном уровне со странами, в которых идет войны.

Среди основных классов причин смерти российского населения выделяются смертность от болезней системы кровообращения (56,9 % всех смертей, данные за 2006 г.), от новообразований (13,2) и от внешних причин смерти (13,1 %), составляющих в общей сложности 83,2 % от общего числа смертей. Последнюю группу составляют такие причины как отравления, травмы, несчастные случаи, убийства и самоубийства. Эта группа смертности занимает первое место среди других для населения трудоспособного возраста. По всем трем основным группам причин смертности, начиная с 1990 г., наблюдалась негативная тенденция роста коэффициентов смертности. В целом за 1990—2006 гг. с учетом сокращения смертности после 2003 г. смертность от болезней системы кровообращения увеличилась на 246 чел., от внешних причин — на 65 чел., от злокачественных новообразований — на 7 чел. на каждые 100000 населения (табл. 13.3). Значительный прирост уровня смертности за рассматриваемый период отмечается среди мужского населения. Так, смертность от злокачественных новообразований и внешних причин у мужчин значительно превосходит женскую. Причем, если коэффициент смертности от злокачественных новообразований у мужчин превосходит аналогичный показатель у женщин на 40—45 %, то коэффициент смертности от внешних причин у мужчин в 3,5—4 раза выше. Особое внимание обращает на себя высокий уровень самоубийств и убийств среди мужского населения, а также смертность от отравлений алкоголем и всех видов несчастных случаев, связанных с транспортом (см. табл. 13.3). В 2006 г. от этих причин умерло 219 тыс. мужчин и 64 тыс. женщин.

Значительные различия в уровне смертности мужчин и женщин имеются и у населения трудоспособного возраста (рис. 13.3). В растущих показателях смертности мужского населения трудоспособного возраста увеличилась заболеваемость и смертность, в том числе молодого населения, прежде всего от алкоголизма, наркомании, токсикомании, несчастных случаев, травм, убийств и суицидов.

Около 10 % населения страны страдают социальными болезнями — алкоголизмом, наркоманией, туберкулезом, имеют серьезные проблемы с иммунодефицитом. С начала 1990-х гг. значительно увеличилась смертность от психических расстройств и расстройств поведения. Если в 1990 г. смертность по этой причине составляла 3,8 тыс. случаев, то в 1995 г. — около 15 тыс. случаев. При снижающейся численности умерших по этой причине в последующие годы смертность от психических расстройств в 2006 г. превышала уровень 1990 г. почти в 2 раза.

Сформировались долговременные негативные тенденции, в том числе ухудшение здоровья населения и качественных сторон его воспроизводства. В России каждое последующее поколение обладает худшим потенциалом здоровья, чем предыдущее, причем болезни и нездо-

Таблица 13.3

Динамика коэффициентов смертности по основным классам причин смерти, число умерших на 100000 человек населения

Причина смерти	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Всего умерших от всех причин	1119,1	1497,7	1529,0	1644,2	1596,0	1609,0	1520,6
в том числе:	1158,1/1084,8	1692,3/1325,8	1784,7/1348,5	1900,9/1421,0	1856,1/1370,3	1875,5/1380,0	1740,1/1331,2
из них							
от болезней системы кровообращения	618,7	790,7	846,1	927,5	895,4	908,0	864,7
в том числе:	509,5/714,9	730,1/844,2	801,6/885,0	912,6/940,5	890,6/899,5	905,9/909,8	845,7/881,2
от злокачественных новообразований	192,2	200,9	202,9	200,9	200,0	199,4	199,1
в том числе:	227,2/161,4	240,3/166,2	239,5/170,9	236,0/170,4	234,0/170,4	239,1/170,3	231,5/171,2
от внешних причин смерти	134,0	236,8	219,0	233,6	227,2	220,7	198,5
в том числе:	220,3/58,1	395,2/97,1	367,6/88,6	390,2/97,5	380,1/94,5	371,0/90,8	332,1/83,1
из них:							
от случайных отравлений алкоголем	10,9	29,5	25,6	31,4	29,7	28,6	23,1
в том числе: мужчины/женщины	18,4/4,2	49,0/12,4	42,4/10,8	51,8/13,7	49,1/12,9	47,7/12,0	38,5/9,9
от всех видов транспортных несчастных случаев	29,2	26,3	27,2	30,3	29,1	28,1	26,8
в том числе: мужчины/женщины	48,5/12,2	42,2/12,2	42,9/13,4	47,5/15,3	45,5/14,8	44,4/14,1	42,2/13,6
от самоубийств	26,5	41,4	39,1	36,1	34,2	32,2	30,1
в том числе: мужчины/женщины	43,9/11,7	72,9/13,7	70,3/11,8	64,9/11,0	61,6/10,7	58,1/9,8	53,9/9,5
от убийств	14,3	30,8	28,2	29,1	27,3	24,9	20,2
в том числе: мужчины/женщины	23,1/6,5	50,0/13,8	45,2/13,3	47,2/13,4	44,3/12,5	40,4/11,5	32,8/9,4

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 251—252.

ровье интенсивно перемещаются в сторону детства. Как отмечает Н. Римащевская, в настоящее время «в младших классах школ абсолютно здоровы лишь 10—12 % детей, в средних классах — 8 %, в старших — всего 5» [Интервью..., 2001]. Негативные тенденции наблюдаются и в оценке репродуктивного здоровья: ухудшается здоровье матерей и новорожденных, увеличивается число врожденных аномалий и

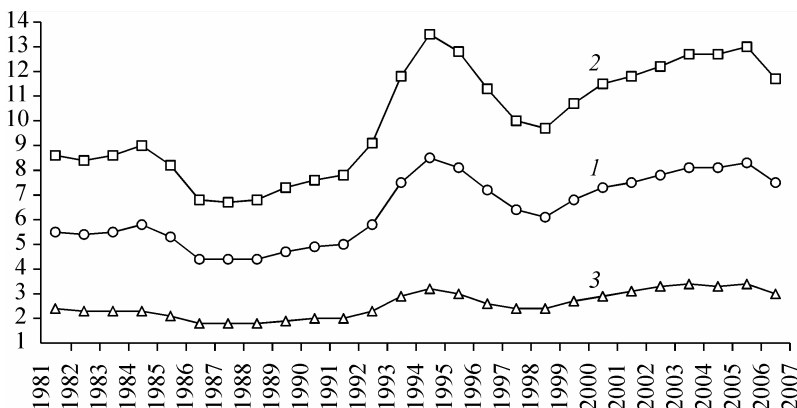

Рис. 13.3. Динамика коэффициентов смертности населения в трудоспособном возрасте, число умерших на 1000 человек соответствующих пола и возраста.

1 — мужчины и женщины, 2 — мужчины, 3 — женщины.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 180.

уродств. Все это свидетельствует о снижении качественных характеристик человеческого потенциала нашей страны.

Растущие показатели смертности населения сформировали негативную тенденцию и в изменении ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении россиян (рис. 13.4).

Особенно резкое падение произошло при переходе от 1992 г. к 1993 г. Совершенно очевидна четкая и незамедлительная реакция показателя ОПЖ на ухудшение условий существования вследствие социально-экономического кризиса 1990-х гг.

Ясно, что кризисные явления в обществе — одна из важнейших причин снижения ОПЖ, однако, не единственная. На их фоне продолжают действовать отрицательные долговременные тенденции: загрязне-

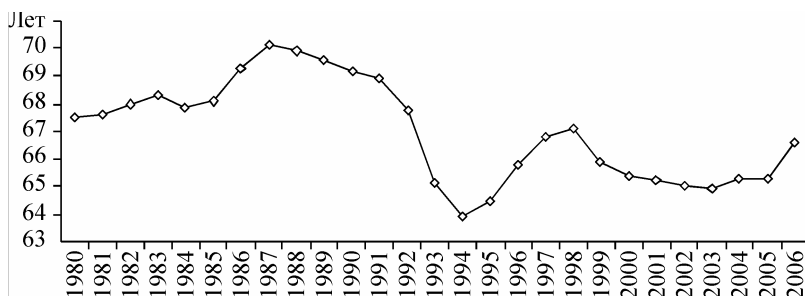

Рис. 13.4. Ожидаемая продолжительность жизни в России, 1980—2006 гг.

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 95.

ние окружающей среды, нездоровое питание, снижение физической активности, вообще пренебрежение к своему здоровью и вредные стереотипы поведения. Особенно в этой связи следует отметить такую проблему как алкоголизм, который сам по себе отнюдь не способствует росту ОПЖ, в том числе и в перспективе для последующих рожденных поколений, но и вдобавок повышает смертность от несчастных случаев, отравлений, травм, убийств и самоубийств, которые во многих случаях (до 50 % и выше) происходят под влиянием алкоголя.

Особенно высоки темпы сокращения показателей продолжительности жизни были у населения трудоспособного возраста. Только за 1991—1993 гг. среднее число лет предстоящей жизни у мужчин трудоспособного возраста, например, в Омской области сократилось на 3,5 года, в Новосибирской, Тюменской и Томской областях — на 5 лет, в Кемеровской — на 5,8 года. Для женщин трудоспособного возраста это сокращение по этим же областям Сибири составило 1,7—3,5 года.

Ни в одной стране мира нет такого огромного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин, в отдельные годы (1993—1995 гг., 2000—2005 гг.) он превышал 13 лет.

Необходимо отметить, что сокращение продолжительности жизни в России в эти годы происходило на фоне роста аналогичных показателей в экономически развитых странах. В 1992—1993 гг. в США величина показателя ОПЖ для мужчин была равна 72,2 года, для женщин — 79,2 лет, в большинстве других развитых стран — в границах 72—75 лет и 79—81 год, а в Японии — 76,5 лет и 83,1 года для мужчин и женщин соответственно. В последующие годы эти показатели продолжали расти, и к 2003 г. ОПЖ в США составляла 74,6 года для мужчин и 80,1 — для женщин, в Японии к 2004 г. — 78,6 лет для мужчин и 85,6 — для женщин. В России ОПЖ в 2006 г. составляла 60,4 года для мужчин и 73,2 — для женщин.

Исторически сложилось так, что уровень ОПЖ в России падает в направлении с юго-запада на северо-восток, из давно освоенных регионов с благоприятными климатическими условиями и развитой социальной инфраструктурой в регионы нового освоения с экстремальным климатом.

Лидерство по ОПЖ среди российских регионов уверенно держат, как это ни парадоксально, республики Северного Кавказа, несмотря на свои самые низкие в России показатели валового регионального продукта на душу населения и высокую хроническую безработицу еще со времен СССР, особенно среди молодежи. Между тем во всем мире, как правило, ОПЖ выше в экономически более развитых регионах. Особо отметим занимающую первое место Республику Ингушетию, которая приняла в 1990-е гг. большое число беженцев из Чечни. Ожидаемая продолжительность жизни в ней в последние годы растет в отличие от большинства субъектов РФ. Часто причину относительно высокой продолжительности жизни в этих республиках видят, среди прочих, в прак-

тическом отсутствии среди мусульманского населения алкоголизма, который столь пагубно влияет на ОПЖ в депрессивных регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока и которому в особенности подвержены коренные народы Сибири и Севера (табл. 13.4). Кроме того, возможность вести подсобное хозяйство в условиях благоприятного климата и развитые родовые связи и взаимопомощь делают человека более устойчивым ко всякого рода кризисам и воздействиям извне. А традиционно существующее на Кавказе уважение к пожилым людям, которые не ощущают себя ущербными, балластом для общества, а наоборот, выполняют важную функцию передачи знаний, традиций новым поколениям, чувствуют себя нужными, способствует большей продолжительности жизни.

В то же время в местах проживания коренных народов Севера и Сибири ОПЖ — одна из самых низких. Мусульманские народы жестко оберегают свою культуру от вторжения чуждых норм и ценностей, в то время как коренным народам Севера и Сибири был навязан не свойственный им образ жизни.

Чем дальше на восток страны, тем хуже показатели смертности: СФО и ДФО замыкают список округов по ОПЖ. Например, в течение продолжительного периода времени самое последнее место по ОПЖ в России, причем с большим отрывом, занимала Республика Тыва — 56 лет, в том числе у мужчин — 51 год, у женщин — 62 года. Однако в последнее время еще худший результат демонстрирует Корякский автономный округ — 51 год, у мужчин — 45 лет, у женщин — 61 год (все данные за 2005 г.). Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин в 16 лет свидетельствует о том, что важнейшим фактором смертности является сильнейшая алкоголизация населения. Такое вопиющее положение со смертностью в данном регионе, а также весьма негативная

Таблица 13.4

Коэффициенты смертности мужчин трудоспособного возраста от внешних причин, 2006 г., на 100 000 лиц трудоспособного возраста

Регион	Коэффициент смертности
Республика Ингушетия	74,7
Чеченская Республика	94,7
Республика Дагестан	106,5
Российская Федерация	394,2
Эвенкийский автономный округ	867,8
Республика Тыва	804,3
Агинский Бурятский автономный округ	755,7
Республика Алтай	738,0
Корякский автономный округ	730,2

Источник: Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 2007. С. 351—357.

социально-экономическая ситуация требуют вмешательства центральных властей.

Динамика численности населения и миграция

Значительные изменения произошли и в миграционных процессах, формирующих демографический и трудовой потенциал регионов России. В частности, в 1990—2006 гг. произошло значительное снижение миграционной активности россиян: число прибывших и число выбывших в пределах России за этот период сократилось более чем в два раза. Значительно сократилась роль дальних переселений: в России на долю межрегиональной миграции приходится только 43,4 %, а доминируют внутрирегиональные перемещения — 56,6 % [Демографический ежегодник..., 2007]. Одновременно с этим из-за сокращения демографических ресурсов села, роста цен на городское жилье и неразвитости рынка жилья замедляется экстенсивная урбанизация в виде масштабного сельско-городского перераспределения населения.

Особенности формирования населения в субъектах Российской Федерации и существенная дифференциация уровня рождаемости в регионах России усугубляют диспропорцию в населенности регионов. Меняются и направления расселения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в крупные урбанизированные центры. В результате в центральных районах европейской части страны на фоне резкого снижения рождаемости возрастает доля людей пенсионного возраста, усугубляя процесс депопуляции, а в регионах Дальнего Востока и Сибири депопуляция сопровождается еще и миграционным оттоком, сокращая демографический и трудовой потенциал этих территорий. За 1990—2007 гг. население Дальневосточного и Сибирского федеральных округов сократилось более чем на 3 млн человек. При этом вектор сокращения численности населения в субъектах федерации восточных регионов страны имел четкую направленность с запада на восток: чем ближе территория к восточным рубежам страны, тем интенсивнее в ней происходило сокращение населения; межрегиональная (внутрироссийская) миграция, много лет служившая важным фактором формирования структуры и источником прироста населения Сибири и Дальнего Востока, становится фактором убыли населения этих территорий.

Значительное снижение численности населения порождает геополитическую опасность, грозит национальной безопасности страны. Обезлюдение обширной и богатой природными ресурсами территории может привести к тому, что соседние государства найдут для аннексии десятки аргументов, например: восстановление исторической справедливости, достижение устойчивого планетарного развития, «правовые» и «гуманитарные» территориальные притязания. Демографический вакуум может заполняться людскими и экономическими ресурсами из других стран.

Особенно это важно в связи со сложившимися нарастающими потоками в восточные районы страны трудовой иммиграции титульного населения сопредельных стран ближнего и дальнего зарубежья (см. главу 19 «Человеческий потенциал иммиграции»). Снижение численности россиян, замещение их иммигрантами может привести к существенной деформации этнодемографической и, возможно, этнополитической ситуации в пограничных районах страны. Кроме того, (особенно после 2004 г.) миграционный обмен не эквивалентен, снижает качественные характеристики трудоспособного населения: восточные регионы России теряют высококвалифицированных специалистов, а получают из других стран низкообразованное население.

Таким образом, произошедшие в последние пятнадцать лет изменения существенно сократили демографический потенциал России и будут иметь долговременные как демографические, так и социально-экономические последствия. Кроме того, ситуация обостряется активным оттоком из России квалифицированных кадров, особенно молодежи, что ведет к снижению научного, творческого, культурного потенциалов российского общества и обостряет проблему технологической зависимости России от развитых стран мира.

Как показывают расчеты предположительной численности населения России до 2026 г. [Демографический ежегодник..., 2007], в будущем демографическая ситуация, сложившаяся в стране, если не предпринять никаких мер, приведет к значительному сокращению численности населения на всем промежутке времени, а также к высоким темпам старения населения.

Здесь следует сделать важное замечание о том, что все подобные демографические расчеты ни в коем случае не должны приниматься за прогноз и считаться истиной в последней инстанции. Они отражают лишь проекцию сложившейся демографической ситуации в случае, если не будет принято радикальных мер по ее улучшению. И, следовательно, должны не повергать в состояние шока от ужасного будущего, сопровождающегося полным параличом воли и способности мыслить, а стать руководством к мобилизации и решительным действиям широким фронтом. И, прежде всего, следует донести информацию по всевозможным каналам, включая образовательные, о тяжелом демографическом положении России и возможных негативных последствиях до самых широких слоев населения, в особенности до молодежи, которая практически не информирована об этой проблеме и которой, собственно, и предстоит ее решать.

К 2010 г. по сравнению с 2000 г. в половозрастной структуре населения России сократится доля детей и подростков на 4,2 % и увеличится доля населения пенсионного возраста на 2 % (табл. 13.5).

Население трудоспособного возраста России в ближайшее десятилетие сократится значительно меньше в связи с тем, что до 2006 г. численность его росла, продолжая тенденции прошлых лет. За 1989—

Таблица 13.5

Динамика численности населения Российской Федерации, 2000—2010 гг., тыс. чел.*

Данные	Численность населения, тыс. чел.	В том числе по основным возрастным группам			Доля возрастных групп в общей численности населения, %		
		мужчины и женщины, 0—15	мужчины 16—59, женщины 16—54	мужчины 60 и более, женщины 55 и более	мужчины и женщины, 0—15	мужчины 16—59, женщины, 16—54	мужчины 60 и более; женщины 55 и более
		2000 г.					
Фактические	145559	29049	86302	30208	20,0	59,3	20,7
		2002 г.**					
Фактические	145167	26327	88942	29778	18,1	62,4	20,5
		2007 г.					
Фактические	142221	22719	90152	29351	16,0	63,4	20,6
		2010 г.					
Расчетные	138134	21868	84975	31291	15,8	61,5	22,7
		Изменения за 2000—2010 гг.					
Расчетные	-7425	-7181	-1327	1083	-4,2	2,2	2,0

* В основу оценки предположительной численности населения по Российской Федерации были положены расчеты, проведенные Государственным комитетом РФ по статистике до 2016 г. с учетом сложившихся к концу 2000 г. тенденций. Из трех рассчитанных Госкомстатом вариантов, описывающих различные сценарии демографического развития территорий (оптимистический вариант, пессимистический и средний), выбран средний как наиболее вероятный вариант развития.

** Данные переписи населения 2002 г. на 9 октября.

2007 г. численность населения трудоспособного возраста увеличилась на 6,4 млн человек. Это увеличение происходило в основном за счет пополнения молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст, родившегося в 1980-х гг., когда в СССР проводилась активная пронатальная и антиалкогольная политика.

Демографическая нагрузка за счет снизившейся нагрузки детьми в 2006 г. составила 580 чел. на тысячу населения — это самый низкий показатель за всю историю. Таким образом, в настоящее время доли наиболее активных групп населения — лиц в рабочих возрастах, призывных контингентов, женщин фертильного возраста максимальны. И, тем не менее, имеются проблемы как с трудовыми ресурсами, набором в армию, так и с рождаемостью, которая в 1,6 раз ниже смертности. В то же время пенсионная реформа, едва начавшись, не может обеспечить пен-

сии даже на уровне прожиточного минимума. Однако после 2006 г. доля населения трудоспособного возраста начнет активно сокращаться по основной части субъектов РФ, со всеми негативными последствиями, а дефицит трудовых ресурсов в России в ближайшем будущем станет главным лимитирующим фактором развития, в том числе восточных регионов страны [Соболева, Чудаева, 2005]. К 2010 г. коэффициент демографической нагрузки возрастет до 602 человек на тысячу населения трудоспособного возраста, из которых 255 будут составлять дети и подростки и 347 — лица старше трудоспособного возраста [Демографический ежегодник..., 2007].

Высокие темпы падения рождаемости в 1989—1995 гг. сформировали отрицательную демографическую волну, последствием которой через 10—15 лет будет ничем не восполнимый «демографический провал» в молодых группах репродуктивного и трудоспособного возраста. Параллельно с сокращением демографического потенциала сокращается и мобилизационный потенциал России. Уменьшение численности юношей призывного возраста является угрозой обороноспособности страны и диктует необходимость пересмотра условий формирования российской армии.

* * *

Подводя итог данной главе монографии, необходимо отметить, что демографический кризис в России связан с наличием серьезных кризисных явлений в обществе. Именно они обуславливают низкий уровень здоровья, высокий уровень смертности, ухудшение репродуктивного здоровья, качественных характеристик воспроизводства населения и формирования демографического и трудового потенциала России.

В России сложилась весьма негативная демографическая ситуация, гораздо худшая, чем в «застойные» 1980-е гг.: рождаемость — исключительно низкая и далекая от уровня простого воспроизводства, а показатели смертности в настоящее время существенно хуже, чем были в начале 1960-х гг. Все это приводит к постоянному и значительному сокращению численности россиян. Более того, сформировались долговременные негативные тенденции, в том числе ухудшение здоровья населения, включая репродуктивное. Поэтому чем дольше будет затягиваться решение демографических проблем, тем труднее будет добиться положительных результатов. Если меры не будут приняты, то, даже без учета многих других негативных факторов, только в результате понижения населения показатели рождаемости и смертности могут в дальнейшем еще более ухудшиться. Негативное воздействие депопуляции пока не проявляется в полной мере за счет относительно высокой доли лиц фертильного возраста.

Происходит трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и детей. В частности, растут число и доля од-

нодетных и бездетных семей, число неполных семей в результате разводов, овдовения и внебрачных рождений, увеличивается доля детей, рожденных матерями, не состоящими в браке, постепенно сокращается не только фактическое, но и желаемое число детей, растет число беспризорных детей и увеличиваются масштабы социального сиротства, и таким образом в настоящее время закладываются факторы воспроизводства, ухудшающие демографическую ситуацию в будущем.

Необходимо принять весьма серьезные и долговременные меры, в противном случае будущее России — под угрозой.

ГЛАВА 14 | **Современные тенденции в сфере брака и семьи: опыт анализа на макро- и микроуровне**

На современном этапе развития российского общества — идеологии, политики, экономической науки — считается, что трансформация демографической сферы, институтов брака и семьи происходит в России под определяющим влиянием социально-экономической ситуации, экономических факторов. Поэтому, с одной стороны, динамика процессов брачности, рождаемости объясняется (по традиции) уровнем экономического развития общества в целом и его отдельных территорий. С другой стороны — человеческий капитал, особенно его «экономическая» часть считается (по традиции же) важным фактором экономического развития страны, региона. В этом (экономическом) смысле современные процессы воспроизводства населения в Сибири, как и во всей России, можно охарактеризовать как остро проблемные — отрицательный естественный прирост в результате высоких показателей смертности и низких показателей рождаемости, постарение возрастной структуры. Поскольку эти процессы происходят на фоне общих глубоких и болезненных экономических и социальных перемен, то и неудивительно, что зачастую их рассматривают как прямое следствие этих перемен. Причем речь идет не только об идеологах-политиках, публицистах, обывателях, но и о специалистах — экономистах, социологах.

Вообще, демографическая и экономическая компоненты развития любого общества проявляют относительную согласованность. Но в то же время они и относительно автономны в процессе исторического развития. С одной стороны, это — социально-экономическое устройство общества: экономические, политические, юридические, идеологические

и др. публичные институты — и уровень экономического развития общества. С другой — режим воспроизводства населения, демографическая ситуация, брак, семья*. Изучение и экономической, и демографической составляющих жизни общества включает в себя анализ:

количественных сдвигов, происходящих на социальном уровне, поскольку речь идет о массовых событиях, институциональной структуре;

качественных перемен в структуре ценностных ориентаций, нормах, установках, представлениях, поведении людей — на работе, в семье. Речь идет об индивидуальных жизненных траекториях, о событиях в частной жизни, будь то экономические или демографические (интимные, частные) события в жизни людей.

При изучении современной демографической ситуации в Сибири и России в целом важно выяснить, насколько она «уникальна», сильно ли она зависит от происходящих в стране социально-экономических перемен, кризисов и каков механизм этой зависимости. Это необходимо для выявления ситуации демографического настоящего и будущего Сибири и России. «Если речь идет о простой реакции на экономический и социальный кризис 1990-х гг., то можно надеяться, что по мере преодоления этого кризиса улучшится и демографическая ситуация. Если же главные демографические тенденции имеют более глубокие причины и более давнее происхождение, то, возможно, нет и оснований для подобного оптимизма» [Вишневский, 2004. С. 2—4]. Ведь известно, что самый низкий уровень рождаемости демонстрируют наиболее богатые страны, но и уровень смертности в тех странах самый низкий в мире. Так что для понимания происходящего на социальном уровне надо рассматривать все главные демографические процессы, участвующие в формировании населения, — смертность, рождаемость и миграцию в Сибири (и в России) в двух контекстах: внутрироссийском и глобальном.

Важным моментом, который необходимо принимать во внимание при исследовании современных процессов формирования семейной структуры населения, является то, что макроуровневые демографические характеристики процессов брачности, разводимости, рождаемости, фиксируемые государственной статистикой и переписями населения, складываются в результате поведения людей в соответствующих сферах их частной жизни — на микроуровне. И это индивидуальное поведение людей в сфере семьи, брака и его социальная обусловленность является предметом изучения социологии семьи, брака, социологии частной жизни.

Во второй половине XX в. в России, как и во многих индустриальных странах, брак и семья претерпели глубокие изменения. Важнейшая

* Именно на идее относительной автономности экономической и демографической сфер зиждется тезис Ф. Энгельса о том, что *воспроизводство как базис общества* включает в себя воспроизводство *средств для жизни* и воспроизводство *самой жизни, семью* [Энгельс, 1978].

отличительная черта брачного поведения — поздний возраст вступления в брак — в странах Запада повсеместно усугубилась, а в последние годы брак стал «стареть» и в Восточной Европе, и в России. Разводы стали широко распространенным явлением повсюду; Россия по уровню разводимости занимает второе место в мире, после США. Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, рождение детей далеко не всегда происходит в официально зарегистрированном браке. На место стандартной последовательности событий, формирующих семью, в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей.

Но вместе с тем показатели на глобальном уровне, характеризующие большие группы стран или столь неоднородные общества, как российское, демонстрируют удивительную схожесть демографических характеристик. Более того, перестают «срабатывать» такие ранее общепризнанные факторы дифференциации брачного, репродуктивного поведения, как уровень благосостояния, национальность, образование, занятость женщин вне дома, квалификация, место проживания (город—село). Сглаживается и региональная дифференциация демографических показателей.

Рождаемость и брачность: современные взаимосвязи на макроуровне

Нормы и правила брачного, репродуктивного, семейного поведения в современных обществах претерпели существенную трансформацию в направлении повышения автономности каждого из этих видов поведения. В результате брак перестал быть средством воздействия на течение процесса рождаемости, как это было в России еще в первой половине XX в.

На ранних стадиях демографического перехода (от высоких уровней смертности и рождаемости на низкие) в европейских странах (XVIII—XIX вв.) массовый характер приняло откладывание браков как мера регулирования рождаемости [Хаджнал, 1979]. На последующих этапах распространилось внутрисемейное регулирование деторождений и уровень брачности стал постепенно утрачивать свое значение как фактора рождаемости (но продолжает сохранять смысл характеристики социального благополучия в обществе). В результате (первого) демографического перехода произошло существенное снижение рождаемости в большинстве европейских стран. К 1930-м гг. и рождаемость, и смертность были в этих странах на низком уровне.

Для России откладывание брака как способ регулирования рождаемости не был характерен никогда — брачность всегда была ранней и практически всеобщей. Более распространенным в России способом было и остается внутрисемейное регулирование деторождения.

В XX в. устойчивости характеристик ранней брачности в России способствовало ослабление традиционных запретов на добрачные сексуальные отношения (1920-е гг., а также войны и другие социальные пертурбации). На фоне невысокой культуры контрацепции добрачные зачатия стимулировали и ранние браки. Но далеко не все до- и внебрачные зачатия приводили раньше и приводят в наше время к свадьбе; многие из них заканчиваются абортom или внебрачным рождением.

Внебрачные рождения стали довольно распространенным явлением в России в военные и послевоенные годы (1945—1959 гг.). Затем их уровень значительно снизился, но с 1980-х гг. начал постепенно повышаться и к концу XX в. уже составлял 28—30 % от всех рождений [Иванова, Михеева, 1998]. Аналогичная ситуация с внебрачными рождениями происходит в это время и в большинстве европейских стран, причем во многих странах, например Швеции, Франции, Великобритании, доля внебрачных рождений составляет от 40—50 до 70—80 %. По мнению исследователей — демографов и социологов, современные внебрачные рождения не всегда обозначают, что ребенок растет в семье матери-одиночки. Зачастую это происходит в том случае, когда родители ребенка являются партнерами-сожителями, не заключившими официальный брак. И этот процесс — распространение незарегистрированных бракоподобных союзов — приобретает массовый характер как в России, так и в европейских странах, где уровень рождаемости составлял 10—12 ‰. До 1980-х гг. такие процессы наблюдались в Дании, Швеции, странах Северной Европы. С середины 1980-х отказы от официального брака стали распространяться в Греции, Португалии, Испании. В некоторых странах: Дании, Испании, Швеции, Великобритании и др. — такие союзы легализованы (институционализированы), т. е. юридически являются семьей. Однако, рождения детей, происходящие в таких семьях, фиксируются статистикой как «внебрачные», поскольку родители не состоят в официальном браке.

Специфические черты трансформации институтов брака и семьи, проявляющиеся на макроуровне в тенденциях брачности и рождаемости в Европе, оказались настолько схожими для многих стран, что весь процесс теперь называют *вторым демографическим переходом* [Van de Каа, 1987]. Начало второго демографического перехода можно условно датировать серединой 60-х гг. XX в., после Второй мировой войны и после «бэби-бума», последовавшего за ней. Принципиальная количественная черта второго перехода — снижение рождаемости от уровня немного выше простого воспроизводства — 2,1 рождений на женщину, что уравнивалось балансом рождений и смертей, а население сохранялось постоянным (стационарным) продолжительное время, — до уровня ниже простого воспроизводства. Анализ глобальных тенденций, проведенный С. Ивановым, показывает, что «в настоящее время коэффициент суммарной рождаемости (КСР) опустился ниже двух детей на женщину

во всех европейских странах (кроме Албании), в Северной Америке, всех странах Восточной Азии (кроме Монголии), Австралии и Новой Зеландии. Кроме того, рождаемость снизилась ниже этого порога в чetyрех из семи бывших республик СССР, расположенных в Азии, шести карибских государствах и трех африканских странах. Вследствие завершения демографического перехода... число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений, выросло с 13 в 1970 г. до 66 в 2002 г.» [Иванов, 2002].

Среди развитых стран С. Иванов выделяет три группы:

страны с рождаемостью «почти достаточной для возобновления поколений» (Австралия, Ирландия, Новая Зеландия и США);

страны со «средней» рождаемостью, характерной для Северной и Западной Европы, где КСР находится в интервале от 1,5 (Нидерланды, Великобритания (Соединенное Королевство), Финляндия) до 1,8 (Дания, Норвегия, Франция);

остальные страны, где рождаемость наиболее низка, причем в некоторых из них КСР не превышает 1,2 (Болгария, Гонконг, Латвия, Италия, Испания, Россия, Чехия).

Несколько иную типологию рождаемости — с учетом уровня общего показателя рождаемости, возрастного профиля и календаря рождений — строит в своем анализе И. Калабихина [2002]:

западноевропейский тип — характеризуется: а) «старой» рождаемостью (более старшим возрастом при рождении (первых) детей), б) высокой долей сознательной (не биологической) бездетности, в) низким уровнем рождаемости — более эффективным внутрисемейным регулированием;

восточноевропейский тип — характеризуется: а) «молодой» рождаемостью (более младшим возрастом при рождении (первых) детей), б) сравнительно низкой долей сознательной бездетности, в) низким уровнем рождаемости, но неэффективным внутрисемейным регулированием деторождения;

азиатский тип — характеризуется: а) низким возрастом матери при первых рождениях, б) низкой долей сознательной бездетности, в) относительно высоким уровнем рождаемости.

В рамках этой классификации И. Калабихина относит Россию к «восточноевропейскому» типу [Там же]. Если рождаемость остается ниже уровня воспроизводства, что наблюдается в Европе и в России, и не компенсируется иммиграцией, то численность населения рано или поздно будет снижаться, как это происходит уже с начала 1980-х гг. в Австрии, Дании, Германии (ФРГ) и Венгрии. На рубеже веков отрицательный прирост населения наблюдался и в других, в основном восточноевропейских, странах. Изменения в двух других переменных, которые формируют численность населения этих стран — смертности и миграции, — имеют относительно небольшое значение во время второго демографического перехода.

Как видно, в России в последней четверти XX в. процессы в сфере брачности и рождаемости были в целом аналогичны европейским. Аналитики выделяют специфические российские этапы макроуровневых изменений брачности и рождаемости: направления (типы) изменений и соответствующие им значения показателей. (Главная специфическая российская черта трансформации состоит в том, что здесь институциональные изменения брака и рождаемости на всех этапах происходят на фоне относительно высокой смертности.)* Так, С. Захаров выделяет временные этапы и соответствующие им количественные и качественные характеристики брачности и рождаемости в России по степени модернизационных изменений — в терминах первого и второго демографических переходов [Захаров, 2002]:

первый демографический переход: снижение рождаемости в России началось в середине XIX в. — в среднем на 30—40 лет позднее, чем в европейских странах, с более высокого уровня, по сравнению с ними, но и более интенсивно — примерно за 70 лет произошел переход на низкую рождаемость (КСР = 2 был уже у поколений женщин, родившихся во второй половине 1920-х и в 1930-е гг.);

второй демографический переход: новейшие тенденции в эволюции рождаемости в России обнаруживаются с середины 1990-х гг. Его (перехода) индикаторы-предикаторы: быстрое снижение рождаемости в самых молодых возрастах, откладывание рождения первенца в реальных поколениях, быстрое повышение возраста вступления в первый брак, сильное сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет, возрастание вклада старших возрастных групп матерей в итоговую рождаемость, уменьшение доли «вынужденных» браков, стимулированных внебрачными зачатиями.

Главная качественная (поведенческая) черта второго перехода, проявляющаяся в статистических показателях, — это изменение общепринятой последовательности и смысла событий, участвующих в процессе формирования семьи. Дирк ван де Каа выделяет здесь четыре принципиальных момента [Van de Каа, 1987]:

- 1) поворот от «золотого века» брака к распространению сожителства и его оборотной стороны — внебрачным рождением;
- 2) поворот от детоцентристского типа семьи к супружеской семье с ребенком, где центром отношений являются чувственные, любовные (супружеские);

* Особенно явно эти кризисные тенденции наблюдаются с 1980-х гг., но как ни странно, они тревожат общественное и научное мнение в России гораздо меньше, чем тенденции рождаемости. Например, А. И. Антонов, В. И. Медков и А. Б. Синельников [2002] пишут, что «неверно считать снижение смертности до европейского уровня ... преимущественным средством борьбы с убылью населения. Таковым является лишь повышение нынешней рождаемости...».

3) поворот от контрацептивного поведения как предупреждающей зачатие компоненты репродуктивного поведения к контрацепции как самоценной компоненте сексуального поведения;

4) поворот от единообразия моногамии к плюрализму форм семьи и домохозяйства.

Оценивая взаимосвязи брачности и рождаемости с экономической, политической, социальной ситуациями в России и в других странах (на макро- и микроуровнях), С. Захаров, А. Вишневецкий, С. Иванов и другие демографы единодушны в том, что формирование семьи и рождение детей у будущих поколений все в меньшей степени будет зависеть от макроэкономических и социально-политических параметров среды, не зависящих от индивида. «В своем демографическом поведении человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, “настраивая” индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств» [Захаров, 2002. С. 22].

Из теоретических представлений, объясняющих изменения в демографической сфере, следует, что если количественные значения показателей рождаемости и брачности проявляют некоторые колебания или региональную специфику, то, скорее всего, это результат влияния существующих еще структурных факторов (например, более молодого состава населения). Другой причиной, связанной с первой, является влияние тех или иных конъюнктурных (недемографических) факторов*, а не принципиальный поворот в ходе трансформации норм и правил поведения людей в семье, в частной жизни.

Динамика рождаемости и брачности в Сибири в 1990—2002 гг.: общее и особенное с позиций макроуровня

Основные тенденции рождаемости и брачности в Сибирском регионе в сравнении с РФ в целом, с другими странами состоят в том, что на нынешнем этапе развития демографической сферы региона (конец 1990—начало 2000-х гг.) существенно сглаживается и внутренняя российская (региональная), и межстрановая дифференциация.

Но анализ статистических данных усложняется тем, что за рассматриваемый период изменилось административно-территориальное деление региона Сибирь, а именно: области, края и автономные округа, входившие в регионы Западная Сибирь и Восточная Сибирь, в 1998 г. были объединены в Сибирский федеральный округ; из прежнего состава региона Западная Сибирь была исключена Тюменская область (с входя-

* Несомненно, что в России, как и в других восточноевропейских странах, таким фактором-«катализатором» послужили политические и экономические преобразования, начавшиеся в конце 1980-х гг.

щим в нее Ханты-Мансийским автономным округом), приписанная тогда к Уральскому федеральному округу.

Поэтому, насколько это возможно, при анализе региональных процессов рождаемости и брачности будем придерживаться сопоставимости, имея в виду население одних и тех же административных территориальных единиц (АТЕ). Как видно, теперь регион Сибирский федеральный округ, в отличие от прежнего региона Западная Сибирь состоит из довольно неоднородных групп населения — по степени прохождения демографического перехода. Но, в то же время, здесь представлены такие уникальные в демографическом смысле территории, как, например, Республика Тыва и Республика Хакасия, где уже в 1980-х гг. внебрачная рождаемость была самая высокая в России и в СССР в целом.

Особенности региональных демографических процессов с позиций концепции демографических переходов рассматривает в своих работах С. Захаров [Захаров, 1990; Захаров, Иванова, 1996]. Его исследования базируются на результатах статистического анализа большого числа региональных демографических показателей за почти вековой период времени (КСР, нетто-коэффициент воспроизводства — НКВ, коэффициент материнской смертности — КСМ, индексов Коула и др.). В результате анализа С. Захаров построил типологию административно-территориальных единиц России и сделал выводы, важные для целей современного анализа и понимания «сибирских» тенденций и закономерностей на макроуровне. Главная тенденция, выявленная им, состоит в многократном уменьшении региональной дифференциации за период 1959—1992 гг. по сравнению с допереходным состоянием. Следующим фактором, важным для понимания демографической ситуации в Сибири, является то, что административно-территориальные единицы СФО размещаются во всех пяти типах регионов по уровню КСР, начиная с самого высокого (Тува, Хакасия, Якутия, Бурятия и др.) и до самого низкого (Новосибирская, Томская области, Алтайский край).

В следующий период — 1990-е гг. и начало 2000-х гг. — эти тенденции продолжились; возможно, произошло ускорение переходных процессов. Этот период можно охарактеризовать для России (и в том числе Сибири), для стран СНГ, для восточноевропейских стран как экономически и политически «кризисный»; в западноевропейских странах особых кризисов не происходило. Но тенденции брачности и рождаемости, проявляющиеся на протяжении всего XX в., во всех обществах продолжают свою траекторию: «конвергенция регионов как на межстрановом, так и на внутристрановом уровне преобладает над дивергенцией» [Захаров, Иванова, 1996. С. 110].

Сибирский федеральный округ в 2002 г. занимал второе место в РФ по уровню рождаемости, вслед за Южным. Высокий уровень рождаемости в Сибири складывается за счет практически всех сибирских национальных (автономных) округов (табл. 14.1). В Новосибирской же, Омской, Томской, Иркутской, Читинской областях значение коэффициен-

Таблица 14.1

Динамика общих коэффициентов рождаемости, число родившихся на 1000 населения

Регион	1990	1995	1999	2006	Место, занимаемое в РФ в 2006
Российская Федерация	13,4	9,3	8,3	10,4	
Сибирский федеральный округ	14,6	9,9	9,1	11,6	2
В том числе					
Республика Тыва	26,2	20,0	15,7	19,3	2
Республика Алтай	19,2	14,2	13,4	16,6	4
Агинский Бурятский автономный округ	24,1	16,9	14,7	17,8	5
Новосибирская область	12,9	8,5	7,9	10,5	42
Южный федеральный округ	16,6	11,6	9,7	11,7	1
В том числе					
Республика Дагестан	26,2	21,9	17,9	15,3	1
Республика Ингушетия + Чеченская республика	24,6	23,8	16,4	15,1	9
Ростовская область	12,5	9,2	7,6	9,5	63

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Стат. сборник. М.: Росстат, 2003. С. 56—57; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сборник. М.: Росстат, 2007. С. 76—77.

тов рождаемости (общих и суммарных) довольно низкие (см. табл. 14.1, 14.2).

Начиная с 2000 г. численность родившихся повышается — в России в целом, практически во всех регионах, и в Сибири тоже. Судя по уже имеющимся оценкам, это повышение продолжается и в настоящее время. Соответственно, растет и общий коэффициент рождаемости. Главной причиной этого роста все аналитики признают «демографическую волну», т. е. многочисленность поколения 1980-х гг. рождения, вступивших в репродуктивный возраст на рубеже XX—XXI вв. Так что нынешние большие числа родившихся были в большой мере предсказуемы и ожидаемы; вопрос в том, как долго они будут удерживаться на таком уровне.

Ответ на этот вопрос зависит от того, какие тенденции наблюдаются в возрастном профиле рождений. Если согласиться с тем, что население Сибири и даже население ее национальных территориальных образований идет по пути демографического перехода, то можно ожидать сдвиг рождений от младших материнских поколений к старшим. На российском уровне в целом данная тенденция уже заметна: для женщин младше 25 лет коэффициенты рождаемости неуклонно снижаются, а для более старших групп (и даже в группе 40—44-летних женщин) с середины 1990-х гг. появляется тенденция роста коэффициентов. Аналогичная динамика уже прослеживается на рубеже веков и в населении СФО, и в населении НСО.

Таблица 14.2

Динамика коэффициента суммарной рождаемости по регионам РФ

Регион	Все население	Городское население	Сельское население
1989—1990			
Российская Федерация	1,950	1,766	2,587
Сибирский федеральный округ	2,109	1,882	2,848
Новосибирская область	1,873	1,688	2,593
1995			
Российская Федерация	1,344	1,207	1,788
Сибирский федеральный округ	1,412	1,269	1,853
Новосибирская область	1,223	1,104	1,631
2001			
Российская Федерация	1,249	1,173	1,481
Сибирский федеральный округ	1,283	1,185	1,549
Новосибирская область	1,190	1,099	1,477
2006			
Российская Федерация	1,296	1,199	1,611
Сибирский федеральный округ	1,348	1,230	1,722
Новосибирская область	1,260	1,156	1,666

Источники: Демографический ежегодник России. 1996: Стат. сборник. М.: Росстат, 1996. С. 92—101; Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сборник. М.: Росстат, 2002. С. 150—159; Демографический ежегодник России. 2007: Стат. сборник. М.: Росстат, 2007. С. 88—93.

«Постарение» рождаемости относится к тем фундаментальным тенденциям, на основе которых можно делать выводы о глобальных изменениях в демографической сфере общества (на макроуровне). В середине 1990-х гг., когда эта тенденция для России в целом только наметилась, аналитики осторожно оценивали ее устойчивость, поскольку все еще сказывались конъюнктурные сдвиги тайминга рождений, произошедших (реализованных семьями) в 1980-х гг. под действием мер социально-демографической политики тех лет [Население..., 1996, 1997]. Затем, на рубеже веков, линия на снижение рождаемости у молодых матерей продолжилась; одновременно росли коэффициенты рождаемости у женщин старших возрастных групп. Аналогичные тенденции в динамике возрастного профиля рождаемости наблюдались во многих европейских странах в последней трети XX в. (табл. 14.3).

В тех странах, где тенденции, характерные для глобального «переходного» процесса, проявляются давно, раньше других, — в Швеции, во Франции, в Финляндии — снижение «молодежной» рождаемости происходит на протяжении уже более чем 30 лет. В восточноевропейских странах, включая Россию, «постарение» рождаемости проявилось только в середине 1990-х гг. Сейчас уже можно заметить некоторые черты

Таблица 14.3

Динамика вклада матерей в возрасте до 25 лет в итоговую рождаемость в России и некоторых странах Европы, 1970—1999 гг., %

Год	Россия	Украина	Латвия	Чехия	Финляндия	Франция	Италия	Швеция	Испания
1970	42,1	47,8	43,4	57,9	41,0	41,1	32,6	39,8	23,8
1980	49,6	55,2	51,3	60,6	33,8	40,0	36,3	33,3	32,3
1990	56,3	58,9	53,2	59,6	23,3	27,0	23,5	26,0	19,6**
1999	45,4*	57,3**	42,6	38,3	20,5	19,6***	18,2	18,0	13,5***

* 2004 г.

** 2000 г.

*** 1998 г.

Источник: Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН: Центр демографии и экологии человека. М., 2002. С. 40—41.

трансформации возрастной модели рождаемости в России, отличные от западноевропейской, но схожие с восточноевропейской. Во-первых, это изначально более высокие доли рождений, приходящиеся на младшие материнские поколения. Во-вторых, это «перелом» роли вклада молодых матерей в итоговую рождаемость, наступивший в середине 1990-х гг. В начале XXI в. изменение возрастной модели репродуктивного поведения россиянок можно назвать «просто повторением пути, который француженки, немки, итальянки или испанки проделали 15—20 лет назад» [Население..., 2002].

Третья особенность российской переходной модели — высокая доля внебрачных рождений (табл. 14.4).

Уровень внебрачной рождаемости в России как высокий оценивается специалистами уже с середины 1980-х гг. [Бондарская, Дарский, 1990]. В Сибири, и особенно для ее сельского населения и национальных округов, феномен внебрачных рождений значительно более распространен, чем в европейской части и среди городского населения [Михеева, 1993, 1999; Население..., 2000, 2001]. Так, Республика Тыва в 1990 и 1995 гг. занимала первое место в России по доле рождений у женщин, не состоящих в браке, среди всех рождений: 36,5 и 46,9 % соответственно. В 2001 г. на первое место вышел Коми-Пермяцкий АО с уровнем внебрачной рождаемости 67,1 %. В Республике Тыва в 2001 г. этот уровень был равен 60,4 %, а в сельском населении этой республики — 61,3 %. К народам и этническим группам, в которых распространенность этого феномена значительно выше средней по России, кроме тувинцев и коми-пермяков, относятся буряты, ненцы, эвенки, чукчи, коряки, хакасы, т. е. народы, населяющие Сибирь. Возможно, что рост относительного показателя «обязан» тому, что в этих популяциях про-

Таблица 14.4

Динамика доли внебрачных рождений, %

Год	Все население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация			
1990	14,6	13,8	16,5
1995	21,1	21,1	21,3
2001	28,8	27,8	31,0
2006	29,2	27,5	33,2
Сибирский федеральный округ			
1990*	19,4	17,9	22,6
1995*	26,8	25,7	29,1
2001	35,4	32,9	40,7
2006	36,3	33,0	43,5
Новосибирская область			
1990	17,2	15,8	20,9
1995	25,3	24,8	26,4
2001	31,4	28,9	37,3
2006	30,9	28,1	38,3

* Включены регионы, входящие в округ с 1998 г.

Источники: Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сборник. М.: Росстат, 2002. С. 159—169; Демографический ежегодник России. 2007: Стат. сборник. М.: Росстат, 2007. С. 160, 164—165.

исходит рекордно быстрое снижение общего числа родившихся. Вообще, такой более чем двукратный рост показателей внебрачной рождаемости требует специального изучения. К сожалению, возможности анализа переходных моделей рождаемости, как, впрочем, и брачности, на макроуровне в России все более сужаются: построение динамических рядов таких характеристик, как очередности рождений, распределение их по возрасту матери, ее брачному состоянию, после 1997 г. стало невозможно. Это связано с введением в 1996 г. нового Закона об Актах гражданского состояния, в соответствии с которым статистикой перестали фиксироваться и разрабатываться важные характеристики демографических процессов. Речь идет о названных уже характеристиках очередности рождений по возрасту и брачному состоянию матерей, а также сведения о предыдущем брачном статусе и социальном положении лиц, вступающих в брак, сведения об общих детях и других социальных характеристиках разводящихся. Перестали централизованно разрабатываться данные о возрасте вступающих в брак, многие показатели для городского и сельского населения в отдельности; прекращены многие другие разработки и централизованный анализ демографической статистики. Между тем как раз в середине 1990-х гг. в демографической сфере России стали проявляться практически уникальные для ее развития тенденции.

Таблица 14.5

Динамика доли внебрачных рождений среди всех рождений в России, США и некоторых странах Европы, 1970—1999 гг., %

Год	Россия	США	Латвия	Болгария	Финляндия	Франция	Германия	Швеция	Ирландия
1970	10,6	10,7	11,4	8,5	5,8	6,8	7,2	18,8	2,7
1980	10,8	18,4	12,5	10,9	3,1	11,4	11,9	39,7	5,0
1990	14,6	28,0	16,9	12,4	25,9	30,1	15,3	47,0	14,4
1995	21,1	32,2	29,9	25,7	33,1	37,6	16,1	53,0	28,3
1999	27,9	33,0	39,1	35,1	38,7	40,7	21,6	55,3	30,9

Источник: Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН: Центр демографии и экологии человека. М., 2001. С. 47.

Так, рост внебрачной на фоне снижения общей итоговой рождаемости является той характерной чертой, которая делает российскую модель демографической модернизации сходной с западноевропейской (табл. 14.5).

Специальные социологические обследования, направленные на выяснение в основном микроуровневых, личностных аспектов этого феномена, пока не дают полноценных оснований для его объяснения (наш опыт такого исследования содержится в следующем разделе). Основные выводы состоят в том, что рост внебрачных рождений не является свидетельством отказа от семейной, супружеской жизни, от полной семьи. Статистическими данными это подтверждается: так, повышение показателей внебрачной рождаемости не сопровождается столь же быстрым распространением семей одиноких матерей с детьми. Дело в том, что значительная часть рождений вне официального брака в России регистрируется «по совместному заявлению матери и отца» [Население..., 2002; Демографический ежегодник..., 2007], %:

1988	1990	1995	1998	2000	2001	2006
41,8	42,8	43,1	43,3	47,2	47,6	44,0

Данные для России в целом показывают тенденцию повышения этих показателей (региональные данные, к сожалению, отсутствуют). Динамика роста доли рождений, признанных отцом, можно интерпретировать как повсеместное распространение нерегистрируемых брачных союзов. Причем, именно брачных, если речь идет о рождениях детей в этих союзах. Зарубежные исследователи называют такие союзы и отношения супругов в них «бракоподобными» [Clarkberg et al., 1995], что соответствует и отечественным определениям этого института.

Как видно, сожителство является не только молодежным феноменом, но высокая частота его распространения в наиболее репродуктивных возрастных группах обуславливает и рост показателей внебрачной рождаемости.

Таблица 14.6

Доля состоящих в незарегистрированном браке в 2002 г., все население, на 1000 чел. данного пола и возраста, состоящих в браке

Возрастная группа	Российская Федерация		Сибирский федеральный округ		Новосибирская область	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего в возрасте 16 лет и старше	103	102	154	151	132	133
16—19	401	359	494	405	452	425
20—24	219	190	295	262	260	236
25—29	157	142	216	199	188	178
30—34	131	118	184	167	166	145
35—39	108	93	156	134	139	115
40—44	92	80	134	117	118	103
45—49	83	77	124	116	108	99
50—59	72	71	113	111	96	94
60 и более	58	62	99	104	80	87

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. М., 2004. С. 300—391.

Брачность — процесс образования брачных пар — в демографии рассматривался как один из важнейших механизмов регулирования рождаемости. Теперь же, как ясно из проведенного выше анализа тенденций рождаемости, эти два демографических процесса становятся все более автономными и самоценными в социальном смысле. То есть в условиях эффективного внутрисемейного регулирования числа рождений уровень брачности постепенно утрачивает свою функцию регулятора рождаемости.

За последние 35—40 лет в России выделяются два периода в процессе трансформации брачности [Иванова, 2002]. Первый из них — шестидесятые—восемидесятые годы — можно охарактеризовать как период стабилизации показателей на довольно высоком уровне: брачность была ранней и практически всеобщей. В следующем периоде — 1990-е гг. — происходит стремительное падение показателя до самого низкого значения в 1996 г. Снижение брачности происходило во всех основных возрастных группах, но наиболее заметно в самых молодых. Распространение феномена незарегистрируемых браков естественным образом сказалось на тенденции снижения абсолютных и относительных показателей брачности. Но в конце 1990-х гг. эти показатели немного повысились в результате уже упоминавшейся «демографической волны». Показатели же разводимости в анализируемом периоде сохраняют тенденцию к росту. В целом, тенденции показателей брачности и разводимости по Сибирскому федеральному округу и Новосибирской области практически не отличаются от общероссийской (табл. 14.7).

Таблица 14.7

Общие коэффициенты брачности и разводимости, на 1000 человек населения

Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	бра-ков	разво-дов	бра-ков	разво-дов	бра-ков	разво-дов
1990						
Российская Федерация	8,9	3,8	9,1	4,4	8,3	2,1
Сибирский федеральный округ	8,8	3,6	9,2	4,7	8,1	2,0
Новосибирская область	9,0	3,9	9,3	4,6	7,9	2,0
1995						
Российская Федерация	7,3	4,5	7,6	5,3	6,5	2,8
Сибирский федеральный округ	7,0	4,3	7,4	5,2	6,3	2,8
Новосибирская область	7,0	4,5	7,3	5,2	6,2	2,5
2006						
Российская Федерация	7,8	4,5
Сибирский федеральный округ	7,7	4,6
Новосибирская область	7,8	4,5

Примечание. С 1997 г. данные отдельно по городскому и сельскому населению не разрабатываются.

Источники: Демографический ежегодник России. Стат. сборник. М., 1996, 2007.

Что касается возрастного профиля брачности, то здесь аналитики также отмечают «постарение» первых браков. Эта тенденция характерна практически для всех стран, население которых вступило в фазу второго демографического перехода, но в западноевропейских странах она наблюдается уже 30—40 лет, а в восточноевропейских странах она закономерно ускорилась в 1990-х гг. Причиной (особенностью) некоторого отставания России аналитики называют снижение возраста начала добрачных сексуальных связей в сочетании с невысокой культурой контрацепции (или недоступностью средств контрацепции в некоторых, например сибирских, регионах).

В общей тенденции снижения брачности прослеживаются изменения и в процессе заключения **повторных браков**. В России, в Сибири (как и во всех европейских обществах) за последние 20—30 лет доля их в общем числе зарегистрированных браков нарастала: с 17 % в 1979 г. до 28 % в 1998 г. На рубеже веков эта тенденция (роста) приостановилась: в последние 5 лет наблюдается снижение доли повторных браков на 2—3 п. п. как у мужчин, так и у женщин. Весьма вероятно, что это связано с общей тенденцией стабилизации на низком уровне брачной активности населения. Тем более — с активностью в отношении регистрации повторных браков, во время которой средний возраст женихов и невест 32—35 лет.

О том, что среди супругов старших возрастов относительно высокая доля сожителей, свидетельствуют и данные переписи населения 2002 г. (см. табл. 14.6), и данные текущей демографической статистики (см. табл. 14.7).

Тенденции снижения брачности, как первичной, так и повторной, в последние 10—15 лет зачастую объясняют трудностями адаптации населения к социально-экономическим трансформациям в России. Возможно, эти преобразования ускорили переходы на современные (европейские) модели брачного поведения. И поскольку тенденции процессов формирования семьи в России и в Сибири, включая населения национальных округов, аналогичны таковым во многих европейских обществах, то причинами их можно назвать существенные изменения в структурах жизненных ценностей, ориентаций в брачно-семейной сфере сибиряков и россиян — как молодых, так и людей старших возрастов.

Состав семей. В результате рассмотренных демографических процессов складывается семейная структура населения, которая фиксируется переписями населения. Поскольку эти процессы: снижение брачности и рождаемости, рост разводимости и распространение внебрачной рождаемости — наблюдаются в России и Сибири уже на протяжении 30—40 лет, то и Всероссийская перепись населения 2002 г. не зафиксировала кардинальных изменений в семейной структуре российского населения на рубеже веков. Несколькими уменьшилась (на 3—4 п. п.) доля одиноких людей в населении, в семьях живут теперь более 92 % сибиряков. За последние 30 лет мало меняется и средний размер семьи — около 3 чел. (все население):

	1959	1970	1979	1989	2002
Россия	3,6	3,5	3,3	3,2	3,2
Сибирь	3,7	3,5	3,3	3,2	3,1

Большинство семей (66 %) состоят из 2—3 чел., причем около 35 % семей в Сибири, да и в России в целом, именно двучленные. На супружеские пары из них приходится 54 %, а на неполные семьи с одним ребенком — 34 %. И вот это явление, а именно — повышение удельного веса неполных семей с детьми моложе 18 лет — самое заметное изменение в семейной структуре. По России они составляют 26 % от всех семей с детьми моложе 18 лет, в Сибирском федеральном округе — 23 %, что почти на 10 п. п. больше, чем в 1989 г. По нашим оценкам, в неполных семьях (обычно, без отца) в начале XXI в. в России живет каждый седьмой ребенок, что в абсолютных числах составляет почти 4 млн несовершеннолетних детей. Проблема «ребенок без отца» остро стоит во всех странах, где распространены разводы, внебрачная рождаемость. Эта проблема там обсуждается в связи с ростом преступности детей и подростков: зарубежными исследователями-психологами выявлена корреляция между девиантным поведением детей и отсутствием у них *собственного* отца.

Опыт социологического изучения современных процессов формирования семьи

Тенденции статистических характеристик изменения рождаемости и брачности показывают изменения, происходящие на уровне массового демографического поведения — макроуровне. В то же время эти тенденции отражают и изменения массового «демографического» сознания. Суть этих изменений — смена отношения людей к браку как обязательной, практически единственной форме совместной жизни мужчины и женщины, к сексуальным отношениям, рождению и воспитанию детей, к разводам и пр. Для изучения изменений массового сознания в данной сфере нужны специальные, репрезентативные для региона обследования. Но и результаты пилотных исследований феноменов внебрачного материнства, сожительства, а также материалы массовых опросов, проведенных нами в сибирском регионе, позволяют сделать ряд выводов о состоянии здесь общественного «брачно-семейного» сознания.

Задача проекта по изучению внебрачного материнства состояла в попытке понять природу, причины и следствия распространения сожительства и сексуальных связей, приводящих к рождению ребенка вне официального брака. Исследование было проведено нами в 1997 г. методом «life-story», т. е. изучая конкретные случаи, жизненные истории, повседневные практики женщин-матерей внебрачных детей. Всего было опрошено 50 женщин — 30 жительниц городов Новосибирск и Бердск, имеющих 35 внебрачных детей, и 20 сельских жительниц, имеющих 29 внебрачных детей*. Полученные материалы дают картину, сходную с имеющимися статистическими данными о матерях и о самих детях, рожденных вне зарегистрированного брака 15, 10, 5 лет назад и в последние годы. А именно: чаще всего — это первые и единственные дети, родившиеся у уже немолодых женщин. Однако, что не фиксируется статистикой, но существует как факт, — наличие полной супружеской семьи у 58 % опрошенных женщин, из них у 30 % — неофициальный муж является отцом ребенка. Уровень образования опрошенных женщин довольно высок — 56 % имеют высшее и среднее специальное образование и только 20 % — восьмилетнее.

Анализ глубинных интервью дает основание сгруппировать истории-причины в четыре дискурсных типа:

внебрачное рождение как следствие распавшегося сожительства — 40 % среди городских респонденток и 35 % среди сельских (негативный дискурс);

внебрачное рождение у женщин, не ориентированных на совместную жизнь с отцом ребенка (дискурс «ребенок для себя»), — 23 % среди

* Выборка была составлена по данным Отделов пособий районных (городских и сельских) администраций о женщинах, получающих пособие на внебрачного ребенка (детей).

городских респонденток и 25 % среди сельских. Большая группа этих женщин на момент опроса имели постоянного партнера — мужа или сожителя, т. е. полную семью — официальную (42 %) или нет (26 %);

внебрачные рождения в стабильном сожительстве (позитивный дискурс «полная семья») — 27 % среди городских респонденток и 25 % среди сельских. Отличительной чертой этой модели семьи является большее число детей, по сравнению с другими дискурсами;

рождения, зарегистрированные как внебрачные из-за овдовения или развода (по расчету) во время беременности женщины (дискурс «несчастные случаи» или «парадоксальные истории»), — 14 % среди всех респонденток. Этот дискурс, по-видимому, является специфически российским, поскольку связан со сверхсмертностью мужчин в молодых возрастах, а также с особенностью жилищных законов и решением «квартирного вопроса».

Проведенное исследование дает основание для предположения, что главный мотив рождения ребенка женщинами-респондентками — это стремление к материнству, к семейной жизни. При этом невступление в брак, рождение ребенка без мужа практически не осуждалось ни родителями-родными, ни другими социальными кругами. Более того, конкретные обстоятельства историй женщин-матерей, интерпретация влияния культурных и индивидуальных условий, предпочтений на репродуктивный выбор опрошенных женщин показывают (на данном материале), что выбор в пользу рождения ребенка (в 80 % случаев первого и единственного) вне брака становится все более социально одобряемым поступком.

Целью следующего проекта — **по исследованию феномена сожительства** — было выявление трансформации нормативов поведения людей по отношению к официальной регистрации брака (на примере жителей Сибири). А именно — выяснить, какие причины, жизненные обстоятельства лежат в основе распространения неофициальных супружеских союзов, как в молодых возрастах, так и в старших. Исследование было проведено в 1998 г., имело разведывательный характер. *Объектом обследования* были супружеские пары, соответствующие всем критериям «брачной пары», кроме одного — официально зарегистрированного брака. Опрошены пары «мужчина и женщина», совместно проживающие, ведущие общее хозяйство, воспитывающие или уже воспитавшие детей (общих или одного из партнеров). Важно отметить, что при исследовании феномена сожительства с точки зрения устойчивости институциональных семейных функций принципиальным критерием отбора совместно живущих пар является *продолжительность совместной жизни*. В данном исследовании этот временной показатель не должен был быть менее 1,5—2 лет. Эмпирический материал был получен методом *семейных историй*: глубинные полуформализованные интервью 43 официально не зарегистрированных брачных пар: 20 из них живут в сельской местности Сибири, 11 — в малом городе (Междуреченске), 12 — в крупном областном центре (Новосибирске). Выборка была сделана на

основе анализа анкет в массовом опросе, проведенном в указанных городах под руководством Е. Горяченко и А. Михеевой. В результате анализа данных были прослежены процессы формирования брачной пары или семьи и выявлены некоторые общие черты их семейных «траекторий».

Средняя продолжительность совместной жизни у опрошенных пар 8,6 лет, при этом у восьми пар был минимальный стаж супружества — 2 года, но у двух — по 26 лет, а у самой пожилой (сельской) — 36 лет. Небольшой стаж сожителства респондентов не всегда означает малый супружеский опыт: только у 26 чел. из 85 это первый союз, а у 41 чел. — второй, у остальных — третий и даже четвертый (у пяти мужчин).

В семи семьях нет и не было детей (ни общих, ни «своих»). В остальных семьях в среднем по двое детей, «общих» же детей у неофициальных супругов, естественно, меньше: нет таковых у 22 пар, один — у 14, двое — у пяти, трое — только у двух сельских пар.

Полученные материалы дают некоторое представление как минимум о четырех типичных, повторяющихся ситуациях, которые можно назвать причинами откладывания, а зачастую и отказа супружеских пар от официальной регистрации своих отношений:

«Сожители поневоле» — большая группа супружеских пар (12) с большим стажем совместной жизни, которые хотели бы зарегистрироваться, но не могут этого сделать по простой причине — один из партнеров состоит в другом браке, не может найти своего бывшего мужа/жену, не может получить согласие на развод.

«Пробный брак» — так можно назвать совместную жизнь группы пар (7), у которых 2—3-летний стаж совместной жизни, но пока нет общих детей; в двух парах есть ребенок жены, но и в других парах есть уже однажды (и дважды) разведенные. Сельские молодые сожители уже имеют отдельный дом, небольшое хозяйство. Городские также, в основном, живут отдельно от родителей, некоторые снимают жилье. Причины откладывания регистрации, которые часто называют и женщины, и мужчины в этих парах, — неуверенность в партнере, отрицательное отношение со стороны родителей, своих и партнера. И никто из партнеров, сознавая свою зависимость от родителей, по-видимому, не настаивает на регистрации брака. Другим аргументом откладывания брака здесь является отсутствие детей (беременности), но, как стало ясно из интервью с женщинами, они сознательно пока не заводят детей, «предохраняются, стараются».

Третья группа сожителей (10 пар) — это по сути предыдущая, но с более продолжительным стажем совместной жизни. Супруги в этой группе уже имеют общего ребенка; у двух пар двое и трое общих детей. Сожители младших возрастов здесь так же, как и в предыдущей группе, объясняют откладывание регистрации брака материальными проблемами, несамостоятельностью, зависимостью от родителей (чаще это мнение высказывают мужчины). Более старшие пары, в основном сельские, живут давно самостоятельно и, по-видимому, не придают значения сво-

ему официальному статусу. Практически все опрошенные этой группы высказывают большую удовлетворенность своей личной жизнью, с вниманием и пониманием относятся к партнерам. Окружающие — родственники, соседи, сослуживцы спокойно воспринимают их неофициальный семейный статус. Причем сами сожители, особенно сельские, испытывают некоторое неудобство из-за разных фамилий с родными детьми, но и это они считают несущественным, по сравнению с хорошими отношениями в семье.

«Последетное сожительство» — довольно представительная группа, состоящая из 14 супружеских союзов, которые образовались на «последнем» этапе жизни. Этот этап может наступить и у людей в возрасте 30—35—40 лет, в том случае, когда партнеры знают, что общих детей у них не будет (из-за состояния здоровья, разницы в возрасте). Но в основном эту группу представляют пожилые горожане, дети которых уже выросли. Стаж совместной жизни опрошенных этой группы от 2—3 до 19—20 лет. Предшествующая брачная судьба людей этой группы не простая: большинство из них развелись, шестеро овдовели. Причины, по которым они не «расписываются», разные. Некоторые — по соображениям о разделе наследства — квартиры, дома, хозяйства. Другие — из-за неуверенности в партнере (при небольшой продолжительности совместной жизни). Третьи считают, что «стыдно под старость лет в ЗАГС ходить! Вот сраму-то будет!» (пенсионерка, 58 л., вдова, стаж сожительства 3 года, гор.). Основные дела супругов в этой группе семей — забота друг о друге, о внуках, посильная помощь детям.

Как видно по материалам обследования, повседневная жизнь неофициальных супругов, живущих вместе продолжительное время, практически не отличается от повседневности тех, чей союз официально зарегистрирован. По-видимому, в российском обществе распространение феномена сожительства происходит на протяжении уже, по крайней мере, 30—40 лет. Возможно, что раньше оно было более распространенным явлением в сельской местности, чем в городской. Основанием для такого предположения могут служить истории сельских и городских сожителей с большим стажем совместной жизни, а также их воспоминания о таких же семьях (с разными фамилиями) своих бабушек и дедушек. Данные переписи 2002 г. подтвердили эти предположения (см. табл. 14.6).

По результатам этих проведенных разведывательных исследований можно предположить, что происходящие изменения — это процесс трансформации институциональной сущности семьи, соответствующей потребностям современного (сегодняшнего) российского общества. По существу это — продолжающаяся модернизация, развитие институтов брака и семьи, его современный этап.

В развитие идей и гипотез приведенных проектов были предприняты массовые эмпирические обследования, проведенные под руководством А. Михеевой в 2001, 2002 гг., в городах Новосибирск, Омск,

Бердск. Опрошены мужчины и женщины в возрасте 20—50 лет (N -2001 = 464, N -2002 = 603). Из идентичных фрагментов массивов был создан объединенный массив данных ($N = 1067$).

Одна из основных задач этих проектов состояла в выявлении отношения городских жителей Сибири к сексуальным связям вне брака, к таким явлениям как сожителство, разводы, в выяснении мотивации регистрации или не регистрации брака современными сибиряками.

Данные опросов показали, что городские жители Сибири довольно лояльно относятся к сексуальным связям вне брака — как мужчин, так и женщин. Однако, распределение ответов «всегда плохо» и «почти всегда плохо» на вопрос о внебрачных сексуальных связях показывает, что респонденты все-таки дают негативные (строгие) оценки, и это чаще всего касается сексуальных связей самых молодых девушек и юношей — до 16 лет. Доли негативных ответов на вопрос об отношении к внебрачным сексуальным связям следующие ($N = 464$), %:

	Женщины	Мужчины	Все опрошенные
Для молодых девушек (до 16 лет)	81	66	75
Для замужних женщин	75	54	66
Для юношей (до 16 лет)	51	66	57
Для женатых мужчин	46	58	51
Для молодых женщин до вступления в первый брак	45	25	36
Для молодых мужчин до вступления в первый брак	15	22	18
Для разведенных женщин	14	12	13
Для разведенных мужчин	8	11	10

Для выяснения мнений сибиряков о причинах существования незарегистрированных союзов в анкетах содержался открытый вопрос. Разнообразные (неальтернативные) ответы на него были объединены в следующие группы и имеют примерно одинаковый удельный вес среди всей совокупности опрошенных. Распределение ответов на вопрос о причинах существования неофициальных союзов следующее ($N = 464$), %:

	Все	Мужчины	Женщины
Испытание взаимоотношений партнеров перед официальной регистрацией, «пробный брак»	23	10	36
Неуверенность в прочности союза, несерьезные отношения между партнерами, «чтобы избежать ответственности»	24	23	26
Стремление к независимости, большая легкость разрыва отношений в случае необходимости	23	33	13
Внешние (материальные) обстоятельства: нет денег на свадьбу, неустроенность быта; пособия и(или) льготы, которые прекращаются после официальной регистрации брака	16	27	7
Партнеры не видят необходимости в регистрации брака, так как не считают это важным	23	20	26

Что касается мнения опрошенных о причинах официальной регистрации брака, то наряду с личностной мотивацией («любовь, уверенность в партнере») проявляются и внешние причины регистрации брака (юридические, «желание родителей»). Поскольку регистрация брака всегда являлась атрибутом социального контроля, то «давление» старшего поколения (родителей) сохраняется как значимый мотив следования общепринятым правилам — вступления в официальный брак. Вот как распределились мнения опрошенных о причинах заключения официального брака (сгруппированные неальтернативные ответы на открытый вопрос, $N = 464$), %:

	Все	Мужчины	Женщины
Любовь, уверенность в прочности отношений	43	37	48
Желание определенности отношений, наличие больших прав и обязанностей	36	39	32
Юридические причины — прописка, права на имущество, узаконивание ребенка, служебные интересы	32	39	26
Желание родителей, традиция, дань общественному мнению	25	21	28

Хотя демографическая статистика свидетельствует о довольно высокой доле неофициальных супружеских союзов, но городское население Сибири выражает предпочтение официально зарегистрированным союзам. В то же время можно считать, что на уровне общественного сознания в Сибири незарегистрированные супружеские союзы становятся нормальным явлением: и как додетный этап семьи, и как повторный супружеский союз — для людей в старших возрастах, не имеющих репродуктивных намерений.

Распространенность повторных семей обусловлена большой частотой разводов. Среди опрошенных горожан опыт развода имели 37 % женщин и 26 % мужчин ($N = 1067$). О лояльности и даже о положительном отношении общественного мнения к разводам свидетельствует и распределение ответов сибиряков на вопрос об отношении к разводам ($N = 1067$), %:

	Мужчины	Женщины
Вполне оправдываю, отношусь положительно	11	24
Отчасти оправдываю	19	23
Отношусь нейтрально	30	26
Не совсем оправдываю	25	20
Не оправдываю вовсе, отношусь отрицательно	15	7

Обращает на себя внимание дифференциация мнений мужчин и женщин* по многим аспектам отношений в сфере брака и семьи (см. вы-

* В последнее время при анализе дифференциации по полу используют термин «гендерная дифференциация». Считаем, что использование этого термина в данном контексте не необходимо.

ше). Если говорить об отношении к разводам, то доля ответов мужчин и женщин, находящихся на противоположных позициях, различается более чем в два раза. Заметная дифференциация есть и в ответах на вопрос «Приходили ли Вам мысли о разводе?» ($N = 1067$), %:

	Мужчины	Женщины
Нет, никогда	59	43
Да, в первые годы брака	5	14
В последнее время постоянно	3	6
Довольно часто	4	3
Когда возникают конфликты	29	36

Как видно, среди опрошенных женщин довольно высока доля таких, которые задумываются о разводе, и это происходит заметно чаще по сравнению с респондентами-мужчинами. По-видимому, здесь сказывается общая неудовлетворенность семейной жизнью, ее «проблемность», «двойной нагрузкой» для женщин. Действительно, в ответах на вопрос «Удовлетворены ли Вы в целом своей семейной, супружеской жизнью?» опрошенные женщины чаще, чем мужчины, выказывают свою неудовлетворенность ($N = 1067$), %:

	Мужчины	Женщины
Да	48	34
Скорее, да	37	37
Скорее, нет	7	18
Не удовлетворены	2	6
Затрудняюсь	6	5

Таким образом, данные проведенных социологических опросов подтвердили, что тенденции статистических показателей брачности, разводимости, рождаемости исходят из трансформации отношений людей к семье и браку, из приемлемости тех или иных их форм. Тенденции показателей рождаемости и брачности на макроуровне свидетельствуют о вступлении населения Сибири в режим второго демографического перехода*. За этими количественными тенденциями стоят глубинные перемены демографического сознания населения Сибири. Косвенные социальные детерминанты второго перехода не так просто выявить — они затрагивают многие аспекты интимной жизни людей. Исследователи — демографы и социологи пока не пришли к согласию в этом вопросе, хотя многие считают, что эти детерминанты обусловлены воздействием индивидуализма в быстро меняющемся российском обществе. Жизнь индивида уже сейчас во многом определена его уровнем образования,

* Анализ тенденций демографических процессов в национально-этнических районах Сибири, проводимый коллегами в ОИФИИФ СО РАН, также свидетельствует о завершении перехода населения этих районов на современный режим воспроизводства. См., например [Гончарова, 2000, 2001].

мотивацией персонального развития, использования своего таланта, способностей. Это относится и к мужчинам, и к женщинам, которые одинаково стремятся к получению собственного дохода, к карьерным достижениям, экономической и социальной независимости. Но и интимные, чувственные аспекты частной жизни людей: сексуальные связи, супружеские отношения, брачные отношения, рождение детей, воспитание детей — становятся все более независимыми ценностями как для населения Сибири, России, так и для людей во всем мире.

Результаты проведенного анализа сибирских тенденций процесса формирования семьи — процессов вступления в брак, рождения детей, разводов — на макро- и микроуровнях позволяют предположить, что эти тенденции отражают закономерную трансформацию социальных институтов брака и семьи (на глобальном уровне) и имеют практически необратимый характер. В этих условиях важными научными направлениями являются исследования (на макро- и микроуровнях) социальных, социально-психологических последствий такой трансформации для подрастающего поколения — довольно многочисленной группы детей, чьи судьбы затронуты этими процессами. А именно — изучение условий жизни, особенностей социализации в условиях нестабильного семейного окружения детей, рожденных вне брака, детей разведенных родителей.

глава 15

Потенциал здоровья населения: российские реалии начала 2000-х годов

Цели, задачи и гипотезы исследования

Проблемы здоровья находятся в поле зрения многих научных дисциплин (медицины, эргономики, экономики и др.). Социология изучает проблемы связи между различиями в здоровье людей и социальным классом [Elstad, 1996; Scambler, Higgs, 1999; Piko, Fitzpatrick, 2001], социальным и профессиональным статусом [Власов, Копотев, 1996; Chandola, 1998; Boroovah, 1999; Kunst et al., 1999], образовательным [Hraba et al., 1998; Schrijvers et al., 1999; Быков, 2000] и экономическим [Wilkinson, 1997; Daniels et al., 1999; Ecob, Smith, 1999], безработицей, жилищными условиями, территорией проживания и другими социальными факторами. Во многих социологических исследованиях здоровья человек рассматривается как носитель тех или иных качеств работника, а его здоровье — как зависимая переменная, моделируемая выполняе-

мыми им трудовыми ролями. Такой акцент вполне закономерен, поскольку работе человек отдает значительную часть своих физических, интеллектуальных и эмоциональных усилий. Работе принадлежит особая роль в жизни людей еще и потому, что она чаще всего определяет место, которое может занять или занимает человек в социальной иерархии.

Оценка здоровья важна и безотносительно социальных характеристик его носителей, поскольку сама по себе является индикатором способности населения выполнять основные социальные функции (учиться, работать, создавать семью, воспитывать детей, общаться с родственниками и друзьями, участвовать в культурной и общественной жизни и т. д.). В определенных случаях возникает необходимость прагматической, «ресурсной» оценки здоровья. Так, долгосрочная программа социально-экономического развития страны предполагает, что рост благосостояния будет достигаться жителями России в основном за собственный счет и собственных трудовых усилий. Добиваться этой цели жители страны должны в условиях существенного роста своих расходов, связанного с переходом к полной оплате социальных благ и услуг за счет личных средств. Это предполагает максимизацию трудовых усилий населения по обеспечению роста благосостояния, в том числе и эскалацию рабочего времени, рост масштабов дополнительной занятости.

Масштабный рост трудовых усилий для увеличения материального благосостояния с необходимостью будет предъявлять повышенные требования к здоровью населения, поскольку здоровье является как текущим, так и долговременным лимитирующим фактором количественных показателей рабочего времени. Работать не просто много, а больше других, могут позволить себе люди с более благоприятными показателями здоровья, чем у других [Тапилина, 2003]. От состояния здоровья людей, их способности работать с наибольшей отдачей, получать наилучший результат и приносить наибольший доход прямо или косвенно зависит благополучие общества в целом. Поэтому для государства здоровье населения — это действительно один из наиболее ценных экономических ресурсов. В свою очередь, это налагает не менее высокую ответственность как на государство, так и на само население за сохранение и поддержание здоровья.

В рамках данного исследования анализируются некоторые показатели состояния здоровья населения с тем, чтобы оценить, насколько соответствует уровень здоровья населения требованиям, предъявляемым к человеку в настоящее время со стороны экономики. Чтобы выяснить это, необходимо получить ответ на ряд вопросов. Во-первых, выяснить какова распространенность, характер и острота проблем, связанных со здоровьем. Во-вторых, определить какую часть населения можно считать относительно здоровой, а какую нет. В-третьих, проследить меняется ли соотношение этих частей и каковы тенденции этих изменений. В-четвертых, установить одинаково ли здоровье различных социально-демографических групп населения и какие проблемы являются наиболее типичными для них.

Методология исследования

В качестве информационной базы для решения этих задач использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), репрезентирующего население Российской Федерации в целом, за 2000—2004 гг. Программа мониторинга содержит два блока вопросов, ответы на которые дают достаточно полное и развернутое представление о состоянии здоровья опрошенных жителей страны. Это, во-первых, показатели наличия различных заболеваний у респондентов (острых и хронических); данные о перенесенных ими хирургических операциях; днях освобождения от работы и учебы из-за болезни; о лечении в стационарных условиях; наличии патологической симптоматики, свидетельствующей об ограниченных возможностях двигательной активности и др. Во-вторых, это самооценки здоровья (от «очень хорошего» до «очень плохого»). Основным объектом наблюдения в исследовании выступала совокупность населения в целом и три основные социально-демографические категории: дети (до 15 лет включительно); население в трудоспособном возрасте; население старше трудоспособного возраста. Ежегодный объем выборочной совокупности населения в обследованиях РМЭЗ в 2000—2004 гг. составлял примерно 11000 человек.

Существующие определения здоровья (в зависимости от контекста) трактуют его с различной степенью широты. Здоровье рассматривается в одних случаях как социальное, психическое и физическое благополучие человека; в других — как физическое и психическое благополучие; в третьих — как физическое благополучие. В рамках данной работы использовалось «узкое» определение здоровья. Оно рассматривалось как *физическое благополучие* конкретного человека и определялось как на основе медицинских показателей здоровья, известных респондентам со слов медицинских работников, так и на основе самооценки индивидов.

Для оценки физического благополучия использовались показатели двух видов. Во-первых, показатели, непосредственно свидетельствующие о существовании определенного нарушения физического благополучия. Индикатором нарушения считалось наличие установленного диагноза какого-либо заболевания, его тяжелое осложнение, прохождение лечения в амбулаторных или стационарных условиях, перенесенная хирургическая операция, наличие симптоматики, свидетельствующей об утрате здоровья, — ограниченной двигательной активности, неспособности переносить физические нагрузки, ослабление зрения, слуха, памяти и другие показатели (всего использовалось более 20 показателей, принимающих во внимание ретроспективу до двух лет).

Многомерный, агрегированный показатель здоровья формировался на основе совокупности исходных показателей. Это *количественный показатель физического благополучия*, учитывающий число нарушений здоровья у каждого человека.

Состояние здоровья населения: масштаб проблем, распространенность и характер заболеваний

Здоровье населения России, динамика его показателей в начале 2000-х гг. в значительной мере связаны с состоянием экономики, институциональными изменениями в обществе и социально-экономической политикой государства в 1990-е гг. Перераспределение государственной собственности и возникновение частного сектора, реструктуризация экономики и появление безработицы, сокращение государственных субсидий на социальные цели происходили в условиях инфляции, острейшего бюджетного дефицита, невозможности покрытия расходов за счет налоговых поступлений, роста внешних и внутренних долгов, спада реального производства и привели к существенному росту социально-экономического неравенства, снижению уровня жизни населения. Видимо, не будет преувеличением утверждать, что одним из последствий процесса глубокого социального расслоения, роста масштабов бедности и сопутствующих им процессов социальной маргинализации и социальной эксклюзии было ухудшение здоровья населения. Для 1990-х гг. характерны рост показателей смертности, снижение показателей ожидаемой продолжительности жизни, увеличение общих показателей заболеваемости и заболеваемости по основным классам социально значимых болезней. Так, число больных с впервые установленным диагнозом активного туберкулеза органов дыхания в расчете на 100 тыс. населения увеличилось с 32,5 человек в 1992 г. до 82,8 человек в 2002 г. (в Сибирском федеральном округе — до 125,1 человек на 100 тыс. населения). Почти в два раза за 1992—2002 гг. выросло число больных с впервые установленным диагнозом психического расстройства (со 167,7 до 313,0 человек на 100 тыс. населения), в том числе в 1,5 раза число психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя. Число больных с синдромом зависимости от наркотических веществ увеличилось с 22 человек на 100 тыс. населения до 225,3 человек [Социально-значимые заболевания..., 2003].

Различные слои населения обладали неодинаковым потенциалом адаптации к новым экономическим условиям и имели разную степень сопротивляемости негативному воздействию происходящих изменений. Шансы ухудшения здоровья зависели от статуса занятости, профессиональной группы, должностного статуса, материального положения, возраста, территории проживания и других факторов. Видимо, именно поэтому ухудшение здоровья различных групп населения не было равномерным. Можно даже сказать, что сформировались специфические социальные среды, группы риска, которые стали источником концентрации, роста и распространения некоторых социально-опасных болезней — туберкулеза, гепатита В, наркомании, СПИДа, венерических и других заболеваний.

Масштабы и характер проблем, связанных со здоровьем, в наиболее общем виде характеризуются индикаторами, во-первых, необратимых

ограничений жизнедеятельности (инвалидность) и, во-вторых, обратимых (временных или относительно продолжительных) нарушений состояния здоровья, т. е. индикаторами заболеваемости.

Уровень инвалидности населения является индикатором наиболее тяжелых нарушений и потерь здоровья. По данным РМЭЗ, в 2004 г. 8,3 % опрошенных имели статус инвалидов, в том числе инвалидами были 1 % детей до 15 лет включительно, 4,3 % населения трудоспособного возраста и 23,3 % лиц старше трудоспособного возраста. Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, в 2000-е гг. инвалидами были около 10 % населения земного шара, т. е. российский уровень необратимых потерь здоровья не выходил за рамки среднемирового. Однако адекватность такой оценки относительна, поскольку в разных странах применяются разные критерии определения и присвоения категорий инвалидности. Но, главное, среднемировой уровень — это не тот ориентир, на который в данном случае целесообразно равняться. Согласно результатам исследований известных экономистов Б. Милановича и Ш. Ицхаки [Milanovic, Yitzhaki, 2002], 78 % мирового населения являются бедными, 11 % принадлежат к среднему классу и 11 % являются богатыми. Иначе говоря, среднемировой уровень инвалидности населения — это характеристика бедного сообщества, с острыми проблемами нехватки воды, пищи, одежды, крова, медицинских услуг и т. д. Таким образом, наличие в составе населения 8 % жителей с двигательными, зрительными, умственными и другими нарушениями, ограничивающими их во всех сферах жизнедеятельности, это индикатор, с одной стороны, неудовлетворительного здоровья, а с другой, низкого уровня жизни населения и малоэффективной социальной и медицинской профилактики заболеваний.

О масштабах временных и относительно продолжительных нарушений состояния здоровья свидетельствуют показатели заболеваемости. Среди них — доля населения, регулярно сталкивающегося с теми или иными текущими проблемами, связанными со здоровьем (табл. 15.1).

Приведенные данные указывают на то, что различные группы населения регулярно и в достаточно широких масштабах сталкиваются с теми или иными расстройствами здоровья. При этом, как показывают данные РМЭЗ за 2004 г., в 76 % случаев текущие проблемы со здоровь-

Таблица 15.1

Доля лиц в составе различных групп населения, положительно ответивших на вопрос о том, были ли у них в течение последних 30 дней проблемы со здоровьем, %

Группа населения	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Дети до 15 лет включительно	39,1	38,4	38,1
Население трудоспособного возраста	33,8	33,6	32,1
Население старше трудоспособного возраста	65,0	66,0	67,9
Совокупность населения в целом	42,3	42,6	41,7

ем были связаны отнюдь не с относительно легким недомоганием (болит голова, горло, зуб, расстройство желудка, ушиб и пр.). Иначе говоря, регулярно возникающие более чем у 40 % населения проблемы со здоровьем в большинстве случаев требуют медицинской помощи со всеми вытекающими последствиями (лекарства, процедуры, освобождение от работы и учебы, затраты времени, денег и т. д.). Примерно 5—7 % населения пропускали из-за болезни рабочие дни; 5 % населения проходили лечение в стационарных условиях (лечились в больнице). При этом количество дней, проведенных ими в больнице, составляло в среднем 16—17 дней в году. Пребывание в больнице для 3 % заболевших респондентов было связано с необходимостью получения одной из самых дорогих медицинских услуг — хирургической операции (табл. 15.2).

Динамика изменений этого показателя за предыдущие 5—6 лет показывает, что во второй половине 1990-х гг. начался резкий спад числа прооперированных. В результате количество прооперированных в 2000 г. составляло лишь половину по сравнению с 1994 г. В меньших масштабах этот спад продолжался и в начале 2000-х гг. (количество прооперированных в 2004 г. меньше, чем в 2000 г.).

Характер текущих проблем здоровья, фиксируемых в ходе РМЭЗ, в целом чрезвычайно разнообразен и представляет определенные сложности для содержательной классификации. В одних случаях опрашиваемые называли симптомы или проявления не установленных заболеваний (как правило, боли — головные, в сердце, желудке, конечностях, спине и пр.), в других случаях указывались конкретные болезни или установленный диагноз заболеваний. В основном (в 65—70 % случаев) респондентов беспокоила какая-либо одна болезнь или одна проблема, связанная со здоровьем. Многообразие ответов, характеризующих проблемы со здоровьем, возникшие в течение месяца перед проведением обследования, в конечном итоге можно свести к нескольким укрупненным группам (рис. 15.1).

Одной из наиболее частых причин текущего расстройства здоровья являются заболевания, вызванные аденовирусными, респираторно-вирусными инфекциями (грипп, воспалительные процессы верхних дыхательных путей, риниты, гаймориты, отиты, ларингиты и пр.). Следует, однако, отметить, что высокий уровень распространенности простуд-

Таблица 15.2

Доля лиц, перенесших хирургические операции в 2000—2004 гг., %

Группа населения	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Дети до 15 лет включительно	0,4	0,4	0,3
Лица трудоспособного возраста	3,9	3,3	3,5
Лица старше трудоспособного возраста	4,5	3,5	3,8
По совокупности населения в целом	3,3	2,8	3,1

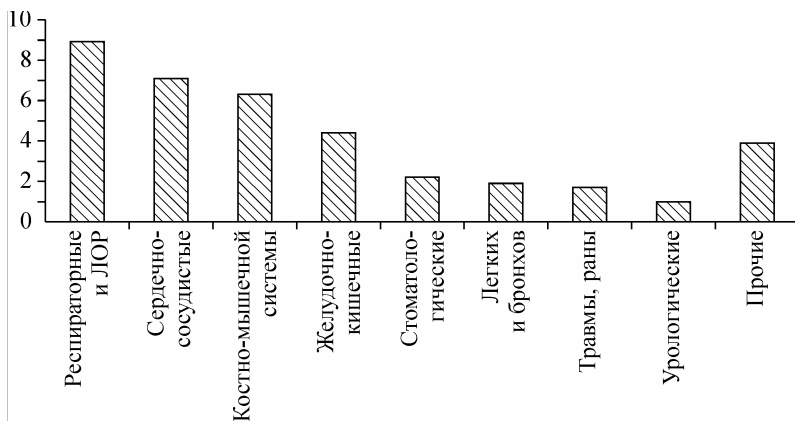

Рис. 15.1. Распределение населения по группам с различным характером текущих проблем, связанных со здоровьем, за месяц перед проведением обследования, 2000 г., % от численности населения.

ных, респираторных и ЛОР-заболеваний во многом предопределен зимним временем проведения обследований (ноябрь—декабрь), и средняя сезонная частота респираторных заболеваний, по всей видимости, существенно ниже. Поэтому самым распространенным источником текущих проблем, связанных со здоровьем, следует все же считать болезни сердца и кровеносных сосудов (ишемическая болезнь сердца, вегетососудистая дистония, артериальная гипертония, расстройство мозгового кровообращения и др.). В ходе РМЭЗ от 39 до 45 % работающего населения подтвердили, что у них возникают боли или другие неприятные ощущения в грудной клетке. Однако к врачам обращались по этому поводу в разные годы от 6 до 14 %. И даже в случаях, когда возникали сильные боли в груди, продолжающиеся более получаса, количество обратившихся к врачу по поводу этой боли увеличивалось только до 50 %.

Следующей по распространенности является группа болезней опорно-двигательного аппарата — остеохондрозы, межпозвонковые грыжи, артриты, артрозы и прочие заболевания костно-мышечной системы. Сидячая работа, малоподвижный образ жизни, конечно, способствуют развитию этих заболеваний, но первоисточником, скорее всего, являются ненадлежащие условия труда.

Другую крупную группу причин расстройства здоровья представляют болезни органов пищеварения (язвы желудка, гастриты, энтериты, панкреатиты, различные болезни печени, желчного пузыря и др.). Среди остальных причин обращает на себя внимание уровень производственного и бытового травматизма, превышающий распространенность многих других заболеваний (урологических, онкологических, кожных, аллергических, нервных и других).

Таблица 15.3

Доля лиц, ответивших в 2004 г. положительно на вопрос о том, есть ли у них следующие хронические заболевания, % от численности группы

Имеют хронические заболевания	Дети	Население трудоспособного возраста	Население старше трудоспособного возраста	Вся совокупность населения
Сердца	2,4	7,7	39,4	14,5
Легких	2,0	4,2	8,9	5,0
Печени	1,5	6,1	18,8	8,4
Почек	1,6	6,9	15,1	8,0
Желудочно-кишечные	5,0	13,6	26,3	15,2
Позвоночника	4,4	13,0	25,2	14,5
Другие	8,1	16,0	35,6	19,6

Текущие проблемы нарушений здоровья в значительной мере обостряются доведением довольно распространенных хронических заболеваний. В начале 2000-х гг. 45—46 % населения имело диагноз той или иной установленной хронической болезни, в том числе хронические болезни имели 19—20 % детей, 42 % населения трудоспособного возраста и 75—76 % населения старше трудоспособного возраста. Распространенность заболеваемости по основным классам хронических болезней представлена в следующей таблице (табл. 15.3).

Нередко текущие проблемы со здоровьем представляли собой серьезные осложнения в развитии отдельных хронических болезней. В 2004 г. одним из самых распространенных в списке нарушений здоровья у опрошенных являлось повышенное кровяное давление (31,7 %). Кроме того, у 2,1 % опрошенных среди перенесенных и текущих заболеваний числился инфаркт миокарда, у 2,0 % — инсульт, у 6,5 % — гепатит, у 3,5 % — диабет, у 1,1 % — туберкулез, 2,6 % страдали анемией. К этому можно добавить, что у 39,5 % населения отмечались нарушения зрения.

Обобщенная оценка здоровья населения

Анализ показателей заболеваемости отдельными болезнями, каким бы подробным и детальным он ни был, не дает возможности дать общую оценку здоровью населения, в частности сказать, какую часть населения можно назвать относительно здоровой, а какую — имеющей нарушения здоровья. Для этого необходимо построить многомерный обобщающий показатель, который позволил бы провести границу между этими группами населения.

Материалом для построения аналитической шкалы, выделяющей группы населения с различным количеством нарушений здоровья, в том числе и группу без нарушений здоровья, послужили ответы респондентов

тов на следующие вопросы: 1) есть ли у него (нее) хронические заболевания и какие именно (сердца, легких, печени, почек, желудочно-кишечного тракта, позвоночника и какие-либо другие); 2) ставили ли врачи респонденту такой диагноз как диабет, инфаркт миокарда, инсульт, анемия, туберкулез, гепатит и др.; 3) оценивает ли респондент как очень плохое и плохое свое зрение, слух; 4) делал ли респондент хирургическую операцию за последние 12 месяцев; 5) лежал ли респондент в больнице в последние 3 месяца; 6) были ли у респондента за последние 30 дней пропуски рабочих или учебных дней, связанные со здоровьем. Положительный ответ на какой-либо из вопросов квалифицировался как признак нарушения здоровья, а общее количество положительных ответов рассматривалось как количество нарушений здоровья.

Таким образом, агрегированный количественный показатель нарушений здоровья отражает в одних случаях диапазон имеющихся заболеваний, в других — интенсивность, частоту проявлений какого-либо заболевания. Он не является медицинским заключением о состоянии здоровья, уже хотя бы потому, что не опирается на исчерпывающий перечень возможных признаков нарушений здоровья. Это лишь один из способов определения социологической оценки здоровья, позволяющей судить о способности населения выполнять разнообразные социальные функции. Количество нарушений здоровья, так или иначе, свидетельствует о степени утраты здоровья и может использоваться в качестве индикатора *статуса здоровья*.

В соответствии с наличием или отсутствием тех или иных нарушений физического благополучия были выделены две крупные группы: 1) относительно здоровых людей и 2) имеющих нарушения здоровья. При проведении границы между относительно здоровой и нездоровой частями населения здоровыми считались те, кто не имел ни одного нарушения здоровья по заданному спектру отклонений. Удельный вес респондентов с нарушениями здоровья, т. е. не здоровых, по этому критерию в различных группах населения оказался в 2000—2004 гг. следующим (табл. 15.4).

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что более половины всего населения относились в 2000-х гг. к группе имеющих нарушения здоровья, т. е. не здоровых, а их доля увеличивалась на протяжении

Таблица 15.4

Доля лиц, имеющих признаки нарушения здоровья, в различных группах населения в 2000—2004 гг., %

Группа населения	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Дети до 15 лет включительно	25,3	29,5	26,9
Лица трудоспособного возраста	54,5	64,9	65,4
Лица старше трудоспособного возраста	85,7	91,7	97,4
Совокупности населения в целом	56,2	65,2	66,6

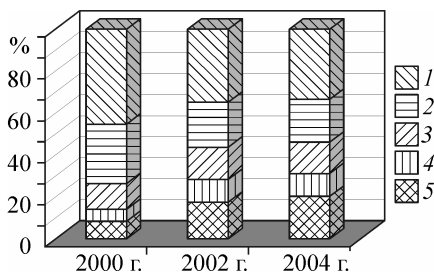

Рис. 15.2. Оценка здоровья населения на основе количества имеющихся нарушений здоровья, доля лиц в составе групп, 2000—2004 гг., %.

1 — хорошее, 2 — выше среднего, 3 — среднее, 4 — плохое, 5 — очень плохое.

периода во всех демографических группах.

Соответственно количеству признаков нарушений у каждого отдельного человека, его здоровье можно квалифицировать как: 1) очень плохое (четыре и более признака нарушений здоровья); 2) плохое (три признака нарушения здоровья); 3) среднее (два признака нарушения здоровья); 4) выше среднего (один признак нарушения здоровья); 5) хорошее (без признаков нарушения здоровья). Распределение населения по этим группам выглядит следующим образом (рис. 15.2).

Динамика изменения приведенных показателей говорит о том, что все меньше становится людей без признаков нарушений здоровья и с минимальным их количеством и увеличивается число тех, кто имеет либо «букет» заболеваний, либо усиливающуюся интенсивность проявления имеющихся у них заболеваний. Иначе говоря, не только становится меньше относительно здоровых людей, но и ухудшается здоровье тех, кто имеет заболевания.

Эта тенденция характерна для всех рассматриваемых демографических групп населения. В качестве примера приведено изменение доли трудоспособного населения с различным количеством нарушений здоровья (табл. 15.5).

Как и в других демографических группах населения, среди людей трудоспособного возраста наблюдается тенденция увеличения диапазона нарушений здоровья: сокращается удельный вес имеющих минимальное количество нарушений и растет доля имеющих среднее и большое количество нарушений здоровья.

Таблица 15.5

Оценка здоровья населения трудоспособного возраста по количеству имеющихся нарушений, доля лиц в составе групп, 2000—2004 гг., %

Оценка здоровья	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Очень плохое	1,7	11,5	12,7
Плохое	4,4	10,6	11,2
Среднее	13,1	17,4	16,9
Выше среднего	33,6	25,4	24,6
Хорошее	47,2	35,1	34,6

Определенная часть изменений в состоянии здоровья может быть связана с изменением структуры выборочной совокупности. Поэтому более полную и точную оценку изменения состояния здоровья населения могут дать показатели воспроизводства и смены статусов здоровья одних и тех же респондентов, участвовавших, в частности, в обследованиях РМЭЗ как 2000, так и 2004 г. Анализ переходов индивидов между пятью статусными группами здоровья между начальной (2000 г.) и конечной (2004 г.) точками наблюдения показывает, что в этот период сохранили без изменений свой статус здоровья 43,3 % населения. У остальных 56,7 % жителей РФ статус здоровья изменился. Понизился статус здоровья (выявились новые заболевания или усилилась частота проявления прежних болезней, иначе говоря, ухудшилось здоровье) у 41,6 % населения, а повысился (улучшилось здоровье) — только у 15,1 %. Таким образом, среди одних и тех же респондентов, участвовавших в обследованиях 2000 и 2004 гг., наблюдались довольно большие масштабы смены статусов здоровья. При этом процессы ухудшения статусов здоровья доминировали. В 2000—2004 гг. по сравнению с 1994—2000 гг. увеличилась доля понизивших статус здоровья (с 37,3 до 41,6 %) и сократились доли повысивших (с 21,6 до 15,1 %).

Субъективные оценки, которые дает своему здоровью само население, отличаются от формируемых на основе объективных показателей здоровья. Для субъективного взгляда характерны смещение в сторону оценок, характеризующих здоровье как среднее или выше среднего, и малая доля групп с полюсными оценками здоровья (табл. 15.6).

Скорее всего, особенности распределения субъективных оценок здоровья связаны с тем, что при его оценке населению было трудно провести границу между средним и плохим здоровьем. Не имея надежных критериев для того, чтобы считать свое здоровье плохим или средним, респонденты предпочитали причислять себя к средней группе.

Вместе с тем, можно видеть, что доля тех, кто оценивает свое здоровье как хорошее или очень хорошее, сопоставима (по крайней мере, в 2002 и 2004 гг.) с долей имеющих хорошее здоровье согласно объективным данным о количестве нарушений здоровья. Согласно субъективным показателям, удельный вес населения с хорошими оценками

Таблица 15.6

Распределение населения по группам с различными самооценками здоровья, %

Самооценка здоровья	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Совсем плохое	2,8	2,4	2,2
Плохое	12,9	11,9	11,8
Среднее	50,9	52,9	50,5
Хорошее	29,9	30,4	33,5
Очень хорошее	3,5	2,3	2,0

здоровья составлял в 2002 г. 32,7 %, в 2004 г. — 35,2 %, а по объективным данным — 35,1 % и 34,6 % соответственно.

Социально-демографическая дифференциация здоровья

Уровень заболеваемости населения является в целом результирующей влияния множества факторов, среди которых степень загрязненности окружающей среды (воды, воздуха, почвы), наследственность, условия и качество жизни населения, эффективность сферы медицинского обслуживания и социальной политики в области охраны здоровья населения, территориальная и экономическая доступность медицинских услуг.

Региональная дифференциация в состоянии здоровья населения является отражением неравенств в условиях и качестве жизни населения. При использованных критериях формирования выборочной совокупности полученные данные нерепрезентативны для отдельных территорий, вошедших в ее состав. Однако они позволяют судить, насколько крупные части этой совокупности отличаются от целого — Российской Федерации в целом. С этой точки зрения можно сказать, в частности, что здоровье населения Сибирского федерального округа по большинству показателей хуже здоровья среднестатистического жителя РФ. Среди жителей СФО выше доля людей с нарушениями здоровья (в 2004 г. — 71 против 66 %). Жители Сибири чаще сталкиваются с текущими проблемами здоровья (47 против 41 %). Среди них выше доля имеющих хронические заболевания (53 против 45 %), в том числе заболеваний сердца, легких, печени, позвоночника и других. В Сибири больше людей, переболевших социально значимыми заболеваниями, такими как туберкулез и гепатит. Отмеченные различия были статистически значимы и характерны для других периодов наблюдения (2000—2002 гг.).

Среди проблем демографической и социальной дифференциации здоровья в первую очередь заслуживают внимания различия в здоровье городского и сельского населения, поскольку социально-территориальная дифференциация в качестве жизни между городом и селом является основной осью социально-экономического неравенства в стране. Однако сопоставление здоровья городского и сельского населения по всему спектру используемых в данном исследовании переменных говорит о том, что сельское население имеет даже более благоприятные показатели здоровья, чем городское, что представляется крайне маловероятным. Скорее всего, такая картина складывается за счет значительно более ограниченной доступности (а зачастую, и просто отсутствия) медицинских услуг для сельского населения и, соответственно, более низкого уровня выявления имеющихся заболеваний. Иначе говоря, при существующем разрыве в доступности медицинских услуг для сельского и городского населения сравнение уровня их здоровья на основе показателей выявленных его нарушений является некорректным.

В определенном смысле аналогичная ситуация наблюдается среди мужчин и женщин. По большинству показателей здоровье женщин хуже здоровья мужчин во всех периодах наблюдения. Уступили женщины мужчинам только по уровню распространенности травм, ран, отравлений и хронических заболеваний позвоночника. В качестве иллюстрации приведен уровень хронических заболеваний мужчин и женщин по состоянию на 2000 и 2004 гг. (табл. 15.7).

Полученные результаты выглядят парадоксально в контексте медико-демографической статистики, свидетельствующей о более низкой продолжительности жизни мужчин, и на фоне данных о соотношения мужчин и женщин в составе населения, особенно в старших возрастах. Но на наш взгляд, они могут свидетельствовать и о том, что выявленные болезни и их своевременное лечение продляют жизнь людей, и в данном случае это характерно, прежде всего, для женщин. Маловероятно, что мужчины имеют меньше нарушений здоровья, чем женщины. Но эти заболевания нередко остаются не выявленными, поскольку их симптомы не вызывают у мужчин чувства озабоченности здоровьем и, в отличие от женщин, не побуждают обратиться к врачу. На это указывает, в частности, частота посещения врачей женщинами и мужчинами. Эпизодически (реже одного раза в год) в 2004 г. посещали врача 42,4 % мужчин и 28,0 % женщин. Более регулярно (2—3 раза в год) к врачам обращались 22,3 % мужчин и 34,4 % женщин, а в среднем один раз в месяц у врачей бывали 4,9 % мужчин и 9,1 % женщин. Реже женщин мужчины бывают у врачей и с целью профилактических осмотров.

Выявленные различия в здоровье мужчин и женщин являются отражением не только гендерных стереотипов отношения к своему здоровью, но и следствием влияния образа жизни, наличия вредных привычек. Одним из таких «врагов» здоровья является широкая распространенность курения. Так, на момент проведения РМЭЗ 2004 г. курили 57 % мужчин и 14 % женщин. При этом среди некурящих были курить-

Таблица 15.7
Доля мужчин и женщин, ответивших положительно в 2000—2004 гг. на вопрос о том, есть ли у них следующие хронические заболевания, % от численности группы

Имеют хронические заболевания	Мужчины		Женщины	
	2000 г.	2004 г.	2000 г.	2004 г.
Сердца	7,1	9,9	10,2	18,0
Легких	4,9	5,1	5,5	4,9
Печени	4,6	4,6	9,0	11,3
Почек	5,5	4,2	8,8	10,8
Желудочно-кишечные	14,3	11,7	16,6	17,9
Позвоночника	14,7	11,7	14,0	16,6
Другие	13,8	15,1	23,4	23,1

щиками в прошлом 38 % мужчин и 8 % женщин. У курильщиков (как у мужчин, так и у женщин) чаще встречаются хронические заболевания легких, болезнь Боткина (гепатит, желтуха) и другие болезни. Так, по данным РМЭЗ за 2004 г., хронические болезни легких имели 4,5 % некурящих мужчин и 6,7 % курящих; болезнью Боткина переболели 5,2 % некурящих мужчин и 9,6 % курящих.

Другой распространенной причиной потерь здоровья является злоупотребление алкоголем. По данным Всемирной организации здравоохранения, злоупотребление алкоголем является третьей по частоте (после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний) причиной смертности в современном мире. Алкоголики и неумеренно пьющие люди живут в среднем на 15–20 лет меньше, чем люди умеренно пьющие и непьющие, и только 25 % алкоголиков преодолевают 50-летний рубеж. Что касается жителей РФ, то согласно данным РМЭЗ, в 2002—2004 гг. около трети российских пьющих мужчин потребляли алкоголь в избыточных количествах (более 40 г чистого алкоголя ежедневно). Доля женщин, потребляющих алкоголь в избыточных дозах (более 20 г чистого алкоголя ежедневно), была в три раза меньше, чем среди мужчин, однако эти различия сокращаются. При этом для половины мужчин, потребляющих алкоголь (15—16 % всего взрослого мужского населения), судя по количеству алкоголя, принятого в среднем за год, были характерны признаки повседневногo пьянства. При высоком уровне потребления алкоголя наблюдается повышенный уровень заболеваемости некоторыми болезнями (органов дыхания, печени и др.). В 2004 г., по данным РМЭЗ, среди мужчин с минимальным уровнем риска потребления алкоголя (до 40 г чистого алкоголя за день) 5,7 % имели хронические заболевания легких. Среди мужчин с максимальным уровнем (свыше 100 г чистого алкоголя в день) хронические заболевания легких имели 9,3 %. Хронические заболевания печени зафиксированы у 10,8 % женщин с минимальным уровнем риска потребления алкоголя (до 20 г чистого алкоголя в день) и у 18,4 % женщин с высоким уровнем риска в потреблении алкоголя (от 41 до 60 г чистого алкоголя в день).

Избыточный вес, являющийся следствием стрессов, неправильного питания, малоподвижного образа жизни, также является фактором риска для здоровья, и бóльшую угрозу он представляет для женщин, чем для мужчин (табл. 15.8). Немногим более половины женщин и около двух третей мужчин имеют нормальные показатели массы тела.

Примерно у четвертой части мужчин и женщин наблюдается избыточная масса тела, которая, однако, еще не рассматривается как признак ожирения. А на различных стадиях ожирения находились в 2000—2004 гг. 9—10 % мужчин и 21—23 % женщин.

Частота проблем, связанных с теми или иными нарушениями здоровья, грубо говоря, пропорциональна массе тела. В 2004 г. в течение месяца перед проведением РМЭЗ возникали проблемы со здоровьем у 36,4 % респондентов с нормальной массой тела; у 42 — с избыточной;

Таблица 15.8

Группы мужчин и женщин по величине значения индекса массы тела Кетле*, 2000—2004 гг., % от численности мужчин и женщин

Группы по величине значения индекса массы тела Кетле	Мужчины		Женщины	
	2000	2004	2000	2004
Норма (до 24,9)	66,7	62,8	56,0	52,5
Избыточная масса тела 1-й степени (25—29,9)	24,7	27,6	23,0	24,8
Умеренное ожирение (30—34,9)	7,0	7,5	15,1	14,6
Высокий уровень ожирения (35—39,9)	1,3	1,9	4,3	6,1
Очень высокий уровень ожирения (40 и выше)	0,4	0,3	1,7	1,9

* Индекс массы тела Кетле рассчитывается по формуле: $ИМТ = M/H^2$, где M — масса тела в килограммах, H^2 — квадрат роста в метрах.

у 51,7 — с умеренным ожирением; у 59,0 % — с высоким уровнем ожирения; у 63,3 % — с очень высоким уровнем ожирения. Такая же статистически значимая зависимость от массы тела наблюдается и в уровне заболеваемости хроническими болезнями (табл. 15.9).

Приведенные показатели связи частоты заболеваний с массой тела говорят о том, что контроль над массой тела, отношение людей к лишним килограммам являются важнейшими факторами здоровья.

В этой связи актуальным является вопрос о культурных стереотипах отношения человека к своему здоровью и, в частности, о том, в какой мере здоровье зависит от образованности людей, уровня их общей культуры. Высокий уровень образования можно считать индикатором повышенной

Таблица 15.9

Доля респондентов, имеющих различные хронические заболевания, в группах населения с различной массой тела, 2004 г., % от численности группы по значению показателей массы тела

Имеют хронические заболевания	Группа по значению показателей массы тела				
	Норма	Избыточная масса	Умеренное ожирение	Высокий уровень ожирения	Очень высокий уровень ожирения
Сердца	8,0	17,9	26,5	32,0	30,0
Легких	4,3	5,0	6,6	7,5	11,1
Печени	5,0	9,9	15,0	16,5	24,4
Почек	5,8	8,7	14,3	14,9	16,7
Желудочно-кишечные	13,1	17,9	18,9	18,6	21,1
Позвоночника	11,0	19,1	19,7	25,8	21,1
Гипертензию	21,0	43,6	57,8	73,0	78,2
Диабет	0,8	4,2	10,1	13,0	16,7
Другие хронические	14,1	22,3	29,4	36,0	37,8

способности человека воспринимать и перерабатывать информацию; принимать решения, позволяющие разумно, грамотно и бережно подходить к сохранению и поддержанию своего здоровья. Это означает, что высокому уровню образования, скорее всего, будет соответствовать более высокий уровень профилактического наблюдения (и это действительно показывают данные) и оперативного реагирования на возникшие нарушения здоровья. Имеющий высшее образование чаще будет обращаться в медицинское учреждение и, следовательно, своевременно выявлять имеющиеся заболевания; реже будет переносить болезнь на ногах и отказываться от освобождения от работы. Следовательно, с одной стороны, для более образованных людей будет характерно большее количество выявленных заболеваний, а с другой стороны, благодаря своевременному обращению за медицинской помощью, у них выше шансы на то, чтобы своевременно вылечиться и прожить более продолжительную жизнь.

Как показывает анализ данных, высказанные выше предположения о значении гендерных стереотипов и различий в уровне образования справедливы, однако в разных ситуациях играет более заметную роль либо тот, либо другой фактор. Это иллюстрирует, например, реакция работающего населения на сильные боли в груди, продолжающиеся более получаса. В 2000 г. обратились к врачу по поводу этой боли 58,8 % мужчин и 54,7 % женщин с высшим образованием и только 40 % мужчин и 56,3 % женщин без высшего образования. Иначе говоря, для мужчин наличие высокого уровня образования является существенным фактором своевременного обращения за помощью к специалистам.

О различии культурных стереотипов отношения мужчин и женщин с различным уровнем образования свидетельствуют следующие данные (рис. 15.3). Диаграмма указывает на очевидность роли уровня образования в выявлении заболеваний. Но одновременно она демонстрирует, что

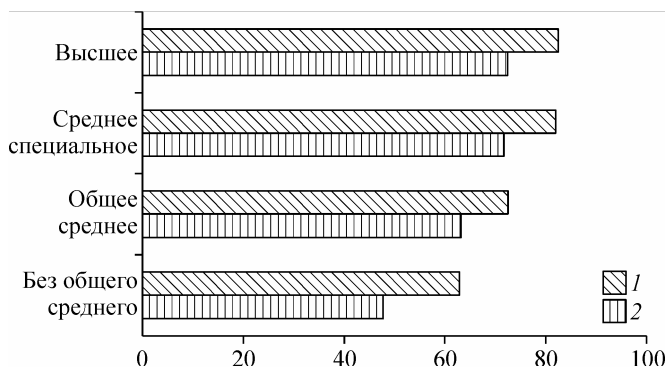

Рис. 15.3. Доля населения с выявленными нарушениями здоровья в группах населения с различным уровнем образования, 2004 г., %.

1 — женщины, 2 — мужчины.

Таблица 15.10

Доля работников с выявленными нарушениями здоровья в различных профессионально-должностных группах, 2004 г., %

Профессионально-должностная группа	Мужчины	Женщины
Военнослужащие	70,0	50,0
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	62,4	72,4
Профессионалы с высшим образованием	76,4	83,1
Специалисты со средним специальным образованием	69,6	74,6
Служащие конторские и по обслуживанию клиентов	56,3	75,9
Занятые в сфере обслуживания	56,5	71,6
Квалифицированные работники сельского хозяйства и рыбной промышленности	54,5	28,6
Промышленные рабочие	66,7	71,9
Рабочие других отраслей хозяйства	66,9	77,0
Разнорабочие	53,8	76,5

при одинаковом уровне образования женщин и мужчин женщины более внимательны к своему здоровью и более оперативны в вопросах, касающихся необходимости обращения за медицинской помощью. Это подтверждено также результатами других исследований, в частности, данными, приведенными в монографии отечественных исследователей [Неравенство..., 2000]. Величина медианной ожидаемой продолжительности жизни для 50-летних мужчин с низким, средним и высоким уровнями образования составила соответственно 10 ± 3 , $22 \pm 0,6$ и $27 \pm 0,3$. У женщин, таким образом, несколько выше шансы на формирование более высокой культуры отношения к своему здоровью и более высокого уровня дожития, поскольку у них выше уровень образования. По данным РМЭЗ за 2004 г., имели дипломы о высшем и среднем специальном образовании 17,8 % мужчин и 30,1 % женщин.

Характер оценок здоровья крупных профессионально-должностных групп работников в 2000-е гг. также носит отпечаток влияния уровня образования и демографического состава работающих. Судя по данным РМЭЗ, наиболее высокий уровень выявленных нарушений здоровья наблюдался на протяжении рассматриваемого периода именно у работников умственного труда и, в первую очередь, дипломированных специалистов с высшим образованием, почти три четверти которых составляют женщины (табл. 15.10).

Низкий уровень выявленных нарушений здоровья женщин-работниц сельского хозяйства вряд ли можно считать позитивной оценкой состояния здоровья этой группы населения. В этом случае уровень выявленных нарушений говорит, как это уже обсуждалось, скорее о крайне низком уровне доступности медицинских услуг на селе, чем о хорошем здоровье сельских женщин-работниц.

* * *

Завершая анализ показателей здоровья населения, можно сказать, что различные его группы, обладая в силу многих причин неодинаковыми возможностями адаптации к меняющимся экономическим условиям, имели разную степень приспособляемости и сопротивляемости воздействию происходящих изменений. Поэтому наблюдаемая частота временных нарушений и признаков расстройства здоровья, распространенность хронических заболеваний, являющихся специфическим способом реагирования на жизненные реалии, а также динамика этих показателей были у них не одинаковы. Не одинаковым, следовательно, был и их вклад в изменение общих показателей заболеваемости населения.

Наличие в составе населения 8 % жителей с двигательными, зрительными, умственными и другими нарушениями, ограничивающими их во всех сферах жизнедеятельности, говорит о низкой эффективности, с одной стороны, социальной и медицинской профилактики заболеваний, а с другой, о низком уровне здоровья населения в целом.

Население регулярно и в достаточно широких масштабах сталкивается с теми или иными расстройствами здоровья. Ежемесячно возникающие более чем у 40 % населения проблемы со здоровьем в большинстве случаев требуют медицинской помощи со всеми вытекающими последствиями (лекарства, процедуры, освобождение от работы и учебы, затраты времени, денег и т. д.).

Самым распространенным источником текущих проблем, связанных со здоровьем, следует считать болезни сердца и кровеносных сосудов (ишемическая болезнь сердца, вегетососудистая дистония, артериальная гипертензия, расстройство мозгового кровообращения и др.). Текущие проблемы нарушений здоровья в значительной мере обязаны также обострению хронических заболеваний, которые есть у 45—46 % населения.

Более половины всего населения относилось в 2000—2004 гг. к группе населения с признаками нарушения здоровья, а доля имеющих нарушения увеличивалась в этот период во всех демографических группах.

Оценка здоровья населения на основе объективных показателей количества имеющихся нарушений здоровья показывает, что в 2000—2004 гг. не только становилось меньше относительно здоровых людей, но и ухудшался статус здоровья тех, кто имел заболевания. Эта тенденция характерна для всех рассматриваемых демографических групп населения.

При существующем разрыве в доступности медицинских услуг для сельского и городского населения сравнение уровня их здоровья на основе показателей выявленных его нарушений является некорректным.

По большинству показателей здоровье женщин хуже здоровья мужчин. Однако, скорее всего, мужчины имеют не меньше нарушений здоровья, чем женщины. Но эти заболевания нередко остаются не выявленными, поскольку их симптомы не вызывают у мужчин (в первую оче-

редь с относительно невысоким уровнем образования) чувства озабоченности здоровьем и, в отличие от женщин, не побуждают обратиться к врачу.

Широкая распространенность курения, злоупотребление алкоголем, лишний вес являются значимыми факторами здоровья. Особенно выделяется роль лишнего веса: частота проблем, связанных с теми или иными нарушениями здоровья, пропорциональна избыточной массе тела.

Очевидна роль культурных стереотипов, зависящих во многом от уровня образования, в выявлении заболеваний. Но при одинаковом уровне образования женщин и мужчин женщины более внимательны к своему здоровью и более оперативны в вопросах, касающихся необходимости обращения за медицинской помощью.

Проведенное нами в 2002 г. специальное исследование связи между состоянием здоровья и величиной рабочего времени показало, что состояние здоровья работников влияет на их трудоспособность и обуславливает дифференциацию рабочего времени: чем ниже статус здоровья, тем ниже величина рабочего времени. От статуса здоровья зависят не только текущие различия в величине затрат рабочего времени и в величине их потерь, но и траектория изменения этих показателей в перспективе.

Лимит здоровья и готовности работать с повышенными нагрузками, хотя и не исчерпан, но в значительной степени задействован. По данным РМЭЗ, в 2000 г. почти у 40 % работников величина рабочего времени в месяц превышала 176 ч в месяц, т. е. выходила за рамки законодательно установленной продолжительности рабочей недели. Иначе говоря, работающее население продемонстрировало, что оно готово и способно на дополнительные затраты труда, для того чтобы самостоятельно зарабатывать средства для обеспечения социально приемлемого уровня жизни. Однако, во-первых, рост сверхурочной работы у работников с постоянным окладом и ненормированным рабочим днем приводит к увеличению доли бесплатного труда. Во-вторых, рост величины рабочего времени и распространенности высоких рабочих нагрузок, согласно медицинским данным, имеет негативные последствия для здоровья работников и в конечном итоге для экономики. Следствиями продолжительных повышенных физических, эмоциональных и умственных нагрузок являются физическое и умственное истощение, ослабление иммунной системы, что приводит к возникновению многих болезней. Обычными начальными симптомами реакции на повышенные рабочие нагрузки являются отсутствие должной концентрации внимания, памяти и ошибки в работе. При более продолжительных периодах повышенной рабочей нагрузки велика вероятность возникновения нарушения работы сердца и кровеносных сосудов, гипертензии, астмы, мигреней, расстройств желудка, нервных расстройств и других болезней. Поэтому длительные переработки оборачиваются для работников необходимостью обращения к врачу, невыходами на работу из-за болезни, расхода-

ми на лечение, а для предприятия — материальными затратами и производственными потерями. Следовательно, рост величины рабочего времени далеко не безобиден по своим последствиям для работающего населения и для экономики страны в целом.

Поэтому вряд ли социальной приемлемой моделью максимизации усилий населения по обеспечению роста благосостояния может рассматриваться дальнейшая эскалация рабочего времени, рост масштабов дополнительной занятости (даже если бы это позволял рынок труда). Местом локализации и максимизации усилий должна быть основная работа. В этой области в настоящее время по-прежнему актуальной проблемой остается не только максимизация усилий, добросовестное выполнение обязанностей, накопление профессионального опыта и знаний, но и величина вознаграждения за труд.

глава 16 | **Экономический потенциал населения России**

Конец XX в. ознаменовался радикальными изменениями в соотношении между средствами производства, капиталом, природными ресурсами и человеческим капиталом в составе мирового валового продукта. К концу 1990-х гг. соотношение этих составляющих стало противоположным по сравнению с тем, которое существовало в начале века. Доля человеческой составляющей в структуре валового продукта в 1997—1998 гг. достигла чрезвычайно высокой планки — 67—69 % по сравнению с 31—33 % в 1913 г. [Мельянцеv, 2000].

Это привело к переориентации системы ценностей в глобальных масштабах. Человеческий потенциал был признан основной движущей силой экономического роста и главной составляющей национального богатства, а на смену приоритету экономического роста пришел приоритет совершенствования человеческих возможностей или развития человеческого потенциала. Для интегральной оценки качества жизни населения стран-членов ООН с учетом новых реалий в 1990-е гг. Организацией Объединенных Наций был сформирован новый показатель — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), или индекс человеческого развития. Одна из его составляющих — валовый внутренний продукт на душу населения — характеризует величину вложений в развитие человеческого потенциала, определяющих границы экономических возможностей населения в сферах потребления, сохранения и поддержания

здоровья, получения качественного общего и профессионального образования, территориальной мобильности и др.

Цель исследования, о результатах которого далее идет речь, состояла в том, чтобы выявить наиболее важные количественные и качественные характеристики экономического потенциала населения России начала 2000-х гг. Под экономическим потенциалом в данном случае понималась совокупная способность населения удовлетворять широкий круг индивидуальных и семейных потребностей и запросов — материальных, культурных, физических, интеллектуальных и других — в сфере личного потребления. Экономический потенциал как совокупность средств удовлетворения потребностей включал денежные доходы, сбережения, объем накопленного движимого и недвижимого имущества.

В ходе исследования предполагалось решить несколько задач. Во-первых, выявить величину и дифференциацию денежной величины экономического потенциала и его распределение между отдельными группами населения: количественный состав экономических слоев по уровню доходов, их долю в составе населения и в распределяемых доходах; уровень и динамику неравенства и бедности; обеспеченность населения сбережениями. Во-вторых, рассмотреть некоторые аспекты воспроизводства социально-экономической структуры по уровню доходов: объем и направления перемещений между слоями и их роль в воспроизводстве различных слоев населения (бедных, средних, обеспеченных). В-третьих, оценить имущественную составляющую экономического потенциала — движимое и недвижимое имущество. Наконец, дать обобщенную оценку экономического потенциала отдельных социально-экономических слоев населения.

Методология и исходные посылки исследования

Информационной базой исследования являются материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)*. Исследование опирается на данные девятой, десятой, одиннадцатой, двенадцатой и тринадцатой волн мониторинга (декабрь 2000—2004 гг.). В ходе Мониторинга ежегодно опрашивались около 11 тыс. человек в 4 тыс. домохозяйств.

Базой для анализа и измерения экономического потенциала населения послужили данные РМЭЗ за 2000—2004 гг. о текущих денежных

* РМЭЗ — это первое российское панельное обследование домохозяйств, проводимое на основе общенациональной выборки. Инициаторы и организаторы мониторинга — коллективы исследователей Университета Северной Каролины (США) и Института социологии РАН (Москва). Последнее обследование проведено в 2005 г. Выборка РМЭЗ является многоступенчатой стратифицированной территориальной со случайным отбором жилых помещений (квартир) на последнем шаге. В них опрашивались все взрослые члены домохозяйств.

доходах, полученных домохозяйством из всех источников в течение 30 дней, предшествующих моменту опроса. Помимо этого использовались сведения о предметах длительного пользования, имеющихся в домохозяйстве, и сроках их службы; о характере собственности на жилье, количественных и качественных характеристиках жилья, уровне его благоустроенности; о статьях расходов на определенные товары и услуги. Исследование социального контекста экономической стратификации основывалось на информации о социально-демографических данных членов домохозяйств.

Основным наблюдаемым признаком при анализе экономической стратификации являлся показатель текущего денежного дохода, приходящегося на одного члена домохозяйства. При построении шкалы экономической стратификации в качестве единицы измерения использовался денежный доход, выраженный не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов, приходящихся на одного члена домохозяйства. Нормирование доходов — в данном случае деление величины доходов на величину региональных прожиточных минимумов у жителей различных регионов — преследовало несколько целей. Во-первых, это позволило выделить сначала в каждом из регионов группу населения с уровнем дохода ниже величины регионального прожиточного минимума, т. е. «сконструировать» точку отсчета при измерении стратификации — группу бедных, а затем сформировать на шкале экономической стратификации непосредственно интерпретируемые содержательные группы, важные с точки зрения оценки экономического потенциала населения. Во-вторых, соотнесение величины денежного душевого дохода с размером прожиточного минимума дало возможность, хотя бы частично, элиминировать территориальные различия в стоимости жизни, достигающие 4—6 раз, и тем самым более корректно сопоставить доходы населения различных регионов страны.

Проблема любого выборочного обследования, как известно, состоит в надежности и достоверности данных о доходах. Причинами отклонений в этой области являются, в первую очередь, неполный охват самых бедных и самых богатых; ненамеренные и намеренные искажения сведений о доходах. Размеры денежных доходов и сбережений — это для людей, с одной стороны, символ престижа, а с другой — повод для повышенного беспокойства о собственной безопасности. В связи с этим вопросы об источниках и величине доходов оцениваются опрашиваемыми как весьма деликатные. Свободно, без какого-либо смущения и напряжения их готовы обсуждать с интервьюерами лишь 32 % респондентов [Мягков, 2001]. Уклонения от ответа и дезинформация, таким образом, являются неизбежными спутниками данных о размерах доходов, получаемых в ходе массовых опросов населения.

Расхождения между сообщаемыми и фактическими доходами — проблема и для государственной статистики, поскольку она также формируется на основе данных выборочных обследований бюджетов до-

машних хозяйств — ОБДХ. Поэтому Госкомстатом РФ проводится макроэкономическая корректировка уровня доходов, которая с учетом баланса доходов и расходов населения увеличивает доходы на неучтенную (не сообщаемую) населением часть и тем самым повышает достоверность информации об их уровне.

Сравнение сведений, публикуемых в официальных статистических изданиях, касающихся величины среднемесячного душевого дохода и доли населения с определенным уровнем дохода, с первичными данными ОБДХ позволило вычислить примерную величину поправочных коэффициентов и применить их для аналогичной корректировки данных о доходах и доходных группах при работе с базой данных РМЭЗ*.

Отправной точкой и инструментом выделения экономических слоев послужила величина регионального прожиточного минимума, позволяющая оценить различные уровни удовлетворения потребностей и составить представление об экономическом потенциале населения. На основе этой величины была выделена, прежде всего, точка отсчета и «основание» шкалы — низший слой, т. е. *бедных*, имеющих денежные душевые доходы ниже величины прожиточного минимума, или менее 100 долл. в месяц по обменному курсу в ценах 2004 г.** Остальную часть населения можно подразделить на четыре группы. Среди них — слой относительно *малообеспеченного* населения, располагающего среднемесячными душевыми доходами в пределах от 1 до 2,74 прожиточных минимумов, или в пределах 100—300 долл. Доходы этого слоя позволяют удовлетворять потребности на социально приемлемом, но минимальном уровне воспроизводственного потребления. *Средний нижний* слой включает население с душевыми доходами от 2,74 до 5,49 прожиточных минимумов (300—600 долл.), обеспечивающих достаточно высокий уровень потребления, рассчитанный на расширенное воспроизводствен-

* Корректировка проводилась двумя способами: 1) взвешиванием переменной «среднемесячный денежный душевой доход» с одинаковым весовым коэффициентом для каждой единицы наблюдения (индивид); 2) взвешиванием восьми доходных групп, аналогичных группам, выделяемым в статистике, с применением различных весовых коэффициентов. Результаты взвешивания первым и вторым способами дали почти одинаковые результаты. Корректировка показателей душевых доходов в базе данных РМЭЗ увеличивает денежные среднедушевые доходы в 1,7—1,9 раза. Примечательно, что согласно расчетам, проведенным Т. Богомоловой и В. Тапилиной на другой информационной базе в 1997 г., величина поправочного коэффициента для корректировки дохода равнялась 1,9 [Богомолова, Тапилина, 1997]. В дальнейшем в работе используется шкала социально-экономических слоев, полученная при применении взвешивания среднедушевого денежного дохода с одинаковым весовым коэффициентом для каждой единицы наблюдения (индивид).

** Доллар в качестве денежной единицы (наряду со стоимостью прожиточного минимума в рублях) используется только при обсуждении границ между выделяемыми слоями, поскольку в условиях высокого уровня инфляции в стране в 2000—2004 гг. он имел более устойчивую покупательную способность по сравнению с рублем. Все выполненные в работе расчеты, касающиеся величины денежных душевых доходов населения, выполнены в рублях.

ное потребление. Средний верхний слой включает население, располагающее денежными душевыми доходами от 5,5 до 8,24 прожиточных минимумов (т. е. 600—900 долл.), при которых возможно удовлетворение более широкого круга потребностей при более высоком качестве потребляемых товаров и услуг*.

Остальная часть населения с доходами свыше 8,25 прожиточных минимумов (т. е. более 900 долл.) отнесена к слою *состоятельных*, которые практически не испытывают ограничений в удовлетворении своих потребностей.

Доходы населения

Социально-экономические слои населения по уровню доходов

Распределение населения по сконструированному социально-экономическим слоям приведено в табл. 16.1.

Наиболее характерной чертой социально-экономической структуры населения в начале 2000-х гг. являлось преобладание бедных и малообеспеченных слоев, на долю которых приходилось 70 % и более населения. А особенность трансформации этой структуры заключалась в неуклонном снижении численности бедных и увеличении доли остальных слоев населения. Обращает на себя внимание и наметившийся после 2002 г. перелом в росте численности слоя малообеспеченного насе-

Таблица 16.1

Социально-экономический состав населения РФ по величине среднемесячных денежных душевых доходов, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2001	2002	2003	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	37,4	28,7	26,3	19,8	19,1
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	47,1	53,1	54,8	52,9	50,7
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	11,6	14,1	15,2	21,6	24,1
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	2,7	2,5	2,4	3,6	3,8
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	1,3	1,7	1,3	2,0	2,3

Примечание. ПМ — прожиточный минимум.

* Специалисты Всероссийского центра по изучению уровня жизни к представителям среднего класса относили в 2003—2004 гг. группу населения с денежными душевыми доходами 12000—17000 рублей в месяц. В условиях высокого уровня инфляции и быстрого роста номинальных денежных доходов такой уровень доходов (по обменному курсу от 300 до 600 долл.) на сегодня имеет нижний слой среднего класса. Доходы верхнего (более преуспевающего) среднего слоя, скорее всего, в 1,5—2 раза выше доходов нижнего и находятся в интервале 25000—35000 рублей, т. е. 600—900 долл.

ления, многие годы являвшегося своего рода «ловушкой» или «накопителем» тех, кто преодолел черту бедности. Однако в этом слое по-прежнему остается немалая часть дипломированных специалистов (работников учреждений культуры, врачей, учителей, преподавателей вузов и средних специальных учебных заведений, инженеров, научных работников, специалистов сельского хозяйства и т. д.) и квалифицированных рабочих, т. е. тех категорий занятого населения, которые в других странах мира являются составной частью среднего класса.

Несмотря на положительные тенденции роста средних (с точки зрения экономических возможностей) слоев, они по-прежнему оставались малочисленными (около 28 % в 2004 г. в составе населения и 46 % в объеме денежных доходов всего населения). Иначе говоря, бедные и малообеспеченные составляли к середине первого десятилетия XXI в. без малого 60 % всего населения, а малообеспеченные представляли собой модальную, т. е. самую многочисленную, часть российского общества. Таким образом, сформировавшаяся в начале 2000-х гг. структура населения по уровню душевых доходов продолжала оставаться структурой бедного общества.

При ощутимом росте номинальных денежных доходов каждого из социально-экономических слоев населения в 2000—2004 гг. (в 1,6—2,1 раза) покупательная способность этих доходов росла менее заметно. Это говорит о том, что значительная часть роста доходов шла на компенсацию удорожания жизни (табл. 16.2).

При этом покупательная способность доходов бедных к 2004 г. даже понизилась, т. е. имело место обеднение бедных, произошедшее, скорее всего, за счет нисходящей абсолютной мобильности части бедных. По результатам измерения концентрации доходов бедных в 2000 г., на долю 10 % наиболее бедного населения приходилось 1,3 % доходов всего населения, а к 2004 г. эта доля сократилась до 1 %. Заметное сокращение уровня бедности в 2000—2004 гг. произошло, следовательно,

Таблица 16.2

Динамика покупательной способности среднемесячных денежных доходов населения (отношение величины доходов к стоимости прожиточного минимума) из различных социально-экономических слоев, РМЭЗ, 2000—2004 гг.

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2001	2002	2003	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	1,6	1,7	1,7	1,8	1,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	3,6	3,6	3,6	3,7	3,7
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	6,6	6,6	6,5	6,5	6,6
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	15,6	16,8	16,7	13,1	15,9
Итого по совокупности	1,8	2,0	2,0	2,4	2,5

за счет повышения доходов группы населения, находящегося вблизи от черты бедности. А материальное положение части бедного населения, имевшего низкие шансы на преодоление черты бедности, ухудшилось.

Несколько снизилась за этот период времени покупательная способность денежных доходов наиболее состоятельной группы населения. А доля 10 % наиболее состоятельных из них в объеме доходов всего населения сократилась с 37,2 % в 2000 г. до 33,7 % в 2004 г.

Величину различий финансово-экономических возможностей социально-экономических слоев характеризуют высокие значения показателей дифференциации и неравенства в распределении доходов, отмеченные в эти годы. Децильные коэффициенты дифференциации равнялись 26,7 раза в 2000 г. и 33,4 в 2004 г., значения коэффициента Джини — 0,462 в 2000 г. и 0,467 в 2004 г.

Распределение различных групп населения (территориальных, демографических, профессионально-должностных, образовательных) по социально-экономическим слоям (табл. 16.3) дает возможность представить в самом общем виде «портретные» характеристики социально-экономических слоев.

Таблица 16.3

Распределение некоторых групп населения по социально-экономическим слоям, РМЭЗ, 2004, %

Группа населения	Социально-экономический слой				
	бедные	малообеспеченные	средний нижний	средний верхний	состоятельные
Население западных регионов страны	17,7	50,4	26,0	3,8	2,1
Население, проживающее за Уралом	26,0	52,3	15,0	3,7	3,0
Городское население	13,7	49,9	28,8	4,8	2,8
Сельское население	33,8	52,6	11,6	1,2	0,8
Пенсионеры	10,7	69,9	17,1	1,3	1,0
Дети до 15 лет	28,4	47,6	19,7	2,7	1,6
Все занятые в народном хозяйстве	14,9	43,0	32,6	6,3	3,2
Занятые индивидуальной трудовой деятельностью	20,9	46,0	23,9	5,0	4,2
Безработные	36,7	45,1	15,1	1,8	1,3
Руководители, дипломированные специалисты	12,5	37,1	37,2	8,2	5,0
Неквалифицированные рабочие	21,7	51,1	22,7	1,9	2,6
Высшее образование	11,3	40,8	34,8	8,4	4,7
Неполное среднее образование	23,9	56,3	16,6	2,0	1,2

К наиболее депривированной части населения — бедным — принадлежат чаще других жители восточных регионов страны и сельские жители; дети; лица, не имеющие законченного среднего образования; работники, занимающиеся неквалифицированным физическим трудом; безработные. Наличие статуса пенсионера, а также отсутствие законченного среднего образования и неквалифицированный физический труд определяют высокие шансы попадания в число малообеспеченных. Принадлежность к средним слоям и к состоятельной части населения больше всего связана с проживанием в городе; со статусом руководителя или дипломированного специалиста; с наличием среднего специального или высшего образования. В каком именно слое займет место часть населения, обладающая этими характеристиками, зависит, скорее всего, от конкретных условий локальных рынков труда, качества рабочих мест, отрасли занятости работающего населения, оплаты труда и от личных качеств работающих.

Особенности воспроизводства социально-экономических слоев населения по уровню доходов

Выделенные социально-экономические слои — подвижные, мобильные группы населения, непрерывно обновляющие свой состав. В каждом из этих слоев есть постоянное ядро и новые члены, прибывшие в него к определенному моменту времени на замену тем, кто сумел преодолеть верхнюю планку доходов слоя или, наоборот, перешел нижнюю границу его доходов. Соотношение постоянной и меняющейся частей социально-экономических слоев, а также источники их пополнения заслуживают специального внимания, в частности, с точки зрения выработки дифференцированного подхода в рамках социальной политики к решению проблемы бедности, формированию среднего класса. Инструментом изучения воспроизводства социально-экономических слоев является анализ мобильности доходов населения.

Особенностью исследований внутрипоколенной мобильности по доходам, которая рассматривается в этой работе, является наблюдение за одними и теми же объектами (индивидами), позволяющее отслеживать изменения их положения в экономическом пространстве в различные моменты времени. В отличие от всех других способов изучения динамики доходов, анализ мобильности дает возможность оценить как масштабы увеличения или уменьшения доходов, так и результаты этих изменений.

Начало 2000-х гг. было периодом роста величины доходов, т. е. восходящей абсолютной мобильности по доходам у большинства населения. Лишь у 22 % жителей РФ в 2000—2004 гг. денежные душевые доходы уменьшились в абсолютном выражении. Наибольший удельный вес населения, осуществившего нисходящую абсолютную мобильность по доходам (от 57 до 100 % от состава группы), наблюдался среди отно-

нительно обеспеченных слоев (среднего верхнего и среднего нижнего слоев, состоятельных). А среди бедных доля осуществивших абсолютную нисходящую мобильность составила лишь 9 %.

В какой мере изменение доходов населения в 2000—2004 гг. сопровождалось относительной мобильностью, т. е. сменой исходного социально-экономического слоя, иллюстрирует табл. 16.4.

Результаты перемещения между социально-экономическими слоями показывают, что превалировала восходящая относительная мобильность. Значительная часть населения (47,5 %) переместилась за этот период времени в более высокодоходные слои. Особенно результативной оказалась восходящая мобильность представителей слоя бедных, среди которых 56,9 % переместились в соседний слой малообеспеченных. Значительными были и масштабы восходящей мобильности по доходам слоя малообеспеченных — почти треть их состава перешла в средний нижний слой.

Несколько меньшей по численности оказалась часть населения, у которой изменения величины доходов были недостаточными для того, чтобы перейти в другой слой, и она сохранила за собой место, которое она занимала в базовом периоде (41,8 %). При этом наиболее стабильным в этом плане оказался слой малообеспеченных: 54,8 % его представителей сохранили место в своем слое. И лишь 10,7 % населения осуществили нисходящую мобильность, т. е. оказались в слоях с меньшими доходами. Понижение статуса по доходам было характерно главным образом для наиболее обеспеченной части населения.

Другую сторону ротации состава социально-экономических слоев характеризуют масштаб и источники их пополнения (табл. 16.5). Результаты изменения состава социально-экономических слоев за счет выхода из них одних групп населения и входа других показывают, что наиболее стабильным оставался состав слоя бедных. В 2000—2004 гг., так же как

Таблица 16.4

Относительная мобильность населения из разных социально-экономических слоев по доходам в 2000—2004 гг., % от численного состава слоя в базовом году

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	Вид относительной мобильности по доходам		
	нисходящая	восходящая	остались в своем слое
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	—	71,2	28,8
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	9,5	35,7	54,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	44,6	16,5	38,9
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	85,7	9,1	5,2
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	86,0	—	14,0
Итого по совокупности	10,7	47,5	41,8

Таблица 16.5

Изменение состава социально-экономических слоев за счет притока представителей других слоев в 2000—2004 гг., % в социально-экономическом слое на конец периода

Исходный социально-экономический слой по уровню доходов, 2000 г.	Доля населения, сохранившего к 2004 г. место в исходном социально-экономическом слое (выделены курсивом), и переместившихся в другие слои, %				
	бедные	малообеспеченные	средний нижний	средний верхний	состоятельные
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	65,5	26,2	5,2	1,4	1,7
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	43,1	<i>50,1</i>	5,4	1,0	0,4
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	20,4	62,0	<i>14,0</i>	2,3	1,2
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	15,3	49,4	30,6	<i>2,4</i>	2,4
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	20,2	46,8	18,1	7,4	7,4

и во второй половине 1990-х гг. [Богомолова, Тапилина, 2004], наблюдается устойчивое воспроизводство бедности: 65 % бедных 2004 г. были бедными и в 2000 г., т. е. оставались хронически бедными. Основным источником пополнения состава бедных является слой малообеспеченных. Из него перешло в слой бедных в три раза больше населения (26,2 %), чем из всех остальных вместе взятых слоев. Относительно стабильным можно считать и уровень воспроизводства слоя малообеспеченных, который сохранил в 2004 г. 50 % своего состава 2000 г. Большую роль в обновлении и формировании слоя малообеспеченных сыграли «бывшие» бедные, которые составили к концу периода 43,1 % его численности. Иначе говоря, между слоем бедных и малообеспеченных происходит довольно активный обмен, что говорит об условности разделяющей их границы. Среди других значимых результатов перемещений населения между социально-экономическими слоями следует отметить слабый уровень воспроизводства средних и высокодоходных социально-экономических слоев, потерявших к 2004 г. в результате перемещений 86 % и более их прежнего состава. Тем не менее, доля средних и состоятельных слоев увеличилась за этот период за счет их пополнения и интенсивного обновления, главным образом, за счет малообеспеченных, сформировавших к 2004 г. от 47 до 62 % их состава. Таким образом, слой малообеспеченных можно назвать основным источником формирования среднего слоя по уровню доходов. Это обстоятельство не должно выпадать из поля зрения социальной политики. И если одной из приоритетных целей социальной политики в перспективе является трансформация социально-экономической структуры населения по уровню доходов и формирование полновесного среднего класса (до 50—

60 % в составе населения), то росту доходов представителей этого слоя следует уделять не меньшее внимание, чем повышению доходов бедных.

Сбережения как составляющая экономического потенциала населения

Важным индикатором финансово-экономических возможностей населения является доля домохозяйств (или членов домохозяйств), направляющих деньги не только на текущее потребление, но и на реализацию тех или иных инвестиционно ориентированных моделей экономического поведения (табл. 16.6).

Доля населения из домохозяйств, ежемесячно аккумулирующих деньги на сберегательных счетах, а также хранящих их дома в рублях или валюте, дифференцирована по социально-экономическим слоям (разрыв между бедными и богатыми составляет от 2,7 до 4,8 раза) и в целом довольно скромна. Лишь 11—14 % всего населения регулярно и целенаправленно выделяли из своих текущих доходов определенную сумму на сбережения. Достоверность этих данных подтверждают и ответы опрошенных на вопрос о том, имеет ли семья возможность при желании откладывать деньги на крупные покупки — машину, дачу. Утвердительно ответили на этот вопрос в 2004 г. 13,8 % населения, в том числе 9,5 % бедных и малообеспеченных, 18,3 представителей среднего нижнего, 40,5 среднего верхнего слоя и 47,1 % из числа состоятельных.

Значительная часть сберегаемых средств концентрировалась в руках наиболее обеспеченных. Так, вклад в общую сумму сберегаемых средств 2,5 % самых состоятельных в 2004 г. был равен 14,7 %, а 50,7 % малообеспеченных — 24,8 %.

Однако часть домохозяйств откладывает деньги на сбережения не каждый месяц. С учетом тех, кто откладывал деньги на сберегательные счета, хранил их дома, вкладывал в покупку валюты или ценных бумаг не каждый месяц, но, тем не менее, с определенной степенью регулярности, доля домохозяйств и проживающего в них населения, имеющих

Таблица 16.6

Доля населения из семей, откладывавших в течение последних 30 дней деньги на сбережения, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	6,4	8,6	6,3
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	10,4	13,6	8,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	17,0	22,7	14,3
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	29,2	18,1	26,1
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	31,3	23,6	20,3
Итого по совокупности	10,5	13,9	10,6

финансовую подстраховку, несколько выше. В 2004 г. она составляла 15,9 % населения. Кроме того, около 4 % населения откладывают деньги на сбережения эпизодически — реже одного раза в год. В целом доля отложенных денег в сумме доходов семьи, выраженная в рублях, в 2004 г. соответствовала примерно половине среднедушевого месячного дохода.

Если обратиться к официальной статистике, то можно видеть, что в 2004 г. объем вкладов на рублевых счетах в расчете на душу населения насчитывал 5204 р., а на валютных счетах в переводе на рубли — 1440 р. [Социальное положение..., 2005]. Иначе говоря, суммарный запас денег среднестатистического жителя РФ на рублевых и на валютных счетах в 2004 г. составлял 6644 р., что равноценно примерно размеру месячного среднедушевого денежного дохода населения. Таким образом, отложенных денежных средств не хватило бы среднестатистическому жителю России на строительство даже одного квадратного метра жилья, не говоря уже о капитальном ремонте изношенного жилья или о покупке в кредит квартиры.

Численность населения, ведущего активную сберегательную политику, в целом остается в РФ довольно низкой на фоне других стран, в которых доля делающих регулярные сбережения во второй половине 1990-х гг. составляла 40 % [Findings..., 2000]. С одной стороны, в стране все еще слишком велика доля людей, которые не могут откладывать деньги, поскольку их доходов едва хватает на удовлетворение текущих потребностей. А с другой стороны, располагающие достаточными для этого доходами не хотят делать сбережения, считая это невыгодным. При высоком уровне инфляции банковские сбережения не только не приносят дополнительный доход, но и обесцениваются. Поэтому часть населения, наоборот, предпочитает брать деньги в долг, а не хранить их. Однако и в этом случае денежные доходы, которыми располагают семьи из разных социально-экономических слоев, определяют их возможности в пользовании кредитами, ссудами, одалживании денег. Степень активности населения в пользовании этими средствами решения экономиче-

Таблица 16.7

Доля населения из семей, тративших в течение последних 30 дней деньги на погашение кредита, возврат ссуд, уплату долгов, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	5,8	8,4	8,9
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	5,9	7,6	13,9
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	6,4	9,4	20,2
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	10,7	12,3	26,1
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	14,8	13,6	29,2

ских и потребительских проблем увеличивается по мере роста его доходов (табл. 16.7).

Численность населения, пользующегося системой кредитов и ссуд, выросла в 2000—2004 гг. более чем в 2 раза практически во всех социально-экономических слоях, а их доля в составе населения стала больше доли регулярных «сберегателей», т. е. ежемесячно откладывающих часть текущих доходов на сбережения.

Имущественный потенциал населения

Наряду с текущими денежными доходами, реализованными и отложенными на сбережения, экономический потенциал включает приобретенное в прошлом движимое и недвижимое имущество — совокупность материальных ценностей и вещей, находящихся во владении, пользовании или распоряжении членов семей.

Одной из самых ценных частей этого имущества, оказывающей огромное влияние на условия, образ жизни и здоровье населения, является жилище — квартира, дом. Подавляющая часть существующего жилищного фонда построена в советский период. Он представляет собой набор квартир стандартного образца (одно-, двух-, трех-, четырехкомнатные) не слишком различающейся планировки и примерно одинакового уровня благоустройства. Доля жилья, построенного по специальным или индивидуальным строительным проектам и имеющего принципиально иной уровень комфортности, была невелика. Несмотря на довольно жесткие нормы и правила в распределении жилья, оно фактически не являлось социальным благом, как это декларировалось правовыми и этическими нормами. Лучшая часть этого жилья и через более короткие сроки ожидания в очереди доставалась социальным группам в соответствии с их положением, занимаемым в «табели о рангах» [Богомолова и др., 1992].

Несмотря на то, что неравенство в жилищных условиях унаследовано от общества советского времени, оно имеет высокую степень согласованности с неравенством в распределении доходов, сформировавшимся в период реформирования России (табл. 16.8).

Зависимость обеспеченности жилой площадью от социально-экономического положения населения, сохраняющаяся и сегодня, наводит на мысль о том, что современные институциональные условия распределения доходов не только воспроизводят, но и закрепляют прежнюю дифференциацию жилищных условий населения.

Картина, аналогичная дифференциации дефицита жилой площади в различных социально-экономических слоях, наблюдается и в отношении квартир с определенным числом комнат. Так, в 2004 г. доля населения, имевшего дефицит комнат, т. е. квартиры (дома) с числом комнат, меньшим числа членов семьи, составляла среди бедных 70 %, а среди среднего верхнего слоя и состоятельных — 49—52 %.

Таблица 16.8

Доля населения, имеющего обеспеченность полезной площадью (площадью комнат) менее 9 м² на одного человека, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	46,1	46,9	39,2
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	34,3	33,5	33,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	32,2	24,7	31,3
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	28,6	33,0	22,6
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	14,0	10,0	25,5
Итого по совокупности	37,9	35,4	33,6

Оценивая перспективы решения жилищной проблемы за счет денежных средств самих нуждающихся в улучшении жилищных условий, нельзя не отметить, что в середине 2000-х гг. почти три четверти из них были либо бедными, либо малообеспеченными, т. е. участие в строительстве жилья за счет ипотечных кредитов для них нереально. Уровень душевых доходов позволял использовать этот канал привлечения денежных средств для строительства жилья только нуждающимся из среднего верхнего слоя и из состоятельных, которые составляли немногим более 4 % всех имеющих дефицит жилой площади. Оценка, которую сами жители дают своим возможностям изыскать при желании денежные средства на улучшение жилищных условий (купить комнату, квартиру, дом), в целом не расходится с этими выводами: лишь 7,3 % опрошенных считают, что при желании они могли бы улучшить свои жилищные условия. Наибольшая доля располагающих такими возможностями приходится на средний верхний слой (14,4 %) и слой состоятельных жителей страны (19,5 %).

Примерно такая же ситуация наблюдается в отношении качества жилья населения из разных социально-экономических слоев. В первую очередь, это касается уровня его благоустроенности. Чем выше социально-экономический статус членов семьи, тем выше благоустроенность жилья. И наоборот, самое неблагоустроенное жилье сосредоточено среди бедных (табл. 16.9).

Различия между социально-экономическими слоями существуют и в субъективных оценках качества жилья, выраженных, в частности, в его приблизительной рыночной стоимости. У членов семей из слоя состоятельного населения указанная рыночная стоимость жилья в 2—3 раза выше, чем у бедных.

Исследование еще одного важного индикатора материально-имущественной составляющей экономического потенциала населения — имущественной обеспеченности — показало, что, подобно жилищи, унаследованному от прежней советской системы, она во многих случаях имеет примерно такое же происхождение.

Таблица 16.9

Доля населения, имеющего квартиры (дома), оснащенные всеми основными элементами благоустройства*, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	17,8	20,2	28,9
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	35,8	40,9	37,8
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	46,3	52,3	54,8
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	46,6	63,7	59,9
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	34,5	50,9	66,1
Итого по совокупности	30,6	37,9	41,7

* В перечень основных элементов благоустройства входят: центральное отопление; централизованное снабжение холодной водой; горячее водоснабжение; магистральный газ или напольная электроплита; централизованная канализация; домашний телефон.

В 2004 г. средний срок службы предметов длительного пользования, имевшихся в семье, составлял 14 лет, т. е. немалая часть из них была куплена еще во времена дореформенной России*. При этом наиболее частая замена физически и морально устаревшего имущества происходила в обеспеченных слоях населения, и реже это наблюдалось среди бедных и малообеспеченных (табл. 16.10).

К числу вещей длительного пользования, имеющих наибольший физический и моральный износ, относятся холодильники (средний срок службы в 2004 г. 17 лет), легковые автомобили (средний срок службы более 14 лет), стиральные машины (средний срок службы около 14 лет).

Таблица 16.10

Средний срок службы предметов длительного пользования, перечисленных в списке, РМЭЗ, 2000—2004 гг., лет

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	12,0	12,5	16,7
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	10,9	11,6	14,7
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	8,5	9,9	11,6
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	7,4	7,8	10,2
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	8,1	8,6	10,3
Итого по совокупности	10,9	11,4	14,1

* Для оценки имущественной обеспеченности использовался набор предметов длительного пользования, в который входили: холодильник; отдельная морозильная камера; черно-белый телевизор; цветной телевизор; видеомэгафон или видео-плеер; персональный компьютер; легковой автомобиль; грузовой автомобиль; мотоцикл, мотороллер или моторная лодка; трактор или минитрактор; дача, другой дом, часть дома, садовый домик; другая квартира или часть квартиры.

Далеко не в каждой семье есть полный набор или даже половина из указанных в списке 13 предметов длительного пользования. В среднем каждая семья имела лишь четыре предмета из них. Различия в количественном составе домашнего имущества населения из разных социально-экономических слоев показывают данные табл. 16.11.

Различия в *качественном* составе имеющегося имущества оценивались по наличию наиболее дорогих предметов длительного пользования и имущества, характеризующего причастность членов семьи к освоению и использованию современных информационных технологий. К их числу отнесены: другая (вторая) квартира или часть квартиры; легковой автомобиль; грузовой автомобиль или микроавтобус; отдельная морозильная камера; компьютер. Среди них самым распространенным во всех социально-экономических слоях оказался легковой автомобиль. В 2004 г. автомобиль имели 27,0 % населения из слоя бедных, 29,1 из слоя малообеспеченных, 42,9 из среднего нижнего слоя, 49,1 из среднего верхнего слоя и 51,0 % из слоя состоятельного населения, а в среднем по совокупности личный транспорт был у 33 % населения. Срок службы автомобилей бедных и малообеспеченных исчисляется 15—16 годами, т. е. имеет очень высокую степень износа (значительная их часть куплена до 1990 г.), а среди обеспеченной части населения (среднего верхнего слоя и состоятельных) автомобили были приобретены во второй половине 1990-х гг. и прослужили в среднем 8 лет.

Домашними персональными компьютерами в 2004 г. пользовалось в целом 20 % населения, в том числе 13,4 % бедных, 14,2 малообеспеченных, 30,8 среднего нижнего слоя, 43,5 среднего верхнего слоя и 49,9 % слоя состоятельных. Наиболее высокая концентрация домашних персональных компьютеров наблюдалась в домохозяйствах, члены которых имеют высшее образование и занимают должности руководителей и специалистов различных отраслей народного хозяйства.

Самое дорогостоящее благо — другая квартира или комната в другой квартире, находящаяся в собственности членов семьи, есть у относительно небольшой части населения (в среднем у 5,7 %). Распреде-

Таблица 16.11

Доля населения, имеющего более половины предметов длительного пользования, перечисленных в списке, РМЭЗ, 2000—2004 гг., %

Социально-экономический слой по уровню среднемесячных душевых денежных доходов	2000	2002	2004
Бедные (с доходами до 1,00 ПМ)	4,9	4,2	7,2
Малообеспеченные (с доходами 1,00—2,74 ПМ)	8,0	8,0	6,6
Средний нижний слой (с доходами 2,75—5,49 ПМ)	14,7	13,5	15,2
Средний верхний слой (с доходами 5,5—8,24 ПМ)	20,9	16,7	27,0
Состоятельные (с доходами 8,25 ПМ и более)	20,9	19,1	20,3
Итого по совокупности	8,2	8,2	9,9

ние этого блага среди социально-экономических слоев аналогично распределению других видов имущества: наименьшая доля его обладателей наблюдалась в 2004 г. среди бедных и малообеспеченных (примерно 5 %), а наибольшая — среди среднего верхнего слоя и обеспеченных (около 12 %).

Таким образом, количественный и качественный состав имущества и его распределение между социально-экономическими слоями имеют высокую степень согласованности со стратификацией по уровню душевых доходов. Движимое имущество ограничено по своему составу (более половины предметов длительного пользования, перечисленных в списке, есть лишь у 8—10 % населения) и имеет высокую степень морального и физического износа. Значительная часть населения (около 70 %) является собственником недвижимости — квартир и домов, в которых они проживают. При этом 11—12 % проживают в полностью неблагоустроенном жилье, более 30 % имеют дефицит жилой площади, а 60 % проживают в квартирах с числом комнат, меньшим числа членов семьи.

Агрегированная оценка экономического потенциала населения

Анализ экономического потенциала населения сквозь призму отдельных показателей не дает достаточных оснований делать его обобщенные оценки, т. е. говорить о том, какая доля населения обладает относительно высокими возможностями удовлетворения потребностей, а какая — средними или низкими. Для этого необходимо сконструировать многомерный показатель, оценивающий экономический потенциал с позиции одновременно нескольких основных переменных.

Для построения такого многомерного показателя были отобраны три количественные переменные. Первая из них — количество статей расходов в бюджете семьи, рассматриваемое в данном случае как отражение используемых, реализуемых доходов. Вторая переменная — количество предметов длительного пользования в домашнем имуществе — выступает индикатором обеспеченности движимым имуществом. Третья переменная — рыночная стоимость квартиры (дома), принадлежащей респондентам, выступает индикатором стоимости одной из самых главных статей недвижимости, учитывающий как ее количественные, так и качественные параметры. Ряды распределения значений каждой из этих переменных были разбиты на три равно наполненные группы. Объектам, попавшим в нижнюю треть этих рядов распределения (т. е. с самыми низкими значениями показателей), были приписаны оценки «низкий потенциал». Тем, кто оказался в средней трети рядов распределения (т. е. со средними значениями показателей), были приписаны оценки «средний потенциал», а попавшим в верхнюю треть рядов распределения (т. е. с самыми высокими значениями показателей) были

приписаны оценки «высокий потенциал». Затем одновременно по трем переменным был построен многомерный индикатор экономического потенциала населения, с помощью которого в составе населения выделены группы с низкими, средними и высокими экономическими возможностями. В соответствии с этой относительной оценкой, в 2004 г. 27 % населения имели экономический потенциал, позволяющий удовлетворять потребности на относительно высоком уровне, 45 % — на среднем и 28 % — на низком уровне.

Каждый из социально-экономических слоев (бедные, малообеспеченные, средние, состоятельные) неоднороден по экономическому потенциалу входящего в него населения (рис. 16.1).

Оценки отдельных составляющих экономического потенциала населения, входящего в конкретный социально-экономический слой, не всегда согласованы между собой, одинаковы по значению. Так, одинаково низкие оценки по всем частным переменным экономического потенциала характерны для 45,2 % бедных. Среди остальных бедных есть определенная доля тех, кто имеет средние или высокие оценки по одной из переменных, использованных при построении многомерного обобщающего показателя. Тем не менее, часть бедных с одинаково низкими оценками экономического потенциала является модальной группой этого социально-экономического слоя. То же самое можно сказать и обо всех других социально-экономических слоях. Наибольшей однородно-

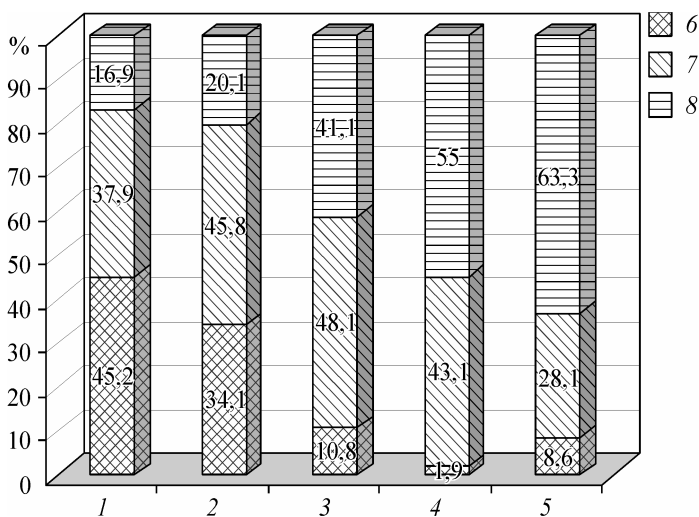

Рис. 16.1. Экономический потенциал социально-экономических слоев (1 — бедные; 2 — малообеспеченные; 3 — средний нижний слой; 4 — средний верхний слой; 5 — состоятельные), доля населения с низким (6), средним (7) и высоким (8) уровнем экономического потенциала, РМЭЗ, 2004 г.

стью оценок экономического потенциала отличается слой состоятельных: почти две трети его состава имеют высокий потенциал по всем переменным. Высокий экономический потенциал характерен и для большей части состава среднего верхнего среднего слоя (55,0 %). Средний экономический потенциал — наиболее распространенная оценка потребительских возможностей нижнего среднего слоя (48,1 %) и малообеспеченных (45,8 %), которые в недавнем прошлом принадлежали, скорее всего, к среднему слою. Следующей по численности в среднем нижнем слое является часть населения с высоким потенциалом (41,1 %), а среди малообеспеченных таковой является группа населения с низким потенциалом (34,0 %). Иначе говоря, по уровню экономических возможностей слой малообеспеченных находится ближе к бедным, чем к среднему нижнему слою, а средний нижний слой, в свою очередь, ближе к среднему верхнему, чем к малообеспеченным.

Высокая степень согласованности наблюдается между значениями агрегированного экономического потенциала, сконструированного по совокупности объективных критериев, и субъективными оценками опрошенных относительно их возможностей вкладывать деньги в улучшение условий жизни семьи, развитие детей, семейный отдых и т. д. (рис. 16.2).

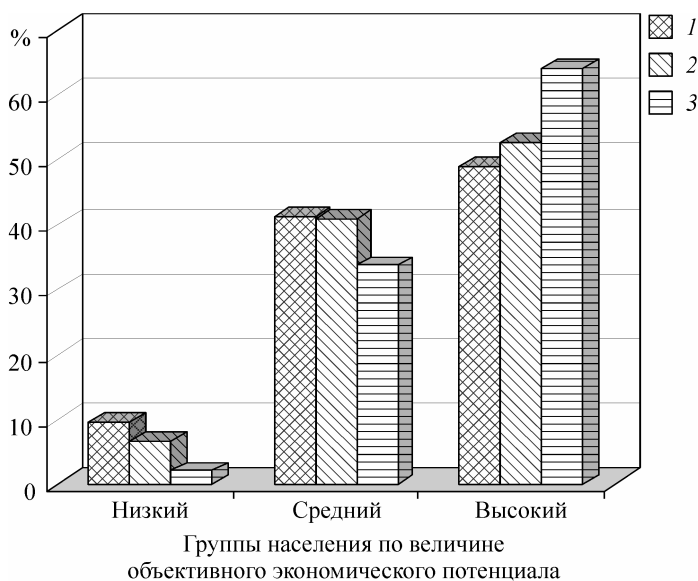

Рис. 16.2. Оценка возможностей удовлетворения ряда насущных потребностей населением РФ, 2004: ответы «да» на вопросы «Имеете ли возможность при желании...»:

1 — обучать детей в вузе; 2 — копить на крупные покупки; 3 — проводить отпуск за границей.

Можно видеть, что распределение населения по группам в соответствии с представлениями о границах собственных экономических возможностей совпадает с объективно существующей реальностью — дифференциацией имеющихся финансово-экономических ресурсов у групп населения с низким, средним и высоким экономическим потенциалом.

* * *

Проведенное исследование показало, таким образом, что особенностью трансформации социально-экономической структуры населения России начала 2000-х гг. было неуклонное снижение доли бедных и увеличение доли более обеспеченных слоев населения. Однако, несмотря на превалирование восходящей относительной мобильности (почти половина населения переместилась за этот период времени в более высокодоходные слои), так же, как и во второй половине 1990-х гг., наблюдалось устойчивое воспроизводство бедности: 65 % бедных оставались хронически бедными. Наиболее высокие шансы как попасть в состав бедных, так и оставаться в нем имели жители восточных районов страны и сельские жители; дети; лица, не имеющие законченного среднего образования; работники, занимающиеся неквалифицированным физическим трудом; безработные. Формирующаяся в 2000—2004 гг. структура населения по уровню денежных душевых доходов в целом продолжала оставаться структурой бедного общества и существенно отклонялась от модели со сбалансированным и симметричным составом образующих ее слоев.

Для социально-экономических слоев был характерен высокий уровень неравенства по различным составляющим финансово-экономического потенциала — величине доходов, их покупательной способности, возможности формирования запаса денежных средств, интенсивности использования системы кредитов и ссуд. Различия в экономических возможностях удовлетворения потребностей в сфере личного потребления между полюсными слоями (бедными и состоятельными) достигали в 2000—2004 гг. 27—33 раз.

Количественный и качественный состав имущества и его распределение между социально-экономическими слоями имеют высокую степень согласованности со стратификацией по уровню душевых доходов. В целом движимое имущество ограничено по своему составу (более половины предметов длительного пользования, перечисленных в списке, есть лишь у 8—10 % населения) и имеет высокую степень морального и физического износа. Значительная часть населения (около 70 %) является собственником недвижимости — квартир и домов, в которых они проживают. При этом 11—12 % проживают в полностью неблагоустроенном жилье, более 30 % имеют дефицит жилой площади, а 60 % проживают в квартирах с числом комнат, меньшим числа членов семьи. Имея высокий уровень нуждаемости в улучшении жилищных условий,

население не располагает достаточными средствами для решения этой проблемы. Примерно три четверти нуждающихся в улучшении жилищных условий относятся к бедной и малообеспеченной частям населения по величине текущих доходов. А величина денежных накоплений на банковских счетах в расчете на душу населения не превышает размера среднемесячного душевого дохода. С этой точки зрения их возможности в улучшении жилищных условий за счет ипотечного кредитования весьма проблематичны.

Многомерная оценка экономического потенциала, базирующаяся на значениях показателей диапазона статей расходов, количественного состава имущества и рыночной стоимости имеющегося жилья (по оценкам самих опрошенных), показала, что в 2004 г. финансово-экономические ресурсы позволяли 27 % населения удовлетворять индивидуальные и семейные потребности на относительно высоком уровне, 45 % — на среднем и 28 % — на низком уровне.

Таким образом, одной из задач социальной политики в ближайшей и более отдаленной перспективе является повышение экономического потенциала населения и, в первую очередь, наименее обеспеченной его части. Социальная политика должна поддержать наметившийся после 2002 г. перелом в росте численности слоя малообеспеченного населения, многие годы являвшегося «накопителем» тех, кто преодолел черту бедности. В этом слое по-прежнему остается немалая часть населения, в других странах мира входящая в средний класс, численность которого является одним из индикаторов экономического и социального благополучия общества. Несмотря на положительные тенденции роста средних (по экономическим возможностям) слоев, они по-прежнему остаются малочисленными и с точки зрения их доли в составе населения, и с точки зрения их доли в объеме доходов всего населения.

Исходя из этого перспективная социальная политика должна иметь в качестве одной из приоритетных стратегических целей увеличение численности среднего класса, а трансформацию социально-экономической структуры населения и повышение доли среднего класса рассматривать в качестве обобщающего индикатора успешности социально-экономического развития страны. Решающую роль в повышении экономического потенциала населения играют не только экономические достижения и рост национального богатства. Не меньшее значение имеют факторы, напрямую не связанные с показателями экономического роста страны. В настоящее время — это распределительные механизмы, стоящие на страже интересов самой обеспеченной части населения, порождающие и воспроизводящие высокий уровень неравенства в распределении общественного богатства (плоская шкала налогообложения физических лиц, неэффективная система индексации доходов значительной части занятого и незанятого населения, отсутствие эффективных рычагов противодействия перекачке доходов в пользу монополий и др.). Поэтому доходы представителей базового (среднего нижнего) слоя

растут медленнее, чем доходы членов домохозяйств из среднего верхнего слоя и состоятельных. При сохранении институциональной среды, определяющей способы и размеры распределения общественного богатства, среднему нижнему слою потребуется не одно десятилетие, чтобы стать полновесным базовым слоем населения нашей страны.

глава 17 | **Личностный потенциал: что ценят в себе современные россияне?**

Изменения в социальной и экономической жизни российского общества таковы, что от каждого из нас все чаще и настойчивее требуется проявление «субъектности». Через нормативные и экономические инструменты государство сокращает свою ответственность за обеспечение индивидуального благосостояния, подталкивая население к более рефлексивному анализу имеющихся ресурсов и стратегий распоряжения ими. «Домашние хозяйства должны учиться управлять пенсиями, страхованием, образованием и здоровьем, поскольку эти коллективные блага все больше и больше становятся сферой ответственности, скорее, домашних хозяйств, чем государства» [Wallace, 2002], — сказанные об изменении роли государства благосостояния в современном обществе в целом, эти слова адекватны и для российской ситуации. В каком фонде разместить пенсионные накопления? Какую форму получения льгот — денежную или натуральную — предпочесть? Какое образование и в каком учебном заведении дать своим детям? Не все из названных и других подобных вопросов актуальны для каждого, но появление самой возможности выбора и расширение пространства принимаемых решений, имеющих долгосрочные последствия для граждан, предполагают большую индивидуальную активность и ответственность за происходящее в жизни. Большинство таких решений экономические по своей сути, так как касаются распределения *ограниченных* ресурсов (времени, физических и интеллектуальных способностей, материальных средств) между видами активности и объектами вложения, включают *выбор* способов распределения этих ресурсов (наличие альтернатив) и направлены на обеспечение *благосостояния* семьи или индивида. При рациональном подходе основа любой активности — «ревизия» индивидом ресурсов, которые могут быть им задействованы. Расширенная трактовка ресурсной базы акторов включает в число ресурсов не только имущественные и финансовые активы, но и профессиональные знания и навыки индивидов, запас их «рыночных» знаний и умений, способность к адекватной самооценке и др. Личностным потенциалом можно считать всю сово-

купность нематериальных ресурсов, которыми обладает индивид и которые он может задействовать для обеспечения своего благосостояния в данных условиях.

Дуализм ситуации заключается в том, что каждый индивид в рамках конкретных жизненных обстоятельств определяет требования среды и одновременно оценивает, соответствует ли этим требованиям его личностный потенциал. По аналогии с адаптивным потенциалом [Жорель, 1997], личностный потенциал как совокупность ресурсов объективен, т. е. в определенном смысле независим от актора. В то же время субъект способен к самопознанию собственных свойств и ограничений. В этом случае для успешной деятельности необходима адекватная и реалистичная оценка наличных ресурсов.

Личностный потенциал россиян: распределение и устойчивость оценок

Предметом исследования является субъективная оценка качеств, ценимых в современной экономической ситуации. Информационная база анализа — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). В работе используются данные о респондентах трудоспособного возраста 18 лет и старше, собранные с двухгодичными интервалами: осенью 1996, 1998, 2000, 2002 и 2004 гг. В каждом раунде обследования в подвыборку попало около 5000 человек. В этих опросах предлагалось ответить на вопрос: «А теперь высказывание — оно про Вас или не про Вас: “Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации”?»». Выбор этого вопроса как центрального в анализе основан на допущении, что какими бы ни были объективные характеристики личностного потенциала, лишь респондент может учесть все особенности своей жизненной ситуации и оценить соответствие своих «человеческих» ресурсов требованиям внешней среды, в данном случае — экономическим. Ответ на этот вопрос — результат представлений о том, какие качества способствуют экономическому успеху сегодня, и ревизии собственных свойств. Предполагается, что характеристики респондентов, не согласных с приведенным высказыванием (т. е. не считающих, что у них мало качеств, ценимых в современной экономической ситуации), могут дать представление о том, какие составляющие человеческого капитала наиболее важны для активности в современных условиях.

Как свидетельствуют данные РМЭЗ (табл. 17.1), в 1996 г. 45 % взрослых считали, что у них мало качеств, ценимых в современной экономической ситуации, и 42 % респондентов придерживались противоположной точки зрения. В 1998 г. на фоне послекризисного роста безработицы, задолженностей по выплате заработной платы и числа предприятий-должников увеличилась на 9 п. п. и численность индивидов с низкой оценкой собственного человеческого потенциала. Иными словами,

Таблица 17.1

Распределение опрошенных в зависимости от самооценок личностного потенциала, % опрошенных

Степень согласия с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Это точно про Вас	14,5	24,3	22,4	17,6	15,9
Пожалуй, это про Вас	30,7	29,7	27,7	29,1	28,7
Скорее это не про Вас	30,5	24,0	27,1	30,7	33,8
Это точно не про Вас	11,7	10,2	11,1	13,3	12,7
Затрудняюсь ответить	12,6	11,8	11,7	9,3	8,9

в глазах респондентов степень неопределенности ситуации с точки зрения требований к потенциалу не возросла, бóльшим стало несоответствие этим требованиям. К концу рассматриваемого периода распределение опрошенных такое же, что и в 1996 г. Восемь лет существования в рыночной экономике фактически не отразились на самооценке качеств, ценимых в современных условиях: по ощущениям почти половины респондентов, опыт этих лет не дал прироста «рыночных» навыков.

В пользу этого утверждения свидетельствует и неустойчивость самовосприятия своих качеств: в среднем лишь два из пяти респондентов в течение двух лет между опросами сохраняет прежнюю самооценку (табл. 17.2). Наименьшая доля носителей устойчивого мнения среди тех, кто категорически не согласен с высказыванием «У меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации». Сравнение данных за другие межволновые периоды подтверждает тенденцию: выше вероятность сохранить мнение о себе как не обладающем рыночными качествами, чем продолжать воспринимать себя как субъек-

Таблица 17.2

Изменение самооценок в 2004 г. по сравнению с 2002 г., %

Согласие с утверждением в 2002 г.	Согласие с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации» в 2004 г.					
	Это точно про Вас	Пожалуй, это про Вас	Скорее это не про Вас	Это точно не про Вас	Затрудняюсь ответить	Всего
Это точно про Вас	39,4	33,5	16,7	5,1	5,3	100,0
Пожалуй, это про Вас	15,6	40,7	29,2	7,4	7,1	100,0
Скорее это не про Вас	9,9	23,4	46,0	12,5	8,2	100,0
Это точно не про Вас	10,8	18,8	36,1	25,9	8,4	100,0
Затрудняюсь ответить	15,4	30,8	25,4	7,0	21,4	100,0

та, чей потенциал востребован в современных условиях. Но справедливо заметить, что от опроса к опросу возрастает доля тех, чье мнение о своих качествах устойчиво [Черкашина, 2006]. Кроме того, *степень* перемещаются на соседние, верхнюю или нижнюю ступени шкалы. Меняют свое мнение на противоположное лишь пятая часть тех, кто оценивал крайне низко свой потенциал современных экономических качеств, и примерно каждый четвертый из тех, кто давал высокую оценку.

На чем основаны оценки личного потенциала?

Соглашаясь или нет с приведенным выше высказыванием, индивиды давали интегральную оценку своего личного потенциала. Но какие конкретные качества, по мнению респондентов, наиболее ценимы в современной экономической ситуации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сравнить статусные и личностные характеристики индивидов, по-разному ответивших на указанный вопрос. Формирование набора характеристик опиралось на теорию человеческого капитала [Добрынин и др., 1999] и информационные возможности базы данных.

Современные обществоведы понимают под человеческим капиталом запас знаний, способностей, навыков, мотиваций, воплощенных в человеке. Как и экономический, человеческий капитал требует инвестиций в него и способен в дальнейшем в процессе использования (труда) приносить доход. В первую очередь это касается общих и специальных знаний, полученных в процессе образования и обучения [Беккер, 2003]. Общая теория инвестиций в человеческий капитал разработана в рамках неоклассической экономической теории (Г. Беккер, Дж. Минцер, Т. Шульц), в которой под человеческим капиталом понимается совокупность способностей и знаний, полученных через общее образование, обучение на рабочем месте, поиск информации, географическая мобильность [Беккер, 2003]. Хотя «измерять объемы профессиональных знаний и навыков, как правило, сложно в силу их качественной разнородности» [Радаев, 2003. С. 11], для их измерения можно предложить косвенные показатели — время, затраченное на обучение, рейтинги учебных заведений, разряды и категории мастерства и т. п.

Важными являются и другие составляющие человеческого капитала. Как показывает опыт исследований бизнес-слоя в 1990-е гг., в достижении успеха «все зависит от того, как сочетаются различные виды капитала: образовательный, личностный и коммуникативный. Образовательный капитал есть предпосылка для “прорыва”, а механизмом, побуждающим к этому прорыву, является личностный потенциал» [Чирикова, 1997. С. 37]. В этой связи мы исходим из широкой трактовки человеческого капитала, включая в него не только образование (общие и специальные знания), но и физиологический капитал (возраст, здоровье), предпринимательские способности, мотивации экономической деятельности.

В чем основные различия человеческого капитала респондентов, считающих, что у них много или мало качеств, ценимых в современной экономической ситуации? Для оценки различий этих групп респондентов подходит аппарат логистической регрессии. Оценивалась вероятность крайне высокой оценки соответствия личностных качеств требованиям современной экономической ситуации (выбран вариант «это точно не про Вас» в ответ на утверждение «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации») по сравнению с крайне негативной оценкой личностного потенциала. В качестве независимых предикторов в 1998 и 2004 гг.* фиксировались образование, обучение на профессиональных курсах в течение последнего времени, наличие опыта предпринимательской деятельности, субъективная оценка здоровья, установка на сотрудничество богатых и бедных как индикатор мотивационной составляющей потенциала, возраст и пол. Эти переменные слабо взаимозависимы (табл. 17.3), поэтому могут быть включены в уравнения в качестве предикторов.

Уравнение логистической регрессии имеет вид

$$P(y) = 1/(1 + e^{-Z}),$$

Таблица 17.3

Взаимосвязь переменных (2004 г., tau-b Кендалла)

	Опыт предпринимательской деятельности	Оценка здоровья	Учеба на курсах	Возраст	Пол	Установка на сотрудничество богатых и бедных
Образование	0,063 (0,000)	-0,021 (0,101)	-0,110 (0,000)	0,056 (0,000)	0,159 (0,000)	-0,052 (0,000)
Опыт предпринимательской деятельности		-0,034 (0,015)	-0,005 (0,711)	0,043 (0,000)	-0,108 (0,000)	-0,076 (0,000)
Оценка здоровья			-0,016 (0,223)	0,287 (0,000)	0,103 (0,000)	0,093 (0,000)
Учеба на курсах				0,034 (0,007)	-0,044 (0,002)	0,045 (0,000)
Возраст					-0,042 (0,001)	0,160 (0,000)
Пол						-0,027 (0,035)

Примечание. В скобках указаны значимость коэффициентов связи.

* Так как одной из целей анализа была оценка того, как изменилось в рассматриваемый период влияние предикторов, необходимо было составить унифицированный набор независимых переменных. Исходя из возможностей информационной базы проводился анализ данных за 1998 и 2004 гг.

где $P(y)$ — вероятность высокой самооценки; e — основание натурального логарифма равно $2,71\dots$; $Z = B_0 + B_1X_1 + B_2X_2 + \dots + B_nX_n$ (B_0 и B_i — коэффициенты в уравнении, а X_i — значения независимых переменных).

Результаты моделирования представлены в табличной форме (табл. 17.4). Сила влияния предикторов определяется по значимости B -коэффициентов, вычисленной на основе статистики Вальда. Причем в нашем случае, когда предикторы являются категориальными переменными, важно то, что эта статистика оценивает значимость как всей переменной, так и отдельных индексных переменных, в которые преобразована исходная категориальная. Судить о силе влияния категориальных переменных можно по $\exp(B)$ — экспонентам коэффициентов e^B . Одно из значений предиктора объявляется референтным (контрастным); и $\exp(B)$ показывает, во сколько раз изменяется вероятность высокой оценки личностных качеств в случае, когда независимая переменная принимает определенное значение, по сравнению с ситуацией, когда она принимает референтное значение. Если знак коэффициента B положительный, предиктор увеличивает вероятность рассматриваемого события, а если отрицательный — уменьшает.

С помощью уравнения, фиксирующего ситуацию в 1998 г., вероятность крайне высоких оценок личностных качеств верно предсказана для 68,14 % случаев, в 2004 г. — для 68,54 %. О повышении прогностических возможностей уравнений свидетельствует и увеличение доли дисперсии, объясненной уравнениями логистической регрессии, с 18,6 % (1998 г.) до 24,3 % (2004 г.). Можно сказать, что полярные мнения о наличии «рыночных» качеств стали более обоснованными.

В 2004 г. услышать мнение, что личные качества соответствуют требованиям современной экономической ситуации, было наиболее вероятно от респондентов самой молодой возрастной группы (до 25 лет) (см. табл. 17.4). Среди тех, кому от 26 до 45 лет, вероятность этого ниже уже в два раза. Однако в 1998 г. дифференцирующая роль возраста выражена слабее: 26—35-летние респонденты идентифицировали себя как имеющие «рыночные» качества с вероятностью, лишь на 30 % меньшей, чем 18—24-летние. Только в более старших возрастных группах шансы так себя оценивать были ниже на 40—50 %.

С ростом образования риск не соответствовать «рыночным» требованиям снижается, и он минимален у имеющих высшее образование. Но эта тенденция стала явной лишь с середины рассматриваемого периода. Если в 2004 г. различия в уровнях такого риска на разных ступенях образовательной лестницы ярко выражены, в том числе между обладателями дипломов о среднем специальном и высшем образовании, то в 1998 г. имеющие высшее, среднее и среднее специальное образование с одинаковой вероятностью могли отнести себя к востребованным в тех экономических условиях.

Удачный опыт предпринимательской деятельности — значимая составляющая качеств, ценимых в современной экономической ситуации.

Таблица 17.4

Параметры логистической регрессионной модели «крайне высокая самооценка качеств, ценимых в современной экономической ситуации»

Независимая переменная	1998 г.				2004 г.			
	<i>B</i> -коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	<i>exp(B)</i>	<i>B</i> -коэффициенты	Wald-статистика	Значимость Wald-статистики	<i>exp(B)</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Образование		3,922	0,417			31,975	0,000	
0—6 классов	-0,300	0,319	0,572	0,741	-1,094	1,828	0,176	0,335
неполное среднее	-0,383	2,635	0,105	0,682	-1,242	24,213	0,000	0,289
среднее	-0,085	0,240	0,625	0,918	-0,579	11,039	0,001	0,561
среднее специальное <i>высшее</i>	0,027	0,019	0,891	1,027	-0,157	0,679	0,410	0,855
Опыт предпринимательской деятельности		62,787	0,000			44,549	0,000	
<i>никогда не пытался организовать собственное предприятие, начать собственное дело</i>								
пытались, но ничего из этого не вышло	0,792	16,805	0,000	2,207	0,416	3,073	0,080	1,516
пытались, и это удалось	3,097	49,056	0,000	22,133	2,173	42,731	0,000	8,783
Возможно ли взаимопони- мание и сотрудничество между богатыми и бедными людьми		7,626	0,106			20,951	0,000	
уверены, что возможно	0,289	1,391	0,238	1,335	0,104	0,169	0,681	1,109
пожалуй, возможно	-0,080	0,174	0,677	0,923	0,314	2,580	0,108	1,369
в чем-то возможно, в чем- то нет	-0,134	0,749	0,387	0,874	0,119	0,554	0,457	1,127
пожалуй, невозможно	-0,345	4,337	0,037	0,708	-0,571	9,602	0,002	0,565
<i>уверены, что невозможно</i>								
Здоровье		13,577	0,009			13,054	0,011	
<i>очень хорошее</i>								
хорошее	-0,311	1,238	0,266	0,733	0,707	3,421	0,064	2,027
среднее, не хорошее и не плохое	-0,608	4,790	0,029	0,545	0,562	2,157	0,142	1,754
плохое	-1,021	8,618	0,003	0,360	-0,160	0,126	0,723	0,852

Окончание табл. 17.4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
совсем плохое	-1,087	2,500	0,114	0,337	0,157	0,042	0,838	1,170
Учеба на курсах в течение последнего года		4,143	0,042			0,000	0,988	
<i>да</i>								
нет	-0,426	4,143	0,042	0,653	-0,004	0,000	0,988	0,996
Возраст		15,233	0,004			63,341	0,000	
<i>18—25 лет</i>								
26—35 лет	-0,352	4,073	0,044	0,703	-0,621	11,114	0,001	0,538
36—45 лет	-0,530	9,233	0,002	0,589	-0,837	19,259	0,000	0,433
46—55 лет	-0,721	13,754	0,000	0,486	-1,454	54,113	0,000	0,234
56—60 лет	-0,410	1,647	0,199	0,664	-1,843	24,632	0,000	0,158
Пол		22,238	0,000			20,129	0,000	
<i>мужской</i>								
женский	-0,586	22,238	0,000	0,557	-0,571	20,129	0,000	0,565
Константа	0,743	3,865	0,049		0,670	1,795	0,180	

Примечание. Курсивом выделены значения переменных, объявленные контрастными (референтными).

Но в 1998 г. эта переменная играла более существенную роль, чем в 2004 г. Так, в 1998 г. те, у кого получилось создать собственное дело, предприятие, с вероятностью в 22 раза больше, чем не делавшие таких попыток, считали себя ценимыми в тех экономических обстоятельствах. Но через шесть лет разница в вероятности такой оценки при успешном предпринимательском опыте и его отсутствии стала меньше в два раза. Как показывает более детальный анализ, такое изменение объясняется не тем, что имеющие опыт предпринимательства стали ниже оценивать свой личностный потенциал, а тем, что среди не имеющих бизнес-опыта стало больше носителей современных экономических качеств. Быть востребованным в сегодняшней экономической ситуации не тождественно быть включенным в сферу частного бизнеса.

Как индикатор мотивационной составляющей личностного потенциала использован ответ на вопрос о том, возможно ли взаимопонимание и сотрудничество между богатыми и бедными людьми. Идентификация себя с теми, кто обладает современными экономическими качествами, означает отказ от утверждения, что сотрудничество богатых и бедных не возможно. Получается, что среди ценимых сегодня качеств — «стратификационная открытость», тогда как установка на отказ от подобных взаимодействий сдерживает адаптацию в новых экономических условиях.

В 2004 г., как и в 1998 г., мужчины воспринимают свой личностный потенциал как более соответствующий требованиям современной эко-

номики. Хотя за шесть лет и среди мужчин, и среди женщин стало меньше тех, кто дает крайне низкую оценку своему личностному потенциалу, по-прежнему обобщенная самооценка женщин более критична. Такие различия в самовосприятии могут быть обусловлены рядом причин. Не ставя задачи оценить правомерность и действенность каждого из следующих объяснений, их можно лишь обозначить. Женщины в большей мере, чем мужчины, накапливают и совершенствуют те знания и навыки, которые востребованы в домашней, а не формальной экономике*. Модель мотивации экономической активности, включающая мотивацию достижения успеха и мотивацию избегания неудачи, лучше работает для мужчин, поскольку в модель, описывающую мотивацию женщин, включен специфичный фактор — мотивация избегания успеха [Туецкая, 1998]. Поэтому можно предполагать, что женщины не будут более рьяно активизировать и развивать в себе качества, ценимые и вознаграждаемые общественным признанием.

И, наконец, заметим, что дополнительная профессиональная подготовка, полученная в течение последнего года, не влияет на дифференциацию самооценок.

Уравнения позволяют оценить вероятность высокой самооценки личностного потенциала при комбинации определенных значений предикторов. Если в 2004 г., например, женщина от 26 до 35 лет с высшим образованием и хорошим здоровьем, имеющая неудачный опыт предпринимательской деятельности и не обучавшаяся в последнее время на профессиональных курсах, считала, что сотрудничество между богатыми и бедными, пожалуй, возможно, то вероятность того, что она крайне высоко оценит свой личностный потенциал с точки зрения соответствия требованиям современной экономической ситуации, равна $0,713 (1/(1 + 2,71^{-(0,670 - 0,571 - 0,621 + 0 + 0,707 + 0,416 - 0,004 + 0,314)}))$. Если носителем указанных возрастных, статусных и ценностных характеристик был мужчина, то вероятность высокой самооценки была равна 0,814.

Набор предикторов в представленных уравнениях не охватывает всей совокупности качеств, которые могут цениться в современной экономической ситуации. Тем не менее, уравнения, включающие их, объясняют почти четверть дисперсии зависимой переменной. Результаты расчетов свидетельствуют, что в российском обществе за последнее время образование как фактор экономического успеха повысил свою значимость, тогда как занятие бизнесом — снизил. Также шансы на успех стали более явно связываться с молодым возрастом, что в целом позволяет говорить о кристаллизации такого идеального типа успешного человека, как «молодой специалист».

* Например, в 2004 г. среди всех работающих женщин 50,5 % не были уверены, что смогут найти работу не хуже настоящей, если их предприятие закроется. Среди мужчин таких 40,2 %.

Самооценки личностного потенциала: статусные детерминанты versus индивидуальные черты

В модели включены переменные, которые условно можно определить не в качестве статусных, отражающих дифференциацию в объеме каких-либо ресурсов, а как индивидуальные, например, установки на сотрудничество богатых и бедных. Конечно же, индивидуальные характеристики не исчерпываются мотивационными. Рисуя образ будущего общества знаний, ученые предполагают, что фактором, лимитирующим возможности приобщения к информационным ресурсам, являются также «специфические качества самого человека, его мироощущение, психологические характеристики, способность к обобщениям» и другие [Иноземцев, 2000]. По аналогии, в рамках предмета нашего исследования можно сформулировать следующий вопрос: какое место среди качеств, ценимых в современной экономической ситуации, занимают такие, которые не связаны напрямую со статусом, а отражают индивидуальные особенности индивида? Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения позволяет отчасти ответить на этот вопрос. В 2004 г. опрашиваемым предлагалось выразить согласие (по 4-балльной шкале от «совсем не согласен» до «полностью согласен») с семнадцатью описаниями социально-психологических черт в зависимости от того, насколько точно они описывают особенности респондентов. Латентная структура совокупности черт, определенная с помощью факторного анализа, представлена тремя факторами. При положительных значениях первого фактора — «Контроль над жизненными обстоятельствами» — респондент ощущает беспомощность в решении жизненных проблем, невозможность влиять на события своей жизни, невозможность выполнять задуманное. Положительные значения второго фактора — «Оценка себя на фоне других» — свидетельствуют о том, что респондент оценивает себя не хуже окружающих. Третий фактор — «Самооценка общественного признания». Его положительные значения говорят о том, что респондент не видит в своей жизни достижений, которыми мог бы гордиться, не считает себя удачливым и полезным обществу.

Наличие связи факторов с некоторыми из переменных, включенных в уравнения логистической регрессии в качестве независимых, не позволяет построить новую модель. Однако процедура сравнения средних дает возможность оценить влияние социально-психологических характеристик на самооценку личностного потенциала (табл. 17.5). Во-первых, такие факторы, как общественное признание, восприятие себя на фоне других (факторы 2 и 3), слабее дифференцированы в группах с разной самооценкой. Во-вторых, безусловная предпосылка того, что респондент будет считать себя обладающим современными экономическими качествами, — ощущение контроля над жизненными обстоятельствами, ответственности за события, происходящие в его жизни (фактор 1), и, в меньшей мере, — ощущение собственной успешности и полезности для

Таблица 17.5

Средние значения факторов в группах с разной самооценкой

Согласие с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Это точно про Вас	0,474	-0,126	0,240
Пожалуй, это про Вас	0,165	-0,065	0,050
Скорее это не про Вас	-0,242	0,066	-0,104
Это точно не про Вас	-0,330	0,206	-0,200
Вся совокупность	-0,002	0,011	-0,009
<i>F</i> -статистика	129,969 (3; 0,000)	16,736 (3; 0,015)	29,494 (3; 0,000)

Примечание. В скобках указано число степеней свободы и уровень значимости полученных *F*-статистик.

общества. На фоне социальной детерминированности самооценок качеств, ценимых в современной экономической ситуации, респонденты в большей мере связывают успешность адаптации в этих условиях со своими способностям. Меньшие различия значений фактора 3 в группах также указывают на то, что признание себя удачливым, полезным окружающим, обладающим достижениями, которыми можно гордиться, не предполагает однозначно успешной адаптации в современной экономической ситуации.

Но в современных условиях не приходится говорить о ярко выраженном самостоятельном вкладе индивидуальных черт в самооценку личностного потенциала, поскольку их влияние тесно коррелирует со статусными составляющими, в первую очередь с образованием и возрастными характеристиками. Более образованные и молодые, к примеру, чаще отвергают мнения, что они не могут справиться со своими проблемами, мало могут влиять на происходящее в их жизни, чувствуют себя беспомощными перед возникающими проблемами (эти переменные имеют наибольшую факторную нагрузку в факторе 1). Дифференцированная оценка показывает, что во всех возрастных группах среди респондентов со средним специальным и высшим образованием больше тех, кто высоко оценивает способность влиять на происходящее и справляться с жизненными проблемами. В то же время среди респондентов с высшим образованием распределения ответов на указанные вопросы практически не различаются в разных доходных группах.

Иными словами, как первичная социализация в современных экономических условиях, так и образование позволяют с большей уверенностью ориентироваться в происходящем. Здесь эмпирически фиксируется многоаспектность результатов образования, в первую очередь высшего: это не только владение конкретными профессиональными знаниями и навыками, но и умение оценивать совершающееся в жизни, ви-

деть более широкий контекст событий, определять степень собственного влияния на происходящее, в том числе через способность оценивать собственные ресурсы.

Самооценка личностного потенциала и материальная обеспеченность

Так как личностный потенциал оценивается с позиций соответствия современным экономическим условиям, показатели его востребованности также должны иметь экономический характер. К примеру, адекватность самовосприятия личностного потенциала можно проверить через сравнение доходов респондентов, отличающихся самооценкой. В каждом опросе зафиксирована прямая связь между самооценкой качеств и доходом от труда, включающим выплаты на основном и дополнительном местах работы и случайный заработок (табл. 17.6) (чтобы элиминировать влияние инфляции и территориальных различий в уровне жизни россиян, доход измерялся не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов (ПМ) для трудоспособного населения, определяемых для каждого субъекта Российской Федерации). На примере данных 2004 г. видно, что при наличии качеств, ценимых в современной экономике, в среднем доход примерно в полтора раза выше, чем при отсутствии таких качеств. Но считать эти различия значимыми достаточно трудно, особенно на фоне неполной согласованности доходов и мнений о своем личностном потенциале: в группах с высоким доходом представлены те, кто считает, что у него нет современных экономических качеств; в то же время во всех группах более пятой части респондентов не имели доходов от труда в течение месяца, предшествующего опросу; а среди обладателей современных экономических качества 13—17 % имели личный

Таблица 17.6

Распределение величин дохода в группах с разной самооценкой, 2004 г.

Согласие с утверждением «Мне кажется, что у меня мало таких качеств, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации»	Не было дохода от труда в течение 30 дней перед опросом	Доход от труда							
		до 0,5 ПМ	0,5—1 ПМ	1—1,5 ПМ	1,5—2 ПМ	2—3 ПМ	выше 3 ПМ	нет информации	в среднем
Это точно про Вас	28,6	13,5	15,4	12,4	8,8	7,2	6,3	7,7	1,53
Пожалуй, это про Вас	23,2	6,9	16,3	15,1	10,5	11,2	8,0	8,8	1,52
Скорее это не про Вас	22,8	6,2	10,6	13,3	11,0	14,0	14,8	7,3	1,68
Это точно не про Вас	21,9	6,5	6,3	9,8	9,7	13,6	20,3	11,9	2,56
Затрудняюсь ответить	26,7	12,7	12,0	10,0	9,8	8,8	7,8	12,2	1,29
Вся совокупность	24,1	8,2	12,6	12,9	10,2	11,6	11,5	8,8	1,77

трудовой доход ниже прожиточного минимума. Однако справедливо заметить, что основная часть из оценивающих свой личностный потенциал как ценимый в современной экономике и при этом не имеющих дохода — молодежь, которая дает, скорее, проективную оценку своей востребованности.

С точки зрения личностных ресурсов обладающие ценимыми сегодня качествами находятся в более выигрышном положении, и можно ожидать, что среди них будет больше тех, кто увеличит в будущем свой трудовой доход или сохранит высокий экономический статус. Однако показатели динамики личных доходов в течение двухлетнего интервала практически не различаются среди респондентов с разной оценкой своих качеств в начале периода (табл. 17.7). Можно лишь отметить, что при низкой самооценке вероятность сохранения высокого экономического статуса ниже, чем при высокой самооценке, и, наоборот, выше вероятность сохранить статус низким.

Более существенные различия наблюдаются среди по-разному оценивающих свой потенциал в конце периода, в 2004 г. Мнение о себе как обладающем современными экономическими качествами предопределяется восходящей мобильностью на высокие экономические позиции или сохранением положения на этих ступенях иерархии. И как обратная тенденция: считают себя лишенными таких качеств те, кто остался на

Таблица 17.7

Мобильность по трудовым доходам в группах с разной самооценкой качеств, %

Характер абсолютной мобильности по личным доходам в 2002—2004 гг.		Самооценка личностного потенциала в 2002 г.		Самооценка личностного потенциала в 2004 г.	
		Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Нисходящая мобильность	от ПМ до 2 ПМ → ниже ПМ	7,7 (0,9)	6,9 (–0,9)	7,9 (1,4)	6,5 (–1,4)
	выше 2 ПМ → от ПМ до 2 ПМ	3,7 (–2,2)	5,4 (2,2)	4,0 (–1,0)	4,7 (1,0)
	выше 2 ПМ → ниже ПМ	2,8 (–1,5)	3,8 (1,5)	2,8 (–1,5)	3,8 (1,5)
Иммобильность	отсутствие доходов	6,8 (0,7)	6,1 (–0,7)	7,5 (2,0)	5,7 (–2,0)
	ниже ПМ	25,1 (4,0)	18,7 (–4,0)	27,2 (7,1)	16,3 (–7,1)
	от ПМ до 2 ПМ	13,1 (2,0)	10,6 (–2,0)	13,4 (3,1)	9,6 (–3,1)
	выше 2 ПМ	13,6 (–4,1)	19,4 (4,1)	11,7 (–7,2)	21,3 (7,2)
Восходящая мобильность	ниже ПМ → от ПМ до 2 ПМ	13,3 (1,3)	11,7 (–1,3)	12,7 (–0,6)	13,5 (0,6)
	ниже ПМ → выше 2 ПМ	5,3 (–2,3)	7,4 (2,3)	5,6 (–2,1)	7,5 (2,1)
	от ПМ до 2 ПМ → выше 2 ПМ	8,7 (–1,1)	9,9 (1,1)	7,3 (–3,6)	11,1 (3,6)
Всего		100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. В скобках указано стандартизованное отклонение наблюдаемой частоты от ожидаемой (в случае независимости переменных).

нижних ступенях экономической лестницы. Оценка личностного потенциала предстает, скорее, не предпосылкой экономической активности, а как результат действительных экономических достижений, индикатором которых выступает высокий доход. И как следствие, неустойчивость доходов предполагает и неустойчивость оценки экономических качеств.

* * *

Мало вероятно, что логика представленного анализа — сравнение характеристик индивидов, по-разному оценивающих свой личностный потенциал, — реализуется каждым из нас в повседневной жизни. Это аналитический прием, воссоздающий некоторую схему реальности. Тем не менее, он показывает, что в структуре человеческого потенциала в современных экономических условиях образование становится более важным элементом, тогда как опыт предпринимательской деятельности снижает свою значимость. «Предприниматель» как лидирующий типаж удачного в экономическом плане россиянина 1990-х уступает место «молодому профессионалу» начала 2000-х. Учитывая, что за образованием стоит целый комплекс качеств, отражающих понимание и возможность контроля над происходящим, умение решать возникающие проблемы, отчасти можно объяснить возросшую устойчивость самооценок личностного потенциала и увеличившуюся объяснительную способность моделей, демонстрирующих зависимость самооценок от статусных и индивидуальных черт респондентов: «правила игры» и знание, что именно необходимо для успеха в современных условиях, становятся более прозрачными, а самооценка более рефлексивной, в большей мере учитывающей личностные ресурсы. Но названные тенденции очень слабы. Частично это объясняется тем, что априорные самооценки слабо подтверждаются результатами экономической активности. В этом случае наиболее выраженной линией поведения становится снижение оценок личностного потенциала — параметра, который более подконтролен индивиду.

Но у слабых позитивных тенденций есть негативные отражения: наибольшей, возрастающей устойчивостью отличаются мнения тех, кто не видит в себе ценимых в сегодняшней экономике качеств. И чем больше эти качества ассоциируются с общественным признанием, тем сильнее маргинализация тех, кто лишен их. За всем комплексом выявленных взаимосвязей просматривается трактовка денежного вознаграждения как признания «нужности» для общества. Идея не нова для функционалистского взгляда на социальную стратификацию, но доходы населения настолько низки, что более двух пятых россиян трудоспособного возраста считают свой личностный потенциал не востребованным в современной экономике. А за устойчивостью такого мнения стоит низкая вероятность «эпизодической» востребованности. Если на мак-

роуровне ситуация может быть скорректирована инструментами государственного регулирования доходов, то ответ на вопрос, что же может сделать любой из нас, частично дан представленным анализом: в основе успешной экономической адаптации в современных условиях лежит образование.

глава 18

Человеческий потенциал коренных малочисленных народов Сибири

В данной главе рассматриваются результаты, полученные в ходе выполнения пилотного исследования, являющегося продолжением канадско-российского проекта «Оптимизация социальной политики в Сибирском федеральном округе», осуществляемого Департаментом по делам индейцев и Северных территорий правительства Канады, Карлтонским университетом (рук. проф. Джоан Де Барделебен) и Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (рук. проф. З. И. Калугина). Фокусным регионом пилотного проекта была Томская область, а представителями коренных малочисленных народов — селькупы.

Информационной базой послужили статистические данные, материалы Всероссийских переписей населения, а также ряда выборочных социолого-статистических обследований. В соответствии с имеющейся информацией авторы попытались провести анализ социально-экономического положения селькупов на макро-, мезо- и микроуровнях: Российская Федерация в целом, Сибирский федеральный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ и Томская область.

Краткий исторический экскурс

Селькупы являются потомками древнего народа, населяющего территорию Западной Сибири между Обью и Енисеем. Они состоят из двух основных групп: южной, или обской, проживающей в Томской области по Оби и ее притокам, и северной, или тазовско-туруханской, проживающей в Тюменской области по реке Таз и в Красноярском крае по притокам Енисея (рис. 18.1).

Основными направлениями хозяйственной деятельности обской группы селькупов в прошлом были охота и рыболовство. Первостепенное значение имела охота на боровую и водоплавающую дичь, которая являлась главным способом добычи мяса. Второе место по значению в хозяйстве обских селькупов занимал рыбный промысел. Оленеводство, за-

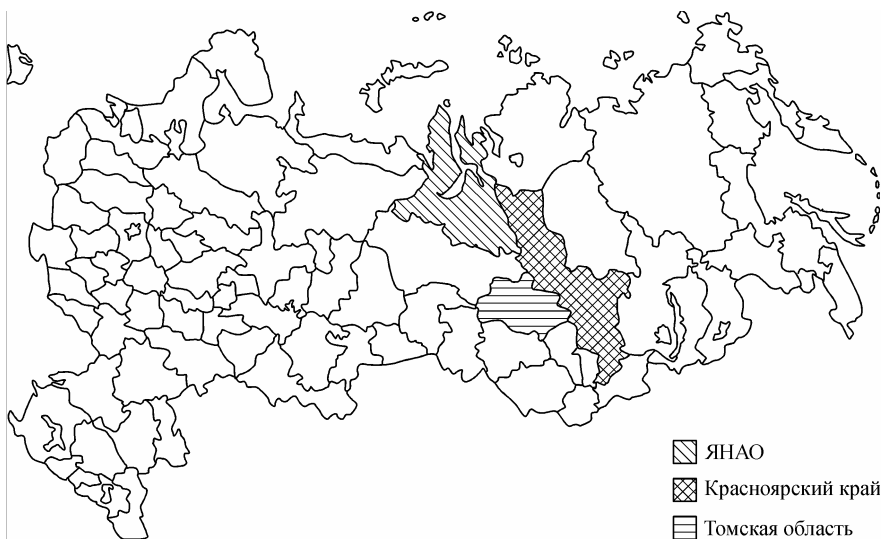

Рис. 18.1. Ареал расселения селькупов на территории России.

имствованное у ненцев и энцев, было распространено только в северном ареале расселения селькупов, в Тюменской области и Туруханском районе Красноярского края.

Приток русского населения в Сибирь в XVII—XIX вв. способствовал расширению хозяйственно-культурных связей селькупов, увеличению числа смешанных браков. Под влиянием русских селькупы стали поселяться в деревнях, заводить домашний скот, культивировать огородничество. Позднее селькупы в большинстве своем, подобно представителям других национальностей Томской области, жившим в сельской местности, стали работниками зерновых и животноводческих хозяйств и утратили навыки традиционных для них национальных занятий — охоты и рыболовства.

Особенно интенсивным стало сближение селькупов с русскими в советский период. Этому в немалой степени способствовало создание Тымского национального района, в который стало стягиваться население из бассейнов рек Васюган, Чузик, Парабель, Чая, Кеть и Томского Приобья. В итоге в составе населения района оказались носители нескольких диалектов селькупского языка, настолько сильно отличающихся своими фонетическими особенностями, что переселенцы и жители бассейна Тыма оказались не в состоянии понимать друг друга. Поэтому языком повседневного общения для многих стал русский язык, постепенно вытеснивший селькупские диалекты из семейно-бытовой сферы. После того как Тымский район в 1950 г. был ликвидирован, русский язык стал доминировать среди всего селькупского населения Томской области [Васильева, Малиновская, 1993].

Демографическая ситуация на территориях расселения селькупов

Численность и половозрастная структура населения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., общая численность селькупов, проживающих на территории России, составляла 4056 человек, 84,1 % из которых — сельское население (табл. 18.1). Часть селькупов (45,8 %) расселена на территории Тюменской области, в том числе в Ямало-Ненецком автономном округе — 44,3 %, и в Томской области — 44,0 %. Вне этих территорий проживают только 10,2 % селькупов. Большая часть этой национальной группы в Томской области (82,5 %) расселена в сельской местности. За период между переписями населения 1989 и 2002 гг. численность селькупов увеличилась на 400 человек, но не достигла численности, зафиксированной переписью 1970 г. (4,3 тыс. чел).

Половозрастная структура селькупов при всей схожести с демографической структурой других коренных народов России и Сибири имеет значительные отличия. По данным переписи населения 2002 г., доля детей и подростков в общей численности населения в Сибирском федеральном округе (СФО) составляла 19,0 %, а доля населения пенсионного возраста — 18,1 %, в то время как среди селькупов доля детей и подростков и доля населения пенсионного возраста составляли соответственно 27,3 и 10,6 % [Коренные ... народы..., 2005].

В сельских поселениях доля детей и подростков в семьях селькупов была еще выше (29,3 %) при более низкой доле населения пенсионного возраста (10,1 %). Селькупы, таким образом, моложе, чем население СФО: средний возраст селькупов, проживающих в городских поселениях, меньше на 2,3 года, а в сельских — на 5,3 года. Более молодой состав населения, свойственный всем коренным народам Сибири, является следствием их высокого уровня рождаемости.

Таблица 18.1
Численность селькупов по территориям проживания, 2002 г.

Территория преимущественного проживания селькупов	Всего, чел.	Городское население		Сельское население	
		Чел.	%	Чел.	%
Всего	4056	645	15,9	3411	84,1
Тюменская область	1857	275	14,8	1582	85,2
в том числе: Ямало-Ненецкий автономный округ	1797	228	12,7	1569	87,3
Томская область	1787	312	17,5	1475	82,5
Красноярский край	412	312	14,1	354	85,9

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005. С. 9.

Доля населения трудоспособного возраста в общей численности селькупов соответствует среднесибирскому уровню. При этом она заметно выше у селькупов, проживающих в городских поселениях (70,2%), чем в сельских (60,6%). Среди населения трудоспособного возраста довольно высока доля молодого населения 16—24 лет: 30,1% — в городском и 26,6% — в сельском населении. На долю же населения 25—44 лет — основной костяк трудовых ресурсов, приходится 49,3% населения в городских и 52,6% — в сельских поселениях. Доля старшей группы трудоспособного возраста (45—54-летних женщин и 45—59-летних мужчин) намного ниже и составляет 20,6% в городских и 20,8% в сельских поселениях. При сохранении существующих тенденций в демографическом развитии селькупов можно ожидать, что в обозримой перспективе не произойдет интенсивного постарения населения трудоспособного возраста, а выбывающее из трудоспособного возраста население не будет превосходить по численности молодое.

Относительно высокий трудовой потенциал селькупов при низкой продолжительности жизни определяет более низкий, чем у всего населения СФО, уровень демографической нагрузки на трудоспособное население. В сельских поселениях на 1000 селькупов трудоспособного возраста приходилось 651 чел. нетрудоспособного возраста, в то время как в СФО — 706 чел.

На протяжении длительного времени половая структура селькупов характеризовалась численным преобладанием женщин в трудоспособных и, особенно, в пенсионных возрастах. Данные последней переписи населения 2002 г. показывают продолжение этой тенденции, хотя имеются некоторые особенности. Если соотношение мужчин и женщин в возрасте до 40 лет достаточно сбалансировано (с небольшим преобладанием женщин), то в возрасте старше 40 лет наблюдается значительное преобладание женщин, в основе которого лежат чрезвычайно высокие показатели смертности мужчин. Так, в возрасте 40—49 лет доля мужчин на 2,9 п. п. ниже доли женщин в городских поселениях и на 4,9 — в сельских. Но особенно значительны эти различия среди лиц старше трудоспособного возраста. Так, в городских поселениях доля женщин в этом возрасте в 2 раза выше, чем мужчин, а в сельской местности — в 1,6 раза. О более высоком уровне смертности у мужчин селькупов по сравнению с женщинами свидетельствует и более низкий средний возраст мужчин по сравнению с женщинами. Различия в нем составляют 4 года в городских поселениях и 3,2 года — в сельских.

Рождаемость и естественный прирост. Высокий уровень брачности селькупов (74,6% мужчин и 68,6% женщин состоят в зарегистрированном в браке) [Там же] формирует и более высокий уровень рождаемости. Так, если в 2002 г. в СФО на тысячу населения родилось 9 чел., то среди селькупов в этом же году на тысячу населения родились 16,3 чел.

Отличительной особенностью семей селькупов является многодетность. Среднее число детей в семье к завершению репродуктивного периода равно 3,1. При этом относительно высока доля семей, имеющих детей 4-й и более очередности. Среди всех селькупов, проживающих на территории России, доля таких семей составляет свыше 11 %. Тем не менее, если сравнить число детей в современной семье за весь репродуктивный период и в поколении родителей, для которых репродуктивный период завершился 20 лет назад, то отчетливо проявляется сокращение числа рожденных в семье детей. Для селькупов Томской области среднее число детей на одну женщину в поколении родителей составляло 3,3 ребенка, а в современном поколении — 2,9 [Там же].

Другой особенностью рождаемости селькупов является продолжительный репродуктивно-активный период. Если у русских женщин этот период составляет 10—12 лет, а его конец приходится на возраст до 34—35 лет, то для женщин-селькупок репродуктивно-активный период на 5—10 лет больше. При этом дети 4-й и более очередности рождаются в основном после 40 лет.

Однако высокий уровень рождаемости селькупов нивелируется высоким уровнем смертности. В результате этих двух процессов естественный прирост населения у селькупов, начиная со второй половины 1990-х гг., имел минимальную положительную, а в отдельные годы и отрицательную величину (рис. 18.2).

В целом доля селькупов в общей численности рожденных у коренных народов Севера в 1996—2002 гг. составляла 1,4—2,2 %, а доля умерших в эти же годы — 1,9—3,0 %. Таким образом, эти данные характеризуют селькупов как этнос, воспроизводственные процессы которого

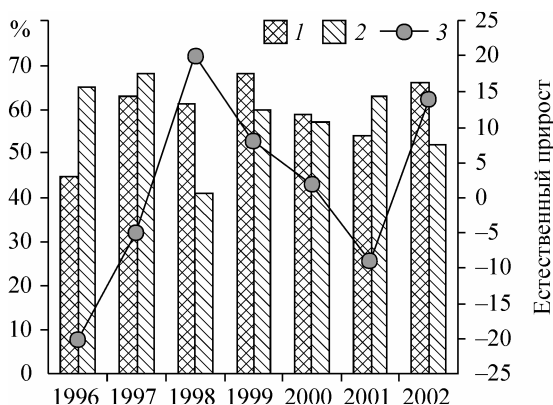

Рис. 18.2. Естественное движение селькупов Томской области, %.

1 — родившиеся, 2 — умершие, 3 — естественный прирост.

Источник: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера 2002. М., 2003. С. 13—15.

в рассматриваемые годы оказывали большее влияние на сокращение численности коренных народов Севера, чем на его прирост.

Социокультурные характеристики селькупов

Владение родным языком. Селькупы Томской области не относятся к числу исчезающих малых коренных народов, однако знание родного языка среди селькупов неуклонно снижается. По данным переписи населения 1979 г., 16,8 % селькупов Томской области считали своим родным языком селькупский, а в 2002 г. лишь 2,5 %: 1,6 % городского и 2,6 % сельского населения [Численность..., 2004]. Более высокий уровень знания родного языка (52,8 %) характерен для селькупов Тюменской области и Красноярского края (36,0 % у городского и 55,7 % у сельского населения). А в целом в 2002 г. 30,6 % селькупов владели языком своего народа (19,4 % городского и 32,8 % сельского населения), тогда как по переписи 1989 г. 47,6 % селькупов считали своим родным языком селькупский (рис. 18.3).

Следствием этого является «сжатие» коммуникационного общения селькупов на родном языке. Между тем язык, наряду с нормами поведения, морали и права, с произведениями народного творчества и профессионального искусства, является главным элементом этнической культуры, важнейшим элементом самосознания этнической общности и этнической самоидентификации. Как показывает опыт, свертывание и отсутствие обучения малочисленных коренных народов на родном языке играет ключевую отрицательную роль не только в сохранении культуры и языка малочисленного народа, но и этноса как такового.

В силу ряда причин селькупы Томской области оказались намного более русифицированными, чем северные селькупы, проживающие в Тюменской области и Красноярском крае. Северные селькупы, даже в условиях достаточно интенсивных культурных и брачных контактов с кетами и эвенками (в верховьях реки Таз до 75 % браков, заключенных селькупками, межнациональные), в целом сохранили свою этническую самобытность. В ареале их расселения селькупский язык, наряду с русским, является разговорным в среде разноэтничного коренного населения.

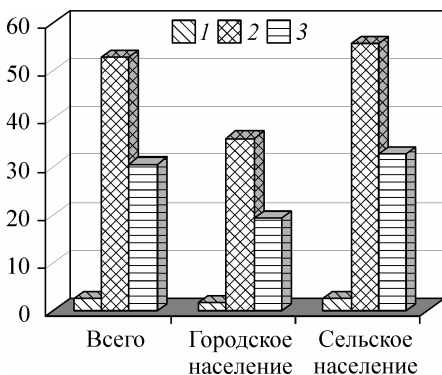

Рис. 18.3. Знание родного языка, 2002, %.

1 — Томская область, 2 — Тюменская область и Красноярский край, 3 — всего.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 19.

Сохранению родного языка не способствует уровень его преподавания в школе. На протяжении 1996—2003 гг. удельный вес селькупов школьного возраста, изучающих родной язык в общеобразовательной школе, составлял в Томской области около 4 % их численности (на всей территории расселения селькупов он был значительно выше и насчитывал примерно 25 %) [Экономическое ... развитие..., 2003]. В районах проживания коренных малочисленных народов нет малокомплектных школ, организованных непосредственно в местах производственной деятельности родителей. В Томской области нет ни одной общедоступной библиотеки, имеющей литературу на языках коренных малочисленных народов Севера.

Принципиальные различия в знании родного языка и в его повседневном использовании определяются условиями проживания и традиционными занятиями различных территориальных групп селькупов. Образ жизни северных селькупов (Ямало-Ненецкий автономный округ) в значительно большей степени связан с их традиционными национальными занятиями, чем южных (Томская область). Занятые оленеводством, охотой, рыболовством среди северных селькупов составляют самую многочисленную часть работающего населения. В Томской области селькупы включены в довольно разнообразную аграрно-индустриальную структуру занятости, что неминуемо влечет за собой и языковую интеграцию с окружающим русскоговорящим населением. Как считают многие исследователи, оленеводство остается единственной отраслью хозяйства, способной обеспечивать воспроизводство традиционной культуры, в том числе и родного языка, поддерживать все остальные исконные занятия.

Уровень образования. Подавляющее число селькупов Томской области обучалось в школе и в профессиональных учебных заведениях. Доля неграмотных — 1 % от числа селькупов старше 15 лет. Почти половина селькупов Томской области (48,2 %) имеет профессиональное образование: послевузовское, высшее, неполное высшее, среднее специальное и начальное специальное (ПУ, ПТУ, ФЗУ на базе основного или среднего общего образования). Но среди получивших тот или иной вид профессионального образования преобладают прошедшие начальную профессиональную подготовку (44,4 %). Специалисты с законченным и неполным высшим образованием насчитывают среди селькупов, проживающих в городской и сельской местности, 6,4 %, а среди сельского населения — только 4 %, что существенно ниже удельного веса сельских жителей с аналогичным уровнем образования по области, Сибирскому федеральному округу и по России в целом (рис. 18.4, 18.5). С этим связана и заметно более низкая доля селькупов, занятых интеллектуальным трудом, т. е. работающих в должности руководителей, специалистов с высшим и средним специальным образованием, служащих по учету, оформлению документов, подготовке информации.

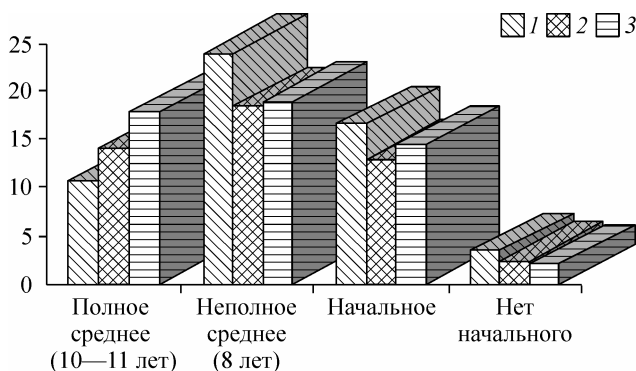

Рис. 18.4. Распределение сельского населения по уровню общего образования, результаты переписи населения 2002 г., %.

1 — селькупы, проживающие в селах Томской области; 2 — сельское население Томской области; 3 — сельское население РФ.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 238—239.

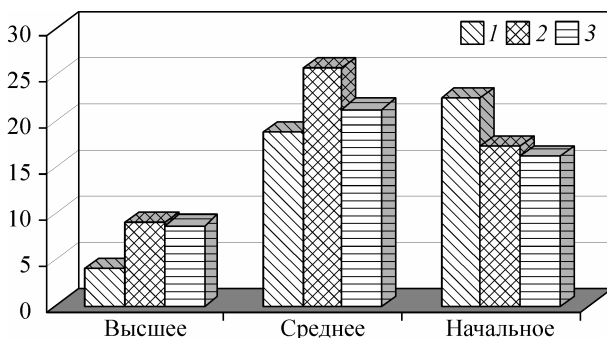

Рис. 18.5. Распределение сельского населения по уровню профессионального образования, результаты переписи населения 2002 г., %.

1 — селькупы, проживающие в селах Томской области; 2 — сельское население Томской области; 3 — сельское население РФ.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 238—239.

Положение селькупов на рынке труда

Сфера и статус занятости. Районы проживания селькупов в Томской области имеют аграрно-индустриальный профиль хозяйствования и соответствующий ему профиль занятости населения. Наряду с сельскохозяйственной продукцией в районах проживания коренных малочис-

ленных народов Томской области добывается нефть; производятся электроэнергия, пиломатериалы и деловая древесина, рыбные консервы, пресервы и другая товарная рыбная продукция. Поэтому занятия селькупов Томской области более тесно, чем занятия северных селькупов, связаны с различными видами обрабатывающей и пищевой промышленности, строительства, транспорта и связи, обслуживанием производственной инфраструктуры, а также с растениеводством, животноводством (главным образом, в рамках личного подсобного хозяйства).

Согласно последней переписи населения РФ 2002 г., основными сферами занятости данного народа являются сфера образования, сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, транспорт и связь (табл. 18.2).

Значительная часть селькупов занята в таких нетрадиционных сферах деятельности, как операции с недвижимым имуществом, аренда и

Таблица 18.2
Распределение селькупов, проживающих в городской и сельской местности, по отраслям занятости, % от численности занятых

Отрасль (сфера) занятости селькупов	Томская область	Ямало-Ненецкий АО
Все занятые в экономике	100	100
В том числе		
сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	14,6	18,7
рыболовство, рыбоводство	1,9	19,5
добыча полезных ископаемых	2,9	1,0
обрабатывающие производства	4,8	3,3
производство и распределение электроэнергии, газа, воды	1,3	1,0
строительство	5,7	3,5
оптовая и розничная торговля, услуги населению по ремонту техники	5,7	1,7
гостиницы, рестораны	1,0	0,8
транспорт и связь	13,1	2,1
финансовая деятельность	0,3	0,4
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,5	4,4
государственное управление, органы безопасности, социальное обеспечение	9,9	5,8
образование	17,5	17,0
здравоохранение и предоставление социальных услуг	8,3	12,1
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,2	7,7
не распределенные по видам деятельности	0,3	–

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 418—419.

предоставление услуг (10,5 %), государственное управление, безопасность, социальное обеспечение (9,9 %), что свидетельствует об адаптации части коренного населения к современным условиям. Об этом свидетельствует также профессионально-должностная структура занятых селькупов. Четверть из них являются руководителями разных рангов, специалистами высшей или средней категории, еще четверть заняты квалифицированными видами деятельности по рабочим профессиям в различных отраслях экономики. Неквалифицированным трудом занято 21 % работающего коренного населения, что в 1,5—2 раза выше, согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2002 г., чем в Российской Федерации. Доля селькупов, занимающих должности руководителей всех рангов или специалистов высшей и средней квалификации, была ниже среднероссийской более чем в полтора раза [Коренные... народы..., 2005]. В целом профессионально-должностная структура селькупов смещена в сторону низкоквалифицированных и соответственно малооплачиваемых профессий и должностей (табл. 18.3).

По статусу занятости: 98 % работающих в экономике селькупов работают по найму, и лишь 2 % работали самостоятельно, главным обра-

Таблица 18.3

Распределение селькупов в возрасте 15—64 лет по профессионально-должностным группам, %

Профессионально-должностная группа	Ямало-Не- нецкий АО	Томская область	Российская Федерация
Население, занятое в экономике	100	100	100
Руководители	2,5	5,1	11,6
Специалисты высшей квалификации	9,1	9,9	14,9
Специалисты средней квалификации	11,8	9,6	12,7
Канторские работники (учет, оформление документов, подготовка информации)	1,3	2,5	2,6
Работники торговли, ЖКХ, сферы обслуживания	12,2	12,1	13,0
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства, рыбоводства	26,8	3,5	1,8
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи	7,7	12,1	16,0
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	7,7	22,0	14,3
Неквалифицированные рабочие	17,6	21,0	9,8
Занятия на военной службе			1,0
Лица, не указавшие занятия	3,3	2,2	2,3

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. М.: ФСГС, 2005. Т. 9. С. 6; Т. 13. С. 467—468.

зом без привлечения наемного труда. Тем не менее, как показало специальное исследование проблем развития малого бизнеса в регионах Сибири, проведенное ИЭОПП СО РАН в 2004—2005 гг. [Калугина, 2006], коренным народам Сибири не чужд дух предпринимательства. Социальная база для него среди коренных народов Сибири имеется. Однако для расширения малого предпринимательства среди коренных народов требуются разработка специальных государственных программ по поддержке малого бизнеса, создание специальных информационных центров и инкубаторов, приобщающих и обучающих коренные народности азам предпринимательства с учетом национальных традиций природопользования и ведения хозяйства.

Занятость в сфере формальной экономики обеспечивает доходы лишь каждому четвертому представителю коренного населения. Более 40 % селькупов указали в числе основных источников существования доходы от личного подсобного хозяйства, 23 % — пенсии, пособия, в том числе пособия по безработице получает более 7 % коренного населения. При этом заметных различий в структуре доходов среди жителей городской и сельской местности практически не наблюдается, что обусловлено, на наш взгляд, высокой напряженностью рынка труда в Томской области, а также широкими масштабами безработицы.

Обращает на себя внимание неустраиваемость значительной доли коренного населения на современном рынке труда (рис. 18.6). По данным переписи населения РФ 2002 г., уровень экономической активности и занятости селькупов был намного ниже средних показателей по Федерации и по СФО в целом, а уровень безработицы среди селькупов заметно превышал эти показатели. Так, доля экономически активного населения среди селькупов составляла в 2002 г. 55,8 %, по всему населению СФО — 64,3, а по РФ — 65,0 %. Уровень занятости характеризовался в этот период следующими данными: 33,0, 57,7 и 61,2 %. Уровень общей безработицы в этот период среди селькупов составлял 22,8 %, по

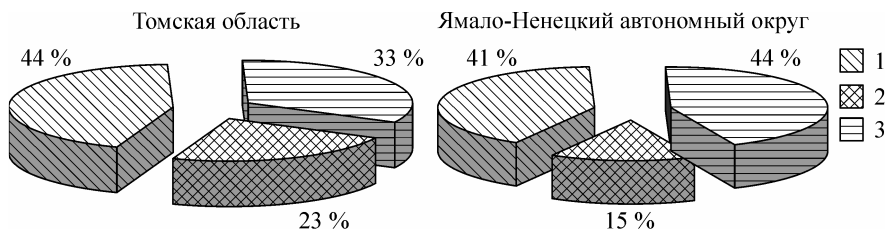

Рис. 18.6. Распределение селькупов, проживающих в сельской и городской местности, в возрасте 15—64 лет по экономической активности, %.

1 — занятые в экономике; 2 — безработные; 3 — экономически не активные.

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСТС. 2005. С. 385.

СФО — 10,1, а по РФ в целом — 8,1 % [Обследование..., 2003, 2004; Регионы..., 2004].

Подводя некоторые итоги анализа положения селькупов на рынке труда, можно отметить следующее. Часть селькупов адаптирована к нынешним условиям и имеет достаточно высокие статусные позиции на рынке труда, занимаясь не только традиционными, но и современными видами экономической деятельности. Но в целом для этой народности характерна слабая вовлеченность в самостоятельный бизнес. Значительная часть коренного населения на сегодня не располагает достаточным социальным капиталом (уровень общего и профессионального образования, состояние здоровья, развитые социальные сети и др.) для того, чтобы занять более высокие позиции на рынке труда.

Качество жизни коренных народов Сибири

Источники и уровень доходов. Диапазон источников средств существования селькупов, проживающих в сельской местности, представлен в табл. 18.4. В Томской области он шире, чем у северных селькупов. Но главное, что обращает на себя внимание, относительно невысокая зависимость доходов от занятости и значительная роль личного подворья (товарное производство и производство для личного потребления овощей, картофеля, молока, масла, мяса) в формировании доходов селькупов Томской области, по сравнению с селькупами Ямало-Ненецкого автономного округа. С этой точки зрения обские селькупы практически не отличаются от обычного российского сельского жителя.

Таблица 18.4

Распределение селькупов, проживающих в сельской местности, по источникам средств существования, %

Источник средств существования	Томская область	Ямало-Ненецкий АО
Доход от трудовой деятельности (кроме работы в ЛПХ)	22,8	29,4
Личное подсобное хозяйство	47,5	5,8
Стипендия	1,6	0,1
Пенсия (кроме пенсий по инвалидности)	23,1	10,1
Пенсия по инвалидности	3,9	3,7
Пособие (кроме пособий по безработице)	21,5	19,0
Пособие по безработице	8,1	3,0
Другой вид государственного обеспечения	0,1	11,0
Сбережения	0,2	0,6
Доход от сдачи в аренду имущества	-	0,4
На иждивении отдельных лиц	38,3	43,8
Иной источник средств существования	1,0	7,7

Источник: Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005. С. 418—419.

Данные о величине среднедушевых денежных доходов различных коренных малочисленных народов Севера, полученные на материалах выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, показывают, что душевые денежные доходы их домохозяйств составляют от 12 до 33 % уровня доходов жителей соответствующих субъектов Федерации, т. е. разрыв в уровне доходов огромен [Экономическое... развитие..., 2003]. В то же время нельзя не отметить, что за этими цифрами кроются не только различия в душевых доходах коренных и некоренных народов, но и существенная дифференциация в оплате сельскохозяйственного и промышленного труда, труда сельского и городского населения. Так, в 2002 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве составляла 34,2 % от уровня заработной платы в промышленности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении уровня доходов селькупских домохозяйств Томской области, проживающих преимущественно в сельской местности. Согласно нашим расчетам, проведенным на материалах выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств Государственного комитета по статистике РФ, во втором квартале 2002 г. денежные душевые доходы сельского населения Томской области составляли 1690 р. и находились в середине интервала доходов домохозяйств малых коренных народов в целом (рис. 18.7).

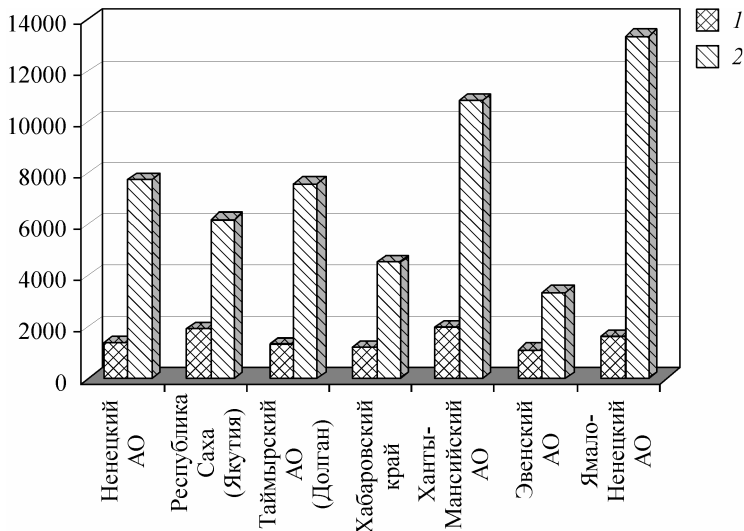

Рис. 18.7. Среднедушевые денежные доходы на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера в 2002 г., р./мес.

1 — сельское население, 2 — РФ в целом.

Источник: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 23—30.

Распределение доходов отличалось высокой степенью неравенства: децильный коэффициент (фондов), показывающий, во сколько раз средний доход 10 % группы сельских жителей с самыми высокими доходами выше среднего дохода 10 % группы жителей с самыми низкими доходами, был равен 16,8. При наблюдаемом уровне среднемесячных денежных душевых доходов у 66,8 % сельских жителей они были ниже размера прожиточного минимума, т. е. уровень бедности сельского населения составлял фактически 67 %, в то время как среди городского населения к числу бедных относились 42 % населения. Следует отметить, что подобный уровень бедности на эту дату был характерен для сельского населения Российской Федерации в целом (доля бедных — 72,3 %, дефицит бедности — 37 %). Это еще раз подтверждает, что основная причина бедности коренных народов, проживающих в сельской местности, в частности селькупов Томской области, состоит не столько в национально-этнической принадлежности, сколько в более низком уровне оплаты труда и денежных душевых доходах сельских жителей. Высокая концентрация бедности среди селькупов связана также с их более низкими позициями в профессионально-должностной структуре, обусловленными низкой конкурентоспособностью селькупов по сравнению с другими группами населения.

Жилищные условия. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., почти 40 % жилья сельской местности Томской области,

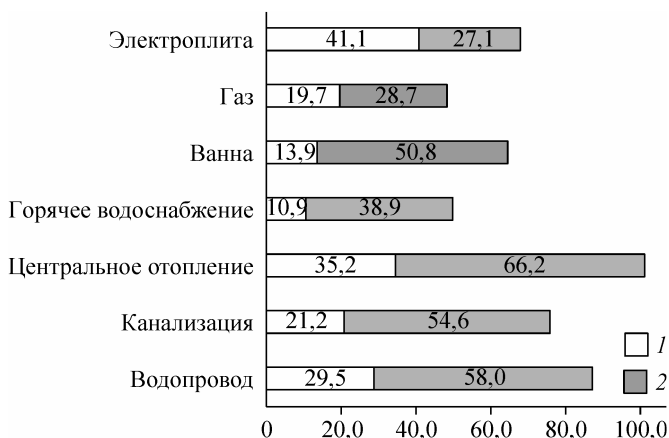

Рис. 18.8. Благоустройство жилья в районах компактного проживания малочисленных коренных народов в Томской области (1) и в районах проживания всех коренных малочисленных народов Российской Федерации (2), 2002 г., %.

Источник: Жилищные условия населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 11. М.: ФСГС, 2005. С. 33, 676—677.

являющейся основным ареалом проживания селькупов, имеет очень большой срок службы (35 лет и более) и большую степень износа, поскольку от 89 до 99 % жилых строений с этим сроком службы построены из дерева. Сельский жилищный фонд имеет также низкий уровень благоустройства. Только 11,5 % сельских семей проживает в домах или квартирах с относительно полным набором элементов благоустройства, среди которых водопровод, канализация, центральное отопление и горячее водоснабжение, ванна или душ, газ или электроплита, квартирный телефон (рис. 18.8). А в целом степень «урбанизации» жилой среды на территории проживания коренных народов Томской области, по меньшей мере, в два раза ниже, чем в среднем на территории проживания коренных народов Севера Российской Федерации в целом [Экономическое... развитие..., 2003]. Сравнение состава квартирного фонда по числу комнат и числа проживающих в них членов семьи обнаруживает структурный дефицит жилья, т. е. несоответствие между числом комнат в квартирах и числом членов домохозяйств. Так, примерно половина сельских домохозяйств, состоящих из трех человек и более, проживали в одной комнате.

Питание коренного населения. Питание является одной из существенных составляющих жизненного стандарта населения, влияющих на воспроизводство и продолжительность жизни населения, воспитание здорового подрастающего поколения и качество рабочей силы. Низкий уровень доходов коренного населения определяет уровень затрат на питание, состав потребляемых продуктов питания и их количество [Данные..., 2003; Экономическое... развитие..., 2003]. В структуре расходов на покупку продуктов питания ведущее место занимают самые дешевые из них: хлеб и хлебобулочные изделия, сахар и кондитерские изделия, масло растительное и другие жиры. Затраты на хлеб и хлебобулочные изделия составляют при этом от 20 до 35 % всех расходов на покупку продуктов для домашнего питания. Для рациона коренных народов характерны низкий уровень потребления продуктов питания и даже недоедание. На это указывают как количество потребляемых продуктов в натуральном выражении, так и более низкая, чем в среднем по Российской Федерации, их энергетическая ценность [Социальное положение..., 2003]. Обращает на себя внимание и тот факт, что пищевая ценность потребляемых продуктов питания в регионах проживания коренных народов Севера на 70 % обеспечивается за счет углеводов, в то время как, согласно медико-экологическим исследованиям, проживание и адаптация к климатическим условиям северных территорий Сибири требуют содержания в пище 15—16 % белка, 40—41 % жира и 40—42 % углеводов. Таким образом, потребление продуктов питания в домохозяйствах коренного малочисленного населения Севера не обеспечивает ни его калорийности, ни сбалансированности по пищевой ценности.

Здоровье коренного населения. Здоровье является одной из важных характеристик рабочей силы, своего рода свидетельством степени ее

готовности и способности выполнять соответствующие физические и интеллектуальные нагрузки, быть конкурентоспособной на рынке труда. Здоровье, в свою очередь, во многом зависит от условий жизни населения — уровня доходов, качества питания, жилищных условий, личной безопасности, социальной стабильности общества. Эти факторы объясняют немалую часть изменения показателей здоровья и, в первую очередь, показателей смертности населения. Ранее уже приводились данные, в соответствии с которыми среди селькупов доля лиц пенсионного возраста в 1,6 раза меньше, чем в Томской области в целом, и в 1,9 раз меньше, чем в среднем по Российской Федерации. Низкая доля лиц, доживающих до пенсии, говорит о высоком уровне ранней, преждевременной смертности среди взрослого селькупского населения трудоспособного возраста.

В настоящее время базовые потребности населения в медицинских услугах, позволяющих поддерживать и сохранять здоровье, не удовлетворяются в местах проживания коренных малочисленных народов почти повсеместно. Причина этого — аннулирование в сельской местности фельдшерско-акушерских пунктов, отсутствие телефонной и постоянной транспортной связи с населенными пунктами, где эти услуги можно получить. Все это обусловило высокий и растущий уровень заболеваемости. Селькупы значительно чаще, чем другие жители Томской области, подвержены болезням «социального» происхождения (активный туберкулез, синдром зависимости от алкоголя и психотические расстройства, связанные с употреблением алкоголя) (табл. 18.5).

Вместе с тем нельзя не отметить, что многие проблемы низкого качества жизни селькупов характерны для всего российского населения, а некоторые из них обусловлены не принадлежностью селькупов к данной этнической группе, а системой расселения и специфическими условиями жизни крупных социально-территориальных сообществ, таких

Таблица 18.5

Распространенность социально-значимых заболеваний: число больных с впервые установленным диагнозом в расчете на 100 тысяч населения, 2002 г.

Заболевание	Селькупы Томской области	Все население Томской области
Активный туберкулез	156	114
Синдром зависимости от алкоголя и психотические расстройства, связанные с употреблением алкоголя	236	150
Злокачественные новообразования	423	326

Источники: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 118—124; Социально-значимые заболевания населения России в 2002 году (Статистические материалы). М.: ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения, 2003. С. 12—13, 21—22, 47—48.

как сельское население. С этой точки зрения вряд ли можно говорить о том, что селькупы как представители одного из малочисленных коренных народов Сибири являются изгоями или пасынками современного российского общества.

Поэтому механизмы решения проблем обеспечения социально приемлемого качества жизни коренного населения Сибири в значительной степени универсальны для всех народов России. Они должны решаться как за счет повышения уровня образования и квалификации работников, увеличения их конкурентоспособности на рынке труда и повышения уровня занятости, так и за счет сглаживания диспаритета в оплате труда сельского и городского населения, а также уменьшения необоснованных социальных региональных неравенств (подробнее см. [Калугина, 2004; Калугина и др., 2005]). Повышение размера заработной платы, ее покупательной способности является неотложной задачей социально-экономической политики сегодня и на ближайшую перспективу. Именно от того, насколько величина оплаты труда может реально обеспечивать затраты на восстановление и развитие физических и интеллектуальных способностей к труду, будет зависеть в дальнейшем сохранение всего российского населения, в том числе и коренных малочисленных народов.

Вместе с тем селькупы, как и другие коренные малочисленные народы, помимо бедности, безработицы, неудовлетворительных жилищных условий, плохого здоровья, сталкиваются с широким кругом проблем, связанных с их статусом и взаимодействием с другими культурными группами и изменениями в окружающей их природной среде. Эти проблемы включают сохранение языка и культуры, право на землю и использование природных ресурсов, политическое самоопределение, развитие самоуправления и др.

Своеобразие ситуации, в которой находятся селькупы Томской области, состоит в том, что, будучи фактически русифицированными и практически утратившими родной язык и культуру, они сохранили этническое самосознание. Неслучайно поэтому селькупы одними из первых коренных малочисленных народов Томской области приняли участие в формировании и развитии общественного движения за национальное возрождение. В сентябре 1989 г. был проведен учредительный съезд, собравший 87 представителей административных районов компактного проживания селькупов. На этом съезде было создано национальное общество томских селькупов — «Колта куп», приняты его устав и программа. Одна из основных задач общества, сформулированных на съезде, — создание национально-политических и хозяйственных структур в местах компактного расселения этого народа, образование национальных сельских (поселковых) общин. Решение этой задачи рассматривается национальным обществом как одно из основных средств возрождения селькупского народа, восстановления его этнокультурной и этноязыковой среды. Авторы подготовленной впоследствии «Концепции национально-политического, экономического и культурного разви-

тия малочисленных народов Севера Томской области» [Васильев, Машиновская, 1993] считают, что именно восстановление национальных общин, имеющих в своем распоряжении закрепленные охотничьи и рыболовные угодья, позволит возродить у коренных народов интерес к промысловой деятельности. В сочетании с ориентацией школьных программ на трудовое обучение, физическую подготовку, историческое краеведение и другие предметы это даст возможность, по мнению авторов концепции, закрепить знания и навыки занятий охотой и рыболовством в последующих поколениях.

Время, прошедшее с момента выдвижения национальным обществом «Колта куп» этих целей, показало, что самоуправление относится к числу наиболее острых и не нашедших пока решения проблем не только коренных народов Севера, но и всего населения России. Становление и организация самоуправления у коренного населения сталкивается с практическими трудностями согласования интересов многочисленных сторон (правительств и администраций разных уровней, некоренных групп населения, различных ведомств и организаций). Помимо этого, нет ясности в том, должно ли это самоуправление контролировать все или только отдельные сферы жизнедеятельности, ориентироваться на все население или организовываться строго по этническому принципу. Основная трудность использования зарубежного опыта в этом отношении заключается в том, что, например, в отличие от коренного населения Аляски, Канады, Гренландии, где во многих административных единицах коренное население составляет большинство, многие коренные народы Сибири, в том числе и селькупы, составляют лишь малую часть населения соответствующих административных единиц. Выход, по-видимому, состоит в поиске не универсальных, одинаковых для всех подходов, а нетрадиционных и нестандартных решений. И, наконец, особенно важно, чтобы представители коренных народов территорий были непосредственными участниками этого процесса на всех его ступенях, от постановки целей, задач, формирования программ до их внедрения в жизнь.

А это предполагает проведение специальных обследований населения на территориях компактного проживания коренных народов по широкому кругу обсуждавшихся здесь вопросов. Это даст надежные и достоверные представления о том, как сами коренные жители оценивают создавшееся положение и какими они видят пути решения проблем, а также возможности для создания национальных сельских (поселковых) общин и национальных хозяйственных структур в местах компактного расселения этого народа.

* * *

Итак, селькупы как представители одного из малочисленных коренных народов Сибири не являются изгоями или пасынками современного

российского общества. Низкое качество жизни присуще не только селькупам, но и широким слоям российского населения. Многие проблемы обусловлены не этнической принадлежностью селькупов, а специфическими условиями жизни в сельской местности, где проживает 82 % селькупов. Соответственно, социальная политика должна быть направлена на повышение уровня занятости и конкурентоспособности на рынке труда; сглаживание диспаритета в оплате труда сельского и городского населения; уменьшение необоснованных социальных региональных неравенств. Механизмы решения проблем повышения качества жизни коренного населения Сибири — универсальны для всех народов России. Своеобразие ситуации селькупов Томской области состоит в том, что, будучи фактически русифицированными и утратившими родной язык и культуру, они сохранили этническое самосознание. Разрешение политико-правовых, этнокультурных проблем требует особых подходов и нестандартных решений.

глава 19 | Человеческий потенциал иммиграции

Под влиянием процессов глобализации второй половины XX в. международная (межгосударственная) миграция* обрела поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества. И сегодня уже никто не оспаривает того положения, что миграция стала одним из главных факторов социальной трансформации в различных регионах мира.

Для России эта тенденция обозначилась сравнительно недавно. Социально-экономические и политические процессы, произошедшие после распада СССР, а также переход к политике открытого общества превратили Россию из закрытой страны с традиционно низким уровнем миграционного оборота в активного участника международного миграционного обмена.

Сибирь — пограничная территория России — по степени активности международной миграции сохраняет одно из ведущих мест в стране. К настоящему времени уже сформировались и практика проникновения и расселения иммигрантов, и практика экономической интеграции различных субъектов. Это, с одной стороны, привело к формированию но-

* *Международная, межгосударственная миграция населения* — иммиграция — территориальное передвижение людей через государственные границы, связанное с изменением постоянного места жительства или с пребыванием в стране въезда, имеющим длительный (более 1 года) или сезонный характер.

вых элементов этносоциальной структуры, к созданию определенных ниш занятости на российском рынке труда, а с другой, — стало причиной трансформации качественных характеристик рабочей силы.

Важные шаги в регулировании процесса международного миграционного обмена предприняты российским руководством с принятием с 1.11.2002 г. федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также последующих правовых актов, определяющих все вопросы въезда и пребывания на территории России: порядок оформления приглашения на въезд, регистрацию и учет мигрантов, контроль за пребыванием и проживанием на территории въезда, ответственность за нарушение закона и т. д. Таким образом, создается реальный механизм по формированию иностранной составляющей на российском рынке труда, для реализации которого уже сейчас требуется не только анализ возможных источников региональных потоков миграции, их количественной оценки, но и оценка качественных составляющих потоков трудовой иммиграции. Их знание позволит совершенствовать законодательную и институциональную базу для регулирования и рационального использования этого ресурса развития. Необходимо организовать такое сосуществование этнических групп на одной территории, чтобы культурный обмен не препятствовал этносоциальному воспроизводству и не порождал болезненных социальных явлений, и при этом регион, принимающий мигрантов, максимально использовал иностранную рабочую силу для наращивания своего экономического и демографического потенциала.

Как показывает мировой опыт, для реализации иммиграции требуется не только желание изменить свое местожительство, но и ресурсы самого различного вида, в том числе человеческий капитал, состоящий из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены люди, и отражающий социальное качество самих акторов, определяемое демографическими и социокультурными характеристиками: молодость или старость, энергичность или усталость, оптимизм или уныние, высокий образовательный статус и высокий профессионализм или их отсутствие и т. д. Поэтому в процессе иммиграции принимают участие не самые бедные и угнетенные (кроме беженцев), а те, кто имеет ресурсы: экономические, образовательные, общественные, физические и эмоциональные. Люди, решившиеся на иммиграцию, обычно энергичны, амбициозны, сильны духом. Такие их качества как мобильность, предприимчивость, открытость новому делают их способными к адаптации в новых условиях: к адаптации на рынке труда, этнокультурной адаптации, адаптации к политико-правовой системе принимающего общества.

Все перечисленные элементы адаптации составляют единое целое. При этом адаптация на рынке труда характеризуется активным приспособлением работника к иной трудовой среде и сопровождается выявлением для себя и принятием норм, ценностей и регламентированных пра-

вил поведения в трудовом коллективе, что является одной из предпосылок к успешной профессиональной деятельности мигранта за рубежом. Этнокультурная адаптация предполагает владение языком территории-акцептора, с помощью которого происходит знакомство и усвоение норм и правил поведения, что позволяет реализовать культурную интеграцию. Кроме того, эта форма адаптации предполагает включенность мигранта в социальные сети, «создание формальных и неформальных представительств своего государства или этноса на новой территории; самоорганизацию мигрантов в мононациональные группы» и т. д. [Иностранные мигранты..., 2006. С. 149—150]. Адаптация к политико-правовой системе принимающего сообщества проявляется в позиции мигранта по отношению к законам принимающего государства, в его выборе легальной или нелегальной формы въезда в страну и осуществления легального или нелегального вида деятельности, в формировании намерений принять (не принять) новое гражданство, остаться (не оставаться) в чужой стране.

Важнейшими условиями успешной адаптации являются образование, профессиональные навыки иммигранта. Причем профессия должна быть востребованной в принимающей стране. Люди, прибывающие из аграрных сообществ в индустриальные, могут обнаружить, что их умения и наработанный опыт устарели и не востребованы в стране поселения. С другой стороны, владение, например, современными средствами информации и навыками коммуникативного взаимодействия может существенно увеличить вероятность найти соответствующую нишу на рынке труда.

Незнание языка страны приема может стать важнейшим барьером на пути всех мигрантов, начиная от полуграмотного крестьянина и кончая самым высокообразованным профессионалом. Если, например, практикующий врач с высоким уровнем образования, с большим опытом работы и вполне востребованной профессией испытывает затруднения с языком и, следовательно, не может сдать экзамены для получения соответствующей лицензии, ему придется искать себе другую работу, не соответствующую его навыкам и опыту. Незнание языка затрудняет поиск жилья и работы, доступ к различным службам, включая здравоохранение или переобучение. Оно также способствует изоляции иммигрантов от коренного населения, своеобразной геттоизации, препятствует интеграции в принимающее общество.

Кроме этого, важны поддержка миграционной сети* или семьи, в том числе и материальная, а также психологические качества индивида: способность переносить стрессы, гибкость и умение приспособли-

* Обосновавшись в стране, иммигрантские группы образуют «сети», связывающие их членов и родственников иммигрантов на родине. Такие сети оказывают поддержку новичкам, облегчая процесс их адаптации на новом месте, но, с другой стороны, замедляя интеграцию в принимающее сообщество.

ваться к новым обстоятельствам, наличие уверенности в своих возможностях и силах, надежды на будущее.

Как правило, особенно для беженцев, важным препятствием к адаптации является драматичный переезд, а также культурный шок от чужого окружения, где язык, социальная структура, нормы поведения, ожидания и ценности существенно отличаются от привычных им. При этом одни мигранты имеют психологическую способность подстраиваться под новые условия и нормы поведения, другие — совершенно дезориентированы. Без существенной и соответствующей социальной и эмоциональной поддержки, возможно терапии, многие мигранты испытывают чувство неудовлетворенности, оставаясь несчастными и тоскуя по родине.

Реакция на иммиграционный процесс принимающих стран (из опыта западных стран)

Иммиграция часто ставит дилемму: соотношение выгоды и издержек и для самих иммигрантов и для принимающих стран. Было бы упрощением считать, что если выгоды превышают издержки, то реакция на иммиграционный процесс становится положительной. Мировой опыт показывает, что иммиграционная политика принимающих стран зависит от многих факторов: политических, экономических и социокультурных; и, при всех положительных аспектах, иммиграция рассматривается в контексте сохранения национальной безопасности принимающих стран. Допуская иммигрантов в свою страну, государства определяют параметры реализации человеческого капитала. Внимание государства к иммигрантам и активное участие в процессе адаптации ускоряют процесс их вхождения в принимающее общество как вкладчиков человеческого капитала.

Миграция — явление очень сложное и многоплановое, поэтому во многих странах восприятие иммигрантов населением неоднозначно. Существуют две диаметрально противоположные точки зрения на иммиграцию, которые выявились в процессе бурных дискуссий как в академической среде, так и в парламентах и средствах массовой информации. Отношение к мигрантам в обществе варьирует от полной солидарности и призывов принять каждого оказавшегося в беде до патологической ненависти [Чудаева, 2004].

Одни считают иммигрантов активом для принимающей страны, потому что, во-первых, — это дешевая и молодая рабочая сила. Мигранты часто соглашаются на любую работу, в том числе с пониженной оплатой труда, которая непривлекательна для местного населения, но востребована в обществе: сезонные работы в сельском хозяйстве (например, мексиканцы в США), дорожное и другие виды строительства, работа в сфере общественного питания, домашней прислужкой, сиделками и т. д.

Во-вторых, некоторые страны проводят специальную политику привлечения предпринимателей и инвестиций. Например, в Швейцарии яркими противниками идеи сокращения иммиграционных квот выступали

представители банковской сферы, заинтересованные в увеличении числа состоятельных иностранцев, проживающих в стране. Здесь самым распространенным способом получения вида на жительство является экономический путь через компанию (фирму), что позволяет это делать состоятельным иностранцам, часто преследуемым за финансовые нарушения в своих странах, в обход традиционных форм получения гражданства.

В-третьих, многие страны испытывают нехватку квалифицированных кадров в различных областях, и для повышения конкурентоспособности страны им требуются работники с высоким уровнем образования и квалификации, например, в области высоких технологий, медицины, науки и т. д. В частности, в США очень популярны русские и индийские программисты, которых с большой охотой принимают на высокооплачиваемую работу ведущие IT-компании. Конгресс США принял меры для того, чтобы ускорить «утечку мозгов» из других стран. Лоббисты из компаний с наукоемкими производствами добиваются увеличения квот на въезд иностранных специалистов. В Германии в 2000 г. власти официально объявили о готовности принять на работу в ближайшее время около 20 тыс. иностранных специалистов в области компьютерных технологий из стран Восточной и Центральной Европы, включая Россию. Специалисты могут получить разрешение на работу сроком на 5 лет. Великобритания объявила о готовности увеличить ежегодную квоту для въезда в страну до 100 тыс. чел. Она нуждается в квалифицированных работников с высшим образованием в области инженерии, образования и новейших технологий. Примерно в 60 тыс. специалистах по информатике нуждается Испания. Правительство страны предполагает привлекать их высокими окладами и перспективами ускоренного предоставления гражданства. Норвегия испытывает нехватку врачей и медицинских работников в северных регионах. В связи с этим была упрощена процедура признания иностранных дипломов и ослаблены требования к знанию норвежского языка [Рязанцев, 2001].

Более того, развитые страны вынуждены конкурировать между собой в деле привлечения высококлассных специалистов. Лидирующие позиции в этой борьбе удерживают США, которые могут предложить лучшие условия работы и более высокий уровень оплаты труда. Сюда устремляются не только мигранты из развивающихся стран и стран с переходной экономикой, но и из Западной Европы и Канады. Например, журнал «The Scientist» отмечает, что ученые ЕС озабочены тем, что молодые научные сотрудники все чаще покидают Старый Свет. Недавно шесть Нобелевских лауреатов обратились с письмом к двенадцати лидерам стран Европы с призывом удвоить финансирование научных исследований для того, чтобы приостановить отток талантливых молодых ученых в США.

Обеспокоенность в связи с отъездом ученых за рубеж высказывают представители многих европейских стран. Правительство Германии недавно приняло программу специальных мер, направленных на возвра-

щение в страну ученых-соотечественников. На эти цели было выделено 82 млн долл.

По результатам недавно проведенного в Канаде исследования, среди жителей этой страны, выехавших на работу в США, в настоящее время преобладают врачи, профессура, рабочие отраслей высоких технологий. Ежегодно в США уезжают до 25 тыс. наиболее одаренных канадских граждан.

США, являясь по существу нацией иммигрантов, известны своими особыми традициями отношения к ним. Согласно статистике Национального научного фонда США (NSF), занимающегося финансированием науки, многие исследователи, приехавшие в США и получившие там ученую степень PhD, в дальнейшем остаются на значительный срок, что резко контрастирует с аналогичными данными по другим странам, например, Великобритании. Так, около 75 % иностранцев, обучавшихся в Великобритании, после защиты отправляются на родину, в то время как США покидает только порядка 35 % зарубежных докторантов. И это при том, что поток въезжающих в США на порядок отличается от такового в Великобритании. Первенство по «невозвращенцам» удерживают Китай, Индия, Южная Корея, Тайвань. Вообще, наука в США уже давно в значительной мере развивается благодаря усилиям ученых-иммигрантов, в том числе и из России. Здесь стоит вспомнить знаменитый «Манхэттенский проект» — американскую программу разработки ядерного оружия, в котором принимали участие большое число очень известных европейских ученых, вплоть до Нобелевских лауреатов, бежавших от фашизма в Америку.

США на протяжении длительного периода принимают мигрантов больше, чем любая другая страна в мире. В конце 1990-х гг. порядка миллиона человек в год получали разрешение на постоянное проживание и еще приблизительно 275 тыс. нелегалов (оценка Службы иммиграции и натурализации США) въезжали в страну ежегодно [Лэндснесс, Ньюланд, 2002]. Жители этой страны создали свой классический вариант «американской мечты», заключающийся в том, что иммигрант приезжает, не имея практически ничего, и своим трудом достигает вершин успеха и славы либо, по крайней мере, добивается обеспеченного существования.

Следует отметить, что в США существует очень интересный, уникальный легальный канал иммиграции — в рамках программы поддержания этнокультурного разнообразия. В отличие от многих стран, стремящихся к мононациональному государству, США заботятся о том, чтобы в населении страны было представлено как можно больше разнообразных этнических, культурных и профессиональных групп. Например, после распада СССР в США приняли в рамках программы этнокультурного разнообразия иммигрантов из Армении и Литвы. Разнообразие у них рассматривается как ценность, а не как угроза государству. Взаимодействие различных культур рождает новое качество. Каждая культура несет какие-то свои специфические умения и навыки, что позволяет,

в том числе, разнообразить рынок товаров и услуг, вспомним итальянскую пиццу, корейские салаты, китайские рестораны и т. д. Афроамериканцы развили новые направления в музыке, итальянцы считаются лучшими в мире дизайнерами, корейцы непревзойденными овощеводами, китайцы очень трудолюбивы и предприимчивы, индусы сильны в торговле, медицине, предоставлении предпринимческих услуг и т. д. Вообще, индийская диаспора в США весьма высокообразованна и ее члены быстро продвигаются по ступенькам лестницы американского процветания. Это типичные представители среднего класса, среди них много врачей, инженеров, предпринимателей. По результатам переписи 1990 г., средний доход индийской семьи в США составлял около 50 тыс. долларов, в то время как средний доход американской — 33 тыс.

Важным является и тот факт, что иммигранты привозят своих настоящих и будущих детей. Например, в 1997 г. дети представителей индийской диаспоры в США завоевали половину престижных Вестингаусовских премий по естественным наукам для учащихся средних школ [Рязанцев, 2001]. Кроме того, постоянный приток мигрантов (в основном молодого населения трудоспособного возраста, которые менее привязаны к местам своего проживания с финансовой и психологической точек зрения) обычно с более высокими фертильными установками, чем у местного населения, способствует омоложению возрастной структуры общества. В это же время коренное население в большинстве стран Европы неуклонно стареет и сокращается в результате снижения рождаемости, которая часто даже наполовину не обеспечивает простого воспроизводства населения. В подобной ситуации, например, одной из задач иммиграционной политики Канады провозглашалось снижение среднего возраста стареющего населения, поэтому требовалось привязать политику миграции не только к краткосрочным требованиям рынка труда, но и к решению более долгосрочной задачи повышения рождаемости [Вандер Плойг, 2002].

Другая часть общества рассматривает мигрантов как угрозу национальной безопасности страны, связывает с ними ухудшение возможностей для местного населения, рост безработицы и теневого сектора экономики, истощение различного рода ресурсов, ухудшение криминальной ситуации. Например, несмотря на толерантность европейцев, выражающуюся в готовности воспринимать новую информацию и новых людей, в последние годы многие страны Европы ощутили на себе подъем расизма и ксенофобии. Иммигранты воспринимаются как опасный элемент, в их поведении усматриваются неуважение к нормам и традициям той культуры, в которую они попали, пренебрежение сложившимися в этой среде ценностями и устоями. Некоторые считают мигрантов нахлебниками, находящимися на государственном социальном обеспечении.

Настроения ксенофобии сильны практически во всех странах Европы, в том числе и в бывших социалистических. В крайней форме они выражаются в погромах, поджогах, избиениях и т. д. Например,

в благополучной Швейцарии, по данным официальной статистики, ежегодно совершается до 40 случаев поджогов и других преступных действий в местах компактного проживания иностранцев.

Ксенофобию взяли на вооружение национальные фронты и другие ультраправые организации в Великобритании, Франции, Германии и других странах. Они устраивают шествия под лозунгами «Иностранцы — вон!», «Франция для французов!», «Германия для немцев!» и т. д. В экономических неурядицах они обвиняют иммигрантов, которые, по их мнению, отобрали рабочие места у коренного населения, причем в этом с ними солидаризуются и профсоюзы. Особенно восприимчивой к идеям экстремизма оказалась молодежь, пример — движение скинхедов, в том числе и в России.

В некоторых странах часто происходят столкновения между мигрантами и полицией. Мигранты считают, что подвергаются незаконным нападениям и проверкам со стороны полиции. Полиция утверждает, что уровень преступности среди мигрантов превышает все допустимые пределы. Это и неудивительно, поскольку среди них безработица, особенно молодежная, существенно выше, чем среди коренного населения.

Средства массовой информации подливают масло в огонь. Некоторые газеты и журналы регулярно печатают материалы о том, что иммигранты отнимают рабочие места у коренного населения, нарушают демографический баланс, увеличивают преступность и подрывают национальную самобытность. Сюда же присоединяется телевидение, эффект которого огромен. Играют роль также культурные, бытовые и социально-демографические различия, особенно если иммигранты принадлежат к другим этническим группам, так как большой поток иммигрантов идет из развивающихся стран.

Политики вынуждены прислушиваться к мнениям своих избирателей, даже если и кажущимся иногда обывательскими, в противном случае им грозит провал на выборах. В Европе повсеместно ужесточается иммиграционное законодательство, в том числе и под влиянием терактов в США и других странах. В Швейцарии власти все чаще заявляют, что страна исчерпала возможности приема на постоянное место жительства. Кроме того, имеется феномен Дании, которая путем принятия определенных законов и ограничений из страны, известной своим либерализмом, планомерно превращается в бастион респектабельного национализма. Недавно принятый, с подачи ультраправой Народной партии, законопроект существенно затрудняет процесс получения статуса беженца в Дании, уменьшает пособия иммигрантам, а также определяет новые, более жесткие правила бракосочетания с иностранцами. По мнению правительства, высокие социальные выплаты избавляют большинство иммигрантов от необходимости искать работу. «Дания — маленькая страна, — говорят авторы подобных законопроектов. — В ней скоро не останется места для датчан. И если целые кварталы городов заселяются одними мусульманами, то это уже не интеграция, а оккупация».

Эти опасения отнюдь не беспочвенны. В Европе действительно растет доля иммигрантов с Юга и Востока: в Германии — турок, во Франции и Италии — выходцев из Северной Африки, в Великобритании — пакистанцев и индийцев. Причем существуют большие проблемы с их интеграцией в принимающие общества, в немалой степени связанные и с их нежеланием ассимилироваться. Это притом, что коренное население в большинстве стран Европы неуклонно стареет и сокращается.

Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью. Иными словами, люди, проживающие на территории одного государства, окажутся настолько разнородными, что потеряют свое единство как общество, перестанут друг друга понимать, не смогут решать какие-то общие задачи, возникнет угроза конфликтов, чреватых ослаблением страны.

Тем не менее, несмотря на бурные дебаты, ужесточение иммиграционного законодательства и борьбу с нелегальной миграцией, развитые страны продолжают принимать значительное число иммигрантов, в том числе беженцев, и по самым высоким социальным стандартам. Сюда относятся программы базового здравоохранения, образовательные, материальная помощь, а также службы психологической поддержки.

Из опыта исследования человеческого капитала трудоустройственной миграции в Сибири

В анализе этого раздела используются материалы социологических обследований, проведенных в рамках указанных выше проектов в 2002—2006 гг. в городах Западной Сибири (Новосибирск, Карасук, Бердск, Искитим, Кемерово, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул, Алейск) и в сельских районах Новосибирской области и Алтайского края. Обследование затронуло различные виды иммигрантов (всего свыше 500 человек): челноков, мелких торговцев и предпринимателей, строителей и ремонтных рабочих, сельскохозяйственных работников и работников сферы обслуживания. По национальному составу в число респондентов входили как представители ближнего зарубежья (узбеки, таджики, киргизы, казахи, корейцы, уйгуры), так и иммигранты из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии (китайцы, корейцы из КНДР, вьетнамцы).

В качестве методов исследования использовались интервью с мигрантом (Анкета «Интервью с трудовым мигрантом»), а также полуформализованные интервью с работодателем и экспертом*. В состав экспертов входили работники административных служб принимающих мигрантов территорий, в частности: руководители и ответственные работники местной администрации, курирующие вопросы миграции, специалисты территориальных органов Федеральной миграционной службы

* Бланк-интервью с экспертами содержал несколько тематических блоков: политико-правовые, экономические и культурно-бытовые вопросы в сфере миграции.

России, Министерства внутренних дел России, работники служб занятости, а также работники Федеральной пограничной службы России, расположенных на территории областей (города, района)*.

Количество трудовых иммигрантов, имеющих разрешение на трудовую деятельность, в Сибирском федеральном округе в целом на 1.10.2006 г. составляло 48,5 тыс. чел., а их распределение по территориям представлено на рис. 19.1.

Среди трудовых мигрантов, прибывших в Сибирь, доминируют лица, находящиеся в «активном» возрасте, т. е. преимущественно до 30 лет. Заметны весьма существенные различия в половой структуре трудовых мигрантов: подавляющее большинство — мужчины, доля женщин ничтожно мала.

В сибирские города мигранты в основном приехали из крупных городов, имеющих, как правило, высокий уровень безработицы. В особенности это касается иммигрантов из ближнего зарубежья. Доля сельского титульного населения в общей численности иммигрантов из государств Средней Азии (кроме Кыргызстана, где доля мигрантов из села составляет 48,3 %) низка, так как в сельской местности им, видимо, проще прокормиться, кроме того, у них ниже уровень мобильности и нет таких возможностей, как у городского населения.

Причинами приезда в Россию большинство мигрантов называют отсутствие работы и невозможность заработать (36,8 %), а также низкие заработки у себя на родине (43,6 %), не позволяющие содержать свою многочисленную семью. Ответы на вопрос «*Сколько человек проживает в Вашем домохозяйстве (объединены единым бюджетом)?*» показана

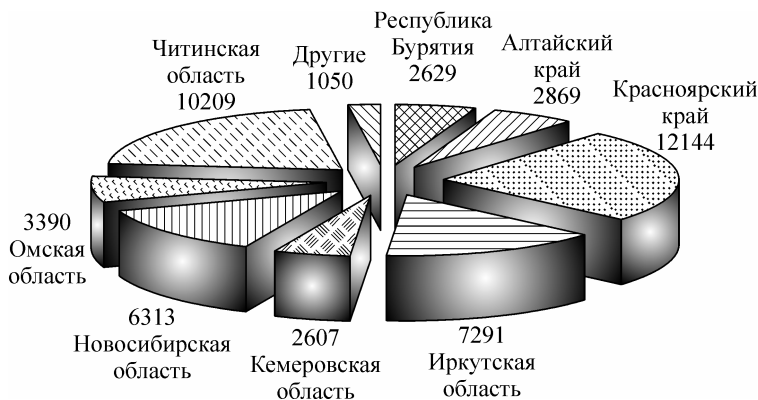

Рис. 19.1. Количество иностранных работников, имеющих разрешение на работу в СФО (на 1.10.2006), чел.

Источник: данные ФМС России.

* Для обработки социологической информации использовался пакет SPSS.

ли, что наибольший средний размер домохозяйства у таджиков (7,3 чел.) и узбеков (6,2 чел.), казахские домохозяйства в среднем состоят из 5,5 чел., киргизские — 4,8 чел. Средний размер домохозяйства по совокупности опрошенных составил 5,5 чел. При этом около 68,5 % люди семейные (замужем/женаты), остальные — холосты, вдовы или разведенные. Таким образом, нагрузка на мигрантов достаточно велика, принимая во внимание то, что для 69,9 % домохозяйств заработок опрошенного мигранта являлся основным (в среднем в домохозяйствах опрошенных работают 2,26 чел.) или единственным источником денежных средств.

Большинство трудовых мигрантов из дальнего зарубежья отметили, что ехать на заработки их вынуждает безысходность, неверие в то, что экономическая ситуация на родине изменится к лучшему, что появятся рабочие места и, главное, что за работу когда-нибудь будут достойно платить.

Альтернативные причины («здесь безопасно», «здесь нравится», «посмотреть Россию») представлены единично.

В абсолютном большинстве случаев побудительным мотивом иммиграции служит стремление к более высокому уровню доходов. В сознании мигрантов существует устойчивое представление о России как о стране, где можно легко устроиться и «хорошо заработать». Об этом же говорит и тот факт, что 94 % опрошенных мигрантов не предпринимали попыток осуществить трудовую миграцию в другие страны. Территория Сибири является на сегодняшний день неистощимым источником разнообразных возможностей для иммигрантов.

Степень владения русским языком является важной социальной характеристикой мигрантов. Основной трудностью, с которой сталкиваются мигранты из дальнего зарубежья, является незнание русского языка. У мигрантов из Средней Азии таких проблем нет: 90,6 % опрошенных владеют русским языком свободно (пишут и говорят 55,7 %) или могут вполне сносно объясняться на русском языке. Особенно хорошо владеют русским языком мужчины среднего возраста, так как они, включая выходцев из сельской местности, проходили службу в Советской Армии на территории России. Обращает на себя внимание тот факт, что в семьях даже из сельской местности вторым языком общения часто является русский.

Молодежь (20—25 лет) из государств Средней Азии, т. е. те, кто прошел обучение в школах после распада СССР (когда государственным языком стал язык титульной нации), хуже владеет русским языком. Наибольшие же проблемы с русским языком испытывают, как и следовало ожидать, представители дальнего зарубежья: китайцы, вьетнамцы и корейцы, вплоть до полной невозможности объясняться, что очень сильно затрудняет работу с этими группами мигрантов. Следует также отметить их закрытость, недоверчивость и нежелание идти на контакт, в отличие от граждан государств Средней Азии. Последние в большинстве делают это охотно, на вопросы отвечают с юмором, несмотря на

свою нелегкую жизнь и у себя на Родине, и в России, вообще они настроены доброжелательно, хотя многим из них пришлось испытать неприятные моменты в общении с правоохранительными органами, да и с местным населением.

Дополнительным индикатором, позволяющим судить о человеческом капитале и степени интегрированности мигрантов, выступал ответ на вопрос «*На каком языке Вы разговариваете в семье?*»: на родном — 63,0 %, на русском и на родном — 32,3, на русском — 4,3 %. Рассмотрев национальный состав ответивших, можно заметить, что русский язык так или иначе используется в кыргызских, казахских и узбекских семьях; таджики разговаривают в семье только на родном языке. В этой связи возникает вопрос: русский язык в сегодняшних странах Средней Азии — лишь наследие СССР, неотъемлемый элемент культуры или сознательно приобретаемый навык, позволяющий более успешно устроиться в жизни?

Образовательный уровень опрошенных мигрантов из Средней Азии достаточно высок: 21,7 % — имеют высшее и незаконченное высшее, 51,5 — среднеспециальное образование, остальные 26,8 % со средним образованием, преимущественно не ниже 10 (11) классов. Уровень же образования мигрантов из дальнего зарубежья значительно ниже. Большинство приезжающих из стран Юго-Восточной Азии имеют среднеспециальное образование, также высока доля мигрантов, которые имеют лишь школьное образование.

Профессионально-квалификационный состав мигрантов в значительной мере отображает их образовательную структуру. Доля служащих среди них очень мала. На территории Сибири работают единицы высококвалифицированных специалистов и управленческих работников, занимавшие до переселения рабочие места, требующие высшего образования. Среди трудовых мигрантов более распространены неквалифицированные рабочие (разнорабочие) и специалисты средней квалификации [Соболева, 2006]. Но, несмотря на это, на сегодня существует

проблема несоответствия труда, основной профессии и уровня квалификации трудового мигранта. Большая часть трудоустроенных мигрантов работают не по специальности, их знания и опыт редко принимаются во внимание работодателями (табл. 19.1). Чаще всех находят работу, близкую к своей основной специальности, представители аграрных, строительных профессий, а также работники сферы общественного питания.

Таблица 19.1

Распределение ответов на вопрос: «Соответствует ли Ваша нынешняя работа уровню Вашей квалификации?»

Вариант ответа	%
Да	19,5
Скорее да	23,8
Скорее нет	16,5
Нет	37,7
Трудно сказать	2,5
Всего:	100,0

Следует обратить внимание на то, что вследствие переезда возникают и статусные перемещения внутри квалификационных групп мигрантов. Они еще более наглядно характеризуют их реальное положение на российском рынке труда. Некоторые бывшие неквалифицированные рабочие стали предпринимателями и руководителями, здесь речь идет преимущественно о владельцах китайских ресторанов, расположенных в городах СФО.

И все же нельзя забывать о тех мигрантах, чей профессионально-квалификационный статус понизился в результате миграции. Несколько в большей мере это затрагивает мужчин. До переезда их квалификационная структура была более благоприятной. Также необходимо отметить, что некоторые мигранты помимо основной специальности владеют еще какими-то специальностями. Как правило, это рабочие специальности, которые чаще всего связаны со строительными, слесарными и швейными работами.

Мигранты часто приезжают со своими родственниками трудоспособного возраста, особенно это характерно для челноков и торговцев, среди которых очень распространен семейный бизнес.

Живут мигранты в основном в снимаемых квартирах, комнатах или частных домах. Строительные и сельскохозяйственные рабочие часто проживают прямо на рабочем месте: на стройке или около поля, как, например, корейцы из Казахстана, выращивающие арбузы на полях в пригороде г. Алейск (Алтайский край) и в Карасуке (Новосибирская область). Таким образом, заодно они охраняют рабочий объект, тем более что эти работы носят в основном сезонный характер в теплое время года.

подавляющему большинству мигрантов удалось существенно улучшить свое положение, и они не жалеют о том, что стали работать на выезде, хотя очень часто и не по специальности, и намерены продолжать делать это в дальнейшем (табл. 19.2). Видимо, уровень их жизни на родине был значительно ниже, чем в России, так как многие довольны своим материальным положением, особенно это касается таджиков, несмотря на довольно невысокий по российским меркам уровень притязаний: заработок в размере 3—5 тыс. рублей их совершенно удовлетворил бы. И это несмотря на то, что часто он является основным или одним из основных для их многочисленных семей, оставшихся на родине. Их радует возможность хотя бы содержать свою семью, сделать небольшие сбережения. Пределом мечтаний является покупка машины или накопление денег на стройку дома и покупку земельного участка у себя на родине.

Среди нематериальных достижений опрошенные называют, прежде всего: приобретенный опыт, новую специальность, а также установление деловых связей. В качестве негативных последствий работы на выезде респонденты называют: подорванное здоровье (19,6%), недостаток времени, уделяемого семье (34,5), и тоску по Родине (43,8%). Это харак-

Таблица 19.2

Распределение ответов на вопрос «Что Вам удалось достичь за время работы в России?»*

Вариант ответа	%
Обеспечить только самое необходимое	15,9
Содержать семью	75,8
Приобрести товары длительного пользования	11,1
Купить машину	8,5
Улучшить жилищные условия	14,9
Сделать сбережения	25,1

* При ответе можно было указать несколько вариантов.

терно, прежде всего, для респондентов среднего и старшего возрастов, молодежь же не видит никаких потерь, ставших следствием работы на выезде.

Большинство иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья являются верующими людьми, исповедуемые религии — ислам, буддизм. К людям, придерживающимся иных религиозных взглядов, они относятся с уважением. Отношения с местными жителями в основном хорошие и нормальные, хотя у некоторых были и проблемы.

По оценкам экспертов из региональных административных структур, занимающихся вопросами иммиграции, одним из каналов закрепления и адаптации иммигрантов на территории Сибири является студенчество, обучение иностранных студентов в сибирских вузах. За время учебы молодежь осваивает русский язык, постепенно привыкает к новым условиям жизни, определяется с местом жизни и работы на будущее. Часто такие молодые люди после окончания высшего учебного заведения остаются в Сибири, организуют собственный бизнес, либо приезжают на заработки в Россию через несколько лет. Другим важным каналом закрепления иностранцев в России, по оценкам экспертов, являются землячества. Так, в г. Барнаул сформированы очень активные узбекское и вьетнамское землячества, в г. Новосибирск самым крупным из всех землячеств является китайское. Почти во всех областных центрах Западной Сибири созданы армянские и азербайджанские землячества. Вокруг землячеств формируются национальные диаспоры, оказывающие значительную помощь своим землякам в обустройстве и поиске работы на новом месте. Землячества являются также важным информационным каналом, накапливающим опыт обустройства и адаптации мигрантов. Помощью землячества активно пользуется и молодежь, прибывшая на обучение в Россию [Соболева, 2004].

Как отмечают эксперты, иностранные мигранты из стран Средней Азии в обследуемых городах занимают определенные, не востребованные россиянами ниши на рынке труда и не составляют им конкуренции. Они выполняют тяжелую физическую в основном сезонную работу по

выращиванию овощей (сельскохозяйственные работники) и проведению ремонтных работ (строители), на которую «не пойдет ни один россиянин», и формируют специфическую нишу низкооплачиваемых рабочих мест. Привлечение их на действующей правовой основе для такого вида работ большинство экспертов считают положительным явлением. Среди достоинств использования таких работников в сельском хозяйстве называют возможность передачи их опыта по выращиванию отдельных овощных и бахчевых культур, обеспечение населения высококачественной продукцией, пополнение бюджета. Между тем эксперты отмечают, что иностранные мигранты из ближнего зарубежья не являются носителями высокой культуры, достаточно замкнуты, боятся отстаивать свои интересы и формируют диаспоры, «закрытые для контактов с россиянами».

Отличие от мигрантов из ближнего зарубежья китайские мигранты, имея часто высокие профессиональные характеристики, в будущем могут составлять значительную конкуренцию отечественной рабочей силе. В связи с этим проблема приема мигрантов из Китая стоит с особой остротой.

Отсутствие ярко выраженной антипатии и дискриминации в отношении трудовых мигрантов из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии эксперты объясняют тем, что они не создают конкуренцию на российском рынке труда, это следствие занятости в мало «престижных», но очень трудоемких отраслях, где местное население не желает работать. То есть мигранты не способствуют росту числа безработных среди местного населения.

Миграция покрывает дефицит рабочей силы и увеличивает производство продукции. Трудовые мигранты дают возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников без затрат на подготовку, а привлечение малообразованной, неквалифицированной рабочей силы создает для местного населения возможность заниматься более интеллектуальным трудом.

Негативные аспекты иммиграции собственно в трудовой сфере, по мнению экспертов, состоят в том, что при высоком потенциале активности иностранных рабочих отсутствует социальная возможность ее реализации; происходит перекавалификация, обучение новой профессии, которая часто не соответствует интересам и уровню образования мигрантов, а отвечает запросам рынка труда; имеет место частая смена рабочих мест и видов выполняемых работ.

Характеристики занятости иммигрантов. Среди всех возможных каналов трудоустройства наиболее популярным (74,7 % опрошенных воспользовались именно им) является поиск работы через родных и знакомых. Родственники и семья часто являются и помощниками в работе, ведь 63,4 % опрошенных приехали в Россию с семьей, ее частью или с другими родственниками. Особенно такой семейный бизнес характерен для «челноков» и торговцев из Средней Азии.

Таблица 19.3
Распределение опрошенных иммигрантов по отраслям

Отрасль занятости	%
Промышленность	12,6
Сельское хозяйство	10,0
Торговля	32,1
Общепит	5,2
Сфера услуг	4,3
Строительство	35,9
Всего:	100,0

Как показывают данные опроса самих мигрантов, они заняты преимущественно в торговле, строительстве, в промышленности, гораздо менее распространена трудовая деятельность в сельскохозяйственных отраслях и в сфере обслуживания.

Такое распределение приблизительно совпадает с отраслевым делением использования иностранной рабочей силы по ряду областей Сибирского федерального округа, например, по Новосибирской области (рис. 19.2).

Большую часть мигрантов можно рассматривать как «самозанятых» (в нашем опросе таких оказалось 53,2 %). Это относится преимущественно к торговцам всех национальностей. Еще 33,6 % опрошенных работают на хозяина и 11,1 % — на государственных предприятиях, в АО, кооперативах, товариществах. Причем, как отмечают эксперты, часто, накопив определенный капитал за время работы в России, мигрант создает свою «фирму», нанимая чаще всего своих же соотечественников, и продолжает поездки в Россию с этим коллективом.

За время работы иммигрантов в городах Сибири в последние годы вырисовываются определенные «трудовые ниши», которые занимают мигранты разных национальностей на сибирском рынке труда. И если строительно-ремонтные работы и торговля — те виды трудовой дея-

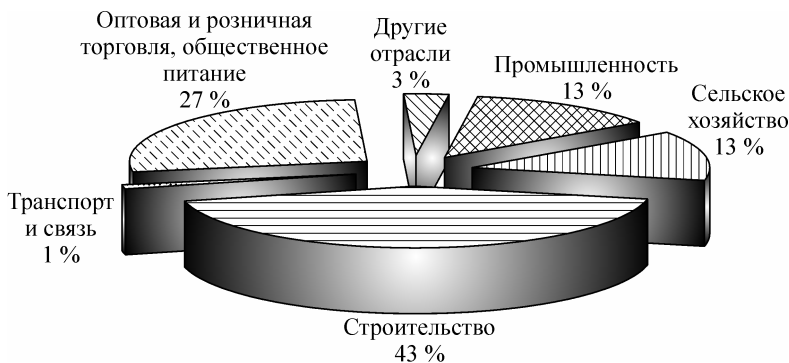

Рис. 19.2. Удельный вес иностранной рабочей силы, привлекаемой на территорию Новосибирской области, по отраслям экономики на 1.07.2006 г.

Источник: Данные ФМС России по Новосибирской области.

Таблица 19.4

Виды трудовой деятельности, пользующиеся наибольшей популярностью среди трудовых мигрантов

Национальность	Виды трудовой деятельности
Китайцы	Общественное питание, строительно-ремонтные работы, предпринимательская деятельность, торговля, сельское хозяйство (овощеводство), разнорабочие
Вьетнамцы, казахи	Строительно-ремонтные работы, торговля
Корейцы	Строительно-ремонтные работы, торговля, общественное питание
Узбеки	Строительно-ремонтные работы, сельское хозяйство, торговля, общественное питание, разнорабочие
Кыргызы, таджики	Строительно-ремонтные работы, торговля, разнорабочие

тельности, которые пользуются спросом среди мигрантов всех национальностей, то общественное питание интересует китайцев, корейцев и узбеков, а сельскохозяйственная деятельность (овощеводство) — китайцев и узбеков (табл. 19.4).

Очень часто трудовая деятельность мигрантов осуществляется с нарушением законов. Особенно это характерно для иммиграции 2002—2004 гг. Более трети опрошенных в этот период работали на основании лишь устной договоренности с работодателем. Несмотря на то, что немногие мигранты (17,4 %) указывают, что работают по официальному договору или трудовому соглашению, в законности и юридической силе таких документов можно усомниться. Половине из них (49 %) работодатель не предоставляет никаких гарантий, для остальных наиболее распространенным социальным благом, предоставляемым работодателем, является бесплатное жилье — преимущественно, на месте работы, где они и в ночное время работают на пользу дела, являясь бесплатными сторожами (табл. 19.5).

Проведенная с использованием кластерного анализа типология занятости мигрантов на обследуемой территории позволяет сделать следующие выводы* [Соболева, 2006].

Достаточно распространенную группу мигрантов (22,1 % опрошенных) составляют *рядовые работники преимущественно семейных торговых предприятий*, стаж работы которых в России не превышает 3 лет, причем для большинства из них (58,0 %) он составлял на момент опроса несколько месяцев (не более полугода). По крайней мере половину группы составляют «начинающие работники» (90 % из них никогда не работали в других странах).

* В качестве основных характеристик занятости и места работы респондентов были отобраны: отрасль, в которой занят респондент, тип предприятия, статус занятости (работа на основании официального трудового договора, по устной договоренности с работодателем, собственное дело), должность, стаж работы в России.

Таблица 19.5

**Распределение ответов на вопрос:
«На каких условиях Вы работаете?»**

Вариант ответа	%
По официальному договору (контракту), трудовому соглашению	17,4
По устной договоренности с работодателем, посредником	36,6
Имею собственное дело	37,0
Другое	1,3
Отказ от ответа	7,7
Всего:	100,0

Самостоятельные коммерсанты с большим стажем торговли в России, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, составляют 17,9 %. Представители этой группы имеют значительный (наибольший среди всех групп опрошенных) стаж работы в России: 87,5 % из них — не менее 3 лет, причем для половины попавших в эту группу этот показатель превышает 5 лет. Можно предположить, что эту группу составляют хорошо закрепившиеся на территории въезда самостоятельные коммерсанты, успешно ведущие свое дело.

Отдельную группу (кластер), доля которой составляет 18,7 % от всей совокупности трудовых иммигрантов, представляют предприниматели, ведущие индивидуальную трудовую деятельность или семейный торговый бизнес, причем в качестве руководителей фирмы (64,7 % при 6,5 % по совокупности). Назовем эту группу *руководители торговой фирмы*. Очевидно, что это и есть работодатели, нанимающие продавцов и координирующие их деятельность, или главы семейного бизнеса. Они относительно долго действуют на территории России (основная масса — от 1 до 3 лет).

Значительную долю мигрантов (31,1 %) составляют *наемные строители (шабашиники)*, занятые на частных предприятиях (67,1 % из них), АО, кооперативах или товариществах (21,9 %), причем лишь в 34,9 % случаев работодатель заключил с нанимаемыми официальный трудовой договор, в остальных же 65 % случаев нанимаемые работают на основе устной договоренности с работодателем, т. е. по закону относятся к категории нелегальной рабочей силы. Почти в 90 % случаев продолжительность пребывания и работы в Сибири для этой группы не превышает 1 года (причем работа идет либо круглый год или только в сезон).

И последний кластер (10,2 %) составляют работники, занятые в промышленности, сельском хозяйстве и сфере общественного питания. Представители этой группы, как и предыдущей, работают преимущественно на хозяина без составления какого-либо документа, имеющего юридическую силу, т. е. нелегально. Продолжительность работы на рос-

сийской территории в 83 % случаев не превышает года. Назовем эту группу *нелегальные наемные работники промышленности, сельского хозяйства и общепита*.

Рассмотрев социально-демографические характеристики выделенных таким образом групп, особо отметим существующие различия их возрастного состава. Молодежь составляет в основном группу начинающих *рядовых работников семейного торгового бизнеса*, а также группу *сезонных строителей*. Мигранты «зрелого», трудоспособного возраста (30—49 лет) занимают позиции руководителей торговых фирм или являются самостоятельными коммерсантами. На выезде из России стаж работы в стране именно этой группы иммигрантов был наибольшим. Поэтому можно предположить, что еще несколько лет назад и эти мигранты начинали с того же самого, чем занята на сегодня приехавшая молодежь. То есть, создав первоначальный капитал на наименее привлекательной, наиболее тяжелой работе и одновременно закрепившись на российской территории, мигранты либо создали свои фирмы, либо стали относительно независимыми коммерсантами. И та, и другая позиции предоставляют возможность определенной самостоятельности и независимости. Можно предположить, что на это нацелены в процессе адаптации все мигранты, но далеко не всем удается этого достичь. Например, группа *нелегальных наемных работников промышленности, сельского хозяйства и общепита* представлена на 41,4 % молодежью и на 58,6 % мигрантами более старшего возраста. Возможно, это объясняется тем, что сюда попали те, кто оказался менее конкурентоспособным и в итоге был вынужден пойти в наем (как правило, к своим же соотечественникам), т. е. не смог обеспечить себе самостоятельности. Еще одно объяснение дает распределение респондентов по полу: именно в группе *нелегальных наемных работников промышленности, сельского хозяйства и сферы общепита* выше всего доля женщин (50 %), в группах же, характеризующихся большей независимостью («руководители фирм и коммерсанты»), доля женщин наиболее низкая (8,2 и 35,7 % соответственно). Среди сезонных строителей доля женщин минимальна по понятным причинам.

Трудовая деятельность мигрантов имеет определенные показатели эффективности. Рассматривая субъективные «результативные» оценки, даваемые самими мигрантами, мы можем в некоторой степени оценивать и ранжировать их позиции на рынке труда по критерию выгоды или результативности использования их человеческого капитала. Упорядочив результаты по долям давших наиболее «оптимистичные» и наиболее «пессимистичные» ответы на каждый из вопросов, присвоив каждой из позиций соответствующий балл, а затем просуммировав баллы, можно упорядочить группы по субъективным оценкам (от наиболее оптимистичных к наименее оптимистичным оценкам) (табл. 19.6).

Наиболее выгодную позицию (насколько можно судить на основании рассмотрения лишь субъективных оценок) занимают *самостоя-*

Таблица 19.6

Ранжирование групп трудовых иммигрантов по степени удовлетворенности своим положением

Группа	Удовлетворенность работой в целом		Удовлетворенность заработком		Оценка изменения положения		Жалеет ли, что стал работать на выезде		Суммарный балл		Общий ранг		Итоговый ранг
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	
Начинающие рядовые работники семейного торгового бизнеса	4	4	4	2	5	3	4	3	17	12	2	4	4
Самостоятельные коммерсанты с большим стажем	3	3	1	1	1	2	3	2	8	8	1	1	1
Руководители торговой фирмы	1	1	3	4	2	1	2	4	8	10	1	3	3
Наемные строители (шабашники)	5	2	5	5	4	5	5	5	19	17	3	5	5
Нелегальные наемные работники промышленности, сельского хозяйства, общепита (стаж < 1 г.)	2	1	2	3	3	4	1	1	8	9	1	2	2

тельные коммерсанты, которые уже достаточно хорошо закрепились и адаптировались на территории России (ранее было выяснено, что именно эта группа имеет самую большую продолжительность работы на выезде). Представители этой группы наиболее удовлетворены своими заработками; среди них наиболее велика оценка изменения своего материального положения в сторону улучшения.

На втором месте находятся нанятые хозяином *работники промышленности, сельского хозяйства и общепита*. Среди них выше всего доля тех, кто не жалеет о том, что стал работать на выезде; и нет ни одного человека, который бы заявил, что недоволен своей работой. Если учесть, что именно в этой группе наиболее высока доля женщин, то в качестве объяснения такого ответа можно привести слова одной из респонденток — гражданки Таджикистана: «Я привыкла работать везде». Можно предположить, что эту группу составляют наименее требовательные респонденты, как правило, женщины Средней Азии, которые на своей родине практически не могут надеяться на какие-либо заработки.

Что касается работников *семейного торгового бизнеса* (проще говоря, мигрантов-торговцев, которые действуют под руководством какого-либо своего родственника), то сравнительно высокую долю давших пессимистические оценки можно, вероятно, связать с тем, что эту группу составляют наименее опытные мигранты (наименьшая продолжитель-

ность работы на выезде была характерна именно для них), которым еще предстоит адаптироваться на новой территории.

Запросы руководителей торговых фирм, напротив, весьма высоки: хотя они вполне удовлетворены работой (87,7 % — что выше, чем во всех других группах) и отмечают изменение своего положения в лучшую сторону, больше половины из них не удовлетворены заработком. При этом большинство (53,4 %) из них заявляют, что их устроил бы заработок в размере около 15 тыс. руб. и еще 14 % говорят о зарплате, превышающей эту сумму.

Как показывает проведенный анализ, оставшиеся позиции — наименее выгодные с точки зрения самих мигрантов. Как правило, *сезонные строители, шабашники*, нелегально находящиеся на территории въезда в бесправном положении, полностью зависят от хозяина. Чаще всего они имеют ненормированный рабочий день, равный световому дню, живут непосредственно на месте работы и вообще вынуждены скрываться.

Оценка трудовых и миграционных перспектив является важным критерием типологизации иммигрантов. То, как видят свое будущее сегодняшние трудовые мигранты, в какой мере они связывают это будущее с Россией, является характеристикой занимаемых ими позиций (в том числе — на рынке труда) в настоящем. В исследованиях, посвященных рассмотрению подобных вопросов, высказываются предположения относительно «временной психологии проживания», «отложенной жизни» на территории въезда, т. е. о том, что трудовые мигранты рассматривают российские территории исключительно как место добывания денег. В целом по совокупности опрошенных иммигрантов из стран Азии в СФО были получены следующие результаты: 59,6 % опрошенных заявляют, что намерены и дальше продолжать работать в России (при 14 % намеренных в ближайшее время прекратить такую работу и 23,8 % «еще не знающих» или сомневающихся).

Ответы «буду здесь работать всегда» — единичны. Однако ряд иммигрантов, в том числе приехавших из дальнего зарубежья (китайцы, вьетнамцы), рассматривают свою работу и уровень оплаты труда, как вполне их устраивающие, поэтому они намерены продолжать заниматься работой в России; некоторые хотели бы в России остаться навсегда и получить российское гражданство. Получение гражданства открывает, как им представляется, большие возможности для приобретения работы по специальности, открытия собственного дела, обеспечивает более высокий уровень заработков и повышения благосостояния. Большинство же опрошенных иммигрантов из ближнего зарубежья на вопрос: «*Готовы ли Вы остаться здесь навсегда?*» отвечают отрицательно. Многих не устраивает климат: слишком холодно. Они приехали сюда только заработать, и как только для них появится работа на родине с удовлетворяющей их зарплатой, они вернутся туда, поскольку «тоскуют по ней» (43,8 %), недостаточно времени уделяется семье (34,5), подорвано здоровье (19,6 %).

* * *

Подводя итоги этой главы, следует отметить, что совокупность трудовых мигрантов, прибывающих в Сибирь из ближнего и дальнего зарубежья, отнюдь не гомогенна. Выделенные группы мигрантов существенно различаются по отдельным характеристикам человеческого капитала, по своим миграционным и трудовым намерениям.

Субъективные оценки результативности миграции (удовлетворенность работой и заработком, оценки изменения материального положения) у мигрантов также неоднородны. Наиболее выгодную позицию занимают самостоятельные коммерсанты, которые хорошо закрепились и адаптировались на территории России. В этой группе максимальна доля оценивающих изменение своего материального положения как улучшение (свыше 80 %). В то же время наемные работники, в большинстве случаев работающие или находящиеся в России нелегально, являются абсолютно бесправными и имеют весьма низкий уровень притязаний как на заработок, так и на условия труда. Тем не менее подавляющему большинству мигрантов удалось существенно улучшить свое положение, и они не жалеют о том, что стали работать на выезде и намерены продолжать и в дальнейшем свою работу на территории Сибири.

Политика использования и адаптации мигрантов на российском рынке труда, исходя из интересов государства и социально-экономического развития регионов России, должна четко различаться в зависимости от вида миграции: вынужденной миграции (русскоязычного населения), миграции иностранной рабочей силы из ближнего и из дальнего зарубежья.

Миграция русскоязычного населения из бывших союзных республик СССР в сложившихся условиях должна рассматриваться как важная стратегическая задача заселения и освоения территорий Сибири, формирования там постоянного населения и обеспечения геополитических интересов России. Необходимо создавать все условия для этой категории граждан бывшего СССР, принявших решение о переселении в регионы России.

Оценивая результативность для России и для «своей» территории легальной трудовой иммиграции из стран ближнего зарубежья, эксперты говорят о том, что в случае продуманной политики, в частности налаженного контроля, эффективного пресечения наркотрафика и регулирования вывоза капитала, трудовая миграция принесет России только положительные результаты. Аргумент в поддержку трудовых миграций практически один: мигранты работают на низкооплачиваемых, низкоквалифицированных, тяжелых работах, на которые местные жители не пойдут и не согласятся. Однако в настоящее время в условиях открытости границ и больших по величине потоков трудовой миграции, и в том числе нелегальной миграции из государств Средней Азии, можно констатировать, что миграция населения с низкими уровнем образования и

профессиональной подготовкой, не востребованными в полной мере принимающим обществом, оказывает негативное влияние на изменение человеческого потенциала регионов Сибири. Такую ситуацию усугубляет и отток высококвалифицированных специалистов из Сибири как за пределы СФО, так и за пределы России.

Что касается миграции из дальнего зарубежья, и в том числе китайской миграции, то основными ограничениями по приему мигрантов *должны стать не различного рода запреты на въезд мигрантов из Китая и Центральной Азии, а регулируемые масштабы спроса на рабочую силу*, рассматриваемую в качестве инструмента развития региона. Если Сибирь, в соответствии со стратегией социально-экономического развития региона, в будущем рассматривать не только как район с высоким природно-ресурсным потенциалом, но и как полигон для размещения высокотехнологичных наукоемких производств, то решение этих задач потребует привлечения большого числа специалистов самых разных областей знаний. Однако, учитывая опыт развитых стран мира, имеющих давние традиции по принятию иммигрантов, а также слабую социокультурную интегрированность, в частности мигрантов из Китая, в принимающее общество, их замкнутость и ориентацию на проживание анклавов, необходимо разработать определенную стратегию их расселения.

Того качественного потенциала иммиграции, который сложился к настоящему времени, недостаточно для решения сформулированных задач развития региона. Все участвующие в исследовании эксперты отмечают, что введение квот на иностранную рабочую силу было необходимо, но квотирование должно выражаться не просто в установлении максимально допускаемой величины миграции, предписанной регионом, а в *качественном отборе мигрантов*. В этой связи может быть использован опыт других стран, где действует балльная система оценки претендующих на въезд иностранных граждан, имеются пункты временного размещения мигрантов с обязательным курсом обучения языку и детальным анализом возможностей работы мигрантов в той или иной отрасли. Одной из поправок в миграционном законодательстве в этой связи могло бы стать *увеличение и дифференциация статусов иммигрантов*. Например, в Японии, исходя из целей, вида деятельности, срока пребывания и потенциала мигранта, присваивается один из 28 «статусов пребывания».

Началу такой деятельности должна предшествовать большая совместная работа Министерства иностранных дел РФ со всеми государствами-участниками миграционного взаимодействия. Важное место в такой работе должно быть отведено:

согласованию квот по приему мигрантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов, квотирование должно быть подчинено интересам экономического развития регионов;

разработке четкой правовой основы и, прежде всего, миграционного законодательства;

формированию эффективной государственной защиты гражданских и трудовых прав иностранных работников, жесткой борьбе с нарушителями российского законодательства;

оценке экономических, профессиональных и этносоциальных последствий миграции.

Для обеспечения цивилизованных условий приема всех видов трудовой иммиграции необходимо:

учитывать возможность сочетания ограничительных и запретительных механизмов миграционного контроля с методами легализации и адаптации мигрантов в российское социальное и культурное пространство в интересах российского общества и государства;

создать областные службы (центры) трудовой миграции, с целью оформления пребывания мигрантов на территории въезда и предложения работодателям на договорной основе легальной рабочей силы;

вести практики межкультурной коммуникации в систему школьного российского образования, разработать тренинговые программы межкультурной коммуникации для различных форм образования (включая дополнительное образование взрослого населения);

ужесточить требования к оформлению гражданства РФ, введя ценз на образование, имущественное положение, знание русского языка;

вести медико-гигиенический контроль мигрантов.

Все эти обстоятельства служат поводом для создания комплексной программы, которая могла бы скоординировать все усилия для решения миграционных проблем на территории Российской Федерации и, в частности, на территории Сибири. В соответствии с этим, должны приниматься новые соответствующие законы, заключаться договора со странами — поставщиками мигрантов, создаваться службы, призванные обеспечивать этот процесс, формироваться специальная инфраструктура приема трудовых мигрантов, выделяться материальные и другие ресурсы.

глава 20

Этническая компонента в формировании человеческого потенциала Сибири

Как показывают многочисленные исследования, этническая дифференциация характерна для всех процессов воспроизводства и формирования человеческого потенциала на уровне региона. Группировка населения по национальному составу дает более надежные основания и имеет более высокую прогностическую значимость при оценке челове-

ского капитала, чем традиционно используемая группировка по административно-территориальному делению. С этих позиций очень важным является анализ этносоциальных показателей воспроизводства и формирования народонаселения. Цель данной главы состоит в том, чтобы при ориентации на диаспоральные характеристики регионального сообщества выявить общее и особенное в этносоциальных параметрах сложившегося к настоящему времени человеческого потенциала Сибирского федерального округа.

Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции дифференциации, культурного и политического самоопределения этносов, с одной стороны, и интеграции с возможной нивелировкой различий, с другой. Облик каждого из народов Сибири имеет как специфические, так и общие черты, что является показателем исторически сложившейся мозаичности и одновременно отражает общую тенденцию модернизации общества. Процессы интеграции, получившие развитие в рамках многонационального сообщества, опираются на исторический опыт, сохранение культурного многообразия и традиции толерантности. Эти факторы определяют перспективу в развитии человеческого потенциала региона.

В ходе освоения региона на протяжении нескольких столетий изменялись состав населяющих его этносов и их соотношение. К XIX в. практически во всех областях Сибири сложилось значительное преобладание русских. Эта ситуация характерна и для современного национального состава СФО, где при наличии этнополитических образований (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Хакасия), выражающих волю локальных многонациональных сообществ с ориентацией на интересы титульных коренных народов, в целом русские остаются в абсолютном большинстве. При этом состав первой пятерки наиболее значительных по численности этносов существенно меняется. К началу XXI в. в первую пятерку в этнической структуре СФО входят (в порядке убывания) *русские, украинцы, немцы, татары, казахи, составляющие 92,7 % населения СФО.*

Русское население Сибири, в том числе территорий, входящих в СФО, формировалось на протяжении XVI—XX вв. В различных природно-ландшафтных зонах огромного края их базовая культурно-хозяйственная модель, в которой сочетались земледелие, скотоводство и промыслы, существенно трансформировалась. В ходе освоения технологий коренного населения происходила аккультурация поселенцев в аборигенной среде. Процесс порой развивался в условиях активного двуязычия на фоне метисации. Многовековой опыт адаптации и межэтнических взаимодействий определил этнокультурный и этносоциальный потенциал русского этноса в Сибири.

Численность русского населения в СФО на момент переписи 2002 г. составила 17,5 млн человек — 87,3 % всего населения СФО, из них в городе проживало 73,1 % (табл. 20.1). Русские формировали основу

Таблица 20.1

Динамика численности народонаселения СФО, 1939–2002 гг., тыс. чел.

Диаспора СФО	1939 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.	1989 г., % к 1939 г.	2002 г.	2002 г., % к 1989 г.
Русские	11804,3	13972,9	16662,3	18152,6	153,8	17530,9	96,6
Украинцы	646,8	647,8	534,2	603,1	93,2	373,1	61,9
Немцы	109,1	491,3	438,1	453,2	415,4	308,7	68,1
Татары	246,2	250,5	281,5	288,8	117,3	252,6	87,5
Казахи	105,6	103,8	101,4	124,4	117,8	123,9	99,6
СФО всего	12707	16632	19228	21077	165,9	20063	95,2
РФ всего	117534	129941	137410	147022	125,1	145167	98,7

населения всех субъектов СФО, кроме Республики Тыва, где их доля была немногим более 20,0 %.

Украинцы входят в славянскую группу народов СФО и традиционно взаимодействуют с русскими и белорусами в основных этнических и миграционных процессах, связанных с формированием этносоциальной структуры региона. Проникновение украинцев в Сибирь начинается на ранних этапах освоения края и становится особенно интенсивным в конце XIX—начале XX вв. в связи с проблемой земельного дефицита в центральных регионах Российского государства. На протяжении всего XX в. одновременно с трансформацией традиционных хозяйственно-культурных моделей украинцев в Сибири увеличивалась дисперсность их расселения.

В настоящее время украинцы проживают практически во всех регионах России. Сибирский федеральный округ остался одним из самых «украинских»: на него приходилось 373,1 тыс. представителей этого народа — 1,86 % населения округа. Более 70 % украинского населения округа проживает в городах СФО. Украинцы занимают сегодня второе по численности место в этнодемографическом составе СФО после русских.

Этнические немцы в настоящее время представлены практически во всех регионах России. По данным Комитета государственной статистики, в 2002 г. в России постоянно проживало 597,2 тыс. немцев, что составляло около 0,4 % населения страны. При этом около 50 % немцев находилось на территории СФО, составляя 1,5 % населения округа. Соотношение сельского и городского населения среди немцев СФО определялось историческими и социально-политическими факторами. Распределение немецкого населения в СФО вплоть до рубежа XX—XXI вв. отражало реалии размещения ссыльного и трудармейского контингента по территориям Западной Сибири. Так, преобладание городского немецкого населения в Кемеровской области стало итогом использования спецконтингента в промышленном освоении Кузбасса в военные годы.

Но большая часть немцев в первой половине XX в. была сосредоточена в сельских районах Сибири. Перемещение немецкого населения в город было «отсроченным» по причине неполной реабилитации их до середины 1960-х гг. В 2002 г. впервые численность «городских» немцев значительно превысила численность «сельских» и составила 339 тыс. человек против 258 тыс. на селе.

Татары являются одним из многочисленных этносов современной России, обладающим собственной государственностью на уровне субъекта РФ — Республики Татарстан. Их история стала частью истории полиэтничного сообщества Евразии. В результате трансасиатских миграций и тюркизации народов Урала и Сибири, начавшихся с эпохи раннего средневековья, сложились локальные сообщества, обладающие различными этногенетическими и культурно-хозяйственными моделями, но объединенные общностью тюркского языка и мусульманской веры. Во второй половине XIX—начале XX вв. в результате сложных демографических, этнокультурных и этноконфессиональных процессов происходила консолидация основных этнических сообществ волгоуральских, сибирских и астраханских татар, которая сопровождалась утверждением «общетатарского» самоназвания и самосознания. Однако этот процесс не был завершен; наряду с процессами унификации, основанными, прежде всего, на распространении ислама (суннитского толка), сохранялись историко-культурные различия, закрепленные на уровне самосознания. Сегментация татарской общности началась в постсоветский период, когда о самоопределении заявили группы, имевшие ранее этнотерриториальный статус.

Татары занимали второе место по численности среди народов России, в СФО — четвертое. Эта общность, которую квалифицируют как этническую, или метаэтническую, традиционно обладает в России высоким социальным и образовательным цензом. Культура татар отличалась вариативностью, объединяя традиционные аграрные модели, ориентированные на земледелие и скотоводство, и стандарты унифицированной индустриальной культуры. Это определило высокие адаптивные возможности сообщества, которое освоило различные территории России — от земледельческих районов Поволжья до нефтяных промыслов севера Сибири и прочно интегрировалось в полиэтничное пространство страны.

В настоящий момент татары являются одним из самых урбанизированных народов СНГ. По данным переписи 2002 г., численность проживающих в городе татар в 2,2 раза превышает число татар в сельской местности и составляет 3795,3 тыс. чел. против 1759,3 тыс. на селе. Около 4,5 % российских татар — 252,6 тыс. — проживало в СФО, составляя 1,3 % населения округа.

Казахи — один из тюркоязычных этносов, широко представленных в полиэтничном сообществе России, прежде всего в ее пограничных регионах. По данным переписи населения, в 2002 г. в России постоянно

проживало 654,0 тыс. казахов, что составляло около 0,45 % населения. При этом значительная их часть — 61,7 % — находилась в сельской местности. Традиционно казахи ориентировались на аграрные сферы экономики с преобладанием животноводства, хотя с 1960-х гг. неуклонно росла численность тех, кто интегрировался в различные сферы индустриального общества. В 2002 г. в СФО численность казахов достигла 123,9 тыс. чел. (около 0,6 % населения); по этому показателю они впервые превосходили белорусов и, заняв пятое место, вошли в число лидеров. При этом зоной приоритетного расселения казахского этноса в России, включая СФО, остались территории, граничащие с Казахстаном.

Анализ диаспоральных аспектов народонаселения СФО позволяет выявить общее и особенное в этносоциальных параметрах сложившегося к настоящему времени человеческого потенциала региона. Реализация этой цели предполагает выделение социально-демографических индикаторов, которые бы обеспечили сопоставимость результатов по отдельным составляющим человеческого потенциала различных этносов.

Демографические и социально-экономические данные в национальном разрезе предоставляются исключительно данными переписей населения, поэтому в основу анализа положены материалы Всероссийской переписи населения 2002 г., предоставляемые Федеральной службой государственной статистики, а также данные предыдущих переписей населения.

При характеристике динамики человеческого потенциала Сибирского федерального округа в качестве индикаторов, исходя из возможностей информационной базы, рассматриваются: *численность и половозрастная структура населения, рождаемость, уровень образования и источники средств существования населения.*

Знание данных о половозрастной структуре позволяет определить такие важнейшие характеристики, как прогрессивность возрастной структуры и демографическая нагрузка на экономически активное население по национальному признаку, соотношение мужского и женского населения в этническом сообществе, средний возраст населения (поколения). Эти данные, в свою очередь, характеризуют сформированный тип воспроизводства (прогрессивный, стационарный или регрессивный), а также потенциальные возможности демографического воспроизводства и устойчивость этнического сообщества на данной территории.

Индикатор «рождаемость» позволяет описать одну из важнейших составляющих воспроизводства — процесс замены одного поколения другим. Характеризуя процесс изменения населения за счет рождений, этот индикатор показывает, какой «вклад» в процесс возобновления поколения вносят отдельные возрастные группы фертильного контингента женщин того или иного этнического сообщества.

Среди важнейших факторов, формирующих человеческий потенциал народонаселения, очень важны такие социально-экономические характеристики, как образовательный и общекультурный уровень, благо-

состояние, степень урбанизации, вид занятий той или иной диаспоральной группы. Только во взаимосвязи с этими факторами этническая принадлежность оказывает влияние на процессы воспроизводства и формирования человеческого потенциала этнических групп.

Численность и половозрастная структура населения

С 1939 г. до начала 1990-х гг. численность всех этнических сообществ в регионе, кроме украинцев, планомерно росла (см. табл. 20.1); они наращивали свой демографический и трудовой потенциал.

Начиная с 1991 г. Россию, в том числе СФО, захлестнули широко-масштабные миграционные процессы, вызванные политическими и социально-экономическими преобразованиями на постсоветском пространстве, что не могло не повлиять на количественные и качественные характеристики этнодемографической структуры СФО. В результате процессов суверенизации постсоветского пространства начался отток русскоязычного населения из стран СНГ в Россию.

Одновременно в 1990-е гг. в СФО, как и в России в целом, стал очевиден «западный дрейф» миграции, наметившийся двумя десятилетиями раньше. Страны СНГ, Россию и Сибирь покидали представители европейских диаспор, прежде всего немцы и евреи. Выезд немцев из России и Сибири в Германию был наиболее интенсивным в середине 1990-х гг. За неполное десятилетие 1991—2000 гг. РФ покинуло более полутора миллионов немцев. Если в 1979 г. доля немецкого населения составила 0,78 % населения РФ, то в 1989 — 0,57, а в 1994 — 0,54 %.

Исследователи связывают эмиграцию российских немцев не только с политической трансформацией в Российском государстве, но и с особенностями постсоветской экономики, для которой характерно исчезновение целого сегмента рынка труда — ниши высокооплачиваемых рабочих, в том числе в аграрном секторе. Факторы же, обозначенные самими эмигрантами в качестве причины отъезда, были следующими, %: «воссоединение с родственниками» — 63,9, «обеспечение лучшего будущего для детей» — 62,9, «надежда на улучшение материального положения» — 57,9, «нестабильность в экономике и политике России» — 54,0. Сложившаяся ситуация сделала проблематичным эффективное использование творческого потенциала немецкого этноса СФО.

Обретение статуса независимых государств бывшими республиками СССР, а также суверенности — республиками в составе РФ, активизировало выезд из страны представителей титульных этносов на историческую родину. В результате в СФО значительно сократилась численность украинцев, белорусов, татар, чувашей. Помимо социально-политических факторов изменение численности этнических сообществ СФО было вызвано сменой идентичности с указанием при переписи 2002 г. принадлежности к доминирующему русскому этносу.

Компенсация демографических потерь СФО в этот период осуществлялась исключительно за счет населения государств СНГ. За 1989—2002 гг. при снижении численности населения страны на 1,3 % в округе убыль населения составила около 5 %. При этом численность русских, несмотря на значительный их прирост за счет мигрантов из стран СНГ, уменьшилась на 3,4 %. Численность украинцев сократилась на 38 %, немцев — на 32, татар — на 12,5 %. Сократилась несущественно лишь численность казахов (см. табл. 20.1). Одновременно нарастающими темпами в СФО шло увеличение численности народов, проживающих в основном за пределами РФ, — таких, как азербайджанцы — в 50 раз и армяне — в 20 раз (за период 1939—2002 гг.). Однако их прирост не смог компенсировать убыль населения СФО.

При описании различий половозрастной структуры населения очень важным является рассмотрение соотношения доли детей и доли граждан старше трудоспособного возраста в общей численности населения, поскольку эти данные характеризуют тип сменяемости поколений и описывают степень прогрессивности возрастной структуры.

По итогам переписи населения 2002 г., самая высокая доля детей и подростков (27,7 %) и самая низкая доля населения пенсионного возраста (8,9 %) зафиксирована у казахов (табл. 20.2, рис. 20.1). Такие показатели характеризуют их возрастную структуру как самую молодую и прогрессивную. Коэффициент прогрессивности у казахов составляет свыше 3, в то время как немецкая и татарская диаспоры характеризуются регрессивной структурой, когда замещение старого поколения молодым осуществляется только на 60—70 %.

Коэффициент прогрессивности возрастной структуры украинского населения составляет всего 0,18. По данным переписи населения в 2002 г., доля детей и подростков в общей численности украинцев СФО составляла лишь 5,9 %, а доля населения пенсионного возраста — 33,3 %. В сельской местности округа пенсионеры составляли еще более высокую долю — 35,7 % (см. табл. 20.2). Эти данные, а также высокий средний возраст — около 50 лет — характеризует украинское население СФО как старое, не способное к воспроизводству и наращиванию своего демографического потенциала.

Возрастная структура русских в СФО выглядит несколько лучше, чем по РФ в целом: доля детей и подростков здесь составляет 19,6 %, а доля населения пенсионного возраста — 18,1%, (в России 18,1 и 17,7 % соответственно). При этом в сельской местности русское население СФО имеет более высокий, чем в городе, удельный вес детей и подростков — 22,9 % (см. табл. 20.2). Эти данные характеризуют возрастную структуру русского населения округа как константную, но при благоприятных условиях существуют реальные предпосылки роста демографического потенциала этой этнической группы.

Население трудоспособного возраста среди всех рассматриваемых этносов составляет 60—64 % всего населения, при этом в городском на-

Таблица 20.2

Возрастная структура народонаселения СФО, 2002 г., %

Возрастная категория	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Казахи
Всего					
Моложе трудоспособного возраста, %	19,6	5,9	15,0	13,3	27,7
Трудоспособного возраста, %	62,3	60,6	64,2	64,5	63,4
Старше трудоспособного возраста, %	18,1	33,5	20,8	22,2	8,9
Демографическая нагрузка, чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста	605	651	558	550	577
Коэффициент прогрессивности возрастной структуры	1,08	0,18	0,72	0,60	3,11
Город					
Моложе трудоспособного возраста, %	18,4	5,3	11,6	11,0	23,6
Трудоспособного возраста, %	63,9	62,1	69,6	66,6	69,7
Старше трудоспособного возраста, %	17,7	32,6	18,8	22,4	6,7
Демографическая нагрузка, чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста	565	610,0	437	502	435
Коэффициент прогрессивности возрастной структуры	1,04	0,16	0,62	0,49	3,52
Село					
Моложе трудоспособного возраста, %	22,9	7,4	18,0	18,6	30,3
Трудоспособного возраста, %	57,8	56,9	59,4	59,6	59,4
Старше трудоспособного возраста, %	19,3	35,7	22,5	21,8	10,2
Демографическая нагрузка, чел. на 1000 чел. трудоспособного возраста	730	757	682	678	682
Коэффициент прогрессивности возрастной структуры	1,19	0,21	0,80	0,85	2,97

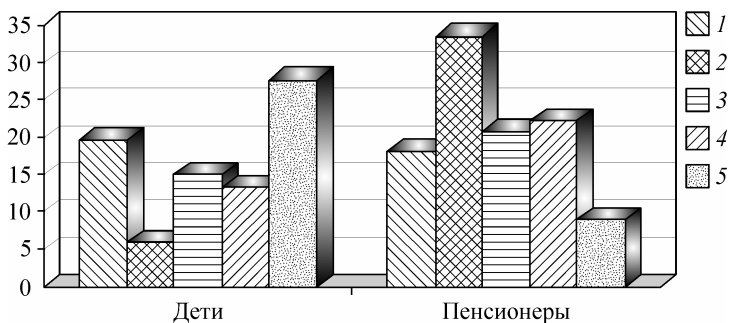

Рис. 20.1. Доля детей и пенсионеров в возрастной структуре населения отдельных национальностей СФО, 2002 г., %.

Здесь и на рис. 20.2—20.7: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — немцы, 4 — татары, 5 — казахи.

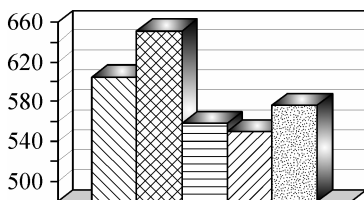

Рис. 20.2. Показатель демографической нагрузки отдельных национальностей СФО, человек на 1000 населения трудоспособного возраста, 2002 г.

селении доля его значительно выше, чем в сельском (см. табл. 20.2). Наибольшая доля трудоспособного населения зафиксирована у татар и немцев, наименьшая — у украинцев.

Сложившиеся особенности возрастной структуры отдельных этнических сообществ сформировали различия и в такой важнейшей не только демографической, но и социально-экономической харак-

теристике структуры общества как демографическая нагрузка на трудоспособное население.

Самый высокий показатель демографической нагрузки у украинцев — 651 чел. на 1000 населения трудоспособного возраста, а самый низкий у татар — 550 (рис. 20.2). При этом демографическая нагрузка в селе значительно выше, чем в городе у всех рассматриваемых этносов (см. табл. 20.2), что характеризует более низкий трудовой потенциал села по сравнению с городом.

Что касается соотношения мужчин и женщин в общей структуре населения, то у всех рассматриваемых этносов, кроме казахов, численность женщин превышала численность мужчин. Особенно эти различия велики у русского населения — 7—8 п. п. Разрыв между численностью женщин и мужчин остальных этнических сообществ не столь существен: среди татар и украинцев он составляет по 4,5, а среди немцев — 3 п. п. Такая диспропорция складывается за счет населения пенсионного возраста, где численность женщин существенно выше, чем мужчин (в 2,2 раза у русского населения, в 2,0 раза у татар, в 1,6—1,7 раза у немцев и украинцев), и является следствием высоких показателей смертности и низкой продолжительности жизни мужчин.

Рождаемость

Анализ относительных показателей рождаемости народонаселения СФО показал, что среди рассматриваемых этносов самый низкий показатель у русских — 1446 детей, а самый высокий у казахов — 2142 ребенка на 1000 женщин. У остальных национальных групп данный показатель находился на уровне 1800—1900 детей на 1000 женщин (рис. 20.3).

Таким образом, простой тип воспроизводства реализуется только у казахов, остальные этнические сообщества имеют суженный тип воспроизводства населения, а у русского населения сложившийся к настоящему времени уровень рождаемости только на 70 % обеспечивает уровень простого воспроизводства.

Динамические сдвиги в уровне рождаемости проявляются в выравнивании показателя рождаемости среди диаспор при общей тенденции его сокращения для различных поколений (когорт) женщин. Так, для когорты женщин, которым в 2002 г. было 60 лет и больше, среднее число рожденных ими детей за весь репродуктивный период (в расчете на одну женщину) составляло в СФО 2,3 ребенка (в РФ — 1,9 детей). Этот показатель характеризует расширенный тип воспроизводства. Для когорты женщин в возрасте от 40 лет его величина уменьшилась до 1,9 детей (в РФ — 1,7 детей), что соответствует суженному типу воспроизводства.

При переходе от старших возрастных групп к младшим уменьшается общее число рождений на 1000 женщин (рис. 20.4) и все более сокращаются различия по уровню рождаемости между различными этническими сообществами. Например, если для возрастной группы женщин старше 70 лет максимальный разброс среднего числа рождений составлял 2,4 раза (казахи и русские), то для группы 20—29 лет — 1,06 раза (украинцы и русские).

Уровень рождаемости населения определяется сформированным уровнем брачности и существенно зависит от него. Доля состоящих в браке у всех групп народонаселения находится на среднем по СФО уровне — 59 %, при этом у мужчин она выше, чем у женщин; особенно велика эта разница у украинцев — 20, у немцев — 13 п. п.

Мужчины по сравнению с женщинами имеют большую долю никогда не состоявших в браке: 25 % против 18 % у женщин. Существенные различия в уровне брачности мужчин и женщин характеризуют несба-

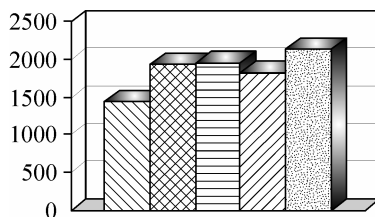

Рис. 20.3. Среднее число рожденных детей на 1000 женщин, указавших число рождений, чел., 2002 г.

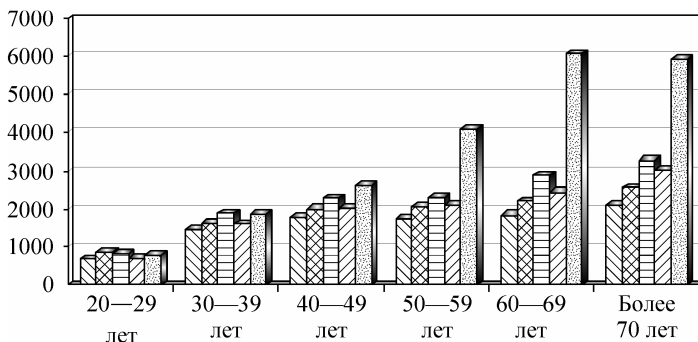

Рис. 20.4. Динамика среднего числа рожденных детей на 1000 женщин по возрастным группам, чел., 2002 г.

лансированность брачной структуры населения, что отражается, естественно, на показателях рождаемости и формировании демографического потенциала этнических сообществ.

Уровень образования

Уровень и качество образования у различных групп народонаселения существенно разнятся. Это, прежде всего, проявляется в различиях уровня и качества профессионального образования. По итогам переписи 2002 г., профессиональное образование по СФО имели 58,2 % (по РФ — 59,0 %) народонаселения от числа лиц старше 15 лет, указавших уровень образования. В том числе: специалисты с высшим образованием занимали в образовательной структуре СФО 13,8 % (РФ 15,7 %), а со средним профессиональным образованием — 27,3 % (РФ 27,1 %). Это достаточно высокие показатели, характеризующие образовательный потенциал населения округа в целом.

Славянские этносы СФО, прежде всего русские и украинцы, составляющие в общей численности населения округа 89,2 %, характеризуются наиболее высоким образовательным уровнем. При этом украинцы занимают основные позиции по профессиональному, в том числе высшему и среднему профессиональному, образованию (табл. 20.3, рис. 20.5). В целом образовательный потенциал украинского населения округа выше среднего уровня.

Русское население СФО также обладает высоким образовательным статусом, ему принадлежит второе место по среднему (58,2 %) и высшему образованию (13,9 %); доля неграмотных среди русских насчитывает 0,6 % от числа населения старше 15 лет, причем преимущественно они проживают в сельской местности.

Как и другие этносы, практически все татары в СФО в 2002 г. обучались в средних и в профессиональных учебных заведениях. Доля неграмотных татар насчитывала 1,2 % от числа населения старше 15 лет. Более половины татар СФО (53,8 %) имело профессиональное образова-

Таблица 20.3

Сравнение уровня профессионального образования народонаселения РФ и СФО, 2002 г., %

Этническое сообщество	Профессиональное образование		Высшее		Среднее профессиональное		Начальное профессиональное	
	РФ	СФО	РФ	СФО	РФ	СФО	РФ	СФО
Русские	60,7	58,2	16,3	13,9	28,2	27,8	12,7	13,4
Украинцы	65,6	61,0	19,6	15,9	30,8	29,1	12,4	13,7
Немцы	53,4	50,2	10,3	8,5	25,6	23,8	15,0	15,7
Татары	56,6	53,8	12,5	10,7	26,6	26,1	14,6	14,6
Казахи	48,0	45,2	7,2	6,5	24,5	22,7	14,3	14,2

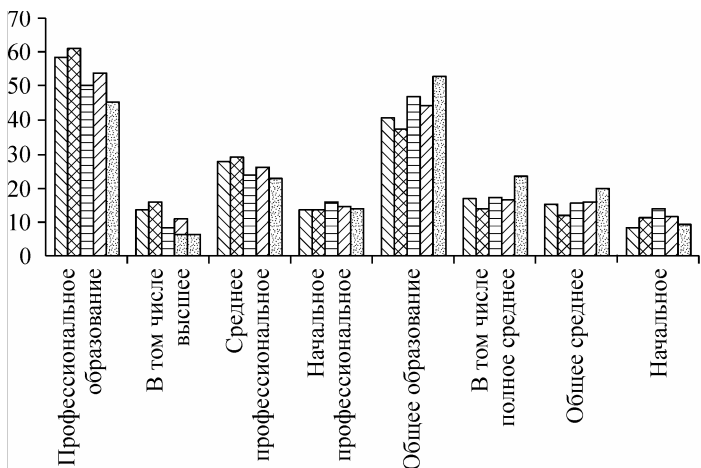

Рис. 20.5. Уровень образования народонаселения СФО, % от указанного уровня образования, 2002 г.

ние, что ниже средних по округу показателей. Наибольшую долю имели прошедшие среднюю профессиональную подготовку (26,1 %), затем начальную профессиональную подготовку (14,6 %). Специалисты с законченным и неполным высшим образованием составляют среди татар, проживающих в городской и сельской местности, 12,9 %, а среди сельского населения только 5,5 %, что является низким показателем. Можно сделать вывод об отставании образовательного уровня татарского населения округа по сравнению со всем населением, причем негативные тенденции усиливаются в сельской местности.

В структуре народонаселения СФО относительно низким уровнем образования выделяются немцы, что объясняется долгим периодом сохранения репрессивных социальных стандартов по отношению к этому этносу, отсутствием полноценной образовательной вертикали на родном языке и широкого информационного (языкового) пространства.

Российским немцам, как и многим другим «нетитульным» этносам, предоставлялся выбор: либо оставаться в скудеющем информационном поле своей культуры, либо интегрироваться в русскую культуру. По данным переписи 1989 г., 48,7 % немцев бывшего СССР считали своим родным немецкий язык, а 50,8 % — русский (кроме того, 45,0 % немцев свободно им владели). В 2002 г. русским языком владели практически 100 % немецкого населения РФ и СФО, а родным языком — только треть российских немцев.

Доля неграмотных немцев в Сибири в 2002 г. составляла 1,8 % от числа населения старше 15 лет, и только половина немцев СФО имела профессиональное образование, что ниже средних по округу показателей (см. табл. 20.3). Специалисты с законченным и неполным высшим

образованием составляют среди немцев, проживающих в городской и сельской местности, 10,6 %, а среди сельского населения — 5,3 %, что существенно ниже удельного веса всех жителей с аналогичным уровнем образования по округу.

При оценке качества человеческого капитала СФО сквозь призму этнических процессов следует отметить большой диапазон в показателях по уровню образования. Самый низкий уровень образования отмечен для казахов. Согласно переписи 2002 г., всего около 45 % казахов СФО имело профессиональное образование, из них специалисты со средней профессиональной подготовкой составляли 22,7 %, с начальной профессиональной подготовкой 14,2 % (см. табл. 20.3). Очень низка у казахов доля специалистов с высшим образованием: в городской местности она составляет всего 6,5 %, а среди сельского населения — 4,0 %.

Общей для всех национальных диаспор тенденцией является более низкий уровень образования в сельской местности по сравнению с городской. Так, общий уровень профессионального образования в городе в 1,3—1,4 раза выше, чем в селе, в том числе высшего образования — в 2,4—2,8 раза, среднего профессионального — в 1,4—1,5 раза, и только по начальному профессиональному образованию село превосходит город в 1,2—1,5 раза.

Источники средств существования народонаселения

Особенности демографических структур и образовательных практик во многом определяют диапазон источников средств существования различных этнических сообществ. Кроме того, структура доходов населения в значительной степени зависит от преимущественного проживания в городской или сельской местности.

Наибольший совокупный доход от трудовой деятельности (в процентном измерении), включая личное подсобное хозяйство (ЛПХ), имели украинцы и немцы (рис. 20.6).

Совокупный доход от трудовой деятельности и доход от личного подсобного хозяйства в структуре доходов украинцев СФО составляет 52,8 %, в том числе от ЛПХ — 17,5 % (в РФ 9,9 %). В сельской местности доход от ЛПХ у украинцев был равен 32,0 %. Два источника средств существования имели 30,9 % украинцев, при этом 50,9 % живущих в сельской местности и 21,8 % — в городе. Обращает на себя внимание значительная роль личного подворья (товарное производство и производство для личного потребления овощей, картофеля, молока, масла, мяса) в формировании доходов украинского населения СФО. Его доля более высока, чем у украинцев в целом в РФ. Вместе с тем доля иждивенцев среди украинцев значительно уступает остальным рассматриваемым диаспорам СФО и составляет 10,8 %, что является отражением очень низкой доли детей в возрастной структуре населения.

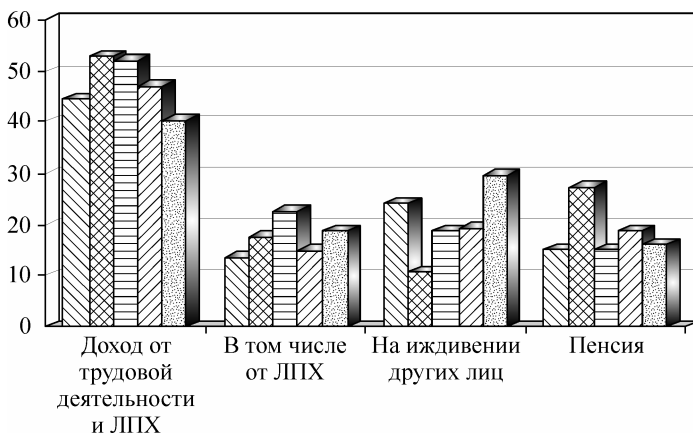

Рис. 20.6. Доля основных источников средств существования отдельных этнических сообществ СФО, % от общего числа указанных источников.

Современный уровень образования российских немцев, спровоцированный дискриминационными процессами прошлого, определил структуру их занятости и формирования источников средств существования. Удельный вес занятых преимущественно ручным трудом доходит у российских немцев до 75 %, что на 6—8 п. п. выше, чем в среднем по населению СФО. В советскую эпоху подобное положение дел формировало важный административный ресурс: «синие воротнички» — шоферы, трактористы, доярки и проч. во многих случаях обеспечивали стабильность в организации экономики на местах, особенно в аграрной сфере.

При этом доля иждивенцев среди немцев составляла около 18 %. Доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства достигает 52 %, в том числе доход от ЛПХ — 22,6 %. Один источник доходов имеют 52 % немцев, в том числе 72 % в городе и 33,7 % на селе. В формировании доходов немцев СФО также очень велика роль личного подсобного хозяйства. Два источника средств существования имеют 60,6 % немцев в сельской местности и 26,1 % — в городе.

В структуре источников средств существования русского населения доля не имеющих никаких источников доходов и находящихся на иждивении была в СФО и РФ на среднем уровне 23—24 %. Два основных вида доходов — доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства составляли вместе в СФО как в городе, так и в селе около 44 %. При этом на долю дохода от ЛПХ приходилось 13,8 %, в том числе в сельской местности — 26,7 %. В процентном выражении доход от ЛПХ у русских в СФО существенно выше, чем у русских в РФ.

Среди татар 67,7 % имеют один источник доходов, в том числе 77,5 % в городе и 44,4 % на селе. Два источника средств существования фиксируется у 52,2 % татар в сельской местности и 21,2 % в городе.

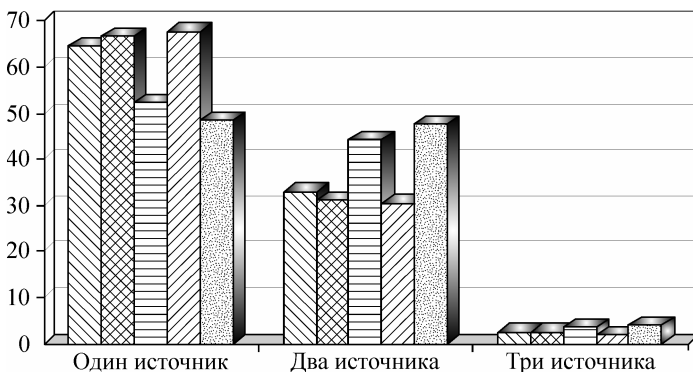

Рис. 20.7. Количество источников средств существования основных национальностей СФО, % от указавших источники.

У татар, как и многих других народов региона, значительная роль в формировании доходов принадлежит личному подворью (товарное производство и производство для личного потребления).

Казахи СФО имеют достаточно высокую долю населения, находящегося на иждивении — 29,6 %, в том числе в городе 34,6 %, что является отражением высокой доли детей и подростков в возрастной структуре. Доход от трудовой деятельности и от личного подсобного хозяйства у казахского населения в сумме составляет около 40,3 %, в том числе доход от личного подсобного хозяйства 18,6 % (на селе 25,1 %). Среди городских казахов преобладают имеющие один источник средств существования — 71,9 %, а в селе — имеющие два источника — 60,7 %. Эти данные подтверждают значительную роль ЛПХ в формировании доходов казахского населения, что присуще и другим этническим сообществам СФО.

Если сравнивать все диаспоры по количеству иждивенцев, то больше всего иждивенцев у казахов (около 30 %) и русских (24,1 %). Немного меньше 18—20 % иждивенцев у немцев и татар, около 10 % у украинцев. Пенсии в структуре источников средств существования имели наибольший удельный вес у украинцев (27,2 %) как самого старого населения, а наименьший — у русского населения — 8,5 % (рис. 20.6).

Население всех национальностей, кроме казахов, имели преимущественно один источник средств существования. У русских, украинцев и татар этот показатель находился на уровне 65—68 %. Более всего имеющих два источника средств существования — среди казахов и немцев; среди немцев — немногим более 50 % (рис. 20.7).

* * *

Итак, изменение сложившихся во второй половине XX в. этнодемографических структур СФО привело к сокращению демографического и

трудового потенциала основных этнических сообществ региона. Важным фактором такого сокращения стал отрицательный естественный прирост, величину которого определили снижающиеся показатели рождаемости и рост смертности. На общем фоне демографического регресса наметилась тенденция ориентализации.

Важную роль в изменении человеческого потенциала сыграли и миграционные процессы в Сибири. Уменьшение численности русских, украинцев и татар, адаптированных к урбанизированной культуре современной Сибири и имеющих высокий уровень образования, определило ухудшение средних по округу показателей качества человеческого потенциала. На территории Сибири сформировался неэквивалентный миграционный обмен, за счет которого происходит уменьшение доли высококвалифицированных специалистов. СФО получает население с низким уровнем образования за счет других стран, прежде всего Киргизии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Китая, Вьетнама, Северной Кореи. Представители титульных этносов этих стран заполняют пустующие ниши на рынке труда Сибири, связанные преимущественно с выполнением малоквалифицированной работы. При этом они обладают большим демографическим резервом, но тем не менее, не имеют возможности компенсировать потери человеческого капитала при понижении профессионально-образовательного уровня в целом по региону из-за неспособимости их численности и численности миграционных потерь.

Одной из основных тенденций в развитии этносоциальных процессов в СФО является усиление этнической мозаичности, при большой вариативности социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов. Отсутствие государственных программ нострификации (включая знание русского языка и адекватного уровня образования), опыта и ресурсов адаптации мигрантов в регионе, как и в России в целом, создает эффект социальной напряженности и неизбежно ведет к ухудшению качественных характеристик населения.

В результате в этнодемографической и этносоциальной сфере СФО сложилась ситуация, показателями которой стали:

сокращение численности народонаселения СФО в целом и отдельных этнических сообществ при невозможности компенсации демографических потерь за счет миграции;

нивелирование демографических характеристик диаспор СФО относительно средних показателей при сохранении определенных различий;

сохранение статусной (этнополитической) иерархии различных этнических сообществ, при одновременном действии факторов поликультурности и интеграции;

ухудшение качественных характеристик населения СФО и в перспективе — растущая конкуренция на рынке труда, в том числе и по этническому признаку.

Литература к разделу III

Глава 11

- Амосенок Э. П., Бажанов В. А.* Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России// Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 134—145.
- Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Бурдые П.* Формы капитала// Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519—536.
- Гвоздева Е. С., Штерцер Т. А.* Быть умным, чтобы быть богатым. О человеческом капитале как факторе развития России// Наука из первых рук. 2006. № 4. С. 20—23.
- Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе// Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 420—447.
- Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь/ Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.
- Глинчикова А. Г.* Модернити и Россия// Вопросы философии. 2007. № 6. С. 38—56.
- Глобальные проблемы человечества и поиск путей устойчивого развития/* Под ред. А. А. Черепанова, А. Г. Литвиненко. М.: Ноосфера, 2000.
- Зайцева Н. К.* Интеллектуальная рента — источник воспроизводства интеллектуального капитала// Финансы. 2004. № 10.
- Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Заславская Т. И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
- Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе// Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5—16; № 4. С. 13—25.
- Заславская Т. И.* Экономическая социология: этапы становления и перспективы// Регион: экономика и социология. 2007. № 3. С. 132—150.
- Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. С. 18—19.
- Камышева Л.* Бизнес на интеллекте// Деловые люди. 2004. № 163. С. 24—26.
- Кастелс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Клейнер Г. Б.* Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты// Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 56—59.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий// Там же. 2001. № 3. С. 122—139.
- Кравченко С. А.* Социологическая теория: дискурс будущего// Социологические исследования. 2007. № 3. С. 10—11.
- Логачев В., Жернов Е.* «Интеллектуальный капитал» с позиции трудовой теории стоимости// Экономист. 2006. № 9. С. 36—41.
- Майбуров И. А.* Вклад человеческого капитала в экономическое развитие России// Экономическая наука современной России. 2003. № 4. С. 54—69.
- Макаров В. Л.* Экономика знаний: уроки для России// Вестник РАН. 2003. Т. 73, № 5. С. 450—456.

- Мильнер Б. З.* Управление знаниями: эволюция и революция в организации. М.: ИНФРА-М, 2003.
- Мэддисон А.* Динамические силы капиталистического развития// <http://www.podrobnosti.ua/society/2005/05/18/21840.html>
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Покровский Н. Е.* Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема)// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 3—10.
- Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация// Экономическая социология (электронный журнал). 2002. Т. 3, № 4.
- Россия, которую мы обретаем.* Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука: СИФ РАН, 2003.
- Соболева И. В.* Социальный капитал или социальный ресурс?// Экономическая наука современной России. 2006. № 3 (34). С. 16—29.
- Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Инноченца. М.: Academia, 1999. С. 373—400.
- Тихонова Н. Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28—41.
- Тойнби А.* Постижение истории: М.: Прогресс// <http://orel.rsl.ru/nettext/foreghn/toinby/Toynbee104.htm>
- Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее/ Пер. с англ. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2005.
- Харченко И. И.* Формирование и реализация образовательных и профессиональных стратегий молодежи: Автореф. канд. дисс. 2007.
- Хэлд Д., Гольдблат Д., Макгрю Э., Перрато Дж.* Глобальные трансформации. М.: Практис, 2004.
- Шахназаров О. Л.* Корни русского социализма// Вопросы философии. 2007. № 6.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Щетинин В.* Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки// МЭиМО. 2001. № 12. С. 42—49.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Inceles A.* A model of the modern man: Theoretical and methodological issues// Comparative Modernisation/ Ed. C. E. Black. N. Y.: Free Press, 1976. P. 320—348.

Глава 12

- Всемирный банк.* Доклад Всемирного банка об экономике России (июнь 2007 г.)// Общество и экономика. 2007. № 5—6. С. 74—103.
- Российский статистический ежегодник 1997:* Стат. сб./ Госкомстат России. М., 1997.
- Российский статистический ежегодник 2000:* Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2000.
- Российский статистический ежегодник 2003:* Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2003.
- Ивантер В. В., Узяков М. Н.* Долговременный прогноз развития экономики России на 2007—2030 гг.// Общество и экономика. 2007. № 5—6. С. 216—271.

- ПРООН.* Программа развития ООН. Доклад о развитии человека. М.: Весь Мир, 2005а.
- ПРООН.* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2005 год/ Под ред. С. Н. Бобылева и А. Л. Александровой. М.: «Тверская фабрика печати», 2005б.
- ПРООН.* Доклад о развитии человека 2006. М.: Весь Мир, 2006.
- ПРООН.* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг./ Под ред. С. Н. Бобылева и А. Л. Александровой. М.: Весь Мир, 2007.
- Путин В.* Стенограмма начала пресс-конференции Президента России Владимира Путина 14 февраля 2008 г. Доступ 20 февраля 2008 г.// <http://www.rg.ru/2008/02/14/ctenogramma-itogi-anons.html>
- Суспицын С. А.* Макроэкономические оценки стратегии развития Сибири// Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 3—14.
- Росстат.* Регионы. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб./ Росстат. М., 2006а.
- Росстат.* Российский статистический ежегодник 2005: Стат. сб./ Росстат. М., 2006б.
- Росстат.* Российский статистический ежегодник 2007: Стат. сб./ Росстат. М., 2007.
- UNDP.* United Nations Development Programme. Human Development Report 2003. New York: Oxford University Press, 2003.

Глава 13

- Демографический ежегодник России.* М.: Росстат, 2007.
- Интервью с Н. Римашевской*// Век. 2001. 27 апр.—10 мая.
- Соболева С. В., Чудаева О. В.* Сибирь: тенденции и перспективы демографического развития// Политический класс. М., 2005. № 9. С. 55—56.

Глава 14

- Антонов А. И., Медков В. И., Синельников А. Б.* Репродуктивное поведение и динамика рождаемости/ Население России на рубеже XX—XXI веков. Проблемы и перспективы/ Под. ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. М., 2002. С. 157—201.
- Бондарская Г. А., Дарский Л. Е.* Брачное состояние женщин и рождаемость// Демографические процессы в СССР. М., 1990.
- Вишневский А. Г.* Демографические процессы в социальном контексте// Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф-ции. М., 2002. С. 4—6.
- Гончарова Г. С.* Этнически смешанные семьи и межнациональные браки в некоторых автономиях Сибири// Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Вып. 3/ Объединенный институт филологии, истории и философии СО РАН. Новосибирск, 2000. С. 139—145.
- Гончарова Г. С.* Браки, разводы и неполные семьи в Сибири// Там же. Вып. 4/ Объединенный институт филологии, истории и философии СО РАН. Новосибирск, 2001. С. 52—59.

- Демографический ежегодник России. Статистический сборник.* М., 1996.
- Демографический ежегодник России. Статистический сборник.* М., 2002.
- Демографический ежегодник России. Статистический сборник.* М., 2007.
- Захаров С. В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России: Автореф. канд. дисс. М., 1990.
- Захаров С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход// Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф-ции. М., 2002. С. 19—26.
- Захаров С. В., Иванова Е. И. Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959—1994 гг.// Проблемы прогнозирования. 1996. № 4. С. 109—130.
- Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах// Население и общество. 2002.
- Иванова Е. И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы// Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тез. докл. науч. конф-ции. М., 2002. С. 28—31.
- Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России// Мир России. Социология. Этнология. 1998. Т. VII, № 4 (20). С. 167—174.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. М., 2004.
- Калабихина И. Динамика рождаемости в России и некоторые вопросы политики// Население России на рубеже XX—XXI веков. Проблемы и перспективы/ Под ред. В. А. Ионцева, А. А. Саградова. М., 2002. С. 31—49.
- Михеева А. Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние// ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 1993. С. 75—84.
- Михеева А. Р. «Традиционное» и «современное» в демографическом поведении сельского населения// Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 1999. С. 558—573.
- Население России. Четвертый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 1997.
- Население России. Девятый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 2001.
- Население России. Десятый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский/ Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 2002.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М., 2003. С. 56—57.
- Хаджнал Дж. Европейский тип брачности/ Брачность, рождаемость, семья за 3 века. М.: Статистика, 1979. С. 14—70.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1978.
- Clarkberg M., Stolzenberg R. M., Waite L. J. Attitudes, values and the entrance into cohabitational versus Marital Unions// Social Forces. 1995. Dec. P. 609—631.
- Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition// Population Bulletin. 1987. V. 42, N 1.

Глава 15

- Власов В. В., Копотев Л. И.* Социологические корреляты профессионального долголетия летного состава// Социологические исследования. 1996. № 11. С. 132—137.
- Неравенство и смертность в России/* Под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Сигнал, 2000.
- Социально-значимые заболевания населения России в 2002 году. Статистические материалы.* М.: ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения, 2003.
- Тапилина В. С.* Рабочее время как ресурс роста благосостояния// Регион: экономика и социология. 2003. № 2. С. 98—111.
- Boroovah V. K.* Occupational class and the probability of long-term limiting illness// *Social Science and Medicine*. 1999. V. 49, N 2. P. 253—266.
- Chandola T.* Social inequality in coronary heart disease: a comparison of occupational classifications// *Ibid*. 1998. V. 47, N 4. P. 525—533.
- Daniels N., Kennedy B. P., Kawachi I.* Why justice is good for our health: the social determinants of health inequalities// *Daedalus*. 1999. V. 128, N 4. P. 215—251.
- Ecob R., Smith G. D.* Income and Health: what is the nature of the relationship// *Social Science and Medicine*. 1999. V. 48, N 5. P. 693—705.
- Elstad J. I.* How large are the differences really? Self-reported long-standing illness among working class and middle class men// *Sociology of Health and Illness*. 1996. V. 18, N 4. P. 475—498.
- Hraba J., Lorenz F. O., Pechakova Z., Liu Q.* Education and health in the Czech Republic// *Journal of Health and Social Behavior*. 1998. V. 39, N 4. P. 295—316.
- Kunst A. E., Groenhof F., Andersen O.* Occupational class and ischemic heart disease mortality in the United States and 11 European Countries// *American Journal of Public Health*. 1999. V. 89, N 1. P. 47—53.
- Milanovic B., Yitzhaki S.* Decomposing world income distribution: does the world have a middle class?// *Review of Income and Wealth*. 2002. S. 48, N 2. P. 155—178.
- Piko B., Fitzpatrick K. M.* Does class matter? SES and psychological health among hungarian adolescents// *Social Science and Medicine*. 2001. V. 53, N 6. P. 817—830.
- Scambler G., Higgs P.* Stratification, class and health: class relation and health inequalities in high modernity// *Sociology*. 1999. V. 33, N 2. P. 275—296.
- Schrijvers C. T. M., Stronks K., van de Mheen H. D., Mackenbach J. P.* Explaining educational differences in mortality: the role of behavioral and material factors// *American Journal of Public Health*. 1999. V. 89, N 4. P. 535—540.
- Wilkinson R. G.* Health inequalities: relative or absolute material standards?// *British Medical Journal*. 1997. N 314 (February, 22). P. 591—605.

Глава 16

- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С., Михеева А. П.* Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП, 1992.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С.* Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения// Социологические исследования. 1997. № 9. С. 37.

- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Миграция бедности в России: масштабы, воспроизводство, социальный спектр// Социологические исследования. 2004. № 12. С. 17—30.
- Мельянцева В. Счастье от ума. Вложения в человеческий капитал остаются самыми эффективными// Известия. 2000. 17 мая.
- Мягков А. И. Статистические стратегии сенситивных измерений// 2001. isras.ru/Socls/SoclsArticles/2002_01/Miagkov.doc
- Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат, 2003.
- Findings of Comparative Survey of Saving in Japan and USA. 2000// <http://iptp.go.jp/English/topics>

Глава 17

- Беккер Г. Воздействие инвестиций в человеческий капитал на заработки// Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ./ Сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 50—89.
- Добрынин А. И., Дятлов С. А., Курганский С. А. Человеческий капитал (методологические аспекты анализа): Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 1999.
- Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67—77.
- Корель Л. В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1997.
- Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5—16.
- Турецкая Г. В. Страх успеха: психологическое исследование феномена// Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 1. С. 37—46.
- Черкашина Т. Ю. Личностный потенциал россиян: оценка структурных особенностей// Социология-4М: методология, методы и математические модели. 2006. № 23. С. 121—142.
- Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии РАН, 1997.
- Wallace C. Household strategies: Their conceptual relevance and analytical scope in social research// Sociology. 2002. V. 36, N 2. P. 275—292.

Глава 18

- Васильев В. И., Малиновская С. М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 54. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 26.

- Данные* выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств в сельской местности Томской области за II квартал 2002 года; Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств во II квартале 2002—2003 гг. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат РФ, 2003.
- Калугина З. И.* Большие проблемы малого бизнеса Сибири// ЭКО. 2006. № 2. С. 105—127.
- Калугина З. И., Соболева С. В., Тапилина В. С. и др.* Сибирский вектор социальной политики// Регион: экономика и социология. 2005. № 2. С. 43—60.
- Калугина З. И.* Сельский рынок труда в современной России// Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 145—168.
- Коренные* малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2003.
- Коренные* малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2004.
- Коренные* малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 13. М.: ФСГС, 2005.
- Регионы России.* Социально-экономические показатели. Официальное издание. М.: ФСГС, 2004.
- Обследование* населения по проблемам занятости. Август 2004 года. М.: ФСГС, 2004.
- Обследование* населения по проблемам занятости. Февраль 2003 года. М.: Госкомстат, 2003.
- Социальное* положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат. сборник. М.: Госкомстат, 2003.
- Численность* и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Т. 1. М.: ФСГС, 2004.
- Экономическое* и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат, 2003.

Глава 19

- Анисимцев Н. В.* Япония: национальная модель иммиграционной политики// Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 58.
- Иностранные* мигранты на сибирском рынке труда/ Под ред. С. В. Соболевой, И. В. Октябрьской. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006.
- Лэндснесс К., Ноюланд К.* Цели и методы иммиграционной политики США// Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России/ Под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002.
- Рязанцев С. В.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2001.
- Соболева С. В.* Положение мигрантов на сибирском рынке труда: оценка экспертов// Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. С. 35—49.

- Соболева С. В.* Иммиграционные потоки в СФО: количественные и качественные оценки// Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 43—60.
- Чудаева О. В.* Человеческий капитал иммиграции и реакция принимающих стран на иммиграционный процесс (из опыта западных стран)// Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. С. 50—67.
- Вандер Плойг К.* История иммиграционной политики в Канаде// Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России/ Под ред. Г. Витковской. М.: Гендальф, 2002.

РАЗДЕЛ IV

«КАПИТАЛИЗАЦИЯ» ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЯН

-
- ГЛАВА 21. Образовательные и профессиональные стратегии молодежи: сигналы среды и индивидуальные мотивы
- ГЛАВА 22. Творческий потенциал научной молодежи: стимулы и барьеры его реализации
- ГЛАВА 23. Социальный капитал как фактор конкурентоспособности на российском рынке труда
- ГЛАВА 24. Социальный капитал сибирского села
- ГЛАВА 25. Повседневные практики селян как отражение использования человеческого потенциала
- ГЛАВА 26. Социальная ответственность бизнеса как фактор развития человеческого капитала

Способность молодежи не только приобщаться к общественным нормам и ценностям, но и переосмысливать их, воспринимая новые тенденции, отражается и на такой сфере общественных отношений, как рынок труда. Молодежь, включающаяся в сферу занятости, представляет собой социальную группу, которая дает возможность изучить, как каждая новая когорта подготовленных молодых специалистов, с одной стороны, сталкивается со сложившейся на данный момент ситуацией на рынке труда и вынуждена к ней адаптироваться, с другой стороны, — сама влияет на данную ситуацию тем, что предъявляет определенные требования к потенциальному рабочему месту, пытаясь реализовать свои предпочтения и установки в сфере труда и профессиональной деятельности, свой профессиональный потенциал и личностные качества.

Особенности процесса самоопределения российской молодежи в период выхода на рынок труда

Трудоустраивающаяся молодежь сталкивается с тем, что рынок труда в России еще далек от норм социального партнерства между его основными субъектами: работодателями—работниками и соискателями работы—государством. Специфику рынка труда в России отмечают многие исследователи: большая доля теневой занятости, распространенность вторичной занятости, скрытая безработица, достаточно жесткая сегментация рынка труда, диктат работодателя, устанавливаемые им дискриминационные требования (например, по полу, возрасту, наличию маленьких детей, опыту работы для выпускников учебных заведений и др.), социальная незащищенность работника, стремление работодателя и государства (как работодателя и как посредника) экономить на развитии человеческих ресурсов, и другие особенности [Занятость..., 1998; Пошевнев, 1998; Четвернина, Ломоносова, 2001; Граф, 2000; Монусова, 2001; Попова, Седова, 2004]. В дополнение к этим особенностям можно добавить и еще одну (важную для целей нашего исследования) — «дualность» российского рынка труда, т. е. существование государственного и негосударственного секторов с разными системами оплаты труда, принципами подбора персонала, стимулами к труду, возможностями для построения карьеры и т. д.

Другие характеристики состояния рынка труда дают трудовое поведение и трудовая мотивация работников. В период системного кризиса общества, сопутствующего российским рыночным экономическим реформам, подрывалась мотивация россиян к эффективному труду и честному бизнесу, создавалась почва для морального и правового нигилизма, размывания представлений людей и особенно молодежи о социально одобряемых и социально не одобряемых видах поведения [Чупров, 1998; Рубан, 1999; Лапин, 2000].

Типы поведения на рынке труда профессионально подготовленной молодежи начинают формироваться уже на этапе завершения профессионального образования. Студенты и учащиеся выпускных курсов — это та категория молодежи, для которой слова «поиск работы», «конкурентоспособность на рынке труда», «вакансии», «трудоустройство» из отвлеченных понятий начинают приобретать достаточно реальный смысл, наполняются личностным отношением, нередко подкрепленным собственным опытом или опытом друзей и знакомых. В связи с изменением ситуации на рынке труда особый интерес социологов стали вызывать, во-первых, студенческая занятость, во-вторых, трудоустройство профессионально подготовленной молодежи и возможности работы по специальности.

Ряд исследователей в последнее время обращает внимание на то, что проблемы в трудоустройстве выпускников заложены в сложившемся рассогласовании рынка образовательных услуг и рынка труда. В то же время характер этого рассогласования в разных регионах носит разный характер. Так в Уральском ФО и в Новосибирской области с конца 1990-х наблюдается стабильный спрос на рабочие профессии, не престижные у выпускников школ. При этом численность квалифицированных рабочих, выпускаемых системой начального профессионального образования, сократилась лишь относительно (по сравнению с выпускниками вузов), но практически не снизилась абсолютно. «Возникает нехватка специалистов со средним специальным образованием и переизбыток специалистов с начальным и высшим уровнем профессионального образования» [Нещадин и др., 2005. С. 109].

По данным Г. Е. Зборовского и Е. А. Шуклиной, в группе профессий, предполагающих наличие высшего образования, к трудоизбыточным профессиям в Уральском ФО в этот период стали относиться профессии бухгалтера, экономиста, воспитателя, мастера, менеджера. «Так, предложение менеджеров разного уровня превышает спрос более чем в 2 раза, юристов почти в 2 раза, экономистов на одну треть. В высших учебных заведениях, тем не менее, продолжается массовая подготовка специалистов по этим профессиям» [Зборовский, Шуклина, 2003. С. 102—103]. Напротив, в Поволжье (в г. Самара) отмечалось перепроизводство специалистов технических специальностей [Фазульянова, 2000. С. 450—451].

По мнению одних исследователей, именно неудовлетворенный спрос в ряде сегментов рынка труда как на качество, так и на количество

подготавливаемых системой образования специалистов стал ощутимым препятствием роста российской экономики [Нещадин, 2000]. По мнению других исследователей [Гимпельсон, 2004], ситуация лишь внешне выглядит как структурное рассогласование спроса на рынке труда и предложения со стороны системы профессионального образования. Так, данные проведенного ЦТИ ГУ—ВШЭ совместно с ВЦИОМ-А обследования руководителей 304 промышленных предприятий в 30 регионах России показали «картину почти тотального дефицита человеческого капитала в промышленности»*. Анализ свидетельствует, что «декларируемая потребность предприятий в квалифицированных кадрах является, по крайней мере частично, виртуальной и порождена неэффективностью производства. Основная причина дефицита специалистов заключается в неспособности (или нежелании) предприятий платить своим работникам конкурентную заработную плату» [Гимпельсон, 2004. С. 94].

Таким образом, даже по этим нескольким приведенным публикациям видно, что у исследователей пока нет единого мнения о том, в чем именно состоит «дефект» в согласовании рынка образовательных услуг и рынка труда. Для решения данной проблемы под эгидой Петрозаводского госуниверситета проводятся Интернет-конференции «Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России» (в 2004, 2005, 2006, 2007 гг.), привлекающие большое число участников. Присланные научные статьи содержат большое количество материалов о применяемых в регионах вполне успешных практиках согласования этих двух рынков. Отмечается, что для дальнейшего решения проблемы наряду с локальными практиками в России необходимо развивать институциональные формы регулирования и координации взаимодействия рынков труда и образовательных услуг, как это давно делается в развитых капиталистических странах: государственные и негосударственные координирующие организации и посреднические структуры, обеспечивающие постоянные связи между миром труда и миром образования (отраслевые советы, комиссии, экспертные советы, занимающиеся отраслевыми стандартами, оценкой качества профподготовки выпускников и т. д.); правительственные и/или региональные программы, действующие через разнообразные комиссии и другие входящие в них структуры; налаженные каналы информации; разные формы участия бизнеса в подготовке и переподготовке кадров (в том числе система заказов со стороны объединений работодателей или крупных корпора-

* О недостаточной численности персонала в целом заявили 42 % предприятий, о нормальной численности — 55 % и лишь 3 % — о избыточной. Практически для всех предприятий, даже с нормальной укомплектованностью (под текущий выпуск), был характерен структурный дефицит. Среди предприятий, жалующихся на недостаточную численность занятых, 66 % нуждались и в специалистах, и в квалифицированных рабочих, еще 32 % указывали на нехватку квалифицированных рабочих. Среди предприятий с нормальной численностью занятых 23 % нуждались и в специалистах, и в рабочих, 31 % — только в рабочих, а 8 % — лишь в специалистах.

ций); участие учебных заведений в трудоустройстве выпускников (например, центры трудоустройства выпускников при вузах); развитое социальное партнерство профсоюзов, работодателей и работников; участие бизнеса в разработке содержания обучения и выпускных квалификаций, а также независимая оценка этих квалификаций (например, через национальные советы, ассоциации методических центров и т. д.); разные формы концентрации и интеграции образовательных ресурсов и др. Напротив, в России уровень институционализации взаимодействия рынка труда и профессионального образования остается низким [Алашеев и др., 2005].

Наши исследования показывают, что в условиях сложившегося несогласования рынка образовательных услуг и рынка труда как субъекты системы образования, так и субъекты рынка труда выработали различные модели и практики поведения, результатом которых стало частичное преодоление этого несогласования. В частности, за счет налаживания «социальных сетей» и способов самоорганизации на локальном уровне сформировались практики и модели поведения, способствующие работодателям найти требуемых работников, а молодым специалистам и квалифицированным рабочим — устроиться на подходящую работу.

Остановимся на этом вопросе более подробно. Рассмотрим, как реализуются в современном российском обществе профессионально-трудовые стратегии молодежи, получившей профессиональное образование (работники и безработные). Для этого определим следующие задачи:

изучение взаимосвязи образовательного и трудового поведения;

изучение влияния достигнутого уровня образования на различные аспекты трудового поведения;

выявление типичных черт трудового поведения у разных групп молодежи;

определение наиболее значимых факторов, влияющих на дифференциацию трудового поведения.

В частности, в отношении профессионально подготовленной молодежи будут рассматриваться: представления молодых работников об успешной трудовой карьере; выбор ими способов реализации карьерных устремлений и жизненно значимых целей; возможности использования молодыми работниками и безработными своего человеческого капитала; желание и возможности подготовленных специалистов и рабочих работать по специальности.

Эмпирической базой исследования послужили социологические обследования разных групп молодежи, получивших профессиональное образование*:

* Обследования проведены коллективом: В. П. Бусыгин (рук.), Н. М. Арсентьева, И. И. Харченко, при поддержке РГНФ и при содействии департамента ФГСЗН и Управления труда и занятости населения администрации Новосибирской области. Инструментарий обследований разработан этим же коллективом.

а) в 2002 г. по анкете «Занятость молодежи» в областном центре и районах Новосибирской области опрошено 760 молодых (до 30 лет) безработных, получивших профессиональное образование (ПУ, ССУЗ, вуз);

б) в 2003 г. по анкете «Трудовая карьера молодежи» опрошено 860 молодых (до 30 лет) работников, имеющих профессиональное образование, на 95 предприятиях, организациях, фирмах в областном центре и районах Новосибирской области.

Методологический подход к изучению процесса самоопределения молодежи в период выхода на рынок труда

Исследование базируется на методологическом подходе, рассматривающем молодежь, с одной стороны, как *объект* воздействия социальных институтов и общества в целом, и с другой стороны, как *субъект* собственного самоопределения в системе образования и профессионально-трудовой сфере, как субъект, реализующий собственные жизненные стратегии.

Под **самоопределением** молодежи понимается процесс становления личности, субъекта деятельности, включающий в себя также достижение устойчивых социальных позиций к определенному возрастному рубежу. Деятельностью составляющей процесса самоопределения является реализация жизненных стратегий.

В социологии понятие «жизненные стратегии» стало особенно востребовано в постсоветский период, когда в жизни общества и людей появилась значительная вариативность. Так, в отечественной социальной науке в начале 1990-х гг. появились работы по соответствующей проблематике [Абульханова-Славская, 1991; Наумова, 1995].

Соотношение понятий «жизненная стратегия» и «жизненный план» определяется следующим образом. *Жизненный план* представляет собой «проект» или «программу», содержащую последовательность действий, их продолжительность и образ результата. Стратегия может включать в себя совокупность конкретных планов, программ, но только этим она не ограничивается. *Жизненная стратегия* предполагает комплекс действий и отношений, в основе которых лежит та или иная система ценностей. В то же время в отличие от плана жизненная стратегия может быть не четкой программой, а лишь общим замыслом, концепцией «конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности» [Резник, Смирнов, 2002].

План — это всегда некоторое намерение, а собственно реализация этого плана, воплощение его в реальном поведении, практическом опыте молодых людей — это уже стратегия, т. е. действие в соответствии с некоторым планом и корректировка этого плана в зависимости от требований времени и в соответствии со своими жизненными приоритетами и принципами.

В данном исследовании стратегии характеризуются:

- а) моделями реального или прожективного поведения;
- б) типами установок на тот или иной результат (результаты) деятельности;
- в) типами установок на тот или иной способ (способы) достижения цели.

Конкретными формами реализации жизненных стратегий являются *образовательные* и *профессиональные* стратегии, которые включают процессы, связанные с выбором молодым поколением вариантов получения профессионального образования, выбором и получением профессии, реализацией трудовой карьеры, происходящие в форме самоопределения (социально-статусного, профессионального, ценностного, личностного и пр.) и реализации определенных моделей поведения в сферах образования и занятости.

Под *моделью поведения* понимается аналитическая конструкция, формируемая на основе определенных аспектов реального поведения субъектов (например, субъектов рынка образовательных услуг или рынка труда), представляющая собой тип поведения в сочетании с мотивами этого поведения, опирающегося или ориентирующегося на определенные ресурсы.

Представление о механизме формирования стратегий и типов трудового поведения молодежи в период выхода на рынок труда схематически отражено на рис. 21.1. На схеме отражено, что результатом завершения «школьного» этапа самоопределения становится сформировавшийся у выпускника школы (обычно поддерживаемый семьей) *спрос на профессиональное образование*. Удовлетворение этого спроса зависит от конкретной ситуации на рынке образовательных услуг и от действий, в том числе упреждающих, субъектов этого рынка. Со стороны учреждений профессионального образования эти упреждающие действия связаны, в частности, с различными способами привлечения будущих абитуриентов. Со стороны выпускников школ к упреждающим действиям относятся разные виды активности, повышающие их шансы на поступление.

На реализацию образовательных намерений молодежи влияют и другие факторы и обстоятельства, которые условно подразделяются на ресурсы и барьеры (препятствия).

Далее представлен механизм формирования стратегий и типов трудового поведения молодежи в период выхода на рынок труда. При этом считается, что в качестве субъектов рынка труда выпускники персонализируют исходящее от системы профессионального образования предложение труда.

Поведение выпускников на рынке труда характеризуется:

- трудоу мотивацией (к труду вообще, к работе по специальности, к карьере, соотношением материального и морального в структуре мотивов и др.);
- способами поиска работы;

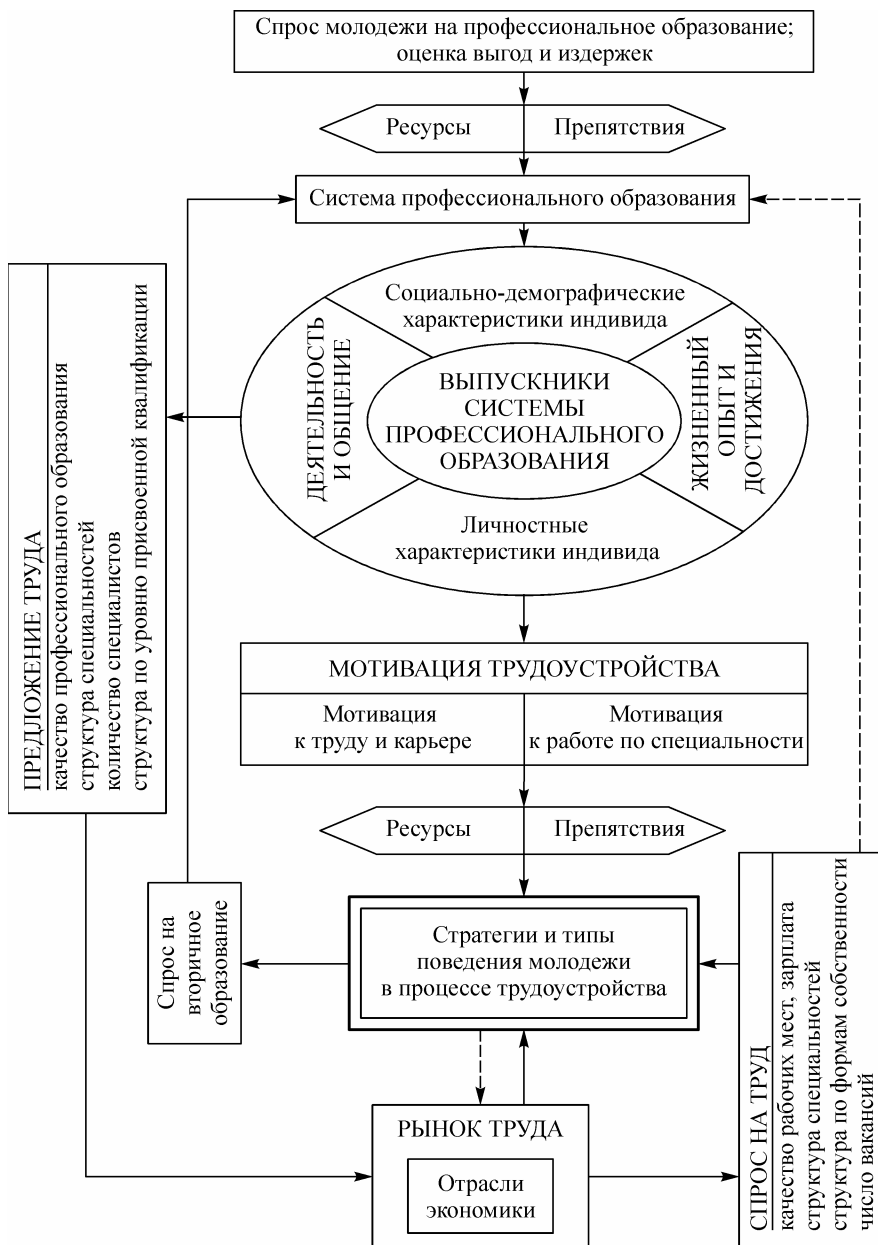

Рис. 21.1. Схема теоретического представления о механизме формирования типов поведения в процессе трудоустройства у выпускников системы профессионального образования.

системой предпочтений и приоритетов (в отношении подходящих видов профессиональной деятельности, оплаты, содержания и условий труда);

имеющимся трудовым опытом;

имеющимся опытом поиска работы.

Поведение выпускников на рынке труда дифференцируется в зависимости от их человеческого капитала (в том числе уровня, качества и специфики полученного профессионального образования), от располагаемых ресурсов (материальных, личностных, социальных) и от социально-демографических характеристик. На результативность этого поведения влияют как общая институциональная структура рынка труда, так и конкретная ситуация на локальном рынке труда, которая определяется соотношением предложения и спроса на труд в целом или в определенном его сегменте — профессиональном, отраслевом и др.

В то же время и сама система профессионального образования формирует *предложение труда*, имеющее свою структуру (структура специальностей; количество подготовленных специалистов; структура по уровню образования и присвоенной квалификации, по качеству профессионального образования и др.). Отрасли экономики формируют *спрос на труд*, имеющий свою структуру (качество вакантных рабочих мест; уровень заработной платы; востребованные специальности; структура по формам собственности; число вакансий и др.).

Совпадение интересов выпускника с интересами работодателя (т. е. трудоустройство) зависит: со стороны первого — от его притязаний и от удовлетворенности характеристиками потенциального рабочего места, а со стороны второго — от удовлетворенности характеристиками потенциального работника, например, полученного им профессионального образования, предыдущего опыта работы, личностных качеств и др. В то же время, чтобы эта ситуация могла иметь место, необходимо взаимодействие субъектов на рынке труда (соискателей работы, работодателей, посреднических структур), которое реализуется через их поведение или деятельность.

В целом на данной схеме (см. рис. 21.1) отражена **сфера взаимодействия системы образования и рынка труда**, представляющая собой социальную сферу, в которой: 1) прямо или косвенно через информацию, «сигналы» взаимодействуют субъекты рынка образовательных услуг (абитуриенты, менеджеры и преподаватели образовательных учреждений и др.) и субъекты рынка труда (соискатели работы, работодатели, посредники и др.) и вырабатываются определенные правила и нормы такого взаимодействия; 2) студенты и выпускники системы профессионального образования выступают в качестве субъектов рынка труда; 3) координируются объемы и структура подготовки студентов по конкретным специальностям в системе образования в соответствии с объемом и структурой потребностей рынка труда в рабочей силе.

В сфере взаимодействия системы образования и рынка труда проявляются следующие особенности ее функционирования:

а) хотя система профессионального образования и играет роль «обслуживающую», а не формирующую спрос населения на определенные профессии, но, тем не менее, в целом ряде ситуаций она обладает и собственным влиянием на выбор молодым человеком той или иной профессии;

б) несмотря на известную инертность и автономность системы образования и происходящих в ней процессов, рынок труда (и его институциональное устройство) оказывает определенное влияние на эти процессы, и такое влияние осуществляется, в частности, через модели поведения молодежи на рынке образовательных услуг и на рынке труда. На формирование этих моделей поведения влияют «сигналы» рынка труда о социальном потенциале рабочих мест (оплате тех или иных видов труда, их престижности, условиях труда) и об имеющихся вакансиях, а также «сигнал» рынка труда об установлении высшего образования в качестве критерия отбора претендентов на многие привлекательные (доходные) вакансии*;

в) складывающиеся жизненные стратегии и типы поведения отражают как индивидуальные особенности и предпочтения их носителей, так и состояние и противоречия тех социальных институтов и социальных систем, при участии которых они формируются, и тех, на которые они направлены. Реализация образовательных и профессиональных стратегий происходит не только в системе образования и в сфере занятости (и соответственно зависит от их состояния), но и в сфере взаимодействия системы образования и рынка труда (и соответственно зависит от ее состояния).

Применение данной методологической схемы исследования дает возможность изучать деятельность молодежи по реализации образовательных и профессиональных стратегий во взаимосвязи с условиями этой деятельности.

Среди конкретных социологических показателей будут использоваться показатели трудового поведения молодежи. Под *трудовым поведением* профессионально подготовленной молодежи (работников, безработных) в исследовании понимаются способы поиска и получения работы и действия (реальные и прожективные) по реализации карьерных устремлений и жизненных целей в сфере занятости и профессиональной деятельности.

Трудоустройство профессионально подготовленной молодежи

Среди опрошенных молодых работников и безработных были выделены четыре группы: 1) выпускники вуза (имеется законченное высшее

* Исследования о «сигналах» рынка труда активно ведутся за рубежом, например [Gray et al., 1996; Russell, Murphy, 2003]. Среди отечественных авторов идею о существовании и различном характере таких сигналов («истинные» и «ложные») высказали в разное время В. Гимпельсон и Н. М. Арсентьева [Гимпельсон, 2004; Арсентьева и др., 2006].

образование); 2) выпускники ССУЗа (наиболее высокое образование из всех имеющихся — законченное среднее профессиональное); 3) выпускники ПУ (наиболее высокое образование из всех имеющихся — законченное начальное профессиональное); 4) прочие (различные категории «недоучившихся», не имеющие законченного профессионального образования, в том числе закончившие лишь профессиональные курсы, обучавшиеся ранее или на момент опроса на курсах предприятий, на курсах службы занятости населения, на рабочем месте с наставником, впервые обучавшиеся в профессиональных учебных заведениях любого уровня — вузах, ССУЗах, ПУ).

Поведение молодых безработных на рынке труда

В составе безработных наибольшую группу составили выпускники ССУЗов (36 %), наименьшую — выпускники вузов (19 %). Остальные две группы были примерно равны по численности: выпускники ПУ — 24 %, выпускники курсов и все остальные обучающиеся впервые — 22 %. Средний возраст опрошенных безработных составил 22,6 года, в том числе выпускников вузов — 24,3 года, ССУЗов — 22,8, ПУ — 22,1 и в группе «прочих» — 21,7 года.

Различия в трудовом поведении четырех групп безработных представлены данными табл. 21.1.

Из всех безработных *выпускники вузов* выделяются наиболее активным поведением на рынке труда. Во-первых, у них самый маленький срок пребывания в состоянии безработицы (0,59 лет по сравнению с 0,86 по всем опрошенным). Во-вторых, их действия по поиску работы носят целенаправленный характер, сочетая в себе не только ожидание предложений от службы занятости населения (СЗН), но и высокую собственную активность. Она подкрепляется рядом персональных преимуществ: высокими коммуникативными качествами, владением дополнительными профессиональными навыками, востребованными работодателями, и др. При этом их притязания к будущей работе носят вполне обоснованный характер с учетом имеющихся у данной группы возможностей. В-третьих, среди всех групп безработных именно молодые люди с высшим образованием более всего тяготеют теми сторонами безработицы, которые связаны с потерей профессионального статуса, возможной утратой квалификации. В подтверждение этого вывода можно привести мнение опрошенных нами в качестве экспертов специалистов СЗН, которые называли молодых безработных с высшим образованием их случайными клиентами: «Через месяц-другой их здесь не будет; ... если мы им не найдем подходящую работу, то они найдут ее сами».

Для группы *выпускников ССУЗов* характерен средний уровень активности в поиске работы. Отличительная черта этой группы — высокая занятость на учебе, главным образом в вузе, где в заочной или вечерней формах учился почти каждый второй (42 %). Эта черта накладывает от-

Таблица 21.1

Характеристики трудового поведения молодых безработных и их отношение к некоторым ситуациям на рынке труда (Новосибирская область, 2002 г.)

Показатель	Всего	В том числе по уровню завершеного образования — выпускники			
		вузов	ССУЗов	ПУ	«прочие»
Средние значения					
Число учебных заведений (УЗ)*	1,43	1,54	1,77	1,44	0,87
Число мест работы	0,96	0,95	1,00	0,97	0,91
Срок безработицы, лет	0,86	0,59	0,84	1,00	1,00
Число дополнительных профессий (помимо полученных в УЗ)	0,56	0,46	0,64	0,59	0,49
Относительные показатели (доля ответивших), %					
Ищут работу по специальности (на момент опроса)	49	60	64	48	17
Никогда не работали до постановки на учет в СЗН	42	49	40	38	43
Имеют в своей трудовой биографии место работы по специальности	27	36	32	25	17
В состоянии безработицы их беспокоит невозможность работать по специальности (наряду с другими трудностями)	30	53	37	18	13
Им нравится/нравилась приобретенная специальность (по которой получен диплом)	71	68	76	67	Н. д.
Прошли/проходят переобучение на курсах по направлению СЗН	27	18	20	28	44
Учатся в вузах (заочно, в вечерней форме, дистанционно и др.)	22	3	42	9	21
Учатся в ССУЗах и ПУ	2	0	0,4	4	5

* Здесь и далее в число учебных заведений в образовательной биографии респондента входят вузы, ССУЗы, ПУ, профессиональные курсы, послевузовское образование, курсы повышения квалификации как законченные, так и те, где он учился на момент опроса.

печаток на поведение на рынке труда, которое можно назвать двойственным. С одной стороны, представители этой группы (так же, как и выпускники вузов) дорожат своей профессией, которую получили или получают, и хотели бы по ней работать. С другой стороны, предоставленный статус безработного, по-видимому, для них удобен, поэтому на период учебы они не торопятся с ним расстаться. Так, среди целей посещения районной СЗН выпускники ССУЗов чаще называли получение пособия и реже интересовались вакансиями. Такое поведение больше объединяет их с выпускниками ПУ, чем вузов. Выпускников ССУЗов

также «роднит» с закончившими ПУ то, что они имеют более богатый опыт как работы, так и потери работы (по сравнению с выпускниками вузов). Увольнение было связано с сокращением, трудовым конфликтом или ликвидацией предприятия у каждого третьего (32 %) выпускника ССУЗа из имевших ранее работу (против соответственно 21 % у выпускников вузов). Заметим, что выпускникам ССУЗов (в отличие от окончивших ПУ и курсы) приходится конкурировать за рабочие места с людьми, имеющими высшее образование. И, как было показано, для многих такая конкуренция отнюдь не умозрительна. Возможно, поэтому у представителей данной группы достаточно взвешенное представление о том, на какую работу они могут реально претендовать. Адекватная оценка своих возможностей подвигает многих выпускников ССУЗов на то, чтобы повысить с помощью продолжения образования в вузе свои шансы на рынке труда.

Гораздо меньше усилий (и одновременно желания расстаться со статусом безработного) проявляют выпускники ПУ и «прочие» работники (3-я и 4-я группы). Парадоксально, что именно эти группы самые заинтересованные в переобучении за счет СЗН. Они гораздо меньше, чем выпускники вузов и ССУЗов, дорожат своей профессией и готовы ее сменить, особенно, когда это не требует от них материальных затрат.

Несмотря на то, что для этих групп (по словам их представителей) гораздо более приемлем вариант «любой подходящей работы», они предпочитают подолгу не сниматься с учета в СЗН. Между тем именно для безработных с начальным профессиональным или курсовым образованием СЗН предлагает больше всего вакансий, соответственно получая именно от этих категорий больше всего отказов занять предложенное рабочее место. Данные опроса также показывают, что пожелания безработных из групп «выпускников ПУ» и «прочих» в отношении будущей работы (в отличие от выпускников вузов и ССУЗов) носят характер завышенных претензий, не подкрепленных ни личными усилиями по поиску работы, ни достигнутыми возможностями, которые и самими представителями данных категорий безработных характеризуются как весьма скромные.

Удовлетворенность полученной специальностью как фактор трудового поведения молодых работников и безработных

Результаты более ранних исследований процесса профессионального самоопределения студентов и учащихся системы профессионального образования показали наличие корреляции между обоснованностью выбора индивидом профессии и такими его характеристиками как интерес к обучению и намерение в дальнейшем работать по специальности [Харченко, 2002]. На материалах опроса молодых безработных и работников удалось показать, что этот фактор и после окончания учебного заведения продолжает влиять на реальное трудовое поведение индивида.

Те, кому не нравилась его профессия в период обучения, демонстрируют пониженную мотивацию к эффективному труду и низкую профессиональную устойчивость (табл. 21.2).

Таблица 21.2

Трудовое поведение, установки и объективные характеристики молодых безработных и работников в зависимости от того, нравится ли им (нравилась ли в период учебы) специальность, по которой получен диплом (Новосибирская область, 2002, 2003 г.)*

Показатель	Выпускники вузов		Выпускники ССУЗов		Выпускники ПУ		Весь массив	
	Нравилась	Нет	Нравилась	Нет	Нравилась	Нет	Нравилась	Нет
Безработные								
Ищут работу по специальности (на момент опроса), %	73	35	73	39	59	23	69	32
Средний срок безработицы, лет	0,52	0,76	0,84	0,87	0,96	1,10	0,80	0,92
Никогда не работали до постановки на учет в СЗН, %	54	41	41	39	47	20	46	33
Имеют в трудовой биографии место работы по специальности, %	32	45	35	20	27	21	32	27
Работники								
Работают по специальности, %	59	36	45	27	53	26	53	30
Сменяют или возможно сменяют данную работу, %	36	46	31	66	34	50	34	54
«Очень довольны» или «довольны» своей работой, %	84	70	75	66	74	41	78	60
Считают, что на данном предприятии (в организации) они смогут сделать подходящую для себя карьеру («да» + «частично да»), %	64	59	56	46	47	27	57	45
Средний размер заработной платы (за последний месяц), руб.	4188,11	3691,10	3285,90	3520,71	3269,24	3332,14	3658,85	3507,39

* В столбцах, где приведены ответы «Нет», дана сумма ответов «Не нравилась» и «Не очень нравилась».

*Трудовая карьера и стратегии ее реализации у молодых работников.
Трудовое поведение молодых работников с разным уровнем образования*

Данные опроса молодых работников показывают, что выделенные по уровню образования четыре группы молодежи также различаются трудовым поведением и его мотивацией, хотя, в отличие от безработных, они не различаются так явно степенью активности на рынке труда. У половины работников, несмотря на их молодость, настоящее место работы уже не первое. Среди способов поиска работы преобладала помощь друзей и родственников — так нашли данную работу 45 % опрошенных, второе и третье места по распространенности занимал поиск по объявлению и по приглашению работодателя (возможно, включая обязательства по контракту) — по 16 %. На этом фоне довольно скромную роль в трудоустройстве своих выпускников играли учебные заведения: 13 % опрошенных подыскивали работу во время практики на предприятиях и 4 % получили направления на работу. Весьма редко использовались такие современные способы поиска работы как рассылка резюме (2 %) и поиск через Интернет (1 %).

Различия в трудовом поведении четырех групп работников представлены данными табл. 21.3.

Несколько более разнообразные способы поиска работы по сравнению с другими группами демонстрировали выпускники вузов, которые меньше прибегали к помощи друзей и родственников (40 %) и чаще искали работу сами. При этом им чаще приходилось отстаивать свою кандидатуру перед работодателем: каждый пятый (22 %) участвовал в конкурсе или проходил собеседование при поступлении на работу (против 14 % в среднем по массиву). В отношении перемены работы выпускники вузов, ССУЗов и ПУ были настроены более умеренно, чем группа лиц с прочей профессиональной подготовкой. Если среди первых были настроены менять работу около 37 % («сменю» — 8 %, «возможно сменю» — 29 %), то среди последних — 51 %. Все же реально в трудовой биографии молодых специалистов с высшим образованием в среднем больше мест работы, чем у других выпускников, но меньше, чем у представителей группы с наиболее низким уровнем образования. Причем среди причин увольнения с предыдущих мест работы у выпускников вузов чаще встречался мотив самореализации, карьеры (15 % против 8 % в среднем), немного реже мотив заработной платы (35 % против 38 % соответственно) и реже их уход был связан с сокращением, закрытием предприятия или конфликтами (12 % против 20 %).

*Работа по специальности, ее ценность для молодых работников,
востребованность в работе знаний, полученных в период учебы*

Поскольку поведение молодых работников рассматривалось как логически связанное с поведением студентов выпускных курсов, то одной

Таблица 21.3

Трудовое поведение, установки и объективные характеристики молодых работников (Новосибирская область, 2003 г.)

Показатель	Всего	в том числе по уровню завершеного образования — выпускники:			
		вузов	ССУЗов	ПУ	«прочие»
Средние значения					
Число учебных заведений (УЗ)	1,47	1,56	1,62	1,37	0,90
Число мест работы (включая настоящее)	1,79	1,82	1,76	1,71	1,91
Заработная плата за последний месяц, руб.	3561,04	4086,46	3326,69	3341,46	2792,48
Число дополнительных профессий (помимо полученных в УЗ)	1,12	1,09	1,18	0,96	1,41
Возраст, полных лет	24,33	25,33	24,39	23,54	22,05
Относительные показатели (доля ответивших), %					
Работают в полном соответствии с полученной специальностью (на момент опроса)	48	55	41	46	44
Не имели других мест работы до настоящего места работы	50	49	48	54	46
Имеют в своей трудовой биографии место работы по специальности или близкой к ней (включая настоящее место работы)	72	79	74	68	49
Нашли настоящее место работы с по- мощью знакомых и родственников	45	40	47	45	56
Подыскивали настоящую работу во время учебы, учебной практики	13	16	11	13	1
Участвовали в конкурсе, собеседова- нии, чтобы устроиться на настоящее место работы	14	22	9	7	13
Имеют в своей трудовой биографии неудачные попытки трудоустройства	47	46	45	53	41
Им нравится (нравилась) приобретен- ная специальность (по которой по- лучен диплом)	81	83	82	76	Н. д.
Хотели бы сменить работу (сменят или возможно сменят)	39	38	38	37	51
Учатся в вузах (заочно, в вечерней форме, дистанционно и др.)	20	5	43	12	31
Учатся в ССУЗах и ПУ	2	0	1	5	5

из важных задач являлось выяснить, какова доля тех, кто работает по специальности, полученной в учебном заведении. Также нас интересовали различия между выделенными социальными группам по этому показателю.

В анкете имелся прямой вопрос «Работаете ли Вы сейчас по своей основной специальности?», но, к сожалению, он толковался респондентами неоднозначно. Хотя большинство связывали его именно со специальностью, полученной в учебном заведении, некоторые имели в виду специальность, приобретенную в процессе работы. По ответам на этот вопрос среди молодых работников примерно половина работает по основной специальности, а другая половина — нет (соответственно 53 и 47 %). Для более точного представления о том, каков характер соответствия/несоответствия выполняемой работы и полученной в учебном заведении специальности был дополнительно сформирован признак «тип соответствия». При его разработке использовались два критерия соответствия: 1) по отраслевой принадлежности профессии; 2) по социально-должностному статусу профессии. Распределение по этому признаку следующее:

<i>Тип соответствия выполняемой работы и полученной специальности</i>	<i>% к числу опрошенных</i>
1. Работа полностью соответствует отраслевой принадлежности профессии (специальности) и ее должностному статусу	38
2. Частично соответствует (в рамках одной или смежной профессиональной группы)	12
3. Соответствие отраслевой принадлежности, но более низкий социально-должностной статус	8
4. Соответствие отраслевой принадлежности и более высокий социально-должностной статус	8
5. Несоответствие отраслевой принадлежности и более низкий социально-должностной статус	16
6. Несоответствие отраслевой принадлежности и более высокий статус	5
7. Несоответствие отраслевой принадлежности, но совпадение социально-должностного статуса	10
8. Недоучились, любые специальности	4

Для большего удобства работы с этим признаком его значения были сгруппированы в три значения: 1) «полное соответствие», в которое объединены варианты 1 и 4 исходного признака («полностью соответствует» и «соответствие отраслевой принадлежности и более высокий социально-должностной статус»); 2) «частичное соответствие», в которое объединены варианты 2 и 3 («частично соответствует» и «соответствие отраслевой принадлежности, но более низкий социально-должностной статус»); 3) «несоответствие», в который объединены варианты 5, 6, 7 («несоответствие отраслевой принадлежности и более низкий социаль-

но-должностной статус», «несоответствие отраслевой принадлежности и более высокий статус», «несоответствие отраслевой принадлежности, но совпадение социально-должностного статуса»). Значение 8 в укрупненный признак не было включено (оно закодировано как отсутствие данных).

Распределение по полученному таким образом укрупненному признаку показало, что полное соответствие работы и специальности наблюдалось у 48 % молодых работников, частичное — у 20 и несоответствие — у 32 %. Причем группой, в которой наблюдается самый высокий уровень соответствия, являются выпускники вузов (у 55 % полное, у 19 — частичное и у 26 % — несоответствие). Относительно чаще, чем в других группах, ситуация несоответствия встречалась среди выпускников ПУ (у 38 %). Выпускники ССУЗов отличались повышенным удельным весом тех, чья работа лишь частично соответствует специальности по диплому (27 % от численности этой группы), и относительно более частым, чем среди выпускников вузов, несоответствием (32 %).

В то же время этот показатель весьма сильно варьирует в зависимости от формы собственности предприятия: на государственных предприятиях отмечалось наибольшее соответствие (полное — у 51 %, частичное — у 25, несоответствие — у 24 % молодых работников), несколько меньшее — на акционерных предприятиях (полное — у 54 %, частичное — у 18, несоответствие — у 27 %) и наименьшее — на частных (соответственно 35, 15 % и 51 %).

Значимые различия наблюдаются и в зависимости от типа населенного пункта. Наибольшее соответствие специальности и работы наблюдается в областном центре (полное — 55 %, частичное — 18, несоответствие — 27 %) и в селах (52, 18 и 30 % соответственно). Меньшее соответствие наблюдается в малом городе (полное — 43 %, частичное — 27 % и несоответствие — 30 %) и наименьшее — в поселках городского типа (40, 15 и 45 % соответственно).

В целом, на наш взгляд, это довольно высокий уровень соответствия, с учетом нестабильной ситуации в экономике и определенного расхождения структуры выпуска специалистов системой профессионального образования и кадровых потребностей отраслей экономики. Более того, полученные данные отражают достаточно благоприятную, по нашей оценке, характеристику рынка квалифицированного труда в Новосибирской области и ее областном центре, поскольку свидетельствуют, с одной стороны, о разнообразии рабочих мест для профессионально подготовленной молодежи, с другой, — о ценности для значительной части молодежи работы по полученной специальности. В то же время немалая часть молодежи не может найти подходящую работу при том, что на рынке труда сохраняется значительное число вакансий, в том числе и таких, которые могли бы занять выпускники системы профессионального образования.

Среди тех, кто на момент опроса работал не по специальности, каждый третий все же ранее предпринимал (хотя и безуспешно) попытки

искать работу по специальности. Остальные либо вынуждены были отказаться от работы по специальности из-за низких заработков (24 %) или по другим причинам (10 %), либо сознательно не захотели заниматься неинтересным для них делом (8 %). Причем, если безуспешные попытки найти работу по специальности были наиболее распространены в группе выпускников ССУЗов (43 %), то отказ из-за заработков был наиболее характерен для выпускников вузов (32 %). Но в целом среди тех, кто сейчас работает не по специальности, лишь чуть более половины (55 %) не пожелали бы «вернуться» к ней ни при каких условиях. Это также свидетельствует о ценности для молодежи, начавшей свою трудовую биографию, не только диплома как такового, но и предоставляемой им возможности работать по приобретенной специальности.

Полученные нами данные о соответствии приобретенной специальности и работы близки к данным, полученным Ф. Э. Шереги. По результатам обследования молодых работников через три года после окончания вуза (опрошено 2100 чел. в 12 регионах РФ, 1999 г.) этот исследователь делает вывод, что «полностью совпадает выполняемая работа и полученная специальность у 40,6 % опрошенных, совпадает частично — у 28,4 %, не совпадает, но знания частично используются — у 15,3 %, полностью не совпадает — у 12,2 %, не работают — 3,5 %» [Шереги, 2001].

В целом опрошенные молодые работники продемонстрировали достаточно хороший уровень удовлетворенности работой. Каждому четвертому его работа очень нравится, еще половине — «просто нравится», остальным работа либо не нравится, либо они «не думали об этом». Более высокий, чем в среднем, уровень удовлетворенности отмечался среди выпускников вузов. Согласовывался с хорошим уровнем удовлетворенности работой и умеренный настрой молодых работников на смену работы. Так, лишь каждый десятый точно был намерен менять работу и еще 29 % ответили, что «возможно сменят» ее.

Работа по специальности в целом способствовала большей удовлетворенности работой. Так, среди работающих в точном соответствии со своей специальностью по диплому 80 % были «очень» или «просто довольны» работой, а среди работающих не по специальности этот показатель был на 15 п. п. ниже.

Более высокий социально-должностной статус профессии по работе (по сравнению с профессией по диплому) определял высокий уровень удовлетворенности работой в этой группе опрошенных даже независимо от того, соответствует ли она полученной специальности или нет (30 % опрошенных «очень нравится их работа» и 51 % — «просто нравится»).

Напротив, менее всего были довольны своей работой те, кто работал на рабочих местах более низкого социально-должностного статуса, чем статус их специальности по диплому. В частности, если специалисты по диплому работали служащим или рабочим, тогда независимо от

того, соответствует ли их работа полученной специальности или нет, удовлетворенность работой у них была ниже (14 % опрошенных их работа «очень нравилась» и 48 % — «просто нравилась»). Именно эта категория опрошенных характеризовалась самой высокой долей намеренных сменить работу (сменят или возможно сменят 53 % против 38 % в целом по массиву).

К числу менее довольных своей работой относятся и те, кто работает не по своей специальности, но в соответствии с социально-должностным статусом профессии по диплому, например, рабочий, выучившийся по одной профессии, работает рабочим по другой профессии. В этом случае 17 % опрошенных их работа «очень нравилась» и 43 % — «просто нравилась», причем пониженная удовлетворенность работой не приводила к желанию сменить работу.

Что больше всего нравится молодежи в работе? Два самых распространенных ответа — «есть возможность приобрести опыт, квалификацию» (32 %) и «здесь хороший коллектив» (34 %). Причем первое обстоятельство относительно чаще ценили те, кто работает по основной специальности или близко к ней (38 %). Каждый четвертый молодой работник был доволен тем, что его работа «интересная» и «соответствует специальности». Причем наибольшую удовлетворенность данными обстоятельствами высказали те, чья работа полностью соответствует полученной специальности (41 и 35 % соответственно). Каждый пятый опрошенный был удовлетворен тем, что почувствовал себя самостоятельным человеком. Реже в числе особо привлекательных упоминался такой аспект работы, как общение с клиентами (19 %). Остальные моменты вызывали удовлетворенность лишь примерно у каждого десятого опрошенного: «наличие перспектив роста, карьеры» (10 %), «работа постоянная, без угрозы сокращения» (11), «работа нужна людям, обществу» (12 %). Мало тех, кто отметил в числе особо привлекательных сторон заработок (8 %) и престижность работы (2 %). Еще 10 % респондентов ответили, что им «нравится все в целом». Напротив, ответили, что в работе им не нравится ничего, только 3 %.

Таким образом, достаточно высокая удовлетворенность молодых работников своей работой в значительной мере обусловлена их удовлетворенностью содержанием труда, хорошим коллективом и в гораздо меньшей степени связана с вознаграждением за их труд и с карьерным ростом.

Нередко к системе профессионального образования предъявляются претензии (скорее всего справедливые, о чем, в частности, свидетельствуют полученные нами данные опроса студентов о низкой удовлетворенности содержанием ряда учебных курсов). Отмечается, что в ней частую учат не тому, что нужно потенциальному работодателю.

Как оценивают данную ситуацию те молодые люди, кто уже смог на деле убедиться в востребованности своих знаний? Более четверти (29 %) молодых работников отметили, что используют практически все знания,

приобретенные во время учебы (в вузе, ССУЗе или ПУ), еще треть (32 %) — используют в работе знания по конкретным предметам. Остальные ответили, что используют лишь незначительную часть знаний (22 %) либо не использует практически ничего (17 %) (соответствующий вопрос анкеты подразумевал один из четырех приведенных вариантов ответа). И хотя такая востребованность знаний отмечается в целом меньшей частью опрошенных, но суммарно эта доля составляет 39 %. Причем, если среди выпускников вузов ситуация невостребованности отмечалась примерно каждым четвертым опрошенным (28 %), что тоже не мало, то для выпускников более низкой ступени образования данная ситуация вообще носила по сути дела массовый характер (выпускники ССУЗов — 41 %, ПУ — 49 %).

Какого же рода знания являются более востребованными? Хотя для большинства (60 %) молодых работников чаще всего пригождаются в работе знания практического характера, но и тех, кто опирается на теорию (теоретические знания), достаточно много — 42 % (даже среди выпускников ПУ, которых готовят в основном к физическому труду, так ответил каждый четвертый). Пятая часть опрошенных в работе главным образом использует знания общего плана (18 %), а для 5 % — вообще не пригодилось ничего, чему их учили. Выпускники вузов используют и теоретические, и практические знания в равной степени (по 55 %). Также относительно чаще они используют знания общего плана (28 % из них используют в своей работе в основном именно такие знания).

Таким образом, большинство дипломированных специалистов и рабочих в той или иной мере использует полученный «багаж» знаний, но степень его использования невысокая. Соответственно почти половина (47 %) молодых работников считала, что их квалификация приобретена исключительно в процессе работы, причем такого мнения зачастую придерживаются и выпускники вузов (41 %), характер занятости которых в основном связан с умственным трудом. (Остальные признавали участие системы образования в этом процессе — 17 % приобрели всю необходимую для работы квалификацию, только обучившись в учебном заведении, для 36 % их квалификация — совместный итог и учебной деятельности и практической работы.) По сути дела почти половина выпускников не воспринимает свою подготовку (в том числе и вузовскую) полностью адекватной запросам рынка труда. Возможно, это объясняется быстрым устареванием той части знаний, приобретенных в период учебы, которые связаны с постоянно меняющейся информацией или использованием не таких видов техники и технологий, на примере которых их учили.

С другой стороны, нельзя забывать, что у современной системы профессионального образования есть не только «утилитарная» функция подготовки специалистов, но и функция общего развития личности студента (учащегося). С этой функцией система образования в целом справлялась относительно неплохо. Даже если молодым людям не все-

гда удавалось использовать конкретные знания по специальности, то для подавляющего большинства очевидными являются и другие «выгоды», приобретенные в период учебы. На вопрос «Что Вам дала учеба в профессиональном учебном заведении (вузе, ССУЗе, ПУ) в дополнение к приобретенной специальности?» только 6 % ответили «ничего особенного». А тремя самыми массовыми ответами были такие: «умение работать самостоятельно» (45 %), «общая эрудиция и культурный уровень» (36), «знания, умения, востребованные на любой работе» (35 %). Причем, если на первое приобретенное качество указывали одинаково часто выпускники разного уровня подготовки, то на второе и третье — гораздо чаще остальных указывали выпускники вузов (59 и 43 % соответственно). Среди других «плюсов» образования примерно каждый четвертый—пятый респондент называл умение общаться, находить с людьми общий язык (29 %), умение адаптироваться к жизненным ситуациям (26), понимание своих целей в жизни (24), уверенность в себе (21), интерес к знаниям (18 %). Хотя почти на все перечисленные обстоятельства выпускники вуза указывали относительно чаще, но и выпускники более низкой ступени профессионального образования в той или иной мере ощущали, что не только приобрели профессию, но и усилили свои личностные позиции и адаптационные возможности.

Карьерные притязания и способы их реализации

Представления выпускников о «подходящей для себя» карьере (соответствующий вопрос анкеты допускал несколько вариантов ответов) выявили достаточно массовую ориентацию на постепенный тип карьерного роста, основой которого является рост профессионального мастерства (и закономерным итогом которого, возможно, станет должностной и «зарплатный» рост). Такой тип устремлений демонстрировал в целом по массиву более чем каждый второй опрошенный (56 %), а среди выпускников вузов и ССУЗов еще большая часть (63 и 65 % соответственно). Свое дело (бизнес) в качестве наиболее подходящего варианта карьеры рассматривали 17 % опрошенных, очень высокие заработки («большие деньги») — 27 % (в том числе среди выпускников вузов эти две составляющие карьеры называли соответственно 20 и 31 %). Менее распространенными были такие карьерные устремления, как «руководящая должность в органах управления» (5 %), «руководящая должность на (каком-либо) предприятии» (11), «руководящая должность на данном предприятии/организации» (8), «высокие звания, регалии» (5), «известность, слава» (2 %). Хотя все ответы по этим позициям среди выпускников вузов были на несколько процентных пунктов выше, чем в среднем, но и в этой группе они не были преобладающими. Мало привлекательным оказался такой вариант карьеры, как оплата труда, «оторванная» от карьерного роста (13 %). Этот вариант показался относительно привлекательным лишь выпускникам ПУ, каждый четвертый из которых со-

гласился, что ему «все равно, какую иметь должность, лишь бы хорошо платили». И совсем незначительной оказалась группа выпускников, ответивших, что их приоритеты лежат вне работы (6 %).

Другой характеристикой карьерных устремлений молодых работников является оценка условий для реализации этих устремлений. Около трети опрошенных (30 %) оценили те возможности, которые им дает работа на данном предприятии (организации), как вполне благоприятные и достаточные для своего карьерного роста. Еще каждый четвертый (24 %) оценил эти возможности как благоприятные, но лишь для карьерного старта (считал, что только частично сможет достигнуть поставленных целей, работая на данном предприятии). Напротив, 27 % — считали, что на данном предприятии им не удастся достигнуть поставленных целей. Остальные 19 % не имели определенной точки зрения по этому вопросу. Причем, если выпускники вузов относительно чаще склонялись к благоприятным оценкам (ответили «да» — 34 % и «только частично» — 29 %), то выпускники ПУ — к неблагоприятным (ответили «нет» — 34 % и «не знаю» — 23 % из них).

Среди условий, дополнительно требующихся молодым работникам для реализации успешной карьеры, наиболее часто назывались связанные с собственными усилиями: повышение образования (42 %), повышение квалификации (44) и упорство, трудолюбие (28 %). Все три направления предполагаемых усилий относительно больше были распространены среди выпускников вузов (в частности, последнее обстоятельство в этой группе отметили 38 %). Условиями второго плана явились внешние обстоятельства: улучшение ситуации в российской экономике (27 %), изменение системы оплаты труда (25), улучшение экономического положения предприятия (17), поддержка семьи (11 %) и другие. В то же время более чем каждый пятый молодой работник (22 % в целом и 25 % среди выпускников вузов) был настроен более радикально, предпочитая не ждать изменений, а искать лучшие условия самостоятельно («не бояться менять работу, искать где лучше»).

В целом на какие «ресурсы» рассчитывают молодые работники в реализации своих жизненных планов? Заметим, что более всего молодежь намерена воспользоваться своими личными качествами и преимуществами — хорошее здоровье (48 %), трудолюбие, работоспособность (45), уверенность в себе (46), умение ладить с людьми (32), хорошая профессиональная подготовленность (32), инициатива, настойчивость (27 %). Причем намерение опираться именно на эти качества выпускники вузов отмечали относительно чаще, чем представители группы с более низким образованием. Среди внешних обстоятельств молодежь чаще всего уповала на такие возможности, как материальная обеспеченность (40 %), удачное трудоустройство (39) и связи с нужными людьми (34 %). Заметим, что социальные связи относительно чаще называли выпускники вуза, чем представители других групп. Остальные внешние обстоятельства (например, такие как политика государства, поддержка родите-

лей, жизнь в крупном городе, работа по специальности) гораздо реже рассматривались как «ресурсы» или обстоятельства, на которые следует уповать или которыми можно реально воспользоваться для реализации своих жизненных планов.

Напротив, в качестве основных препятствий, мешающих реализовать жизненные планы, молодые работники называли внешние обстоятельства и наиболее часто — низкие материальные возможности (53 %). Кроме того, почти каждому третьему опрошенному препятствием служило отсутствие жилья (29 %). Каждые третий отмечал как препятствие нестабильность в стране (33 %), к этому же мнению можно присовокупить и политику государства (25 %). Еще 18 % мешало отсутствие личных связей. Другие внешние обстоятельства назывались гораздо реже. Самым часто упоминаемым личностным препятствием служило недостаточно хорошее здоровье (24 %), все остальные неблагоприятные личные качества отмечались крайне редко.

Для части молодых работников (18 %) успешное должностное продвижение уже началось. Относительно чаще в такой благоприятной ситуации оказывались выпускники вузов, 27 % из которых получили более высокую должность, чем та, на которую они были приняты на данное предприятие. Горизонтальная должностная мобильность встречалась реже (у 10 % молодых работников), а нисходящая — практически не наблюдалась (1,2 %). В то же время, как уже отмечалось, четверть молодых работников (24 %) не смогла получить работу, соответствующую должностному статусу приобретенной профессии.

Трудовые ценности и трудовая карьера молодых специалистов: результаты математико-статистического анализа

Содержательный анализ первичных данных социологических опросов показал, что поведение разных групп профессионально подготовленной молодежи на рынке труда и в сфере занятости различается. Далее ставилась задача проверить гипотезу о том, что наблюдаемые различия в поведении носят типический характер, т. е. представляют собой некие модели поведения, обусловленные определенными факторами (объективными, субъективными). Для этого были применены методы математико-статистического анализа.

Были определены конкретные шаги:

1) выявить, какие факторы повлияли на то, что одни выпускники профессиональных учебных заведений работают по специальности, а другие — не по специальности;

2) выявить, какие факторы повлияли на то, что, оказавшись в ситуации безработицы, одни выпускники профессиональных учебных заведений ищут работу по специальности, а другие не по специальности;

3) построить типологию молодых работников, различающихся представлением о подходящей для них карьере;

4) построить типологию молодых работников по отношению к предпочитаемым способам достижения жизненных целей;

5) построить типологию молодых безработных, различающихся отношением к собственной ситуации безработицы, предпринимаемыми усилиями и способами поиска работы.

На шагах 1 и 2 использовался метод бинарной логистической регрессии и контрольных проверок на зависимость/независимость признаков с помощью парных распределений с вычислением χ -квадрат- и Z-статистик (стандартизированного смещения частоты). На шагах 3, 4 и 5 использовалось сочетание методов факторного анализа с последующим кластерным анализом, выполненным на основе полученных факторов. Применялся метод быстрых кластеров. На всех шагах применялся статистический пакет SPSS.

Выполненные в соответствии с запланированными шагами расчеты показали следующие результаты.

Для определения того, наблюдаются ли типические различия среди молодых работников по таким составляющим профессионально-трудовых стратегий, как карьерные устремления (цели) и способы их осуществления (средства), методом сочетания факторного и кластерного анализа были построены две типологии работников: 1) по карьерным устремлениям; 2) по способам достижения жизненных целей и карьерных устремлений.

Факторный анализ проводился для сжатия пространства исходных дихотомических признаков, чтобы группирование объектов методом кластерного анализа выполнялось уже в этом «сжатом» пространстве.

ТИПОЛОГИЯ 1 по карьерным устремлениям построена на основе ответов на вопрос анкеты «Какую карьеру Вы считаете подходящей для себя?». Был сделан факторный анализ, результаты которого приведены в табл. 21.4. Далее в пространстве полученных факторов был проведен кластерный анализ. Как лучше всего содержательно интерпретируемый был выбран вариант, в котором количество кластеров совпадало с количеством факторов.

Было получено четыре кластера: 1 (20 объектов) — связан с факторами 1 и 2; 2 (128 объектов) — связан с факторами 1 и 3; 3 (362 объекта) — связан с факторами 2 и 4; 4 (352 объекта) — связан с фактором 3.

У молодых работников было выявлено четыре типа *установок на трудовую карьеру*, различающихся уровнем карьерных притязаний (они представлены четырьмя кластерами): 1) «престижная социальная позиция» — ориентированные на власть, звания, регалии, известность, славу и уже имеющие опыт в их достижении (этот тип установок демонстрировали 2,3 % респондентов); 2) «целенаправленный профессиональный рост» — ориентированные на профессиональный успех, основанный на профессионально-квалификационном росте, и соответствующее ему хорошее материальное вознаграждение, представляющие как этого добиться и имеющие соответствующие возможности (14,8 %); 3) «высокие

Таблица 21.4

**Факторный анализ представлений молодых работников
о подходящей для себя трудовой карьере.
Матрица факторных нагрузок после вращения факторов**

«Какую карьеру Вы считаете подходящей для себя?»	Факторы*			
	F1	F2	F3	F4
V36_A1 — занять руководящую должность в органах управления	0,350	0,254	0,172	0,043
V36_A2 — занять руководящую должность на предприятии (организации, фирме)	0,155	0,030	0,616	0,129
V36_A3 — занять руководящую должность на предприятии, где работаю сейчас	-0,008	-0,044	0,795	-0,153
V36_A4 — стать квалифицированным специалистом, мастером своего дела	0,000	-0,734	-0,237	-0,442
V36_A5 — иметь свое дело	0,038	-0,008	-0,047	0,910
V36_A6 — зарабатывать большие деньги	0,535	-0,178	0,089	0,202
V36_A7 — добиться высоких званий, регалий и т. д.	0,627	-0,089	0,173	-0,102
V36_A8 — добиться известности, славы	0,740	0,071	-0,124	-0,001
V36_A9 — все равно, какую иметь должность, лишь бы хорошо платили	-0,112	0,805	-0,227	-0,253

* F1 — «Успех, признание и высокие заработки»; F2 — «Все равно, какую иметь должность»; F3 — «Руководящая должность на предприятии»; F4 — «Иметь свое дело».

заработки без должностного роста) — ориентированные на карьеру, мало связанную как с приобретенной специальностью, так и с фактическим местом работы, выражающуюся либо в высоком заработке независимо от занимаемой должности, либо в получении должности руководителя в управленческих структурах или на предприятии (возможно, на должности бригадиров), либо в организации своего дела (особенность этой группы в том, что ее представители слабо себе представляют, какими способами и какими конкурентными преимуществами они смогут этого добиться) (42 %); 4) «постепенный (закономерный) профессиональный рост» — ориентированные на карьеру руководителя на том предприятии/в организации, где они в настоящее время работают, либо на профессионально-квалификационный рост, сочетающийся со скромными материальными притязаниями (41 %).

Установлена статистически значимая связь (по Z-критерию) кластеров со следующими объективными характеристиками. В кластере 1 повышена доля мужчин; лиц с высшим образованием; занятых в науке; проживающих в областном центре. В кластере 2 повышена доля лиц с высшим образованием; работающих в учреждениях профессионального образования (вузы, ССУЗы) либо в фирмах, обслуживающих функционирование рыночной экономики; имеющих место работы в област-

ном центре. В кластере 3 — лиц с начальным профессиональным образованием; работающих рабочими; работающих не по специальности. В кластере 4 — выше доля лиц со средним специальным образованием, работников просвещения (средние школы); имеющих место работы за пределами областного центра; в возрасте 26—30 лет.

Заметим, что кластер (группа) 3 — самый большой по численности и самый «нестратегический», т. е. либо у его представителей вообще отсутствует ориентация на карьерный рост, либо у них отсутствует представление о том, как добиться своих целей. Несмотря на то, что в этой группе значимое смещение в сторону выпускников ПУ, в нее вошел каждый третий выпускник вуза и каждый третий — ССУЗа (по 36 % от их численности).

ТИПОЛОГИЯ 2 молодых работников по способам достижения целей в сфере труда (соответствующий вопрос в анкете представлен в табличной форме). Был выполнен факторный анализ (результаты которого приведены в табл. 21.5). Далее в пространстве полученных факторов был проведен кластерный анализ. Как лучше всего содержательно интерпретируемый был выбран вариант, в котором количество кластеров совпадало с количеством факторов. Кластер 1 (17 объектов) — связан с факторами 1 и 3. Кластер 2 (218 объектов) — связан с фактором 1. Кластер 3 (415 объектов) — связан с фактором 2.

Таблица 21.5

Факторный анализ готовности молодых работников использовать те или иные способы достижения целей и карьерного успеха. Матрица факторных нагрузок после вращения факторов

«Какими возможностями Вы готовы воспользоваться (или на какие трудности готовы пойти) ради достижения своих жизненных целей, карьерного успеха?»	Факторы*		
	F1	F2	F3
К_38_1 — Вкладывать деньги в продолжение своего образования	-0,01	0,72	-0,03
К_38_2 — Взять кредит в банке под проценты, чтобы открыть свое дело	-0,05	0,22	0,68
К_38_5 — Участвовать в конкурсах на получение должности, контракта и др.	0,08	0,72	0,03
К_38_6 — Работать в тяжелых условиях, чтобы заработать много денег	0,64	-0,14	0,11
К_38_7 — Завербоваться по контракту на службу в армии	0,15	-0,23	0,53
К_38_8 — Жертвовать отдыхом, свободным временем ради карьеры	0,71	0,38	-0,03
К_38_9 — Жертвовать отдыхом, свободным временем ради заработка	0,83	0,04	0,02
К_38_10 — Вступить в «деловые» отношения с лицами из преступного мира	0,02	-0,01	0,68

* F1 — «Тяжелый труд, жертвы»; F2 — «Образование, участие в конкурсах»; F3 — «Риск, бизнес, контракт».

В зависимости от допустимых способов достижения успеха было выявлено три группы (кластера), представители которых демонстрировали приверженность к следующим трем способам действий: 1) «маргинальным» — основанным на рискованных и полукриминальных действиях, склонности к риску (брать кредит под открытие своего бизнеса, не гнушаться отношениями с криминальными элементами, проявлять готовность к службе в армии по контракту) — 2,6 % опрошенных; 2) «традиционным» — основанным на использовании своих физических возможностей, выражающимся в готовности ради доходов (высокой или дополнительной заработной платы, доходов от ЛПХ) идти на «жертвы» (работать во вредных и опасных условиях труда, перерабатывать в ущерб отдыху) — 33,5 %; 3) «современным» — основанным на использовании своего человеческого капитала, в первую очередь образования, в качестве главного ресурса (готовность участвовать в конкурсах, вкладывать деньги в свое образование, «жертвовать» отдыхом ради карьеры) — 63,8 %.

Выявлена статистически значимая связь (по Z-критерию) кластеров со следующими объективными характеристиками. В кластере 1 повышена доля мужчин и преобладает младшая возрастная группы. В кластере 2 повышена доля мужчин (53 %); выпускников ПУ; выпускников ССУЗов, далее нигде не обучающихся (выпускники ПУ и те выпускники ССУЗов, которые завершили свою образовательную карьеру, суммарно составляли здесь 58 %); проживающих за пределами областного центра (64 %); работающих рабочими; работающих на акционерных предприятиях. В кластере 3 — выше доля женщин (60 %); выпускников вузов; выпускников ССУЗов, продолжающих образование в вузе (выпускники вузов и выпускники ССУЗов, продолжающие образование в вузе, суммарно составляли здесь 61 %); проживающих в областном центре (49 %); получивших образование в крупном городе; учившихся за плату; работающих на должностях руководителей или специалистов.

Карьерные устремления и ценностные ориентации в сфере труда в кластере 1 были связаны с организацией своего дела (на которое были ориентированы 53 % его представителей против 14 % в целом по массиву) и не связаны ни с каким видом карьеры наемного работника. Для представителей кластера 2 главным мерилом успеха является высокий заработок, причем не важно на какой должности. Для представителя кластера 3 мерилом успешной жизни являются карьера, высокое образование и возможность его повышать дальше, а также саморазвитие, возможность пользоваться свободой передвижения, свободой информации.

Часть стратегий в выборе средств для достижения целей не была включена в данный вариант кластерного анализа, так как напрямую не была связана со сферой труда и зарабатыванием денег, а была больше связана с достижением личных целей вне сферы труда. Тем не менее и остальные способы оказались связанными с данной типологией. Так, кредитом на покупку жилья более склонны были воспользоваться пред-

ставители первой группы (29 % наверняка воспользуются и 18 % уже воспользовались) и третьей группы (36 и 3 % соответственно), а материальной поддержкой родителей — также представители третьей группы.

Выявленные типы (группы), естественно, не дают «чистую» картину, так как разные виды стратегий относительно выбора средств присутствуют в той или иной мере среди представителей каждой из трех групп. Данная типология показывает лишь тенденции в выборе способов достижения целей: традиционные способы (тяжелый труд в ущерб здоровью и свободному времени) более характерны для лиц без высшего образования, проживающих в области, а современные способы (использование своего человеческого капитала и интеллектуального потенциала) — для лиц с высшим образованием, проживающих в крупном городе. И небольшая группа лиц демонстрирует отдельную тенденцию в выборе средств на свой страх и риск.

Для **безработной** молодежи с использованием аналогичного метода сочетания факторного анализа с кластерным были выявлены четыре модели поведения в период поиска работы и трудоустройства: «активное целенаправленное», «активное ситуативное», «пассивное», «избегающее». В частности, для безработных с высшим образованием (большинство из которых составляли женщины) была характерна первая модель поведения, отличающаяся собственными активными действиями на рынке труда (наряду с деятельностью СЗН), направленная преимущественно на поиск работы по специальности или близкой к ней. «Пассивное» поведение с надеждой в основном на предложения СЗН в отношении работы или переобучения чаще, чем другие группы, демонстрировали лица со средним специальным образованием. Две другие модели поведения были характерны для лиц с начальным профессиональным и более низким уровнем образования, причем женщины чаще демонстрировали «избегающий» работы тип поведения, а мужчины — «активный ситуативный» (основанный на поиске любой работы, реагировании на изменение ситуации на рынке труда).

Особенности формирования образовательных и профессиональных стратегий на разных этапах жизни молодежи

Данное исследование самоопределения профессионально подготовленной молодежи в период выхода на рынок труда является составной частью цикла исследований, проведенных под руководством либо при союководстве автора данной главы. Примененная в данном цикле исследований методология и собранная эмпирическая база дают определенные возможности косвенно проследить (прямые сопоставления невозможны из-за ограничений инструментария) жизненный путь молодежи от момента выбора профессии школьником, далее в процессе получения профессионального образования студентом до выхода на рынок труда молодым специалистом.

Как показали данные, полученные в исследованиях социально-профессиональных ориентаций старшеклассников Новосибирской области (1990, 1996, 2000 гг.), для современных выпускников школ характерна значительная дезориентация в профессиональном выборе [Харченко, 2003]. Данные, полученные в исследовании студентов и учащихся системы профессионального образования Новосибирской области (2001 г.), показали, что для этой категории молодежи характерна, что естественно, бóльшая сформированность их представлений о будущей профессии и желаемом месте работы. Она основана на том, что после завершения обучения становятся актуальными: возможность трудоустройства с полученным дипломом; выбор конкретного места работы; размер заработка; возможность профессионального роста и карьеры и т. д. Для определенной части молодежи модели поведения в сфере образования являются прообразом моделей поведения на рынке труда. Например, демонстрируя высокую активность на рынке образования в период обучения, будущий специалист набирает опыт для успешного выхода на рынок труда.

Нами были выявлены преобладающие модели (типы) прожективного поведения учащейся молодежи*, различающиеся способами реагирования на ситуации на рынке труда (которые могут возникнуть в процессе поиска работы и в процессе первичной адаптации к ней): «гибкая, адаптивная» модель поведения у студентов вузов; «жесткая, неадаптивная» модель у учащихся ПУ; «смешанная» (неопределенная) модель, базирующаяся на подчиненности трудовых установок образовательным (возможности продолжения образования в вузе) у студентов ССУЗов. У выпускников вузов преобладает поведение (прожективное), отличающееся гибкостью и в то же время достаточно высокой уверенностью в своей конкурентоспособности. Напротив, требования, которые намерены предъявлять при устройстве на работу учащиеся ПУ, можно назвать необоснованно завышенными. При этом студенты вузов относительно чаще, чем других учебных заведений, в поиске работы намерены опираться на широту подготовки и дополнительные навыки и умения, чем на конкретную специальность [Харченко, 2002]. Как показывают дальнейшие материалы этой главы, такие адаптивные модели поведения выпускников вузов способны сглаживать определенные диспропорции на рынке труда.

Однако прослеживается и другая взаимосвязь. «Сквозным» фактором, снижающим сначала интерес к обучению, затем намерение работать по специальности, потом мотивацию к эффективному труду и про-

* На основе данных социологического обследования учащихся и студентов выпускных и предвыпускных курсов профессиональных учебных заведений: вузов, средних специальных учебных заведений (ССУЗов) и профессиональных училищ (ПУ) Новосибирской области, проведенного в 2001 г. Выборка репрезентирует Новосибирскую область. Опрошено 2470 учащихся и студентов очной формы обучения.

фессиональную устойчивость, является необоснованный выбор профессии в период обучения.

Случайный выбор играет заметную роль при поступлении вчерашнего школьника в профессиональное учебное заведение. Для оценки влияния данного фактора на массиве студентов (Новосибирская область, 2001 г.) мы разделили всех опрошенных на две группы. В группу «случайный профессиональный выбор» были включены все, указавшие хотя бы в одном из двух вопросов об обстоятельствах и мотивах выбора профессии, что выбор был сделан ими случайно. Среди опрошенных (данные по взвешенному массиву) профессию случайно выбрали 27 %, учебное заведение — 37 %. Как показал анализ, фактор случайности заметно снижает уровень удовлетворенности сделанным выбором, влияет в худшую сторону на оценки, которые дает студент отдельным сторонам учебного процесса, а также отрицательно влияет на желание учащихся и студентов в дальнейшем работать по полученной профессии (различия статистически значимы при $P < 0,001$) (табл. 21.6).

Полученные данные согласуются с информацией других исследователей, свидетельствующей, что случайный выбор профессии предопределяет слабые мотивации при обучении, следовательно, низкий уровень знаний и профессиональную неустойчивость в будущем [Гончарова, 1997]. Я. Дидковская [2001] приводит следующие данные: «среди тех, кто вполне удовлетворен учебой и приобретаемой профессией, соотношение готовых работать по специальности и не по специальности 8,5 : 1. А среди тех, кто удовлетворен только учебой, но не приобретаемой профессией, ситуация совершенно иная, здесь это соотношение 1 : 1, т. е. готов сменить профессию каждый второй».

Таблица 21.6

Распределение ответов учащихся и студентов на вопрос «Намерены ли Вы работать по полученной профессии?» в зависимости от обоснованности выбора профессии (Новосибирская область, 2001 г.*), % ответивших в группе

Ответ	Вузы		ССУЗы		ПУ		Весь массив (взвешенный)	
	Мотивированный	Случайный	Мотивированный	Случайный	Мотивированный	Случайный	Мотивированный	Случайный
Да	53,1	25,5	45,8	20,0	58,1	22,0	51,8	22,7
Нет	4,3	10,2	5,3	13,7	3,4	8,2	4,3	10,9
Как получится	36,9	51,1	42,7	51,9	28,5	46,0	37,1	50,2
Не знаю	5,7	13,3	6,3	14,4	10,1	23,8	6,8	16,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

* Характеристика выборки дана в сноске на стр. 483.

Для дальнейшего обоснования этого вывода на массиве данных молодых работников были проведены расчеты по методу *бинарной логистической регрессии*.

С помощью модели, построенной на основе этого метода, было выяснено, какие факторы способствуют тому, что выпускник работает по специальности или близко к ней*. Один из полученных вариантов математической модели показал, что имеется статистически значимая связь между зависимой переменной («работа по специальности или близкой к ней») и группой независимых переменных (в число независимых первоначально были включены только те переменные, которые имели статистически значимые связи по критерию χ -квадрат с зависимой переменной на всем массиве каждая в отдельности).

В качестве независимых переменных в модель были отобраны только те, которые условно можно было считать «первичными» (объективные характеристики или ценностные ориентации, присущие выпускнику в момент окончания учебного заведения) — пол, возраст, место проживания, полученная профессия, объединенная с уровнем образования (например, специалисты профессий материального производства, закончившие вуз, та же профессиональная группа, но закончившие ССУЗ, и т. п.), поведение в момент поиска работы, ценностные ориентации, установки в сфере труда. Характеристики и установки, которые являются производными от того, работает ли человек по специальности или нет, не были включены в модель (например, отношение к фактической работе; характеристики самого места работы и др.).

На основе результатов данной модели у работников выявлены четыре группы факторов, повышающих вероятность события «выпускник работает по полученной специальности или близкой к ней»:

1 группа — мотивация (нравится/нравилась приобретенная специальность, по которой получен диплом; нет установки на смену специальности под воздействием конъюнктуры рынка; среди жизненных ценностей есть стремление стать хорошим специалистом, мастером своего дела);

2 группа — образовательное поведение («простая» образовательная карьера (одна профессия, полученная в одном образовательном учреждении) или восходящая по одной специальности (например, сначала закончен ССУЗ, затем вуз); дневная форма обучения; не владение профессиями, полученными опытным путем; в случае, если профессия получена выпускником ССУЗа или ПУ, то она имеет специфическую область применения (у нее нет полного аналога в системе высшего образования, как есть, например, у профессий «юрист», «экономист»));

* Метод логистической регрессии для решения поставленной задачи использовался потому, что исследуемые события фиксировались дихотомическими переменными и линейное регрессионное уравнение было бы неадекватным, поскольку оно предполагает непрерывность зависимой переменной.

3 группа — карьерные устремления (отсутствует ориентация на утилитарно-прагматический тип карьеры «все равно, на какой должности работать, лишь бы хорошо платили»);

4 группа — поведение на рынке труда и ситуация трудоустройства (отсутствии неудачных попыток трудоустроиться ранее до устройства на данную работу); отсутствие конкуренции за данное рабочее место (не пришлось проходить конкурсный отбор, собеседование); для работодателя было важно, что у выпускника есть диплом, и важно, что это диплом именно по конкретной специальности) (табл. 21.7).

Полученные факторы подтверждают взаимосвязь между моделями поведения молодежи в системе образования и на рынке труда, в частности, моделей, основанных на мотивированном (не случайном) выборе специальности. При этом поведение молодых работников, работающих по специальности, характеризуется по результатам математического моделирования как «вынужденно пассивное». Тем не менее, в соответствии с разработанной исследовательской концепцией мы оцениваем это поведение как правильно сделанный первый шаг, основанный на правильно воспринятом «сигнале» рынка труда.

Аналогично была построена модель *логистической регрессии* по молодым безработным. Отметим ее общие результаты. В качестве обстоятельств, способствующих тому, что безработный выпускник ищет работу по специальности, выявилось четыре группы факторов: 1) мотивация — нравится (нравилась) приобретенная специальность (по которой получен диплом), установка на преимущественный интерес к тем вакансиям рынка труда, где предлагается работа по специальности («обязательно» или «желательно», чтобы работа была по специальности); 2) объективные характеристики — возраст (младшие более склонны искать работу по специальности) и уровень образования (выпускники вуза или ССУЗа по сравнению с выпускниками ПУ более склонны искать работу по специальности); 3) трудовой опыт — более склонны искать работу по специальности те, кто никогда нигде не работал, по сравнению с теми, кто уже работал, но не по специальности; 4) активность на рынке труда — те, кто помимо службы занятости сами пробовали искать себе работу по специальности.

Чтобы определить, насколько вчерашним студентам удалось реализовать свои притязания в будущей работе, было проведено сопоставление данных двух обследований — учащейся и работающей молодежи.

В исследовании учащейся и студенческой молодежи (Новосибирская область, 2001 г.) все мотивы выбора профессии были разделены на три группы:

1) материальные и статусные, т. е. прагматические, — условно назовем их «рыночными» (профессия дает хороший заработок; профессия престижная, уважаемая; по этой профессии легко найти работу; профессия дает перспективы роста, карьеры);

Таблица 21.7

Параметры уравнения логистической регрессии по факторам, способствующим работе по специальности у молодых работников*

Независимые переменные		<i>B</i>	Sig.	exp(<i>B</i>)
nrvsprc	Нравится ли полученная специальность (1 = нравится; 2 = не нравится)	-0,849	0,009	0,428
Fobuzrc	Форма обучения (1 = очная; 2 = заочная)	-1,066	0,004	0,344
tipok1(1)**	Понижающаяся образовательная карьера (по сравнению с простой)	-2,042	0,019	0,130
tipok1(2)**	Повышающаяся образовательная карьера по одной специальности (по сравнению с простой)	1,565	0,020	4,781
V6otruz3 (3)**	Имеют специальности экономики, права, торговли или сферы услуг, полученные в вузе (по сравнению с аналогичными специальностями, полученными в ССУЗе)	1,404	0,017	4,072
v24num	Количество дополнительных специальностей	-0,601	0,000	0,548
v41_4	Предпочитают менять специальность под влиянием конъюнктуры рынка	-1,001	0,000	0,367
v43sa1	Стремление найти хорошую работу	-0,540	0,056	0,583
v43sa15	Стремление стать хорошим специалистом	0,614	0,045	1,848
v19_a1	Устроиться на работу помогло получение диплома	0,903	0,054	2,467
v19_a2	Устроиться на работу помогло получение образования по данной специальности	2,498	0,000	12,155
v19_a6	При устройстве на работу прошел отбор, собеседование	-1,171	0,005	0,310
v19_a11	Устроиться на работу помогла удача	-0,604	0,051	0,547
v20	Не пытался устроиться на другую работу	0,504	0,056	1,655
v36_a9	Подходящая карьера — любая должность при хорошей зарплате	-0,786	0,050	0,456
Константа		4,362	0,001	

* В таблице приведены только значимые переменные (Sig. < 0,05). *B* — коэффициент регрессии; Sig. — наблюдаемая значимость; exp(*B*) — экспонента коэффициента регрессии.

** Категориальные переменные: tipok1 — тип образовательной карьеры (перекодированный) — за базовое значение принято образование по одной профессии в одном учебном заведении (Sig. 0,000); v6otruz3 — какая специальность в каком учебном заведении получена (укрупненный) — за базовое значение приняты специальности экономики, права, торговли, сферы услуг, полученные в ССУЗе (Sig. 0,011).

2) связанные с моральными ценностями, с непрагматическими соображениями, — условно назовем их «нерыночные» (профессия интересная, нравится; по ней работали родственники, родители; профессия исследовательская, творческая; привлекает работа с техникой; профес-

сия связана с общением с людьми, с детьми; профессия нужна людям, обществу);

3) утилитарные мотивы удобства и комфорта (например, легко учиться; повышенная стипендия, учебное заведение рядом с домом и т. п.) (назовем их «прочие»).

Аналогично в обследовании молодых работников была произведена группировка первоначальных ответов вопроса «Что Вам нравится в Вашей работе» на «рыночные» и «нерыночные» мотивы.

В группу **«рыночных»** мотивов были объединены следующие*:

«работа дает хороший заработок, доход», «есть перспективы должностного роста, карьеры», «работа престижная», «есть возможность получить или построить жилье, есть социальные льготы».

В группу **«нерыночных»** мотивов были объединены:

«работа дает возможность ощутить себя самостоятельным человеком», «работа интересная, позволяет проявить свои способности», «работа соответствует полученной специальности», «можно приобрести опыт, квалификацию», «работа нужна людям, обществу», «работа связана с общением с людьми, с детьми, с клиентами».

В группу **«прочих»** мотивов объединили следующие:

«здесь хороший коллектив», «работа постоянная, нет угрозы сокращения», «ничего особенно не нравится», «не знаю, не думал об этом».

Поскольку исходный вопрос допускал одновременно несколько вариантов ответа, то и распределение агрегированных мотивов в сумме превышает 100 %.

В целом по массиву у работников агрегированные «рыночные» мотивы составили 19 % ответов, «нерыночные» — 73 %, «прочие» — 40 %.

Заметим, что эта структура заметно отличается от таковой по массиву студентов. У молодых работников так же, как у студентов, «нерыночные» мотивы высказали примерно две трети опрошенных, так что эти характеристики работы в целом достаточно хорошо реализуются на практике. Напротив, «рыночные» мотивы, высказанные 34 % студентов, представлены в ответах лишь 19 % молодых работников, что, очевидно, свидетельствует о худшей реализуемости этих запросов на практике. Еще большие различия наблюдаются в доле «прочих» мотивов, которые у студентов занимали лишь 16 % против 40 % у молодых работников. Можно предположить, что эта группа мотивов связана с теми сторонами работы, которые являются малозначимыми, второстепенными для молодого работника, может быть, в чем-то компенсаторными.

* Наличие у респондента агрегированного «рыночного» мотива означает, что он отметил в анкете хотя бы один из исходных вариантов ответов, включенных нами в группу «рыночных» мотивов. Аналогично и с двумя другими группами агрегированных мотивов.

* * *

Дадим обобщенные содержательные интерпретации полученных результатов.

Полученные данные опровергают бытующие представления о том, что выпускники вузов получают дипломы только ради «корочек» и в основном не работают по полученной специальности. Так, большинство выпускников вузов работают по полученной специальности или близкой к ней, а 60 % безработной молодежи с вузовской подготовкой ищет работу именно по специальности. Такое поведение хорошо согласуется с представлением об образовании как человеческом капитале, поскольку выпускники вузов приписывают высокую ценность не только диплому как таковому, но и приобретенной специальности.

Группа выпускников вузов отличается от других категорий опрошенных (закончивших ССУЗы, ПУ, прочих) своим трудовым поведением. Они более ориентированы на современные способы достижения жизненных целей, успешную трудовую карьеру через получение качественного образования, участие в конкурсах и т. д. По отношению к планированию своей трудовой карьеры выпускники вузов разделились на две группы: 1) представляющих свою карьеру как «закономерный» итог постепенно повышающегося профессионального мастерства; 2) прикладывающих целенаправленные усилия для быстрого карьерного роста.

Специфика работающих выпускников ПУ — для многих из них карьера оказалась тождественной высоким заработкам, не связанным с должностным ростом; специфика безработных выпускников ПУ — чрезмерно завышенные требования к возможностям, которые должно предоставлять вакантное рабочее место, в сочетании со скромными личными достижениями. В способах достижения жизненных целей выпускники ПУ более склонны ориентироваться на «жертвы» (труд в тяжелых, опасных условиях ради денег, отказ от досуга ради дополнительных заработков, ведение большого подсобного хозяйства).

Выпускники же ССУЗов в типологии по способам достижения целей (у работников) и в типологии поиска работы (у безработных) не образовали самостоятельного кластера; их поведение зависело, в частности, от того, продолжает ли молодой человек или девушка учебу в вузе. В типологии по карьерным притязаниям (у работников) часть выпускников ССУЗов образовала отдельный кластер, характеризующийся ориентацией на постепенную карьеру на своем предприятии.

При принятии решений относительно выбора места учебы и типа образовательного учреждения молодые люди принимают во внимание так называемые компенсирующие различия (compensating differentials), связанные с будущей специальностью, местом работы, ожидаемым карьерным ростом, поскольку средняя заработная плата выпускников вузов, ССУЗов, ПУ различается незначительно в первые годы после выпуска.

Кроме компенсирующих различий на принятие решения относительно трудоустройства на конкретное рабочее место влияет моральный фактор — «нравится/не нравится профессия». Удалось доказать статистически значимую положительную связь этого фактора у молодых работников с выбором работы по специальности, с удовлетворенностью работой, с представлением о том, что на данном предприятии можно сделать подходящую для себя карьеру; напротив, выявлена отрицательная связь с намерением сменить работу. У молодых безработных связь этого фактора со сроком безработицы отрицательная, а с намерением найти работу по специальности — положительная.

Анализ данных, проведенный на массиве молодых безработных, свидетельствует, что наименее востребованными на рынке труда были специалисты со средним специальным образованием, получившие профессии экономики, права, менеджмента, предпринимательства. Так, например, среди опрошенных безработных каждый второй выпускник ССУЗа имел специальность именно такой направленности (в то время как среди молодых работников в группе выпускников ССУЗов специалисты с такой подготовкой составляли только 26 %). Невысокие шансы на трудоустройство по специальности имели молодые специалисты в районных центрах и поселках городского типа. Испытывали проблемы с трудоустройством выпускники, получившие начальное профессиональное образование по профессиям торговли, сферы услуг, предпринимательства. Так, среди опрошенных безработных 61 % выпускников ПУ имел специальность именно такой направленности (в то время как среди молодых работников в группе выпускников ПУ рабочие с такой подготовкой составляли только 23 %). Парадоксально, что хотя большинству безработных молодых дипломированных продавцов и работников сферы услуг их профессия нравилась, но выбрать подходящую работу они не спешили (а каждый четвертый предпочел бы торговле работу на компьютере или в делопроизводстве). Несмотря на то, что вакансии в торговле и сфере услуг постоянно присутствуют в списках вакансий службы занятости населения, средний срок безработицы у безработных с соответствующими специальностями превышал 1 год и был выше, чем в среднем по всем опрошенным.

Установлено, что трудоустройству выпускника профессионального учебного заведения по полученной специальности способствовали следующие факторы (выявленные с использованием метода бинарной логистической регрессии): высокая мотивация к работе по специальности; целенаправленное образовательное поведение; отсутствие ориентаций на утилитарно-прагматический тип карьеры; «правильное» поведение на рынке труда (реагирование на спрос в подходящем профессиональном сегменте рынка труда).

Таким образом, на поведение профессионально подготовленной молодежи, вышедшей на рынок труда, повлияли, с одной стороны, особенности рынка труда (в частности, существование государственного и ча-

стного сегментов с присущими им разными принципами подбора персонала и стимулами для его привлечения), ситуация на локальных рынках труда (уровень напряженности и разная структура рабочих мест в областном центре, прочей городской местности, селах), с другой стороны, характеристики самой молодежи, в частности, накопленный человеческий капитал и разная мотивация профессионально-трудовой деятельности (в том числе соотношение в ее структуре целерациональных и ценностно-рациональных компонентов).

ГЛАВА 22

Творческий потенциал научной молодежи: стимулы и барьеры его реализации

Устойчивый социально-экономический рост России в будущем зависит от успешности включения наиболее «ресурсных» социальных групп в процессы перехода к экономике знаний. Необходимо изучить условия, стимулирующие эти группы вносить существенный позитивный вклад в решение задач перехода к экономике нового типа, брать на себя ответственность и участвовать в процессах принятия решений на различных уровнях. В частности, молодые люди из научной среды являются «стратегическим резервом» экономики, основанной на знаниях. Неизученность творческого потенциала молодых научных кадров и недостаточное внимание к их проблемам приводят к оттоку молодежи из науки, создавая дополнительные препятствия на пути перехода России к экономике знаний. Важно выяснить, какие методы влияния, в том числе институциональные, приемлемы для включения научной молодежи в решение задач инновационного развития.

Переход российской экономики на инновационный путь развития сдерживается рядом ограничителей, в том числе неэффективностью рыночных механизмов, снижением стоимости высококвалифицированной рабочей силы, масштабностью теневого сектора, монополизацией, затрудняющей межотраслевой перелив капитала, а также неразработанностью понятийного аппарата, описывающего процессы инновационного развития [Гордиенко, Еремин, 2001; Евсеенко, Унтура, 2002; Горегляд, 2005].

В данной главе делается попытка выявить необходимые условия и стимулы для активного участия научной молодежи в инновационном развитии России, а также показать взаимозависимость творческих достижений молодых ученых и тех возможностей, которые у них имеются для развития творческого потенциала.

В качестве эмпирического объекта изучения рассматривались молодые ученые России в возрасте до 35 лет включительно. Это молодежь,

занятая исследованиями и разработками в научно-исследовательских организациях, конструкторских бюро, в высших учебных заведениях, в проектных организациях.

Информационная база исследования включает данные социологических опросов научной молодежи России, проведенных коллективом молодых ученых ИЭОПП СО РАН в 2002—2004 гг. (рук. — Е. С. Гвоздева). Автором разработана методология исследования и организован опрос. Инструментарий, апробированный в Новосибирском научном центре (ННЦ), использован во всероссийском опросе. Сбор информации осуществлялся через веб-сайт Совета молодых ученых ИЭОПП. В выборочной совокупности представлены университеты и научно-исследовательские институты из 70 городов всех семи федеральных округов России. В 2002 г. были опрошены 71 молодой ученый из ННЦ, а в 2003—2004 гг. по результатам всероссийского опроса в базу данных включены 1192 человека, в том числе 327 — из ННЦ [Гвоздева, Высоцкий, 2004].

Творческий потенциал молодых лидеров как фактор инновационного развития

После новаторской работы А. Сена развитие рассматривается как процесс расширения возможностей людей, а не только как повышение материального благосостояния и удовлетворенности [Sen, 1990]. *Инновационным* называется такое развитие современного общества, основой которого становится интеллектуальный капитал, определяющий конкурентоспособность экономической системы. В «Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год» [ПРООН, 2004] представлена структура интеллектуального капитала, включающего человеческий, организационный и потребительский капиталы. Первый из них — квалификация и умения, творческие способности — прирастает со временем, тогда как два других — обесцениваются. Организационный капитал — это процедуры, технологии, системы управления, техническое и программное обеспечение, организационная структура, патенты, товарные знаки. Потребительский, или клиентский, капитал складывается из связей и устойчивых отношений с клиентами и потребителями. Важная роль в увеличении интеллектуального капитала отводится социальному капиталу, формируемому благодаря взаимодействию внутри сетей, ассоциаций. Он содействует обмену информацией, коллективному принятию решений, коллективным действиям.

Опираясь на представление о социальном механизме изменения общественных практик в рамках целевого реформирования, предложенное академиком Т. И. Заславской, определено место социальной группы «молодые ученые» в процессе трансформации традиционного экономического развития в инновационное [Заславская, 2002. С. 509]. Они призваны стать движущей силой, лидерами инновационного развития об-

щества. С одной стороны, это предполагает участие молодежи в научных разработках, их применение в новых производствах, технологиях, освоении передовой техники для усовершенствования традиционных производств. С другой стороны, важно и умение создать команду, способную работать в условиях неопределенности, используя информационные и социальные сети для взаимодействия и наращивания творческого потенциала, а также умение выбрать верные цели и пути их достижения, т. е. осуществлять инновации в управлении. Квалификация и умения, творческие способности молодежи полноценно могут реализоваться в экономике знаний, если имеются условия для их лидерства*.

Чтобы молодые ученые заняли ведущее положение в обществе, стали субъектом преобразований, выступали в роли разведчиков будущего и первопроходцев, необходимыми условиями, прежде всего, являются *свобода научного поиска, наличие ресурсов для реализации перспективных проектов, а также умение строить взаимодействия лидера и последователей*, эффективные при переходе и осуществлении инновационного развития.

Рассмотрим подробнее процесс взаимодействия лидера и последователей**. Опираясь на знания и интуицию, лидер формирует видение перспектив. Затем определяет круг возможных последователей. Учитывая мнение последователей, лидер формулирует цели и приоритеты развития, продумывает пути их достижения. Лидер должен учитывать имеющиеся ресурсы и те ограничения, которые накладывает институциональная среда. Лидерство с этих позиций понимается как процесс взаимодействия лидера и последователей, направленный на включение последователей в формирование и достижение социально значимых целей. Лидерство осуществляется на макро- и микроуровнях: на международном, государственном, региональном, а также на уровне локального сообщества, внутрифирменном и т. д. На каждом уровне создаются определенные условия и стимулы для эффективного взаимодействия лидера и последователей.

* Понятие «лидерство» стало широко применяться в социальных науках после экспериментов Курта Левина (США, 30-е гг.) [Lewin, 1951]. К настоящему времени известно более 350 определений лидерства, но до сих пор не предложено универсального определения. Термином «лидерство» обозначают как состояние, так и процесс: а) ведущее положение отдельной личности, социальной группы, класса, партии, государства, обусловленное более эффективными результатами деятельности; б) процессы внутренней самоорганизации и самоуправления группы, коллектива, обусловленные индивидуальной инициативой их членов.

** Основания подчинения одних людей авторитету других исследовал М. Вебер, он выделил три «чистых» типа оснований легитимности: авторитет традиции, авторитет личного дара (харизма) и вера в обязательность исполнения рационально установленных законов и правил. Разнообразные интересы, страх и надежда на вознаграждение являются предпосылками подчинения. Позитивные предпосылки важны при взаимодействии лидера и последователей [Вебер, 1990].

Лидерство как процесс основывается на *ответственности* лидера и на доверии последователей, которое выступает необходимым условием их взаимодействия. Последователь доверяет видению лидера, принимает цели и приоритеты, выдвигаемые лидером, как цели общества или группы, к которой относит себя последователь. Двум элементам взаимодействия отводится особая роль: *доверию* и *включению последователей* в формирование и достижение социально значимых целей и приоритетов развития.

Доверие в современных исследованиях изучается в паре с контролем. Сложность осуществления квалифицированного контроля стимулирует акторов вступать в отношения доверия*. В среде научной молодежи доверие основано на либо позитивном опыте взаимодействия, либо высокой репутации, либо позитивных ожиданиях от институциональных образований. Доверие динамично: оказанное однажды, оно может как укрепляться, так и снижаться, в зависимости от текущих взаимодействий. Доверие связано с ожиданием того, что в процессе взаимодействия будут расширяться возможности как у лидеров, так и у последователей. Доверие требуется, чтобы следовать за лидером, но также необходимо и для того, чтобы самому стать лидером.

Заметим, что в научной литературе, особенно посвященной социальному управлению, акцент делается на необходимость формировать доверие у *последователей*. С точки зрения участия в инновационных процессах существенным условием лидерства молодых ученых признается *наличие доверия у самих лидеров*. Если деятельность общественных институтов подрывает доверие лидеров, они понимают, что декларируемые цели не будут достигнуты, тогда они «сходят со сцены» (а, возможно, и из науки), освобождая место «плохому лидерству» (bad leadership [Kellerman, 2004. P. 38]). По существу это означает, что в определенной степени социальная структура влияет на то, кто становится лидером.

Современному лидеру все труднее самому контролировать и обрабатывать потоки информации. Лидер прошлого знал многие ответы и говорил последователям, что надо делать. Сейчас значимость команды возросла, эффективный лидер должен знать, как получить ответы у *компетентных людей* — коллег и специалистов. Поэтому появились новые практики лидерства, использовать которые способны и молодые ученые: 1) «лидерство снизу вверх» (leading from the grass roots, S. Helgesen), 2) «переворачивание организационной пирамиды снизу вверх» (turning organizational pyramid upside down, K. Blanchard), 3) «создание организаций со множеством лидеров» (creating organizations with many leaders, G. Pinchot), 4) «лидерство в обучающихся организациях» (leading lear-

* Доверие связано с риском. Цукер выделяет три типа доверия: доверие репутации, основанное на схожести характеров и моральных ценностей; процедурное доверие, основанное на опыте взаимного обмена; институциональное доверие, возникающее в тех институциональных рамках, которые стимулируют доверительные отношения [Zuker, 1986].

ning organizations, P. Senge), 5) «новые навыки для новых ролей лидеров» (new skills for new leadership roles, C. Farren и B. L. Kaye), 6) «путешествие в будущее» (leading the voyage to the future, J. M. Kouzes и B. Z. Posner) [Hesselbein et al., 1996].

Кратко резюмируя требования к современным молодым лидерам, можно сказать, что при переходе и осуществлении инновационного развития эффективны стратегии тех из них, которые, с одной стороны, делегируют ответственность и разделяют полномочия с последователями «сверху вниз» и, с другой стороны, опираются на инициативы «снизу вверх».

Важнейшими условиями успешной реализации творческого потенциала молодых ученых выступают: 1) *ответственность*, готовность лидера взять ее на себя и использовать эффективные стратегии, 2) *доверие* последователей лидерам, и самих лидеров существующим в обществе институтам, 3) *свобода выбора направлений научных исследований*, 4) *возможность высказывать, отстаивать свою точку зрения* и, наконец, 5) *наличие ресурсов* как для обеспечения необходимого качества жизни ученых, так и для проведения научных разработок, для внедрения инноваций.

В среде научной молодежи взаимодействие лидера и последователей осуществляется с использованием новых информационных технологий. Это позволяет быстро реагировать на изменения правил принятия решений в развивающейся сетевой экономике [Паринов, 2002], делает более эффективным взаимодействие участников инновационного процесса.

Лидер должен учитывать имеющиеся ресурсы и те ограничения, которые накладывает институциональная среда. Конечно, в обществе могут существовать группы и отдельные люди, чьи интересы входят в противоречие с целями, на достижение которых направлены действия лидера и его команды. Поэтому для лидера важно предвидеть и быть готовым к противостоянию, а в идеале — быть способным к налаживанию эффективного взаимодействия и с оппонентами.

Сложившиеся условия для развития творческого потенциала

Как наилучшим образом воспользоваться таким важнейшим ресурсом как знания? Стоит вспомнить концепцию «рассеянного знания» Ф. Хайека, который считал, что объективную всеобъемлющую картину мира выработать невозможно, поскольку любая информация о системе беднее той, которая в ней обращается и используется. Он привлекает внимание к особенностям знания как экономического ресурса: для инновационного развития необходим конкурентный рынок, позволяющий более эффективно использовать знания многих членов общества, ничего не знающих друг о друге [Науек, 1945]. Он дополняет идеи Й. Шумпе-

тера, для которого главное в экономическом развитии — это технологические инновации и конкуренция на их основе [Шумпетер, 1983].

Успешным носителем новых знаний на конкурентном рынке может стать молодежь, которая эффективнее других находит решения, опираясь на информационные сети и используя достижения и открытия ученых разного профиля. Проанализируем, благоприятны ли в российском научном сообществе условия для развития творческого потенциала молодых ученых, а также существующие препятствия.

Опираясь на данные всероссийского опроса, посмотрим, кто в представлении научной молодежи являются лидерами и *готовы ли они взять на себя ответственность*. В понятие «лидер» научная молодежь вкладывает следующие смыслы: «вождь, вдохновитель масс» (38 % опрошенных), «генератор идей» (31), «новатор, первопроходец», открывающий что-то новое (9), «разведчик будущего» (22 %). То есть большинство представляет лидерство как способность видеть глубже и дальше, возглавить научные исследования и примерно треть — просто повести за собой. Можно предположить, что в последнем случае «вождь» вдохновляет массы как творческой идеей, так и отстаиванием интересов своих последователей.

Респонденты в большинстве своем не считают себя лидерами (революционерами) в научной сфере. Девять из десяти проводят свои исследования и разработки в русле устоявшихся научных школ и подходов известных ученых, в том числе треть из них относят себя к определенной научной школе, а две трети — работают в рамках определенной концепции. Такое соотношение свидетельствует не только о преемственности в науке, высоком авторитете научных школ, влиянии существующих научных подходов и концепций на формирование будущего российской науки, но и о практике привлечения молодых ученых не в качестве первопроходцев и новаторов, а для поддержания существующих направлений исследований. Все же есть редкие представители молодых ученых (7 %), которые разрабатывают новые концепции и используют новаторский подход в решении тех или иных научных проблем.

Формально имеют *статус лидера в науке* лишь немногие: руководят коллективными проектами около 4 % ответивших молодых ученых (16 мужчин и 14 женщин), в том числе шесть докторов наук в возрасте до 35 лет. Оказалось, что среди руководителей коллективных проектов есть и молодежь без ученой степени. Большинство молодежи заняты в коллективных проектах в роли исполнителя (48 %) либо участвуют как в коллективных, так и в индивидуальных проектах (27 %). Каждый пятый молодой ученый (21 %) работает вполне самостоятельно, выполняя индивидуальный проект, что говорит о творческой свободе и способности добиваться решения поставленных задач исследования.

На вопрос об авторитете научного руководителя 84 % молодежи согласились с тем, что взгляды и мнение руководителя влияют на научную деятельность молодого специалиста. Остальные молодые ученые при

решении задач опираются только на свои мнение и взгляды: у 4 % — нет научного руководителя, 12 % — не чувствуют его влияния. Большая часть молодых исследователей (61 %) *готова активно отстаивать свое мнение относительно проводимого исследования*, если бы оно вошло в противоречие с мнением научного руководителя (табл. 22.1). Это свидетельствует о *свободе научного поиска*, культивируемой научным сообществом. Авторитет научного руководителя не безоговорочный, с ним согласилось бы примерно столько же молодежи, сколько обратилось бы к другим признанным авторитетам в данной области знаний.

То есть реальное руководство научными исследованиями далеко не всегда предполагает формальный статус руководителя, поскольку очень часто создаются временные творческие коллективы. Лидерство внутри таких коллективов, как и замещение должностей руководителей разного ранга, свидетельствует о благоприятных условиях для творческого труда и продвижения молодых ученых по служебной лестнице.

Как показал опрос, каждый второй молодой ученый даже не задумывался над тем, как он сам может изменить ситуацию в науке к лучшему, не видя для себя возможности участия в принятии решений. То есть *молодежь не чувствует своей ответственности за то, что происходит в науке и как развивается общество*. Но объективно роль научной молодежи в локальном сообществе велика, поскольку она может выступать генератором идей и источником дальнейшего инновационного развития территории.

Доверие последователей лидерам, и самих лидеров — существующим в обществе институтам — еще одно условие лидерства. В целом наиболее высок уровень доверия научной молодежи «членам семьи, родственникам» и «коллегам по работе, учебе» (табл. 21.2). То есть имеются благоприятные условия для выдвижения лидеров из числа молодых ученых, у них есть шанс заручиться поддержкой своих коллег, которые им доверяют и могут стать последователями.

Таблица 22.1

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы поступили, если бы Ваше мнение относительно проводимого исследования вошло бы в противоречие с мнением научного руководителя?», % к числу ответивших

Ответ	Мужчины	Женщины
Согласился бы с его мнением, поскольку он старше и опытней меня	24	29
Избежал бы конфликта — от научного руководителя многое зависит в дальнейшей карьере	14	11
Продолжил бы исследования до выяснения истины	45	37
Предложил бы ему обратиться к третьим лицам, признанным авторитетам	17	23

Таблица 21.2

Индекс доверия* молодых ученых различным социальным акторам и институтам, % к числу ответивших

Считаете ли Вы, что можно доверять:	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Индекс доверия
Членам семьи, родственникам	93	2	5	91
Коллегам по работе, учебе	60	14	26	46
Руководству института, учреждения	32	29	39	3
Представителям местной власти	4	68	28	-64
Руководству региональных отделений РАН	19	23	58	-4
Руководству РАН	24	22	54	2
Президенту РФ	38	25	37	13
Государству	11	53	36	-42
Церкви	19	39	42	-20
СМИ	3	74	23	-71

* «Индекс доверия» рассчитан как разница между долями ответивших «да» и «нет», его значение находится в интервале (100, -100). Знак «-» свидетельствует о недоверии.

Вместе с тем отношение к властям всех уровней либо недоверчивое (к представителям местной власти), либо нейтральное (к руководству НИИ или университета, РАН). Ответы на вопрос «Считаете ли Вы, что можно доверять президенту РФ?» показали, что уровень доверия молодежи президенту РФ выше, чем другим ветвям власти, СМИ и церкви. Научная молодежь считает, что от президента РФ многое зависит, и надеется, что именно он может гарантировать защиту их интересов.

Более низкий уровень доверия к руководству региональных отделений РАН, городских и областных администраций обусловлен, с одной стороны, неинформированностью молодежи об их конкретной деятельности, с другой, — отсутствием существенной поддержки молодых ученых и их исследований, что связывается с нежеланием властей этим заниматься. Часть опрошенных указывает также на недостаточное внимание со стороны научных руководителей, в частности, на то, что молодых ученых не привлекают к работе по проектам, имеющим относительно большое финансирование.

Наличие ресурсов для обеспечения необходимого качества жизни молодых ученых и для эффективной работы — это одно из самых значимых условий, которое может как привлечь, так и оттолкнуть молодежь от участия в инновационном развитии. В условиях рыночных преобразований наука оказалась невостребованной, ее положение часто характеризуют как бедственное, кризисное, удручающее, безвыходное. Самыми острыми оказались материальный и кадровый вопросы, кардинально изменившие облик российской науки и ее перспективы. Привлекательность науки как сферы профессиональной деятельности резко

снизилась. Одновременно произошел существенный отток наиболее активных и мобильных кадров за пределы страны, вызванный ростом возможностей выезда за рубеж на временную и постоянную работу.

Социальное положение ученых характеризуется не только снижением возможностей и престижа ученого в обществе, но и изменением отношения к нему на снисходительное, пренебрежительное: если человек все еще работает в науке, значит, он отстал от жизни. Раз высококвалифицированный труд низко оплачивается, значит, он не нужен, а деньги можно заработать иначе.

Учитывая, что 15 % молодых ученых не видят для себя легальных возможностей заработать на достойную жизнь, треть — находятся в материальной зависимости и 39 % не имеют жилья, ситуация, в которой они находятся, может быть описана в терминах социальной эксклюзии. Последняя понимается как трудная ситуация в жизнедеятельности группы, нарушающая ее права и ограничивающая возможности. Такое положение группы в социуме мешает идентификации со средним классом.

Социально-экономическая трансформация российского общества не только привела к сужению материальных возможностей большинства ученых, но поставила на грань выживания целую группу молодых ученых. В кратко- и среднесрочной перспективе это связано с опасностью того, что российская наука лишится талантливых молодых сотрудников, а в долгосрочной перспективе — ее развитие затормозится из-за нарушения преемственности поколений. Опытные ученые не смогут передать свои знания и достижения молодым людям, возникнет риск потерять весь накопленный потенциал, а также место российской науки в мировой науке.

Опасности подвергается все научное сообщество с его специфической структурой, для которой характерна особая коммуникация. Томас Кун, говоря о структуре научных сообществ, отмечает, что «члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей. В таких группах коммуникация бывает обычно относительно полной...» [Кун, 2002. С. 228]. В стремительно изменяющихся условиях нужно использовать как накопленные знания и опыт старшего поколения, так и свежий взгляд молодых, «впитавших» достижения последних лет.

Предполагается, что участие в управлении лидеров из числа молодых ученых поможет найти более ответственные и эффективные решения, расширяющие возможности молодежи. Развитие исследовательского потенциала молодых ученых — это вопрос конкретной политики. Связанные с этим меры, направленные на получение общественной пользы в научном сообществе, могут и должны осуществляться в диалоге с молодежью. В настоящее время используются разнообразные способы развития потенциала молодежи в науке, но делается это не всегда

эффективно. На наш взгляд, позитивными сторонами политики последних лет являются, во-первых, акцент на тренинге, приобретении практических навыков молодежи в процессе обучения и проведении научных исследований; во-вторых, стремление приблизиться к практическим нуждам производства; в-третьих, стремление развивать сетевые взаимодействия на основе новых технологий и включать в них молодежь. Однако другие способы и потенциальные возможности для развития исследовательского потенциала молодых ученых используются все еще не в полную силу. Во-первых, слабо ведется работа по определению ценности вклада молодежи, по привлечению ее к научным изысканиям в самых приоритетных направлениях. Во-вторых, положение науки в обществе и система стимулирования труда превращают зарплату научного сотрудника в антистимул. Требуется масштабная поддержка, как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Поддержка исследований на основе грантов, хотя и помогает в решении проблем молодых ученых, но не может сделать их труд достаточно оплачиваемым. Вместе с тем, реализуемая в 2007—2008 гг. система материального стимулирования, предусматривающая двух-трехкратное увеличение индивидуального балла молодых ученых, явно направлена на предоставление им преимуществ. Но все еще не достигнут уровень, когда молодые ученые не чувствовали бы себя лишенными средств к существованию.

Модели взаимозависимости творческих достижений молодых ученых и возможностей для их развития

Одна из задач научной молодежи и молодых лидеров — осознать самим и показать тем, кто принимает решения, что без изменения положения молодых ученых имеющиеся стимулы не способны удержать молодежь в российской науке. Для этого попытаемся оценить, с одной стороны, снижаются ли творческие достижения молодых ученых, если есть жесткие ограничители (низкие доходы, отсутствие приемлемого жилья, недостаток профессиональных знаний и др.), а с другой стороны, расширяются ли возможности для развития тех из них, кто достигает определенных успехов на научной ниве.

На эмпирических данных проверялась основная рабочая гипотеза: результаты труда наиболее продвинутой части молодых ученых, имеющих высокие творческие достижения, не только обеспечиваются их способностями, стремлением сделать свой вклад в науку, но и дополнительно поощряются обществом. Благодаря этому, *положение лидеров по творческим достижениям лучше, чем остальных молодых ученых* (среди них значительно меньше лишенных жилья и доступа к предметам первой необходимости, они обладают лучшими знаниями и опытом, более ярко проявляют ориентацию на творческий труд, включены в широкие социальные сети). Несмотря на накопленный интеллектуальный капитал, ННЦ не увеличивает возможности молодых ученых попасть

в число лидеров по сравнению с другими научными центрами России, вместе с тем гендерное неравенство снижает шансы женщин.

Говоря об исследовательском потенциале, обычно имеют в виду творческие коллективы людей, исследовательские центры и научные институты. Их исследовательский потенциал напрямую связан с творческим потенциалом отдельных людей и эффективностью их взаимодействия. Необходимо отметить, что задача измерения потенциала — сложная и нерешенная. Над ее решением работают такие международные организации, как ООН, Глобальная сеть развития, Международная лидерская ассоциация и другие. Одним из индикаторов, по которым оценивается творческий потенциал, является (достигнутый) уровень творческих достижений.

В соответствии с подходом Глобальной сети развития, представленным в докладе Даниэля Попа [Pop, 2004], исследовательский потенциал включает:

- навыки проводить исследования и распространять исследовательские знания;
- способность достигать исследовательские цели, поставленные в соответствие с контекстом и при имеющихся ограничениях;
- материальные ресурсы.

Оценивая творческий потенциал молодежи, нужно понимать, какие условия помогают формировать лидерский резерв. В него должны входить люди, и сами способные демонстрировать высокие творческие достижения, имеющие независимую исследовательскую позицию, и умеющие объединять людей, находить ресурсы для работы. Согласно современному представлению [Bennis, 1989; Heifetz, Linsky, 2002], необходимые навыки и качества лидера молодой человек может в себе развить, однако необходимым условием является высокий творческий потенциал. Лишь на этой основе лидер сможет ставить социально значимые цели и вести за собой людей.

Предполагая, что среди молодых ученых удастся выделить группу с высокими творческими достижениями, хотелось бы понять, обладают ли они дополнительными ресурсами для развития, есть ли у них стимулы для продолжения работы в науке.

Как известно, основные базовые возможности определяются: а) доступом к необходимым материальным ресурсам для полноценной жизни и работы, б) уровнем профессиональных знаний и опыта, в) состоянием здоровья, г) наличием свободы для деятельности (особенно творческой), д) социальными связями [Sen, 2001]. В связи с этим повторим нашу основную гипотезу: группа молодых ученых с высокими творческими достижениями имеет более широкие возможности для развития творческого потенциала. Предполагается, что эти возможности обеспечиваются не только их способностями, стремлением сделать свой вклад в науку, но зависят и от их социально-демографического статуса, отражают способность общества стимулировать более эффективный труд. Поэтому в дан-

ной группе мало молодых ученых, лишенных жилья и доступа к предметам первой необходимости, они обладают лучшими знаниями и опытом, более ярко проявляют ориентацию на творческий труд, включены в широкие социальные сети.

Проверить эту гипотезу попытаемся с помощью построения вероятностных моделей, описывающих условия, при которых молодой ученый попадает или не попадает в группу, чьи достижения признаем более высокими. Очевидно, что речь не идет о выявлении причинно-следственной зависимости. Для нас важно установить не только наличие, но и отсутствие зависимости. Если окажется, что молодые ученые с высокими достижениями не располагают необходимыми условиями для жизни, это будет означать, что общество не стимулирует их для таких достижений.

Критерии для выявления группы молодых ученых с высокими творческими достижениями. Кто из молодых ученых имеет высокие творческие достижения? Те, кто нашел соответствующие возможности для научной работы и добился видимых результатов. О наличии таких результатов с полной уверенностью могут судить, прежде всего, специалисты тех областей знаний, в которых работают молодые ученые (математики, физики, химики, экономисты). Косвенными свидетельствами полученных результатов могут выступать присвоение научных степеней и наличие опубликованных работ, патентов на изобретения, осуществление молодым ученым руководства научным проектом, получение грантов на проведение исследований, победы в конкурсах научных работ, разработанные курсы лекций. Учитывая имеющуюся в базе данных информацию, в группу молодых ученых с высокими творческими достижениями были включены:

- 1) все руководители проектов и доктора наук;
- 2) молодые ученые в возрасте до 30 лет, имеющие либо степень кандидата наук, либо много публикаций;
- 3) молодые ученые в возрасте 31—35 лет, имеющие степень кандидата наук и много публикаций.

Пороговое значение количества публикаций, достаточное для включения молодого ученого в группу с высокими творческими достижениями, определялось для двух возрастных групп: до 30 лет и 31—35 лет. Проанализировав распределение количества опубликованных работ в этих возрастных группах, было признано, что молодой ученый сделал достаточно много, если до 30 лет у него 18 и более публикаций и не менее 27 работ, если он старше*. В сформированную по этим критериям группу было включено 228 человек, в том числе шесть докторов и 178

* Пороговые значения 18 и 27 получены на основе децилей распределения молодых ученых по числу опубликованных работ. У молодежи до 30 лет в группу с высокими достижениями независимо от наличия степени включены ученые с 18 и более публикациями (10 %). Для возрастной группы 31—35 лет использовался более жесткий критерий: включены кандидаты наук, имеющие не менее 27 опубликованных работ (40 %).

кандидатов наук (табл. 22.3). В нее не попали 48 кандидатов наук старше 30 лет, так как у них оказалось мало трудов, и были включены 44 человека без степени кандидата наук, но имеющие большое количество публикаций. Среди мужчин в группу творческих достижений вошли 24 %, среди женщин — 19 %.

Предположение о том, что «физикам» написать статью труднее, чем «лирикам», не подтвердилось, так как по разным наукам среднее число статей почти не отличается.

В целом формальные критерии не исказили представительство молодых ученых от разных наук в группе с высокими творческими достижениями. По среднему количеству опубликованных работ молодые ученые, попавшие в группу с высокими творческими достижениями, превосходили остальных в 4 раза (24 и шесть публикаций соответственно).

С целью проверки рабочей гипотезы были построены две регрессионные модели на основе эмпирических данных опроса молодых ученых, проведенного в 2003—2004 гг. Одна из них должна помочь очертить круг факторов, повышающих вероятность войти в группу с высокими творческими достижениями. А другая модель — выявить препятствия, т. е. показать, что увеличивает вероятность иметь небольшие достижения в науке.

Построенная модель (табл. 22.4) обеспечила высокий уровень предсказания события «непопадание в группу с высокими достижениями» — 98 % (в том числе для мужчин — 93 %, для женщин — 100 %). Основными факторами, увеличивающими вероятность попасть в группу с невысокими достижениями, являются наличие нетворческих ориентаций при выборе научного труда, x_4 , и принадлежность к женскому полу, x_8 . Если для молодого научного сотрудника особо значимы отсрочка от армии или возможность поездок за рубеж, это почти вдвое снижает вероятность быстрой защиты диссертации или активной работы над статьями.

Таблица 22.4

Таблица 22.3

Состав группы молодых ученых с высокими творческими достижениями

Молодые ученые	Мужчины	Женщины	Всего
Всего в группе с высокими творческими достижениями	154	74	228
<i>из них</i>			
руководители проектов	16	14	30
доктора наук	4	2	6
кандидаты наук	125	53	178
в возрасте 31—35 лет	26	14	40
в возрасте до 30 лет	128	59	187
преподают в вузе, техникуме, школе	124	52	176

Параметры уравнений логистической регрессионной модели для события «Молодой ученый не включен в группу с высокими творческими достижениями»¹

Независимые переменные	Все молодые ученые		Мужчины		Женщины	
	B^2	$\exp(B)$	B	$\exp(B)$	B	$\exp(B)$
Низкие доходы, x_1	0,311	1,364	0,434	1,544	0,137	1,147
Молодой ученый курит, т. е. вредит здоровью, x_2	0,448**	1,565	0,559**	1,748	0,383	1,467
Не хватает знаний и профессионального опыта, x_3	0,269	1,308	0,436	1,546	0,250	1,284
Имеются нетворческие ориентации при выборе научного труда, x_4	0,612***	1,844	0,913***	2,492	0,046	1,047
Исчерпаны легитимные пути решения проблем, x_5	-0,422*	0,656	-0,496*	0,609	-0,114	0,892
Недоверие руководителям всех уровней, x_6	0,449	1,567	0,163	1,177	1,150	3,159
У молодого ученого есть дети, x_7	-1,022***	0,360	-1,175***	0,309	-0,891***	0,410
Принадлежность к женскому полу, x_8	0,399**	1,490				
Молодой ученый из ННЦ, x_9	-0,273	0,761				
Константа	1,187***	—	1,032***	—	1,564***	—

Примечание. ¹ Уровни значимости: * — $P < 0,1$; ** — $P < 0,05$; *** — $P < 0,01$.
² B — коэффициент регрессии; $\exp(B)$ — экспонента коэффициента регрессии

У женщин в полтора раза меньше шансов попасть в творчески продвинутую группу, что подтвердило рабочую гипотезу. Причем меньшая творческая результативность женщин оказалась не связана с наличием детей, наоборот, вероятность иметь ребенка в группе с небольшими творческими достижениями снижается в 2,5 раза (а для мужчин в 3 раза). Очевидно, молодые ученые не стремятся иметь детей до того момента, когда защитят диссертацию или в основном опубликуют результаты своего исследования.

Другие выбранные факторы оказались незначимы. Подтвердилась гипотеза о равном положении (отсутствии дополнительных трудностей или повышенных возможностей) молодых ученых ННЦ и представителей других научных центров. Низкие доходы (x_1) также не повышают вероятность попадания в группу без высоких творческих достижений. Это просто может означать, что и среди достигших творческих успехов много бедных. Действительно, в продвинутой группе 29 % молодых ученых ответили, что нехватку денег испытывают при приобретении

либо еды, либо одежды и обуви, 10 % — не только бедны, но и зависимы от родственников, хотя работают, имеют высшее образование и даже ученую степень. В альтернативной группе соответствующие показатели — 32 и 19 %.

Поэтому не удивительно, что в группе с невысокими творческими достижениями меньше молодых ученых, считающих, что все легитимные пути решения проблем исчерпаны (x_5). К этой мысли чаще приходит молодежь с высокими достижениями (табл. 22.5). Этот факт вызывает тревогу, поскольку отсутствие легальных возможностей заработать на достойную жизнь может подталкивать наиболее талантливую молодежь либо к выходу из поля легитимных практик, либо к смене сферы труда.

Оказываясь в сфере науки, молодежь сталкивается с четырьмя главными препятствиями, которые она своими силами не может преодолеть. Во-первых, почти две трети опрошенных сказали, что «в науке практически нет хорошо оплачиваемых рабочих мест, зарплата очень низкая». Вследствие этого почти треть научной молодежи находится в матери-

Таблица 22.5

Доля молодых ученых, указавших препятствия для достижения жизненных целей, % к числу ответивших*

Препятствие для достижения жизненных целей	Лидеры по творческим достижениям	Остальные молодые ученые
Не хватает знаний, опыта	32	43
В науке практически нет хорошо оплачиваемых рабочих мест, низкая зарплата	62	64
Проблемы в личной жизни	6	8
Проблемы в семье, у родственников, дети, которые отнимают много времени и сил	7	8
Плохое здоровье	3	4
Неуверенность в себе, в своих силах	13	14
Нестабильность в стране	38	38
Материальная зависимость (от супруга, родителей, других людей)	25	34
Психологический дискомфорт	10	7
Отсутствие жилья	37	40
Невозможно трудиться с полной отдачей, раскрыть свои способности, работая в научном институте, университете	18	20
Недостаточная самоорганизация, просто лень	25	23
Не вижу для себя легальных возможностей заработать на достойную жизнь	21	13
Не вижу никаких препятствий	7	7

* Каждый респондент мог назвать несколько препятствий.

альной зависимости либо от супруга, либо от родителей и родственников. Во-вторых, многие из молодых ученых (41 %) осознают, что им не хватает знаний и опыта, т. е. они готовы воспринять все то новое, что только появляется в науке и на производстве. Субъективно они готовы к инновациям, но не хватает инвестиций, организационного и лидерского потенциала, чтобы объединить, дать новый импульс обучению и творчеству молодежи. В-третьих, 39 % молодежи как существенное препятствие воспринимает «отсутствие жилья» и невозможность решить эту проблему. В-четвертых, очень высока доля тех, кто оценивает ситуацию в российском обществе как нестабильную (38 %). Отчасти это связано с неясностью перспектив развития науки.

Исследование логистической регрессионной модели для события «молодой ученый включен в группу с высокими творческими достижениями» дало возможность очертить круг условий, благоприятствующих творческим достижениям (табл. 22.6).

Вероятность того, что молодой человек добьется более высоких показателей творческого труда, повышается, если у него достаточно знаний, опыта (z_4) и он готов работать до получения результата, независимо от мнения руководителя (z_8), если у него есть возможность зарабатывать в другом научном институте (z_6). Также более успешна та часть научной молодежи, которая состоит в браке (z_{10}) и у которой нет «значимых препятствий для достижения успеха в жизни» (z_9), прежде всего они не ис-

Таблица 22.6

Параметры уравнений логистической регрессионной модели для события «Молодой ученый включен в группу с высокими творческими достижениями»

Независимая переменная	Коэффициент регрессии B	Экспонента коэффициента регрессии $\exp(B)$	Наблюдаемая значимость Sig.
Молодой ученый сохраняет здоровье, z_3	0,1376	1,1476	0,4483
Достаточно знаний и опыта, z_4	0,6639	1,9424	0,0002
Молодой ученый преподает, z_5	1,0576	2,8793	0,0000
Есть возможность зарабатывать в другом научном институте, z_6	0,6275	1,8730	0,0003
Есть ориентация на творчество, z_7	0,2280	1,2561	0,1676
Независимость исследовательской позиции, z_8	0,6670	1,9484	0,0001
Нет значимых препятствий для достижения успеха в жизни, z_9	0,4553	1,5766	0,0050
Молодой ученый состоит в браке, z_{10}	0,7642	2,1473	0,0000
Константа (Constant)	-3,3204		0,0000

Примечание. Полужирным выделены статистически значимые показатели.

пытывают материальных лишений и у них есть жилье. Оказалось, что молодые ученые из группы с высокими творческими достижениями с большей вероятностью преподают в вузе, колледже или школе. Построенная модель дает основания согласиться с трактовкой Д. Попа, который пишет, что человек с большим исследовательским потенциалом также реализуется в распространении знаний.

Наличие семьи, активность и широкие социальные связи в сфере научного труда — все это можно трактовать как расширенные возможности молодых ученых из группы с высокими достижениями. Но эти возможности, как и независимость исследовательской позиции, определяются индивидуальными качествами людей. К сожалению, общественная система распределения доходов и оплаты труда не обеспечивает им возможности выйти из категории бедных, снижая значимость ориентации на творчество для самых талантливых.

Как и ожидалось, проявилась позитивная роль полученного *качественного образования и профессионального опыта*, но только во второй модели. При моделировании небольших творческих достижений «недостаток знаний и опыта» оказался не значим. Действительно, если молодые люди пришли в науку, чтобы отсидеться, получить отсрочку от армии, тогда не важно, каковы их знания и таланты, они с большой вероятностью не будут стремиться получить интересный научный результат. А чтобы погрузиться в творческий процесс, человек должен быть уверен, что его труд позволит обеспечить семью, будет способствовать улучшению его положения в обществе и успеху в жизни.

В целом построенная модель приемлемо предсказывает вероятность попадания молодого ученого в группу с высокими достижениями (56 %). При применении модели к данным с учетом гендерного признака оказалось, что значимость всех отмеченных факторов сохраняется для мужчин, а прогностическая способность модели повышается (64 %). Для женщин модель оказалась неудовлетворительной (верное предсказание — 42 %). Можно предположить, что при увеличении выборочной совокупности и численности женщин с высокими творческими достижениями параметры модели улучшатся.

Чтобы проверить предположение, применим более мягкий критерий отнесения молодых ученых к группе с высокими творческими достижениями и дополнительно включим в нее всех кандидатов наук независимо от количества опубликованных ими работ. За счет этого группа пополнилась на 28 мужчин и на 20 женщин и составила 23 % от общего числа опрошенных. Прогностическая способность модели при этом заметно улучшилась: в среднем до 68 %, для мужчин — 71 %, а для женщин — 59 % верно предсказанных случаев. При этом модель оказалась полностью устойчивой. По-прежнему и для мужчин, и для женщин остался незначимым такой параметр, как сохранение здоровья (z_3), а ориентация на творчество (z_7) незначима для женщин. Наблюдаемая значи-

мость по остальным параметрам улучшилась и значения экспонент коэффициентов регрессии в целом увеличились.

* * *

Итак, творческий потенциал молодежи может быть реализован через ее лидерство в инновационном развитии. С одной стороны, молодые ученые могут активно участвовать в приоритетных научных исследованиях и во внедрении результатов в производство. Творческие достижения в сложившихся областях знаний, освоение высоких технологий, разработка новых идей, организация наукоемких производств и участие в трансляции знаний — таких результатов ждет общество от молодежи. Наше исследование показало, что почти четверть научной молодежи можно отнести к группе лидеров по творческим достижениям. Опираясь на знание проблем и возможностей этой группы, можно эффективнее осуществлять социально-экономическую политику по поддержке инновационных идей.

С другой стороны, молодежь способна, а значит, и должна участвовать в поиске эффективных мер по развитию научного потенциала, в принятии соответствующих решений и в их реализации совместно с властями. На какие результаты нацелен этот аспект лидерства научной молодежи? Во-первых, изучив сложившуюся ситуацию, молодежь может отстаивать интересы научного сообщества, показывая тупики и барьеры инерционного развития. Во-вторых, расширится горизонт проводимой политики, появится новый подход к ведению диалога между исследователями и властями. Диалог с молодежью необходим для преодоления различных проявлений социальной эксклюзии. В-третьих, будет более благоприятный режим проведения социально-экономической политики, ускорятся позитивные изменения, будут осуществляться прямые взаимодействия. В-четвертых, повысится солидарность между учеными, в том числе между представителями разных поколений.

Проведенный анализ свидетельствует о продуктивности моделирования для выявления взаимосвязей, проверки гипотез, полезных при разработке социальной политики. Прежде всего, не оправдалась гипотеза о больших материальных возможностях молодых ученых из группы с высокими творческими достижениями. Большинство из них не имеет своего жилья, а 10 % даже ощущают себя в материальной зависимости от родственников, хотя работают, имеют высшее образование и даже научную степень. Вместе с тем субъективное ощущение отсутствия значимых препятствий для достижения успеха в жизни явно повышает вероятность более высоких творческих достижений. Действительно, чтобы погрузиться в творческий процесс, человек должен быть уверен, что его труд позволит обеспечить семью, будет способствовать улучшению его положения в обществе и успеху в жизни.

В целом условия для лидерства молодых ученых в инновационной сфере оценены как *«преобладание неблагоприятных компонентов»*.

Низкие доходы, отсутствие у молодежи жилья и стремление к карьерному росту способствуют формированию установки на позднее деторождение. Первый ребенок чаще появляется, когда молодой ученый уже защитил диссертацию или получил необходимые для этого научные результаты. Поэтому наличие детей в молодых семьях не является барьером на творческом пути женщин. Но рост расходов в связи с их появлением может свергнуть в состояние эксклюзии от средств существования и служить дополнительным толчком для поиска высокооплачиваемой работы вне науки. Важно принять меры для того, чтобы и на этом этапе жизни была возможность продолжить научную работу.

Создание благоприятных институциональных условий для нововведений и сохранение кадрового потенциала науки, ее лидеров, в том числе из молодежной среды, должны стать приоритетами государственной политики. Если люди воспринимают правила как справедливые, это способствует росту доверия и ответственности.

Социально продвинутые и обеспеченные необходимыми ресурсами слои общества способны к инновационно-предпринимательской деятельности. Важными предпосылками для их участия являются: 1) высокий интеллектуальный уровень; 2) способность к творчеству и риску; 3) наличие специфических знаний и профессиональных навыков; 4) умение формировать команды единомышленников, объединяться, используя социальные сети; 5) доверие государственным институтам; 6) демократический характер научных сообществ, свобода научного поиска; 7) ответственность за принимаемые решения; 8) престижность деятельности в инновационной сфере; 9) экономическая привлекательность инновационной деятельности.

ГЛАВА 23

Социальный капитал как фактор конкурентоспособности на российском рынке труда

Происходящие в современном обществе процессы глобализации и модернизации, так или иначе, затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. Не является исключением и рынок труда. Наряду с изменениями структуры занятости меняются и требования к новому наемному работнику, «человеку труда». Становление постиндустриального общества, научно-технический прогресс ведут к тому, что снижается необходимость в человеческом труде как таковом, прежде всего в его физической составляющей: сокращаются как уровень занятости в целом, так и трудовая биография конкретного индивида в частности, а также доля времени, затрачиваемого на труд. Занятость флексибилизируется и

дестандартизируется. Широко распространяются разного рода гибкие системы занятости, постепенно исчезает модель пожизненного найма, ей на смену приходит «портфельная стратегия занятости», включающая в себя несколько различных видов трудовой деятельности [Хэнди, 2001]. Трудовая биография становится индивидуализированной и все более прерывистой, общеприняты достаточно частая смена рабочих мест и работа на нескольких предприятиях одновременно. При этом риск и ответственность за собственную карьеру несет сам работник, тогда как раньше эта роль возлагалась в большей степени на государство и фирму [Шевчук, 2005].

Рынок труда и возможности занятости становятся все более гибкими и разнообразными, но одновременно и конкуренция на рынке труда становится более жесткой. Определенности в трудовой биографии становится все меньше, а личной ответственности все больше. Помимо непосредственно узкопрофессиональных навыков современный работник должен обладать мобильностью, коммуникабельностью, восприимчивостью к инновациям, высокими адаптационными возможностями. Вследствие важности таких непосредственно не наблюдаемых и трудно измеримых качеств, конкурентоспособность работника становится все более сложным и, что немаловажно, «непрозрачным» феноменом. Только лишь человеческого капитала в такой ситуации недостаточно для адекватной, точной оценки конкурентоспособности индивида, насколько бы детально и исчерпывающе он не был зафиксирован. Что тогда можно сказать о социальном капитале? Вполне возможно, что именно он становится как никогда необходимым элементом, выполняя роль дополнительного свидетельства личных качеств наемного работника. Рыночная позиция индивида «существенно зависит от числа тех, кто знает его качества и способности, а также от числа фирм, где работают эти знакомые» [Грановеттер, 2004. С. 375]. Какую добавочную стоимость приносит этот вид капитала его обладателю, «собственнику» (именно «собственнику» в кавычках)? В каком смысле можно говорить о социальном капитале как факторе конкурентоспособности: как об информационном посреднике и/или же о более сложном его участии в процессе трудоустройства? Каков результат конвертации социального капитала в другие виды капиталов: экономический, административный, культурный и т. п.?

Итак, предметом исследования выступает социальный капитал как фактор конкурентоспособности на современном российском рынке труда. Стоит заметить, что идея рассмотрения социального капитала как источника определенного рода преимущества не нова. В частности, работа Н. Е. Тихоновой [2004] посвящена анализу влияния социального капитала на состояние капитала экономического, или, иначе говоря, социального капитала как фактора неравенства, рассмотрению возможностей взаимной конвертации различных видов капитала.

Понятие социального капитала, приложение концепции социального капитала к анализу процессов на рынке труда

Социальный капитал — понятие, предполагающее множество интерпретаций. А. Портес [Portes, 1998], проанализировав различные представления о социальном капитале (работы Коулмана, Бурдьё и др.), предлагает выделение четырех его видов: ценностные установки, реципрокные взаимодействия, групповая солидарность и вынужденное доверие. Ценностные установки усваиваются индивидом в процессе социализации и затем непосредственно определяют его поведение. Реципрокные взаимодействия представляют собой отношения обмена между агентами социальной сети, предполагающие отслеживание счетов взаимных услуг. Групповая солидарность описывает поведение индивидов, оказавшихся в схожей ситуации, и возникает на основании противопоставления членов «мы-группы» с остальным миром. Вынужденное доверие связано со способностью группы вынуждать ее членов следовать определенным групповым нормам, ограничивать индивидуальное поведение.

Портес выделяет также следующие три функции, выполняемые социальным капиталом, — социального контроля, семейной поддержки (скорее в психологическом смысле) и источника ресурсов, предоставляемых межсемейными сетями, а также ряд его дисфункциональных последствий — исключение аутсайдеров, завышенные требования к членам группы, ограничение индивидуальной свободы и деморализующее влияние. Данная классификация является наиболее исчерпывающей в том смысле, что дает представление о том, к анализу каких областей социальной реальности применима категория социального капитала.

Применительно к проблематике участия социального капитала в формировании конкурентоспособности индивида на рынке труда имеет смысл обратиться к идеям П. Бурдьё, причем в первую очередь к его концепции социального поля.

Относительная позиция агента в данном конкретном поле определяется наличным объемом капитала, релевантного для данного вида отношений. Соответственно, возникает понятие силы агента, его позиции, или, более широко, конкурентоспособности, определяемой через совокупность и соотношение капиталов, которыми обладает индивид (будь то физический, экономический, культурный, социальный, человеческий или др. вид капитала) [Бурдьё, 1993]. «Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдьё, 2004. С. 528]. Таким образом, применительно к рынку труда имеет смысл говорить о социальном капитале как результате включенности индивида в соци-

альную сеть и о тех преимуществах, которые эта включенность дает, о ее влиянии на шансы трудоустройства.

Отличие социального капитала от других видов капитала, в частности от капитала человеческого, состоит в том, что для социального капитала характерны несколько видоизмененные права собственности. Им одновременно обладают все участники социальной сети, в то же самое время он не принадлежит никому конкретно. Отдельно взятый индивид обладает только правом пользования своим социальным капиталом, сетевыми ресурсами (и то не в полной мере) и не имеет права распоряжения и владения этой «коллективной собственностью».

В качестве иллюстрации можно привести электронную социальную сеть «Мой круг». На сайте moikrug.ru любой желающий может зарегистрироваться и пригласить своих знакомых. Также предоставляется возможность поиска «нужных людей» и результат выдается в виде рекомендаций, каким образом можно связаться с данным конкретным человеком (посредством «сильных» или «слабых» связей), также визуально выстраивается сеть контактов пользователя. Такой способ формализации личных связей может служить более чем наглядным примером объективированного состояния социального капитала. В более привычном виде объективированную основу социального капитала составляют списки социальных контактов индивида, например, записи в телефонной книге. В конечном счете, можно сказать, что если права пользования и с определенной долей условности распоряжения относятся к такому явлению как социальный капитал, то правом владения в полной мере не обладает никто. Являясь ресурсом для каждого отдельно взятого индивида, социальный капитал в то же самое время представляет собой над-индивидуальное образование. Примечательно также, что это не единственный сайт такого рода, идея выстраивания социальной сети и использования ее возможностей в настоящее время достаточно актуальна среди пользователей сети Интернет. Можно назвать, например, также Webby.ru — Паутина профессиональных знакомств, 7ruk.ru — социальная сеть «7 рук», сервис которой позволяет отмечать также и тип связей, www.linkedin.com, и самая популярная в мире социальная сеть MySpace.com. Таким образом, важность социального капитала, его роль на современном рынке труда в высокой степени осознается его носителями, которые стремятся поддерживать его в «полной боеготовности».

Социальный капитал с такой точки зрения представляет собой инструментальную ценность, т. е. некое средство достижения цели, — капитала другого рода, т. е. его конвертации. Капитал представляет собой самовозрастающую стоимость, т. е. обеспечивает некую прибыль. Выступая как инструментальная ценность, человеческий и социальный капиталы служат достижению главной цели — решению задачи трудоустройства, причем наиболее успешно и результативно (в терминах соответствия рабочего места выдвигаемым требованиям), при этом не имеет значения, хочет индивид найти или сменить работу.

Человеческий капитал представляет собой скорее формальный, а социальный — неформальный аспект конкурентоспособности индивида на рынке труда. Причем последний как бы дополняет и обогащает первый. Наличие определенных профессиональных навыков и умений не всегда представляет собой достаточное условие для успешного трудоустройства, оно является скорее необходимым. Собственно и социальный капитал сам по себе не гарантирует, что индивид найдет желаемое место работы. Наличие определенных контактов, или социальных связей, придает человеческому капиталу, т. е. профессиональным знаниям и навыкам требуемый «вес» и надежность, умножает его на определенный «коэффициент».

Базовой концепцией, отправной точкой в анализе роли социального капитала в трудовой биографии индивида является концепция силы слабых связей, сформулированная М. Грановetterом в 1973 г. [Granovetter, 1973].

Разделяя связи на сильные и слабые, последним он приписывал ведущую роль в процессе трудоустройства. Сводя друг с другом индивидов, которые непосредственно не взаимодействуют, слабые связи обеспечивают уникальную возможность для транслирования и получения информации, которая недоступна по иным каналам (в том числе через формальные посреднические структуры рынка труда). Как раз в том и заключается основная ценность слабых связей, что они сводят индивида с теми, с кем он сам не связан. Через этих «третьих» лиц можно получить информацию о многообещающей вакансии или узнать некоторые особенности, о которых не пишут в объявлении. Для работодателя найм сотрудника «по знакомству» в свою очередь дает некую уверенность в надежности соискателя. Таким образом, одним из основных качеств социальной сети, которое обуславливает широкую распространенность трудоустройства по личным связям, является предоставляемая ими возможность снижения транзакционных издержек, связанных с трудоустройством/подбором персонала [Yakubovich, Kozina, 2000]. Статистические данные свидетельствуют о том, что по всему миру около 50 % всех вакансий заполняются не без использования сетевых ресурсов [Пауэлл, Сит-Дор, 2003]. На самом деле практически невероятно, что потенциальный работодатель и наемный работник абсолютно незнакомы друг с другом, что в рамках социальной сети нет ни одной «тропинки» между ними, особенно если речь идет о небольших фирмах [Там же]. Ресурсы и возможности социальной сети компенсируют сухость, безличность и неполноту информации о рабочих местах, транслируемой по формальным каналам.

Конкурентоспособность подразумевает получение прибыли, определенную выгоду от обладания данным ресурсом, некое сравнительное преимущество. Повышает ли обладание социальным капиталом шансы индивида на рынке труда, шансы его успешного трудоустройства, и если да, то в чем выражается эта «успешность» (по сравнению с другими ра-

ботниками, этим ресурсом не обладающими) — так звучит главный вопрос, поиску ответа на который посвящена данная работа.

На рынке труда участие социального капитала в трудовой биографии индивида (на этапе поиска работы) обнаруживает себя в первую очередь в таких показателях, как распространенность социальных сетей и других каналов трудоустройства (табл. 23.1, 23.2).

Наблюдается существенное расхождение между данными РМЭЗ и государственной статистики (причем также и в отношении других способов поиска работы). С. Ю. Рощин и К. В. Маркова [2004] видят причины этих расхождений в формулировках вопросов и иных методологических особенностях. Однозначно сделать вывод о том, какие данные являются более точными, не представляется возможным.

Данные о распространенности социальных сетей на рынках труда других стран не столь подробно и касаются в большей степени реальных трудоустройств, доли наймов, осуществленных посредством лич-

Таблица 23.1

Распространенность социальных сетей на российском рынке труда в динамике

Доля обратившихся к социальным сетям	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Среди всех ищущих работу индивидов (и занятых, и безработных) (1), %	78,3	79,8	76,9	80,1	80,6	76,6
Среди безработных (1), %	79,4	78,5	77,0	79,7	80,6	76,4
Среди безработных (2), %	57,8	58,4	59,1	54,8	58,1	56,5

Источники: (1) — рассчитано по РМЭЗ, 1998—2004 гг. (2) — труд и занятость в России, 2003. Стат. сб. М., 2003. С. 139; Обследование населения по проблемам занятости, август 2004, М.: Федеральная служба Государственной статистики. С. 231.

Таблица 23.2

Обращаемость к различным каналам трудоустройства на российском рынке труда*

Канал трудоустройства	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Объем подвыборки	1069	995	1033	1001	967	957
Государственные службы занятости	34,3	27,3	23,2	30,9	27,7	30,6
Частные кадровые агентства	15,1	16,8	12,6	16,9	15,3	13,5
Социальные сети	78,3	79,8	76,9	80,1	80,6	76,6
Обращение непосредственно на предприятие	46,2	52,0	46,6	46,8	45,9	47,4
Объявления в СМИ	40,7	40,5	38,7	42,5	44,6	38,6

* Сумма по столбцу превышает 100 %, так как предполагается возможность использования нескольких способов поиска работы. Подвыборку составили как безработные, так и уже имеющие работу индивиды.

Источник: рассчитано по РМЭЗ, 1998—2004 гг.

ных связей. Так, в Эстонии в 2000—2002 гг. этот показатель составил 26,0 % [Казюля, 2005], в Австралии в 2001 г. — 43,9 % [Stone et al., 2003], в Великобритании в 2004 г. социальные сети послужили каналом трудоустройства в 29,0 % случаев найма [Brook, 2005], в России в 1998 г. — 58,0 % [Козина, 1999].

Данные исследований в Австралии и Великобритании предоставляют возможность оценить место социальных сетей на рынке труда, сравнить доли трудоустройств, осуществляемых посредством различных каналов. Так, в Великобритании социальные связи занимают лидирующие позиции среди всех способов трудоустройства наряду с объявлениями в СМИ (на сети приходится 29 %, а на рекламные объявления — 28 % всех трудоустройств) [Brook, 2005]. В Австралии социальные сети являются существенно более широко распространенным каналом трудоустройства — на их долю приходится 43,9 % всех трудоустройств, из которых 25,5 % обеспечили профессиональные связи, а 18,4 % — родственные и дружеские [Stone et al., 2003]. Рекламные объявления и прямое обращение к работодателю «делят» между собой второе место: на их долю приходится 29,3 и 26,8 % случаев найма соответственно [Ibid].

Российские данные существенно отличаются от общемировых. На долю личных связей приходится практически половина всех наймов, а среди ищущих работу к данному каналу трудоустройства прибегают три четверти респондентов. Как в зарубежной, так и в отечественной литературе многие авторы задают вопрос о причинах распространённости и механизмах функционирования неформальных посреднических структур на рынке труда России. Насколько правомерна гипотеза о значительном преимуществе, которое социальный капитал обеспечивает его обладателю? Если да, то в чем конкретно оно выражается?

Социальный капитал на зарубежных рынках труда

Фокус исследований, посвященных изучению роли социальных связей на рынке труда, достаточно широк: от анализа сравнительной эффективности различных каналов трудоустройства до анализа влияния качественных и количественных характеристик социального капитала (сети) на шансы и результативность трудоустройства.

М. Грановеттер в рамках верификации своей концепции «силы слабых связей» отмечал, что рабочие места, найденные с помощью личных контактов, обычно более высокого «качества», по сравнению с другими каналами трудоустройства. Также он утверждает, что среди рабочих мест, заполняемых через социальные сети, текучесть кадров значительно ниже, чем среди остальных [Грановеттер, 2004]. Работа, найденная через сетевые связи, может обеспечить быстрый карьерный рост [Пауэлл, Сит-Дор, 2003]. Позднее [Wielgosz, Carpenter, 1987], напротив, опровергается распространённое предположение о том, что трудоустройство через социальные сети ведет к более высокой удовлетворенности

новым местом работы, хотя и делается вывод о том, что использование личных социальных связей при поиске работы существенно уменьшает длительность поиска.

Аналогично М. Пелиццари задается вопросом о «качестве» рабочих мест, доступ к которым обеспечивается посредством социальных сетей. Анализируя данные панельного исследования европейских домохозяйств (European Community Household Panel), автор приходит к выводу, что социальные связи могут привести к трудоустройству как на высоко-, так и на низкооплачиваемые рабочие места (по сравнению с формальными каналами). Дифференциация в оплате труда объясняется не различиями способов трудоустройства, а различиями в стратегиях найма, реализуемых работодателями. На тех рынках труда, где работодатели осуществляют весомые инвестиции в найм персонала через формальные посреднические структуры, качество «соответствия» наемных работников рабочим местам будет существенно выше по сравнению с неформальными структурами [Pellizzari, 2004]. Также кажущиеся на первый взгляд более высокие заработки работников, нашедших работу посредством личных связей, на самом деле обусловлены отраслью занятости [Kugler, 2002]. Единственный способ поиска работы, который однозначно коррелирует с более низким уровнем оплаты труда, — это государственные агентства по трудоустройству. Этот факт объясняется особенностями социального портрета индивидов, обращающихся к данному посреднику [Weber, Mahringer, 2006].

Исследование роли социального капитала на рынке труда Австралии показало, что существенное влияние на возможность успешного трудоустройства оказывают не отдельные характеристики социального капитала по отдельности, а их комбинация. На основе нескольких измерений социального капитала авторы исследования сконструировали типологию работников из четырех групп, различающихся объемом и качественными характеристиками социального капитала: высоко обеспеченных социальным капиталом, гражданственно-ориентированных, неформально-ориентированных и низко обеспеченных социальным капиталом. В частности, было выявлено, что высоко обеспеченные социальным капиталом индивиды более склонны к трудоустройству через свои профессиональные контакты или же посредством прямого обращения к работодателю, в то время как низко обеспеченные социальным капиталом с меньшей вероятностью трудоустраиваются посредством профессиональных контактов и с большей — по объявлениям в СМИ и родственными или дружескими связям. Эти выводы в определенной степени коррелируют с концепцией «силы слабых связей» М. Грановеттера, поскольку показывают значимость «сильных» связей для занимающих наиболее уязвимое положение на рынке труда [Stone et al., 2003].

Отдельно необходимо отметить исследования, представляющие собой верификацию и развитие концепции «силы слабых связей» М. Грановеттера.

Б. Вегенер, основываясь на анализе трудовых биографий жителей Германии, утверждает, что концепция «силы слабых связей» не нашла своего подтверждения и, вероятно, социальные сети в неодинаковой степени оказывают влияние на трудовую мобильность индивидов. Он подчеркивает, что «слабые связи» играют более существенную роль при трудоустройстве индивидов из высокостатусных групп, тогда как низкооплачиваемые работники тяготеют скорее к обращению к своим «сильным связям». Объяснение этому явлению автор видит в гетерогенности сетей, которая влечет для высокооплачиваемых работников необходимость обращения к более широкому социальному окружению для того, чтобы повысить свой статус, т. е. необходимость выйти за рамки своей ближайшей социальной сети, что могут обеспечить только «слабые» связи. Потребности же низкооплачиваемых работников в профессиональном росте вполне удовлетворяют «сильные» связи [Wegener, 1991].

Н. Лин с соавторами, базируясь на репрезентативной выборке американских мужчин 21—64 лет, находят подтверждение гипотезе о том, что использование «слабых» связей обеспечивает доступ к индивидам, занимающим более высокое положение, что в свою очередь оказывает влияние на новый профессиональный статус обращающегося к ним индивида. Проверка других гипотез показала, что эффект «силы слабых связей» носит постоянный характер: задействование их в любом случае обеспечивает доступ к контактам, находящимся на более высоком уровне социальной иерархии, с ростом статуса индивида не столько это влияние становится более слабым, сколько возрастает значение «сильных» контактов. Данное исследование отличается тем, что содержит в себе попытку учесть силу связи не только между трудоустраивающимся индивидом и агентом социальной сети, содействующим ему в этом, но и между данным агентом и работодателем. Однако прямой взаимосвязи между анализируемыми характеристиками и престижем работы в случае первичного трудоустройства выявлено не было. Для последующего трудоустройства, когда сетевые ресурсы относятся уже скорее к достижениям самого индивида, чем к характеристикам его семьи, большее значение принимает «сильная» связь агента социальной сети с работодателем [Lin et al., 1981].

Если абстрагироваться от показателей качества получаемого рабочего места и рассматривать только сам факт трудоустройства, то в этой области были получены следующие выводы.

Анализируя влияние размера и плотности социальной сети на вероятность трудоустройства безработными, А. Кальво-Арменгол и Й. Зену приходят к выводу о том, что увеличение размеров разреженной социальной сети повышает вероятность найти работу, однако в то же самое время рост размеров плотной сети негативно сказывается на шансах трудоустройства [Calvo-Armengol, 2003]. Данные, полученные в ходе репрезентативного исследования домохозяйств Египта, свидетельствуют о том, что вероятность трудоустройства возрастает с увеличением плот-

ности населения по вогнутой линии (плотность населения рассматривается как индикатор размера социальной сети), причем это влияние сильнее выражено среди безработных, чем среди уже имеющих работу (доля занятых/безработных рассматривается как качественная характеристика состава сети). Однако при достижении определенного критерия размера социальной сети эта вероятность снижается. Также отмечается, что вероятность трудоустройства посредством личных контактов снижается при увеличении уровня безработицы на локальном рынке труда [Zenou, Wahba, 2004].

Наиболее близкими к затрагиваемой в данной работе проблематике являются исследования, посвященные анализу влияния человеческого и социального капиталов на профессионально-трудовой статус индивида.

Исследование, посвященное изучению роли социальных сетей на рынке труда в Китае, представляет собой анализ специфической для данной страны формы социальных связей — guanxi. С использованием данных исследования городских домохозяйств сделан вывод о том, что увеличение размера социальной сети на один контакт в большей степени увеличивает размер дохода, чем дополнительный год образования. Причем при введении в изначальное регрессионное уравнение (содержащее возможные детерминанты дохода индивида) переменной, отражающей объем социального капитала индивида, вклад уровня образования, опыта работы, а также гендерная дифференциация существенно снижаются [Knight, Yueh, 2002].

Т. Петерсен с соавторами проводят сравнительный анализ влияния меритократических факторов и социальных сетей на процесс трудоустройства в высокотехнологичной американской компании среднего размера за 10-летний период. Основным интересующий их вопрос — может ли включенность в социальные сети служить источником дискриминации (гендерной или расовой)? Несмотря на встречающиеся в литературе объяснения лучших возможностей мужчин для использования своих личных связей в процессе поиска работы, в разрезе гендерных различий какой-либо дискриминации выявлено не было. В целом, результаты исследования согласуются с выводами М. Грановеттера о положительном влиянии задействования социальных связей на стабильность занятости. Те сотрудники, которые были наняты через своих друзей, «хэд хантеров» или через предыдущего работодателя, с меньшей вероятностью уйдут с нового рабочего места, чем нанятые по другим каналам (объявления в СМИ, служба занятости учебного заведения, непосредственное обращение к работодателю) [Petersen et al., 2000].

Социальный капитал на российском рынке труда

Что касается российского рынка труда, то вопрос об использовании социальных связей в процессе поиска работы является более чем насущным. Даже простые частотные распределения распространенности

каналов трудоустройства наводят на мысль о том, что социальным сетям на российском рынке труда принадлежит особая роль. В литературе встречаются предположения о возможных негативных последствиях широкой распространенности использования личных связей при трудоустройстве [Вершинина, 1998; Барсукова, 2000]. В частности, Т. Н. Вершинина отмечает: «Причудливое сочетание жесткой, часто жестокой конкуренции при подборе персонала и корпоративно-личных, полуфеодалных связей также является неотъемлемой чертой рынка труда в эпоху трансформации, при этом зачастую проявляет себя тенденция усиления корпоративно-личных связей при росте напряженности рынка труда» [Вершинина, 1998. С. 95]. В чем же выражается преимущество индивидов, вовлекающих свои социальные контакты в процесс трудоустройства (в отличие от использующих другие способы поиска работы)? В чем ценность социального капитала как фактора конкурентоспособности? Обратимся к результатам проведенных ранее исследований. В большинстве из них речь идет об эффективности тех или иных способов/стратегий поиска работы.

Исследование Н. Смирновой, проведенное на базе 5—9-го раундов РМЭЗ (1994—2000 гг.), показало, что наибольшую вероятность трудоустройства для безработных обеспечивает реализация мультиканальной стратегии поиска работы (использование двух и более способов поиска работы — предсказанная вероятность трудоустройства составляет 42 %), в то время как среди единичных стратегий наиболее эффективным является обращение к социальным сетям (предсказанная с помощью логистической регрессии вероятность составляет 32 %) [Smirnova, 2003].

И. Козина отмечает, что успешность трудоустройства при обращении к личным связям в послереформенный период (с 1992 г.) возрастает с 49,0 % до 60,3 %, особенно это касается профессиональных связей, тогда как эффект использования метода самостоятельного обхода предприятий сокращается с 93,5 до 81,3 %. Рассматривая дифференциацию в заработной плате работников, трудоустроившихся через различные каналы, автор делает вывод о том, что само по себе использование личных связей не влечет более высокий уровень оплаты труда, существенное значение имеет характер задействованных связей (например, если индивид получил место по приглашению руководителя). И. Козина придерживается точки зрения о гипертрофированной роли личных связей на российском рынке труда, объясняя сложившуюся ситуацию особой ролью социальных связей в российском обществе как таковых и убежденностью самих наемных работников в том, что обращение к неформальным посредническим структурам обеспечит им успешное трудоустройство [Козина, 1999].

Ф. Гербер и О. Майорова, анализируя эффективность социальных сетей на российском рынке труда, приходят к заключению, что использование личных связей при трудоустройстве обуславливает более высокое «качество» нового рабочего места по всем трем используемым ин-

дикаторам: ранг профессии в иерархии профессиональных групп по доходу, вероятность того, что новая работа будет в частном секторе (где зарработки существенно выше), логарифм текущей заработной платы. Базой исследования послужили массивы данных ВЦИОМа, сформированные на протяжении опросов сентября 2001—января 2002 г. Наряду с социальными сетями, объявления в СМИ также являются «фактором» успешного трудоустройства. Кроме того, тот факт, что обращение к социальным сетям коррелирует с трудоустройством в частном секторе (сходный вывод был также получен И. Козиной), свидетельствует, что немаловажную роль в росте распространенности данного способа поиска работы играют непосредственно сами работодатели. Сравнительный анализ гендерных различий использования личных связей показал, что однозначного ответа на вопрос о «качестве» и эффективности мужских и женских сетей с позиции размера оплаты труда дать невозможно. Аналогично наблюдаемые возрастные различия, проявляющиеся в большей склонности молодых людей обращаться к социальным связям в поисках работы, в действительности не обусловлены более высоким «качеством» получаемого рабочего места. Членство в коммунистической партии, напротив, существенным образом было связано с эффективностью функционирования социальных сетей в качестве канала трудоустройства в дореформенной России — данный фактор значительно снижает результативность поиска в анализируемый период [Gerber, Mayorova, 2003].

Эконометрический анализ данных семи раундов РМЭЗ 1994—2001 г., проведенный С. Ю. Рошиным и К. М. Марковой, показал, что более эффективными оказываются стратегии поиска, которые опираются на неформальные социальные сети, в первую очередь, помощь друзей. Необходимо заметить, что эффективность поиска понимается авторами достаточно узко — только как сам факт трудоустройства, изменение статуса экономической активности и не затрагивает «качественные» характеристики нового рабочего места. Сконструированная в рамках цитируемой работы типология стратегий состоит из следующих групп: неформальные социальные сети (помощь родственников и/или друзей), неформальный индивидуальный поиск (объявления в СМИ и/или непосредственное обращение к работодателю), формальные посредники (государственная служба занятости и/или частные кадровые агентства), неформальный поиск двух типов (социальные сети в сочетании с неформальным индивидуальным поиском) и «комплексные» стратегии (сочетание обращений к формальным и неформальным посредническим структурам). Результаты регрессионного пробит-анализа говорят о том, что комплексные стратегии по сравнению с «единичными» в целом более эффективны, т. е. интенсивность поиска повышает его эффективность на российском рынке труда. Таким образом, выбор способов поиска работы, а затем, и стратегий трудоустройства связан прежде всего с их эффективностью, а отнюдь не время- и ресурсозатратностью, т. е. широкая распространенность обращения к социальным сетям сви-

детельствует об их более высокой эффективности [Рошин, Маркова, 2004].

Наиболее пристально роль социального капитала на российском рынке труда анализируется в работах В. Якубовича, в том числе совместных с И. Козиной. Работы этого автора примечательны тем, что имеют в качестве своей информационной базы объединенный массив данных по наемным работникам и работодателям (собранный на основе репрезентативной выборки предприятий г. Самара в 1998 г.), а единицей анализа выступает не трудовая биография индивида, а процесс найма с его характеристиками. Посредством логистической регрессии были получены следующие результаты. Широкие сети помогают работникам найти альтернативные предложения о работе, однако снижают качество конечного выбора. Плотные сети снижают вероятность осуществления альтернативного выбора, тем самым размывая рыночные отношения. В качестве причины изучаемого явления автор называет высокую ценность работы со знакомыми. Наложение разработанной К. Поланьи теории хозяйства как институционально оформленного процесса на современную ситуацию на российском рынке труда приводит автора к заключению, что реципрокность нужно рассматривать как источник альтернативной позитивной логики, лежащей в основании трудоустройства с использованием плотных социальных сетей [Якубович, 2002]. Верификация концепции «силы слабых связей» М. Грановеттера показала, что слабые связи действительно с большей вероятностью ведут к трудоустройству, чем сильные. Преимущество слабых связей заключается в том, что они обеспечивают доступ к информации и возможность влияния напрямую на работодателя. Тогда как сильные связи обнаруживают себя в ситуации опосредованного влияния. При этом существенной зависимости между способом использования личных связей (информационное посредничество или влияние на работодателя) и результатом трудоустройства, характеристиками нового рабочего места выявлено не было [Yakubovich, 2005].

Другое объяснение может быть обнаружено в сущности происходящих в обществе трансформационных процессов. По результатам опроса работников 16 крупных предприятий в четырех российских городах в 1997 г. В. Якубович и И. Козина делают вывод о том, что в период трансформации роль личных связей в процессе трудоустройства существенно возросла, в то время как формальные каналы утратили свои позиции. Обусловлено это тем, что в период нестабильности прежние уровни образования и профессиональные навыки, а вернее их формальные свидетельства, перестали быть релевантными требованиям меняющейся среды. Влияние социальных сетей усилилось за счет ослабления формальных посредников, как раз опирающихся на формальные образовательные критерии. Более значимыми оказались неформальные свидетельства непосредственно не наблюдаемых, но принципиально важных профессиональных качеств кандидатов. Перефразируя Грановеттера,

сущность перехода от государственного социализма к обществу рыночного типа состоит в постепенной замене «сильных» связей «слабыми». Социальные связи заполнили тот институциональный вакуум, который возник, когда старые институты уже перестали существовать, а новые рыночные — были еще достаточно слабыми и несформированными [Yakubovich, Kozina, 2000].

Интерес представляют также исследования рынков труда других постсоветских стран. В частности, работа М. П. Казюли посвящена анализу использования социальных связей на рынке труда Эстонии. Автор задается вопросом, влечет ли обращение к социальным сетям трудоустройство на рабочие места более высокого качества (занимающие более высокие позиции в должностной иерархии и в иерархии по уровню оплаты труда), и получает отрицательный ответ: показатели «качества» нового рабочего места очень слабо зависят от канала трудоустройства. В целом, трудоустраиваться посредством личных связей более склонны индивиды, занимающие слабые позиции на рынке труда, обладающие низкой конкурентоспособностью, занимающие маргинальное положение, другие же способны найти работу и по другим каналам [Казюля, 2005].

Рассмотрение результатов российских и зарубежных исследований дает основания утверждать, что так или иначе количественные и качественные характеристики социального капитала, которым располагает индивид, оказывают влияние на его конкурентоспособность, шансы успешного (по разным критериям) трудоустройства. При этом невозможно однозначно сказать, что эффективность социальных сетей как канала трудоустройства существенно выше, чем других посреднических структур, другими словами, что обладание определенным объемом социального капитала заключает в себе безусловное преимущество. Скорее существуют различные социальные группы, для которых характерны различные стратегии поиска работы, различные модели включения социального капитала в процесс трудоустройства.

Что касается российского рынка труда, то исследователи едины во мнении, что распространенность использования личных связей существенно превышает типичную для рынков труда зарубежных стран. Однозначной оценки этому явлению на данный момент не существует как по причине его недостаточной изученности, так и из-за невозможности точно определить его функциональные и дисфункциональные последствия. В качестве факторов, обусловивших наблюдаемую ситуацию, называются особая роль социальных связей в российском обществе (т. е. социокультурная укорененность), слабость новых институтов посредничества и, соответственно, адаптация населения к коренным изменениям рынка труда. В этих условиях обращение к социальным сетям является мерой скорее добровольной, чем вынужденной: социальные сети отличаются большей эффективностью функционирования по сравнению с другими каналами (опять-таки в сложившихся обстоятельствах), и именно этот факт составляет мотивацию обращения к ним.

Статистический анализ участия социального капитала в стратегиях трудоустройства на современном российском рынке труда (на данных РМЭЗ)

Частотные распределения распространенности отдельных каналов трудоустройства дают лишь поверхностную картину. Выбор способов поиска работы имеет неальтернативную природу, поэтому необходимо выяснить, какое место социальные сети занимают в стратегиях трудоустройства. Осуществить это можно, выделив следующие типы стратегий поиска работы: сетевую стратегию в чистом виде (поиск работы осуществляется только посредством социальных связей), сетевую смешанную (обращение к социальным сетям дополнено использованием других способов поиска работы) и стратегию поиска работы другими способами (обращение к формальным посредническим структурам и/или непосредственно на предприятие).

В качестве информационной базы выбраны данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 1998—2004 гг. Данное исследование дает уникальную возможность не только проследить динамику обращаемости к различным каналам трудоустройства и распространенность различных стратегий поиска работы, но и изучить результативность той или иной стратегии.

Наиболее распространенным является сочетание обращения к социальным сетям с поиском работы по другим каналам, такого типа стратегий придерживаются чуть более половины ищущих работу (рис. 23.1). Поиск работы только посредством личных связей или же, наоборот, только по иным каналам осуществляют примерно 20—25 % всех занимающихся поисками работы.

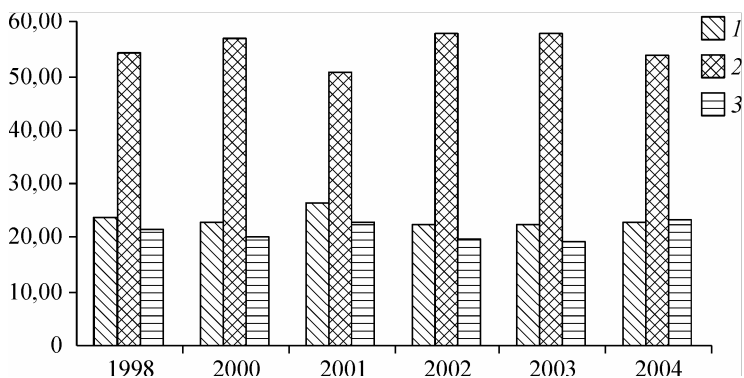

Рис. 23.1. Участие социального капитала в стратегиях трудоустройства в динамике.

1 — сетевая стратегия в чистом виде; 2 — смешанная стратегия; 3 — стратегия обращения к другим каналам.

Источник: рассчитано по РМЭЗ, 1998—2004 гг.

Сетевые стратегии поиска работы внутренне неоднородны: 3,7 % их приверженцев опираются только на родственные связи, а 65,6 % — исключительно на дружеские и знакомственные, и, наконец, 30,7 % сочетают обращения к разным типам связей.

Что касается смешанного типа стратегий, то здесь распространенность сочетаний обращений к социальным сетям с обращениями к другим посредникам такова. Если рассматривать попарные сочетания, то к социальным сетям и в государственные службы занятости обращаются 35,7 % всех приверженцев смешанных стратегий; обращения в кадровые агентства и личные связи сочетают в своих стратегиях 22,3 % данной группы; обращаются напрямую к работодателю и к социальным связям 62,2 % всех индивидов, реализующих смешанные стратегии; и, наконец, сочетают обращение к социальным сетям с поиском работы через рекламные объявления 62,9 % (признак неальтернативен, смешанная стратегия трудоустройства предполагает возможность обращения к более чем двум каналам трудоустройства, поэтому сумма составляет более 100 %).

Анализ динамики показал, что существующие в настоящий момент на российском рынке труда модели поиска работы являются в достаточной мере устойчивыми, что дает основания проводить последующие расчеты на массивах данных 2003—2004 гг.

Имея в виду возможную более высокую эффективность социальных сетей по сравнению с другими каналами поиска работы, можно ли предположить, что индивиды, обращающиеся только к социальным сетям в поисках работы, представляют «привилегированные» группы, а те, кто не использует свои личные связи в поисках работы, — скорее маргинальные? Также важно, что представляют собой смешанные стратегии трудоустройства и какое сочетание способов поиска работы является более результативным? Дает ли в итоге обращение к своим личным связям в процессе поиска работы какое-либо преимущество и каков результат реализации соответствующей стратегии трудоустройства?

Для получения ответа на поставленные выше вопросы необходимо проанализировать социальный портрет групп, характеризующихся различными вариантами участия социального капитала в стратегиях трудоустройства. В этом состоит первый шаг в определении вклада, который осуществляет социальный капитал в конкурентоспособность индивида на рынке труда. Следующим шагом является собственно анализ результативности разного типа стратегий трудоустройства.

Хотелось бы отдельно отметить, что вместо термина «эффективность» в процессе описания и интерпретации полученных результатов используется термин «результативность». С нашей точки зрения, последний в большей степени соответствует возможностям данной информационной базы, поскольку понятие эффективности включает в себя оценку затрат/результатов.

Социальный портрет групп, характеризующихся различными способами участия социального капитала в стратегиях трудоустройства

Для описания социального портрета индивидов, реализующих ту или иную стратегию, были проанализированы коэффициенты корреляции между дихотомическими переменными, отражающими реализацию определенной стратегии поиска работы и наличие у индивида той или иной характеристики соответственно. В списке анализируемых переменных — социально-демографические характеристики (пол, возраст, образование, семейное положение), параметры профессионально-трудового статуса (наличие/отсутствие работы и статус занятости, профессиональная группа) и субъективные составляющие положения индивида на рынке труда (самооценка профессиональной квалификации, готовность приступить к работе в сжатые сроки, уверенность в возможности найти работу).

Статистически значимые связи отображены на рис. 23.2.

Сетевую стратегию в чистом виде, с одной стороны, более склонны реализовывать имеющие работу индивиды, причем работающие на предприятии, в организации (в отличие от самозанятых, случайной занятости). С другой — еще не имеющие опыта работы учащиеся. В целом

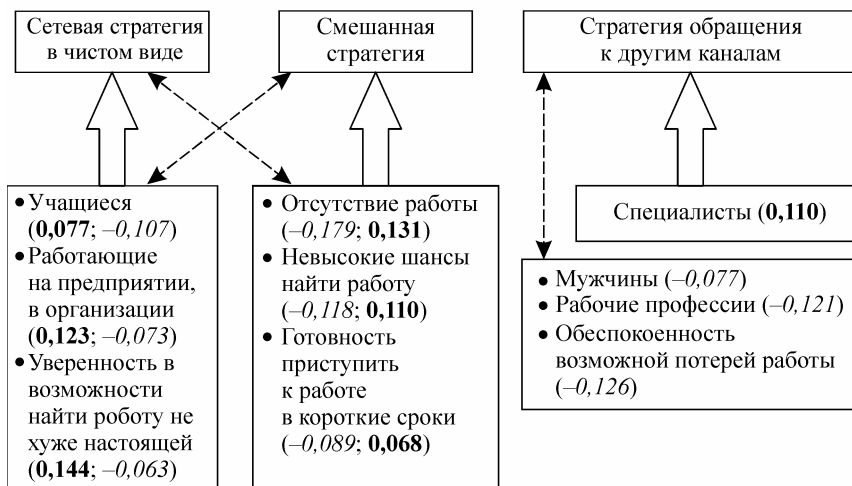

Рис. 23.2. Социальный портрет индивидов, реализующих различные стратегии трудоустройства.

В скобках указаны значения коэффициентов корреляции: жирным выделены положительные связи, курсивом — отрицательные. Соответственно, положительные связи на схеме обозначены жирными однонаправленными стрелками, отрицательные — разнонаправленными штриховыми.

Источник: рассчитано по РМЭЗ, 2004 г.

индивидов, реализующих стратегию поиска работы только по личным связям, характеризует достаточно уверенная позиция на рынке труда (согласно субъективным оценкам): для них характерна уверенность в возможности найти работу, соответствующую их квалификации, отсутствие пессимистичных оценок своей конкурентоспособности и отсутствие необходимости найти работу в сжатые сроки.

Таким образом, социальная база неформальных посреднических структур формируется преимущественно двумя группами: уже имеющими опыт работы и обладающими определенной профессиональной квалификацией работающими индивидами, т. е. располагающими некоторым объемом человеческого капитала, и, напротив, ранее не работавшими, получающими образование индивидами, чей человеческий капитал на данный момент, по-видимому, не достаточен, чтобы удовлетворить требованиям к кандидатам на вакансии, предъявляемым формальными посредническими структурами. Сходный вывод был получен М. П. Казюлей в отношении рынка труда Эстонии: для молодых людей использование социальных связей при трудоустройстве более важно, чем для других возрастных групп. Также была обнаружена большая склонность индивидов с низким уровнем образования обращаться к социальным сетям в поисках работы, опять таки из-за недостатка человеческого капитала [Казюля, 2005]. Образно содержание сетевой стратегии можно выразить поговоркой: «Работа не волк, в лес не убежит».

Разбиение данной группы на более частные виды стратегий по типам использованных связей (родственных или дружеских) дает заметный информационный прирост. Поскольку доля индивидов, использующих только родственные связи в поисках работы, очень мала и статистически не наполнена (восемь человек, или 3,7%), то две группы были объединены, и фактически внутри сетевой стратегии анализировались следующие типы: обращение к одному типу связей (только дружеские) или же использование всех возможных типов связей. Из всех рассматриваемых характеристик социального портрета значимыми оказались гендерные различия: мужчины более склонны использовать связи одного рода (преимущественно дружеские, коэффициент корреляции составил 0,117), в то время как женщины скорее реализуют стратегии, включающие в себя обращение ко всем типам связей. Налицо существенные различия сетевых структур, в которые вовлечены мужчины и женщины.

Следование *смешанной стратегии* предполагает обращение к социальным сетям наряду с другими способами трудоустройства — государственными службами занятости и кадровыми агентствами, рекламными объявлениями и обращениями напрямую к работодателю, на предприятие. Данная стратегия реализуется преимущественно безработными. Субъективные оценки собственной позиции на рынке труда прямо противоположны оценкам индивидов, реализующих сетевую стратегию в чистом виде: невысокие шансы найти работу, необходимость бы-

строго трудоустройства, отсутствие уверенности в возможности найти работу соответствующей квалификации.

Исходя из этого, такую стратегию можно охарактеризовать как типичную стратегию безработного и выразить ее сущность следующим образом: «на связи надейся, но сам не плошай».

Анализируя различные сочетания социальных сетей и других каналов поиска работы, можно сказать, что социальный портрет индивидов, реализующих смешанный тип стратегий трудоустройства, в общем и целом определяется особенностями канала, «дополняющего» социальные сети (подробнее о социальном портрете индивидов, обращающихся к отдельным каналам трудоустройства (см. [Калугина, Лавруевич, 2006]). Таким образом, существенное отличие смешанных стратегий состоит в рассмотрении социальных сетей как своего рода страховки, тогда как в рамках исключительно сетевых стратегий поиска работы обращение к данному каналу трудоустройства обусловлено, по-видимому, иной мотивацией. Поскольку поиск нового рабочего места не является для уже имеющих работу индивидов чем-то остро необходимым, то вполне обоснованно предположить, что социальные сети, которые задействуют занятые индивиды в поисках работы, обеспечивают более «качественное» трудоустройство (т. е. трудоустройство на вакансию, в лучшую сторону отличающуюся от прежней), являются менее затратным способом поиска работы, хотя, возможно, увеличивающим длительность поиска (этот параметр имеющаяся в наличии информационная база зафиксировать для занятого населения не позволяет).

И, наконец, социальный портрет индивидов, реализующих *стратегию поиска работы другими способами* (без привлечения личных связей), в большой степени неоднозначен и разносторонен. В первую очередь такая стратегия поиска работы характерна для работников, находящихся на средних ступенях должностной иерархии (специалистов, в отличие от руководителей и рабочих, как это представлено в исходных переменных). Вторая значимая характеристика — меньшая склонность мужчин прибегать к стратегиям поиска работы, исключающим использование социальных связей. В литературе неоднократно встречаются выводы о разной роли социальных сетей в стратегиях трудоустройства мужчин и женщин [Petersen et al., 2000; Тартаковская, 2004; Рошин, 2004] (это подтверждается также полученными выводами о гендерной дифференциации внутри сетевой стратегии в чистом виде), в частности, о более широких возможностях мужчин использовать свои личные связи в процессе трудоустройства, о более высокой профессионализации и специализации мужских сетей, в отличие от женских. Ранее проведенные нами расчеты (на массивах данных РМЭЗ и Объединенного мониторинг-ВЦИОМа) показали, что женщины более склонны к обращениям в государственные службы занятости, чем мужчины. По всей вероятности, это связано с возможностью получения официального статуса безработного и соответствующей социальной поддержки. В очередной раз

подтверждается вывод о том, что государственные службы занятости помимо информационного посредничества выполняют функцию социальной защиты безработных. Также необходимо обратить внимание на принципиально различную природу «женских» и «мужских» социальных сетей. Для первых конституирующим фактором является коммуникация и солидарность, а для вторых — прагматическая взаимность, первые в большей степени погружены в мир родственных связей, для вторых же более характерна корпоративность [Тартаковская, 2004].

Анализ результативности различных типов стратегий трудоустройства

В качестве индикаторов результативности той или иной стратегии трудоустройства рассматривались следующие переменные: нашел/сменил ли индивид работу, длительность поиска работы (в группе безработных), размер заработной платы на новом рабочем месте (натуральный логарифм).

Что касается наиболее общего варианта типологии участия социального капитала в стратегиях трудоустройства, то здесь существенных различий в результативности стратегий поиска работы по всем рассматриваемым критериям выявлено не было. Стратегии трудоустройства дифференцируются по уровню их результативности в рамках более частных типов стратегий. Таким образом, можно утверждать, что само по себе обращение к личным связям не является фактором преимущества на российском рынке труда (возможно, такой результат обусловлен наличием данных только о каналах поиска работы, а не собственно трудоустройства, поскольку другими авторами на российских данных были получены иные результаты). Имеет смысл говорить о различных комбинациях социального и других видов капитала, о различных характеристиках социального капитала, которые непосредственно влияют на шансы трудоустройства. Социальный капитал представляет собой комплексную характеристику с множеством составляющих, описывающих ее параметров, что достаточно сложно обнаружить в таком исследовании как РМЭЗ.

Стратегия обращения только к социальным сетям: анализ результативности использования различных типов связей

Существенные различия в результативности поиска работы с использованием разных типов связей наблюдаются среди имеющих работу индивидов. Рассматривая такой показатель как сам факт трудоустройства (нашел/не нашел новое рабочее место), можно сказать, что опора только на один тип связей (преимущественно дружеские) с большей вероятностью ведет к трудоустройству, чем использование всех возмож-

Таблица 23.3

Зависимость логарифма заработной платы от типа стратегии трудоустройства

Тип сетевой стратегии трудоустройства	Средний логарифм текущей заработной платы (за последние 30 дней)	Частота	Стандартное отклонение
Стратегии, ориентированные на использование только дружеских связей	8,3711	63	0,6957
Стратегии, ориентированные на использование и родственных, и дружеских связей	7,9104	26	0,7864
Всего, среди придерживавшихся сетевой стратегии трудоустройства	8,2365	89	0,7490

Источник: Рассчитано по РМЭЗ, 2004 г.

ных социальных связей. Показатель результативности поиска посредством сетевой стратегии в чистом виде среди занятых составляет 42,2 %, обращение только к дружеским связям имеет своим результатом 49,2 % трудоустройств (Z -статистика отклонения частот составила 2,2).

Использование частных показателей результативности трудоустройства дало еще более интересные результаты. Так, наблюдается внутренняя дифференциация в заработной плате трудоустроившихся посредством сетевой стратегии в чистом виде (табл. 23.3).

Как показывают результаты расчетов, поиск работы посредством только одного типа связей (причем преимущественно дружеских и знакомственных) результативнее в трудоустройстве на более высокооплачиваемые рабочие места, чем при реализации сетевой стратегии комплексного характера. Одномерный дисперсионный анализ свидетельствует о том, что уровень значимости наблюдаемых различий составляет 0,08. При этом увеличение заработной платы связано именно с качеством социального капитала, которым обладает индивид, а не с количеством использованных способов поиска работы, т. е. показателем интенсивности поиска. Интенсивность поиска работы оказывает влияние на шансы трудоустройства как таковые (данный вывод был получен С. Ю. Рощиным, К. В. Марковой и Н. Смирновой на базе РМЭЗ).

Что касается стратегий смешанного типа, то анализ данных не выявил существенных отличий ни относительно результативности как таковой, ни относительно качественных характеристик нового рабочего места.

* * *

Итак, изучение социального портрета индивидов, реализующих сетевые стратегии поиска работы, и результативности этих стратегий при-

вело к выводу, что существует большое пространство для интерпретации полученных результатов. Использование только личных связей в поисках работы характерно более для занятых, чем для безработных, но в то же самое время и для еще не закончивших образование молодых людей. Причем мужчины склонны к опоре скорее на дружеские связи, тогда как женщины осуществляют поиск работы более комплексно. Одновременно с этим отмечаются более высокая результативность поиска и существенное превышение средней заработной платы индивидов, задействованных преимущественно дружеские связи. Налицо не только общая, но и более частная дифференциация индивидов по уровню конкурентоспособности на рынке труда. Более слабая позиция безработных заставляет их прибегать к более интенсивным стратегиям поиска работы, чем уже имеющих работу граждан. Дифференциация индивидов по типам задействованных связей также свидетельствует о различии их позиций, говорит об их «силе» в данном социальном поле, что и находит выражение в дифференциации «качества» найденных рабочих мест.

В итоге, различие моделей поиска работы в рассматриваемом аспекте определяется все же наличным состоянием человеческого капитала. Различие в заработной плате индивидов, трудоустроившихся посредством использования разного количества и качества связей, говорит в первую очередь о различиях их профессионально-трудового статуса, притязаний и стратегий занятости в целом, что и определяет разную траекторию трудовой биографии. Мужчины не потому находят более высокооплачиваемую работу, чем женщины, причем менее ресурсозатратным способом, что они имеют доступ к «закрытым» социальным сетям, а потому, что сама их трудовая биография имеет ряд отличительных черт (направление связи носит, скорее всего, обратный характер).

Тем не менее, полученные результаты согласуются с выводами, сделанными другими, в том числе зарубежными, авторами. Аналогично, в работах [Lin et al., 1981; Wegener, 1991] утверждается, что, во-первых, слабые связи обеспечивают доступ к индивидам, занимающим более высокое положение, а во-вторых, они более важны для работников из высокостатусных групп, тогда как потребности в трудоустройстве работников из низкостатусных групп способны обеспечить и сильные контакты. Действительно, статистические расчеты свидетельствуют о том, что слабые связи более результативны не только в количественном отношении (большей доле положительных исходов поиска работы), но и в отношении качества рабочего места (более высокая заработная плата). Однако, на те же самые данные можно посмотреть и с другой стороны. Использование только родственных связей как заведомо более сильных, чем дружеские, практически не наблюдается. Наиболее распространены обращение к друзьям/знакомым (65,6 %) и сочетание дружеских и родственных связей (30,7 %). Хотя эти стратегии тяготеют к «слабому» полюсу, однозначно оценить силу связей не представляется возможным. Дружеские/знакомственные связи могут включать как очень сильные

контакты (близких друзей, коллег по работе), так и более слабые (бывших одноклассников и т. п.). Более обоснованной выглядит гипотеза о том, что решение о включении социальных связей в стратегию поиска работы влечет за собой использование всех возможных, пригодных для решения этой задачи контактов. А уже количественный и качественный состав этих контактов в высокой степени обусловлен профессионально-трудовым статусом индивида, т. е. состоянием его человеческого капитала. Дружеские связи и связи по знакомству по определению обеспечивают более разносторонние социальные контакты, чем родственные. Тогда, принимая во внимание то, что интенсивность поиска отражает степень необходимости трудоустройства, можно сказать, что обращение к родственным связям наряду с дружескими является мерой, если не вынужденной, то не необходимой. В поддержку этого предположения можно привести один из выводов австралийских авторов [Stone et al., 2003] о том, что высокообеспеченные социальным капиталом индивиды склонны к трудоустройству посредством профессиональных связей. А профессиональные связи являются не чем иным, как одним из косвенных свидетельств профессиональной квалификации.

Таким образом, социальный капитал не является некой универсальной характеристикой, однозначно влияющей на шансы трудоустройства. Тот «добавочный коэффициент», который он обеспечивает, не является коэффициентом как таковым. Речь идет в первую очередь о качественных различиях в положении социальных групп на рынке труда, и различных, «параллельных» траекториях трудовой биографии.

В этом же ключе интерпретируют результаты своего исследования М. Даверн и Д. Хачен [Davern, Hachen, 2006]. Исследуя влияние структуры социальных связей индивида на трудовую мобильность, они обнаружили, что лишь некоторые их предположения нашли эмпирическое подтверждение. Объяснение такой ситуации, по мнению авторов, состоит в особенностях самого механизма функционирования социальных сетей как канала мобильности. Ценность социального капитала раскрывается скорее в его «качественных», чем «количественных» характеристиках, т. е. заключается, например, в возможности предоставления эксклюзивной информации о вакансиях, «качестве» рабочего места или культурном капитале. Этому не противоречат выводы разных авторов [Якубович, 1999; Knight, 2002; Calvo-Armengol, Zenonu, 2003] о том, что размер социальной сети все же оказывает существенное влияние на шансы трудоустройства (и влияние это прямо пропорциональное). Вопрос в том, что определяет наличие социальных связей, что способствует их накоплению, и тогда социальный капитал уже не является «независимым» фактором, он тесно связан с другими видами капитала, которыми обладает индивид.

И, наконец, необходимо добавить, что представленная в данной работе постановка вопроса о социальном капитале как источнике преимущества для трудоустраивающегося индивида является заведомо непол-

ной. Участниками взаимодействия, сторонами, так или иначе участвующими в заключении контракта, являются как минимум три субъекта: наемный работник, работодатель и агент социальной сети (как посредник между первыми двумя субъектами). Вторичные данные позволяют приблизиться к пониманию позиции только первого субъекта, притом только формально. Какова принципиальная позиция работодателя по отношению к такому каналу трудоустройства как социальные сети? Существует ли она вообще и в чем выражается? Проявляется ли она исключительно в лояльности к соответствующим случаям найма или же состоит в поддержке и содействии инициативам «снизу»? Только ответив на эти и другие вопросы, возможно будет сделать более обоснованные выводы относительно влияния социальных сетей на становление будущего рынка труда, о их функциональной или дисфункциональной роли в формировании конкурентной среды. Насколько органично впишется российский рынок труда в общемировые тенденции, насколько будут соответствовать его возможности вызовам «внешней» среды — не последняя роль в этом процессе принадлежит социальным сетям. К какой форме участия социального капитала в стратегиях занятости придет российский рынок труда определит успешность его функционирования как части глобального рынка.

ГЛАВА 24 | Социальный капитал сибирского села

Стихия рыночных преобразований больно ударила по сельским обществам — и внесла раскол в прежде достаточно однородную структуру сельского населения. Общие проблемы аграрного сектора, связанные с диспаритетом цен на продукцию сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей (машиностроение, энергетика, нефтепереработка и пр.), банкротством большого числа коллективных хозяйств, снижением порядка и ответственности в производственной и бытовой сферах, привели к резкому ухудшению материального положения большинства сельских жителей, усилению имущественного неравенства внутри сел, анклавизации сельских поселений, оставшихся без крупного работодателя.

В данном исследовании мы попытаемся ответить на вопрос: каким образом эти негативные процессы повлияли на уклад сельской жизни, смогли ли оказать им противодействие дружеская поддержка, родственные связи, соседские взаимодействия. Усилились ли в результате распада колхозно-совхозной системы, преодоления товарного дефицита и появления слоя частных собственников на селе прагматичность и расчет-

ливость в межличностных отношениях или же, несмотря ни на что, здесь остается место для солидарности, кооперации, человеческого участия. Можно ли говорить о значительной роли неформальной экономической и социальной помощи в современном российском селе или же она носит избирательный характер и не может быть доступной для всех нуждающихся в ней групп сельского населения.

Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, обратимся к концепции «социального капитала», которая приобрела особую популярность среди отечественных исследователей в последние годы [Радаев, 2003; Сихирев, 2003; Стрельникова, 2003].

С одной стороны, социальный капитал рассматривается как доверие, ценностные установки в рамках сообщества, организации, которые способствовали бы кооперации, взаимовыгодному сотрудничеству и снижению безжалостной конкурентной борьбы. С другой стороны, под социальным капиталом понимается совокупность возможностей (материального и нематериального характера) отдельных индивидов или социальных групп, возникающих благодаря переплетению социальных связей.

По мнению Роуза, «инструментально социальный капитал можно определить как запас социальных сетей в обществе, используемый при производстве товаров и услуг» [Роуз, 2002]. Ф. Фукуяма делает акцент на ценностную составляющую социального капитала, без которого невозможны обмен и взаимоподдержка в рамках социальных сетей. По его мнению, социальный капитал — это «набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [Fukuyama, 1999. P. 30]. Обобщив эти положения, И. Соболева сделала следующий вывод: «...субстанцию социального капитала образуют нормы и ценности, разделяемые социальными группами или обществом в целом. А формирующиеся в этих группах социальные сети выступают как нематериальный носитель социального капитала, его своеобразный скелет. Ведущим в ряду групповых норм является взаимное накопление обязательств и ожиданий в рамках присущего социальной сети радиуса доверия, которое обозначается термином “реципрокность”» [Соболева, 2006. С. 17].

Цитируемый автор указывает на следующую важную характеристику социального капитала: он предстает как неосязаемый, низколиквидный ресурс, который в процессе грамотного использования не уменьшается, а увеличивается за счет накопления доверия, взаимных ожиданий и обязательств, а не будучи задействован — постепенно исчезает. В отличие от экономического капитала социальный капитал, как и человеческий, имеет внутреннюю ценность для его обладателя, не связанную с экономической выгодой, которую он способен приносить. Как правило, люди поддерживают друг с другом долговременные отношения не только и не столько ради прагматических целей, их связывает нечто большее — взаимная симпатия, общность взглядов и интересов, дружеские привязанности, родственные обязательства и пр.

Чаще всего содержательное наполнение категории «социальный капитал» ограничивается социальными сетями. Так, родоначальник этой концепции П. Бурдьё отмечал, что «социальный капитал образован социальными обязательствами и связями, при определенных условиях конвертируется в экономический капитал» и представляет собой «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания». Это дает опору в виде коллективного капитала, репутации, позволяющей получать разного рода кредиты. Объем социального капитала индивида зависит от размера сети его связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым обладает каждый член сети. Прибыль, приносимая членством в группе, лежит в основе солидарности, которая делает возможным ее получение [Бурдьё, 2004. С. 528—529].

В ряде работ отмечается неоднозначная роль социального капитала и социальных сетей для экономического роста [Соболева, 2006]. С одной стороны, сети неформальной поддержки и протекции могут способствовать быстрым темпам развития экономических структур и региональных образований, обеспечивая гибкие формы взаимодействия между членами сети, облегченный доступ связанных между собой акторов к информации и кредитам. С другой стороны, сеть плотно связанных между собой индивидов и неформальных групп может стать основой для появления мафиозных структур и сегментации (фрагментации) социального пространства, фактором ограничения доступа других акторов к дефицитным ресурсам и создания барьеров для их функционирования. Возникающие за счет этого монополии становятся тормозом на пути развития общества. С такой точки зрения социальный капитал может способствовать экономическому, социальному и политическому расщеплению.

В отечественной социологии концепция «социального капитала», «социальных сетей поддержки» нашла широкое применение в исследованиях межсемейных взаимодействий и способах выживания разных социальных групп в условиях социально-экономических трансформаций [Фадеева, 1999; Давыдова, 2002; Овчарова, Прокофьева, 2002; Штейнберг, 2003; Барсукова, 2004; и др.].

Межсемейные сети экономических отношений определяют сообщество связанных между собой экономическими узами семейств, которые на добровольных началах обмениваются между собой благами и услугами в течение достаточно продолжительного времени и на определенно значимом уровне. Эта связь не строится по принципу иерархичности обменов, который главенствует, например, в случае «патрон-клиентских» отношений. Отношения в «сети», как правило, несут социально-личностную окраску, т. е. помимо или взамен экономического расчета семьи вступают в сетевое взаимодействие по причине родствен-

ной или дружеской близости, общности соседских (поселенческих) и других интересов, выбирая себе «партнеров» из числа приятных (симпатичных) им семей. Важной характеристикой таких отношений становится выполняемая ими страховочная функция в самых непредвиденных или кризисных случаях, когда у семьи либо отсутствуют иные способы решения своих проблем, либо они слишком «затратны» для нее.

Можно выделить следующие виды сетевых отношений:

а) *«безвозмездная помощь»* — взаимодействие, которое носит неэквивалентный характер и осуществляется в пользу одной из сторон. В этом случае роли донора и реципиента четко поделены;

б) *«прямые обмены»* — отношения, в которых семьи оговаривают между собой эквивалент обмена одного продукта на другой (или на такой же, но предоставленный в более поздний срок), продукта на услугу или услуги на услугу и устанавливают сроки завершения обменной операции;

в) *«косвенные обмены, растянутые во времени»* — возникают тогда, когда прямых договоров между участниками обмена не заключается, но стороны твердо знают, что впоследствии помогающей стороне также будет оказана та или иная помощь. При этом, как правило, не фиксируются ни эквивалент, ни сроки окончания обменной операции;

г) *«кооперация, поочередный совместный труд»* — отношения, при которых семьи кооперируют свои трудовые усилия и (или) производственные мощности для поочередного выполнения необходимых работ в своих хозяйствах.

Сетевые отношения между семьями и отдельными индивидами могут строиться на экономической основе, а в качестве ресурсов, циркулирующих в сети, могут выступать деньги, материальные блага, помощь трудом, услуги, информация и консультации экономического порядка. Это может быть «спящий», неактивированный резерв, когда люди, не общаясь с кем-то долгое время, тем не менее, уверены в том, что им не откажут в помощи. Важно понять, почему люди рассчитывают на эту поддержку — какие события в прошлом или же специальные действия в настоящем способствуют формированию этой «страховой базы».

Но социальные сети, как уже отмечалось, не могут обладать долговременным эффектом без сохранения между людьми отношения доверия и потребности в регулярном контакте, общении. В связи с этим качественной составляющей сети должна выступать социальная связь между людьми, которая поддерживается в рамках повседневных коммуникаций (тесное общение, обмен информацией), принимает характер психологической поддержки (сопереживание, совет), а в некоторых случаях проявляется как политическая, фракционная поддержка, когда представитель сети, наделенный властными полномочиями и обладающий мощным авторитетом, может защитить интересы представителей «своего лагеря», «своей сети», солидаризоваться со «своими», обеспечить им протекцию в решении тех или иных вопросов.

После необходимого теоретического введения остановимся на описании проявления социального капитала в сельской местности и той роли, которую он играет в сельских сообществах в настоящее время*. Начнем наш анализ с представления ситуации в тех селах, где потребность в социальной защите и неформальной поддержке на сегодня максимальна. Речь идет о сельских поселениях, где в результате банкротства предприятий население в массовом порядке потеряло работу и было вынуждено искать новые, порой экстравагантные источники выживания. На сегодня, по разным оценкам, в Новосибирской области на территории как минимум каждого пятого сельского поселения полностью ликвидировано производство**.

Социальный капитал как ресурс самоорганизации сельских сообществ

Наши исследования в «безработных» селах показали, что далеко не все сельские сообщества смогли справиться с обрушившейся на них ситуацией распада коллективного хозяйства и появления массовой безработицы. Можно выделить два сценария развития ситуации после того, как люди осознали, что на смену развалившегося предприятия ничто не придет.

В первом случае такой оборот судьбы спровоцировал рост взаимного недоверия и разобщенности среди односельчан, а также стремления, не думая о ближайшей перспективе, опередить других в «утилизации» оставшейся от хозяйства техники, сдаче цветного металла вплоть до проводов местных ЛЭП, разборе бесхозных помещений и т. д. Люди постепенно уединялись в своих личных хозяйствах, иногда намеренно отстраняясь от прежде популярного общения с соседями и регулярных посиделок на лавочке перед домом. В таких селах рост материального неблагополучия становился поводом отказа от моральной заповеди «не укради»:

* Информационной основой данного исследования послужили материалы двух исследовательских проектов: 1) исследование проблем занятости сельского населения, проживающего в поселках без крупного работодателя. Обследование проводилось сотрудниками ИЭОПП СО РАН в 2004—2005 гг. в семи из 30 районов Новосибирской области благодаря поддержке РГНФ (грант № 05-03-03290а). Всего было опрошено 308 сельских безработных в 78 населенных пунктах, большинство из которых не имеют на своей территории крупных предприятий. Также были проведены глубинные интервью с главами районных и поселковых муниципальных образований, руководителями ликвидированных и действующих сельскохозяйственных и других предприятий; 2) исследование «Социальное расслоение и бедность в сибирской глубинке», проведенное преподавателями НГУ в 2006 г. в одном из сел пригородного района Новосибирской области при поддержке Фонда «Хамовники». Было собрано более 80 глубинных интервью с жителями села, представляющими разные социальные группы.

** Подробнее об этих процессах см. [Калугина, Фадеева, 2005, 2006].

«Ну, сейчас воруют много — ничего оставить нельзя. В ограде мы ничего не оставляем, и гаражи закрываем, и баню уже закрываем, ну, все закрываем. Белье даже и то боимся на ночь оставлять. Раньше такого не было: уходили на весь день, дверь открытая была, никто не зайдет».

Там, где мелкие кражи становились привычным явлением, люди со временем переставали доверять друг другу, старались все прятать под замок, им было трудно объединиться для решения общих проблем. Например, собрать деньги для ремонта водопровода, осадить распоясавшихся хулиганов, договориться о создании сбытового кооператива для продажи продукции личных хозяйств. Оставалась одна надежда на местные власти — на то, что они выбьют ресурсы, наведут порядок, подкажут, как жить дальше.

Вот весьма характерное описание безысходного существования людей в «брошенном» селе, где коллективное хозяйство прекратило свою деятельность более 10 лет назад:

«И грыземся, и мирно живем. Сейчас больше каждый себе пытается оторвать. Расслоения большого среди людей нет. Зависть возникает тогда, если кто-то держит больше хозяйство, чем у других. Доверия большого среди людей нет. Можешь дома ночь или день не побыть, придешь, а у тебя там уже все вытащат. У меня вот топор уперли — это сделали соседи, просто через забор перелезли. Вот у одной бабушки в летней кухне стояла бутылка масла подсолнечно-го — ее уперли. Фляги, все тянут. Здесь царит атмосфера брошенности. Про нас уже лет десять никто не вспоминает».

Для второго сценария характерно то, что общие беды, связанные с потерей работы и изменением привычного уклада жизни, объединяли людей и вызывали усиление взаимоподдержки. Однако по-настоящему сплотить людей помогало общее дело, поиск новых экономических ниш и способов существования. Чтобы этот процесс самоорганизации начался, как правило, требовалось появление инициативного лидера, который, сумев перебороть апатию и неуверенность односельчан, предложил бы план дальнейших действий. И хотя возможности для возрождения сел в нынешних условиях достаточно скромны, огромное значение имел сам факт того, что люди не опускали руки и пытались что-то делать — например, направляли все силы на развитие семейного подворья, занимались сбором грибов и ягод («в промышленных масштабах»), заготавливали кедровые орехи и дрова на продажу, пытались привлечь в свои села городских туристов, жаждущих окунуться в мир природы, не тронутой цивилизацией.

Роль местного лидера в таких случаях многопланова. Он может выполнять функции «третьего судьи», разбирая бытовые споры односельчан, находить способы уговорить нарушителей общественного спокойствия, организовывать культурную жизнь села, выступать посредником (просителем) в отношениях между всем сообществом и официаль-

ными властями. Он, как правило, поддерживает контакты с внешним миром и становится непререкаемым авторитетом внутри села. Оказываемое односельчанами доверие к такому лидеру может стать дополнительным ресурсом не только для выживания села, но и для нахождения новых и весьма нетрадиционных источников развития.

Чтобы не быть голословными, приведем конкретные примеры поддержания социального порядка в безработных селах, где люди в большей части были брошены на произвол судьбы.

В одном из сел самого отдаленного района Новосибирской области в результате неудачной попытки разделения местного колхоза на множество фермерских хозяйств люди потеряли работу еще в начале 1990-х гг. Однако это не стало началом разрушения села — большая часть населения сохранилась и через 15 лет после развала колхоза. К числу важнейших причин такого благоприятного исхода можно отнести создание автономной и управляемой снизу системы сельской инфраструктуры под руководством главы администрации местного муниципального образования. Бывший главный инженер распавшегося предприятия, возглавивший сельскую администрацию, сумел перевести на баланс своего ведомства часть колхозной техники, чтобы иметь все необходимое для поддержания жизнедеятельности оставшегося без организованной работы населения.

Вот как объясняет свои действия сам представитель местной власти:

«Я всегда стремился к тому, чтобы ни от кого не зависеть. У нашего муниципального образования есть своя техника: два автобуса, микроавтобус, уазик, грузовой автомобиль, гусеничный трактор, колесный трактор, пожарный автомобиль, а также плуг, грейдер, бульдозеры. Я организую доставку людей из другого малого села сюда к автобусу, который идет в райцентр, составляю на неделю график использования всей техники. Все жители наших двух сел могут нанять муниципальный трактор, чтобы распахать свои огороды. Стоимость этих услуг невелика и составляет всего 20 рублей за сотку. В райцентре за аналогичную работу владельцы частной техники берут по 50—80 рублей. Фрезерование земли у нас стоит 40 рублей/сотка, в райцентре доходит до 100 рублей. Я намеренно своими расценками формирую альтернативу частникам, чтобы они не задирали цены на свои услуги».

Этот же глава сельской администрации сумел привлечь городских заготовителей и обеспечить организованную закупку кедрового ореха у населения по достойным ценам.

В другом безработном селе, где за пореформенный период население сократилось до 80 человек, обязанности неформального мэра добровольно взял на себя заведующий местным клубом. Он подошел к этому с выдумкой и изобретательностью. Стремясь поддержать культурную жизнь села, «мэр» регулярно приглашает на сельские праздники новосибирских артистов, используя для этих целей поддержку областных депутатов. Активно борется с местным пьянством, ведя специальные

репортажи по внутрисельскому радио. В его ближайших планах — приобрести видеокамеру на деньги областных спонсоров, чтобы готовить телевизионные выпуски народного «Фитиля», разоблачающие злостных нарушителей порядка, и показывать их в местном телеэфире. Он держит постоянный контакт с районной службой занятости и помогает особо нуждающимся односельчанам обрести статус безработных и получить пособие.

В селе пригородного района, где также распалось сельхозпредприятие, центром самоорганизации стала местная школа. Ее директор, по совместительству староста села, в момент нашего приезда был озабочен тем, как «выбить» на школу трактор и уазик, чтобы использовать эту технику во благо жителей всего села: что-то привезти, расчистить, вспахать, убрать, отвезти стариков и детей в райцентр, в город. Здесь, как и во многих других селах, для улучшения питания школьников и удешевления школьных обедов учителя и ученики выращивают и перерабатывают своими силами овощи, родители снабжают школьную столовую мясом, местный фермер поставляет хлеб из своей хлебопекарни.

Приведенные примеры наглядно подтверждают высказанную Портесом и Муни мысль [Portes, Mooney, 2003] о том, что на пути разрушения устоявшегося общественного порядка в результате наступления капиталистических принципов эффективности и морали «каждый сам за себя», способствующих атомизации общества, могут встать солидарность и накопленный социальный капитал сообществ. Тем самым опора на доступные посредством социальных сетей ресурсы, оттесняя индивидуализм, способна смягчить разрушительный характер экономических преобразований.

Наше обследование показало, что в малых сельских поселениях, числом не более 100 жителей, люди более позитивно, чем в более крупных селах, рассуждают об изменении отношений между односельчанами в «эпоху перемен» (табл. 24.1). Конечно, банкротство основного предприятия в маленькой деревушке с одинаковой силой ударило по всем жителям без разбору, в то время как в более крупных поселениях возможности для дифференциации уровня жизни населения и использования разных способов адаптации к произошедшему оказались гораздо существеннее, вследствие чего усилилось неравенство и возникла враждебность в отношении к тем, кто смог и в этой ситуации добиться успеха. Однако именно сплоченность и солидарность жителей тех малых сел, где были найдены собственные рецепты самоорганизации, помогли им преодолеть возникшие трудности. В крупных селах коллективный потенциал выживания оказался существенно подорван.

Однако нельзя напрямую увязывать коллективистский дух и устремленность к внутрисельскому благополучию только с масштабами сельских поселений. Мы не раз сталкивались с тем, что в крупных селах, которых не затронули процессы деградации, сохраняется дух здорового соперничества и конкуренции, идущий во всеобщее благо. Те люди, ко-

Таблица 24.1

Распределение ответов на вопрос «Как изменились отношения между людьми в вашем селе в последнее время?» в разных типах сельских поселений, % к числу ответивших

Ответ	Численность населения в селе, чел.				В среднем
	до 100	101—500	501—1000	свыше 1000	
Трудности сплотили людей	17,6	20,6	11,7	5,4	15,9
Трудности разъединили людей	61,8	71,4	79,2	78,4	72,1
Произошло расслоение людей	58,8	68,3	67,5	83,8	67,9
В селе все стали жить одинаково	29,4	27,0	20,8	2,7	23,1
Люди стали более дружными, заботливыми	23,5	19,8	9,1	5,4	16,2
Люди стали чаще конфликтовать	57,4	67,5	79,2	78,4	69,5
Люди стали больше доверять друг другу	14,7	11,1	3,9	2,7	9,1
Люди стали меньше доверять друг другу	64,7	77,0	88,3	83,8	77,9
Люди ощущают заботу о себе со стороны государства	8,8	9,5	5,2	2,7	7,5
Люди ощущают себя брошенными на произвол судьбы	80,9	83,3	85,7	91,9	84,4

торые живут хорошо, зажиточно, стараются сделать свое благополучие наглядным и демонстративным. Символы достатка проявляются в красиво построенном заборе, искусно спроектированном цветнике и по всем правилам разбитом газоне, которые, несмотря на ограждение, доступны взору проходящих мимо. И это не всегда рождает зависть и злость, скорее, наоборот, работает как стимулирующий фактор, сигнал действия для других хозяев:

«Вот по улице идешь и видишь, что у Надежды Михайловны уже георгины зацвели, а у меня еще нет ничего. Вот она рано садила, видно, не ленивая... Все стараются как-то получше сделать — что-то и покрасить, и обиходить как-то».

Эта открытость в выражении своего статуса заставляет других поднапрячься, не отставать, применить смекалку и изобретательность. Культ чистоты и порядка под воздействием неотступного социального контроля приживается не только в частных усадьбах, но на деревенских улицах, а также в местах общего пользования в многоквартирных домах, которыми застраивались некоторые села в советскую эпоху:

«Раньше всяко было в подъезде: и чисто, и грязно. И ругалась, чтоб порядок был, чтоб было всегда хорошо... Любим чистоту — этого у нас не отнимешь. Все за нее боремся. Все время белим сами, красим сами, все делаем сами. Собираемся, складываемся, и никто никогда не возражает».

Завершая этот параграф, нельзя не отметить тот факт, что разрушение колхозной модели жизнеустройства и приход в село частнособственнических отношений не могли не сказаться на межсоседских и родственных связях. Также прошедшие с момента начала реформ 15 лет постепенно отучили селян полагаться на «бесплатную» помощь и патернализм коллективных хозяйств, им в спешном порядке пришлось обучаться рыночным принципам хозяйствования и правилам свободного найма. О том, какие особенности приобрели внутридеревенские отношения в условиях «наступления капитализма», и пойдет дальше речь.

«Капитализм» в отдельно взятом селе: элементы коммерциализации внутридеревенских отношений

Распад коллективных хозяйств или сокращение их возможностей в оказании помощи своим работникам в ведении личных подсобных хозяйств поставили перед сельскими жителями задачу поиска иных способов ведения хозяйства. Если еще не так давно колхоз или совхоз отвечал практически перед всеми жителями села за доставку топлива в их дома, обеспечение кормовой базы для частного скота, предоставление техники для хозяйственных нужд, безотказную работу объектов социальной инфраструктуры, расчистку дорог и пр., то сейчас любое держащееся на плаву сельхозпредприятие предпочитает всячески минимизировать свои затраты даже на обязательные услуги. Из интервью с работницей сельхозпроизводственного кооператива:

«Положено еще и сена выписывать в хозяйстве, но нам сена вообще не дают никогда. Раньше хоть как-то помогали с покосами — что технику какую-то давали или погрести, или подкосить. А сейчас вообще ничего не делают, кроме как осенью, если добьешься вывезти трактором сено на вилах, и все. Так это надо ходить изо дня в день месяца два на бригаду, просить».

При этом успешные в экономическом плане сельхозпредприятия уже полностью перешли на принципы денежной оплаты — и только в качестве арендной платы за сданный в их пользование земельный пай выделяют дольщикам земли, являющимся одновременно и работниками предприятия, относительно небольшие объемы муки и комбинированного корма.

В связи с этим у селян возникла насущная потребность в найме частных лиц для решения разных хозяйственных проблем, покупке ресурсов для ведения ЛПХ. Воспользоваться, как раньше, дружескими связями или блатом для доступа к колхозным закромам и технике стало намного труднее. Вследствие этого роль денег во внутридеревенских коммуникациях заметно возросла, а ведение собственного хозяйства стало намного более затратным и менее выгодным делом в связи с ликвидацией принципа бесплатного наделения ресурсами и осуществлением боль-

шего числа трансакций по рыночным ценам. Надо заметить, что и прежний всеильный эквивалент всяческих обменов — алкоголь — в последнее время серьезно ослабил свои позиции.

Из интервью:

«Директор СПК говорит: “Я же вам выкосил сено! Я же вам помог!” Ну, вот это и помощь. Но чем это сено грести, чем метать, чем толкать? Нечем! Попробуй, притащи в такую даль зарод сена. В прошлом году мы ждали-ждали, когда нам его притащат. Сначала сказали, что не будут вообще эти зароды таскать — то солярки нет, то не на чем, так как транспорта нет. Пришлось нам частного нанимать, он с нас взял 1300 рублей. Чтобы сгрести сено, мы опять частного нанимали, ему платили».

Приватизация имущества колхозов и совхозов в начале 1990-х гг. обеспечила укрепление материальной базы индивидуально-семейного и фермерского секторов. Количество средств производства (тракторов, комбайнов, большегрузных машин и др.) в единоличном владении стало сопоставимым с машинным парком сельхозпредприятий благодаря выделению имущественных паев, списанию и перепродаже технических средств. Владельцы этой техники постарались провести ее восстановительный ремонт и с помощью регулярного технического обслуживания поддерживают ее в рабочем состоянии, используя не только для личных нужд, но и для обслуживания «безлошадных» семейных хозяйств.

Очевидно, что подобного рода услуги не могут быть бесплатными. Но вот брать деньги за то, чтобы скосить сено, привезти дрова, отвезти что-то в город и пр., со знакомого или с соседа не всегда уместно. И дело здесь не только в личных связях, не терпящих «сухих» денежных расчетов, но и в недостаточной платежеспособности «клиента»:

«В хозяйстве если технику дают, то деньги шибко высчитывают за это. Стараешься так, чтоб у кого техника есть, с ними вот спариваться: им помог, они мне помогли...»

В реальности практикуются весьма разнообразные способы благодарности за оказываемые услуги между односельчанами:

«Вот один фермер нам покосил, за это попросил дров попилить ему»; «Там меня просили на уборке помочь — попахать. Поработали днем, а потом поехали мне за дровами».

Как мы можем судить, сельские жители не спешат придать монетарным отношениям всеобъемлющий характер, перейти на принцип «Все продается — и все покупается». Чтобы сгладить моральное неудобство из-за возникшего в дружеском или родственном кругу материального неравенства, в межсемейных, межличностных отношениях предпочтение будет отдаваться бартерным сделкам, не всегда эквивалентным с точки зрения существующих тарифов и расценок. До сих пор по знакомству, без требования оплаты люди могут уступить нуждаю-

щимся владельцам ЛПХ на время свои «родовые» покосные угодья, которые, как правило, не имеют официального оформления и закреплены за определенной семьей согласно местному «неписаному праву».

Даже самые сложные испытания не в силах окончательно разрушить укоренившиеся в российском селе традиции добрососедства и взаимопомощи. Как правило, пожилым людям, живущим на окраине, более молодые соседи не откажут в покупке товаров в магазине и мелкой помощи по хозяйству, снабжении молочными и другими продуктами, т. е. возьмут на себя выполнение роли добровольного социального работника. Так сложилась сегодня ситуация, что быть в хороших отношениях с пенсионерами еще и выгодно в силу их кредитоспособности. Парадоксально, но факт: именно деревенские пенсионеры имеют в нынешних условиях наиболее стабильное поступление денежных средств и, по местным меркам, относятся к числу благополучных в материальном отношении групп. Поэтому, пользуясь расположением и чувством признательности престарелых соседей, при оказании им повседневной поддержки всегда можно рассчитывать на то, чтобы занять небольшую сумму денег, а иногда и добиться прощения долга. Как правило, точного учета актов подобной взаимовыручки между соседями нет, но на фоне регулярных походов в гости друг к другу и обстоятельных обсуждений течения местной жизни между ними крепнет чувство доверия и защищенности. Мы наблюдали также случаи, когда пенсионеры одного села создали между собой нечто вроде кассы взаимопомощи: зная точную дату получения пенсии каждого, они сформировали своеобразный график возможного получения кредита под залог будущей пенсии.

Во многих селах по-прежнему принято безвозмездно отдавать детские и другие вещи, бывшие в употреблении, всем тем, кто в них нуждается. Это может происходить через официальные социальные службы, которые занимаются сбором вещей и затем распределяют их по семьям, состоящим на учете как малообеспеченные. Но чаще всего люди несут одежду, из которой выросли их дети или внуки, тем, кого знают лично, не оставляют в беде погорельцев и переселенцев, обеспечивая их предметами первой необходимости. О таких случаях не раз вспоминали наши респонденты. При этом они особо подчеркивали, что подобная помощь имеет свои границы. Если даритель увидит, что с его вещами обращаются неаккуратно, не заботятся об их сохранности и чистоте, то в следующий раз эту семью он обойдет стороной, найдет тех, кто воспримет этот подарок с должным пониманием и благодарностью. Можно сказать, что общесельская поддержка требует определенных обязательств со стороны реципиентов, получателей помощи — их поведение должно вписываться в определенные моральные и этические каноны.

Вместе с тем взаимопомощь в рамках сетей личных знакомств может выстраиваться сообразно рыночным принципам, а в некоторых случаях услуги соседям и знакомым становятся особой формой предпринимательства, в которой подыскиваются устраивающие всех эквиваленты

обменов, подсчитывается выгода сторон. Так, в одном из сел домохозяйка, имевшая опыт работы в сфере торговли, несмотря на то, что семья вполне успешно стал обеспечивать муж-строитель, не спешила растаться со знакомым делом: регулярно ездила в город, чтобы закупить одежду и товары для дома на барахолке, а потом с небольшой наценкой сбывала эти товары своим подружкам. Но в большей степени ее предпринимательский запал проявился в организации «огородного» бизнеса:

«Я с огорода работаю. У меня люди приходят — кому огурцов надо, кому чего, ленятся же сами садить. Я для этого специально сажу большую плантацию всей этой “гадости”: помидоры, огурцы, сейчас вот уже перцы у меня покупают, баклажаны пошли — все тут. Сейчас помидоры начинают спеть, я не переживаю. Я даже пускай не деньги возьму, а с кем-то могу поменяться. У нас нынче с картошкой плохо — и я могу выгодно отдать ведро перцев за ведро картошки... Где-то с кем-то на мясо меняюсь или на корма».

Иногда за помощью по разным делам эта респондентка обращалась к своей подружке — просила что-то покрасить в доме, прополоть огород. Но на все предложения хозяйки заплатить деньги за работу подружка отвечала отказом, несмотря на то, что серьезно нуждалась в средствах:

«Деньги она никогда не берет. Или продукты, потому что она детдомовская, у нее вообще ничего нету, или вещи. Вот раз кресло ей подарила за то, что она помогла мне картошку прополоть».

Завершающим же ритуалом в таких случаях становилось совместное застолье двух подруг и разговоры по душам.

Однако наряду с практикой взаимовыгодных обменов в современном российском селе серьезное развитие получил неформальный трудовой найм. Можно констатировать, что за годы преобразований на селе возникла специфическая армия наемного труда из числа тех, кто уволился с постоянного места работы или был уволен за дисциплинарные проступки. Эти люди востребованы в семейных и фермерских хозяйствах в качестве сезонных временных работников. В селе сформировалась особая ниша для тех, кто не желает регулярно трудиться, — безработному можно калымить заготовкой топлива, собирать и сдавать металлолом, заниматься сбором ягод и грибов, ловлей рыбы. Поденщики, как называли в старину такого рода работников, нанимаются к односельчанам колоть дрова, сажать и убирать картошку, копать землю под овощные культуры, помогать в делах по дому, ухаживать за скотиной в тех семьях, где хозяйка плотно занята на работе, зимой сбрасывать снег с крыш. Даже копать могилы сейчас все чаще доверяют людям без постоянных занятий. Из интервью с «профессиональным» поденщиком:

«Кто-то дрова ходит колет, кто-то зимой управляется в коровнике. По осени, зимой скот забивают. Люди нас сами просят. На покос, бывает, зовут. Тоже на покос ездим».

Эти люди могут быстро переключаться с одной работы на другую, у них многообразная сфера приложения труда, особенно летом, когда «работа их ищет» и заработать 500 рублей за короткий срок — не проблема. Плохо и голодно зимой, когда возможности подработок резко снижаются. Такой поденщик, как правило, работает рывками по мере возникновения потребности в средствах на текущее весьма скромное пропитание, уклоняясь от постоянного трудового контракта. И при этом нередко нацелен на халтуру, стараясь замаскировать результаты своего труда хотя бы до момента расплаты. Поэтому в найме таких людей могут быть заинтересованы лишь те домохозяйства, у которых нет иной альтернативы выполнить тяжелую физическую работу, — в первую очередь пенсионеры, а также те, кто нуждается в дешевой рабочей силе и имеет возможности осуществлять тотальный контроль за ненадежными работниками.

Среди родственников и близких друзей, как и прежде, весьма распространена модель «помощи по кругу» в хозяйственных делах, требующих большого количества свободных рук. Яркий пример — это посадка и копка картошки, которые превращаются в своеобразный ритуал единения семейного клана:

«Садить картошку вот так, чтоб гурьбой. Все набежали, за час и засадили уже. По цепочке, поочередно — за день всем и посадили».

Подобная кооперация возникает и в момент осеннего забоя скота, проведения объемных строительных, ремонтных работ.

Сетевые принципы проявляются в организации сбыта продукции, произведенной на семейных подворьях. Сдать мясо или картофель оптом сельским производителям, как правило, можно без особых затруднений — в этом отношении хорошо работает многочисленная сеть перекупщиков, направляющих в город потоки продовольствия из личного подсобного хозяйства. Однако продать такой быстропортящийся товар, как молоко, сметана, сливки, творог, внутри села достаточно сложно, а везти его на городской рынок — весьма хлопотно и рискованно. Поэтому сельские семьи, занимающиеся регулярной продажей молочной продукции, стремятся сформировать круг своих постоянных покупателей, гарантируя им высокое качество и регулярность поставок. Кто-то практикует реализацию товаров «по заказам» знакомых и сослуживцев, кто-то снабжает своими продуктами приезжающих на лето дачников. Но наиболее успешными продавцами становятся те, кто сумели создать собственную клиентуру из числа горожан, по достоинству оценивших их продукцию. Поэтому, как нам говорили респонденты, если такой сети нет, попытки выхода со своим товаром на городской рынок могут привести к напрасно потерянным времени:

«Если на рынок ездить, то надо иметь клиентов, постоянных покупателей».

Обобщая, можно сказать, что разнообразие социальных сетей и форм взаимоподдержки несомненно играет позитивную роль в адаптации сельских жителей к новым жизненным обстоятельствам, помогает им выгодно кооперироваться, оптимизировать использование дефицитных ресурсов, создавать новые успешные предпринимательские структуры, фермерские хозяйства на основе дружеских или родственных отношений. Но вместе с тем, в интервью с руководством сельхозпредприятий и других организаций не раз звучала мысль о том, что неформальные отношения, сложившиеся в сельских сообществах и составляющие основу социального капитала, могут негативно сказаться на жизнеспособности коллективного хозяйства (бывшего колхоза или совхоза) и, в конечном счете, привести к его гибели.

Рядовые работники, не получающие достойную зарплату за свой труд и вынужденные больше производить продукции на своих подворьях, чтобы прокормить свои семьи, кровно заинтересованы в бесплатном получении ресурсов для откорма личного скота, что побуждает их искать любые лазейки для присвоения «колхозной» продукции. С этой целью конструируются «деловые связи», обеспечивающие доступ к ресурсам предприятия и помогающие перенаправлять определенный поток «чужой» собственности в семейные хозяйства*. Если большинство членов трудового коллектива считают для себя возможным участвовать в такой схеме нелегального перетока ресурсов, то вопрос жизнеспособности хозяйства в условиях, когда зарплата выплачивается нерегулярно и расшатана исполнительская дисциплина, становится практически неразрешимым. Общность интересов и ценностных установок работников всех звеньев, включая тех, кто отвечает за сохранность имущества, способствует быстрому подрыву ресурсной базы сельхозпредприятия. Общественным мнением, как правило, осуждаются лишь те случаи, когда украденные корма, бензин, запчасти, молодняк не идут на «благое дело», т. е. на семейное подворье, а перепродаются или вымениваются на водку, самогон.

К тому же в такой атмосфере «круговой поруки» трудно контролировать надлежащее выполнение работниками их профессиональных обязанностей. Трудно также осуществить и эффективную реструктуризацию персонала и избавиться от нерадивых работников. Зачастую от решительных мер руководство предприятий отказывается по общечеловеческим, моральным соображениям. Действительно, если лишить человека работы, то на какие средства будет существовать его семья? Мы не раз сталкивались с тем, что увольнение прогульщиков и пьяниц в хозяй-

* Подробно о формировании особой модели трудовых отношений в селе, в основе которой лежит комбинация занятости в крупном хозяйстве и личном подворье, под названием «паразитический симбиоз» см. [Фадеева, 2003]. Описание конкретных практик конструирования и функционирования «деловых» связей, обеспечивающих переток ресурсов, см. [Фадеева, 2002].

ствах стало скорее профилактическим мероприятием. Через определенное время этого человека снова принимают на работу, объясняя это нехваткой рабочих рук. А в качестве гарантии требуют в лучшем случае справку об очередном кодировании от алкогольной зависимости. В одном хозяйстве для облегчения этой процедуры была разработана специальная схема: средства на кодирование (от 500 до 700 рублей) выделяла служба социальной защиты на основании того, что семья работника относилась к категории малообеспеченных.

На этом фоне в фермерских хозяйствах и частных фирмах отбор наемных работников ведется гораздо тщательнее, чем в большинстве сельхозпредприятий, ведь в условиях самостоятельного хозяйствования, несущего в себе серьезные риски, от деловых качеств потенциальных работников во многом зависит успех всего дела. Для частного работодателя важен не только уровень квалификации нанимаемого работника, но и особенности его характера и личные пристрастия. В этом случае репутация работника становится добавочным аргументом в конкурентной борьбе за весьма дефицитные места работы с хорошей оплатой. Однако далеко не во всех селах наблюдается эта конкуренция — фермеры в один голос говорят о том, что найти среди бывших работников колхозов и совхозов опытного и непьющего механизатора, чтобы предоставить ему в пользование дорогостоящую технику, сейчас огромная проблема. Это является естественным последствием ставшего очевидным в последние 10—15 лет падения престижа крестьянского труда и деградации трудового потенциала российского села.

В последние годы в разных селах бремя основных спонсорских взносов и участия в разных мероприятиях социального характера, начиная от покупки компьютеров и книг для школы, ремонта клуба, проведения различных празднеств и торжеств и кончая расчисткой внутрисельских дорог, нередко ложится на плечи сельских предпринимателей. Владельцы сельских магазинов, главы крупных фермерских хозяйств, подчиняясь неписаным законам «моральной экономики» [Скотт, 1992], считают эти благотворительные акции необходимым элементом их включенности в жизнь села и своего рода социальным налогом на богатство.

Поддержка в семейном кругу

Как бы ни были развиты внутрисельские отношения, в основном чувство защищенности возникает у людей в кругу своей семьи, среди ближайших родственников. Именно поддержка родных и близких в трудных жизненных ситуациях, интенсивность повседневных обменов продуктами, возможность воспользоваться всегда открытой «кредитной линией» становятся залогом сохранения семейного достатка и относительно стабильного положения в самых неблагоприятных условиях. Но рассчитывать на родственную помощь сегодня могут далеко не все. По данным наших опросов в «безработных» селах, только 38 % респон-

дентов считают, что преодолевать жизненные трудности им помогают дети и близкие родственники. Еще 35 % опрошенных сельских жителей сказали, что в этом привыкли полагаться только на себя, а 21 % ответили, что помощь в таких ситуациях им получить не от кого.

Далеко не все наши респонденты смогли проявить себя в качестве «доноров». Треть опрошенных ответили, что из-за материальных трудностей они не в состоянии оказывать регулярную материальную помощь своим детям и родственникам. Еще 4 % респондентов отказываются это делать по «идеологическим» соображениям, считая, что каждый сам должен заботиться о себе. Чаще всего опрошенные (33 %) приходят на помощь к своим родным, прежде всего детям, в хозяйственных делах, присматривают за внуками, домом, хозяйством и пр. Каждая пятая семья регулярно снабжает родных продуктами. И только 9 % респондентов оказались достаточно платежеспособными, чтобы в случае необходимости помогать своим родственникам деньгами.

В ряде случаев экономические невзгоды становились причиной межсемейных раздоров и углубления существующих конфликтов. Кто-то постарался отдалиться от «неблагополучных» родственников, опасаясь постоянного давления с их стороны и просьб о помощи. В последнее время материальное неравенство все чаще становится поводом для охлаждения дружеских и родственных отношений:

«Пока ты рядом, пока с тебя что-то можно взять, ты считаешься другом. Как только у тебя кончилось — ты не друг. Даже родственники такие пошли».

Кто-то перестал активно общаться с родными по причине удаленности их места проживания или же из-за принципиальных различий в укладе жизни. Не желая портить свою репутацию и заботясь о душевном спокойствии, семья, пользующаяся авторитетом в местном сообществе, в конечном счете предпочтет ограничить свое общение с родными-алкоголиками после серии неудачных попыток вернуть их к нормальной жизни.

Наиболее сильно родственная поддержка проявляется в отношении детей и родителей. В нынешних условиях более или менее благополучные сельчане, реально осознавая проблемы «светлого будущего» для своих детей в случае, если те останутся после школы жить на малой родине, вынуждены как можно раньше продумывать стратегию обустройства их в городе. В качестве надежного трамплина в этом плане родители рассматривают хорошую учебу ребенка в сельской школе, его основательную подготовку для поступления в городской вуз и массивную финансовую поддержку во время учебы и последующей адаптации к городской жизни. Всего 15,6 % опрошенных жителей поселений, где не осталось сельхозпредприятий, выразили желание, чтобы их дети или внуки остались жить с ними в родном селе. В то же время 60 % респондентов твердо заявили, что сделают все возможное, чтобы отправить ребенка подальше от этих мест, так как будущего у деревни нет, а надежды на появление хоть какой-то работы почти не осталось.

Конечно, в тех селах, где сохранились рабочие места, жилищный фонд находится в хорошем состоянии, работают социальные учреждения, такого повального «алармистского» настроения у родителей нет, но и там родительская ориентация на миграцию детей из села достаточно распространена. При этом зачастую сами родители не спешат покидать родные места, так как у большинства есть свой дом и хозяйство, они крепко срослись с деревенским укладом жизни, боятся кардинально менять свою жизнь. Из интервью с женщиной 32 лет:

«Нет, сейчас нам уже поздно уезжать. Мы здесь обосновались, у нас здесь свое гнездышко, все своими руками сделано, мы уже это не бросим. Просто жалко это будет все бросать. Теперь я никуда не уеду, так как я уже просто привыкла здесь жить. Я не смогу в город переехать — я устаю от города. А вот дочку, которой 12 лет, я сейчас уже настраиваю здесь не оставаться».

Насколько же трагичной с учетом многовековых российских традиций выглядит эта вынужденная решимость селян гнать детей от себя подальше!

О том, как тяжело достаются родителям инвестиции в образование детей, в их человеческий капитал, свидетельствует следующее интервью:

«Чтобы сейчас прожить, надо держать большое хозяйство. Много держать не будешь — значит, останешься без денег, а детям квартиру надо снять в городе. У меня оба сына учились на бюджетной основе, но нужно было три коровы держать обязательно, поросят за год штук пятнадцать откормить. А вот как сейчас люди еще за учебу детей платят, так я вообще не знаю! В городе хоть можно куда-то еще на одну работу устроиться, у нас же здесь этого нет. И физически на двух работах не сможешь работать, потому что свое хозяйство изматывает, там вторая и третья смена проходит. Это без конца: встал утром — к коровам, вечером лег — от них же, а утром — опять к ним».

Такие масштабы семейного подворья привязывают родителей к дому, они уже не могут никого из соседей попросить присмотреть за хозяйством хотя бы на время.

При этом родительская «вторая смена» не кончается и после завершения обучения детей. Молодые специалисты, следуя родительским наставлениям, предпочитают оставаться в городе и там же, как правило, обзаводятся семьей. Затем рождаются внуки, а родители, становясь бабушками и дедушками, не снижая нагрузки на своем подворье, уже продолжают работать на содержание молодой семьи, неся эту лямку до тех пор, пока не кончатся силы и здоровье. Из интервью с этой же респонденткой:

«У меня вот один сын учебу закончил и теперь женился. Опять же им квартиру надо оплачивать, внуки появились — им теперь надо помогать, и помогать, и помогать. Хотя в городе они зарплату получают, но им все равно не хватает.

А как нам им помогать? — у нас большой зарплаты нет. Но надо, надо, надо, надо. Теперь будем держать хозяйство пока будут силы».

Получается, что введение рынка парадоксальным образом усилило зависимость молодых людей от родителей и не предоставило им ожидаемой свободы и возможности добиться всего своими силами. Упразднение системы доступного жилья, социальных гарантий трудоустройства, бесплатных образовательных и медицинских услуг переложило эти заботы на родительские плечи и в определенной степени стимулировало распространение иждивенческих настроений среди молодежи:

«Сейчас в основном так: если есть помощь от родителей, то дети дальше живут нормально».

Не менее важную роль выполняет родительская поддержка и тогда, когда дети все же решают связать свою «взрослую» жизнь с родным селом. При этом, даже покинув отчий дом, молодая семья может длительное время находиться на родительском попечении, не стремясь завести собственное хозяйство. В лучшем случае свое право получать свежие продукты молодые люди отработывают на родительском подворье.

Если родители не хотят мириться с постоянством своих снабженческих функций, то они активнейшим образом обеспечивают стартовые условия для самостоятельного хозяйствования молодой семьи, считая своей главной задачей научить своих наследников «азам крестьянской жизни», привить вкус к работе и стремление своим трудом крепить материальное благополучие. В этом случае, как правило, происходит раздел родительского хозяйства — на развод молодым передается молодняк скота, на первое время выдаются корма. При этом осуществляется достаточно плотный контроль за тем, как хозяйничают молодые. И хотя родители всегда готовы прийти на выручку то советом, то реальным делом, они все же не намерены полностью взять на себя решение финансовых проблем своих детей:

«Мы помогли семье сына: поросят им давали, корм им отсюда давали — растите, пожалуйста. Вот потихоньку они тоже стали хозяйствовать. Где мы помогли, где как. Вот холодильник они купили, когда продали поросят. Когда брус купили на баню, им не хватило — мы добавили. Шифер мы купили, тес — мы. Мы берем материалы: и себе надо, и туда надо. Вот мужу свой покос и покос сына надо сейчас накосить. Так как у нас трактор есть, тележку сын тут нашел — стал дрова пилить и возить людям. Сын у нас парень хваткий. Ведь ему дочку сейчас надо в садик одевать — для этого деньги требуются. Еще кредит нужно выплачивать. Вот в этом месяце он деньги еще не заработал, пришел ко мне: “Мама, дай тысячу рублей, чтобы кредит оплатить. Заработаю — отдам”».

Если у родителей есть возможность обеспечивать ресурсами не только свое хозяйство, но и подворье детей, то у последних снимается

острая необходимость искать более оплачиваемую работу или дополнительные подработки, думать о том, как и на что жить завтра. О сложившейся кооперации с отцом-фермером рассказывает следующая респондентка, которая вместе с мужем работает в сельскохозяйственном производственном кооперативе (СПК) и имеет весьма скромный доход от основной работы:

«Да, отец нам помогает во всем: и деньгами, и зерном, и комбикормом, это все у него есть. Отец нам и пашет, и косит. Мы держим свиней, корову, телят, покупаем даже еще телят на откорм. Если нам отец помогает, мы знаем, что мы все это прокормим. Если бы его помощи не было, мы бы такое хозяйство не держали, конечно. Мы бы тут стремились сами где-то что-то подработать. Пока помогают, мы проживем».

Приведенные примеры характеризовали, прежде всего, стратегию и тактику межсемейных взаимодействий в кругу успешных домохозяйств. Наряду с ними в современном селе существует прослойка семей, составляющих «социальное дно» местного сообщества, — пьющие люди, потерявшие работу и не стремящиеся ее найти, живущие на социальные пособия, в первую очередь на детские выплаты, отказывающиеся даже от выращивания овощей на своем огороде. Здесь отношения «отцов и детей» складываются совсем по иной схеме и не предполагают столь активной родительской опеки ни в детские годы, ни в период зрелости.

* * *

Изменилась ли роль социального капитала в процессе рыночных преобразований?

Скорее всего, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Вместе с тем, нет оснований однозначно утверждать, что эта роль «повысилась» или «понизилась». Точнее было бы сформулировать это изменение следующим образом. В период разрушения колхозно-совхозной системы, когда на первое место вышла задача выживания и адаптации к новым условиям, роль неформальных межличностных связей, безусловно, возросла, а сами эти связи стали одним из основных факторов выживания. В ситуациях, когда на первое место выходила задача развития товарного производства, основанного на частной предпринимательской инициативе, социального капитала, как правило, оказывалось недостаточным для успешной организации производства и сбыта продукции. Необходимым дополнением стали, с одной стороны, более формализованные рыночные отношения, в том числе в сфере использования наемного труда, а с другой стороны — мероприятия, связанные с государственной поддержкой сельхозпроизводителей и развитием социальной сферы села.

ГЛАВА 25

**Повседневные практики селян
как отражение использования
человеческого потенциала***

Повседневная деятельность и основные ценности населения, оценка им своего материального положения и его изменения являются важным выражением социальных изменений. Повседневная деятельность — это совокупность действий, направленных на удовлетворение наиболее актуальных, насущных потребностей. Она осуществляется на уровне семьи, поселения, протекает в определенных условиях, носит относительно автономный характер, но зависит и от макроэкономических и политических перемен. Именно она определяет, в конечном счете, устойчивость жизни как отдельных людей и семей, так и общества в целом. Структура и мотивация повседневной деятельности отражают не только уровень и качество жизни, но и степень и эффективность использования человеческого потенциала. Деятельность осуществляется во времени, которое является ее фундаментальным ресурсом и одновременно количественным измерителем.

Сельское население, составляя более четверти всего населения страны, в силу сложившихся условий жизни и труда имеет специфическую (замедленную) реакцию на изменения в сфере экономики и политики. Это связано, прежде всего, с более обязательным характером труда по уходу за животными и растениями, требующими повседневной работы, соответствующего режима, ритмов, условий. Специфика повседневной деятельности сельского населения связана и с составом семейного хозяйства, семейными (прежде всего коммунально-бытовыми), поселенческими (слабо представленная сфера обслуживания, зачастую ее полное отсутствие) условиями жизни. Большая доля труда сельского населения приходится на семейное хозяйство, главная функция которого — самообеспечение семьи продовольствием, а также получение финансовых средств для других потребностей семьи.

Цель данной главы — показать изменения продолжительности и структуры повседневной деятельности сельского работающего населения, а также изменение ценности и функций ее основных видов в начале века как своеобразного барометра эффективности использования человеческого капитала селян.

Гендерные (между женщинами и мужчинами) различия в использовании времени и в ценностях сельского населения существенны, заметно различаются также сферы оплачиваемого труда: учреждения образования, здравоохранения, культуры, торговли являются преимущественно «женскими».

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-00521.

Эмпирическая база

Эмпирическую базу исследования составляют бюджетно-временные и анкетные данные лонгитюдного исследования сельского населения Новосибирской области как достаточно типичной для юга Западной Сибири и основной части России (рук. В. А. Артемов). В одной и той же выборочной совокупности сел в 1975—1976, 1986—1987, 1993—1994, 1999, 2004—2005 гг. проведены пять бисезонных (в июне и ноябре) социологических обследований бюджетов времени, повседневной деятельности, условий жизни населения. Два последних из них проведены при участии в качестве интервьюеров студентов-социологов старших курсов Новосибирского государственного университета и сотрудников СО РАСХН при поддержке РГНФ, РФФИ и Президиума СО РАН. Кстати, эти были в нашей стране последнее в прошлом веке и первое в новом веке обследования бюджетов времени сельского населения.

К сожалению, отсутствие данных о распределении работающего населения одновременно по двум признакам — по типу поселения (по степени урбанизации поселения и развитости экономической структуры) и по структуре отраслевой занятости не позволяет использовать процедуру взвешивания, как это было в первом обследовании. Поэтому структура и размер выборочной совокупности по возможности сохранялись в течение всего периода лонгитюдного исследования, но в последнем бисезонном обследовании несколько сократилась в выборочной совокупности доля работников сельского хозяйства из-за значительного сокращения их общей численности и числа сельских поселений.

В исследовании представлены «узловые» временные точки изменений советского, российского общества. 1986—1987 гг. — исходная точка периода радикальных изменений во всех сферах общества, начало «перестройки»; 1993—1994 гг. — существование населения на грани выживания; 1999 г. — относительная стабилизация условий жизни с общей тенденцией на ухудшение; 2004—2005 гг. — первые итоги позитивных изменений и адаптации сельского населения к изменившимся условиям жизни.

Для получения бюджетов времени проводился ретроспективный опрос о вчерашнем дне. После специального сравнительного анализа этот метод был признан наилучшим для относительно массовых обследований бюджетов времени [Juster, Stafford, 1991].

Помимо бюджетов времени, анализируется анкетная информация, содержащая социально-демографические характеристики респондентов, индивидуально-семейные условия жизни и оценки их изменений, сведения о ценности тех или иных видов деятельности.

В каждом бисезонном обследовании опрашивались 500—550 работающих мужчин и 600—700 работающих женщин. Превышение числа опрошенных женщин над числом мужчин связано с квотным принципом формирования выборочной совокупности по группам отраслей, в том

числе с явным преобладанием женщин. Средний возраст опрошенных, как и всего населения, вырос в 1999—2005 гг. на 1,5 года. Доля состоящих в браке респондентов (в том числе незарегистрированном) несколько сократилась (с 82 % в 1999 г. до 80 % в 2005 г. среди женщин и с 86 до 82 % среди мужчин). Доля среди работающих занятых в сельском хозяйстве уменьшилась соответственно среди женщин с 35 до 28 %, среди мужчин — с 82 до 53 %. О выборочной совокупности и методике и организации исследования см. [Гвоздева, Горяченко, 1979; Артемов, 1999].

Ценностные ориентации, значимость и функции основных занятий

Функциональные и ценностные характеристики видов деятельности представляют собой очень важную сторону повседневной деятельности, являясь существенным и необходимым дополнением ее продолжительности, отражаемой в бюджете времени. А нередко и главными характеристиками, особенно в условиях некоторой стабильности затрат времени. Но эта сторона повседневности почти не затрагивается ни в исследованиях бюджетов времени, ни в изучении ценностных ориентаций. В задачи нашего лонгитюдного исследования использования времени анализ этой стороны на первом этапе тоже не входил. Но по мере продолжения исследования, особенно в период, когда происходили коренные изменения в социально-экономических условиях и в положении разных групп населения, обращение к ценностной сфере повседневности стало необходимым.

В рассматриваемый период (1999—2005 гг.) продолжался рост значимости семьи в жизни сельского населения, начавшийся, по нашему мнению, еще во второй половине 1980-х гг. Это проявилось в ответах на разные вопросы. Среди главных жизненных ценностей «семью» отметила наибольшая доля как женщин, так и мужчин (табл. 25.1).

Восемь из десяти респондентов считают, что «только дети делают жизнь полной смысла и значения» (с незначительным преимуществом женщин и некоторым увеличением этой доли по сравнению с 1999 г.), и абсолютное большинство согласны с тем, что дело мужчины зарабатывать деньги, а дело женщины — заниматься домом, семьей (мужчины в 2005 г. выражали с этим высказыванием большее согласие, чем женщины, и несколько чаще, чем в 1999 г.). Заметим, что как первое, так и второе стали в настоящее время весьма затруднительными для реализации. Но в ответах респондентов, на наш взгляд, находит отражение не только сиоминутная ситуация, но и общие принципы жизни, несколько потесненные в последние пятнадцать лет. По большому счету, эти два ответа очень между собой связаны. Реализовать свои материнские функции женщины могут только в том случае, когда они имеют возможность постоянно и достаточно много времени заниматься с детьми на всех этапах их физического, умственного и нравственного развития. Для этого нуж-

Таблица 25.1

Главные жизненные ценности, % к ответившим*

Ценность	Женщины		Мужчины	
	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.
Хорошие друзья	27	26	34	35
Интересная работа	33	29	29	35
Семья	81	83	70	69
Материальное благополучие	53	55	39	50
Интересный досуг	1	5	5	7
Хорошие отношения между людьми	30	21	25	16
Хорошее образование	4	6	1	4
Стабильность условий жизни	28	34	25	37
Свобода выбора (занятий, работы, образа жизни, др.)	2	2	6	5
Здоровье	60	65	45	43
Уважение окружающих, ощущение своей нужности людям	15	15	14	14
Другое	1	2	2	2
Затруднение с ответом	4	0	2	2

* Вопрос анкеты: «Что для Вас является самым главным в жизни, что Вы больше всего цените (указать не более четырех позиций)». Вопрос был закрытым, порядок «ценностей» в анкете и таблице одинаков.

ны, естественно, денежные средства, добытчиком которых традиционно был мужчина и в сознании еще таковым остается.

Занятия, виды деятельности

В селе, особенно у мужчин, произошло дальнейшее сокращение ценности труда в личном подсобном хозяйстве как сфере проявления своих способностей, где человек получает наибольшее удовлетворение (табл. 25.2). (Хотя в 1994 г. был отмечен резкий рост ценности труда в личном подсобном хозяйстве у мужчин, что мы связывали со стремлением к независимости, самостоятельности.) Подтверждается компенсирующий «выживательный» характер данного вида труда. Сократилась также и ценность домашнего труда (которая до 1999 г. стремительно росла). А вот значимость досуговой деятельности возросла, достигнув максимума за последние 20 лет и среди мужчин, и среди женщин. Очевидно, что трудовая деятельность в целом теряет свою абсолютную ценность и значимость, поскольку не приносит работникам желаемых ни материальных, ни моральных результатов. Это положение подтверждается данными об использовании времени (табл. 25.3).

Таблица 25.2

Сфера, в которой сельские работники получали большее удовлетворение, проявляли свои способности, % к ответившим*

Сфера, вид занятий	Женщины		Мужчины	
	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.
Работа в общественном хозяйстве, учреждении («основная работа»)	40	41	45	39
Труд в личном подсобном хозяйстве	9	6	18	13
Домашние дела	46	33	33	27
Общественная работа	3	7	3	2
На досуге	6	11	6	15
Занятия с детьми	23	24	13	12
Затруднение с ответом	8	8	8	11

* Вопрос анкеты: «Где Вы в наибольшей степени проявляете свои способности, получаете наибольшее удовлетворение?» (вопрос закрытый).

Это обстоятельство важно учитывать при рассмотрении ответов о значимости ЛПХ. Вариант «только вынужденная необходимость», который выбрало абсолютное большинство респондентов в 1999 г., остается преобладающим ответом. Однако, в 2005 г. его отметило значительно меньшее, чем в 1999 г., количество респондентов — половина женщин и чуть большая доля мужчин. Ответ «забота о семье, близких» стал более популярным, особенно среди женщин (27 % в 1999 г. и 34 % в 2005 г.). Мужчины все менее видят в ЛПХ возможность почувствовать себя хозяином: работа в ЛПХ стала в меньшей степени «проявлением крестьянской жилки, сути» (16 % в 1999 г. и 5 % в 2005 г.), меньше «позволяет быть независимым» (13 и 7 % соответственно). Можно сказать, что ЛПХ, с учетом приносимого дохода и затрачиваемого труда на его ведение, не способно в настоящих условиях стать полноценной альтернативой работе в общественном хозяйстве.

Текущие результаты «реформ» наиболее негативно оценивались в 1999 г., причем среди мужчин отрицательную (в целом или в основном) оценку дали 85 %, среди женщин — 77 %. В 2005 г. произошло существенное увеличение положительных (до почти четверти) и неопределенных (до 21—24 %) оценок и сокращение негативных (до 54 % среди мужчин и 52 % среди женщин).

Изменение использования времени

В начале XXI в. происходило перераспределение времени между основными видами деятельности.

Труд. Здесь под понятием «труд» подразумевается общая трудовая нагрузка, которая включает в себя рабочее и связанное с ним время,

время труда в личном подсобном и в домашнем хозяйстве. В течение всего периода лонгитюдного исследования продолжительность **рабочего времени** работающих женщин сокращалась. В целом это скорее позитивный факт, если учитывать чрезмерную общую трудовую нагрузку (табл. 25.3).

Период 1999—2005 гг. является первым отрезком в рамках нашего лонгитюдного исследования, когда зафиксировано увеличение рабочего времени, при сокращении общей трудовой нагрузки. У женщин сокращение общей трудовой нагрузки произошло за счет резкого снижения продолжительности времени домашнего труда, у мужчин — времени труда в ЛПХ. В целом сельские работники стали работать меньше. Высвобожденное время труда «растеклось» у женщин по таким видам деятельности, как уход за собой, покупки, сон, просмотр ТВ, общение. Важное позитивное изменение: существенно сократилась разница в общей трудовой нагрузке между женщинами и мужчинами (с 8 ч в 1999 г. до 5,3 ч в неделю в 2005 г.).

Таблица 25.3

Бюджет времени сельских работающих женщин, в часах за среднесезонную рабочую неделю и в % к затратам времени работающих мужчин

Затраты времени, занятия	1999 г.			2005 г.		
	Все	В том числе занятые в сельском хозяйстве		Все	В том числе занятые в сельском хозяйстве	
		Часы	%		Часы	%
Общая трудовая нагрузка	83,1	87,7	115	79,4	85,3	107
Рабочее время и связанное с работой время	39,6	44,7	90	40,8	41,7	76
Домашний труд	24,1	23,3	343	20,7	20,5	394
Труд в личном подсобном хозяйстве	17,6	18,5	94	16,5	22,2	110
Сон, еда, уход за собой	63,4	60,4	92	66,0	62,8	98
Свободное время	20,5	18,5	76	21,1	18,5	82
В том числе						
просмотр телепередач	9,4	8,7	63	10,5	10,3	71
общение	3,3	2,8	87	3,8	2,8	140
учеба	0,2	0,1	100	0,4	0	
занятия с детьми	1,4	0,8	133	1,1	0,7	70
Прочие затраты времени	1,0	1,4	93	1,5	1,3	93

Примечание. Жирным шрифтом выделены затраты времени женщин, различия которых с аналогичными затратами времени мужчин статистически значимы по критериям Манна—Уитни и Колмогорова—Смирнова.

Домашний труд. Представляет один из важнейших способов удовлетворения материально-бытовых потребностей, им создаются благоприятные условия для жизни семьи. Он ценен как условие физического и психологического здоровья, воспитания детей, укрепления самой семьи. Продолжительность и структура домашнего труда, тенденции его изменения связаны и с тем, как относится население к домашнему труду, каковы его ориентации в этой области деятельности. Тенденция увеличения времени, расходуемого на домашний труд, обозначившаяся в конце 1980-х гг., к 2005 г. изменилась: резко сократилось время домашнего труда у женщин. При этом очень существенно увеличилась доля опрошенных, назвавших такие «неэкономические» функции домашнего труда, как содействие общению в семье, воспитанию детей (с 4 % в 1999 г. до 19 % в 2005 г.), обеспечение возможности проявить свои умения, заботу (с 2 до 12 %), отдых от основной работы (с 1 до 11 % соответственно). Но главной функцией домашнего труда и для женщин, и для мужчин остается сугубо прагматическая («позволяет экономить деньги, сокращать расходы»), хотя в 2005 г. ее отметили меньшее количество респондентов, чем в 1999 г. Среди конкретных видов домашнего труда сократились затраты времени на приготовление пищи, так как увеличилось потребление готовых продуктов питания и несколько улучшилось оснащение бытовой техникой, обеспечение коммунальными услугами.

Личное подсобное хозяйство. Очень существенно, что затраты времени в ЛПХ у работающих женщин и мужчин изменялись в разных направлениях и, достигнув максимума (у женщин в 1993—1994 гг. — 18,6 ч в среднесезонную неделю, у мужчин в 1999 г. — 19,4 ч.), в дальнейшем сокращались и почти сравнялись в 2004—2005 гг. (соответственно 16,5 и 16,0 ч). Кстати, женщины уступали здесь лидерство только в 1999 г.

Весьма показательны и ответы на вопрос о влиянии труда в ЛПХ на некоторые стороны жизни (табл. 25.4). В ответах респондентов преобладают положительное влияние ЛПХ на воспитание детей, приобщение детей к труду, их участие в совместном с родителями труде по ведению подсобного хозяйства. Но наибольшее число и мужчин, и женщин (почти каждая вторая) отметили негативное влияние занятости в ЛПХ на свое здоровье при низкой доле считающих это влияние положительным. Конечно, здесь сказывается совокупная трудовая нагрузка, включая работу на сельхозпредприятии или в учреждении, однако тяжесть труда в ЛПХ — один из главных факторов такого влияния.

При всей своей жизненной важности ЛПХ, рассматривавшееся «реформаторами» как главное направление дальнейшего развития села (наряду с фермерством), как способ жизни, сфера самореализации, в настоящее время в немалой степени потеряло такое значение, да, по большому счету, его и не имело. Многие селяне привыкли относиться к ЛПХ как к хотя и необходимому, но все-таки подсобному, т. е. дополнительному хозяйству, сфере, сопутствующей труду на сельхозпредприятии

Таблица 25.4

Влияние занятости в ЛПХ на разные стороны жизни работников и семьи, % к числу ответивших*

Сторона жизни респондента или семьи	Женщины				Мужчины			
	Положительные		Отрицательные		Положительные		Отрицательные	
	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.	1999 г.	2005 г.
Основная работа, профессиональная квалификация	9	13	15	15	11	15	14	21
Воспитание детей	48	42	16	8	39	31	8	10
Состояние здоровья	13	19	47	48	10	18	38	41
Отношения в семье	26	27	16	16	19	25	9	8
Настроение, душевное состояние	35	40	26	22	26	28	19	23

* Остальные ответили, что не влияет или затруднились дать оценку. Вопрос анкеты: «Как Вы считаете, какое преимущественно влияние (положительное, отрицательное, не влияет) оказывает Ваша работа в ЛПХ на...?» (вопрос закрытый).

или в учреждениях социальной инфраструктуры. Они не могли или не могут принять теперешнюю ситуацию как долговременную и, тем более, перспективную для своей жизни. Надо учесть, что на селе живет все-таки немалая доля работников учреждений воспитания, образования, здравоохранения, культуры. Да и квалификационный потенциал специалистов сельского хозяйства рассчитан на «крупномасштабное» использование с учетом специализации, объемов труда и производства.

Сокращение времени на уход за детьми и занятия с детьми (преимущественно дошкольного возраста) в основном является следствием сокращения количества семей с детьми такого возраста (если в 1986 г. на 100 семей приходилось 147 детей дошкольного и школьного возраста, то в 2005 г. — 89).

Данные последнего обследования позволяют говорить о преодолении экстремального состояния, наблюдавшегося во второй половине 1980-х—начале 1990-х гг. Например, средняя общая трудовая нагрузка работников сельского хозяйства в июне 1987 г. составила около 100 ч в неделю, в том числе женщин — почти 106 ч, т. е. в среднем более 15 часов в день! Этим была достигнута определенная стабилизация (и даже улучшение) условий жизни. Сейчас обостряется другая проблема — недостаток рабочих мест, производственных ресурсов, бюджетных средств для полноценной занятости населения с уровнем оплаты труда, позволяющим не только выживать.

Отмеченные выше изменения в продолжительности и структуре общей трудовой нагрузки свидетельствуют о сокращении в последние годы гендерных различий работающего сельского населения в затратах времени на труд в домашнем и личном подсобном хозяйстве.

Свободное время

Свободное время представляет собой необходимое временное пространство для удовлетворения разнообразных социальных, физических и духовных потребностей. В свободное время, когда человек не занят выполнением различного рода необходимых дел, он может выбирать тот или иной вид деятельности, руководствуясь своими потребностями, возможностями и интересами. Поэтому продолжительность и структура свободного времени служат в известной мере индикаторами индивидуальности человека и условий для развития и проявления его потенциалов.

Малая величина свободного времени у сельского населения, особенно у женщин, и большие физические нагрузки — все это сказывается на характере проведения свободного времени, который носит преимущественно восстановительно-информационный характер, т. е. скорее пассивный, потребительский, «домашний» (телевизор), чем активный.

Досуг как часть свободного времени выполняет восстановительную и развлекательную функцию. Основными функциями досуга сельские жители считают отдых и общение (табл. 25.5). Особенно важность общения выросла в последний период среди женщин. Сократилась познавательно-прагматическая функция досуга.

К 2005 г. возросла (в 1990-е гг. снижалась) удовлетворенность проведением свободного времени. Женщин, довольных и недовольных, стало почти поровну: 38 и 36 % соответственно (в 1999 г. 29 и 42 %), среди мужчин же довольных в два с лишним раза больше, чем недовольных (57 против 25 %).

Влияние на неудовлетворенность досугом занятости в семейном хозяйстве, усталости от труда в нем значительно возросло как среди женщин (43 % в 2005 г. против 30 % в 1999 г.), так и среди мужчин (56 и 19 % соответственно). Отметим, что значимость денег как причины неудовлетворенности досугом, которая достигла своего пика в 1999 г., упала в 2005 г.

Таблица 25.5

Функции занятий на досуге, % к ответившим*

Функция	Женщины			Мужчины		
	1986 г.	1999 г.	2005 г.	1986 г.	1999 г.	2005 г.
Отдых	54	57	55	53	47	59
Узнать новое, интересное	34	23	18	28	14	8
Общение	36	31	43	29	34	27
Сделать полезное для семьи	46	24	20	33	26	20
Просто развлечение	8	7	10	10	9	16
Другие функции	1	2	0	4	1	1
Затруднение с ответом	4	4	>1	8	7	1

* Вопрос анкеты: «Чем важны для Вас занятия на досуге?» (вопрос частично закрытый, неальтернативный).

Люди привыкли, смирились с необходимостью отдавать немало времени работе дома и вне дома. С другой стороны, временные возможности досуга в 2004—2005 гг. стали несколько лучше, особенно у женщин, хотя сама «привязанность» их к семейному хозяйству сохранилась. Изменениям в бюджете времени в целом соответствуют и перемены в частоте отдельных занятий в свободное время, посещений культурно-спортивных учреждений. Все более ослабевает развивающая функция свободного времени и усиливается «телевизионный» характер его использования, равно как и информационного обеспечения. Доля просмотра телепередач в свободное время увеличилась по сравнению с 1999 г. у женщин с 49 до 53 %, у мужчин сократилась с 59 до 57 %, т. е. гендерное различие заметно уменьшилось.

Высокая трудовая нагрузка способствовала накоплению усталости, которая скорее приведет человека к дивану и телевизору, чем в библиотеку или на спортплощадку. Более значительно на проведение досуга стало влиять материальное положение, ограничивая возможность пользоваться услугами сферы культуры и осуществлять досуговую деятельность, ранее вполне доступную (подписка на газеты, журналы, покупка книг, походы, поездки в город, в театр, на выставки, к родственникам, путешествия, отдых в санатории или на курорте и др.).

По сравнению с «дореформенным» периодом состояние сельской сферы культуры заметно ухудшилось, сокращение финансирования, упадок или исчезновение сельхозпредприятий негативно сказались на положении воспитательно-образовательных учреждений, а также на условиях проведения свободного времени.

* * *

Итак, сельские женщины по сравнению с мужчинами показывают большие потребности и потенциалы как в трудовой деятельности, так и в занятиях в свободное время. Можно утверждать, что главным действующим субъектом в «последнем бастионе» российского народа — семье — являются женщины, обладающие наибольшим трудовым, интеллектуальным, нравственным и духовным потенциалом, не говоря уже об их роли в демографических процессах.

За рассматриваемый период (1999—2005 гг.) положение работающих сельских женщин несколько улучшилось за счет перераспределения труда в семье и сокращения времени труда. Но при этом снизилась доля квалифицированного труда в общей трудовой нагрузке. Возникло некоторое соответствующее уровню выживания равновесие между затратами труда (в трех его основных сферах), размером личного подсобного хозяйства и совокупными денежно-натуральными доходами.

Сельские жители дали в 2005 г. заметно более позитивные, чем в 1999 г., оценки изменений условий жизни, потому что после десятилетия снижения этих оценок, ухудшения реальных условий жизни даже

некоторая стабилизация в последние пять—шесть лет воспринимается как улучшение.

Среднесезонные затраты времени работающих мужчин и женщин на крупные виды занятий — весьма стабильные величины. Поэтому даже небольшие их изменения должны привлекать внимание исследователей. Повседневность весьма консервативна, и те «возмущения», изменения, которые фиксируются в нашем исследовании, свидетельствуют о существенных изменениях реальной повседневности. Расчеты на объединенном файле бюджетов времени всех десяти обследований 1970—2000-х гг. показали статистическую значимость различий изменений большинства групп затрат времени как мужчин, так и, особенно, женщин.

Произошли позитивные изменения в структуре бюджета времени и продолжительности отдельных видов деятельности (в частности, сокращение гендерных различий) сельского работающего населения и оценках поселенческих и семейно-индивидуальных условий жизни.

Специально проведенный анализ показал весьма своеобразную связь продолжительности предстоящей жизни с величиной общей трудовой нагрузки и социально-психологическим состоянием [Артемьев, Новохацкая, 2005].

Бюджетно-временной метод показал высокую информативность и надежность в изучении динамики повседневной деятельности, которая, в свою очередь, может служить индикатором изменений и эффективности использования человеческого потенциала разных социальных групп. Информация об использовании времени, получаемая этим методом, четко свидетельствует о последствиях макрособытий в обществе, проявляющихся в повседневной деятельности. Однако следует отметить, что в предлагаемом нашими статистиками перечне показателей уровня жизни населения [Жеребин, Ермакова, 2000] показатели продолжительности труда и структуры общей трудовой нагрузки отсутствуют, хотя, как показал наш опыт, они являются очень важными (причем раньше они в такие перечни включались).

глава 26

Социальная ответственность бизнеса как фактор развития человеческого капитала

1990-е гг. были для бизнеса этапом становления, что для большинства компаний означало — «выживание». Предпринимательство в это время развивалось часто вне законов и правил, иногда даже вопреки им. Одни предприниматели действовали подобным образом вынужденно, другие сознательно пользовались тяжелой ситуацией в экономике в целях своего обогащения. Несоблюдение законодательства, уход от налогов, не-

качественная продукция, плохие условия труда стали реалиями российского бизнеса того времени. Работники государственных предприятий, оставшиеся в результате экономического спада без работы, вынуждены были соглашаться на занятость в появившемся частном секторе на заданном худших условиях. Г. Беккер, исследуя различные формы поведения человека, заметил, что «иногда лучшим здоровьем или большей продолжительностью жизни можно пожертвовать, потому что они вступают в конфликт с другими целями» [Беккер, 1993. С. 31]. Подобная стратегия поведения была характерна для значительной части работающего населения 1990-х гг. Стабилизация политического и экономического положения в стране изменила ситуацию к лучшему. Бизнес-организации стали демонстрировать модели социально ответственного поведения. Первыми такими организациями стали нефтяные компании, имеющие в своем распоряжении ресурсы, намного превышающие возможности местных администраций в регионах своего присутствия.

Концепция социально ответственного поведения подразумевает определенный уровень развития предприятия и добровольный отклик на социальные проблемы общества. Это означает не только соблюдение законодательно установленных норм и правил, но и осуществление деятельности сверх этих требований. Социальная ответственность становится способом получения «входного билета» в международное бизнес-сообщество и решения проблемы негативного отношения к бизнесу населения и власти в собственной стране. Грамотные шаги в этом направлении позволяют укрепить инвестиционную привлекательность компании, изменить восприятие населением формирующейся экономической элиты.

Российские исследования свидетельствуют о негативной оценке населением действий представителей крупного бизнеса [Здравомыслов, 2005]. 48,9 % респондентов ответили, что интересы экономической элиты и массы населения «не совпадают вообще». 75 % считают, что элита заинтересована в постоянном увеличении своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни работников собственных предприятий. Более трети полагают, что крупный бизнес готов ради высоких доходов нарушать законы. Каждый пятый отмечает наличие у представителей бизнес-элиты таких качеств, как корыстолюбие, стремление обогатиться любым путем, безжалостность, потребительское отношение к подчиненным, nepядочность, неразборчивость в средствах. Чуть меньше трети респондентов считают, что бизнес преимущественно использует коррупцию для достижения своих экономических целей [Там же].

Давление общества и реализация своих потребностей заставляют представителей российского бизнеса признавать необходимость социально ответственного поведения. Корпоративная социальная ответственность ставит во главу угла инвестиции, имеющие социальную направленность, и социально ответственное поведение, которые приносят пользу как компании, так и обществу. Одним из объектов реализации социально ответственного поведения является персонал самой организации.

Эволюция определения наемных работников как «персонала», «человеческих ресурсов» привела к появлению термина «человеческий капитал». В соответствии с теорией капитала Бурдье [2002], свойство любой формы капитала к конвертации и обуславливает эффективность вложений в неэкономические формы капитала, в первую очередь в человеческий капитал, и целесообразность социально ответственного поведения бизнеса. Современные экономисты признают, что человеческий капитал является одним из важнейших источников экономического роста и что без значительных инвестиций в него никакая экономика не может успешно развиваться [Капелюшников, 2005].

Зарубежные исследования, например Walker Information (см. [Туркин, 2002]), выявили прямую связь между «социальной ценностью» (отношения с клиентами, сотрудниками и местными сообществами) компании и ее репутацией. Увеличение «социальной ценности» компании розничной торговли на 1 пункт ведет к улучшению репутации на 0,55 пункта, а увеличение «экономической ценности» на 1 пункт улучшает репутацию всего на 0,32 пункта. Социальные показатели оказывают вдвое большее положительное воздействие на репутацию по сравнению с экономическими. Также зафиксирована прямая связь между финансовыми и социальными показателями компании — между доходностью активов, доходностью продаж и социальной ценностью компании, между доходностью капитала и доходом на акционерный капитал. Зафиксировано [Ивченко, 2003], что на протяжении 10 лет у компаний, реализующих концепцию социальной ответственности, финансовые показатели лучше, чем у социально не ответственных компаний: доход на инвестированный капитал — выше на 9,8 %, доход с активов — на 3,5 %, доход с продаж — на 2,79, прибыль — на 63,5 %. На протяжении 15 лет доход акционеров социально ответственных компаний был в 2 раза выше среднего (43 % против 19 %).

Также была выявлена положительная корреляция между инвестициями в развитие персонала и курсом акций компании, связь между отношением сотрудников к компании и ее доходами. Улучшение отношения сотрудников к компании на 5 пунктов означает повышение удовлетворенности клиентов на 1,3 пункта, что, в свою очередь, приводит к увеличению прибыли на 0,5 %. Такие изменения для крупной компаний очень значимы. Данные исследований говорят о том, что треть работников в Великобритании полагают, что если компания социально активна, то в ней лучше условия труда. Вовлечение в различные общественно значимые мероприятия повышает лояльность компании и заинтересованность в ее успехе 30 % сотрудников. Большинство европейских и американских потребителей предпочтут покупать товары у социально ответственных компаний [Туркин, 2002].

При реализации социально ответственного поведения возможны следующие уровни активности:

1. *Социальная обструкция.* Компания, находящаяся на этом уровне, избегает выполнения любых обязанностей.

2. *Социальные обязательства.* Действия организации направлены только на то, что требуется по закону, и ничего более, однако организация принимает на себя ответственность за некоторые возможные ошибки и упущения.

3. *Социальный отклик.* Компания, кроме выполнения юридических требований, рассматривает и добровольное участие в социальных программах, если находит в этом выгоду для себя.

4. *Социальный вклад.* Компания идентифицирует себя как ответственного члена общества и инициативно ищет возможности внести свой вклад в его развитие.

Выбор реализуемого уровня социального реагирования зависит в первую очередь от стратегии компании и ее целей. Следуя принципу «Максимальная прибыль — единственная обязанность бизнеса», организация может выбрать тактику социальной обструкции или обязательств (при внешнем общественном давлении или угрозе применения санкций). Для своей выгоды, какой может быть и создание хороших отношений с местной властью, и повышение престижа, и повышение лояльности персонала или потребителей, компания скорее воспользуется тактикой социального отклика. Преследуя долговременные цели и определяя стратегию бизнеса, а также следуя философии управления социально ответственной организацией, руководство может рассматривать весь свой бизнес как вклад в развитие сообщества, тогда вся его деятельность будет подчинена целям сообщества. Реализация поведения организации в соответствии с указанными принципами определяется не только выбором реакции на окружающую среду, но и уровнем социально-экономического развития самой организации.

В меморандуме «О принципах корпоративной социальной ответственности» Ассоциации менеджеров говорится: «Мы согласны с тем, что работодатели должны неуклонно следовать во взаимоотношениях с сотрудниками национальному законодательству и в полном объеме выполнять требования трудовых договоров — коллективных и индивидуальных. Мы полагаем, что работодатели стремятся развивать взаимовыгодные отношения с сотрудниками, уважают и развивают социальное партнерство, сложившееся на предприятии и в обществе» [О принципах..., 2006].

Инвестиции работодателя в человеческий капитал своих работников ведутся по следующим направлениям:

уровень заработной платы (создание и сохранение рабочих мест с высокой заработной платой);

безопасные условия труда и охрана здоровья — создание и поддержание дополнительных, наряду с законодательно закрепленными, безопасных условий труда и норм охраны здоровья, соблюдение техники безопасности;

социальная защита, предоставление социального пакета, который определяется трудовым законодательством;

мотивирование и стимулирование труда (групповое, индивидуальное), материальное и нематериальное поощрение труда;

медицинское обслуживание сотрудников на предприятии, профилактическая медицина;

санаторно-курортное лечение и отдых;

другие социальные льготы, доплаты (оплата питания, транспортных расходов, предоставление ссуд, кредитов);

развитие социальной инфраструктуры (детские сады, медицинские учреждения, магазины и пр.);

социальная поддержка социально уязвимых категорий работников (матерей с детьми, работников предпенсионного возраста, инвалидов);

обучение персонала, повышение квалификации и развитие персонала;

профессиональное развитие персонала, управление деловой карьерой, возможность самореализации сотрудника;

создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе, организации, реализация коммуникационной политики.

Работодатели отмечают: «Мы уверены в том, что грамотная политика в сфере корпоративной социальной ответственности является средством укрепления инвестиционной привлекательности и повышения капитализации бизнеса» [О принципах..., 2006]. И действительно, здоровый работник, у которого дети ходят в детский сад неподалеку, с удовольствием идет на работу, в дружный коллектив. Он знает, что за качественно выполненную работу он получит достойную зарплату, которой хватит на обеспечение его семьи. Работа дает ему возможность самореализации, он повышает свою квалификацию, проходит дополнительное обучение, необходимое для его работы. Он уверен, что завтра он не потеряет работу, а если вдруг что-то случится, то организация поможет ему выйти из трудной ситуации. Он без страха быть уволенным может взять оплачиваемый больничный лист и подлечиться сразу, а не переносить болезнь «на ногах», от чего не только снижается производительность труда, но и ухудшается качество его жизни.

Забота о персонале — это инвестиции в основной капитал — так компания заботится в первую очередь о самой себе, о производстве. Некоторые исследователи ставят заботу о персонале сразу после заботы о сохранении, выживании бизнеса.

Если в основном указанные выше направления заботы о человеке в организации направлены на улучшение его социального самочувствия, уверенности в себе и в завтрашнем дне, то вложение в обучение и повышение квалификации является прямыми инвестициями в экономический рост бизнеса.

Г. Беккер выделял два вида подготовки на предприятии: общую и специальную. Общая подготовка представляет собой знания и навыки, которыми можно воспользоваться и в других фирмах. Специальная —

не влияет на те производственные характеристики работников, «которые могли бы иметь ценность для других фирм». Однако и общая, и специальная подготовка значительно влияют на уровень квалификации работника. Поэтому организация и работник ищут баланс между вложениями в общую и специальную подготовку на рабочем месте. На установление этого баланса определено влияет текучесть кадров. Беккер делает вывод, что рациональные фирмы дают работнику возможность общей подготовки в случае, если не несут издержек за нее, а все издержки специальной подготовки берут на себя, учитывая текучесть рабочей силы [Беккер, 1975].

Теоретические исследования и статистика зарубежных стран доказывают значимость и экономическую эффективность вложений в человеческий капитал. Социальное самочувствие работников и их потенциал обуславливают экономическое развитие предприятия. Но влияет ли на развитие человеческого потенциала социально ответственное поведение компаний? Каким образом воспринимается работником социальная ответственность компании: как «социалка» советского предприятия, как потребительская категория или как элемент мотивации, стремления к самосовершенствованию, повышению качества работы, качества трудовой жизни и жизни в целом?

Чтобы ответить на эти вопросы, воспользуемся данными Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ) за 2004 г., репрезентативного для России и отражающего многие аспекты жизнедеятельности человека, в том числе его трудовую деятельность. В анкете вопросы о рабочем месте задавались непосредственно самим работникам, а не руководителям организаций, поэтому есть основания полагать, что ответы респондентов фиксировали реальное положение дел, а не декларируемое.

Трудовые отношения между работником и работодателем разделяются на законодательно установленные (формальные), которые работодатель обязан выполнять, и законодательно не предусмотренные дополнительные (неформальные), выполнение которых определяется предприятием, в силу его экономических возможностей и/или стратегии развития. Законодательно определенными обязанностями работодателя, представленными в базе РМЭЗ, являются: официальное оформление трудовых отношений (по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту), регулярная выплата зарплаты (отсутствие задолженности), отсутствие необоснованного уменьшения зарплаты или сокращения рабочих часов не по желанию работника, отсутствие вынужденных неоплачиваемых отпусков, своевременная оплата очередных отпусков, больничных листов, отпусков по беременности, родам, по уходу за ребенком до 3-х лет.

К законодательно не предусмотренным дополнительным льготам, предоставляемым работникам по усмотрению администрации предприятия и, содержащимся в базе РМЭЗ, относятся: бесплатное лечение

в ведомственных медицинских учреждениях, полная или частичная оплата лечения в других медицинских учреждениях; полная или частичная оплата путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря; бесплатное содержание детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная и частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях; бесплатное или льготное питание или оплата питания; получение дотаций на транспорт, оплата проездных; обучение за счет предприятия; предоставление ссуд, кредитов; оплата арендуемого жилья.

Проведенное нами исследование соблюдения трудового законодательства работодателями показало, что негосударственные предприятия в большей степени, чем государственные, нарушают трудовое законодательство. Чем крупнее (по численности работников) предприятие, тем оно более ответственно, наиболее защищенной группой среди персонала являются работники с высоким должностным статусом [Братющенко, 2006].

Для выявления взаимосвязи социально ответственного поведения компании и развития человеческого капитала ее сотрудников нами были сконструированы типы предприятий, исходя из степени соблюдения ими трудового законодательства и масштабов социальных инвестиций:

социально не ответственные предприятия — к ним относятся предприятия, которые нарушают хотя бы один из пунктов трудового законодательства;

социально ответственные предприятия минимального уровня — к ним относятся предприятия, которые соблюдают все законодательно установленные обязательства, но не предоставляют никаких дополнительных льгот своим работникам;

социально ответственные предприятия среднего уровня — предоставляющие от одной до трех социальных льгот своим работникам;

социально ответственные предприятия максимального уровня — предоставляющие от четырех до восьми* социальных льгот своим работникам.

Выборочная совокупность предприятий распределилась по выделенным типам следующим образом, %: 77,9 — социально не ответственные, 7,7 — соблюдали законодательство, но не предоставляли дополнительные льготы, 11,1 — предоставляли до трех социальных льгот, и только 3,3 — предлагали своим работникам более четырех дополнительных льгот. При этом анализ показал, что предоставление льгот зависит от формы собственности предприятия (статистика χ -квадрат значима) Государственные предприятия в основном предоставляют от одной

* Общее число дополнительных социальных льгот обусловлено возможностями информационной базы исследования. Разделение было произведено в соответствии с распределением распространенности предоставления дополнительных льгот по массиву в целом.

до трех дополнительных льгот (Adjusted Residual* = 4,1), а негосударственные — или не предоставляют льгот вообще, или предоставляют более широкий набор дополнительных социальных льгот (Adjusted Residual = 2,8 и 2,0 соответственно).

В качестве индикаторов, характеризующих развитие человеческого капитала, в соответствии с имеющейся базой данных выделены:

социальное самочувствие — удовлетворенность жизнью**, работой, условиями и оплатой труда, возможностями профессионального роста, уверенность в возможности найти работу не хуже той, на которой работают сейчас в случае, если предприятие по каким-то причинам закроеся, беспокойство относительно возможности потерять работу, удовлетворенность, оценка изменений за последний год и оценка перспектив на будущий год относительно своего материального положения;

состояние здоровья — оценка своего здоровья, занятия физкультурой, количество дней, пропущенное по болезни за последние 30 дней, наличие договора о дополнительном добровольном медицинском страховании, источников его оплаты;

профессиональное развитие работника — прохождение за последний год обучения на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков и обучение на рабочем месте, за чей счет проходило обучение, собираются ли продолжать образование на курсах, в техникуме, вузе в течение ближайших трех лет, меняли ли место работы или профессию за последний год.

Анализ данных с использованием статистики Adjusted Residual показал большую удовлетворенность работников различными сторонами их трудовой жизни и жизни в целом в социально ответственных компаниях (и минимального, и среднего, и максимального уровней) по сравнению с социально не ответственными компаниями (табл. 26.1).

В первую очередь, работников социально ответственных предприятий (минимального, среднего, максимального уровней) отличает от работников социально не ответственных предприятий удовлетворенность условиями их труда. Статистически значимая обратная связь с удовлетворенностью условиями труда наблюдается у работников социально не ответственных компаний (Adjusted Residual = -8,90) и прямая — у работников социально ответственных компаний (Adjusted Residual = 3,09, 4,84, 4,48, от минимального до максимального уровня соответственно).

* Статистика Adjuster Residual. Фиксирует связь между отдельными клетками в таблице сопряженности, значима при уровне выше 1,96.

** Данный вопрос задавался три раза в исследовании: в начале анкеты, после раздела «Работа» и в разделе «Здоровье». Мы использовали ответы респондентов на первый вопрос для определения изначального состояния удовлетворенности жизнью, а не детализированного и, возможно, изменившегося по ходу ответов на вопросы анкеты.

Таблица 26.1

Удовлетворенность респондентов различными аспектами качества трудовой жизни

Удовлетворенность	Социально не ответственные предприятия		Социально ответственные предприятия минимального уровня		Социально ответственные предприятия среднего уровня		Социально ответственные предприятия максимального уровня	
	скорее и полностью удовлетворен	скорее и полностью не удовлетворен	скорее и полностью удовлетворен	скорее и полностью не удовлетворен	скорее и полностью удовлетворен	скорее и полностью не удовлетворен	скорее и полностью удовлетворен	скорее и полностью не удовлетворен
Жизнью в целом								
%	39,58	33,35	44,34	29,73	43,39	29,31	48,91	26,88
Adjusted Residual	-3,74	3,41	1,58	-1,10	1,15	-1,77	2,93	-1,98
Работой в целом								
%	40,00	34,79	46,83	30,84	51,01	24,57	60,19	16,50
Adjusted Residual	-8,14	7,47	0,93	0,51	4,78	-5,24	6,24	-6,28
Условиями труда								
%	36,57	41,50	46,99	31,81	48,08	29,14	53,06	26,65
Adjusted Residual	-8,90	9,13	3,09	-2,69	4,84	-5,79	4,48	-3,92
Оплатой труда								
%	20,96	62,54	20,98	65,24	18,56	65,99	25,18	55,01
Adjusted Residual	0,52	-1,20	0,26	1,36	-2,25	2,39	2,34	-3,62
Профессиональным ростом								
%	25,59	53,55	30,84	49,23	34,17	41,15	44,84	27,96
Adjusted Residual	-7,13	8,40	0,52	0,98	3,71	-5,54	6,65	-8,21

Примечание. Здесь и далее полужирным выделены статистически значимые данные.

Более высокая социальная уверенность и удовлетворенность как жизнью в целом, так и работой характерна для работников социально ответственных предприятий. Наличие связи подтверждено статистически (см. табл. 26.1). Работники социально ответственных предприятий

среднего и максимального уровней схожи между собой степенью удовлетворенности работой. Однако у работников социально ответственных предприятий среднего уровня наблюдается отрицательная (обратная) связь с удовлетворенностью оплатой их труда, что, возможно, и объясняет отсутствие статистически значимой связи с удовлетворенностью жизнью в целом.

Работники социально ответственных предприятий минимального уровня по удовлетворенности жизнью и работой схожи с работниками социально ответственных предприятий среднего уровня, но отсутствие статистически значимых связей не дает нам оснований говорить о схожести их положения. Работники социально ответственных предприятий минимального уровня в большей степени не удовлетворены возможностями профессионального роста и работой в целом.

Нарушения трудового законодательства на социально не ответственных предприятиях отражаются и на социальном самочувствии работников — сильные отрицательные связи с удовлетворенностью и положительные с неудовлетворенностью жизнью, работой, условиями труда, оплатой труда и возможностями профессионального роста.

Результаты исследования связи между социально ответственным поведением предприятия и уверенностью работника в завтрашнем дне показали, что социальная защищенность работников на рабочем месте отрицательно связана с уверенностью работника в том, что он не потеряет свою работу. Статистически значимая связь этих переменных образуется за счет сильных связей у работников двух типов предприятий. Работники социально не ответственных предприятий не сильно беспокоятся о потере своего места работы («очень и немного беспокоит» 49 %, Adjusted Residual = -4,11, «не очень и совсем не беспокоит» 39 %, Adjusted Residual = 3,60), а работники социально ответственных предприятий максимального уровня больше всех беспокоятся о возможности потерять работу («очень и немного беспокоит» 56 %, Adjusted Residual = 2,14).

С чем это связано? У работников социально не ответственных предприятий есть уверенность, что они найдут работу не хуже той, на которой они работают сейчас (38 %, Adjusted Residual = 2,48). А вот работники социально ответственных предприятий, наоборот, не уверены, что смогут найти работу не хуже той, на которой сейчас работают (43 %). Особенно это касается работников предприятий с минимальным уровнем социальной ответственности — в этом случае мы видим и минимальную долю уверенных (29 %) и максимальную — неуверенных (55 %) в сравнении с другими группами. Безусловно, на такие оценки работников влияет то, что абсолютное большинство компаний в настоящее время демонстрируют социально не ответственные модели поведения, что дает этим работником осознание привлекательности своего рабочего места и неуверенности, что они легко могут найти такое же. Напротив, работники социально не ответственных предприятий уверены в том, что такую работу они всегда могут найти.

Материальное положение работников также сказывается на их социальном самочувствии. Расчет статистики χ -квадрат по базе данных показывает связь изменения материального положения работника и удовлетворенности им с типом предприятия по уровню социальной ответственности. Материальное положение работников социально не ответственных предприятий хуже, чем у всех остальных. Общая неудовлетворенность своим материальным положением в целом (скорее и полностью не удовлетворен — 65,5 %, Adjusted Residual = 2,0) корреспондирует с оценкой ухудшения их материального положения в последний год (21 %, Adjusted Residual = 5,3) и отсутствием перспектив к его улучшению (16,3 %, Adjusted Residual = 3,5). Ситуация у работников компаний со средним и максимальным уровнями социально ответственного поведения противоположная — они удовлетворены своим материальным положением (скорее и полностью удовлетворен — 22 %, Adjusted Residual = 2,7), отмечают его рост в последний год (29,7 %, Adjusted Residual = 2,8) и больше уверены, что в следующем году будут жить лучше (37,4 %, Adjusted Residual = 2,9).

Анализ социально-демографического состава работников, работающих на этих типах предприятий, показал, что работники социально не ответственных организаций в большей степени, чем работники других предприятий, представлены молодежью до 30 лет и людьми пенсионного возраста, холостыми мужчинами или вдовцами без детей. На социально ответственных предприятиях работают в основном люди в возрасте от 31 года до пенсионного возраста (55 лет у женщин и 60 у мужчин), семейные с детьми. Женщины чаще являются работницами предприятий с минимальным и средним уровнями социальной ответственности, а мужчины чаще работают на предприятиях с максимальным уровнем социальной ответственности. Данные подтверждают социальное неблагополучие отдельных групп работников — молодежи и пенсионеров. Действительно, эти категории граждан не обладают высокой конкурентоспособностью по сравнению с представителями активного возраста и в квалификации, и в производительности труда, однако именно для них социальная защищенность на рабочем месте имеет огромное значение (как основа для будущего рывка или возможность спокойно доработать до пенсии).

Очень важным индикатором социального самочувствия и качества человеческого капитала является состояние здоровья. Проведенный анализ не выявил четкой зависимости субъективной оценки состояния здоровья работников и степенью социальной ответственности компании (табл. 26.2).

Обращает внимание то, что среднее количество дней, пропущенных по болезни, у работников социально ответственных предприятий (всех уровней) выше, чем у работников социально не ответственных предприятий. Анализ предоставления оплачиваемых больничных листов и указанных типов предприятий четко показывает, что 35 % работников со-

Таблица 26.2

Оценка состояния своего здоровья и среднее количество дней, пропущенных по болезни

Показатель	Социально не ответственные предприятия	Социально ответственные предприятия минимального уровня	Социально ответственные предприятия среднего уровня	Социально ответственные предприятия максимального уровня
Состояние здоровья				
Очень хорошее и хорошее				
%	37,51	37,50	31,66	36,90
Adjusted Residual	2,92	0,44	-4,25	0,05
Среднее, не плохое, не хорошее				
%	47,91	56,40	63,33	60,39
Adjusted Residual	-11,70	3,70	10,03	4,01
Очень плохое и плохое				
%	14,58	6,09	5,00	2,66
Adjusted Residual	13,45	-6,25	-8,97	-6,15
Среднее количество дней, пропущенных по болезни за последние 30 дней	8,36	9,02	10,39	13,65

циально не ответственных компаний оплачиваемые больничные листы не предоставляются совсем (Adjusted Residual = 33,8). Это, пожалуй, главная причина такого несоответствия. У работников социально ответственных предприятий (всех уровней) нет необходимости переносить болезнь «на ногах», поскольку им не приходится болеть за свой счет — государство и работодатель таким образом о них заботятся (предоставление оплачиваемых больничных листов является законодательно определенными обязанностями работодателя).

Наличие договора на дополнительное добровольное медицинское страхование в большей степени характерно для социально ответственных компаний среднего и максимального уровней (4,7 и 16,7 % и Adjusted Residual = 5,9 и 19,2 соответственно). Причем более 80 % работникам данный вид страхования оплачивает работодатель (у социально ответственных компаний максимального уровня определяется статистически значимая связь, Adjusted Residual = 2,1). И только около 1,5 % работников компаний минимального уровня и социально не ответственных имеют такой договор. Видимо, им остается возможность самостоятельно заниматься физкультурой для улучшения своего здоровья.

И данные это подтверждают: 9,7 % выполняют легкие физические упражнения для отдыха менее трех раз в неделю, 5,5 — физические упражнения средней или высокой тяжести менее трех раз в неделю (Adjusted Residual = 5,6) и 6,3 % ежедневно занимаются физкультурой по меньшей мере 30 мин. в день (Adjusted Residual = 2,4). В целом работники социально не ответственных предприятий занимают второе место по частоте занятий физкультурой после работников предприятий с максимальным уровнем социальной ответственности, где каждый третий в той или иной степени занимается укреплением своего здоровья.

Одним из способов создания конкурентных преимуществ компании и вложения в экономический рост являются инвестиции в профессиональное развитие работника (табл. 26.3).

Анализ полученных данных показал, что работники социально не ответственных предприятий вкладывают свои личные средства в получение общей подготовки с целью найти новую работу, поэтому компании не заинтересованы в финансировании обучения работника (подтверждая выводы Г. Беккера). Работники и не беспокоятся о том, что могут потерять работу, и уверены, что могут найти такую же — ведь их общая подготовка может пригодиться в любой фирме. За последний год из них 9,9 % сменили место работы, но не сменили профессию, а 10,9 % сменили и место работы, и профессию (Adjusted Residual = 7,0 и 6,2).

А работники социально ответственных предприятий максимального уровня стремятся улучшить свою специализированную подготовку, повысить квалификацию и получают для этого финансовую поддержку предприятия. Из них больше всех сохранили профессию и место работы за последний год (87 % и Adjusted Residual = 5,3) и 3,9 % сменили профессию, но не сменили место работы (Adjusted Residual = 3,2), что свидетельствует о профессиональном развитии персонала внутри предприятия.

Дифференциация величины заработной платы, продолжительности рабочих дня и недели по выделенным типам предприятий характеризует использование человеческого капитала на предприятии и уровень его вознаграждения, который в свою очередь определяет условия воспроизводства рабочей силы (человеческого капитала) (табл. 26.4).

Наблюдается рост средней заработной платы на социально ответственных предприятиях с повышением масштабов их социальных инвестиций. Однако этот рост обусловлен и ростом занятости на рабочем месте: если на социально ответственных предприятиях минимального уровня продолжительность рабочего дня превышает законодательно установленную всего на 0,97 ч, то работники социально ответственных предприятий максимального уровня работают в среднем на 1,5 ч в день больше положенного. Но число часов переработок в неделю не так сильно отличается — на 2 ч при разнице в зарплате почти на 40 %.

Работники социально не ответственных компаний получают заработную плату значительно больше, чем работники социально ответст-

Таблица 26.3

Инвестиции в профессиональное развитие работников

Характеристика инвестиции	Социально не ответственные предприятия	Социально ответственные предприятия минимального уровня	Социально ответственные предприятия среднего уровня	Социально ответственные предприятия максимального уровня
В течение последних 12 месяцев учились на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации, проходили обучение на рабочем месте и др.				
%	3,35	3,07	8,27	9,18
Adjusted Residual	-7,32	-1,84	8,15	5,15
Обучались за счет средств предприятия				
%	37,50	60,00	70,69	84,21
Adjusted Residual	-7,13	0,96	4,79	4,21
Обучались за счет личных средств				
%	46,21	33,33	20,69	13,16
Adjusted Residual	5,43	-0,31	-3,98	-3,06
Собираются продолжить образование на курсах, в техникуме, вузе в течение ближайших трех лет				
%	18,30	9,62	16,04	19,81
Adjusted Residual	4,74	-6,63	-1,30	1,40
Продолжают образование, чтобы повысить квалификацию				
%	56,70	72,34	84,00	87,80
Adjusted Residual	-9,26	2,08	7,19	4,89
Продолжают образование, чтобы найти (другую) работу				
%	64,68	47,87	38,22	30,49
Adjusted Residual	9,28	-2,27	-6,79	-5,38

венных компаний минимального и среднего уровней, но меньше, чем социально ответственных предприятий максимального уровня. При этом показатели средней продолжительности рабочих дня и недели у этих

Характеристики использования человеческого капитала и уровня его вознаграждения

Характеристика	Социально не ответственные предприятия	Социально ответственные предприятия минимального уровня	Социально ответственные предприятия среднего уровня	Социально ответственные предприятия максимального уровня
Среднемесячная заработная плата работников за последние 12 месяцев, р.	5612,2	4255,6	4866,6	6918,6
Средняя продолжительность рабочего дня, ч	9,76	8,97	9,12	9,46
Средняя продолжительность рабочей недели, ч	46,47	41,61	41,67	43,53

работников максимальные. Работая в среднем в неделю на 3 ч больше работников социально ответственных предприятий максимального уровня, они получают заработную плату на 20 % меньше. Однако, при сравнении с показателями работников социально ответственных предприятий минимального и среднего уровней, переработки работников социально не ответственных предприятий оправданы — они получают заработную плату на 32 и 15 % выше работников этих типов предприятий. Это говорит о том, что более высокая оплата труда в социально не ответственных компаниях является своего рода «компенсацией» за переработки.

* * *

Итак, проведенное исследование позволило выявить влияние социально ответственного поведения компании на человеческий капитал работников. Инвестиции российского бизнеса в человеческий капитал могут быть оценены как крайне низкие, поскольку к социально ответственным можно отнести (согласно данным РМЭЗ) лишь пятую часть предприятий.

Социальная незащищенность и социальное неблагополучие работников сказываются на незаинтересованности работников в работе на данном предприятии, отсутствии желания продолжать специализированное образование. Работники социально не ответственных предприятий отмечают низкий уровень качества своей трудовой жизни и жизни в целом: они не довольны условиями труда, оплатой, возможностями профессионального роста, они ориентируются на себя, не ожидая под-

держки со стороны, самостоятельно занимаются и своим профессиональным развитием, и здоровьем. Предпочтение в профессиональной подготовке они отдадут общему образованию, чтобы было легче найти работу. С одной стороны, это помогает им быть более уверенными в своем будущем — например, возможности найти работу не хуже той, на которой они работают сейчас, с другой — снижает их ценность для работодателя, поскольку данное поведение не демонстрирует заинтересованность работника в рабочем месте, что означает и невыгодность для работодателя инвестиций в данного сотрудника.

Социально ответственные предприятия, вкладывая средства в создание благоприятных социальных условий, способствуют развитию работника как личности и как профессионала, что сказывается на желании работника повышать свою квалификацию, реализовываться в работе, заниматься своим здоровьем, и это непосредственно отражается на качестве человеческого потенциала предприятия. Социально ответственные компании обеспечивают своим работникам не только социальные гарантии в виде соблюдения трудового законодательства, но и возможность пользоваться дополнительными социальными льготами за счет предприятия. Соответственно, их работники больше удовлетворены своей работой и жизнью в целом. Работники социально ответственных предприятий максимального уровня позитивно оценивают свою работу, условия труда, возможности профессионального роста, да и на жизнь в целом смотрят более оптимистично, особенно в контексте своего материального положения.

Таким образом, социальные инвестиции бизнеса становятся фактором развития человеческого капитала, они начинают окупаться сразу (улучшение социального самочувствия работника) и продолжают приносить прибыль предприятию в дальнейшем через повышение квалификации, рост профессионализма и самореализации в работе. Использование новых знаний и умений в работе способствуют повышению производительности труда работника. Социально ответственное поведение бизнеса отвечает задачам современного российского общества — переходу к инновационному типу развития экономики и повышению качества жизни населения.

Литература к разделу IV

Глава 21

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Алашеев С. Ю., Кутейницына Т. Г., Посталюк Н. Ю. Обзор мировых практик организации взаимодействия рынка труда и системы профессионального образования // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов по материалам Второй Всеросс. науч.-практич.

- Интернет-конференции (26—27 октября 2005 г.). Кн. I. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 7—27.
- Арсентьева Н. М., Бусыгин В. П., Харченко И. И.* Модели поведения молодежи в сфере профессионального образования и на рынке труда: механизм и факторы формирования// Регион: экономика и социология. 2006. № 1. С. 126—140.
- Артемов В. А., Новохацкая О. В.* Повседневная деятельность и здоровье населения в 1980—1990-х годах// Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. Вып. 6. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 184—203.
- Гимпельсон В.* Дефицит квалификации и навыков на рынке труда// Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 76—94.
- Гончарова Н.* О рынке труда выпускников// Социологические исследования. 1997. № 3. С. 105—112.
- Граф Г. С.* Проблемы занятости в современных условиях// Экономика, рынок труда, человек. Тез. межрегиональной науч.-практич. конф-ции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. С. 197—201.
- Дидковская Я.* Динамика профессионального самоопределения студентов// Социологические исследования. 2001. № 7. С. 132—135.
- Занятость и рынок труда: новые реалии, национальные приоритеты, перспективы/* Отв. ред. Л. С. Чижова. М.: Наука, 1998.
- Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Профессиональное образование и рынок труда// Социологические исследования. 2003. № 4. С. 99—106.
- Латин Н. И.* Пути России: социокультурные трансформации/ Ин-т философии РАН. М., 2000.
- Монусова Г.* Незанятость в России: вынужденная или добровольная?// Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 113—129.
- Наумова Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе// Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5—22.
- Нещадин А.* Экономический рост и кадровый потенциал России// Вопросы экономики. 2000. № 7. С. 102—110.
- Нещадин А., Нещадина О., Царева И.* Актуальные проблемы профессионального образования в России// Общество и экономика. 2005. № 6. С. 106—122.
- Попова И. Н., Седова Н. Н.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения// Социологические исследования. 2004. № 2. С. 31—43.
- Пошевнев Г. С.* Занятость в переходном обществе// Человек. Труд. Занятость. Научно-практическое периодическое издание. Вып. 2/ Ин-т философии и права СО РАН; ЦСА. Новосибирск, 1998. С. 6—25.
- Резник Ю. М., Смирнов Е. А.* Жизненные стратегии личности (Опыт комплексного анализа)/ Ин-т человека РАН; Независимый институт гражданского общества. М., 2002.
- Рубан Л. С.* Девиация как проблема безопасности// Социологические исследования. 1999. № 5. С. 70—74.
- Фазульянова С. Н.* Профессиональная направленность выпускников и роль вузов в их трудоустройстве: подходы к оценке// Социология и общество. Тр. Первого

- Всерос. социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи»/ Под ред. В. В. Васильковой, В. В. Козловского, Н. Г. Скворцова. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002. С. 448—457.
- Харченко И. И.* Рынок труда и будущее трудоустройство в представлениях выпускников профессиональных учебных заведений// Экономика. Вопросы школьного экономического образования. Международный учебно-методический журнал. НГУ. Ольденбургский университет (Германия). 2002. № 1. С. 17—24.
- Харченко И. И.* Глава 33. Самоопределение молодежи в трансформирующемся обществе: выбор жизненных стратегий, жизненные принципы и устремления// Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 689—712.
- Четвернина Т., Ломоносова С.* Социальная защищенность наемных работников в новом частном секторе: мифы и реальность// Вopr. экономики. 2001. № 9. С. 101—112.
- Чупров В. И.* Молодежь в общественном воспроизводстве// Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93—106.
- Шереги Ф. Э.* Социология образования: прикладные исследования. М.: Academia, 2001.
- Russell D., Murphy Jr.* Labor market flexibility and investment in human capital/ Version, December 4, 2003// http://www.erf.org.eg/tenthconf/Labor_Presented/Murphy&Salehi.pdf
- Gray L., Warrander A. M., Davies P. et al.* Labour market signals and indicators/ Education Research Paper. 1996. N 15.

Глава 22

- Вебер М.* Политика как призвание и профессия// Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.
- Гвоздева Е. С., Высокый Е. М.* Сегодняшний день будущего российской науки. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004.
- Гордиенко А. А., Еремин С. Н.* Состояние и тенденции развития академического общества ННЦ. 2000 г. Материалы социологического исследования. Новосибирск, 2001.
- Горегляд В. П.* Инновационный путь развития// ЭКО. 2005. № 12. С. 2—8.
- Евсеев А. В., Унтура Г. А.* Эволюция новосибирской модели инноваций. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. С. 45—58.
- Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Кун Т.* Структура научных революций: Пер с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Паринов С. И.* К теории сетевой экономики. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002.
- ПРООН* (Программа развития ООН). Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. На пути к обществу, основанному на знаниях/ Ред. С. Н. Бобылев. М.: Весь Мир, 2004.

- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1983.
- Bennis W.* On becoming a leader. Addison–Wesley Publishing Company. 1989.
- Hayek F. A.* The Use of Knowledge in Society// American Economic Review. 1945. V. 35. September. P. 519—530.
- Heifetz R., Linsky M.* Leadership on the Line: staying alive through the dangers of leading. Harvard: Business School Press, 2002.
- Hesselbein F., Goldsmith M., Bekhard R.* (eds.). The Leader of the Future: New Visions, Strategies, and Practices for the Next Era. San Francisco, California: Jossey-Bass, 1996.
- Kellerman B.* Bad Leadership: what it is, how it happens, why it matters. Boston, Massachusetts: Harvard Business School Press, 2004.
- Lewin K.* Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers/ Ed. Dorwin Cartwright. New York: Harper, 1951.
- Pop D.* Measuring Capacity: Initial Overview [online]/ Global Development Conference “Understanding Reform”, New Delhi (24—30 January, 2004). 2004// http://www.gdnet.org/activities/annual_conferences/fifth_annual_conference/.
- Sen A.* Development as Capability Expansion// K. Griffin, K. John (eds.). Human Development and the International Development Strategy for the 1990s. London: Macmillan, 1990.
- Sen A.* Development as a Freedom. New York: Oxford University Press, 2001.
- Zuker L. G.* Production of Trust: Institutional Sources of Economic Structure/ B. M. Staw, L. L. Cummings (eds). Research in Organizational Behavior. V. 8. Greenwich, CT: JAI Press, 1986. P. 53—112.

Глава 23

- Барсукова С.* Теневой и фиктивный рынки труда в современной России// Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 1. С. 174—194.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Бурдые П.* Формы капитала// Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики/ Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519—536.
- Вершинина Т. Н.* Рынок труда переходного периода и проблемы адаптации к нему трудоспособного населения// Общество и экономика: социальные проблемы трансформации: Сб. науч. докл. к XIV Конгрессу Всемирной социологической ассоциации/ Под ред. А. Р. Михеевой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1998. С. 94—113.
- Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд// Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики/ Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 369—399.
- Казюля М. П.* Особенности использования социальных связей на рынке труда Эстонии// Социологические исследования. 2005. № 7. С. 52—62.
- Калугина З. И., Лаврусевич П. Е.* Формальные и неформальные посредники на современном российском рынке труда// Социология 4М: методология, методы и тематические модели. 2006. № 23. С. 100—120.

- Козина И.* Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности// Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России. М.: РОССПЭН, 1999.
- Пауэлл У., Сит-Дор Л.* Сети и хозяйственная жизнь// Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 3. С. 61—105// [http:// www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)
- Роцин С. Ю., Маркова К. В.* Поиск работы на российском рынке труда. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2004.
- Тартаковская И. Н.* Социальные сети и поведение на рынке труда// Социологический журнал. 2004. № 1/2.
- Тихонова Н. Е.* Социальный капитал как фактор неравенства// Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24—35.
- Хэнди Ч.* Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001.
- Шевчук А. В.* О будущем труда и будущем без труда: футурологические дискуссии// Экономическая социология. 2005. Т. 3, № 6. С. 11—24// www.ecsoc.msses.ru
- Якубович В.* Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России// Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002. С. 210—248.
- Brook K.* Labour market participation: the influence of social capital// Labour Market Trends. 2005. V. 113, N 3. P. 113—123// http://www.statistics.gov.uk/articles/labour_market_trends/lm_social_capital.pdf
- Calvo-Armengol A., Zenou Y.* Job Matching, Social Network and Word-of-Mouth Communication. IZA Discussion Paper No. 771, May 2003// <http://ftp.iza.org/dp771.pdf>
- Davern M., Hachen D. S.* The role of information and influence in social networks: examining the association between social network structure and job mobility// American Journal of Economics and Sociology. 2006. V. 65, N 2. P. 269—293.
- Granovetter M.* The strength of weak ties// AJS. 1973. V. 78, N 6. P. 1360—1378.
- Gerber Th., Mayorova O.* Getting personal: The use of networks for successful job searches in Russia, 1985—2001// Paper presented at the Semi-Annual Meeting of the Research Committee on Social Stratification of the International Sociological Association (RC 28), Tokyo, Japan, March 1—3, 2003// <http://web.iss.u-tokyo.ac.jp/~rc28/JobsearchRussia.pdf>
- Knight J., Yueh L.* The Role of Social Capital in the Labor Market in China. University of Oxford. Economics Series Working Papers 121, October 2002// [http:// www.economics.ox.ac.uk/Research/wp/pdf/paper121.pdf](http://www.economics.ox.ac.uk/Research/wp/pdf/paper121.pdf)
- Kugler A.* Employee Referrals and Efficiency Wages. IZA Discussion Paper No 633. November 2002// <http://ftp.iza.org/dp633.pdf>
- Lin N., Ensel W., Vaughn J.* Social resources and the strength of ties: Structural factors in occupational status attainment// American Sociological Review. 1981. V. 46, August. P. 393—405.
- Pellizzari M.* Do Friends And Relatives Really Help In Getting A Good Job? CEP Discussion Paper No 623, March 2004// <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp0640.pdf>
- Petersen T., Saporta I., Seidel M.-D.* Offering a job: Meritocracy and social networks// American Journal of Sociology. 2000. V. 106, N 3. P. 763—816.

- Portes A.* Social capital: Its origins and applications in modern sociology// Annual Review of Sociology. 1998. V. 24. P. 1—24.
- Smirnova N.* Re-employment Probabilities and Wage Offer Function for Russian Labor Market. William Davidson Working Paper Number 547. February 2003// http://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID385887_code030407500.pdf?abstractid=385887&mirid=1
- Stone W., Gray M., Hughes J.* Social Capital at Work: How Family, Friends and Civic Ties Relate to Labour Market Outcomes. Research Paper No. 31. Melbourne: Australian Institute of Family Studies// <http://www.aifs.gov.au/institute/pubs/respaper/RP31.pdf>
- Weber A., Mahringer H.* Choice and Success of Job search Methods. IZA Discussion Paper. 2006. N. 1939// <http://ftp.iza.org/dp1939.pdf>
- Wegener B.* Job mobility and social ties: Social resources, prior job, and status attainment// American Sociological Review. 1991. V. 56. P. 60—71.
- Wielgosz J., Carpenter S.* The effectiveness of alternative methods of searching for jobs and finding them// American Journal of Economics and Sociology. 1987. V. 46, N 2. P. 151—164.
- Yakovovich V., Kozina I.* The changing significance of ties: An exploration of the hiring channels in the russian transitional labor market // International Sociology. 2000. V. 15(3). P. 479—500.
- Yakovovich V.* Weak ties, information and influences: How workers find jobs in a local russian labor market// American Sociological Review. 2005. V. 70. P. 408—421.
- Zenou Y., Wahba J.* Density, Social Networks and Job Search Methods: Theory and Application to Egypt. The Research Institute of Industrial Economics. Working Paper No 629, 2004// <http://www.naringslivsforskning.se/Wfiles/wp/WP629.pdf>

Глава 24

- Барсукова С.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Бурдые П.* Формы капитала// Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики/ Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519—536.
- Давыдова Н.* Взаимопомощь в нуждающихся российских домохозяйствах// Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 39—48.
- Калугина З., Фадеева О.* Перспективы «неперспективных» сельских поселений (сибирские вариации)// ЭКО. 2005. № 7. С. 145—159.
- Калугина З., Фадеева О.* «Hard luck story» брошенных деревень (социологический очерк)// Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 79—96.
- Овчарова Л., Прокофьева Л.* Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 4. С. 23—30.
- Радаев В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5—16.
- Роуз Р.* Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России// Там же. 2002. № 3. С. 23—38.

- Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания// Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. С. 202—210.
- Соболева И.* Социальный капитал или социальный ресурс?// Экономическая наука современной России. 2006. № 3. С. 16—29.
- Стрельникова Л.* Социальный капитал: типология зарубежных подходов// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 33—41.
- Фадеева О.* Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе// Неформальная экономика. Россия и мир/ Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 183—218.
- Фадеева О.* Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных обследований на Кубани и в Поволжье)// Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России/ Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. С. 161—215.
- Фадеева О.* Сельский труд: симбиоз формального и неформального// Россия, которую мы обретаем: исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 222—252.
- Шихирев П.* Природа социального капитала: социально-психологический подход// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17—32.
- Штейнберг И.* Сетевые ресурсы в реальной практике стратегий выживания сельской семьи// Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 100—108.
- Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and Reconstitution of Social Order. N.Y.: Free Press, 1999.
- Portes A., Mooney M.* Social capital and community development// The New Economic Sociology Developments in an Emerging Field/ Ed. By M. F. Guillen, R. Collins, P. England, and M. Meyer/ Russell Sage Foundation. N. Y., 2003. P. 303—329.

Глава 25

- Артемов В. А.* Глава 31. Базы данных как основа исследований социальной динамики// Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской эконо-номико-социологической школы. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 1999. С. 702—722.
- Гвоздева Г. П., Горяченко Е. Е.* Формирование и характеристика выборочной совокупности для обследования бюджетов времени// Рабочее и внерабочее время сельского населения/ Под ред. В. А. Артемова/ ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1979. С. 37—50.
- Жеребин В. М., Ермакова Н. А.* Уровень жизни как он понимается сегодня// Вопросы статистики. 2000. № 8. С. 3—11.
- Juster F. T., Stafford F. P.* The Allocation of time: Empirical Findings, behavioral models, and problems of measurement// Journal of Economic Literature. 1991. V. XXIX. P. 471—522.

Глава 26

- Беккер Г.* Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал (глава из книги «Человеческий капитал»), 1975// <http://institutional.boom.ru/Capelush/Humancapital.htm>
- Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение// THESIS. 1993. Вып. 1. С. 24—40.
- Братющенко С. В.* Соблюдение трудового законодательства работодателем// Новые направления социально-экономического развития и инновации. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. С. 176—184.
- Братющенко С. В.* Социальная ответственность предпринимательства (обзор концепций)// Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 166—178.
- Бурдые П.* Формы капитала// Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60—74.
- Здравомыслов А. Г.* Ответственность экономической элиты: мнения россиян// Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 45—58.
- Ивченко С. В.* Оценка влияния корпоративных социальных и благотворительных программ на показатели основной деятельности компании: обзор зарубежного опыта// Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. 2003. № 2// http://www.urbaneeconomics.ru/publications.php?folder_id=142&mat_id=43
- Капелюшников Р.* Человеческий капитал России: эволюции и структурные особенности// Вестник общественного мнения. 2005. № 4. С. 46—54.
- О принципах* корпоративной социальной ответственности. Меморандум/ Комитет Ассоциации Менеджеров по корпоративной ответственности. Ассоциация менеджеров. М., 2006.
- Туркин С. В.* Социальные инвестиции в бизнесе. М.: Русский Университет, 2002.

РАЗДЕЛ V

УГРОЗЫ И РИСКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

-
- ГЛАВА 27. Демографическая безопасность России: факторы, проблемы, индикаторы
- ГЛАВА 28. Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий
- ГЛАВА 29. Образ сельской бедности: отражение статусной кристаллизации в сознании селян
- ГЛАВА 30. Сколько пьет Россия: объем, динамика, дифференциация и социальные аспекты потребления алкоголя
- ГЛАВА 31. Негативное потребление учащихся: риски и барьеры в обществе двойных стандартов
- ГЛАВА 32. Риски детской безнадзорности в условиях трансформации брака и семьи
- ГЛАВА 33. Новый курс социальной политики как ответ на вызовы времени
- ГЛАВА 34. Демографическая политика России

ГЛАВА 27 | **Демографическая безопасность России: факторы, проблемы, индикаторы**

Демографическая безопасность — один из видов безопасности общества, которая рассматривается вместе с такими видами безопасности, как военная, политическая, культурная, экономическая, социальная, продовольственная, экологическая и др., в контексте национальной безопасности. Демографическая безопасность тесным образом связана с другими видами национальной безопасности и в то же время является ее важнейшей составляющей.

В последнее время в связи со сложившейся демографической ситуацией в стране проблема демографической безопасности приобретает особую актуальность.

В современной литературе под демографической безопасностью понимается «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей» [Геополитика..., 1999]. Демографическая безопасность, по мнению Л. Л. Рыбаковского, «может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность — это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотносении ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [Рыбаковский, 2004].

Проблема демографической безопасности разрабатывалась в трудах белорусских демографов и социологов. Понятие демографической безопасности они определяют как «состояние защищенности жизненно важных демовоспроизводственных процессов от реальных и потенциальных угроз» [Шахотько, Привалова, 2001. С. 16]. Такое определение позволяет четко выделить предмет исследования как совокупность мер, направленных на предупреждение возникновения угроз безопасности в демографической среде*.

Формируя свое, авторское понятие демографической безопасности, мы исходили, учитывая уже наработанный опыт, из следующих основ-

* В 2002 г. президентом Республики Беларусь А. Лукашенко был подписан Закон о демографической безопасности Республики Беларусь, разработанный на основе названных исследований.

ных моментов. Во-первых, поскольку основным предметом демографической науки является воспроизводство населения, непрерывный процесс возобновления поколений и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), то рассматриваемое понятие должно исходить из целевых установок именно процесса воспроизводства населения. Во-вторых, это понятие должно содержать в себе возможности оценки и измерения безопасности/опасности существования основных компонент процесса воспроизводства и формирования населения: рождаемости, смертности, состояния здоровья, семейной структуры, миграции.

Следуя этому, под *демографической безопасностью* мы будем понимать состояние защищенности жизни, воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, этнической, семейной) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. *Демографические угрозы* — явления, тенденции и действия, которые оказывают отрицательное воздействие на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития*, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.

Перечень демографических угроз на разных этапах формирования и развития общества (страны) может быть различным. Так, если до начала XIX в. в России основной причиной смертности были инфекционные заболевания, сопровождающиеся массовыми вымираниями (эпидемиями), то, естественно, основные риски смертности были связаны именно с этой группой заболеваний. Современные же риски смертности имеют иную природу и иную направленность.

Целью демографической безопасности является создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения возникновения потенциальных демографических угроз.

В целом разработка проблемы демографической безопасности должна включать в себя следующие важнейшие задачи:

- выявление факторов, формирующих демографические угрозы;
- характеристику реальных и потенциальных демографических угроз;
- разработку индикаторов демографических угроз и определения предельных критических значений состояния отдельных составляющих демографической среды: формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), естественного и механического движения, отдельных характеристик семьи;

- разработку механизма обеспечения демографической безопасности.

Среди факторов, формирующих демографические риски, выделяются внутренние и внешние по отношению к данной территории (стра-

* Национальные цели демографического развития должны формироваться, исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

не, федеральному округу, экономическому району, области, краю) факторы.

К внутренним факторам следует отнести:

экономико-географическое положение страны (региона) и ее (его) ресурсную базу, оказывающую влияние на формирование населения;

исторические особенности формирования и размещения населения, сложившиеся для данной территории миграционные связи;

уровень социально-экономического развития территории и его основных инфраструктурных элементов (жилье, образование, здравоохранение, социальная защита населения);

сформированную экономическую и финансовую основу взаимодействия территории и центра, оказывающую значительное влияние на формирование внутрirosсийских потоков миграции с востока на запад;

нарушение этнокультурных традиций, сложившихся на протяжении длительного времени и оказывающих влияние на все составляющие воспроизводства и формирования населения;

реализацию политики государства, оказывающей воздействие на все стороны жизни страны.

К внешним факторам относятся:

состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки;

целенаправленная деятельность внешних структур по формированию демографических рисков.

Характеризуя внутренние факторы, формирующие демографические риски, необходимо отметить, что экономико-географическое положение региона и его ресурсная база, играющие важнейшую роль в экономическом развитии территории, а также в размещении и формировании населения, могут в значительной мере усилить или ослабить демографические риски. К таким рискам приводят следующие процессы: связанное с экономическим развитием и освоением ресурсной базы интенсивное «перекачивание» населения из одних регионов в другие, которое, с одной стороны, образует относительно избыточное население и перенаселенность территорий, а с другой, — ведет к обезлюдению целых пространств; формирование в результате миграции половозрастных диспропорций в структуре населения, связанных с отраслевой спецификой территорий, приводящих в свою очередь к нарушению процесса воспроизводства и массовому оттоку населения. В качестве примера последнего можно привести специфические поселения с преимущественно мужским населением, сложившиеся в северных лесных и нефтегазоносных районах Томской и Тюменской областей, использующие мужскую рабочую силу, а также поселения преимущественного сосредоточения отраслей легкой промышленности, использующих женский труд, — например, Ивановская область в прошлом. Нарушение половых пропорций в демографической структуре подобных территорий приводит к появлению таких социально-демографических проблем, как рост

разводимости, внебрачной рождаемости, числа неполных, бездетных и малодетных семей, интенсивный миграционный обмен, не способствующий формированию постоянного населения территорий, и др.

Говоря об уровне социально-экономического развития территории и его влиянии на формирование демографических рисков, необходимо отметить, что показатели социально-экономического развития территории через показатели уровня жизни населения данной территории оказывают влияние на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения. А нарушение пропорций в том или ином показателе уровня жизни будет приводить к возникновению демографических рисков в отдельных составляющих воспроизводственных процессов. Особенно отчетливо это можно проследить на примере таких показателей как смертность, рождаемость и миграция в период радикальных преобразований, происходивших в России с начала 90-х годов прошлого века и приведших в том числе к возникновению социально-демографических проблем в результате трансформации общества и экономики (см. главу 13 «Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития»). В частности, произошло снижение миграционной активности населения. Разделенные огромными пространствами многие россияне оказались не в состоянии осуществить потенциальную миграцию. В результате показатель межрегиональной миграции в 1992—2004 гг. уменьшились вдвое: численность прибывших снизилась с 4,4 млн чел. в 1992 г. до 2,2 млн чел. в 2004 г., а численность выбывших — с 3,9 млн до 2,1 млн чел. соответственно. Изменился и вектор перемещения населения: от заселения территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в южные и центральные районы России; миграционные связи с большинством стран СНГ стали односторонним движением в Россию; усилился «западный дрейф» мигрантов через выраженную полярность центра страны (притягивающего население всех районов) и Дальнего Востока (отдающего население всем районам) [Иностранцы мигранты..., 2006. С. 41].

Серьезное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад оказало и сложившееся экономическое и финансовое взаимодействие территории и центра, когда значительные финансовые потоки и материальные ресурсы концентрируются в крупных городах европейской части России. В такой ситуации все территориальные несоответствия, например между реальной заработной платой (показателями уровня жизни и условий жизнедеятельности, определяемых материальными благами) и нормой прибыли на капитал, оказывают воздействие на миграционные потоки. То есть в случае значительных межрегиональных различий в уровне жизни населения рабочая сила перемещается вслед за капиталом. И пока эти различия не устранены, миграционные потоки всегда будут направлены с востока на запад, создавая «вакуум» для притяжения мигрантов из соседних перенаселенных стран.

Особо следует отметить такой фактор формирования демографических угроз, как нарушение этнокультурных традиций населения страны. Культура является способом адаптации к окружающей действительности. Она вырабатывается на протяжении длительного времени, и ее резкое изменение может привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиями. Попытка сменить культурную парадигму, агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущих со стороны Запада при массивной поддержке СМИ, приводит в России не к модернизации, а к деградации, и, соответственно, к вырождению. В этой связи следует отметить, что в регионах, сохранивших национальные традиции, сложилась более благоприятная демографическая ситуация, чем в России в целом, и депопуляция им пока не грозит (см. главу 13 «Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития»). Это происходит либо за счет традиционно высокой рождаемости, что характерно, например, для некоторых коренных народов Сибири, либо за счет повышенной по сравнению со среднероссийской рождаемости и более низкой смертности (как на Северном Кавказе).

Таким образом, можно констатировать, что *в качестве одного из принципов обеспечения демографической безопасности в Российской Федерации должно рассматриваться уважение этнических ценностей, культурных традиций и устоев многонационального населения России в сфере реализации репродуктивных установок и демографического поведения.*

Что касается последнего внутреннего фактора, реализации политики государства, то следует отметить, что после распада СССР на протяжении почти десяти лет в России не были сформулированы цели демографического развития страны. Лишь в сентябре 2001 г. была принята «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» и впервые определен комплекс мер демографической политики.

Если каждый из приведенных выше внутренних факторов формирует демографические риски в составляющих как естественного, так и всех видов механического движения, то состояние и процессы, происходящие в других государствах и формирующие иммиграционные потоки, касаются только межгосударственной миграции.

В начале 1990-х годов при переходе стран, образовавшихся после распада СССР, к рыночной экономике в результате сокращения производства и роста безработицы произошло массовое вытеснение людей этих стран из привычной для них среды существования, и значительная часть из них сформировала внешние по отношению к России потоки иностранной рабочей силы.

Благоприятность условий для развития трудовой миграции 1990-х годов заключалась в лояльности законов принимающей стороны, а также в отсутствии юридических ограничений, позволяющих свободно пе-

ресекать «прозрачные» в то время государственные границы, провозить коммерческий груз, пребывать в стране и работать без законодательных препятствий. И только к началу нового тысячелетия вводятся новые официальные нормы международной миграции из стран СНГ. Важным фактором иностранной трудовой миграции стало и то, что как части бывшего государства эти страны имели схожее правовое поле, однотипную номенклатуру профессий, общую принадлежность сразу к двум языковым ареалам (например, русский и тюркский), а пребывание долгие годы в единой социальной структуре и идеологии выработало у населения этих стран общие «коммуникативные» нормы и образцы социальной организации.

Однако, помимо значимых социальных функций, с потоками такой миграции связан и целый ряд рисков: нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, межнациональные конфликты, рост наркомании, этническая преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза потери стратегических территорий и т. д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества усиления трудового и демографического потенциалов территорий, связанного с массовым привлечением мигрантов.

Как свидетельствует опыт западных стран, интегрировать мигрантов в социальном, культурном, политическом и правовом пространстве принимающих территорий весьма непросто. С каждым годом в этих странах, с одной стороны, растет число «новых бедных» — представителей западных культурных моделей, а с другой — усиливается отторжение принимающим обществом иммиграционных общин. В такой ситуации для самих мигрантов их культурная идентичность становится главной опорой их солидарности, и таким образом формируются дополнительные стимулы к консервации традиционных культурных моделей, соответствующих им способов социализации, норм поведения и ценностных ориентаций. Это, в свою очередь, воспринимается принимающим обществом как реальная угроза его системе ценностей и его безопасности. Иными словами, люди, проживающие на территории одного государства, могут оказаться настолько разнородными, что потеряют свое единство как общество, перестанут друг друга понимать, не смогут решать какие-то общие задачи, возникнет угроза конфликтов, что приведет к ослаблению страны. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью.

Другим важнейшим внешним фактором является целенаправленная деятельность внешних структур по формированию демографических рисков. В 1975 г. Советом по национальной безопасности США при участии министерства обороны, ЦРУ, министерства сельского хозяйства, Агентства по международному развитию под руководством госсекретаря США Г. Киссинджера был разработан документ NSSM-200 (National Security Study Memorandum), который стал руководством к действию в области американской внешней политики. Опубликование

фрагментов этого документа стало возможным лишь в июне 1990 г. «При том, что население США составляет 6 % от мирового, мы потребляем около трети природных ресурсов, — констатировалось в нем. — В последние десятилетия Соединенные Штаты все больше зависят от импорта полезных ископаемых из развивающихся стран, и эта тенденция, судя по всему, продолжится. Поэтому США все больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках...» (см. [Медведева, Шишова, 2000. С. 13—14]).

Что же понималось под поддержанием стабильности в других странах? Продолжим цитирование: «Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, — политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США». И еще более откровенно: «Быстрый рост населения в развивающихся странах наносит ущерб их внутренней стабильности и отношениям с теми странами, в развитии которых США заинтересованы, создавая, таким образом, политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США» [Там же. С. 14]. Это неблагоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций. И далее: «...подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения» [Там же. С. 14—15].

Таким образом, *систематическое использование мировым капиталом чужих природных ресурсов требует минимизации численности населения, проживающего на территориях, богатых различными природными ресурсами.*

Снижать рождаемость предполагалось уже отработанным способом — распространением служб планирования семьи, которые занимались бы пропагандой различных методов предупреждения беременности, включая контрацепцию, аборт и стерилизацию. Можно создавать службы планирования семьи в качестве самостоятельных организаций, но желательно вписывать их в уже имеющиеся структуры здравоохранения, с целью использования последних в качестве прикрытия, так как они пользуются доверием населения, а также обеспечения бюджетного финансирования. Что и происходило в России в 1990-е гг., когда в разгар депопуляции и тяжелейшего общего кризиса из нищего бюджета осуществлялось финансирование федеральной программы «Планирование семьи», пока по требованию депутатов Госдумы оно не было прекращено. Однако в ответ Минздрав тут же выдал директиву регионам осуществлять аналогичные местные программы через государственные учреждения здравоохранения, включая роддома и женские консультации.

Конечно, одного предложения услуг по планированию семьи мало. По правилам маркетинга необходимо организовать спрос, создать соответствующие политические, экономические, социальные и психологические предпосылки для «стихийного» снижения рождаемости.

В документе предусматривалась широкая пропаганда методов и средств снижения рождаемости по самым различным каналам и в первую

очередь через систему образования, с целью «ориентации новых поколений на создание малодетной семьи». «Не снижая усилий, направленных на взрослое население, необходимо сконцентрироваться на юном поколении — тех, кто сейчас в начальной школе или еще моложе» [Там же. С. 17]. Важнейшую пропагандистскую роль должно сыграть телевидение.

В документе прямо говорится, что политика планирования семьи обречена, если она «не поддержана изнутри», и авторы документа призывают опираться на местных лидеров. Этого можно добиться, например, приглашением их на семинары в Нью-Йорк. А для гарантии успеха Меморандум рекомендует, предоставляя той или иной стране кредиты, продовольствие и другие виды помощи, учитывать, как она ведет себя в области планирования семьи.

Как видим, происходившее в России идеально подходит под это описание. В 1990-е гг. страна фактически была на грани потери государственного суверенитета. Ее внешняя и внутренняя политика находились под контролем Запада, использующего в том числе финансовые рычаги воздействия. Ежегодно наш федеральный бюджет приходилось утверждать в МВФ, а власти в своей деятельности руководствовались советами многочисленных западных советников и экспертов, например, из Всемирного банка.

По мнению заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ и главного редактора журнала «Демографические исследования» профессора А. Антонова, *сегодняшний демографический кризис связан с социально-экономическими и политическими реформами в стране, инициированными Западом, которые и были направлены на депопуляцию населения**. А по мнению бывшего сотрудника ЦРУ Ф. Эйджи, *распад СССР и Варшавского договора имел много внутренних причин, но эти причины в течение многих лет тщательно выращивало ЦРУ*.

Публикация фрагментов рассекреченного плана весьма ценна еще и тем, что в нем подробно рассказывается о его исполнителях. От США его курирует Агентство по международному развитию (ЮСАИД). Главная организация во всемирном масштабе — Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА), львиную долю финансирования которого составляет вклад США. ЮНФПА, по замыслу авторов Меморандума, играет координирующую роль в осуществлении депопуляционных проектов. «США должны объединить страны-доноры, ВОЗ, ЮНФПА, ЮНИСЕФ и Всемирный банк для создания консорциума, который бы помогал наиболее нуждающимся странам в организации... системы здравоохранения, неотъемлемой составной частью которой станет планирование семьи» [Там же. С. 21]. ЮНЕСКО призывалось возглавить работу с учениками начальной школы, чтобы внушить им «в процессе формального и неформального обучения» идеал малодетной семьи.

* http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643

По существу, в меморандуме представлены стратегия и тактика войны нового образца, которая с разным успехом проводится далеко не только в России, но и во многих других странах по всему миру. Еще весной 1989 г. на страницах журнала «Вашингтон Куотерли» в статье «Глобальные демографические тенденции к 2010 г. в аспекте безопасности США» Пентагон открыто призывал к тому, чтобы «планированию населения» был придан статус программы по разработке новых видов оружия.

Как видим, те, кто стремится к мировому господству, как говорится, не намерены «ждать милостей от природы» — снижения рождаемости в разных странах, поскольку страны с традиционным укладом, например многие африканские или исламские, не демонстрируют особых признаков снижения рождаемости, — и предпринимают самые активные действия по всему миру с целью реализации своих планов.

Надо сказать, что представленный пример целенаправленной деструктивной деятельности в сфере ведения демографических войн далеко не единственный. Наступление на демографическую сферу всего мира ведется широким фронтом с применением самых современных достижений науки и, естественно, не афишируется, а наоборот, идет под различными прикрытиями, в том числе и идеологическими.

В связи с изложенным, в качестве основных принципов обеспечения демографической безопасности в Российской Федерации необходимо считать:

приоритет национальных демографических интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права, прав человека;

самостоятельность Российской Федерации в выборе форм и методов воздействия на развитие демографических процессов, вне зависимости от сложившихся стандартов, принятых в международных организациях и центрах.

Изложенные внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы, в разной степени оказывают влияние на отдельные составляющие демографической ситуации.

Наиболее значимые последствия современных демографических угроз проявляются в таких характеристиках воспроизводства и формирования населения, как:

длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) — депопуляция;

низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения, и большое число аборт, превышающее число рождений;

рост смертности, сверхсмертность мужского населения, усиление социальной обусловленности смертности за счет роста алкоголизма, наркомании, туберкулеза, проблем иммунодефицита;

низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин и некоторых этносов;

снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;

трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и как следствие — высокий уровень разводов и рост количества неполных семей, рост бездетных и малодетных семей, брошенные старики и социальное сиротство, рост внебрачной рождаемости, влекущие за собой целый спектр социальных проблем;

нарушение половозрастной структуры населения;

старение населения и рост демографической нагрузки на экономически активное население;

сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса.

Индикаторы демографических угроз и их информационная основа

Индикаторы демографических угроз — функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), отражающие его негативный характер.

Каждый из индикаторов может быть описан одним или совокупностью показателей и отображает либо состояние объекта исследования, либо ход демографических процессов, их количественные и качественные характеристики в наиболее агрегированном виде. Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменения, при этом важно знать предельные, так называемые пороговые, значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе хотя бы для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций.

Множество индикаторов демографических угроз состоит из пяти групп (табл. 27.1). Первая и вторая группы описывают угрозы составляющих естественного движения, здоровья и качественных характеристик населения, третья группа — характеристик семьи. Четвертая и пятая группы характеризуют демографические угрозы, связанные с миграцией и расселением населения по территории страны и формированием этнодемографической структуры.

Большинство из индикаторов демографической безопасности и их пороговые (предельные) значения могут быть рассчитаны как для России в целом, так и для отдельных ее регионов с помощью данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики. Вместе с тем, такие индикаторы как распространенность бесплодия и невынашивания беременности, удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей, число детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных могут быть рассчитаны только на основа-

Таблица 27.1

Индикаторы демографической безопасности России

Показатель	Величина показателя в 2005 г.	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
1	2	3	4
Естественное движение населения			
1. Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период)	1,3	2,15	Депопуляция (отсутствие простого замещения поколений), старение населения
2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,3 — все население; 58,9 — мужчины, 72,4 — женщины	70 лет — все население; 65 лет — мужчины, 75 лет — женщины (данные 1987 г.)	Снижение жизнеспособности населения страны, половые диспропорции, сокращение демографического потенциала
3. Младенческая смертность, число умерших до года детей на 1000 родившихся	11,0	В 1,5—2 раза превышает уровень развитых стран	Сокращение численности детей, старение населения
4. Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста, число умерших на 1000 человек соответствующего пола и возраста	8,3 — все население; 13,0 — мужчины, 3,4 — женщины	3,8 — все население; 5,5 — мужчины, 2,3 — женщины (данные 1960 г.)	Нарушение структуры населения, сокращение демографического потенциала
5. Распространенность бесплодия и невынашивания, % от численности женщин, состоящих в браке	15—20	5	Нарушение процессов воспроизводства
6. Число аборт на 100 родов	121	В 10 раз превышает уровень развитых стран	Значительное снижение числа родившихся, ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, рост бездетных и малолетних семей
Здоровье и качественные характеристики населения			
7. Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей (0—15 лет), %	12—15	Снижение показателя от уровня 80 % всех детей	Ухудшение здоровья, формирование нездорового поколения

Продолжение табл. 27.1

1	2	3	4
8. Заболеваемость населения психическими расстройствами, чел. на 100000 населения	117	Рост показателя	Ухудшение здоровья нации
9. Уровень потребления алкоголя на душу населения	17	По данным ВОЗ, 8	Сокращение продолжительности жизни, сверхсмертность мужского населения, рост числа инвалидов, увеличение числа распавшихся браков, социальное сиротство, рост числа неполных семей, деградация населения
Характеристики семьи			
10. Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	30,0	4,0	Нарушение структуры семей: рост числа неполных семей
11. Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, общая численность, чел.	Около 1 млн (4,3 % от численности детей в возрасте 0—14 лет)	0,5—1,0 % от численности детей	Рост числа брошенных и оставленных без попечения родителей детей, социальное сиротство
Механическое движение населения			
12. Коэффициент миграционного прироста, чел. на 1000 постоянного населения	0,75 — для России в целом; дифференцированный по регионам России показатель	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения, стратегической важности территории и геополитического значения ее для страны	Обезлюдение территорий (в том числе стратегически важных территорий) и концентрация населения вокруг крупных мегаполисов как диаметрально противоположные проблемы демографической безопасности
13. Коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике)	Отсутствует в статистической отчетности	Дифференцированный в зависимости от плотности населения и потребностей экономического развития территории показатель	Сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса

Окончание табл. 27.1

1	2	3	4
Этнодемографическая структура населения			
14. Доля государствообразующего этноса в общей численности населения, %	79,8		Сокращение численности государствообразующего этноса, ослабление страны
15. Соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения	1/1,4	1,2 / 1	Депопуляция, ухудшение возрастной структуры, рост демографической нагрузки на экономически активное население в будущем
16. Заселенность стратегически важных территорий (в том числе пограничных) постоянным населением (плотность населения), чел. на 1 км ²	Показатели дифференцированы по территориям страны	Тенденция сокращения плотности населения	Обезлюдение стратегически важных территорий страны; локализованное размещение населения из других стран

нии региональных статистических данных. Их пороговые значения для России в целом получены либо на основании экспертной оценки, либо в сравнении с развитыми странами мира. Во всей совокупности индикаторов только коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике) не отражается в статистической отчетности ни регионов, ни страны в целом. Между тем данные о потоках трудовой иммиграции из ближнего и дальнего зарубежья существуют в региональной отчетности ФМС регионов, а следовательно, этот индикатор может быть рассчитан на уровне отдельных регионов.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику демографической сферы страны на данный период и в будущем и могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации федеральной и региональной демографической политики государства.

Государственная политика в области обеспечения демографической безопасности должна реализовываться в региональных программах демографического развития, разработанных в отдельных субъектах Российской Федерации с учетом новой «Концепции демографической политики Российской Федерации» и региональных особенностей в сфере формирования демографических рисков.

В качестве субъекта демографической безопасности на региональном уровне должны выступать исполнительные органы власти в пределах их компетенции в рамках реализации целевых программ демографи-

ческого развития субъекта РФ, а также контролирующие государственные органы, ответственные за безопасность страны, в том числе ФСБ. Большую помощь в обеспечении демографической безопасности могут оказать общественные организации и СМИ, — через пропаганду семейных ценностей, здорового образа жизни, самосохранительного поведения и в профилактике заболеваний. Важна и роль ученых в обеспечении информацией общества о демографических угрозах, их последствиях и мерах, принимаемых для обеспечения демографической безопасности.

ГЛАВА 28

Депривация сельского населения в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий

Постановка проблемы

Резкое сокращение сельскохозяйственного производства, произошедшее в ходе радикальных экономических реформ, лишило многих сельских жителей рабочих мест и регулярных источников доходов. Банкротство и ухудшение экономического состояния сельскохозяйственных предприятий сопровождалось свертыванием социальных программ и деградацией социальной сферы села, так как объекты социальной инфраструктуры в процессе реорганизации коллективных хозяйств были переданы с баланса предприятий на баланс местных администраций. Последние же в настоящее время не имеют достаточных финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов для их содержания и развития, что повышает напряженность на локальных рынках труда, лишает сельских жителей возможности получать даже минимальный набор социально-бытовых услуг по месту жительства. В результате на карте России появились сельские поселения, где нет реального работодателя. Наличие последнего предполагает функционирование на территории населенного пункта одного или нескольких финансово устойчивых предприятий (организаций), включая предприятия малого бизнеса, способных рассчитывать по текущей деятельности с бюджетом, кредитными организациями и работниками.

О масштабах этого явления можно судить по следующим данным. Например, в Новосибирской области число деревень, где нет реального работодателя, достигает, по разным оценкам, от 200 до 300, что составляет примерно одну десятую—одну пятую часть сельских поселений области. Такой разброс в оценках обусловлен тем, что ряд сельскохо-

зяйственных предприятий хотя де-юре и существуют, но де-факто давно прекратили свое существование. Появление таких предприятий—призраков, или «оболочек», как их называют на селе, обусловлено, в частности, реализацией программы финансового оздоровления сельскохозяйственных предприятий, когда долги оставляют за таким предприятием, а все ликвидные фонды передаются во вновь создаваемое предприятие. Часть сельских поселений лишились рабочих мест вследствие закрытия отделений или ферм коллективных хозяйств, которые размещались ранее на их территории. Если учесть, что более половины сельскохозяйственных предприятий в Российской Федерации убыточны, то можно предположить, что примерно каждая вторая российская деревня может оказаться без крупного работодателя.

Жители таких деревень, лишенные возможности найти оплачиваемую работу в сфере формальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания, существуют, в основном, за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к нетрадиционным, в том числе криминальным, способам выживания. Оторванные от внешнего мира в силу неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы.

Хотя анализу социально-экономических последствий аграрных реформ посвящено немало работ известных ученых-аграриев [Петриков, 1995; Копач, 2000; Пациорковский, 2003; Серова и др., 2004; Великий, 2005; и др.], тем не менее, проблемам депривации сельского населения уделялось недостаточное внимание.

В данной главе предпринята попытка разобраться в механизмах и причинах возникновения экономической и социальной депривации сельских сообществ в процессе радикальных социально-экономических реформ. Депривация, в данном контексте, — это процесс сокращения и/или лишения возможностей удовлетворения каких-либо социальных потребностей. Характерной особенностью депривации сельского населения современной России является резкое ухудшение условий и качества жизни не отдельных социальных групп, а целых сообществ.

Институциональные и социальные механизмы депривации сельских сообществ

Социологический анализ трансформационных процессов в аграрном секторе России позволяет сделать вывод о том, что результаты проведенных преобразований оказались столь же неожиданными (для реформаторов), сколько и парадоксальными [Калугина, 2001]. Социальная цена реформ оказалась слишком высокой по сравнению с полученными выигрышами. «Свобода» хозяйственной деятельности на деле обернулась вседозволенностью и безнаказанностью многих руководителей

сельскохозяйственных предприятий, которые под шумок решали свои личные проблемы путем «прихватизации» и распродажи коллективного имущества, присвоения наиболее выгодных участков земли, сельскохозяйственной техники. В результате многие сельскохозяйственные угодья выбыли из оборота и постепенно стали зарастать бурьяном. Так, за период с 1990 по 2006 г. общая площадь используемых сельскохозяйственных угодий сократилась на 77,4 млн га, или на 38,2 % [Российский статистический ежегодник, 2007. С. 452].

Государственная же поддержка тех, кто рискнул стать самостоятельным хозяином на земле, оказалась не столь весомой и не столь продолжительной, как надо бы. Последняя программа поддержки и развития фермерских хозяйств, истекшая в 2000 г., была выполнена, по данным Счетной палаты, лишь на 15 %*. Новой программы правительство не разработало. Лишенный государственной поддержки и развитой производственной и социальной инфраструктуры частный сектор стал угасать, так и не успев расцвести на российской почве. Доля фермерских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции, хотя и растет, тем не менее, к настоящему времени не превысила 6%-й отметки.

Рыночные же механизмы, «подправленные» неистребимым российским чиновником, постоянно давали сбой. В результате вместо ожидаемого повышения социальной и экономической активности сельчан, рождения рачительного хозяина на земле имели место массовая безработица, обнищание населения, неопределенность перспектив и, как следствие, — разочарование в проводимых реформах, социальная апатия населения. Наиболее незащищенной и депривированной частью российского общества в результате реформ оказалось сельское население.

Попытаемся разобраться в основных причинах и механизмах, вызывающих абсолютную и относительную депривацию сельского населения**.

Высокие масштабы безработицы, слабая социальная защищенность сельских безработных. Вследствие тотальной, поспешной и по сути формальной реорганизации многие коллективные хозяйства, являвшиеся основными работодателями на селе в советский период, прекратили свое существование. Согласно статистическим данным, число сельскохозяйственных предприятий за годы реформ сократилось на 8,9 тыс., или на треть. При этом среднегодовая численность работников, занятых на этих предприятиях, сократилась с 8,3 до 2,2 млн чел. [Российский статистический ежегодник, 2007. С. 452].

* Из интервью академика РАСХН *А. Петрикова*// <http://www.agroparty.ru/smi/930/>. Дата обращения к документу 01.03.2006.

** Абсолютная депривация — недостаточное удовлетворение основных жизненных потребностей; относительная депривация — осознание индивидом или группой низкого уровня удовлетворения своих потребностей относительно других групп или относительно своих ожиданий.

Фермерство же и другие формы предпринимательства на селе в силу объективных и субъективных причин не получили широкого распространения в российской деревне. В итоге произошло катастрофическое падение объемов сельскохозяйственного производства, достигшее угрожающих размеров. Встал вопрос о продовольственной безопасности страны. Сокращение численности занятых в сельском хозяйстве было хотя не столь стремительным за счет увеличения занятости в хозяйствах населения, но весьма ощутимым (рис. 28.1).

По данным обследований занятости населения, уровень общей безработицы в сельской местности России в начале реформ вырос почти в четыре раза и составил в 1999 г. 13,8 % [Обзор..., 2002. С. 112]. В последние годы наблюдалось некоторое снижение уровня безработицы. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи. Если по всему сельскому населению уровень безработицы составил в августе 2007 г. 9,1 %, то среди молодежи в возрасте до 20 лет — 21,7, а в возрастной группе 20—29 лет — 13,2 %. По данным ФСГС, доля безработных, ищущих работу более года, в сельской местности составляла в указанный период 45,9 %, в городской — 32,2 %, а среднее время поиска работы соответственно 9,6 и 7,5 мес. [Обследование..., 2007. С. 100, 104, 106, 107, 109].

В действительности же хронически безработных на селе значительно больше. Уровень реальной безработицы, по оценкам руководителей сельскохозяйственных предприятий, значительно превышает критический. Отчаявшись найти хоть какую-либо работу, многие из сельских безработных не обращаются в службы занятости и не регистрируются как безработные. Это связано со значительной удаленностью многих поселений от государственных служб занятости, плохим транспортным обслуживанием сельских населенных пунктов и высокой стоимостью проезда, что затрудняет регулярные посещения центров занятости сель-

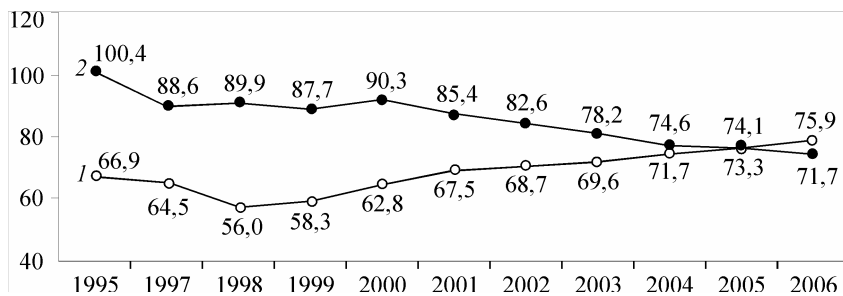

Рис. 28.1. Динамика объема производства (1) и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Российской Федерации (2) в 1995—2006 гг. (1990 = 100).

Источник: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2001. С. 141; Российский статистический ежегодник. М.: ФСГС, 2007. С. 147, 446.

скими жителями из отдаленных деревень для перерегистрации, получения консультаций и профессионального обучения.

Нередко сельским жителям отказывают в получении статуса безработного из-за наличия у них земельного пая, хотя они не являются учредителями приватизированных предприятий или кооперативов и не используют свои земельные паи в качестве паевого взноса в уставный фонд предприятия. Кроме того, многие владельцы земельных паев не могут сдать свои паи в аренду сельскохозяйственным предприятиям даже за самую низкую плату, так как сами коллективные хозяйства ввиду резкого сокращения объемов производства не нуждаются в свободных сельскохозяйственных угодьях. Что касается фермеров, которые на формирующемся рынке земли выступают одними из основных арендаторов земельных паев сельских жителей, то их, как правило, не так уж много в сельских районах. Следовательно, сельские жители не имеют постоянного дохода со своих земельных долей. Обрабатывать же самостоятельно эту землю крестьяне не могут из-за отсутствия у большинства из них, а порой и во всем поселении сельскохозяйственной техники и транспортных средств.

В такой ситуации многие сельские жители пытаются вырваться из пут нищеты за счет занятости в неформальном секторе экономики. По данным выборочных обследований по проблемам занятости на конец ноября 2004 г., в сельской местности более 4 млн человек были заняты в этом секторе. При этом для большинства из них эта работа была единственной или основной. Занятость в неформальной экономике в селе была в два с лишним раза выше по сравнению с городом [Социальное положение..., 2005]. В соответствии с концепцией измерения экономической активности и занятости населения в России, деятельность по производству в домашнем хозяйстве продукции для собственного потребления не считается работой или доходным занятием. Однако отнесение части занятых в ЛПХ к экономически активному и, соответственно, к занятому населению вносит много путаницы в исчисление этих категорий и является лишним поводом для отказа неработающим жителям села в получении статуса безработного, что усугубляет и без того крайне тяжелое положение сельского населения.

Ограниченные возможности для трудовой мобильности. Территориальная оторванность многих деревень, неразвитость транспортных коммуникаций, дороговизна проезда на личном и общественном транспорте усугубляют положение сельских безработных, так как затрудняют территориальную (маятниковую) трудовую мобильность. Особенно остро это проявляется в сибирских регионах, для которых характерны дисперсность сельского расселения и значительные расстояния между ближайшими населенными пунктами (50 км и более). Если при этом учесть, что и на прилегающих территориях либо нет работодателя вовсе, либо действующие сельскохозяйственные предприятия находятся на грани банкротства, то шансы найти работу в другом населенном пункте очень

малы. Тем не менее, обследование, проведенное Федеральной службой занятости по Новосибирской области, показало, что примерно 40 % работающих сельских жителей находят работу за пределами своего места жительства. Сельские жители используют трудовую миграцию как способ противодействия безработице. Особенно широко распространена трудовая маятниковая миграция в пригородных районах. Численность маятниковых мигрантов здесь превышает численность занятых по месту жительства в 2,5 раза. С этих позиций в невыгодном положении находятся жители отдаленных деревень.

Низкая оплата сельскохозяйственного труда. Одной из основных причин двукратного падения среднего уровня реальных доходов населения РФ за годы реформ явилось снижение уровня оплаты труда, которая до последнего времени остается основным источником доходов населения. По расчетам профессора С. Меньшикова, в России удельный вес заработной платы в ВВП в постсоветский период существенно сократился. По данным межотраслевого баланса за 1990 г., заработная плата в чистом виде составляла 40,5 % от ВВП, а в среднем за пореформенный период (с учетом скрытой оплаты труда) — лишь 25,8 %. Это беспрецедентно малая величина для страны с развитой индустрией и многомиллионной армией наемного труда. В ведущей капиталистической стране — США доля валовой прибыли экономики в полтора раза ниже, чем в России, а доля оплаты труда — на 27 % выше. По мнению С. Меньшикова, это результат «пиратского» характера российского капитализма, в котором практически не действуют ограничительные правила, введенные в США и других ведущих индустриальных странах Запада, начиная с 30—40-х годов прошлого столетия. Частный капитал в России «вместе с государственной собственностью присвоил себе и повышенную долю прибавочного продукта, которая раньше доставалась государству» [Меньшиков, 2004. С. 261].

По мнению 80 % сельских работников, их труд оплачивается несправедливо и не соответствует их квалификации и трудовому вкладу*. Такие оценки имеют объективные основания. Согласно официальным данным, в настоящее время оплата труда в сельском хозяйстве является самой низкой среди отраслей экономики. В 2004 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельского хозяйства составила 2791,8 рубля, или 41,4 % по отношению к средним показателям по экономике в целом, и едва достигла прожиточного минимума трудоспособного населения. Реальная заработная плата работников

* Здесь и далее приводятся данные социологического опроса сельского и городского населения Новосибирской области, проведенного ИЭОПП СО РАН под нашим руководством в 2006 г. Всего опрошено 717 чел., в том числе 305 сельских жителей. Выборка репрезентирует сельское население области по полу, возрасту и месту проживания. Полевой этап исследования проведен ООО «РОМИР Мониторинг. Новосибирск».

сельского хозяйства в 2004 г. составляла лишь 37 % от уровня 1991 г. [Труд..., 2006]. Ее величина не обеспечивает расширенного воспроизводства рабочей силы. Такое положение дел в период формирования рыночных отношений представляет парадоксальным, поскольку приводит к разрушению трудовой мотивации и инструментальной ценности труда. В 2006 г. заработная плата работников сельского хозяйства увеличилась до 4563 р., или до 43 % от среднероссийского уровня [Российский статистический ежегодник..., 2007].

Основными источниками дохода для сельских жителей являются личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и социальные пособия. Анализ адаптационных стратегий сельских жителей показал, что более 75 % респондентов в условиях длительной безработицы были ориентированы на занятость в личном подсобном и домашнем хозяйстве. Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления бедности. Основная часть продукции ЛПХ идет на удовлетворение нужд самих сельских семей и их родственников. Денежные поступления, получаемые от продажи «избытков» продукции ЛПХ, носят нерегулярный сезонный характер, а размер ЛПХ ограничивается финансовыми, трудовыми и материально-техническими ресурсами семьи, которые находятся в настоящий момент на грани исчерпания. Ведение ЛПХ для многих семей носит вынужденный характер. При наличии постоянной работы многие из них существенно сократили бы его размеры или отказались бы от него вовсе. Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм же накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также не отработан.

Изменение каналов социальной мобильности. В не меньшей степени депривация сельских сообществ обусловлена тотальной реорганизацией, а нередко и разрушением коллективных хозяйств, несправедливой приватизацией, изменением кадровой политики, основанной зачастую не на профессиональных качествах работников, а на родственных или клановых интересах. Известно, например, что в современной России при поиске работы чаще всего люди обращаются не к формальным посредникам, а к своим родным и знакомым, т. е. используют личные связи или социальные сети. По данным ФСГС, в ноябре 2006—августе 2007 гг. к этому каналу трудоустройства прибегали 57,0 % безработных, в то время как в государственную службу занятости обратились 35,3, непосредственно к работодателю — 25,7, подавали объявления в печать либо откликнулись на опубликованные объявления — 13,3 % безработных, в коммерческую службу занятости — 3,0 %, другие способы поиска работы использовали 11,3 % [Обследование..., 2004. С. 114].

По мнению В. Кабапиной, «абсолютное доминирование неформальных механизмов найма при слабости новых формальных институтов посредничества способствует усилению тенденции к закрытости и сегментации рынка труда и формированию институциональных барьеров

для свободного перемещения работников на рынке труда» [Кабалина, 1999].

Основным каналом восходящей социальной мобильности в развитых обществах является образование. В условиях же массовой бедности обеспечить доступность качественного образования для сельского населения можно только при активной роли государства и стимулировании социальной деятельности бизнеса.

Резкое ухудшение социального обслуживания жителей деревень.

Банкротство многих коллективных хозяйств и передача учреждений социальной инфраструктуры на баланс местных администраций, не обеспеченных необходимыми ресурсами (финансовыми, трудовыми, материально-техническими), привели к коллапсу социального обслуживания жителей малых поселений. Так в Новосибирской области 74 % малых сел не имеют на своей территории медицинского пункта, 80 — клуба, 86 — школы, 57 % — магазина. Более половины малых поселений не имеют регулярного автобусного сообщения, треть сел не имеют телефонной связи. И только жители 5 % малых поселений имеют возможность в своем селе посещать клуб, обращаться за неотложной медицинской помощью, обучать своих детей в местной школе, как правило, дающей только начальное образование. Около 60 % малых сел не имеют на своей территории никаких учреждений социально-бытового обслуживания.

Явно просматриваются неблагоприятные зоны, где сельское население, по сути, лишено элементарных «благ цивилизации». Особенно ярко это проявляется в малых селах, расположенных в урбанизированных районах вблизи областного центра. Создается впечатление, что местные администрации переложили функции социально-бытового обслуживания жителей таких сел на городскую инфраструктуру, но низкий уровень транспортного обслуживания не позволяет воспользоваться ею.

В последнее время особую остроту приобрела проблема отсутствия школ в тех населенных пунктах, где проживают дети школьного возраста. Большинство школьников из этих сел вынуждены обучаться за пределами места жительства. Взятый курс на ликвидацию малокомплектных школ лишь усугубит ситуацию. Учитывая проблемы с отсутствием и техническим состоянием имеющихся школьных автобусов, низким качеством сельских трасс, нерегулярной расчисткой дорог в зимнее время, ростом цен на бензин, можно сказать, что часть детей практически будут лишены возможности получения образования. Между тем проведенная перепись населения выявила увеличивающийся разрыв в уровне образования городских и сельских жителей (рис. 28.2).

Так, если в городе доля взрослого населения, имеющего высшее и неполное высшее образование, составляла в 2002 г. 24 %, то в сельской местности — только 7 %. При этом более половины сельских жителей не имели никакого профессионального образования, а для 17 % сельчан уровень образования был ограничен лишь начальной школой. Особенную тревогу вызывает рост неграмотности среди сельских жителей. Высокая

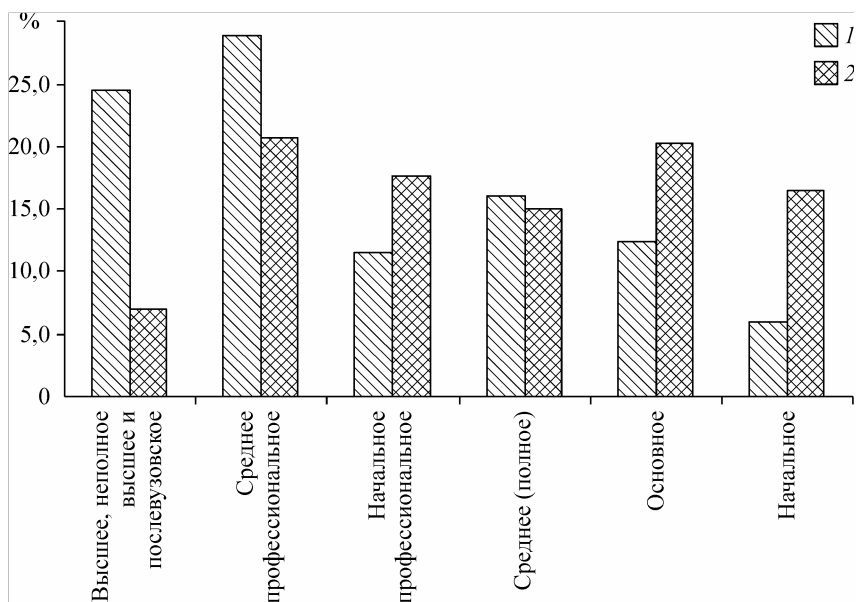

Рис. 28.2. Структура взрослого городского (1) и сельского (2) населения Новосибирской области (в возрасте 15 лет и более) по уровню образования.

Источник: Население Новосибирской области (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.); Стат. Сб./ Новосибирский областной комитет госстатистики. Новосибирск, 2004. С. 46—63.

степень поляризации городских и сельских жителей по уровню образования в немалой степени снижает шансы последних на жизненный успех, не позволяет раскрыться в полной мере их человеческому потенциалу.

С этих позиций отсутствие школ в большинстве малых сел и угрозу их закрытия там, где они еще функционируют, можно рассматривать как фактор, усугубляющий отмеченное неравенство в получении образования в зависимости от места проживания детей и провоцирующий ухудшение ситуации в образовательной сфере в сельской местности в перспективе.

При этом следует учитывать, что школа на селе является своеобразным институтом, способствующим социальной организации сельской жизни. Нередко директора школ являются неформальными лидерами и на общественных началах выполняют функции деревенских старост, а иногда и руководят сельскохозяйственным производством. Поэтому закрытие школы не только отрицательно сказывается на положении детей, но и приводит к распаду сложившихся солидарностей и к дезорганизации сельских сообществ.

Итогами аграрных преобразований стали утрата сельскими жителями жизненных перспектив и их ориентация на «выталкивание» своих

детей и внуков из деревни, что, по существу, ставит под угрозу само существование деревни. Вот наиболее типичные высказывания сельских жителей:

«Не вижу перспектив ни в настоящем, ни в будущем»; «Развалится и все. Уже есть примеры по району»; «Упадок»; «Ничего не светит»; «Крах, вымирание населения, полная разруха»; «Нет перспективы для деревни»; «Если правительство будет жить в виртуальном мире, все погибнет, совсем все заглохнет».

Не видя перспектив, многие сельские жители стараются дать образование своим детям с тем, чтобы они никогда не возвращались в деревню:

«Все распадается. Все к распаду идет. Молодежи некуда податься. Выезжают в город. 10, 11 классы под угрозой закрытия. Не видят заработной платы. Запиваются»; «Сын не хочет доживать в деревне. Здесь ничего не строят. Разрушить просто, а восстановить невозможно»; «Я здесь корнями, но не хотел бы, чтобы дети и внуки остались в деревне».

Остаются лишь те, которым некуда податься, трудно устроиться в городе.

«Теперь они никуда не уедут, нужны большие деньги, все приватизировано, надо держаться за свое».

Те же, кто свыкся с бесперспективностью своего положения, безразличны к будущему своего потомства. Сформировалась когорта родителей, которые уже не видят необходимости в профессиональном обучении своих детей, их не пугает отсутствие у них постоянной работы и перспектив дальнейшего трудоустройства. Их вполне устраивает то, что подросшие сын или дочь «сидят на их шее» или же перебиваются случайными заработками, идут в услужение к своим соседям или к наиболее зажиточным сельским семьям. Из интервью с руководителем сельхозпредприятия:

«У некоторых родителей выработалась странная позиция: пусть их дети лучше не работают в хозяйстве, а определяются в батраки: посадить и убрать картофель, бабушке забор подделать, где-то еще подкалымить. Но ведь рабочий стаж такой работник не заработает, пенсии ему не видать».

Надежды на прекрасное будущее деревни лишь изредка звучали из уст респондентов:

«Будущее деревни вижу красочным. Если крестьянину дать надежду, что он что-то вырастит и продаст, тогда деревня будет жива».

Инверсия социальной организации сельских сообществ, коренная ломка традиционного уклада жизни сельского населения. Прошедшая реорганизация сельскохозяйственных предприятий привела к формированию новых организационно-правовых форм хозяйствования на селе и изменению статуса коллективных хозяйств. Соответственно изменились

их функции. В советские времена сельскохозяйственные предприятия выполняли помимо производственной важные социальные функции по организации отдыха, лечения и досуга работников и членов их семей. Руководители хозяйств были не только наиболее влиятельными представителями власти, но и субъектами, в распоряжении которых находились дефицитные ресурсы, необходимые для ведения личного подсобного и домашнего хозяйства сельских жителей. Именно к ним в тяжелые моменты жизни обращались сельские жители и получали необходимую помощь, если руководитель считал целесообразной ее предоставление. Частные владельцы, пришедшие на смену руководителям коллективных хозяйств, люди более рациональные и не желающие брать на себя бремя социального обслуживания населения. В таких условиях сельское население может рассчитывать только на себя, на собственные силы в решении многих социальных проблем. Как верно отмечено П. Великим, в настоящее время наблюдается «ослабление связей деревни с государством и всем обществом» [Великий, 2005. С. 32].

За годы советской власти крестьяне привыкли трудиться в коллективных хозяйствах (оставим за скобкой плюсы и минусы коллективного труда). При этом занятость в общественном производстве, бесплатное медицинское обслуживание и образование были гарантированы действовавшей в то время Конституцией.

В быстро меняющемся обществе перед индивидом возникает дилемма: выстроить самостоятельную индивидуальную стратегию адаптации, не оглядываясь на способы и направления адаптации социальных групп, социальных организаций, в которые он входит, или поступить прямо противоположным образом — войти в фарватер адаптивных стратегий этих групп и организаций и совместно с ними осуществлять процесс адаптации [Корель, 2007]. Работники коллективных хозяйств прошли вместе со своими коллективами тяжкий путь преобразований, сопровождавшийся невыплатами и систематическими задержками заработной платы, увеличением доли натуроплаты, отсутствием гарантии занятости, сокращением социальных программ, отсутствием перспектив развития. Но, несмотря на все трудности, сельскохозяйственные предприятия и в условиях реформ оказывали помощь своим работникам, прежде всего в ведении личного подсобного хозяйства, а в критических ситуациях оказывая им материальную поддержку, тем самым облегчая процесс адаптации людей к новым социально-экономическим условиям.

Жители брошенных деревень, где нет крупных работодателей, были лишены такой опоры. Каждая сельская семья была вынуждена выстраивать свою собственную стратегию адаптации, опираясь на собственные ресурсы. В такой ситуации большинство сельских жителей ощущают себя брошенными на произвол судьбы, не нужными государству и обществу.

Таким образом, экономическая депривация дополняется еще и социальной депривацией. Согласно концепции эксклюзии, современные

общества распадаются на качественно различные образования с разными историческими перспективами, находящиеся в мейнстриме и социально исключенные [Тихонова, 2006]. Жители «брошенных» деревень, лишенные работы и стабильных источников дохода, в большинстве своем принадлежат к таким социально исключенным группам:

«Говорят рынок-рынок, а где ж он, этот рынок? Это не рынок, а грабеж среди бела дня. Сначала загнали в колхозы, а сейчас еще мудрее, — хотят замучить людей в деревнях, как каторжных. За что?».

«Мало я в этом понимаю и образования маловато. Знаю, что народ живет очень бедно, никуда не годится!».

Респонденты отмечают, что на селе стали появляться маргинальные группы из числа одиноких престарелых женщин, которые пропивают полностью свою пенсию и живут затем на подачки сердобольных соседей. Пьют от одиночества и безысходности, от ощущения своей брошенности и ненужности:

«Одна как в космосе, каждый выживает в одиночку», «Все сами по себе».

Характеризуя одиночество пожилых сельских жителей, П. Великий отмечает, что одинокий человек теряет пространство сопричастности с другими людьми, трансформируясь в непредпочитаемого члена общности — семейной или поколенческой [Великий, 2005].

Сейчас модно говорить о развитии гражданского общества, становление которого предполагает превращение все большей части россиян из пассивных *подданных* государства в свободных, сознательных и активных *граждан*, ясно понимающих свои интересы, знающих свои права и возможности и способных быть самостоятельными акторами общественных процессов [Заславская, 2005]. Одним из индикаторов развития гражданского общества может служить отношение общества к детям и старикам. Если ориентироваться на этот критерий, то современная Россия, судя по всему, еще далека от построения подобного общества. Особенность современной ситуации заключается в том, что социальными изгоями, «непредпочитаемыми» членами общества становятся целые сообщества, к которым относятся жители деревень, где нет крупного работодателя.

Апатия, отказ от элементарных стандартов потребления, переход на натуральное хозяйство, сокращение потребностей, распространение асоциального поведения — воровства, пьянства, снижение профессионализма, нежелание работать — характерные черты сегодняшней жизни жителей сельских поселений, где нет работодателя.

В таких поселениях повсеместно наблюдается архаизация образа жизни, проявляющаяся в преобладании архаической системы производства, основанной на тяжелом немеханизированном труде в рамках личного подсобного хозяйства; в преобладании потребительского характера производства; вовлечении в производственный процесс всех членов се-

мы, включая стариков и детей. Более половины сельскохозяйственной продукции в России в настоящее время производится в хозяйствах населения, практически не включенных в кооперационные связи по обслуживанию, сбыту и переработке продукции. Широкое распространение получили собирательство даров природы (грибов, ягод, орехов и пр.), а также отходничество как способы выживания многих сельских семей.

Статусная неконсистентность отдельных социальных групп.

Она возникла вследствие обнищания основной массы сельского населения, в том числе сельской интеллигенции, с одной стороны, и обогащения — других, в результате несправедливой, по мнению сельских жителей, приватизации коллективных хозяйств. К концу 1990-х гг., как показал проведенный нами анализ мотивации и каналов рекрутирования сельских предпринимателей, часть сельской интеллигенции в поисках новых сфер приложения труда и надежных источников дохода вынуждена была заняться предпринимательской деятельностью вопреки своим профессиональным интересам и предпочтениям [Калугина, 2003].

Осознание индивидом или группой своего более низкого уровня удовлетворения потребностей относительно других групп приводит к относительной социальной депривации:

«Вся администрация, когда началась перестройка с распределением, была у руля, всю технику хорошую забрали. Мне людей жалко. Всю жизнь проклевывали, а сейчас не очень грамотные остались с носом».

Лишенная рабочих мест и, соответственно, стабильных источников доходов значительная часть и без того небогатого сельского населения превратилась в люмпенов. Бедность стала основной чертой существования в таких поселениях. Обследование социального самочувствия различных групп россиян, проведенное Институтом социально-политических исследований РАН в 2003 г. ($N = 1000$), показал, что около 60 % бедного населения «пали духом, утратили надежды на улучшение жизни». Среди богатых таких пессимистов не было обнаружено. Начало XXI в. ознаменовалось в России тем, что богатые люди стали еще богаче, а бедные — еще беднее [Иванов, 2004].

Таким образом, высокие масштабы безработицы и низкая цена труда являются главными причинами возникновения экономической и социальной депривации сельского населения в настоящее время. Инверсия социальной организации сельских сообществ, разрушение привычного уклада жизни усугубили ситуацию.

Фоном, а во многом и детерминантой ключевых проблем качества жизни сельского населения являются изъяны государственной социальной политики, проводимой в стране в 1990—2000-х гг., а именно: нелегитимное перераспределение ресурсов в пользу высоко обеспеченных слоев населения; порочная, с социальной точки зрения, концепция полярного развития регионов при государственном патернализме регионов-локомотивов, закрепляющая региональные социальные неравенства;

хроническая недооценка труда и рабочей силы; резкое сокращение социальных функций государства, лишившего себя традиционных источников социальной поддержки населения, передав сверхприбыльные отрасли в частные руки.

* * *

Стратегической целью социальной политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе должны стать качественный прорыв в уровне жизни населения и устойчивое развитие сельских территорий на основе преодоления необоснованных региональных социальных неравенств, хронического отставания сельских районов от среднероссийских стандартов жизни, развития сельского самоуправления. Политика сельского расселения должна соответствовать требованиям пространственной организации сельскохозяйственного производства, содействовать развитию инициативы и самоорганизации локальных сообществ и опираться на ненасильственные методы решения проблем расселения, обеспечение сельским жителям свободы выбора места проживания и места работы [Калугина, Фадеева, 2005, 2006].

ГЛАВА 29

Образ сельской бедности: отражение статусной кристаллизации в сознании селян

В современном российском обществе проблема бедности и бедных находится в фокусе внимания ученых, журналистов, политиков, однако в силу многогранности продолжается процесс ее познания и осмысления.

Несмотря на то, что бедность не подразумевает пространственно-территориальных границ, феномен сельской бедности заслуживает особого внимания: «...у бедности в России — сельское лицо» [Штейнберг, 2004. С. 80]. Переход от административно-командной к рыночной системе хозяйствования имел наиболее болезненные последствия для экономически нерентабельных отраслей. В аутсайдерах оказалось сельское хозяйство, в котором заняты многие сельские жители: оплата труда работников этой отрасли самая низкая по стране [Никулин, 2004. С. 96].

Общегосударственный характер проблем села — в сельском хозяйстве производится стратегически важный продукт, обеспечивающий продовольственную безопасность страны, а также «уроки» истории краха советской системы [Гайдар, 2006] требуют всесторонней оценки результатов проводимых преобразований в аграрном секторе России. Со-

циально-экономические последствия реформ являются предметом пристального внимания отечественных исследователей-аграрников. По мнению З. И. Калугиной, один из парадоксов реформирования сельского хозяйства в нашей стране заключается в «резком обнищании сельского населения, деградации социальной сферы села» [Калугина, 2000. С. 139]. На основе исследований О. П. Фадеева делается вывод, что аграрные реформы не только не решили проблему становления эффективной многоукладной сельской экономики, но и вызвали заметное ухудшение социально-экономического положения большинства селян [Фадеева, 2003]. По мнению И. Штейнберга, «за десятилетия аграрных “реформ” сотни тысяч сельских семей переместились за официально признанную черту бедности» [Штейнберг, 2004].

Количественные оценки показывают, что именно в сельской среде бедность масштабнее и глубже [Овчинцева, 2004]. На наш взгляд, объяснительный потенциал качественной методологии может расширить горизонты познания природы и причин бедности, предоставляя изображения разных проекций этого явления в сознании жителей села. Опираясь на идеи З. Баумана, смысл проведенного социологического исследования видится в описании множества вариантов состояния бедности, выходящих за границы «наших повседневных повествований» и остающихся «невидимыми для индивидуального опыта», так как «существует больше вариантов жизни, чем предлагается... теми историями, в которые мы верим, полагая представленное в них единственным из возможного» [Бауман, 2004. С. 13].

В качестве информационной базы исследования использовались данные обследования одного из сел Новосибирской области*, проведенного в 2006 г. (руководитель проекта** — Т. Ю. Богомолова). Идея глубокого погружения в социальную жизнь отдельного поселения с целью изучения социальной структуры локального сообщества заимствована у американского антрополога и социолога У. Л. Уорнера [Герцог, 1992; Уорнер, 1997].

Образы «богатства» и «бедности» в селе: бедность — жизнь «без проекта»?

Традиционно бедных анализируют как группу, занимающую низшие позиции в экономической стратификации, при этом наличие низкого дохода является стандартным критерием для определения бедности. В данном случае бедность — «одномерное» явление, связанное с положением в одном фрагменте социального пространства. «Отождествле-

* В данной публикации фамилии людей, названия организаций и сел изменены.

** Проект «Социальное расслоение и бедность в сибирской глубинке», реализованный в рамках исследовательской программы «Российская бедность в локальном измерении» Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники».

ние экономического неравенства с неравенством доходов широко распространено в экономической науке, и, более того, эти две разновидности неравенства зачастую объявляются синонимичными» [Сен, 2004. С. 128]. Эта традиция, с одной стороны, получила развитие в работах российских авторов, с другой стороны, вызвала дискуссии по вопросам переопределения границ бедности с помощью других измерителей экономического неравенства в современном российском обществе (самоидентификации с бедными, уровня имущественной и жилищной обеспеченности, размера прожиточного минимума и т. п.). [Ярошенко, 1998; Тихонова, 2003; Богомолова, Тапилина, 2004; Давыдова, Седова, 2004; Чинакова, 2005; и др.].

Интересным в контексте определения положения бедных в социальном пространстве является их представление не только как страты, выделяемой в экономической стратификации, но и как статусной группы с определенными стилем жизни и стандартами потребления [Ярошенко, 1998].

Еще одной альтернативой определения бедности считается «возможностный» подход, трактующий ее как отсутствие базовых возможностей, а не просто как наличие низкого дохода. При оценке бедности относительно потенциальных возможностей принципиальным становится переориентация внимания со *средств* (доход — лишь одно из них) на *цели*, которые человек преследует, и, соответственно, на свободы, позволяющие достичь этих целей [Сен, 2004].

Не исключена возможность конструирования образа бедности и бедных, в том числе политиками, работниками органов социальной защиты, учеными и журналистами [Ярошенко, 1998]. Усложняет картину психология «прибеднения» россиян, которая выражается в упорном стремлении отстоять «имидж проблемного существования» вне зависимости от настоящего положения дел [Штейнберг, 2004].

На наш взгляд, на формирование образа бедных и бедности в сознании людей оказывает влияние процесс кристаллизации статуса нижних слоев. Признавая сложность и многогранность статусной кристаллизации [Саблина, 2003], в данном исследовании мы концентрируем внимание лишь на одном ее аспекте — возможном «сращивании» нижних полюсов экономической и социальной иерархий в данной локальности, а также его отражении в сознании людей.

Проверка гипотез исследования предполагала выявление «картинок-образов» бедности и богатства в локальном сообществе, которые формировались на основе ответов респондентов на следующие вопросы: «Скажите, пожалуйста, что, по-вашему, в селе отличает состоятельную, обеспеченную семью от всех остальных? Не могли бы Вы назвать в виде примера некоторых. В чем причины их обеспеченности?» и «Каковы, на Ваш взгляд, отличительные черты бедной семьи? Назовите несколько семей, которых Вы считаете бедными. Почему эти семьи оказались в таком положении? Расскажите, пожалуйста, о семье или человеке

в селе, материальное положение которого хуже некуда. Как он все-таки живет?».

Практически все опрошенные не отрицали факта существующей дифференциации селян по уровню материального достатка. Люди отличаются друг от друга по уровню дохода гораздо в большей степени, чем это наблюдалось в недавнем прошлом. Особенно остро эти различия воспринимали представители старших возрастных групп.

«Сейчас уже как-то есть богатые и бедные, и все это неодинаковое. А раньше же все одинаково жили — у всех ничего не было. Что было — так было у всех это»

(женщина, 59 л., пенсионерка, бывшая доярка)

«Раньше жили все одинаково. А сейчас в деревне живут богатые, живут бедные. Богатые уже над бедными подкусывают, подыгрывают»

(женщина, 70 л., пенсионерка, работала в совхозе)

Большинство респондентов справилось с задачей конструирования образов полюсных групп, при этом меньше трудностей возникло с определением картины бедности. Скорее всего, произошло «извлечение из сознания» готовых образов, сформировавшихся на основе многочисленных иллюстраций из мира повседневности. Поистине универсальным канонем сознания является представление о бедности как «многослойном» явлении, к которому приводит цепочка обстоятельств, их определенное сочетание. Конструируя образ бедных, респонденты наиболее часто упоминали факторы, образующие во взаимосвязи типичные условия.

1. «Бедные — это пьющие». По мнению большинства респондентов, пьянство может выступить самодостаточным фактором, сводя к нулю любые позитивные аспекты социальных позиций (например, можно неплохо по сельским меркам зарабатывать или получать хорошую пенсию, но все пропивать). В реальных жизненных ситуациях пьянство сочетается со многими другими неблагоприятными условиями (многодетность, инвалидность, отсутствие работы, нежелание трудиться и т. п.).

«Иногда они бедные только просто потому, что они пьют»

(женщина, 27 л., работает в школе)

«Почему они бедные? Они не хотят работать. Я работаю в комиссии, я всех на перечет знаю такие семьи. Или пьют, или не хотят работать. В основном те, кто не хотят работать. Родители пьют, дети занимаются сами собой»

(женщина, 42 г., зав. сельской библиотекой)

«Который пьет, вот он и бедный. Им ничего и не надо, им только вот зашмолить — и все... В деревне бедных не должно быть. Все равно, выжить в деревне можно. Держи коровку — хотя бы одну, поросеночка держи»

(женщина, 63 г., на пенсии, работала продавцом)

2. «Бедные — это ленивые». Отсутствие достижительных установок повышает шансы оказаться в ситуации материальной недостаточности, особенно в сочетании с занятостью в сельском хозяйстве с низким уровнем оплаты труда. При этом риск оказаться проблемными в материальном плане у рядовых работников сельскохозяйственных предприятий больше, чем у руководителей разного уровня. Особый случай представляет «ленивое пьянство».

«Кто работать совсем не хочет, тот и бедный! Кто маленько шевелится — тот еще не бедный, хоть не на грани бедности»

(женщина, 59 л., на пенсии, работала дояркой)

«Бедный, я считаю, только из-за себя, ленивые, не хотят ничего сами. Они бы все готовое, кто бы им сделал, тогда б пожевали... Есть еще за счет горла своего — попили, погуляли»

(женщина, 51 г., на пенсии, работала дояркой)

3. «Бедные — это многодетные». Многодетные семьи часто попадают в ситуацию материальной недостаточности, так как велика нагрузка иждивенцев на работающих членов семьи, размер детских пособий не компенсирует расходов, при наличии маленького ребенка жена вынужденно не работает. Многодетность может сочетаться с безалаберностью и непутевостью матери, так что становится непонятно, где — причина, а где — следствие. Особенно тяжелой становится ситуация в пьющих многодетных семьях.

«Трое детей, он скотником работает, жена нарожала их, а сама, как коза, скачет везде, работать — путем не работает. Да ей и работать-то, в принципе, от детей куда? Все равно, она их бросает и в школу бежит, там работала она посудомойкой. Еще ведь надо маленько распорядиться какой копеечкой, а то она профукает сквозь пальцы куда-то, ни детям, ни в дом, ничего»

(женщина, 66 л., на пенсии)

«М*** — и муж, и жена. Они пьют. У них многодетная семья. И очень часто мы к ним ездили с комиссией, потому что дети неухожены. И потом когда дети выросли, то сами стали заботиться о скоте, об огороде, потому что у мамы часто запои, и у папы тоже. Мама еще хуже папы. Они не хотят работать, запиваются. Детские деньги пропивают — их же четверо, ей же платили»

(женщина, 41 г., работает в школе)

4. «Бедные — это переселенцы». В последние годы село «пережило» несколько волн мигрантов, главным образом, из Новосибирской области, Алтайского края и Казахстана. Группа мигрантов неоднородна, в более благоприятном положении находятся те переселенцы, которые возвратились в родное село (здесь родился один из членов семьи) или переехали поближе к родственникам. В любом случае переезд требовал транспортных расходов, затрат на обустройство на новом месте, при этом не всегда удавалось продать дома и квартиры (особенно в Казах-

стане), приходилось оставлять имущество (с собой брали самое необходимое).

«Семья переселенцев Т***, они как-то не получили гражданство и не могут теперь на работу устроиться. Они, не сказала, чтобы и пьют особенно, но они живут кое-как, потому что в такую ситуацию попали»

(женщина, 47 л., работник ДК)

«Ну, все равно, на одном месте делаешь — уж делаешь, зарабатываешь, а мы — с места на место. На тот же переезд, сколько денег надо? Ужас. За ту же машину, мы в 2001-м переезжали, КАМАЗ пять тысяч стоил, чтобы только перевезти»

(женщина, 42 г., многодетная мать, работает телятницей в СПК, муж — местный житель — перевез семью 5 лет назад с Алтая)

«Когда в Казахстане жили, у нас был и конь, и корова — все было у нас. И дом был — даже не один дом, а три дома было у нас. А никто их не берет в деревне, никто не хочет жить там. Все почти за дешевку отдали, а эти деньги тут обесценились. Контейнер с вещами из Казахстана сюда вести не выгодно. Немножко кое-что с собой взяли. Взяли в [легковую] машину и везли тысячу километров»

(семья переселенцев из Казахстана, приехали 2 года назад, муж и жена — пенсионеры)

Неукорененность как самодостаточный фактор материальной нужды редко присутствовал в сознании опрошенных, чаще сочетался с другими неблагоприятными параметрами (лень, пьянство, проблемы с психикой).

«У нас есть семья Г***. Они пасут скот. Трудно сказать, откуда они появились, у них пять детей. Они первый раз к нам приехали, может, семь лет тому назад, приехали с маленькими детьми и с пустыми руками. Все как-то старались помочь, потом поняли, что им это не особо и надо. Они тут пожили, пожили, куда-то уехали. В общем, они уже два или три раза уезжали, приезжали. Ну, непутевые, наверно, я не могу понять, в чем причина. Они не пьющие»

(женщина, 47 л., работник ДК)

«Бедные семьи здесь из-за чего?! В основном, потому что лень, пьянство это. Даже приезжие из Казахстана. Ладно, там плохо было, тяжело было жить. Приехали — работайте, работу здесь предоставляют. А они даже скота не держат»

(женщина, 48 л., на пенсии по инвалидности)

5. «Бедные — это нетрудоспособные» (пенсионеры, инвалиды). Отсутствие физических возможностей приводит к материальным проблемам только в сочетании с другими неблагоприятными обстоятельствами. Некоторые респонденты считают инвалидов и пенсионеров «относительно богатыми» селянами, аргументируя это наличием ежемесячного стабильного денежного дохода (вполне нормального по сельским

меркам). Кроме того, у пожилых людей более скромные потребности и есть накопленное имущество (ресурсы). В ситуацию материальной недостаточности попадают чаще инвалиды и пенсионеры, «пропивающие пенсии», а также не получающие по разным причинам поддержки от детей или других родственников.

«Пенсионеры у нас живут богато. Пускай они плачутся: “Ой, какие мы несчастные, бедные”. БОГАТЫЕ [*делает акцент на слове*] пенсионеры!»

(женщина, 42 г., многодетная мать, не работает)

«Пенсия, я думаю, их спасет. Да, им и не так много надо уже. А если еще хозяйством заниматься...»

(женщина, 41 г., работает в школе, жена фермера)

«Вот сосед рядом живет, он инвалид. Там вообще невозможно. Мы с бабой Шурой что ему дадим, то он и поест. Но он же пенсию получает большую, но эту пенсию он пропивает сразу»

(женщина, 55 л., бригадир животноводства СПК «Сибирский»)

«[Бедные] — это в основном кто? Если, допустим, живут один или двое, оба пенсионеры, им помочь некому, хозяйство же держать они не могут»

(мужчина, 55 л., на пенсии, бывший военный)

В сознании респондентов проявилось классическое разделение типичных условий попадания в категорию бедных на две группы: «внутренние» («зависят от самого человека») и «внешние» («стечение обстоятельств»). Реальные состояния бедности являются «причудливым» сочетанием и тех, и других. Первая группа факторов преобладает в высказываниях опрошенных, среди них поистине универсальной причиной выступает пьянство, которое можно рассматривать как определенный образ или стиль жизни с однозначно негативной окраской. Несмотря на многообразие ситуаций из группы «внутренних» условий, вину за состояние бедности несет сам человек.

«Они живут так, потому что они так хотят. Они просто в нужде живут. Вот сейчас заходила ко мне М*** — муж у нее утонул недавно. Она по-черному квасит, пьет ежедневно. Она получает пенсию, но пенсия, конечно, у нее маленькая. Они могли хотя бы себе овощи продать, что-то еще такое, но они лентяи. Либо пьют. Вот она болезнь: лень да алкоголь».

(мужчина, 47 л., не очень успешный фермер,
в прошлом журналист районной газеты)

Группа «внешних» условий упоминалась респондентами реже. В отличие от внутренних причин, они могут быть не связаны с негативными практиками, вследствие этого состояние бедности воспринимается как несправедливое. Людям трудно выйти из сложившихся ситуаций без помощи извне, поэтому для этой категории важны разные формы социальной поддержки.

«Есть инвалид, первая группа, он вообще не ходит, и она [жена] за ним ухаживает, и ребенок. Ну, стараются они. Ну, что там? Одна пенсия, больше никакого ни подсобного они не могут держать хозяйства, ничего. Понятно, что бедно живут...молодая семья»

(женщина, 53 г., работник фельдшерско-акушерского пункта)

Описанные факторы оказывают значимое влияние не по отдельности, а в сочетании, образуя типичные условия попадания в состояние бедности. Вероятно, это явление многомерное: чем больше «наслаивается» неблагоприятных факторов, тем вероятнее оказаться бедным.

Специфика образа сельской бедности особенно ярко проявляется при сравнении «картинок» противоположных полюсов экономической иерархии. Образ «условно богатых», зажиточных, состоятельных людей (по мнению селян, более адекватное название этой группы — «обеспеченные») приобрел вполне реальные очертания в сознании респондентов.

1. «Обеспеченные — это фермеры». Не менее половины опрошенных к числу «относительно богатых» селян отнесли фермеров, что не противоречит данным о среднедушевых семейных доходах.

«Я смотрю, фермерА — они в достатке живут. Я хоть не сказала — побогаче. Я посмотрю — они бьются, колотятся, потому что и запчасты надо купить, и солярка эта, и посевная, и уборка, сейчас протравливание. В общем, у них не сказал бы, что богато, но, все равно, они живут обеспеченней»

(женщина, 51 г., на пенсии по инвалидности, работала дояркой)

Респонденты неоднократно уточняли, что не все фермеры относятся к высокодоходной группе. Речь идет, прежде всего, о членах СПК «Колос» — объединении шести фермерских хозяйств, которые занимаются полеводством (выращивают пшеницу) «с умом», по-хозяйски и с предпринимательской жилкой.

«Вот они, группа их — 6 человек — фермерствуют, они хорошо живут. У них общая земля, общая техника, все, они вместе работают, как минисовхоз небольшой»

(женщина, 66 л., на пенсии)

Представление жителей села об относительном богатстве фермеров не разделяют члены СПК «Колос», не считая себя самыми состоятельными (среди опрошенных были представители трех из шести фермерских семей).

«Состоятельные здесь те, кто торговлей занимаются. Я смотрел передачу, где выступал фермер и говорил, что такого, как торговлей, он никогда не наживет. Мы не бедные люди, конечно, если сравнивать с другими. Все в сравнении. Вот у нас торгаши нормально живут»

(мужчина, 45 л., фермер, руководитель СПК «Колос»)

2. «Обеспеченные — это частные предприниматели». По числу упоминаний они идут вслед за успешными фермерами. В этой группе безусловным лидером является владелец магазина «Успех», реже респонденты указывали на обладателей собственных КамАЗов, оказывающих транспортные услуги населению.

«Не сказал бы, что такие зажиточные К***, магазин у кого. Хорошо развернулся этот человек, он вообще с нуля начал все: сначала таксовал, потом начал магазин строить»

(молодой человек, 19 л., студент, проходил практику в родном селе)

«Есть предприниматели, которые занимаются извозом. Что они делают? Услуги транспортные, у них личные КамАЗы, и они возят грузы. В какой-то момент, естественно, они зарабатывают очень быстро деньги»

(мужчина, 47 л., фермер)

3. «Обеспеченные — это “трудяги”». Третья по числу упоминаний группа относительно богатых представляет собой собирательный образ людей, которые сочетают в себе достигательные установки («стремятся пробиться, ищут соответствующую работу»), много работают («трудятся с утра до ночи»), содержат большое подсобное хозяйство, ориентированное на продажу («работают круглосуточно на своем подворье без отдыха»), не пропивают заработанное.

«Семья, конечно, есть у нас зажиточные, состоятельные. Но я считаю, что это все за счет своего же труда. Трудятся с утра до ночи: на работе и в огороде, в ограде, в доме. А если сидеть на лавочке весь вечер, то, конечно, ничего нигде не прибавится»

(женщина, 44 г., учитель)

«Много-много состоятельных у нас. За счет хозяйства. У кого есть пай в совхозе, они на пай получают очень много зерна, сена дают. Ну, кто не лодырь, не боится работы»

(женщина, 42 г., многодетная мать, не работает)

«Две коровы у нас, поросят держим пять штук, ведь старшая дочь студентка, сами понимаете. Вот я каждую субботу, несмотря ни на что, уже более десяти лет езжу на рынок, молочную продукцию вожу. Вот этим и живем»

(женщина, 42 г., зав. сельской библиотекой)

4. «Обеспеченные — это начальство». Последняя по числу упоминаний группа относительно богатых — это руководители высшего звена СПК «Сибирский» (нынешние и бывшие, продолжающие проживать в селе). Фактически в сознании респондентов получил отражение один из стратифицирующих факторов, проявляющийся на уровне общества в целом. Место в иерархии управления обуславливает доступ к распределению ресурсов, что дает шансы для получения относительно высоких доходов. Возможности «конвертируются» в материальный достаток раз-

личными способами — законными и незаконными («пользуются доступом к технике, кормам, в том числе воруют»), моральными и аморальными (обман рядовых работников).

«Кто-то пользовался своей властью, чтобы стать богатым»
(женщина, 41 г., бывшая учительница, сейчас не работает, держит хозяйство)

«Обеспеченные? Ну, я думаю, что это только начальство у нас»
(женщина, 43 г., опекун внука-инвалида, работала дояркой в СПК)

«Я считаю, СПК — это как одна семья. Но почему-то один чашку ставит, один хлебает с этой чашки мясо, второму — там так, по порядку. Нам уже остается баланда. Вот у нас в месяц, по-моему, два миллиона, что ли [*доход СПК*] за молоко. Но мы почему-то не чувствуем этих денег, понимаете. Как будто, кто-то их несет, несет туда, в ту сторону»

(мужчина, 47 л., работает скотником в СПК)

Образ обеспеченных селян как представителей верхнего полюса неоднороден и включает следующие категории, расположенные в порядке убывания значимости (по числу упоминаний): фермеры, частные предприниматели, «трудяги» и руководители сельскохозяйственных предприятий. Несмотря на гетерогенность группы условно богатых, большинство ее представителей объединяет общий фактор обеспеченности — отношения собственности.

В позициях фермеров и частных предпринимателей он проявляется особенно ярко (собственность легитимизирована и «материализована» — в земельных паях, зданиях и оборудовании магазина, транспортных средствах и т. п.). Скорее всего, на верхнем полюсе отношения собственности не выступают определяющим фактором материального достатка только для «трудяг» (строго говоря, к ним относятся успешные фермеры и частные предприниматели).

Фермеры фактически самостоятельно контролируют все типы ресурсов, используемых в процессе производства [Райт, 2000]: физический капитал (в их собственности находятся средства производства: земля и техника), денежный капитал (они принимают решение о распределении полученной прибыли, в том числе направляя инвестиции в расширение сельскохозяйственного производства) и труд (в трудовой деятельности участвуют как сами фермеры, так и наемные работники, привлекаемые во время посевной и уборки урожая).

«Фермеры почему богатые — они землю в свое время взяли удачно, технику, кредит государство давало, сейчас просто работают. В совхозе платят мало, потому что считается: земля-то не твоя, а просто ты — как наемный работник. А они сами работают, что сделали — то и себе, получается, оставляют»

(молодой человек, 19 л., студент, сын фермера)

«У нас фермеры, вроде, живут нормально. Ведь у них своя земля, свой хлеб. Если урожай хороший — доход хороший»

(женщина, 55 л., бригадир животноводства СПК «Сибирский»)

«ФермерА, они сообща накосят, да уберут это вместе. Они для себя работают, ни на кого-то»

(женщина, 51 г., заведующая детским садом)

Руководители СПК «Сибирский» формально являются такими же совладельцами собственности — земли, техники, сооружений и т. п., как и рядовые работники сельскохозяйственного предприятия (все владельцы паев получают доход, как правило, в натуральной форме). Однако высшие позиции в структуре управления конвертируются в более высокий достаток, благодаря доступу к распределению ресурсов. Например, рядовые работники — владельцы паев — фактически не допущены к принятию решений о распределении полученной прибыли (т. е. не контролируют денежных капитал). Это порождает массу слухов о воровстве руководителей СПК, так как визуально они живут гораздо лучше остальных жителей села (дом, отличающийся от остальных по архитектуре и планировке, богатая обстановка и т. п.).

«А как сделать контроль? Вот он приезжает, говорит: “Молоко вторым сортом”. А откуда мы знаем, вторым он сдал его или высшим. Он-то его сдает высшим там, а нам-то бумагу везет, сует — вторым. [А у нас] с молока зарплата»

(мужчина, 47 л., работает скотником в СПК)

«Богатый человек — это Ю**, потому что он директор [СПК]. Единственный человек. Есть все возможности наворовать. Он может, по-вашему, купить квартиру за полтора миллиона двести тысяч?»

(молодой человек, 27 л., работник ДК)

Для представителей группы «трудяг», не являющихся фермерами и частными предпринимателями, путь к сияющей вершине «обеспеченности» один: готовность к «сверхэксплуатации» самого себя в совокупности со «здоровым» образом жизни (по крайней мере, без пьянства).

«Вот совхозники. Если хорошо работать, то премии выплачиваются разные, как ты поработаешь. Вот Б*** живут. Он работает на бензовозе, а когда уборка или посевная — он пересаживается на комбайн, то есть зарабатывает. Он тогда будет работать не десять часов, а может работать больше, и 14 часов. Он с утра может съездить бензовоз налить и привезти его, а потом сесть на комбайн и отработать смену. И за это он, естественно, получает. Тот, кто пьет, он теряет все эти коэффициенты трудового участия, разные премии. Есть у них такие поощрения, и они их теряют, и тогда ничего не получают. Б*** работают в совхозе, они получают пай, они держат свиней помногу, ездят с молочкой в город каждые выходные. И продают там на хорошие деньги. Ну, работай!»

(женщина, 41 г., работает в школе, жена фермера)

По результатам исследования, в сознании жителей села «образы-картинки» противоположных полюсов экономической иерархии не накладываются друг на друга, не совпадают и описания типичных условий формирования полюсных групп. Например, оказавшиеся в обеспеченной

группе фермеры ни разу не оценены опрошенными как бедные, а у «ленивых пьяниц» и пропивающих детские пособия матерей как типичных представителей нижнего полюса экономической иерархии не оказалось шансов попасть в группу состоятельных.

Наиболее значимый фактор «обеспеченности» в данном кейсе носит экономический характер и латентно связан с отношениями собственности, которые конвертируются в относительно высокий доход. Наиболее обеспеченные люди описываются респондентами, скорее, в контексте их позиций в социальной структуре локальной общины (фермер, частный предприниматель, руководитель), а не их образа и стиля жизни (таковым является только собирательный образ «трудяг»). При описании противоположного полюса сознание опрошенных неожиданно переключается на многомерное оценивание составляющих образа жизни, которые сочетаются в разных комбинациях (пьющие, ленивые, многодетные и т. п.). Указания на позицию в социальной структуре при конструировании образа бедных встречаются реже (нетрудоспособные — пенсионеры, инвалиды, т. е. фактически не работающие; переселенцы). «Переключение» внимания опрошенных с одного критерия на другой происходило на фоне последовательно идущих друг за другом вопросов о состоятельных и бедных, тем самым логика разговора вряд ли способствовала проявлению крутых выражений сознания.

Вероятность попадания в группу бедных зависит от дохода лишь частично — это необходимое, но не достаточное условие. При конструировании образа доминировали представления о «многослойности» бедности, необходимости сочетания нескольких неблагоприятных обстоятельств. Среди них по числу упоминаний лидирует образ «бедные — это пьющие», в котором специфический образ жизни усиливает другие неблагоприятные факторы (низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, многодетность, нетрудоспособность, лень). Бедные — это не столько люди с низким доходом, сколько с определенным стилем и образом жизни.

На основе анализа данного кейса можно предположить, что сельская глубинка оказалась включенной в общие процессы социальных трансформаций с ориентацией на развитие рыночных отношений. Процессы социального расслоения в локальной общине — это рассматриваемые «в миниатюре» изменения социальной структуры общества в целом, в которых все более значимыми становятся отношения собственности как стратифицирующий фактор в экономическом сегменте социального пространства.

Доски почета и антипочета как полюса иерархии уважения: бедность — не порок?

Большинство российских исследователей считают, что по мере трансформации общества в рыночное возрастает роль дохода как факто-

ра, определяющего положение индивида в социальном пространстве. М. Вебер [1992] утверждал, что периоды экономических преобразований выдвигают на первый план такие стратифицирующие признаки, как богатство и доход. Однако на примере американской общины У. Л. Уорнер показал, что возможно несовпадение местных стратифицирующих факторов и факторов, действующих в масштабе всего общества. Это обусловлено наличием постоянного и непосредственного контакта жителей друг с другом и возникающими отсюда специфическими критериями социальной оценки [Герцог, 1992].

Эмпирический объект исследования позволял воспользоваться идеей У. Л. Уорнера, согласно которой *уважение* выступает значимым критерием дифференциации людей в локальности (вслед за К. Дэвисом [1992] мы разводим понятия уважения и престижа). Небольшая община как система взаимодействия, обозримая целиком для любого из ее жителей, образует в этом смысле социальную единицу, в которой наиболее существенным основанием для оценивания становится конкретное поведение [Герцог, 1992].

По результатам российских исследований, в сознании сельских жителей присутствует представление об уважении как неэкономическом основании для дифференциации селян. Изучая представления сельского населения о критериях структуризации сельского социума, З. И. Калугина продемонстрировала, что одним из важных оснований для оценивания выступают социальные качества людей. «Для сельских жителей при характеристике человека большее значение имеет не кто он, а какой он» [Калугина, 2000. С. 117]. Результаты исследования С. Ярошенко показывают, что «неожиданно высоким среди состоятельной сельской молодежи оказался рейтинг уважения окружающих в качестве признака успеха» [Ярошенко, 2006. С. 193—194].

Для выявления полюсов иерархии уважения и факторов, их формирующих, респондентам задавались следующие вопросы: «Если бы Вы сегодня формировали Доску почета жителей села, на которой можно разместить пять фотографий, чьи бы это были фотографии и почему?» и «А кто те пять человек, которых Вы бы ни при каких обстоятельствах не разместили на Доске почета, а наоборот, сформировали бы из них Доску антипочета и почему?». При возникновении у опрошенных затруднений им рекомендовалось не называть фамилии, а описывать образы и их характеристики.

Практически все респонденты смогли «сформировать» Доски почета и антипочета, при этом в ситуации общения с незнакомым человеком (интервьюером) оказалось легче похвалить каких-то людей, чем поругать других. Отказы чаще были связаны с необходимостью описания «неуважаемых» людей: «нет таких в селе», «плохо знаю людей» (переселенцы), «сложно сказать», «есть такие, но не буду говорить», «это не мне судить». Несмотря на некоторые трудности, полученные развернутые ответы свидетельствуют об отражении в сознании респондентов

реальной дифференциации односельчан по данному неэкономическому критерию.

Предложенное людям задание — сформировать Доску почета — не было связано с «извлечением из сознания» готовых «картинок-образов» из мира повседневности. Об этом свидетельствует мозаичность обобщенного образа «уважаемых», судя по множеству имен и фамилий. Заметно, что в условиях неограниченной свободы выбора респонденты сознательно сужали пространство поиска достойных кандидатур, сводя его к ближайшему социальному окружению (родственники, соседи, коллеги по работе и т. п.). Например, социальные работники называли своих подопечных, руководители и специалисты СПК «Сибирский» — рядовых работников, учителя — своих коллег или родителей учеников, работники Дома культуры — активных посетителей кружков, переселенцы — людей, оказавших им поддержку после переезда (часто соседей и родственников) и т. п. Полученные результаты не являются неожиданными: известно, что в российских селах люди в поисках опоры уходят в минисреду (родственную или ближайшую соседскую) из-за неопределенности и непрозрачности более широкого внешнего окружения [Нефедова, 2003].

За мозаичностью «картинки-образа» уважаемых селян, если абстрагироваться от конкретных фамилий и обобщить характеристики людей, просматривается вполне определенный «пьедестал почета». Верхнюю ступень заслуженно заняли рядовые труженики, проработавшие всю жизнь в сельском хозяйстве (доярки, механизаторы, скотники и т. п.). Размещение этих людей на Доске почета обусловлено, главным образом, позитивной оценкой выполняемых ими обязанностей профессиональных позиций. Их отношение к работе (добросовестность, порядочность, трудолюбие, надежность) заслуживает не только уважения, но и «памятника при жизни».

«Есть люди, которые работают, всю жизнь в хозяйстве проработали, но они работали хорошо. Есть такие люди, которые на втором плане любят быть. У них же у многих одна запись в трудовой книжке: принят и уволен»

(женщина, 45 л., работает в конторе СПК)

«Вы понимаете, человек прожил и проработал честно всю свою жизнь здесь, в селе нашем. У него, по-моему, даже есть орден какой-то за труд. Но он не заработал себе даже машины! Он честно проработал. И люди, которые прожили честно всю свою жизнь. Просто работали, растили детей, т. е. жили так, как положено по деревенскому укладу»

(женщина, 47 л., работает в ДК)

«В первую очередь, я бы сюда поместил тех, кто пожил, все силы отдал совхозу. Ведь работали-то ни за что, фактически»

(мужчина, 45 л., фермер)

Не менее уважаемыми селянами являются некоторые фермеры. Надо сказать, что такое отношение к людям, которые вышли из совхоза (ныне СПК «Сибирский») и самостоятельно ведут хозяйство, сложилось не сразу. Настороженное отношение в 90-е гг. прошлого столетия, иногда граничащее с завистью к их достижениям, постепенно изменилось благодаря добросовестному труду фермеров, их готовности помочь односельчанам словом, делом и деньгами в разных жизненных ситуациях, активному участию в общественной жизни села (в том числе выполняя функции депутатов), воспитанию хороших детей.

«Раньше как-то сеяли такую вражду между фермерами и колхозниками, и как-то жители уже сами, что вот у них деньги, а мы — такие бедные и несчастные. А потом, наоборот, повернулись к ним лицом, потому что люди все очень серьезные, степенные, которые хотят, чтобы в деревне был порядок. Они являются еще депутатами нашего сельского Совета. И, конечно, когда в селе что-то происходит, на сессии все это решается, решающее слово — это их. Любой вопрос, который обсуждается на сессии, все остальные просто прислушиваются»

(женщина, 44 г., учитель)

«Мало того, что он фермер, он был главным инженером совхоза перед тем, как уйти в фермерство. Он человек неравнодушный. Любые похороны — у родственников и просто у знакомых, соседей — он всегда организатор. Он все может: и привезет, и машину организует. Вообще, он человек безотказный, всегда всем поможет»

(женщина, 41 г., работник школы)

«Они потому что работающие и, в то же время, умные, и доброжелательные, и честные — не воры. Своим трудом это все идет, правда ведь? А я люблю трудолюбивых людей. Такие люди у нас авторитетом [пользуются], какие честно живут, и которые трудятся»

(женщина, 63 г., на пенсии)

Заслуживают уважение, по мнению респондентов, некоторые руководители, много сделавшие или делающие для развития села. Среди них наиболее часто упоминаемой фигурой является нынешний глава муниципального образования, заслуги которого нельзя не заметить вследствие их визуализации (новые лавочки и фонари в центре села, благоустроенные улицы и т. п.). В сознании опрошенных высокий престиж положения руководителей с соответствующим объемом прав и полномочий автоматически не обуславливает уважение со стороны односельчан, в основе которого — оценка выполнения социальных ролей (требований или обязанностей данного положения). Глава муниципального образования оказался на Доске почета благодаря позитивной оценке совокупности выполняемых им функций — ответственного и добросовестного руководителя, жителя поселения, семьянина (отец троих хорошо воспитанных детей).

«У нас никогда при старом-то главе администрации так за селом не следили. Сейчас нанимают десятиклассников, служба занятости им платит какие-то деньги, и они ходят по деревне с косами и крапиву выкашивают хотя бы в Центре. Получше стало. Вот парк перед конторой — раньше там клумбочка стояла — сейчас хоть какие-то цветочки посадили. А когда мы приехали, восемь лет жили, и никто там ни цветочка не посадил. Взялись за чистоту, короче»

(женщина, 41 г., работает в школе)

«У него даже дети воспитанные такие, всегда здороваются со всеми. Я не знаю их семью, конечно, но со стороны мне кажется — идеальная семья. Он старается улучшить нашу деревню, даже и фонари поставил, и лавочки возле клуба сделал, вообще все старается делать. Он общительный, разговорчивый, все время с улыбкой, даже на сцену выйдет — всех заряжает, мне кажется»

(женщина, 28 л., не работает)

Другой нынешний руководитель — директор СПК «Сибирский» — не пользуется уважением односельчан. Это обстоятельство еще раз подчеркивает относительную независимость престижа как оценки социальной позиции и уважения как оценки выполнения обязанностей, положения. Престиж позиции руководителя высок, но уважением пользуется только тот, кто добросовестно трудится на своем посту. В числе уважаемых людей респонденты называли некоторых бывших директоров совхоза и председателей сельского совета.

«Я думаю, бывшего директора совхоза В*** — ведь столько лет он тут отработал. Это его же стараниями село живет. В других совхозах директора все раскупили, продали, спустили все, а он все сохранил. У нас единственный еще нормальный совхоз остался»

(женщина, 48 л., на пенсии по инвалидности)

«М*** — она была раньше председателем сельского совета. Всегда старалась помочь и нам всегда помогала. Еще у нас был председатель сельского совета Г***. Мы по семьям неблагополучным ходили, и он именно болел душой, старался всем помочь»

(женщина, 53 г., работник ФАП)

Особое место на Доске почета занимают жители, которые выполняют важные для села функции, связанные с поддержанием традиций и воспитанием молодого поколения, — учителя и сотрудники школы, работники Дома культуры. По результатам наблюдений исследовательской группы, эта категория людей делает практически невозможное, поддерживая «огонь» в основных очагах культуры на селе (фактически бесплатно). Они делают доступным высшее образование для молодых жителей (выпускники местной школы поступают на бюджетные места в новосибирские вузы), организуют досуг людей на высоком профессиональном уровне, поддерживают существующие и формируют новые традиции, воспроизводящие данную локальность как живой социальный организм.

«Первым делом, я бы учительницу поставила К*** — она действительно педагог от Бога. Мама педагог, она педагог, стихи пишет. Она действительно ответственный человек, она никогда не повысит голос на ребенка, всегда все объяснит ребенку»

(женщина, 42 г., не работает, многодетная мать)

«Руководитель клуба — благодаря ее заслугам бывают хорошие концерты. Она там прямо живет. Давно уже клуб возглавляет. Концерт организовать или что-то еще — приходится ей делать, или кого-то уговорить, пригласить, а они не хотят, и нужно уговаривать и уговаривать»

(мужчина, 47 л., фермер)

«У нас есть преподаватель М*** — у нее клуб “Вдохновение”, работает с детьми. И в “Задоринке” работает с пожилыми. Она и с пожилыми, и с маленькими. Настолько талантливый учитель. Вот с нее идет культура и нравственная любовь к своему селу, к Родине»

(женщина, 41 г., социальный работник)

Перечень «фигур» на Доске почета оказался бы неполным без упоминания собирательного образа «соседей». Эти люди (чаще ими оказывались женщины пенсионного возраста) заслуживают уважение за участие в жизни отдельных членов локальной общины. У каждого жителя сложился свой уникальный круг соседей по улице, однако качества этих людей являются универсальными: отзывчивость, доброта, готовность прийти в любой момент на помощь, общительность, открытость. Для жителей села взаимная поддержка друг друга хоть и считается традиционной, но по-прежнему высоко ценится и вызывает одобрение (уважение).

«Соседку мою. Когда бы ни обратились к ней, она всегда предложит помощь свою. И посоветует что-то, если не знаю»

(женщина, 35 л., работает в соседнем селе лепщицей пельменей)

«Она такая женщина общительная, активная, и по возрасту они как-то с мамой подруги были, рядом жили. Даже если что-то так коснется, то к ней обратишься — она почему-то никогда не откажет»

(женщина, 43 г., не работает, опекун внука-инвалида)

«Бабушка А*** — она и сейчас, по сегодняшний день, нам помогает, чем может. Нас сюда ж не прописывали, потому что общежитие в аварийном состоянии. Она дала нам прописку, и мы получили паспорта российские. Теперь мы уже граждане России. А то мы, вообще, были никто. За это очень я ей благодарна»

(женщина, 40 л., не работает, переселенцы из Казахстана)

Особое внимание привлекает факт размещения респондентами на Доске почета членов своей семьи: перечисляя достойных людей, они нередко называли родителей, бабушек, детей, мужей и других родственников.

«Только бы свою маму, что она нас пятерых вырастила одна. И как уж она там, на 60 рублей зарплаты, нас ростила, и 50 рублей пенсия. Только в совхозе работала: и дояркой, и разнорабочей, и всяко разное. Всегда считаю, что она достойна»

(женщина, 51 г., пенсионерка, бывшая доярка)

Обобщая высказывания респондентов о факторах уважения, можно выделить пересекающиеся основания для оценивания жителей села. Люди, сознательно или бессознательно, проводят «мониторинг» поведения односельчан с точки зрения идеала, установленного в данной локальности («деревенского уклада жизни»). Основное внимание фокусируется на выполнении людьми обязанностей разных социальных позиций, значимых для функционирования данного сообщества. Оцениваемые социальные роли не равнозначны, их можно расположить в порядке убывания значимости.

1. *Роли жителя локальной общины*, проявляющиеся в отношении к селу и людям. Позитивные практики как следование эталонам поведения, сохраняющим данную локальность, вызывают одобрение и заслуживают уважение:

а) готовность прийти на помощь, отзывчивость, общительность, открытость, доброта к окружающим;

б) активное участие в общественной жизни, деятельность «для людей»;

в) оказание помощи в материальной форме, спонсирование сельских праздников, создание новых рабочих мест (такая активность осуществляется, прежде всего, фермерами и частными предпринимателями);

г) деятельность по развитию и благоустройству села — обеспечение достойного внешнего вида (вокруг своих усадеб, на территориях общего пользования) как практики жителей и выборных в рамках местного самоуправления лиц, наделенных соответствующими полномочиями и ресурсами;

д) воспитание молодого поколения, организация досуга и поддержание традиций в локальной общине (роль жителя частично пересекается с профессиональными ролями работников сферы образования и культуры).

2. *Профессиональные роли*, проявляющиеся в отношении к работе. Позитивными практиками считаются:

а) добросовестное, честное исполнение своих обязанностей;

б) надежность и порядочность в рабочих отношениях;

в) реализация достижительных установок, трудолюбие.

3. *Семейные роли* как выполнение обязанностей членов семьи (мужа, жены, отца, матери). В описании позитивных практик проявляются гендерные различия, формируя разные основания для оценивания поведения мужчин и женщин:

а) для женщин — поддержание порядка в доме и усадьбе;

б) для мужчин — обеспечение семьи в материальном плане;
в) и для мужчин, и для женщин — отношение к собственным детям (воспитание, забота, развитие способностей и т. п.).

Таким образом, сформировавшийся в сознании полюс уважаемых людей отражает ориентации большинства респондентов на ближайшее социальное окружение. В этой минисреде были найдены добросовестно работающие в сельском хозяйстве односельчане, всегда готовые прийти на помощь и оказать поддержку соседям, воспитывающие молодежь талантливые педагоги. Некоторые составляющие обобщенного образа все-таки выходят за пределы ближайшего круга (фермеры и руководители СПК) благодаря своей публичной деятельности, результаты которой можно визуализировать (элементы благоустройства села, идеальная чистота усадьбы, спонсирование сельских праздников и т. п.).

При определении противоположного полюса иерархии уважения — Доски антипочета — опрошенные столкнулись с большими трудностями. Нельзя отрицать влияния на ответы респондентов (отказы, заминки и т. п.) самой ситуации опроса: незнакомые люди — интервьюеры предлагали публично поругать односельчан, присвоить им метку «неуважаемых» людей. Это могло оказаться сложной задачей именно в локальности, где все знают (лично или через своих знакомых) практически всех.

Доска антипочета — категория такого же уровня абстракции, как Доска почета. Многие респонденты помнят или знают по рассказам такую форму морального поощрения из недавнего прошлого как стенды с фотографиями уважаемых людей. Моральное порицание или неодобрение также принимают конкретные формы: в селе существует административная комиссия, которая «проводит работу» с неблагополучными семьями. Члены исследовательской группы оказались свидетелями ее деятельности, а также неоднократно слышали отзывы о работе комиссии как ее членов, так и подопечных.

Существующая в сознании респондентов группа неуважаемых людей может быть образно расположена на ступенях «пьедестала антипочета». На нижнем полюсе иерархии оказался обобщающий образ «паразитов села», демонстрирующих совокупность негативных практик (тунеядство, лень, пьянство, наркомания). Особенно негативно оценивается людьми асоциальное поведение женщин и молодежи. Для «паразитов села» отклонения от эталонных и нормативных образцов, как правило, связаны с выполнением не одной, а множества социальных ролей. Среди них респонденты особо подчеркивают функции жителя локального сообщества (негативный образ жизни, не соответствующий деревенскому укладу) и работника (несмотря на трудоспособный возраст, нигде не работают и не стремятся).

«Это не люди, это паразиты, которые: “Все дайте, но мы ничего взамен не дадим”. Даже элементарно для себя, уж не на работе, ладно»

(женщина, 45 л., работает в конторе СПК)

«Таких людей не люблю, которые ничего не делают, все пропивают»
(мужчина, 47 л., фермер)

«Мне не нравятся грязнули, которые не хотят дома ничего убирать. К дому подойти страшно. В ограде, дом — ну лень побелить, лень покрасить. А хорошие путевые, вроде, не алкаши. Ну, не люблю ленивых людей, ну не люблю»
(женщина, 63 г., пенсионерка)

«Да, эта семья, их тоже на доску антипчета. Там заборы порушены. И крыша! Через крышу снег падает прямо на постель. Это видеть надо, как они живут. И вот в прошлом году он [муж] то ли купил, то ли заработал где-то, и лес ему этот дали, чтобы залатать крышу. К концу лета он этот лес продал, пропил. И так зимовал опять с этой крышей. Окна затянуты целлофаном, и через этот целлофан уже ничего не видно. Возле дома нет бани. Где они моются, я вообще не знаю»
(женщина, 41 г., работает в школе)

Примыкает к «лидеру» по числу упоминаний обобщающий образ матерей, не выполняющих своих функций, связанных с воспитанием детей. Отклонения от нормативного поведения женщины в роли матери визуализируются и воплощаются во внешнем виде детей (неопрятность, грязная одежда), их асоциальном поведении со сверстниками и взрослыми (плохо адаптируются в детских коллективах). Негативно оценивается их образ жизни, проявляющийся в частой смене партнеров-мужчин (иногда окружающие не могут понять, от кого рождаются дети), пьянстве (пропивают детские пособия) и т. п. Неудивительно, что этот образ часто упоминают учителя местной школы и медицинский работник, которые по роду своей деятельности «пожинают плоды» такого негативного поведения.

«На Доску антипчета я бы вывесила тех людей, которые относятся, в общем-то, безобразно к своим детям. Дети отобраны или в стадии отбирания, они ими вообще не занимаются, занимаются только собой: пьянство, проституция и так далее. Мне кажется, что вот это — страшнее всего»
(женщина, 44 г., учитель)

«Я бы разместила таких, которые у меня сейчас мамы с детьми: как они относятся к ним и как они воспитывают детей»
(женщина, 53 г., работник ФАП)

«Море таких, особенно женщин. Безответственных, которые детей бросают, могут закрыть ребенка на сутки и уйти, и ребенок будет голодный орать под дверь, кричать и плакать. В комнату зайти нельзя, там такой бардак, там вонь. Все это превратилось в навоз, натуральный. Ну, какая это мать?! Скорей бы ребенка забрали, должны вот забрать»
(женщина, 42 г., многодетная мать, не работает)

Замыкает тройку представителей Доски антипчета образ людей, которых не уважают за человеческие качества. Безусловно, уникаль-

ность личного опыта общения каждого респондента с такими селянами накладывает отпечаток на состав этой группы, делая ее многоликой. Несмотря на многообразие упоминаемых фамилий людей, их объединяют такие негативные качества, как жадность, завистливость, грубость, нетактность, склонность к воровству и обману и т. п. Скорее всего, этот образ формируется на основе негативных практик как отклонения от эталонов поведения человека в роли жителя локального сообщества.

«Я думаю, что самое такое, к чему я нетерпим, — это воровство. Люди, которые несут, тащат, даже пусть они берут у общества, они считают, что это еще так мягко, чем у кого-то утащить. Это в первую очередь»

(мужчина, 47 л., фермер)

«Жадность, завистливость. Кто-то там у кого-то маленько получит, тебя так прямо (*заклюют*). Я с таким столкнулась»

(женщина, 53 г., не работает, ухаживает за сыном-инвалидом)

«Просто такой человек она, сама даже про себя говорит: “Я спать не буду, если я человеку не сделала гадость”. Если она гадость не сделает — не может спать спокойно, нормальный человек?!»

(женщина, 37 л., доярка)

Особое место в сознании респондентов отводится руководителям и оценке выполнения ими своих обязанностей. По мнению опрошенных, высокая позиция в локальной иерархии управления обязывает демонстрировать если не эталонное, то не сильно отклоняющееся от норм поведение. В локальном сообществе к руководителям приковано пристальное внимание односельчан, и незримое «око» общественного мнения отслеживает их поведение, «возводя в квадрат» любые отклонения от норм.

«Я отрицательно отношусь к руководителю нашего СПК. У него нет никакого желания абсолютно что-то делать для людей. И ему абсолютно все равно, что происходит в селе, что происходит вокруг него, — ему вообще все равно. Руководитель, которому наплевать, — это все-таки отрицательный персонаж. Он — человек, который не держит свое слово. И самая его отрицательная черта, я считаю, что ему наплевать на своих даже рабочих, например, на похороны денег может не дать»

(женщина, 47 л., работник ДК)

В сознании жителей села были обнаружены вполне сформировавшиеся «картинки-образы» уважаемых и неуважаемых людей. В размышлениях респондентов по поводу различий односельчан по разным основаниям присутствует такой критерий различения людей как эмоционально окрашенная оценка исполнения многообразных социальных ролей с точки зрения идеала, установленного в данной локальности. Наиболее значимыми признаны роли жителя данного поселения, профессиональные и семейные роли. Знак этого оценивания — позитивный или негативный — обуславливает позицию исполнителя роли на Доске

почета или антипочета соответственно. Например, по оценке поведения руководителей с точки зрения исполнения их высоких должностных обязанностей одни люди получают признание, одобрение (позитивный знак), другие — порицание, неодобрение (негативный знак).

Полученные результаты не опровергают идей У. Л. Уорнера, считавшего, что социальная оценка человека (другими) ориентирована на определенные типичные для данной локальности способы поведения (оцениваемого). Это означает, что существует общий, всеми членам общества более или менее известный и ими более или менее строго соблюдаемый эталон поведения [Герцог, 1992]. Так, для руководителей следование этому эталону предполагает ответственное и добросовестное выполнение своих функций, а именно: использование высокого положения не только для обеспечения благополучия своей семьи, но и для улучшения жизни всех жителей села; равнодушное «человечное» отношение к просьбам селян; поиск способов решения проблем, значимых как для отдельных категорий (помощь пожилым людям в заготовке топлива на зиму), так и для всех жителей села (улучшение водоснабжения и отопления домов) и т. п. Аналогичные рассуждения легко «извлекаются из сознания» респондентов в отношении других социальных ролей и эталонов поведения.

Несоответствие принятым нормам может привести не только к «неодобрению» поведения, но и, в крайних случаях, к «возмущению», «негативным» реакциям окружающих. Как отмечал Т. Парсонс, последние могут не только отказаться сотрудничать с индивидом, но и активно воспрепятствовать достижению им его целей, в том числе проявлять ненависть, подрывать его репутацию и т. п. [Парсонс, 1992]. Во время полевого этапа исследования исследовательская группа наблюдала несколько таких «пьес», разыгранных по одному сценарию, например, в отношении одной неблагополучной семьи из категории неуважаемых.

«Ж*** я тоже сюда отнесла [на Доску антипочета], у которой трое детей, которыми она вообще не занимается. Молодые женщины, у них еще, в общем-то, вся жизнь впереди, и тоже пьянство, проституция, дети все непонятно от кого»
(женщина, 44 г., учитель, трое детей)

Асоциальное поведение этой семьи стало предметом пристального внимания административной комиссии.

«Когда мы подошли к неказистому дому, там был хозяин — молодой блондинистый мужчина слегка “под шафэ”. О*** [представитель сельсовета] сделала ему выговор, что он не поехал, как договаривались, кодироваться. Пока мы шли к следующему дому, социальные работники рассказали, что в начале недели А*** напился и начал “гонять” жену, а три девчонки, их дочери, прибежали среди ночи к бабушке. Последняя и сообщила в администрацию о дебоше зятя. Его повоспитывали и взяли слово, что он закодируется»

(из наблюдений члена исследовательской группы Т***)

Восприятие событий со стороны «неуважаемых» людей вполне понятно — воспитательные мероприятия порядком им надоели.

«Лишь бы никто не лез, не трогал бы. Жили бы спокойно и жили. От сельсовета приезжают. Часто! [*с нажимом*] Зачем бы они нас предупреждали? Им же надо поймать, чем мы тут занимаемся, что мы тут делаем. Его [*мужа*] таскают на административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних. Надо не пить, не гулять надо, кодироваться, детьми он не занимается. Пьет — значит, он не занимается»

(женщина, 37 л., многодетная мать, работает дояркой)

Надо отметить, что среди жителей села есть не только «осуждающие», но и «сочувствующие» пьющим люди: объясняя пьянство ситуацией безысходности, они считают, что односельчане не смогут выйти самостоятельно из этого порочного круга.

«Есть категория, которые опустили уже ниже. Но опустили почему? Допустим, что-то в жизни случилось, да? И он начал пить. Не было вовремя поддержки этой, не было. Его не поддержали в это время, наоборот, унижали, унижали, унижали, вот он стал алкашом. Он уже, наверно, привык к этому образу жизни»

(женщина, 41 г., не работает)

По результатам исследования, за «картинками-образами» уважаемых и неуважаемых селян просматривается иерархия, складывающаяся на основе эмоционально окрашенной оценки поведения людей как исполнителей значимых в данной локальности ролей. При этом наблюдается некоторая парадоксальность «совокупного» сознания: если при конструировании Доски почета респонденты ориентируются на ближайшее социальное окружение, то противоположный полюс формируется не только в рамках минисреды, но и за ее пределами. В последнем случае сознание более смело выходит в более непредсказуемый и неопределенный внешний контекст, ориентируясь на стереотипные образы негативных практик. Тунеядство, пьянство, наркомания, проституция — это образ жизни, который вполне однозначно оценивается как негативный не только в данной локальности, но и в социальной системе в целом. Эталоны поведения в этом случае закрепляются с помощью моральных норм и законного порядка. В рассуждениях респондентов относительно претендентов на Доску антипочета эти внешние ориентиры проявляются достаточно четко.

«Она к своим детям равнодушна. Есть они, нет их — она собралась, отправилась к подружкам, к друзьям, а ребятишки голодные сидят. Ну, как так? Она ушла на полдня, приходит, начинается: “Мы есть хотим” — “Отстаньте, вы мне уже надоели”. Ну, это разве семья? Вроде у родителей и без родителей»

(женщина, 51 г., на пенсии, свекровь многодетной матери)

«Я вот что буду рожать? Мне хоть двести, хоть триста тысяч! Я же знаю, что его до конца моих дней содержать надо, дать образование. Вот у нас Ч*** — гардеробщица в школе. Ей двадцать лет, у нее три ребенка. Она первого ребенка просто родила, а второго, чтобы купить музыкальный центр, а третьего, чтобы купить мягкую мебель. И сейчас эти дети сами себя ходят, воспитывают»
(женщина, 41 г., работает в школе)

«Есть такие у нас молодые мамы, которые рожают, и детей забирают, которые не следят за ними. Они не только на почве алкоголизма, гулять им надо больше, они дома не находятся. Недавно я услышала, что забрали ребенка — гуляла, где попало, а ребенок закрытый, в общежитии она жила, закрытый и стучит в двери: “Кушать хочу, мама”. Целыми сутками сидел закрытый дома. “Только не говорите маме”. Боюсь».

(женщина, 28 л., не работает, жена инвалида)

Для проверки предположения об отражении статусной кристаллизации в «картинках-образах» полюсных групп было проведено их сравнение (во-первых, уважаемых и обеспеченных; во-вторых, неуважаемых и бедных), а также сопоставление формирующих полюса факторов.

Логика проведения интервью предполагала обращение к теме бедных и богатых в селе через определенный промежуток времени после обсуждения фигур на Досках почета и антипочета. Даже если последовательность других вопросов менялась, эти темы не следовали одна за другой в процессе разговора. Тем самым было снижено влияние логики интервью на возможное совпадение образов на уровне индивидуального сознания.

По результатам исследования, в отношении верхних полюсных групп — уважаемых и обеспеченных — не произошло существенного наложения «картинок-образов». Слабая степень кристаллизации верхних позиций во многом обусловлена особенностью высокодоходной группы в данной локальности. Строго говоря, обеспеченные в селе не являются богатыми по российским меркам. Это не высокие, а в лучшем случае, срединные статусы (с точки зрения экономической стратификации общества в целом), которые могут быть слабо согласованы с полюсами других иерархий.

В отношении нижних полюсных групп — неуважаемых и бедных — наблюдается большее совпадение «картинок-образов». Это проявляется как на уровне «совокупного» сознания опрошенных, так и индивидуального сознания респондентов. Основной характеристикой обобщенного образа бедных оказалась не позиция в экономической иерархии (бедные — это люди с низкими доходами), а их образ жизни (бедные — это пьющие, ленивые и т. п.). В процессе конструирования нижнего полюса экономической иерархии, в отличие от противоположного (обеспеченные), сознание респондентов «неожиданно переключилось» на неэкономические характеристики. В описаниях бедных через их образ жизни присутствуют негативно окрашенные оценочные сужде-

ния. Такая особенность формирования нижнего полюса экономической иерархии сама по себе предопределяла возможность его совпадения с Доской антипочета.

Следует отметить, что неуважение окружающих не обусловлено низким доходом: такой экономический статус у многих селян, при этом можно жить скромно по материальным меркам, но достойно по человеческим. Неуважение связано с негативно окрашенной оценкой поведения людей, оказавшихся в ситуации множественности неблагоприятных условий (низкий доход, пьянство, лень, многодетность и т. п.).

Совпадение бедных и неуважаемых наблюдалось и на уровне индивидуального сознания, несмотря на то, что эти вопросы обсуждались в разных фрагментах интервью. Больше половины респондентов одних и тех же людей разместили на Доске антипочета и назвали бедными. Нежелание называть конкретные фамилии компенсировалось подробным описанием случаев из жизни, в которых преобладали негативно окрашенные оценочные суждения.

«[про Доску антипочета] П*** — как-то подбираются ведь люди: и муж, и жена. Сам лодырь из лодырей, да еще закладывает если, и подбирает такую, вот и пошла пьянка. Опустятся люди, молодые, красивые, посмотришь, вот это пьянка сгубила.

[про бедных] Кто не держит скота и кто гуляет — вот этот и бедный. П*** — у нее муж был плотник, она молодая была. Пока они жили — дома был порядочек, потом разошлась, то с одним, то с другим загуляет. И день, и два, и по неделе могут гулять»

(женщина, 63 г., на пенсии)

«[про Доску антипочета] Вот сейчас мы мучаемся с женщиной — уже пенсионный у нее возраст. А***, она пьет, в общем, паразит нашего села. И с ней все мучаемся, а она только пьет и никаких ни уговоров, ни переговоров — ничего не понимает.

[про бедных] Вот эта А***, которые пьют. Там крах»

(женщина, 53 г., работник ФАП)

Таким образом, несмотря на относительную независимость критериев дифференциации людей по материальному достатку и уважению, «картинки-образы» бедных и неуважаемых накладываются друг на друга. В образах нижних полюсных групп немало пересечений по фамилиям и характеристикам людей. Кроме того, сознание респондентов не всегда четко различает стратифицирующие в двух иерархиях факторы (причины бедности и размещения на Доске антипочета). Аморальное, асоциальное в данной локальности поведение — это общее основание, которое объединило «картинки-образы» бедных и неуважаемых.

В сознании жителей сельская бедность отражается как «многомерное» явление, связанное не столько с материальной недостаточностью,

сколько с определенными принципами потребления, выраженными в образе жизни. Местные стратифицирующие факторы, формирующие иерархию уважения, накладываются на экономические факторы, действующие в масштабе общества в целом. Это приводит к пересечению образов нижних полюсов с формированием замкнутого круга: бедные → неуважаемые → бедные. Вследствие этого именно в образах нижних слоев наблюдается сплав экономической и социальной ситуаций как один из аспектов статусной кристаллизации. Результаты исследования еще раз подчеркивают ограниченность трактовки бедных только как низкодоходной группы, поэтому «нацеленность исключительно на снижение бедности в плане доходов не может стать единственным содержанием политики, направленной против нищеты» [Сен, 2004. С. 112].

ГЛАВА 30

Сколько пьет Россия: объем, динамика, дифференциация и социальные аспекты потребления алкоголя

Потребление алкоголя, будучи средством удовлетворения определенных человеческих потребностей, представляет собой неотъемлемый элемент образа жизни, культуры и быта большей части населения во многих странах мира и в массовом сознании воспринимается как социально приемлемое явление. Потребление алкоголя выполняет положительные психологические функции (доставляет удовольствие, дает возможность поднять настроение, расслабиться, отвлечься, снять напряжение). Не менее важны социальные функции алкоголя [Saunders, 1998]. Практически в любом обществе прием алкоголя — это социальное действие, осуществляемое человеком совместно с ровесниками, членами семьи, друзьями, членами какого-либо коллектива или команды и выполняющее функции социализации (общения, коммуникации, формирования социальных сетей, проявления социального доверия, гостеприимства, доброжелательности), а также неперенный атрибут празднования самых важных и торжественных событий в жизни людей.

В то же время неумеренное потребление алкоголя вызывает многочисленные негативные социальные и медицинские последствия, приводит к физической и нравственной деградации человека. Медико-демографические исследования показывают, что значительная часть проблем здоровья связана с употреблением алкоголя. Злоупотребление алкоголем, по данным Всемирной организации здравоохранения, является третьей по частоте (после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний) причиной смертности в современном мире. Алкоголики и не-

умеренно пьющие люди живут в среднем на 15—20 лет меньше, чем люди умеренно пьющие и непьющие, и только 25 % алкоголиков преодолевают 50-летний рубеж [Вуколова, Латов, 2001].

С потреблением алкоголя связаны рождение умственно неполноценного потомства, риск заболеваний циррозом печени, некоторыми видами рака, артериальной гипертензией, сердечно-сосудистыми заболеваниями, психическими расстройствами, формирование широкого круга соматических заболеваний. Потребление алкоголя увеличивает риск нанесения вреда и здоровью других людей (травмы, насилия, убийства), возникновения семейных, трудовых и социальных проблем. В европейских странах от 40 до 60 % всех умышленно и неумышленно причиненных травм являются последствиями потребления алкоголя. В общей сложности 9 % общего количества заболеваний в европейских странах связаны с алкоголем. По подсчетам специалистов, общая цена ущерба от употребления алкоголя насчитывает от 1 до 3 % валового внутреннего продукта этих стран [Rehn et al., 2001].

В Российской Федерации наблюдается весьма неблагоприятная ситуация: уровень смертности от причин, связанных с потреблением алкоголя (травм, ран, отравлений), один из самых высоких среди европейских стран. С алкоголем в стране связаны 72 % убийств, 42 самоубийств, 53 смертей от других внешних причин; 68 смертей от цирроза печени, 60 от панкреатитов, 23 от сердечно-сосудистых заболеваний и 25 % прочих смертей. На протяжении 1990—2001 гг. в стране ежегодно в связи с алкоголем досрочно умирали от 400 до 700 тыс. человек [Немцов, 2003].

Исследования потребления алкоголя с этой точки зрения являются необходимой основой для разработки и реализации превентивных мер по защите и охране здоровья населения. На результаты таких исследований должна опираться социально-экономическая политика государства по совершенствованию и принятию решений, касающихся регулирования производства, продажи и потребления алкоголя. Существование во многих странах социального заказа проявляется, судя по публикациям, в финансировании государством широкого круга исследований по потреблению алкоголя. Несмотря на очевидную остроту проблемы потребления алкоголя в России, государство не спешит стать заметным спонсором исследований по этой тематике: ситуация в основном изучается в рамках международных сравнительных проектов или отдельными исследователями на локальных объектах. При этом в стране отсутствует служба контроля уровня потребления алкоголя — главного показателя алкогольных проблем в стране.

Проблемы измерения потребления алкоголя

Цель, задачи и методология исследования. *Цель* данного исследования состояла в том, чтобы дать оценку объема, динамики и дифференциации потребления алкоголя в современной России (1996—2004 гг.).

Результаты этого исследования, на наш взгляд, могут внести вклад в уточнение и углубление представлений о потреблении алкоголя населением современной России, о масштабах проблем в обществе, связанных с потреблением алкоголя и, тем самым, привлечь к ним внимание тех, кто принимает решения в области социально-экономической политики.

В работе рассматриваются следующие характеристики потребления алкоголя: объем индивидуального потребления алкоголя на душу населения и на одного потребителя; структура потребителей и потребляемого алкоголя по типам алкогольных напитков; дифференциация объема индивидуального потребления алкоголя населением; уровень избыточного потребления алкоголя; структурный (социально-экономический и социально-демографический) срез неумеренного потребления алкоголя; детерминанты относительно высокого уровня потребления алкоголя.

Проведенное исследование является попыткой решить широкий круг задач на материалах общенационального обследования — Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), репрезентирующего население Российской Федерации в целом. Помимо этого в работе используются статистические данные, результаты других обследований и экспертные оценки.

В базе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения — два вида файлов данных с информацией о потреблении алкоголя. Файлы данных о домохозяйствах содержат сведения о количестве некоторых видов алкогольных напитков — водки, вина и пива (в литрах), купленных за неделю, предшествующую опросу, и о сумме денег, израсходованных домохозяйством на эти покупки. Файлы данных о взрослых членах домохозяйства включают информацию о том, потреблял ли респондент алкоголь в течение месяца перед проведением обследования; как часто он потреблял алкоголь; какие алкогольные напитки он потреблял за последнюю неделю (в их числе пиво и брага, сухое вино и шампанское, крепленое вино, самогон, водка и другие алкогольные напитки) и какой была обычная разовая доза потребления каждого из этих напитков (в граммах). Исследование будет опираться как на данные о взрослых членах семьи, так и на данные о домохозяйствах.

Особенностью мировой практики вычисления показателей душевого потребления алкоголя является то, что они рассчитываются для населения в возрасте 15 лет и старше. Это связано с тем, что использование в расчетах численности всего населения приводит к заниженным оценкам уровня потребления алкоголя в странах с высокой долей детей до 15 лет [International Guide..., 2000]. Поэтому взрослым населением в массивах данных РМЭЗ будут считаться лица 15 лет и старше.

Выполняемая работа представляет собой поэтапное решение следующих исследовательских задач.

Первая задача — измерение индивидуального уровня потребления алкогольных напитков. Сведения о потреблении алкоголя взрослыми

членами домохозяйства представляют собой распределения данных о количестве и частоте потребления отдельных видов спиртных напитков на совокупности шкал, адаптированных к используемой в международной практике процедуре QF-измерения (quantity-frequency measure). В соответствии с этой процедурой расчет среднего объема потребления того или иного алкогольного напитка производится приведением частот потребления этого напитка к фиксированному временному интервалу и вычислением «дозы» его потребления за данный промежуток времени по следующей формуле:

$$PDOSE_i = (SDOSE_i \cdot Fr_i) / P_j,$$

где $PDOSE_i$ — доза (количество потребленного алкогольного напитка) для заданного периода времени (день, неделя, месяц, год); $SDOSE_i$ — разовая доза потребленного алкогольного напитка; Fr_i — частота потребления алкогольного напитка в заданный период времени (день, неделя, месяц, год); P_j — число дней, недель, месяцев в заданном периоде времени.

Количество чистого алкоголя (этанола), содержащегося в каждом из алкогольных напитков, вычисляется путем умножения количества алкогольного напитка, потребленного за определенный период времени, на величину концентрации в нем этанола, т. е. абсолютного алкоголя (по массе и объему):

$$PETAN_i = PDOSE_i \cdot W_i,$$

где $PETAN_i$ — количество этанола, содержащегося в алкогольном напитке, потребленном в заданный период времени; $PDOSE_i$ — количество алкогольного напитка, потребленного в заданный период времени; W_i — весовой коэффициент содержания этанола в данном алкогольном напитке.

Для определения общего количества чистого алкоголя ($TPETAN$), содержащегося во всех потребленных алкогольных напитках за определенный период времени, суммируются дозы этанола, содержащиеся в каждом из алкогольных напитков:

$$TPETAN = \sum PETAN_i,$$

где $TPETAN$ — общее количество чистого алкоголя, потребленного респондентом в заданный период времени.

Вторая задача — измерение уровня риска для здоровья при потреблении алкоголя. Уровни риска потребления алкоголя являются результатом согласования оценок международных экспертов о количестве потребляемого алкоголя, вызывающем последствия различной тяжести для здоровья, в частности сокращение продолжительности жизни от сердечно-сосудистых заболеваний. Число лиц, потребляющих избыточное количество чистого алкоголя, т. е. лиц с фактором риска в потреблении алкоголя, в данном исследовании будет определяться на основе рекомендаций Всемирной организации здравоохранения.

Третья задача — выявление социально-экономических детерминант попадания в группу с избыточным уровнем потребления алкоголя. Предполагается использовать логистический анализ вероятности попадания респондентов в группу с высоким уровнем риска потребления алкоголя в зависимости от их социально-экономических характеристик и вида обычно потребляемых алкогольных напитков. Применительно к нашей задаче в качестве факторов наступления наблюдаемого события (попадание в группу с избыточным уровнем потребления алкоголя) будут рассматриваться социально-экономические переменные — пол, возраст, уровень образования, брачный статус, экономическая активность и занятость и др.

Проблемы взвешивания и корректировки исходных данных.

Практически все проводимые традиционными способами выборочные социально-экономические обследования, касающиеся потребления алкоголя, получают оценки, составляющие в среднем лишь 40—60 % официально регистрируемого объема розничных продаж (табл. 30.1). Поэтому проблема поиска путей корректировки данных о потреблении алкоголя с целью повышения их достоверности остается по-прежнему актуальной при анализе результатов массовых обследований. Как правило, основные усилия исследователи направляют на расчеты взвешивающих коэффициентов для группы не ответивших на вопросы о потреблении алкоголя. Для взвешивания используются постстратификационные веса для таких переменных как пол, возраст, регион и др., или веса, полученные с помощью моделей распределения населения по полу, возрасту и региону; применяются также весовые коэффициенты из статистических моделей, предсказывающих вероятные ответы на данную тему. Такие способы взвешивания, судя по опубликованным данным, приводят к росту показателей потребления, однако различия между взвешенными и не взвешенными данными оказываются статистически не значимыми

Таблица 30.1

Данные об уровне потребления отдельных видов алкоголя, % к официальной статистике продаж в некоторых европейских странах в 1998/1999

Страна	Пиво	Вино	Водка	Всего
Финляндия	57	40	43	54
Швеция	74	43	38	57
Германия	25	23	54	31
Великобритания	94	88	88	96
Франция	68	30	23	36
Италия	71	58	57	58

Источник: Leifman H., Ostergerg E., Ramstedt M. Alcohol in Post-War Europe: a Discussion of Indicators on Consumption and Alcohol Related Harm. European Comparative Alcohol Study (ECAS). Final Report. Stockholm, 2002. P. 30.

[Makela, 2003]. Это наводит на мысль о том, что наблюдаемые значительные расхождения между вербальным и реальным уровнями потребления алкоголя связаны не столько с погрешностями формирования выборочной совокупности (хотя в определенной мере и это имеет место), сколько с устойчивыми личностными характеристиками респондентов.

Вопросы о потреблении алкоголя в массовых опросах относятся к «сенситивным», затрагивающим эмоционально-нравственную сторону жизни опрашиваемых, что в немалой степени влияет на достоверность получаемой информации. Так, в обследовании, проведенном кафедрой социологии одного из российских вузов*, было установлено, что участники опроса считают тему потребления алкоголя крайне деликатной для того, чтобы можно было свободно обсуждать ее с интервьюером (57,3 % всех ответов) [Мягков, 2002]. Поскольку, как показывают специальные исследования, имеется прямая связь между остротой восприятия темы и уровнем искренности ответов респондентов, то есть все основания считать, что при проведении опросов по «сенситивной» проблематике вероятность появления «ошибок сообщения», связанных с необеспеченной анонимностью, может быть достаточно высокой.

Достоверность данных, в том числе и о потреблении алкоголя, на наш взгляд, во многом связана с определенными психологическими чертами личности, в частности, со способностью сопротивляться реальному или воображаемому давлению социальной среды, ближайшего окружения, в том числе и в ситуации проведения опроса. Податливости «давлению» группы в ситуации расхождения между своими представлениями и представлениями группы, заставляющая человека давать ответы, совпадающие с мнением ближайшего окружения или большинства, называют конформностью. При обсуждении в ходе опроса проблем алкоголя чувство неловкости, смущения, желание уйти от ответа может возникнуть у опрашиваемых из-за боязни уронить свой авторитет, утратить уважение, быть осмеянным или осужденным за свои отличия от остальных. В этой ситуации они будут скрывать правду, считая, что это спасет их от унижения, и стремиться отвечать так, чтобы окружающие не подумали о них плохо, согласовывая свой ответ с вероятным ответом людей, чье мнение или поведение в данной области считается «правильным», авторитетным. Некоторые респонденты, имеющие серьезные проблемы с алкоголем, не захотят афишировать эту сторону своей жизни, поскольку избегают постановки на диспансерный учет и вытекающих отсюда определенных ограничений в правах (на вождение автомобиля, на ношение оружия, на занятие определенными видами деятельности).

* Исследование проведено в феврале 2001 г. кафедрой социологии Ивановского государственного энергетического университета под руководством А. Ю. Мягкова среди взрослого населения г. Иваново и Ивановской области. Выборка — квотно-случайная, $N = 701$. Метод опроса – индивидуальное очное анкетирование.

Иначе говоря, зависимость человека от социального окружения вынуждает его искать подлинного или мнимого согласия с этим окружением, подстраивать свое поведение и оценки под чужие или непривычные эталоны. Это свойство личности необходимо учитывать для минимизации неслучайных ошибок при измерении потребления алкоголя. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы выявить среди опрошенных группу не конформных респондентов, т. е. с наиболее достоверными показателями потребления алкоголя, по которым можно было бы получить представление о реальном положении дел в этой области по совокупности в целом.

Исходной посылкой исследования при решении данной проблемы является предположение, что совокупность опрошенного населения можно разделить на относительно «не конформных» и «конформных». Индикатором принадлежности к не конформной (или «эталонной» в этом отношении группе) может служить, на наш взгляд, исчерпывающая полнота, согласованность и непротиворечивость информации, сообщенной индивидом. Под нею понимается наличие ответов на все вопросы, касающиеся потребления алкоголя, но в первую очередь, ответы о расходах на алкоголь (виды и количество купленных спиртных напитков и величина израсходованных на эти покупки денежных средств). Особая значимость данных о расходах связана с тем, что в мировой практике они считаются наиболее достоверной частью результатов обследований доходов, расходов и потребления домашних хозяйств.

Надо сказать, что удельный вес домохозяйств, которые указали недельные расходы на алкоголь и виды приобретенного алкоголя, в базе данных РМЭЗ в 1996—2004 гг. составлял от 25 до 30 %. Примерно такой же (27—32 %) была и численность взрослых членов домохозяйств из эталонной группы, ответивших на вопросы о расходах на алкоголь, частоте потребления и видах потребляемого алкоголя. Это заметно ниже показателей маркетинговых исследований, согласно которым 43—46 % российских женщин и мужчин минимум раз в неделю покупали алкоголь.

Основная гипотеза, вытекающая из факта принадлежности к эталонной или не эталонной группе и касающаяся потребления алкоголя, состоит в том, что склонности скрывать факты социально не одобряемого поведения (не эталонная, конформная группа) будут сопутствовать заниженные показатели потребления алкоголя. И наоборот, независимости (неконформности) оценок и поведения представителей эталонной группы должны соответствовать наиболее высокие и достоверные показатели потребления алкоголя. Это предположение находит подтверждение в различиях доли потреблявших алкоголь среди не конформных и конформных респондентов. Так, если среди первых их доля составляла в 1996—2004 гг. от 70,9 до 77,4 %, то среди вторых — от 41,4 до 45,6 %. Доля потребляющих алкоголь в эталонной группе РМЭЗ близка к значению, показываемому другими представительными независимыми источниками информации. Так, согласно данным обследования, проведен-

ного в 1996 г. коллективом британских исследователей [Bobak et al., 1999] на базе общероссийской выборки Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), в России не употребляют алкоголь вообще 9 % мужчин и 35 % женщин, т. е. в среднем 23,7 % населения. Иначе говоря, по данным этого обследования, в 1996 г. в РФ к числу потребляющих спиртные напитки относилось 76,3 % жителей. Примерно такой же считают их долю и другие источники [Rehn et al., 2001].

Разница между не конформными и конформными респондентами очевидна не только в численности потребителей алкоголя в их составе, но и в частоте потребления и в количестве потребляемого алкоголя различных видов. Примечательно, что дифференциация в количестве потребляемого алкоголя между респондентами из эталонной и не эталонной групп наблюдается в любой из социально-демографических групп. Она существует между людьми одного и того же возраста, уровня образования, экономического благосостояния, служебного положения, профессиональной группы и даже в рамках одной и той же группы по состоянию здоровья. Иначе говоря, различия между респондентами по принадлежности к эталонной и не эталонной группе действительно связаны с устойчивыми личностными социально-психологическими чертами, а не со статусными характеристиками.

При объяснении причин, разделяющих совокупность потребителей алкоголя на тех, кто не уклонился от ответов на все поставленные вопросы, и на тех, кто ответил на них лишь частично или вообще уклонился от ответов, нельзя также сбрасывать со счетов влияние такого фактора, как присутствие во время опроса других членов семьи. Наличие личных проблем, связанных с алкоголем, вероятность порицания или наказания за его потребление со стороны других членов семьи, расходование денег на покупку алкоголя, не санкционированное другими членами семьи, могут быть причинами сознательного искажения информации. В связи с этим анонимность проведения опроса является важным фактором получения достоверных ответов о потреблении алкоголя, а ее наличие или отсутствие при проведении опроса может рассматриваться в качестве другого критерия выделения в совокупности опрошенных групп с более и менее достоверными данными о потреблении алкоголя. Переменная, характеризующая соблюдение или несоблюдение анонимности при проведении опроса, имеется в блоке служебной информации файлов данных домохозяйств. Она выделяет в совокупности опрошенных две группы: 1) отвечавших на вопросы интервью в присутствии других членов домохозяйства; 2) отвечавших на вопросы интервью в отсутствие других членов домохозяйства. По этому критерию взрослые члены семьи распределились примерно поровну — 49 % отвечали в присутствии других членов домохозяйства и 51 % в их отсутствие. Распределение данных о покупке различных видов алкогольных напитков в группах респондентов, опрошенных не анонимно, т. е. в присутствии

других членов домохозяйства, и опрошенных анонимно, т. е. в отсутствие других членов домохозяйства, показало существование зависимости между количеством купленного алкоголя, о котором сообщили респонденты, и ситуацией опроса.

Нельзя не отметить, что такие свойства респондентов как конформность — не конформность и особенности ситуации опроса (анонимность — отсутствие анонимности) определяют осознанные искажения сведений о потреблении алкоголя. В то же время существуют не умышленные искажения, связанные с погрешностями памяти респондентов. Они также вносят коррективы в показатели потребления алкоголя, но возможности базы данных РМЭЗ в этом отношении весьма ограничены: в ней содержатся лишь самооценки памяти респондентов за 1998, 2000 гг. К тому же трудно сказать, в какой мере эти самооценки объективны.

Поэтому основой для вычисления поправочных коэффициентов для доли потребителей и количества потребляемого алкоголя послужили различия между группами, выделяемыми одновременно по двум критериям: 1) принадлежности к эталонной либо не эталонной группе, связанной с глубинными, устойчивыми во времени социально-психологическими характеристиками респондентов; 2) соблюдения или не соблюдения анонимности во время проведения опроса, отражающего возможность проявления ситуационного давления на респондентов. При этом мы исходили из того, что наиболее достоверные и надежные показатели имеет группа анонимно опрошенных респондентов из эталонной группы. И именно эта группа наиболее адекватно репрезентирует выборочную совокупность по показателям потребления алкоголя. Для того чтобы адекватно репрезентировать выборочную совокупность, показатели потребления алкоголя остальных трех групп (1 — эталонная группа, респондентов, опрошенных не анонимно; 2 — не эталонная группа респондентов, опрошенных анонимно и 3 — не эталонная группа респондентов, опрошенных не анонимно) должны быть доведены до уровня группы респондентов из эталонной группы, опрошенных анонимно. Этот подход и использовался при определении величины поправочных коэффициентов.

Специальный поправочный коэффициент был введен для корректировки соотношения количества потребляемой водки и самогона для группы потребляющих самогон. Соотношение абсолютного алкоголя, получаемого за счет потребления водки и самогона, в России остается на протяжении многих десятилетий довольно стабильным. Так, в 1927 г. оно было равно 1 : 4,1, а во второй половине 1990-х гг., как это было установлено для сельской местности Г. Заиграевым [2002], составляло 1 : 4,8. Высока вероятность того, что примерно такое же соотношение существует и в городской местности, поскольку, по данным РМЭЗ, на 60—70 % потребители самогона в городах — это бывшие сельские жители. Величина специального весового коэффициента доводит соотно-

шение между водкой и самогоном в группе потребителей самогона до 1 : 4,8.

В какой мере повлияло на конечные результаты измерения объема потребления алкоголя взвешивание исходных показателей, рассматривается в следующем разделе.

Сколько пьет Россия: уровень, структура, динамика и социально-экономические аспекты потребления

Эмпирическая проверка результатов использования корректирующих коэффициентов. Показатели уровня и динамики потребления алкоголя на душу населения на протяжении десятилетия (1994—2004 гг.) демонстрируют, во-первых, снижение уровня потребления алкоголя в период 1994—1998 гг., отражающее постепенное затухание эффекта антиалкогольной кампании конца 1980-х гг. Во-вторых, они свидетельствуют о стремительном росте потребления алкоголя в момент финансово-экономического кризиса и последующее за ним пятилетие и спад в потреблении алкоголя, начавшийся в период стабилизации экономики и наметившегося роста уровня жизни населения. Очевидны и существенные различия в количественных оценках потребления алкоголя, полученных на основе исходных и скорректированных данных.

Точкой отсчета при оценке результатов корректирования исходных данных могут служить показатели количества литров чистого алкоголя, приходящегося на душу населения в год, регулярно рассчитываемые Госкомстатом РФ. Но при этом необходимо иметь в виду, что достоверность и надежность официальных статистических данных о количестве литров чистого алкоголя, приходящегося на душу населения в год, относительна. Она зависит от полноты учета информации, необходимой для расчета этого количества. Слабым местом официальной статистики в этом отношении является незаконное производство и незаконный оборот алкоголя. В 1999 г., по оценке тогдашнего председателя совета министров РФ С. Степашина, при всех усилиях борьбы с этим видом экономических преступлений доля нелегального оборота спиртного составляла не менее 35 % [Степашин, 2005]. Кроме того, в расчетах душевого потребления алкоголя Госкомстатом РФ учитывается общая численность населения, включая детей до 15 лет, что занижает фактический уровень потребления. Тем не менее, имеет смысл начать со сравнения оценок душевого потребления алкоголя, полученных с помощью РМЭЗ, с показателями, публикуемыми в официальной статистике.

В табл. 30.2 приведены сравнительные результаты расчетов объема потребления алкогольных напитков.

Результаты расчетов показывают, что душевые показатели потребления, полученные на исходных (не взвешенных) данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, оказались даже более низкими по сравнению с уровнем душевого потребле-

Таблица 30.2

Объем потребления алкогольных напитков за год, литров чистого алкоголя на душу населения

Источник данных	1996	1998	2000	2002	2004
РМЭЗ, исходные данные	4,9	4,1	5,5	5,9	4,6
РМЭЗ, взвешивание по двум критериям	11,0	9,9	15,2	15,4	11,0
Госкомстат РФ, на душу населения (включая детей)	7,3	7,6	8,1	8,7	
Госкомстат РФ, на душу взрослого населения (пересчитано нами)		9,1	9,6	10,4	

Примечание. Полуужирным выделены наши расчеты.

Источник: Россия и страны мира. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 42, 64.

ния, официально регистрируемого Госкомстатом РФ (от 54 до 81 % от этого уровня), т. е. они также не дают достоверной картины объема индивидуального потребления алкоголя населением России.

Расчеты, выполненные на взвешенных данных, дают более высокую оценку уровня потребления чистого алкоголя населением РФ (в среднем примерно на 62 % выше официальных душевых показателей Госкомстата РФ). Полученный при взвешивании уровень потребления чистого алкоголя близок к оценкам, полученным на других данных и другими способами. Так, согласно расчетам А. В. Немцова [2003], в 1999 г. уровень потребления алкоголя в России достиг 14,5 л на человека. По результатам обследований Г. Г. Заиграева [2002], среди населения России душевое потребление в 2001 г. составило 13—14 л абсолютного алкоголя. Аналогичные оценки дают специалисты Министерства здравоохранения и социального развития по состоянию на 2000 г. — около 15 л чистого алкоголя на душу населения. В бюллетене Экспертно-консультативного совета при председателе Счетной палаты Российской Федерации (2002, № 2(7)) специалисты Минздрава России назвали цифру 14 л чистого алкоголя на душу населения. Эти оценки разделяют и представители частных компаний по производству алкоголя. Таким образом, расчеты на взвешенных данных РМЭЗ дают уровень оценок потребляемого чистого алкоголя, сопоставимый с достоверными результатами других исследований и оценками экспертов. Следовательно, использованную методику взвешивания исходных данных можно рассматривать как приемлемый способ повышения точности данных РМЭЗ об уровне индивидуального потребления алкоголя. Это дает основание проводить дальнейший анализ объема, структуры, динамики и дифференциации показателей потребления алкоголя на скорректированных, взвешенных данных.

Объем и структура потребления алкоголя на душу населения в 1996—2004 гг. Как показывают приведенные в табл. 30.2 скорректированные данные РМЭЗ о потреблении алкоголя в расчете на душу населения, ситуацию в России нельзя назвать благополучной, поскольку страна преодолела считающуюся относительно безопасной душевую

норму потребления 8 л чистого алкоголя в год. В то же время, согласно данным о потреблении алкоголя в 50 странах мира [Evolution, 2000], Россия не входила в число стран — безусловных лидеров, с уровнем потребления чистого алкоголя на душу населения от 10 до 13 л в год и более, к числу которых относились Люксембург, Ирландия, Португалия, Франция, Германия, Чехия, Румыния, Испания, Венгрия. Однако Россия вплотную примыкала к группе лидеров, т. е. занимала 10-е место среди 50 стран, если исходить из оценки уровня душевого потребления чистого алкоголя, полученной в данном обследовании (9,9 л), и находилась на 14-м месте, с учетом экспертных оценок и официальных данных Госкомста РФ (7,9 л). Как и в большинстве стран мира, по которым отслеживается динамика показателей потребления алкоголя с 1961 г., в России наблюдался рост его потребления.

Во второй половине 1990-х гг. динамика количества алкоголя, потребляемого населением России, выглядела следующим образом (табл. 30.3).

Помимо отмеченного выше затухания к концу 1990-х гг. эффекта, вызванного мерами по запрету и ограничениям в потреблении алкоголя последних лет существования СССР, можно видеть, что в динамике изменения уровня потребления алкоголя просматривается своего рода взрывной характер увеличения потребления алкоголя, вызванный тяжелыми условиями жизни в период системного финансово-экономического кризиса 1998 г. и в последующие за кризисом годы. В 2000—2002 гг. объем потребления алкоголя на душу населения не только «наверстал» сокращение, наблюдавшееся в предыдущие годы, но и существенно превзошел уровень 1994 г. В 2002 г. средний российский житель 15 лет и старше выпивал алкогольных напитков за год на 22 л больше, чем в 1994 г., а чистого алкоголя — больше на 4,2 л. Годовая норма потребления алкоголя в 2000—2002 гг. на душу населения превысила 15 л чистого алкоголя.

Вместе с тем нельзя не отметить, что вслед за стабилизацией положения во многих отраслях народного хозяйства, наметившимся экономическим ростом, повышением уровня жизни населения произошло

Таблица 30.3

Объем и динамика потребления алкоголя населением 15 лет и старше, всего на душу населения: 1) литров напитков и 2) литров чистого алкоголя в год

Показатель	1996 г.		1998 г.		2000 г.		2002 г.		2004 г.	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
На душу населения	43,9	11,0	40,6	9,9	59,5	15,2	67,9	15,4	50,0	11,0
В том числе:										
на одного мужчину	86,6	22,4	77,0	19,2	116,6	30,6	129,0	30,6	93,6	21,3
на одну женщину	11,4	2,4	12,9	2,8	17,3	3,8	23,2	4,3	18,0	3,4

существенное сокращение потребления алкоголя. За короткий промежуток времени (2002—2004 гг.) потребление чистого алкоголя уменьшилось на 28,6 %.

Российский потребитель алкоголя в 1996—2004 гг. Показатели потребления алкоголя на душу населения, которыми оперирует статистика, будучи важными обобщающими показателями, дают, вместе с тем, лишь одномерную картину реальности в системе «население и алкоголь». Статистические данные, даже будучи вполне достоверными и надежными, не в состоянии дать ответ на вопрос о том, какова доля пьющих и доля тех, кто вообще не потребляет алкоголь. Из статистики нельзя узнать, сколько среди пьющих потребляют алкоголь на грани или за гранью риска для здоровья, и сколько умеренных и мало пьющих потребителей; какие социально-экономические и территориальные группы можно назвать проблемными в этом отношении. Тренды данных о продажах алкоголя не в состоянии отличить изменения, вызванные сокращением или ростом числа потребителей, от изменений, связанных с уменьшением или увеличением количества потребляемого алкоголя. С этой точки зрения только анализ совокупности потребителей может дать более богатую, многообразную и дифференцированную, а потому и более адекватную, картину положения дел в стране в сфере потребления алкоголя.

Согласно нашим расчетам, доля потребителей алкогольных напитков в РФ среди населения 15 лет и старше на протяжении 1996—2004 гг. оставалась в целом довольно стабильной — в пределах 75—78 %. При этом среди мужчин потребляли алкоголь 82—88 %, а среди женщин — 63—71 %. По доле лиц, вообще не потребляющих спиртные напитки, Россия находилась в группе европейских государств с наиболее благоприятными показателями (табл. 30.4).

Аналогичный уровень распространенности потребления алкоголя среди лиц в возрасте 25—64 лет наблюдался при изучении поведенческих факторов риска сердечно-сосудистых и других неинфекционных заболеваний в городах Москва, Архангельск и Мурманск в 2000—2001 гг. В частности, среди москвичей употребляют спиртные напитки 86 % мужчин и 79 % женщин [Попович и др., 2001].

Другим важным индикатором потребления алкоголя является регулярность (частота), характеризующая, насколько тесно повседневная жизнь отдельных групп населения связана с алкоголем (табл. 30.5).

На основе этих данных можно выделить три типа потребителей, в жизни которых алкоголь занимает разное место. Это, во-первых, первые три группы, объединяющие 15—20 % всех потребителей, у которых, судя по частоте потребления, алкоголь является частью их повседневной жизни. В зависимости от количества и крепости потребляемых спиртных напитков они могут относиться к числу злоупотребляющих алкоголем или уже зависимых от него. Второй тип составляют умеренные потребители алкоголя из пятой и шестой групп, насчитывающие

Таблица 30.4

Доля непьющего населения в 1996—1998 гг. по данным обследований в некоторых европейских государствах, %

Страна	Всего	Мужчины	Женщины
Великобритания	5,5	4,0	7,0
Латвия	6,5	7,0	6,0
Эстония	9,3	3,8	14,8
Германия	9,6	9,6	14,9
Финляндия	10,5	7,0	14,0
Ирландия	12,5	9,0	16,0
Нидерланды	15,5	9,0	22,0
Швеция	19,0	13,0	25,0
Польша	19,0	11,6	25,7
Россия	22,0	—	—
Италия	22,7	14,6	30,2
Португалия	32,8	16,8	48,8
Испания	37,0	23,0	51,0

Источник: Rehn N., Room R., Edwards G. Alcohol in European region — consumption, harm and Policies. Report. World Health Organization. Regional Office for Europe. 2001. 118 p.

немногим более половины всех потребителей. При относительно низкой регулярности приема алкоголя (от 1 до 4 раз в месяц) умеренные потребители в целом контролируют и количество потребляемого алкоголя. Остальные 25—30 % потребителей принимают алкоголь лишь эпизодически, от случая к случаю, по поводу каких-либо особых событий, отдавая дань существующим в обществе традициям.

Примечательно, что и по частоте (регулярности) потребления алкоголя Россия не отличается в худшую сторону от других стран. Самая высокая частота потребления алкоголя среди европейских стран характерна для Италии, где 42 % мужчин и 26 % женщин потребляют алко-

Таблица 30.5

Распределение потребителей по частоте потребления алкоголя за 30 дней, предшествующих проведению обследования, %

Частота потребления	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Каждый день	1,8	1,4	2,7	3,2	2,3
4—6 раз в неделю	2,6	1,9	3,0	3,5	3,1
2—3 раза в неделю	12,2	8,9	12,0	14,6	14,1
Один раз в неделю	20,3	18,1	19,1	22,5	21,1
2—3 раза в течение последних 30 дней	32,4	36,2	33,8	31,6	34,2
Один раз в течение последних 30 дней	29,6	32,7	28,8	24,0	24,6
Другие ответы	1,1	0,8	0,6	0,6	0,6

голь ежедневно. Достаточно высока регулярность потребления алкоголя и во Франции, где ежедневно употребляют алкоголь 21 % мужчин и 9 % женщин [Hemstrom et al., 2002].

Среднее количество раз приема алкоголя за 2000 г. в России, по нашим расчетам, равнялось 57, в том числе среди мужчин 76 раз и среди женщин 35 раз. Практически такой же была, в частности, частота приема алкоголя в 2000 г. в Финляндии: 57 раз за год в среднем по совокупности, 76 раз среди мужчин, 40 раз среди женщин [Makela, 2003]. Регулярность приемов алкоголя в России увеличивалась. Если в 1996 г. средний российский потребитель принимал алкоголь 53 раза в году (или примерно 1 раз в неделю), то в 2002 г. число таких дней увеличилось до 64. Чаще стали пить и мужчины (87 раз в 2002 г. вместо 71 раза в 1996 г.), и женщины (40 раз в 2002 г. вместо 32 раз в 1996 г.). Но к 2004 г. среднее число приемов алкоголя в году сократилось до 59 раз (81 у мужчин и 39 у женщин).

Однако, видимо, лишь немногие страны (Франция, Ирландия, Португалия) могли соперничать с Россией по количеству спиртного, выпиваемого одним потребителем (табл. 30.6).

Примечательно, что в Финляндии, где потребители принимают алкоголь такое же количество раз в году, как и в России, в 2000 г. среднестатистический финский потребитель выпил 27 л спиртных напитков (в том числе 48,4 л мужчины и 6,5 л женщины) [Makela, 2003]. Среднестатистический российский потребитель выпил в 2000 г. более 80 л спиртных напитков (в том числе почти 127 л мужчины и 29 л женщины). Иначе говоря, при одинаковой частоте потребления российский потребитель потреблял в три раза большее количество спиртных напитков, чем финский.

Возможно, эти различия в разовых количествах потребляемого алкоголя связаны с особенностями национальных традиций — отмечать памятные даты и события многочасовыми застольями с обилием спиртного, многообразием угощений, во время которых потребляется высокая разовая доза алкоголя. Однако в большей степени это определяется час-

Таблица 30.6

Объем и динамика потребления алкоголя, всего на одного потребляющего в год: 1) литров напитков и 2) литров чистого алкоголя

Показатель	1996 г.		1998 г.		2000 г.		2002 г.		2004 г.	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
В среднем на одного потребителя	59,3	14,9	53,1	13,0	80,9	20,7	91,1	20,7	69,4	15,3
На одного потребляющего мужчину	92,1	23,8	80,0	20,0	126,9	33,4	141,6	33,6	114,2	26,0
На одну потребляющую женщину	19,3	4,0	20,9	4,6	29,0	6,3	37,2	7,0	27,9	5,3

тотой и дозами приема алкоголя той части населения, чей образ жизни тесно переплетен с алкоголем, не отделим от привычного и систематического его потребления, поддерживаемого стереотипами определенных субкультур, ближайшим окружением дома и на работе. Именно за счет уровня потребления алкоголя в этих средах складывается средняя довольно высокая разовая доза потребления алкоголя, сопоставимая по величине с относительно безопасной нормой потребления алкоголя для нескольких дней. В 1996 г. эта разовая доза составляла, по данным РМЭЗ, 125 г чистого алкоголя, в 2002 г. — 122 г, в 2004 г. — 101 г. Примерно такие же результаты получены в обследовании, проведенном в 1990-е гг. Государственным научно-исследовательским центром профилактической медицины на основе репрезентативной национальной выборки. В пересчете на чистый этанол обычное (разовое) его потребление мужчинами составляло в среднем около 150 г, женщинами — около 25 г. Разовые дозы, которые потребляли российские мужчины и женщины в середине 1990-х гг., были выше рекомендуемых безопасных ежедневных доз в 5 и 2 раза соответственно [Оганов и др., 2001].

За 1994—2002 гг. российский потребитель сделал большой рывок в увеличении количества потребляемых спиртных напитков. В 2002 г. средний российский потребитель алкогольных напитков выпивал за год на 29 л больше, чем в 1994 г., а чистого алкоголя — больше на 5,5 л. Годовая норма потребления алкоголя в 2000—2002 гг. одним потребляющим спиртные напитки достигла чрезвычайно высокой планки — более 20 л чистого алкоголя, что эквивалентно 102 бутылкам водки по 0,5 л. Это означает, что средний российский потребитель алкогольных напитков выпивал в 2000—2002 гг. по бутылке водки объемом 0,5 л каждые 3—4 дня. Еще более впечатляют объемы потребления спиртных напитков пьющими мужчинами — 166 бутылок водки в год, т. е. по бутылке водки каждые 2 дня. И хотя в тенденции интенсивного роста потребления алкоголя в 2004 г. обозначился перелом, количество чистого алкоголя, выпиваемого одним потребителем, остается по-прежнему очень высоким.

Структура потребителей спиртных напитков в 1994—2004 гг. претерпела заметные изменения как позитивного, так и негативного характера (табл. 30.7).

С одной стороны, с 1996 по 2004 г. в 1,5 раза упала доля потребителей водки, но одновременно удвоилась доля потребителей самогона. Удельный вес потребителей относительно легкого алкоголя — пива — увеличился почти в 2 раза, но одновременно сократилась доля потребителей сухого вина и шампанского.

Эти тенденции просматриваются во всех возрастных группах. В молодежной среде (среди потребителей в возрасте 15—30 лет) они были особенно заметны. За 1996—2004 гг. доля потребителей пива среди молодежи выросла с 39 до 70 %, а в остальных возрастных группах — с 22 до 39 %. Удельный вес потребляющих водку в молодежной среде упал

Таблица 30.7

Доля потребляющих различные спиртные напитки в общей численности потребителей алкоголя, %

Алкобольные напитки	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Пиво и брага	25,8	33,9	44,1	49,3	46,9
Сухие вина	30,1	21,9	18,6	22,2	25,2
Крепленые вина	11,5	11,3	12,6	13,1	13,4
Самогон	6,7	14,5	19,7	18,0	12,9
Водка и другие крепкие напитки	72,5	68,4	60,6	58,6	47,2
Другое	3,7	3,7	4,6	6,9	6,6

с 64 до 37 %, а среди остальных возрастных групп — с 77 до 59 %. В отличие от людей среднего и старшего возраста, среди молодежи доля потребителей пива с 2000 г. опережает долю потребителей водки. Особенности структуры потребителей алкоголя в средних (31—45 лет) и старших возрастных (46 лет и старше) группах состоит в том, что среди лиц среднего возраста следующей по численности после водки является группа потребителей пива, а среди старших возрастов — потребителей самогона.

В «Концепции государственной алкогольной политики в РФ», проект которой был разработан Рабочей группой Государственного Совета РФ в 2003 г. [Концепция..., 2003], особое внимание было обращено на необходимость изменения структуры потребления алкоголя в России. Концепция ставит задачу перехода с северного стиля потребления (75 % потребляемого алкоголя — крепкие спиртные напитки, 25 % — слабоалкогольные напитки) на южный стиль (слабоалкогольные напитки — 75 %, крепкие напитки — 25 %). Оценивая результаты изменений в объемах и структуре потребления алкоголя, можно сказать, что определенные сдвиги наблюдаются, по крайней мере, в одном из направлений: наметившемся переходе с потребления водки на потребление пива. В молодежной среде, например, среди потребителей пива удельный вес потребляющих одновременно и водку уменьшился с 76 % в 1994 г. до 26 % в 2004 г. Но в остальных возрастных группах доля потребителей водки среди потребляющих пиво снизилась лишь с 81 до 76 %. Поэтому в объеме чистого алкоголя, приходящегося в среднем на одного потребителя, крепкие спиртные напитки сохраняют по-прежнему наиболее высокий удельный вес.

Особо обращает на себя внимание рост потребления чистого алкоголя за счет самогона в 2000—2002 гг. Это связано как с интенсивным ростом доли потребляющих самогон, о котором говорилось выше, так и с увеличением объемов его потребления в группе любителей самогона (табл. 30.8).

Существенный рост объемов потребления самогона вызван, помимо причин материально-экономического характера, тем, что алкогольная

Таблица 30.8

Объем потребления различных спиртных напитков, литров напитков в год на одного потребляющего данный алкогольный напиток

Алкогольные напитки	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Пиво и брага	79,2	63,0	69,4	80,2	67,2
Сухие вина	16,1	12,3	14,7	21,9	14,6
Крепленые вина	25,1	13,3	22,4	33,3	25,8
Самогон	107,9	69,7	132,4	128,5	104,4
Водка и другие крепкие напитки	31,3	24,2	28,4	29,1	28,5
Другое	30,7	24,1	32,1	29,9	28,6

государственная политика 1990-х гг. оказалась не в состоянии защитить здоровье населения. Массовое нелегальное производство спиртного и широкое распространение на алкогольном рынке страны фальсифицированной, «паленой» водки вызвало многократное увеличение смертельных отравлений от алкоголя. Стремясь обеспечить безопасность своей жизни собственными силами, население перешло к изготовлению спиртных напитков в домашних условиях.

Группа потребителей самогона представляет собой «ударную силу» российского пьянства, поскольку в этой среде ежедневно или через день потреблялось в 2000—2002 гг. количество чистого алкоголя, равное примерно 0,5 л водки. Особенно выделялись чрезвычайно высокими дозами потребления этого суррогата крепкого алкоголя лица в наиболее активном периоде трудоспособного возраста: 31—45 лет.

Систематическое потребление самогона в столь больших объемах и в больших единовременных дозах находится фактически на грани физиологических возможностей человека. Вследствие этого самогон и его потребление являются одной из наиболее серьезных причин потерь рабочего времени, недоброкачественного труда, производственных и бытовых травм, заболеваний и преждевременных смертей. Интенсивный рост удельного веса потребителей самогона и чрезвычайно большое количество потребляемого самогона говорят также и о неэффективности усилий государства в борьбе с незаконной продажей алкогольных напитков домашнего производства.

Высокий уровень потребления алкоголя наблюдается среди пьющего населения повсеместно. Однако объем потребления спиртных напитков коррелирует с уровнем урбанизации поселений (табл. 30.9).

Неумеренное потребление алкоголя характерно в наибольшей степени для российской провинции и для российского села. При этом различия в потреблении чистого алкоголя жителями российской глубинки и российского села, с одной стороны, и жителями урбанизированных областных центров, с другой, стали в 2000-е гг. более явными. Эти различия являются одним из индикаторов социального неблагополучия российской провинции и российского села, низкого качества жизни насе-

Таблица 30.9

Потреблено литров чистого алкоголя на одного потребителя в зависимости от места проживания

Место проживания	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Областной центр	13,4	11,7	16,3	16,3	13,4
Город областного подчинения	14,4	13,0	19,6	20,6	14,0
Поселок городского типа	20,9	12,9	20,3	21,6	16,3
Село	18,8	15,2	29,1	28,8	20,0

ния этих поселений — материального благосостояния, занятости и условий труда, охраны здоровья, возможности повышения образования и удовлетворения культурных потребностей, физической и имущественной безопасности.

«Обобщенный» портрет российского потребителя спиртных напитков был бы не полным и не точным без представления о других срезах дифференциации уровня потребления алкоголя. В 1996—2004 гг. на долю мужчин приходилось 82—88 %, а на долю женщин — 12—18 % объема потребленного чистого алкоголя. Распределение потребителей по 20%-м группам в зависимости от количества чистого алкоголя, потребленного за год, показывает, что в 1996—2004 гг. от 77 до 83 % объема потребленного алкоголя выпивала высшая квинтильная группа, а на остальные 80 % потребителей приходилось, таким образом, 17—23 % объема потребленного чистого алкоголя. Различия между средними показателями потребления чистого алкоголя в 20%-х группах с максимальным (пятая 20%-я группа) и минимальным (первая 20%-я группа) уровнями потребления достигают 127 раз и более.

Высокий уровень дифференциации в потреблении алкоголя во многом «реабilitирует» основную массу российских потребителей алкоголя и показывает, что не все русские — пьяницы. В то же время видно, что, по меньшей мере, для 20 % россиян, потребляющих спиртные напитки (пятая квинтильная группа), характерен чрезмерно высокий уровень потребления алкоголя. К тому же часть респондентов из четвертой квинтильной группы находится на пороге чрезмерного потребления алкоголя. Таким образом, масштабы злоупотребления алкоголем в России весьма велики.

Избыточное потребление алкоголя. Какой объем потребляемого алкоголя следует считать чрезмерным, избыточным? Для какой части населения характерно чрезмерное, избыточное потребление алкоголя? Критерии избыточности в потреблении алкоголя сформировала медицинская наука. Исследователи многих стран путем сравнения количества выпиваемых алкогольных напитков и показателей здоровья народа определили зоны относительно безопасного и так называемого рискованного употребления алкоголя. Границы относительно безвредного потребления алкоголя рассчитываются в граммах чистого алкоголя, вы-

питого за день. Пороговые значения относительно безопасного уровня потребления алкоголя в разных странах отличаются, поскольку в них по-разному определяется используемая для этих расчетов исходная мера — стандартная порция алкоголя.

В этой ситуации при определении избыточности потребления алкоголя целесообразно руководствоваться рекомендациями Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), подготовленными специально для анализа данных научных исследований и в целях сравнения этих данных в разных странах. Количественные критерии, предложенные ВОЗ, позволяют не только определять долю людей с избыточным уровнем потребления алкоголя, но и выделять среди них группы с различным уровнем риска для здоровья [International Guide ..., 2000].

Расчеты на основе этих критериев и их пороговых значений позволили получить следующую картину дифференциации российского населения по степени риска в потреблении алкоголя (табл. 30.10). В 1996—2004 гг. подавляющее большинство пьющего населения (от 75 до 82 %) потребляли алкоголь, не переходя границы низкого — безопасного уровня потребления алкоголя. В среднем на каждого потребителя из этой группы приходилось от 3,9 до 4,3 л чистого алкоголя в год. Однако впечатление если не относительного благополучия, то ситуации, не внушающей крайней тревоги, исчезает, если обратить внимание, во-первых, на долю респондентов, потребляющих алкоголь в количестве, превышающем черту безопасного потребления. Этот показатель (его значения представлены в итоговой строке табл. 30.10) можно назвать индексом алкоголизации населения. Масштабы алкоголизации высоки. В 2004 г. более 20 % потребляющего алкоголь населения 15 лет и стар-

Таблица 30.10

Распределение потребителей алкоголя по группам с различной степенью риска, %

Группа потребителей алкоголя по степени риска	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
1. Низкая степень: от 1 до 40 г в день для мужчин, от 1 до 20 г в день для женщин	80,8	82,1	77,4	74,5	78,9
2. Средняя степень: от 41 до 60 г в день для мужчин, от 21 до 40 г в день для женщин	6,8	6,5	7,8	8,1	7,3
3. Высокая степень: от 61 до 100 г в день для мужчин, от 41 до 60 г в день для женщин	5,1	5,0	5,4	5,1	5,2
4. Очень высокая степень: от 101 г и выше в день для мужчин, от 61 г и выше в день для женщин	7,3	6,4	9,5	11,3	8,6
Избыточный уровень потребления (2 + 3 + 4)	19,2	17,9	22,6	25,5	21,1

ше находилась в зоне среднего, высокого и очень высокого риска в потреблении алкоголя. Средний уровень риска, по оценкам медицинских работников, характерен для людей без признаков алкоголизма, но потребляющих алкоголь несколько раз в неделю в средних и больших количествах. У них наблюдается начинающаяся тяга к алкоголю как незаменимому средству решения большинства жизненных проблем и постоянному атрибуту образа жизни. На этой стадии находились 6—8 % потребляющих алкоголь россиян. При высоком уровне риска в потреблении алкоголя велика вероятность появления признаков алкоголизма в виде утраты контроля над количеством употребляемого алкоголя, потери чувствительности к алкоголю. Это характерно примерно для 5 % потребителей алкоголя. При очень высоком уровне риска появляются более выраженные признаки развившегося алкоголизма. Ими обладали 7—11 % мужчин и женщин, потребляющих алкоголь.

Очевидны и негативные тенденции изменения структуры — сокращение группы умеренных потребителей алкоголя и рост удельного веса лиц со средней, высокой и очень высокой степенью риска в употреблении алкоголя.

Довольно высокий удельный вес потребителей, не выходящих за черту безопасности в потреблении алкоголя, складывается за счет существенной дифференциации в степени риска потребления алкоголя между мужчинами и женщинами (табл. 30.11).

Однако разница в удельном весе избыточно потребляющих алкоголь мужчин и женщин сокращается. Если в 1996 г. она составляла 3,2 раза, то в 2004 г. снизилась до 2,6 раза, т. е. доля сильно пьющих женщин (очень высокий уровень риска потребления алкоголя) росла быстрее, чем доля сильно пьющих мужчин. В 2002—2004 гг. около трети российских пьющих мужчин потребляли алкоголь в избыточных количествах, причем для половины из них (15—16 % взрослого мужского населения), судя по количеству алкоголя, принятого в среднем за год, были характерны признаки повседневного пьянства.

Таблица 30.11

Распределение мужчин и женщин, потребляющих алкоголь, по группам риска, %

Степень риска потребления алкоголя	1996 г.		1998 г.		2000 г.		2002 г.		2004 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1. Низкая	72,4	91,3	74,6	90,9	67,6	88,4	63,5	86,2	67,6	89,3
2. Средняя	8,1	5,2	8,0	4,8	9,0	6,4	9,6	6,5	8,7	6,0
3. Высокая	8,2	1,2	7,7	1,8	8,6	1,8	9,2	2,8	9,1	1,7
4. Очень высокая	11,3	2,3	9,7	2,5	14,8	3,4	17,7	4,5	14,6	3,1
Избыточная (2 + 3 + 4)	27,6	8,7	25,4	9,1	32,4	11,6	36,5	13,8	32,4	10,7

Рост удельного веса избыточно потребляющих алкоголь наблюдался во всех типах поселений. Но особенно «преуспели» в этом отношении поселки городского типа и сельские поселения, где доля избыточно потребляющих алкоголь достигла к 2002 г. 30 % численности пьющего населения и несколько снизилась (на 3—7 п. п.) к 2004 г.

Неумеренность в потреблении алкоголя наблюдается среди любителей всех видов напитков, включая сухое вино и шампанское. Но лидерами неумеренного питья являются потребители самогона, более половины которых перешагнули безопасную черту потребления алкоголя.

Судя по результатам многочисленных исследований в европейских и других странах мира, избыточное потребление алкоголя не является характерным лишь для российских потребителей. В США каждый тринадцатый взрослый американец — алкоголик. Еще несколько миллионов американцев употребляют спиртное регулярно и в столь больших количествах, что находятся на пороге алкоголизма [От водки..., 2007], т. е. масштабы неумеренного потребления алкоголя практически не отличаются от российских. Треть чехов и значительная часть чешек употребляют алкоголь в количестве, которое опасно для здоровья, — 40 г в день алкоголя у мужчин и 20 г у женщин [<http://www.radio.cz/ru/statja/58209>]. В 2000 г. в Великобритании избыточное потребление алкоголя было характерно для 40 % мужчин и 22 % женщин; в Швеции — для 33 % мужчин и 18 % женщин; в Финляндии — для 29 % мужчин и 17 % женщин [Nemstrom et al., 2002]. Нельзя сказать, что распространенность избыточного потребления алкоголя среди российских мужчин и мужчин в рассматриваемых странах отличалась радикально, но различия, тем не менее, наблюдались и были не в пользу российских мужчин. Однако распространенность избыточного потребления алкоголя среди российских женщин была в несколько раз ниже, чем среди женщин других стран.

Причины избыточного потребления алкоголя многоплановы. К числу факторов, повышающих шансы попадания в группы рискованного уровня потребления алкоголя, относятся неблагоприятные социальные условия: нищета, бездомность, безработица, жизнь в условиях хронического социального стресса, социально-экономическая нестабильность.

Результаты данного исследования подтверждают, в частности, что объем потребления алкоголя коррелирует с положением потребителей на шкале экономической стратификации. Распределение показателей годового потребления алкоголя в 2002 гг. в зависимости от ответа на вопрос «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей — богатые. На какой ступени находитесь сегодня Вы лично?» показывает, что самые большие объемы потребления алкоголя характерны для населения с низким материально-экономическим статусом. Не менее существенное различие в показателях потребления алкоголя наблюдается между респондентами с различной степенью удовлетворенности жизнью в це-

лом. Так, если полностью удовлетворенные жизнью потребляли в 2002 г. 15,3 л чистого алкоголя, то совсем неудовлетворенные — 35,6 л.

Не менее значимой считается роль семейных факторов, таких как психическое здоровье, криминальные наклонности и вредные привычки членов семьи, скандалы, разводы, расстройство общения, отсутствие порядка и контроля, ответственности за семью, особенно если фоном этого являются низкий уровень образования и отсутствие ориентации на обучение, хронические ментальные заболевания или инвалидность. Согласно данным РМЭЗ, самая высокая доля лиц с избыточным потреблением алкоголя наблюдается среди респондентов с пониженным уровнем ответственности за себя и за семью, в частности, среди тех, которых совершенно не беспокоит, смогут ли они обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев.

Измерение влияния факторов избыточного потребления алкоголя. Используемая информационная база дает возможность проследить, в какой мере избыточный уровень потребления алкоголя связан с различными социально-экономическими факторами. Структурный анализ избыточного потребления алкоголя в социальных группах, выделенных по основным характеристикам потребителей (возраст, образование, занятость, профессиональная группа, место проживания и некоторым другим), позволил выявить повышенную концентрацию лиц с избыточным потреблением алкоголя и определить группы, принадлежность к которым связана с наибольшим риском попадания в число злоупотребляющих алкоголем. Неумеренность в потреблении алкоголя, как показывают полученные данные, имеет место во всех социальных средах, но уровень распространенности этого явления в этих средах не одинаков. Безусловное лидерство принадлежит мужчинам. Высокий уровень распространенности избыточно потребляющих алкоголь в других группах (профессионально-должностных, отраслевых) в значительной мере обязан повышенной концентрации мужчин в их составе. К таким социальным группам относятся квалифицированные рабочие-ремесленники и промышленные рабочие, разнорабочие; руководители (директора, управляющие, начальники отделов предприятий и организаций).

Что касается изменения распространенности рискованного потребления алкоголя, то его устойчивый рост до 2002 г. наблюдался у женщин; у экономически неактивного населения трудоспособного возраста, у пенсионеров и самозанятых; у бедных (населения со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума); у сельских жителей; в многодетных семьях; у разнорабочих. Иными словами, пить стали чаще и больше в социальных средах, в наибольшей степени испытавших социальные травмы переходного периода. Потребление алкоголя (наряду с депрессиями, страхом, низкой самооценкой, суицидными мыслями, самодеструктивным поведением) — это во многом следствие перенесенных социально-экономических травм и способ убежать от болезненных ощущений и мыслей.

Оценивая роль социальных факторов с точки зрения их влияния на шансы попадания в группу избыточно потребляющих алкоголь, необходимо отметить роль уровня образования. Как показали полученные данные, между избыточностью в потреблении алкоголя и уровнем образования существует устойчивая обратная связь: чем выше уровень образования, тем меньше вклад в избыточное потребление алкоголя. Конечно, даже самый высокий уровень образования не является гарантией от злоупотребления алкоголем. Но как бы то ни было, высокий уровень образования — это индикатор накопленного культурного капитала: повышенной способности человека воспринимать и перерабатывать информацию, интересно и полезно использовать свой досуг, разумно и критически относиться к излишествам любого рода, грамотно и бережно подходить к сохранению и поддержанию своего здоровья.

Для оценки величины влияния различных социальных факторов на вероятность попадания в группу избыточно потребляющих алкоголь был использован логистический регрессионный анализ.

Логистическая регрессионная модель бинарного типа позволяет оценить вероятность наступления события на основе вычисления шансов, т. е. отношения вероятности того, что событие наступит, к вероятности того, что событие не наступит. Факторами наступления или «не наступления» интересующего события выступают независимые переменные*.

В данном случае оценивалась вероятность оказаться выше черты относительно безопасного потребления алкоголя в зависимости от принадлежности к социальным группам, являющимся в той или иной степени факторами риска избыточного потребления алкоголя: 1) возраст респондента от 31 до 45 лет; 2) отсутствие законченного общего среднего образования; 3) отсутствие работы; 4) принадлежность к какой-либо из групп работников физического труда; 5) бедность (среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума). Из списка независимых переменных исключена переменная «пол», поскольку она мажорирует фактически все остальные независимые переменные, т. е. ее использование в модели не позволяет получить корректную оценку влияния других переменных. Логистические регрессионные модели были построены также для оценки вероятности оказаться выше черты безопасного потребления алкоголя в зависимости от вида потребляемого алкогольного напитка.

В табл. 30.12 представлены значения регрессионных коэффициентов B и в скобках их факторов — $\exp(B)$. Когда значение коэффициента B имеет положительный знак, величина $\exp(B)$ показывает, во сколько

* В общем виде логистическая регрессионная модель может быть записана следующим образом: $Prob(Poverty) = 1/(1 + \exp(-Z))$, где Z есть линейная комбинация: $Z = B_0 + B_1X_1 + B_2X_2 + \dots + B_kX_k$, в которой B_0 и B_k — это коэффициенты в уравнении, а X_k ($k = 1, \dots, K$) — независимая переменная.

Таблица 30.12

Оценки параметров моделей – $B(\exp(B))$ – вероятности попадания в число избыточно потребляющих алкоголь респондентов из разных социально-экономических групп в 1994–2004 гг. (исходные данные)

Бинарная переменная	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.
Возраст от 31 до 45 лет	0,2288 (1,2571)	0,2030 (1,2250)	0,1347* (1,1442)	0,2263 (1,2539)	0,4066 (1,5017)
Без общего среднего образования	0,1782* (1,1951)	–0,0355* (0,9652)	0,2791 (1,3219)	0,4095 (1,5060)	0,5413 (1,7183)
Безработные	0,6884 (1,9905)	0,6877 (1,9892)	0,7994 (2,2241)	0,6566 (1,9281)	1,0476 (2,8509)
Квалифицированные рабочие-ремесленники	0,7940 (2,2123)	0,7738 (2,1680)	0,8809 (2,4132)	0,7387 (2,0932)	0,6166 (1,8526)
Промышленные рабочие	0,6561 (1,9273)	0,7081 (2,0302)	0,7334 (2,0821)	0,5435 (1,7221)	0,8811 (2,4135)
Разнорабочие	0,2272 * (1,0197)	0,5537 (1,7396)	0,4830 (1,6209)	0,4913 (1,6345)	0,4766 (1,6106)
Бедные (с душевыми доходами ниже величины прожиточного минимума)	0,2272* (1,2551)	0,2829 (1,3270)	0,1742 (1,1903)	0,3168 (1,3728)	0,3445 (1,4131)
Константа	–1,8390	–2,0104	–1,7297	–1,6904	–1,8256
Initial-2 Log Likelihood	3554,8	3421,4	3770,9	4366,6	4369,2677
Final-2 Log Likelihood	3554,8	3326,7	3661,5	4247,7	4148,311
Goodness of Fit	3602,2	3610,9	3535,8	3995,9	3930,136
Chi-Square Significance	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000

Примечание. Приведенные в таблице параметры статистически значимы при 0,05-м уровне значимости, кроме отмеченных звездочкой.

раз увеличивается шанс наступления оцениваемого события при изменении независимой переменной от 0 до 1 при неизменности других переменных. В тех случаях, когда значение коэффициента B имеет отрицательный знак, величина $\exp(B)$ показывает, во сколько раз уменьшается шанс наступления оцениваемого события при изменении независимой переменной от 0 до 1 при неизменности других переменных [Norusis, 1994].

Как показывают результаты логистического регрессионного анализа, указанный набор независимых переменных позволяет правильно предсказать вероятность такого «события» как попадание в группу избыточно потребляющих алкоголь в 76–82 %. Таким образом, используемый набор независимых переменных обладает хорошей прогностической способностью в отношении оценки шансов попадания в число избыточно потребляющих алкоголь. Практически все приведенные в табл. 30.12 значения коэффициента B положительны, т. е. независимые переменные в случае их изменения от 0 до 1 увеличивают шансы наступления

пления оцениваемого события (в нашем случае «принадлежности к злоупотребляющим алкоголем»). Наиболее высокая вероятность попадания в число избыточно потребляющих алкоголь наблюдается в группах работников физического труда, в первую очередь, у квалифицированных рабочих ручного труда. У представителей этой категории рабочих в 1994—2004 г. она была в 2,1—2,4 раза выше по сравнению со всеми остальными профессиональными группами и группами работников по занятости. Более умеренное влияние оказывали на вероятность попадания в число злоупотребляющих алкоголем другие независимые переменные — бедность, отсутствие общего среднего образования, возрастной статус. Однако роль этих факторов со временем становилась более значимой.

Достаточно информативной является логистическая регрессионная модель бинарного типа, где в качестве независимых переменных выступают отдельные виды алкогольных напитков. Оценки параметров такой модели подтвердили, что самое сильное влияние на попадание в число неумеренно потребляющих алкоголь оказывают, во-первых, самогон, во-вторых, водка. При этом прогностическая сила самогона существенно выше, чем водки. Менее всего вероятность попадания в число злоупотребляющих алкоголем связана с потреблением сухого вина и шампанского. Таким образом, технологическая легкость и дешевизна производства самогона в домашних условиях, отсутствие каких-либо ограничений в его доступности для использования самим производителем и членами его семьи, наличие постоянного спроса на дешевый и более безопасный спиртной напиток среди других предлагаемых в торговле делают самогон очень ходовым товаром. И одновременно превращают его в один из действенных механизмов расширения и углубления алкоголизации населения.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть следующее. Уровень потребления алкоголя является одним из важнейших индикаторов физического и психического здоровья не только отдельных индивидов, но и общества в целом. Поэтому проблема потребления алкоголя выходит за чисто медицинские рамки. Она является социальной проблемой и составляет самостоятельное направление государственной социальной политики. С этой точки зрения наличие надежных и достоверных данных о распространенности, объемах, динамике, структуре и дифференциации потребления алкоголя является необходимой основой для осуществления обоснованной и грамотной алкогольной политики государства во благо населению и обществу. Для этого необходимо как совершенствование государственной статистики, так и регулярное проведение массовых социологических и специальных эпидемиологических обследований по проблемам потребления алкоголя.

По доле лиц, вообще не потреблявших в рассматриваемый период спиртные напитки, Россия относилась к группе европейских государств с наиболее благоприятными показателями. Однако по уровню потребления чистого алкоголя на душу населения Россия в конце 1990-х гг. вплотную примыкала к числу 10 стран-лидеров среди 50 стран мира, по которым ведется регулярный учет статистики потребления алкоголя. Наиболее характерными особенностями потребления алкоголя в России во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. были: большое количество потребляемого алкоголя на душу населения и на одного потребителя; интенсивный рост объемов потребления в период 1998—2002 гг. и снижение этого показателя в период 2002—2004 гг.; умеренная, но растущая частота (регулярность) потребления алкоголя; высокие разовые дозы потребления; доминирующая ориентация потребителей алкоголя на крепкие спиртные напитки; заметные изменения структуры потребителей алкоголя как позитивного, так и негативного характера; высокий уровень дифференциации потребителей по объему потребления алкоголя; высокий удельный вес потребителей с избыточным уровнем потребления алкоголя.

Алкогольную политику современной России в отношении защиты финансовых интересов государства, борьбы с криминалом в сфере производства и оборота алкоголя и охраны здоровья населения нельзя считать ни сбалансированной, ни эффективной. Питательной средой незаконного производства и оборота алкоголя являлся не облагаемый налогами технический спирт. По самым скромным подсчетам, только 15 % технического спирта шло на технические цели, а остальные 85 % россияне выпивали [Булдаков, 2005]. Возможность делать большие деньги на производстве и обороте алкоголя сформировало мощное лобби алкобаронов, оказывающее давление на законодательную и исполнительную власть и используемое либо для игнорирования существующих законов, либо для препятствования принятию более строгих и эффективных мер контроля над производством и продажей алкоголя. В этой связи не кажется удивительным тот факт, что Государственная дума лишь на 15-й раз в конце 2005 г. приняла проект нового закона о государственном регулировании оборота спирта, предполагающий, в том числе, и запрет на добавки к спирту, выводящие его из-под налогообложения. Однако волна массовых отравлений спиртосодержащими жидкостями со смертельным исходом в 2007 г. показала, что проблема до сих пор не снята с повестки дня.

Сокращение уровня потребления алкоголя является одной из настоятельных задач алкогольной политики. Однако вряд ли существуют какие-либо специальные меры, которые могли бы играть роль приемлемой и конкурентоспособной альтернативы сокращению потребности в алкоголе. Снижение уровня потребления алкоголя невозможно без изменения условий жизни людей, повышения их культуры и нравственности. Только существенное улучшение условий жизни населения, дос-

тупность получения образования, возможность профессионального роста, хорошо оплачиваемая работа могут дать человеку возможность занять достойное место в обществе, позволят уважать самого себя и не нуждаться в алкоголе как «лекарстве» от жизненных неудач. Это предохранит определенные группы населения от глубокой неудовлетворенности своей жизнью, депрессии, скуки и т. д., т. е. создаст предпосылки для того, чтобы если не отказываться от алкоголя совсем, то, по крайней мере, быть умеренными и ответственными его потребителями.

Вместе с тем, вокруг проблемы неумеренного потребления алкоголя не должно быть атмосферы попустительства, вседозволенности, равно как и равнодушия и безразличия, как то имеет место в настоящее время. Для этого надо не просто настойчиво проводить политику ограничения рекламы алкоголя и доступности спиртных напитков по времени и месту продажи. Необходимы определенные превентивные меры — широкая просветительская деятельность в средствах массовой информации относительно губительных последствий неумеренного потребления алкоголя. Такая деятельность в настоящее время практически не проводится средствами массовой информации ни на федеральном уровне, ни на уровне регионов.

глава 31

Негативное потребление учащихся: риски и барьеры в обществе двойных стандартов

В соответствии с концепцией развития человеческого потенциала, взятой за основу социальной политики ООН, важным является не только жизнь и здоровье отдельного человека, но и то, насколько здоровым является общество в целом, социальная среда. Сравнительное исследование на основе лонгитюдных данных показало, что в период с 1960-х гг. негативное воздействие уровня социально-экономического неравенства в наиболее развитых странах наносило больший вред здоровью населения, чем особенности национальных систем охраны здоровья [Castilla, 2004]. Поскольку «больное общество программирует патологию и на уровне индивидуального поведения» [Журавлева, 2000. С. 44], в наиболее развитых странах предпринимаются меры для оздоровления этой среды, тщательно выстраивается система защиты подростков от курения и алкоголя. В России потребление психоактивных веществ (включая и наркотики) стало настолько широко распространенным и доступным, что представляет реальную угрозу для подростков, составляющих потенциал развития общества. Обострились проблемы девиантного поведения, детской беспризорности и безнадзорности [Байков, Каширина,

2003]. На рубеже столетий (1999—2003 гг.) ученная распространенность наркологических расстройств в России выросла на 5 % и в 2003 г. составила 2430 больных на 100 тыс. населения. Число больных с выявленным впервые в жизни диагнозом увеличилось на 7,9 %, составив 327 человек на 100 тыс. населения. В этот же период особенно быстро росло число зарегистрированных больных с синдромом зависимости от наркотиков (на 56 %) и с алкогольным психозом (на 60 %) [Распространенность..., 2004].

Свой вклад в распространение негативного потребления делает глобализация, она усиливает факторы риска, увеличивает вероятность возникновения неуправляемых ситуаций в связи с организованной в мировых масштабах как легальной, так и теневой торговлей табаком и алкоголем. К тому же реклама делает их потребление привлекательным для подростков. Несмотря на активное противодействие, в условиях глобализации стремительно распространяется наркомания, интегрируясь в систему общества и экономику, в частности, через незаконную торговлю наркотиками, ставшую значительным сектором мировой торговли. «Не только феномен наркотиков приобретает глобальный характер, глобализация в свою очередь во все возрастающей степени оказывается зависимой от наркотиков и разнообразных связанных с ними видов деятельности» [Ланьель, 1999. С. 128]. В этих условиях важно найти механизмы защиты подрастающего поколения от наркозависимости (от табакокурения, алкоголя, наркотиков).

Задачи данной главы: с одной стороны, показать двойственность отношения общества к проблеме роста потребления психоактивных веществ, с другой, определить, опираясь на представления старшеклассников и родителей, факторы, способствующие и препятствующие негативному потреблению молодежи в обществе с двойными стандартами.

В качестве информационной базы использовались как данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ, 2004 г., выборочная совокупность составила около 10 тыс. человек), так и данные социологических опросов подростков Новосибирской области (2002 г., 4,6 тыс. чел.) и их родителей (2004 г., 1,6 тыс. чел.).

Данные по Новосибирской области были получены в рамках исследовательского проекта «Социальные и личностные аспекты негативного потребления среди молодежи: факторы риска и защиты»*. Он был направлен на всестороннюю оценку масштабов и степени включенности в употребление наркотиков и других психоактивных веществ подростков и студенчества Новосибирской области; а также на изучение соци-

* Научный руководитель проекта — д-р социол. наук Л. Г. Борисова (НГПУ), директор проекта — канд. социол. наук И. И. Харченко (ИЭОПП СО РАН). Другие участники исследовательского коллектива: канд. экон. наук Г. П. Гвоздева (ИЭОПП СО РАН), д-р социол. наук Г. С. Солодова (ИФПР СО РАН), д-р психол. наук. Е. Р. Слободская и д-р биол. наук Г. Г. Князев (ГУ НИИ физиологии СО РАМН).

альных и психологических факторов как способствующих, так и препятствующих распространению этих явлений в молодежной среде [Князев и др., 2003; Гвоздева и др., 2004; Knyazev et al., 2004].

Двойственность отношения общества к наркотизации

Под наркотизацией понимается, с одной стороны, процесс постепенного включения людей в потребление сначала слабых, а затем более сильно действующих психоактивных веществ, включая потребление табака, алкоголя и наркотиков. С другой стороны, расширяющиеся масштабы и распространенность потребления этих веществ населением, в том числе и за счет более раннего приобщения молодежи и детей. Крайне неблагоприятной тенденцией является быстрый рост в России числа детей и подростков, подвергшихся алкогольным психозам и зависимости от наркотиков. Так, за период с 1999 по 2003 г. число детей и подростков с зарегистрированным диагнозом алкогольный психоз увеличилось в 2,5 раза, в 2003 г. зарегистрирован 141 случай среди детей 14—17 лет [Распространенность..., 2004]. Наркотизация расширилась и территориально: если в 1999 г. среди 79 регионов РФ в 11 были высокие показатели алкогольных психозов и в восьми — распространенности наркомании, то в 2003 г. — 36 и 16 соответственно. Наиболее распространена наркомания в восточной части страны: кроме Самарской области — это Томская, Кемеровская, Тюменская, Иркутская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Приморский край [Там же].

Для России наркотизация особенно опасна по ряду причин. Во-первых, предшествующие исторические события подготовили для нее почву, поскольку после потрясений Второй мировой войны курение и выпивки еще глубже укоренились в повседневной жизни атеистически воспитанных россиян. В этих условиях наркоманию сдерживали в основном жесткие меры государственного и социального контроля. После выхода страны из изоляции усилилась опасность, что будет сделан шаг от слабых (табак, алкоголь) к более сильным наркотическим веществам. Во-вторых, трансформационные процессы и экономические реформы сопровождались ухудшением состояния здоровья населения, сокращением средней ожидаемой продолжительности жизни. (В то время как в развитых и в большинстве развивающихся стран наблюдались позитивные изменения.) В сочетании с ростом потребления наркотиков это подрывает демографический потенциал воспроизводства населения. В-третьих, общество не смогло выработать ценности, адекватно отвечающие целям развития. В частности, оно не говорит решительно: «Нет наркотизации во всех ее проявлениях». А первые шаги по ограничению рекламы алкоголя были встречены сопротивлением оппозиционно настроенных производителей и средств массовой информации. Восприятие наркотизации и осознание ее последствий людьми противоречиво.

Двойственность отношения выражается, с одной стороны, в признании большинством людей негативных последствий употребления психоактивных веществ для физического и нравственного здоровья человека и общества, а, с другой, в сохранении высокого уровня терпимости общества по отношению к практикам употребления табачных изделий и алкоголя не только взрослыми, но даже детьми.

Действительно, общество очень обеспокоено проблемой молодежной наркомании, особенно те, чьи дети еще в процессе социализации. По данным опроса родителей школьников старших классов (Новосибирская область, 2004 г.), подавляющее большинство из них (91 %) считают, что наркомания очень опасна, угрожает обществу, семье, человеку. Только 6 % не разделяют мнение о высокой опасности, обращая внимание на то, что наряду с проблемой молодежной наркомании существуют и более опасные явления (терроризм и др.), 2 % — не имеют определенного мнения, не интересуются этой проблемой и 1 % — считают, что наркомания касается небольшой группы молодежи. Родители обеспокоены тем, что не каждый ребенок сможет противостоять наркоторговцу или сверстнику, распространяющему наркотики. При ответе на вопрос «Насколько Вы уверены в том, что Ваш ребенок никогда не поддастся соблазну попробовать наркотики?» неуверенными оказались 9 % родителей, не совсем уверенными — 34, абсолютно уверенными — 57 %. Озабоченность вызывает и недостаточно адекватное представление молодежи о вреде наркотиков. На это обращает внимание более половины родителей (57 %).

Вместе с тем широкая распространенность негативного потребления во всех поколениях и слоях общества (табл. 31.1, 31.2) свидетельствует о непризнании декларируемых норм в индивидуальных практиках. И этому непризнанию вреда способствуют пример ближайшего окружения молодых людей и реклама в средствах массовой информации.

Городские и сельские жители приобщены к курению примерно в равной степени (по данным РМЭЗ, в 2004 г. курили в среднем 33 и 30 %

Таблица 31.1
Распространенность курения среди россиян в зависимости от пола и возраста, РМЭЗ, 2004 г., %

Возрастная группа	Доля курящих, %			Число ответивших, чел.
	мужчины	женщины	в среднем	
16—24	53	20	35	1270
25—34	67	27	46	1221
35—44	73	22	46	1244
45—59	64	13	34	1871
60 лет и старше	39	2	14	1864
В среднем	57	14	32	7752

Таблица 31.2

Распространенность потребления взрослыми россиянами табачных изделий и алкогольных напитков в зависимости от сферы занятости, РМЭЗ, 2004 г., %

Сфера занятости	Курящие		Среди некурящих те, кто курил ранее		Употребляли алкоголь в течение последних 30 дней	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Студенты и учащиеся	28	8	16	12	30	30
Инвалиды	56	13	51	12	41	30
Пенсионеры	43	3	57	1	50	24
Находящиеся в отпусках по уходу за детьми	–	14	–	27	–	48
Занятые в домашнем хозяйстве	Н. д.	25	Н. д.	11	Н. д.	42
Неработающие	74	29	29	16	60	43
Работающие	65	19	41	11	68	55
В среднем	57	14	38	8	58	41

соответственно). Однако горожане все же имеют больший опыт курения с учетом прошлого: среди них из 100 некурящих 18 ранее курили, в то время как среди селян — 13 человек. Существенно меньше курят женщины, пенсионеры и учащаяся молодежь, больше других курят неработающие (см. табл. 31.2). Однако особую настороженность вызывает тот факт, что среди женщин каждая четвертая (27 %) имеет опыт курения до рождения детей. Это не только подрывает их здоровье, но и вредно сказывается на потомстве, а также повышает риск повторного приобщения к курению. Также велика роль матери в формировании отношения ребенка к курению.

Многие взрослые не препятствуют включению детей в практики негативного потребления, более того, сами подают им пример. Участники всероссийского опроса ответили, что в основном начали курить до

Таблица 31.3

Распределение россиян по возрасту, в котором они начали курить, РМЭЗ, 2004, %

Возраст, в котором начали курить, лет	Курили в период опроса		Курили раньше, но бросили	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
0—15	38	21	41	24
16—24	54	60	49	57
25—59	5	17	4	13
60 и старше	3	2	6	6

25 лет (более 85 % курильщиков), т. е. в школьные и студенческие годы (табл. 31.3). Для детей естественно копировать поведение родителей.

Распространенность курения и употребления алкоголя среди учащихся несовершеннолетнего возраста

Социологическая трактовка негативного потребления включает курение, употребление алкоголя и наркотиков, т. е. психоактивных веществ. Пристрастие к любому из видов психоактивных веществ входит как частная болезнь в общую широкую проблему наркомании. Специалисты-наркологи подчеркивают, что механизм получения удовольствий от табакокурения, потребления алкоголя и наркотиков един [Никольская, 2003]. Специалисты-социологи обращают внимание в первую очередь на социальные аспекты негативного потребления, так как оно невозможно вне рынка, поставляющего или навязывающего соответствующую продукцию, вне социальной среды, в принципе допускающей ее потребление, а для молодежи невозможно и вне микрогруппы, обучающей такому поведению. «Наркотики, алкоголь, курение воспринимаются подростками как атрибуты взрослой жизни, но в то же время и как бегство от реальности, желание расслабиться, уход в мир грез и иллюзий, удовлетворение любопытства» [Лисовский, 2000. С. 232].

Полученные в нашем исследовании материалы показали, что современное молодое поколение, — причем не самая проблемная его часть, а учащаяся и студенческая молодежь, — буквально заражено такими вредными привычками, как курение и употребление алкоголя. Дадим характеристику учащихся несовершеннолетнего возраста, опираясь на их ответы о своей включенности в негативные виды потребления. Курящих, так же как и собирающихся бросить курить, относительно больше в группе юношей, чем девушек (рис. 31.1).

Больше распространено курение среди проживающих в городской местности, а также среди учащихся профессиональных училищ и вечерних школ. Пробовавших курить и уже бросивших в 2 раза меньше, чем курящих (табл. 31.4). Таким образом, курить или хотя бы попробовать умудряются не менее половины девушек и две трети юношей. Число реальных курильщиков среди юношей достигает половины. Из них доля курящих регулярно, т. е. тех, кого можно смело отнести к разряду заядлых курильщиков (курят несколько раз в день), составила 67 %. Остальные 33 % курят реже — от одного—двух раз в год до одного раза в день, что в принципе может рассматриваться как начальная стадия к выходу на уровень регулярного курения.

Самая «благополучная» картина с курением наблюдается в общеобразовательных школах, где курит каждый третий юноша и каждая пятая девушка. В данном случае слово «благополучная» мы имеем право употреблять только в сравнении с еще худшей ситуацией в вечерних школах, ПУ, ССУЗах. Особенно удручающе выглядит ситуация в вечер-

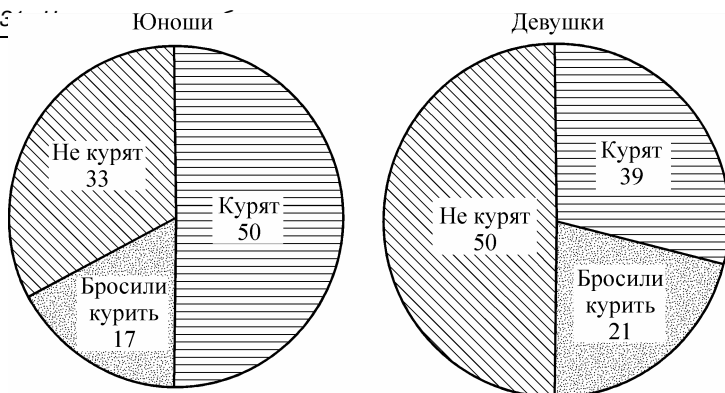

Рис. 31.1. Вовлеченность юношей и девушек несовершеннолетнего возраста в курение, 2002 г., % к ответившим.

Источник: Здесь и далее в главе использованы данные обследований в Новосибирской области.

них школах и профессиональных училищах, где среди юношей просто трудно встретить некурящих, а среди девушек не курят лишь менее половины (рис. 31.2).

Одной из причин, формирующих у подростка позитивную установку на курение, является наличие в его окружении курящих родственников. На вопрос о курении родственников 58 % учащихся ответили, что в их семье курит отец, 10 — мать, 18 % — другие члены семьи, и только 28 % ответили, что в семье никто не курит. Таким образом, условно

Таблица 31.4
Распределение ответов подростков на вопрос «Ты куришь?», 2002 г., % к ответившим

Респонденты	Курят	Уже бросили	Не курят	Число ответивших, чел.
В зависимости от типа поселения				
Новосибирск	42,6	19,3	38,1	1345
Другие города	42,3	19,9	37,9	1254
Поселки	41,8	16,3	41,9	849
Села	27,6	19,3	53,1	1094
В зависимости от типа учебного заведения				
Обычные школы	26,1	21,9	51,9	2684
Гимназии	25,8	21,2	53,0	151
Вечерние школы	66,7	14,1	19,3	306
ПУ	65,1	9,7	25,2	908
ССУЗы	45,6	21,3	33,1	493
В среднем по массиву	38,8	18,9	42,3	4445

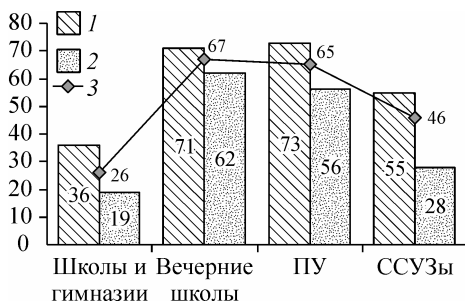

Рис. 31.2. Доля курящих подростков в зависимости от типа учебного заведения, 2002 г., % к ответившим.

1 — юноши, 2 — девушки, 3 — оба пола.

«защищены» от формирования установки на табакокурение лишь около четверти всех опрошенных учащихся.

Интересно отметить, что на вопрос о курении матери больше всего положительных ответов дали учащиеся профессиональных училищ и вечерних школ — 14 и 21 % соответственно. Учащиеся дневных школ и ССУЗов реже указывали на курение матери (соответственно 8 и 10 %). На вопрос о курении других членов семьи больше всего положительных ответов также отмечается среди учащихся ПУ и вечерних школ (25 и 28 % соответственно).

Различия между группами подростков по употреблению спиртных напитков менее значительные, чем по курению (табл. 31.5).

Употреблением спиртных напитков одинаково не гнушаются как юноши, так и девушки: в целом 43 % употребляют спиртное, плюс каж-

Таблица 31.5

Распределение ответов подростков на вопрос «Употребляешь ли ты спиртное?», 2002 г., % к ответившим

Респонденты	Употребляют	Уже бросили	Не употребляют	Число ответивших, чел.
В зависимости от пола				
Юноши	44,1	27,2	28,7	2016
Девушки	42,3	22,4	35,3	2363
В зависимости от типа поселения				
Новосибирск	52,4	21,5	26,2	1333
Другие города	44,8	25,4	29,7	1226
Поселки	41,5	25,3	33,2	837
Села	30,5	26,5	43,0	1078
В зависимости от типа учебного заведения				
Обычные школы	36,2	25,1	38,7	2654
Гимназии	54,0	14,7	31,3	150
Вечерние школы	48,3	24,5	27,2	298
ПУ	54,2	24,1	21,6	892
ССУЗы	53,1	25,0	21,9	480
В среднем по массиву	43,1	24,6	32,2	4379

дый четвертый пробовал раньше, но уже бросил. Таким образом, опыт употребления спиртных напитков имеет подавляющее большинство подростков.

Несколько менее подвержены этому пристрастию лишь учащиеся, проживающие в селах. В распределении по типам учебных заведений обращают на себя внимание гимназисты, которые наиболее вовлечены в потребление алкоголя. Выяснилось, что это, скорее всего, дань «культурнопитательной» традиции — употребление в основном вина и шампанского по случаю праздника. Гимназисты значительно меньше, чем в других группах опрошенных, употребляли водку и самогон, но, как и другие подростки, склонны к употреблению пива, которое пропагандируется в СМИ и рекламе как престижный «молодежный» напиток.

Но все же, если рассматривать старшеклассников как единую группу, в дневных общеобразовательных школах в употребление алкоголя втянута несколько меньшая доля учащихся, чем в других учебных заведениях среднего образования. Хотя, в отличие от курения, алкогольная ситуация в школах гораздо менее благополучная и в этом школьники ближе к сверстникам из вечерних школ, ПУ, ССУЗов. Среди учащихся разных учебных заведений употребляющих алкоголь девушек было практически не меньше, чем юношей (рис. 31.3).

Достаточно разнообразны типы спиртных напитков, с которыми уже успели «познакомиться» подростки. Имеют опыт употребления пива 86 % наших респондентов, водки — 49, вина — 69, самогона — 27, других напитков — 20 %. Отсюда следует, что в целом среди подростков лишь 14 % (а среди школьников лишь 17 %) никогда не употребляют пиво. Но если вспомнить, что на вопрос «Употребляешь ли ты спиртное?» 29 % юношей и 35 % девушек ответили отрицательно (см. табл. 31.5), то напрашивается вывод о непризнании пива алкогольным напитком частью молодежи. По всей видимости, около 20 % подростков пиво не считают алкоголем. Такие данные просто удручают.

Молодежь употребляет пиво не только повсеместно (дома и в общественных местах), но и весьма часто. Так, примерно половина подростков, включая школьников, употребляет пиво не реже, чем раз в месяц. Для несовершеннолетних такое периодическое (пусть не частое по взрослым меркам) приобщение к алкогольному напитку можно расценивать как систематическое,

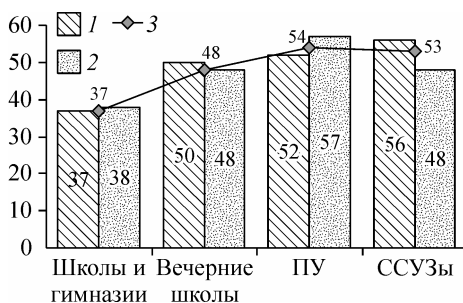

Рис. 31.3. Доля подростков, употребляющих алкоголь, в зависимости от типа учебного заведения, 2002 г., % ответивших.

1 — юноши, 2 — девушки, 3 — оба пола.

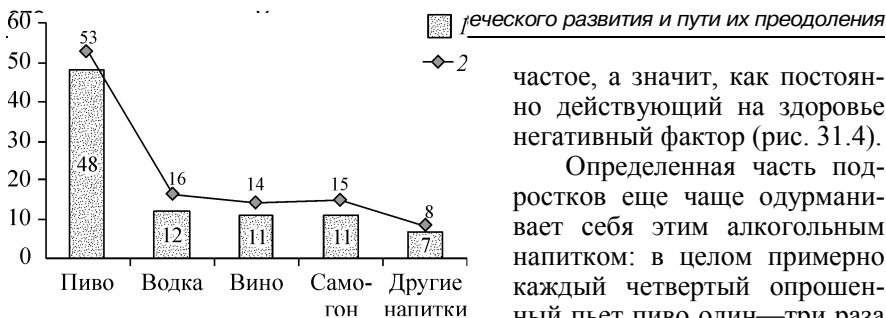

Рис. 31.4. Распространенность регулярного употребления спиртных напитков среди учащихся, 2002 г., % ответивших.

1 — школьники 9—11-х классов; 2 — все учащиеся.

частое, а значит, как постоянно действующий на здоровье негативный фактор (рис. 31.4).

Определенная часть подростков еще чаще опудманивает себя этим алкогольным напитком: в целом примерно каждый четвертый опрошенный пьет пиво один—три раза в неделю, а среди учащихся вечерних школ и ПУ таких заядлых любителей соответственно 39 и 35 %. Все-таки пиво — это алкогольный напиток, и такое массовое питейное пристрастие молодого поколения должно вызывать тревогу общественности.

Распространенность употребления наркотиков среди учащихся

В исследовании выявлено, что группа риска по наркопотреблению составляет 12 % среди выборочной совокупности учащихся несовершеннолетнего возраста (в том числе употребляющих — 3 %, пробовавших — 9 %). Среди юношей она составляет 18 %, среди девушек — 8 %. В группу «риска» были включены все, кто в разных вопросах анкеты признался, что он употребляет, пробовал либо желает попробовать наркотики, а также те, кто указал возраст первой пробы наркотиков или вписал название какого-либо «опробованного» им наркотического вещества.

По типам населенных пунктов группа «риска» представлена следующим образом, %: в Новосибирске — 14, в малых городах и поселках области — 15, в селах — 5. Пониженная доля группы «риска» выявлена в селах. Это может быть связано с тем, что в других поселениях у подростков больше доля ничем не занятого свободного времени, а рынок предложения наркотиков налажен.

Доля подростков, относящихся к группе «риска», постепенно увеличивается в каждой последующей возрастной группе. Так, среди 17-летних она в 2 раза выше, чем среди 14-летних (рис. 31.5). Тем самым расширение группы риска с возрастом продолжается и происходит высоким темпом, опасность дебюта остается.

Наиболее высокая доля группы «риска» среди учащихся вечерних школ и профессиональных училищ, ниже — в ССУЗах, и самая благоприятная ситуация — в дневных общеобразовательных школах (9—11-е классы) (рис. 31.6).

Полученные нами данные об употреблении психоактивных веществ подростками соответствуют результатам других исследований. В сравнительном исследовании, проведенном в 1995—1997 гг. [Журавлева, 2002], 34 % подростков в России и 28 % в Финляндии отметили, что никогда не курили (в нашем исследовании эта цифра составила 33 %). В нашей выборке 12 % подростков отметили, что они употребляли наркотики хотя бы один раз, в упоминаемом исследовании И. В. Журавлевой соответствующие цифры составили 12 % в России и 10 % в Финляндии. Употребление алкоголя в исследовании И. В. Журавлевой отрицали 32 % российских и 35 % финских подростков. В нашем исследовании на вопрос «Употребляешь ли ты спиртное?» 31 % респондентов ответили «Нет и не хочу», однако анализ ответов на другие вопросы, связанные с употреблением алкогольных напитков (включая пиво), показал, что лишь 10—15 % подростков действительно не употребляют алкоголь.

Процесс наркотизации наглядно отражают данные рис. 31.7. В раннем возрасте происходит приобщение к курению, затем, становясь чуть постарше, дети проходят «боевое крещение» алкоголем, а чуть позднее, уже приобретая опыт одурманивания своего организма сигаретами и алко-

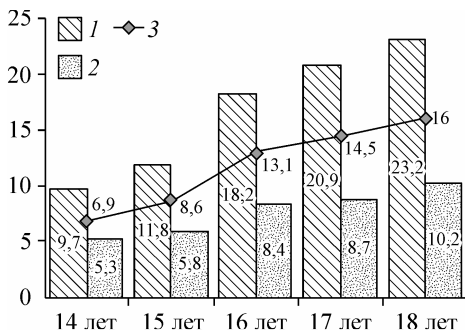

Рис. 31.5. Доля группы «риска» среди учащихся-подростков разного возраста, 2002 г., % ответивших.

1 — юноши, 2 — девушки, 3 — оба пола.

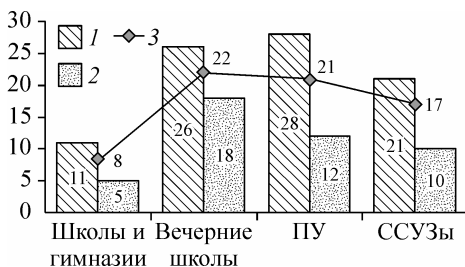

Рис. 31.6. Доля группы «риска» среди учащихся разных типов учебных заведений, % ответивших.

1 — юноши, 2 — девушки, 3 — оба пола.

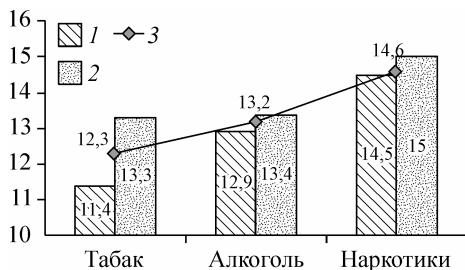

Рис. 31.7. Средний возраст первой пробы психоактивных веществ учащимися несовершеннолетнего возраста, лет, 2002 г.

1 — юноши, 2 — девушки, 3 — оба пола.

голем, каждый восьмой подросток продолжает втягиваться в негативное потребление еще дальше — получает первый «кайф» от наркотика.

Наиболее распространенной группой наркотических веществ, на употребление которых указало подавляющее большинство (90 %) представителей группы «риска», являются производные конопли, в четыре раза менее (20 %) распространены опиаты, еще реже встречались признания в употреблении других видов наркотиков. Причем с возрастом у пробующих наркотики расширяется их «спектр». Самые младшие начинают с производных конопли и ненаркотических веществ с одурманивающим эффектом, а более старшие переходят к нескольким наркотикам, в том числе опиатам.

Социальный портрет подростков из группы «риска»

Группа «риска» (употребляющие и пробующие наркотики) сосредоточивает в себе наиболее неблагоприятное сочетание потребления всех видов психоактивных веществ. Как по социальным, так и по психологическим характеристикам она статистически значительно отличается от контрольной группы (отвергающих для себя употребление наркотиков). Рассмотрим черты социального портрета молодого человека, зависимого от потребления психоактивных веществ, на фоне остальных подростков — группы «нормы».

В группе «риска» значительно больше, чем в контрольной группе, лиц, имеющих проблемы с учебной, проблемы в отношениях с родителями и учителями, допускающих и практикующих противоправные виды поведения, и в особенности больше тех, кто курит и употребляет спиртные напитки (рис. 31.8). Группа «риска» отличается сильной включенностью в компанию сверстников, причем отличительные особенности таких компаний — бесцельное времяпровождение, совместное распитие спиртных напитков, поиск «приключений, острых ощущений».

Группу «риска» отличает повышенный интерес к деньгам и «легким» способам их получения — как в сознании, так и в поведении (рис. 31.9). Жизненные принципы многих подростков из группы «риска» отличаются цинизмом, иждивенчеством и безразличием к окружающим. Характерное для группы «риска» стремление обладать большими деньгами (нередко, обладать любой ценой) проявляется в поступках, в отношениях с другими людьми, в системе ценностей. Например, жизненные цели, устремления, связанные с достижением особого статуса и с особым образом жизни, в группе «риска» встречаются относительно чаще, чем в группе отвергающих наркотики. Все это может создавать у окружающих проблемы при общении с такими людьми.

Подростки группы «риска» гораздо менее щепетильны в способах добывания денег, когда речь идет об откровенно не одобряемых общественными нормами или законом действиях. Причем гораздо более откровенно такая личностная позиция проявляется у юношей, нежели у

Рис. 31.8. Особенности поведения подростков из группы «риска» (1) в сопоставлении с группой «нормы» (2), 2002 г., % ответивших.

девушек. Часть представителей группы «риска» реализует эти «жесткие» жизненные принципы на деле. Например, на вопрос об источниках доходов наибольшая доля указавших, что они достают деньги «способами, о которых не хотелось бы говорить», выявилась среди юношей группы «риска» — 31 % (против 9 % юношей, отвергающих наркотики).

Рис. 31.9. Особенности взглядов, убеждений, отношений с окружающим подростков из группы «риска» (1) в сопоставлении с группой «нормы» (2), 2002 г., % ответивших.

Среди девушек по сравнению с юношами гораздо реже встречаются лица, практикующие неодобряемые способы добывания денег. Но особенности поведения подростков группы «риска» (по сравнению с их сверстниками, не употребляющими наркотики), связанные с проведением времени в компаниях, а также характеризующиеся конфликтностью в отношениях с взрослыми, практически в одинаковой мере присущи и девушкам и юношам.

Естественно, что наиболее значительные различия в поведении тех, кто употребляет или пробует наркотики, и отвергающих этот дурман касаются всего, что связано с наркотиками. Например, если среди учащихся группы «нормы» имели друзей и знакомых, употребляющих наркотики, 22 %, то среди их сверстников из группы «риска» такие знакомства были у 68 % (рис. 31.10). Аналогично, если среди первых доля указавших, что им никогда не предлагали наркотики, составляла 83 %, то среди вторых — только 22 %, а указавших, что им часто предлагают наркотики, соответственно 1 и 19 %.

Примечательно, что эти данные свидетельствуют не только о том, как сильно включены уже «оступившиеся» подростки в наркоотношения, но и о том, что каждый пятый их благополучный сверстник тоже по разным причинам соприкасается с этой опасной сферой. Если принять во внимание, что при этом каждый пятый благополучный подросток вполне терпимо относится к употреблению наркотиков его сверстниками, то можно считать эти 20—22 % социальной базой для расширения наркомании (при неблагоприятных обстоятельствах).

На вопрос «Как Вы считаете, почему некоторые подростки, молодые люди употребляют наркотики?» наиболее часто наши респонденты называли три причины — глупость, любопытство, безделье. С первого по третье место эти причины заняли и в ответах учащихся из группы «риска», т. е. тех, кто более компетентен в данном вопросе (рис. 31.11). Почти такая же иерархия и в ответах учащихся группы «нормы»: только на третье место вместо безделья они поставили желание забыть о личных проблемах.

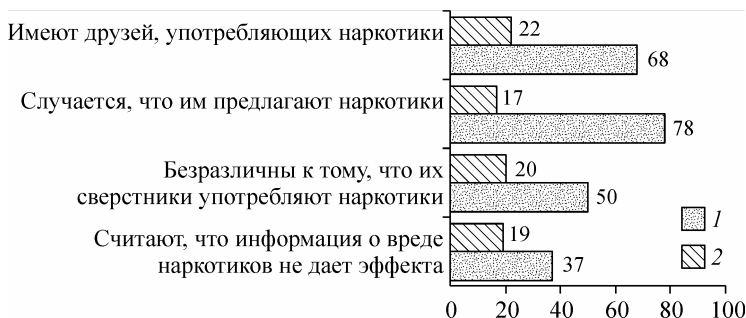

Рис. 30.10. Мнения подростков группы «риска» (1) и группы «нормы» (2) о вреде наркотиков и «наркоотношениях», 2002 г., % ответивших.

Рис. 30.11. Мнение подростков «риска» (1) и группы «нормы» (2) о том, почему их сверстники употребляют наркотики, 2002 г., % ответивших.

В то же время эмпирические данные показывают, что подростки группы «риска» отнюдь не являются собой группу, обделенную возможностями для нормальной социализации и развития. Многие из них посещают или посещали ранее кружки, студии, секции, курсы, имеют увлечения, собственные творческие работы. Большинство из них в той или иной мере участвует в общественной жизни школы, училища. Определенная, хотя и небольшая часть проявляет активность в трудовой сфере, участвует в деятельности молодежных организаций. Большинство имеет нормальные ценностные ориентации в отношении будущей работы, семьи, образования, жизненного обустройства.

Рассмотрим, какие у таких трудных подростков есть социально одобряемые ориентиры, устремления в жизни. Мы задали нашим респондентам вопрос «Каковы твои жизненные цели, устремления, на что направлены твои усилия?». Перечень вариантов ответов, предложенных в анкете, был очень обширен, но все же наиболее массовый выбор среди всех опрошенных пал на следующие: получить хорошее образование (68 %), иметь хороших и верных друзей (46), найти в будущем хорошую работу (45), создать семью (47), материально помочь родителям, родственникам (44), жить в гармонии с любимым человеком (40), стать хорошим специалистом (37), сделать карьеру (36), заработать большие деньги (31), всего добиться своим трудом (32), укреплять здоровье (25 %). В приведенной структуре ответов вырисовывается некий базовый набор ориентиров достойной жизни, как традиционно социально одобряемых, так и ставших одобряемыми в современных условиях.

Не совсем для нас очевидным результатом в отношении группы «риска» (по сравнению с остальными) было либо совпадение, либо превышение доли выбравших такие традиционные ценности как любовь, семья, работа, труд, помощь родственникам, профессиональное мастерство, здоровье. Различия в выборе современных ценностей характеризовали представителей группы «риска» как менее (по сравнению с группой «нормы») ориентированных на хорошее образование (56 против 68 % соответственно) и более ориентированных на зарабатывание больших денег (45 против 30 %), в том числе с помощью открытия своего дела (33 против 21 %), развлечения, приятный отдых (29 против 15 %), путешествия (27 против 23 %), острые ощущения (19 против 7 %). Тем не менее очевидно, что несмотря на особенности группы «риска», будущая жизнь этих подростков вполне может быть направлена в социально одобряемое русло, если внешние условия будут способствовать тому, чтобы эти подростки имели выбор конструктивных стратегий реализации своей жизни.

При обсуждении проблемы наркомании нередко можно слышать мнение о том, что главная причина — незанятость детей после школы, отсутствие кружков, секций. Не будем опровергать это мнение, конечно незанятость — это фактор риска, о чем говорят и сами подростки. Все же попытаемся посмотреть, так ли проста ситуация, можно ли уповать на кружки и секции как панацею от наркомании?

Вначале рассмотрим, насколько вообще подростки удовлетворены тем, как они проводят свое свободное время. Половина опрошенных (51 %) в основном довольна, недовольных крайне мало (3 %), зато значительной части (47 %) досуг зачастую не приносит удовлетворения («не всегда довольны», «бывает по-разному», «так себе, средне»). В группе «риска» удовлетворенность досугом лишь незначительно ниже, чем у их сверстников, не употребляющих наркотики, — в основном довольны соответственно 47 и 51 % и недовольных по 3 %. Что же мешает подросткам проводить свободное время так, как хотелось бы? В целом примерно каждый третий (30 %) ответил, что ему ничего не мешает, а в качестве мешающих обстоятельств наиболее часто ссылались на три — мало свободного времени (29 %), недостаток денег (28), некуда пойти для развлечений, отдыха (26 %). Остальные причины были гораздо менее актуальны — недостаточные условия для внешкольных занятий (секций, кружков) отметили всего 8 %, семейные обстоятельства — 9, отсутствие друзей, с которыми интересно общаться, — 7 %, другие причины указывали еще реже. Особенностью группы «риска» в оценке причин неполноценного проведения досуга было то, что им гораздо чаще, чем остальным, мешало отсутствие денег (44 % против 25 % в группе «нормы») и реже — отсутствие свободного времени (соответственно 21 и 30 %); доля тех, кому не мешали никакие обстоятельства, была примерно одинаковой (28 и 30 % соответственно).

Рассмотрим далее, насколько велики различия между проблемными подростками и их сверстниками, отвергающими наркотики, по участию во внешкольных досуговых занятиях. Данные опроса показали, что спортивные секции являются наиболее распространенными формами организованного досуга, особенно юношей. Логично предположить, что любые организованные занятия во внешкольное время дают хорошую альтернативу тем, кто не знает, чем заняться, и от скуки начинает искать новые ощущения, в частности в наркотиках. Но полученные данные показывают, что не все так очевидно. Хотя по участию в спортивных секциях юноши и девушки группы «риска» отставали от группы «нормы», но их прежний спортивный опыт был более богатый (табл. 31.6). Однако это не стало для проблемных подростков фактором защиты от наркотиков. Похожая ситуация и с другими кружками/курсами, например, компьютерными, автовождения, естественно-научными, иностранных языков, занятий музыкой, изобразительным, театральным искусством, танцами, фольклором. По участию в таких занятиях группа «риска» отставала от группы «нормы» в настоящем, но опережала в прошлом. При этом в целом участие подростков в этих формах уступало по распространенности занятиям в спортивных секциях.

Напрашивается вывод, что само по себе развитие внешкольных форм досуга и дополнительного образования в отрыве от других, в том числе специальных мер по профилактике наркомании, не способно дать должный эффект. С другой стороны, неудовлетворенные потребности

Таблица 31.6

Включенность подростков в занятия в спортивных секциях, в зависимости от отношения к наркотикам, %

Вид включенности в занятия	Группа «риска»	Группа «нормы»	Все опрошенные
Посещающие спортивные секции (на момент опроса)	23	27	26
В том числе			
юноши	27	36	35
девушки	14	18	18
Посещавшие спортивные секции раньше	45	35	36
В том числе			
юноши	46	38	39
девушки	43	34	34
Желающие посещать спортивные секции (из тех, кто не посещал)	15	18	17
В том числе			
юноши	12	14	13
девушки	19	21	21

подростков в развивающих формах досуга создают опасность, что эти потребности будут удовлетворяться не самым лучшим образом.

Поэтому в особенно пристальном внимании нуждается группа «риска», учет ее нереализованных потребностей. Массовый интерес представители этой группы, как юноши, так и девушки, проявили к курсам автовождения (желали обучаться соответственно 51 и 76 %). Достаточно высокой была потребность проблемных подростков в компьютерных курсах (39 % юношей и 54 % девушек группы «риска»), курсах дополнительных профессий (соответственно 29 и 45 %), подготовительных в вуз/ССУЗ (28 и 55 %), по изучению иностранных языков (23 и 32 % соответственно). Для определенной части проблемных подростков, особенно девушек, были желательны занятия в музыкальных студиях (18 % юношей и 28 % девушек группы «риска»).

К другим видам занятий, представляющим интерес для примерно каждого десятого проблемного юноши, относились технические кружки (14 %), факультативы по предметам (11), спортивные секции (12), театральные студии (8 %). Остальные виды занятий были им не столь интересны. Нереализованные потребности девушек группы «риска» (наряду с указанными выше) были связаны с занятиями искусством (музыкой — 28 %, театром — 21, танцами, пением, фольклором — 17, рисованием — 12 %), рукоделием, моделированием одежды (38 %) и спортом (19 %). Каждая десятая из этих девушек хотела бы посещать естественнонаучные кружки, факультативы по предметам, технические кружки.

Как видно, при соответствующих условиях и усилиях у взрослых есть возможность занять полезным делом подростков группы «риска», так как их познавательные интересы достаточно развиты. С другой стороны, отдельную задачу, по-видимому, представляет то, как удержать таких ребят в рамках организованных форм досуга, учитывая их непростые личностные особенности.

В связи с этим следует подробнее остановиться на такой особенности группы «риска», как их более активное участие практически во всех организованных формах досуга в прошлом и, напротив, менее активное — в настоящем и будущем (табл. 31.7).

Возможны, на наш взгляд, три причины такой ситуации:

1) пристрастие к наркотикам всех видов, включая табак и алкоголь, сочетающееся с вовлеченностью в проблемную компанию, снижает их потребность в организованных формах досуга;

2) конфликтность подростков группы «риска» в отношениях с взрослыми, проблемы с успеваемостью в школе создают в сфере внешнего организованного досуга и образования дополнительную зону ответственности, где почти так же, как в школе, происходит оценивание их персональных успехов и достижений, требуется выполнение заданий преподавателя или тренера, с чем проблемные подростки, вероятно, так же часто не справляются, как и со школьными уроками, что снижает их интерес к данной сфере (возможно, что они чаще «бросают» кружки);

Таблица 31.7

Средние значения показателей участия во внешкольных учреждениях досуга и дополнительного образования, среднее количество кружков

Кружки	Группа «риска»			Группа «нормы»		
	Юноши	Девушки	Оба пола	Юноши	Девушки	Оба пола
В которых занимаются сейчас	0,7	0,5	0,6	0,9	0,7	0,8
В которых занимались раньше	1,3	2,1	1,6	1,1	1,6	1,4
В которых хотели бы заниматься	1,9	3,2	2,4	2,5	3,8	3,2

3) родители проблемных подростков, проявлявшие достаточный интерес к развитию своих детей в младшем и среднем школьном возрасте, по-видимому, рано устранились от участия и помощи в организации внешкольной жизни своих детей, отчасти из-за повышенной конфликтности в отношениях с детьми, из-за личностных особенностей детей, а также из-за слабой успеваемости в школе (по принципу — какие кружки, если в школе двойки?).

В эмпирических данных проведенного обследования мы находим подтверждения (как прямые, так и косвенные) тому, что все три причины имеют место и влияют на поведение подростков группы «риска». Выше уже говорилось о множестве особенностей сознания и поведения подростков этой группы. Обратим внимание, в частности, еще на одну особенность — это недейственность («нечувствительность») в отношении них наказаний в противоположность высокой действенности похвалы. Это позволяет рекомендовать в качестве фактора защиты от наркомании и других видов противоправного поведения привлечение проблемных подростков в такие кружки, клубы, организации, где акцент делается не на персональном успехе, а на результате усилий коллектива, группы.

Отношение родителей старшеклассников к проблеме употребления подростками психоактивных веществ

По данным опроса, проведенного в Новосибирской области, среди родителей старшеклассников только 60 % уверены, что их дети не курят, а родители более трети юношей полагают, что их дети уже имеют опыт табакокурения (рис. 31.12).

Остается широко распространенным и потребление алкоголя. Хотя только 42 % мужчин и 59 % женщин, по их словам, не употребляли алкогольные напитки в течение последнего месяца, часть из них все же пили пиво (соответственно 15 и 6 %, они не рассматривали его как на-

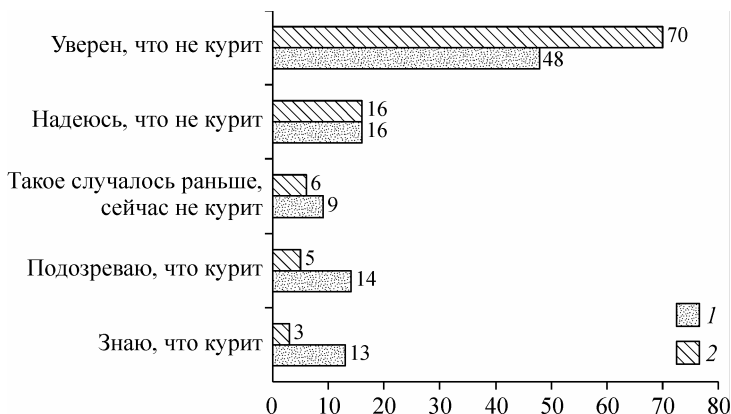

Рис. 31.12. Мнения родителей старшекласников о том, курят ли их дети (Новосибирская область, 2004 г., % к числу ответивших).

1 — юноши, 2 — девушки.

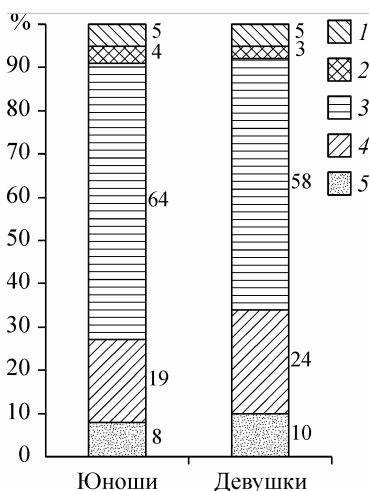

Рис. 31.13. Мнения родителей о возрасте, с которого ребенок может употреблять легкие алкогольные напитки, включая пиво (Новосибирская область, 2004 г., % к числу ответивших).

1 — ни в каком возрасте не нужно; 2 — 22—30 лет; 3 — 18—21 год; 4 — 16—17 лет; 5 — 6—15 лет.

питок, содержащий алкоголь). Между городскими и сельскими жителями существенны различия в доле регулярно пьющих: соответственно 53 и 39 % употребляли алкоголь. Кроме того, среди остальных, кто считал себя непьющими, пили пиво соответственно 10 и 8 %. Городские условия можно рассматривать как потенциально более опасные для распространения сильно действующих наркотиков, поскольку городские дети и подростки больше видят «взрослого пьянства».

Чрезвычайно терпимы родители по отношению к употреблению алкогольных напитков несовершеннолетними детьми: каждый третий (30 %) считает это приемлемым для детей до 18 лет, и только 5 % не хотят, чтобы их дети употребляли алкоголь в каком бы то ни было возрасте (рис. 31.13). Соответственно при ответе на вопрос «Как Вы относитесь к культурному употреблению спиртного среди молодежи?» также почти треть родителей

Таблица 31.8

Причины курения и употребления алкоголя подростками по мнению старшеклассников и родителей, % к числу ответивших*

Причина	По мнению родителей, 2004 г.	По мнению старшеклассников, 2002 г.
Хотят казаться взрослыми	65	56
Непонимание вреда	26	41
Можно везде купить	47	38
Дурной пример взрослых	40	36
Безразличие родителей	32	32
Так принято в компаниях	39	30
Реклама	49	29
Курят и пьют всем назло	8	16
Кино, ТВ, книги, журналы	25	13
Можно взять у кого-нибудь дома	7	8
Безразличие учителей	9	5

* Ранжировка сделана по ответам старшеклассников.

относилась к этому терпимо (24 % — положительно и 4 % — безразлично, 72 % — отрицательно). Это наводит на мысль, что отрицательная оценка нередко дается только на словах, как дань официальному общественному мнению. Она является элементом двойного стандарта, который фиксируют дети: «Сами курят и пьют, а нам нельзя!».

Социальная обусловленность негативного потребления осознается и родителями, и старшеклассниками. Среди его причин более половины опрошенных называют «желание казаться взрослыми», две трети — «дурной пример взрослых» и «безразличие родителей» (табл. 31.8). В то же время такое осознание не ведет ни к каким конкретным действиям. Действительно, большинство родителей по существу не только ничего не делает, но и не думает, как приостановить процесс наркотизации. Это проявляется, например, в ответах на вопрос «Какие проблемы жизни Вашего ребенка Вас тревожат, волнуют больше всего?». Пристрастие ребенка к курению, алкоголю, возможность приобщения к потреблению наркотиков беспокоят лишь 4—7 % родителей девушек и 8—11 % родителей юношей. Видимо, в основном это те родители, которые уже столкнулись с негативными последствиями, связанными с делинквентным поведением подростков.

Двойственность отношения общества к наркотизации приводит к формированию не только барьеров на пути включения подростков в круги наркоманов, но и факторов, способствующих этому.

Барьеры на пути приобщения подростков к негативному потреблению, создаваемые социальным окружением

По данным опроса старшеклассников, проведенного в Новосибирской области в 2002 г., были выявлены факторы, снижающие риск их приобщения к наркотикам [Гвоздева и др., 2004]. Очерчен круг основных агентов ближайшего окружения, формирующих условия для снижения риска приобщения школьников к наркотикам. Во-первых, многие родители и педагоги стремятся к взаимопониманию и доверительному отношению с подростками. Во-вторых, они формируют высокую мотивацию к общественно-полезной деятельности, направленной на развитие ребенка. В-третьих, совместно с работниками культуры пытаются создать возможности для полезного проведения досуга. Наконец, в-четвертых, ближайшее окружение стремится вооружить подростка знанием о вредном воздействии наркотиков и привить критическое к ним отношение.

Показано, что основной предпосылкой, удерживающей подростков от потребления наркотиков, является высокий уровень критичности к наркоманам. Важно не только то, как социальное окружение и среда воздействует на подростка, но и то, как он сам воспринимает и оценивает свое окружение. Если родителям, педагогам, друзьям удается сформировать у подростков это критичное отношение к наркоманам, вероятность их попадания в группу отвергающих наркотики, а не в группу «риска» повышается в 3,9 раза. При высокой мотивации подростка к общественно-полезной деятельности вероятность положительного исхода повышается в 1,4 раза. Участвуя в спортивных секциях и кружках, укрепляя здоровье, обучаясь работе на компьютере, подросток оказывается более защищенным: увеличивается его шанс остаться в группе отвергающих наркотики.

Регрессионный анализ факторов, снижающих риск наркотизации старшеклассников. Для проверки и повышения обоснованности ранее полученных нами результатов на базе ответов родителей старшеклассников была построена регрессионная модель. Чтобы выявить наиболее существенные факторы, способные служить барьером и снижать вероятность попадания подростка в группу «риска», был проведен логистический регрессионный анализ. В группу «риска» были включены старшеклассники, которые, со слов родителей, уже подверглись наркотизации в одной из форм: а) курящие; б) выпивающие чаще, чем несколько раз в год; в) попробовавшие наркотики.

В качестве зависимой переменной взята дихотомическая переменная, отражающая принадлежность подростка к группе еще не подвергшихся наркотизации. Проверялась вероятность ($P \{y = 1\}$) попадания подростка в эту группу. В число независимых переменных были включены следующие (табл. 31.9):

Таблица 31.9

Параметры уравнения логистической регрессии в модели барьеров на пути наркотизации подростков: взгляд родителей

Независимая переменная	<i>B</i>	exp(<i>B</i>)	Sig.
Уверенность родителей в критичном отношении ребенка к наркопотреблению, x^1	0,5751	1,7774	0,0001
Ребенок живет в полной расширенной семье, x^2	0,1633	1,1774	0,2987
Оба родителя имеют высшее образование, x^3	0,0381	1,0388	0,8620
Высокая мотивация к общественно-полезному труду, x^4	0,5173	1,6775	0,0623
Доверительность отношений в семье, x^5	0,3114	1,3654	0,2587
Семья не наркотизирована, x^6	0,9777	2,6584	0,0019
Посещение спортивных секций, организаций, компьютерных курсов, x^7	-0,3327	0,7170	0,0300
Материально семья обеспечена, x^8	-0,0230	0,9773	0,8963
Константа (Constant)	0,2530		0,3979

Примечание. Здесь и далее *B* — коэффициент регрессии; exp(*B*) — экспонента коэффициента регрессии; Sig. — наблюдаемая значимость.

x^1 — абсолютная уверенность родителей в критичном отношении ребенка к наркопотреблению («никогда не поддастся соблазну попробовать наркотики»);

x^2 — старшекласник живет в полной расширенной семье. Мы исходили из того, что проживание ребенка совместно с обоими родителями, при наличии братьев или сестер или иных родственников (бабушка, дедушка и др.), обеспечивает лучший социальный контроль и создает больше возможностей для общения в семье;

x^3 — высшее образование у обоих родителей;

x^4 — наличие у подростка высокой мотивации к общественно-полезному труду. Для школьников такую мотивацию отражают достижения в учебе, желание учиться и трудолюбие. Уровень мотивации признается высоким, если школьник хорошо или отлично учится и родитель считает его более трудолюбивым, более стремящимся к учебе, чем его сверстники;

x^5 — доверительность отношений в семье. Этот индикатор строился на основе согласия родителей хотя бы с одним из двух утверждений о семье: «В трудные времена мы можем надеяться на поддержку друг друга» и «Мы доверяем друг другу»;

x^6 — семья не наркотизирована. Поскольку пьянство в семьях является фактором риска приобщения подростков к наркотикам, мы предположили, что семья, в которой никто не курит и почти не употребляет спиртные напитки, способна выполнять защитные функции, удерживая ребенка от негативного потребления;

x^7 — посещение подростком спортивных секций или компьютерных курсов и кружков, а также участие в деятельности молодежных общественных организаций физкультурно-спортивной направленности;

x^8 — семья материально обеспечена на среднем или высоком уровне.

Мы стремились включить в модель независимые переменные, аналогичные тем, которые использовались ранее при анализе влияния социального окружения на наркопотребление на основе информации, полученной от школьников [Гвоздева и др., 2004]. Несколько расширили их круг, дополнив теми параметрами, которые характеризуют семью (тип семьи, x^2 ; уровень образования родителей, x^3 ; материальное положение семьи, x^8). Предполагалась возможность положительного влияния отмеченных факторов, но это подтвердилось лишь отчасти.

Построение регрессионной модели позволило определить независимые переменные, которые увеличивают вероятность того, что старшеклассники не подвергнутся наркотизации. Существенное влияние на уровне значимости 5 % оказывают такие факторы, как уверенность родителей в критичном отношении подростка к наркопотреблению (x^1) и ненаркотизированность семьи школьника (x^6). Вероятность оказаться среди отвергающих негативное потребление повышается в 1,8 раза под влиянием x^1 и в 2,6 раза под влиянием x^6 (см. табл. 31.9).

Наличие у подростка высокой мотивации к общественно-полезному труду (x^4), зафиксированное родителями, оказалось значимым на уровне 10 %, т. е. при расширении доверительного интервала. Напомним, что прогнозирование с помощью модели факторов защиты подростков от наркопотребления, основанное на ответах школьников, показало влияние высокой мотивации к труду на уровне значимости 5 % [Гвоздева и др., 2004]. Чтобы прояснить роль стремления к труду как фактора защиты, далее исследуем похожую переменную и в модели факторов риска. Мы проверим, окажется ли значимой обратная переменная — «отсутствие такой мотивации» (другими словами, «склонность к лени») — в модели факторов риска наркотизации подростков.

При дополнении модели еще одним признаком, x^9 — *пол подростка — девушка*, он оказался значимым (табл. 31.10). Вероятность неподверженности для наркотизации девушек в 1,7 раза больше, чем для юношей, что отражает меньшую распространенность среди них негативного потребления. Поэтому рассмотренная модель была применена к данным с учетом гендерных особенностей. Переменная «уверенность родителей в критичном отношении подростка к наркопотреблению» оказалась значимой и для юношей, и для девушек (см. табл. 31.10). В этом случае вероятность того, что старшеклассник окажется среди отвергающих курение и алкоголь, повышается в 1,7—1,8 раза. Для юношей вероятность этого события повышается в 4 раза, если родители не курят и почти не употребляют спиртные напитки. Для девушек большее значение имеет тип семьи: если они живут в полной семье с братьями, сестрами или бабушкой (дедушкой), то вероятность не попасть в число наркотизированных повышается в 2 раза.

Тот факт, что высокая мотивация к труду не проявилась в качестве значимой переменной, а значимым оказалось проживание девушек

Таблица 31.10

Параметры уравнения логистической регрессии в модели барьеров на пути наркотизации юношей и девушек: взгляд родителей

Независимая переменная	Юноши			Девушки		
	<i>B</i>	exp(<i>B</i>)	Sig.	<i>B</i>	exp(<i>B</i>)	Sig.
Уверенность родителей в критичном отношении ребенка к наркопотреблению, x^1	0,5816	1,7889	0,0079	0,5450	1,7245	0,0181
Подросток живет в полной расширенной семье, x^2	-0,3484	0,7058	0,1287	0,6745	1,9630	0,0032
Оба родителя имеют высшее образование, x^3	0,2937	1,3414	0,3780	-0,1932	0,8243	0,5254
Высокая мотивация к общественно-полезному труду, x^4	0,8179	2,2657	0,1188	0,2344	1,2641	0,4889
Доверительность отношений в семье, x^5	0,2372	1,2676	0,5860	0,4211	1,5236	0,2671
Семья не наркотизирована, x^6	1,3748	3,9541	0,0060	0,6002	1,8224	0,1453
Посещение спортивных секций, компьютерных курсов, x^7	0,1661	1,1807	0,4448	-0,6402	0,5272	0,0102
Материально семья обеспечена, x^8	0,1036	1,1091	0,6805	-0,2885	0,7494	0,2841
Константа (Constant)	-0,0421		0,9277	0,5111		0,2262

в полной расширенной семье, объясняется взаимозависимостью этих переменных. В таких семьях доля подростков с высокой мотивацией к труду в 2 раза выше (14 %), чем в остальных (7 %). Однако надо заметить, что среди полных семей меньше полностью исключивших негативное потребление, поэтому переменная x^6 для девушек оказалась незначимой.

Если девушка посещает спортивную секцию или компьютерные курсы (кружок) либо участвует в деятельности молодежных общественных организаций физкультурно-спортивной направленности, то вероятность ее защищенности снижается в 1,9 раза. Мы склонны объяснить выявленную статистическую зависимость предположением, что занимаются спортом и интересуются компьютером девушки, в число личностных качеств которых входит инновативность, желание самой попробовать проявить себя в новых областях и обстоятельствах. Кроме того, эти девушки, возможно, больше общаются с юношами, оказываются в одних с ними компаниях, где курят или выпивают. Важно обратить внимание, что выявленный характер зависимости противоположен полученному на основе ответов старшеклассников. А значит, с одной стороны, требуется дальнейшее изучение, а с другой, стоит сделать вывод, что пока рано рассматривать увлеченность спортом и компьютером как альтернативу негативному потреблению.

Опасности наркотизации подростков, создаваемые социальным окружением

С использованием ответов старшеклассников показано, что по сравнению с контрольной группой в группе потребляющих (или желающих попробовать) наркотики больше лиц, имеющих проблемы с учебой, проблемы в отношениях с родителями и с учителями, больше тех, кто допускает противоправное поведение. Также в группе риска значимо больше юношей, чем девушек (соответственно 57 и 43 %).

Анализ ответов старшеклассников позволил выделить статистически значимые факторы, провоцирующие попадание подростка в группу риска:

доступность наркотиков;

наличие друзей, потребляющих наркотические вещества;

вызывающие тревогу способы и места проведения досуга подростками;

низкая степень критичности к наркопотреблению;

негативное потребление родителей.

Попадание в группу наркотизированных подростков зачастую сопровождается конфликтами с педагогами, следовательно, эти конфликты можно рассматривать как тревожный индикатор делинквентного поведения. Этот вывод также следует из построенной по ответам школьников модели негативного влияния ближайшего окружения, повышающего риск наркомании [Гвоздева и др., 2004]. Полученные результаты мы попытались проверить, используя ответы родителей старшеклассников.

Регрессионный анализ факторов, повышающих риск наркотизации подростков: мнения родителей старшеклассников. В логистической регрессионной модели в качестве зависимой выступала дихотомическая переменная, отражающая принадлежность подростка к группе тех, кто, по мнению родителей, курит, выпивает или употребляет наркотики. Оценивалась вероятность попадания подростка в группу «риска» — $P\{y = 1\}$. В качестве независимых переменных рассматривались следующие:

x^1 — семья с ограниченным влиянием родителей, т. е. неполная семья (нет одного или обоих родителей старшеклассника) либо оба родителя имеют образование в объеме средней школы или ниже;

x^2 — подросток не желает трудиться. Индикатор построен на основе ответов на два вопроса: либо родителей тревожит его нежелание трудиться, либо школьник учится в основном на «удовлетворительно» и «неудовлетворительно»;

x^3 — друзья подвержены негативному потреблению, т. е. среди друзей имеются либо курящие, либо регулярно выпивающие, либо пробовавшие наркотики;

x^4 — родители позволяют подросткам потребление алкоголя, т. е. разрешают выпивать, либо позитивно относятся к культурному употреб-

лению спиртных напитков среди молодежи, либо считают, что легкие алкогольные напитки подростку можно выпивать в возрасте до 18 лет;

x^5 — *досуг и компания подростка вызывают тревогу*, если компания школьников объединяет стремление к приключениям, острым ощущениям или уход из-под контроля взрослых, желание весело проводить время, а также если родители не знают, что объединяет ребят;

x^6 — *семья материально обеспечена на низком уровне*. К этой категории отнесены те, кто ответили, что денег хватает только на питание, одежду и обувь и в семье нет автомобиля. В выборке родителей доля таких семей составила 21 %;

x^7 — *поступали жалобы на поведение старшеклассника или информация о его проблемах*. Здесь учитывались случаи, когда информация поступала не от членов семьи (от учителей, соседей, других родителей, психолога и др.);

x^8 — *злоупотребление алкоголем взрослых в семье*;

x^9 — *принадлежность к мужскому полу*.

Независимые переменные, увеличивающие вероятность попадания подростка в группу наркотизированных, приведены в табл. 31.11.

Как и в модели факторов защиты от наркотизации, в модели факторов риска статистически незначимым оказалось материальное положение: неблагополучными могут стать дети как из бедных, так и из обеспеченных семей. Неполная семья и отсутствие профессионального образования у родителей не повышает для подростков риск пристраститься к негативному потреблению.

Но если друзья подростка подвержены негативному потреблению, риск быть наркотизированным повышается в 6,4 раза. Если родители позволяют подросткам потребление алкоголя, — то в 3,5 раза. Тем самым был подтвержден вывод, основанный на ответах старшеклассников: если среди друзей подростка есть потребляющие наркотические вещества или ему уже предлагали попробовать наркотик, вероятность попасть в группу «риска» резко возрастает.

Подросток также подвергается дополнительному риску (возрастает в 1,8 раза), если его компания вызывает у родителей тревогу из-за сомнительности целей встреч детей. Эта зависимость подтверждает ранее полученный вывод о том, что вероятность наркотизации повышается, если подросток бесцельно проводит свободное время и посещает социально не одобряемые места проведения досуга.

Риск увеличивается и при негативном потреблении родителями. Причем опасность наркотизации возрастает именно для юношей. Вероятность того, что девушка окажется в группе риска, возрастает (в 2,8 раза), если ее поведение не одобряется окружающими, в частности, поступают жалобы от учителей, соседей или психолог информировал о ее проблемах (см. табл. 31.11).

Исследуя факторы защиты от наркотизации, мы отмечали, что одним из них является высокая мотивация к труду, чаще проявляющаяся у

девушек из полных семей. А отмеченное родителями нежелание трудиться, наоборот, — фактором риска для юношей. Поэтому мы считаем, что социальное окружение и, прежде всего, семья должны привить ребенку желание работать и учиться. Хотя это сделать не просто в современном российском обществе, где труд врачей, учителей, рабочих многих отраслей промышленности и сельского хозяйства оплачивается ниже разумного уровня. Подростки также видят, что в современном мире можно не особенно трудиться, а преступным путем нажать себе капитал. Поэтому гражданское общество и государство должны транслировать идеологию и создавать условия, поддерживающие высокие моральные и нравственные ориентиры для современной молодежи.

Таблица 31.11

Параметры уравнений логистической регрессии в модели факторов риска наркотизации подростка: взгляд родителей

Независимая переменная	Все школьники			Юноши			Девушки		
	<i>B</i>	$\exp(B)$	Sig.	<i>B</i>	$\exp(B)$	Sig.	<i>B</i>	$\exp(B)$	Sig.
Семья с ограниченным влиянием родителей, x^1	0,289	1,335	0,120	0,147	1,158	0,585	0,379	1,461	0,149
Подросток не желает трудиться, x^2	0,339	1,404	0,076	0,534	1,706	0,032	0,014	1,014	0,965
Друзья курят, выпивают или пробовали наркотики, x^3	1,863	6,442	0,000	1,775	5,902	0,000	1,913	6,776	0,000
Родители позволяют подросткам курить или выпивать, x^4	1,241	3,458	0,000	1,115	3,049	0,000	1,550	4,714	0,000
Компания подростка вызывает тревогу, x^5	0,593	1,810	0,001	0,539	1,714	0,026	0,692	1,998	0,010
Материально семья обеспечена на низком уровне, x^6	-0,168	0,845	0,449	-0,018	0,982	0,955	-0,287	0,750	0,378
Поступали жалобы на поведение подростка, x^7	0,667	1,949	0,000	0,440	1,553	0,067	1,016	2,761	0,000
Злоупотребление алкоголем взрослых в семье, x^8	0,299	1,349	0,258	0,748	2,112	0,044	-0,234	0,791	0,565
Принадлежность подростка к мужскому полу, x^9	0,586	1,796	0,001						
Константа (Constant)	-4,121	—	0,000	-3,370	—	0,000	-4,437	—	0,000

* * *

1. Сравнение видения проблемы глазами взрослых людей и старшекласников позволило выявить барьеры и риски включения подростков в негативное потребление.

Главными факторами защиты являются критичное отношение подростка к наркопотреблению и отказ родительской семьи от негативного потребления (не курят и почти не пьют), а также высокая мотивация детей к труду, успешнее формируемая в полных семьях. Посещение подростком спортивных секций, организаций физкультурно-спортивной направленности, компьютерных курсов нельзя однозначно рассматривать как препятствие на пути негативного потребления: получены разные результаты по ответам подростков и родителей.

Выявлены основные элементы социального окружения и жизненные ситуации, повышающие риск включения подростка в наркопотребление:

доступность наркотиков и наличие друзей, которые выпивают, курят, знают, где купить наркотики;

злоупотребление алкоголем в семье и позволение родителей курить и выпивать детям;

конфликтный характер взаимодействия с педагогами и другими представителями социального окружения;

вызывающие тревогу компании и способы проведения досуга, в частности, посещение баров, ночных клубов и дискотек.

Наибольшую же опасность представляет приближенность подростков к тем, кто курит, выпивает, потребляет наркотики. Этот результат зафиксирован в двух моделях. По ответам родителей вероятность попасть в группу риска у подростка увеличивается в 6,4 раза, если его друзья уже наркотизированы. По ответам школьников — в 11 раз, если среди друзей есть такие, кто пробовал наркотики, или если ему самому предлагали попробовать.

2. С методической точки зрения мы убедились, что полученная информация у подростков и родителей позволяет выявить важные элементы социального окружения, способные служить барьерами и снижать вероятность попадания подростка в группу «риска», а также факторы, повышающие опасность включиться в наркопотребление. В некоторых отношениях более откровенными и полными оказались ответы школьников (распространенность наркопотребления, курения, способы проведения досуга подростками), по другим вопросам ответы почти полностью совпадали. Например, данные о распространенности негативного потребления родителей показывают, что большинство из них не скрывают существующие проблемы, нет особого желания «приукрасить» себя и своего ребенка.

3. Об обоснованности выводов свидетельствует значительное совпадение результатов регрессионного анализа факторов риска включения

подростка в негативное потребление, проведенного на двух информационных базах. В частности, близкие результаты о гендерных особенностях опасности наркотизации получены с использованием ответов как старшеклассников, так и родителей:

юноши больше подвержены опасности наркотизации — по ответам школьников вероятность повышается в 1,6 раза по сравнению с девушками, по ответам родителей — в 1,8 раза;

обе регрессионные модели показали, что негативное потребление родителей является фактором опасности прежде всего для юношей. В этом случае вероятность их попадания в группу риска повышается в 2,1 раза по ответам родителей и в 1,9 раза — по ответам школьников. И наоборот, если родители не злоупотребляют алкоголем и не курят, это в 4 раза повышает шансы юношей попасть в число отвергающих негативное потребление (по ответам самих родителей). Если же родители позволяют детям выпивать, то вероятность попасть в группу риска увеличивается в 3,5 раза;

хотя на поведение девушек взрослые реже жалуются, но когда такое случается, обе модели зафиксировали резкое увеличение вероятности их попадания в группу наркотизированных. Повышенный уровень конфликтности с педагогами увеличивает и вероятность юноши попасть в группу «риска», но для девушки она выше (опасность возрастает в 2,2 и 3,9 раза соответственно по ответам школьников). Именно те подростки, которые с точки зрения преподавателей являются «проблемными», требуют пристального внимания и помощи со стороны родителей.

4. Построенные модели обладают хорошей прогностической способностью. Модели факторов защиты позволяют правильно предсказать попадание подростка в число не подверженных наркотизации в 94 % случаев (для юношей — 89 %, для девушек — 98 %), а модели факторов риска в 80 % случаев предсказывают попадание подростка в группу риска, если он наркотизирован (для юношей — 86 %, для девушек — 75 %). При разделении совокупности подростков по гендерному признаку значимые факторы по большей части сохраняли устойчивость, также проявлялись особенности взаимодействия с ближайшим окружением, характерные для юношей и девушек.

5. Полученные результаты полезны и с точки зрения воспитания подростков.

Существенным моментом является осведомленность родителей о вредных привычках их детей. Лишь 16 % родителей знали или подозревали, что их ребенок курит, а 60 % — были уверены, что их дети не курят. О бесконтрольном употреблении алкоголя их детьми знали или подозревали 24 % родителей. На самом деле в реальности таких фактов гораздо больше. Среди старшеклассников курят 26 % (36 % юношей и 19 % девушек), употребляют алкоголь 37 % как юношей, так и девушек. Как видно, дети отнюдь не всегда делятся своими секретами о новом «жизненном опыте» с родителями. Осведомленность родителей об упот-

реблении алкоголя их детьми гораздо более приближена к реальности, чем о курении. Видимо, это следствие гораздо более терпимого отношения родителей к употреблению алкогольных напитков как их собственными детьми, так и молодым поколением в целом.

Молодое поколение недостаточно осознает вред употребления психоактивных веществ, очень низка критичность молодежи к негативному потреблению. К сожалению, со стороны большинства сверстников курящего или пьющего подростка нет противодействия его установке на курение и употребление алкоголя. Так, отношение к тому, что подростки курят, выражается практически в полном безразличии к этому явлению большинства опрошенных старшеклассников: 64 % ответили, что это личное дело каждого. Отрицательную оценку высказали только 28 % (несколько больше таких ответов дали сельские — 34 %). В отношении употребления алкоголя большинство опрошенных так же, как и в случае с курением, нейтрально («мне все равно, это личное дело каждого») относятся к тому, что их сверстники употребляют алкоголь (63 %), только каждый четвертый (27 %) осуждал это явление.

Данные опросов показали, что хотя подростки, молодые люди (по их собственной оценке) недостаточно осознают вред курения и употребления алкоголя, взрослые не придают этому должного значения. Так, 59 % родителей были уверены, что современные подростки много знают о вреде курения и алкоголя, меньшинство (36 %) считали, что знания подростков недостаточны, и 2 % указали на полное отсутствие таких знаний.

Учитывая очень высокий уровень терпимости подростков к курению и употреблению алкоголя их сверстниками (и целый ряд других подтверждающих данных), можно оценить уровень знаний подрастающего поколения о вреде употребления психоактивных веществ как невысокий, а сами знания как поверхностные, не получившие закрепления ни в сознании, ни в поведении. Итак, с одной стороны, родители прививают детям двойные стандарты, когда речь идет о курении и употреблении алкоголя, а с другой стороны, слишком переоценивают результаты своей воспитательной работы.

По мнению и взрослых, и старшеклассников, основной причиной употребления алкоголя и курения среди подростков является то, что они хотят казаться взрослыми (соответственно 65 и 56 %). К сожалению, в нашем обществе негативное потребление стало одним из самых доступных способов для молодого человека «доказать» себе и окружающим, что он уже не ребенок. Вот реальный аргумент в пользу того, что в нашем обществе практически не развиты те механизмы социализации, которые бы учили молодого человека социальной и личной ответственности за свои поступки.

Таким образом, пытаясь ответить на вопрос «Можно ли избежать потребления подростками психоактивных веществ?», можно сказать — «и да, и нет». В современном обществе, которое социологи называют

«обществом риска», избежать такого опыта у молодого поколения вряд ли удастся. Но снизить этот риск вполне по силам, и в том случае, когда речь идет о конкретном ребенке в семье, и в случае, когда речь идет о группе подростков, если при этом предпринимаются действия по снижению факторов риска и активизации факторов защиты, учитываются индивидуальные и социальные особенности подростков, учитываются особенности процесса приобщения молодежи к психоактивным веществам. Если в снижении распространенности негативного потребления среди молодежи заинтересовано все общество, то необходимы также меры противодействия на уровне государственной политики.

глава 32 | **Риски детской безнадзорности в условиях трансформации брака и семьи***

Вопросы, обсуждаемые в этой главе, — логическое продолжение и развитие современных демографических тенденций в сфере брака и семьи (см. главу 14 «Современные тенденции в сфере брака и семьи»). Результаты анализа брачности, разводимости, рождаемости на макроуровне (демографическом-социетальном) свидетельствуют об устойчивых и необратимых тенденциях этих массовых процессов: низкой брачности, низкой рождаемости, высокой разводимости. Но демографическая статистика регистрирует лишь те события, которые попадают в ее поле зрения, и, соответственно, характеризует их в виде «высоких» или «низких» коэффициентов/показателей. Эти показатели, относящиеся ко всему населению страны, не объясняют того, что происходит «на микроуровне» — в семье, и особенно в семье с примерно тридцатилетними супругами-родителями и 5—10-летними детьми. Так что анализ демографических тенденций на основе только статистики существенно ограничивает возможность понимания и объяснения процессов, происходящих в частной жизни людей — взрослых и детей. Дело осложняется и тем, что теперь многие аспекты реальности «не поддаются» статистической регистрации; стало быть, и возможность их научной рефлексии ограничена.

Социальный смысл демографических тенденций обнаруживается в результатах «понимающих» социологических (микроуровневых) исследований. Он состоит в том, что российская семья, как и европейская,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Риски социального сиротства в изменяющейся России: детерминанты макро- и микроуровня» № 06-03-00398а.

стала, в основном, устойчиво малодетной, т. е. с одним—двумя детьми; довольно часто супруги сожительствуют без официальной регистрации брака; при этом один или оба из партнеров могут иметь детей от другого брака, и эти дети могут жить с ними, а могут — и в другой семье. Родившиеся в таком союзе дети признаются или не признаются отцом; супруги/брачные партнеры могут развестись/разойтись, невзирая на наличие общих детей; разведенные/разошедшиеся отцы ищут возможности влиять на социализацию своего родного ребенка, чему зачастую решительно препятствуют матери детей/бывшие супруги, а могут и наоборот — оставить ребенка на полное попечение и ответственность отца и т. д. В России по нашим расчетам на основе данных RLMS за 1995—2001 гг., в 29,8 % семей с детьми в возрасте до 18 лет произошло, по крайней мере, одно изменение «родительского состава», в 9,2 % семей — два и более изменений. Тема этой главы — современное состояние проблемы детской безнадзорности, обусловленной семейным (супружеским и родительским) поведением взрослых.

В результате семейных пертурбаций — взаимоотношений взрослых мужчин и женщин (родительских и супружеских) с их детьми происходит нечто — они капризничают, кричат, болеют, никого не слушаются, плохо учатся, попадают в дорожно-транспортные происшествия, убегают из дома... [Ричардс, 1994]. Проблема детской безнадзорности в наше время стала весьма актуальной: «...вся Россия становится страной пропадающих детей» — с такими и подобными заголовками все чаще появляются сообщения в СМИ [Тарасов, 2007]. Дети «пропадают» в Красноярске, Таганроге, Санкт-Петербурге, Старой Руссе Новгородской области, Горно-Алтайске, пос. Мошково под Новосибирском, Кемерово, Подмосковье, на Камчатке. В связи с этими трагедиями и у журналистов, и у обывателей, и у специалистов — социологов, психологов, педагогов — возникает много острых вопросов, но лейтмотив их один: нужны ли дети нашему обществу? Именно ДЕТИ — живые, здоровые малыши, школьники, подростки, а не цифры — демографические показатели рождаемости. На первый взгляд кажется, что это риторический вопрос. Между тем ответ на него не такой уж и однозначный, поскольку есть и такая статистика: большая распространенность феномена отказа от рожденных детей [Исупова, 2000], растущее число сирот, как кровных, так и социальных — при живых родителях. Статистика жестокого обращения с детьми в семье свидетельствует, что в России от жестокости родителей ежегодно гибнет до 2,5 тыс. детей; в Новосибирске за один месяц 2007 г. выявлено 83 акта жестокого обращения, заведено 24 уголовных дела; известны громкие уголовные дела о жестоком обращении с детьми в детских государственных учреждениях... И, по-видимому, как адекватный ответ — рост и высокие показатели детской и подростковой преступности, зачастую характеризующейся особой жестокостью.

Число убийств и покушений на убийство, совершаемых за год подростками, увеличилось за период 1991—2005 гг. более чем в 3 раза. Та-

ким образом, жестокость, агрессивность подрастающего поколения в России также становится острой социальной проблемой. И это — другая сторона проблем «безнадзорное детство», «социальное сиротство». Растет число юных сторонников национал-шовинистических движений, таких как скинхеды, партии РНЕ. В крупных городах нередко случаи крайнего проявления подростками шовинизма, ксенофобии. Жестокие драки, схватки между подростками на национальной и этнической почве зачастую заканчиваются гибелью пострадавших. По данным МВД РФ, число подростков, доставляемых ежегодно в органы внутренних дел, увеличилось с 1995 по 2005 г. более чем в 2 раза и составило в 2005 г. 1,3 млн. Ими совершается свыше 200 тыс. преступлений в год. Довольно подробно социальные аспекты детской и подростковой преступности изложены в книге Е. Б. Бреевой [2004]. Автор усматривает в проблемном положении детей в России угрозу ее национальной безопасности. В основном, современные проблемы детства анализируются автором как детская беспризорность, детская и подростковая преступность, но в то же время и как проблемы защиты прав ребенка.

Основные понятия и методология исследования

Общая научная проблема, на решение которой было направлено наше исследование, состоит в выявлении детерминант/условий, которые «работают» на рост численности группы риска — социальных сирот, безнадзорных детей, беспризорников. Под «детской безнадзорностью» понимается отсутствие заботы и попечения в течение дня. Социальное сиротство — понятие, по-разному определяемое в официальных, научных, популярных источниках. Во-первых, это понятие применяется к детям, оставшимся без попечения родителей, лишенных родительских прав; к детям, отобранным у родителей без лишения родительских прав, т. е. в тех случаях, когда детей называют «сиротами при живых родителях» [Гришина, 2006; Гурко, 2006]. Во-вторых, термин «социальное сиротство» довольно часто встречается в педагогических учебно-методических материалах и относится к тем ученикам общеобразовательных школ, которые находятся в «трудной жизненной ситуации». В основном, это и есть дети группы риска, дети из «проблемных семей, т. е. те, за кем отсутствует забота в течение дня [Условия..., 2006. С. 7]. Детская безнадзорность — это шаг в направлении беспризорности. В данном исследовании «социальное сиротство» используется именно в смысле детского одиночества при живых родителях, стало быть, практически как синоним «безнадзорности». Такая близость этих определений в нашем исследовании обоснована тем, что нами изучаются условия/риски распространения феномена безнадзорности и одиночества домашних (семейных) детей, т. е. как бы «пред-сиротство», «пред-беспризорность», в отличие, например, от исследовательского проекта

под руководством Т. Гурко, где изучалось жизнеустройство детей, уже имеющих статус лишенных родительского попечения.

Выделение такого понятия как риск в нашем проекте представляется весьма важным, поскольку акцентирует внимание на современной ситуации «социального сиротства» и «безнадзорности» как опасности, угрозы, неопределенности. Риск в смысле вероятности положительных и отрицательных шансов появляется тогда, когда есть выбор, но и сам этот выбор есть рискованное действие [Гидденс, 1994]. В нашем же случае речь идет о рисках, связанных с безнадзорным положением школьника начальных классов. Эти риски возникают в результате неумения ребенка реагировать на события в окружающем мире, на то, что непривычно и неизвестно для ребенка 6—10 лет. В этом возрасте сам школьник еще не готов к тому, чтобы сделать позитивный выбор, в условиях, которые для его жизни создают взрослые.

Конкретная задача нашего исследовательского проекта — изучение вероятности/риска детской безнадзорности в зависимости от семейных и внесемейных условий (факторов). В качестве важнейших семейных условий/факторов этого феномена мы принимаем, вслед за Р. Бароном и Д. Ричардсон [Baron, Richardson, 1994], семейное окружение и его изменения на протяжении детства: в полной или монородительской семье живет ребенок, с родными родителями или один из родителей неродной, часто ли меняется партнер родителя. В процессе трансформации условий жизни людей: представления, оценки, ориентации в сфере родительства, супружества, интимности. В целом, семья как социальный институт претерпевает существенные изменения. Внешними признаками таких изменений, фиксируемыми статистикой, во всех современных обществах являются: разводы, внебрачные рождения, повторные семьи. Напомним, что в России частота разводов одна из самых высоких в мире, при этом на каждые 10 распавшихся семей с детьми в 2005 г. приходилось 15 несовершеннолетних детей. Разводу обычно предшествует период нестабильной жизни, который в самом общем виде можно охарактеризовать тем, что происходят заметные ребенку изменения во взаимоотношениях родителей. В семье могут учащаться ссоры, сопровождающиеся открытой агрессивностью и даже насилием.

Уровень внебрачных рождений в России также весьма высок и имеет явную тенденцию к росту: за период с 1990 по 2005 г. он вырос с 14,6 до 30,2 % среди всех рождений. Часто заключаются и повторные браки (28 % среди всех браков); стало быть, нередки случаи, когда дети живут в семье с неродными родителями, чаще — с отчимом, чем с мачехой. Кроме того, занятость женщин вне семьи в России была и остается самой высокой в мире на протяжении жизни трех—четырех поколений. Даже в период кризисных 1990-х гг. доля работающих среди женщин была сопоставима с этим показателем для мужчин. Социологи выявили множество социальных последствий этого феномена, но наиболее фун-

даментальным из них является ломка гендерных стереотипов, родительских ролей. Непосредственное отношение к проблеме безнадзорности детей имеют следующие конкретные последствия длительной практической всеобщей женской занятости в России:

рост экономической независимости женщин сопровождается распространением модели женского доминирования в семейной, репродуктивной, воспитательной сферах;

происходит накапливание (обострение) фрустрации у мужчин и у женщин из-за конкуренции как на рынке труда, так и в семейной сфере, в результате чего возникает склонность к неадекватным (агрессивным) реакциям взрослых, чаще проявляющимся в частной жизни, на внутрисемейном уровне;

в России практически утрачена культура разрешения конфликтов в частной сфере «мирным путем»: эмансипированные женщины перенесли стиль отношений в публичной сфере в сферу семьи. Достижение желаемого с помощью агрессивных проявлений в нуклеарной семье происходит практически на всех уровнях внутрисемейных интеракций: между супругами (в присутствии детей), между родителями и детьми, между детьми;

проблема «один дома» — ситуация, в результате которой школьники младших классов (6—10 лет) значительную часть времени остаются без присмотра родителей. Будучи предоставленные сами себе, эти дети проводят время за видеоиграми в «войну, захваты, нападения», смотрят ТВ, где даже в детских фильмах и мультфильмах изобилуют сцены насилия и жестокости.

Конкретные проявления этих изменений, очевидно, сказываются на росте агрессивности детей и подростков.

Для понимания современных процессов, происходящих в семье, механизмов трансформации отношений родители-дети воспользуемся теорией исторических типов моногамной семьи [Голод, 1998]. Теоретическая гипотеза нашего проекта состоит в том, что современные семейные отношения все чаще можно отнести к «супружескому» типу (по критерию «зависимость—автономность»). О том, что «общество перестает быть “детоцентристским”, каким оно стало только с XVIII века», сказал Ф. Арьес — историк-исследователь детства. «Это значит, что ребенок... утрачивает свою запоздалую и, может быть, чрезмерную монополию и занимает менее привилегированное место» (цит. по [Кон, 2003. С. 297]). Закат детоцентризма обнаруживают исследователи и в других странах. О «затмении семьи» во Франции и перекладывании воспитания детей на систему образования пишет и Франсуа де Сенгли (по [Шматкевич, 2005]). Американские исследователи родительско-детских отношений также замечают, что на рубеже третьего тысячелетия снижается удельный вес семейного ухода и воспитания детей, тогда как роль внесемейных факторов возрастает (см. [Кон, 2003]). В нашей работе предпринята попытка проследить, происходят ли аналогичные трансформации в России.

Выбор в качестве субъекта изучения семьи (родителей) школьников начальных классов (детей в возрасте 6—10 лет) обусловлен следующими причинами:

проблемная модальность этой возрастной группы детей. По данным демографической статистики, в России средняя продолжительность распадающихся браков равна 5,8 лет. Стало быть, в основном, группа риска, переживающая конфликты, брань, ссоры, уходы родителей чаще других, состоит именно из детей этого возраста;

психологические особенности этой возрастной группы. По данным исследований Дж. Валлерштейн и Дж. Келли [1989], в этом возрасте отчетливо проявляются ослабление психологической привязанности к матери и нарастание потребности в общении с отцом, с другими родственниками (и со стороны отца тоже). Из-за невозможности реализации этой потребности (в ситуации развода или появления отчима) у ребенка могут появляться отклонения в поведении, враждебность, склонность к разрушительности, девиации;

эффективность профилактических программ. Анализ мер профилактики подростковой преступности показал, что эффективный долгосрочный результат дает только работа именно с дошкольниками и младшими школьниками [Tremblay, Craig, 1995]. В этом возрасте проявления непослушания, девиантности, агрессивности еще не квалифицируются как правонарушения и заметны лишь узкому кругу близких людей. В то же время программы, адресованные подросткам, оказались уже малоэффективны;

отсутствие специальных исследований в России. Социологические и социально-психологические исследования проблем безнадзорности в России в основном нацелены на изучение семейных и личностных факторов проблемного поведения *подростков*, т. е. людей более старшего возраста. В них изучаются такие аспекты, как негативное потребление (наркотики, алкоголь), сексуальность, беременность. Конечно, это весьма актуальные исследования. Однако, в силу совокупности приведенных выше причин выявление социально-культурных и внутрисемейных детерминант социального сиротства младших школьников не менее актуально и своевременно.

Еще одним важным аспектом исследования является ситуация повторной для ребенка семьи. Ситуации в семье могут меняться, причем несколько раз: после разделения родители могут помириться, после развода вновь пожениться, образовать новую супружескую пару или начать сожителство с новым партнером. Все это сказывается на ребенке, на его взаимоотношениях с родителем (отцом), живущим отдельно, со сводными братьями и сестрами, с отчимом или мачехой. Как правило, многократные «схождения и расхождения» в семье, которые переживает ребенок, еще более усугубляют воздействия, мешающие нормальному воспитанию ребенка. Следствием таких процессов может быть снижение школьной успеваемости, ухудшение отношений со сверстниками и

преподавателями, вовлечение в негативную социальную среду, ухудшение здоровья и т. д. Поэтому в данном исследовании акцент сделан на семьях с нестабильным родительским составом как характеризующихся повышенным риском возникновения отклонений в поведении ребенка (детей). В отношении таких повторных семей «с меняющимся родительским составом» в исследовании ставится задача изучения характера взаимодействия родителей после развода, особенностей осуществления материнской и отцовской ролей в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств — факторов, способствующих или препятствующих «сотрудничеству» разведенных родителей в деле опеки, содержания и воспитания детей.

Информационная база исследования

Обследование было проведено в четырех сибирских городах: Новосибирске, Горно-Алтайске, Тюмени и Ханты-Мансийске. Выбор их обусловлен следующим. Они являются крупными областными центрами, но представляют собой принципиально разные типы российских мегаполисов. Большинство характеристик социально-экономического развития, условий жизни населения, демографические показатели (рождаемости и продолжительности жизни, состава семей) в этих городах существенно различаются (табл. 32.1).

Обращают на себя внимание высокая внебрачная рождаемость в Республике Алтай и, соответственно, большее число детей в составе неполных семей там; хотя самих неполных семей относительно больше в Новосибирской области.

На первом этапе в разведывательных целях были проведены три фокус-групповых интервью со специалистами управлений образования в Новосибирске, Горно-Алтайске и Ханты-Мансийске. В них приняли участие соответственно 11, пять и шесть специалистов — психологов, социальных педагогов, сотрудников отделов опеки и попечительства, отдела по делам несовершеннолетних и защите их прав — тех, кто в своей профессиональной деятельности имеют дело с проблемами детской безнадзорности, общаются по этому поводу с родителями и детьми.

На втором этапе был проведен анкетный опрос родителей (отцов и матерей) школьников 1—4-х классов. Всего было опрошено 1533 человека, из которых мужчины-отцы и отчимы составляют 41 %. Следующий этап — «экспертные» интервью с учителями ($N = 14$) на предмет особенностей поведения тех детей, чьи семьи характеризуются нестабильностью родительского состава. На следующем этапе проведены интервью с родителями «проблемных» детей. На завершающем этапе обследования были проведены несколько интервью с экспертами специальных учреждений и организаций, деятельность которых состоит в профилактике социального сиротства.

Таблица 32.1

Некоторые демографические характеристики в изучаемых регионах, все население

Регион	Доля внебрачных рождений, 2006 г., %	Число родившихся на 1000 населения, 2006 г.	Число родившихся на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет, 2006 г.	На 100 мужчин в возрасте 16—49 лет приходится женщин в этом возрасте, 2002 г. (перепись)	Доля неполных семей с детьми до 18 лет среди всех д/хозяйств с детьми, 2002 г. (перепись), %	Среднее число детей до 18 лет на 100 неполных семей с детьми, 2002 г. (перепись)
Российская Федерация	29,2	10,4	37,7	102	23,2	131
Сибирский федеральный округ	36,3	11,6	40,8	104	22,5	133
Новосибирская область	36,3	10,6	37,8	104	21,8	128
Республика Алтай	34,1	17,2	57,9	105	19,5	152
Тюменская область	27,6	13,2	43,2	101	20,4	129
Ханты-Мансийский автономный округ	25,2	13,7	43,7	98	19,0	131

Источники: Демографический ежегодник России. 2007. М.: ФСГС, 2007. С. 64, 68, 69, 127, 141, 142, 160, 164, 165; Возрастной, половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения. 2002. Т. 2. С. 15, 206—210, 218—221, 252.; Число и состав семей. Т. 6. С. 32, 33, 148—150, 154—157, 177. Официальное издание. М.: НИЦ «Статистика России», 2004.

Семейные детерминанты проблемного поведения детей: оценки специалистов

Метод фокус-группы был выбран в связи с тем, что он позволяет в процессе групповой дискуссии постепенно уточнить позиции участников — школьных психологов, социальных педагогов и специалистов районных управлений образования. Результаты анализа проведенных фокус-групп позволяют говорить о том, что проблемное поведение детей, обусловленное семейными обстоятельствами, является весьма актуальной темой в практической деятельности учителей, школьных специалистов.

На основе представлений экспертов — участников фокус-группы можно выделить следующие характеристики проблемного поведения детей младшего школьного возраста: высокий уровень агрессивности, конфликтность, зависимость, непослушание, несамостоятельность. Представления специалистов по данному вопросу отличаются дискуссионностью, зависят от профиля их деятельности, акцента, на котором данный

специалист заостряет внимание в своей работе. Мы выделили несколько групп детерминант, определяющих поведение детей, которое считается проблемным. В общем виде эти детерминанты связаны:

с типом семьи (неполная семья, семья с детьми, которые воспитываются не родителями, повторно-брачная семья, семья с нестабильным родительским составом);

с этапом в жизненном цикле семьи (семья, находящаяся в стадии развода, в послеразводной стадии, в процессе формирования повторной семьи и т. д.);

с типом взаимоотношений в семье (конфликтные, безразличные отношения и др.);

с участием/участием родителей в жизни и воспитании детей;

с девиантным/преступным поведением родителей (семьи алкоголиков, другие отклонения);

с переопределением гендерных ролей (прежде всего женских, материнских);

с социально-психологическими особенностями в семье (эмоциональность, чувственность, привязанности, родительская любовь к детям);

экзогенные факторы, (не связанные непосредственно с семьей — реформа образования, проблемы в семейном законодательстве, несоответствие ценностей, ориентиров воспитания детей в школе и в семье).

Отметим, что названные здесь группы детерминант, по-видимому, не являются исчерпывающими; они представляют собой лишь наиболее часто упоминаемые школьными специалистами факторы, значительные по своим последствиям в отношении проблемного поведения младших школьников. Таким образом, источником значительной доли рисков детской безнадзорности и социального сиротства можно считать родительскую семью.

Риски безнадзорности: детерминанты микроуровня

Анализ полученных данных характеризует состояние современных молодых семей с ребенком 6—10 лет следующим образом: в основном это семьи из четырех человек — родители и двое детей (41 %), 32 % составляют полные семьи с одним ребенком, но 4,6 % — это неполные семьи; из них «мать и ребенок» — 92 %, «отец и ребенок» — 8 % (табл. 32.2).

Заметим, что 32,4 % семей — это уже повторные семьи, у 17 % детей в этих семьях — уже не отцы, а отчимы-партнеры матери. В то же время от 11 до 20 % респондентов-мужчин отметили, что у них есть несовершеннолетние дети, живущие отдельно от них (табл. 32.3).

Возможно, в разных житейских ситуациях это проявляется по-разному по отношению к проблеме безнадзорности, самостоятельности, автономности детей. При анализе многих аспектов жизни детей в полной, неполной семье, семье с отчимом: условия жизни, присмотр за ре-

Таблица 32.2

Характеристики семей опрошенных, Сибирь, 2006–2007 гг., N = 1533, % от числа опрошенных

Город	Размер семьи, чел.				Число детей		
	2	3	4	5 и более	1	2	3 и более
Новосибирск	4,0	36,7	39,6	19,0	53,8	41,0	5,2
Горно-Алтайск	4,7	24,0	40,5	30,8	28,0	46,3	25,7
Тюмень	6,0	31,7	39,3	23,0	47,7	41,4	10,9
Ханты-Мансийск	4,3	30,6	47,8	17,3	38,8	53,1	8,1
Итого	4,6	32,3	40,9	22,2	45,0	43,8	11,2

Таблица 32.3

Характеристики структуры семей респондентов, Сибирь, 2006–2007 гг., N = 1533, % от числа опрошенных

Город	Семьи состоят из				Семьи			Доля респондентов-мужчин, у которых есть дети до 18 лет, живущие отдельно
	супругов с детьми	сожителей с детьми	одного родителя с детьми	другие по составу семьи	повторные	нуклеарные	«с отчимом»	
Новосибирск	77,5	9,8	13,2	0,3	32,2	73,4	16,1	11,2
Горно-Алтайск	68,6	11,1	20,3	0	32,8	77,4	11,8	13,2
Тюмень	72,2	14,5	12,7	0,6	32,6	71,8	21,1	11,2
Ханты-Мансийск	83,3	6,7	8,6	1,4	32,2	83,5	21,5	20,0
Итого	75,4	10,7	13,4	0,5	32,4	75,2	17,1	12,5

бенком во внешкольное время, занятость родителей и пр. — не обнаружено заметной дифференциации. Но материалы интервью позволяют предположить, что родители в неполных семьях (92 % женщины и 8 % мужчины) считают, что они смогут наладить свою личную жизнь, т. е. образовать полную семью.

«Ну, Маргарита..., все равно, она привыкнет, если я замуж выйду за другого, тем более за хорошего человека. Она же все равно вырастет, закончит, уедет, а я буду одна сидеть...»

(мама Маргариты, 1 кл., Горно-Алтайск)

«Общаемся с ребенком как лучшие друзья, у нас очень доверительные отношения — я участвую в его жизни, он участвует в моей. Написал даже список характеристик, которым должен соответствовать будущий отчим. Привык, что я уделяю ему все свое время, поэтому относится ко мне как “ревнивый муж”»

(мама Артема, 3 кл., Новосибирск)

Но распространение феномена повторных семей с одним неродным родителем у детей уже в столь раннем возрасте (6—10 лет), а также мнородительских послеразводных семей, по-видимому, можно считать косвенным индикатором тенденции утверждения приоритета «супружеской семьи» и «заката детоцентризма».

Что касается мнения респондентов о родительском взаимодействии после развода, то положительно и скорее положительно к этому отнеслись бы 45 % мужчин и 46 % женщин; кроме того, согласны и скорее согласны с тем, что после развода отцы должны иметь право воспитывать своих детей 93 % мужчин и 90 % женщин. Таким образом в общественном сознании (молодых родителей) уже присутствует понимание настоятельности мер «сглаживания» негативных последствий разводов, как для детей, так и для бывших супругов [Ричардс, 1994; Михеева, 2003]. Но возможно, что постепенное сглаживание дифференциации в гендерных стереотипах родительства связано с повышением ценности индивидуальной феминной/маскулинной идентичности, в которой важнейшей компонентой является материнство/отцовство.

Риски безнадзорности: детерминанты макроуровня

С позиций макроуровня можно было бы предположить, что главным фактором безнадзорности и отсутствия ответственности за детей в России является бедность молодых семей или бедность городских бюджетов. Многие исследователи проблем семьи обычно и объясняют их «борьбой за выживание» в кризисном российском обществе, изменением семейной морали, разрушением нравственных ценностей, родительской безответственностью. Анализ наших данных не показал наличия значимой связи между материальным статусом и безнадзорностью ни на уровне семьи, ни на макроуровне (четырёх городов). Хотя средние индивидуальные доходы респондентов существенно различаются: 13,6 тыс. руб. в Горно-Алтайске, 24—25 тыс. в Новосибирске и Тюмени, 40 тыс. руб. в Ханты-Мансийске, в последнем только 38 % респондентов ответили положительно на вопрос о том, присматривает ли кто-либо за их ребенком во внешкольное время. В Тюмени эта доля равна 61 %, а в Новосибирске и Горно-Алтайске — 65 %. Возможно, проблемы, обусловленные бедностью, безработицей, были наиболее остры в критические периоды нашей истории, последний раз — 10—15 лет назад. Для некоторых семей проблемы остаются и сейчас. Но ведь социальная ситуация в обществе меняется, экономическое положение стабилизируется. В ответ на обострившиеся проблемы безпризорности так называемой третьей волны принят федеральный закон «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 г.), создаются Центры профилактики социального сиротства, организуются школы «социальные гостиные», школы полного дня, разрабатываются программы работы с детьми, оказавшимися в трудных жизненных си-

туациях. То есть восстанавливается роль внесемейных агентов социализации, которые были разрушены в самые социально-трудные времена (1990—1995 гг.). Более того, общество все яснее начинает поминать, что проблема «семья и дети» может и должна решаться не только женщинами-матерями, но и мужчинами-отцами. В рамках этого направления были проведены окружные конференции «Роль отца в семье и обществе» в Ханты-Мансийске, Нефтеюганске (2005 г.), в Новосибирске (2008 г.); в Барнауле с 2001 г. работает Кризисный центр для мужчин — одиноких отцов.

Основной акцент нашего исследовательского проекта был сделан все-таки на трансформационные процессы в семье, и эти процессы оказались доминирующими в ситуации риска распространения детской безнадзорности в России. По-видимому, для российской семьи наступает «закат детоцентризма». Но также наступает и «расцвет взрослости», что, в свою очередь, означает не конкуренцию с «детством» (за ресурсы, например), а ответственность взрослого общества, развитие публичных институтов социализации.

ГЛАВА 33 | **Новый курс социальной политики как ответ на вызовы времени***

Ключевые проблемы социального развития

Конец XX—начало XXI вв. ознаменовались резким изменением системы ценностей, целевых ориентиров и критериев общественного прогресса. На первое место вышли факторы, определяющие условия жизнедеятельности человека, качество его жизни. В настоящее время **человеческий потенциал признается главной составляющей национально-богатства и основной движущей силой экономического роста** [Россия..., 1999]. Переход на инновационный путь развития, сложность демографической и социально-экономической ситуации принципиально по-новому ставят вопрос о выборе приоритетов социальной политики на ближайшую и среднесрочную перспективу и требуют смены политики выживания политикой развития.

* Когда данная монография находилась на стадии научного редактирования, был провозглашен новый курс социальной политики и представлена концепция социально-экономического развития России до 2020 г., а также были обозначены пути и механизмы реализации данной концепции. Нам не пришлось менять суть и логику своего изложения, поскольку основные наши идеи совпадают с новым курсом социальной политики, озвученным представителями власти.

Отвечая на вызовы времени, социальная политика должна ориентироваться не на отдельные тактические, а на стратегические общенациональные цели, достижение которых определяет будущее страны: преодоление тенденций снижения человеческого потенциала, а значит, и жизнеспособности общества, содействие сбалансированному развитию всех его компонентов [Заславская, 2005].

Исходя из этого, целью социальной политики в современных условиях должно стать развитие человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса на основе качественного прорыва в повышении уровня жизни и здоровья населения, как страны в целом, так и по отдельным субъектам Федерации.

Анализ развития человеческого потенциала в современной России, изложенный выше, высветил ключевые проблемы социального развития страны:

Уровень развития **человеческого потенциала** в России *не соответствует* задачам перехода экономики на инновационный путь развития. Если в 80-х годах прошлого столетия Россия входила в тридцатку стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала (ИРЧП), то в 2002 г. она отодвинулась на 57-е место. В 2003—2004 гг. наблюдался стабильный рост ИРЧП во всех федеральных округах Российской Федерации. Однако Россия по этому показателю попрежнему отстает от промышленно развитых стран.

Естественная убыль и абсолютное сокращение численности населения страны в результате ухудшения здоровья, повышения смертности и уменьшения рождаемости при резком снижении качества воспроизводства населения. В 1990-х гг. численность россиян сокращалась ежегодно на 700 тыс. человек, а в 2000—2005 гг. — примерно на 900 тыс. человек. Каждый второй мужчина в России не доживает до 60 лет.

Сокращение численности детей и подростков в составе населения, приводящее к возникновению проблем формирования трудовых ресурсов, комплектования вооруженных сил, правоохранительных органов и иных силовых структур, что представляет угрозу оборонному потенциалу страны и национальной безопасности.

Трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и детей. Растут число и доля однодетных и бездетных семей, число неполных семей в результате разводов, овдовения и внебрачных рождений, увеличивается доля детей, рожденных матерями, не состоящими в браке, постепенно сокращается не только фактическое, но и желаемое число детей.

Неэквивалентный миграционный обмен населения, в том числе рабочей силы, характерный как для страны в целом, так и отдельных регионов. За период с 1990 по 2006 г. произошло значительное снижение миграционной активности россиян при доминировании внутрирегиональных перемещений и сокращении сельско-городского перераспределения населения, что в сочетании с существенной дифферен-

циацией уровня рождаемости в регионах России усугубило диспропорции в населенности регионов. При этом наблюдался неэквивалентный миграционный обмен, снижающий качественные характеристики трудоспособного населения восточных регионов России. По данным государственной статистики, суммарные чистые миграционные потери (отрицательное saldo миграции) Сибирского федерального округа за 2003 г. составили 41614 человек. Две трети этих потерь связаны с выездом сибиряков в другие регионы России и одна треть — с выездом в другие страны. При этом 29293 чел. составляли лица трудоспособного возраста и 8090 чел. — моложе трудоспособного возраста. Чистые потери населения в возрасте 14 лет и старше составили в этот период 34855 чел. Среди них: 7943 чел. имели высшее профессиональное образование, в их числе семь докторов и 21 кандидат наук; неполное высшее образование — 1171 чел.; среднее специальное образование — 8813 чел. и полное среднее образование — 11410 чел. [Численность..., 2004. С. 80, 128]. Таким образом, в результате миграционного оттока происходит заметное ухудшение качественных характеристик населения СФО по возрасту и уровню образования.

Сокращение научного потенциала страны. Согласно подсчетам Российского фонда фундаментальных исследований, только за первую половину 1990-х гг. из России выехало около 80 тысяч ученых, прямые потери бюджета составили 60 млрд долларов. По оценкам специалистов, потери страны от «утечки мозгов» и оттока ноу-хау уже превысили 1 трлн долларов [Шалманов, 2003].

Деформация социально-экономической структуры общества в результате проведенной приватизации и перераспределения собственности, характеризующаяся резким увеличением доли бедных слоев населения (в 1990-х гг. — не менее 45—47 % общей численности), неразвитым средним слоем и мизерной частью богатых слоев, на долю которых приходится львиная доля доходов населения. По расчетам И. Б. Колмакова, в России в 2006 г. 64,9 % населения имели доходы ниже среднего уровня и владели в целом 35,3 % дохода, в то время как 35,1 %, имеющие доход выше среднего, владели 64,7 % дохода [Колмаков, 2007. С. 29].

Основным механизмом воспроизводства бедности является низкий уровень заработной платы как основного источника доходов работающего населения и базы для начисления трудовых пенсий. В период глубокого экономического спада в середине 1990-х гг. (1996 г.) почасовая производительность труда в России была ниже уровня США в 3,8 раза, а почасовая оплата труда отставала в этот период в 4,5 раза. В 2000 г. разница в почасовой оплате труда увеличилась до 6,6 раза*. В настоящее время,

* Рассчитано по: Российский стат. ежегодник. М.: ФСГС, 2003. С. 660; Россия в цифрах. М.: ФСГС, 2004. С. 426; Обзор занятости в России. Вып. 1. М.: ФСГС, 2002. С. 170; Российский стат. ежегодник. М.: ФСГС, 2003. С. 170; Национальные счета России в 1996—2003 гг. Стат. сб. М.: ФСГС, 2004. С. 169, 173.

по оценкам МОТ, в России самая низкая почасовая оплата труда в мире, хотя производительность труда таковой не является. Если учесть рост цен на ассортимент, входящий в минимальную потребительскую корзину, то можно утверждать, что периодическое повышение пенсий и заработной платы бюджетников не перекрывает фактические темпы инфляции.

Появление когорты обездоленного населения. По данным МВД, в России около 4 млн лиц без определенного места жительства и около 2 млн беспризорных детей. В сумме они составляют около 4 % населения. Эти люди образуют категорию обездоленных людей, лишенных жилья, не имеющих регулярного питания, медицинской помощи, сезонной одежды и обуви, лекарств [Римашевская, 2006].

Высокий уровень социального неравенства. Соотношение доходов 10 % богатых и 10 % бедных достигает 15-кратного размера. По оценкам бывшего министра экономического развития и торговли РФ Г. О. Грефа, социальное неравенство стало серьезной проблемой, причем не только социальной, но и экономической — блокирующей планируемые реформы в социальной сфере и негативно влияющей на качество человеческого капитала [Греф, 2007]. Коэффициент неравенства Джини — один из самых высоких в мире. Углублению социального неравенства способствует сформировавшийся за годы реформ своеобразный механизм изъятия доходов у населения, в первую очередь беднейшего, в пользу естественных монополий. Это происходит вследствие опережающего роста тарифов на электроэнергию, тепло, услуги жилищно-коммунального сектора и цен на товары, входящие в набор прожиточного минимума. В результате резко возрастает число групп, нуждающихся в государственных пособиях и дотациях. При этом действующая налоговая система (плоская шкала налогообложения, предоставление налоговых льгот при покупке или строительстве жилья) не столько поддерживает бедных, сколько «покровительствует» богатым группам населения.

Смена жизненных стратегий и ценностных ориентиров россиян. Характерные черты таких стратегий — ориентации не на развитие, а на выживание, сосредоточение усилий на поиске средств существования, привыкание к бедности, рост социальной отчужденности и дезинтеграции в обществе, люмпенизация и социальные эксклюзии отдельных слоев населения, а вследствие этого — широкое распространение алкоголизма и наркотизации населения. По выражению Д. Медведева, «часть населения практически до сих находятся в социальной коме, т. е. не видит ни возможностей, ни перспектив улучшения своего жизненного уровня» [Медведев, 2008].

Изменение механизма воспроизводства интеллектуальной элиты, увеличивающиеся масштабы платности образовательных услуг, приведшие, по существу, к исключению из сферы высшего образования талантливой молодежи из бедных семей. В целом только 17 % взрослого населения России (в возрасте 15—35 лет) считают, что для них доступно практически любое высшее образование [Дубин и др., 2004. С. 39].

Снижение качества образования при сохраняющейся его высокой ценности. По оценкам международных экспертов, темпы экономического роста в России не соответствуют масштабам роста лиц с высшим образованием, что говорит о низком качестве получаемого профессионального образования. По данным Мирового Банка, Россия принадлежит к 15 % стран мира с наивысшим показателем образовательной компоненты индекса развития человеческого потенциала. В то же время она относится к 10 % стран с наименьшим вкладом человеческого капитала в создание общественного богатства [Дмитриев, 2007].

Значительное обесценение человеческого капитала — опыта и знаний ученых, инженеров и специалистов, нарушение механизма преемственности знаний. За последние пять лет в России сохранялся дополнительный доход на среднее и высшее профессиональное образование, но его относительный размер по сравнению с доходами лиц на полное общее образование уменьшился [Доклад..., 2004. С. 91—92]. Уровень поддержки знаний в России в два-три раза ниже среднемирового и среднеевропейского уровня. В странах ОЭСР суммарные инвестиции в эту сферу составляли в конце 1990-х гг. в среднем 4,7 % ВВП, а вместе с расходами на все виды образования они превышали 10 % совокупного ВВП. В РФ в 2005 г. государственные расходы на образование составляли 3,7 % ВВП [Социальное положение..., 2006. С. 482].

В целом можно утверждать, что проводимая социальная политика не отвечает требованиям времени, вложения в человека не адекватны роли человеческих ресурсов в инновационных процессах. Ее реализация отбросила Россию по качеству жизни населения и другим показателям развития человеческого потенциала на задворки цивилизованного мира, обрекла своих граждан на физические и нравственные страдания, способствовала дезинтеграции общества и распространению социального пессимизма. Одновременное реформирование ЖКХ, здравоохранения и образования затрагивает интересы всех слоев населения. В целях справедливого распределения бремени реформ между государством, регионами и населением необходимо в первую очередь обеспечить существенное повышение доходов населения, бюджетную поддержку регионов, разработку финансовых, организационно-правовых и административных механизмов перевода этих отраслей на самоокупаемость. Попытка переложить все тяготы предстоящих реформ на плечи граждан может привести к социальному взрыву в обществе.

Вместе с тем нельзя не отметить положительные тенденции. За последние 8 лет реальные доходы населения выросли в 2,5 раза, уровень бедности уменьшился более чем в два раза. Произошли положительные сдвиги в демографической ситуации. Рождаемость в 2007 г. была рекордной за последние 15 лет [Путин, 2008]. Хотя демографы эти положительные тенденции связывают в основном с вступлением в фертильный возраст многочисленной когорты женщин, рожденных в 1970—1980-х гг., безусловно, предпринимаемые в последнее время Правитель-

ством шаги по поддержке материнства и детства оказали положительное влияние.

Однако меры, направленные на преодоление бедности и повышение уровня жизни населения, явно недостаточны для радикальных изменений в материальном благосостоянии россиян, особенно пенсионеров. По признанию В. В. Путина, за последние восемь лет не удалось решить проблему бедности старшего поколения. Необходима принципиальная смена курса социальной политики в соответствии с резко возрастающей ролью интеллектуальной составляющей труда, качества человеческого капитала, знаний и профессионального уровня работников. Показательно, что и политики, и исполнительная власть наконец-то осознали необходимость смены курса, перехода к качественно новой социальной политике — политике социального развития.

Основные направления и задачи социальной политики

Остановимся подробнее на основных направлениях, приоритетах и задачах социальной политики, адекватной, на наш взгляд, вызовам XXI века.

Целью социальной политики в современных условиях должно стать развитие человеческого потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса на основе качественного прорыва в повышении уровня жизни и улучшения здоровья населения.

Приоритеты социальной политики:

повышение реальных доходов населения, адекватное реальной стоимости жизни;

существенное сокращение масштабов бедности и социально-экономической поляризации общества;

создание условий для увеличения численности и доли среднего класса;

улучшение здоровья, увеличение трудоспособного периода жизни россиян;

преодоление депопуляции и сверхсмертности населения.

В концепции социально-экономического развития страны до 2020 г. предусмотрены следующие конкретные ориентиры: к 2020 г. средняя продолжительность жизни должна увеличиться до 75 лет, а уровень смертности снизиться в 1,5 раза; доля среднего класса должна вырасти до 60—70 %; 15-кратное различие в доходах должно сократиться до более умеренного, не лишаящего стимулов для профессиональной и творческой самореализации.

Достижение столь амбициозных задач опирается на четырехкратное повышение производительности труда, масштабные инвестиции в человеческий капитал, создание сотен тысяч рабочих мест, требующих вы-

сокой квалификации и связанных с использованием интеллектуального потенциала людей. Развитие человеческого капитала признается на государственном уровне в качестве абсолютного национального приоритета на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Сегодня Россия занимает третье место в мире по количеству ученых и входит в число лидеров по государственным расходам на научную деятельность, но по ее результатам пока далека от передовых позиций. Кроме того, предусматривается инновационное развитие страны с опорой на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом.

По расходам на социальную сферу бюджет России существенно приблизится к общемировым стандартам. Согласно Концепции, к 2020 г. расходы на образование за счет государственных и частных источников составят не менее 5,5 % ВВП, на здравоохранение — 6,3, затраты на исследования и разработки — 3,5—4,0 % ВВП. В том числе государство будет тратить на образование — 4,5 % ВВП, на здравоохранение — 4,8, на науку — 1,3 % ВВП.

Между тем аналитики и эксперты, отмечая высокую значимость поставленных целей, обращают внимание на то, что разработчики откладывают выход экономики на параметры инновационного развития лишь на конец прогнозного периода. Несмотря на значительное повышение государственных расходов на социальные цели, они останутся ниже ныне достигнутого уровня развитых стран. Более того, в ближайшие три года планируется сохранить двукратное по сравнению с общемировыми стандартами недофинансирование уровня расходов на образование, науку, здравоохранение. По мнению Сергея Глазьева [2008], именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять заработную плату. Откладывание этих мер на несколько лет может сделать невозможным реализацию инновационного сценария развития страны. По мнению других экспертов, мало реалистичным представляется прогноз роста численности среднего класса [Гонтмахер, 2007]. Относительно демографической ситуации отмечается, что главный вызов развитию России в перспективе до 2020 г. состоит не в снижении численности трудоспособного населения, а в ее неспособности использовать свой человеческий потенциал. Более того, без кардинального повышения эффективности использования человеческого потенциала реализация оптимистического и умеренно оптимистического вариантов развития представляется маловероятной, а цели развития 2020 г. не будут достигнуты [Дмитриев, 2007].

Эксперты отмечают также отсутствие в Концепции четкого ответа о способах и методах достижения поставленных целей. На наш взгляд, реализация основных направлений социальной политики предполагает осуществление следующих мер:

Повышение стимулирующей и воспроизводственной роли оплаты труда:

доведение величины минимальной оплаты труда и трудовых пенсий до уровня прожиточного минимума;

приближение соотношения почасовой производительности труда и его оплаты к уровню развитых стран;

регулярная индексация заработной платы в бюджетной сфере в соответствии с изменением стоимости жизни с учетом региональной дифференциации;

создание особого режима стимулирования труда в инновационных отраслях экономики — оплата труда на уровне среднемировых стандартов, обеспечение механизма передачи накопленного опыта и знаний, создание условий для карьерного роста молодежи;

существенное повышение реальных доходов населения при опережающем росте доходов беднейших слоев.

Обеспечение минимальных социальных гарантий:

поэтапный переход от прожиточного минимума, ориентированного на удовлетворение элементарных физиологических потребностей, к потребительскому бюджету, учитывающему социальные потребности человека (в образовании, культуре, здоровье, содержании и воспитании детей);

расширение минимального продуктового набора, используемого для исчисления прожиточного минимума, с целью улучшения качественных показателей здоровья населения;

повышение размера социальных выплат и пособий в расчете на душу населения до уровня прожиточного минимума, обеспечивающего каждому гражданину удовлетворение базовых потребностей в жилье, питании, медицинской помощи;

повышение доступности получения современных видов диагностики и лечебной помощи на основе развития страховой медицины;

обеспечение социальной доступности образования всем слоям населения путем сохранения определенной доли бюджетных мест, предоставления образовательных кредитов, специальных грантов и государственных стипендий для особо одаренных детей.

формирование сектора жилья, предоставляемого по договору социального найма малоимущим слоям населения.

Формирование новой идеологии образа жизни:

формирование в сознании населения ценностей здоровья, семьи, рождения и воспитания детей, неразрывности связи поколений;

преодоление социальной терпимости и двойных стандартов по отношению к курению, потреблению алкоголя, наркотиков и других психотропных веществ путем информирования населения о разрушительных последствиях и создания барьеров распространению негативного потребления.

Разработка и реализация целевых региональных программ:

жилищное строительство и развитие рынка доступного жилья — конкурсное выделение земельных участков под строительство жилья, снижение себестоимости жилья, государственная и коммерческая ипотека, жилищные субсидии и сертификаты, социальный найм, развитие арендного сектора жилья;

развитие инфраструктуры ЖКХ — новые организационно-правовые формы жилищных обслуживающих организаций, договорной хозяйственный механизм, расширение доходной базы для получения жилищных субсидий, государственное финансирование капитальной реконструкции жилищно-коммунальных сетей;

сокращение потерь трудового потенциала от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний — ранняя диагностика, создание регистра больных высокого риска, развитие кардиохирургических центров, восстановление смотровых кабинетов в фельдшерско-акушерских пунктах и лечебно-профилактических учреждениях;

содействие женщинам в успешном сочетании материнства с работой путем развития гибких форм занятости — неполной, сезонной, дистанционной и др.;

улучшение качества жизни семьи — антропоцентрическая и градостроительная политика, программы благоустройства и развития социальной инфраструктуры (клубы развития, рекреационные зоны, социальные сервисные службы и т. д.);

рациональное питание населения — выявление групп высокого риска, разработка целевых рационов для коррекции питания отдельных групп населения, разработка технологии и производство продуктов рационального питания, информирование населения о качестве продуктов;

программа развития массовой физкультуры и спорта — развитие сети оздоровительных и спортивных учреждений (детских спортивных школ, бассейнов, теннисных кортов, лыжных баз, катков);

профилактические и коррекционные программы, направленные на снижение уровня потребления наркотиков и других психоактивных веществ среди молодежи.

Ресурсное обеспечение и институциональные механизмы реализации социальной политики

В советский период во всех сферах жизни, включая социальную, доминировало государство. Практически все группы населения были объектами социальной политики. Стратегия перестроечного периода была направлена на резкое сокращение экономических и социальных функций государства. Роль государства свелась к помощи социально уязвимым слоям общества и предоставлению (в неполном объеме) многочисленных льгот. При этом государство лишилось традиционных ис-

точников социальной поддержки нуждающегося населения, передав сверхприбыльные ресурсные отрасли в частные руки. Сверхприбыль нефтяных и других ресурсных компаний идет в основном не на социальные программы, а на расточительное потребление олигархов и коррумпированных государственных чиновников.

Для современного периода характерно дальнейшее свертывание социальных функций государства: не компенсирующая полные затраты монетизация льгот, введение платности медицинских и образовательных услуг, сужение социального сектора жилья, переход на полное возмещение затрат ЖКХ, фактическая передача ответственности за решение актуальных социальных проблем с федерального на региональный уровень. Не подкрепленное адекватным бюджетным финансированием перераспределение ответственности между регионами и федеральным центром лишь обострило социальные проблемы.

Таким образом, маятник качнулся в другую сторону: от государственного патернализма к минимизации социальных функций государства. Возникший вакуум в решении социальных проблем поставил население страны на грань выживания. В сложившихся условиях требуется сбалансированное распределение социальных функций между государством, бизнесом и населением.

Реализация нового курса социальной политики предполагает активную роль государства. Практика развитых стран, таких как Германия, Франция, Япония, показала, что значительные расходы государства на развитие транспорта, коммуникаций, энергетики, а также на научно-исследовательскую деятельность способствовали частным инвестициям, ускорению технического прогресса и повышали уровень конкурентоспособности этих стран на международном рынке. По мнению экспертов, успех стран, сделавших крупный прорыв в развитии технологий и экономики в целом (Южная Корея, Тайвань, Гонконг), связан именно с деятельностью государства, которое успешно поддерживало нарождающиеся отрасли и направляло поток финансирования на поддержание высокого уровня инвестиций в производство [Блок, 2004].

В качестве первоочередных шагов государства в решении основных задач социальной политики нашей страны на долгосрочную перспективу можно назвать:

переход от плоской к прогрессивной шкале налогообложения с физических лиц;

использование части природной, транспортной, горной ренты и платы за фонды для развития территорий;

нормативные отчисления в пользу науки от экспорта основных сырьевых ресурсов — нефти, газа, угля, черных и цветных металлов, химической продукции, леса, алмазов и др.;

обоснованное перераспределение социальной нагрузки между федеральным центром и регионами — совершенствование определения налогового потенциала и совокупной региональной налогооблагаемой

базы, снижение налоговой нагрузки на регионы, равноправие финансовых взаимоотношений субъектов Федерации с Центром, повышение самостоятельности региональных бюджетов различных уровней;

индикативное государственное регулирование сверхприбыли монополий и тарифов на услуги населению;

регулярная индексация доходов населения как превентивная мера защиты от инфляции;

расширение практики договорной подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов путем расширения предоставления или частичного погашения образовательных кредитов за счет фирм, участие бизнеса в реализации социальных программ;

развитие государственной жилищной ипотеки, предоставление жилищных сертификатов отдельным категориям граждан, в том числе молодым семьям. В настоящее время лишь 10—12 % населения имеют денежный доход, позволяющий им воспользоваться жилищной ипотекой;

ответственность правительства за основные параметры развития человеческого потенциала — ожидаемая продолжительность жизни, уровень и качество образования, доступность средств существования (уровень доходов, масштабы бедности, дифференциация по доходам).

В настоящее время государством сделан определенный шаг по расширению своего участия в решении насущных социальных проблем путем разработки и осуществления приоритетных национальных проектов. Реализация мер, обозначенных в концепции развития страны на перспективу до 2020 г., оставляет надежду на то, что объявленная цель социальной политики будет достигнута. В качестве основных рычагов решения перспективных социально-экономических задач определены меры как экономического, так и организационного характера. Среди них основными являются: создание комфортной конкурентной среды, в том числе для развития малого бизнеса; улучшение государственного управления; совершенствование налоговой системы, снижение налогового бремени, применение налоговых стимулов инновационной деятельности; совершенствование судебной системы; проведение эффективной региональной политики на основе фактического (а не декларируемого) равноправия субъектов Федерации, подкрепленного наличием необходимых и достаточных ресурсов для обеспечения достойных условий жизни граждан, комплексного развития и диверсификации экономики территорий; развитие институтов гражданского общества (общественных организаций, партий и движений).

Реализация нового курса социальной политики на основе существенного увеличения инвестиций в образование, здравоохранение, культуру, ЖКХ, жилищное строительство, а также повышения реальных доходов населения обеспечат условия для развития человеческого потенциала страны, адекватного вызовам XXI в.

ГЛАВА 34 | **Демографическая политика России**

Сложившаяся в России демографическая ситуация (см. главу 13 «Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития») имеет не только важнейшие социально-экономические последствия для России, но и важнейшее геополитическое значение, ставя под вопрос дальнейшие возможности народов России развивать свой материальный, духовный и культурный потенциал. Проблема состоит в том, что прогнозируемой численности и плотности населения в такой огромной стране как Россия недостаточно не только для того, чтобы освоить свое геополитическое пространство, но даже для того, чтобы удержать его в будущем, тем более что существуют старые территориальные претензии к России как на востоке, так и на западе.

В особенности это важно в связи с обострившейся в последнее время в мире борьбой за ресурсы, которыми так богата наша страна. На Западе уже неоднократно звучивались идеи о том, что огромные ресурсы России должны быть интернационализированы. В Стратегии национальной безопасности США в качестве важнейшей составляющей декларируется обеспечение беспрепятственного доступа к ключевым районам мира и глобальным ресурсам. А, кроме того, Россия является важнейшим препятствием на пути установления нового мирового порядка. В западных изданиях регулярно появляются провокационные заявления, например о возможности уничтожить весь стратегический ядерный потенциал России первым же ударом со стороны США, или в открытую обсуждаются планы расчленения России и перехода ее частей под управление других стран. Осуществляются попытки взять под контроль ее стратегические ядерные силы, активно воздействовать на избирательные процессы в стране и т. д.

Что же делалось для исправления демографической ситуации в стране?

Поразительно, но за 16 лет депопуляции не было ни одной сессии Академии наук, Медицинской академии, Минздрава, Государственной думы, посвященных важнейшему вопросу — поиску причин сверхвысокой смертности, в том числе сильно возросшей смертности от сердечно-сосудистых заболеваний.

В сентябре 2001 г. была принята «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», которая своей целью провозглашала стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста с учетом мобилизации как воспроизводственных,

так и миграционных компонент. Комплекс мер демографической политики касался в ней трех основных направлений: повышения рождаемости и укрепления института семьи; улучшения здоровья и роста продолжительности жизни; обеспечения необходимого миграционного прироста и совершенствования привлечения и использования трудовых мигрантов. Однако никаких реальных программ по реализации Концепции на федеральном уровне разработано не было.

В некоторых регионах России в последние годы разрабатывались планы мер по реализации региональной демографической политики, учитывающей специфику территорий. Но ориентация на собственные ограниченные ресурсы, ввиду отсутствия поддержки со стороны федеральных властей, а также слабая проработка целей и механизмов их достижения привели к тому, что эти усилия имели незначительный и неустойчивый эффект.

Видя такую пассивность со стороны власти в важнейшем для страны вопросе, некоторые общественные объединения разработали и предложили общественности и руководству страны свои проекты демографического развития страны. Здесь можно упомянуть Национальную программу демографического развития России, разработанную по инициативе Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» группой экспертов в 2004 г., а также Демографическую доктрину России общественного Движения развития, разработанную коллективом авторов под руководством Ю. В. Крупнова в 2005 г.

Наконец, президент страны в своем Послании Федеральному собранию за 2006 г. большое внимание уделил вопросам демографии, назвав самой острой проблемой современной России именно демографическую и признав, что положение в этой сфере критическое. Президент страны впервые в официальном выступлении назвал главными любовь, семью, женщин и детей — то, для чего нужно работать и на что ориентироваться.

Большим плюсом Послания является тот факт, что оно значительно активизировало обсуждение в самых широких общественных кругах названных проблем. Другой важнейший плюс Послания — новый подход к вопросам национальной безопасности, которая теснейшим образом связана с демографической безопасностью. Вообще вопросы безопасности в государстве должны иметь первостепенное значение, так как любые достижения, включая высокий уровень жизни, теряют всякий смысл, если отсутствует безопасность в самом широком смысле слова, начиная с государственной и кончая личной.

Несмотря на то, что в демографическом разделе Послания верно расставлены некоторые весьма важные акценты, вряд ли можно согласиться с утверждением президента о том, что в обществе существует консенсус по поводу необходимости решения демографической проблемы как ключевой для России. Напротив, масса людей в окол властных структурах, а также и некоторые демографы считают, что никакой демографической проблемы в России не существует, все идет в русле обще-

мировых тенденций снижения рождаемости и Россия не является здесь исключением. Есть проблемы с повышенной смертностью, но их можно достаточно легко и быстро решить при помощи массового завоза непритязательных трудовых мигрантов. То есть, ловко уходя от решения проблем, предлагается создать новые проблемы, а сокращение населения называется благом для страны, поскольку меньше нужно будет тратить средств на социальную политику.

В Послании отсутствует комплексный подход к такой сложнейшей проблеме как демографическая. Возможно, это объясняется тем, что происходит смена приоритетов, и тогда предложения президента следует рассматривать как первый шаг в нужном направлении. Тем не менее, понятно, что демографическая проблема уже давным-давно «перезрела», и совершенно ясно, что одними денежными выплатами ее не решить. На демографические процессы влияет множество самых разнообразных факторов, некоторые из которых не известны пока даже специалистам. Многие считают, что причины снижения рождаемости и роста смертности лежат не в экономической, а в духовной сфере — неправильном нравственном восприятии семьи, потере смысла жизни, озлобленности и т. д. Таким образом, уровень доходов не является главным, хотя это вовсе не значит, что его не надо повышать. Гораздо большее влияние на демографическую ситуацию оказывают принятые в обществе ценности, образ жизни, способы расселения, традиции питания и др. Демографическая ситуация лучше в российских регионах с традиционными культурами, в отличие от регионов с преимущественно русским населением, где активно насаждаются либеральные ценности, потребительское отношение к жизни, происходит моральное растрепывание молодежи. Весьма показательны в этом плане республики Северного Кавказа. Имея одни из самых низких в России уровней ВРП на душу населения, они демонстрируют самые лучшие демографические показатели, в том числе устойчивые первые места по продолжительности жизни, которая еще и постоянно растет, в отличие от остальной России. Первая тройка в России по этому показателю выглядит следующим образом, лет: в Ингушетии — 75,9, в Дагестане — 72,7, в Чечне (!) — 71,3, для сравнения в среднем по России — 65,3 (данные за 2005 г.).

Поэтому очень важно успеть задействовать демографический потенциал относительно многочисленных поколений 1980-х годов рождения (результат пронаталистской политики СССР и антиалкогольной компании), которые вступили в репродуктивный возраст. Упустить этот период потенциального роста числа рождений было бы непростительно, потому что следующее поколение 1990-х годов рождения в два раза малочисленнее и обладает гораздо худшим здоровьем.

1980-е годы — хорошая иллюстрация того, что рождаемость может быть увеличена в кратчайшие сроки благодаря осознанной демографической политике. Но повышение рождаемости может происходить и вследствие улучшения условий жизни, особого духовного подъема, оп-

тимистического мировоззрения, ожидания лучшего будущего в самое ближайшее время. Примеры: США после Великой депрессии, послевенный беби-бум во многих странах мира, в том числе и в СССР.

Сомнительно, чтобы демографы не знали этих фактов, но тогда речь идет о сознательном сокрытии истины и дезинформации общественности, включая лиц, принимающих решения на уровне государства. Видимо, в том числе и этим можно объяснить тот факт, что только после шести лет пребывания в должности президент наконец-то назвал демографическую проблему главной, хотя об этом постоянно говорили и специалисты, и оппозиция на протяжении как минимум 10 последних лет.

Поэтому, на наш взгляд, главными показателями, по которым должна отчитываться власть перед народом, должны быть вовсе не макроэкономические показатели, не рост ВВП, способствующий обогащению олигархов, и не количество добытых природных ресурсов, уходящих за границу, а демографические показатели: *ожидаемая продолжительность жизни, показатели рождаемости, естественного прироста, здоровья населения*. Не может в благополучной стране вымирать население! Демографический кризис в России — важнейший показатель и неотъемлемая часть далеко зашедшего общего кризиса.

Мы уже упоминали антиалкогольную кампанию 1980-х гг. В ней ставились главным образом задачи оздоровления, увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения, особенно мужского, чья смертность существенно превышала женскую. Эта цель была достигнута в кратчайшие сроки, в 1986—1987 гг. ожидаемая продолжительность жизни достигла 70 лет — самой большой величины за всю обозримую историю страны. В качестве побочных эффектов получили целый спектр положительных явлений в обществе: рост рождаемости до уровня простого воспроизводства впервые с начала 1960-х гг., укрепление семьи, быстрое и существенное снижение преступности, снижение числа убийств и самоубийств, травматизма, инвалидности, повышение производительности труда и т. д.

В связи с этим особо отметим работу специалиста по алкогольной тематике доктора медицинских наук А. В. Немцова «Алкогольный урон регионов России». В качестве показателя алкогольного урона была использована доля связанных с алкоголем смертей среди всех смертей. По этому показателю, отражающему сумму прямых и непрямых алкогольных потерь, лидировал Дальневосточный федеральный округ (ФО), где алкогольная смертность колебалась от 36 до 46 % (Чукотский АО). Следующие по тяжести алкогольной смертности были: Сибирский ФО (32—45 %), Уральский (33—38 %), Северо-Западный (32—38 %). В Центральном и Южном ФО алкогольная смертность составляла 30—35 % от общей. В среднем по стране в 1990—2001 гг. связанные с алкоголем смерти составили 37 % от всех смертей. Расчеты, сделанные в упомянутой работе, показали, что даже небольшое, на 5—10 % снижение потребления алкоголя может сохранить жизнь 100—200 тыс. человек в год.

Исследование в Ижевске показало, что 62 % мужчин трудоспособного возраста умерли нетрезвыми. То же самое происходит почти по всей России [Костенко-Попова, 2006].

Таким образом, алкогольная проблема весьма актуальна для России и еще больше обострилась в последнее время. Поэтому *важнейшей составляющей любой программы демографического развития, начиная с уровня страны и кончая районным, должна быть продуманная система антиалкогольных мероприятий, поскольку снижение уровня потребления алкоголя в России является весьма существенным фактором уменьшения демографического кризиса в стране.* А, кроме того, как показывает опыт 1980-х гг., положительный результат появляется практически мгновенно по историческим меркам и распространяется не только на демографическую сферу, а чуть ли не на все стороны общественной жизни.

Другим важнейшим фактором, негативно влияющим на здоровье россиян, и он сильно недооценивается, является огромное количество некачественного продовольствия, в том числе импортного. Известные скандалы с грузинскими и молдавскими винами, импортными окорочками, мясом, детским питанием, молочной продукцией, в том числе самых известных производителей, и прочие являются лишь вершиной айсберга. Стоит только посмотреть на состав продуктов, которые мы потребляем: сколько каких химических веществ скрывается, например, за кодами с индексом Е, а ведь многие продукты предназначены в основном для детей: кондитерские изделия, в том числе шоколад, мороженое, чипсы, безалкогольные напитки и пр.

По данным исследований, проведенных в Великобритании, пищевые красители и вкусовые добавки, которые содержатся в напитках, печенье, конфетах и мороженом, приводят к детской гиперактивности и быстрой утомляемости. Эти вещества, как пишет научный журнал «Ланцет», способны вызывать негативные изменения в поведении детей и подростков. Ученые Великобритании направили запрос в Еврокомиссию в связи с опасением за здоровье детей, которому вредят добавки. Специалисты не исключают, что на ряд добавок в ближайшее время будет введен общеевропейский запрет.

Распространение среди детей синдрома дефицита внимания и гиперактивности, который приводит в том числе к значительным трудностям в обучении, по времени совпадало с широким использованием искусственных добавок в продуктах питания. Многие исследования указывают на связь питания и поведения детей. Эксперименты показали, что исключение некоторых продуктов (прошедших химическую обработку) привело к резкому улучшению в состоянии гиперактивных детей. Тем не менее, многие врачи предпочитают прописывать гиперактивным детям сильнодействующие препараты, побочные эффекты которых до сих пор не исследованы.

А сколько вредных веществ присутствует в продуктах в недекларированном виде? Были и такие случаи, когда производители гордо пози-

ционировали свою продукцию как не содержащую генно-модифицированные компоненты, а при проверках оказывалось, что как раз их они и содержат. В 2004 г. «Гринпис России» обнародовал результаты тестирования продуктов питания на содержание в них генетически модифицированных источников (ГМИ). Представители этой организации выборочно закупили 40 видов продуктов питания в различных торговых точках Москвы. Это были мясные, рыбные, кондитерские изделия, а также детское питание, которые могли содержать соевый белок. Специальная комиссия Института цитологии РАН в Санкт-Петербурге в 40 % этих продуктов обнаружила трансгены. Ни на одном из отобранных продуктов не было указано, что в них содержатся белки генетически модифицированных организмов или что эти продукты произведены с использованием ГМИ. При аналогичном анализе, проведенном в 2002 г., ГМИ были обнаружены в 30 % закупленных продуктов.

Утверждения, что генно-модифицированные продукты не вредят здоровью не соответствуют истине: есть работы и отечественные и зарубежные (А. Пуштаи, И. В. Ермаковой), которые доказывают, что употребление таких продуктов подопытными животными быстро приводит к существенному ухудшению их здоровья, в том числе репродуктивного, и весьма негативно влияет на потомство уже в первом поколении, которое становится бесплодным. Масштабное распространение ГМ-культур может привести к глобальным изменениям на планете: серьезным демографическим последствиям, а также стать причиной исчезновения большого количества живых организмов и ускоренного процесса разрушения биосферы.

Также существенно ухудшает качество продуктов использование так называемых новейших технологий. Это и широкое применение пестицидов, в том числе и давно запрещенных, а также всевозможных стимуляторов, антибиотиков, гормонов, консервантов, ионизирующих излучений и т. д. Производители и торговля озабочены, прежде всего, товарным видом продуктов, удобством их транспортировки и хранения, а вовсе не пользой для здоровья.

Все это приводит к постоянному отравлению потребителей малыми дозами, снижению иммунитета и, как следствие, росту почти по всем классам заболеваемости. Контроль за качеством продуктов питания весьма слабый, в том числе по причинам материального характера, да и невозможно в принципе каждодневно отслеживать десятки тысяч и более наименований. Поэтому ответ должен быть асимметричный и менее затратный, как сказал президент в своем Послании, правда, по другому поводу.

Опасность создают не только искусственные продукты, но и искусственная одежда, вообще искусственная среда обитания человека, которая угрожает здоровью человека: радиация, загрязнение воздуха, воды и почвы отходами производства и выхлопными газами, химикаты, применяемые в быту и сельском хозяйстве, ультразвуковые и высоко-

частотные излучения и т. д. Современное общество в процессе своей деятельности создало огромное количество факторов, оказывающих подавляющее воздействие на здоровье. Создана окружающая среда, которая враждебна человеку. Поистине технический прогресс запускает биологический регресс.

По данным ВОЗ здоровье населения в среднем зависит:

от условий и образа жизни людей — на 50—52 %;

наследственных факторов — на 20—22 %;

состояния окружающей среды — на 18—20 %;

уровня медицинского обслуживания — на 7—12 %.

По другим оценкам, качество среды служит причиной 40—50 % заболеваний. Понятно, что с ростом загрязнения окружающей среды это негативное влияние будет увеличиваться и в принципе может достигать до 100 %, например на радиоактивно-зараженных территориях.

Таким образом, система здравоохранения среди факторов здоровья населения стоит на самом последнем месте и фактически пытается, не всегда успешно, лечить негативные последствия воздействия первых трех. Заметим, что львиную долю воздействия, минимум 70 %, оказывают образ жизни и окружающая среда. Кстати и наследственные факторы в значительной степени могут быть следствием этих двух условий и, следовательно, эта доля еще более увеличивается.

Поэтому, для улучшения здоровья населения, было бы логично основные усилия направить именно на эти два фактора. Однако на практике это не делается. Национальный проект «Здоровье» в настоящее время практически свелся к краткосрочному и неполному латанию дыр в системе здравоохранения.

Более того, система здравоохранения сама по себе становится фактором нездоровья населения. Это и негативные побочные действия лекарств и вакцин и неправильные диагнозы и гипердиагностика, которые усугубляют состояние больных, и ошибки во время операций, и инфекции, полученные в больницах. Так, в США в журнале Американской медицинской ассоциации была опубликована статья Б. Старфилд [Starfield, 2000], в которой приводятся данные о ежегодном количестве смертей в США в результате только прямых врачебных ошибок — от 44 до 98 тыс. человек, а общая смертность в результате врачебного вмешательства существенно выше. К слову, в США свыше 40 млн человек вообще лишены медицинской страховки, это примерно каждый седьмой.

В условиях коммерциализации также широко практикуются лишние оплачиваемые визиты к врачу, назначение большого количества ненужных и дорогих препаратов, анализов, процедур и даже операций, не безопасных для людей, у которых и так уже имеются проблемы со здоровьем.

Вообще лечебная медицина борется с последствиями, а нужно активнее развивать профилактическое направление, которое призвано заниматься проблемой предупреждения инфарктов, инсультов, других тяже-

лых заболеваний и которого у нас практически нет. Более того, современная система здравоохранения не заинтересована в профилактике заболеваний. Потому что врачам выгодно, чтобы было как можно больше больных, потому что он получает заработную плату от числа посещений.

Приоритеты в решении демографических проблем России

Оценивая последствия сложившейся демографической ситуации, приоритеты в решении демографических проблем должны быть расставлены в следующем порядке:

1. Повышение рождаемости и укрепление семьи.
2. Снижение смертности и заболеваемости.
3. Миграция.

Главной причиной депопуляции является низкая рождаемость. Еще в первой половине 1960-х гг., когда суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже уровня простого воспроизводства, специалисты указывали на то, что через несколько десятилетий, когда на смену вымирающим относительно многочисленным поколениям будут приходиться малочисленные новые поколения, следует с неизбежностью ожидать превышения числа умерших над числом рождающихся.

Изменение сложившихся репродуктивных установок, рождение и особенно доведение до трудоспособного и репродуктивного возрастов детей требует длительного времени, поэтому если мы действительно хотим решать демографическую проблему, следует рассматривать повышение рождаемости как приоритетное направление демографической политики. Кроме того, нельзя упустить репродуктивный потенциал последнего относительно многочисленного поколения 1980-х годов рождения, которое уже вступило в репродуктивный возраст.

Поскольку одной из важнейших причин низкой рождаемости является глубокий кризис семьи, мерам по укреплению семьи, в том числе ее экономического базиса, должно быть уделено первостепенное внимание. Нужно создать такие условия, чтобы семья жила не на различные пособия, а сама могла обеспечить достойный уровень своего существования. В настоящее же время построена система, при которой экономически выгодно детям не иметь вовсе. Ведь самые бедные у нас — это семьи с детьми.

Воиющая ситуация со смертностью, особенно в трудоспособном возрасте, также не дает времени на раскачку, поэтому второй пункт, снижение смертности и заболеваемости населения, нужно осуществлять практически параллельно с первым.

Что касается иностранной трудовой миграции, то она не решает проблему демографического кризиса и вдобавок несет проблемы для национальной безопасности, поэтому акцент следует сделать на привле-

чение соотечественников. Однако для этого нужно, прежде всего, обеспечить нормальные условия существования для уже имеющегося населения. Об этом совершенно справедливо говорил президент в своем Послании за 2006 г.: «Никакая миграция не решит наших демографических проблем, если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для роста рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране. Не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи». Поэтому миграционная политика должна носить вспомогательный характер и рассчитывать надо, прежде всего, на свое население.

При этом государственная демографическая политика должна в первую очередь касаться субъектов Российской Федерации с наиболее неблагоприятной демографической ситуацией, а также субъектов, демографический потенциал которых имеет важнейшее геополитическое значение для страны. Здесь в первую очередь имеются в виду Центральная Россия как колыбель российской государственности, а также Сибирь и Дальний Восток, которые занимают большую часть страны и являются богатейшими источниками самых разнообразных природных ресурсов планетарного масштаба, включая источники чистой воды и пригодной для сельскохозяйственного использования земли. Именно сюда, по нашему мнению, должны быть направлены первостепенное внимание и усилия.

Некоторые предложения к демографической политике

Выделим некоторые основные направления работы по решению проблемы депопуляции, которые будут воздействовать сразу и в сторону увеличения рождаемости, и в сторону снижения смертности и общего оздоровления населения, а также привлекать мигрантов.

1. Система антиалкогольных мероприятий с целью значительного снижения потребления алкоголя:

восстановление госмонополии на производство и торговлю не с целью получения доходов, а для удобства контроля;

запрет всех форм рекламы на алкогольную продукцию;

подъем минимального возраста продажи алкогольной продукции с 18 до 21 года;

значительный (в несколько раз) рост налогов;

ограничение территориальной (в том числе значительное сокращение числа точек продажи) и временной доступности алкогольной продукции;

жесткие административные и уголовные меры против нарушителей антиалкогольного законодательства: большие штрафы, лишение лицензий на торговлю, в том числе за продажу детям алкогольной продукции, приравнять распространение суррогатов к предумышленному причинению тяжкого вреда и убийству граждан и т. д.;

всячески поощрять и поддерживать желание населения видеть территории своего проживания свободными от алкоголя.

Эти меры направлены на преодоление доступности алкоголя — важнейшего фактора алкоголизации населения, однако еще более важную роль должна сыграть широкая антиалкогольная пропаганда. Вопрос ценностей является главным. Трезвость должна стать нормой жизни, по крайней мере, для тех, кто задумывается о будущем своих потомков, народа и страны, поскольку даже самый качественный и чистый этиловый спирт есть наркотический яд (400 мл которого является смертельной дозой), негативно воздействующий на все функции организма и поведение человека. Например, по информации главного санитарного врача РФ Г. Онищенко, в Москве только 7 % алкогольных отравлений приходится на суррогатный алкоголь, а все остальные случаи вызваны передозировкой обычного алкоголя.

Общезвестно его негативное воздействие, как на здоровье и смертность, так и на рождаемость и качество будущих поколений. Алкоголизм и наркомания стоят на первых местах в списке причин разводов, порождают огромное количество социальных сирот, способствуют росту преступности, травматизма, подрывают оборонный и творческий потенциалы страны и т. д. В настоящее время государство не препятствует этому, а только борется со следствиями, вкладывая огромные средства. Такой подход делает бессмысленными и меры по стимулированию рождаемости. Пока не будут ликвидированы черные дыры (алкоголизм и наркомания), куда уходит население, эффект от экономических мер стимулирования рождаемости будет стремиться к нулю.

Предприятия, производящие алкоголь в России, зачастую принадлежат иностранцам и являются оружием в демографической войне и давно проверенным средством зачистки территории от населения, как через повышенную смертность, так и путем скупки по дешевке земли (пример использования «огненной воды» против индейцев в Америке), что уже и происходит в современной России.

Жесткие ограничительные меры, как показывает долговременный опыт стран Северной Европы, приносят отличные результаты: высокий уровень жизни, здоровье и высокую продолжительность жизни, замечательные успехи в спорте, низкий уровень преступности, высокое качество выпускаемой продукции, порядок на улицах и т. д.

Совершенно очевидно, что пьющая страна не может быть процветающей, в том числе и экономически, поскольку огромные средства и время тратятся не просто впустую, а во вред и населению, и государству. По мнению главы Роспотребнадзора РФ Г. Онищенко «России нужна продуманная алкогольная политика, которая бы избавила страну от более чем 300-летнего загула, инициированного Петром Первым», причем такая политика требует не столько финансовых затрат, сколько координации со стороны государства. По его мнению, *без исправления этой ситуации нельзя решить ни проблем демографии, ни проблем здоровья общества.*

Все вышесказанное по поводу алкоголизации населения касается также еще одного легализованного наркотика — табака. Почему в США, где население постоянно растет, в том числе и за счет естественного прироста, смогли существенным образом потеснить табачные корпорации, почему там могут запретить показ детям до 17 лет фильмов со сценами курения, а Россия, понесшая за 15 лет депопуляции людские потери, сопоставимые с потерями во время Второй мировой войны, до сих пор не сделала этого? Подавляющее большинство стран мира подписали рамочную Конвенцию ВОЗ по борьбе против курения табака, которая предусматривает жесткие ограничения вплоть до полного запрета на рекламу табачных изделий, регламентирует содержание смол и никотина в сигаретах, требует, чтобы информация о вреде курения на пачке сигарет, выпущенной в стране, ратифицировавшей Конвенцию, занимала не менее 30 % широкой поверхности, допускает продажу табачных изделий только лицам, достигшим 21 года, предусматривает увеличение цен и налогов на табачные изделия, проведение мероприятий, направленных на снижение числа пассивных курильщиков и пр. Россия никак не могла сделать этого вплоть до 2008 г. ввиду сильнейшего противодействия некоторых министерств, а также табачных компаний, для которых российский рынок очень привлекателен в силу низких налогов на табачные изделия, хотя Конвенцию поддержали 82 % депутатов Государственной думы.

По информации главы Роспотребнадзора Г. Онищенко, в России курят 65 % мужчин и свыше 30 % женщин. При этом более половины из них начинают курить еще в подростковом возрасте. Как отмечал академик РАМН, заместитель председателя комитета Госдумы по охране здоровья Николай Герасименко, «Россия находится на первом месте в мире по курению среди подростков». По данным ВОЗ, 33 % детей и подростков в России являются постоянными курильщиками. Кроме того, 55 % подростков подвергаются воздействию пассивного курения дома и еще больше в общественных местах.

Итак, оценки А. Немцова по алкогольной смертности дают примерно треть всех смертей в России, по оценкам директора НИИ канцерогенеза Онкологического центра им. Блохина Д. Заридзе 375 тысяч россиян ежегодно умирают из-за болезней, вызванных курением, а смертность только от передозировки наркотиков составляет 100 тысяч человек в год (данные Федеральной службы по наркоконтролю РФ). Ежегодная же смертность в России в последние годы держится на уровне примерно 2,3 миллиона человек. Таким образом, примерно половина из этих смертей, свыше 1 миллиона, приходится на триаду: алкоголь, табак, наркотики. Поэтому антинаркотическая, в самом широком смысле, работа может принести быстрые и весьма существенные улучшения демографической ситуации, причем не только за счет снижения смертности, но и, как показывает опыт антиалкогольной компании 1980-х гг., повышения рождаемости, а также улучшения здоровья населения, в том числе будущих поколений.

2. Идеологическая работа по созданию привлекательного образа устойчивой семьи с детьми через средства массовой информации, образовательные программы, рекламу и т. д.

Нужно воспитывать у молодежи ответственное отношение к материнству и отцовству, к продолжению своего рода, в том числе сохранению и укреплению своего здоровья как основы здоровья будущих поколений. Показывать больше положительных, созидательных примеров из жизни.

В связи с этим необходимо в корне пересмотреть политику в отношении СМИ, в первую очередь телевидения как самого массового и доступного, которые стали средством морального разложения общества, внедрения в общественное сознание негативных образцов поведения, как общественного, так и семейного.

Разрушительные образы, тиражируемые масс-медиа, оказывают самое негативное влияние на нашу жизнь и таким образом подрывают безопасность страны, в том числе демографическую. Подобного рода деятельность должна быть пресечена как можно скорее.

Как известно «идеи правят миром», поэтому идеологическая работа является важнейшим направлением, и ее ни в коем случае нельзя отпускать на самотек, чем тут же пользуются идеологические противники. Проигрыш в идеологии рано или поздно приводит к поражению.

3. Демографическая экспертиза законопроектów.

Здесь имеются в виду многочисленные инициативы типа недавнего предложения Минздравсоцразвития о свертывании педиатрической и акушерско-гинекологической служб, коммерциализации здравоохранения, Министерства образования — о введении в школах уроков полового просвещения, которые способствуют заболеваемости венерическими болезнями и делают не способными иметь нормальную семью нашу молодежь, или программ по «противодействию» наркомании, которые ее на самом деле пропагандируют, а также легализации однополых браков, увеличения числа одноразовых доз наркотиков, после которых наступает ответственность, о внедрении дешевой водки, ликвидации надбавок к зарплате для жителей некоторых сибирских областей и множестве других инноваций, часто транслируемых из зарубежных источников.

Принимая решения в сфере экономики, следует самым тщательным образом просчитать, как может отразиться на демографической ситуации, например, вступление в ВТО, реформирование РАО ЕЭС, свободная продажа сельскохозяйственных земель, водных источников и т. д.

4. Развитие села.

Ситуация, когда кормилец страны находится в самом низу социальной лестницы, совершенно ненормальна и опасна для государства и народа. Требуется принятие скорейших мер, так как самые высокие темпы депопуляции плюс миграция в города из-за отсутствия работы и перспектив способствуют обезлюдению и хозяйственному запустению уже освоенных с большим трудом и затратами территорий, включая и

приграничные, в том числе зарастание кустарником и лесом брошенной пашни на огромных территориях. И все это в условиях, когда производство продовольствия в мире сокращается, а его качество ухудшается, в том числе из-за деградации земель в результате антропогенного воздействия, при росте численности населения планеты.

Таким образом, необходимость развития села диктуется сообщениями безопасности как демографической, так и геополитической, продовольственной, культурной и т. д. В конце концов, сельские жители составляют свыше четверти населения России, а в некоторых регионах их доля существенно больше, а кроме того, десятки миллионов людей, формально числясь горожанами, фактически проживают в сельской местности, и они имеют право на достойную жизнь.

Рождаемость на селе традиционно существенно выше, чем в городах, которые уже давно не обеспечивают самовоспроизводство населения, поэтому и результативность вложений здесь будет быстрее и выше.

5. Новая политика расселения.

Ввиду того, что важнейшим негативным последствием депопуляции является утрата контроля за территориями, предлагается использовать давно известный прием для закрепления территорий: наделение земель желающих поселиться и работать на ней. Таким образом очень быстро происходило заселение земель и в Северной, и в Южной Америке. Отечественный опыт также имеет: заселение казаками приграничных территорий вдоль всей южной границы от Украины до Приморья, причем они же осуществляли функцию охраны рубежей страны в обмен на определенные привилегии. Можно также вспомнить и масштабную Столыпинскую реформу, способствовавшую заселению Сибири.

Кроме того, общеизвестно, что важнейшим фактором снижения рождаемости является урбанизация, имеющая массу других негативных последствий. Давно доказано, в том числе в опытах на животных, что при повышенной скученности животные плохо размножаются, сильно возрастает агрессия, сопровождаемая различными извращениями типа убийства и поедания собственных детенышей и пр. При скученности населения также растет агрессия и, соответственно, преступность, и, кроме того, быстро распространяются различные заболевания. А отрыв от природы и помещение человека в искусственную среду делают его слабым, зависимым и восприимчивым к негативным воздействиям. В конце концов, в полном соответствии с мифом об Антее отрыв от земли приводит к гибели.

Поэтому в качестве *главного инструмента решения не только демографических, но и многих других проблем предлагается стимулировать усадебный тип расселения*, чтобы каждый желающий мог построить свой дом на своей земле — родовое гнездо, обустроить ее по своему усмотрению, посадить красивые и полезные деревья и кустарники, сад, завести хозяйство, обеспечить на месте производство свежего и экологически чистого продовольствия для своей семьи. То есть решить проб-

лему продовольственной безопасности как по количеству, так и по качеству на уровне своей семьи. А как известно, качественное питание — важнейший фактор здоровья. В настоящее время по разным причинам подавляющее большинство населения, включая людей с высоким уровнем дохода, обеспечить его не в состоянии.

Кроме того, в своем доме окнами в сад дети будут рождаться более желанными, их жизнь будет счастливее и безопаснее, чем в каменных джунглях больших городов. Дети на земле — помощники для своих родителей, а не непосильная обуза, как в городах, где родители озабочены проблемой, как оградить их от бесцельного времяпрепровождения, чреватого различными пороками. Совместный труд, в том числе и творческий, способствует сплочению семьи, укреплению родственных отношений и, таким образом, повышает устойчивость в трудных жизненных ситуациях. А семейная экономика, по мнению профессора А. Антонова, — ключ к решению демографических проблем России.

Наличие своего дома на своей земле, которая всегда прокормит, в том числе во времена локальных или глобальных кризисов, придаст людям уверенности в своем будущем и будущем своих детей, отсутствие которой в настоящее время является важнейшей причиной отказа от рождения детей.

Для этого нужно выделять в бессрочное наследуемое пользование, не облагаемое никакими налогами, значительные участки земли для всех желающих граждан России. Пустующих земель, включая заброшенную пашню, у нас предостаточно, хватит и теперешним и будущим поколениям. Можно организовывать целые новые поселения, в том числе и на месте покинутых деревень. Желющие найдутся и из числа горожан, которых не удовлетворяет по разным причинам жизнь в городе, и из числа переселенцев из других стран и регионов.

В качестве примера можно привести немцев — бывших граждан СССР, которые выехали в Германию на постоянное место жительства, а теперь хотели бы вернуться в Россию и получить землю под жилищное строительство. Устремившись и обретя западный, «цивилизованный» рай, многие осознали, что вместе с тем потеряли Родину, без чего человек не может быть счастлив в полной мере. Вкусив радости западной цивилизации, они отчетливо поняли, что наркомания, проституция, насилие и пр. — это порождение этой самой пресловутой цивилизации, не говоря уже о таких больших европейских проблемах, как демографическая и экологическая.

Благодаря вовлечению самых широких масс населения в дачное движение обращаться с землей умеют даже те, кто родился и вырос в городах. Глобальное потепление климата будет холодной России на пользу: значительно увеличатся территории, пригодные для сельского хозяйства, вегетационный период и, соответственно, урожайность и набор возделываемых культур. Уже сейчас мы видим активное продвижение теплолюбивых культур на север.

Нужно также разработать проекты недорогих экологически чистых домов из местных строительных материалов, прежде всего дерева, с учетом соответствующих природно-климатических условий и запустить их в массовое производство. Давно пора прекратить практику, когда качественный лес массово вывозится за границу, а россияне, даже в Сибири, не могут купить мебель для дома из натурального дерева и вынуждены довольствоваться вредной для здоровья мебелью из ДСП, сделанной фактически из отходов производства, сдобренных ядовитыми смолами.

Дальнейшая политика может быть направлена на стимулирование развития личных хозяйств, объединения их в кооперативы, решающие комплексные задачи производства высококачественной экологически чистой сельхозпродукции и ее сдачи государству, лесопользования, строительства жилья, развития ремесел и небольших производств и многого другого.

Этот процесс уже стихийно пошел снизу. Количество заявок на выделение земли для строительства индивидуального жилья, особенно в пригородах больших городов, уже превышает возможности. Особенно наглядно этот процесс виден на примере Москвы уже даже из-за океана [Финн, 2007]: сначала в загородные дома переселились богатые, а теперь и средний класс. Те, кто не могут позволить себе коттедж, покупают дома в деревнях или обустраиваются на новых землях.

Массовое строительство индивидуального жилья обязательно с большим участком земли в числе прочего позволит существенно снизить цены на жилье в городах, оживить производство на местах, разгрузить транспортные магистрали. Появится возможность решить экологические проблемы, проблемы безработицы, бедности, преступности, улучшить здоровье и качество жизни населения и многое другое. Радикально изменится весь образ жизни, человек снова вернется на землю, что придаст ему жизненных сил. Таким образом, появляется возможность одновременного решения социальных, экономических и других задач через переход на принципиально новое усадебное расселение и к новым экономичным и здоровым формам жизни. Это даст возможность гражданам России самим не только обеспечивать собственное благополучие, но и создавать надежную материальную базу для своих потомков.

Идея так называемых родовых поместий сможет сплотить общество, потому что, как показывает опыт, желание жить в своем доме на своей земле присуще людям различной этнической принадлежности, вероисповедания, уровня доходов, возраста, политических взглядов и т. д. Таким образом, она может претендовать на роль национальной идеи.

В последнее время эта идея находит все более широкую поддержку у представителей властных структур.

Д. Медведев, курирующий блок национальных проектов и проблемы демографии, на Интернет-конференции в марте 2007 г. оценил идею родовых поместий с выделением каждой семье по гектару земли для жизни и строительства как вполне позитивную и перекликающуюся

с продвигаемыми идеями малоэтажной России. Выступая в феврале 2008 г. на V Красноярском экономическом форуме, Д. Медведев отметил, что решение жилищной проблемы — в смене приоритетов с огромных домостроительных комбинатов на массовое индустриальное производство индивидуальных домов. По его мнению, свой дом и земля — это маленькая родина для каждого гражданина, это и другая психология людей. Проблемы большой семьи можно решить только через индивидуальное малоэтажное строительство.

Представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе А. В. Квашнин, выступая на II съезде строителей Сибири в июле 2007 г. в Красноярске, призвал увеличить темпы строительства жилья в несколько раз и в первую очередь строить индивидуальное жилье, закладывая тем самым основы родового поместья.

Родовое поместье, по его мнению, станет основой сохранения лучших традиций поколений, скрепляя семейные отношения, а также позволит разгрузить перенаселенные города, в том числе за счет переселения старшего поколения, уходящего на пенсию, в более экологически чистые пригородные зоны и высвобождения жилья для молодых членов своей семьи. Родители и дети в свободное от работы и школьных занятий время могут приезжать погостить у бабушки с дедушкой. Для реализации такого уклада жизни у России есть фундаментальное преимущество — колоссальные земельные ресурсы.

Мы видим, что рыночными методами доступное жилье получить никак не удастся. Ипотека остается недоступной для подавляющего большинства, а кроме того, как показывает опыт развитых стран, чревата весьма серьезными проблемами, в том числе принудительным выселением семей за неуплату долгов. Люди, берущие в долг крупные суммы на длительный период, особенно в условиях неопределенного будущего, испытывают хронический стресс, что тоже не способствует укреплению здоровья. И даже если долг будет выплачен, молодая семья, взявшая на себя обязательства в течение длительного времени выплачивать за жилье большие суммы, вряд ли в это время позволит себе иметь более одного ребенка, поскольку расходы на него будут конкурировать с необходимостью выплачивать долги. А откладывающееся рождение второго ребенка может и не реализоваться вовсе, например, по причине ухудшения здоровья или из-за того, что родителям в возрасте уже трудно ломать давно сложившийся уклад жизни.

Поэтому нужно признать, что ипотека не решает демографических задач, и государство, если оно действительно заинтересовано в преодолении депопуляции, должно гораздо активнее действовать в сфере жилищного строительства, тем более что такие возможности имеются. Если, как показывает опыт, бизнес не способен решить задачу массового строительства доступного жилья, возможно, имеет смысл использовать для этой цели госкорпорацию. В любом случае нужна масштабная федеральная программа строительства доступного жилья. Кроме того,

это придаст значительный импульс развитию экономики и социальной сферы.

Составляющие программы демографического развития

Программа демографического развития должна иметь следующие составные части:

идеологическая работа,
обеспечение ресурсами,
организационная поддержка.

Идеологическая работа должна проводиться в контексте формирования новой идеологии образа жизни.

Нужен комплекс идей, определяемых, скажем, лозунгом «Выбираем Жизнь» и нацеленных на преодоление демографического кризиса. Если в том числе с помощью средств массовой информации удастся актуализировать поведенческие стереотипы, работающие на «конструктив» и препятствующие саморазрушению, если через какое-то время после «первого толчка» позитивные механизмы заработают в автоматическом режиме, демографическая ситуация начнет устойчиво меняться к лучшему.

Российское общество остро нуждается сегодня в снижении анонии и повышении солидарности. Есть веские основания полагать, что рост смертности и снижение рождаемости в последние годы — результат чрезмерной атомизации общества, нарушения или «злокачественного перерождения» семейных и других социальных связей. Повышая солидарность и снижая аномию, демографическая политика способна не просто улучшить демографическую ситуацию в стране, она может стать одним из политических инструментов консолидации общества вокруг решения позитивных, жизнеутверждающих задач [Клупт, 2005].

Обеспечение ресурсами должно стать одной из важнейших задач по закреплению населения, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке как важнейших геополитических регионах страны. Для решения этой задачи усилий только региональных властей недостаточно. *Нужна значительная активизация государственной деятельности в различных формах* на этих территориях, включая сферы приоритетных национальных проектов. Необходимо стимулировать производство на местах, прежде всего, для нужд местного населения, в области сельского хозяйства, строительства и производства строительных материалов из местного сырья, развития инфраструктуры и в том числе строительства дорог и т. д. Требуется господдержка развития жизненно важных видов производства на месте с предоставлением налоговых льгот для бизнеса с целью насыщения рынка товарами местного производства. Это позволит создать новые рабочие места, снизит транспортные издержки, повысит налогооблагаемую базу и уровень жизни местного населения.

Важны не только финансовые вложения, но и такие материальные ресурсы как, например, предоставление земли, стройматериалов и пр.

В связи с этим следует обратить внимание на очень важный момент. В последнее время в общественное сознание настойчиво внедряется идея использования земельных участков под строительство жилья и сельскохозяйственного назначения в качестве залога для получения средств на развитие в банках. Как показывает опыт, впоследствии эти земли концентрируются в руках банков, в том числе с иностранным капиталом, что позволит им еще больше взвинтить цены на жилье и продовольствие или вообще законсервировать эти земли и до поры до времени никак их не использовать. Так уже происходит в ряде городов, в которых богатые московские структуры контролируют почти все участки под строительство и не дают работать местным строительным компаниям.

В этом же направлении способна действовать и такая инновация как конкурсное выделение земельных участков под строительство жилья, что само по себе будет способствовать еще большему удорожанию жилья. А кроме того, существует опасность контроля земли посторонними перекупщиками, так как местное население, в том числе предприниматели, не имеют средств, чтобы конкурировать с ними. В результате коренное население может оказаться лишним и чужаками на своей бывшей земле — Родине.

Эти примеры еще раз показывают настоятельную необходимость тщательной демографической экспертизы законопроектов. Нельзя допустить, чтобы земля попала под контроль олигархов или иностранцев — это прямой подрыв национальной безопасности и демографической в частности. Земля, по мнению Столыпина, является единственным источником нашего благосостояния. Причем под благосостоянием мы понимаем не только материальную составляющую, но и эстетическую, психологическую, духовную. Народу, лишенному земли, очень трудно, практически невозможно сохранить себя. *Поэтому мы считаем, что земля не должна свободно продаваться и являться залогом, она всегда должна контролироваться государством и народом.*

Необходима также мобилизация интеллектуальных, информационных и символических ресурсов, влияние которых может быть весьма значительным.

Организационная составляющая должна включать хорошо проработанное законодательное обеспечение.

И в заключение следует сказать, что без смены прозападного политического и социально-экономического курса ни о каком улучшении демографической ситуации не может быть и речи. И власть, несомненно, несет ответственность за все происходящее в стране, в том числе и за депопуляцию, которая является наиболее объективным и комплексным показателем «эффективности» действующей модели экономики.

Вообще, как показывает опыт развитых стран, рынок совсем не приспособлен для решения демографических проблем [Малыгин, 2005].

Поэтому перед лицом реальных демографических угроз давно пора перестать поклоняться ему, а в центре всей политики государства поставить семью с тремя—четырьмя детьми, так как только такая семья способна вытащить Россию из трясины депопуляции. А для этого придется пересмотреть жизненные ценности и приоритеты и сменить сложившийся образ жизни.

Таким образом, власть должна повернуться лицом к национальным интересам и безопасности страны, а демографическая политика должна стоять в центре национальной стратегии России еще весьма длительное время.

Литература к разделу V

Глава 27

Геополитика и национальная безопасность: словарь основных понятий и определений/ РАЕН. М., 1999.

Иностранцы мигранты на сибирском рынке труда/ Под ред. С. В. Соболевой, И. В. Октябрьской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

Медведева И., Шишова Т. Демографическая война против России. Новосибирск: Слово и дело, 2000.

Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. 2004// <http://www.religare.ru/article10942.htm>

Шахотько Л. П., Привалова Н. Н. Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации// Вопросы статистики. 2001. № 7. С. 16—21.

Глава 28

Великий П. Пожилые женщины российского села: условия жизни, роли и статусные позиции в сельском сообществе. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра. 2005.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2005.

Иванов В. Н. Социальное самочувствие россиян// Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2004. № 1. С. 73—79.

Кабалина В. Институты посредничества при трудоустройстве и перспективы политики на рынке труда// Отчеты грантополучателей конкурса «Социальная политика: реалии XXI века». 1999// <http://www.socpol.ru/grantprog/zip/kabal199zip>.

Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001.

Калугина З. И. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики// Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 193—222.

- Калугина З. И., Фадеева О. П.* Перспективы «неперспективных» сельских поселений (сибирские вариации)// ЭКО. 2005. № 7. С. 145—159.
Калугина З. И., Фадеева О. П. Контуры будущего сибирской деревни// Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 141—152.
- Корель Л. В.* Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс// Там же. 2007. № 1. С. 169—185.
- Копач К. В.* Личное подсобное хозяйство сельского населения и его интеграция с общественным производством. М.: ВНИЭТУСХ, 2000.
- Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма. М.: Междунар. отношения, 2004.
- Обзор занятости в России.* Вып. 1: 1991—2000 гг. М.: Бюро экон. анализа, 2002.
- Обследование населения по проблемам занятости.* Август 2007 г. М.: ФСГС, 2007.
- Пациорковский В. В.* Сельская Россия. 1991—2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.
- Перемены в сельской России. 1991—2003: Оценки, подходы, методы.* Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2005.
- Петриков А. В.* Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
- Российский статистический ежегодник.* М.: ФСГС, 2005.
- Серова Е. В., Тихонова Т. В., Храмова И. Г. и др.* Сельская бедность и сельское развитие в России. М.: ИЭПП, 2004.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005: Стат. сб./ Росстат.* М., 2005.
- Тихонова Н. Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях// Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28—41.
- Труд и занятость в России.* М.: ФСГС, 2005.
- Труд и занятость в России.* М.: ФСГС, 2006.

Глава 29

- Бауман З.* Рассказанные жизни и прожитые истории// Социологические исследования. 2004. № 1. С. 5—14.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С.* Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр// Там же. 2004. № 12. С. 17—30.
- Вебер М.* Класс, статус и партия/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 19—38.
- Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.
- Герцог Д.* Классовое общество без классовых конфликтов: об Уильяме Ллоиде Уорнере и развитии стратификационных исследований в Америке/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 68—89.
- Давыдова Н., Седова Н.* Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных// Социологические исследования. 2004. № 3. С. 40—50.

- Дэвис К.* Концептуальный анализ стратификации/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 138—159.
- Калугина З. И.* Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2000. 152 с.
- Нефедова Т. Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
- Никулин А.* Куда селянину податься?!// Досье на цензуру. 2004. № 21 (Народ МРОТ). С. 90—97.
- Овчинцева Л.* Будет ли в ближайшее время решена проблема сельской бедности?!// Там же. С. 111—122.
- Парсонс Т.* Аналитический подход к теории социальной стратификации/ Пер. с англ. В. Чесноковой// Социальная стратификация. Вып. 1/ Под ред. С. А. Белановского. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. С. 114—137.
- Райт Э.* Марксистские концепции классовой структуры/ Пер. с англ. М. Добряковой// Рубеж. 2000. № 15. С. 36—85.
- Саблина С. Г.* Кристаллизация статуса средних слоев в современной России// Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 430—459.
- Сен А.* Развитие как свобода/ Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.
- Тихонова Н. Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. 408 с.
- Уорнер Л.* Социальный класс и социальная структура/ Пер. с англ. О. Лукша// Рубеж. 1997. № 10—11. С. 42—57.
- Фадеева О. П.* Сельский труд: симбиоз формального и неформального// Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 222—252.
- Чинакова Л. И.* Об отличительных признаках бедности// Социологические исследования. 2005. № 1. С. 139—141.
- Штейнберг И.* Сельская «прибедненность», бедность и нищета в социальных сетях межсемейных обменов// Досье на цензуру. 2004. № 21 (Народ МРОТ). С. 80—86.
- Ярошенко С. С.* Бедные в социальной стратификации постсоветской России// Рубеж. 1998. № 12. С. 158—174.
- Ярошенко С. С.* Российское поколение NEXT: границы жизненного успеха молодых селян при капитализме// Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность/ Под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2006. С. 187—195.

Глава 30

- Булдаков В.* Кто виноват? Россия пьет денатурат// Аргументы и факты. 2005. № 21. С. 15.

- Вукулова Т., Латов Ю.* Последствия потребления алкоголя. 2001// <http://www.krugoswet.ru/articles.2001>
- Заиграев Г. Г.* Особенности российской модели потребления некоммерческого алкоголя// Социологические исследования. 2002. № 12. С. 33—41.
- Калинина О.* Чехия оказалась на четвертом месте в Европе по потреблению чистого алкоголя на душу населения. 2004// <http://www.radio.rspu>
- Концепция государственной политики в области производства и оборота алкогольной продукции в Российской Федерации.* Проект. 2003// <http://www.crc.ru/txt/info/alcohol.html>
- Мяков А. И.* Статистические стратегии чувствительных измерений. 2001// isras.ru/Socls/SoclsArticles/2002_01/Miakov.doc
- Немцов А. В.* Алкогольная смертность в регионах России// Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2003. № 78.
- Немцов А. В.* Убойная сила российского пьянства// Природа. 2003. № 12. С. 10—16.
- Осанов Р. Г., Шальнова С. А., Масленникова Г. Я., Деев А. Д.* Роль здорового образа жизни в стратегии охраны здоровья населения// Российские медицинские вести. 2001. Т. 6, № 3. С. 34—37.
- От водки страдает весь мир.* 2007// <http://narcologya.ru/vodka>
- Попович М. В., Глазунов И. С., Потемкина Р. А. и др.* Потребление алкоголя в России. 2001// http://www.cindi.ru/consumption_alcohol_Russia.
- Россия и страны мира.* Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2000.
- Торговля в России.* Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2003.
- Vobak M., McKee M., Rose R., Marmot M.* Alcohol consumption in a national sample of the Russian population// *Addiction*. 1999. V. 94. P. 857—866.
- Evolution of the World Consumption of Alcohol*// http://www.alcovebcom/English/gen-info/711alcohol_healthsociety/
- Hemstrom O., Leifman H., Ramstedt M.* The ECAS Survey on Drinking Patterns and International Guide for Monitoring Alcohol Consumption and Related Harm World Health Organization/ Department of Mental Health and Substance Dependence, Non-communicable Diseases and Mental Health Cluster. 2000. 209 p.
- Leifman H., Ostergerg E., Ramstedt M.* Alcohol in Post-War Europe: a Discussion of Indicators on Consumption and Alcohol Related Harm. European Comparative Alcohol Study (ECAS). Final Report. Stockholm, 2002.
- Makela P.* Impact of Correcting for nonresponse by weighting on estimates of alcohol consumption// *Journal of Studies on Alcohol*. 2003. V. 64, N 4. P. 589—596.
- Norusis M. J.* SPSS Advanced Statistics 6.1. Chicago: SPSS Inc. 1994. 606 p.
- Rehn N., Room R., Edwards G.* Alcohol in European region consumption, harm and Policies. Report. World Health Organization. Regional Office for Europe. 2001. 118 p.
- Saunders J. B.* Defining Beneficial Patterns of Alcohol Consumptions: a Survey of Clinicians/ International Center for Alcohol Policies, 1998. 12 p.

Глава 31

Байков Н. М., Каширина Л. В. (ред.) Детская беспризорность и безнадзорность: состояние и проблемы. Хабаровск: ДАВСГ, 2003.

- Гвоздева Г. П., Коротких М. В., Харченко И. И.* Социальное окружение школьников и опасность приобщения к наркотикам// Регион: экономика и социология. 2004. № 2. С. 79—94.
- Журавлева Л. А.* Факторы и условия наркотизации молодежи// Социологические исследования. 2000. № 6. С. 43—48.
- Журавлева И. В.* Здоровье подростков: социологический анализ. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2002.
- Князев Г. Г., Слободская Е. Р., Харченко И. И.* Отношение студентов к наркотикам: психологические и социальные факторы риска и защиты// Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты/ Отв. ред. Е. А. Коломак, Л. В. Машкина. Вып. 4. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2003. С. 249—272.
- Ланьель Л.* Наркотики и глобализация: неоднозначные взаимоотношения// Международный журнал социальных наук. Глобализация. 1999.
- Лисовский В. Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2000.
- Никольская Л. А.* Зона риска XXI века. 2003// <http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2003/issuel/kult1/php>
- Распространенность* наркологических расстройств в России в 1999—2003 годах. Стат. сборник. М.: Национальный научный центр наркологии Министерства здравоохранения и социального развития РФ, 2004.
- Castilla E. J.* Organizing Health Care: A Comparative analysis of national institutions and inequality over time// International Sociology. 2004. V. 19, N 4. P. 403—435.
- Knyazev G. G., Slobodskaya H. R., Kharchenko I. I., Wilson G. D.* Personality and substance use in Russian youth: The predictive and moderating role of behavioural activation and gender// Personality and Individual differences. 2004. V. 37. P. 827—843.

Глава 32

- Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке/ Пер. с франц. Екатеринбург, 2003. 416 с.
- Бреева Е. Б.* Дезадаптация детей и национальная безопасность России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К*», 2004. 204 с.
- Валлеритайн Дж. В., Келли Дж. Б.* Последствия развода родителей: переживания ребенка в период поздней латентности// Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 361—383.
- Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность// THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107—134.
- Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 152—170.
- Гришина Ю. В.* Социальный приют как временная форма устройства детей, лишенных родительского попечения// Актуальные проблемы семей в России. М.: ИС РАН, 2006. С. 55—73.
- Гурко Т.* Трансформация российской системы устройства детей, лишенных родительского попечения// Там же. 2006. С. 8—20.
- Исупова О. Г.* Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам»)// Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.

- Кон И. Ребенок и общество: Учеб. пособие. М., 1999. С. 297.
- Михеева А. Р. Трансформация института отцовства в контексте модернизации брака и семьи// Россия, которую мы обретаем. Труды Новосибирской социолого-экономической школы/ Ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 638—658.
- Ричардс М. П. М. Развод родителей и дети// Детство идеальное и настоящее. Сборник работ современных западных ученых. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1984. С. 158—158.
- Тарасов А. Аврал у ангелов// Новая газета. 2007. № 27. С. 6—7.
- Шматкевич Т. Ю. «Затмение семьи»: дискуссия во французской социологии// Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 3 (32). С. 157—173.
- Aspor R. A., Behre W. J. Violent and nonviolent children's and parents' reasoning about family and peer violence// Behavioral Disorders. 1997. N 22. P. 231—245.
- Allport G. A psychological approach to the study of love and hate// Personality and Social Encounter: Selected essays. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 199—216.
- Bandura A. Psychological mechanisms of aggression// Aggression: Theoretical and empirical reviews. V. 1/ Geen & Donnerstein (Eds.). New York: Academic Press, 1983. P. 1—40.
- Baron R. A., Richardson D. R. Human aggression. (2nd ed.). New York: Plenum Press, 1994.
- Eckenrode J., Larid M., Doris J. School performance and disciplinary problems among abused and neglected children// Developmental Psychology. 1993. V. 29, N 1. P. 53—62.
- Tremblay R. E., Craig W. M. Developmental crime prevention// Building a safer society: Strategic approaches to crime prevention/ M. Torny, D. P. Farrington (Eds.) Chicago: The University of Chicago Press, 1995. P. 151—236.
- Whitehead L. Sex differences in children's responses to family stress: a reevaluation// Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1979. V. 20. P. 247—254.

Глава 33

- Блок Ф. Роли государства в хозяйстве// Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 569—599.
- Глазьев С. Стратегия и концепция социально-экономического развития России до 2020 года: экономический анализ// <http://www.glazev.ru>
- Гонтмахер Е. Россия 2020: удвоение среднего класса. Почему может не сбыться прогноз Минэкономразвития на ближайшие 13 лет// Российская газета. 2007. 26 июня.
- Греф Г. О. От макроэкономической стабилизации к инновационному развитию// Федеративные отношения и социально-экономическая политика. 2007. № 8.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2004. На пути к обществу, основанному на знаниях. М.: Весь Мир, 2004.

- Дмитриев М.* Россия-2020: демографические вызовы экономическому росту. Доклад на 5-й научной конференции НИСП, Москва, февраль 2007// <http://www.csr.ru>
- Дубин Б. В., Гудков Л. Д., Левинсон А. Г. и др.* Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты/ Отв. ред. С. В. Шишкин/ Независимый институт социальной политики. М., 2004.
- Заславская Т. И.* Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе// *Общественные науки и современность.* 2005. № 3. С. 5—16.
- Колмаков И. Б.* Методы расчета показателей поляризации денежных доходов населения// *Вопросы статистики.* 2007. № 9. С. 28—35.
- Медведев Д.* Выступление на V Экономическом форуме в г. Красноярске// *Российская газета.* 2008. 16 февр.
- Путин В. В.* О стратегии развития России до 2020 года// Там же. 9 февр.
- Римашевская Н. М.* Четыре принципиальных вопроса преодоления бедности в России// *Народонаселение.* 2006. № 2. С. 9—13.
- Россия 2015.* Оптимистический сценарий. М.: ИЭ РАН, ММВБ, 1999.
- Социальное положение и уровень жизни населения России.* М.: ФСГС, 2006.
- Численность и миграция населения РФ в 2003 г.* Стат. бюллетень. М.: ФСГС, 2004.
- Шалманов С.* Россия потеряла от «утечки мозгов» \$ 1 трлн// <http://www.Silicon-taiga.ru>

Глава 34

- Клунт М. А.* Демографическая политика как предмет контент-анализа// <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/01/07/0000201657/016.KLUPT.pdf>
- Костенко-Попова О.* «Русский крест» — в бутылке?// *Аргументы и факты.* 2006. № 22. С. 6.
- Малыгин А. Г.* Механизм депопуляции в условиях рынка рабочей силы// <http://derzava.com/statji/malygin-dep.html>
- Немцов А. В.* Алкогольный урон регионов России. М.: NALEX, 2003.
- Финн П.* Подмосковные дачи становятся местом постоянного проживания// *The Washington Post*// <http://www.inosmi.ru/translation/232869.html>
- Starfield B.* Is US Health Really the Best in the World?// *Journal of the American Medical Association.* 2000. V. 284, N 4. P. 483—485.

Библиография (основные издания Новосибирской экономико-социологической школы за 2003—2007 гг.)

Монографии и главы в монографиях

АРТЕМОВ В. А. Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследований (часть 1: предыстория и 1920—1930-е гг.). Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. 80 с.

БЕССОНОВА О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с. (Серия «Россия. В поисках себя...»).

БЕССОНОВА О. Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. 123 с.

ИНОСТРАННЫЕ мигранты на сибирском рынке труда/ Под ред. С. В. Соболевой, И. В. Октябрьской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 316 с.

КАЛУГИНА З. И., СОБОЛЕВА С. В., ТАПИЛИНА В. С., ЧЕРКАШИНА Т. Ю. Методология и методика оценки социальных параметров при разработке стратегии развития субъекта Федерации// Экономика Сибири в начале XXI века: методология и методика стратегических разработок/ Отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. Гл. 5. С. 166—187.

КОРЕЛЬ Л. В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии, методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005. 424 с.

НЕГАТИВНОЕ потребление среди подростков: социальные и личностные факторы риска и защиты/ Отв. ред. И. И. Харченко. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. 184 с.

РОССИЯ, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы/ Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2003. С. 193—222.

СОЦИАЛЬНАЯ многоликость Сибири в период общественных перемен/ Под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2003. 180 с.

ЧЕРКАШИНА Т. Ю. Экономические статусы супругов: внутрисемейная иерархия/ Под ред. Т. Ю. Богомоловой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. 156 с.

Учебные и методические пособия

БОГОМОЛОВА Т. Ю., САБЛИНА С. Г. Социальная стратификация// Программы обязательных учебных дисциплин на социологическом отделении экономического факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 30—36.

БОГОМОЛОВА Т. Ю., ЧЕРКАШИНА Т. Ю. Социология благосостояния// Программы обязательных учебных дисциплин на социологическом отделении экономического факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 129—137.

ГВОЗДЕВА Г. П. Социально-экономическая статистика// Программы обязательных учебных дисциплин на социологическом отделении экономического факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 55—63.

ЗАСЛАВСКАЯ Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. М.: Дело, 2004. 400 с.

КАЛУГИНА З. И., ФАДЕЕВА О. П. Экономическая социология// Программы обязательных учебных дисциплин на социологическом отделении экономического факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 107—117.

МИХЕЕВА А. Р. Социология семьи// Программы обязательных учебных дисциплин на социологическом отделении экономического факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 100—107.

СОБОЛЕВА С. В. Основы демографии// Программы обязательных учебных дисциплин на социологическом отделении экономического факультета НГУ. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 70—77.

Работы, опубликованные за рубежом

BOGOMOLOVA T., TAPILINA V. Income Mobility as a Mechanism for Transforming Income Inequality// Trends in Macroeconomics Research/ L. Z. Pelzer (ed.). New York: Nova Science Publ., 2005. P. 47—65.

GASKOVA M. The Role of the Russian Orthodox Church in Shaping Political Culture of Russia// The Journal for the Study of Religions and Ideologies. 2004. N 7. P. 111—112.

GVOZDEVA E. Young Women's Leadership and Human Development: Siberian Perspective in a Globalizing World// Value Leadership/ Adel Safty et al. (eds.). Istanbul: University of Bahcesehir, 2003. P. 315—330.

GVOZDEVA E. Leadership and Capacity Building of Young Scientists in Siberia// Ibid. P. 243—267.

GVOZDEVA E. Future after the «End of Work»// Thinking the Future/ Müller van-İbem, Katrin and Stephanie Doetzer. BOD. 2003. P. 139—152.

GVOZDEVA E., GVOZDEVA G., VALIEVA O. Overcoming Rigidity to Innovations in Science: Action Research of Young Leaders in Siberia// The Future of Leadership/ Adel Safty et al. (eds.). Istanbul: University of Bahcesehir, 2005. P. 359—376.

GVOZDEVA G. Poverty in Russia and Use of Work Time/ The paper for the XVI Conference of the International Association for Time Use Research «Time Use:

What's New in Methodology and Application Fields?» (27—29 October, 2004, Roma, Italy). 15 p.// <http://petra1.istat.it/timeuse/index8.htm>

GVOZDEVA G., GVOZDEVA E. Ways of Adaptation and Work time Allocation from Russian Households in the Period of Crisis// Journal of Comparative Family Studies. 2006. V. 37, N 4. P. 563—582.

KALUGINA Z. Institutional Traps in the Agrarian Transformation in Russia// Eastern European Countryside. 2007. N 13. P. 69—82.

KALUGINA Z. I., FADEEVA O. P. Russia// The Handbook of Human Resource Management Policies and Practices in Asia-Pacific Economies. V. 2/ M. Zanko, M. Ngui (eds.). Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Limited, 2003. P. 446—497.

KALUGINA Z. I. Rural labor market in present Russia// Eastern European Countryside. 2005. N 11. P. 19—38.

KALUGINA Z. I., FRANKS J. R., FADEEVA O., DAVYDOVA I. Farm ownership and Management in Russia: A study of the Novosibirsk Region// Journal of Farm Management. 2005. V. 12, N 6. P. 329—350.

KALUGINA Z., SOBOLEVA S., TAPILINA V. Indigenous People of Northern Siberia: Human Capital, Labour Market Participation, and Living Standards// Aboriginal Policy Research. Moving Forward, Making a Difference. V. III/ J. P. White, S. Wingert, D. Beavon, P. Maxim (eds.). Toronto Ontario: Thompson Educational Publishing, INC., 2006. P. 301—317.

MIKHEEVA A. Family Change and New Balance of Family Roles: The Case of Siberia// International Review of Sociology. 2007. V. 17, N 2. P. 343—357.

SOBOLEVA S. V. Economic Migration to Western Siberia// Russian New Southern Border: Western Siberia—Central Asia. London: The International Institute for Strategic Studies, 2003. P. 45—48.

SOBOLEVA S. V. To Save Siberia from Depopulation// Problems of Economic Transition. The «Siberian Curse»: The Book and the Debate/ C. G. Gaddy, F. Hill (eds.). 2006. V. 41, N 11. P. 77—91.

Сведения об авторах

Артемов Виктор Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН). Специалист в области изучения социальных изменений и социального времени.

Бессонова Ольга Эрнестовна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — цивилизационные матрицы, российская цивилизация, раздаточная экономика, интегральная формация, институционально-эволюционная теория, трансформация.

Братюшенко Светлана Вадимовна — младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — экономическая социология, социология предпринимательства, социальная ответственность бизнеса, рынок труда.

Гаськова Марина Ивановна — кандидат социологических наук, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — социология знания, интегральная методология, трансперсональная психология.

Гвоздева Галина Петровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, доцент кафедры общей социологии НГУ. Область научных интересов — развитие человеческого потенциала, междисциплинарное изучение неоплачиваемого труда, математические методы исследования использования времени.

Гвоздева Елена Сергеевна — магистр социологии, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, председатель Совета молодых ученых ИЭОПП СО РАН. Научная проблематика: лидерство молодежи в науке, молодые ученые и инновационное развитие, взаимоотношения науки, бизнеса и государства.

Ермаханова Салтанат Амангельдыкызы — младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов: социокультурные факторы модернизации, ценности, структура сознания.

Заславская Татьяна Ивановна — академик РАН, сопresident Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентр, г. Москва), заведующая кафедрой Московской школы социальных и экономических наук АНХ при Правительстве РФ. Область

- научных интересов: методология социальных наук; общая и экономическая социология, институциональная экономика и социология; социальная транзитология; трансформация социальной структуры посткоммунистических обществ; неправовые социальные практики.
- Калугина Земфира Ивановна** — доктор социологических наук, заведующая отделом социальных проблем ИЭОПП СО РАН, профессор НГУ. Область научных интересов — экономическая социология, аграрная социология, социальная политика, социология трансформаций, рынки труда, экономика знания.
- Комбаров Вячеслав Юрьевич** — аспирант, младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Сфера научных интересов — социальные процессы, структуры и институты, феноменология отчуждения, психология личности, психология творчества.
- Корель Людмила Васильевна** — доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Специалист в области экономики и социологии народонаселения (рынки труда, процессы адаптации и миграции).
- Лаврусевич Полина Евгеньевна** — аспирант, младший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Сфера научных интересов — экономическая социология, рынок труда, социальные сети, математические методы в социологии.
- Михеева Анна Рэмовна** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, доцент кафедры общей социологии НГУ. Научная проблематика — современное состояние и трансформация социальных институтов брака, семьи, родительства.
- Новохацкая Ольга Викторовна** — научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — повседневная деятельность женщин, гендерные различия в использовании времени.
- Октябрьская Ирина Вячеславовна** — доктор исторических наук, заведующая сектором исторической этнологии и мониторинга Института археологии и этнографии СО РАН. Область научных интересов — историческая этнография.
- Саблина Светлана Геннадьевна** — кандидат социологических наук, зам. декана экономического факультета по отделению социологии НГУ. Область научных интересов — коммуникация, общественное мнение, социальная стратификация, средний класс, бедность.
- Смирнова Наталья Евстафьевна** — научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — социальная этнография и демография, человеческий потенциал диаспор.
- Соболева Светлана Владимировна** — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — социальная демография, миграция населения, демографическая и миграционная политика.
- Тапилина Вера Сергеевна** — старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — социально-экономическая

стратификация; социальные последствия экономического неравенства; социальная политика.

Фадеева Ольга Петровна — старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, старший преподаватель кафедры общей социологии НГУ. Область научных интересов — проблемы экономики сельской семьи, сельский рынок труда, аграрная социология.

Харченко Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Специалист в области социологии образования и социологии молодежи.

Черкашина Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, заведующая кафедрой общей социологии НГУ. Область научных интересов — социальная стратификация, экономика домохозяйства, субъективное измерение материального благосостояния и качества жизни.

Чудаева Ольга Владимировна — научный сотрудник ИЭОПП СО РАН. Область научных интересов — демография, миграция населения.

Научное издание

**РОССИЯ И РОССИЯНЕ В НОВОМ СТОЛЕТИИ:
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ**

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Редактор *Н. А. Ливищ*

Технический редактор *Н. В. Бутакова*

Корректор *И. В. Беспаленко*

Подписано в печать 9.10.2008.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 52,5. Усл. печ. л. 46,9.

Тираж 850 экз. Заказ № 229

Издательство СО РАН

630090, Новосибирск, Морской просп., 2

E-mail: psb@ad-sbras.nsc.ru

тел. (383) 330-80-50

Интернет-магазин Издательства СО РАН

<http://www.sibran.ru>